

«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху

«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху

Данный сборник объединяет научные статьи, затрагивающие вопросы происхождения, хронологии и распространения античных импортов, обнаруженных при раскопках греческих и варварских памятников широкого географического ареала – от предгорий Кавказа до Дуная, и далее на запад – до Том и Восточных Карпат; от Южного Причерноморья до Среднего Дона. Отдельный блок составляют работы, освещающие сложности локализации некоторых серий остродонных амфор и клейм. Важную часть сборника занимают статьи по вопросам «малой» эпиграфики: граффити и клейм.

Сборник посвящен 70-летию признанного авторитета отечественного антиковедения, крупного специалиста в области изучения тарных амфор – Сергея Юрьевича Монахова.

ISBN

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
Институт археологии и культурного наследия

«ОТ КАВКАЗА ДО ДУНАЯ»:
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Сборник научных трудов к 70-летию
профессора Сергея Юрьевича Монахова

Саратов
2022

УДК [94+902](4-11)|652|+929Монахов
ББК 63.3(45)+63.4(45)
О 80

Главный редактор:
д-р ист. наук А.П. Медведев (Воронеж)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук А.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург),
д-р ист. наук Ю.А. Виноградов (Санкт-Петербург),
канд. ист. наук Е.В. Кузнецова (Саратов),
канд. ист. наук И.И. Марченко (Краснодар),
канд. ист. наук Д.Е. Чистов (Санкт-Петербург),
канд. ист. наук Н.Б. Чурекова (Саратов)

Editor-in-Chief:
Prof. A.P. Medvedev (Voronezh)

Editorial Board:
Prof. A.Yu. Alekseev (Saint-Petersburg), Prof. Yu.A. Vinogradov (Saint-Petersburg),
Dr. D.E. Chistov (St. Petersburg), Dr. N.B. Churekova (Saratov),
Dr. E.V. Kuznetsova (Saratov), Dr. I.I. Marchenko (Krasnodar)

О 80 **«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху.** Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова. – Саратов: Амирит, 2022. – 496 с.

“From the Caucasus to the Danube”: the Northern Black Sea Region in antiquity. Collection of scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Professor S.Yu. Monakhov. Saratov: Amirit, 2022. – 496 p.

ISBN 978-5-00207-045-9

Данный сборник объединяет научные статьи, затрагивающие вопросы происхождения, хронологии и распространения античных импортов, обнаруженных при раскопках греческих и варварских памятников широкого географического ареала – от предгорий Кавказа до Дуная, и далее на запад – до Том и Восточных Карпат; от Южного Причерноморья до Среднего Дона. Отдельный блок составляют работы, освещающие сложности локализации некоторых серий остродонных амфор и клейм. Важную часть сборника занимают статьи по вопросам «малой» эпиграфики: граффити и клейм.

Сборник посвящен 70-летию признанного авторитета отечественного антиковедения, крупного специалиста в области изучения тарных амфор – Сергея Юрьевича Монахова.

В оформлении обложки использована репродукция карты “Nova et accurata Tartariae Europae seu Minoris et in specie Crimeae Delineatio Geographica, cum omnibus circa Pontum Euxinum et Paludem Maeotidem jacentibus Provinciis, manu et sumtibus Matthae Seutteri” из свободного источника.

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.Г. Абрамзон*
кандидат исторических наук *Б.А. Раев*

УДК [94+902](4-11)|652|+929Монахов
ББК 63.3(45)+63.4(45)

ISBN 978-5-00207-045-9

© Саратовский государственный
университет, 2022

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ МОНАХОВ
АФИНЫ. АКРОПОЛЬ. 2007 ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	11
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О С.Ю. МОНАХОВЕ	15
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА МОНАХОВА	33
АЛЕКСЕЕВ А.Ю. (Санкт-Петербург) Писистрат Чертомлыкский. К истории одного амфорного клейма.....	41
BUZOIANU L. (Constanța) Herakleian amphorae with stamps from Dobruja	49
БУТЯГИН А.М. (Санкт-Петербург) Фрагменты гарных амфор из раскопок Павловского кургана.....	59
ВИНОГРАДОВ Ю.А. (Санкт-Петербург) О составе керамического комплекса поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму.....	72
ГРУМЕЗА Л., КОЖОКАРУ В. (Яссы) «В тени Рима»: несколько замечаний о народах и римских находках в районе Восточных Карпат	80
DUPONT P. (Lyon) Jars of Lesbian types from the Clazomenian necropolis of Abdera. Preliminary determination of origin.....	97
ЕГОРОВА Т.В., ЖУРАВЛЁВ Д.В. (Москва) О двух медальонах на эллинистических «каленских чашах» из Пантикапея	108
ЕГОРОВА Т.В., ИЛЬИНА Т.А., ИЛЬЯШЕНКО С.М. (Москва) Об одном уникальном сосуде из раскопок памятника археологии «Усадьба Воскресенское 2»	116
ЕФРЕМОВ Н.В. (Штральзунд), КОЛЕСНИКОВ А.Б. (Москва), БОЛОНКИНА Е.В. (Керчь) Примечания к синопским фабрикантским керамическим клеймам I (клейма с титулом κεραμεύς)	127
ЖИТНИКОВ В.Г. (Ростов-на-Дону) Курган IV в. до н.э. Ливенцовского могильника	164
ЗАВОЙКИН А.А. (Москва), ПАВЛИЧЕНКО Н.А. (Санкт-Петербург), ЧАШУК М.С. (пос. Сенной) Еще один подвал на акрополе Фанагории (вопросы хронологии)	180

CASTELLI T. (Paris)	
Iphis, from amphora stamp to Sinopean myth	199
КАЦ В.И. (Саратов)	
Керченская селёдка на сайте, посвященном греческим амфорам и клеймам	203
КОВАЛЕНКО А.Н. (Ростов-на-Дону)	
Кровельная черепица из материалов Елизаветовского городища на Дону	213
КОЛТУХОВ С.Г. (Симферополь)	
Крымские погребения группы "КК" в классический период	224
КУЗНЕЦОВА Е.В.,	
ЧУРЕКОВА Н.Б. (Саратов)	
Античное сельское поселение «Тамань 3»:	
предварительные итоги исследований 2015–2021 гг.	238
LAWALL M.L. (Canada)	
Virginia Grace and Joseph Brashinsky on Samian amphoras	252
ЛИМБЕРИС Н.Ю.,	
МАРЧЕНКО И.И. (Краснодар)	
Комплексы с амфорами «Прикубанской» серии	
из могильников городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 3	268
ЛОМТАДЗЕ Г.А. (Москва)	
Транспортные амфоры и их фрагменты	
из раскопок поселения «Ахтанизовская 4»	283
LUNGU V. (București)	
Tomis, un etablisement grec a l'ouest du Pont Euxin.....	302
LUND J. (Copenhagen)	
A comparative study of the Rhodian and Knidian	
fabricants in the 2 nd century BC	316
МАТЕРА М. (Варшава),	
НАУМЕНКО С.А. (Ростов-на-Дону)	
О ёмкости родосских амфор, их стандартизации	
и объёме родосского импорта в Танаис	326
МЕДВЕДЕВ А.П. (Воронеж)	
Античный импорт в варварском мире:	
опыт классификации по происхождению	
(на материалах из курганов лесостепного Дона)	344
НОВИЧЕНКОВА Н.Г. (Ялта)	
Терракотовая маска с изображением Диониса	
из святилища у перевала Гурзуфское Седло	354
РЯБКОВА Т.В. (Санкт-Петербург)	
Восточно-греческая керамика в материалах	
поселения Тарасова Балка в Закубанье	362

СЕКЕРСКАЯ Н.М. (†), БРУЯКО И.В. (Одесса) Чернолаковая керамика из раскопок городища Каргал на Нижнем Дунае.....	376
СТОЯНОВ Р.В. (Москва) Несколько замечаний о контексте находок транспортных амфор из раскопок херсонесского некрополя, проводившихся под руководством ИАК.....	393
STOYANOV T. (Sofia) New data about the Mesambrian early Hellenistic amphorae with the stamps in the name of ΑΝΤΙΦΙΛΟΣ.....	399
УШАКОВ С.В. (Севастополь) Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из Херсонеса: основные проблемы изучения.....	408
FILIS K. (Patras) Amphoras at the Parthenos sanctuary (Neapolis – Kavala): economy and cult the presence of transport containers.....	425
ЧИСТОВ Д.Е. (Санкт-Петербург) Клейма на «протофасосских» амфорах в позднеархаических контекстах Березанского поселения.....	441
ШАШЛОВА Т.Ю. (Саратов) Местное население в греческих полисах Южного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э.	451
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В. (Москва) Мраморная чаша с надписью из Херсонеса.....	462
ЯЙЛЕНКО В.П. (Москва) Заметки к сводам ольвийских граффити.....	467

CONTENTS

ABBREVIATIONS.....	11
A FEW WORDS ABOUT S.YU. MONAKHOV	15
LIST OF PUBLICATIONS BY SERGEY YURYEVICH MONAKHOV	33
ALEKSEEV A.Yu. (St. Petersburg) Magistrate Peisistratos of Chertomlyk barrow. To the history of one amphora stamp.....	41
BUZOIANU L. (Constanța) Herakleian amphorae with stamps from Dobruja	49
BUTYAGIN A.M. (St. Petersburg) Fragments of trade amphorae from the excavations of the Pavlovsky barrow	59
VINOGRADOV Yu.A. (St. Petersburg) On the composition of the pottery complex of the Fountain 6 settlement in Eastern Crimea	72
GRUMEZA L., COJOCARU V. (Iași) “In the shadow of Rome”: some remarks on the gentes and the Roman finds in the Eastern Carpathian area.....	80
DUPONT P. (Lyon) Jars of Lesbian types from the Clazomenian necropolis of Abdera. Preliminary determination of origin.....	97
EGOROVA T.V., ZHURAVLEV D.V. (Moscow) About two medallions on hellenistic “calena bowls” from Pantikapaion.....	108
EGOROVA T.V., IL’INA T.A., IL’YACHENKO S.M. (Moscow) About one unique vessel from the excavations of the archaeological monument “Manor Voskresenskoye 2”	116
JEFREMOW N.V. (Stralsund), KOLESNIKOV A.B. (Moscow), BOLONKINA E.V. (Kerch) Notes to Sinopean fabricant ceramic stamps I (stamps with the title κεραμεύς).....	127
ZHITNIKOV V.G. (Rostov-on-Don) The 4 th century BC kurgan of the Liventsovsky burial ground.....	164

ZAVOYKIN A.A. (Moscow), PAVLICHENKO N.A. (St. Petersburg), CHASHUK M.S. (vil. Sennoy)	Another basement on the acropolis of Phanagoria (questions of chronology).....	180
CASTELLI T. (Paris)	Iphis, from amphora stamp to Sinopean myth	199
KATS V.I. (Saratov)	Kerch herring on the website dedicated to Greek amphorae and stamps.....	203
KOVALENKO A.N. (Rostov-on-Don)	Roof tiles from the materials of the Elizabethian settlement on the Don	213
KOLTUKHOV S.G. (Simferopol)	Crimean burials of the “KK” group in the classical period	224
KUZNETSOVA E.V., CHUREKOVA N.B. (Saratov)	The ancient rural settlement of “Taman 3”: the preliminary results of research 2015–2021.....	238
LAWALL M.L. (Canada)	Virginia Grace and Joseph Brashinsky on Samian amphoras	252
LIMBERIS N.Yu., MARCHENKO I.I. (Krasnodar)	Assemblages with amphorae of the “Kuban” series from the burial grounds of the settlements of Starokorsunskaya no. 2 and Lenin farm no. 3	268
LOMTADZE G.A. (Moscow)	Transport amphorae and their fragments from the excavations of the settlement “Akhtanizovskaya 4”	283
LUNGU V. (București)	Tomis, un établissement grec a l’ouest du Pont Euxin.....	302
LUND J. (Copenhagen)	A comparative study of the Rhodian and Knidian fabricants in the 2 nd century BC.....	316
MATERA M. (Warsaw), NAUMENKO S.A. (Rostov-on-Don)	About the capacity of Rhodian amphorae, their standardization and the volume of Rhodian imports to Tanais.....	326
MEDVEDEV A.P. (Voronezh)	Ancient import in the barbarian world: an effort in typology by origin (based on materials from forest steppe Don barrows)	344
NOVICHENKOVA N.G. (Yalta)	Terracotta mask with the image of Dionysus from the sanctuary at the Gurzuf Saddle pass	354

RYABKOVA T.V. (St. Petersburg) East Greek pottery in the materials of the Tarasova Balka settlement in Zakuban'e	362
SEKERSKAYA N.M. (†), BRUYAKO I.V. (Odessa) Black-glazed pottery from the excavations of the Kartal settlement on the Lower Danube	376
STOYANOV R.V. (Moscow) A few remarks about the context of the transport amphorae' finds from the excavations of the Chersonesos necropolis, conducted under the leadership the leadership of the IAC	393
STOYANOV T. (Sofia) New data about the Mesambrian early Hellenistic amphorae with the stamps in the name of ANTIΦΙΛΟΣ	399
USHAKOV S.V. (Sevastopol) Gray-clay ceramics with black coating from Chersonesos: the main problems of studying.....	408
FILIS K. (Patras) Amphoras at the Parthenos sanctuary (Neapolis – Kavala): economy and cult the presence of transport containers.....	425
CHISTOV D.E. (St. Petersburg) Stamps on “protothasian” amphorae in the late archaic contexts of the Berezan settlement.....	441
SHASHLOVA T.YU. (Saratov) The local population in the Greek poleis of the southern Black Sea region in the 6 th –4 th centuries BC	451
SHELOV-KOVEDYAEV F.V. (Moscow) Inscribed marble bowl from Chersonesos Taurica	462
YAILENKO V.P. (Moscow) Notes on the corpora of Olbia Pontica.....	467

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	Археологические вести. СПб.
АГСП	Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.
АДИУ	Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	Античная древность и Средние века. Екатеринбург.
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
АнМ	Анапский археологический музей. Филиал Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.
АН СССР	Академия наук СССР.
АО	Археологические открытия. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БАСК	Башкирская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Уфа.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БМ	Белгород-Днестровский краеведческий музей.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
БЧ	Боспорские чтения. Керчь.
ВГПИ	Воронежский государственный педагогический университет.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВКАЭ	Востоchnокрымская археологическая экспедиция.
ВКИКМЗ	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь.
ВолГУ	Волгоградский государственный университет.
ФГН НИУ ВШЭ	Факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики». М.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ГАИМК	Государственная Академия Истории Материальной Культуры. М.; Л.
ГАХ	Граффити античного Херсонеса. Киев. 1978.
ГИАМЗ ХТ	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический». Севастополь.
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
ГЛБО I, II	Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. ВДИ. 1980. № 2 (ГЛБО I, 72–99); № 3 (ГЛБО II, 75–116).
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
ГОП	Русяева А.С. <i>Граффити Ольвии Понтийской</i> . Симферополь, 2010.
ГЭ	Государственный Эрмитаж. СПб.
ДАС	Донецкий археологический сборник.
Датирование	Яйленко В.П. Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем. https://vk.com/wall-89387668_1694?api_access_key=a188826bfbde1618f1 ; https://www.academia.edu/48906817 .
ДБ	Древности Боспора. М.
ЕКМ	Евпаторийский краеведческий музей.
ЗИИМК	Записки Института истории материальной культуры. СПб.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН УССР	Институт археологии Академии наук УССР. Киев.
ИАК	Известия археологической комиссии. СПб.
ИАКр	История и археология Крыма. Симферополь.
ИА РАН	Институт археологии Академии Наук России. М.
ИАР	Историко-археологический резерват «Сборяново».
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.; М.

ИИМК РАН	Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук России. СПб.
ИРОМК	Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
КБН	Корпус боспорских надписей (Corpus inscriptionum regni Bosporani (CIRB) / Струве В.В. (ред.). М.; Л., 1965.
КМ	Керченский музей.
КрМ	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына.
КСИА	Краткие сообщения института археологии академии наук СССР. М.
КСИА АН УССР	Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
Л.	Ленинград.
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
М.	Москва.
МАР	Материалы по археологии России. СПб.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МБУК	Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ялтинский историко-литературный музей».
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: КубГУ.
НАВ	Нижеволжский археологический вестник. Волгоград.
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НИЦ	Национальный исследовательский центр.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
НО	Надписи Ольвии. Л.
ОАК	Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
ОАМ	Одесский археологический музей.
ОХБ	Яйленко В.П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб., 2017.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск.
РА	Российская археология. М.
РАН	Российская Академия Наук. М.
РАО	Русское археологическое общество.
РГПИ	Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. СПб.
РХГА	Русская христианская гуманитарная академия. СПб.
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
СГСПУ	Самарский государственный социально-педагогический университет.
СГУ	Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
СКЧП	сероглиняная керамика с чёрным покрытием.
СПб.	Санкт-Петербург.
ССПК	Старожитности Степового Причерноморья і Криму. Запоріжжя.
ТБР	Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.
УЗ МарГПИ	Учёные записки Марийского Государственного Педагогического Института им. Н.К. Крупской. Историко-филологический факультет. Йошкар-Ола.
ФМД	Феодосийский музей древностей.
ХС	Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦАВарх	Центр античной и восточной археологии.

AA	Archäologischer Anzeiger. B.
ABSA (BSA)	Annual of the British School at Athens. L.
ACSS	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
AJA	American Journal of Archaeology. N.Y.
AJAH	American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.).
AM	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. B.
ArchEph	Archaïologikē Ephēmeris. Athens.
ASCSA	American School of Classical Studies at Athens.
AvP	Altertümer von Pergamon. B.
B.	Berlin.
BABesch	Bulletin van de Vereeniging tot Bevordering der Kennis van de Antieke Beschaving te.'s-Gravenhage.
BAR	British Archaeological Reports. L.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. P.
BSS	Black Sea Studies. Aarhus.
Bull. ép.	Bulletin épigraphique, dans Revue des études grecques.
CAA	Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology.
CVA	Corpus Vasorum Antiquorum.
CRAI	Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.
CRFB	Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum.
DAI	Deutsches Archäologisches Institut. B.
DNP	Der Neue Pauly. Stuttgart.
EA	Epigraphica Anatolica. Bonn.
EAD	Exploration Archéologique de Délos. P.
EurAnt	Eurasia Antiqua.
FHDR	Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. Bucharest.
HGIÜ	Brodersen K., Günther W., Schmitt H.H. Historische griechische Inschriften in Übersetzung (Texte zur Forschung. Bd. 71). Bd. III: Der griechische Osten und Rom (250–1 v. Chr.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1999.
HGSOE 1	F. Mitthof et al. (Hgg.). Handbuch zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 1: Herrschaft und Politik in Südosteuropa von der römischen Antike bis 1300. Berlin; Boston.
IAC	Imperial Archaeological Commission.
IARPotHP	International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Wien.
IG	Inscriptiones Graecae. Berolini.
IGBulg	Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae.
IOSPE	Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropolis.
IScM I	Pippidi D.M. Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae. Vol. 1. Inscriptiones Histriae et vicinia. Bucharest, 1983.
ISM I	D.M. Pippidi. Inscriptiones Scythiae Minoris. Graecae et Latinae. Histria și împrejurimi, București, 1983.
ISM II	I. Stoian. Inscriptiones Scythiae Minoris. Graecae et Latinae. Tomis și teritoriul său, București, 1987.
IstForsch	Istanbuler Forschungen. Tübingen.
IstMitt	Istanbuler Mitteilungen.
IstRom I ² , II ²	Istoria Românilor. Vol. I. Moștenirea timpurilor îndepărtate / ed. D. Protase, A. Suceveanu (eds.). București, 2010.
JhKlPh.	Jahrbücher für Klassische Philologie. Leipzig.
JNES	Journal of Near Eastern Studies.
JRS	Journal of Roman Studies. L.
L.	London.
LGPN	Lexicon of Greek Personal Names. Oxf.

LIMC	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich.
LSJ	A Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones (eds.). Oxf., 1968.
MatCercA	Materiale și Cercetări Arheologice.
MBAH	Marburger Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen.
MDAI(R)	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Tübingen.
N.Y.	New York.
Oxf.	Oxford.
P.	Paris.
PATABS	Production and Trade of Amphorae in the Black Sea.
PF	Pergamenische Forschungen. B.
PGM I	Papyri Graecae magicae // Preisendanz K. (Hrsg.). Bd. I. Stuttgart, 1973.
PGM II	Papyri Graecae magicae // Preisendanz K. (Hrsg.). Bd. II. Stuttgart, 1974.
R.	Rome.
REA	Revue des Études Anciennes. Bordeaux.
REG	Revue des Études Grecques. P.
RhM	Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt am Main.
SB B	Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. B.
SCIV	Studii și cercetari de istorie veche. București.
SCO	Studi classici e orientali. Pisa.
SEAT	Studien zur Eisenzeitlichen Archäologie Thrakiens.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Amsterdam.
s.v.	specta verbum.
Syll. ³	Sylloge Inscriptionum Graecarum / W. Dittenberger (ed.). Leipzige. 1915. Vol. II.
TLG	Thesaurus linguae Graecae (электронный ресурс).
VA	Varia Anatolica. P.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О С.Ю. МОНАХОВЕ

Описание жизненного и творческого пути любого незаурядного человека – задача не из легких. Особенно если это делается в попытке сохранить в тайне готовящийся подарок, который вы, дорогие читатели, сейчас держите в руках. Повышенная секретность автоматически лишает возможности уточнить у юбиляра какие-то не слишком известные нам детали. А жизнь его столь насыщена и разнообразна, что изложить её в строгой последовательности и ничего не исказить довольно сложно. Редакционная коллегия занялась этим вопросом полным составом, решив представить становление и развитие дорогого юбиляра серией небольших эссе, связанных общей темой – знакомство и дальнейшая дружба с Сергеем Юрьевичем. Поэтому мы попросили друзей и коллег поделиться своими воспоминаниями, дабы повествование получилось более полным и эмоциональным. Итак...

Родился Сергей Юрьевич Монахов 21 августа 1952 года в славном городе Ростове-на-Дону и, хотя прожил там всего 4 месяца, считает его своей малой Родиной. После переезда родителей в том же году в Саратов, вся жизнь его была связана с этим волжским городом. Его отец – Юрий Федорович – не попав по возрасту на фронт, получил техническое образование и всю свою жизнь посвятил работе на Приволжской железной дороге. Мать – Клара Петровна (урожденная Козлова) – закончила филологический факультет, но проработала недолго, посвятив себя семье и воспитанию троих детей.

История семьи Монаховых столь же запутана и разнообразна, как судьбы многих семей нашей необъятной Родины. Она связана и с историей донского казачества – здесь и полуполюгенда-полубыль о привезенной прапрадедом жене-черкешенке, и переселившиеся в Покровск в конце XVIII столетия при Екатерине Великой родичи-украинцы по фамилии Пискун и многие другие рассказы, передаваемые в семье из поколения в поколение.

Будучи обычным советским мальчишкой, юный Серёжа прошёл множество кружков и спортивных секций в поисках интересных занятий. Было и цирковое искусство, и игра на балалайке, и моделирование самолетов, и многое-многое другое. Но истинное увлечение, появившееся однажды и сохранившееся на всю жизнь, возникло после знакомства с Книгой, с печатным словом. Довольно рано он стал завсегдатаем местной районной библиотеки, в которую его вскоре стали впускать беспрепятственно и безнадзорно, увидев истинную страсть мальчика к чтению. Библиотека была не очень большой, поэтому быстро справившись с детской, приключенческой и классической литературой, Сергей Юрьевич добрался до Большой Советской Энциклопедии, которую тщательно и досконально изучил. А в 9-м классе он получил прозвище «пан Философ» за прочтение «Анти-Дюринга». Юбиляр как-то признался, что практически ничего не понял из написанного, но честно прочёл книгу до конца.

Уже в старших классах Сергей знал, что будет поступать на исторический факультет Саратовского университета. Под влиянием прочитанного (особенно часто им упоминаются книги В.Л. Янина «Я послал тебе бересту...» и Г.Б. Фёдорова «Дневная поверхность»), он был убежден, что будет заниматься археологией... древней Руси! Но у Вселенной были другие планы.

Придя подавать документы в приёмную комиссию, будущий профессор столкнулся в коридоре с молодым человеком, которого принял за аспиранта и поинтересовался, какие дополнительные возможности имеются для поступления на дневное отделение. В ответ же получил лишь сухую официальную версию деканата. Да и какую ещё версию мог предоставить секретарь приёмной комиссии факультета, должность которого в тот год занимал Владимир Ивано-

вич Кац, и на которого С.Ю. повезло наткнуться. С.Ю. не набрал достаточного количества баллов для поступления на дневное отделение, поэтому, принципиально сдав повторно все вступительные экзамены (хотя этого не требовалось), начал обучение на вечернем отделении исторического факультета.

Сразу стало очевидно, что заниматься древнерусской, славянской археологией ему не удастся по очень простой причине – на факультете отсутствовали специалисты этого научного направления. Стремление к познанию древности переориентировалось на античный период. Неподдельный интерес и азарт студента не остался без внимания В.И. Каца, который, помимо преподавания на вечернем отделении, занимал должность заместителя декана по вечернему и заочному обучению и своевременно поспособствовал переводу С.Ю. на дневного отделения. По его же рекомендации после первого курса Сергей Монахов отправился в Тарханкутскую экспедицию ЛОИА. Пожалуй, именно это событие, потянувшее за собой целую вереницу встреч и знакомств, сыграло наиважнейшую роль в окончательном выборе специализации. Уже будучи студентом С.Ю., по его собственным уверениям, убедился, что изучение амфорной тары является одним из наиболее перспективных научных направлений в античном археологическом источниковедении. Время показало, что он не ошибся в своём выборе. А с Владимиром Ивановичем, ставшим учителем и наставником нашего героя, в дальнейшем на долгие годы связала настоящая дружба и совместное научное творчество. Десятки экспедиций, походов по горному Крыму, командировок в музейные фонды...

Тарханкутская экспедиция ЛОИА, крупнейшая в те годы античная экспедиция в Советском Союзе, была настоящей кузницей кадров. Из неё вышли десятки прекрасных специалистов, успешно исследующих археологические памятники Северного Причерноморья. Многие из них со временем возглавили собственные экспедиции и воспитали плеяду учеников и последователей. Разумеется, подобная масштабная междисциплинарная исследовательская база не могла не привлекать и учёных, в том числе начинающих, и из смежных областей археологического знания, стремящихся расширить свой научный кругозор. Среди таких искателей нового был и Александр Павлович Медведев, доктор исторически наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, но, главное, соратник и давний друг Сергея Юрьевича. Впрочем, Александр Павлович сам поведал нам историю своих встреч с юбиларом.

«С Сергеем Юрьевичем Монаховым я знаком вот уже почти полстолетия. Вначале его имя я нередко слышал от своей супруги Татьяны Старцевой, которая занималась тогда чернолаковой керамикой и работала в Тарханкутской экспедиции ЛОИА. В 1976 г. я собрался и на Ту-134 полетел в Крым, где в аэропорту пересел на кукурузник, после долгой болтанки приземлившись на аэродроме в пгт. Черноморское. От Панского, где работала экспедиция, нас отделял лиман, и дорога по суше заняла бы немало часов. Мы решили идти напрямую по воде, которая иногда была выше пояса, и вскоре оказались в лагере экспедиции Александра Николаевича Щеглова. После первых знакомств и купания в абсолютно прозрачном море, мы с Сергеем надолго засели в палатке старожила экспедиции – Владимира Ивановича Каца. Надо сказать, что это было весьма примечательное сооружение – небольшая старая брезентовая палатка без дна. Вместо него было выкопано квадратное углубление в грунте в глубину сантиметров на 30 – вроде бы от жары. Но оно же притягивало множество мух, которые нам немало досаждали. Итак, мы засели в этом углублении. Я привез из Шуи трехлитровую банку только что замаринованных лисичек и, разумеется, жидкий гостинец в немалом количестве. Начался своеобразный тарханкутский симпозион, который затянулся до полуночи. Говорили много, в основном об археологии. Где-то в полночь в палатку заглянул Александр Николаевич и поинтересовался: что мы делаем? Но, приняв одну чарку, он как-то незаметно исчез. На следующее утро, возвращаясь с купанья, мы

столкнулись с ним нос к носу. Он сказал всего одно фразу: «А как ты здесь оказался»? Вот так я впервые попал в Тарханкутскую экспедицию и познакомился с Сергеем Монаховым.

Вторая встреча была более продолжительной и драматичной. Совершенно неожиданно защиты наших кандидатских диссертаций в ЛОИА назначили на один день – 21 декабря 1983 г. При этом, если Сережа в ЛОИА был своим человеком, то меня руководство ИА АН СССР неожиданно направило для защиты в Ленинград, где был совет по кандидатским диссертациям. И это при том, что я уже благополучно «обсудился» в скифо-сарматском секторе и мне даже в Москве назначили оппонентов – Дмитрия Борисовича Шелова и Ирину Петровну Засецкую. Когда я явился с этим назначением в кабинет к Председателю Диссертационного Совета Вадиму Михайловичу Массону, мне было как-то беспокойно. Но он отнёсся ко всему этому нормально и обрадовал меня, что защита состоится в один день с С.Ю. Монаховым.

С нашей защитой с самого начала всё пошло не так. За день до неё погибла супруга учёного секретаря ленинградского диссовета А.К. Филиппова, поэтому вести это заседание он не мог. Замещавшая его В.И. Распопова в день защиты уезжала на Международный конгресс по Согду и не могла вести нашу документацию. В итоге назначили вести заседание диссовета зав. аспирантурой Г.Н. Грачеву. Для нас ситуация усугублялась ещё и тем обстоятельством, что это были андроповские времена и все банкеты после защиты были категорически запрещены, вплоть до лишения соискателя только что полученной степени, если он отмечал её в ресторане. Но это можно было делать – тихо, подпольно, на квартире. Но, на нашу беду, супруга Сергея Люба только что родила дочь Наташу, а моя Татьяна вот-вот должна была произвести на свет сына Серёжу. Короче, мы остались без женщин, которые обычно готовят застолье. Выручили друзья – в нашем распоряжении оказалась квартира, которую нам любезно предоставила Маша Козловская – сестра сотрудницы кафедры археологии Ленинградского университета Кати Матвеевой.

Рано утром в день защиты мы встретились с Серёжей на этой квартире и начали готовить «банкет»: чистить и варить картошку, свеклу и морковку, расставлять на большом столе разную снедь и спиртное. В 11 часов надо было уже ехать в ЛОИА. И тут меня буквально пронзила мысль: а есть ли вообще экземпляр моей диссертации в ленинградском диссовете? Я вспомнил, что 1-й экземпляр остался в Москве и его читал Д.Б. Шелов, ещё один экземпляр из Москвы должны были переправить в ЛОИА. Серёжа поехал в ЛОИА один, а я, взяв такси, помчался на другой конец Ленинграда, на Светлановский проспект. По дороге до меня дошло, что у меня нет ключей от квартиры, где я проживал в семье Матвеевых, я заставил повернуть таксиста на Васильевский остров, на истфак. И, о чудо – поднимаясь на второй этаж истфака встретил одетую Катю Матвееву, которая успела передать мне ключи. С трепетом я подъехал к дому на Светлановском проспекте, минуя лифт, по лестнице вбежал на 7 этаж, заглянул в свой фибровый чемодан и ... увидел второй обязательный экземпляр рукописи диссертации для Института научно-технической информации. Отлегло, но ненадолго. За час до защиты у меня не было ещё второго отзыва Ирины Петровны Засецкой. За ним я заехал в Эрмитаж, и Ирина Петровна мне сообщила, что не успела его напечатать, но к моей второй защите постарается сделать всё, как надо...

Тем временем в ЛОИА события развивались также не совсем хорошо. Как только я поднялся на второй этаж, на меня накинулась В.И. Распопова: «Где твой Монахов? Остается 20 минут до начала заседания, а он пропал. Поэтому ты будешь защищаться первым». Но тут же ко мне подошёл молодой человек и шепнул, что «все они сидят в античном отделе». Я всё понял – Серёжа организовал небольшой «предбанкет», поэтому защищался он отнюдь не с бледным лицом, как большинство соискателей. Защищался хорошо и уверенно. Но в перерыве после защиты подошел ко мне и с некоторым удивлением сказал: «Слушай, Д.Б. Шелов задавал как оппонент мне какие-то вопросы – я их снял в диссертации лет пять назад после первого её обсуждения». В тот момент я не обратил на его слова никакого внимания, а зря. Затем настал мой черёд – я защитился ровно, если не считать некоторых

странных вопросов, которые задавали мне старейшие члены Совета: Михаил Петрович Грязнов, Юрий Александрович Заднепровский, Василий Дмитриевич Белецкий. Запомнилось и то, что ведущая заседание Г.Н. Грачева, зачитывая мою характеристику, приписала мне раскопки знаменитого Чертомлыкского кургана! (вместо Чертовицких курганов). Потом был банкет, на котором солировал Сергей Юрьевич. Он продолжался и в следующие дни, поскольку нам нужно было ждать возвращения В.И. Распоповой для оформления документов по защите.

Однако где-то на третий день Сергей Юрьевич подошёл ко мне с озадаченным лицом и тревожным голосом сообщил, что не знает где второй экземпляр его диссертации, который обязательно надо отправить в Москву в Институт научно-технической информации. Начались коллективные поиски пропавшей рукописи в ЛОИА. В начале они ничего не дали – напряжение нарастало. Да и с первым экземпляром было неладно – по цвету папки Серёжа вспомнил, что это первый, не исправленный, вариант диссертации! Его-то и читал Д.Б. Шелов, задававший соискателю «странные вопросы». К тому же в нём некоторые иллюстрации были сделаны цветными фломастерами (графы взаимовстречаемости), а ВАК требовал тогда только чёрно-белых иллюстраций. Находясь в таком состоянии, Серёжа дал четвертак девушкам из фотолаборатории ЛОИА, чтобы они быстро пересняли цветные рисунки, то есть он уже начал «ремонт» старого экземпляра диссертации для ВАКа. Но где-то на шестой день после защиты в пыльном углу Античного отдела, за шкафами нашли стопку старых папок, и о счастье! – в самом низу лежала красивая папка утверждённого варианта диссертации С.Ю. Монахова, которую в ЛОИА никто и не открывал. Это событие было достойно отмечено нами, и Сергей Юрьевич со спокойной душой уехал в Саратов, хотя делать этого ему уже не хотелось...

В следующем 1984 г. в г. Саратове проводились I Рыковские чтения, на которые я поехал, так как никогда не был в этом городе. Естественно, я поселился у С.Ю. Монахова в его маленькой однокомнатной квартире, где он проживал с женой и двумя малыши детьми. Мне досталась кухня, где мы с Серёжей провели значительную часть конференции, вспоминая былое, особенно приключения с нашими защитами кандидатских диссертаций и многое другое. В первое же утро мы проснулись на кухонном полу, причем из-за малых размеров кухни, лежали по диагонали как сарматы, так погребавшие своих уважаемых соплеменников («диагональные погребения»). Серёжа показал мне семейную достопримечательность – небольшую стиральную машинку в ванной, где он сотворил свою диссертацию, как, впрочем, и многие другие нетленные труды.

После этого было множество встреч на различных научных конференциях. Серёжа продолжал упорно изучать амфоры Северного Причерноморья и после безвременной кончины И.Б. Брашинского, бесспорно, стал главным специалистом по античной амфорной таре не только в нашей стране, но и за рубежом, автором авторитетных монографий, без которых не может сейчас обойтись ни один антиковед.

К 2000 г. назревала защита докторской диссертации и С.Ю. Монахов решил провести её в Саратове сразу по двум специальностям – археологии и всеобщей истории. В Диссертационный Совет были введены ведущие специалисты – антиковеды и скифологи из Москвы и Санкт-Петербурга. Но буквально за полчаса до защиты возник казус. Я привез прорисовку и фотографию клеймённой гераклейской амфоры из только что раскопанного воинского погребения в Староживотинном могильнике под Воронежем с именами магистрата Писистрата и фабриканта Архестрата. Соискатель их увидел, посерьёзней и неожиданно заявил, что немедленно снимает диссертацию с защиты. Он заявил, что по его хронологическим выкладкам такого просто не может быть, так как амфора изготовлена в мастерской Архестрата в 380-е годы, а магистрат клеймил амфоры в Гераклее 40 годами позднее. Ситуацию разрядил мудрый Владимир Иванович Кац. Он предложил считать нашего Архестрата внуком Архестрата, который оставил клейма на большинстве других амфор (и которые вошли в сводку С.Ю. Монахова), ссылаясь на обычай греков давать внуку имя деда. Коллизия была исчерпана, дальше защита пошла своим чередом и в результате единогласного голосования С.Ю. Монахов получил давно заслуженную степень доктора исторических наук.

А дальше была незабвенная Фанагория, куда по приглашению начальника Фанагорийской экспедиции Владимира Дмитриевича Кузнецова я приехал с воронежским отрядом в 2002 г. Однажды утром у рынка пос. Сенной я вдруг увидел двух своих знакомцев – Сергея Юрьевича Монахова и Бориса Ароновича Раева. Они с натугой тащили большой мешок с гипсом к экспедиционной машине – Серёжа вместе со своими саратовцами вел раскопки под руководством Елены Анатольевны Савостиной на территории пионерлагеря неподалёку от Тамани. На следующий год С.Ю. Монахов уже появился в Фанагории вместе с В.И. Кацем, а затем они привезли на Тамань целую бригаду саратовских девушек, которые весь световой день работали на камералке. Каждый день она пополнялась тоннами в основном керамического материала. Его нужно было не только обработать и прорисовать. Сергей Юрьевич разработал четкий алгоритм обработки массового амфорного материала. Эту работу курировал он же, при этом каждая профильная часть и ее характеристики заносились в компьютер. С.Ю. Монахов атрибутировал наиболее сложные находки, давал советы и указания, проверял точность выполненных чертежей.

Жизнь в Фанагории сблизила нас еще больше. Мы часто путешествовали по Тамани, благо в Фанагорию на своей новой машине приехала моя аспирантка Люба Гончарова. Обычно я брал с собой жену Иру и дочь Вику, которая по существу и выросла в Фанагории и отличилась тем, что однажды нечаянно утопила очень дорогие очки проректора С.Ю. Монахова в водах Корокондамитского залива. Иногда мы ездили в гости в другие экспедиции: к И.И. Марченко, Ю.А. Виноградову, Н.И. Судареву, С.И. Лукьяшко, плавали со студентами на пароме в Керчь в экспедицию В.П. Толстикова и др. Да и после завершения мной Таманской эпопеи в 2008 г. наши связи продолжались и приобрели более деловой характер: аспиранты Сергея Юрьевича защищали кандидатские диссертации по археологии в диссертате при Воронежском университете, мои аспиранты по античности – в Саратове.

В силу жизненных обстоятельств Сергей Юрьевич часто приезжал в Воронеж и останавливался у нас или на нашей старой квартире. Он имел тесные связи с коллегами из Киева, а поезд оттуда в Саратов уже не ходил. Зато пару раз в неделю на Воронежский вокзал прибывал поезд из Киева. К этому времени Серёжа уже был в нашем городе. Почти каждое лето после экспедиции он заезжал на пару дней в Воронеж. Так Воронеж стал еще связующим звеном между Киевом и Саратовом. В свободное время мы путешествовали по нашей области, осматривали памятники археологии, занимались рыбалкой (в отличие от Сергея Юрьевича я охоту не любил). А еще мы были (и есть) большие любители русской бани и от души парились то в Саратове, то в Воронеже...

Я не осмеливаюсь оценивать огромное научное наследие С.Ю. Монахова в области изучения античной керамической тары, его достойный вклад в антиковедение. Но вряд ли ошибусь, если напишу, что он является одним из наиболее часто цитируемых авторов в антиковедческих и скифологических исследованиях. Даже его внешний облик, несмотря на годы, отражает целеустремленность и практичность, выразившиеся в том, что он создал в Саратовском научно-исследовательском университете Археологический музей и Институт археологии и культурного наследия. Ежегодно он руководит археологической экспедицией на берегу Таманского залива. В свои 70 лет он полон энергии, планов, идей. Я горжусь, что у меня есть друг – Сергей Юрьевич Монахов – и желаю ему не только новых амфор, но прежде всего, здоровья, душевного спокойствия и сохранения того ритма жизни, в котором он сейчас живёт».

Тарханкутская экспедиция свела С.Ю. не только с А.П. Медведевым. Здесь же он познакомился и с А.Н. Щегловым, К.К. Марченко, Е.Я. Роговым, К.К. Шиликом, М.Ю. Вахтиной, О.Ю. Соколовой, Н.А. Павличенко и многими-многими другими людьми, судьбы которых переплелись на ниве античной археологии. Разумеется, далеко не у всех остались радужные воспоминания о первых встречах. К примеру, Ю.А. Виноградов так вспоминает знакомство: «в августе 1978 г. А.Н. Щеглов заставил нас с Катей (моей будущей женой) прокопать пол в одном из помещений усадьбы б. Сергея он назначил нам в начальники. Так вот, этот молодой человек (младше

меня на 2 года!) весь рабочий день просидел на стенке, рассказывая нам всякие забавные истории. Не могу сказать, что они нас слишком в тот момент забавляли...». Однако первое не самое приятное впечатление не помешало в дальнейшем перерасти в очень тёплую и искреннюю дружбу. Её становлению и развитию немало способствовали частые встречи не только на раскопках, но и при посещении С.Ю. Монаховым Ленинграда, который он нежно и трепетно любит. Начиная со студенческих лет, он регулярно посещает северную столицу, участвуя в различных конференциях, работая не только в архивах ЛОИА, но и в фондах Государственного Эрмитажа.

Самое время предоставить слово доктору исторических наук, заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа – Андрею Юрьевичу Алексееву.

«Я, как ни старался, так и не смог точно вспомнить, когда именно мне довелось впервые увидеть Сергея Монахова и познакомиться с ним. Представляется иногда, что мы были знакомы всю мою археологическую жизнь, но в действительности это, конечно, не совсем так. Чисто теоретически наше знакомство могло произойти довольно рано, вскоре после того, как Монахов закончил университет в Саратове, а я еще был студентом четвёртого курса университета в Ленинграде – ранней осенью в 1976 году на раскопках поселения Панское в Крыму, где он должен был быть. Но я его там почему-то не помню. Вот В.И. Каца помню, как и некоторых саратовских студентов, а Монахова – нет.

Поэтому я думаю, что впервые мы познакомились позднее - уже в 1980-е годы в Эрмитаже, когда С.Ю. работал у нас в отделе с амфорами нашего собрания. И вот тогда-то я впервые увидел и понял, что этот молодой, симпатичный, чрезвычайно энергичный и по-хорошему амбициозный человек, явный знаток всего греческого и греческих амфор, конструктор и творец специальных правил и инструментов для работы с этими сосудами – не просто рядовой посетитель, которые во множестве появлялись к нас в музее и вскоре исчезали с глаз, но обязательно задержится в моей жизни и, возможно, станет моим близким коллегой. Во всяком случае, мне так тогда хотелось, уж очень привлекательным человеком казался Монахов. Было, кстати, у него ещё одно незначительное, но немаловажное лично для меня, качество. Будучи курильщиком, он в то время, как и я, курил папиросы «Беломорканал», предпочитая, как и все знатоки, ленинградскую фабрику Урицкого. И это также нас сближало. Сейчас, правда, мы стали больше заботиться о своём здоровье ... и перешли оба на сигареты. Ну, и конечно, наша принадлежность к августовским львам тоже элемент, нас связывавший, хотя я узнал об этом много позднее.

Его энергия завораживала, и в будущем, без сомнения, как заразное заболевание стала даже передаваться его команде – Лене Кузнецовой и Наташе Чурековой, проявляясь сугубо в положительном, но иногда и в разрушительном качестве. Но, как известно издревле, добро и зло неразрывно связаны друг с другом, да и «eritis sicut Deus, scientes bonum et malum» – будешь как Бог, зная добро и зло.

В одном из писем С.Ю. однажды написал мне, что «вернулся из месячной командировки по крымским музеям в рамках гранта. Втроем стояли без выходных, согнувшись над столами, а мне еще нужно было много тонн амфор перетаскивать туда-сюда. Ухайдакались вусмерть». Вот так – «согнувшись» и «перетаскивая», совершенно по-каторжному, работают истинные энтузиасты, которые радуют прежде всего за дело, а не только за славу и почёт. Хотя в последних, разумеется, нет ничего плохого. Я вспоминаю, как однажды на какой-то защите в ИИМК, когда только что появилась книга С.Ю. 2003 года «Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре», кто-то из присутствовавших спросил коллегу: «А ты видел новую книгу Монахова?». «А что, ещё одна «нетленка» вышла?» - получил в ответ. Вот это настоящая слава и почёт, когда коллеги, даже не открывая и не читая книгу, знают заранее, что она будет жить долго. Но мне представляется, что специально говорить здесь о значении исследований Монахова для нашей науки нет никакого смысла, и так очевидно, что не так много в антиковедении и скифологии публикуется работ, в которых не было бы упоминаний имени и того или иного труда С.Ю. Монахова.

А что касается «злой энергии» группы Монахова, то во время последнего визита саратовских коллег в Эрмитаж в 2018 или 2019 г., когда ими готовилась очередная книга из серии каталогов музейных амфорных коллекций («Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог»), саратовская команда так энергично работала на нашей экспозиции, что умудрилась вдребезги разбить большое стекло одной из витрин. К счастью, ни один экспонат при этом не пострадал, но зал все же на время пришлось закрыть для посетителей.

При этом мы с Сергеем никогда так и не стали близкими людьми в бытовом, как бы в домашнем плане и в части частного человеческого общения, а скорее существовали на некотором отдалении друг от друга, равном расстоянию между Саратовом и Санкт-Петербургом. Наше общение, не считая встреч на конференциях и симпозиумах, было преимущественно эпистолярным и дистанционным, но тёплым, дружеским и вполне достаточным для того, чтобы не терять друг друга из вида и получать помощь при необходимости. И когда незадолго до своей докторской защиты в 2000 г. Сергей позвонил мне и предложил поучаствовать в этом деле, став приглашённым членом ученого совета, я, разумеется, согласился. Защита его прошла более чем успешно, а я получил возможность наблюдать С.Ю. в стенах его *alma mater*, познакомиться и пообщаться с его коллегами и его родным городом.

И сейчас, когда С.Ю. уже семьдесят, а нашему знакомству много десятилетий, я могу только сказать: «Дружище Монахов, будь счастлив и все так же творчески энергичен. А я буду продолжать гордиться дружбой с тобой».

Повторим, что Сергей Юрьевич очень трепетно относится к Ленинграду. И дело здесь не только в завораживающей красоте этого изумительного города, не только в очаровательности представительниц слабого пола, в нём проживающих. Именно на берегах Невы, будучи ещё начинающим исследователем, С.Ю. познакомился с И.Б. Брашинским – несомненным авторитетом и блестящим учёным. До сих пор юбиляр с пиететом и благодарностью вспоминает, что Иосиф Бениаминович внимательно отнёсся к рукописи его статьи, ознакомился с ней, сделал некоторые пометки на полях и, главное, сделал заключение – «Молодец!», чем окрылил молодого человека и придавал уверенности в себе¹. Среди исследователей, которых С.Ю. считает своими учителями, важное местно занимают И.Б. Брашинский и, разумеется, А.Н. Щеглов. Последний был научным руководителем С.Ю. Монахова во время подготовки кандидатской диссертации, защита которой, как нам уже известно, состоялась в дубовом зале ЛОИА. До сих пор при каждом посещении Санкт-Петербурга он непременно заходит в античный отдел ИИМКа. Ленинградское отделение Института археологии и Государственный Эрмитаж долгие годы являлись и являются центрами развития отечественной и мировой антиковедческой науки. Они устраивают десятки различных экспедиций и конференций, симпозиумов и конгрессов, дающих исследователям возможность поделиться своими новыми мыслями, услышать мнение коллег и, конечно, познакомиться с новыми людьми и обрести друзей.

Об одном из таких знакомств и его последствиях нам поведают знатоки меотской культуры, первоклассные археологи и аналитики, представители, в том числе, Ленинградской школы, давние друзья нашего юбиляра из Краснодара – с.н.с. Института археологии Кубанского госуниверситета Наталья Юрьевна Лимберис и директор этого института, кандидат исторических наук, профессор исторического факультета Иван Иванович Марченко.

«Наша первая встреча и знакомство с Сергеем Юрьевичем случились в 1986 году на кафедре археологии Ленинградского университета. Когда мы делали доклад на факультетской конференции и привели датировки меотских комплексов с амфорами, то заметили оживление на лице одного молодого человека, которого не знали (хотя, как выяснилось, с его работами по херсонесским амфорам были знакомы). Тогда ещё молодой кандидат наук, специалист по амфорной таре, с большой долей иронии и улыбкой на устах задал первый вопрос, за которым явно должны были последовать и уточнения, и

¹ Позднее статья вышла в Вестнике древней истории, 1980, № 4.

критические замечания: «Кто определял типологию и хронологию амфор?». В 1982 (или 1983) году амфоры из раскопок грунтовых могильников у хут. Ленина, находясь в г. Краснодаре, осматривал Иосиф Бенъяминович Брашинский. После такого ответа у С.Ю. больше вопросов и замечаний не возникло. Потом, уже в кулуарах, он указал на некоторые проблемы, связанные с датировками отдельных типов амфорной тары. Так как его интересовали коллекции амфор из новых раскопок, мы договорились встретиться уже в Краснодаре.

Летом 1988 г. С.Ю. заехал к нам в экспедицию на Малый Утриш и мы уже более детально обсудили планы на будущее сотрудничество. Нас сразу подкупили его открытость, отсутствие снобизма и простота в общении, а также большой профессионализм. С тех пор и завязались наша дружба и совместная работа. Наша экспедиция регулярно проводила раскопки меотских могильников на берегу Краснодарского водохранилища, и практически каждый сезон пополнялась коллекция амфор. Если первоначально С.Ю. для обработки коллекций приезжал к нам в Краснодар на короткое время, то после начала раскопок Прикубанского могильника, из которого происходит 324 амфоры, на обработку материала потребовалось гораздо больше времени. Могильник раскапывался в течение трёх сезонов 1998, 2000 и 2001 годов. Материал обрабатывался на базе экспедиции в ст-це Старокорсунской. Мы не сдавали коллекции в течение 2–3-х лет – до тех пор, пока С.Ю. не зачертит и не опишет все склеенные и отреставрированные нами амфоры. В первый приезд нас поразил разработанный им огромный разборный штангель-циркуль для черчения сосудов. Позднее у него появился второй, более совершенный, инструмент, но и с ним ему приходилось с утра до вечера гнуть спину.

Постоянное общение на базе позволяло подробно обсуждать и решать многие проблемы, связанные с интерпретацией материалов, уточнением хронологии комплексов и др. И, если первоначально мы принимали выводы С.Ю. как неоспоримую истину, то в совместных беседах нередко проверялась и уточнялась атрибуция и датировка амфорной тары с учётом общего контекста погребений. С ним всегда хорошо дискутировать, он восприимчив к критике и сам самокритичен. Когда ему говоришь, что раньше эта амфора датировалась иначе, он нередко отвечает: «Я не Бог и не истина в последней инстанции. То, что писал и говорил раньше – плюнь и разотри».

Наблюдая за работой С.Ю., мы заметили его трепетное отношение к амфорам. Прежде чем приступить к зачерчиванию амфоры, он внимательно разглядывает её, как девушку на смотринах, присматривается и оценивает её способности. Да и сам он признаётся, что видит в амфорах женские формы (фасосские – стройные, косские – пышнотелые). Этот подход иллюстрирует одна любимая нами фотография 2002 года...

Тогда же на базе в Старокорсунской было задумано издать монографию по амфорной коллекции Прикубанского некрополя, что удалось сделать в 2021 году. Естественно, что мы не только обсуждали научные проблемы. Нас очень сближала любовь к собакам, о которых мы могли разговаривать бесконечно. Наш Басик (вельш-терьер Басилевс), который всех членов экспедиции держал в строгости и на расстоянии, относился к С.Ю. с доверием и уважением. Даже местные собаки окружали С.Ю. заботой и любовью.

На базе мы убедились, что С.Ю. чрезвычайно организованный и дисциплинированный человек, неукоснительно соблюдающий распорядок дня, особенно Адмиральский час. Были и забавные случаи, один из них мы недавно вспоминали. В 1999 г. С.Ю. необходимо было позвонить в Саратов. Тогда только появились сотовые телефоны, но вышек было мало, и связь работала хорошо лишь на берегу Краснодарского водохранилища. В этот воскресный день была страшная жара, идти на край станицы не хотелось, и тогда Монахов и Марченко залезли на орех, где телефон заработал. С.Ю. стал громко разговаривать (Саратов же далеко), а в это время по улице из церкви возвращались бабульки, которые увидели на дереве кричавшего мужика. Не знаем, что они подумали, но сразу ускорили шаг и стали неистово креститься и осенять крестом мужиков на дереве. Сейчас нам уже не забрать на этот орех – и он, и мы выросли...».

Сейчас едва ли найдётся человек, который будет спорить с утверждением, что С.Ю. Монахов – признанный авторитет отечественного антиковедения, крупный специалист в области изучения древнегреческой керамической тары. Как исследователь, юбиляр необычайно плодovit: практически ежегодно выходят в свет его статьи, монографии, книги в соавторстве. Но путь к творческим успехам был трудным, долгим и связан с работой в многочисленных экспедициях, в фондах десятков музеев и научных учреждений. Уже в середине 1980-х годов к С.Ю. пришло понимание, что для полноценной и качественной работы в выбранной области археологического источниковедения ему необходимо расширять географию своих штудий. Работа на протяжении полутора десятилетий на поселении Панское I дала ему колоссальный опыт в атрибуции и локализации материалов довольно узкого хронологического промежутка. Однако для понимания процессов эволюции, в данном случае, керамической тары, ему необходимо было поработать с археологическим источником из раскопок других античных памятников более широкого хронологического диапазона. С этого времени он целенаправленно, после завершения учебной археологической практики (которая по-прежнему проходила на Панском), отправлялся на работу в другие экспедиции в Крыму, на Европейском и Азиатском Боспоре. В некоторые из них он позднее привозил и своих студентов. Историю об одном из таких случаев нам поведаёт Виктор Георгиевич Житников, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Института истории и международных отношений Южного федерального университета

«... В июле далекого 1988 г. Сергей Юрьевич прибыл к нам – на Елизаветовское городище в дельте Дона. Приехал по приглашению Константина К. Марченко, начальника Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, которая проводила многолетние и планомерные раскопки этого памятника V–III вв. до н.э. Приехал не один, а с большой группой студентов (около 80 человек!) на археологическую практику. В экспедиции к тому моменту уже работали студенты-практиканты из Ростовского пединститута, немного, человек 30. И вдруг – такой демографический взрыв! При виде прибывшей оравы руководство экспедиции слегка загрустило. Ещё бы! На дворе, напомним, стоял 1988 год: в магазинах Ростова-на-Дону не густо, многие продукты продаются по талонам, а людей нужно кормить. Особенно переживал колоритный завхоз и главный добытчик экспедиции Александр В. Носков, он же «Аполлончик». «Ну вот, – мрачно шутил он, – приехало голодающее Поволжье! Чем кормить-то будем?»

Однако, как говорил знаменитый сатирик, правда, по другому поводу: «А у нас с собой было!». Узнав об опасениях руководства экспедиции, С.Ю. быстро всех успокоил: «Да у нас всё с собой есть: и палатки, и спальные мешки, а главное, большой запас всевозможных продуктов!» И действительно, с помощью доверенных лиц из студентов С.Ю. быстро наладил быт своей бригады, а узнав о программе раскопок, толково распределил студентов по раскопам, и уже на следующий день практиканты приступили к работе. И, следует отметить, копали ребята тщательно и вполне профессионально.

Закипела работа и в лагере. Ежедневно с раскопов доставляли сотни фрагментов античной керамики, прежде всего, амфор. Надо заметить, что камеральная обработка керамики происходила в огромной шатровой палатке, стоявшей в конце лагеря: внутри в форме буквы «П» установили сколоченные из досок столы, на которых и раскладывались керамические россыпи. Днём, в разгар жары, полы палатки просто поднимались хоть для какого-нибудь проветривания. И вот как-то, часов в 5 утра, когда весь лагерь ещё спал и видел последние сны перед подъёмом, из этой палатки донеслись громкие голоса:

- Смотри! А вот и Колофон!*
- Не может быть! Это не Колофон!*
- А я тебе говорю: Колофон! Смотри получше!*
- Сам ты Колофон! Колофон таким не бывает! И т.д. ...*

Это С.Ю. и Николай Ф. Федосеев занимались на рассвете, до наступления жары, обработкой и определениями фрагментов амфор и амфорных клейм. И такие утренние дискуссии происходили чуть

ли не ежедневно. Разумеется, столь ранние обсуждения вызывали глухой ропот в лагере и забавные комментарии, но С.Ю. был непреклонен, и научные споры на рассвете продолжались. Так в трудных дебатах рождалась истина! Думаю, что кроме фрагментов амфор Колофона были сделаны и другие неожиданные открытия.

А уже в последние годы мы часто встречались с С.Ю. на Тамани, где наша экспедиция Южного федерального университета проводила раскопки на античном поселении «Волна I», у горы Зеленской. С.Ю. обычно приезжал к нам на базу со своими сотрудниками – Еленой В. Кузнецовой и Наталией Б. Чурековой – и сразу же просил показать новые амфорные материалы из раскопок. Особенно радовался, если были целые или реставрированные сосуды. Тут же начиналась работа: обмеры, черчение, фотографирование. Особо ценными были консультации С.Ю. по определению и датировкам амфор.

Таков он – наш неутомимый юбиляр! Здоровья и дальнейших успехов!».

Очевидно, что занимаясь историей и археологией Северного Причерноморья, особенно стремясь к широким реконструкциям, невозможно ограничиваться изучением материалов конкретного небольшого региона, будь то Прикубанье, район Елизаветовского городища, Азиатский Боспор и т.п. В попытке объять как можно больше наш юбиляр постоянно расширял границы поиска. Знаковая в этом плане встреча произошла в 1982 г. на III Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья, который проходил в Цхалтубо. На этом масштабном научном мероприятии присутствовало значительное количество, что называется маститых учёных, имеющих большой вес в науке. Среди них был и С.Д. Крыжицкий, знакомство с которым сыграло не малую роль в жизни нашего юбиляра. Заметив молодого человека, Сергей Дмитриевич предложил ему приехать в Ольвию и поработать с амфорным материалом, хранившимся в заповеднике. С.Ю. с радостью и большим энтузиазмом принял это приглашение и с этого времени начинается совершенно новый виток его погружения в упоительный мир археологического источниковедения. Знакомство с материалами эпохи классики и тем более архаического периода серьезно повлияло на общее видение эволюции керамической тары на протяжении более длительного хронологического промежутка. Разумеется, не был обойдён вниманием и о. Березань, куда в 1990–1991 годах С.Ю. вывозил студенческую практику. Среди участников экспедиции тех лет был и Дмитрий Ефимович Чистов, ныне кандидат исторических наук, с.н.с. Государственного Эрмитажа:

«С Сергеем Юрьевичем Монаховым мне довелось познакомиться летом 1991 года, в экспедиции Эрмитажа на острове Березань. На Березани в тот полевой сезон я оказался впервые. Сергей Юрьевич привозил на остров археологическую практику СГУ второй год подряд (с 1990 г.). Мне, студенту, закончившему третий курс кафедры археологии ЛГУ и интересовавшемуся античными амфорами, фамилии саратовских исследователей античной керамической тары С.Ю. Монахова и В.И. Каца были к тому времени хорошо известны и по библиографии, и по рассказам старших коллег. Но, как это часто бывает, внезапная материализация одного из этих двух легендарных небожителей в одном со мной лагере стало одним из самых ярких воспоминаний того лета.

Разумеется, никакого близкого общения между нами тогда не состоялось. Помню, какое большое впечатление на меня уже тогда произвел стиль работы Сергея Юрьевича, с какой-то совершенно фантастической скоростью сортировавшего фрагменты керамики, и подбиравшего из них крупные части и целые формы. Скорее всего, наблюдаемая мной тогда работа была связана с разборкой находок из колодцев №№ 4 и 5 участка «Северо-Западный Б», исследование которых было начато в 1990 и завершено в 1991 г. Отработав часть полевого сезона, я был отправлен С.Л. Соловьевым, возглавлявшим эрмитажную экспедицию, руководить раскопками небольшого разведочного шурфа, разбитого на северном берегу острова. К этим исследованиям в качестве основной рабочей силы были привлечены саратовские студенты и примкнувший к ним четырнадцатилетний сын С.Ю. Монахова, Юра.

Спустя годы Сергей Юрьевич признался, что меня по 1991 г. он на Березани не запомнил совершенно, так что наше тогдашнее знакомство имело односторонний характер. Разумеется, в последующие десятилетия мы не раз пересекались на различных конференциях, однако совершенно новым этапом нашего знакомства стала работа над томом каталога «Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.», увидевшего свет в 2019 году. Не будет преувеличением сказать, что для меня шанс потрудиться над указанным изданием совместно с командой Сергея Юрьевича стал большой удачей и бесценным опытом. Наша книга стала частью масштабного проекта публикации корпуса транспортных амфор из коллекций российских музеев, в рамках которого к настоящему времени издано уже пять томов.

Стиль работы авторского коллектива этой серии, постоянное ядро которого составляют С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова и Н.Б. Чурекова, не может не впечатлять. Чёткое разделение ролей, быстрый и слаженный труд соавторов над текстами и иллюстрациями позволяют завершать очень качественные издания в феноменально короткие сроки. В ходе работы над иллюстрациями к книге – а нам предстояло за несколько недель отрисовать порядка двухсот амфор – Сергей Юрьевич напоминал мне живописца эпохи Возрождения, руководящего учениками в своей мастерской. Проверяя промеры и эскизный вариант каждого рисунка на начальной стадии, он вносил последние штрихи и правки по их завершении...».

Знакомство с Северо-Западным Причерноморьем, несомненно, должно было привести и, в конечном счёте, привело к завязыванию и расширению связей с украинскими коллегами. Как следствие – частые поездки в Киев для работы в фондах Киевского музея древностей и Института археологии НАНУ; в Николаев и, конечно, в Одессу. Воспоминаниями о встречах с С.Ю. Монаховым делится директор Одесского археологического музея, доктор исторических наук Игорь Викторович Бруяко².

«Сентябрь 1988 г., Симферополь. Один из последних подлинных научных форумов СССР, посвящённый античной цивилизации в самом широком смысле. Историки, филологи, археологи, литературоведы. Почти легендарные имена! Многих я видел в первый, а некоторых и в последний раз в своей жизни: Чистякова, Зайцев, Немировский, Откупщиков, Цымбурский, Соломоник, Домбровский... Для меня, который начал «выезжать в свет» всего за год до этого (не считая студенческих конференций), это был сонм олимпийцев, блестящее общество, с присутствием лёгким высокомерием, которое, впрочем, было столь естественным и органичным, что воспринималось всего лишь как неотъемлемая и почти обязательная черта в манере поведения. Не могу не воспроизвести одну мизансцену, которая быть может и не имеет прямого отношения к чествованию юбиляра, но она кажется мне настолько яркой и индивидуальной, что будет жаль, если никто об этом никогда не узнает. Во время конференции мы с Исааком Бенционовичем Клейманом, как представители Одесского музея, жили в одном гостиничном номере. Как-то раз, во время одной из экскурсий нас случайно определили в автобус с филологами. Зайдя через заднюю дверь, мы увидели высокую академическую картину. Большинство уже сидевших в автобусе читали газеты. Это были не обычные газеты, а газеты иностранных коммунистических партий (напомню, что других иностранных газет тогда не было) – «Юманите», «Морнинг Стар», «Нойес Дойчланд». Клейман, оглядев общество, повернулся ко мне и с саркастической усмешкой произнёс одно слово – «Пижоны!!!».

Именно здесь, на этом мероприятии, скромно названном конференцией, хотя сейчас его статус был бы никак не ниже конгресса, и состоялось моё знакомство с юбиляром. Во время одного из пленарных заседаний, кто-то, увы, не помню кто, кажется М.И. Золотарёв, представил меня импозантному, вальяжному мужчине про которого я уже знал, что это Монахов. Услышав мою фамилию, он слегка покровительственно бросил: «Молдавская, кажется?». Не могу сказать, что меня это как-то обидело, просто поиски корней моей фамилии в этом ареале ещё никто никогда не производил. Я со-

² Материалы присланы 10.11.2021 года.

брался было развить эту тему, и опровергнуть данное, как мне показалось несколько легкомысленное предположение, но внимание Монахова, впрочем, как и многих других представителей мужской части аудитории, привлекла появившаяся в зале заседаний красивая молодая женщина. Обращаясь к третьему участнику нашей беседы, Монахов спросил, «Кто это? Ты меня с ней познакомишь?». Дабы не заставлять читателя теряться в догадках, в поисках ответа на совершенно очевидный вопрос, скажу только, что этой красивой женщиной была Т.Н. Смекалова.

По итогам знакомства в Симферополе, мы обменялись с С.Ю. адресами, и началась наша довольно активная переписка докомпьютерной эры. Взаимовыгодной основой эпистолярного жанра послужили, разумеется, амфоры! Только недавно возобновились раскопки Никония, в том числе и его некрополя, и я был заинтересован в качественной обработке материала, а Сергей (мы очень быстро перешли на «ты») – в новом материале. В конце 80-х – начале 90-х вместе с В.И. Кацем и своими помощниками он регулярно посещал Одесский музей, обрабатывая его коллекции. Бывал С.М. и на раскопках Никония. Запомнился один эпизод, когда он приехал в Роксоланы/Никоний с группой студентов. Гости должны были следовать дальше, в Белгород-Днестровский, поэтому общение было не слишком долгим. Мы начали прощаться. Выходя из усадьбы, в которой располагалась база экспедиции, я услышал, как позади меня один из студентов спросил Монахова, по-видимому, указывая рукой на фруктовое дерево, которое росло возле калитки: «Сергей Юрьевич, а что это за дерево?». Деревом этим была желтая слива и ответ, казалось, был очевиден, хотя вопрос студента меня несколько озадачил. Как известно, Саратов и Одесса располагаются примерно в одном ландшафтно-климатическом поясе. После секундной паузы я услышал ответ: «Не знаю. Это что-то южное». Я не видел выражения лица С.М., да это и не нужно было, поскольку интонация, с которой был дан ответ, настолько хорошо знакома всем нам, что мимика, её сопровождавшая, была абсолютно очевидной.

Одержимость и целеустремлённость, по-моему, эти качества являются основными для Монахова-профессионала. Подтверждение этому – феерическая и фундаментальная одновременно – серия каталогов амфор последних лет, изданная С.М. в тесном сотрудничестве с небольшой, но высококвалифицированной и преданной группой его учеников и коллег. И, поскольку музей, хранящий античные древности, ещё много, то и работы у юбиляра – непочатый край. И желая ему дальнейших успехов на этом поприще, мне особенно хотелось бы когда-нибудь увидеть, среди прочего, разумеется, издание, пожалуй, ещё только одной коллекции амфор...».

К этому следует добавить, что с 2010 году на дне одного из каналов, идущих к Дунаю, неподалёку от с. Орловка лежат ещё одни очки проректора С.Ю. Монахова, которые он на этот раз собственноручно утопил при последнем посещении античного поселения Картал...

Занимаясь античной керамической тарой, невозможно было обойти вниманием гигантский пласт археологических памятников, связанных с ближайшими соседями греков – скифами. Желание же познакомиться с находками амфор из скифских курганов неизбежно привело нашего юбиляра в отдел археологии раннего железного века, где и состоялась встреча с человеком, ставшим не только соратником, коллегой, но и близким другом С.Ю. Монахова. Речь идёт, конечно же, о Сергее Васильевиче Полине. Редкий случай, когда история их знакомства совпадает в передаче обоих её участников. По словам С.В. Полина (которыми он поделился с нами при подготовке к празднованию ещё 60-летия С.Ю. Монахова), он до сих пор помнит предшествующие знакомству ожидания. О том, что должен приехать некий Монахов, жаждущий посмотреть амфоры, в том числе из раскопок Бердянского кургана, С.В. Полина сообщила Н.А. Сон. «Я себе и подумал – явится какой-то <...> с бугра, будет изучать, а чего доброго еще и опубликует плод моих неусыпных трехмесячных трудов – Бердянский комплекс, который я собственноручно склеил и вообще поднял из груды никому не нужных фрагментов. А разрешилось всё просто – сижу в отделе, входит какой-то мужичок и как-то очень ненавязчиво и тактично знакомится и буквально через пару минут наша беседа потекла рекой и исчезли все предубеждения, я был готов выло-

жить всё, что имею. К Бердянским амфорам я добавил ещё и свой комплекс из гр. Чередниковой Могилы. Кажется, мы нашли друг друга, что называется с первого взгляда. Бывают в жизни чудеса».

Однако не только курганные некрополи скифов интересовали нашего юбиляра. Не менее любопытными казались и их лесостепные городища. Поэтому в 1993 году С.Ю. вместе с ассистентом А.В. Рязановым и во главе группы саратовских студентов участвовал в исследовании Басовского городища, работами на котором руководила Е.П. Бунятян, а экспедицию возглавлял Ю.В. Болтрик. До сих пор С.Ю. Монахов с восхищением вспоминает потрясшую его масштабом и сохранностью оборонительную систему рвов и валов.

Последние 25 лет Сергей Юрьевич работает в экспедициях, изучающих преимущественно памятники Азиатского Боспора. Однако осознание важности знакомства с различными регионами вылилось в конце 2000-х – начале 2010-х годов в серию поездок, организованных для его учениц – Н.Б. Чурековой и Е.В. Кузнецовой, как он любит повторять «От Кавказа до Дуная». Начав с изучения исторических объектов на Таманском полуострове, в дальнейшем он провёз нас по памятникам Керченского полуострова, включая побережье Азовского моря; полуострова Тарханкут; познакомил с Херсонесом и его окрестностями. Далее мы побывали в Ольвии и на Березани, увидели Тиру и Каргал, Александропольский курган, исследование которого в те годы проводил С.В. Полин; Одессу и её замечательный музей и т.д. и т.п.

Несмотря на непростые времена, наступившие в 1990-х годах, С.Ю. не приостанавливал свою работу. Получая поддержку различных государственных и частных фондов в виде грантов, он продолжал активно заниматься сбором материалов, составлением уникальной картотеки тарных сосудов, хранящихся в музеях и происходящих с широчайшей территории от Кавказа до Дуная. Реализация проектов последних лет по изданию амфорных коллекций крупнейших музеев показала, что благодаря его кропотливому труду мы имеем возможность познакомиться с артефактами, в силу разных обстоятельств утраченными к настоящему времени.

Неослабевающий интерес, неподдельная страсть, доходящая до одержимости, к выбранному для своих штудий объекту, самоотверженность и потрясающая работоспособность привели молодого юношу, мечтающего заниматься древнерусской археологией, к истинным научным вершинам, сделав его учёным с мировым именем. Вне всяких сомнений, достижению поставленных целей способствовали и люди, с которыми судьба сводила нашего юбиляра. Следует ли сомневаться, что для преодоления сложного, запутанного, тернистого научного пути требуются не только слова поддержки, крепкое дружеское плечо, но и верно высказанная, аргументированная критика коллеги, напутствие старшего товарища, ироничное замечание молодого ученика. Конечно, в жизни нашего юбиляра было гораздо больше встреч и знакомств, число его коллег и товарищей далеко не исчерпывается теми людьми, кого мы затронули в данной вступительной части. Более того, не ограничивается оно и авторами, чьи статьи вы найдёте в этом сборнике. Нельзя не сказать, что в силу понятных причин не успел подать материал А. Аврам, проявивший большой энтузиазм после получения приглашения. Вне всяких сомнений, украшением этого издания стала бы и статья И. Гарлана, если бы здоровье позволило ему это сделать... Различные жизненные обстоятельства не позволили ещё десятку коллег представить свои труды вопреки огромному желанию. Однако весь наш научный мир от всей души поздравляет Сергея Юрьевича Монахова с 70-летием! Желает ему здоровья, душевного спокойствия и терпения! Долгих лет жизни и реализации всех задуманных проектов – да не переведутся амфоры на античных памятниках, да пополнятся ими бесчисленные музейные фонды, да найдутся новые ученики, которые смогут подхватить и продолжить дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

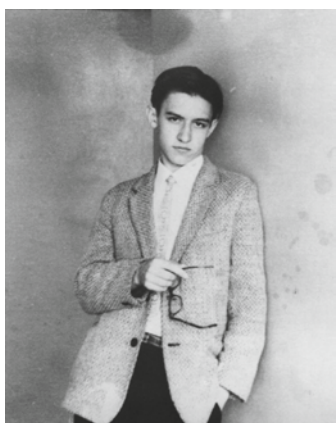
Редколлегия и друзья

Семья Монаховых, 1960 г. Слева направо:
Юрий Фёдорович, Женья, Сергей,
Клара Петровна; внизу – Игорь

«Будучи обычным советским мальчишкой, юный Серёжа прошёл множество кружков и спортивных секций...»

«... в 9-м классе он получил прозвище «пан Философ» за прочтение «Анти-дюринга» ...». 1970 г.

«... с Владимиром Ивановичем... в дальнейшем на долгие годы связала настоящая дружба...». 2001 г.

«... после первого курса Сергей Монахов отправился в Тарханкутскую экспедицию ЛОИА». 1970 г.

«... они с натугой тащили большой мешок с гипсом к экспедиционной машине ...». Сенной, 2002 г.
Слева направо: А.П. Медведев,
Б.А. Раев, С.Ю. Монахов

«... Иногда мы ездили в гости в другие экспедиции: к И.И. Марченко ...». Ст-ца Старокорсунская, 2003 г.
Справа: И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис

Слева направо:
А.П. Медведев, С.Ю. Монахов, И.И. Марченко.
Фанагория, 2006 г.

«... Защита его прошла более чем успешно ...».
А.Ю. Алексеев. Саратов, 2000 г.

«... при каждом посещении Санкт-Петербурга он непременно заходит в античный отдел ИИМКа ...».
Слева направо: Ю.А. Виноградов, С.Ю. Монахов,
Р.В. Стоянов, С.В. Кашаев. 2006 г.

«... Прежде чем приступить к зачерчиванию амфоры, он внимательно разглядывает её, как девушку на смотрах ...».
Краснодар, 2002 г.

«... Даже местные собаки окружали С.Ю. заботой и любовью ...».
Ст-ца Старокорсунская, 2002 г.

Елизаветовское городище, 2009 (?) г.
С.Ю. Монахов, В.П. Копылов

«... в последние годы мы часто встречались с С.Ю. на Тамани ...». Волна, 2009 г.
Слева направо: С.Ю. Монахов, Г.В. Житников,
В.И. Кац, Ю.А. Виноградов

«... совершенно новым этапом нашего знакомства стала работа над томом каталога ...». Санкт-Петербург, 2018 г. Д.Е. Чистов

«... Бывал С.М. и на раскопках Никония ...». 1990 г. Слева направо: Т.А. Избаш, С.Ю. Монахов, И.В. Бруяко

Орловка, 2010 г. Слева направо: И.В. Бруяко, С.Ю. Монахов, Н.М. Секерская

Не амфорами едиными...
На выставке судомоделизма. Керчь, 2015 г.
Слева направо: С.Ю. Монахов,
Н.Б. Чурекова, Е.В. Кузнецова

«... Кажется, мы нашли друг друга, что называется с первого взгляда ...». Киев, 2006 г.
Слева направо: С.В. Полин, С.Ю. Монахов

Музей Акрополя. Афины, 2019 г.

Волгоградский университет, 2021 г.

«... С.Ю. никогда не приостанавливал свою работу...». Ст-ца Старокорсунская, 2022 г.
Слева направо: Н.Б. Чурекова, С.Ю. Монахов, Н.Ю. Лимберис,
Е.В. Кузнецова, И.И. Марченко, А.В. Кондратенко

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА МОНАХОВА

1977 год

1. Амфоры эллинистического Херсонеса (с поселения Панское I в Северо-Западном Крыму). *Античный мир и археология*. Вып. 3. С. 90–105 (в соавт. с В.И. Кацем).

1980 год

2. Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса. *Вестник древней истории*. № 4. С. 161–179.
3. Раскопки городища у с. Натальино в Саратовской области. *Археологические открытия за 1979*. С. 159.
4. Работы Аткарского отряда. *Археологические открытия за 1980*. С. 143–144.

1981 год

5. О штампах для клеймения херсонесских амфор. *Советская археология*. № 2. С. 265–271.

1982 год

6. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе (вопросы технологии и объема). *Эллинизм и Причерноморье*. Цхалтубо. С. 70–72.

1983 год

7. Археологическая карта Новобурасского района Саратовской области. Рукопись. Депонирована в ИНИОН СССР. – 5 а.л. Рег. № 01.820089818.
8. История и перспективы изучения херсонесских остродонных амфор. *Историографический сборник*. Саратов. Вып. 10. С. 75–90.
9. Работы Вольской экспедиции. *Археологические открытия за 1981*. С. 164.

1984 год

10. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова. *Советская археология*. № 1. С. 241–244.
11. Археологическая карта Петровского района Саратовской области. Рукопись. Депонирована в ИНИОН СССР. - 4,5 а.л. Рег. № 01.830026782.
12. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе. *Вестник древней истории*. № 1. С. 109–128.
13. Исследования в Новобурасском и Калининском районах Саратовской области. *Археологические открытия за 1982*. С. 162.

1985 год

14. Исследования в Петровском районе Саратовской области. *Археологические открытия за 1983*. С. 166–167.
15. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе вопросы технологии и объема). *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси. С. 294–306.

1986 год

16. Археологическая карта Новоузенского района Саратовской области. Рукопись. Депонирована в ИНИОН СССР. (в соавт. с В.Б. Воробьевым).
17. О некоторых особенностях расчета стандартных мер емкости остродонных амфор. *Античный мир и археология*. Вып. 6. С. 106–114.
18. Методическое пособия по истории древнего мира и основам этнографии. Саратов (в соавт. с В.И. Кацем, В.Н. Парфеновым).
19. Методические указания к практическим занятиям по истории древнего мира. Саратов (в соавт. с В.И. Кацем, В.Н. Парфеновым, Р.А. Стручалиной).

1988 год

20. Амфоры Херсонеса IV–II вв. до н.э. Динамика форм и стандартов. *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса*. Севастополь. С. 78–80.

21. Амфоры некрополя Панское I на хоре Херсонеса. *Проблемы античной культуры*. Симферополь. С. 255–259.

1989 год

22. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 158 с.
23. Амфоры Колофона. *Скифия и Боспор*. Новочеркасск. С. 53–55.

1990 год

24. Амфоры типа Муригиоль. *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та. С. 13–14.
25. Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона. *Вестник древней истории*. 1990. № 4. С. 97–105.
26. Амфоры некрополя Панское I. *Античный мир и археология*. Вып. 7. С. 128–153 (в соавт. с Е.Я. Роговым).
27. Керамические комплексы некрополя Панское I. *Античный мир и археология*. Вып. 8. С. 122–151 (в соавт. с Е.Я. Роговым).
28. Синопские амфоры. Динамика форм и стандартов. *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья*. Белгород-Днестровский. С. 59–61.

1991 год

29. Новые исследования грунтового Аткарского могильника. *Археология Восточно-европейской степи*. Саратов. Вып. 2. С. 167–188.

1992 год

30. *Греческие амфоры: Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Международный сборник научных трудов / Под ред. В. И. Каца и С. Ю. Монахова. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 18 п.л.
31. Динамика форм и стандартов синопских амфор. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов. С. 163–204.
32. К реконструкции античной методики расчета и моделирования древнегреческих амфор. *Вестник древней истории*. № 2. С. 97–110 (в соавт. с В.Н. Слоновым).

1993 год

33. Les amphores de Sinope. *Anatolia antiqua*. P. Vol. II. P. 107–132.
34. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя. *Античный мир и археология*. Вып. 9. С. 118–159 (в соавт. с Э.Н. Абросимовым).
35. К хронологии Александропольского кургана. *Вторая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 1993. С. 68–70.

1994 год

36. От редактора / Кац В.И. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов. С. 5–8.

1995 год

37. Поисковая система по обработке амфорного материала эпохи классики и эллинизма. *Проблемы информатизации высшей школы*. № 2. С. 6(3)–6(4).

1996 год

38. О фасосском импорте первой половины V века в Северное Причерноморье. *Древнее Причерноморье*. Одесса. С. 70–73.
39. Амфоры Клазомен и "круга Клазомен". *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону. С. 38–45.

1997 год

40. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse Scythe du IVe siècle av. n. e. du Littoral septentrional de la Mer Noire. *Il Mar Nero*. Т. II (1995/96). Bucuresti; Roma; Paris. P. 29–59.
41. Опыт разработки обучающей программы “Античная мифология”. *Теоретические проблемы информатики и ее приложений*. Саратов. Вып. 1. С. 88–91. (в соавт.).
42. Об амфорных комплексах: “чистых” и “нечистых”, узких и широких. *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса. С. 202–212.

1998 год

43. Природные условия и быт населения Северного Причерноморья. *Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм*. Рим. М.: Греко-латинский кабинет. С. 443–456 (в соавт. с В.И. Кацем).
44. Северное Причерноморье в составе державы Митридата Евпатора. *Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм*. Рим. М.: Греко-латинский кабинет. С. 456–469 (в соавт. с Е.А. Молевым).
45. Греческие государства Северного Причерноморья. *Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм*. Рим. М.: Греко-латинский кабинет. С. 469–499 (в соавт. с Е.А. Молевым, В.В. Крапивиной).

1999 год

46. Quelques séries d’amphores grecques des VIIe–Ve s. av. n. e. au Nord de la Mer Noire. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-de-Provence. P. 163–194.
47. Заметки по локализации керамической тары. II: амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды. *Античный мир и археология*. Вып. 10. С. 129–148.
48. К типологии кийских амфор IV–II вв. до н.э. *Боспорский феномен: греческая культура периферии античного мира*. СПб. С. 161–172.
49. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., ил., прил.
50. Электронный учебник «Античная мифология» (коллектив авторов). Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 990101 РОСПАТЕНТа от 26.02.99.

2001 год

51. Мендейский импорт в Причерноморье в V–IV вв. до н.э. *Боспорский феномен: колонизация региона; формирование полисов*. СПб.: изд-во Государственного Эрмитажа. С. 57–65.
52. История древнего мира. Учебно-методическое пособие. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 96 с. (в соавт. с Т.П. Кац, В.И. Кашеевым, В.Н. Парфеновым, Е.В. Смыковым).

2002 год

53. Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U6. Aarhus: Aarhus University Press. – 578 p. (в соавт. с V.I. Kas, E.J. Rogov, V.F. Stolba, A. N. Scegllov).
54. Редкие формы фасосских амфор IV–III веков. Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та. С. 31–35.
55. “Поздние” серии гераклеийских амфор (конца IV – первой трети III в. до н.э.). *Античный мир и археология*. Вып. 11. С. 167–178.

2003 год

56. Tiles and Ceramic Containers. *Monumental Building U6*. Aarhus: Aarhus University Press. Panskoye I. Vol. I (в соавт. с V.I. Kas, E.J. Rogov, V.F. Stolba, A. N. Scegllov).
57. Amphorae of the Unidentified Centres of the Northern Aegean (the so-called ‘proto-Thasian’ series according to I.B. Zeest). *The Cauldron of Ariantas*. Aarhus: Aarhus University Press. P. 247–259.
58. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. – Москва; Саратов: изд-во «Киммериды»; изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.

2005 год

59. Rhodian Amphoras: Developments in Form and Measurements. *Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press. P. 69–95.
60. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фанталовского полуострова. *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар. С. 107–118 (в соавт. с В.И. Кацем, Е.В. Кузнецовой).
61. Рецензия: Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. Под ред. А.К. Гаврилова, Н.А. Павличенко, Д.В. Кейера, А.В. Карлина. - XVI + 432 с.: ил. + геогр. карты (вкладыш) + электр. версия. *Древности Боспора*. М.. Вып. 8. С. 308–310 (в соавт. с В.Н. Парфёновым).

2006 год

62. Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.). *Античный мир и археология*. Вып. 12. С. 294–312.
63. "Pseudo-Heraklean" amphoras of the 4-th – the first quarter of the 3-rd centuries B.C. from the Polises of Southern Black-Sea Region. *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. Batumi; Trabzon. P.11–14.
64. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии. *Liber Archaeologicae*. Сб. статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН. С. 89–93.

2007 год

65. «Псевдогераклейские» амфоры IV – первой трети III в. до н.э. из Южного Причерноморья. *Из истории античного общества*. Вып. 9–10. Нижний Новгород. С. 86–96.
66. Перспективы развития инновационного университетского комплекса в условиях высококонкурентного регионального образовательного пространства. *Роль современного технического университета в формировании экономики знания*. Новочеркасск. С. 42–44 (в соавт. с Л.Ю. Косовичем, Д.А. Усановым).
67. Перспективы развития инновационного университетского комплекса в условиях высококонкурентной региональной среды. *Инновации*. № 4(102). СПб. С. 67–69 (в соавт. с Л.Ю. Косовичем, Д.А. Усановым).

2008 год

68. К истокам возникновения хореографического образования. *Педагогика искусства: вопросы истории, теории и методики*. Вып. 3. Саратов. С. 51–57 (в соавт. с И.А. Перепелкиным)

2009 год

69. Археологические горизонты культуры. *Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета: итоги и перспективы*. Саратов. С. 144–148.
70. Институт археологии и музей археологии СГУ: направления работы и первые результаты. *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 7. Саратов. С. 7–18.
71. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н.э. из Ольвии. *Норция: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения А.И. Немировского*. Вып.6. Воронеж. С. 125–145 (в соавт. с А.В. Буйских).
72. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские»). *Международные отношения в бассейне черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону. С. 148–161 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).

2010 год

73. New series of amphorae from southern Pontic poleis, 4th – first third of the 3rd centuries B.C. *PATABS I*. P. P. 23–27, pl. 12, 13.
74. К юбилею Александра Павловича Медведева. *Античный мир и археология*. Вып. 14. С. XVII–XX.

75. Памяти Александра Николаевича Щеглова (1933–2009). *Вестник древней истории*. № 3. С. 236–237 (в соавт. с Ю.А. Виноградовым, К.К. Марченко).

2011 год

76. Новая "прикубанская" серия эллинистических амфор. *Античный мир и археология*. Вып. 15. С. 265–283 (в соавт. с Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко).

77. Новая "прикубанская" серия эллинистических амфор. *Боспорский феномен*. СПб. С. 310–316 (в соавт. с Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко).

78. On one Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre IV BC (former "Bosporus" or "early-Chersonessian"). *PATABS II*. Sofia. P. 245–258 (в соавт. с E.V. Kuznetsova).

2012 год

79. Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени. *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 4. С. 117–127 (в соавторстве с А.А. Завойкиным).

80. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н.э.: дополнение к классификации. *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь. С. 111–124.

2013 год

81. Une nouvelle serie d'amphores hellenistiques «prikoubanskaia». *PATABS III*. P. 165–184 (в соавт. с N.Yu. Limberis, I.I. Marcenko).

82. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. *Вестник древней истории*. № 3. С. 28–51.

83. Склад амфор 290Б из Фанагории. *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. М. С. 206–230 (в соавт. с А.А. Завойкиным, Е.В. Кузнецовой).

84. Заметки по локализации керамической тары. IV: Амфоры Икоса. *Античный мир и археология*. Вып. 16. С. 255–266 (в соавт. с Н.Ф. Федосеевым).

85. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе. *Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар. С. 294–301.

86. Еще одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства. *Древности Боспора*. М. С. 58–268.

87. Программа вступительных экзаменов в магистратуру по направлению: 030600 «История». Саратов. – 49 с. (в соавт. с А.В. Гладышевым, А.А. Германом).

88. Программа государственного экзамена. «История». Для государственной итоговой аттестации выпускников. Саратов. – 78 с. (в соавт. с А.В. Гладышевым, А.А. Германом).

89. Учебник «История и археология Северного Причерноморья» для магистрантов: <http://textbook.net16.net/index.html>. – электронная версия (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Б. Чурековой).

90. Амфоры Икоса. *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке*. СПб. С. 554–561 (в соавт. с Н.Ф. Федосеевым).

2014 год

91. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus*. № 3. С. 195–222.

92. Программа государственного экзамена «Археология Восточно-Европейской степи» для государственной итоговой квалификационной аттестации выпускников [Электронный ресурс] / сост.: Саратов: [б. и.]. – 22 с. http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/908.pdf (в соавт. с В.А. Лопатинным).

93. Истокообразная аппроксимация в трехмерных обратных задачах электроразведки. *Недра Поволжья и Прикаспия*. Вып. 80. С. 35–45 (в соавт. с П.Н. Александровым).

2015 год

94. К юбилею Ивана Ивановича Марченко. *Античный мир и археология*. Вып. 17. С. XIII–XXVIII.

95. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии. *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 3. С. 105–119.
96. IV Международная научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». *Вестник древней истории*. № 4. С. 294–301 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Б. Чурековой).

2016 год

97. Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I. *Stratum plus*. № 3. С. 309–339.
98. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Саратов; Керчь. – 322 с. (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Ф. Федосеевым, Н.Б. Чурековой).
99. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское I в Крыму. *Записки ИИМК РАН*. Вып. 14. С. 113–126.
100. Укек в контексте евразийского пространства. *Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / К.А. Аблязов, Э.С. Кульпин-Губайдуллин, Ф.А. Рашитов (ред.). Саратов. С.63–67.
101. Еще раз о гераклеийских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима. *Stratum plus*. № 6. С. 345–358.
102. Внешняя торговля Боспора в IV–II вв. до н.э. по данным керамических клейм. *Вопросы эпиграфики*. М. № VIII. С. 104–120 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).

2017 год

103. V Международная научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 23–25 сентября 2016 г.). *Вестник древней истории*. Т. 77. № 2. С. 488–497 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Б. Чурековой).
104. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». *Каталог*. Саратов: тип-фия «Новый проект». – 320 с. (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Б. Чурековой)
105. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. *The Northern Black Sea in Antiquity* / V. Kozlovskaya (ed.). Cambridge University Press. P. 59–99, 294–298, 318–360 (в соавт. с E. V. Kuznetsova).
106. Амфорные клейма. Приложение 4 / Котенко В.В. *Поселение херсонесской хоры Маслины в Северо-Западной Таврике*. Харьков. С. 183–198 (в соавт. с В.И. Кацем, М.В. Иващенко).
107. Опыт издания археологических коллекций из фондов крымских музеев. *Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма*. Итоги целевого конкурса РФФИ. Симферополь: изд-во Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. С. 184–192.
108. Керамический комплекс из землянки в помещении 42а (1989 года) в III квартале Херсонеса. *Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории*. Севастополь: ИП Бровко. С. 172–177.
109. К юбилею Владимира Ивановича Каца. *Античный мир и археология*. Вып. 18. С. XII–XVI.

2018 год

110. Комплекс амфор Гераклеи Понтийской из ямы № 41 (1968 г.) на о. Березань. *Записки ИИМК РАН*. № 18. С. 60–67 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Чистовым, Н.Б. Чурековой).
111. Амфорная коллекция Государственного Эрмитажа (VI–II вв. до н.э.). *Вестник древней истории*. № 4. С. 919–928 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Чистовым, Н.Б. Чурековой).
112. Monakhov S., Kuznetsova E., Chistov D. An Assemblage of the mid-6th century BC well from the Berezan excavations of 1963/1964. *Pontica* 51, Suppl. V. P. 97–113.

113. Редкие формы амфор из Прикубанского некрополя. *Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова*. Севастополь; Калининград. С. 163–170 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко).
114. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону. С. 320–333.
115. Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта: создание музейных каталогов и электронной базы данных (АРЕ)». *Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России»*. Севастополь. С. 77–82 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).

2019 год

116. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа. Каталог*. Саратов: тип-фия Амирит. – 352 с.: ил. (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Чистовым, Н.Б. Чурековой).
117. Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани. *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 1. С. 8–24 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Чистовым).
118. Once More on the Subject of Herakleian Amphorae with Stamps of the Manufacturer Etymos. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 25. P. 59–78.
119. Амфорная коллекция ГМИИ им. Пушкина: обзор самого интересного (тара западнопонтийских центров). *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции*. / Ред. сост. Д.А. Костромичев. Севастополь. С. 191–198.
120. Комплекс амфор 1948–1949 гг. на холме «Г» в Фанагории: полный контекст. *Вестник Танаиса*. № 5. Т. 2 / С.М. Ильяшенко (ред.). Ростов-на-Дону: Альтаир. С. 49–59.
121. Комплекс середины VI в. до н.э. из Березанского колодца 1963/1964 гг. *Античный мир и археология*. Вып. 19. С. 183–200 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Чистовым).
122. Hellenistic Amphorae in the Project «Greek Amphorae from Northern Pontus Euxinus. *International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period*. Athens. P. 58. (в соавт. с N.B. Churekova).
123. On Trade Relations of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (on Ceramic Complexes). *International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period*. Athens. P. 58–59 (в соавт. с E.V. Kuznetsova).

2020 год

124. *Амфоры VI–I вв. до н.э. из обрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: тип-фия Амирит. – 218 с.: илл. (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, В.П. Толстиком, Н.Б. Чурековой).
125. Применение естественно-научных методов при исследовании керамических артефактов. *Боспорские чтения-XXI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте*. Симферополь; Керчь. С. 243–247 (в соавт. с А.В. Мандрыкиной, А.М. Антипиным, В.К. Кварталовым, Д.Н. Хмелениным, Е.В. Чернобахтовой, А.Л. Васильевым, Е.Ю. Терещенко, О.А. Алексеевой).
126. Методология разномасштабных исследований керамических артефактов. *Вестник «История керамики»*. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 162–184 (в соавт. с А.В. Мандрыкиной, А.М. Антипиным, В.К. Кварталовым, Д.Н. Хмелениным, Е.В. Чернобахтовой, А.Л. Васильевым, Е.Ю. Терещенко, О.А. Алексеевой, Е.Б. Яцишиной).
127. Биография и научный путь А.П. Медведева. *Археологическое наследие*. № 1(3). Воронеж: Научная книга. С. 12–20.
128. Амфорный склад 1966 года на Новоэспланадном раскопе в Пантикапее. *Археологическое наследие*. 2020. № 1(3). Воронеж: Научная книга / С.Ю. Монахов (отв. ред.). С. 462–467 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).

129. Амфорная коллекция VI в. до н.э. – I в. н.э. из Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. *Вестник древней истории*. № 80(2). С. 482–496 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, В.П. Толстикovým, Н.Б. Чурековой)
130. Склад амфор в пантикапейском погребѣ № 645 (1967 года). *Археологические вѣсти*. № 29. СПб. С. 263–268.
131. Подарок вождю: римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ. *Нижневожский археологический вестник* / А.С. Скрипкин (ред.). Волгоград. Т. 20. С. 307–311.

2021 год

132. Хронология скифосов «беглого стиля» и амфор из Прикубанского некрополя. *Вестник древней истории*. № 1. С. 149–165 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко).
133. Уникальная находка греко-италийской амфоры в Причерноморье. *История и культура античного мира* (к 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Боруховича) / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород. С. 212–223.
134. Chronology of the «Fat Boy Group» skyphoi and amphorae from the Prikubansky burial ground. *Journal of Ancient History*. No. 81/2. P. 588–603 (в соавт. с E.V. Kuznetsova, N.Ju. Limberis, I.I. Marchenko).
135. The amphora assemblage of 1948–1949 from Hill 'G' in Phanagoria: the full context. *Ancient West & East*. Vol. 20. P. 257–269.
136. Новые материалы к хронологии и типологии амфор Аканфа. *Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции*. Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / А.В. Зайков, Д.А. Костромичев, Е.С. Лесная. Севастополь. С. 210–218.
137. Сравнительный анализ элементного состава античной керамики из Книда и Коса: уточнение локализации. *Российские нанотехнологии*. Т. 16. № 5. С. 711–730 (в соавт. с А.В. Мандрыкиной, В.Б. Кварталовым, Е.В. Кузнецова, Е.Ю. Терещенко, О.А. Алексеевой).
138. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н. э. по материалам керамических комплексов Кубани. *Stratum plus*. № 6. С. 183–207 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).
139. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 20. No. 2. P. 43–65.
140. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos: Clarification of Localization. *Nanobiotechnology Reports*. Vol. 16. No. 5. P. 684–703 (в соавт. с A.V. Mandrykina, V.B. Kvartalov, E.V. Kuznetsova, E.Yu. Tereschenko, O.A. Alekseeva).
141. Once More on the Dating of the "Royal" Five Brothers' Burial Mound No. 8. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 27. P. 268–293.
142. The Discovery of a Greco-Italic Amphora from the Black Sea Region. *Pontica*. Vol. LIV. P. 295–305.
143. Синопские амфоры из Прикубанского меотского некрополя. *Античный мир и археология*. Вып. 20. С. 261–294 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).
144. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов: Волга. – 324 с. (в соавт. с Е.В. Кузнецовой, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко, Н.Б. Чурековой).
145. Об амфорах из Первого Мордвиновского кургана и хронологии этого памятника. *Первый Мордвиновский курган*. СПб. С. 80–89.

2022 год

146. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии. *Археологические вѣсти*. Вып. 35. СПб. С. 145–159 (в соавт. с Е.В. Кузнецовой).

**ПИСИСТРАТ ЧЕРТОМЛЫКСКИЙ.
К ИСТОРИИ ОДНОГО АМФОРНОГО КЛЕЙМА**

Аннотация: в 1981 г. во время исследования Чертомлыкского кургана экспедицией Б.Н. Мозолевого (ИА АН УССР) при случайных и неясных обстоятельствах было найдено клеймо магистрата Писистрата на фрагменте гераклеийской амфоры. Клеймо датируется более ранним временем (середина – третья четверть IV в. до н.э.), чем три клейма Херсонеса, Родоса (?) и Синопы (около последнего десятилетия IV в. до н.э.), обнаруженные И.Е. Забелиным в 1860-х гг. При этом гераклеийское клеймо, возможно, синхронно амфорному материалу, найденному в кургане в 1981–1986 гг. (Полин 1991; 1993; 1998). В целом этот хронологический парадокс может иметь несколько объяснений: клеймо Писистрата не имеет отношения к керамическому комплексу Чертомлыка и происходит из другого кургана; «двухслойная» хронология клейм и амфор связана с двумя последовательными погребениями в Чертомлыке; позднейшие амфорные находки относятся к поминальным тризнам, а не ко времени сооружения кургана; возможны ошибки и просчёты в хронологии керамических клейм.

Таким образом, допустимо заключение, согласно которому календарная датировка Чертомлыкского кургана и его захоронений не может быть в настоящее время надёжно определена по материалам керамической эпиграфики. Здесь пока устанавливаются лишь самые общие хронологические рамки, а более точными могут оказаться построения на основе хронологии других категорий находок и исторических событий второй половины IV в. до н.э.

Ключевые слова: Скифские «царские» курганы, Чертомлыкский курган, история исследований, амфоры, амфорные клейма.

A.Yu. Alekseev¹

**MAGISTRATE PEISISTRATOS OF CHERTOMLYK BARROW.
TO THE HISTORY OF ONE AMPHORA STAMP**

Abstract: in 1981 during the additional excavation of Chertomlyk burial mound by the Boris N. Mozolevsky expedition (Institute of archaeology of Academy of Sciences of the USSR) the stamp of Peisistratos on a fragment of the amphora from Heraklea Pontika was found under random and unclear circumstances. The stamp dates from more earlier time (mid – third quarter of the 4th century BC) than three stamps from Chersonesos, Sinope and Rhodes–? (last decade of the 4th century BC), discovered by Ivan E. Zabelin in 1860s. At the same time the Heraklean stamp can be synchronous with the amphorae found in the burial mound in 1981–1986 after Sergey V. Polin. This chronological paradox can have several explanations: the stamp of Peisistratos comes from another burial mound; the “two-layer” chronology of stamps and amphorae is associated with two burials in Chertomlyk; later amphorae finds belong to funeral rituals, and not to the time of the burial mound construction; errors and miscalculations in the chronology of ceramic stamps are possible.

So, exact calendar dating of the Chertomlyk barrow cannot be reliably established after the materials of amphorae epigraphy. Only the general chronological framework is being defined here now. And logical constructions based on the chronology of other finds and historical events of the second half of the 4th century BC may turn out to be more significant and accurate.

Keywords: Scythian “royal” barrows, Chertomlyk barrow, the history of investigation, amphorae, amphorae stamps.

Был бы горшок, а крышка найдётся

Как известно, хронология скифских причерноморских курганов в настоящее время базируется преимущественно, хоть и не единственно, на датировках греческого керамического им-

¹ Алексеев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, al_and_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4412-5473>.

порта, включая амфорный и эпиграфический материал. Всё, что относится к этим категориям находок, в том числе старые и новые данные, может иметь значение для хронологических исследований и оказать влияние на принимаемые решения. И очевидно, что работы С.Ю. Монахова в этой области для скифологии во многом являются ключевыми.

Именно поэтому мне представляется полезным вернуться в этой заметке к истории обнаружения одного амфорного фрагмента, прочно введённого в последние десятилетия в корпус находок из скифского Чертомлыкского кургана. Большинства участников тех событий уже нет с нами, поэтому предоставление даже незначительных и частных сведений может в результате оказаться важным в источниковедческом плане.

Осенью 1981 г. после окончания аспирантуры в Эрмитаже и накануне защиты кандидатской диссертации о Чертомлыкском кургане мне довелось принять участие в исследовании этого кургана в экспедиции Б.Н. Мозолевого. Совместные работы Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества (руководителем немецкой группы была профессор Гёттингенского университета Ренате Ролле) в том году на кургане велись неспешно, как я помню, в основном в центральной части и на юго-западном останце насыпи. Основными находками были фрагменты амфор и они кучками лежали возле экспедиционного вагончика, дожидаясь сортировки. В экспедиции многие надеялись на находки новых амфорных клейм после раскопок И.Е. Забелина в 1862–63 гг., обнаружившего три клейма, поскольку их значение для всех исследователей было вполне очевидно². Но клейма не находились.

В экспедиции работало довольно много сотрудников и среди них волонтеры, в том числе и Л.В. Череватенко³, палатка которого была разбита недалеко от кургана. Лёня Череватенко частенько бродил вокруг кургана, попутно собирая подъёмный амфорный материал на поле и возле курганов в округе. Однажды мы с ним разговорились об истории исследований Чертомлыка, в том числе хронологических, и он, узнав, что в Ленинграде в ЛОИА АН СССР работают специалисты по античным амфорам и керамической эпиграфике (прежде всего речь шла об И.Б. Брашинском и А.Н. Щеглове), передал мне часть собранных им в округе Чертомлыка амфорных фрагментов, полагая, что они мне скорее могут пригодиться. К этой маленькой коллекции затем добавилось два-три фрагмента из тех, что были найдены на самом Чертомлыке, которые я подобрал «на память» для того, чтобы хорошенько рассмотреть и при возможности исследовать в Эрмитаже. Возможно, делать этого тогда не следовало, и сегодня я бы так не поступил, но в те годы я ещё плохо умел просчитывать отдалённые последствия того или иного поступка. Черепки казались совершенно не примечательными, и было их на раскопе так много, что представлялось совершенно очевидным – большую их часть всё равно оставят на кургане⁴.

Таким образом, я вернулся в Ленинград с небольшой коллекцией амфорных фрагментов, которая приросла ещё несколькими черепками, собранными возле большого скифского кургана Нечаева Могила. Через некоторое время я решил разобраться с этими фрагментами, предварительно отмыв их от земли и налипшей глины. И на одном фрагменте неожиданно проявились буквы клейма... Это был фрагмент из «чертомлыкской» группы, но откуда именно – из сборов Л.В. Череватенко или из находок на кургане уверенно установить было уже невозможно. Я, разумеется, тут же написал об этом Б.Н. Мозолевскому, решив, что это клеймо с Чертомлыка, а сам тем временем показал фрагмент И.Б. Брашинскому и Н.Л. Грач. И.Б. Брашинский

² Как я помню, была даже сомнительная попытка мотивировать находку – Е.В. Черненко в шутку заявлял, что нашедшему фрагмент с клеймом достанется приз в виде бутылки водки.

³ Леонид Васильевич Череватенко (1938–2014) – известный украинский журналист, писатель, поэт и сценарист.

⁴ Амфорные находки 1981 г. только по профилированным частям были отнесены С.В. Полиным минимум к одиннадцати сосудам из более чем ста амфор в кургане (Полин 1993: 79).

предположил, что это гераклейское клеймо Амфистрата⁵ середины IV в.⁶, что, как выяснилось в дальнейшем, было ошибочным прочтением, но вошедшим в монографическую публикацию коллекции Чертомлыкского кургана 1991 г. (Алексеев и др. 1991: 81, кат. 215). Мой соавтор В.Ю. Мурзин, которому я в конце 1980-х гг. рассказал всю эту историю с клеймом, уверенно решил, что этот фрагмент мог происходить с юго-западного останца насыпи, на котором и производились основные работы в 1981 г. Правда, ко времени публикации монографии сам фрагмент затерялся и найти его, по уверению В.Ю. Мурзина, не удавалось, поэтому его воспроизведение в книгу включено не было. Но к выходу немецкой версии книги фрагмент нашёлся (рис. 1), и его изображение туда вошло (Polin 1998: taf. 15: 4, 16: 1). С тех пор это клеймо стало считаться найденным в Чертомлыке, хотя полной уверенности в этом у меня нет до сих пор.

В конце 1981 г. или в 1982 г. в Эрмитаж приехали Б.Н. Мозолевский и Е.В. Черненко, которым я передал чертомлыкский фрагмент гераклейской амфоры. Киевские коллеги нанесли визит директору Эрмитажа и моему научному руководителю Б.Б. Пиотровскому, с которым обсуждали перспективы совместной публикации материалов Чертомлыкского кургана, чему тогда и в том виде осуществиться так и не было суждено.

В 1990-е годы, когда готовилась немецкая версия монографии о Чертомлыке, С.В. Полин, занимавшийся амфорной керамикой Чертомлыка, нашёл в Институте археологии НАНУ этот фрагмент гераклейской амфоры, уточнил чтение и установил, что клеймо в действительности принадлежало не Амфистрату, а магистрату Писистрату, датировав его приблизительно серединой – третьей четвертью IV в. (Polin 1998: 153–166). После этого ситуация с датировкой Чертомлыка стала лишь сложнее и запутаннее, и полностью преодолеть это не удаётся до сих пор.

Под насыпью Чертомлыкского кургана в результате исследований, растянувшихся на долгие годы, было открыто и исследовано два последовательно сооружённых погребения – первичная Центральная могила и боковая Северная, не считая сопровождающих захоронений на периферии кургана. Обе основные могилы соединял грабительский ход, начало которого проходило через Северную могилу, и на глубине приблизительно 4,5 м от уровня дневной поверхности входивший в провал над северо-западной камерой V Центральной могилы. Вопрос грабительского хода несколько осложнён версией Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко о его совпадении с гипотетическим длинным дромосом, соединявшем обе могилы, признающей архитектурную одновременность этих двух комплексов (Болтрик, Фиалко 1995; Болтрик 1997). Впрочем, этот вопрос, до сих пор не имеющий уверенного ответа, оказывается документально весьма запутанным, и лишь косвенно и отдалённо относящимся к календарной датировке сооружения кургана (Алексеев 2002: 163). При этом я всё же придерживаюсь традиционной версии о существовании только грабительского хода и, соответственно, разновременности двух гробниц Чертомлыка (Алексеев и др. 1991: 60–61; Алексеев 2002: 163–164).

В настоящее время основные точки зрения относительно времени сооружения Чертомлыкского кургана, представленные в литературе, не сильно, но всё же отличаются друг от друга, заключаясь в пределах пары десятков лет и помещаясь в целом в интервал третьей четверти IV в. Так, если С.В. Полин склоняется к наиболее ранней дате – 50–40-м гг. IV в. (Полин 1991), то Ю.В. Болтрик считает, что в Чертомлыке мог быть погребён царь Атей⁷, погибший в 339 г. (Бол-

⁵ Должен заметить, что гераклейский магистрат с таким именем неизвестен, хотя существовал фабрикант Амфистрат, работавший приблизительно в 340–330 гг.

⁶ Здесь и далее все даты даны до н.э., кроме особо оговоренных случаев.

⁷ Полагаю, что в данном случае будет уместным заметить, что мне иногда приписывают идентификацию кургана Толстая Могила с гробницей Атея (напр., Мозолевский, Полин 2005: 362), хотя ни в одной своей работе я никогда этого не утверждал. В заблуждение, видимо, вводит таблица приблизительной синхронизации некоторых скифских курганов (в том числе и Толстой Могилы) с эпохой царя Атея и временем его смерти (Алексеев 2003: 276, табл. 11).

трик 2002: 157), что, как будто бы, представляется привлекательным и С.Ю. Монахову (Монахов 1999: 368), тогда как А.Ю. Алексеев полагает вероятной датой 329/328 г. – год гипотетического контакта европейских скифов с Александром Македонским, когда умер неизвестный по имени скифский царь (Алексеев и др. 1991: 137; Алексеев 2001а: 139). Очевидно, что в данном случае опорой всех этих версий являются не только античные керамические материалы, но значительно более широкий и разнообразный корпус источников – чернолаковая керамика, золотые нашивные бляшки, бронзовые наконечники стрел, драгоценное оружие, уникальная эпиграфика и литературные произведения. Но четыре известных керамических клейма, которые хоть и не демонстрируют хронологического единства, занимают среди них очень значительное место, позволяя исследователям, кстати, проявить в том числе собственные субъективные предпочтения.

Я не могу в данном случае претендовать на всеобъемлющее знание (тем более критическое) специальной литературы по керамической эпиграфике или опереться на результаты собственных исследований в этой области. Поэтому я готов лишь вновь подтвердить свои давние заключения (напр.: Алексеев 2001а: 73, 74; 2003: 267–269) и кратко обобщить то, что уже было опубликовано в различных работах относительно клейм Чертомлыка.

В насыпи Чертомлыка и окружавшей её каменной крепиде в 1862–63 г. было найдено три клейма: херсонесское клеймо астинома Ксанфа, датирующееся 315–300 гг. (Кац 1994)⁸ и находившееся в камнях крепиды или в самой насыпи на глубине более 14 м от вершины кургана (ДГС 2 1873: 85)⁹; синопское клеймо астинома Бория I группы 306–284 гг. и более узко – 304 г. (Федосеев 1994: 189; Fedoseev 1999: 27–48) или 310–285 гг. (Conovici et al. 1989: 111–123)¹⁰, обнаруженное в камнях восточной стороны насыпи на глубине от 10 до 14–15 м с вершины (ДГС 2 1873: 84); уникальное прямоугольное клеймо ТИМАР, предположительно родосское, фабриканта Тимарха (?)¹¹, относящееся к ранней фабрикантской группе конца IV – 80-х гг. III в. (Кац 2002: 153–167, табл. 2), и найденное в центральной части насыпи на глубине от 10 до 14–15 м (ДГС 2 1873: 84).

Два последних клейма упоминаются вместе в описи и донесении И.Е. Забелина от 5 июля 1862 г. как находки, сделанные на глубине пятой и шестой сажени, и сопровождаются любопытным и даже актуальным комментарием, который заслуживает быть процитированным: «Эти находки весьма важны и любопытны в том отношении, что по сравнению упомянутых клейм с другими подобными клеймами во множестве находимыми на местах черноморских греческих поселений может быть возможно будет определить хотя бы приблизительно время сооружения Чертомлыцкой Могилы и таким образом приобрести хотя один наиболее важный хронологический пункт столько желательный в розысканиях о скифской древности ...» (Забелин 1862).

Состав этой группы клейм продемонстрировал некую загадку, поскольку при раскопках Чертомлыка с 1981 по 1986 г. в материалах тризны и погребениях в кургане были найдены и оп-

⁸ Следует иметь в виду и точку зрения С.В. Полина, отстаиваемую им на протяжении долгого времени, о необходимости понижения хронологии начального херсонесского и позднего гераклейского клеймения. Его дискуссия на эту тему с В.И. Кацем представляется уже столь же привычной, сколь и пока практически бесплодной (Мозолевский, Полин 2005: 380 сл; Кац 2016).

⁹ Напомню, что высота Чертомлыцкого курана достигала приблизительно 21 м, а «раскопка кургана в 1862 г. была доведена до седьмой сажени глубины по отвесу с вершины насыпи» (ДГС 2 1873: 85). Часть клейм была найдена раньше этого момента, часть – позднее.

¹⁰ Астинома Бория I ранее относили ко II группе синопских клейм Б.Н. Гракова, а в настоящее время исследователи приписывают его более поздним магистратским хронологическим группам (Кац 2015: № 1106 (91)).

¹¹ Глина ручки этой амфоры напоминает фасосскую, о чём в конце XIX века в рукописном каталоге находок в Чертомлыцком кургане писал ещё Г.Е. Кизерицкий. Но для ранних родосских амфор с круглым клеймом ТИ/МАР такой признак известен (Василенко 1972: 18).

ределены амфоры типа «Солоха I», Пепарета («тип Солоха II»), Менды, Синопы, Гераклеи, Херсонеса (Монахов 1999: 364). Но первоначально амфор, которые могли бы соответствовать херсонесскому клейму Ксанфа и родосскому (даже при допущении, что глина этого клейма напоминает фасосскую), якобы выявлено не было (правда, С.В. Полин допускал принадлежность некоторых неопределённых фрагментов к амфорам типа «Солоха I» и круга Фасоса (Полин 1991: 366; Polin 1998: 153)). Он же тридцать лет назад в связи с этим осторожно высказался о том, что связь двух клейм с тризной кургана вообще оказывается не доказанной (Полин 1991: 371). А вот тогдашнее предположение С.В. Полина, что отсутствие херсонесских амфор в тризнах может указывать на «более ранний возраст кургана по отношению к дате начала херсонесского клеймения в последней четверти IV в.», остаётся мне до сих пор не слишком понятным, особенно на фоне реально известной в Чертомлыке находки херсонесского клейма астинома Ксанфа. Следует иметь в виду и то, что уже через несколько лет после первой публикации коллекции Чертомлыкского кургана в 1991 г., С.В. Полин несколько иначе представил перечень найденных в кургане амфор, на который и опирался С.Ю. Монахов – тип «Солоха II» (54 экз.), с рюмкообразной ножкой (45), синопские (8), гераклейские (3), типа «Солоха I» (1), херсонесские (1), неопределённые (5) (Полин 1993: 79).

Как следует из вышеприведённого сжатого перечня дат для чертомлыкских клейм, все они без особой натяжки могут быть признаны близкими по времени между собой и датированы приблизительно концом (последним десятилетием) IV в. На этом фоне гераклейское клеймо Писистрата может быть отнесено к более раннему времени и с очевидностью отрывается от этой даты (даже при самом позднем варианте его датировки) не менее, чем на 10–15 лет. В пределах середины IV в. – начала третьей четверти датировал его С.В. Полин (Полин 1993: 79; Мозолевский, Полин 2005: 370), концом 340-х – первой половиной 330-х гг. – С.Ю. Монахов (Монахов 1999: 635)¹² и началом 330-х или 320-ми гг. – В.И. Кац (Кац 2002; 2007: 430).

Соответственно, возникает необходимость предложить объяснение этому хронологическому парадоксу. Тем более что он как бы «дублируется» несовпадением даты трёх забелинских клейм, с одной стороны, с хронологией амфор, найденных в Чертомлыке в 1981–86 гг. и отнесенных С.В. Полиным к середине – началу третьей четверти IV в. (Полин 1991: 374; 1993: 79), а с другой – с возможным временем чернолаковых керамических сосудов из камеры V основного погребения Чертомлыка – чашечки со штампованным орнаментом и графито, а также фрагмента валикообразного венчика канфара или килика-канфара (Алексеев и др. 1991: кат. 149, 150)¹³.

Самое очевидное, но поверхностное объяснение вытекает из истории самого гераклейского клейма – оно просто может не иметь отношения к керамическому комплексу Чертомлыка, и происходит из другого кургана. Но следует отметить, что это объяснение не отменяет хронологического несовпадения «забелинских» клейм с амфорами и чернолаковыми сосудами кургана.

¹² При этом ещё раз отмечу (см. Алексеев 2001а: 140–141), что в таблице синхронизации клейм гераклейских, фасосских и синопских магистратов в своей книге 1999 г. С.Ю. Монахов поместил Писистрата под 329 г. (Монахов 1999: 635), что точно, вплоть до года, совпадает с датой сооружения Чертомлыка, предложенной мною совсем на другом основании – на сообщении Арриана о смерти анонимного скифского царя во время среднеазиатского похода Александра Великого. Впрочем, это совпадение не имеет определяющего и существенного значения, поскольку время магистратуры Писистрата пока не может быть уверенно установлено столь точно, и её хронология колеблется. Так, клеймо Писистрата встречено в Восьмом Пятибратнем кургане совместно с клеймами более ранних гераклейских магистратов Андроника и Лиситея. Да и в другом месте книги С.Ю. Монахова Писистрат отнесен к периоду от середины 40-х гг. до первой половины 30-х гг. IV в. (Монахов 1999: 362).

¹³ Эти сосуды по морфологическим признакам и параметрам могут быть датированы широким хронологическим интервалом – от середины IV в. до конца этого столетия (Sparkes, Talcott 1970: cat. № 829–831; Rotroff 1997: cat. № 661, 701, 704, 966, 974). Об их хронологии с акцентом на середину – третью четверть IV в., см. также: Мозолевский, Полин 2005: 365, 366.

Другое объяснение асинхронности клейм заключается в истории строительства самого кургана, под насыпью которого было, скорее всего, обнаружено два последовательных захоронения. Гераклеийское клеймо могло быть связано с первичной могилой кургана, а все остальные – с более поздней боковой Северной могилой (Алексеев 2001б: 138)¹⁴.

Можно также предположить, что поздние клейма, особенно те, что были найдены в камнях крепиды – херсонесское и синопское – были связаны с тризной и поминальными ритуалами, происходившими позднее строительства насыпи кургана (Монахов 1999: 363, 368). А вот гераклеийское клеймо относится ко времени сооружения основной могилы.

Ну и, разумеется, можно допустить ошибки и просчёты в хронологии керамических клейм. Какое из этих объяснений (если не принимать во внимание других возможных вариантов¹⁵) является предпочтительным, в настоящее время, к сожалению, установить невозможно.

Резюмируя все данные, накопившиеся за последнее время относительно установления времени сооружения Чертомлыкского кургана, можно прийти к следующему заключению: точная календарная датировка кургана и его захоронений не может быть надёжно установлена по амфорным материалам, включая известную керамическую эпиграфику. Здесь пока допустимы лишь косвенные заключения и самые общие хронологические рамки, а более детальными могут оказаться построения на основе хронологии других категорий находок и исторических событий второй половины IV в.¹⁶

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев и др. 1991 – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова Думка. – 416 с.
- Алексеев 2001а – Алексеев А.Ю. 2001. Когда и кто был погребен в Чертомлыкском кургане? *БФ* (2), 137–141.
- Алексеев 2001б – Алексеев А.Ю. 2001. Греческие амфоры Краснокутского кургана. *РА* (4), 69–76.
- Алексеев 2002 – Алексеев А.Ю. 2002. К хронологии погребальных сооружений Чертомлыкского кургана. *БФ* (2), 161–164.
- Алексеев 2003 – Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* СПб.: изд-во Государственного Эрмитажа. – 416 с.
- Болтрик 1997 – Болтрик Ю.В. 1997. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти. *Археологія* (1), 28–36.
- Болтрик 2002 – Болтрик Ю.В. 2002. Был ли Атей погребён в Чертомлыке? *БФ* (2), 157–161.
- Болтрик, Фіалко 1995 – Болтрик Ю.В., Фіалко О.Е. 1995. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. (пошук історичних реалій). *Археологія* (2), 3–13.

¹⁴ Следует отметить, что С.Ю. Монахов более двадцати лет назад уже предполагал, что объединять весь амфорный материал в один комплекс не следует (Монахов 1999: 363). Эта ситуация несколько напоминает положение с двухслойной хронологией амфор из Зеленского кургана (Кац 2002), или Восьмого Пятибратнего кургана в понимании Н.Ф. Федосеева, подтвердившего существование в этом кургане двух хронологических горизонтов клейм – 350 и 330 гг. и укрепившего предположение о двух разновременных погребениях (Федосеев 2015: 252). Впрочем, В.П. Копылов отнёсся к последнему предположению весьма скептически, высказав, кстати, попутно здравую мысль, что «определять датировку погребения, основываясь исключительно на хронологии амфорных клейм» не всегда правильно (Копылов 2016: 243). С.В. Полин, в свою очередь, допустил существование всех амфор и клейм Восьмого Пятибратнего кургана около 345 г. (Полин 2014: 434), а С.Ю. Монахов – во второй половине 350-х – на рубеже 350-х – 340-х гг. (Монахов 2018: 332).

¹⁵ Так, С.Ю. Монахов не исключал того, что гераклеийская амфора с клеймом также могла попасть в курган при совершении позднейших тризн, если магистратура Писистрата имела место после 339 г. (Монахов 1999: 369).

¹⁶ Подобный вывод, разумеется, не является совершенно новым и неожиданным. В своё время, столкнувшись уже с подобными ситуациями несогласованности археологического материала (и не только относительно Чертомлыкского кургана) я попытался внедрить в собственные хронологические исследования многослойность датировок «царских» курганов (Алексеев 2003: 255–258), несколько расширив представление об «узких» и «широких» датах М.Б. Щукина, но особых успехов это не принесло и поддержки коллег не получило.

- Василенко 1972 – Василенко Б.А. 1972. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III вв. до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. – 24 с.
- ДГС 2 1872 – Древности Геродотовой Скифии. 1872. Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях (II). *Материалы по археологии России* (2). СПб.: ИАК. – 117 с., прилож., табл.
- Забелин 1862 – Забелин И.Е. 1862. О расследовании Толстой Могилы на Чертомлыке Екатеринославской губернии. Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 2. 1862 г.
- Кац 1994 – В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель. Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 170 с., СХ табл.
- Кац 2002 – Кац В.И. 2002. Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса. АМА (11), 153–167.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / БИ (XVIII)*. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Кац 2015 – Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгияния и её хора, Семибратнее гордище. Каталог*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 180 с., с илл.
- Кац 2016 – Кац В.И. 2016. Изыскания С.В. Полина в области керамической эпиграфики Гераклеи Понтийской. *Stratum plus* (3), 241–258.
- Копылов 2016 – Копылов В.П. 2016. Черты элитарной боспорской культуры в курганах Елизаветовского некрополя. *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола 22–25 ноября 2016 года*. СПб., 240–245.
- Мозолевский, Полин 2005 – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Баби-на, Водяна и Соболева Могилы)*. Киев: издательский дом «Стилос». – 600 с., табл., илл.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2018 – Монахов С.Ю. 2018. Ещё раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* (2) / А.Н. Коваленко (отв. ред.). Ростов-на-Дону: ИП Истратов С.В. 320–333.
- Полин 1991 – Полин С.В. 1991. Амфоры кургана Чертомлык / Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. *Скифский царский кургана IV в. до н.э.* Киев: Наукова Думка, 365–374.
- Полин 1993 – Полин С.В. 1993. Ещё раз об амфорах кургана Чертомлык. *Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / И.И. Марченко (ред.)*. Краснодар, 79–80.
- Полин 2014 – Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонцине*. Киев: «Видавець Олег Філюк». – 776 с.
- Федосеев 1994 – Федосеев Н.Ф. 1994. Хронология синопских магистратских клейм. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова* (II). Запорожье, 188–190.
- Федосеев 2015 – Федосеев Н.Ф. 2015. К вопросу о датировке Восьмого кургана из группы «Пять братьев» на Елизаветовском могильнике. *БИ (XXXI)*, 249–254.
- Conovici et al. 1989 – Conovici N., Avram A., Bordea G. 1989. Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. *Dacia. NS* (XXXIII, 1–2), 111–123.
- Fedoseev 1999 – Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire, Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994 / Y. Garlan (ed.)*. Aix-en-Provence: publications de l'Université de Provence, 27–43.
- Polin 1998 – Polin S.V. 1998. Zum Amphorenbestand des Čertomlyk-Kurgans / Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A. Ju. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts. Hamburger Forschungen zur Archäologie* (1). Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 153–166.
- Rolle et al. 1998 – Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts. Hamburger Forschungen zur Archäologie* (1). Mainz: Verlag Philipp von Zabern. – 499 S., Taf.
- Rotroff 1997 – Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora* (XXIX). Princeton (New Jersey): The American School of classical studies at Athens. – 575 p., 264 ill.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.

Рис. 1. Реконструкция гераклейского клейма магистрата Писистрата (по: Polin 1998: pl. 15 -4)

HERAKLEIAN AMPHORAE WITH STAMPS FROM DOBRUJA

Abstract: present paper highlights various complete or fragmentary amphorae from Herakleia Pontike, assigned to a typology. The chronological scheme follows the classification proposed by Monakhov in 2003; for the stamps we follow the chronological grids proposed by Kac in 2003 and 2007 and observations issued by Balabanov et al. 2016 occasioned by the findings from Kostadin Tchechma, in eastern Bulgaria.

Our data confirm and complete the typology proposed by Monakhov in 2003. A special situation is represented by the uninomial stamped amphorae of Late Fabricant Group (LFG) that request their classification in one of the I-A variants or admitting a new variant inside I-A, covering the last part of the 4th century BC and the first decades of the 3rd century BC.

Key words: magistrate, fabricant, typology, chronology.

Л. Бузояну¹

КЛЕЙМЁНЫЕ ГЕРАКЛЕЙСКИЕ АМФОРЫ ИЗ ДОБРУДЖИ

Аннотация: в настоящей статье освещаются различные целые или фрагментированные амфоры Гераклеи Понтийской, выделенные в отдельный тип. Хронологическая схема соответствует классификации, предложенной С.Ю. Монаховым в 2003 году; при работе с клеймами мы следуем хронологии, предложенной В.И. Кацем в 2003 и 2007 годах, и наблюдениям, опубликованным П. Балабановым и др. в 2016 году, основанным на находках из Костадина Чешмы в восточной Болгарии.

Наши данные подтверждают и дополняют типологию, предложенную С.Ю. Монаховым в 2003 году. Особую ситуацию представляют одноименные амфорные клейма, относящиеся к поздней фабрикантской группе (ПФГ), которые требуют их классификации в одном из вариантов I-A или допускают новый вариант внутри I-A, охватывающий конец IV в. до н.э. и первые десятилетия III в. до н.э.

Ключевые слова: магистрат, фабрикант, типология, хронология.

Our contribution intends to update the data regarding the typology of amphorae originary from Herakleia, applied to the vessels discovered on the Romanian territory of Dobruja. We have used a selective method and that means we refer to the stamped amphorae included in a typology, according to their sizes and morphological aspect. Our research is based on the typological classification elaborated by Monakhov (2003) that develops and refines the typology proposed by Brashinskij in 1980, founded, at its turn, on the typology established by Zeest in 1960. Brashinskij narrowed down the five Zeest types in three main types (I Brashinskij = I Zeest; II Brashinskij = II Zeest; III Brashinskij = V Zeest) and a variant (I A Brashinskij = III, IV Zeest). Types II and III includes each of them two variants – II A, II B and III, III A for which they preserve the same term of ‘type’ (Брашинский 1980: 22–23). At his turn, Monakhov preserves the three main types and he added them a characteristic: type I – pithoid; type II – conical; type III – biconical; variant I A is preserved under the same term. Basing his observations on the knowledge of a great number of archaeological complexes and applying simultaneously various elements in defining a type, Monakhov develops inside each of these types many variants, according to the evolution of vessels. The chronological limits are slightly changed at Monakhov. Accordingly, the pithoid type is assigned in the last quarter / end of the 5th century BC – the first quarter of the 4th century BC (compared to the first / beginning of the 2nd quarter of the 4th century BC at Брашинский 1980); type IA, which at Брашинский 1980 occupies the 2nd quarter – middle of the 4th century BC, ends at Monakhov in the third quarter of the 4th century BC. There are slight chronological differences inside types II and III.

Stamps follow the chronological classification proposed by Kac in 2003, resumed with some additions and corrections in 2007. We add to these data the chronological observations based on the

¹ Бузояну Ливия, старший научный сотрудник Музея национальной истории и археологии Констанца, Piața Ovidiu nr. 12, Cod poștal 900745, Constanța, România.

archaeological complexes in the north of Black Sea, analysed by Monakhov in 1999 and those incurred by the researches in east of Bulgaria, from Kostadin Tchechma (Balabanov et al. 2016).

Materials presented by us are coming from necropoleis and settlements or from isolated archaeological finds published by Irimia in 1973, 1983, 1991, 2004–2005. Other published materials did not draw special attention and they were mentioned only as items of a funerary inventory. A more developed article and a monograph, both signed by E. Teleagă pay a special attention to the amphorae from Herakleia Pontike analysed from the point of view of the discovery complexes (Teleagă 2003) and the Greek imports from the necropoleis at the Lower Danube in the 6th–3rd centuries BC (Teleagă 2008).

Our contribution is sequential: it takes into consideration only stamped amphorae for which the proposed typological and chronological grids are verifiable.

Amphorae

Type I pithoid is present with the variants I-4 and I-5: the first three variants, dated at the end of the 5th – beginning of the 4th BC (I-1 and I-3) or only at the beginning of the 4th century BC (I-2) are absent; for the moment, variant I-6 as well, dated in the first quarter of the 4th century BC. For the *variant I-4*, dated in the first quarter of the 4th century BC, we mention:

- amphora from Văleni bearing the name of the fabricant Ἀρχέλας (Irimia 1973: 25, pl. 19 -7, 9 -7, 22 -5); and another amphora at Zebil, with the name of the fabricant Σωτήρ I (Irimia 1983: 140, pl. 11 -5, 7 -15, 16 -6). Both fabricants worked in the Early Fabricants Group (EFG) and in the first Magistrates' Group (MG I). The same fabricants are mentioned also on the amphorae I-4 type at Монахов 2003: pl. 88 -4 (Ἀρχέλας, different die) and pl. 87 -4 (Σωτήρ I). For the second fabricant see also Balabanov et al. 2016: cat. 125 C and the complementary stamp beside that belonging to the magistrate Ἀριστοκλῆς on the item from Murighiol (Бужор 1958: 134, pl. 6 -2; Teleagă 2008: 376, cat. 181);

- a complete item from Histria-Pod belongs also to the variant I-4; the vessel bears the stamp of the magistrate Ἀριστοκλῆς and the fabricant Σατυρίων (both names are written in whole). The same names are written on an amphora from the store at Berezan, 1968 (Монахов 1999: 202–203 and pl. 80). Ἀριστοκλῆς is known on the I-4 type amphorae (Монахов 2003: pl. 88 -5) and I-6 (pl. 90 -6) and it is placed at the beginning of the group MG I (for archaeological contexts see Монахов 2003: 129 and n. 41–43);

- two complete amphorae found close to Callatis and illustrated by Canarache 1957: 192, fig. 31 and 32 we recognize them belonging to variant I-4. They are 0.65 m height and 0.27 m the size of the maximum diameter. The item at fig. 31 includes the name of the fabricant Εὐκλείων, written in whole, in Genitive (Εὐκλείωνος). Complete amphorae with the same layout of the name were in the north-Pontic area in contexts dated in the limits of the 90s of the 4th century BC (Монахов 1999: 168–171 and pl. 59, 60) and they belong to the variant I-4 of Heraklean amphorae (Монахов 2003: 216).

The second amphora illustrated by Canarache (fig. 32) has an englyphic binominal stamp on its neck. The name Ἀθαναίων is clear to be read on the 1st row; the 2nd row includes letters AIOMP (with *rho* written backwards), where we cannot be sure it is about the magistrate Αἰθήρ (and the drawing reproduced *M* instead of *H*) or another name written retrograde. Therefore we rely on the certain name of the fabricant; Ἀθαναίων appears at Pridik 1917: 120, no. 12 together with the name of the magistrate Ἀρίστων (MG II Καс 2003; Кац 2007). Both Αἰθήρ (about which we are not sure) and Ἀρίστων are in common archaeological contexts (Монахов 1999: 268–271 and 278–280). They belong to the same chronological sequence – 80s – beginning of the 70s of the 4th century BC, and the stamped amphorae with their names are considered as the latest items of the variant I-4 (Монахов 2003: 131).

- a shape to be classified in the variant I-4 can be recognized in an amphora from Poarta Albă with a corroded stamp and dipinto on the neck (Irimia 1973: 31, nr. 8).

Variant I-5, dated in the first quarter of the 4th century BC can be recognized in an item from Tomis with the name of the fabricant Θήραϊος (Bucovală 1966: 10–11 -a; Buzoianu 1991: 83 and 95) and

another from Callatis with the name of Στασίχορος (Buzoianu 1999: 202, 208; pl. I -2). Both names, written in the Genitive with *omicron* belong to early fabricants: the first is absent at Καϰ, but it is present at Balabanov et al. 2016, cat. 114 C; the second is present at Καϰ 2007 in EFG. Both fabricants are named also on binominal stamps with the magistrate Ἀλκέτας (Balabanov et al. 2016: 147 and 164, cat. 168 D). The complete item from Tomis was found in the context with an Attic cup-skyphos, dated about 400–380 BC (Coja, Gheorghiuț 1983: 50, cat. 53, with reference to Sparkes, Talcott 1970: cat. 621–623; see also Alexandrescu 1978: cat. 561).

The name of the fabricant Στασίχορος, is written on two retrograde rows on an item from Kostadin Tchechma (Balabanov et al. 2016: cat. 124 C). The uninomial stamps of Στασίχορος were found in archaeological contexts at the end of the 90s – middle of the 80s of the 4th century BC, together with stamps of other fabricants in the category EFG (Μοναхов 1999: 215). Στασίχορος appears also on binominal stamps associated with the names of magistrates around 80s – 70s of the 4th century BC on amphorae variant I-4 (Μοναхов 1999: 268–269 and pl. 110, magistrate Ἀρίστων; p. 311, magistrate Δε(ι)νόμαχος). It is also known the association of the names Στασίχορος-Λυσιθεος on a type II-1 amphora (Μοναхов 1999: 359–361 and pl. 158); in this situation, it can be a late homonym of the fabricant.

Type I-A is represented by the variants I-A-2, I-A-3 and I-A-4.

Variant I-A-2, dated between 70s – 40s of the 4th century BC can be recongnized in an amphora from Medgidia with the stamp Διονυσίο Κε(ρκίνο) (Irimia 1973: 40, no. 4, pl. 20 -1; 10 -10, 24 -7). Magistrate Κερκίνος I (Balabanov et al. 2016: 128) is known with the fabricants Ἀρχέστρατος and Διονύσιος I. The stamp has analogies at Kostadin Tchechma, cat. 56. The two names are also recorded in variant of die on an amphora included also in the category I-A-2 at Monakhov 2003: pl. 91 -7. Κερκίνος I is established by Balabanov et al. 2016 in the group Bc and at a difference from its homonym, Κερκίνος II (group E), about 20 years (Balabanov et al. 2016: tabl. III). Maintaining the difference between the who homonyms and the fabricants attested with each of them (Balabanov et al. 2016: 128) and correlated with the typology of amphorae, we notice that the earlier name of the magistrate (Κερκίνος I) is written on amphorae of the variant I-A-2 (Μοναхов 2003: pl. 91 -7) and the later name (Κερκίνος II) on amphorae of the variant I-A-2 (pl. 91 -6) and II-1 (pl. 93 -1).

Two amphorae from Herakleia Pontike with englyphic stamps are coming from Histria necropolis, tumulus XXI (Alexandrescu 1966: 181, XXI 11–12; pl. 76 and 90). According to the photo (Pl. 76) we restore for the item XXI 11 the legend [Ἡρακλε|]ίδα ἐπὶ [Κα|ϱ]α[κύδεος] framing the symbol ‘cluster of grapes’ in a triangle. Magistrate’s name is placed in MG III (Καϰ 2003; Καϰ 2007) and can be found in the same layout on amphora of variant I-A-2 from kurgan 5 of the group „Руаѳ’ браѳ’ев” from Elisavetovskoe (Μοναхов 1999: 328 and pl. 140 -1). The amphora is resumed by Μοναхов 2003: pl. 91 -5, and the discovery context is established at the end of the 70s – 60s of the 4th century BC. (Μοναхов 2003: 133).

The upper part of an amphora found at Agigea with the stamp Σπίνθαρος-Μαλάκων is also included in the variant I-A-2. The magistrate is included in the group MG IV (Καϰ 2003; Καϰ 2007). The amphorae bearing his name are considered the latest items of the variant I-A-2, in the 50s – 40s of the 4th century BC (Μοναхов 2003: 133 and pl. 92 -2).

Variant I-A-3 is established between 70s – 60s of the 4th century BC. There are included in this variant the amphorae from Topraisar tumulus (Irimia 1976: 37–56) with the name of the magistrates Κερκίνος II (9 items) and Πανσανίας (8 items); both magistrates have in common the name of the fabricant Νόσσοϰ. The tumulus was initially dated in the middle-possible in the third quarter of the 4th century BC (Irimia 1976), and subsequently limited at the first half of the 60s of the 4th century BC (Μοναхов 1999: 308–309). The two magistrates assigned in the group MG III (Καϰ 2003; Καϰ 2007) belong to very close dates: to the limit of the 60s of the 4th century BC – Κερκίνος -, and a little later

for Παυσανίας (Μοναхов 2003: 133). The name of the first magistrate is also written on the amphorae of the variants I-A-2 and II-1 (see above), and the stamps of Παυσανίας on the amphorae of variant I-A-2 (Μοναхов 2003: pl. 91 -8).

A complete item with the stamp Νόσσοϲ | ἐπὶ Παυσανία comes from Satu Nou necropolis (Mitrea et al. 1962). Vessel sizes (H=0.62 m; D=0.22 m) pleade for recognizing variant I-A-3, too. The amphora is also recorded by Teleagă 2008: 377, cat. 209 and pl. 89 -2; 185 -6, 7.

A special mention needs the amphorae with the names of fabricants belonging to *Late Fabricants Group* (LFG). The shape and sizes of vessels are close to the variants I-A-2 and I-A-3, with heights up to 0.64–0.67 m (to the complete amphorae found at Adâncata, 23 August and Valea Teilor) and values of the maximum diameter between 0.24–0.26 m. Higher values of the diameter are recorded for two amphorae of Ἀριστοκράτης from Fântâna Mare (D=0.265 m and Adâncata (D=0.275 m), and a value of the diameter of only 0.235 m is recorded for a vessel of Γέρων from Valea Teilor.

According to the incidence of names, most amphorae bear the stamps of Ἀριστοκράτης (englyphic stamps; the name in Nominative and Genitive, written with angular *sigma*), Διονύσιος II (?) (Μοναхов 2003: 126) (stamps in relief, complete name, in Genitive), Γέρων (englyphic stamps, name in Genitive). The fabricants Ἀριστοκράτης and Διονύσιος are known at Μοναхов 2003 on amphorae of variant II-A-3 (pl. 97 -2, 3 for Ἀριστοκράτης and pl. 97 -5 for Διονύσιος). To be mentioned that the name of Διονύσιος is written in short on amphorae of variant II-A-3 (Μοναхов 2003: pl. 97 -5 and also on amphorae of type IV (pl. 97 -6). Early homonyms appear on amphorae of variants I-4 (Διονύσιος I) and I-5 (Διονύσιος II).

The situation of the amphorae listed in the present paper allow us to admit for the vessels with the names of producers of LFG different typologies (than II-A-2 and II-A-3). This aspect means that for some typological variants, we take into consideration lower chronological limits. It is not excluded that some of the workshops preserved traditional shapes produced also at the end of the 4th century and the beginning of the 3rd century BC. The great number of stamps with the name of Ἀριστοκράτης, for example, does not exclude such a hypothesis.

The amphorae with conical shape of *type II* are present on the variants II-1 and II-2.

In *variant II-1*, dated in the 2nd and the 3rd quarter of the 4th century BC we include two amphorae with the names of the magistrates Ἀνδρόνικος (MG III; Κατ 2003; 2007) and Λυσίθεος (MG IV; Μοναхов 2003: 125). In common archaeological contexts and almost on the same type of amphorae, the two magistrates are established between 50s – 40s of the 4th century BC, with slight nuances: Ἀνδρόνικος in the second half of the 50s of the 4th century BC and Λυσίθεος to the middle of the 40s of the 4th century BC (Μοναхов 1999: 359).

On the item from Tomis, the name of Ἀνδρόνικος appears together with the fabricant Χαϊρέσιος (the complete form of name and written with *epsilon*). The name of this fabricant is different compared to his homonym of EFG: it appears in a corrupt form, with the magistrate Παυσανίας II (Balabanov et al. 2016: 188, cat. 252 E) and it is dated around 355 BC (Balabanov et al. 2016: tabl. III).

An item from Cernavoda (Irimia 1973: 17 and pl. 18 -2, 22 -1) with leaf shaped stamp and the monogram ΣΠ(-) ΔΙ(-) belongs to the same category. A similar stamp, dated in the third quarter of the 4th century BC is recorded by Μοναхов 2003: 135 and pl. 93 -6 on an amphora of variant II-1.

Variant II-2, dated between 70s – 30s of the 4th century BC is present with many stamped amphorae bearing magistrates' names of the groups MG III and MG IV. We mention accordingly:

- an item from Cernavoda with the name of the magistrate Σκύθαϲ (MG III; Κατ 2003; 2007), dated in the 60s and the first half of the 50s of the 4th century BC (Irimia 1973: 17, 19 and pl. 18 -3; 9 -2; stamp reviewed at Irimia 1980: 75, no. 84). The type of stamp (ἐπὶ Σκύθα) is present at Брашинский 1980: cat. 456. At Μοναхов 2003: 135–136, the name of magistrate appears on amphorae of variants II-2 and II-3;

- at Callatis, on an amphora of variant II-2, the name of Σκύθας appears with the fabricant Ἡρόδωρος (Buzoianu 1999: 202, 208, pl. II -2);

- the name of the same magistrate Σκύθας appears with the fabricant Ἀρίστων on an amphora from Topraisar (Irimia 1973: 60, no. 1 and pl. 21 -3 and 11 -3); the same names are written on a complete amphora from Elisavetovskoe, kurgan No. 15 (1909). The vessel is illustrated by Брашинский 1980: M 99, pl. IV, IX and Монахов 1999: pl. 142;

- we also mention for Topraisar another item of variant II-2 with an illegible stamp (Irimia 1973: 60, no. 3 and pl. 21 -4);

- an item from Tomis with the legend ἐπι Καλλία Φίλισκος (Buzoianu 1991: 83, 95 and pl. 4; 9). Magistrate Καλλίας, whose name is written on amphorae of type I-A-2 (Монахов 2003: pl. 92 -1) and III (biconical) is included in MG III (Και 2003; 2007). It is a late item of this group, between the middle of the 50s – middle of the 40s of the 4th century BC (Монахов 1999: 419) or not later than the 40s of the century. At its turn, the fabricant Φίλισκος, present on binomial stamps together with the names of magistrates among which the earliest is Καλλίας (Монахов 1999: 440) appears also in uninominal stamps (LFG) on amphorae of variant II-A (Монахов 2003: pl. 95 -5, 6).

The names of the magistrates of the group MG IV are also known on the amphorae of variant II-2:

- magistrate Σπίνθαρος is known on an amphora from Castelu (Irimia 1973: 33–35 and pl. 19 -4; 11 -15; for the stamp, see also Teleagă 2008: 380, cat. 239). The name of the magistrate is recorded by Монахов 2003: pl. 12 -2 on an amphora of type I-A-2, established among the latest items of this variant;

- the name of the magistrate Δαμάτριος II, dated about 340–330 BC, together with the fabricant Ἀττης appears on an item from Dulcești (Irimia 1973: 56, no. 1, pl. 21 -7, 11 -7, 25 -1). Δαμάτριος II, among the findings from Kostadin Tchechma with the fabricant Βόστρυχος (group G) is considerable later than Δαμάτριος I, established in group A (Balabanov et al. 2016: 191, cat. 257 G, tabl. III);

- we mention also an amphora from Războieni bearing on its neck the emblem *kantharos*, framed in a square form. The shape and the sizes (H=0.647 m; D=0.245 m of vessel) lead us possibly to variant II-2 of amphorae.

Other variants of type II, namely II-A-2 and II-A-3, dated at the end of the 4th century BC – beginning of the 3rd century BC or only the beginning of the 3rd century BC are represented by few items.

In the *variant II-A-2*, dated at end of the 4th century BC – beginning of the 3rd century BC, we mention an item from Callatis with disparate non-linear letters ΕΥΑ (Buzoianu 1999: 208 and pl. II -3). The item stands apart by its rather high neck (>0.185 m) compared to the maximum diameter (0.21 m). Monograms or shortened names are recorded on items of this type and the most frequent are NI and ΗΡΑ(-) (Монахов 2003: 222 and pl. 96 -3, 4, 6). They are attested on various stamped fragments from Callatis, Albești and Satu Nou (Buzoianu, Bărbulescu 2008: under cat. – S 143–147 and S 149). Letters ΕΥ by themselves are preserved between an englyphic stamp with frame from Albești (Buzoianu, Bărbulescu 2008: cat. S 141). For the amphora from Callatis we mention the form Εὐα(-); but a possible identification of the name Εὐα(ρχος) is not sustainable by the stamps chronology or the typology of the vessels bearing the name of this fabricant.

Type IV of amphorae (or Islam Geaferca type) have different shapes. Monakhov 2003: p. 139–140 tells two sub-types – IV-1 and IV-2, both dated in the first third of the 3rd century BC. Various proposals for dating them took into consideration: 1st century BC – beginning of the 1st century AD (Bujor 1961; 1962), 4th – 3rd centuries BC (Виноградов, Онайко 1975), middle of the 3rd century BC (Брашинский 1965; Василенко 1974).

Apart from 26 items (of which 20 items were recovered) from the store at Islam Geaferca (present Florești), few items were added to this type. Two of them from Nazarcea (former Galeșu) and Valea Teilor (Meidanchioi) have been published by Bujor since 1962. Each of them bears englyphic

stamps on the neck – Διονυ(σίου), the item from Valea Teilor and MI (or more probably MH) – the item from Nazarcea. A more recent item comes from Medgidia and it bears on its neck the englyphic stamp ΙΦ (Irimia 1983: 126, fig. 14 -1).

The same relief letters read ΦΙ or ΙΦ, appear at Брашинский 1980: cat. 510 and they are included in the category of abbreviated names or isolated letters. At Кац 2007 the stamps of this type are included in the group of late fabricants (Кац 2007: 244 and fig. 57 where we recognize a ΙΦ stamp). We do not exclude that an Islam Geaferca amphora found at Pietroiu – Borcea had written on its neck the same letters [Ι]Φ (Mușețeanu et al. 1978: 176, no. 196 and fig. 4 -8).

Conclusions

Our data confirm and complete the general typology proposed by Монахов 2003.

Variants I-4, I-A-2 and II-2 are best represented. The special situation of the amphorae with uninomial stamps of the category LFG request their classification in one of the variants I-A or the acceptance of a new variant also included into I-A variant, covering the last part of the 4th century BC and the beginning of the 3rd century BC. In the same time, we mention that for Albești and Satu Nou, stamps from Herakleia Pontike of LFG category were repetitive, in archaeological contexts with Rhodian stamps from the periods I c – II a (Finkielsztein 2001) and Sinopean stamps of the groups VI B and VI C (Garlan, Kara 2004). These incidents intend maybe to resume the LFG group (or group IV after Брашинский 1980) or change its inferior limit from the end of the first quarter of the 3rd century to the middle and the third quarter of the century (Buzoianu, Bărbulescu 2008: 141–142). Stamping 'at least in the third quarter of the 3rd century' was mentioned also by Conovici, Irimia 1991: 140.

From chronological point of view, the first quarter of the 4th century is represented by amphorae of the variants I-4 and I-5, present in the colonial environment (Tomis, Callatis) or close colonial environment (Histria-Pod and near Callatis), as well as in the local environment (Văleni, Zebil, Poarta Albă).

The second and the third quarter of the 4th century BC are documented by many variants: I-A-2, I-A-3, II-1 and II-2. The interval, with rather large limits between the 70s – 30s of the 4th centuries BC have some nuances: the sequence between the 70s – first part of the 60s of the 4th century BC are better represented in the local environment from Medgidia, Topraisar and Satu Nou and only isolated in the colonial environment (Histria – necropolis); the second interval better marked is established between the first half of the 50s – middle of the 40s of the 4th century BC through the findings from Tomis, Callatis, Cernavoda, Castelu and Agigea (the last two settlements inside the Tomitan territory).

The end of the 4th century – the first decades (the first third) of the 3rd century BC belong to the LFG amphorae; they overpass by their number (if we refer only to the items and stamps of Αριστοκράτης found in the west-Pontic area) the other categories.

Excepting the store at Florești (Islam Geaferca) the number of items of type IV is reduced and it occupies a limited area in the centre and north of Dobruja, and they are assigned a date in the first third part of the 3rd century BC.

The Herakleian presence is more visible in the local environment (mostly through the findings in the necropoleis). As expected, Callatis has a better situation among colonies, marked thorough the period of Herakleian products' circulation. For Tomis, the imports from Herakleia Pontike are limited in number, probably due to the Milesian feature of the colony. The level of imports from Herakleia is low at Histria, too. The colony has mostly the role of mediating the circulation of Herakleian amphorae in the northern area of Dobruja and along the Danube.

This information based on stamped amphorae provides a partial image about the imports of amphorae assigned to Herakleia Pontike. A complete image from the point of view of the centres of consumer should take into consideration both the analysis of the amphorae stamps and the presence of the unstamped amphorae.

REFERENCES

- Брашинский 1965 – Брашинский И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. *НЭ* (V), 10–30.
- Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Л.: Наука. – 270 с., 42 табл.
- Бужор 1958 – Бужор Э. 1958. О гетто-дакийской культуре в Муригиоле. *Dacia NS* (II), 125–141.
- Василенко 1974 – Василенко Б.А. 1974. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н.э. *НЭ* (XI), 3–28.
- Виноградов, Онайко 1975 – Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А. 1975. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое время. *СА* (I), 86–93.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА* (83). – 179 с., ил.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / БИ* (XVIII). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Придик 1917 – Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Пгт.: Типография Российской Академии Наук. – 191 с., 16 табл.
- Alexandrescu 1966 – Alexandrescu P. 1966. Necropola tumulară. Săpături 1955–1961. *Histria* (II), 133–294.
- Alexandrescu 1978 – Alexandrescu P. 1978. *La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.) / Histria* (IV). Bucarest; Paris. – 143 p., ill.
- Balabanov et al. 2016 – Balabanov P., Garlan Y., Avram A. 2016. *Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.)*. Constanța: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie. – 200 p.
- Baumann 1973–1975 – Baumann V.H. 1973–1975. Considerații asupra importului de amfore grecești în nordul Dobrogei. *Peuce* (IV), 29–47.
- Bucovală 1966 – Bucovală M. 1966. *Necropole elenistice la Tomis*. Constanța: Muzeul Regional de Arheologie. – 135 p.
- Bujor 1961 – Bujor E. 1961. Depozitul de amfore de la Islam Geaferca. *Studii și cercetări de istorie veche* (XII), 85–92.
- Bujor 1962 – Bujor E. 1962. The Amphorae Deposit of Islam Geaferca. *Dacia NS* (VI), 475–487.
- Buzoianu 1991 – Buzoianu L. 1991. Tipuri de amfore de sec. VI–IV a. Chr. descoperite la Tomis. *Pontica* (XXIV), 75–96.
- Buzoianu 1999 – Buzoianu L. 1999. Types d'amphores hellénistiques découverts à Callatis. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / Y. Garlan* (ed.). Aix-en-Provence, 201–214.
- Buzoianu, Bărbulescu 2008 – Buzoianu L., Bărbulescu M. 2008. *Albești. Monografie arheologică. I*. Constanța: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie. – 522 p., ill.
- Canarache 1957 – Canarache V. 1957. *Importul amforelor ștampilate la Istria*. București: Editura Academiei. – 446 p.
- Coja, Gheorghită 1983 – Coja M., Gheorghită M. 1983. *Vase grecești în Muzeul Național*. București: Muzeul Național de Istorie. – 77 p.
- Conovici, Irimia 1991 – Conovici N., Irimia M. 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découverts à Satu Nou (comm. d'Oltina, dép. de Constantza). *Dacia NS* (XXXV), 139–175.
- Finkielsztejn 2001 – Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan. BAR international series* (990). Oxf.: Archaeopress/British Archaeological Reports, 2001. – 260 p., ill.
- Garlan, Kara 2004 – Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica* (XVI), Istanbul; Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.
- Irimia 1973 – Irimia M. 1973. Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu coloniile grecești (secolele V–I î.e.n.). *Pontica* (VI), 7–72.
- Irimia 1976 – Irimia M. 1976. Un mormânt tumular descoperit la Topraisar. *Pontica* (IX), 37–56.
- Irimia 1980 – Irimia M. 1980. Date noi privind așezările getice din Dobrogea în a doua epocă a fierului. *Pontica* (XIII), 66–118.
- Irimia 1983 – Irimia M. 1983. Date noi privind necropolele din Dobrogea în a doua epocă a fierului. *Pontica* (XVI), 69–148.

- Irimia 1991 – Irimia M. 1991. Noi mărturii arheologice privind a doua epocă a fierului în Dobrogea. *Pontica* (XXIV), 97–119.
- Irimia 2004–2005 – Irimia M. 2004–2005. Descoperiri getice în zona Adâncata (com. Aliman, jud. Constanța). *Pontica* (XXXVII–XXXVIII), 319–384.
- Кас 2003 – Кас V.I. 2003. A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike. *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Șteglav on the occasion of his 70th birthday* / P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds). *BSS* (1), 261–278.
- Mitreă et al. 1962 – Mitreă B., Preda C., Angheliescu N. 1962. Șantierul Satu-Nou. Necropola geto-dacă. *Materiale și cercetări arheologice* (VIII), 369–372.
- Mușețeanu et al. 1978 – Mușețeanu C., Conovici N., Atanasiu A. 1978. Contribution au problème de l'importation des timbres grecques dans le sud-est de la Munténie. *Dacia NS* (XXII), 173–199.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Teleagă 2003 – Teleagă E. 2003. Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike. *Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte* (XXII), 69–113.
- Teleagă 2008 – Teleagă E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau (6. Jh. – Anfang des 3 Jhs. v. Chr.)*. Rahden / Westfalen: Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 23. – 524 p., ill.
- Zimmermann, Avram 1987 – Zimmermann K., Avram A. 1987. Archäologische Ausgrabungen in Histria Pod, SR Rumänien. *Klio* (69), 6–27.

Table 1. Heraklean amphorae with stamps from Dobruja

Settlement	Amphora type	Stamp	Chronological group	Bibliography
Adâncata		Αριστο κράτης	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Irimia 1983: 91–92; fig. 8/1, 7/1, 16/1; Irimia 2004–2005: 319, n. 1
Agigea	I-A-2	Σπίνθαρος unidentified device Μαλ[ά κ]ων	MG IV (Кас 2003; Кац 2007)	Irimia 1991: 97; fig. 6/1, 4/1
Albești	-	Αριστο κράτεος	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 262, cat. A 10; pl. 1; 54
		Δι[ο]νυ[σίου]	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 261, cat. A3; pl. 1; 54; relief imprint
		[Διονυσ]ίου	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 261, cat. A4, pl. 1, 54; relief imprint
		[Διονυσ]ίου	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 263, cat. A17; pl. 2; 55; relief imprint
		Ἡρα(--)	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 261–262, cat. A6; pl. 1, 54
		[Ἡρ]α(--)?	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 263, cat. A18, pl. 2, 55
		Λάκων ος	LFG (Кас 2003; Кац 2007, EFG)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 263, cat. A15, pl. 2, 55; relief imprint; backward
		N[ικουστράτου]	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 262, cat. A11, pl. 2, 54; relief imprint
		Νικουστράτου	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu, Bărbulescu 2008: 262, cat. A12, pl. 2, 54
23 August	-	Γέροντος	LFG (Монахов 2003: 126)	Irimia 1983: 94; fig. 9/1, 7/2, 16/2
Callatis	I-5	Στασι χόρο	EFG (Кац 2007)	Buzoianu 1999: 202, 208, pl. I/2
	II-1	Μαλάκων Λυσί(θε)ος	MG IV (Монахов 2003: 125)	Buzoianu 1999: 202, 208, pl. I
	II-2	Ἡροδώρου ἐπι Σκύθα	MG III (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu 1999: 202, 208, pl. II/2
	II-A-2	isolated letters ΕΥΑ	LFG (Кас 2003; Кац 2007)	Buzoianu 1999: 208, pl. II/3

Settlement	Amphora type	Stamp	Chronological group	Bibliography
near Callatis	I-4	Εὐκλε ῖωνος	EFG (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Canarache 1957: 192, fig. 31
	I-4	Ἀθαναίων ΑΙΟΜΡ	MG II (see in the text)	Canarache 1957: 192, fig. 32
Castelu	II-2	Ἡρώων(δας) Σπίν(θαρος)	MG IV (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 33, 35, pl. 19/4, 11/15, 24/4; for the stamp: Teleagă 2008: 380, cat. 239
Cernavoda	II-1	ΣΠ ΔΙ caduceus	MG IV (Καπ 2007: 242, fig. 56/4 Σπίνθαρος)	Irimia 1973: 17; pl. 18/2, 22/1; Teleagă 2008: 381–382, cat. 265
	II-2	ἐπι Σκύθα	MG III (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 17, 19, pl. 18/3, 9/2; Irimia 1980: 75, n. 84
Dulcești	II-2	Ἄττης kantharos Δαμάτρι[ος]	MG IV (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 56; pl. 21/7, 11/7, 25/1
Fântâna Mare	-	Ἀριστο κράτεος	LFG (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 21, 23, pl. 18/5, 9/5, 23/6
	illegible stamp		LFG?	Irimia 1973: 23, pl. 18/8, 9/4; Teleagă 2008: 373–374, cat. 152 read Ἀρι[στο]κράτης]
Florești (Islam Geaferca)	IV	ΔΙΟΝΥ, ΔΙ, Δ, ΔΟΥΛΟΥ, ΜΙ (or ΜΗ), ΝΙ	LFG (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Bujor 1961: 85–92; Bujor 1962: 475–487
Histria (necropolis)	I-A-2	[Ἡρακλε]ῖδα ἐπι [Κα]ῖρα [κύδεος] cluster of grape	MG III (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Alexandrescu 1966: 181, XXI 11–12; pl. 76, 90 (unreinstated stamp)
Histria-Pod	I-4	Ἀριστοκ- λης Σατυριώ- νος	MG I (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Zimmermann, Avram 1987: 10–11, fig. 4
Medgidia	I-A-2	Διονυ- σίο. Κε(ρκίνο)	Κέρκινοϰ I (Balabanov et al. 2016: 128)	Irimia 1973: 40, no. 3, pl. 20/1, 10/10, 24/7 (revised)
	I-A-2	Θύος ἐπι Με λανώπου	MG IV (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 40, no. 4; pl. 20/9, 10/11, 24/1
	IV	ΙΦ	LFG (Καπ 2007)	Irimia 1983: 126, no. 6, fig. 14/1, 7/12, 16/8
Nazarcea (Galeșu)	IV	ΜΙ (or ΜΗ)	LFG (Καπ 2007)	Bujor 1962: 479, no. 23, fig. 3-c
Poarta Albă	I-4	corroded stamp; dipinto ΔΙ	-	Irimia 1973: 31, no. 8, pl. 19/3, 10/3
	-	Μένης	LFG (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 33, no. 10, pl. 19/2, 10/5, 22/7
Războieni	II-2	kantharos in a square frame	anepigraphic stamp	Canarache 1957: 377; Baumann 1973–1975: 35, no. 12, pl. 9/1, 1a
Satu Nou necropolis	I-A-3	Νόσσοϰ ἐπι Παιουανία	MG II (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Mitrea et al. 1962: 370; Teleagă 2008: 377, cat. 209, pl. 89/2, 185/6, 7
Tomis	I-5	Θηραίο	EFG (Balabanov et al. 2016: 147)	Bucovală 1966: 10–11/a; Buzoianu 1991: 83, 95, no. 24, pl. 3, 8
	II-1	Χαιρέσιοϰ club ἐπι Ἄνδρο(νίκου)	MG III (Καϰ 2003; 2007)	Buzoianu 1991: 83, 93, no. 30, pl. 4, 9
	II-2	ἐπι Καλλία Φίλισκοϰ	MG III (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Buzoianu 1991: 83, 95, no. 31, pl. 4, 9
	-	Ἀριστοκράτεος (englyphic stamp on the handle)	LFG (Καϰ 2003; Καπ 2007)	Buzoianu 1991: 95, no. 25, pl. 3, 8

Settlement	Amphora type	Stamp	Chronological group	Bibliography
Topraisar	I-A-3	Νόσσοσ ἐπὶ Κερκίνου (9 items)	Κέρκινοσ II (Balabanov et al. 2016: 128, 176)	Irimia 1976: 48–50, no. 1-9, fig. 2/2, 4/1-3, 5/3-8
	I-A-3	Νόσσοσ ἐπὶ Παυσανία (8 items)	MG II (Καc 2003; Καπ 2007)	Irimia 1976: 50–52, no. 10–17, fig. 4/4-7, 5/1, 6/1–3
	II-2	palmette	anepigraphic stamp	Irimia 1976: 52, no. 18, fig. 2/3, 4/8
	II-2	[.....]Σ [ἐπὶ Σ]κύθα	MG III (Καc 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 60, no. 1, pl. 21/3, 11/13, Teleagă 2008: 380, cat. 235 propose Α[ρίστω]ν (?)
	II-2	illegible stamp	-	Irimia 1973: 60, no. 3, pl. 21/4
Valea Teilor	-	[Γ]έροντοσ	LFG (Μοναχοσ 2003: 126)	Baumann 1973-1975: 36, no. 14, pl. 7/3, 3a (revised stamp)
	IV	Διου(σίου)	LFG (Καc 2003; Καπ 2007)	Bujor 1962: 479, no. 21, fig. 3-b
Văleni	I-4	Αρχ- έλα	EFG (Καc 2003; Καπ 2007)	Irimia 1973: 25, pl. 19/7, 9/7, 22/5
Zebil	I-4	Σωτῆ- ροσ	EFG (Καc 2003; Καπ 2007)	Irimia 1983: 140, pl. 11/5, 7/15, 16/6

ФРАГМЕНТЫ ТАРНЫХ АМФОР ИЗ РАСКОПОК ПАВЛОВСКОГО КУРГАНА

Аннотация: датировка клейм на амфорах, происходящих из комплекса тризны Павловского кургана в Керчи, затруднена многочисленными ошибками в их публикациях. В результате выяснено, что в насыпи кургана было найдено 14 фрагментов с клеймами Фасоса и один – Синопы, происходящий из позднего захоронения. Датировка клейм Фасоса из тризны позволяет отнести основное захоронение в кургане ко времени около 350 г. до н.э.

Ключевые слова: Павловский курган, амфорные клейма, Фасос, Боспорское царство.

А.М. Butyagin¹

FRAGMENTS OF TRADE AMPHORAE FROM THE EXCAVATIONS OF THE PAVLOVSKY BARROW

Abstract: dating of amphorae stamps belonged to the remains of the funerary banquet by Pavlovsky barrow in Kerch is hampered by numerous errors in their publications. As a result, it was found that 14 fragments with the stamps of Thasos and one of Sinope (it belonged to the late burial), were found in the mound of the barrow. The stamps on Thasian amphorae from the funerary banquet allows us to attribute the main burial in the barrow to the time around 350 BC.

Key words: Pavlovsky barrow, amphorae stamps, Thasos, Bosporan kingdom.

Находки амфор из раскопок Павловского кургана 1858 года всегда находились несколько в тени замечательных сокровищ, обнаруженных в основном погребении. Тем не менее они практически сразу попали в научный оборот и всегда оставались в зоне внимания специалистов. Фрагменты амфор с клеймами из насыпи кургана давно учтены и определены известными учёными, и в этом смысле их анализ не составляет особого труда. В то же время, в ходе исследования обнаруживаются некоторые недочёты, несвязанные с работой по определению датировки клейм, которые необходимо исправить, так как они могут исказить интерпретацию и датировку этого замечательного боспорского погребения. В этой небольшой работе я последовательно рассмотрю историю изучения фрагментов с клеймами из Павловского кургана с целью уточнить результаты полученные учёными в ходе предыдущих исследований.

В коллекции Государственного Эрмитажа находится 15 фрагментов амфор с клеймами из раскопок Павловского кургана (шифры Пав.19–33²). Из них 14 составляют фрагменты амфор Фасоса и один фрагмент (№ 10) – Синопы (рис. 1–2). Особого внимания всегда удостоивались фасосские амфоры, так как в данном случае можно видеть относительно большое количество клейм, происходящих из единого комплекса. Ни одна крупная работа о фасосских клеймах не обходится без использования, в том числе материалов из Павловского кургана³.

Одним из самых авторитетных изданий, активно используемых исследователями в настоящее время, является работа И. Гарлана (Garlan 1999), в которой также публикуются фрагменты амфор из Павловского кургана. Этот момент отражён во вступительной статье, где, правда, расположение памятника показано неверно (автор помещает его чуть к югу от Пантикапея, а не в районе Керченской крепости), что, впрочем, не так важно для опубликованного исследо-

¹ Бутягин Александр Михайлович, заведующий сектором Античной археологии Государственного Эрмитажа, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, butyagin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9622-2948>.

² В прилагаемой таблице иллюстраций они стоят в том же порядке, что и в коллекции Государственного Эрмитажа с номерами №№ 1–15. Далее, если указан № без разъяснения происхождения, он относится к номеру на рисунках 1–2 к статье.

³ В Приложении I к статье приведена таблица соответствия нумерации в различных изданиях всех клейм, упоминаемых в статье.

вания (Garlan 1999: 7, fig. 5). Судя по указателю происхождения материалов, использованных в книге, здесь опубликовано 20 фасосских клейм из кургана (Garlan 1999: 318). Таким образом, общее число клейм из него, должно составить 21 единицу. Впрочем, синопское клеймо из Павловского кургана не учтено в соответствующей работе И. Гарлана (Garlan 2004), в результате чего среди клейм, относимых им к IV группе, вообще отсутствует фабрикант Стефан, представленный на этом фрагменте (Garlan 2004: 81–82). Тем не менее такая ситуация требует разъяснения. Согласно И. Гарлану, фасосские клейма из кургана относятся к группам В, С, Е, F, охватывая период от 390 до 345 г. до н.э., что и заставляет задуматься о одновременности комплекса или о том, что оттиски могут относиться к различным захоронениям, причём наиболее раннее из них должно было быть совершено в первой четверти IV в. до н.э.

Наличие в работе И. Гарлана указания на 5 клейм отсутствующих в коллекции находок из Павловского кургана в собрании Государственного Эрмитажа, является весьма важным, если учесть, что среди них присутствуют два ранних клейма групп В и С, существенно влияющие на датировку комплекса. Автор обычно ограничивается указанием места находки, только в двух случаях приводя номер предмета по дореволюционной системе. Описывая три клейма одного штампа (по Гарлану 747, по каталогу № 3, 4 и 13), он дает номер 558^о (Garlan 1999: 247), также ещё в одном случае (по Гарлану 125) указан номер 558^с (это клеймо не входит в коллекцию Павловского кургана в хранении Эрмитажа) (Garlan 1999: 120).

Упоминание номеров эрмитажного собрания говорит о том, что И. Гарлан использовал в работе каталог амфорных клейм Е.М. Придика (1917), о чём прямо пишет в историографическом обзоре (Garlan 1999: 4–5). Однако редкие упоминания этих номеров позволяют предположить, что он пользовался им в какой-то передаче, в связи с чем не имел возможности указать номера, которые приведены там для всех опубликованных клейм. Например, для клейма 705 (№ 15) он не дает номер в эрмитажном собрании, зато сообщает его для аналогичного клейма, найденного в другом месте, притом, что в работе Е.М. Придика имеются оба номера (Garlan 1999: 239).

Судя по всему, основным источником для каталога к работе И. Гарлана была статья Ю.Г. Виноградова о фасосском клеймени, где предлагалась группировка клейм преимущественно по типологическим признакам на 8 групп (Виноградов 1972: 3–63). Этому исследованию И. Гарлан отводит особый раздел в преамбуле к книге. Ю.Г. Виноградовым были учтены 19 фасосских клейм из раскопок кургана, кратко опубликованные в прилагаемой к статье таблице (Виноградов 1972: 49–50, раздел 10). Таким образом, количество их на одно меньше, чем у И. Гарлана, но всё равно превышает число эрмитажной коллекции на 4 единицы. Заметим, что в работе Ю.Г. Виноградова по каким-то причинам не было учтено клеймо № 8, присутствующее в книге И. Гарлана, что, видимо, и объясняет разницу в числах, однако не разъясняет причину появления «дополнительных» 5 клейм.

В приложении к статье Ю.Г. Виноградова прямо указан источник сведений, это уже упомянутый каталог эрмитажной коллекции Е.М. Придика (Виноградов 1972: 49, столбец 2, раздел 10). Данное издание клейм всегда оценивалось исследователями как образцовое. Помимо каталога в книге содержались многочисленные приложения, среди которых есть и указатель места находок предметов, хотя они приводятся и непосредственно в тексте каталога. Кроме того, Е.М. Придик дает ссылки на издания клейм, если такие имелись. В каталоге представлены все клейма из Павловского кургана, находящиеся в Эрмитажной коллекции. Правда, у № 103 (Придик 1917: 40) (№ 12) не отмечено происхождение, хотя ссылка на первую публикацию предмета правильная. Также при публикации № 357 (Придик 1917: 52) (№ 8) указана находка в Павловском кургане и ссылка на публикацию, но нет инвентарного номера. Наиболее серьёзная ошибка сделана в указателе места находки. Здесь в разделе «найденные в Керчи и изданные в Отчётах

Имп. Арх. Комиссии» к находкам из кургана отнесены предметы, изданные в ОАК за 1859 г. за номерами 2–20 и хранящиеся в Эрмитаже под номерами 558^{a-s, u, w, x} (Придик 1917: 187). Таким образом, на 19 опубликованных номеров приходится 21 инвентарный. Если учесть, что к этому нужно прибавить клеймо (№ 8), инвентарный номер которого не приводится, то число клейм из кургана, согласно указателю, должно достигать 22. Кроме того, здесь не упоминается найденное в кургане синопское клеймо (№ 10), хотя оно имеется в каталоге под № 772 (Придик 1917: 99), где указывается и его инвентарный номер 528^h. Так что общее число клейм из каталога, которые потенциально могут претендовать на находку в кургане, увеличивается ещё на одну единицу! Нет сомнения, что источником ошибочной информации является именно указатель. Одна из ссылок здесь просто является технической ошибкой. Дело в том, что номер 558^w отсутствует в тексте каталога, а указатель приводит к клейму под номером 559^w (Придик 1917: 184), найденному в 1891 году и никакого отношения к Павловскому кургану не имевшему.

Судя по всему, при подготовке статьи, Ю.Г. Виноградовым были использованы именно данные указателя к каталогу Е.М. Придика, так как в его работе содержатся почти все клейма, происхождение которых последний связывает с Павловским курганом. Не учтено клеймо (№ 8) опубликованное без инвентарного номера (но впоследствии оно было учтено И. Гарланом под номером 721) (Garlan 1999: 242), а также исключено ошибочно включённое в указатель клеймо 559^w. По неясным причинам в работе Ю.Г. Виноградова, как и впоследствии у И. Гарлана, не было учтено клеймо 558ⁱ (у Е.М. Придика № 130 на с. 42), которое, к счастью, не относится к найденным в Павловском кургане. Однако в статье Ю.Г. Виноградова использованы клейма 558^{d, e, f, g, h, k}, отсутствующие в эрмитажной коллекции находок из Павловского кургана. Заметим, что, помимо прочего, в их число попадают все указанные Ю.Г. Виноградовым, как происходящие из комплекса клейма 1 и 3 ранней групп, а также одно из двух клейм группы 2а (Виноградов 1972: 49). Установление их происхождения является чрезвычайно важным для выяснения точной даты комплекса.

Для полного разъяснения возникших вопросов следует обратиться к первой публикации этих клейм. По завершении раскопок материалы, происходящие из Павловского кургана, поступили в Императорскую археологическую комиссию, откуда впоследствии были переданы в Императорский Эрмитаж. Они были рассмотрены Л.Э. Стефани в статье, посвящённой находкам из Керчи, сделанным в 1858 году (Стефани 1859: 27–144). Кроме прочего, в отдельном разделе были опубликованы обнаруженные в Керчи клейма на фрагментах амфор. Клейма, найденные при раскопках Павловского кургана, были опубликованы вместе с обнаруженными при раскопках в Керчи того же года, всего 40 единиц, сгруппированных по центрам производства, насколько их можно было определить в то время. При этом Л.Э. Стефани указывает, что из Павловского кургана происходят клейма под номерами 2–13 и 26 (Стефани 1859: 140–141, прим. 1). Некоторые номера из этого списка приводятся и в статье с описанием хода раскопок (Археологические разыскания 1859: 8, прим. 2; 13, прим. 1). Здесь также наличествует небольшая ошибка, так как ссылка на найденное синопское клеймо указывает на номер 25. Это явная опечатка, к счастью, не привела ни к какой путанице. Кроме того, видно, что у Л.Э. Стефани на 15 имеющихся фрагментов амфор с клеймами приходится 13 номеров каталога. Дело в том, что под номером 4 (№ 3) автор указывает, что «то же самое клеймо, без всякого различия, повторено на трёх других ручках» (Стефани 1859: 140). Здесь также наличествует одна из неточностей, которые буквально преследуют этот археологический комплекс. Дело в том, что сходные клейма читаются ещё только на двух, а не на трёх клеймах комплекса (№ 4 и № 13). Видимо, изначально Л.Э. Стефани предполагал причислить к ним и ещё одно сходное клеймо тех же магистрата и фабриканта, с аналогичной эмблемой (колонна), но другого штампа, однако впоследствии включил его в список под номером 5, а изначальное указание на сходство, как это порой

случается, осталось в тексте. Впрочем, Е.М. Придик, естественно, исходил из непосредственного анализа предметов в музейном хранении и исправил ошибку.

Таким образом, необъяснимый рост числа клейм происходящих из Павловского кургана в публикациях по сравнению с их реальным числом объясняется путаницей в указателе к каталогу Е.М. Придика, где в ссылке на публикацию Л.Э. Стефани отмечены не номера 2–13 и 26, а номера 2–20. В результате этой путаницы потерялось синопское клеймо (№ 10), а также одно фасосское клеймо (№ 8), зато в число клейм будто бы происходящих из комплекса было добавлено ещё несколько экземпляров. В действительности эти клейма были найдены в районе Керчи в тот же год, когда происходили раскопки Павловского кургана, а впоследствии попали в коллекцию Эрмитажа, где и находятся в настоящее время. Любопытно, что в хранении Государственного Эрмитажа эти клейма числятся под номерами П.1857-20-24, 26, что должно указывать на их обнаружение на год раньше⁴, чем производились раскопки Павловского кургана, хотя в работе Л.Э. Стефани они рассматриваются среди находок, сделанных в 1858 год. Они вполне могут использоваться для установления хронологии клейм, как самостоятельные артефакты, но не имеют никакого отношения к комплексу находок из Павловского кургана и должны быть решительно исключены из такого исследования. Место и обстоятельства их находки не имеют отношения к изучаемой коллекции и могли бы стать целью специального исследования.

В заключение рассказа об изучении клейм из Павловского кургана специалистами по керамической эпиграфике, необходимо остановиться на важнейшем своде керамических клейм, которым является неизданная рукопись III тома IOSPE. Несмотря на то, что этот материал долгое время был малодоступен, он до сих пор остаётся весьма популярным справочником для профильных специалистов. Так как Е.М. Придик был одним из основных авторов книги, туда полностью вошли все клейма из его эрмитажного каталога. Несмотря на редактуру, проведённую под руководством Б.Н. Гракова, некоторые неточности вкрались и в эту работу. Следует отметить, что сюда попали все клейма из Павловского кургана, равно как и те, которые были ошибочно указаны. Однако из 15 клейм происхождение из этого комплекса указано только для 10, но во всех случаях даны ссылки на эрмитажные инвентарные номера. При этом для № 8 приведен номер 558^m (IOSPE III §4: 200, № 1286), который в действительности относится к клейму № 6. Кроме того, происхождение из Павловского кургана указано для клейма № 829 (старый инвентарный номер 554^{su}) (IOSPE III §4: 125–126), в действительности найденного в Змеином кургане, что указано в каталоге Е.М. Придика.

Как видно даже этот почтенный свод не избавлен от ошибок в указании на весьма важное для археологов происхождение включённых в него предметов. Видимо, количество подобных неточностей здесь не ограничивается этими примерами. Так, в ходе работы выяснилось, что для ошибочно включённого Ю.Г. Виноградовым и И. Гарланом в число происходящих из Павловского кургана клейма П.1857-21, указан номер 558^y вместо 558^e (IOSPE III §4: 354, № 2105). Следует отметить, что оба исследователя, не смотря на использование в своих работах IOSPE III, явно не сопоставляли с ним данные, полученные из каталога Е.М. Придика, иначе они обратили бы внимание на несовпадение данных по происхождению клейм. Кроме того, в работы И. Гарлана так и не попало синопское клеймо из Павловского кургана (в IOSPE III его происхождение не указано), а также клеймо П.1857-25, ошибочно помеченное в каталоге Е.М. Придика, как происходящее из Павловского кургана, но неучтённое Ю.Г. Виноградовым.

В целом, можно констатировать, что в работах, посвящённых публикации и изучению фрагментов клеймённых амфор из археологических раскопок вне зависимости от времени её появления и квалификации исследователя, неминуемо присутствуют неточности, связанные с

⁴ Буква «П» означает находку из некрополя или городища Пантикапей, а цифра за ней – год открытия, в данном случае 1857 г.

происхождением материала, причём эти ошибки имеют обыкновение усугубляться в дальнейшем. Такая ситуация понятна, так как для публикаций большого корпуса клейм с целью их хронологических группировок, происхождение материала в большинстве случаев является второстепенной информацией, ошибки в которой не сказываются на полученных выводах. В то же время обратная операция, т.е. определение хронологии конкретного комплекса, исходя из информации о нём в работах, посвящённых клеймам, может привести к большим недоразумениям. В таком случае категорически необходимо обратиться к коллекции предметов, или, если это невозможно или затруднительно, к их первой полной публикации. Такая операция сразу же избавит исследование от возможной путаницы.

Теперь, когда мы установили, что из раскопок Павловского кургана происходят только те 15 фрагментов с клеймами, которые находятся в коллекции Государственного Эрмитажа, рассмотрим данные о том, где конкретно они были обнаружены. Судя по данным, приведённым в ОАК, клейма происходят из трёх контекстов. Синопское клеймо (№ 10, по Стефани № 26) было обнаружено при раскопках ограбленного впускного погребения, представляющего собой кремацию (Археологические разыскания 1859: 8, прим. 2). Ещё два клейма (№ 1–2, по Стефани № 10 и 3) были обнаружены в насыпи кургана (Археологические разыскания 1859: 13, прим. 1). В информации о раскопках также указано, что помимо них в насыпи было обнаружено ещё три неясных клейма, но, к сожалению, они не были сохранены (Археологические разыскания 1859: 9). Все остальные клейма были найдены среди скопления амфор на материке у подножия кургана, вероятно, оставшихся от тризны, произошедшей непосредственно после захоронения (Археологические разыскания 1859: 14, прим. 1).

В первую очередь рассмотрим группу клейм, происходящую именно из этой тризны, так как, вне всякого сомнения, они должны иметь первостепенное значение для определения времени сооружения кургана. К ней относятся двенадцать находок (№ 3–9 и 11–15). Следует отметить, что в двух случаях здесь сохранились не только ручки с частью верхнего прилепа к горлу, но полностью верхние части горл амфор с верхней частью ручек (илл. 3). Амфоры совершенно идентичны и, без всякого сомнения, относятся к «коническо-биконическому» типу «биконического» варианта «развитой биконической» серии II-B-2 по С.Ю. Монахову и имеют многочисленные аналогии, в том числе клеймёные, происходящие и из курганных погребений (Монахов 2003: 68–70). Горла из Павловского кургана почти идентичны горлу амфоры из Бердянского кургана (Монахов 2003: табл. 43–5). Этот тип датируется довольно широко, 375–325 гг. до н.э., причём изучаемые горла можно осторожно отнести к более ранним сериям, которые С.Ю. Монахов датирует 375–350 гг. до н.э.

Уточнить дату тризны могут сохранившиеся на ручках амфор клейма. Всего отсюда происходит 12 амфорных клейм Фасоса, принадлежащие 6 разным магистратам⁵. Лидирует здесь магистрат Нюмфон, которому принадлежат 6 оттисков 3-х разных видов. Самым представительным является штамп с магистратом Люсиклом и эмблемой в виде ионийской колонны (№№ 3, 4 и 13). Он присутствует в трёх экземплярах. Второй штамп с аналогичным магистратом и эмблемой представлен в двух экземплярах (№№ 5 и 6). Ещё на одном клейме представлен фабрикант Аристагор с эмблемой, изображающей морского монстра (дракона). Магистрат Нюмфон отнесён И. Гарланом к группе F2 (350–345 гг. до н.э.), А. Аврамом к группе F1 (356–342 гг. до н.э.), а В.И. Кацем к 5 этапу фасосского клеймения (350-е гг. до н.э.) (Кац 2007: 415). Два клейма принадлежат магистрату Дамасту II (№№ 12 и 15). На одном из них его имя стоит вместе с именем фабриканта Аристагора с эмблемой – тритон, а на другом с именем фабриканта Гераклеида и эмблемой – стригил. Этого магистрата специалисты относят к той же группе, что

⁵ Определения клейм осуществлялись по Garlan 1999, соотношение групп клеймения по И. Гарлану, А. Авраму и В.И. Кацу осуществлялось по Приложению II в книге (Кац 2007: 414–418).

и предыдущего. К тем же группам принадлежит и клеймо магистрата Панфа с именем фабриканта Аристагора (заметим, уже третий вид клейма с именем этого фабриканта) и эмблемой – киаф (№ 8). У всех исследователей фасосского клеймения эти магистраты попадают в одну группу, хотя датировка её может несколько различаться. Всего к ней относится 9 клейм из тризны, что составляет 2/3 этого комплекса. Вне всякого сомнения, сооружение кургана нужно датировать временем существования именно этой группы клейм.

Кроме того, в составе тризны присутствует клеймо магистрата Филократа с фабрикантом Аристагором и эмблемой – орёл (№ 7). Этого магистрата И. Гарлан относит к более ранней группе F1 (360–350 гг. до н.э.), А. Аврам – к более поздней группе F2 (356–342 гг. до н.э.), а В.И. Кац – всё к тому же 5 этапу клеймения (350-е гг. до н.э.) (Кац 2007: 415). К этим же группам исследователи относят и клеймо магистрата Мегона 2 и фабриканта Евагора с эмблемой – креветка. Сюда же относится и отличающееся по типу изображения клеймо магистрата МΕΣ(Σ) и снова фабриканта Аристагора с тремя эмблемами – амфора, пальметка и канфар (№ 11). Любопытно, что Л.Э. Стефани определял изображение как «скиф и амфора», видимо, приняв плохо оттиснувшийся канфар за лицо скифа с длинными волосами (Стефани 1859: 141). Переиздавая клеймо в каталоге Эрмитажа, Е.М. Придик дипломатично описал его, как «канфар или скиф» (Придик 1917: 50, № 319).

Как видно, две выделенные И. Гарланом и А. Аврамом группы, в которые попадают клейма из тризны, чрезвычайно близки, а их взаимное положение дискутируется. В то же время обе группы отнесены В.И. Кацем к 350-м гг. до н.э. Прежде чем мы подведём итог датировке сооружения кургана, исходя из даты клейм на амфорах Фасоса, попробуем определить, можно ли включить в неё два клейма, найденные в насыпи.

Первое из этих клейм (№ 2) снова относится к магистрату Нюмфону (№ 2) с фабрикантом Клеофаном и эмблемой – трезубец. Соответственно это клеймо относится к первой из рассмотренных выше групп. Второе клеймо более любопытно. Несмотря на относительно плохую сохранность (оттиснуто хуже всех остальных клейм из комплекса), оно может быть определено как клеймо магистрата Клеофона (Л.Э. Стефани предполагал восстановление Демофон (Стефани 1859: 140)) и фабриканта Посидея с эмблемой – цапля (№ 1). Это клеймо, судя по современным исследованием, является самым ранним из обнаруженных в кургане. И. Гарлан относит его к группе E1 (365–360 гг. до н.э.), А. Аврам к группе E (363–356 гг. до н.э.), а В.И. Кац к 3 этапу клеймения (370–360 гг. до н.э.) (Кац 2007: 415). Несмотря на большой разброс дат, чем в предыдущем случае, видно, что деятельность Клеофона была отдалена от времени, к которому относятся остальные фасосские клейма из тризны и насыпи кургана. Думается, что его не стоит учитывать при определении даты построения кургана, так как это клеймо могло попасть в насыпь при разных обстоятельствах. Даже в том случае, если амфора с этим клеймом попала в курган в ходе тризны или последующих поминальных мероприятий, сохранившись где-то на этапах покупки-продажи в течение длительного времени, её дата является более ранней, чем время сооружения погребального комплекса.

В целом, за исключением клейма Клеофона, комплекс фасосских оттисков из тризны и насыпи Павловского кургана представляет собой компактную группу штампов, среди которых присутствует 6 клейм магистрата Нюмфона и столько же клейм с именем фабриканта Аристагора, что указывает на их тесную связь. То, что все эти клейма относятся к очень близкому времени, показывает их отнесение к одной группе В.И. Кацем и к двум близким И. Гарланом и А. Аврамом (Кац 2007: 415). Более точной, исходя из данного комплекса, представляется относительная хронология И. Гарлана, в котором большинство клейм (10 из 14) попало в группу F2, а не в более раннюю F1, как у А. Аврама, так как логичнее предположить, что большинство амфор в кургане должны относиться ко времени непосредственно прилежащему ко времени захо-

ронения. Учитывая наличие в комплексе трёх клейм более ранней группы, можно предполагать, что время проведения тризны и, соответственно, погребения в кургане можно отнести к началу 350-х гг. до н.э.

Синопское клеймо (№ 10), как это однозначно указано в описании хода раскопок, происходило из впускного захоронения, к тому же разрушенного грабительской ямой, потому его происхождение не может быть с точностью установлено. Это клеймо принадлежит магистрату Форбу II (Л.Э. Стефани именует его Форбантом – Стефани 1859: 142)) и фабриканту Стефану. Данный магистрат по хронологии Н.Ф. Федосеева относится к 315 г. до н.э., что кажется заниженной датой даже с учётом указанных автором допусков (320–310 гг. до н.э.) (Fedoseev 1999: 34, 42). И. Гарлан относит его к IVB группе, Н. Коновичи к группе IIIb, а В.И. Кац к IV магистратской группе 290–280 гг. до н.э.⁶ По всей видимости, впускное захоронение в Павловский курган было осуществлено в начале III в. до н.э., когда употребление синопского вина стало популярным на территории Боспорского царства. Нет никаких сомнений в том, что данное клеймо не относится к комплексу рассмотренных ранее клейм обнаруженных в тризне и насыпи кургана.

В заключение хотелось бы сравнить комплекс амфор из тризны и насыпи Павловского кургана с другими комплексами амфор из курганных погребений Северного Причерноморья. В нашем распоряжении имеются фрагменты от 14 разных амфор Фасоса. Конечно, комплекс тризны вполне мог включать амфоры других центров, в том числе неклеймёные, однако то, что его ядром были фасосские амфоры, причём, среди них вероятно был и ряд неклеймёных, может говорить о том, что основой комплекса тризны являются примерно два десятка фасосских амфор. Для сравнения мы воспользуемся сводом, подготовленным С.Ю. Монаховым с целью изучения развития амфорных типов в Причерноморье и Средиземноморье, и являющимся образцом такого вида изданий (Монахов 1999). Помимо учёта форм сосудов большое внимание здесь уделено клеймёным амфорам.

Фасосские амфоры присутствуют в большом количестве курганных захоронений IV в. до н.э., особенно их число возрастает с 370-х гг. Можно упомянуть курганы № 4 у с. Первомаевка, 3_x, 4_s и 4_t у с. Петуховка, № 69 могильника «Царский», «Цыганка», № 92 у с. Выводново, № 6 у с. Любимовка, № 1 у с. Каменка Днепровская (тризна 2), у Топраисара близ Констанцы, № 11 возле Солохи (раскопки 1962 г.), № 1 и № 15 у с. Дивизия, № 29 у с. Чкалово, № 9 у с. Малая Лепетиха, № 4 некрополя Никония, № 8 группы Чередниковской могилы, курган у с. Урожайное, Гайманову могилу, Марьевский курган 1912 г., курган Топала (Констанца), курган Желтокаменка, Талаевский курган, № 13 у с. Буторы и некоторые другие (Монахов 1999: 255–258, 272–274, 276–277, 280–283, 290–296, 303–306, 308–309, 322–324, 329–330, 334–335, 340–349, 387–397, 400–402, 407–409). Следует особо отметить курган «Цыганка», где в тризне была обнаружена ручка амфоры с клеймом магистрата Мегона 2, клеймо которого наличествует и в тризне Павловского кургана. В тризне кургана № 6 у с. Любимовка присутствуют три фрагмента амфор Фасоса с клеймами того же магистрата, причём одно из них полностью аналогично находке из Павловского кургана (№ 14). Оба эти комплекса были отнесены С.Ю. Монаховым к 70-м – середине 60-х гг. IV в. до н.э. Следует отметить, что практически во всех упомянутых комплексах количество амфор Фасоса, если оно было точно установлено, невелико. Часто речь идёт только об одном сосуде, а общее число редко превышает 5. При этом они соседствуют с амфорами других центров, среди которых до середины столетия лидируют сосуды гераклейского производства.

Единственный комплекс амфор, в котором их присутствует большое количество, был обнаружен в центральном погребении Бердянского кургана (Монахов 1999: 284–289; Болтрик и др. 1994: 144–145). Несмотря на ограбление могилы, возле её юго-западной стенки было обнаружено около двух десятков биконических амфор Фасоса, стоявших в два ряда, один на другом. Судя

⁶ По Приложению VIII (Кац 2007: 439).

по нахождению в них винного камня, в момент помещения в гробницу амфоры были закрыты и полны вина. Как минимум 12 амфор имели клейма, принадлежащие трём магистратам, среди которых присутствует и 4 клейма Клеофона, клеймо которого найдено и в насыпи Павловского кургана (№ 1) (Монахов 1999: 284–286). Общий набор клейм Бердянского кургана существенно отличается от имеющегося в Павловском и явно указывает на несколько более раннюю дату, но намного более интересен именно состав комплекса – исключительно фасосские амфоры. Любопытно, что непосредственно в тризне Павловского кургана также обнаружено 12 клеймёных амфор, так что можно осторожно предположить примерно одинаковое их количество в том и другом комплексе.

Время сооружения Бердянского кургана было определено 375–365 гг. до н.э. именно исходя из анализа амфорных клейм, с опорой на хронологию И. Гарлана (Garlan 1999: 287). Представляется, что в настоящее время можно было бы чуть омолодить эту датировку, но в целом, она является верной. Предполагается, что он мог принадлежать весьма высокопоставленному представителю скифской элиты – властелину Северного Приазовья. В центральном погребении кургана, помимо амфор, сохранился набор аттических краснофигурных сосудов, который соседствовал с украшенными золотыми обивками деревянными чашами. Такой смешанный набор весьма характерен для скифской аристократии близко знакомой с жителями античных колоний Северного Причерноморья. Нет сомнения, что захороненный в Бердянском кургане властитель имел дело именно с боспорскими греками. Набор амфор в кургане должен был соответствовать не столько вкусовым пристрастиям умершего вождя и его родственников, сколько моде на продукцию того или иного винодельческого центра среди представителей скифской элиты, которую, скорее всего, диктовала греко-варварская элита Боспорского царства.

Между тем, даже предварительное знакомство с амфорами, найденными в курганах Скифии этого времени не показывает особого предпочтения продукции Фасоса. В этом отношении Бердянский курган стоит особняком среди других курганов Скифии своего времени. Сходство состава амфор тризны с Павловским курганом заставляет задуматься об ориентации захороненного скифского властителя на погребальные традиции греко-варварской элиты Боспорского царства.

Это наблюдение можно подтвердить находками амфор из других курганов боспорской аристократии. К сожалению, наши данные о находках амфор в курганах Боспора весьма неполны, так как исследователи XIX века обращали на них весьма мало внимания, часто просто констатируя их наличие, или указывая на находку плохо читаемых клейм, никак их не фиксируя (такое наблюдение содержится и в описании раскопок Павловского кургана). Однако клейма удовлетворительной сохранности обычно попадали в руки археологов, а впоследствии и в музейную коллекцию. Амфорные клейма содержатся в коллекции Государственного Эрмитажа среди предметов, найденных в кургане Баксы и Змеином кургане. Из первого кургана происходит 5 клейм, а из второго 9. Число их уступает найденным в Павловском кургане, но все эти клейма принадлежат исключительно амфорам производства Фасоса. Они относятся к более раннему времени (соответственно к группам В и С по И. Гарлану), чем захоронения в Павловском кургане но ярко демонстрируют моду на использование преимущественно фасосского вина в ходе погребальных мероприятий, и, вероятно, на пирах. На элитный характер использования именно фасосской продукции указывал Н.Ф. Федосеев (Федосеев 2017: 11, прим. 13). Такая же тенденция в Бердянском кургане прямо указывает на связь захороненного в нём властителя с аристократическими курганами Боспора.

В заключение следует указать на то, что высокое качество фасосского вина неоднократно подчёркивалось в античных источниках⁷. Комедиограф Гермипп устами самого бога виноделия Диониса ставил выше фасосской только хиосскую продукцию (Athen. I.53). Отличительные черты фасосского вина выражались в плотности, густоте и сильном вкусе и аромате. Его популярность была настолько высока, что уже во второй половине V в. до н.э. на Фасосе были приняты специальные законы, регламентирующие его изготовление и продажу. В частности, вино запрещалось продавать в незакрытых амфорах и на розлив из амфоры, дабы исключить разбавление (Arnaoutoglu 1998: 49–50). Поэт Архистрат, писавший в IV в. до н.э., отмечает высокое качество вина Фасоса, ставя выше него только вино Лесбоса (Athen. I.52c). Важно, что он отмечает особое качество вина, выдержанного в течение многих лет. Этот момент следует особенно подчеркнуть при анализе амфорных комплексов, так как для фасосской продукции можно предполагать большее смешение клейм магистратов, чем для амфор центров, для вин которых выдержка не была характерна.

Густое и сладкое вино Фасоса позволяло разводить его до буквально гомеопатической доли, сохраняя при этом характерный аромат. Знаменитый врач Гиппократ рекомендовал принимать его в лечебных целях, разводя с водой 1:25 (Hippocr. De Morbis III.17). Этот вкусный и дорогой напиток мог быть приятен на пиру и варварам, пившим его неразведённым, и грекам, которые могли развести его до любой консистенции. В первой половине IV в. до н.э. это вино являлось одним из маркеров принадлежности к боспорской аристократической культуре и, вероятно, одним из факторов, который привёл к формированию греко-варварского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические разыскания 1859 – Археологические разыскания 1858 года в окрестностях Керчи. 1859. ОАК за 1858. СПб., 3–25.
- Болтрик и др. 1994 – Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. 1994. Бердянский курган. РА (3), 140–156.
- Виноградов 1972 – Виноградов Ю.Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос. НЭ (10), 3–63.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма: опыт комплексного изучения* / БИ (XVIII). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Придик 1917 – Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Пг.: Типография Российской Академии Наук. – 191 с., 16 табл.
- Стефани 1859 – Стефани Л.Э. 1859. Описание вещей открытых при археологических разысканиях 1858 года в окрестностях Керчи. ОАК за 1858. СПб., 27–144.
- Федосеев 2017 – Федосеев Н.Ф. 2017. *Греки на Боспоре Киммерийском. 200 лет исследований*. Симферополь: Бизнес-Информ. – 315 с.
- Arnaoutoglou 1998 – Arnaoutoglou I. 1998. *Ancient Greek Laws*. L.; N. Y. – 164 p.
- Fedoseev 1999 – Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire, Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994* / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence: publications de l'Université de Provence, 27–43.
- Garlan 1999 – Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens / Études thasiennes* (XVIII). Athènes; Paris: De Boccard. - XII-340 p.
- Garlan, Kara 2004 – Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica* (XVI), Istanbul; Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.

⁷ Благодарю за любезную консультацию А.С. Горского, на основе информации которого подготовлен этот абзац статьи.

Таблица 1. Соответствие номеров клейм, упоминаемых в статье, для иллюстраций к статье и различных изданий

№ илл.	Инв. № ГЭ, современный	№№ по Стефани 1859	Инв. № инвентаря Имп. Эрмитажа	Страница и №№ по: Придик 1917	№№ по Виноградов 1972	№№ по Garlan 1999	№№ в IOSPE III Фасос (для № 10 – Синопа)
1	Пав.-19	10	558 ^x	52, № 366	-	463	1342 Пк не указан
2	Пав.-20	3	558 ^c	51, № 346	10,11	742	1623 Пк указан
3	Пав.-21	4	558 ^b	51, № 343	10,8	747	1278 Пк указан
4	Пав.-22	(вместе с 4)	558 ^l	51, № 344	10,9	747	1279 Пк указан
5	Пав.-23	5	558 ⁿ	49, № 286	10,6	746	1125 Пк указан
6	Пав.-24	6	558 ^m	49, № 287	10,7	746	1124 Пк указан
7	Пав.-25	11	558 ^u	55, № 424	10,17	680	1563 Пк указан
8	Пав.-26	13	не указан в Придик 1917	52, № 357	10,16	721	1286 Пк указан (вторично приведён № 558 ^m)
9	Пав.-27	2	558 ^a	38, № 49	10,5	736	753 Пк указан
10	Пав.-28	26	528 ^h	99, № 772	-	-	7904
11	Пав.-29	12	558 ^p	50, № 319	10,2	657	440 Пк не указан
12	Пав.-30	8	558 ^s	40, № 103	10,13	703	945 Пк не указан
13	Пав.-31	(вместе с 4)	558 ^o	51, № 345	10,19	747	1280 Пк указан
14	Пав.-32	9	558 ^r	50, № 307	10,15	521	1219 Пк указан
15	Пав.-33	7	558 ^q	40, № 101	10,12	705	943 Пк не указан
-	П.1857.20	14	558 ^d	50, № 306	10,14	782	1217
-	П.1857.21	15	558 ^e	42, № 135	10,19	586	2105 ошибочно указан номер 558 ^y
-	П.1857.22	16	558 ^f	42, № 134	10,18	608	2098
-	П.1857.23	17	558 ^s	47, № 235	10,1a	125	133
-	П.1857.24	18	558 ^h	50, № 323	10,3	661	452
-	П.1857.25	19	558 ⁱ	42, № 130	-	-	996
-	П.1857.26	20	558 ^k	39, № 82	10,4	324	834
-	-	-	558 ^w	55, № 425	-	-	-

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Амфорные клейма из раскопок Павловского кургана №№ 1–8

9

10

11

12

13

14

15

Рис. 2. Амфорные клейма из раскопок Павловского кургана №№ 9–15

4

5

Рис. 3. Горла фасосских амфор с клеймами № 4 и № 5

О СОСТАВЕ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ФОНТАН 6 В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ²

Аннотация: крупное поселение античного времени Фонтан 6 было почти полностью раскопано в 2017 г. Оно расположено на трассе строившегося тогда шоссе Керчь – Феодосия, на половине пути между этими городами. На площади почти 13 000 м² были открыты остатки пяти крупных зданий. Все они датируются второй половиной IV – началом III в. до н.э. В настоящее время Фонтан 6 – единственное поселение центральной части Восточного Крыма, раскопанное на большой площади. В его керамическом комплексе почти 85 % составляют фрагменты лепных горшков, изготовленных в традициях скифского населения. Возможно, поселение было построено в этой важной точке Керченского полуострова по инициативе властей Боспорского царства и заселено местными скифами.

Ключевые слова: Боспорское государство, Восточный Крым, сельские поселения, скифы, лепная керамика.

Yu.A. Vinogradov¹

ON THE COMPOSITION OF THE POTTERY COMPLEX OF THE FOUNTAN 6 SETTLEMENT IN EASTERN CRIMEA

Abstract: Fontan 6 is the large classical times settlement of classical times, it was almost completely excavated in 2017. It is located on the route of the Kerch – Feodosiya highway, in the halfway between these cities. On the area of almost 13,000 m², the remains of five large buildings were discovered. All of them date back to the second half of the 4th – the beginning of the 3rd centuries BC. At present, Fountan 6 is the only settlement in the central part of the Eastern Crimea excavated over a large area. Almost 85% in its pottery complex are fragments of handmade pots, which were produced in the traditions of the Scythian population. It is possible that the settlement was built at this important point of the Kerch Peninsula on the initiative of the authorities of the Bosphoran Kingdom and was inhabited by local Scythians.

Key words: Bosphoran state, Eastern Crimea, rural settlements, Scythians, handmade pottery.

В научном творчестве С.Ю. Монахова привлекает несколько моментов и, в первую очередь, скрупулёзность его исследований, взвешенность и строгость выводов, касающихся как вопросов развития торговли в античном мире, так и иных проблем социально-экономической истории Северного Причерноморья. Все они неизменно базируются на детальной проработке археологических материалов, почти математической чёткости и логичности их анализа. Хочется пожелать юбиляру новых творческих успехов на избранном им научном поприще. Учёное сообщество с большим интересом ждёт его новых печатных трудов.

Моя статья посвящена изучению не отдельных предметов или их наборов, а целых керамических комплексов, происходящих из раскопок различных археологических памятников, в первую очередь, поселений. Споры нет, методика полевых исследований требует от нас внимательного отношения к каждой находке, занесения её в соответствующий раздел описи – амфорные материалы, простая столовая посуда, расписная керамика, лепные горшки и т.д. Однако в обобщающих публикациях, посвящённых раскопкам того или иного памятника, данные этих описей, как правило, используются далеко не в полной мере. На страницах таких публикаций исследователи стремятся воспроизвести наиболее типичные, хорошо датированные, или же попросту наиболее сохранившиеся вещи. И это вполне понятно, в том числе и со стороны чисто

¹ Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, vincat2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4447-5679>.

² Публикация подготовлена в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

психологической, но такое положение не позволяет в должной мере приблизиться к пониманию своеобразия керамических комплексов типологически различных памятников, даже если это будут одни поселения. В.Д. Блаватский в своё время абсолютно верно отметил: «Ведь древние кёчан резко отличаются от богатых городов, и культурные напластования таких поселений значительно менее насыщены, а самые находки гораздо более бедны и часто ограничиваются обломками простой посуды» (Блаватский 1967: 175).

На личном опыте мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что некоторые археологи, воспроизводя в иллюстрациях наиболее «красивые» артефакты из раскопок сельских поселений, невольно «подтягивали» их к более богатым городским центрам. Пролистывая такие публикации, иногда ловишь себя на мысли об отсутствии различий в материалах, добытых в сельских поселениях Боспора, с одной стороны, и в «малых» городах (к примеру, Мирмекий, Порфмий и др.); о крупных городских центрах (Пантикапей, Нимфей) здесь вообще вряд ли стоит говорить специально, это памятники совсем другого уровня. Ещё раз подчеркну, что различия археологических материалов, полученных при раскопках трёх обозначенных типов поселенческих памятников, несомненно, имеются, но вот по публикациям их уловить не всегда возможно.

Стоит ли смириться с существующим положением или следует попытаться найти из него выход? Вторая точка зрения мне представляется более предпочтительной. Выход кроется в более последовательном и целенаправленном использовании полевых описей, которые, как известно, содержат не только перечисление сделанных находок, но и приводят их количество. В данном случае речь идёт, конечно, не о находках, которые одним фактом своего наличия позволяют судить о функциональной принадлежности поселения, – необычно большое количество монет указывает на существование торгового центра, железные крицы – на железоделательную мастерскую, бронзовые литики – на бронзолитейную мастерскую и т.д. Речь здесь идёт об ином – специального осмысления заслуживают обычные керамические комплексы, в большем или меньшем количестве происходящие с каждого античного поселения. Их статистическая картина, на мой взгляд, даёт немало для понимания типа поселения.

Перспективность такого подхода можно продемонстрировать на материалах поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму, которое было исследовано в 2017 г. (Виноградов и др. 2019а; 2019б). Памятник расположен на трассе строившегося тогда шоссе Керчь – Феодосия, приблизительно на полпути между этими городами, в 2,9 км к западу от с. Фонтан Ленинского района республики Крым. Раскопки здесь осуществляла Античная новостроечная экспедиция Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). В результате проведённых работ была исследована площадь около 13 тыс. м², мощность культурного слоя составляет около 0,5 м. Раскоп был сильно вытянут в широтном направлении, т.е. вдоль шоссе (рис. 1). Несмотря на огромный масштаб работ, поселение не было изучено полностью, часть его «уходит» за пределы участка раскопок в южном и, возможно, северном направлениях. Основным итогом изучения этого археологического памятника стало раскрытие античной деревни, точнее основной её части. Здесь были исследованы остатки шести зданий, основания стен которых были сложены из камня. Большая их часть (здания 1–4) вытянуты приблизительно в одну линию с востока на запад; два (здание 5 и 6) находятся севернее этой линии, но они имеют меньшие размеры. Самым крупным и сохранившимся наилучшим образом является здание 1, расположенное в центре поселения (рис. 2, 3). Оно ориентировано в широтном направлении; размеры – 20,2×12,4 м (площадь – 250 м²). Постройка состоит из 8 помещений, в том числе весьма больших по площади; толщина основных стен при этом достигает 1 м.

Время существования античной деревни определяется вполне надёжно. Амфорные клейма (120 экз.) позволяют считать, что она функционировала в пределах середины IV – начала III в. до н.э. (определения Н.Ф. Федосеева). Найдены боспорских медных монет (8 экз.) укладываются

в эту датировку, хотя некоторые могут относиться к первой четверти III в. до н.э. (Терещенко 2018: 127). Как хорошо известно, вторая половина IV – начало III в. до н.э. является периодом расцвета боспорской хоры, и поселение Фонтан 6 вполне укладывается в эту генеральную схему.

Изучение сельских поселений Керченского полуострова имеет очень важное значение для понимания экономического и политического развития Боспорского государства (см.: Кругликова 1976; Масленников 1998; 2010). В археологическом отношении, однако, неплохо изучены лишь те из них, которые расположены вдоль береговой линии или в ближайших окрестностях греческих городов. В центральной части полуострова раскопки были проведены лишь на немногих памятниках, и они были изучены на сравнительно небольшой площади. По этой причине в учёном сообществе сложилось представление, что боспорскими греками были освоены прибрежные районы полуострова, а его внутренние просторы, принадлежавшие скифам, были застроены их убогими деревеньками (Яковенко 1974: 20–33). А.А. Масленников, сделавший невероятно много для изучения боспорской хоры, отмечает, что эти селища, ни одно из которых не было раскопано полностью, имеют площадь от нескольких сотен до 3000 м². Они состоят из хаотично расположенных строений и небольших зольно-мусорных холмов-свалок. «Дома, а скорее, хижины различаются по площади и планировке, но в любом случае их интерьер и экстерьер производит впечатление чего-то однообразно-убогого» (Масленников 2017: 161). Находки фрагментов чернолаковой посуды, терракотовых статуэток, боспорских монет и т.п. здесь довольно редки. «По всей видимости, население этих деревень, являясь земледельцами (пахарями) и, отчасти, скотоводами, имело невысокий социальный статус и было скорее варварским (местные скифы?), нежели греческим по этносу и культуре, хотя и весьма многочисленным» (Масленников 2017: 161).

Сразу стоит подчеркнуть, что Фонтан 6 не вполне соответствует такой характеристике. Прежде всего, это поселение имело очень большую площадь – в 4 с лишним раза больше, чем приведённая А.А. Масленниковым максимальная цифра. Оно было застроено не «убого-однообразными хижинами», а крупными домовладениями, явно сооружёнными в греческой традиции. При возведении оснований стен, правда, использовались небольшие и практически необработанные камни, что нетипично для греческих поселений. Археологические материалы, обнаруженные во время раскопок, в полной мере соответствует описанию А.А. Масленникова, – они немногочисленны, бедны и невыразительны. Такие находки как пряслица (18 керамических и 7 каменных), керамические «крышечки», изготовленные из обломков амфорных стенок (10 экз.), пирамидальные керамические подвески (5 экз.), небольшой обломок античной терракоты и пр. почти ничего не дают для понимания специфики поселения. Изучение остеологических материалов тоже не проясняет ситуации (Виноградов, Каспаров 2020). На огромной площади раскопа было найдено всего 18 раковин мидий, но памятник всё-таки не является береговым, а расположен довольно далеко от моря.

На всей площади поселения было найдено 39 572 фрагмента различных керамических сосудов. Эта цифра, конечно, выглядит очень солидно, но, учитывая размеры раскопанного участка (около 13 тыс. м²), получается, что на один квадратный метр в среднем приходится всего три фрагмента. Понятно, что основное количество находок было сосредоточено на площади шести зданий или рядом с ними.

В составе керамических находок преобладают амфорные материалы, что типично для всех античных памятников Северного Причерноморья. На Фонтане 6 их количество вполне соответствует городским поселениям или даже несколько превосходит их – 35 416 фрагментов или 89,5 % от всех находок. В составе амфорных ножек (314 экз.) преобладают синопские (153 экз.), им сильно уступают гераклейские (61 экз.) и фасосские (60 экз.). Ножки амфор других центров (Меанда, Хиос, Книд, Самос, Родос и др.) единичны.

По существующей методике систематизации массового археологического материала, полученного при раскопках античных памятников, амфоры не включаются в состав керамического комплекса. В таком случае керамический комплекс поселения Фонтан 6 состоит из 4 156 фрагментов. Его статистическая характеристика приведена в таблице.

№ п/п	Наименование категории керамики	Количество фрагментов	Процент
1	Красноглиняная столовая гончарная посуда	525	12,6
2	Сероглиняная столовая гончарная посуда	57	1,3
3	Чернолаковая посуда	44	1,1
4	Расписная посуда	3	0,1
5	Толстостенная керамика	3	0,1
6	Светильники	12	0,3
7	Лепная керамика	3512	84,5
ИТОГО		4156	100

Приведённые цифры при всей их безусловной приблизительности заставляют обратить внимание на некоторые моменты, которые представляются весьма существенными. Процент чернолаковых и расписных (краснофигурных) фрагментов следует признать ничтожным. Надо думать, что тонкая привозная посуда для обитателей поселения, по всей видимости, была слишком дорогой. Доля толстостенной керамики, т.е. обломков крупных сосудов, предназначенных для хранения различных продуктов, также выглядит очень маленькой, по крайней мере, в 10 раз меньшей, чем на античных памятниках. А вот количество фрагментов лепной посуды надо признать огромным (почти 85 %); такого мне не приходилось видеть ни на одном из поселений Боспора, Ольвии и Херсонеса Таврического. Можно считать, что эта категория керамики использовалась здесь и для приготовления пищи, и как столовая посуда (по крайней мере, частично), и для хранения продуктов. При этом типология лепных сосудов Фонтана 6 не отличается разнообразием, она практически сводится к обыкновенному горшку с выделенным горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 4). Лишь немногие из них были украшены наколами по венцу (рис. 4 -1, 3).

Хорошо известно, что лепная керамика представлена на всех античных поселениях Северного Причерноморья (Кастанаян 1981; Марченко 1988), при этом её количество на различных синхронных памятниках отнюдь не одинаково, и на каждом многослойном памятнике с течением времени оно, как представляется, сильно варьирует. В качестве примера такой изменчивости можно привести некоторые результаты изучения Мирмекия. В самой ранней мирмекийской полуземлянке, относящейся к середине VI в. до н.э., доля лепной керамики составляет 24 %, а в яме, которую она прорезает – 37 % (Виноградов 1991: 13). К концу этого столетия её количество падает до 6–11 % (Виноградов 1992: 105). В IV в. до н.э. процент лепной керамики сохранялся приблизительно на этом уровне.

Дальнейшее изучение мирмекийских материалов, предпринятое А.М. Бутягиным, продемонстрировало, что реальная картина была ещё более сложной. В комплексах второй четверти VI в. до н.э. (время основания греческого поселения) на лепную керамику приходится 14 %, а вот в третьей четверти она возрастает до 54 %. К рубежу VI–V вв. до н.э. количество лепной посуды уменьшается до 12 % (Бутягин 1998: 84). Объяснение такой любопытной динамики найти непросто, но вполне очевидно, что его следует искать в особенностях греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в обозначенное время.

Для более позднего периода очень показательны в этом отношении результаты изучения мирмекийских зольников. В раннем зольнике (зольник 1), датирующемся второй половиной V в. до н.э., на обломки лепных горшков приходится 15 %, что для этого периода довольно мно-

го (Бутягин 2002: 93). А вот в позднем зольнике (зольник 2), сформировавшемся в конце IV – первой половине III в. до н.э. их доля составляет всего 6 % (Бутягин, Колосов 2013: 159).

Если обратиться к сельским поселениям Боспора, типологически более близким к Фонтану 6, то можно сослаться на результаты раскопок поселения Артющенко 1, расположенного на Таманском полуострове. Там доля лепной посуды в комплексах последней трети VI – первой трети V в. до н.э. достигает 51 % (Виноградов 2002: 64). Это поселение, скорее всего, носило сезонный характер, и на окружающих его полях, в основном, трудились выходцы из племён Прикубанья, так что обилие здесь лепной посуды не должно особенно удивлять. Для IV в. до н.э. таких данных у меня, к сожалению, не имеется.

В качестве территориально более отдалённой аналогии следует привести поселение Кошары, расположенное в Северо-Западном Причерноморье, на берегу Тилигульского лимана. Оно существовало с конца V в. до середины III в. до н.э. По всем своим данным Кошары не отличаются от поселений сельской округи Ольвии, но количество лепной керамики в составе находок (без учёта амфорного материала) составляет около 60 % (Редина 2013: 591). Чем следует объяснять такое необычное явление, трудно сказать. Во всяком случае, исследователи поселения ответа на этот вопрос не дают.

Интерпретация материалов Фонтана 6, как и упомянутого выше Артющенко 1, скорее всего, связана с пониманием сложной этнической картины поселений хоры Боспора. Устоявшаяся в науке точка зрения, что центральная часть Керченского полуострова была заселена скифами, втянутыми в орбиту боспорского политического и экономического влияния (Масленников 2017: 161), представляется вполне логичной. Почти нет сомнения в том, что Фонтан 6 был населён варварами, и 85 % фрагментов лепной посуды в его керамическом комплексе служит чрезвычайно значимым показателем именно такого положения.

Я не согласен с исследователями, считающими, что лепная керамика не может служить индикатором присутствия на греческих поселениях выходцев из варварской среды (Лапин 1966: 159, 162, 165; Tsetskhladze 1997: 77; Kryzhitskiy 2007: 19; Buyskikh 2007: 31–33). По моему глубокому убеждению, она является ценнейшим источником для изучения процессов этнических взаимодействий, имевших место в античных государствах региона. Понимая всю сложность этих процессов и недопустимость каких-либо прямолинейных суждений по этому вопросу, подчеркну, что наличие лепной посуды на греческих поселениях следует связывать с наличием носителей этой посуды, т.е. выходцев из туземной среды (Кастанаян 1981: 4; Марченко 1988: 8, 28).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский 1967 – Блаватский В.Д. 1967. *Античная полевая археология* / МИА (146). – 206 с.
- Бутягин 1998 – Бутягин А.М. 1998. Лепная керамика архаического Мирмекия. *Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции* / В.А. Хршановский (ред.). СПб.: Гос. Музей истории религии, 82–87.
- Бутягин 2002 – Бутягин А.М. 2002. Новые исследования раннего мирмекийского зольника. *БФ. Погребальные памятники и святилища* (1) / В.Ю. Зуев (отв. ред.). СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 90–94.
- Бутягин, Колосов 2013 – Бутягин А.М., Колосов В.П. 2013. Керамические материалы из раскопок зольника 2 городища Мирмекий: комплексный анализ. *БФ. Греки и варвары на евразийском перекрёстке* / М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина и др. (ред.). СПб.: Нестор-История, 155–161.
- Виноградов 1991 – Виноградов Ю.А. 1991. Ранние комплексы Мирмекия. *Вопросы истории и археологии Боспора* / Е.А. Молев (отв. ред.). Воронеж; Белгород: ВГПИ, 12–19.
- Виноградов 1992 – Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий. *Очерки археологии и истории Боспора* / Г.А. Кошеленко (отв. ред.). М.: Наука, 99–120.
- Виноградов 2002 – Виноградов Ю.А. 2002. Архаические комплексы поселения Артющенко I. *Таманская старина* (4) / С.Л. Соловьёв (ред.). СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 61–66.

- Виноградов и др. 2019а – Виноградов Ю.А., Соловьёв С.Л., Журбин Е.В., Филиппенко Р.В. 2019. Раскопки античных сельских поселений в Восточном Крыму. *АО 2017 г.* / Н.В. Лопатин (отв. ред.). М.: Институт археологии РАН, 249–251.
- Виноградов и др. 2019б – Виноградов Ю.А., Соловьёв С.Л., Журбин Е.В., Филиппенко Р.В. 2019. Раскопки античного поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму. *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму 2017–2018 гг.* (1) / С.Ю. Внуков, О.В. Шаров (отв. ред.). М.: Институт археологии РАН, 289–324.
- Виноградов, Каспаров 2020 – Виноградов Ю.А., Каспаров А.К. 2020. Osteологические материалы поселения Фонтан-6 в Восточном Крыму. *АВ (27)*, 113–124.
- Кастанаян 1981 – Кастанаян Е.Г. 1981. *Лепная керамика боспорских городов*. Л.: Наука. – 176 с.
- Кругликова 1976 – Кругликова И.Т. 1976. *Сельское хозяйство Боспора*. М.: Наука. – 277 с.
- Лапин 1966 – Лапин В.В. 1966. *Греческая колонизация Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка. – 239 с.
- Марченко 1988 – Марченко К.К. 1988. *Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э.* Л.: Наука. – 140 с.
- Масленников 1998 – Масленников А.А. 1998. *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*. М.: Индрик. – 304 с.
- Масленников 2010 – Масленников А.А. 2010. *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 1. *Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников*. ДБ (Suppl. III). М.: Триумф-принт. – 244 с.
- Масленников 2017 – Масленников А.А. 2017. Социально-имущественная дифференциация сельского населения античного Боспора по материалам поселенческих структур. *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований* / Ю.П. Зайцев (гл. ред.). Симферополь: изд-во «Тарпан», 155–168.
- Редина 2013 – Редина Е.Ф. 2013. Кошары. *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины)* / И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова (отв. ред.). Одесса: Одесский археологический музей, 583–596.
- Терещенко 2018 – Терещено А.Е. 2018. Античные монеты из раскопок на памятнике Фонтан 6. *При-РОНТийский меняла: деньги местного рынка. Материалы научной конференции* / Н.А. Алексеенко (отв. ред.). Севастополь; Симферополь; Москва: ин-т археологии Крыма РАН, 125–130.
- Яковенко 1974 – Яковенко Е.В. 1974. *Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е.* Київ: Наукова думка. – 148 с.
- Buyskikh 2007 – Buyskikh S.B. 2007. Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC. *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD* / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 23–35.
- Kryzhitskiy 2007 – Kryzhitskiy S.D. 2007. Criteria for the Presence of Barbarians in the Population of Early Olbia. *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD* / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 17–22.
- Tsetskhladze 1997 – Tsetskhladze G.R. 1997. A Survey of the major urban Settlements in the Kimmerian Bosphoros (With a Discussion of their Status as Poleis). *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart: F. Steiner Verlag, 39–81.

Рис. 1. Поселение Фонтан 6. Участок раскопок 2017 г. Вид сверху

Рис. 2. Здание 1. Вид сверху после расчистки каменных завалов

Рис. 3. Здание 1. Вид сверху после разборки каменных завалов

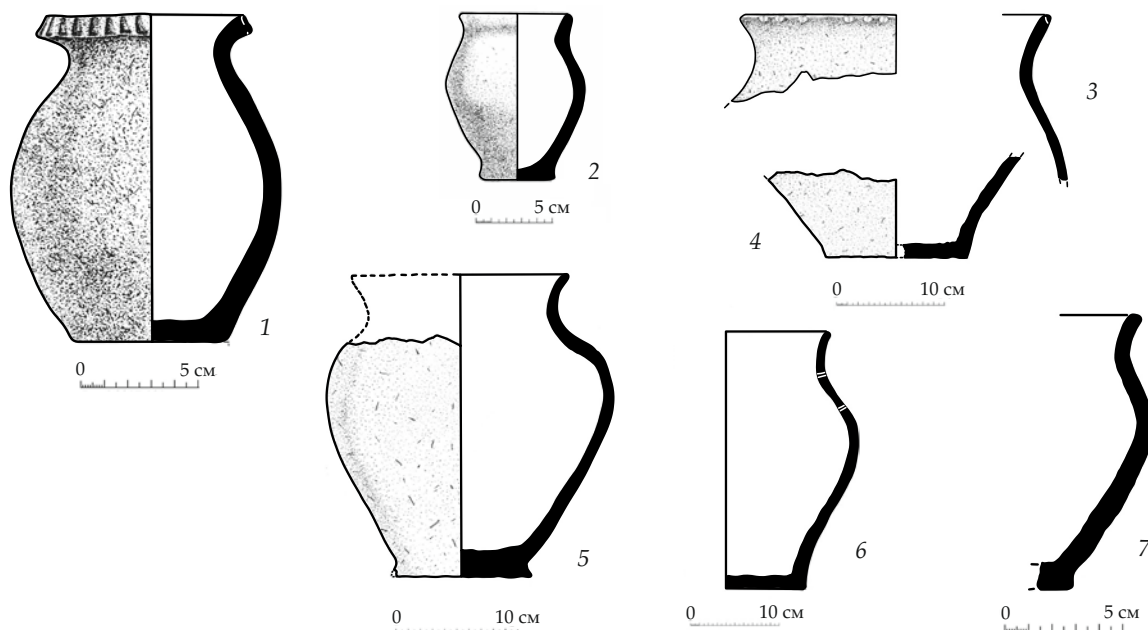

Рис. 4. Находки лепной керамики (1-7)

Л. Грумеца,
В. Кожокару¹

«В ТЕНИ РИМА»: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О НАРОДАХ И РИМСКИХ НАХОДКАХ В РАЙОНЕ ВОСТОЧНЫХ КАРПАТ²

Аннотация: в контексте проекта *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum/CRFB* (запущенного в начале 1990-х гг. по инициативе Немецкого археологического института), наш проект «В тени Рима»... имеет своей целью подготовку наиболее полного свода римских находок (монеты, украшения, посуда и т.д.) для той части античного мира, которая до сих пор оставалась вне поля зрения проекта CRFB. В первой части статьи исследование сосредоточено на пространстве Восточных Карпат между древней традицией и современными интерпретациями. Во второй части представлены наблюдения и замечания авторов о римских находках, обнаруженных в уезде Васлуй.

Ключевые слова: проект CRFB R2, Восточно-Карпатский регион, античная традиция, современные интерпретации, римские находки.

L. Grumeza,
V. Cojocaru¹

“IN THE SHADOW OF ROME”: SOME REMARKS ON THE GENTES AND THE ROMAN FINDS IN THE EASTERN CARPATHIAN AREA

Abstract: in the context of the project *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum/CRFB* (launched in the early 90's, at the initiative of the German Archaeological Institute), our project “In the shadow of Rome”... is designed to serve as a corpus of Roman imports (coins, jewellery, tableware, etc.) for a part of the ancient world which remained so far outside the CRFB project. The first part of the paper focuses on the Eastern Carpathian area between ancient tradition and modern interpretations. In the second part, the authors discuss the Roman imports discovered in Vaslui County.

Keywords: CRFB R2 project, East Carpathian area, ancient tradition, modern interpretations, Roman finds.

I. Краткое введение в *status quaestionis*

По инициативе Немецкого археологического института в начале 90-х годов прошлого века был запущен новый проект *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum* (CRFB), целью которого являлась публикация сводов всех римских находок, обнаруженных на «варварских» территориях, от Северо-Западной Европы до Черного моря. Исчерпывающие корпуса, опубликованные на сегодняшний день и охватывающие Германию (8 томов), Польшу (4 тома + 3 *supplementa*), Литву (1 том), Венгрию (1 том) и Румынию (1 том), необходимы для лучшего понимания роли и функций римских изделий за пределами Империи. Однако значительные части Барбарикума, среди которых территории Украины, Сербии, Республики Молдова и большая часть Румынии, до сих пор оставались за рамками этого проекта. Таким образом, исследование римского периода в Восточных Карпатах затруднено недостатком современных публикаций по теме местного населения³ и импорта в этом регионе. Подобные анализы вполне обычны для дру-

¹ Грумеца Лавиния, PhD, Институт археологии Румынской АН; 770479, Румыния, Яссы, Страда Кодреску, д. 6; e-mail: lavinia_grumeza@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6076-5708>.

Кожокару Виктор, доктор исторических наук, доктор классической филологии, Институт археологии Румынской АН; 770479, Румыния, Яссы, Страда Кодреску, д. 6; e-mail: cojocaru_arhia@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-8958-5241>.

² Работа подготовлена при поддержке гранта Румынского национального совета по научным исследованиям, CCCDI/CNCS – UEFISCDI: номер проекта PN-III-P1-1.1-TE-2019-0783, в рамках PNCDI III. Мы благодарны доктору Владимиру Столбе (Берлин) за редактирование русского текста и полезные замечания.

³ О недостатках румынской историографии при исторической интерпретации памятников материальной культуры см., например, Niculescu 2004–2005: 99 (со ссылками на предыдущие критические мнения): „The recent publication of a ‘History of the Romanians’ ... offers a good opportunity for examining how

гих районов Барбарикума, включая и Северное Причерноморье (e.g. Мордвинцева, Трейстер 2007; Simonenko et al. 2008; Мордвинцева и др. 2010).

Как отметил в своей недавней статье Т. Гране, «завершение работы над *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum* будет огромной работой, заслуживающей должного одобрения»⁴. Следовательно, одной из наших целей как археологов является создание новых исчерпывающих каталогов как средства более глубокого понимания Барбарикума необходимого для дальнейших сравнительных и надрегиональных исследований, а также устранения хронологических несоответствий между различными европейскими зонами. Таким образом, этот важный международный проект продолжает свое существование, способствуя достижению этой более широкой цели. Первый том корпуса римских находок с территории румынского Барбарикума появился в 2019 г. („Kreis“/уезд Арад; Grumeza 2019). Второй том, посвященный уезду Васлуй (CRFB R2), находится в работе и должен быть готов к печати в 2022 г. в рамках румынского исследовательского проекта «В тени Рима»: римские находки в Восточно-Карпатском Барбарикуме (2020–2022)⁵.

Охватываемая нашим проектом часть европейского Барбарикума – регион Восточных Карпат (рис. 1) – представляет собой важную контактную зону античности, характеризующуюся разнообразием влияний, миграций и дальних контактов, включая связи с Северным Причерноморьем, Северным Барбарикумом и особенно пространством римских провинций. Представляя собой буферную зону и настоящий культурный плавильный котел, он характеризуется значительным разнообразием

archaeological data and interpretations are used in a narrative about the origins of a nation, in changing political and ideological circumstances. (...) If we compare the first three volumes of the ‘History of the Romanians’ with the relevant literature from the 1980s, the continuity is unmistakable. There is almost no change in the depiction of the origins of the nation and this shows ... the absence of a long-term regeneration effort, of debates and recuperation projects, of a systematic effort to detect and mend the lacunae of Romanian historiography” (*Недавняя публикация «Истории румын»... – хорошая возможность для изучения того, как археологические данные и интерпретации используются в историческом нарративе о происхождении нации в меняющихся политических и идеологических обстоятельствах. (...) Если мы сравним первые три тома «Истории румын» с соответствующей литературой 1980-х годов, преемственность будет очевидна. В описании происхождения нации почти нет изменений, и это показывает ... отсутствие долгосрочных усилий по возрождению, отсутствие дебатов и проектов восстановления, систематических усилий по обнаружению и устранению пробелов в румынской историографии*). Ср. Strobel 2019a: 171: „Es ist, wie schon betont, notwendig, sich von dem allumfassenden Geto-Dakismus der rumänischen Forschung zu lösen und den irreführenden, eine fiktive ethnisch-kulturelle Einheit suggerierenden Kunstbegriff der Geto-Daker, verbunden mit den Attributen ‘geto-dakisch’ oder ‘dako-getisch’, aufzugeben.“ (Как уже подчеркивалось, необходимо оторваться от всеобъемлющего гето-дакизма румынских исследований и отказаться от вводящей в заблуждение искусственной гето-дакийской концепции, предполагающей фиктивное этнокультурное единство в сочетании с атрибутами «гето-дакийский» или «дако-гетский»).

⁴ Grane 2017: 983: „The completion of the *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum* will be a tremendous piece of work, which deserves due applause“.

⁵ О проекте PN-III-P1-1.1-TE-2019-0783 (*Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Rumänien. Bd. 2. Kreis Vaslui*), см. подробнее <http://rfcb.romanimports.ro/>. Упомянем здесь лишь конкретные цели нашего проекта: O1) Подготовка корпуса римских находок из Восточно-Карпатского региона (уезд Васлуй) в соответствии с общепризнанными стандартами томов CRFB; O2) Создание открытой и обновляемой базы данных с этими категориями археологического материала; O3) Проведение археометрических анализов для выяснения конструкции и технологии производства (римские изделия/монеты или варварские подражания?); O4) Определение происхождения и путей поступления римской продукции в Барбарикум (восточные и/или западные производственные центры), установление характера римско-варварских отношений; O5) Установление динамики римского импорта; объяснение моментов его увеличения и сокращения в контексте римской политики к востоку от Карпат; O6) Обнародование результатов исследования: в печатном виде (корпус, статьи), в интернете (база данных), через педагогические и лекционные мероприятия (семинары, лекции, конференции). Определение возможностей для будущего расширения исследований на другие регионы Барбарикума (особенно Румынию, Украину, Сербию, Республику Молдова).

ем его древнего населения и имеющихся археологических источников. Здесь мы косвенно имеем дело с сильно милитаризованными римскими городами на мезийско-дакском лимесе, заселенными разнородными колонистами⁶, причерноморскими полисами (особенно Тира и Ольвия)⁷, а также с «давами» и неукрепленными поселениями⁸, сельскими «варварскими» районами, населенными разными фракийскими, иранскими или германскими народами с различными типами хозяйствования⁹.

С хронологической точки зрения наше исследование сосредоточено на периоде со II в. до н.э. по начало V в. н.э., т.е. от начала «классического дакийского периода»¹⁰ до конца культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов в контексте Великого переселения народов¹¹. В данной статье основное внимание уделяется исследованию «варварских» народов Восточных Карпат и Северо-Западного Причерноморья и их связи с римским импортом.

II. Восточные Карпаты: между античной традицией и современными интерпретациями

II.1. Античная традиция

К Восточно-Карпатскому ареалу, почти все время находившемуся вне античной истории (а также историографии), можно подходить с позиций античной традиции лишь в более широком смысле – как части Северо-Западного Причерноморья, а также в его связи с Северным Причерноморьем, и соответственно провинциями Мезия/Нижняя Мезия и Дакия в римский период. Даже

⁶ См. совсем недавнюю карту развития римского лимеса в Мезии и Дакии: <http://limesromania.ro/ro/articole/despre-proiect/> (последний доступ 25.01.2022 г.).

⁷ Мы имеем в виду два важных центра, которые могли быть посредниками римского импорта в район Восточных Карпат.

⁸ Для более свежего обзора (с преувеличением дакийского элемента) см. Sanie, Marin 2011.

⁹ На самом деле, официальная румынская историография (лучший пример, который можно здесь привести – «История румын» – опубликованная в 2001 и переизданная в 2010 г. Румынской Академией), продолжает подчеркивать автохтонность, преемственность и единство «гето-даков», включая регион Восточных Карпат. Относительно некорректного использования терминов «гето-даки» или «дако-геты», см. уже упоминавшееся выше (прим. 3) замечание К. Штробеля, а также Strobel 1998; 2019b. Ср. Strobel 2019a: 133: „Die Bezeichnung Daker als Sammelethnikon war eine Entwicklung der römischen Sichtweise, hinter der sich in vorrömischer Zeit eine ganze Reihe von tatsächlichen Ethnonymen und Namen von politischen Formationen verborgen hat, wobei letztere ihre Bezeichnung entweder nach den dominierenden Vororten bzw. Herrschaftszentren oder nach der Zugehörigkeit zu einem größeren Verband respektive einer Region trugen und offenkundig in einer ursprünglich lateinischen Übertragung unter Verwendung des Suffixes –ensis in Ptolemaios’ Vorlage Marinos von Tyros ihren Eingang fanden. Die in der rumänischen Forschung vielfach geäußerte Ansicht, dass das verbreitete thrakische Ortsnamensuffix -dava (auch -daba, -deva; vergleichbar ‘-dorf’) einen befestigten Zentralort im Sinne eines Oppidums der keltischen Welt bezeichnen würde, ist jedoch unrichtig“ (Термин «даки» как собирательный этноним был развитием римской точки зрения, за которым в доримское время скрывался целый ряд собственно этнонимов и названий политических образований, причем последние именовались либо по господствующим предместьям или центрам власти, либо по принадлежности к более крупной федерации или региону и, очевидно, попали в первоначально латинский перевод с использованием суффикса -ensis у Марина Тирского – источника Птолея. Однако часто высказываемое в румынских исследованиях мнение о том, что широко распространенный фракийский топонимический суффикс -dava (также -daba, -deva; сравнимый с «село») мог якобы обозначать укрепленное центральное место, своего рода кельтский oppidum, является неверным.). О националистическом подходе румынской археологии, неоправданно сфокусированном на идее автохтонности, см. Niculescu 2004–2005; ср. Dobos 2021 (с предыдущей библиографией).

¹⁰ Согласно Babeş 2010: 807, первая половина II в. до н.э.

¹¹ Точнее, к нашествию гуннов, которые разрушили навязанную готами систему политической, военной и экономической организации на территории культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов.

для более обширной территории, такой как Юго-Восточная Европа в современном понимании¹², античная традиция, основанная на литературных источниках, предлагает – по крайней мере до римской экспансии – только перспективу от центра к периферии, со всеми вытекающими отсюда недостатками для современной историографии.

Чтобы дать слово знатоку, приведем недавние замечания Ф. Миттхофа касательно восприятия Юго-Восточной Европы в античной географии и историографии: «К сожалению, картина, вырисовывающаяся из текстов, обсуждаемых ниже, весьма неполна. Это связано с несколькими факторами: во-первых, эти источники сообщают большей частью лишь отрывочно и выборочно об отдельных исторических эпизодах и ограничиваются в своем интересе и поле зрения отдельными деятелями, регионами или народами; ни один древний автор никогда не намеревался представить повествование о Дунайско-балканской истории вне времени и пространства. Более того, история Юго-Восточной Европы всегда предлагается нам в этих текстах с внешней точки зрения (...). Притом, изображение исторических эпизодов Дунайского и Балканского регионов обычно вписывалось во всеобъемлющий контекст греко-эллинистической или римской универсальной истории. С этой точки зрения регион Дуная и Балкан всегда был периферийной зоной, которая обсуждалась только тогда, когда это казалось важным для понимания общего контекста; фактическое внимание презентации всегда было сосредоточено на соответствующих политических центрах (...). Наконец, следует отметить, что немногочисленные сочинения, затрагивающие аспекты истории Придунайского и Балканского регионов в более узком смысле (...), дошли до нас лишь в весьма фрагментарном виде. Все это приводит к тому, что повествование античной историографии о политической и событийной истории Дунайско-балканского региона, насколько мы можем понять его сегодня, напоминает лоскутное одеяло, состоящее из в значительной степени не связанных друг с другом отдельных сведений, чья точность, надежность и, следовательно, источниковедческая ценность сильно варьируют»¹³.

Таким образом, до I в. до н.э. письменная информация об интересующей нас области крайне расплывчата. Так, например, от Геродота мы узнаем о существовании гетов, веривших в бессмертие (Hdt. 4.93-96). Фукидида интересуется только фракийцы к югу от Дуная (Th. 2.29.1 *et passim*). Менандр и Теренций упоминают Даос, Давос и Гета как прозвища рабов (Men. *Georg.* 32; Ter. *Ph.* 1.1.). Чуть более подробными кажутся надписи III-II вв. до н.э., как, например, ольвийские и ист-

¹² О Юго-Восточной Европе как исторической области и, соответственно, как термине, введенном в современную историографию, см. Schmitt *et al.* 2019: 7–17 (*Die Raumkonzeption des Handbuchs: Südosteuropa als Geschichtsregion und Arbeitsbegriff*).

¹³ Mitthof 2019: 89: „Das Bild, das sich aus den im Folgenden behandelten Texten ergibt, ist leider höchst lückenhaft. Dies liegt in mehreren Faktoren begründet: Zunächst berichten diese Quellen zumeist nur ausschnitthaft und selektiv über einzelne historische Episoden und sind dabei in ihrem Interesse und Blickfeld auf einzelne Gestalten, Regionen oder Völkerschaften beschränkt; kein antiker Autor hatte jemals die Intention verfolgt, ein zeitlich wie räumlich übergreifendes Narrativ der donauländisch-balkanischen Geschichte vorzulegen. Ferner wird uns die Geschichte Südosteuropas in diesen Texten immer aus der Außensicht geboten (...) Überdies war die Darstellung von historischen Episoden aus dem Donau- und Balkanraum in der Regel in den übergreifenden Zusammenhang einer griechisch-hellenistischen oder römischen Universalgeschichte eingebettet; unter einem solchen Blickwinkel war der Donau- und Balkanraum immer eine Randzone, die nur dann thematisiert wurde, wenn es für das Verständnis des Gesamtzusammenhangs unerlässlich schien; der eigentliche Fokus der Darstellung lag stets auf den jeweiligen politischen Zentren (...) Schließlich ist zu bemerken, dass die wenigen Schriften, die dann doch in engerem Sinne Aspekte der Geschichte des Donau- und Balkanraums thematisieren (...) nur höchst fragmentarisch auf uns gekommen sind. All dies hat zur Folge, dass das von der antiken Historiographie gebotene Narrativ zur politischen und Ereignisgeschichte des Donau- und Balkanraums, soweit für uns heute überhaupt noch greifbar, einem Flickenteppich gleicht, der sich aus größtenteils unverbundenen Einzelinformationen zusammensetzt, deren Genauigkeit, Zuverlässigkeit und damit auch Quellenwert stark schwankt“.

рийские надписи в честь Протогена (IOSPE I² 32)¹⁴ или Агафокла (IScM I 15; ср. Pippidi 1962: 32–33 *et passim*), если ограничиться лишь самыми известными примерами, упоминающими перемещение «варварских» народов или набеги на греческие города и их территории, в которые могли быть вовлечены и некоторые этнические группы Восточного Прикарпатья.

Более подробные данные о фракийцах/гетах к югу от Дуная мы находим не ранее Диодора Сицилийского, который описывает противостояние Лисимаха и каллатийцев в союзе с другими греческими городами и некоторыми «варварскими» народами, как то фракийцы и скифы (D.S. 19.73.1-10). Еще больше чернил было израсходовано в румынской историографии на прославленные победы Дромихета над армиями во главе с Агафоклом и Лисимахом, оба из которых оказались пленниками гетов (D.S. 21.11-12)¹⁵.

Более важным – с точки зрения восточнокарпатского пространства – является экскурс о гетах и даках, приписываемый Помпею Трогу, если допустить, что эпизод об Ороле основан на экспансии скиров и бастарнов в связи с противостоящими им между Карпатами и Прутом гетами (Pomp. Trog.-Justin. 32.3.16). Что касается «роста могущества даков при царе Рубобосте» (*incrementa Dacorum per Rubobosten regem*)¹⁶, мы вполне согласны с интерпретацией, предложенной Карлом Штробелем (Strobel 2019a: 177), а именно, что в событиях, происходивших где-то в первой половине II в. до н.э., были замешаны геты. Их смешение с даками у Помпея Трога происходило в силу того, что в Риме эпохи Августа последний этноним был больше распространен для обозначения отличного от бастарнов и сарматов населения к северу от Нижнего Дуная.

В действительности, что касается даков, то первые более точные сведения принадлежат Цезарю, который утверждает, что лес, называемый Герцинией, простирается параллельно Дунаю до границ даков и анартов (Caes. Gal. 6.25.1-2).

Но первым по-настоящему важным древним автором для Северо-Западного Причерноморья является все же Страбон из Амасии, который в одном месте своей «Географии» резюмирует эволюцию географической концепции обитаемого мира (ойкумены):

«Правда, распространение римской и парфянской империй дало современным географам возможность значительно дополнить наши практические сведения в области географии подобно тому, как, по словам Эратосфена, поход Александра помог в этом отношении географам прежнего времени. Ведь Александр открыл для нас, как географов, большую часть Азии и всю северную часть Европы вплоть до реки Истра, а римляне – все западные части Европы до реки Альбис (разделяющей Германию на две части) и области за Истром до реки Тираса»¹⁷.

¹⁴ Дискуссия, вызванная этим документом – одним из самых известных среди почетных декретов эллинистического времени – весьма обширна. Ср. Chaniotis 2017: 147: „Recent studies of Hellenistic democracy and the *polis* institutions of the Imperial period usually do not consider the Black Sea except for references to the honorific decree for Protogenes of Olbia” (*Недавние исследования эллинистической демократии и полисных институтов периода империи обычно не рассматривают Черное море, за исключением ссылок на ольвийский декрет в честь Протогена*).

¹⁵ Ср. Strobel 2019a: 146 & 148, со ссылкой на болгарскую историографию, которая (в отличие от румынской, по большей части) помещает столицу Дромихета, Хелис, к югу от Дуная, а именно в Сборяново, в районе Лудогорья. Таким образом, подвергается серьезному сомнению единственная «причина» видеть в Дромихете своего рода «защитника родины» в античности, обосновывавшаяся в более старой румынской историографии. См., например, Pippidi 1967: 210, 214–215; ср. Daicoviciu 1970.

¹⁶ В прологе к 32-й книге, написанном Юстином.

¹⁷ Str. 1.2.1: καὶ γὰρ δὴ πολὺ τι τοῖς νῦν ἢ τῶν Ῥωμαίων ἐπικράτεια καὶ τῶν Παρθυαίων τῆς τοιαύτης ἐμπειρίας προσέδωκε, καθάπερ τοῖς μετὰ τὴν Ἀλεξάνδρου στρατείαν, ὡς φησὶν Ἐρατοσθένης: ὁ μὲν γὰρ τῆς Ἀσίας πολλὴν ἀνεκάλυψεν ἡμῖν καὶ τῶν βορείων τῆς Εὐρώπης ἅπαντα μέχρι τοῦ Ἰστρου: οἱ δὲ Ῥωμαῖοι τὰ ἐσπέρια τῆς Εὐρώπης ἅπαντα μέχρι Ἀλβίου ποταμοῦ τοῦ τὴν Γερμανίαν δίχα διαίρουντος τὰ τε πέραν Ἰστρου τὰ μέχρι Τύρα ποταμοῦ [Перевод Г.А. Стратановского].

Среди других интересных сведений отметим, что геты, которых греки считали фракийцами, жили по обоим берегам Дуная (Str. 7.3.2); что скифы, сарматы и бастарны смешаны с фракийцами по обоим берегам Дуная (Str. 7.3.2); что Буребиста, гет (Βουρεβίστας, ἀνὴρ Γέτης), за несколько лет основал великую державу (μεγάλην ἀρχήν) и подчинил гетам большую часть соседних племен (Str. 7.3.11). Еще важнее уточнения, что геты обращены к Понту и на восток, а дакийцы – в противоположную сторону, к Германии и к истокам Истра (Str. 7.3.12), и что дакийцы и геты говорят на одном языке (Str. 7.3.13: ὁμόλωττοι δ' εἰσὶν οἱ Ἄακοὶ τοῖς Γέταις).

Среди более поздних авторов представляющую интерес для Северо-Западного Причерноморья информацию предоставляют, в частности, Помпоний Мела, Плиний Старший, Дион Златоуст, Клавдий Птолемей, Кассий Дион, Приск, Иордан. Не имея возможности (по соображениям места) останавливаться на каждом, обратим внимание лишь на некоторые наиболее интересные сведения для интересующихся картиной исследуемых нами земель в античной историографии.

Так, Помпоний Мела отмечает, что «будучи людьми одного племени, фракийцы различаются по своим названиям и обычаям»¹⁸.

От Плиния Старшего мы узнаём, что «все племена к северу от Гистера, вообще говоря, скифские, хотя и между теми, что живут на берегу, есть различия: в одних местах геты, их римляне называют даками, в других местах сарматы (греки их зовут: савроматы)»¹⁹.

Наиболее подробными данными (хотя и не всегда точными) с перечислением этнонимов, топонимов и их координат из Дакии и Нижней Мезии мы обязаны Клавдию Птолемею, которому, соответственно, уделялось значительное внимание в современной историографии²⁰. Хотя в румынской историографии основательное обсуждение карты Центральной Европы на основе топонимии, сохраненной древними авторами во главе с Птолемеем, было предложено еще В. Пырваном (Pârvan 1926: 220–289), последующая дискуссия на этот счет довольно запутана – как из-за разрыва между археологией и классической филологией, так и в силу того «повествования о происхождении нации, в меняющихся политических и идеологических обстоятельствах», о котором мы упоминали выше²¹. Аксиоматическое принятие единого дакийского этноса (с вариациями «гето-дакийский» и «дако-гетский») или постулат о дако-римской преемственности «от Днестра до Тисы» на основе насильственной интерпретации информации, предоставленной древними авторами, привели к искажению образа реальных этносов и политических образований, существовавших к востоку от Карпат в доримский период и в первые четыре века нашей эры (учитывая только период, охваченный нашим исследованием).

Не останавливаясь доле на литературных источниках, напомним лишь, что их свод, интерпретация и перевод *ad usum Delphini* (другими словами, для более легкого использования при упадке классического образования) в *Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes* (FHDR I-III), помимо предполагаемого преимущества быстрого доступа к информации, таят также явные

¹⁸ Mela 2.17 (<http://www.thelatinlibrary.com/pomponius2.html>): *Una gens Thraces habitant, aliis aliisque praediti et nominibus et moribus* [перевод С.К. Апта]. Релевантная информация, если не забывать об условности понятия «северные фракийцы», предложенного современной историографией для племен к северу от Дуная, включая гетов Восточно-Карпатского региона. См., например, Никулицэ 1987.

¹⁹ Plin. *Nat.* 4.80.1-4 (<https://latin.packhum.org/loc/978/1/0#299>): *Ab eo in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, varie tamen litori adposita tenere, alias Getae, Daci Romanis dicti, alias Sarmatae, Graecis Sauromatae* [перевод Б.А. Старостина].

²⁰ Здесь будет достаточно упомянуть издания Ptol. can. [Stüchelberger/Mittenhuber] и Ptol. geogr. [Stüchelberger/Grasshoff]. Из более свежей литературы о землях Северо-Западного Причерноморья заслуживают внимания, по крайней мере на наш взгляд, Подосинов 2002; Фалилеев 2006 (ср. Сојскагу 2009) и Strobel 2016.

²¹ См. прим. 3.

недостатки, среди которых принудительный или даже неправильный перевод нюансов, имеющих значение в оригинальных текстах, или вставка неуместных комментариев идеологического характера в ущерб логике и здравому смыслу²². Следует также отметить, что *FHDR* не может считаться исчерпывающим собранием источников о народах, когда-то обитавших на современной территории Румынии, а краткие комментарии о каталогизированных авторах и их работах были неактуальны с момента публикации этих томов. Однако официальная румынская историография не только осталась под глубоким воздействием длящегося долгие десятилетия идеологического вмешательства (марксистское мышление, автохтонизм, преемственность, устаревший национализм и т.д.)²³, но с точки зрения цитирования/интерпретации литературных источников как минимум на шаг отстает от анализа, предложенного почти столетие тому назад Василе Пырваном в его «Гетика» (*Pârvan* 1926). Достаточно беглого знакомства с двумя первыми томами новейшей истории румын (*IstRom* I, II), хронологически охватывающими период нашего исследования, чтобы убедиться, что большинство ссылок на античных авторов практически сведены к томам *FHDR*.

Несмотря на высказанные нами критические замечания, нельзя недооценивать значение свода источников для первого знакомства с картиной региона на периферии ойкумены в восприятии античных авторов. Мы хотели бы обратить внимание лишь на то, что в случае с *FHDR* потребовалось бы не только переиздание соответствующих томов (с добавлениями текстов и комментариев, соответствующих нынешнему состоянию исследований, а также с тщательной работой переводов), но и осознание того, что они не могут заменить критических изданий для исследователя, использующего литературные источники в исторических реконструкциях.

II.2. Современная историография

В обзоре современной историографии, относящейся к региону Восточных Карпат и базирующейся на древней традиции и археологических данных, мы считаем необходимым разделить дискуссию на три отдельных этапа. Более подробно обсуждение направлений исследований и соответствующих исследователей будет опубликовано в контексте тома *CRFB* R2. Здесь мы позволим себе лишь несколько общих замечаний.

Исходным пунктом рассуждения для нас является «Гетика» В. Пырвана, представляющая собой исключительный синтез (учитывая эпоху, в которую она писалась) имеющихся к тому времени письменных и археологических источников. Стоит напомнить вывод автора, что только с помощью письменных античных источников «мы можем в лучшем случае лишь широко осознать

²² Например, в *FHDR* I, стр. 539, при упоминании карпов (*Καρχαῖοι*) у Птолея вставлено следующее примечание: «Племя или, скорее, союз дакийских племен, которые в V в. до н.э. располагались в Понтийских областях. (...) Под натиском бастарнов и сарматов эти племена позднее поселились (...) в Молдавии, откуда они начнут в III веке н.э. свои набеги на империю». Таким образом, игнорировалось, что первые четкие сведения о даках появляются лишь у Цезаря (*Caes. B. Gl.* 6.25.1-2), а также что даки у Страбона расположены по направлению к Германии и к истокам Истра (*Strabo* 7.3.12). Чтобы привести еще один пример небрежного перевода, упомянем, что в *FHDR* II, стр. 667, отрывок из Константина Багрянородного переводится так: „За рекой Днепр, в сторону Болгарии, у берегов реки есть заброшенные крепости“. В то время как в оригинальном греческом тексте речь идет не о Днепре, а о реке Днестр (*ἔνθεν τοῦ Δαυάστρου ποταμοῦ*).

²³ Касательно идеологического вмешательства в историографическое поле, в Румынии уже имеется обширная библиография, см., например, *Voia* 2017 (с предыдущей библиографией). Один из авторов упоминал ранее о катастрофических последствиях установления диктатуры пролетариата, см. *Sojocagi* 2012: 68: «уничтожение интеллектуальной элиты и разорение классического образования, превращение университетов в «идеологические фабрики», прекращение контактов – ранее естественных и благотворных – с западными школами, невозможность создания специализированных библиотек в условиях вечной социальной бедности».

гетскую проблему – будь то политическую, или культурную – не только в скифское или кельтское время, но даже и в римское. Поэтому решающего ответа следует ожидать от археологических раскопок» (Pârvan 1926: 371).

Археологические исследования, которые становились все более интенсивными, особенно после Второй мировой войны, постоянно вносили нюансы и дополнения к картине, набросанной В. Пырваном, даже с учетом того, что историческая интерпретация археологического материала скорее претерпела регресс. Если бы Пырвану довелось проследить исследования румынских археологов после установления диктатуры пролетариата²⁴ (как, например, М.И. Ростовцеву, знавшему, что творилось в советской археологии), его оценка, вероятно, была бы схожей: «а новое поколение работает плохо и проявляет ужасную невежественность»²⁵. Однако Ростовцев оценил интенсивность полевых исследований, соответственно накопление археологического материала, при условии слабости классической подготовки археологов и односторонности археологической школы.²⁶

Если позволительно разделить археологической литературы о территории и населении Восточных Карпат между II в. до н.э. и V в. н.э., опубликованной после Второй мировой войны, на два этапа, условной вехой с точки зрения нашего исследования могло бы стать инициирование в 1994 г. корпуса римских находок в европейском Барбарикуме, подготовленного Римско-германской комиссией во Франкфурте. Многочисленные ученые, румынские и иностранные, внесли свой вклад во все более детальное знание археологических реалий, включая римский импорт к востоку от Карпат²⁷. Помимо неравной значимости предыдущих вкладов, следует обратить внимание на тот факт, что первый корпус римского импорта из Румынии, составленный в соответствии с методологией установленной CRFB, был опубликован лишь в 2019 г. (CRFB R1 = Grumeza 2019).

Еще более важной проблемой, требующей решения, является преодоление апории, созданной ограничениями традиционной археологии в Румынии (и не только), применительно к интерпретации археологического материала как критерия этнической принадлежности²⁸. Хотя все большее количество исследователей осознает, как кажется, эту проблему, заслуживающая доверия альтернатива для более адекватной интерпретации археологических находок, в нашем случае римского импорта к востоку от Карпат, по-прежнему отсутствует²⁹. Возможным решением может быть, на наш взгляд, «сетевой анализ»³⁰ археологических материалов, к примеру, путем

²⁴ В Румынии после Второй мировой войны; В. Пырван умер в 1927 году.

²⁵ Цитируется из письма М.И. Ростовцева Э.Х. Миннзу осенью 1935 г., см. Бонгард-Левин 1997: 319.

²⁶ «Одно только плохо, что классическая их подготовка слаба и археологическая школа односторонняя». Цитируется из письма М.И. Ростовцева Э.Х. Миннзу от декабря 1929 г., см. Бонгард-Левин 1997: 316. При всем уважении к его критическим замечаниям, Ростовцев, видимо, не учитывал возникшую потребность во все более узкой специализации с быстрым увеличением темпов публикаций, что заставило даже немецкую историографию прибегнуть к эвфемизму «Fachidiote» (соответственно «Fachtrötel» в Австрии).

²⁷ Мы цитируем здесь лишь несколько обобщающих публикаций, изданных на широко распространенных языках: Glodariu 1974; Bichir 1976; Mihailescu-Bîrliба 1980; Никулицэ 1987; Shchukin 1989; Babeş 1993; Simonenko et al. 2008; Croitoru 2011; Popa 2015.

²⁸ Из множества публикаций, ставших результатом напряженной дискуссии последних десятилетий, укажем здесь лишь на Brather 2004 (с библиографией), который считает этничность социальным конструктом и отрицает существование этнических идентичностей в археологии.

²⁹ Мы имеем в виду не только правильность публикации материала в соответствии с методологией CRFB, но и пределы его исторической интерпретации.

³⁰ 'Social network analysis', см. https://en.wikipedia.org/wiki/Social_network_analysis (последнее посещение 21.01.2022 г.).

адаптации трехсторонней модели³¹, предложенной Хр. Ульфом (Ulf 2009; ср. 2020). Вводя дифференцирующие факторы (культурные характеристики, индивидуальный статус, тип общества, общественные и индивидуальные потребности, товары/предметы потребления/идеи), автор указывает на сложность рассматриваемых «культур» и процессов. К ним добавляются понятия «про-странство» (что означает социальный конструкт, а не конкретную территорию), а также так называемые «контактные зоны», которые, в свою очередь, делятся на «открытые контактные зоны», «зоны интенсивного контакта в отсутствие доминирующего партнера», «золотую середину» и «зоны интенсивного контакта, в которых доминирует один из партнеров». Каждому из этих направлений соответствует определенная степень восприимчивости – от принятия с полным изменением исходного значения до отказа или незначительной деривации значений³².

«Сетевой анализ» римского импорта из могил «свободных даков», «сарматов» или «готов» в такой контактной зоне, как плато Бырлад или Восточно-Карпатский регион в более широком смысле, может помочь преодолеть апорию, достигнутую румынской археологией, посредством аксиоматического акцента на автохтонности, преемственности и единстве «гето-даков».

III. Некоторые замечания о римских изделиях, обнаруженных в уезде Васлуй

В этой части нашей статьи мы кратко коснемся римского импорта, обнаруженного в уезде Васлуй, с точки зрения количественных данных (римские предметы, включенные в *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Rumänien Band 2. Kreis Vaslui*). Мы также подчеркнем сложность археологических культур, засвидетельствованных к востоку от Карпат, и количество римских материалов, обнаруженных в каждой культуре в течение длительного периода времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.)³³. Подавляющее большинство римского импорта сосредоточено в местах, относящихся к культурам сарматов, Поенешть-Вуртешкой и Сынтана-де-Муреш–Черняхов.

Как видно из таблицы 1, мы имеем дело со сложным культурным образом Восточного Прикарпатья, с множеством археологических культурных единиц, часто современных друг другу: группа Липица на севере, группа Поенешть-Вуртешкой вдоль Восточных Карпат, сарматская культура – относительно широко распространена на равнинах (см. Pora 2015). Во II–I вв. до н.э. к этой сложной культурной картине добавляется культура Поенешть-Лукашевка, а позже, после оставления провинции Дакия, – черняховский и постчерняховский горизонты (этапы С3-D1 в центральноевропейской хронологии).

Васлуй, вероятно, самый богатый римскими находками уезд Восточной Румынии. Здесь представлены римские товары всех категорий и всех исследуемых периодов. Несмотря на некоторую прерывистость торговых отношений (например, во время дакийско-римских войн), большинство продуктов римского происхождения (амфоры, монеты, стеклянные сосуды, украшения и т.д.)

³¹ На основе трех основных аспектов культурной трансмиссии: культуры происхождения (*the culture of origin*), процесса передачи (*the transmission process*) и культуры получателя (*the culture of the recipient*).

³² Схема еще более сложна, если принять во внимание тот факт, что при культурном контакте производители и трансмиттеры товаров и идей также могут выступать в роли реципиентов. Существование сети не может быть просто выведено археологически из того факта, что товары перемещаются из одного места в другое или от одного человека к другому, и сети не следует рассматривать только как системы экономического обмена. Скорее, это сложные структуры, которые могут принимать самые разные формы. Каждый индивид принадлежит к нескольким сетям. Каждая из них, включая общую сеть общества, представляет собой социальное пространство, которое может иметь большую или меньшую степень социальной когерентности в зависимости от характера сети. Расширение сети трудно определить с точностью, хотя можно выявить общие тенденции.

³³ Хотя некоторые республиканские денарии датируются II в. до н.э., их поступление в уезд Васлуй, скорее всего, имело место в I в. до н.э. Кроме того, некоторые могилы культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов (например, Бырлад-Валеа Сякэ) датируются началом V в. н.э., однако, в таких поздних погребальных комплексах римский импорт отсутствует.

попало в этот регион одновременно с римской экспансией (например, наступление при Домициане в районе Нижнего Дуная, создание провинции Дакия, восстановление при Константине). Несмотря на то, что микрорайон уезда Васлуй имеет площадь всего 5318 кв. км (рис. 1), римский материал из этой части Барбарикума примечателен на протяжении всего анализируемого периода. Приведем несколько примеров:

1) 84 стеклянных сосуда. В основном фрагментарные, сосредоточенные в памятниках культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов (особенно в Бырлад-Валя Сякэ, Поенешть, Богдэнешть), например: стаканы типа Kowalk, граненые и неграненые конические стаканы, стаканы типа Nuppenbecher, конические стаканы с греческой надписью (тип Eggers 238 = Straume VIII), граненые стеклянные чаши (рис. 3 -3)³⁴.

2) Более 4000 бус из стекла, сердолика, коралла, янтаря. Обнаружены в некрополях сарматских культур, а также на памятниках культур Поенешть-Вуртешкой и Сынтана-де-Муреш–Черняхов. К ним добавляются другие римские украшения, например фибулы (рис. 2 -1–3).

3) Около 100 амфор и их фрагменты (особенно сосуды типа Шелов D, Шелов F, Agora 273, амфоры типа Noviodunum), 90 % обнаружены на поселениях и в некрополях культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов (рис. 2 -6–7).

4) 14 монетных кладов, как республиканских, так и императорского времени (к которым нужно также добавить отдельные находки и солиды из погребальных находок – рис. 3 -1). Размер кладов варьирует от нескольких десятков монет до более 1000 экземпляров. Например, Пуешть: 35 римских республиканских монет; Шинень: 72 римские монеты императорского времени; Делешть – 242; Мунтенешть – более 742; Иезер – около 1000–1500.

Создав по методологии CRFB полный каталог римских находок для еще одного микрорегиона европейского Барбарикума – уезда Васлуй – мы сделали еще один шаг к достижению целей, поставленных инициаторами этого проекта (*Römisch-Germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts*) почти 30 лет назад. Однако лишь продолжая работу по систематизации находок из всех соседних районов, мы сможем получить более убедительное представление о социально-экономических отношениях между римлянами и варварами, а также о торговых сетях и связях в регионе Восточных Карпат как важной контактной зоне античности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонгард-Левин 1997 – Бонгард-Левин Г.М. 1997. М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии. *Скифский роман* / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М.: Российская политическая энциклопедия. – 623 с.
- Мордвинцева, Трейстер 2007 – Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. [Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet 2 Jh. v. Chr. – 2 Jh. n. Chr.]*. Симферополь, Бонн: Тарпан. – Т. 1: Текст (308 с.), Т. 2: Каталог (255 с.), Т. 3: Иллюстрации (204 с.).
- Мордвинцева и др. 2010 – Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. 2010. *Сокровища древней Кубани. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе* (4). Симферополь, Краснодар: Универсум. – 448 с.
- Никулицэ 1987 – Никулицэ И.Т. 1987. *Северные фракции в VI–I вв. до н.э.* Кишинёв: Штиинца. – 270 с.
- Подосинов 2002 – Подосинов А.В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. М.: Индрик. – 488 с.

³⁴ Большая часть стекла производилась на востоке Римской империи или в Северном Причерноморье (например, стеклянный кубок с греческой надписью в виде тоста); другая часть (особенно тип Kowalk), вероятно, была сделана как в Римской империи, так и в Барбарикуме. Но даже в последнем случае они следуют римской традиции обработки стекла, моделям, технике и типологии. В корпус римских находок из европейского Барбарикума также были включены толстостенные стеклянные сосуды с фасеточным вырезом (тип Eggers 227–238; особенно тип Kowalk) (CRFB D8/1, стр. 3). Следуя методологии, предложенной международным проектом CRFB, мы также включили эти стеклянные сосуды в корпуса, подготовленные для территории Румынии.

- Фалилеев 2006 – Фалилеев А.И. 2006. *Восточные Балканы на карте Птолемея. Критико-библиографические изыскания. Studien zum Südosteuropasprachatlas* (5). München: Byblion Verlag. – 167 c.
- Babeş 1993 – Babeş M. 1993. *Die Poienesti-Lukaševka-Kultur: Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt / Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde* (30). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. – 248 S., 56 Taf.
- Babeş 2010 – Babeş M. 2010. *Dinamica civilizației geto-dace „clasice”. IstRom II²*, 805–808.
- Bichir 1976 – Bichir Gh. 1976. *Archaeology and history of the Carpi from the second to the fourth century AD / BAR supplementary series*. 16. Oxf.: British Archaeological Reports. – 211 p.
- Boia 2017 – Boia L. 2017. *Istorie și mit în conștiința românească. Ediție adăugită și ilustrată*. București: Humanitas. – 500 p.
- Brather 2004 – Brather S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen / Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (42). B.; N.Y.: De Gruyter. – 817 S.
- Chaniotis 2017 – Chaniotis A. 2017. *Political culture in the cities of the Northern Black Sea region in the “Long Hellenistic Age” (The epigraphic evidence). The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, connectivity, and cultural interactions / V. Kozlovskaya (ed.)*. Cambr.: Cambridge University Press, 141–166.
- Cojocaru 2009 – Cojocaru V. 2009. Рецензия на Фалилеев 2006. *Arheologia Moldovei* (31), 271–274.
- Cojocaru 2012 – Cojocaru V. 2012. *De la relațiile externe ale orașelor pontice la relațiile externe ale apoikiilor nord-pontice (From the External Relations of the Pontic Cities to the External Relations of the North-Pontic apoikiai)*. *Pontica* (45), 65–76.
- Croitoru 2011 – Croitoru C. 2011. *Roman discoveries in the East Carpathian barbaricum (1st century B.C. – 5th Century A.D.)*. Brăila: Istros. – 625 p.
- Daicoviciu 1970 – Daicoviciu C. 1970. *Il paese di Dromichete. Dacica. Studii și articole privind istoria veche a pământului românesc*. Cluj-Napoca, 97–100.
- Dobos 2021 – Dobos A. 2021. *Migrants versus Locals. The Concept of Migration and Migratory Peoples in the Archaeology of post-Roman Transylvania. Migration and Identity in Eurasia: From Ancient Times to the Middle Ages / V. Cojocaru, A.-I. Pázsint (ed.)*, Cluj-Napoca: Mega, 201–227.
- Glodariu 1974 – Glodariu I. 1974. *Dacian trade with the Hellenistic and Roman world / BAR supplementary series* 8. Oxf.: British Archaeological Reports. – 275 p.
- Grane 2017 – Grane T. 2017. *Some Remarks from the Northern Barbaricum on Roman Finds and their significance. Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jh. n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen) / H.-U. Voss, N. Müller-Scheessel (Hgg.)*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 977–985.
- Grumeza 2019 – Grumeza L. 2019. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Rumänien Band 1. Kreis Arad*. Cluj-Napoca: Mega. – 127 S., 27 Taf.
- Grumeza et al. 2022 – Grumeza L., Cojocaru V., Honcu Ș., Munteanu L. 2022. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Rumänien Band 2. Kreis Vaslui*. Cluj-Napoca: Mega. – 350 S., 32 Taf.
- Honcu, Mamalaucr 2021 – Honcu Șt., Mamalaucr M. 2021. *Un nou tip de amforă romană atestat în Barbaricum. Acta Musei Tutovensis* (17), 117–121.
- Ioniță, Mamalaucă, Vornic 2009 – Ioniță I., Mamalaucă M., Vornic V. 2009. *Antichitatea târzie în Bazinul Prutului. Catalog*. Bârlad: Editura Sfera. – 153 p.
- Mamalaucă, Popușoi 2013 – Mamalaucă M., Popușoi E. 2013. *Bârlad-Valea Seacă, jud. Vaslui. Aurul și Argintul antic al României. Catalog de expoziție / R. Oanță-Marghitu (ed.)*. București: Muzeul Național de Istorie a României, 550–565.
- Mihailescu-Bîrliba 1980 – Mihailescu-Bîrliba V. 1980. *La monnaie romaine chez les Daces orientaux*. București: Editura Academiei. – 312 p.
- Mitthof 2019 – Mitthof F. 2019. *Südosteuropa in der antiken Geographie und Historiographie. HGSOE* (1), 70–104.
- Niculescu 2004–2005 – Niculescu Gh.Al. 2004–2005. *Archaeology, Nationalism and “The History of the Romanians” (2001), Dacia N.S.* (48–49). București, 99–124.
- Pârvan 1926 – Pârvan V. 1926. *Getica, o protoistorie a Daciei / Academia Română, Memoriile Secțiunii Istorice, seria III., tomul III., mem.* (2). București: Cultura Națională. – 476 p., 460 fig., 43 pl.
- Pippidi 1962 – Pippidi D.M. 1962. *Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer Zeit*. B.: Akademie-Verlag. – 216 S.
- Pippidi 1967 – Pippidi D.M. 1967. *Contribuții la istoria veche a României*. ²București: Editura Științifică – 599 p.

- Popa 2015 – Popa A. 2015. *Untersuchungen zu den römisch-barbarischen Kontakten östlich der römischen Provinz Dacia / Antiquitas. Reihe 3, Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums* (47). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. – 279 S., 58 Taf.
- Sanie, Marin 2011 – Sanie S., Marin T.-E. (ed.) 2011. *Geto-dacii dintre Carpați și Nistru (secolele II a. Chr. – II p. Chr.)*. Iași: Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”. – 638 p.
- Schmitt et al. 2019 – Schmitt O.J., Clewing K., Brunnbauer U. 2019. Einleitung zur Gesamtreihe: Ein Handbuch für das 21. Jahrhundert. Die Geschichte Südosteuropas. *HGSOE* (1), 1–36.
- Shchukin 1989 – Shchukin M.B. 1989. *Rome and the barbarians in central and eastern Europe: 1st century B.C. – 1st century A.D.* / BAR supplementary series. 542 (i). Oxf.: British Archaeological Reports. – 491 p.
- Simonenko et al. 2008 – Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. 2008. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban / Archäologie in Eurasien* (25). Mainz. – 629 S., 57 Abb., 14 Karten, 390 Taf.
- Spânu 2019 – Spânu D. 2019. *Poieniști. Necropola din secolele II–III*, при участии М. Babeș, N. Mirițoiu, M.M. Culea. Cluj-Napoca: Mega. – 253 p.
- Strobel 1998 – Strobel K. 1998. Dacii. Despre complexitatea mărimilor etnice, politice și culturale ale istoriei spațiului Dunării de Jos (Die Daker. Zur Komplexität ethnischer, politischer und kultureller Größen der Geschichte des unteren Donaupraumes). (I). *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* (49/1). București, 61–95.
- Strobel 2016 – Strobel K. 2016. Das Bild Dakiens in der antiken Geographie und der untere Donaupraum in der Kartographie des Ptolemaios zwischen Aktualität und Antiquiertheit. *Orbis Terrarum* (14), 194–229.
- Strobel 2019a – Strobel K. 2019. Südosteuropa in der Zeit von Republik und Principat: Vorgeschichte, Etablierung und Konsolidierung römischer Herrschaft. *HGSOE* (1), 131–322.
- Strobel 2019b – Strobel K. 2019. Pseudofakten und Ethnonationalismus am Beispiel der „Geschichte der Daker“: Ein Beitrag zur Dekonstruktion axiomatischer Geschichtsbilder und ihrer Folgen in der Archäologie und Numismatik des Donau- und Balkanraumes. *Arheologia Moldovei* (42), 21–66.
- Ulf 2009 – Ulf Chr. 2009. Rethinking Cultural Contacts. *Ancient West & East* (8), 81–132.
- Ulf 2020 – Ulf Chr. 2020. The Impact of Power on Contact Zones and Receptivity. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* (26/2), 243–256.

Таблица 1. Варварские племена Восточных Карпат в румынской историографии (по: Grumeza et al. 2022)

Культура/ группа	Древнее наименование (вероятное)	Период	Наиболее распространенные находки		Погребальный обряд	Поселения	Наиболее важные места находок
			местные	римские			
Доримский железный век							
Культура Поенешть-Лукашевка	Бастары (Βασταροί, Βασταραε)	кон. III в. – посл. четв. I в. до н.э.	костюм и одежда (особенно фибулы, части пояса), керамические урны	римские находки редки (например, бронзовые сосуды)	только кремационные захоронения, в основном урновые могилы	предпочтение плоской местности у водотоков (террасы и уступы у подножия холмов)	Поенешть (Васлуй), Гелэешть (Нямц), Борошешть, Бухэешть, Лунка Чурей (Яссы)
Гетская культура ¹	Геты (Γέται, Σείαι)	вторая четв. II в. до н.э. – 101/106 г. н.э.	оружие, орудия труда, костюм и украшения (особенно фибулы), керамика	амфоры; керамические, бронзовые и стеклянные сосуды; монеты	курганы (особенно для элиты); редко кремационные захоронения в урнах и коллективные захоронения; депозиты и жертвенные находки	различные общины и «davae» (по реке Сирет) под руководством местных лидеров	Брад, Рэжэгу (Бакэу), Пояна (Галац), Бытка Доамней (Нямц)
Римское завоевание и историографическая конструкция «свободных даков» / Dacia libera (предполагаемые «даки», находившиеся за пределами римских границ)							
Культура Поенешть-Вырешской	Карпы (Καρδοινοί, Καρδοί, Καρδοδάκται) = так называемые «свободные даки»	нач. II в. – падение лимеса (~ 260/275 г. н.э.)	урны (высокие горшки без ручек) и кратеры с зооморфными ручками и крышками; филигранные украшения (происхождение сомнительно); без оружия	бусы (типа Trăisuciu, особенно коралловые); амфоры (Рис. 2/4-5); фибулы (Рис. 2/1-3); монеты	биртуальные могилы: кремация (возросла, особенно захоронения в урнах) и ингумация (дети)	поселения, особенно в холмистой местности	Поенешть (Васлуй), Вырешской (Вранча), Дэмиенешть, Онешть (Бакэу), Вэлень, Сэббоань, (Нямц)
Культура Липица	Костобоки (Κοστοβόκοι, Costobocae) = так называемые «свободные даки»	сер. I в. до н.э. – кон. II/нач. III в. н.э.	лепные горшки; оружие; орудия труда (германские влияния)	керамические и бронзовые сосуды; монеты; фибулы	кремации; курганы (особенно для элиты, похоронения в курганах эпохи бронзы); редко ингумации (особенно детские)	холмистый и равнинный ландшафт (сообщества под сильными местными лидерами: Păroșius, rex Coissto-bocensis)	особенно за пределами северных и северо-восточных границ Румынии

¹ Или «классический период доримской Дакии».

Культура/ группа	Древнее наименование (вероятное)	Период	Наиболее распространенные находки		Погребальный обряд	Поселения	Наиболее важные места находок
			местные	римские			
Культура кочевых народов							
Сарматская культура	Сарматы (Σαρματῆται, Sarmatae)	кон. I – нач. III в. н.э.	подвески зеркальной формы с тамгообразными знаками или звездчатыми мотивами; оружие (особенно мечи с кольцевым навершием)	бусы (типа Tibiscum, особенно стеклянные); амфоры; фибулы; бронзовые сосуды	исключительно ингумации (особенно в направлении север-юг); грунтовые или курганные могилиники с центральными погребениями или погребения в курганах эпохи бронзы	нет поселений	Миток, Прэжень, Штефэнешть (Ботошань), Бырлада, Васлуй (Васлуй)
Падение лимеса (amissio Daciae) → Поздняя античность и период раннего переселения народов							
Сыктана-де-Муреш-Черняхов	Готы (и другие варварские племена)	оставление провинции Дакия (~260/275 г. н.э.) – нач. V в. н.э.	расчески и украшения из рога; детали ремня; фибулы; различные глиняные горшки в могилах (особенно серая посуда в форме вертушки)	бусы, стеклянные сосуды (преимущественно сомнительно); амфоры; монеты	большие биригуальные некрополи (кремация и ингумация)	особенно поселения в хоимистом ландшафте и мазарские (гончарные и косторезные)	Бырлада, Богдэнешть, Полочин, Потонешть, Поенешть (Васлуй), Михэлашенъ (Ботошань), Лецкань (Яссы)

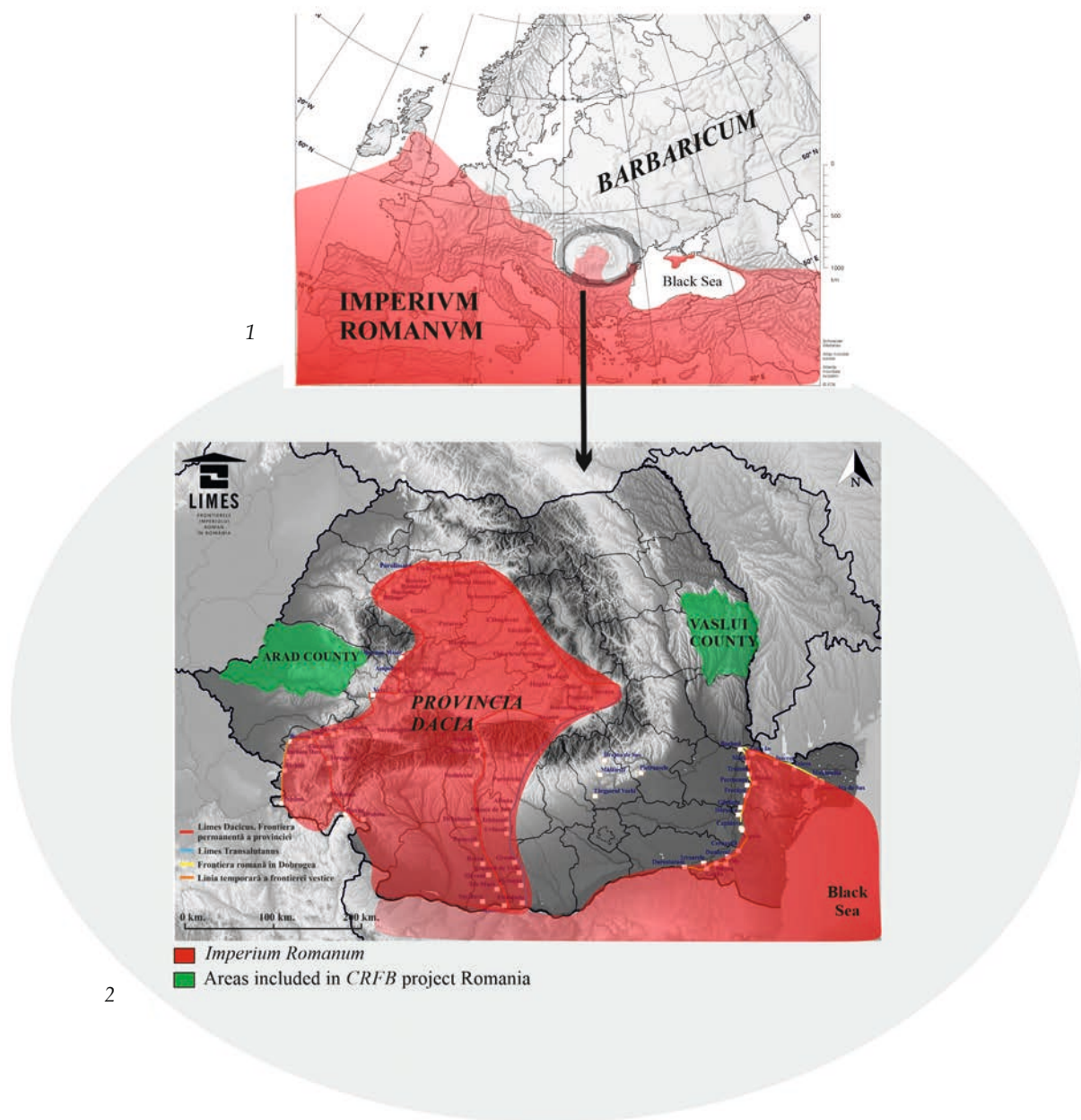
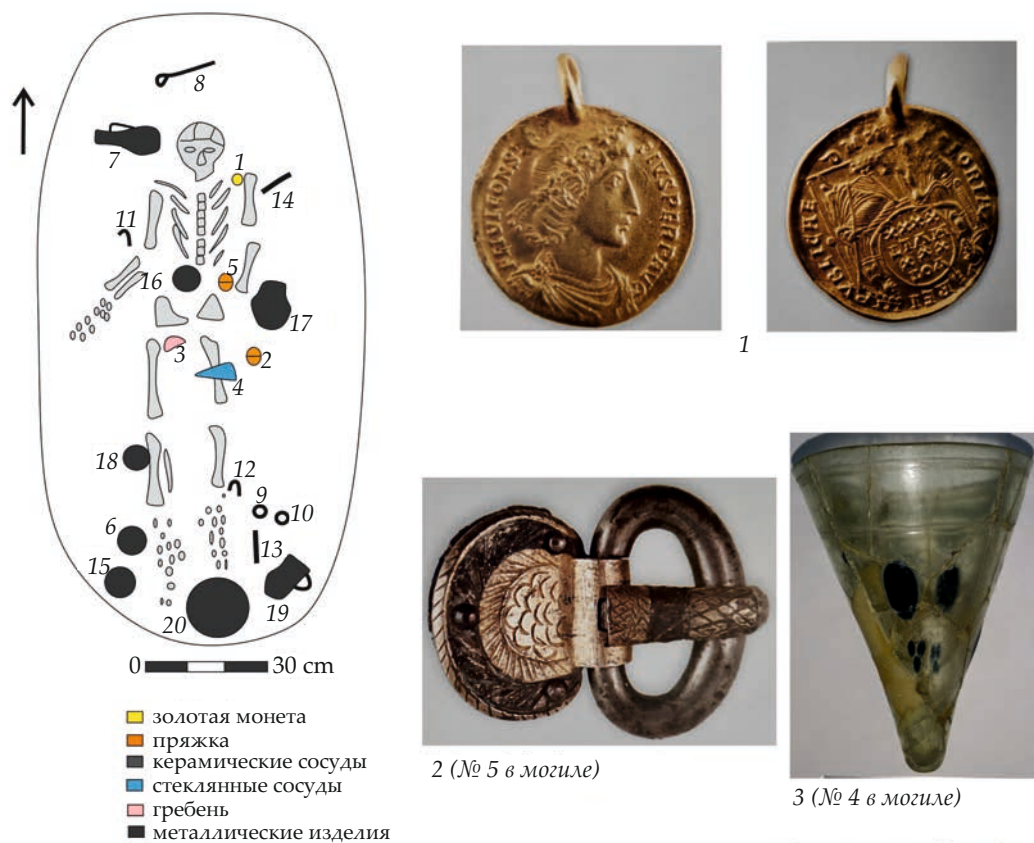

Рис. 1. Территория, включенная в проект CRFB Румыния, по отношению к границам Римской империи во II–III вв. н.э. (карта авторов)

Рис. 2. Римский импорт II–III вв. н.э., некрополь Поенешть/уезд Васлуй:
 1–3 – фибулы из могил №239, 674, 1403 (по: Spânu 2019: pl. 16/3, 35/3, 62/4);
 4–5 – амфоры типа Шелов С из могил №№648 и 1092 (по: Spânu 2019: pl. 33/2, 55/1092).
 Римские амфоры и имитации из некрополей культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов;
 6 – римская амфора, некрополь Бырлад-Валя Сякэ, могила №536 (по: Нонси, Mamalaucă 2021: pl. I/C);
 7 – местные амфоры, имитации (по: Ioniță et al. 2009: fig. 340, 444–445)

4

Рис. 3. Могила №507 из Бырлад-Валя Сякэ, с местными и римскими изделиями: 1 – золотой медальон; 2 – пряжка; 3 – стеклянный сосуд; 4 – описание могилы (перерисовка по: Palade 2004: fig. 269; фото по: Mamaiaușă, Ponișoi 2013: 561–562)

**JARS OF LESBIAN TYPES FROM THE CLAZOMENIAN NECROPOLIS OF ABDERA.
PRELIMINARY DETERMINATION OF ORIGIN**

Abstract: judging from chemical results obtained on some 68 samples of archaic Lesbian amphoras both from Lesbos itself (Mytilene, Methymna, Eressos et al.) and from overseas sites (viz. Abdera, Istros, Berezan, Nadlimanskoe & Olbia) and in comparing them with chemical pottery references of the Lyon Lab data bank for both Lesbos and Eastern Greece, it appears that ca. one third of them only – consisting of various grey ones only – were manufactured on the island, mainly in the western part of it. The remaining part of them clearly originated from outside the island, mostly from the Troad / Hellespontus sphere, judging from comparisons with our available references for these areas. In the case of Abdera proper, out of our 12 samples of archaic Lesbian jars from the Clazomenian necropolis, a single only seems to have been manufactured on the island.

Keywords: Abdera, Clazomenian necropolis, Lesbian amphoras, archaic period, determination of origin, lab results.

П. Дюпон¹

**СОСУДЫ ЛЕСБОССКИХ ТИПОВ ИЗ КЛАЗОМЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ АБДЕР.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ**

Аннотация: судя по химическим результатам, полученным на 68 образцах лесбосских амфор архаического периода как с самого Лесбоса (Митилена, Метимна, Эрессос и др.), так и из других мест (а именно Абдеры, Истр, Березань, Надлиманское и Ольвия) и при сравнении их со справочниками по химической керамике из банка данных Лионской лаборатории как для Лесбоса, так и для Восточной Греции, оказывается, что только около трети из них (включающей только разные варианты сероглиняных) была произведена на острове, в основном в его западной части. Остальные явно были изготовлены за пределами острова, в основном из региона Трояды / Геллеспонта, судя по сравнению с имеющимися у нас ссылками на эти районы. Что касается собственно Абдеры, то из наших 12 образцов архаических сосудов из Клазоменского некрополя, по-видимому, только один был изготовлен на острове.

Ключевые слова: Абдеры, некрополь Клазомен, лесбосские амфоры, архаический период, определение происхождения, результаты лабораторных исследований.

The complex lineage of transport amphoras of Lesbian types still raises today keen questions of origin, despite several previous scientific approaches (Clinkenbeard 1982; 1986; Jones 1986: 740; Whitbread 1995: 154–165; Dupont 2011: 171–178).

The Lyon Lab data bank for Eastern Greece includes 231 samples from various parts of the island of Lesbos, among them 26 of various archaic transport amphoras of Lesbian types, viz. 18 from Mytilene and 8 from Methymna. For comparative tests, a supplementary group of 42 samples of archaic jars of Lesbian types was analysed from several overseas sites, viz Istros (20), Berezan (5), Nadlimanskoe (1) Olbia (2) and from Abdera (14).

Those from Abdera (ref. ABR 50–63) were brought to light in the earliest Clazomenian necropolis and kindly put at our disposal by the excavator Eudokia Skarlatidou². They consist of specimens of Lesbian grey to greyish beige type, some of them more or less reoxydized (ABR 50, 55), but all covering the interval from the second half of the 7th to the beginning of the 6th century BC³.

After several cross-checking stages of data processing of the whole range of jars of Lesbian types, both those from Lesbos Island and from overseas settlements, the resulting dendrogramme of

¹ Дюпон Пьер, научный сотрудник, ArAr Lab, CNRS-Maison de l’Orient, Lyon, 69007, France, pierre.dupont15@orange.fr, <https://orcid.org/0000-0003-4835-6519>.

² See Σκαρλατιδου 2010. On the development of Abdera’s necropolis, see: Koukouli-Chrysanthaki 1994.

³ As for the Lesbian red type proper, it only occurs in Abdera among the finds of the later Teian necropolis from the mid-6th c. BC onwards.

classification of chemical data (pl. 1) can be summarized as follows in restricting ourselves to the enough closely-knit groups:

- the first three clusters [1–3] on the left concentrate a majority of samples from the island: the central one, from Mytilene only; the other two on either side, from Methymna mainly: the left one together with several finds from Istros and one from Abdera (ABR 56) (pl. 5a); the right one from Methymna only, next to two Lesbian red ones from Berezan and Mytilene in a marginally irrelevant position;

- the central branch [4], the most numerous one, is of outstanding importance, since, besides some samples of Lesbian grey jars from both Mytilene and Abdera (ABR 52, 54, 58, 60, 61, 63), it includes the greater part of our samples of Lesbian red amphoras, viz. three from Mytilene and eight from Istros, Berezan and Olbia;

- then comes a smaller cluster [5] combining, beside one Lesbian grey sample from Mytilene and another beige one from Methymna, four specimens of an early variant of Lesbian jars from Abdera fitted with twisted handles, viz two in grey clay (ABR 51, 62) and two in pale orange clay (ABR 50, 55); two items of the Lesbian red variant are adjoining it, but in a rather marginal position;

- small-sized too but chemically heterogenous, the next branch [6], associates three Lesbian grey jars, viz. two from Abdera (ABR 53, 59) and one from Istros, together with an isolated Lesbian red one from Berezan;

- conversely, the next branch [7] deserves particular importance since it brings together the remaining samples of Lesbian red jars, all from Black Sea settlements (Istros, Berezan, Nadlimanskoe), apart from a single early Lesbian grey jar from Abdera (ABR 57) in a marginal position.

Branch [4] emerges from all the others, gathering the major part of our samples from Abdera, viz. ABR 52, 54, 58, 60, 61, 63 (pl. 2–3). The fact that it also includes the main concentration of Lesbian red jars and only a small number of finds from the island of Lesbos itself, rather makes one suspect that we might well be faced with types produced by an unidentified area of manufacture, most probably situated outside the island, though at least within its direct sphere of influence. This sphere may include first of all its colonial region and secondarily areas within its trading network. The same observation applies to cluster [6], only gathering samples from outside the island – of which two from Abdera (ABR 53, 59) – as well as disconnected from the chemical patterns of the island. However, due to the fact that chemical clusters do not necessarily reflect the actual sequence of archaeological groups, it seems that we might well be faced here with a complementary share of cluster [4], thus requiring in both cases additional comparative tests with potential providers of these «substitutes» of Lesbian originals.

Within branch [4], the slight proportion of finds from Lesbos itself contrasts with the rather high representation of jars of the so-called «Lesbian red» type, yet scarcely represented among the finds of the island, thus inviting to explore peripheral tracks for identifying its area or centre of manufacture. Comparative tests clearly prove that they cannot not be attributed to Thasos itself, as B. Clinkenbeard wrongly suggested under the somewhat inappropriate appellation of «Fractional red» jars (Clinkenbeard 1986: 353–362). Previously, an Attic origin for these Lesbian red amphoras – alias «jars with glass-shaped foot» in the former Soviet terminology – had even been put forward by V. Ruban but quite rightly rejected by I.B. Brashinskiy (Брашинский 1983: 8–10) as well as by comparative tests with our own Attic references.

More conclusive proved to be the parallels drawn between material from Lesbos and that from its *Peraia* on the mainland opposite the island as well as on its expanding line of ports of call northwards, viz. along the shores of the Troad and Hellespontus⁴. Preliminary comparative studies were undertaken with some 114 representative local references at our disposal, represented by Atarneus

⁴ On Lesbian *Peraia*, see lastly: Ellis-Evans 2019: esp. p. 159–197.

(10), Adramytteion (10), Troja (20), Abydos (10), Sestos (20), Lampsacus (10), Parion (10) Cyzicus (10), and Dascylium (14).

In addition to their geographical proximity, these coastal areas were renowned in antiquity and up to the end of the Ottoman period for their well-developed viticulture, first in line along the Asiatic shore of Hellespontus between Lampsacus and Priapos⁵. Furthermore, even if probably not as well developed as it is today in the eastern part of the island⁶, olive growing was also attested in ancient Lesbos till modern times⁷ and one can therefore assume that at least a minor portion of locally made jars of Lesbian type were intended for containing olive oil or even olives in brine⁸. In the same way, both the mainland opposite Lesbos, adjoining the Edremit Gulf, i.e. in the Antandros territory, and the shores of the Hellespontus around Lampsacus and Cyzicus were also devoted to olive growing⁹ and these also needed jars for containing their own oils. Thus, one can assume that the manufacture of amphoras also occurred among several more or less widely separate workshops.

Our samples from Abdera included within both branches [4] and [6] would then have to be reattributed accordingly, even if no definite centre of manufacture can be put forward at the present stage.

Even more puzzling appears the case of cluster [5], which stands out by the presence of four samples of early Lesbian jars from Abdera of a special variant with twisted handles (ABR 50, 51, 55, 62) (pl. 4)¹⁰, adjoined by two orthodox ones with rounded handles: one from Mytilene and one from Methymna. Two samples of canonical Lesbian red jars – one from Istros and one from Olbia – with slightly higher titanium content – fit alongside this cluster but in a rather irrelevant marginal position on the right.

For that branch, even if a connection with our local references for the Troad-Hellespontus area was also evidenced, it was a looser one in a rather marginal position on the fringe of a cluster predominated by samples from Parion, thus not fully conclusive.

Conversely, additional parallels of chemical pattern were also obtained between jars of Lesbian types and references from more remote areas, viz. with several sites of Aegean Thrace, a country well-renowned for its long tradition of great vintages (Pindar, Pean II, 17–18; Salviat 1990: 459–462¹¹; Κουκουλή-Χρυσανθάκη 2007: 37–56). Thus, most of our samples included in the dominant branch [4] of the dendrogramme also matched up with our references for Doriskos (i.e. Ainos area), whereas the smaller cluster [5], including our four early Lesbian jars with twisted handles from Abdera was rather fitting with our reference for Maroneia. However, several arguments led us to reject such an alternative:

1) assuming that Aeolian Ainos had occupied a leading position in Aegean Thrace for the manufacture of such a significant share of the archaic lineage of jars of Lesbian types would have surely led to an overrepresentations of such finds throughout the area;

⁵ For Lampsacus, see: Hdt. V, 117; Thuc. I, 138; Xen., An. VII, 8, 1; Strabo XIII, 589; for Parion: Hdt. V, 117; Xen, An., VII, 2, 7; Strabo XIII, 588; Paus. IX, 27; for Priapos: Thuc. VIII, 107; Strabo XIII, 582, 587; MeL. I, 97; Pl. IV, 75; V, 141; Arr. An. I, 12, 7. For modern times, see: Lechevalier 1800: 14, 19, 24; Eldem 2017.

⁶ See Sifounakis 1986.

⁷ On the repartition of olive-growing areas in modern times, see Koldewey 1890, color map 31. In 1850, the island was exporting 350.000 quintals of olive oil, its main product at that time, whereas large quantities of local wine were still marketed in Constantinople (Bargigli 1880: 244, 247). See also Bresson 2000: 102–103. As for today, the local production of olive oil represents up to 10 % of the whole national production of Greece.

⁸ *PSI* V, 535, l. 29.

⁹ Fickendey 1922, esp. p. 23. Judging from the data given by De Scherzer (1882), p. 114–116 for the late Ottoman period, the olive-growing area Edremit-Ayvalık alone was producing much more olive oil than Mytilene and of better quality.

¹⁰ Parallels are to be found in the proto-archaic levels from Old-Smyrna (source: J.M. Cook's field-notebooks), in Kommos (Johnston 2005: 365, nr. 204–205, fig. 28) and Milazzo (Brea, Cavalier 1959: 112, pl. L:5).

¹¹ § Vin de l'Ismaros et de Maronée.

2) the reported range of containers of post-Archaic date put forward for supporting the existence of an amphora production centre located somewhere in the Evros delta (Karadima 2004) differs completely from the Lesbian lineage;

3) the same remark applies to the range of amphora finds from Abdera¹², twice North-Ionian foundation;

4) even within the assemblage of archaic amphoras of the earliest Abdera necropolis, jars of Lesbian types do not appear overrepresented in comparison with those of Chian and North-Ionian origin¹³. Consequently, it seems that we are rather faced here with some random overlapping of chemical pattern, as it sometimes occurs. However that may be, either Aegean Thrace or Troad / Hellespontus products, one might rather be faced with more or less orthodox imitations of Lesbian jars issued from the hands of some migrant Lesbian potters established abroad. This would explain the somewhat tentative dual firing process used for them, either reducing or oxydizing.

Much more homogenous and significant at the same time appears the last cluster [7] associating the remaining share of Lesbian red jars from various Pontic settlements, viz. Istros, Berezan and Nadlimanskoe, together with a single Lesbian light grey sample from Abdera (ABR 57) (pl. 5b), but with no one at all from Lesbos itself.

The fact that only a single one out of fourteen of our samples of jars of Lesbian types from Abdera seems ascribable to the original products of Lesbos itself and rather from its western part than from more distant Mytilene is worth noticing indeed. Furthermore, that between six to eight of them fall into a major group of imports together with the main share of our samples of Lesbian red type from various overseas settlements suggests that we are faced with a single lineage of containers. Judging by the early dating of Abdera's Clazomenian necropolis, these allochthonous imitations of the originals would date back to the second half of the 7th / beginning of the 6th century BC¹⁴, whereas they are succeeded in the later Teian necropolis of Abdera by specimens of orthodox Lesbian red type. However, both of them being far from overrepresented among the finds, the hypothesis of their local production must be ruled out.

Of course, on the typological point of view proper, these new lab results obtained on samples from the first necropolis of Abdera remain restricted to the attribution of origin of the earliest recorded shape of the lineage of transport amphoras of Lesbian types, viz. Monakhov's variant I-A / Sezgin's GLES1, covering the second half of the 7th century BC¹⁵, but nevertheless already prefigure its morphological diversification in detail¹⁶, thus foreshadowing a complete reassessment of the Lesbian label for the subsequent stages of this major lineage of East Greek containers.

¹² See Peristeri-Otazi 1986. However, the complete shape of early classical date illustrated p. 495, fig. 13, attributable to Zeest's former «Protothasian» type, appears rather ascribable to the North-Ionian lineage (Teos ?), either imported original or local imitation in Abdera, twice North-Ionian foundation. For the reattribution of the type, see Dupont 2006; Dupont, Lungu 2010.

¹³ Incidentally, twisted handles are also to be found among the finds of grey wares from Mytilene.

¹⁴ Or even earlier, in the case the Tell Qudadi specimen also proved not to be of Lesbian manufacture (see: Fantalkin, Tal 2010: 7–9). Unfortunately, NAA results are not strictly comparable with those of X-Ray fluorescence.

¹⁵ See Monakhov 2003: 44–45, 49, 257; pl. 27 -1; Sezgin 2012: 209–211, 229–230, 239; fig. Gles1.03. However, a closely related find from Methone Pierias, issued from a context dated turn 8th / beginning 7th c. BC (see Besios et al. 2012: 345, no. 4) as well as the well known specimen from Qudadi, from a context also not later than the very beginning of the 7th c. BC (Fantalkin, Tal 2010). Now invite to update their emergence from at least half a century.

¹⁶ As already evidenced by both chemical pattern and morphological specific features between our samples from branch [4] and [5] of the dendrogramme: the former (pls. 2–3) with pear-shaped body, nearly cylindrical neck and wedge rim with wide band below, delimited by a groove or slight ridge; the latter (pls. 4–5) with ovoid body, slanting squat neck, protruding rounded / echinoid rim and twisted handles.

However, among our samples from the Clazomenian necropolis of Abdera, two of them (ABR 50 & 55) stand out from the others by their orange clay, thus to be interpreted as Lesbian red predecessors. The same remark applies to another early specimen brought to light among the finds from the Middle Ebro valley in the Chirpan region¹⁷. One might even ponder to what extent the firing under oxydizing atmosphere might have been adopted by the amphora potters of the Lesbian *Peraia* under the influence of the Attic tradition, possibly connected with the war between Mytilene and Athens over Sigeion at the mouth of the Hellespontus, which apparently lasted for two generations, c. 610–540 BC. As for the red variant of these jars of Lesbian types that follows later on overseas markets¹⁸, it was probably initiated to differentiate the original Lesbian containers from their borrowed counterparts.

REFERENCES

- Брашинский 1983 – Брашинский И.Б. 1983. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными доньями. *КСИА* (174), 8–10.
- Μοναχοβ 2003 – Μοναχοβ С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Bargigli 1880 – Bargigli Dr., II. 1880. L'île de Mytilène. *Smyrne considérée du point de vue géographique, économique et intellectual* / Ch. De Scherzer (ed.). Leipzig, 242–250.
- Besios et al. 2012 – Besios M., Tsiphopoulos G.Z., Kotsonas A. 2012. *Μεθωνη Πετριας I: Επιγραφές, χαράγματα και εμπορικά σύμβολα στη γεωμετρική και αρχαϊκή κεραμική από το 'Υπόγειο'*. Thessalonica: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας. – 560 σ.
- Brea, Cavalier 1959 – Brea L.B., Cavalier M. 1959. *Mylai*. Novara: Istituto Geografico De Agostini. -136 p. 58 pl.
- Bresson 2000 – Bresson A. 2000. *La cité marchande*. Bordeaux. -343 p.
- Clinkenbeard 1982 – Clinkenbeard B. 1982. Lesbian Wine and Storage Amphoras: A Progress Report on identification. *Hesperia* (51), 254–256.
- Clinkenbeard 1986 – Clinkenbeard B. 1986. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions concerning Collaboration. *BCH* (Suppl. XIII), 353–362.
- De Scherzer 1882 – Scherzer Ch. De . 1882. *Smyrne considérée au point de vue géographique, économique et intellectual*. Leipzig. - 302 p.
- Dupont 2006 – Dupont P. 2006. Amphores “samiennes” archaïques de Mer Noire (approche archéométrique). *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э.* Материалы международной конференции / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 64–75.
- Dupont 2011 – Dupont P. 2011. Données archéométriques préliminaires sur les amphores du type de Lesbos. *PATABS* (II) / Ch. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozhkova (eds.). Sofia, 171–178.
- Dupont 2021 – Dupont P. 2021. Lesbos wine: Οίνος αυθιγενής or regional vintage spread throughout the Lesbian sphere? *MatCercA* (N.R. XVII), 71–85.
- Dupont, Lungu 2010 – Dupont P., Lungu V. 2010. Les amphores «samiennes» et «protothasiennes» de Zeest: vers une relocalisation en Ionie du Nord? *PATABS* (I). Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab-Tezgör, N. Inaishvili (eds.) / *Varia Anatolica* (XXI). Istanbul: Institut Français d'Etudes Anatoliennes-Georges Dumézil, 39–43.
- Eldem 2017 – Eldem E. 2017. A French view of the Ottoman-Turkish wine market 1890–1925 / *Of vines and wines. The production and consumption of wine in Anatolian Civilizations through the Ages* / L. Thys-Senocak (ed.). *Ancient Near Eastern Studies* (Suppl. 51). Leuven; Paris; Bristol, 169–209.
- Ellis-Evans 2019 – Ellis-Evans A. 2019. *The Kingdom of Priam. Lesbos and the Troad between Anatolia and the Aegean*. Oxf.: Oxford University Press. – 384 p.
- Fantalkin, Tal 2010 – Fantalkin A., Tal O. 2010. Reassessing the Date of the Beginning of the Grey Series Transport Amphorae from Lesbos. *BABesch* (85), 1–12.
- Johnston 2005 – Johnston A. 2005. Kommos: further Iron Age Pottery, *Hesperia* (74), 309–393.

¹⁷ Lozanov 2010: esp. 85, 90; pl. 49-4 (early Lesbian red amphora).

¹⁸ Early specimens of standard Lesbian red jars were also brought to light in Abdera, but only in the later Teian necropolis.

- Jones 1986 – Jones R.E. 1986. *Greek and Cypriot Pottery: a review of scientific studies*. Athens, 1986. -XXXI. 938 p.
- Karadima 2004 – Karadima Chr. 2004. *Ainos: An Unknown Amphora Production Centre in the Evros Delta. Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean*. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002 / J. Eiring, J. Lund (eds.). Athens, 155–161.
- Koldewey 1890 – Koldewey R. 1890. *Die antiken Baureste der Insel Lesbos*. B. -90 s.
- Koukouli-Chrysanthaki 1994 – Koukouli-Chrysanthaki Ch. 1994. The cemeteries of Abdera. *Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc)*. Actes du Colloquium Internationale du C.R.A. de l'Université Lille III (Lille, 2–3 déc. 1991) / J. De La Genière (ed.). *Cahiers du Centre Jean Bérard (XVIII)*. Naples, 33–77.
- Κουκουλή-Χρυσανθάκη 2007 – Κουκουλή-Χρυσανθάκη Χ. 2007. Παραγωγή και κυκλοφορία οίνου στη Θασιαχή Περαία. Μια πρώτη προσέγγιση. *Οινον ιστορώ (VII)* / G.A. Pikoulas (ed.). Athens, 37–56.
- Lechevalier 1800 – Lechevalier J.-B. 1800. *Voyage de la Propontide et du Pont-Euxin*. P., -416 p.
- Lozanov 2010 – Lozanov I. 2010. On the import amphorae in Thrace (6th–3rd centuries BC): reflections on recent discoveries in the Middle Hebrus valley. *PATABS (I)*. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab-Tezgör, N. Inaishvili (eds.) / *Varia Anatolica (XXI)*. Istanbul: Institut Français d'Etudes Anatoliennes-Georges Dumézil, 85–96, pl. 48–54.
- Peristeri-Otatzis 1986 – Peristeri-Otatzis C. 1980. Amphores et timbres amphoriques d'Abdère. *BCH (Suppl. XIII)*, 491–496.
- Salviat 1990 – Salviat F. 1990. Vigne et vins anciens de Maronée à Mendé. *MNHMH Δ. ΛΑΖΑΠΙΔΗ*. Thessaloniki, 457–476.
- Sezgin 2012 – Sezgin Y. 2012. *Arkaik dönem İonia üretimi Ticari Amphoralar*. Istanbul: Ege Yayinlari. – 344 p.
- Σηφουνάκης 1986 – Σηφουνάκης Ν. 1986. *Βιομηχανικά Κτιρια στη Λεσβο*, Athens. – 175 σ.
- Σκαρλατίδου 2010 – Σκαρλατίδου Ε.Κ. 2010. *Το αρχαϊκό νεκροταφείο των Αβδήρων*, Θεσσαλονίκη. – 395 p.
- Whitbread 1995 – Whitbread I.K. 1995. *Greek transport amphorae: a petrological and archaeological study*, Athens. - 453 p.

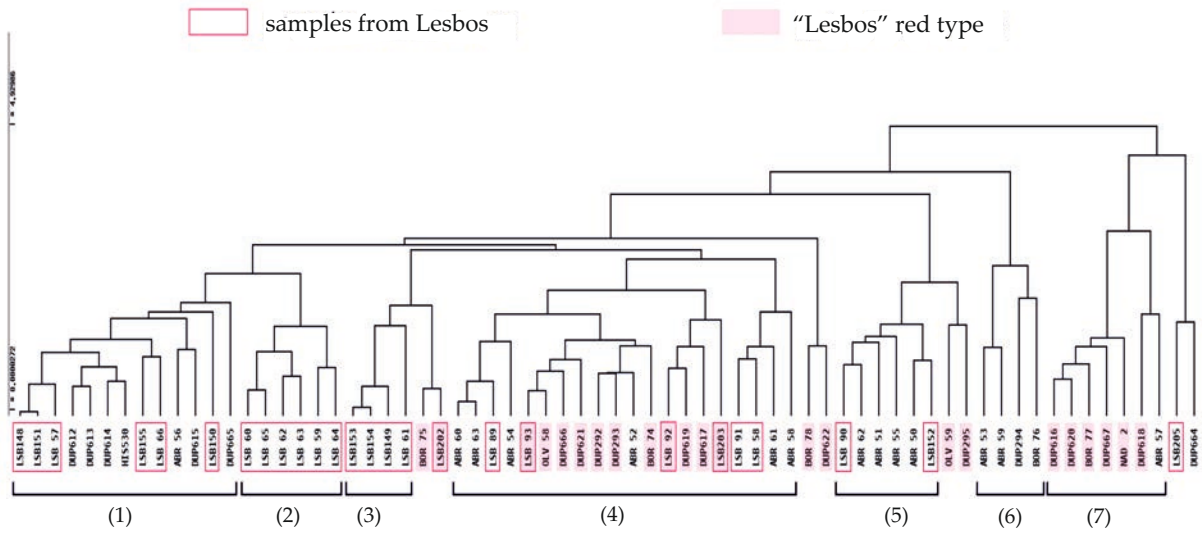

Fig. 1. Dendrogramme of classification of chemical data

K. 73
ABR 52

K. 102
ABR 58

K. 142
ABR 54

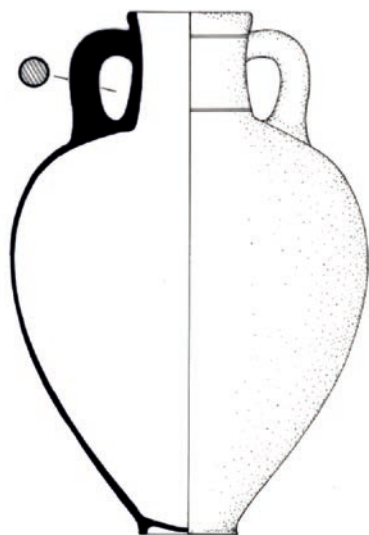

K. 185
ABR 61

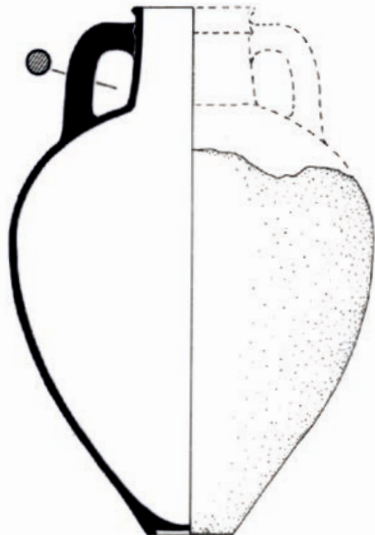

K. 109
ABR 53

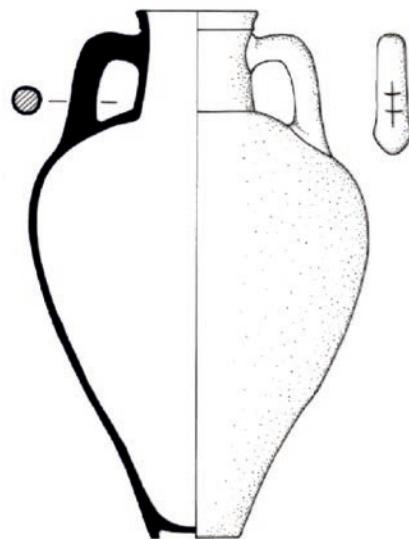
Fig. 2. Troad-Hellespontus chemical pattern

K. 73
ABR 52

K. 102
ABR 58

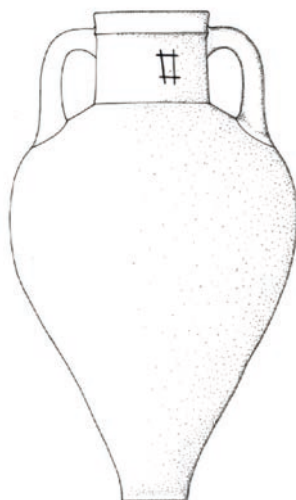
K. 125
ABR 60

K. 142
ABR 54

K. 185
ABR 61

K. 231
ABR 63

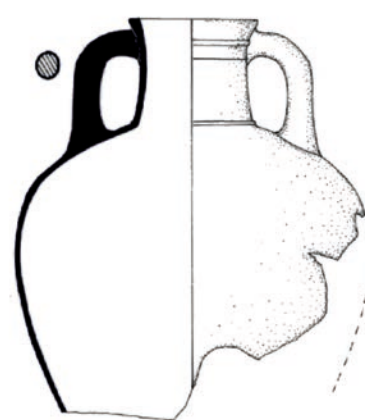

Fig. 3. Troad-Hellespontus chemical pattern. Profiles

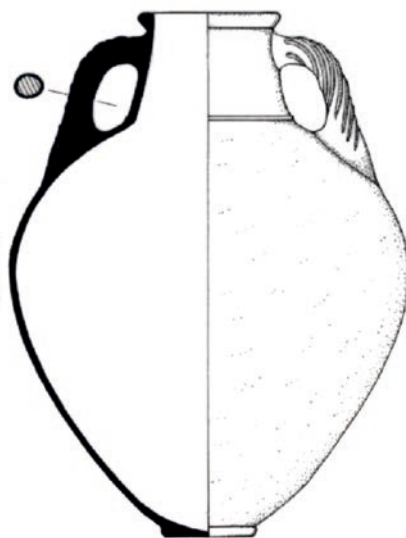
K. 63
ABR 51

K. 225
ABR 62

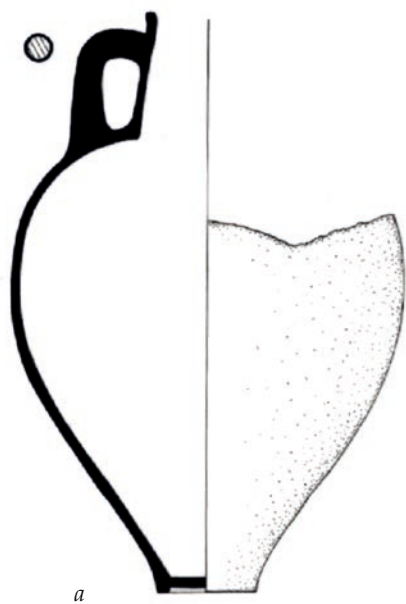

K. 279
ABR 55

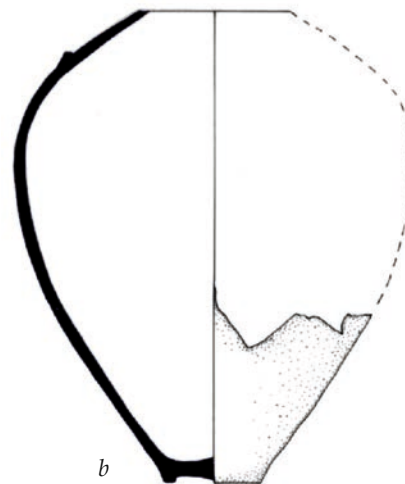

K. 9
ABR 50

Fig. 4. Undetermined chemical pattern (Parion ?)

K. 75
ABR 56

K. 96
ABR 57

Fig. 5. Lesbos-West & Undetermined. Profiles

Т.В. Егорова,
Д.В. Журавлёв¹

О ДВУХ МЕДАЛЬОНАХ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ «КАЛЕНСКИХ ЧАШАХ»
ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Аннотация: статья посвящена публикации двух рельефных медальонов на доньшках так называемых каленских чаш, обнаруженных в начале XX века В.В. Шкорпилом и хранящихся сегодня в Историческом музее в Москве.

Один из таких медальонов (рис. 1а) изображает Эроса, сидящего на дельфине, с лирой в руках. Точные параллели с этим медальоном нам пока неизвестны. Второй (рис. 1б) представляет Силена с тирсом в правой руке и канфаром в левой. Этот тип изображения Силена известен на металлических медальонах. Еще один подобный медальон был обнаружен в Керчи, а сейчас хранится в Эрмитаже. Оснований для узкой датировки нет, но, опираясь на мнение Б. Барр-Шаррар о датировке возможных металлических прототипов, мы предполагаем их изготовление в пределах последней четверти II – первой половины I в. до н.э. Судя по всему, опубликованные медальоны были изготовлены не в Италии, а в одном из центров Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: рельефные медальоны, каленские чаши, иконография, эллинистическая керамика, имитации металлической посуды.

T.V. Egorova,
D.V. Zhuravlev¹

ABOUT TWO MEDALLIONS ON HELLENISTIC “CALENA BOWLS”
FROM PANTIKAPAION

Abstract: the article is devoted to the publication of two relief medallions on the bottoms of the so-called calena bowls, discovered at the beginning of the 20th century by V.V. Shkorpil and stored today in the Historical Museum in Moscow.

One of these medallions (fig. 1a) depicts Eros sitting on a dolphin, with a lyre in his hands. The exact parallels to this medallion are not yet known to us. The second (fig. 1b) shows Silenus with a thyrsus in his right hand and a cantharos in his left. This type of depiction of Silenus is known on metal medallions. Another similar medallion was discovered in Kerch, which is now stored in the Hermitage. There are no grounds for a narrow dating, but, based on the opinion of B. Barr-Sharrar on the dating of possible metal prototypes, we assume their manufacture within the last quarter of the 2nd – first half of the 1st century BC. Apparently, the published medallions were not made in Italy, but in one of the centers of the Eastern Mediterranean.

Keywords: relief medallions, calena bowls, iconography, Hellenistic pottery, imitations of metal ware.

Введение

В собрании Государственного исторического музея хранится серия эллинистических рельефных медальонов, оттиснутых на донцах чаш. Два из них, происходящие из раскопок, или, точнее, случайных находок В.В. Шкорпила на горе Митридат, в Пантикапее, представлены в нашей публикации. Эта небольшая статья – не просто ввод в научный оборот интересных находок, более сотни лет лежащих без движения в музейной коллекции, но и заявка на большую работу, посвященную подобным медальонам на керамике эллинистического времени из Северного Причерноморья.

¹ Егорова Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, tvegorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8479-0518>.

Журавлев Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Государственного исторического музея, 109012, Россия, г. Москва, Красная площадь, д. 1; ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт», 123182, Россия, г. Москва, пл. Академика Курчатова, 1, denzhuravlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-6621>.

Находки таких чаш были неоднократно встречены в Северном Причерноморье, в частности, в Пантикапее (Шкорпил 1913а: 40, рис. 18; 1913б: 71; Толстикова 2010: рис. 4, внизу слева; Кат. Москва 2017: 330–331, Кат. 230аб), Китее (Молев 2002: 207, рис. 1), Нимфее (Данильченко 2011: 12–13, рис. 1; Sokolova 2015: 122, fig. 2), Херсонесе (Косцюшко-Валюжинич 1901: 32, рис. 27; 1902: 19, рис. 19) и Ольвии (Фармаковский 1902: 73–80; 1906: 165, рис. 114; 173, рис. 121–122; Парович-Пешикан 1974: 92, рис. 85 -4; Журавлёв, Ломтадзе 2007: рис. 6 -1; Lomtadze, Žuravlev 2014: 178–179, fig. 2 -1, 3 -1), а также в Танаисе (Шелов 1970: 171). Специальных исследований, посвященных подобным рельефным медальонам, в отечественной литературе совсем немного. В 1902 г. была опубликована статья Б.В. Фармаковского, в которой он рассмотрел донце подобной чаши из Ольвии и вопросы копирования деталей металлических сосудов в керамике (ср.: Мальмберг 1892). Здесь же он публикует серебряный медальон с изображениями обнявшейся и целующейся пары (Фармаковский 1902: 75, рис. 2), аналогичный херсонесскому керамическому медальону (Косцюшко-Валюжинич 1902: 19, рис. 19). Впоследствии чаши с такими же медальонами были найдены и в Ольвии (Фармаковский 1906: 164, рис. 114), Пантикапее (Кат. Москва 2017: 331, Кат. 230А), Нимфее (Данильченко 2011: рис. 1 -3).

Медальоны из Пантикапея

На первом медальоне (ГИМ 49469, оп. Б 84–25) (рис. 1а)², выполненном в невысоком рельефе, изображён Эрот с лирой в руках, сидящий верхом на дельфине. Эрот сидит слегка откинувшись, полубоком: правая нога свисает, левая подогнута и частично закрыта правой. Сзади отчётливо видно крыло. Голова развернута вправо в $\frac{3}{4}$, не проработана. Правой рукой Эрот играет на лире, которую держит, очевидно, в левой руке. Хорошо читаются голова с носом и хвост дельфина, плывущего влево. Оттиск вписан в круглую профилированную рамку, состоящую из двух кольцевидных валиков.

Сохранившиеся размеры фрагмента 7,1×6 см. Диаметр медальона 3,7–3,8 см. Глина, из которой сделан сосуд, светло-красная (Munsell: 10R 6/6), достаточно плотная, с мелкими блёстками. Лак – тёмно-красный, местами чёрно-бурый (Munsell: 10R 3/2 – 3/3), покрывает и верхнюю, и нижнюю поверхность, хотя внизу частично стёрт.

Медальон происходит из раскопок В.В. Шкорпила в 1911 г. В описи отмечено «Находка в Керчи 1911 г., № 15а». Точное место находки не указано, лишь отмечено: «в насыпи на северном склоне Митридатовой горы». В ИАК приведено описание интересующей нас находки: «доньшко краснолакового сосуда с изображением Эрота на дельфине, играющего на лире и части того же сосуда, ясно указывающие, каковы были форма и техника посуды этого рода» (Шкорпил 1914: 73). Правда, к сожалению, в музее не оказалось остальных фрагментов этого сосуда; нет их в Отношении Императорской Археологической Комиссии – основного документа передачи материалов из ИАК в музей.

Несмотря на то, что изображения Эротов были весьма популярны как в металлических медальонах, начиная со второй четверти III в. до н.э., так и в глиняных репликах вплоть до начала I в. до н.э. (Pagenstecher 1912: 152, 159, Abb. 4, 5, 12; Barr-Sharrar 1987: 10, 25, 99, 102), Эрот на дельфине с лирой встречается в античном искусстве не так часто. Тем не менее, этот сюжет зафиксирован в вазописи более раннего времени. В частности, он представлен на аттической краснофигурной ойнохое последней четверти V – начала IV в. до н.э. из коллекции Эшмолеанского музея (Hoorn 1951: fig. 370 -797). Стилистически близкая трактовка характерна для привозных или оттиснутых в формах, сделанных по импортным образцам терракотовых статуэток III в. до н.э., найденных в Пантикапее и Херсонесе (Кобылина 1961: 94, табл. XIII -4; Деревицкий и др. 1897: табл. XVI -5; Шевченко 2016: 120, табл. CXVI -758). Известны изображения Эрота, си-

² Рисунки медальонов выполнены С.С. Тищенко, фото – Д.В. Журавлёвым.

дящего на дельфине, и на щитках светильников более позднего, римского времени (Bernhard 1955: 325, pl. LXXXIX, N 313; Oziol 1977: 216, pl. 360, N 640. Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 107–108, N 59; и др.).

Среди глиняных и металлических медальонов аналогий ему найти пока не удалось.

Второй медальон (ГИМ 49469, оп. Б 84-39) сделан в близкой манере (рис. 1б). В центральном поле, также оконтуренном двумя рельефными кольцевыми валиками, представлено изображение бородатого Силена. Лысая куполообразная голова слегка наклонена и повернута влево, украшена венком из крупных листьев плюща и шишек пинии. Лоб с морщинами, густые тяжёлые брови сведены, глаза глубоко посажены, нос прямой и плоский. Лицо Силена густо обрамлено кудрявой бородой. В правой руке он держит тирс, перекинутый через плечо. Венчающая его сосновая шишка отчетливо видна за левым плечом. В левой руке, развернутой ладонью вверх, он держит канфар, к которому слегка склоняет лицо.

Сохранившиеся размеры фрагмента – 7,6×8,2 см. Диаметр самого медальона составляет 3,7–3,8 см. Глина сосуда по основным характеристикам близка описанному выше: розовато-красная (Munsell: 2.5YR 6/4–5/4 – 10R 6/6), с включениями блёсток. Лак – от красного до коричневого, пятнами.

В музейной описи есть ссылка на Рапорт от 4 ноября 1911 г. и указание о находке «на южном склоне Митридата». В отчёте о раскопках упоминание об этой находке отсутствует, если только ему не соответствует описание «терракотовая голова старика с плющевым венком на голове» (Шкорпил 1914: 73).

Этот тип Силена был широко распространён на металлических медальонах (например, Barr-Sharrar 1987: 34–38, pl. 2–6, C7–C22). Здесь образ часто дополнен звериными заострёнными ушами. Иногда он изображался с мехом для вина и/или виноградной гроздьё (Barr-Sharrar 1987: 39–40, 147, C25, C27). Реже встречается сходное расположение тирса. В частности, у бюста Диониса в медальоне на серебряном зеркале из Боскореале (Barr-Sharrar 1987: 137–138, pl. 69, H13). Однако в керамике был более популярен образ молодого безбородого сатира (Pagenstecher 1909; Taf. 4a; Pagenstecher 1912: 154, Abb. 7; Richter 1958: pl. 93; Rotroff 1997: 114–115, pl. 36, 37, 379–383), в том числе, с амфорой (например: Haussmann 1962: 268, Beil. 77, 2), или стоящего сатира с тирсом за головой (Hübner 1993: Abb. 35, Taf. 58, Kat. 269.3). Тем не менее, есть и прямая аналогия нашему экземпляру. Это медальон, найденный также в начале прошлого века в Керчи, и хранящийся в Эрмитаже (Courby 1922: 232; Barr-Sharrar 1987: 135, pl. 68, TC48). Б. Барр-Шаррар датирует его предположительно концом II – серединой I в. до н.э., возможно, более поздним временем. Типологически близкие Силены с канфарами представлены также в рельефной керамике (Haussmann 1962: 280, B. 78, 79).

Рельефные медальоны на «каленских чашах»

Появление традиции украшения керамических изделий рельефными медальонами, оттиснутыми в форме, относят еще к IV в. до н.э., возможно, к его первой половине (Блаватский 1953: 30; Barr-Sharrar 1987: 11, 132; Ødegård 1992: 3). Однако наибольшую популярность они получают в III–II вв. до н.э. (Rotroff 1997: 110, 111). Бюсты или сюжетные изображения чаще в высоком, но иногда (преимущественно, в случаях с полнофигурными оттисками) – в низком рельефе, размещались в центре круглого поля на крышках пиксид, верхних площадках асков, внутренних поверхностях полусферических чаш, сосудов типа *Calyx cup*, а также фиал, где они заменяли собой центральный умбон (Pagenstecher 1909: 2, 3; Edwards 1975: 91; Barr-Sharrar 1987: 9, 12, 32; Ødegård 1992; Rotroff 1997: 111; Kotitsa 1998: 93–99, Taf. 40–45).

Керамические изделия подобного рода изготавливали в различных частях античного мира. В частности, они широко представлены в производственных центрах Италии, где их принято относить к группе «каленской рельефной посуды» или «каленских чаш» по одному из городов в

Кампании, в котором было налажено производство посуды такого типа (Блаватский 1953: 30, 248; Venuti 2020: 259). Хотя к настоящему моменту рассматриваются гипотезы о существовании на территории Апеннинского полуострова мастерских со сходной продукцией ещё, как минимум, в Апулии и Этрурии, предполагая, что они были первичны по отношению к каленским. Поэтому Кнут Одегард, а также целый ряд других исследователей считают, что этот термин для обозначения италийской рельефной керамики «одновременно устарел и неточен» (Ødegård 1992: 26, 34; Venuti 2020: 259). Кроме Италии в эллинистическую эпоху близкие по стилю и технике изготовления сосуда, преимущественно, полусферические чаши разных типов, делались мастерами из Аттики (Watzinger 1901: 80; Rotroff 1997: 110–117), Беотии (Αλεξανδροπουλου 2014: 260, πίν. 91α–β; Drougou, Touratsoglou 2013: 49, Abb. 4), Коринфа (Edwards 1975: 90, pl. 55), Эретрии (Ackermann 2020: 461, 469), различных городов Малой Азии: Пергама (Hübner 1993, 19–20, Abb. 22, Taf. 9, 15, 36, 44, Kat. 76, 96, 179, 209), Эфеса (Mitsopoulos-Leon 1991: 58–60; Taf. 67–68; Gassner 1997: 66, Taf. 13 -197, 198), Сард (Rotroff, Oliver 2003: 166–167) и Книда (Kögler 2010: 281, 588, Taf. 56). В Пергаме большее распространение получили сосуды с аппликативными рельефами на внешней поверхности (подробнее: Hübner 1993; Журавлев 2015: 201–207), техника производства которых имеет сходное происхождение. В Македонии и Фессалии, наряду с чашами, особенно популярными стали керамические пиксиды с рельефными бюстами на крышках (Barr-Sharrar 1987: 9–10; Miller 1993: 68–69, pl. 17–21; Sokolovska 1994: 160–165; Τζαναβαρη 2012: 134; Drougou, Touratsoglou 2013: 49, Abb. 2, 3). Первоначально, в IV в. до н.э., это были довольно крупные сосуды, и только в III–II вв. до н.э. распространяются их стандартные варианты (Barr-Sharrar 1987: 9). Большое количество чаш с центральными медальонами происходит из Александрии (Pagenstecher 1909: 6–8, Taf. 1; Haussmann 1962: 268). Р. Пагенштехер пишет об александрийском происхождении формы и декора «каленских» сосудов (Pagenstecher 1909: 6–9). С. Ротрофф прослеживает египетское влияние в ранних аттических чашах такого типа, учитывая особенности формы, а также «портрет египетского царя» в эмблеме (Rotroff 1997: 111, 112).

Чаще всего эти изделия покрывались лаком чёрного, бурого или различных оттенков красного цветов и, наряду с центральными медальонами, украшались росписью в стиле *West Slope*. Их происхождение связывают с металлическими (серебряными и бронзовыми) прототипами (Richter 1950: 370; Блаватский 1953: 6; Rotroff 1997: 107, 111; Rotroff, Oliver 2003: 166–167; Ackermann 2020: 466), прослеживая в ряде случаев не только преемственность, но и возможность их полного копирования (Pagenstecher 1909: 6; Barr-Sharrar 1987: 115). Однако некоторые исследователи отмечают низкую вероятность того, что они были непосредственно скопированы с металлических ваз, поскольку ни один из известных металлических рельефов, по крайней мере, происходящих с территории Южной Италии, не находит своего точного аналога в глине (например, Ødegård 1992: 32).

Выделяют два основных типа изображений на медальонах. Во-первых, это головы или бюсты, размещавшиеся фронтально или в $\frac{3}{4}$; во-вторых, более или менее сложные композиции из полных фигур. Наиболее популярными были персонажи, связанные с дионисийскими сюжетами. Это бюсты самого Диониса, Силенов, молодых сатиров или Пана (Barr-Sharrar 1987: 88–91; Rotroff 1997: 115). К ним же, очевидно, относятся фигурки Эротов, менад, а также целующиеся пары, которые часто интерпретируются как Дионис и Ариадна (Косцюшко-Валюжинич 1902: 19, рис. 19; Фармаковский 1906: 164, рис. 114; Pagenstecher 1909: Taf. 3 b; Barr-Sharrar 1987: 136, pl. 68; Rotroff 1997: 115, 383, pl. 37–384; Данильченко 2011: рис. 1–3; Кат. Москва 2017: 331, Кат. 230А). Кроме того, это разнообразные женские изображения, в том числе богини: Артемида, Афродита и Ника, а также играющие на лире Аполлон/Орфей³ или Гелиос (Barr-Sharrar 1987: 133–134).

³ Вероятно, именно таков сюжет другого медальона из Пантикапея, описание которого приводит В.В. Шкорпил – «обломок глиняной чашки, украшенной рельефным изображением Аполлона с колчаном и луком за правым плечом и с лирою в руках» (Шкорпил 1913а: 40, рис. 18).

Датировка и место производства медальонов

Оба публикуемых медальона являются фрагментами глубоких полусферических чаш, для которых характерны полусферическая или параболическая форма, прямой или отогнутый наружу край и донце малого диаметра, оформленное на внешней поверхности углублением и небольшим валиком (типологически близки аттическим чашам *with Interior Decoration*: Rotroff 1997: 110, fig. 21, 22). Появляются они уже во второй четверти III в. до н.э. и продолжают существовать с незначительными изменениями деталей форм до конца первого столетия до н.э. (Rotroff 1997: 110–114).

К сожалению, оба медальона найдены вне комплексов и могут датироваться только стилистически. Выше мы уже отмечали, что Б. Барр-Шаррар датирует аналогичный керченский медальон с Силеном предположительно концом II – серединой I в. до н.э., а возможно и позднее. Это предварительное предположение автора, основанное на иконографическом сходстве с бронзовыми бюстами, выделенными ею в «группу С» (Barr-Sharrar 1987: 88–91, 135). Вероятно к этому же хронологическому отрезку можно отнести и сосуд, украшенный медальоном с Эротом. В пользу этого свидетельствует если не идентичная, то типологически близкая форма донца сосудов, абсолютное совпадение размеров медальонов, а также сходный способ обрамления изображений, при том, что он, конечно, не был единственным. Так, в более раннее время (в III в. до н.э.) чаще встречаются одна – три прочерченных окружности на гладкой или слегка моделированной поверхности или полное отсутствие контура (например: Rotroff 1997: 283, pl. 37–386; 277, 282, pl. 33, 37–333, 380–383). Кроме того, один из редких металлических бюстов, изображающих Эрота с лирой, найден в числе так называемой «махдийской бронзы», происходящей с затонувшего у берегов Махдии корабля. Предполагают александрийское происхождение части сохранившихся бюстов, включая Эрота, и дату – последняя четверть II в. до н.э. (Barr-Sharrar 1987: 25).

О центрах производства публикуемых сосудов из коллекции ГИМ судить пока преждевременно. Для этого нужно детальное и всестороннее изучение как всех северо-причерноморских находок, так и всего массива литературы, посвященной данному вопросу, в том числе, проблемам локализации отдельных групп такой керамики. Маловероятно их изготовление в итальянских мастерских, хотя в последнее время появились убедительные данные о присутствии итальянской эллинистической керамики *Samra A* в Ольвии, Северо-Западном Крыму и на Боспоре (Morel 2014: 325–326, fig. 2; Handberg et al. 2013: 51–80). Говорить о производстве подобных чаш в одном из причерноморских центров оснований также нет, хотя находки более поздних гипсовых слепков с металлической посуды на городище Кара-Тобе (Внуков и др. 1990) позволяют допускать и такую возможность. Более вероятно их изготовление в одном из центров Восточного Средиземноморья, но, к сожалению, наши знания о месте производства многих групп эллинистической керамики до сих пор не полны (см. например: Lomtadze, Zhuravlev 2019: 246).

Мы надеемся, что ответы на эти вопросы удастся частично получить в ходе следующего этапа работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский 1953 – Блаватский В.Д. 1953. *История античной расписной керамики*. М.: изд-во Московского университета. – 302 с.
- Внуков и др. 1990 – Внуков С.Ю., Коваленко С.А., Трейстер М.Ю. 1990. Гипсовые слепки из Кара-Тобе. *ВДИ* (2), 100–119.
- Данильченко 2011 – Данильченко С.А. 2011. Чаши с медальоном из Нимфея. *БФ. Население, языки, контакты*, 12–13.
- Деревицкий и др. 1897 – Деревицкий А.А., Павловский А.А., Штерн Э.Р. фон. 1897. *Музей Императорского Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса. – 46 с.
- Журавлёв 2015 – Журавлёв Д.В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *ПИФК* (47/1), 190–215.

- Журавлёв, Ломтадзе 2007 – Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. 2007. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии. *Археология* (1), 78–91.
- Кат. Москва 2017 – *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина 27 июня – 17 сентября 2017 г.* / В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.). М., 438 с.
- Косцюшко-Валюжинич 1901 – Косцюшко-Валюжинич К.К. 1901. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году. *ИАК* (1), 1–55.
- Косцюшко-Валюжинич 1902 – Косцюшко-Валюжинич К.К. 1902. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году. *ИАК* (2), 1–39.
- Кобылина 1961 – Кобылина М.М. 1961. *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. М.: изд-во АН СССР. – 182 с.
- Мальмберг 1892 – Мальмберг В.К. 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. *МАР* (7), 3–33.
- Молев 2002 – Молев Е.А. 2002. Рельефные медальоны из Китея. *АМА* (11), 205–209.
- Парович-Пешикан 1974 – Парович-Пешикан М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка. – 220 с.
- Толстиков 2010 – Толстиков В.П. 2010. Новый объект ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Αντιχνης μης Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия* (1) / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). Москва; Киев: ИД «Триумф-принт», 231–240.
- Фармаковский 1902 – Фармаковский Б.В. 1902. Обломок глиняной чаши, украшенной рельефом, из Ольвии. *ИАК* (2), 73–80.
- Фармаковский 1906 – Фармаковский Б.В. 1906. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 годах. *ИАК* (13). – 306 с.
- Шевченко 2016 – Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий. – 520 с.
- Шелов 1970 – Шелов Д.Б. 1970. *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.* М.: Наука. – 252 с.
- Шкорпил 1913а – Шкорпил В.В. 1913. Отчёт о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. *ИАК* (47), 1–41.
- Шкорпил 1913б – Шкорпил В.В. 1913. Отчёт о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. *ИАК* (47), 48–72.
- Шкорпил 1914 – Шкорпил В.В. 1914. Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. *ИАК* (56), 1–74.
- Ackermann 2020 – Ackermann G. 2020. Ies vases à boire d'Érétrie à la haute époque hellénistique: une nouvelle perspective sur le voisinage eubéen. *Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World*. IARPotHP 3 / I. Kamenjarin, M. Ugarković (eds.). Wien: Phoibos Verlag, 461–474.
- Αλεξανδροπούλου 2014 – Αλεξανδροπούλου Α. 2014. Ερμιτάζ – Οξφόρδη – Κάσσελ: Η σύγχρονη διασπορά των προϊόντων ενός βοιωτικού εργαστηρίου της κεραμικής της «Δυτικής Κλιτύος». *Η Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Πρακτικά. Κείμενα* / Σ. Δρούγου (ed.). Αθήνα: Εκδοση του ταμείου αρχαιολογικών πορών και απαλλοτριώσεων, 257–262.
- Barr-Sharrar 1987 – Barr-Sharrar B. 1987. *The Hellenistic and Early Imperial Decorative Bust*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. – 188 p.
- Bernhard 1955 – Bernhard M.L. 1955. *Lampki starozytne*. Warszawa. – 384 p., 102 ill., 165 pl.
- Chrzanowski, Zhuravlev 1998 – Chrzanowski L., Zhuravlev D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. *Studia archaeologica* (96). Roma. – 296 p.
- Courby 1922 – Courby F. 1922. *Les vases grecs à reliefs*. P.: De Boccard. – 588 p.
- Drougou, Touratsoglou 2013 – Drougou S., Touratsoglou I. 2013. Die hellenistische Keramik Makedoniens außerhalb des Landes. *Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond*. *BAR Intern. Series* (2539) / N. Fenn, Ch. Römer-Stehl (ed.). Oxf.: Archaeopress, 47–58.
- Edwards 1975 – Edwards G.R. 1975. *Corinthian Hellenistic pottery*. *Corinth* (VII). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 254 p.
- Gassner 1997 – Gassner V. 1997. *Das Südtor der Tetragnon-Agora. Keramik und Kleinfunde / Forschungen in Ephesos* (XII/I/1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – 265 S., 93 Taf., 1 Plan.
- Handberg et al. 2013 – Handberg S., Stone P.J., Petersen J. Hjarl. 2013. Uncommon Tastes: The Consumption of Campana A Pottery in the Southern Levant and the Black Sea Region. *Vessels and Variety New Aspects of Ancient Pottery*. *Acta Hyperborea* (13) / H. Thomassen, A. Rathje, K. Bøggild Johannsen (eds.). Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 51–80.
- Hausmann 1962 – Hausmann U. 1962. Hellenistische Neger. *AM* (77), 255–281.
- Hoorn 1951 – Hoorn G. 1951. *Choes and Anthesteria*. Leiden: Brill. – 200 p.
- Hübner 1993 – Hübner G. 1993. *Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherbultes*. *PF*. Band 7. B.; N.Y. – XI+231 S.

- Kögler 2010 – Kögler P. 2010. *Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca.200 v. Chr. bis 150 n. Chr.)*. Wiesbaden: Reichert-Verlag. – 623 S.
- Kotitsa 1998 – Kotitsa Z. 1998. *Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg*. Würzburg: Ergon-Verlag, 1998. – 167 S.
- Lomtadze, Žuravlev 2014 – Lomtadze G., Žuravlev D. 2014. Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike. *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* / P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds). BSS (16), 175–197.
- Lomtadze, Zhuravlev 2019 – Lomtadze G., Zhuravlev D. 2019. Hellenistic amphorae of Panathenaic shape from the necropolis of Olbia Pontica. *Daily Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture During the Hellenistic Period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP, Lyon, November 2015, 5th–8th* / A. Peignard-Giros (ed.). Vienna: Phoibos Verlag, 237–253.
- Miller 1993 – Miller S.G. 1993. *The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Macedonian Tomb*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. – XLV+129 p, 32 pl.
- Mitsopoulos-Leon 1991 – Mitsopoulos-Leon V. 1991. *Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. Kleinfunde. Teil 1. Forschungen in Ephesos (IX:2/2)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – 160 S., 220 Taf.
- Morel 2014 – Morel J.-P. 2014. Les campaniennes A et B, deux aspects d'une 'globalisation' économique et culturelle des céramiques tardo-hellénistiques. *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* / P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds). BSS (16), 323–335.
- Ødegård 1992 – Ødegård K. 1992. Calenian Pottery and Early Hellenistic Metalware. *Acta ad Archaeologicam et Artium Historiam Pertinentia* (8), 1–34.
- Oziol 1977 – Oziol T. 1977. *Les Lampes. Salamine de Chypre (I)*. P.: De Boccard, 316 p., 17 fig., 60 pl.
- Pagenstecher 1909 – Pagenstecher R. 1909. *Die Calenische reliefkeramik. Jdl Ergh.* (8). B.: Druck und Verlag Georg Reimer. 194 S.
- Pagenstecher 1912 – Pagenstecher R. 1912. Calena. *Jdl. Ergh.* (XXVII), 146–173.
- Richter 1950 – Richter G. 1950. Greek Fifth-Century Silverware and later imitation. *AJA* (54), 357–370.
- Richter 1958 – Richter G. 1958. Antient Plaster Casts of Greek Metalware. *AJA* (62), 369–378.
- Rotroff 1997 – Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora (XXIX)*. Princeton (New Jersey): The American School of classical studies at Athens. – 575 p., 264 ill.
- Rotroff, Oliver 2003 – Rotroff S., Oliver A. 2003. *The Hellenistic Pottery from Sardis: the Finds through 1994. Archaeological exploration of Sardis (12)*. L., Camb.: Harvard University Press. – 229 p.
- Sokolova 2015 – Sokolova O. 2015. The Nymphaion expedition of the State Hermitage Museum (2006–2013). *Hyperboreus: Studia Classica* (21), 121–126.
- Sokolovska 1994 – Sokolovska V. 1994. Some pottery finds from Isar-Marvinci. *Γ'Επιστημονικη Συναντηση για την Ελληνιστικη Κεραμικη*. Athena: Γραφειο Δημοσιευματων, 160–165.
- Venuti 2015 – Venuti M. 2015. Hellenistic medallion bowls in Sicily. *Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World*. IARPotHP 3 / I. Kamenjarin, M. Ugarković (eds). Wien: Phoibos Verlag, 259–270.
- Τζαναβαρη 2012 – Τζαναβαρη Κ. 2012. Τα μελαμβαφη αγγεια και οι τροποι διακοσμησης τους στη Μακεδονια των ελληνιστικων χρονων. *Θεματα της Ελληνιστικης Κεραμικης στην Αρχαια Μακεδονια* / Drougou S., Touratsoglou I. (eds.). Athens: Archaeological Receipts Fund, 126–157.
- Watzinger 1901 – Watzinger K. 1901. *Vasenfunde aus Athen / AM* (26). – 428 S.

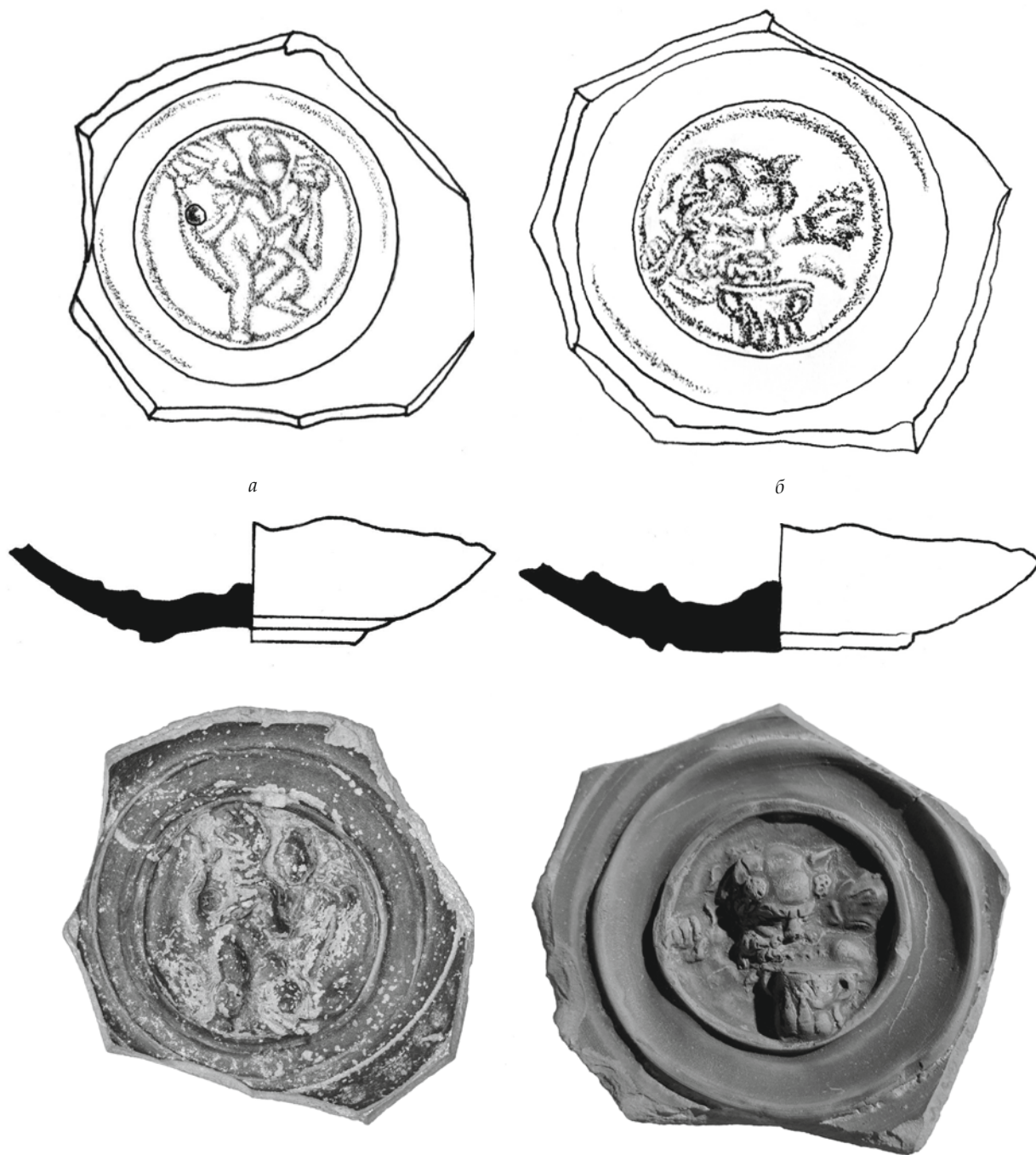

Рис. 1. Медальоны на каленских чашах из Пантикапея:
а – ГИМ 49469, оп. Б 84-25; б – ГИМ 49469, оп. Б 84-39

Т.В. Егорова,
Т.А. Ильина,
С.М. Ильяшенко¹

ОБ ОДНОМ УНИКАЛЬНОМ СОСУДЕ ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «УСАДЬБА ВОСКРЕСЕНСКОЕ 2»

Аннотация: в июне – декабре 2019 г. археологическим отрядом ООО «ИТЦ специальных работ» проводились раскопки на хоре Горгиппии в Анапском районе Краснодарского края. Здесь были открыты участок дороги и располагавшийся к западу от него усадебный комплекс. В результате работ было выявлено два активных периода существования усадьбы (IV–III вв. до н.э. и II – первая половина I в. до н.э.). Почти все сохранившиеся каменные сооружения относились ко второму периоду. Ранний горизонт был представлен рядом хозяйственных ям, а также остатками культурного слоя, сохранившегося участками под камнями основания позднейших сооружения. Именно в таком слое был обнаружен фрагмент довольно крупного сосуда – небольшая часть горла с одной вертикальной ручкой. В волютообразном верхнем завершении ручки размещены парные женские головки, одна из которых полностью утрачена. Нижний атташ украшен маской молодого сатира чуть меньшего размера. По всей видимости, найденный фрагмент был частью красноглиняного волютообразного кратера (*volute-crater*) – местной имитации импортных образцов. О его боспорском (предположительно, горгиппийском) происхождении свидетельствуют, в первую очередь, визуальные характеристики глины и орнамент, нанесенный белой краской на красно-коричневое покрытие. Морфологически близкие изделия происходят из Южной Италии и датируются IV–III вв. до н.э. Находки привозных кратеров подобного типа крайне редки в Причерноморском регионе. Нет аналогов и среди керамики местного производства.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Горгиппия, усадьба, эллинистическая керамика, красноглиняный кратер.

T.V. Egorova,
T.A. Il'ina,
S.M. Il'yachenko¹

ABOUT ONE UNIQUE VESSEL FROM THE EXCAVATIONS OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENT "MANOR VOSKRESENSKOYE 2"

Abstract: the archaeological team of «ETC Special Works» carried out excavations at the choir of Gorgippia in the Anapa district of the Krasnodar region in June-December of 2019. A section of the road and a farmhouse located to the west of it were opened here. As a result of the work, two active periods of the existence of the estate were identified (4th–3rd cent. BC and 2nd – first half of the 1st cent. BC). Almost all surviving stone structures belonged to the second period. The early horizon was represented by a number of household pits, as well as the remains of the cultural layer, preserved in areas under the foundation stones of later structures. It was in this layer that a fragment of a rather large vessel was found, from which a small part of the neck with one vertical handle has been preserved. In the volute-shaped upper end of the handle there are paired female heads, one of which is completely lost. The lower attache is decorated with a slightly smaller mask of a young satyr. Apparently, the found fragment was the part of a red-clay volute crater – a local imitation of imported samples. Its Bosphoran (presumably Gorgippian) origin is evidenced, first of all, by the visual characteristics of clay and the ornament applied with white paint on a red-brown coating. Morphologically similar items come from Southern Italy and date back to the 4th – 3rd cent. BC. Finds of imported craters of this type are extremely rare in the Black Sea region. There are no analogues among locally produced ceramics.

Keywords: Northern Black Sea region, Gorgippia, farmhouse, Hellenistic ceramics, red-clay crater.

¹ Егорова Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, tvegorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8479-0518>.

Ильина Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, с.н.с. Отдела искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С. Пушкина, 119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, 12, ta-ilyina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-7486>.

Ильяшенко Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, н.с. Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, silyas@list.ru.

В августе – декабре 2019 г. археологическим отрядом ООО «ИТЦ специальных работ» проводились археологические раскопки и наблюдения на площади выявленного объекта археологического наследия «Усадьба Воскресенское 2» IV – III вв. до н.э.» в Анапском районе Краснодарского края, попадающего в границы полосы отвода строящейся автомобильной дороги А-290 Новороссийск – Керчь на участке 47 – 52 км (обход г. Анапа). Археологические работы проводились в пределах низменно-возвышенной провинции: территория между плавнями реки Анапка и Витязевским лиманом. Как следует из наименования, памятник находится на юго-западной окраине х. Воскресенский, на расстоянии 603 м к С от железнодорожного вокзала г. Анапа, 906 м к ЮЮВ от поселка Пятихатки и в 7,5 м к северу от античной Горгипии. Здесь, несмотря на многолетнюю распашку, на поверхности видны отдельно стоящие холмы, в пределах которых возрастает плотность подъемного материала и встречаются необработанные камни. Выраженный микрорельеф памятника отражает усадебный характер застройки. В ходе исследований 2019–2020 гг. на нескольких участках было открыто доходящее до 6 м полотно древней дороги, которая, вероятно, была сооружена во второй половине IV в. до н.э. и функционировала, как минимум, до середины I в. до н.э. (Паль и др. 2020: 310–312). Не исключено то, что она связывала участки хоры с Горгипсией. Усадебный комплекс («Усадьба Воскресенское 2»), одной находке из которого посвящена данная публикация, вплотную примыкал к западной стороне древней дороги. Сооружения сильно пострадали в результате активной сельскохозяйственной деятельности новейшего времени (плантажная вспашка под виноградник). Глубина вспашки достигала 0,7 м. Тем не менее, стало очевидным, что в данный комплекс, общей площадью около 1300 м², входили не менее 10 каменных жилых и хозяйственных построек, а также два больших двора, обнесённых по периметру стенами (рис. 1).

В результате работ было выявлено два активных периода существования усадьбы, первый из которых предварительно датировался второй половиной IV–III вв. до н.э., а второй относился ко II – первой половине I в. до н.э. Основными хронологическими индикаторами для выделения этапов служили многочисленные монеты, амфорные клейма, фрагменты парадной и столовой посуды, обнаруженные в слоях усадьбы. К наиболее ранним находкам на участке принадлежат ручка фассосской амфоры с клеймом магистрата Клита (ΚΛΕΙΤΟΣ), середины IV в. до н.э. (Кац 2015: кат. № 300–303), а также серия боспорских монет последней четверти IV в. до н.э. (определения монет сделаны С.И. Безугловым). Верхнюю границу существования комплексов дают монеты Амиса, Синопы и Пантикапея эмиссии начала – 60-х гг. до н.э. Почти все сохранившиеся каменные сооружения соотносятся со вторым этапом бытования усадьбы. Ранний горизонт был представлен рядом хозяйственных ям, а также остатками переотложенного культурного слоя под камнями основания позднейших сооружений.

В северо-западной части усадьбы располагалась большая каменная, прямоугольная в плане жилая постройка (постройка 7), шириной около 10 м и длиной около 15 м. Постройка была ориентирована длинной линией по оси ССВ–ЮЮЗ. Вход в неё находился с юга и был оформлен в виде узкого коридора. Внутренняя часть сооружения разделялась на три смежных помещения, пол в которых (как и пол в коридоре) вымощен плоскими каменными плитами. В углах двух помещений постройки находились остатки округлых печей. Находки из горизонта пола постройки, включавшие фрагменты терракотовых статуэток, эллинистических амфор, «мегарских чаш» и монеты Пантикапея, позволяют определить время её активного функционирования в пределах II – первой половины I в. до н.э. При дальнейших исследованиях под камнями основания северо-восточного угла сооружения были выявлены остатки покрытой мергелевым слоем площадки, более раннего сооружения.

У внешней стороны северо-западной стены постройки 7, ниже уровня её основания, также выявлен участок переотложенного раннего слоя (рис. 2). В нем и был обнаружен фрагмент уни-

кального сосуда, от которого сохранилась лишь небольшая часть горла с одной горизонтальной ручкой (рис. 3, 4). Венчик сосуда подтреугольный, сильно отогнут наружу, с двумя желобками по краю. Под ними штампом нанесены листья плюща. Горло невысокое, прямое и широкое. Ручка вертикальная, сложносоставная, была сделана из двух полос, наложенных друг на друга и соединенных при помощи глиняных вставок. Стыки заглажены довольно грубо, из-за чего торцы этих вставок хорошо видны: это три полосы, шириной от 3-х до 4-х см. Внутренняя часть ручки с двух сторон декорирована горизонтальными выступами-зубцами, обращенными внутрь и вниз, внешняя профилирована по краям двумя высокими (более 1 см) вертикальными, овальными в сечении валиками. Ширина ручки составляет около 6 см. Верхней частью ручка крепится к венчику сосуда. Верхний прилеп волютообразный, почти на 5 см возвышается над краем. В его изгибах размещены парные медальоны, из которых сохранился только один: в виде женской головки, высотой 4,5 см (рис. 3, 4 -1, 2). Медальон крепится к ручке при помощи глиняного жгута.

Голова представлена в легком повороте влево. Лицо с правильным удлинённым овалом, изящно суженным к подбородку, с треугольной формы лбом, длинным носом и маленьким, немного приоткрытым ртом. Затенённые, глубоко посаженные, миндалевидные глаза пластически оконтурены веками. Волосы разделены на пышные волнистые пряди и уложены на прямой пробор. В районе ушей видны серьги-бусинки. Голова оттиснута в моделированной, но забитой матрице, оттиск нечёткий. После формовки поверхность лица была заглажена, однако дальнейшая детализация стекой не прослеживается.

Трактовка черт лица, размытость нижнего уголка глаза (сфумато) восходит к работам круга Праксителя. Подобные тенденции монументального искусства поздней классики нашли отражение и в мелкой пластике городов Северного Причерноморья (Кругликова 1974: 45, табл. 52 -2).

Судя по достаточно высокому рельефу медальона, матрицей для его изготовления могла послужить протомы или полуфигуры женского божества. Близкие аналогии прослежены среди продукции мастерской Горгииппии, открытой в 2020 г., существовавшей с конца IV до середины III в. до н.э. (Савостина 2021: 328).

Нижний атташ украшен головой сатиры чуть меньшего размера (высота головы – 3,5 см) (рис. 3, 4 -1, 3). Молодое лицо с высоким лбом, широким оббитым носом и выступающим подбородком. Судя по остаткам завитка волос в районе правого уха, лицо обрамляли короткие жесткие кудри. Высоко надо лбом обозначены два шаровидных отростка, по аналогии, возможно рога или шишечки пиний (Силантьева 1974: 21, табл. 12 -3). Сросшиеся на переносице брови приподняты, образуя глубокие дугообразные складки. Резко очерчены веки; зрачки не обозначены. Большой рот с довольно толстыми губами приоткрыт в улыбке. На мясистых щеках и подбородке намечены ямочки.

Прилеп был изготовлен в профилированной, но уже сработанной форме. Так роговидные отростки оказались высоко задраны и изображены на разной высоте. Волосы стали смазаны в процессе крепления медальона к сосуду.

Подобный тип безбородого сатиры с грубоватыми чертами появляется в греческом искусстве во второй половине IV в. до н.э. В Северном Причерноморье он хорошо известен по пантикапейским монетам (Анохин 1986: № 101). При этом пластический характер лепки лица, его черты, находят отражение в ранних работах пергамской школы (Лосева 1956: 176). Открытые в Фанагории и Пантикапее единичные терракоты молодого сатиры или представляющего его актера происходят из Малой Азии, датированы концом IV и III в. до н.э. соответственно (Кобылина 1974: табл. 24 -3; Силантьева 1974: табл. 12 -3).

Наиболее близкие по размерам и иконографии варианты рассматриваемого изображения мы находим среди рельефных прилепов верхнего корня ручки на внутренней поверхности туло-

ва апулийского чернолакового канфара (рис. 5 -2), датированного последней третью IV в. до н.э. (Kotitsa 1998: 148–150, taf. 62 -106).

Сосуд сделан из довольно плотной глины красновато-бежевого оттенка с редкими порами и примесью мельчайших блесков (сляуды), мелких белых (известняковых?) и красновато-коричневых включений. Поверхность покрыта коричневато-красным ангобом, на который белой краской нанесен растительный орнамент в виде контура широкой горизонтальной волнистой ленты, дополненной точками внутри, от которой отходят стебли, завершающиеся стилизованными цветами из точек.

Судя по количеству и характеру включений в глиняное тесто, сосуд был изготовлен в одной из боспорских мастерских. Подобная глина, очевидно, отличается от красной боспорской, из которой формовались амфоры и столовая посуда, и для которой отмечают лиловый оттенок, наличие многочисленных блесков и железистых вкраплений (Алексеева 1997: 176). Она более характерна для горгиппийских керамических изделий. На основе анализа терракотовых статуэток, найденных в печах Горгиппии эллинистического времени Е.М. Алексеева выделяет несколько вариантов глин, в том числе, с аналогичными включениями. Она отмечает, что «указанные варианты глин являются также наиболее характерными для найденных в Горгиппии и её окрестностях сделанных на кругу сосудов малых форм и грузил», хотя сама глина для изготовления этих терракот была более «мягкая и тонкая» и очевидно лучше отмучена (Алексеева 1997: 171, 176), что, несомненно, объясняется разницей технических требований к изготовлению этих изделий. Столовую посуду, сделанную из этой глины во множестве находят на памятниках Горгиппии, её некрополя и хоры (например: Алексеева 1982: 40–41, 55–56, рис. 22, 30).

Аналогичные ангобы коричневато-красного цвета использовали как в качестве покрытия, так и в декоре сосудов боспорского, в частности, пантикапейского, нимфейского, фанагорийского и горгиппийского производств еще в VI–V вв. до н.э., а также в более позднее время (Цветаева 1966: 17–19, 21; 1972: 23; 1980: 97). Роспись белой/светлой краской по тёмному ангобу также является одним из распространённых вариантов декора керамической продукции североприморских гончаров (например: Блаватский 1953: 282; Цветаева 1966: 19, табл. 23 -7; Марченко 1956: 120; Алексеева 1997: 493, табл. 211; Молев, Молева 2016: 326, 327 и др.). Наиболее характерны разнообразные растительные мотивы: ветви и листья плюща, виноградные гроздья, цветы и т.п. (Цветаева 1980: 97–99).

Орнаменты, стилистически близкие нашему, известны, например, на большом эллинистическом диносе и урне из Пантикапея (Блаватский 1953: 282–283; Пантикапей и Фанагория 2017: : 332, № 232а, б) и на нескольких кувшинах из Горгиппии (Цветаева 1980: 98–99, рис. 17, 18; Алексеева 1997: 493, табл. 211 -9).

По всей видимости, найденный фрагмент был частью красноглиняного кратера с волутообразными ручками (*volute-krater*) – местной имитацией импортных прототипов. Эта форма восходит к знаменитым лаконским кратерам второй половины VII в. до н.э. (Stibbe 1989: 13–14, 17–18; Pipili 2014: 27). Позже появляются различные их варианты: керамические, расписанные в разных стилях (черно- и краснофигурные, стиля Гнафия, а также с акварельной росписью), и металлические – бронзовые и серебряные (Блаватский 1953: 43–44; Θεμέλης, Τουρατσούλου 1997: πλв. 1, 30; Kotitsa 1998: 84–86; Pipili 2014: 32–34, pl. V, VII; Gaunt 2014: 77–87, pl. III–VII). Нередко это очень крупные сосуды, значительное число которых происходит из мастерских Южной Италии и Сицилии, кроме того, их производство зафиксировано в Греции, в частности, в Аттике и Коринфе, а в IV и III вв. до н.э. и в других частях античного мира (Pipili 2014: 32–34; Gaunt 2014: 77). Их использование связывают, преимущественно, с ритуальными пирами и погребальными культами (Kotitsa 1998: 85). Они не были широко распространены, но известны

даже штампы с изображениями кратера такого типа на родосской амфоре первой половины IV в. до н.э. (Κάντζια 1994: 263).

Для изделий IV и III вв. до н.э., независимо от материалов, из которых они были сделаны, характерны стройные пропорции; подтреугольный в сечении в значительной степени отогнутый наружу или раструбообразный венчик; довольно высокое горло, составляющее около 1/3 общей высоты ёмкости; яйцевидное тулово с покатыми плечиками и высокая, чаще всего, профилированная ножка. Они имеют две вертикальные лентообразные ручки, которые крепятся в нижней части к плечикам, в верхней – к венчику сосуда. Верхний изгиб ручки моделирован в форме волюты. Иногда в них располагались парные вставки в виде рельефных медальонов. Преимущественно, это горгонеионы (Блаватский 1953: 44; Kotitsa 1998: 84–86, taf. 36 -68; Pipili 2014: 42; Gaunt 2014: 81, 86), но есть пример бронзового кратера из гробницы в Дервени близ Салоник последней четверти IV в. до н.э.² с медальонами в виде масок Диониса (Θεμέλης, Τουρατσόγλου 1997: πιν. 14–15; Barr-Sharrar 2008: 53, colour pls. 1–12; Pipili 2014: 34, pl. VII). Нижний прилеп ручки обычно оформлялся совершенно иначе, чем в нашем случае – в виде подковообразного крепления (например: Kotitsa 1998: 84, taf. 36 -68). Однако маски сатиров (и не только сатиров) в нижних атташах на крупных закрытых сосудах тоже не редкость как для греческой, так и для италийской керамики (Watzinger 1901: 71–72; Romualdi 1992: 131; Μαρκουλάκη 1997: 74, 75, 81, 87–92; Kotitsa 1998: taf. 15 -31 и мн. др.), равно как и женские изображения, украшающие верхние прилепы (например, южноиталийской чернолаковой ойнохои стиля Гнафия (Alexandropoulou 2002: 73, taf. 5 -Aр2)).

Находки импортных кратеров с волютообразными ручками крайне редки в Причерноморском регионе. Подавляющее большинство – это более миниатюрные колоколовидные формы. Известны, например, фрагменты серебряного волютообразного кратера на территории Скифии (Gavriljuk 2007: pl. 676 -4). В Горгиппии встречаются чернолаковые ранние волютообразные кратеры (лаконского типа) (Алексеева 1997: табл. 11), фрагменты разнообразных аттических кратеров, тип которых определить сложно (Алексеева 1997: 200, табл. 202, 207). Кроме того, в горгиппийском некрополе представлены краснофигурные италийские колоколовидные кратеры, использовавшиеся, преимущественно в качестве кремационных урн (Алексеева 1997: 20, рис. 3). Основная их масса датируется IV в. до н.э.

Среди керамики местного производства, подражавшей импортным образцам, подобная форма не зафиксирована. В основном тут изготавливалась простая столовая посуда небольших размеров, флаконы, светильники и т.п. Из более крупных сосудов: ойнохои, кувшины и столовые амфоры (Цветева 1966: 21; 1980: 98; Алексеева 1997: 177–178). Что касается продукции других причерноморских центров, то в Ольвии, кроме того, известны и такие формы, как гидрии со сложнопрофилированной ручкой и украшением её верхнего прилепа, расписные узкогорлые и арибалловидные кувшины с ротелями на ручках (Штерн 1910: 165, 168, табл. III, IV). Здесь же была найдена миниатюрная копия колоколовидного кратера, сделанная местными мастерами: это небольшой красноглиняный сосуд с росписью красной краской (две растительные гирлянды и геометрический орнамент) по белому фону (Книпович 1941: 145, рис. 8). Интересный фрагмент крупного сосуда из местной глины с налетом в виде головы Диониса в высоком рельефе под ручкой происходит из Кеп (Николаева 1964: 97–98, рис. 35). Здесь он найден с материалами III и II вв. до н.э. Автор предполагает, что это часть урны, но более вероятно отнести его к имитации эллинистических кратеров с горизонтальными ручками, довольно популярными в это время.

² По поводу датировки этого кратера высказывались различные предположения (подробнее: Θεμέλης, Τουρατσόγλου 1997: 220). Мы приводим дату, соответствующую общей хронологии погребального комплекса.

Публикуемый экземпляр имел довольно большие размеры. При высоте сохранившейся части около 24 см, исходя из средних пропорций сосудов этого типа в IV–III вв. до н.э., его общая высота должна была составлять порядка 60 см. Среди глиняных кратеров ближайший по форме и размерам происходит из Италии, Апулии (рис. 5 -1). Это кратер с акварельной росписью, датирующийся последней четвертью IV в. до н.э. (Kotitsa 1998: 84–86, taf. 36 -68).

Судя по конфигурации ручки, неудобной для использования в быту, наш сосуд, очевидно, был сделан для погребальной церемонии, равно как и упомянутый выше апулийский (об этом свидетельствует как его неустойчивая форма, так и непрочное покрытие), а также большинство других греческих волютовидных кратеров.

К сожалению, мы не можем уточнить дату его производства по контексту. Сходные типы сосудов выпускали на протяжении IV и III вв. до н.э. Принимая во внимание открытые в Горгиипии иконографически близкие женскому медальону терракоты, мы можем сузить этот период до конца IV – первой половины III в. до н.э.

Учитывая, что ближайшие аналогии форме кратера, приему декорирования ручек, а также изображению нижнего прилепа происходят из Южной Италии, можно поставить вопрос о поиске итальянских образцов, послуживших основой для создания данного сосуда местными мастерами. Однако эта тема требует дополнительной проработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева 1982 – Алексеева Е.М. 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиипии. *Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции* / И.Т. Кругликова (ред.). Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 5–116.
- Алексеева 1997 – Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиипия*. М.: Наука. – 560 с.
- Анохин 1986 – Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка. – 178 с.
- Блаватский 1953 – Блаватский В.Д. 1953. *История античной расписной керамики*. М.: изд-во Московского университета. – 302 с.
- Лосева 1956 – Лосева Н.М. 1956. *Терракотовая голова сатиры из Фанагории*. МИА (57), 176–179.
- Кобылина 1974 – Кобылина М.М. 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории. *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. САИ (Г1-11/4), 20–39.
- Кругликова 1974 – Кругликова И.Т. 1974. Терракоты из Горгиипии. *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. САИ (Г1-11/IV), 43–50.
- Книпович 1941 – Книпович Т.Н. 1941. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА (VII), 140–151.
- Марченко 1956 – Марченко И.Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА (57), 100–127.
- Молев, Молева 2016 – Молев Е.А., Молева Н.В. 2016. *Боспорский город Китей*. Часть II / БИ (V). – 452 с.
- Николаева 1967 – Николаева Э.Я. 1967. Раскопки городища Кепы в 1964 г. КСИА (109), 94–100.
- Паль и др. 2020 – Паль Е.П., Соколов П.М., Петров П.А., Безматерных А.Е. 2020. *Раскопки античного поселения Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение)*. ДБ (25), 307–319.
- Пантикапей и Фанагория 2017 – Пантикапей и Фанагория. *Две столицы Боспорского царства*. 2017. М.: ООО «Новые решения». – 438 с.
- Савостина 2021 – Савостина Е.А., Тихонова Т.С. 2021. *Мастерская коропласта (из раскопок 2020 г.) в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиипии*. ДБ (26), 309–331.
- Силантьева 1974 – Силантьева П.Ф. 1974. *Терракоты Пантикапея*. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ (Г1-11/III), 5–37.
- Цветаева 1966 – Цветаева Г.А. 1966. Керамическое производство. Боспор. САИ (Г1-20), 17–22.
- Цветаева 1972 – Цветаева Г.А. 1972. Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н.э. КСИА (130), 21–23.
- Цветаева 1980 – Цветаева Г.А. 1980. *Расписная керамика из Горгиипии (по материалам раскопок 1960–1972 гг.)*. Материалы Анапской археологической экспедиции / И.Т. Кругликова (ред.). Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 74–102.
- Штерн 1910 – Штерн Э.Р. 1910. К вопросу об эллинистической керамики. ЗООИД (28), 158–190.

- Alexandropoulou 2002 – Alexandropoulou A. 2002. *Gnathia- und Westabhangkeramik Eine vergleichende Betrachtung*. Münster: Scriptorium. – 233 p.
- Barr-Sharrar 2008 – Barr-Sharrar B. 2008. The Derveni Krater: Masterpiece of Classical Greek Metalwork. *Ancient Art and Architecture in Context I*. Princeton: American School of Classical Studies. – 255 p.
- Gavrilyuk 2007 – Gavrilyuk N.A. 2007. Greek imports in Scythia. *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. BAR IS1675 (I)* / D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds.). Oxf.: Hardian Books Ltd. 627–676.
- Gaunt 2014 – Gaunt J. 2014. From Kleitias and Ergotimos to Marcus Perennius Tigranus and Friends: Six Centuries of the Volute-Krater in Etruria. *CVA Frans 2. Les cratères à volutes. Actes du Colloque de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 26-27 Octobre 2012* / J. de la Genière (ed.). P.: De Boccard. 77–98.
- Κάντζια 1994 – Κάντζια Χ. 1994. Ένα κεραμικό εργαστήριο αμφορέων του πρώτου μισού του 4ου αι. π.Χ. *Γ'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική* / Drougou S. (ed.). Αθήνα, 251–276.
- Kotitsa 1998 – Kotitsa Z. 1998. *Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg*. Würzburg: Ergon-Verlag, 1998. – 167 s.
- Μαρκουλάκη 1997 – Μαρκουλάκη Σ. 1997. Αγγεία με ανάγλυφα εμβλήματα από τη δυτική Κρήτη. *Ελληνιστική κεραμική από την Κρήτη* / S. Drougou (ed.). Χανιά, 72–106.
- Pipili 2014 – Pipili M. 2014. The Recipients of the Volute-Kraters in Greece. *CVA Frans 2. Les cratères à volutes. Actes du Colloque de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 26–27 Octobre 2012* / J. de la Genière (ed.). P.: De Boccard, 27–42.
- Romualdi 1992 – Romualdi A. 1992. La ceramica a vernice nera. *Populonia in età Ellenistica i materiali dalle necropoli* / G.C. Cianferoni (ed.). Firenze, 110–151.
- Stibbe 1989 – Stibbe C.M. 1989. *Laconian Mixing Bowls. Laconian Black-Glazed Pottery. Part 1*. Amsterdam: Allard Piersm Series. – 165 p.
- Θεμέλης, Τουρατσόγλου 1997 – Θεμέλης Π.Γ., Τουρατσόγλου Ι.Π. 1997. *Οι τάφοι του Δερβενίου*. Αθήνα. – 230 p., 148 πιν.
- Watzinger 1901 – Watzinger K. 1901. *Vasenfunde aus Athen*. AM (26). – 428 s.

Рис. 1. Усадьба Воскресенское 2 (2019 г.). Общий вид. Съемка с квадрокоптера

Рис. 2. Усадьба Воскресенское 2 (2019 г.). Место обнаружения находки за стеной постройки 7. Съемка с квадрокоптера

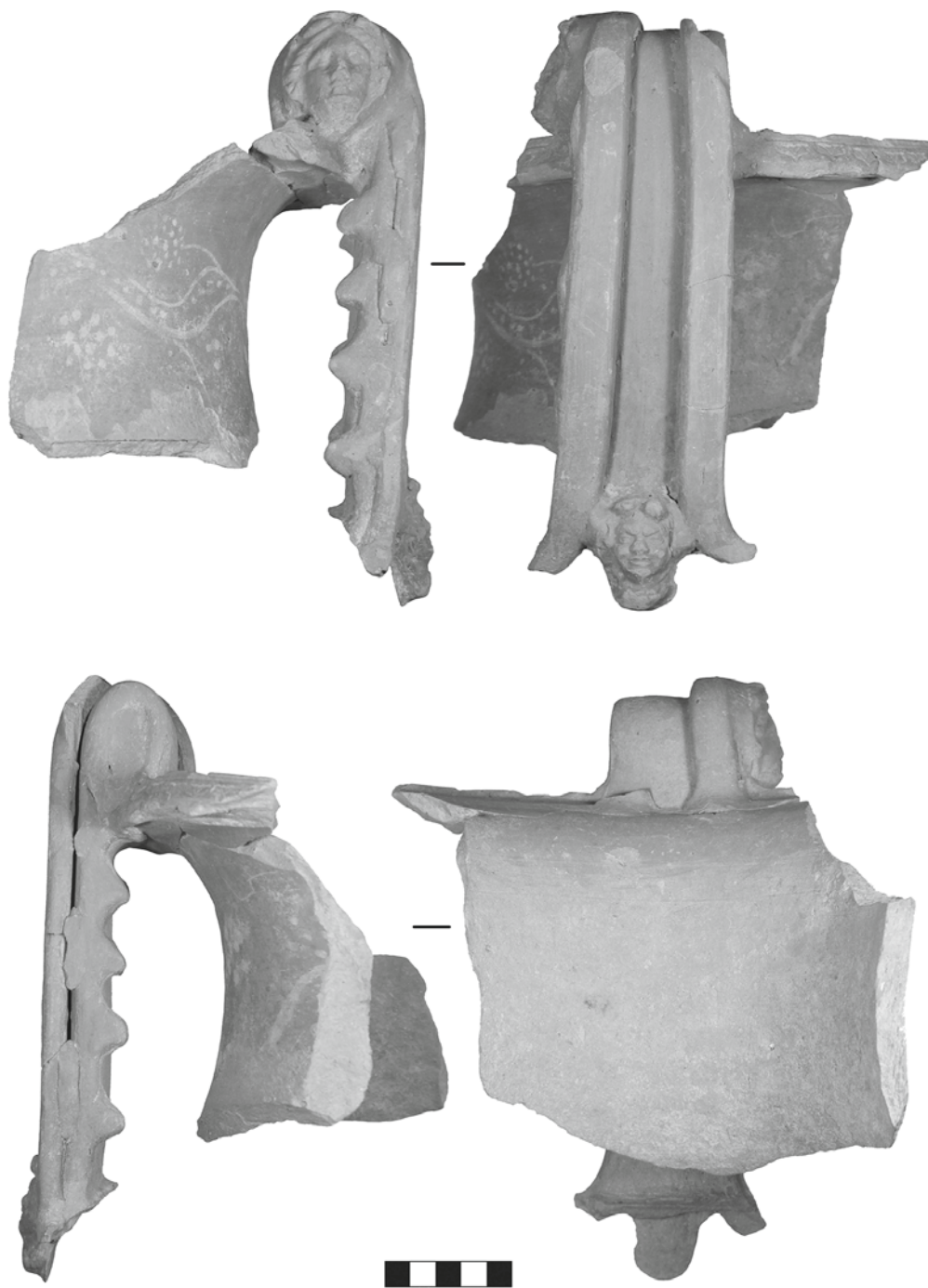

Рис. 3. Фрагмент красноглиняного кратера (фото)

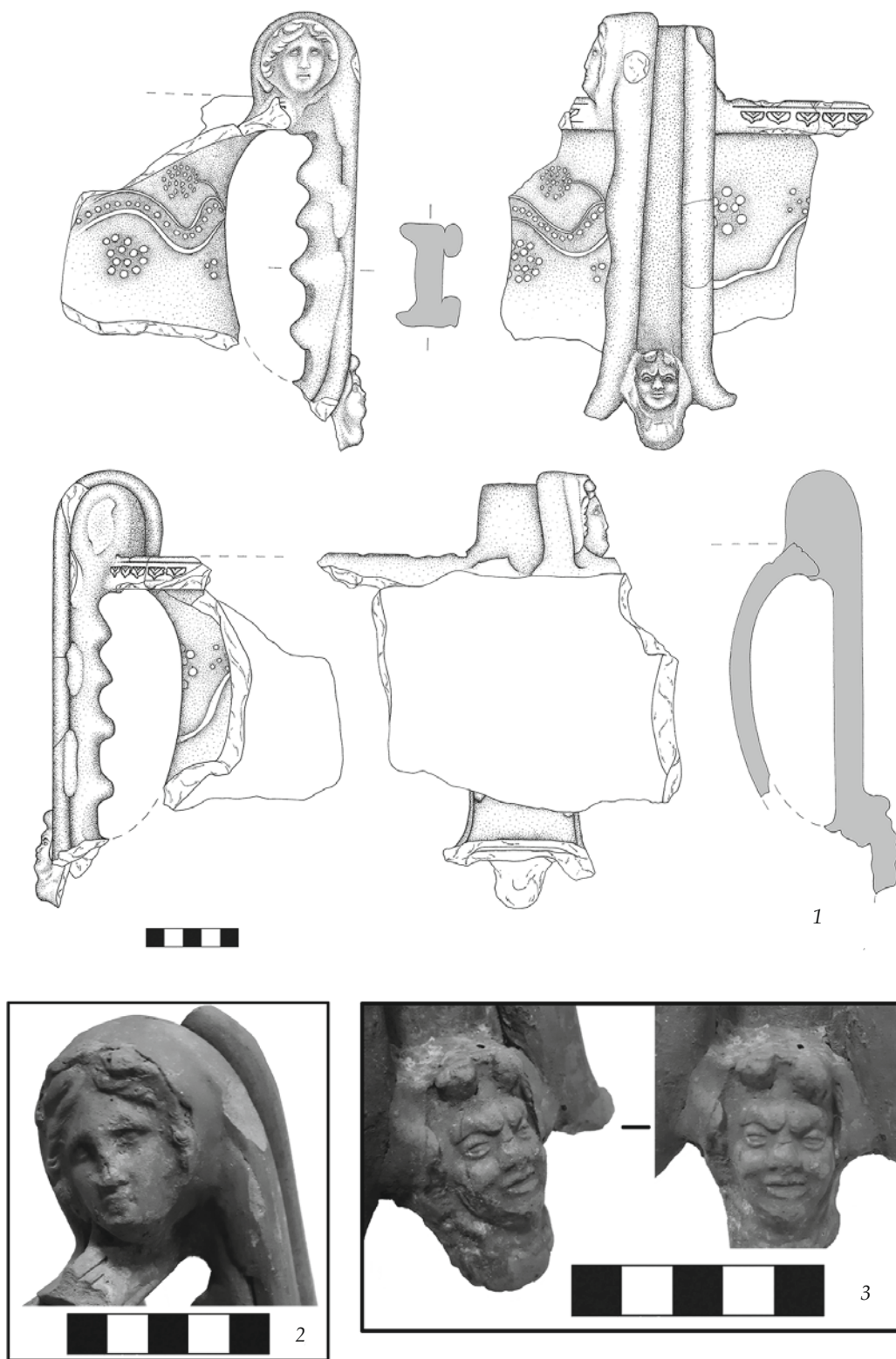

Рис. 4. 1 – фрагмент красноглиняного кратера (чертеж); 2 – медальон в виде женской головы; 3 – нижний атташ с головой сатира

1

2

Рис. 5. 1 – волотовидный кратер с акварельной росписью, Апулия (по: Kotitsa 1998: taf. 36 -68);
2 – рельефный прилеп на ручке чернолакового канфара, Апулия (по: Kotitsa 1998: taf. 62 -106)

Н.В. Ефремов,
А.Б. Колесников,
Е.В. Болонкина¹

ПРИМЕЧАНИЯ К СИНОПСКИМ ФАБРИКАНТСКИМ КЕРАМИЧЕСКИМ КЛЕЙМАМ I
(КЛЕЙМА С ТИТУЛОМ ΚΕΡΑΜΕΥΣ)

Аннотация: в статье, в первый раз после опубликованной более ста лет назад работы В.В. Шкорпила, предается сводка известных на сегодняшний день синопских гончарных клейм с титулом κεραμεύς. Разделяя в основном точку зрения В.И. Цехмистренко авторы считают, что этот титул именовал владельцев керамических мастерских, в то время как ἐργαστηρίαρχης относился к руководителям крупных производственных объединений, в которые входили отдельные мастерские или какие-то их части. Символом мастерских являлась эмблема, вокруг которой группировались отдельные гончары (вторые имена в клеймах). В сопровождающем публикации каталоге учтено более 250 оттисков с титулом κεραμεύς, а также клейм с датами, хранящихся преимущественно в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике.

Ключевые слова: Синопа, керамическая эпиграфика, клейма, фабрикант, эпоним, понтийская эра.

N.V. Jefremov,
A.B. Kolesnikov,
E.V. Bolonkina¹

NOTES TO SINOPEAN FABRICANT CERAMIC STAMPS I
(STAMPS WITH THE TITLE ΚΕΡΑΜΕΥΣ)

Abstract: for the first time after the work of V.V. Skorpil was published more than a hundred years ago, a summary of Sinopean pottery stamps known today with the title of κεραμεύς is offered in this article. Sharing mainly the point of view of V.I. Tsekhmistrenko, the authors believe that this title referred to the owners of ceramic workshops, while ἐργαστηρίαρχης referred to the head of large industrial associations, which included individual workshops or some of their parts. The symbol of the workshops was an emblem, around which individual potters (second names in stamps) were grouped. The publication accompanying catalogue includes more than 250 stamps with the title κεραμεύς, as well as stamps with dates, stored mainly in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve.

Keywords: Sinope, ceramic epigraphy, stamps, fabricant, eponym, Pontic era.

Quod praeteriit, effluxit

Вопрос о вторых именах в керамических клеймах поднимался неоднократно. В разные отрезки времени в них видели владельцев мастерских, гончаров, собственников виноградников, либо официальных лиц – представителей полисной администрации, в частности – фискальных чиновников. Лудольф Стефани считал их поначалу чиновниками для присмотра за гончарным производством (Stephani 1848: 16 f., 19, 23), затем заказчиками амфор, виноторговцами (Stephani 1859: 9, 208, no. 19)², пока находки оттисков с титулом κεραμεύς, прежде всего синопского клейма с глаголом ἐπόησε, не заставили его изменить свою точку зрения в пользу владельцев гон-

¹ Ефремов Николай Васильевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Штральзунд, Германия, nik.niko.jefremov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-3405>.

Колесников Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, abkolesnikov60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3548-5170>.

Болонкина Елена Владимировна, старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, 298320, Россия, Республика Крым, ул. Свердлова, 7, <https://orcid.org/0000-0002-1637-1442>.

² Его точка зрения была «реанимирована» столетие спустя: Крушкол 1962: 551–561. О вероятности принадлежности вторых имён аристократам-заказчикам / торговцам вином на Фасосе и в Книде см. также: Амперёр, Гарлан 1992: 30. Ср. Garlan 1984: 32; Peterson 1982: 155 f.

чарных мастерских (Stephani 1859: 207 f.)³. Его поддержал Пауль Беккер, отмечавший, что клеймо несёт в себе тройную информацию: а) указание на государственный контроль, б) приписку самого государства, в) указание на мастерскую, в которой был произведён сосуд, а в «фабрикантах» видевший владельцев мастерских, в руках которых находился также вывоз произведённой продукции (Becker 1855: 417, 444 f., 518; 1861: 492; 1869: 487, № 47, 527; Беккер 1879: 40; Minns 1913: 359). Собрав все известные ему на тот момент случаи упоминания титулов ἐργαστηρίαρχος, κεραμειός и глагола ποιεῖν в его аористной форме ἐποίησε – «сделал», имеющий многочисленные параллели в «автографах» скульпторов с их произведениями, Мартин П. Нильссон пришёл к выводу о частном характере клеймения, где клеймо играло роль торговой марки по схеме «*made in Germany*» (Nilsson 1909: 57 f.). Последнее положение в настоящее время отвергнуто, в то время как термин «фабрикант» для вторых лиц в керамических клеймах стал с конца XIX в. общепринятым (Bleckmann 1907: 8; Шкорпил 1914а: 129 сл., 139; Бадальянц 1976: 32–42. Амперёр, Гарлан 1992: 9; Кац 1994: 28, 32, 77 сл.; Garlan 1998: 581–590; 2000: 113 ff., 120 ff., 129 ff.; Finkielsztejn 2001: *passim*).

Спорным до сих пор остаётся вопрос о содержании этого титула. Гончаров – владелец мастерских видели в них К. Шуххардт, и Ф. Блекманн, отмечая при этом наличие женских имён и имён ксенов/метеков (Schuchhardt 1895: 422 f.; Bleckmann 1907: 8; Nilsson 1909: 99–104; Граков 1939: 13, 52, 57, 89, 109 сл.)⁴. В.Н. Юргевич именовал их то горшечниками, то фабрикантами (Юргевич 1895: 132). В.В. Шкорпил считал их мастерами глиняных изделий, а в эргастериархах видел заведующих керамическими мастерскими (Шкорпил 1904: 19 сл., 24, 26, 28 сл.; 1914b: 139). В пользу этой точки зрения высказался также Б.Н. Граков (Граков 1929: 36, 45, 48; 1939: 13, 39, 49, 52, 57, 63, 69; 1968: 103)⁵. Им же была развита точка зрения, что необходимо рассматривать значение вторых имён не в массе, а по отдельным производственным центрам (Граков 1939: 53; Шелов 1975: 15). В свою очередь Е.М. Придик, вернувшись к тезису Л. Стефани, считал, что вторые имена в клеймах принадлежали не гончарам, а магистратам, следившим за керамическим производством (Stephani 1848: II, 16 f.; Pridik 1897: 157).

В настоящее время известен целый ряд оттисков в которых присутствует глагол ποιεῖν. Это Κλείτος | ἐποίησε, Μαντίθ(εος) | ἐποίησε и Μαντία(ς) | ἐποίησε в оттисках группы «*incertorum locorum*» (Штаерман 1951: 40, рис. 5 -175; Василенко 1973: 236 сл., рис. 4 -1; Börker, Burow 1998: 132, № 707, Taf. 39; Garlan 2000: 119, fig. 82 a–c; 2007: 191, № 81), книдское клеймо из Афин Αριστίων | ἐποίησε (Dumont 1872: 336, № 3; Grace 1956: 151; КТ 222 (Knidos); Граков 1968: 108; Бадальянц 1978: 125 (как родосское))⁶ и, очевидно, его аналог из раскопок Ольвии, прочитанный как Ἀρετίων | ἐποίησε (Граков 1968: 101, 103 сл., рис. 1 -4; см. корректуру: Garlan 2000: 118, note 23). К продукции Синопы относятся два варианта таких клейм: 1. оттиски на черепице и на ручке амфоры с легендой: ἄστυνομοῦν | τοῦ Δελφινίου | τοῦ Καλλίου | Βακχίου Διοδό | του ἐποίησε (Stephani 1866: 208, № 19; Becker 1861: 466, № 11; Dumont 1872: 66; IOSPE III: № 2078 (Ольвия. Эрмитаж № 19044), эмблема «колос»), относящиеся к концу астиномного клеймения в Синопе⁷; 2. клеймо на черепице (рис. 1): Πόλων :

³ Ср. Граков 1939: 13, 68; IOSPE III: № 2078–2079, 6497–6500; Сапрыкин 2020: 38.

⁴ О женских именах в клеймах Родоса см.: García Sánchez 2008: 283–310. О метеках на Родосе и прежде всего в керамическом производстве: Morelli 1956: 126–190; Brixhe 1976: 217, no. 8; Casson 1984: 72; Masson 1986: 37 ff.; Norper 1982: 67; Bresson 1986: 82; Brandt 1992: 79 ff.; Boyxen 2018: 310 ff. («Fabrikantenstempel»). Против термина «фабрикант» относительно вторых имён в клеймах: Palaczyk 2017: 331 ff.; Börker 2019: 81 f.

⁵ Ср. Амперёр, Гарлан 1992: 9, 25, 26 сл.; Garlan 1998: 581–590.

⁶ См. эмендацию: Börker, Burow 1998: 132, 707; Garlan 2000: 118, note 23.

⁷ Ок. 210 г. – Conovici 1998: 49, № 145 (группа Ve); конец III в. – Garlan, Kara 2004: 98, Tab. VI, № 147–164 (группа VIe); Кац 2007: 436; 222 г. – Fedoseev 1999: 32, № 32.

ἡστυνόμει : ἐπόει(σε) Ἀβρόκομας (IOSPE III: № 6497–6500; Граков 1929: 36 -2, 115 -9, табл. 14 -1, 121; Кац 2007: 253, рис. 59 -1)⁸, датируемое началом периода регулярного клеймения⁹.

В разных производственных центрах известна целая серия клейм, в которых имя фабриканта предварено предложениями ἀπό, διά, παρὰ¹⁰, указывающими на непосредственного производителя. В синопских клеймах с датами (№ XXVIII–XXXIII) предлог διά также указывает на то, кем сделана амфора (Граков 1929: 37; иначе – Сапрыкин 2020: 226, 231, 259–262, 265). Едва ли данная практика клеймения существенно отличалась от латинских клейм римского времени, где при личном имени стоит либо глагол *facere* в третьем лице перфектной формы – *fecit* («сделал»), либо существительное в *ablativus separativus* – *ex officina* («из мастерской») (Ср.: Cagnat 1898: 308 ff., 316 f.; Фёдорова 1982: 142–147).

Следующая категория клейм группируется вокруг титула κεραμεύς, который за пределами Синопы практически не встречается. Один раз он отмечен в клеймах Книда¹¹, кроме того известны единичные случаи из Хайфы, римского Египта и на черепицах Метапонта и Амфиполя (Garlan 2000: 115, nos. 15–18, 116, fig. 79 a–b). Редкость упоминания данной титулатуры может на наш взгляд быть объяснена тем фактом, что в рамках центра клеймившего продукцию своих керамических мастерских не было необходимости указывать на компетенции вторых лиц, ибо это было общеизвестно, в то время как функция лица с «ограниченной ответственностью» в определённой отрасли или сфере, была обязательным элементом легенды и обычно подтверждалась его официальной титулатурой, либо предложением ἐπί. Титул κεραμεύς, напротив, не стал обязательным элементом клейм, очевидно, являясь в короткие временные отрезки характерной маркой того или иного фабриканта. В их носителях видят обычно владельцев керамических мастерских либо мастеров-керамевсов (Цехмистренко 1968: 28; Василенко 1973: 236; Conovici 1998: passim.)¹².

Наконец, особо стоит отметить редкие клейма, в которых присутствуют *tituli* κεραμάροχος и ἐργαστηριάροχος. Первый из них известен в уникальном фасосском клейме Пуладέω κεραμάροχου (Шкорпил 1914а: 136 сл., № 1–3; Граков 1939: 61, 63; Гарлан 1986: 10 сл.; Garlan 2000: 117, fig. 80). Альбер Дюмон считал, что под этим термином скрывается «начальник, архонт гончаров (*chef, archonte des potiers*)» (Dumont 1872: 66). Аналогично высказался В. Шкорпил, отмечая, что он избирался государством «из числа гончарных мастеров или что фасосские гончары составляли особый цех, который избирал из своей среды старосту или керамарха, утверждаемого государственной властью и облакаемого обязанностью следить за разработкой казённых залежей глины» (Шкорпил 1914а: 138 сл.; ср. Debidour 1979: 249; Гарлан 1986: 12; Börker, Burow 1998: 16). Эту точку зрения в целом разделял Б.Н. Граков, отмечая, что термин обозначает главу объединения гончаров / фабрикантов, избиравшегося на один год. Тоже самое касалось, по его мнению, и обладателя титула ἐργαστηριάροχος (Граков 1929: 48; ср. Garlan 1987: 82; 1988: 28 ff.; Tzocher 2016: 10 f.). Он зафиксирован один раз в родосском клейме с именем Αἰνέας (ἐργαστηριάροχος) (Nils-

⁸ Принадлежность этого астинома Синопе была подвергнута сомнению: Коновичи и др. 1992: 231; Conovici 1998: 21, note 50. Однако, очевидно, что в данном варианте прослеживается явное гераклейское влияние: Кац 2007: 255. Н.Ф. Федосеев датировал деятельность этого астинома началом IV в., т.е. до периода начала регулярного клеймения (Fedoseev 1999: 34, № 133), что едва ли вероятно, см. Кац 2007: 253.

⁹ Все даты, если это не оговорено особо, относятся ко времени до Р.Х.

¹⁰ Παρὰ Μένητος: RF-MENHE 01-002; Придик 1917: 113, № 282; Παρὰ Παύσανίαν: Придик 1917: 114, № 307. Nilsson 1909: 57 f.; Grace 1956: 141, № 70; 1963: 324, 333; Grace, Savvatiyanou-Peropoulakou 1970: 369, E 252; Василенко 1974: 27, рис. 2 -4; Garlan 2000: 114, fig. 75; Finkielstzajn 2001: 54 f.

¹¹ KT 426: ἐπὶ Δίω<ν>ος | Διονυσίου κερα|μ[έ]ω[ς]: Dumont 1871: 185, № 262, 386, № 8; Jefremow 1995: 17 f., Anm. 128; Jöhrens 1999: 184, № 584.

¹² Ср. Договор об аренде из римского Египта с обязательствами арендаторов – κε[ραμέω]ς οἰνικῶν κεράμων: Cockle 1981: 86 ff.; Jefremow 1995: 17, Anm. 127.

son 1909: 57, 359, № 28 -4, Tab. I -5; Grace 1949: 177, № 10; Garlan 2000: 118, fig. 81; Finkielsztejn 2001: 114, no. 129) и в оттиске Синопы в V хронологической группе (№ IV) (Цехмистренко 1968: 26). Таким образом, ἐργαστηρίαρχης и κεραμάρχος обозначали своего рода «фальшивого эпонима» (*faux éponymes*), лицо с «ограниченной ответственностью» в определённой отрасли или сфере, в данном случае в керамическом производстве (Avram 2009: 53; Börker 2019: 80 f. Ср. Сапрыкин 2020: 41 – «мастер-подрядчик»).

Термин ἐργαστήριον имел в греческом языке широкое применение, обозначая различные производственные и рабочие помещения от кузницы до прачечной, а также ларьки, лавки и даже бордели (Rostovtzeff 1955: 985–987, 1014, 1024; Hopper 1982: 59, 119, 121 f., 150; Burford-Cooper 2003: 62). Соответственно делается вывод, что в случае с керамическим производством ἐργαστηρίαρχης не мог быть никем иным как владельцем мастерской, либо управителем эргастерия¹³.

Существительное ἀρχή в греческом языке многозначно и имеет следующие основные значения: 1. начало, исток, происхождение, первопричина; 2. край, конец, предел; 3. должность, господство, власть, управление, начальствование, командование, 4. империя, царство. Соответственно и производный от него термин ἀρχός обозначает обладателя названных полномочий – предводителя, правителя, начальника, вождя (Дворецкий 1958: 244; Liddle et al. 1953: 252 f.). В этой связи несколько озадачивает мнение Кристофа Бёркера, что все композитные формы с этим существительным относятся к коммунальному / государственному управлению и обозначают «mit staatlichen Aufgaben Betrauten, die ἀρχοντες», т.е. государственных чиновников-контролёров (Börker, Burow 1998: 15 f. со ссылками на: Poland 1909: 90 ff., 358 ff.; Sherk 1993: 277 ff.)¹⁴. Равным образом это могли быть представители, первые лица производственных корпораций, в функции которых входили фискальные обязанности, что не делало их официальными представителями полиса.

Для выяснения сущности вторых имён в клеймах особое значение отводится эмблемам. В.И. Цехмистренко считал что, вокруг эмблемы владельца мастерской (либо работника в эргастерии) группировались объединения гончаров, присоединяясь, таким образом, к точке зрения Б.Н. Гракова, что разновидности эмблем зависели от владельцев мастерских (Граков 1929: 83; Цехмистренко 1968: 28–30, 32; Empereur, Pison 1986: 118; Амперёр, Гарлан 1992: 30)¹⁵. По мнению Мишеля Дебидура эмблемы в фасосских оттисках были ежегодно сменявшимися знаками фабрики кантов либо, что более вероятно, относились к отдельным участкам, которые маркировались дополнительными эмблемами той или иной мастерской. При этом частая смена знаков была обусловлена множеством таких производственных предприятий (Цехмистренко 1968: 28; Дебидур 1992: 113 сл., 132 сл., прим. 128). Выбор эмблем и их распределение зависели от официального лица – магистрата, или одного из его помощников, который был обязан систематически просматривать распределение символов предыдущего года (Дебидур 1992: 134). Интересны в этой связи наблюдения Ивона Гарлана и Натана Боду, которые отмечают следующее: штампы для клейм изготавливались по заказу магистратов, а в большинстве случаев – фабрикантов. Гравёры обладали большой свободой при оформлении матрицы при условии строгого соблюдения определённых условий ответственных магистратов. То, что один гравёр каждый год делал штампы для группы фасосских фабрикантов, является достаточным указанием в пользу офи-

¹³ Ср., например, ἡγεμόν ἐργαστηρίου: Aischin. I.97 – «Fabrikleiter», «Vorarbeiter»: Hopper 1982: 120 f. Против сопоставления этого термина с ἐργαστηρίαρχης: Börker, Burow 1998: 16 + Anm. 50.

¹⁴ О финансовых чиновниках полисов см.: Dmitriev 2005: 34 ff., 44, 140 f., 146 f.

¹⁵ В этой связи заслуживает самого пристального внимания замечание М.И. Ростовцева (Rostovtzeff 1955: 971): «...es kann auch sein, dass die Artikel nicht in großen, fabrikähnlichen Betrieben, sondern von einzelnen Hanwerkern oder in kleinen Ergasteria im Auftrag eines Großunternehmens erzeugt wurden». О корпорации гончаров см. Syll.³ 1025.

циального характера института клеймения керамики в полисе (Гарлан, Боду 2011: 417 сл.)¹⁶. Подтверждения этим тезисам были получены в процессе раскопок и разведок на Фасосе, Книде и в родосской Перее (Empereur 1988: 159–163; Empereur, Tuna 1988: 341–357; 1989: 277–299; Амперёр, Гарлан 1992: 17 сл., 25–30; Empereur et al. 1999: 105–116. Ср. Garlan 2000: 57 ff.).

В керамическом клеймении Синопы выделены целые династии гончаров, связанных между собой характерной для них эмблемой или эмблемами (Граков 1929: 136; Цехмистренко 1958: 66 сл.; 1968: 26, 28, 33; Garlan 2000: 42, 130; Garlan, Kara 2004: 38–75). Та же картина наблюдается и в Книде (Амперёр, Гарлан 1992: 17, рис. 7; Empereur et al. 1999: 105 ff.). Однако при всём этом необходимо учитывать тот факт, что фабриканты могли менять мастерскую или глинища, отец и сын могли трудиться некоторое время одновременно в одной или нескольких мастерских (Цехмистренко 1968: 31, табл. 7; Амперёр, Гарлан 1992: 26). Так, например, в клеймах Фасоса обычно присутствует имя эпонима и эмблема мастерской, т.е. годовая эмблема фабриканта, в то время как в Книде известны многие случаи, когда имя одного и того же фабриканта встречено в двух мастерских с характерным для них символом (Empereur 1988: 161; Амперёр, Гарлан 1992: 28; Garlan 2000: 61, 63, fig. 37). Кроме того следует учитывать различные формы организации керамического производства. Так, к примеру, в Синопе и Херсонесе Таврическом известны черепичные оттиски *Ἱερὰ* (*κεραμίς*) и *Δημοσία*, *Δημοσίη* (*κεραμίς*) (Зеест 1955: 117, рис. 49 -4; IOSPE III: № 9013 (с эмблемой «акростилий») (рис. 2); Garlan, Kara 2004: 252, № 619, pl. LXX¹⁷), амфорные клейма *Δαμόσιον* (Кац 1994: 32, 34 сл. – государственная мастерская)¹⁸, *Ταυρικόν*, *Σκυθικόν*, *εἰς ἐμπόριον* (Кац 1994: 31–35, 80, табл. СХ В 1/1-2, В 2/1, В 3/1, В 4/1-2; Garlan 1993: 99–102; Saprykin 1996: 357, 365 f., 368, 369 f.)¹⁹.

В данной публикации²⁰, которая должна стать первой на пути издания свода / корпуса синопских фабрикантских клейм, подготавливаемого нами к печати, мы оставляем за вторыми именами синопских керамических клейм наименование «фабрикант», разумеется, не в его модернистском значении, но как обозначении лиц, непосредственно связанных с керамическим производством. Видеть в них полисных чиновников, на наш взгляд, нет никаких оснований.

В своей классификации гончарных клейм Синопы В.И. Цехмистренко отнёс оттиски с титулом *κεραμεύς* (за исключением клейм с датами) ко второй группе (Цехмистренко 1960: 68 сл., рис. 7; Федосеев 1992: 157²¹). Общим признаком для них, по его мнению, служит упоминание

¹⁶ Совсем недавно в западной литературе были опубликованы две статьи, в которых подвергнут критике не только сам термин, но и традиционная атрибуция принадлежности «вторых имён» лицам, связанным с керамическим производством (Lund 2018: 79–84; Börker 2019: 78–90).

¹⁷ И. Гарлан выступил против мнения о государственной / полисной мастерской, как производителе черепицы с клеймом, отмечая: «с'était sans doute une tuile fabriquée pour, et non par la cité, meme s'il est, dans cette hypothèse, étrange de l'avoir retrouvée à Hermonassa». Ср. Garlan 2000: 25 f. Обзор о черепичном клеймении в греческих полисах и храмах см. Сапрыкин 2020: 17 сл., 30, 47 сл., 88, 90.

¹⁸ Примечательно, что на другой ручке амфоры оттиснуто клеймо астинома Героксена. О клеймах с легендой *δημόσιον* см.: Guarducci 1995: 467 ff., 477, 479.

¹⁹ Вслед за Б.Н. Граковым (1947: 80–83) В.И. Кац (1994: 33 сл.) видит в этих прилагательных указание на расположение керамических мастерских на территории Херсонеса. Насколько разнообразными могли быть легенды в керамические клеймах демонстрирует клеймо из святилища Афины Кранайи в Элатее (Фокида): *δαμοσία πλίνθος ἐπί Ἀπελλέα, ἐργώνου Δαματρίου* (Guarducci 1995: Ebd., 491).

²⁰ За любезные разрешения на издания неопубликованных до сегодняшнего дня оттисков нам хотелось бы поблагодарить Е.М. Алексееву, С.И. Безуглова, В.В. Бочковского, А.М. Буягина, Н.И. Винокурова, В.Г. Житникова, В.Н. Зинько, А.В. Куликова, И.И. Марченко, А.А. Масленникова, С.В. Ольховского, О.Ю. Соколову, Н.И. Сударева, В.П. Толстикова, В.А. Хршановского.

²¹ «Типологическая классификация гончарных клейм по В.И. Цехмистренко возражений не вызывает».

имени гончара с отчеством при обязательном наличии титула κεραμεύς и одной или двух эмблем, при отсутствии имени астинома²².

Имена фабрикантов встречаются как в номинативе, так и в генетиве, но в отличие от Родоса, неизвестно ни одного женского имени. Предлог перед отчеством иногда опускается (Граков 1929: 36). При этом выделяются три варианта клейм: 1) титул κεραμεύς стоит в начале легенды; 2) титул κεραμεύς стоит в конце легенды; 3) негативное написание легенды. Этим оттискам соответствуют астиномные клейма с названием магистратуры в начале или конце надписи. Эта группа клейм была им датирована концом IV – началом III в. или же последней четвертью IV в. (Цехмистренко 1960: 71). Мода на отчества фабрикантов, доминирующая в это время, ослабляется в последующий период и полностью исчезает в хронологической группе V, когда побеждает именительный падеж в именах фабрикантов (Граков 1929: 136, 145).

В рукописи IOSPE III учтены следующие имена керамевсов (IOSPE III: Синопа, 13 сл.):

1. Απολλώνιος+ἀστυνόμος Μνησικλής
2. Ἄττεις+Ποσειδώνιος Αἰσχίνου
3. Γλαυκίας+ἀστυνόμος Θεαρίων ὁ Φίλωνος
3. Δάμων διά
4. Διονύσιος ὁ Θευπείθου гроздь
5. Διονύσιος ὁ Νευμηνίου сосуд
6. Ἐρμων ὁ Μητροδώρου
7. Ἡρακλέων διά Θ καί Ρ
8. Ἡφαιστῖος ὁ Θευδώρου канфар
9. Ἡφαιστῖος ὁ Ποσειδωνίου гроздь и канфар
10. Θεύδωρος ὁ Ποσειδωνίου сосуд и цветок
11. Ἰκέσιος ὁ Διονυσίου без астинома+

Неизвестный фабрикант+ἀστυνόμος Ποσίδειος ὁ Ἡφαιστοδώρου (в отдельном клейме), «гроздь»

12. Καλλισθένης+ἀστυνόμος Ἡρακλείδης «сосуд»
13. Κλαίνετος+ἀστυνόμος Ποσίδειος Ἡφαιστοδώρου
14. Κλέαρχος ὁ Θευπρόπου канфар
15. Κτήσων
16. Μαντίθεος ὁ Ἄττεις²³
17. Νευμήνιος ὁ Διονυσίου
18. Νευμήνιος ὁ Θευδώρου
19. Νευμήνιος ὁ Λάκωνος гроздь; гроздь и лист
20. Νικόστρατος ὁ Θευπρόπου палица
21. Νουμήνιος διά βιω, γιω, Θ καί Ρ. гроздь
22. Ποσειδώνιος ὁ Θευδώρου гроздь
23. Ποσειδώνιος ὁ Νευμηνίου гроздь и колос
24. Πρύτανις ὁ Θευπρόπου + ἀστυνόμος Ποσίδειος ὁ Ἡφαιστοδώρου
25. Στίχος διά γιω

Кроме того, отмечено клеймо: ἀστυνομοῦντος Ἐστιαίου τοῦ Ἀρτεμιδώρου ἐργαστηριάρχης Δημοσθένης № 3271, 3272.

²² Отчества встречаются уже в IV в. Особенно при титуле κεραμεύς (см. ниже).

²³ Вероятно этот же керамевс в неверно прочитанном оттиске: Μίκριος+Απολλώνιος ὁ Μαντίθεου (Pridik 1928: 367 b) 4.

Κατάλογος

1. Κλειμα с титулом κεραμεύς

I	Απολλώνιος (ὁ Μαντιθέου)	Fedoseev 1999: 35, № 191; Garlan, Kara 2004: 54 ff., F 15	Ταβλ. I	ἀστυνόμου Μνησικλέους Απολλωνίου κεραμέως γροzdь
<p>1. Φαναγορία 1954, «Северный раскоп», πλ. 17, шт. 28, оп. 1062, ГМИИ; 2. Артезиан 2021, оп. 1569/54, ВКИИМЗ, КП-202154; 3. Мирмекий 1938: Штаерман 1952: 390, табл. 1 – 4. О мастерской Ἄττεις, Μαντίθεος, Απολλώνιος, см. – Garlan, Kara 2004: 54–56, F 15 (группы II–VI). <i>Φαβρικανт</i> Απολλώνιος I ὁ Μαντιθέου, сын Μαντίθεος I и брат Ἄττεις II. <i>Астином</i> Μνησικλῆς I датируется 280-ми гг.: Кац 2007: 262, табл. 11 –12, 435, прил. VII.5 –16 (IV МГ); Conovici 1998: 38, № 71 (группа III d); Garlan, Kara 2004: tabl. VI –96, № 73 (группа IV C); 303 г.: Fedoseev 1999: 33, № 114.</p>				
II	Ἄττεις	Fedoseev 1999: 35, № 40; Garlan, Kara 2004: 54–56, F 15	Ταβλ. I	Ποσειδωνίου τοῦ Αἰσχίνου ἀστυνομοῦ- νῆτος κερα- μεύς Ἄττεις таблетка
<p>1. Волна 1, 2014, P. X, кв. 778, шт. 10; кв. 553, шт. 10; 2. Волна 1, 2014, P. X, кв. 553, шт. 10; 3. Волна 1, 2013, P. X, кв. 446/3Б; 4–5. Пантикапей о окр., КМ КП-99237, ККК-8309; КМ КП-98765, ККК-8091; 6. Пантикапей 1993, сл. нах., оп. 19, ККК-19514; 7. Пантикапей 1876: (Придик 1917: 83, № 449, ГЭ, № 508' (= IOSPE III: № 6744); 8–9. Пантикапей 1890 и 1898, IOSPE III: № 6745–6746; 10. Φαναγορία, 1987, π.μ. О мастерской Ἄττεις, Μαντίθεος, Απολλώνιος, см. – Garlan, Kara 2004: 54–56, F 15 (группы II–VI). <i>Φαβρικανт</i> Ἄττεις II, сын Μαντίθεος I. <i>Астином</i> Ποσειδώνιος V датируется рубежом 290-х – 280-х гг.: Кац 2007: 262, табл. 11 –9²⁴, 435, прил. VII.5 –7 (группа МГ IV); 295–291 гг.: Conovici 1998: 35, 38, № 58 (начало группы IIIa); Garlan, Kara 2004: tabl. VI –96, № 63–65, (группа IVa); 311 г.: Fedoseev 1999: 34, № 138. Имя Ἄττεις и его производные Ἄτεις, Ἄττας, Αθους, Ατοῦς – фригийское: Граков 1929: 26; Zgusta 1955: 297, § 596; 1964: 110 f., § 119, 123.</p>				
III IIIa	Γλαυκίας ὁ Καλλιστράτου	Fedoseev 1999: 36, № 55; Garlan, Kara 2004: 49 f., F 9	Ταβλ. I	Θεαρίωνος ὀ γροzdь τοῦ Φίλωνος ἀστυνομοῦντος κεραμέως ὀ ομφαλος Γλαυκία γροzdь
<p>1. Пантикапей, КМ 4592 = IOSPE III, № 3911: (Шкорпил 1914a: 131, № 2); 2. Пантикапей и окр., 1906–1907, IOSPE III: 3912; 3. Ан. р-н, Лиманный хутор 1989, Опытная станция, КМ 9356/6; 4. Мирмекий 2005, оп. 65. КМ КП-161539, ККК-22480; 5. Пантикапей и окр., КМ КП-67109, ККК-50. О династии фабриканта Γλαυκίας II ὁ Καλλιστράτου с эмблемами «γροzdь», группа III–IV, см.: Garlan, Kara 2004: 49 f., F 9. Известен с астиномом Ποσίδειος I ὁ Ἦφαιστοδώρου: Придик 1917: 65, № 76 (IOSPE III: № 4785); IOSPE III: № 8784; 4786. <i>Астином</i> Θεαρίων Φίλωνος датируется рубежом IV–III вв.: Кац 2007: 261, табл. 10 –8²⁵, 434, прил. VII.4 –21 (группа МГ III); последнее десятилетие IV в.: Conovici 1998: 35, 38, № 41 (группа IIc); Garlan, Kara 2004: tabl. VI –96, № 48–49 (группа III c); 321 г.: Fedoseev 1999: 33, № 71.</p>				
IIIb		Garlan, Kara 2004: 145, № 161, pl. XX.	Ταβλ. I	κεραμέως Γλαυκία ἀσ(τυνόμου) Πασιχάρου φακελ ὀ
<p><i>Астином</i> Πασιχάρης I (1a–1b) Φαινίππου датируется 290-ми гг.: Кац 2007: 435, прил. VII.5 –10 (группа МГ IV); Conovici 1998: 35, 38, № 67 (группа IIIc); Garlan, Kara 2004: tabl. VI –96, № 48–49 (группа IV b); Н.Ф. Федосеев различал Πασιχάρης I, исполнявшего свои обязанности в 313 г. и Πασιχάρης Φαινίππου – 309 г. Fedoseev 1999: 34, № 125, 127.</p>				

²⁴ В работе В.И. Каца приведен иной штамп. Скорее всего, это ошибочное прочтение.

²⁵ В прорисовке клейма ошибка, где в отчестве астинома стоит Φίλωμος вместо Φίλωνος, а вместо эмблемы «омфалос» указана «таблетка».

<p>1. Феодосия 1894 (Юргевич 1895: 141, № 38 = IOSPE III: № 8788; Шкорпил 1914а: 131, № 7 – эмблема понятия как «ваза»); 2. IOSPE III: № 8789; ГИМ № 1209Д; 3. IOSPE III: № 8790, ОМ; 4. Мирмекий 1958: оп. 1857 (Пругло 1967: 47, № 48); ВКАЭ 1994, оп. 108, КМ КП-132401, ККК-17357; 5. Генеральское Западное ВКАЭ 1994, оп. 108, КМ КП-132401, ККК-17357; 6. Гермонасса 1955, кв. XXXV, оп. 152, ГМИИ, ЭФ-355.</p> <p>О мастерской с эмблемой «цветок», функционировавшей на протяжении девяти поколений см.: Цехмистренко 1958: 66 сл.; 1968: 33; Garlan 1990: 504–506; Garlan, Kara 2004: 42 f., F 2.</p> <p>Θεύδωρος ὁ Ποσειδωνίου, Ποσειδώνιος ὁ Θευδώρου, и Καλλισθένης Θευδώρου относятся к одной династии: Garlan, Kara 2004: 43, 78 f., tabl. III a.</p>				
XIII	Ἰκέσιος ὁ Διονυσίου	Fedoseev 1999: 37, № 126; Garlan, Kara 2004: 56, F 16	Табл. IV	<p>а) Ἰκε[σίου τοῦ Διο[νυσίου κεραμέω]ς гроздь</p> <p>б) ἀστυνόμου Ποσιδείου τοῦ Ἡφαιστοδώρου (черепица)</p>
<p>1. Пантикапей и окр. КМ КП-71581, ККК-1291: (Шкорпил 1914а: 131, № 8 = IOSPE III: № 8801); 2. Зеленский курган 1912: (Шкорпил 1914а: 132 сл., № 8 = IOSPE III: № 8800). Археологически целая амфора, на второй ручке клеймо: ἀστυνόμου Ποσιδείου τοῦ Ἡφαιστοδώρου.</p> <p>Обнаружена в комплексе Зеленского кургана (Шкорпил 1914b: 125, № 21), где основной массив клейм датируется концом IV – началом III в. (см. Монахов 1999: 480 сл.) О мастерской фабриканта Дионисия: Ἡρακλείδης ὁ Διονυσίου и Ἰκέσιος Ἰ ὁ Διονυσίου см. Граков 1929: 136, 3; Цехмистренко 1968: 34; Garlan, Kara 2004: 56, F 16. Ἰκέσιος Ἰ ὁ Διονυσίου известен в частности с астиномами Ποσιδείος Ἰ ὁ Ἡφαιστοδώρου (Шкорпил 1914b: 125, № 22; Цехмистренко 1958: 62; 1960, 70; 1962: 88, рис. 11 –4; Монахов 1999: 480, № 15 и Ποσειδώνιος III: Придик 1917: 144, № 4 (IOSPE III: № 6581); IOSPE III: № 6580, 6582. Данный вариант разбивки легенды по двум ручкам амфоры характерен как раз для астинома Ποσιδείος ὁ Ἡφαιστοδώρου: Кац 2007: 261.</p> <p>Возможно, с этой династией связан фабрикант Νευμήνιος: Διονύσιος ὁ Νευμηνίου (Граков 1929: 136 – 4) хотя, учитывая распространённость обоих имён, это лишь возможный вариант.</p> <p>Дата астинома: рубеж IV–III вв.: Кац 2007: 434, прил. VII.4. 16 (МГ III B); последнее десятилетие IV в.: Соповісі 1998: 31, 33, № 46 (группа II C); десятые гг. IV в.: Garlan, Kara 2004: tabl. VI –96, № 41–45 (группа III B); 329 г. (Fedoseev 1999: 34, № 139). С этим же астиномом известен также фабрикант Νικόστρατος Θεοπόρου (№ XX), отмеченный в клейме эсимнета Νικιάς²⁷.</p>				
XIV	Καλλισθένης (ὁ Θευδώρου ?)	Fedoseev 1999: 37, № 131; Garlan, Kara 2004: 58, F 19	Табл. IV	<p>а) Καλλισθένους κεραμέως</p>
<p>Волна-1, 2001, кв. 9, оп. 376.</p>				
				<p>б) Καλ(λ)ισθένου сидящий лев ← κεραμέως колос → Ἡρακλείδου гроздь ↑ ἀστυνόμου</p>
<p>1. Пантикапей и окр., КМ КП-70127, ККК-807; 2, 3. Пантикапей, Р. «Центральный Северный», 2003, оп. 37, КМ КП-156563, ККК-21344; 2004, оп. 13; КМ КП-159372, ККК-21809; 4. Волна-1, 2017, Р. XXII, кв. 106, шт. 8; 5. Национальный музей Варшавы, инв. № 148644 (Sztetyńo 1983: 164, № 289 – не восстановлено); 6, 7. Пантикапей 1901 (Шкорпил 1902: 132, № 2 = IOSPE III: № 3582, 3583); 8. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1904: 62, № 235 = IOSPE III: № 3584); 9, 10. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 132, № 9 = IOSPE III: № 3585, 3586); 11. Парфений (IOSPE III: № 3588 – в Керчи у Веселова); 12. Пантикапей и окр. (IOSPE III: № 3589 – КМ № 4577); 13. Фанагория 1936, оп. 790, город А, кв. I–III, шт. 2 (прирезка). ГИМ 48410 (IOSPE III: № 3590); 14. Фанагория 1939, оп. 5, ГМИИ; 15. Фанагория 1981, Р. «Южный город», яма 192; 15. Музей истфака МГУ. № АЗ-52/52.</p>				

²⁷ Федосеев 1993b: 89; 2014: 94; Кац 2007: 270, рис. 61 –8; Гаврилов 2011: 143, № 521.

<p>Дальнейшие публикации см.: Dumont 1871: 66, 37, pl. V -64; Придик 1917: 83, № 433; Федосеев 2001: 70, № 289; Garlan 2000: 116, fig. 76b.</p> <p>О фабрикантах – омонимах по имени Καλλισθένης (группы I–VI ?): Garlan, Kara 2004: 63, F 35. В данном случае неясно, какой именно фабрикант с этим именем присутствует в клейме²⁸.</p> <p>Астином Ηρακλείδης Ι ὁ Ἡρωνύμου датируется: последним десятилетием IV в.: Garlan, Kara 2004: tabl. VI -96, № 46–47 (группа ΠC); Кац 2007: 434, прил. VII.4, № 12 (III ΜΓ); концом пред последнего десятилетия IV в.: Conovici 1998: 30, 32 f., № 42 (группа ΠC); 328 г.: Fedoseev 1999: 32, № 61 (Ηρακλείδης Ι, по его мнению, отличен от Ηρακλείδης ὁ Ἡρωνύμου с эмблемой «собака», Ebd., № 63, датируемый им 219 г.).</p>				
XV	Καλλισθένης (ὁ Δημοφῶνος)	Garlan, Kara 2004: 58, F 19	Ταβλ. IV	κεραμέυς Καλλισθένη. Δημοφῶν(τ)ος голова Гермеса в петасе
<p>1. Пантикапей 1866 (Becker 1869: 469, № 23 = IOSPE III: № 4684 – OM); 2–3. Пантикапей и окр. КМ КП-89043, ККК-5629 и КП-74020, ККК-12214; 4. Пантикапей 2001, ул. Циолковского, раскоп 2, кв. 2, оп. 476, КМ КП-154733, ККК-21060.</p> <p>О мастерской Καλλισθένης ὁ Δημοφῶνος см. Garlan, Kara 2004: 58, F 19.</p> <p>Фабрикант не идентичен с предыдущим (Garlan, Kara 2004: 43, note 95). Он известен с астиномами Ποσειδῶνιος III и Ποσίδειος Ι ὁ Ἡφαιστοδώρου (IOSPE III: № 6600 (черепица); Becker 1869: 469, № 23 (IOSPE III: № 4684); Голенцов, Петерс 1981: 219, № 31): [Ποσειδωνίου] ἰ ἀστυνόμου ἰ Καλλισθένης ἰ Δημοφῶν(τ)ος свернувшаяся змея (Керкинитиды 1917. ЕКМ А 704 (Рис. 176)).</p>				
XVI	Κλέαρχος ὁ Θευπρόπου	Fedoseev 1999: 37, № 140; Garlan, Kara 2004: 47 f., F 6	Ταβλ. IV	κεραμέως Κλεάρχου τοῦ Θευπρόπου канфар
<p>1. Тира (IOSPE III: № 6869–БМ, № А-977), черепица. В IOSPE III ошибочно прочитано κεραμέως ἰ Κλεαί-νε του. Это чтение было принято во всех основных исследованиях и публикациях: Fedoseev 1999: 37, № 138 (Κλεαίνετος II); Garlan, Kara 2004: 60, F 27). И. Гарлан видел в нём родоначальника мастерской Κλεαίνετος Ι. Н.Ф. Федосеев выделил, кроме того, отдельно фабриканта Κλεαίνετος Νουμενίου, Ebd., № 139, известного с астиномами групп II и III. Рядом оттиснуто второе клеймо: ἀστυνόμου ἰ Ποσιδείου ἰ τοῦ Ἡφαιστοδώρου «гроздь». 2. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 132, № 10 = IOSPE III: № 8826), КМ; 3. Пантикапей 1999, Р. «Центральный–Северный», кв. 77, шт. 5, оп. 34, КМ КП-147233, ККК-19811; 4. Фанатория 1981. Р. «Южный город», кв. XXVIII, шт. 3.</p> <p>О данном сочетании имен см. также (Кац 2007: 261, табл. 10 -11. III ΜΧΓ). О мастерской Θευπρόπου: Κλέαρχος Ι, Νικόστρατος, Πρύτανις с эмблемами «канфар», «продолговатый предмет», «моллюск», группы II–VI), см.: Garlan, Kara 2004: 47 f., F 6. Известен с астиномами Ποσειδῶνιος III и Ποσίδειος Ι ὁ Ἡφαιστοδώρου.</p>				
XVII	Μαντίθεος ὁ Ἄττιος	Fedoseev 1999: 38, № 164; Garlan, Kara 2004: 54–56, F 15	Ταβλ. IV	Μαντιθέου τοῦ Ἄττι- ος κεραμέως
<p>1. Пантикапей (IOSPE III: № 8835); 2. Пантикапей и окр. (IOSPE III: № 8837, КМ ККК-8363); 3. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 132, № 11 = IOSPE III: № 8836).</p> <p>О мастерской Ἄττιος, Μαντίθεος, Απολλώνιος: Garlan, Kara 2004: 54–56, F 15 (группы II–VI). Фабрикант Μαντίθεος Ι, отец Απολλώνιος Ι и Ἄττιος ΙΙ. Известен с астиномами Ποσειδῶνιος III и Ποσίδειος Ι ὁ Ἡφαιστοδώρου.</p>				
XVIII XVIIIa	Νευμήνιος ὁ Λάκωνος	Fedoseev 1999: 38, № 183; Garlan, Kara 2004: 45 f., F 4	Ταβλ. V	κεραμέως Νευμηνίου τοῦ Λάκωνος лист

²⁸ Ср. Garlan, Kara 2004: 63, F 35: «Il est à plus forte raison impossible de préciser le nombre (au moins 4) et la carrière individuelle des différents Kallisthénès sans emblème qui dirigèrent par la suite des ateliers amphoriques à Sinope durant siècle environ: sous Hérakleidès 1 Héronymou dans le s.-gr. ΠC...».

<p>1, 2. Пантикапей (IOSPE III: № 8855, 8856); 3. Пантикапей (Шкорпил 1914а: 132, № 12 = IOSPE III: № 8857); 4. Пантикапей и окр. 1906–1907, КМ КП-71585, ККК-1295 (IOSPE III: № 8858). О фабриканте Νευμήνιος Ι ὁ Λάκωνος Ι и мастерской «лист» (группы I–VI), см.: Garlan, Kara 2004: 45 f., F 4. Он известен с астиномами Ποσειδώνιος ΙΙΙ, Ποσειδεῖος Ι ὁ Ἡφαιστοδώρου, Ἴρις Ι.</p>				
XVIIIб			Табл. V	κεραμέως Νευμηνίου τοῦ Λάκωνος лист, гроздь
<p>1. Тира (IOSPE III: № 8853 – БМ А-19); 2. Херсонес (IOSPE III: № 8854 – ХМ); 3. Хора Херсонеса, усадьбы у Евпаторийского маяка 1982, оп. 1701, ЕКМ (Колесников 1985: 83, № 13, рис. 1 -13).</p>				
XVIIIс			Табл. V	Νευμηνίου κεραμέως ↑ лист
<p>1. Пантикапей 2001, ул. Циолковского, раскоп 2, кв. 2, оп. 496, КМ КП-154752, ККК-21079; 2. Ольвия 1953 (IOSPE III: № 6785 – Ольвийский заповедник), черепица, клеймо одного штемпеля с предыдущим, рядом оттиснуто второе клеймо: Ποσειδεῖου Ι ἀστυνόμου ↑ лист. Conovici 1998: 59 f., № 35–36; Garlan, Kara 2004: 127, no. 96, pl. XII; Монахов и др. 2021: 99, 263, Sn.11. Астином Ποσειδεῖος Ι τοῦ Ἡφαιστοδώρου, известный, обычно, с эмблемой «палица» и, иногда, как в этом оттиске, без отчества. Датируется: последним десятилетием IV в.: Кац 2007: 434, прил. VII.4 -16 (МГ III); Conovici 1998: 30, 33, № 46 (группа II C); 310-ми гг.: Garlan, Kara 2004: 96, tabl. VI, № 41–45 (группа III B); ок. 329 г. (Fedoseev 1999, 34, № 139).</p>				
XIX	Νικόστρατος ὁ Θεοπρόπου	Fedoseev 1999: 38, № 188	Табл. V	а) κεραμέως Νικοστράτου τοῦ Θεοπρόπου ἀστυνόμου продолговатый предмет б) Ποσειδεῖου τοῦ Ἡφαιστοδώρου (черепица)
XIXа				
<p>1. Пантикапей и окр., Керчь, ПАБ 2017, раскоп. 278А, С2, оп. 13, КП-200982; 2. Керчинитида (IOSPE III: № 8861 – ГЭ); 3–4. Ольвия 1922 и 1927 (IOSPE III: № 6871 и № 6870), черепицы. На обоих экземплярах рядом с клеймом керамевса оттиснуто одинаковое астиномное клеймо: ἀστυνόμου Ι Ποσειδεῖου τοῦ Ι Ἡφαιστοδώρου. В IOSPE III отмечено, что оба клейма очень неполной сохранности, про наличие или отсутствие эмблемы ничего не говорится.</p>				
XIXб			Табл. V	Νικόστρατος Θεοπρόπου ↑ продолговатый предмет
<p>1. Генеральское Западное ВКАЭ 2007, оп. 72, КМ КП-169346, ККК-23598; 2. Пантикапей (IOSPE III: № 8862); 3. Пантикапей и окр. (IOSPE III: № 8863); 4. Место находки неизвестно (IOSPE III: № 8864 – ГЭ, инв № 504^{iq}). О династии фабрикантов мастерской Θεοπρόπου: Κλέαρχος Ι, Νικόστρατος, Πρύτανις с эмблемами «канфар», «продолговатый предмет», «моллюск», группы II–VI), см.: Граков 1929: 136 -1; Garlan, Kara 2004: 47 f., F 6. Он известен в частности с астиномами Ποσειδώνιος ΙΙΙ и Ποσειδεῖος Ι ὁ Ἡφαιστοδώρου.</p>				
XX	Νουμήνιος ὁ Διονυσίου	Fedoseev 1999: 38, № 191	Табл. VI	κεραμέως Νουμηνίου τοῦ Διονυσίου
<p>1. Пантикапей 1901 (Шкорпил 1902: 148, № 1 = IOSPE III: № 8883); 2. Пантикапей (Придик 1917: 94, № 683 = IOSPE III: № 8884–ГЭ, 513^q); 3–8. Пантикапей (Шкорпил 1914а: 133, № 14 = IOSPE III: № 8885–8890 – КМ); 9. Пантикапей и окр. 1906–1907 (IOSPE III: № 8891 – КМ); 10. Волна-1 2013, раскоп X, кв. 593, шт. 2; 11. Волна-1 2013, раскоп X, кв. 384, шт. 7; 12. Волна-4 2006, кв. АБ15–16, шт. 11, котлован 1; 13. Волна-4 2006, кв. БВ16–17, шт. 10; 14. Горгипшия 1976, Р. «Город II», кв. 5, оп. 90 (Кац 2015: № 1460); 15. Истрия (Conovici 1998: 60, № 36, pl. III); 16. Синопа (Garlan, Kara 2004: 128, № 98, pl. XII -8); 17. Фанагория 1977; 18. Фанагория 1982. Раскоп «Южный город», кв. XXXIV, шт. 4, вым. 34.1; 19. Хора Феодосии (Новопокровка-1) (Гав-</p>				

<p>рилов 2011: 157, № 568) – 1974–1985, п.м. ФМД КП-49404, А-12240 (имя фабриканта прочитано как Νευμηνίου); 20. Мирмекий 1957, оп. 147: (Пругло 1967: 47, № 50); 21. Каллатис (Gramatorol, Ροεναгу Bordea 1969: 220, № 623); 22. Андреевка Южная 1965, оп. 67 (Кругликова, Виноградов 1973: 52, № 45, рис. 18–45); 23. Хора Феодосии, пос. Насыпное, оп. 271, КМ КП-160607, ККК-22265; 24. Пантикапей и окр. КМ КП-71589, ККК-1899; 25. Пантикапей и окр. КМ КП-71576, ККК-1286; 26. Пантикапей и окр. КМ КП-71584, ККК-1294; 27. Пантикапей и окр. КМ КП-71580, ККК-1290; 28. Пантикапей и окр. КМ КП-99234, ККК-8306; 29. Генеральское Западное 1983, Р. «Центральный», пом. 1, КМ КП-125411, ККК-15530.</p> <p>По мнению Н. Коновичи (1998: 58), период активности фабриканта Νουμηνιος мог совпадать с деятельностью астинома Ποσειδεις του Ηφαιστοδωρου с эмблемой «палица». Фабрикант Νουμηνιος известен с астиномом Ποσειδωνιος III с эмблемой «свернувшаяся клубком змея», Сονοβici 1998: 60, 31 (Ποσειδωνιος IV – 330–320 гг. (Fedoseev 1999: 34, № 137)). Об этой мастерской: Цехмистренко 1968: 33.</p>				
XXI	Ποσειδωνιος ο Θεωδωρου	Fedoseev 1999: 39, № 204; Garlan, Kara 2004: 42 ff., F 2	Табл. VI	<p>а) Ποσειδω[ν]ιου του Θεω[δω]ρου κ[ε]ραμ[έ]ως [цветок]</p> <p>б) Ποσειδειου του Ηφαιστοδω(ρου) αστυνόμο(υ) палица ↑</p>
<p>В IOSPE III есть варианты написания имени фабриканта в форме Ποσειδωνιος, однако, по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, такая форма пока не зарегистрирована.</p> <p>1–2. Пантикапей 1882 (Придик 1917: 97, № 724, 725, ГЭ 534и и 534р = IOSPE III: № 8907, 8908); 3–5. Пантикапей, IOSPE III: № 8909–8911; 6–9. Пантикапей и окр. (Шкорпил1914а: 133, № 15 = IOSPE III: № 8912–8915); 10–11. Пантикапей, IOSPE III: № 8916, 8917; 12. Пантикапей 1949, № 8, ГМИИ, IOSPE III: № 8918; 13. Сбояново (Стоянов и др. 2017: 192, № 322 – не прочитано); 14. Волна-1 2013, Р.-Х, кв. 361, шт.10; 15. Волна-1 2014, Р.-Х, кв. 784, шт. 5; 16–17. Пантикапей и окр., КМ КП-99120, ККК-8189 и КП-99219, ККК-8291; 18. Мирмекий 1964, КМ КП-74861, ККК-12678; 19. Прикубанский мог-к 2000, погр. 206, № 3, КрМ 11600/598. Целая амфора с двумя клейменными ручками. На второй ручке клеймо: Ποσειδειου του Ηφαιστο(δωρου) αστυνόμου ↑ палица.</p> <p>О династии фабрикантов Ποσειδωνιος ο Θεωδωρου и Καλλισθηνης ο Θεωδωρου см. Граков 1929: 136, 2; Garlan, Kara 2004: 42 ff., F 2 (фабрикантская династия с эмблемой «цветок»). Очевидно, они были братьями.</p>				
XXII XXIIa	Ποσειδωνιος ο Νευμηνιου	Fedoseev 1999: 39, № 205; Garlan, Kara 2004: 44, F 3	Табл. VI	<p>а) κεραμέως Ποσειδωνιου του Νευμηνιου колос, гроздь</p>
<p>1. Пантикапей и окр. 1891 (Придик 1917: 96, № 715, – ГЭ № 503п, табл. XI –4 = IOSPE III: № 8923); 2. Пантикапей, IOSPE III: № 8924; 3. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1904: 86, № 368 = IOSPE III: № 8925); 4. Пантикапей и окр. (Марти, Шкорпил 1910: 129, № 126); 5, 6. Каменское городище 1938 и 1949: (Граков 1954: 91, № 26 и № 25 = IOSPE III: № 8920 и № 8921); 7. Синопа (Garlan, Kara 2004: 128, № 99, pl. XII); 8. Хора Феодосии, пос. Новопокровка-1 1974–1985 (Гаврилов 2011: 157, № 569); 9. Хора Феодосии, пос. Лесопитомник (Гаврилов 2011: 248, № 7); 10. Волна-1, 2014. Р. Х, кв. 793, яма 1.</p>				
XXIIб			Табл. VI	<p>Ποσειδωνιου του Νευμηνιου κεραμέως ↑↑ гроздь, колос (ретроградно)</p>
<p>1. Пантикапей 1901, КМ КП-67205, ККК-146 (Шкорпил 1902: 130, № 45а, б; 1914а: 133, № 16б; Цехмистренко 1960: 69, рис. 7 -5 = IOSPE III: № 8927); 2–4. Пантикапей 1901 (Шкорпил 1902: 130, № 45а, б; 1914а: 133, № 16б = IOSPE III: № 8928–8930); 5. Зеленский курган 1912 (Шкорпил 1914: 124, № 21); 6. Тира 2007, ЦР, № 124 (Матеевич, Самойлова 2017: 66, 175, № 167); 7. Округа Тире. Пивденное (Сальников 1966: 210, рис. 12 -7).</p> <p>Клеймо обнаружено в комплексе Зеленского кургана (Монахов 1999: 464, 480, 16), где основной массив клейм датируется концом IV – началом III в.</p>				

Об этой гончарной мастерской (группа II–IV), см.: Цехмистренко 1968: 33; Garlan, Kara 2004: 44, F 3. <i>Φαβρικανт Ποσειδώνιος VII ó Νουμηγίου IV</i> известен кроме того с астиномом <i>Ποσειδώνιος III</i> с эмблемой «свернувшаяся змея»: Garlan, Kara 2004: 44, F 3.				
XXIII XXIIIa	Πρύτανις ó Θεοπόρου	Fedoseev 1999: 39, № 207; Garlan, Kara 2004: 47 f., F 6	Табл. VII	α) κεραμέως Πρυτάνιος του Θεοπόρου
Из приводимых ниже клейм № 1–11 оттиснуты на черепицах, остальные на амфорных ручках. 1–3. Ольвия (IOSPE III: № 8935–8937 – ГЭ); 4. Ольвия (IOSPE III: № 8938 – ОМ); 5. Ольвия 1873 (Стефани 1874: 104, № 1; Придик 1917: 128, № 5–ГЭ инв. № 25; Граков 1929: табл. 14 -5 = IOSPE III: № 6872); 6–10. Ольвия: (IOSPE III: № 6873–6877 [7 – 1885 г., – у Суручана; 8 – 1903 г., ГЭ, инв. № 458]; 10. Беккер 1868: 42, № 27; 11. Херсонес (IOSPE III: № 6878). На семи черепицах (5–11) рядом второе клеймо: ἀστυνόμου Ποσιδέιου του Ἡφαιστοδώρου; 12. Пантикапей (IOSPE III: № 8939 – у Суручана); 13. Пантикапей 1973 (Придик 1917: 97, № 728 – ГЭ 532 ^у = IOSPE III: № 8940); 14. Нижние Серогозы (по Придик 1917) 1897, Пантикапей (по IOSPE III: № 8940) (Придик 1917: 97, № 729–ГЭ 532 ^у , 505 ^{а2} = IOSPE III: № 8941); 15. Пантикапей (IOSPE III: № 8942); 16. Пантикапей (Шкорпил 1914а: 134, № 17а = IOSPE III: № 8943); 17. Пантикапей и окр., КМ; 18. Китей 1976, некрополь, оп. 330, КМ КП-134992, ККК-17897; 19. Мирмекий 1964, оп. 701, КМ КП-74981, ККК-12698; 20. Южно-Чурубашское пос., 2004, оп. 4, КМ КП-160124, ККК-21970; 21. Чокракский мыс, 1998, оп. 12, КМ КП-145238, ККК-19534; 22. хора Феодосии 1999, пос. Ближнее III (Гаврилов 2011: 286, № 51).				
XXIIIb			Табл. VII	β) κεραμέως Πρυτάνιος του Θεοπόρου
1. Пантикапей 1891 (IOSPE III: № 8944 – у Суручана); 2. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 134, № 17б).				
XXIIIc			Табл. VII	γ) κεραμέως ← Πρυτάνιος ← του Θεοπόρου ← ραкушка
1. Тира (IOSPE III: № 8933 – БМ, № А-635); 2. Пантикапей и окр., 1903–1905 (IOSPE III: № 8934 – КМ); 3. Кош-Кую 2018. По IOSPE III (без илл.) третья буква отчества керамевса «ο», однако, на экземпляре из Кош-Кую отчетливо читается «υ». О династии фабрикантов мастерской Θεοπόρου: Κλέαρχος I, Νικόστρατος, Πρύτανις с эмблемами «канфар», «продолговатый предмет», «моллюск», группы II – VI), см.: Граков 1929: 136, 1; Garlan, Kara 2004: 47 f., F 6. Этот керамевс известен, в частности, с астиномами Ποσειδώνιος III и Ποσιδέιος I ó Ἡφαιστοδώρου. Ср.: Придик 1917: 128, № 5–6; IOSPE III: № 6872–6878, 8933, 8935, 8939, 8944.				
XXIV	Σινωπίων ó Αντισθένου	Fedoseev 1999: 39, № 220; Garlan, Kara 2004: 46 f., F 5		κεραμέως Σινωπίωνος Αντισθένου ветка
Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 134, № 18 = IOSPE III: № 8790). О мастерской Σινωπίων (группы I–VI) с различными эмблемами и фабриканте Σινωπίων II ó Αντισθένου, см. Garlan, Kara 2004: 46 f., F 5. Известен с астиномами Ποσειδώνιος III и Ποσιδέιος I ó Ἡφαιστοδώρου, Ἴφις I.				
XXV	Σωσίλεως ó Ανχιάλου		Табл. VII	[κερ]αμέω[ς] Σωσίλεως [του] Ανχιάλ[ου]
Кош-Кую 2018, КМ. Имя новое.				

XXVI XXVIa	Τεύθρας ὁ Θυμοχάρους	Fedoseev 1999: 39, № 234; Garlan, Kara 2004: 51, F 12	Табл. VII	а) Ἀριστοκλέ- ος ἄστυνο(ς) Τεύθρα κερα(μέως) бодающийся бык
<p>1. Анапский р-н, Су-Псех 1986, пос. 25; АМ КМ 6995/28 (Кац 2015: № 2556); 2. Феодосия 1894 (Юргевич 1895: 134, № 5; Шкорпил 1914а: 134, № 20а²⁹; Pridik 1928: 367 = IOSPE III: № 1556); 3. Синопа (Garlan, Kara 2004: 129, № 104, pl. XIII); 4. Пантикапей 2003, Керчь, ул. Ленина 2/4, КМ КП-157485, ККК-21563.</p> <p>О фабриканте Τεύθρας Π ὁ Θυμοχάρους мастерской «гроздь», «лист и гроздь» или с другими эмблемами (группы I–VI), см.: Garlan, Kara 2004: 51, F 12. Он известен, в частности, с астиномами Ποσειδώνιος III, Ποσίδειος I ὁ Ἡραιστοδώρου.</p> <p>Астином <i>Ἀριστοκλῆς I</i> датируется: 310-е гг.: Кац 2007: 434, прил. VII.4 -11 (группа III B); Conovici 1998: 31–33, № 43–47 (группа II C); 320-е гг.: Garlan, Kara 2004: 96, № 46–47 (группа III C); 323 г.: Fedoseev 1999: 31, № 20.</p>				
XXVIb			Табл. VII	б) Τεύθρα τοῦ Θυμοχάρους κεραμέως
<p>1. Пантикапей: (Шкорпил 1914а: 134, №216 = IOSPE III: № 8985); 2. (Придик 1917: 97, № 744–ГЭ, инв. № 505^e = IOSPE III: № 8987 эмблема «гроздь»); 3. Херсонесская хора, усадьбы у Евпаторийского маяка 1982, оп. 1701 (Колесников 1985: 83, № 14, 73, рис. 1 -14); 4. Пантикапей и окр., КМ КП-71591, ККК-1301; 5. Волна-4 2007, оп. 602, кв. 3-10.</p>				
XXVIc				κεραμέως Τεύθρα τοῦ Θυμοχάρους
<p>1. Синопа (Robinson 1905: 296, № 4: (κερα(μ)εύς). Τεύθρα τοῦ Θυμοχάρους); (Шкорпил 1914а: 134, № 21а; Garlan, Kara 2004: 129, № 101); 2. Пантикапей (Шкорпил 1914а: 134, № 21б = IOSPE III: № 8985); 3. Пантикапей 1906–1907, IOSPE III: № 8986.</p>				
XXVII	Ἀπατούριος ὁ Δημήτριος			[Ἀπατουρίου] τοῦ Δημητρί- ου κεραμέως венок?
<p>Шкорпил 1914а: 135, № 22 = IOSPE III: № 9012.</p> <p>Оттиск восстанавливается по известному нам в двух экземплярах клейму с аналогичным именем фабриканта (КМ КП-20417, ККК-9859; КП-98570, ККК-7897).</p>				

2. Клейма с датами

Впервые эта категория клейм была опубликована В.В. Шкорпилом. Не распознав в буквах даты, он видел в них либо сокращения каких-либо слов, либо «число амфор, сделанных в известное время названными гончарными мастерами» (Шкорпил 1904: 86; Марти, Шкорпил 1910: 128, № 125). Б.Н. Граков отверг это мнение, верно отметив, что буквы означают даты. Им были учтены три штампа, в двух из которых, при фабрикантах Нумении и Стихе стояла дата ГР = 113 и Θ καὶ Ρ = 109 год (Граков 1929: 154). В рукопись IOSPE III были включены ещё несколько клейм с датами: три, принадлежавших фабриканту Нумению: Θ καὶ Ρ = 109 год, ΒΙΡ = 112 г. и ГР (IOSPE III: № 8881, 8875–8877; Garlan, Kara 2004: 251, № 611, 612, pl. LXIX). Кроме того оттиск фабриканта Δάμων Θ καὶ Ρ = 109 год (IOSPE III: № 8731 – не восстановлено³⁰). Из Синопы происходят ещё два клейма из мастерских фабрикантов Аристо(κ)лея и Гераклида с датой 109 г. (Garlan, Kara 2004: 89, № 606, 609, pl. LXVIII, LXIX). Таким образом, все экземпляры с датами, зафиксированные на сегодняшний день (7 штампов) (Сапрыкин, Федосеев 1999: 135 сл., рис. 1),

²⁹ В публикации прочитано неверно: Ἀριστ(ω)ν | ος ἄστυνό(μου) | Τεύθρα κερα(μ)εύς).

³⁰ Восстановление см.: Кац 1966: 137, рис. 15; 2007: 272; Garlan, Kara 2004: 250, № 607, pl. LXVIII.

укладываются во временной промежуток в 5 лет. Кроме того известен один агораномный оттиск с датой ВКР = 122 год, о котором будет подробнее сказано ниже. Общими признаками этой категории клейм является отсутствие эмблем, особая палеография, титул κεραμεύς и предлог διὰ. Б.Н. Граков видел в этих именах *nomina agentes* (Граков 1939: 13). По бытующим классификациям они отнесены к четвёртой гончарной группе (Цехмистренко 1960: 72), либо подгруппе А ПФГ (Кац 2007: 271, табл. 16).

С проблематикой клейм с датами и эры обозначенной в них, тесно связан вопрос о времени прекращения астиномного клеймения в Синопе. Общая протяжённость бытования клейм с именами астиномов в Синопе определяется примерно в 170 лет. Относительно абсолютной хронологии В.И. Кац отмечает, что можно «уверенно говорить об их появлении вскоре после того, как закончился период астиномного клеймения» (Кац 2004: 272)³¹. Данное мнение не ново и было высказано уже более шестидесяти лет назад В.И. Цехмистренко, связавшему прекращение астиномного клеймения с захватом Синопы понтийским царём Фарнаком I, либо скорее за несколько лет до этого (Цехмистренко 1965: 264; Федосеев 1992: 158 сл.)³². Эта точка зрения является на сегодняшний день господствующей (Цехмистренко 1960: 75; Федосеев 1992: 158 сл.; Fedoseev 1999: 29 ff.; Туровский 1997: 220). Действительно ли это так? По мнению Б.Н. Гракова даты в синопских клеймах приведены по понтийской эре, началом которой был 297/296 г. и могли отражать пропонтийские тенденции ещё за 4–5 лет до захвата полиса (Граков 1929: 154; 1939: 13; Придик 1941: 174; IOSPE III: Синопа, 12; Кац 1966: 138; Федосеев 1992: 161; 1993а: 14; 1994: 190; Conović 1998: 50 f.). По его трактовке, известные ему даты, соответствовали 184/183 и 188/187 гг. (Граков 1939: 13; IOSPE III: комментарии к № 8875–8877, 8879–8880, 8881), что хорошо сочеталось с захватом Синопы понтийским царём Фарнаком. Однако при переводе дат клейм на понтийское летоисчисление возникают и определённые трудности. Так, например, в то время как ГР (184/183 г.) прекрасно связывается со временем захвата полиса Фарнаком I, ВР означает 185/184 г., а Θ και Ρ 188/187 г. Как раз две последние даты позволили В.И. Цехмистренко полагать, что в Синопе имела своя, неизвестная нам городская эра, берущая начало в 292/291 г. (Цехмистренко 1958: 56–70; 1965: 264; Федосеев 1992: 161)³³.

Для выяснения эры, указанной в синопских клеймах, особенно важен договор Херсонеса с Фарнаком I Понтийским (IOSPE I², 402), датированный 157 годом (SEG XXX: 962; Лепер 1912: 23 сл.; Perl 1968: 306, Ann. 33; Heinen 2005: 31 ff.; Højte 2005: 148 f., App. 1). В качестве возможных вариантов предлагаются Понтийская эра, отсчитывающая своё начало от времени интронизации Митридата II в 336/335 г., что даёт для надписи 179 г. (Лепер 1912: 33, 39; Magie 1950: 1090, note 45; Сапрыкин 1979: 45, 53, 56 сл.; 1986: 176, 185, 190, 192 сл.)³⁴, либо Селевкидская эра, берущая своё начало с осени 312 г. и в переносе на датировку надписи означающая 155 г. (Sherk 1984: 29, № 30; Burstein 1985: 101, № 77; Leschhorn 1993: 459; Michels 2009: 96)³⁵. Но в царствование Фарнака I в самом Понте, очевидно, был в обиходе Селевкидский календарь, берущий своё начало с осени 312 г. (Burstein 1980: 5 ff.; McGing 1986: 253 f.; Leschhorn 1993: 81 f., 459; Сапрыкин, Федосеев 1999: 138 сл.; Fedoseev 1999: 31). На монетах же Синопы Понтийская эра появляется лишь в царствование Митридата VI Евпатора (Leschhorn 1993: 79, 83, 88 ff., 475). Поэтому вопрос о датиров-

³¹ Фабриканты Δάμων, Ἡρακλέων и Νομῆνιος (если в последнем случае это не ономим) трудились уже при поздних астиномах конца VI (VII) хронологической группы (Garlan, Kara 2004: 63, F 36, 234, № 543, 250, № 607).

³² Несколькоими годами позже датировка была изменена: 375–212 гг. (Федосеев 1993: 12, 16; Fedoseev 1999: 29 ff.), будучи искусственно притянута к динамике экспорта синопской продукции (см. Кац 2007: 275).

³³ Об эрах Синопы (297/296, 70, 45, 43 гг. до Р.Х.), см.: Leschhorn 1993: 150 ff.; Marek 1993: 26 f.

³⁴ О понтийской царской эре см.: Leschhorn 1993: 78 ff.

³⁵ Не смогли определиться: авторы NGIÜ: 100 f., № 483; Højte 2005: 144, 147. О селевкидской эре в Малой Азии см. Leschhorn 1993: 22 ff.

ке этого документа остаётся открытым, хотя всё же в случае с датами в клеймах Синопы наиболее приемлемой остаётся селевкидская эра.

По заверению Н.Ф. Федосеева археологические данные свидетельствуют, что клейма с датами датируются концом III – началом II в., а количество известных магистратов даёт дату довольно точно – последнее десятилетие III в. (Сапрыкин, Федосеев 1999: 137). Никаких доказательств в пользу этого не приводится и как правильно отметил В.И. Кац (2007: 148 сл., 160), верхняя абсолютная дата (203 г.) получена путём банального арифметического вычета числа 164 (общее число магистратов по списку Н.Ф. Федосеева) от взятой «с потолка» даты начала астиномного клеймения (375 г.) (Fedoseev 1999: 31; 2014: 93, 93)³⁶.

Исследуя археологические комплексы усадеб хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове, Е.Я. Туровский пришёл к выводу, что астиномное клеймение в Синопе завершилось в 189 г., после чего пять-шесть лет бытовали оттиски с датами по Понтийской эре (Туровский 1997: 220). Схожую или аналогичную точку зрения выразили Н. Коновичи и В.И. Кац (Conovici 1997: 154; Кац 2002: 98 сл.; 2007: 276 + прим. 160). При этом В.И. Кац предлагает даже пересмотреть традиционную дату захвата Синопы Фарнаком I в сторону её понижения (Кац 2007: 276 + прим. 161). Критические замечания на этот счёт были высказаны О.Л. Габелко (Габелко 2004: 55 сл.; 2005: 150 сл.). Принимая точку зрения о появлении клейм с датами после вхождения Синопы в состав Понтийского царства, он в то же время не исключал гипотезу В.И. Цехмистренко о местной синопской эре. Наконец, Ивон Гарлан, исследовавший совместные находки синопских клейм с фасосскими, определил рамки астиномного клеймения временем 360/355–185 гг., в чём с ним согласился В.И. Кац (Garlan, Kara 2004: 94; Кац 2007: 276. Ср. Conovici 1998: 50 f.)³⁷.

Соображения по этому поводу были уже высказаны однажды одним из авторов данной статьи (Jefremow 2013: 31 f.; Ефремов 2016: 125 сл.). Однако хочется не только повторить их, но и несколько расширить. Первое и особенно важное замечание, что в случае с магистратами керамических клейм Синопы мы имеем дело с т.н. «ложными эпонимами» (см. выше). Это означает малую вероятность того, что когда-нибудь о них будут получены иные источники информации, кроме самих клейм³⁸. Кроме того: 1) нам неизвестен год, в который в Синопе начали клеймение керамики; 2) нет абсолютной гарантии, что нам известны все магистраты, ибо широкомасштабные исследования в самой Синопе не проводились, а как убеждают примеры из других производственных центров, в частности из Херсонеса (Кац 2007: 160, 295 сл.), такая возможность, вопреки некоторым оптимистическим заверениям, весьма вероятна. Вирджиния Грэйс отметила почти полвека назад, что не исключает возможности того, что амфоры клеймились не каждый год³⁹; 3) известно, что начиная со второй половины IV в., как сама Синопа, так и её торговые партнёры были неоднократно вовлечены в вооружённые конфликты, которые отнюдь не способствовали производственной и торговой деятельности. Различные политические, экономические, природные (неурожаи, катастрофы) факторы могли вести к перерывам в производстве и экспорте, с появлением «хронологических брешей»; 4) нельзя исключить, что кто-то из извест-

³⁶ Либо 367 г. как начало астиномного клеймения и 166 астиномов. См. критику: Кац 2002: 98 сл.; 2007: 148 сл., 160. Новые имена в клеймах Синопы и Херсонеса см.: Внуков, Ефремов 2017: 250–263; Болонкина и др. 2021: 33–39; Bolonkina et al. 2019: 263–272; Jefremow, Kolesnikov 2019: 263 ff.

³⁷ Конец астиномного клеймения за несколько лет до захвата Синопы Фарнаком допускал уже Цехмистренко (1960: 74, прим. 108), отмечая, что причины этого неизвестны.

³⁸ Известные списки эпонимов из разных центров античного мира см.: Sherk 1990: 251–255.

³⁹ Grace 1974: 198: «But I suppose actually one cannot for instance exclude the possibility that amphoras were not stamped every year; there may have been interruptions in the practice». Это предположение подтверждается исследованием Кристиана Хабихта, сравнившего эпонимных жрецов в надписях с именами одновременных родосских клейм. По его данным лишь 80 % имён совпадает в обеих группах источников. См. Habicht 2003: 541, 565–569.

ных на сегодня 164 (Федосеев 1992: 150; 1994: 189 сл.; 2014: 92 (166!)) астиномов в период каденции мог в силу различных причин, как например, смещение с должности, болезнь или смерть не закончить своих годовых полномочий. Это приводило к тому, что на один год приходились два или даже несколько магистратов (Debidour 1986: 322 f.; Avram 1996: 26; Conovici 1998: 153; Nabicht 2003: 569 (со ссылкой на мнение Алана Брессона); Garlan, Kara 2004: 153; Кац 2007: 160 сл., 279, 195; Полин 2010: 292). Подтверждением этому может служить клеймо на ручке ойнохой неизвестного происхождения: ἀγορᾶν(βίου) | Ἰκεστ(ίου) ἀντί | Μενάν(δρου) (IOSPE III: (P-2, 2173), № 5 (Ольвия 1907/№ 18242); Придик 1917: 142, № 30; Граков 1939: 10); 5) В ведущих центрах амфорного производства, по всей вероятности, существовали группы чиновников, клеймивших в один год амфоры под своим именем. Нельзя не отметить в этой связи мнение киевского археолога С.В. Полина. Отмечая, что при датировке закрытых археологических комплексов хронология клейм входит в противоречие как внутри института клеймения одного центра, так и при синхронизации различных центров между собой, он указывает на невозможность осуществления целого ряда операций. Например, нельзя согласиться с фактом, что гончары повсеместно изготавливали и складировали амфоры в больших количествах на случай спроса, ибо к концу виноградного сезона виноградари знали, какое количество вина должно быть заполнено в амфоры и соответственно осуществляли свои заказы⁴⁰; 6) не в последнюю очередь поэтому между моментом производства амфор и их попаданием в археологические комплексы проходило какое-то время (Нюйте 2005: 146); 7) невозможно с точностью определить относительную хронологию магистратов, ибо основанием для этого служит, прежде всего, синхронность фабрикантов и магистратов в легенде клейм; 8) кроме астиномов нам известны ещё 8 или 9 агораномов и два эсимнета (Кац 2007: 269; Федосеев 2008: 61, 63–65), и до сих пор не совсем понятно, почему sporadически упоминались именно эти магистраты; 9) по-прежнему остаются спорными как время окончания клеймения именами магистратов, так и датировка постастиномного клеймения; 10) примечательно, что имена монетных магистратов, большая часть которых относится ко второй половине IV в., не находят никаких параллелей в керамической эпиграфике (French 1994–1997: 230), что свидетельствует о том, что должность астинома не входила в *cursus honorum* (Ефремов 2016: 127, прим. 129); 11) многократно цитированная фраза Полибия, что после 220 г. начались трудности Синопы (Polyb., IV, 56, 1. См.: Федосеев 1992: 161; 2014: 90), не содержит ничего конкретного, а под трудностями и неудачами можно понимать всё что угодно⁴¹; 12) наконец, клейма с датами по селевкидской эре (Сапрыкин, Федосеев 1999: 135–143; Jefremow, Snytko 2005: 8–10; Федосеев 2014: 90), один из основных аргументов в пользу окончания магистратского клеймения в 203 г., могут быть рассмотрены и под другим ракурсом. Различная маркировка керамики в отдельных производственных центрах – широко известный факт. В ряде случаев различия связаны, вероятно, с разными формами собственности. Клейма с датами в Синопе принадлежат небольшому числу мастерских и ограничены кроме того хронологически. Они могут рассматриваться как попытка изменения маркировки керамики или контроля над ней. В каче-

⁴⁰ Ср.: Полин 2010: 291 сл.: «Достаточно для этого взглянуть на карту расположения гончарных мастерских на о. Фасос (см.: Garlan 2000: 39, fig. 17), чтобы понять физическую невозможность обслуживания нескольких мастерских, расположенных в противоположных концах гористого острова одним человеком для клеймения амфор с целью их постоянного учёта для сбора налогов». То же можно с определённой долей вероятности постулировать и для Книды. Не этим ли обусловлено большое количество имён фрурархов, которые могли быть ответственными лицами за определённые территории полиса, разбросанными на всём протяжении полуострова (100 км)? В этом случае наряду с именем общеполисного эпонима – дамиурга в клейме косвенно упоминался территориальный участок, за который отвечал фрурарх, облечённый таким образом наряду с военными ещё и административными / фискальными (?) полномочиями.

⁴¹ Об иллюзорности какой-либо связи между клеймением керамики и осадой Синопы Датамом (Федосеев 2005), см.: Jefremow 2013: 32 ff.

стве параллели можно назвать употребление титулов дамиурга, фрурарха или дуовири в клеймах Книда, эсимнетов и агораномов – в Синопе (Jefremow 1995: 57–60; Ефремов 2003: 9–14; 2008: 70–123; Федосеев 2008: 57–70; Lawall 2019: 287, 409 ff.). Уже Е.М. Придик отмечал, что понтийские даты не исключают магистратского имени в клейме, что *расе* предполагал и Б.Н. Граков, ибо в его хронологии синопских клейм оттиски с датами предшествуют позднему астиномным группам (Придик 1941: 174; Граков 1929: 154 сл.; 1939: 13). Насколько оправданы подобные суждения? С.Ю. Сапрыкин и Н.Ф. Федосеев считали невозможным такой вариант, отмечая, что: «В противном случае пришлось бы признать, что логика клеймения, где дата обозначалась либо именем магистрата, либо буквенным выражением, нарушена» (Сапрыкин, Федосеев 1999: 136). Но этому мнению противоречит целый ряд свидетельств. Прежде всего, это оттиски на гирях с датами, надписью δημόσιον и именами агораномов с титулом (Finkielsztein 2001: 88; Guarducci 1995: 482 и fig. 125 b: ἔτους | ἐβδόμου | δημοσία μνᾶ, ἀγορανομούντων | Ποπλίου καὶ Αντιόχου). Не составляют исключения и керамические клейма. Давно известны родосские фабрикантские клейма периодов V–VI: Δαμοκράτης Ἔτεα ΜΤ или Ἔτη ΜΤ. (Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970: 307, E 18–19, pl. 54; Ср.: RF-ΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣ-03-065), Αλίβου Ἔτη ΚΕ. (Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970: 307, E 18; RF-ΑΛΙΝΟΣ-ΕΤΗ ΚΕ-001). Агораномный оттиск в манере клейм на гирях, сопровождаемый датой отмечен в Палестине⁴². Кроме того было отмечено агораномное клеймо с датой, которое может происходить из самой Синопы: Αλεξίδης | ἀγορανομοῦντος Βκρ, где дата соответствует 122 году, т.е. 174 г. селевкидской эры (Граков 1939: 15)⁴³. Этот факт делает по меньшей мере вероятным параллельное употребление двух систем датирования в этом производственном центре⁴⁴. Таким образом, совершенно очевидно, что не имеет смысла замещать хронологические группы точными абсолютными датами для отдельных астиномов (Кац 2007: 148–152, 160, 269).

XXVIII	Ἀριστολέος	Табл. VIII	Θ' καὶ Ρ' διὰ Ἀριστολέους κεραμέως на черепице
Синопа (Garlan, Kara 2004: 250, № 606, pl. LXVIII). По мнению И. Гарлана это скорее Ἀριστό(κ)λῆς. Ср.			

⁴² Landau 1959: 186 f., pl. XXIII 4: L = (ἔτους) γπρ' ἐπὶ ἀγορανόμου [τοῦ δεῖνος]. Ср. гирю из Тибериады: ΕΠΙ ΗΡΩΔΟΥ | ΤΕΤΡΑΡΧΟΥ | ΛΔΔ ΑΓΟΡΑ | ΝΟΜΟΥ ΓΑΙ|ΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ | ΕΤΑΛΕΝΤΟ (Stein 1992: 144–148).

⁴³ В рукописи IOSPE III: № 1 имя было прочитано как Αλε[ξάνδρου]. Исправленное чтение см. Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -7, где неверно указан также как дубликат IOSPE III: № 2. Интересен вывод авторов: «... полной уверенности в синопском происхождении этого клейма нет. Основанием для сомнений служат не только особенности глины, но и сочетание даты в буквенном обозначении названия агораномной магистратуры. Обращает на себя внимание и более поздняя, чем на других клеймах, дата. Если же это клеймо происходит из мастерских Синопы, что кажется нам всё-таки более вероятным, то такое сочетание представляет особый интерес. Это косвенно подтверждает, что в государственной структуре Синопы произошли некоторые изменения, и астиномы, видимо, потеряли контроль за производством амфорной тары, перешедшим, как это было уже ранее, к агораномам. Последнее опять же говорит в пользу принадлежности означенного клейма Синопе». В более поздней работе это мнение было исправлено и агораном исключён из числа синопских магистратов на основе состава глины и более поздней даты в клейме. См.: Федосеев 2008: 58. С другой стороны сокращение μαρ при астиноме Пасихаре, сыне Фэниппа и гончаре Аполлонии (IOSPE III: № 6303), это не дата, а неверное прочтение сокращённого патронимика: Сапрыкин, Федосеев 1999: 135 сл., в клейме ΚΑΡ Βακχίου ἀστυνόμου Πασιχάρου (IOSPE: № 1803–1805), сокращение καρ – это также не дата а ΚΑΙ, по мнению И. Гарлана, следы перегравировки: Garlan, Kara 2004: 57, F 18. Ср. также клеймо: «мужская голова в профиль» Φίλωνος ἀστ|υνοῦντος | καὶ Τεῦτρα: Гаврилов 2011: 148, № 536.

⁴⁴ Уже Б.Н. Граков предполагал, что агораномы в какой-то период могли заменить астиномов (Граков 1929: 43, 67. Ср.: Кац 2007: 148–152, 160, 269).

Кац 2007: 271, табл. 16 -1.			
XXIX	Δάμων	Табл. VIII	Θ' καὶ Ρ' διὰ Δάμωνος κεραμέως ⁴⁵
Пос. Береговой-4 1963, оп. 175, 178 (Кац 1966: 137, № 18–19, рис. 7 -5). См. также: Кац 2007: 271, табл. 16 -2, 272, рис. 62 -1; Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1, 1; Garlan 2000: 116, fig. 78a.			
XXX	Ἡρακλέων	Табл. VIII	Θ' καὶ Ρ' διὰ Ἡρακλέωνος κεραμέως
<p>1. Пантикапей 1891 (Придик 1917: 90, № 584 – ГЭ № 503^e = IOSPE III: № 8766); 2. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1904: 86, № 366 = IOSPE III: № 8766 – КМ); 3. Синопа (Garlan, Kara 2004: 250, № 608, pl. LXVIII); 4. Истрия (Соповісі 1998: 156, № 601); 5. Чокракский мыс 1994, оп. 16, КМ КП-132340, ККК-17297; 6–7. Пантикапей и окр., КМ КП-71583, ККК-1293 и КП-99300, ККК-8418. 8. Горгиппия 1989. Р. «Океан», оп. 49, «черепяной завал» 107 (термин в описи) (Кац 2015: № 1456). Другие публикации: Цехмистренко 1960: 72, рис. 9, 1; Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -3.</p> <p><i>Фабрикант</i> Ἡρακλέων известен с поздними астиномами Δεῖος ὁ Μήνιος, Κλεόνικος ὁ Μήνιος: Соповісі 1998: 153, № 586, 155, № 596⁴⁶. Если принять тот факт, что дата указана по понтийской эре, то получается 188/187 г. Это самая ранняя датировка в клеймах с датами и, по мнению Никулае Коновичи, конец астиномного клеймения стоит помещать до этого времени.</p>			
XXXI	Ἡρακλείδης	Табл. VIII	Ἔτους Θ καὶ Ρ διὰ κεραμέως Ἡρακλίδου
1. Синопа (Garlan, Kara 2004: 250, № 609, Pl. LXIX). См. также: (Garlan 2000: 116, fig. 78b; Кац 2007: 271, табл. 16 -3, 272, рис. 62 -2). Это фабрикант Ἡρακλείδης IV или V (Garlan, Kara 2004: 52, F 13).			
XXXII XXXIIa	Νουμήνιος	Табл. VIII	α) ΒΙΡ' διὰ Νουμηνίου κεραμέως ↗Φ (либо монограмма)
<p>1. Ольвия 1926, № А-1438 (IOSPE III: № 8875); 2. Пантикапей (IOSPE III: № 8876); 3. IOSPE III: № 8877, ОМ; 4–7. Синопа (Garlan, Kara 2004: 251, № 611, pl. LXIX); 8. Нимфей 2007, участок «М», Р. «Западный», кв. 46, шт. 1, ВКИКМЗ КП-168762, ККК-23382.</p> <p>По IOSPE III: № 8875–8877, эмблема – гроздь, однако, на экземпляре из Нимфея видно, что здесь не гроздь, а не совсем ясный знак, напоминающий наклоненную букву «φ». Прочие публикации см. (Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -4; Кац 2007: 271, табл. 16 -7, 272, рис. 62 -5).</p>			
XXXIIb		Табл. VIII	β) διὰ Νουμηνίου κεραμέως ΓΡ'
1. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1904: 86, № 366; Марти, Шкорпил 1910: 128, № 125 = IOSPE III: № 8879); 2. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914: 132, № 13а); 3. Синопа (Garlan, Kara 2004: 251, № 612, pl. LXIX). Другие публикации см. (Цехмистренко 1960: 72, рис. 9 -3; Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -5; Кац 2007: 272, рис. 62 -6).			
XXXIIc		Табл. VIII	γ) Θ' καὶ Ρ' διὰ Νουμηνίου Κ(εραμέως) «к» повернута на 90° вправо.

⁴⁵ Очевидно, аналогичное невосстановленное клеймо: [...]ια Δαμ[...] | κεραμέως: IOSPE III: № 8732.

⁴⁶ Кроме того с астиномами: Αἰσχυρίων ὁ Ἀρτεμιδώρου, Δελφίνιος ὁ Καλλίου, Ἡραγένης ὁ Νεικάνορος (Цехмистренко 1960: 74).

1. Мирмекий, 1946 (IOSPE III: № 8881); 2. Синопа (Garlan, Kara 2004: 250, № 610, pl. LXIX с дополнением чтения последней строки <i>sans doute</i>). Прочие публикации см. (Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -2; Кац 2007: 271, табл. 16 -5, 272, рис. 62 -4).			
XXXII d		Табл. VIII	d) [δι]ὰ Νουμην- [ίου κ]εραμέως серьга ↑
1. Пантикапей и окр., ВКИКМЗ, ККК-1859 (Цехмистренко 1960: 72, рис. 9 -4). Левая часть клейма отбита, поэтому построчная раскладка букв под вопросом. Не исключено, что имя керамевса сокращено на две буквы. Вероятно, к этому же типу относятся еще два фрагментарно сохранившихся клейма, где эмблема определена как остродонный «сосудик без ручек»: 2. (Шкорпил 1914а: 133, № 136); и просто «сосуд»; 3. Пантикапей, IOSPE III: № 8878.			
XXXIII	Στίχος	Табл. VIII	διὰ Στίχου κεραμέως ΓΡ
1. Пантикапей (IOSPE III: № 8980); 2. Пантикапей и окр. (Шкорпил 1914а: 134, № 19 = IOSPE III: № 8981); 3. Пантикапей и окр., ВКИКМЗ КП-98603, ККК-7928; 4. Нимфей 1996, участок «М», Р. «Южный», останец к зап. от соор.156, ко. 142 ВКИКМЗ КП-139832, ККК-18719. См. также: Цехмистренко 1960: 72, рис. 9 -2; Сапрыкин, Федосеев 1999: 136, рис. 1 -6; Кац 2007: 271, табл. 16 -8.			

Errata

(несуществующие фабриканты с титулом κεραμέυς)

1. κεραμέως | Κλεαίνε|του. Читать: Κλέαρχος ὁ Θευπρόπου. См. № XVI.
2. Κτήσων (IOSPE III: № 6956; Fedoseev 1999: 38, № 148). Здесь, скорее всего, неверно «отмечен» / прочитан титул κεραμέυς, Ср. Кац 2015: № 1349.

ЛИТЕРАТУРА

- Амперер, Гарлан 1992 – Амперер Ж.И., Гарлан И. 1992. Греческие амфорные мастерские. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире* / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 8–31.
- Бадалянц 1976 – Бадалянц Ю.С. 1976. Хронологическое соответствие имён эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса. *СА* (4), 32–42.
- Бадалянц 1978 – Бадалянц Ю.С. 1978. Разновидности легенд родосских амфор. *ВДИ* (1), 124–133.
- Беккер 1868 – Беккер П. 1868. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России. *ЗООИД* (7), 3–84.
- Беккер 1879 – Беккер П. 1879. О надписях на ручках греческих амфор из собрания И.К. Суручана. *ЗООИД* (11), 13–50.
- Болонкина и др. 2021 – Болонкина Е.В., Ефремов Н.В., Колесников А.Б. 2021. Новый синопский астином и некоторые заметки к керамическим клеймам Синопы. *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года*. Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 33–39.
- Василенко 1973 – Василенко Б.А. 1973. Заметки о древнегреческих керамических клеймах. *СА* (3), 233–237.
- Василенко 1974 – Василенко Б.А. 1974. О характере клеймения гераклеийских амфор в первой половине IV в. до н.э. *НЭ* (XI), 3–28.
- Внуков, Ефремов 2017 – Внуков С.Ю., Ефремов Н.В. 2017. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы. *КСИА* (249/1), 250–263.
- Габелко 2004 – Габелко О.Л. 2004. Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны). *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.)*. Харьков: НМЦ «МД», 54–55.
- Габелко 2005 – Габелко О.Л. 2005. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства. *ВДИ* (3), 128–157.

- Гаврилов 2011 – Гаврилов А.В. 2011. *Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) / Археологический альманах (24)*. Донецк: изд-во «Донбасс». – 348 с.
- Гарлан 1986 – Гарлан И. 1986. Фасосский керамарх. *Проблемы античной культуры* / Г.А. Кошеленко (ред.) М.: Наука, 10–13.
- Гарлан, Боду 2011 – Гарлан И., Боду Н. 2011. Греческие амфорные клейма: от сбора материала к публикации. *АМА (15)*, 411–425.
- Голенцов, Петерс 1981 – Голенцов А.С., Петерс Б.Г. 1981. Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975–1977 гг. *СА (2)*, 207–222.
- Граков 1929 – Граков Б.Н. 1929. *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М.: ОГИЗ. – 223 с.
- Граков 1939 – Граков Б.Н. 1939. *Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли*. Рукопись дисс. ... д-ра наук. М. (Архив ИА АН России, Р-2, № 538).
- Граков 1947 – Граков Б.Н. 1947. Термин $\Sigma\kappa\upsilon\theta\alpha\iota$ и его производные в надписях Северного Причерноморья. *КСИИМК (XVI)*, 79–88.
- Граков 1954 – Граков Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре* / МИА (36). – 240 с.
- Граков 1968 – Граков Б.Н. 1968. Заметки по греческой керамической эпиграфике. *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья* / В.Ф. Гайдукевич (ред.). Л.: Наука, 100–107.
- Дебидур 1992 – Дебидур М. 1992. Эмблемы и их варианты на фасосских клеймах «позднего» типа. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире* / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 111–137.
- Дворецкий 1958 – Дворецкий И.Х. 1958. *Древнегреческо-русский словарь* / С.И. Соболевский (ред.). М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. Том I: А-Л; Том II: М-Ω. – 1906 с.
- Ефремов 2008 – Ефремов Н.В. 2008. Период фурурархов в эллинистическом Книде. *ВЭ (II)*, 70–123.
- Ефремов 2016 – Ефремов Н.В. 2016. Примечания к керамическим клеймам Синопы (ответ на критику Н.Ф. Федосеева). *ВЭ (VIII)*, 94–137.
- Зеест 1955 – Зеест И.Б. 1955. Раскопки Гермонассы. *КСИИМК (58)*, 114–121.
- Кайдаш, Тащи и др. 1997 – Кайдаш А.Е., Тащи Е.Ф. 1997. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н.э. *Никоний и античный мир Северного Причерноморья: Сб. науч. ст. международной археологической конференции (Одесса, 1 января–31 декабря 1997 г.)* / С.Б. Охотников (ред.). Одесса: Ветаком, 241–244.
- Кац 1966 – Кац В.И. 1966. Керамические клейма из раскопок Саратовского поселения в 1963 г. *Археологический сборник* / И.В. Сеницын (ред.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 131–140.
- Кац 1994 – Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель*. Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 170 с., СХ табл.
- Кац 2002 – Кац В.И. 2002. Керамические клейма раннеэллинистического времени из Танаиса. *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 90–102.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)* / БИ (XVIII). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Кац 2015 – Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгияния и её хора, Семибратнее городище. Каталог*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 180 с., с илл.
- Колесников 1985 – Колесников А.Б. 1985. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. *ВДИ (2)*, 67–94.
- Коновичи и др. 1992 – Коновичи Н., Аврам А., Поэнару-Бордя Г. 1992. Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире* / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 229–253.
- Кругликова, Виноградов 1973 – Кругликова И.Т., Виноградов Ю.Г. 1973. Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная. *КСИА (133)*, 44–53.
- Крушкол 1962 – Крушкол Ю.С. 1962. О значении вторых имён родосских амфорных клейм. *Древний мир. Сб. статей академику Василию Васильевичу Струве* / Н.В. Пигулевская (ред.). М.: Наука, 555–561.
- Лепер 1912 – Лепер Р.Х. 1912. Херсонесские надписи. *ИАК (45)*, 23–70.
- Марти, Шкорпил 1910 – Марти Ю., Шкорпил В. 1910. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в г. Керчи. *ЗООИД (XXVIII. Отдел. I)*, 109–157.
- Матеевич, Самойлова 2017 – Матеевич Н., Самойлова Т.Л. 2017. *Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.)*. Киев: «Олег Филюк». – 234 с.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.

- Монахов и др. 2021 – Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. *Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицина)*. Саратов: ООО «Волга». – 324 с.
- Полин 2010 – Полин С.В. 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). *АМА* (14), 262–307.
- Придик 1917 – Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Пгг.: Типография Российской Академии Наук. – 191 с., 16 табл.
- Придик 1941 – Придик Е.М. 1941. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. *МИА* (4), 173–193.
- Пругло 1967 – Пругло В.И. 1967. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. *КСИА* (109), 42–48.
- Сальников 1966 – Сальников А.Г. 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное. *МАСП* (5), 176–225.
- Сапрыкин 1979 – Сапрыкин С.Ю. 1979. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский. *ВДИ* (3), 43–59.
- Сапрыкин 1986 – Сапрыкин С.Ю. 1986. *Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический*. М.: Наука. – 247 с.
- Сапрыкин 2020 – Сапрыкин С.Ю. 2020. *Боспорское черепичное клеймение / Труды исторического факультета МГУ* (175). Серия II, Исторические исследования (112). М.; СПб.: изд-во Русской христианской гуманитарной академии. – 320 с.
- Сапрыкин, Федосеев 1999 – Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. 1999. Клейма Синопы с датами. *РА* (2), 135–143.
- Стефани 1874 – Стефани Л.Э. 1874. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в южной России. *ОАК* (1874), 5–118.
- Стоянов и др. 2017 – Стоянов Т., Маджаров К., Божкова А. 2017. *Сборяново. Том IV. Иконномическите връзки на гетската столица Хелис по данни от амфорната тара. Част първа. Амфорните печати*. София: Печат Studio DADA. – 286 с.
- Туровский 1997 – Туровский Е.Я. 1997. К вопросу об абсолютных датах синопских клейм. *Никоний и античный мир Северного Причерноморья: Сб. науч. ст. международной археологической конференции (Одесса, 1 января–31 декабря 1997 г.) / С.Б. Охотников (ред.)*. Одесса: Ветакомс, 217–220.
- Федосеев 1992 – Федосеев Н.Ф. 1992. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.)*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 147–163.
- Федосеев 1993а – Федосеев Н.Ф. 1993. *Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта*. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М. – 21 с.
- Федосеев 1993б – Федосеев Н.Ф. 1993. Уточнённый список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе. *ВДИ* (2), 85–103.
- Федосеев 1994 – Федосеев Н.Ф. 1994. Хронология синопских магистратских клейм. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья* (III). Запорожье, 188–190.
- Федосеев 2001 – Федосеев Н.Ф. 2001. О коллекции керамических клейм в Национальном музее Варшавы. *БИ* (1), 55–74.
- Федосеев 2003 – Федосеев Н.Ф. 2003. Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе. *ВДИ* (3), 132–140.
- Федосеев 2005 – Федосеев Н.Ф. 2005. Датум и Синопа. Монети и клейма. *Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на си. нс. Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. / Acta Musei Varnaensis* (VII-1), 20–32.
- Федосеев 2008 – Федосеев Н.Ф. 2008. Агораномы Синопы. *ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Mélanges à la Mémoire de Nicolae Copovici*. Călărași, 57–70.
- Федосеев 2014 – Федосеев Н.Ф. 2014. Из истории Синопы. Керамический аспект. *Таврические студии. Исторические науки* (6). Симферополь, 90–97.
- Фёдорова 1982 – Фёдорова Е.В. 1982. *Введение в латинскую эпиграфику*. М.: изд-во Московского ун-та. – 256 с.
- Шелов 1975 – Шелов Д.Б. 1975. *Керамические клейма из Танаиса*. М.: Наука. – 175 с.
- Шкорпил 1902 – Шкорпил В.В. 1902. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. *ИАК* (3), 122–165.
- Шкорпил 1904 – Шкорпил В.В. 1904. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. *ИАК* (11), 19–166.
- Шкорпил 1914а – Шкорпил В.В. 1914. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. *ИАК* (51), 129–139.
- Шкорпил 1914б – Шкорпил В.В. 1914. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. *ИАК* (51), 119–128.
- Штаерман 1951 – Штаерман Е.М. 1951. Керамические клейма из Тиры. *КСИИМК* (XXXVI), 31–49.

- Штаерман 1952 – Штаерман Е.М. 1952. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935–1940 гг. *МИА* (25), 387–395.
- Цехмистренко 1958 – Цехмистренко В.И. 1958. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. *СА* (1), 56–70.
- Цехмистренко 1960 – Цехмистренко В.И. 1960. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. *СА* (3), 59–77.
- Цехмистренко 1965 – Цехмистренко В.И. 1965. Из истории изучения синопских керамических клейм. *УЗ МарГПИ (XXVII)*, 239–267.
- Цехмистренко 1968 – Цехмистренко В.И. 1968. О принадлежности вторых имён в синопских керамических клеймах. *НЭ* (VII), 23–26.
- Юргевич 1895 – Юргевич В.Н. 1895. Надписи на ручках и обломках амфор и черепице, найденных в Феодосии в 1894 г. *ЗООИД* (18), 87–174.
- Avram 1996 – Avram A. 1996. *Les timbres amphoriques. I: Thasos / Histria* (VIII.1): Les résultats des fouilles. Bucarest: Editura Enciclopedica; Paris: De Boccard – 176 p., XLIV pl.
- Avram 2009 – Avram A. 2009. Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire: astynomes et proxènes. *The Thracians and Their Neighbours in Antiquity*. Studia in Honorem Valerii Sîrbu, Brăila, 53–61.
- Becker 1855 – Becker P. 1855. Über die im südlichen Rußland gefundenen Henkelinschriften auf griechischen Tongefäßen. *Mélanges greco-romains* (I), St. Pétersbourg, 416–521.
- Becker 1861 – Becker P. 1861. Ueber eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *Jahrbücher für Classische Philologie* (Suppl. IV. 3), 453–502.
- Becker 1869 – Becker P. 1869. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *JhKlPh* (Suppl. V), 447–536.
- Bleckmann 1907 – Bleckmann F. 1907. *De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis*. Göttingen: Dietrich. – 44 p.
- Börker, Burow 1998 – Börker Chr., Burow J. 1998. *Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon-Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon*. PF (11). B.: De Gruyter. – 142 S., 40 Taf.
- Börker 2019 – Börker Chr. 2019. Der ἐργαστηριόρχης und die rhodischen Amphorenstempel. *ZPE* (209), 78–90.
- Bolonkina et al. 2019 – Bolonkina J.V., Jefremow N.V., Kolesnikov A.B. 2019. Ein neuer Astynomename und einige Randbemerkungen zu den Keramikstempeln von Sinope. *Pontica* (52), 263–272.
- Boyxen 2018 – Boyxen B. 2018. *Fremde in der hellenistischen Polis Rhodos. Zwischen Nähe und Distanz* (Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Beihefte. Neue Folge. Bd. 29). B.: De Gruyter. – 487 S.
- Brandt 1992 – Brandt H. 1992. *Gesellschaft und Wirtschaft Pamphyliens und Pisidiens im Altertum* (AMS 7). Bonn: R. Habelt, X. – 223 s.
- Bresson 1986 – Bresson A. 1986. Remarques sur la dispersion des amphores rhodiennes. *BCH* (Suppl. XIII), 81–86.
- Brixhe 1976 – Brixhe Cl. 1976. *Le dialecte grec de Pamphylie. Documents et grammaire* (Bibliothèque de l'Institut anatoliennes d'Istanbul, 26. P.: A. Maisonneuve. – 325 p.
- Burford-Cooper 2003 – Burford-Cooper A. 2003. Ergasterion. *DNP* (4), 62–64.
- Burstein 1980 – Burstein S. 1980. The Aftermath of the Peace of Apameia. *AJAH* (5), 1–12.
- Burstein 1985 – Burstein S. 1985. *The Hellenistic Age from the battle of Ipsos to the death of Kleopatra VII* (Translated documents of Greece and Rome 3). Cambr.: Cambridge University Press 1991. XX – 173 p.
- Cagnat 1898 – Cagnat R. 1898. *Cours l'épigraphie latine*. 3. éd. P.: Albert Fontemoing, XXVI. – 505 p.
- Casson 1984 – Casson L. 1984. Grain Traid of the Hellenistic World / L. Casson (ed.) *Ancient Trade and Society*. Detroit: Wayne State University Press, 70–95.
- Cockle 1981 – Cockle H. 1981. Pottery Manufacture in Roman Egypt. A new Papyrus. *JRS* (LXXI), 86–97.
- Conovici 1997 – Conovici N. 1997. Problèmes de la chronologie des timbres sinopéens. *Pontica* (30), 117–154.
- Conovici 1998 – Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) / Histria* (VIII). Bucarest; Paris: De Boccard. – 206 p., XLVII pl.
- Conovici, Irimia 1991 – Conovici N., Irimia M. 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découvertes à Satu Nou (comm. d'Oltina, dép. de Constantza). *Dacia NS* (35), 136–175, Fig. 1–17.
- Debidour 1979 – Debidour M. 1979. Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens. *BCH* (Suppl. V), 269–314.
- Debidour 1986 – Debidour M. 1986. En classant les timbres thasiens. *BCH* (Suppl. XIII), 311–334.
- Dmitriev 2005 – Dmitriev S. 2005. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxf.: Oxford University Press, XIII. – 428 p.
- Dumont 1872 – Dumont A. 1872. *Inscriptions céramiques de Grèce*. P.: Imprimerie nationale. – 445 p.
- Empereur 1988 – Empereur J.-Y. 1988. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadije (Peninsule de Datca). *Arastirma sonuclari Toplantisi* (VI), 159–163.

- Empereur, Picon 1986 – Empereur J.-Y., Picon M. 1986. A la recherche des fours d’amphores. *BCH* (Suppl. XIII), 103–126.
- Empereur, Tuna 1988 – Empereur J.-Y., Tuna N. 1988. Zénon de Caunos et l’ épave de Serce Limani. *BCH* (CXII.1), 159–163.
- Empereur, Tuna 1989 – Empereur J.-Y., Tuna N. 1989. Hiérotélès, potier rhodien de la Pérée. *BCH* (113), 277–299.
- Empereur et al. 1999 – Empereur J.-Y., Hesse A., Tuna N. 1999. Les ateliers d’amphores de Datça, péninsule de Knide. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire, Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994* / Y. Garlan. (ed.). Aix-en-Provence: Publications de l’Université de Provence, 105–116.
- Fedoseev 1999 – Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire, Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994* / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence: publications de l’Université de Provence, 27–43.
- Finkielsztejn 2001 – Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. envoi: premier bilan. BAR international series* (990). Oxf.: Archaeopress/British Archaeological Reports, 2001. – 260 p., ill.
- French 1994–1997 – French D. 1994–1997. Sinope: Amphora-Stamps, Coins and Inscriptions. *Anadolu* (XXIII), 225–232.
- García Sánchez 2008 – García Sánchez M. 2008. Les femmes et le amphores: épigraphie amphoriques rhodienne et histoire de la femme dans le monde hellénistique. *BCH* (132), 283–310.
- Garlan 1984 – Garlan Y. 1984. Greek amphorae and trade. *Trade in the Ancient Economy* / P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker (eds.). L.: Chatto & Windus, 27–35.
- Garlan 1987 – Garlan Y. 1987. Prolegomènes à un nouveau corpus des timbres amphoriques thasiens. *Céramiques hellénistiques et romaines (Centre de recherches d’histoire ancienne 70)* / P. Lévêque, J.-P. Morel (eds.). P., 73–86.
- Garlan 1988 – Garlan Y. 1988. *Vin et Amphores de Thasos*. P.: De Boccard. – 34 p.
- Garlan 1990 – Garlan Y. 1990. Remarques sur les timbres amphoriques de Sinope. *CRAI*, 490–507.
- Garlan 1993 – Garlan Y. 1993. Εἰς ἐμπόριον dans le timbrage amphorique de Chersonèse. *L’emporion (Publications du centre Pierre Paris, 26)* / A. Bresson, P. Rouillard (eds.). P.: De Boccard, 99–102.
- Garlan 1998 – Garlan Y. 1998. Les «fabricants» d’amphores. *Topoi* (8), 581–590.
- Garlan 2000 – Garlan Y. 2000. *Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie. Institut de France. Mémoires de l’académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série* (XXI). P.: De Boccard, II. – 210 p.
- Garlan 2007 – Garlan Y. 2007. Les timbres amphoriques étrangers trouvés à Sinope (II). *Anatolia Antiqua* (15), 187–195.
- Garlan, Kara 2004 – Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica* (XVI). Istanbul; Paris: Institut français d’études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.
- Grace 1949 – Grace V. 1949. Standart Pottery Containers of the Ancient Greek World. Commemorative Studies in Honor of Theodore Leslie Shear. *Hesperia* (Suppl. VIII), 175–199.
- Grace 1956 – Grace V. 1956. Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments. *Hesperia* (Suppl. X), 117–189, pl. 52–80.
- Grace 1963 – Grace V. 1963. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula. *Hesperia* (32), 319–334.
- Grace 1974 – Grace V. 1974. Revisions in Early Hellenistic Chronology. *AM* (89), 193–202.
- Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970 – Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M. 1970. Les timbres amphoriques grecs. *EAD* (XXVII), 277–382.
- Gramatopol, Poenaru Bordea 1969 – Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. 1969. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja. *Dacia* (XIII), 127–282.
- Guarducci 1969 – Guarducci M. *Epigrafia greca. T. II: Epigrafi di carattere pubblica*. Roma: Istituto poligrafico e zecca dello stato. Libreria dello stato 1969 (repr. 1995), IX. – 768 p.
- Habicht 2003 – Habicht Ch. 2003. Rhodian amphora stamps and rhodian eponyms. *REA* (105), 541–578.
- Heinen 2005 – Heinen H. 2005. Die Anfänge der Beziehungen Roms zum nördlichen Schwarzmeerraum. Die Romfreundschaft der Chersonesiten (IOSPE P 402). *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und frühen Kaiserzeit (Göttinger Forum für Altertumswissenschaft (Beihefte 19)* / A. Coşkun. (Hrsg.). Göttingen, 31–54.
- Højte 2005 – Højte J.M. 2005. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE P², 402) and its Implications. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC* / V. Stolba, L. Hannestad (eds.) / BSS (3). Aarhus: Aarhus University Press, 137–152.
- Hopper 1982 – Hopper R.J. 1982. *Handel und Industrie im klassischen Griechenland*. München: C.H. Beck. – 284 S.
- IOSPE P. Latyshev 1916 – Latyshev V.V. 1916 *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum*. Petropoli, XI. – 594 p., IV Tab.
- Jefremow 1995 – Jefremow N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: tuduv. – 251 S.
- Jefremow 2003 – Jefremow N. 2003. Die aismynetai von Sinope. *Klio* (85/1), 9–14.

- Jefremow 2013 – Jefremow N. 2013. Die Keramikstempel von Sinope und die Geschichte der Polis in der spät-klassischen und hellenistischen Zeit. *PATABS (III)* / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.). Constanța: National History and Archaeology Museum, 25–44.
- Jefremow, Kolesnikov 2019 – Jefremow N., Kolesnikov A.B. 2019. Ein neuer Astynomename und einige Randbemerkungen zu den Keramikstempeln von Sinope. *Pontica* (52), 263–272.
- Jefremow, Snytko 2005 – Jefremow N., Snytko I. 2005. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide «Siwerson Majak» bei Olbia. *MBAH (XXIII/2)*, 1–46.
- Jöhrens 1999 – Jöhrens G. 1999. *Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Zu den von H.G. Lolling aufgenommenen «unedierten Henkelinschriften» mit einem Anhang*. Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abt. Athen des DAI (DAI Abteilung Athen). Mainz: von Zabern, (XVII). – 334 S., 4 Taf.
- Landau 1959 – Landau Y.H. 1959. A Stamped Jar Handles from Jaffa. *Atigot (II)*, 186–187.
- Lawall 2019 – Lawall M. 2019. External Influence and local agency: Deconstruction the History and Organization of Knidos Amphora Production and Trade. *Herom (8)*, 383–420.
- Leschhorn 1993 – Leschhorn W. 1993. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Gesellschaft im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros Historia / Einzelschriften (81)*. Stuttgart: Franz Steiner, VIII. – 576 S.
- Liddel et al. 1953 – Liddel H.G., Scott R. 1953. *A Greek-English Lexicon*. A New Edition by St. Jones and McKenzie. Oxf.: Clarendon Press, XLVIII. – 2111 p.
- Lund 2018 – Lund J. 2018. A note on the so-called fabricants of Knidian amphorae. *Skyllis (18.1)*, 79–84.
- Magie 1950 – Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ*. 2 vols. Princeton (New Jersey). – 1661 p.
- Marek 1993 – Marek Chr. 1993. *Stadt, Ära und Territorium in Pontos-Bithynia und Nord-Galatia / IstForsch (39)*. Tübingen: E. Wasmuth, XVIII. – 256 S., 56 Taf.
- Masson 1986 – Masson O. 1986. Les anses d’amphores et l’antroponyme grecques. *BCH (Suppl. XIII)*, 37–44.
- McGing 1986 – McGing B. 1986. The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date. *RhM (129)*, 248–259.
- Michels 2009 – Michels Ch. 2009. *Kulturtransfer und monarchischer «Philhellenismus»*. Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit (Schriften zur politischen Kommunikation 4). Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht. – 440 s.
- Minns 1913 – Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks. A servey of ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambr.: Cambridge University Press, XL. – 720 p., 9 pl.
- Morelli 1956 – Morelli D. 1956. Gli stranieri in Rodi. *SCO (5)*, 126–190.
- Nilsson 1909 – Nilsson P.M. 1909. *Timbres amphoriques de Lindos. Publiés avec une étude sur les timbres amphoriques rhodiens*. Exploration archéologique de Rhodos. Fondation Carlsberg (V). Copenhagen: B. Luno. – 539 p.
- Palaczyk 2017 – Palaczyk M. 2017. Gibt es Verbreitungsmuster der rhodischen «Fabrikantenstempel»? *Fragmenta Mediterranea. Contatti, tradizioni e innovazioni in Grecia, Magna Grecia, Etruria e Roma. Studi in onore di Christoph Reusser / L. Cappuccini, Ch. Leypold, M. Mohr (eds.)*. Firenze: Stampa Technografica Rossi, 231–240, Tav. 38–40.
- Perl 1968 – Perl G. 1968. Zur Chronologie der Königreiche Bithynia, Pontos und Bosphoros. *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums / J. Harmatta. (ed.)*. Amsterdam: Hakkert A.M., 299–330.
- Peterson 1982 – Peterson J. 1982. «Salvation from the Sea»: Amphorae and Trade in the Roman West. *JRS (LXXII)*, 146–157.
- Poland 1909 – Poland Fr. 1909. *Geschichte des griechischen Vereinswesens*. Preisschriften der fürsterlichen Jablonowski Gesellschaft (XXXVIII). Leipzig: B.G. Teubner. – 655 S.
- Pridik 1897 – Pridik E. 1897. Neue Amphorenstempel aus Athen. *AM (XXII)*, 148–158.
- Pridik 1928 – Pridik E. 1928. Die Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrußland. *SB (XXIV)*. B., 342–380.
- Robert 1963 – Robert L. 1963. *Noms indigènes dans l’Asie-Mineure gréco-romaine*. Bibliothèque archéologique et historique de l’institut français d’archéologie d’Istanbul, (XIII). P.: Librairie Adrien Maisonneure. – 660 p.
- Robinson 1905 – Robinson D.M. 1905. Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs. *AJA (9.3)*, 294–333.
- Rostovtzeff 1955 – Rostovtzeff M. 1955. *Gesellschafts- und Wirtschaftsgeschichte der hellenistischen Welt*. 3 Bd., Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft. – 476, 1595, 1600 S.
- Saprykin 1996 – Saprykin S.Y. 1996. Emporikon Taurikon and Scythian Harbour of Kalos Limen. *REA (98)*, 357–370.
- Sherk 1984 – Sherk R.K. 1984. *Rome and the Greek East to the Death of Augustus*. 2nd ed. (Translated documents of Greece and Rome, 4). Cambr., L., N.Y.: Cambridge University Press, XVIII. – 182 p.
- Sherk 1990 – Sherk R.K. 1990. The Eponymous Officials of Greek Cities. I. *ZPE (83)*, 249–288.
- Sherk 1993 – Sherk R.K. 1993. The Eponymous Officials of Greek Cities. V. *ZPE (96)*, 267–295.

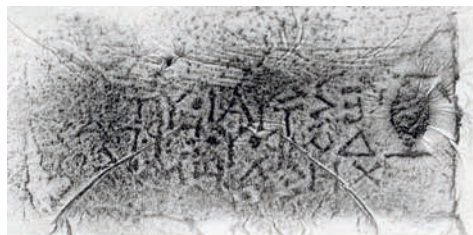
- Stein 1992 – Stein A. 1992. Gaius Julius, an agoranomos from Tiberias. *ZPE* (93), 144–148.
- Stephani 1848 – Stephani L. 1848. *Titulorum Graecorum a Ludolfo Stephani collectorum particula* (II–III). Dorpati: Schünmann, 1–35 p.
- Stephani 1859 – Stephani L. 1859. *Titularum Graecarum. Mélanges gréco-romain* (I), 139–144.
- Stephani 1866 – Stephani L. 1866. *Parerga archaeologica XXIII. Mélanges greco-romains*. T. II (1859–1866). St. Pétersbourg, 200–216.
- Schuchhardt 1895 – Schuchhardt C. 1895. Ziegelstempel. Amphorenstempel. *AvP: Die Inschriften von Pergamon* (VIII.1) B.: W. Spemann, 118–499.
- Sztetyłło 1983 – Sztetyłło Z. 1983. *Les timbres céramiques in Musée National de Varsovie (Musée National de Varsovie)*. Warszawa: Editions Scientifiques de Pologne. – 220 p.
- Tzochev 2016 – Tzochev C. 2016. *Amphora stamps from Thasos / The Athenian Agora* (XXXVII). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies. – 244 p.
- Zgusta 1955 – Zgusta L. 1955. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha: Nakladaelství ČSAV. – 468 S.
- Zgusta 1964 – Zgusta L. 1964. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.: Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. – 701 S.

Таблица 1. Количественное распределение клейм керамевсов по именам

Απατούριος του Δημητρίου	1	Καλλισθένης (ὁ Δημοφῶνος)	5
Απολλώνιος (ὁ Μαντιθέου)	3	Καλλισθένης (ὁ Θευδώρου?)	14
Αριστολέος	1	Κλέαρχος ὁ Θευπρόπου	4
Ἄττεις	10	Μαντίθεος ὁ Ἄττιος	3
Γλαυκίας ὁ Καλλιστράτου	6	Νευμήνιος ὁ Λάκωνος	9
Δάμων	4	Νικόστρατος ὁ Θεοπρόπου	8
Δημοσθένης (ἐργαστηριάρχης)	9	Νουμήνιος	16
Διονύσιος ὁ Θευπείου	1	Νουμήνιος ὁ Διονυσίου	29
Διονύσιος ὁ Νευμηνίου	10	Ποσειδώνιος ὁ Νευμηνίου	10
Ἐρμων ὁ Μητροδώρου	2	Ποσειδώνιος ὁ Νουμηνίου	6
Ἡρακλείδης (ὁ Διονυσίου)	1	Ποσιδώνιος ὁ Θευδώρου	19
Ἡρακλείδης ὁ Διονυσίου	2	Πρύτανις ὁ Θεοπρόπου	24
Ἡρακλέων	8	Πρύτανις ὁ Θευπρόπου	3
Ἡφαίστιος ὁ Θευδώρου	6	Σινωπίων ὁ Ἀντισθένου	1
Ἡφαίστιος ὁ Ποσειδωνίου	26	Στίχος	4
Θευδῶρος ὁ Ποσειδωνίου	6	Σωσίλεως ὁ Ἀνχιάλου	1
Ἰκέσιος ὁ Διονυσίου	2	Τεύθρας ὁ Θυμοχάρου	12
Общий итог			266

Табл. I. Синопские фабрикантские керамические клейма

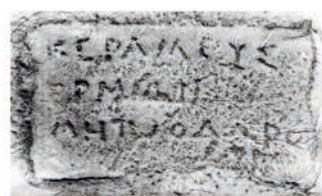
IV.1

IV.6

VI.6

VII.2

VIII

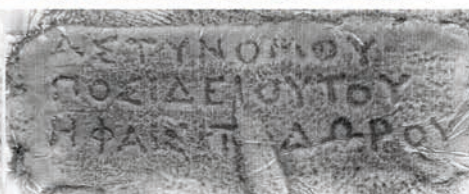
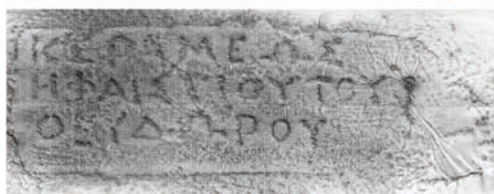
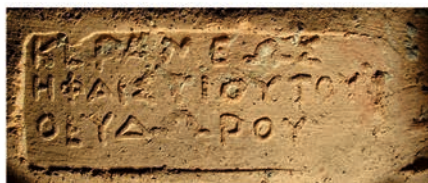
IX.1

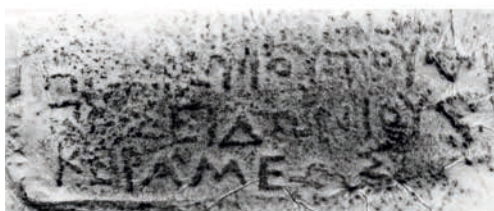
Табл. II. Синопские фабрикантские керамические клейма

IX.2

X.6

XI.19

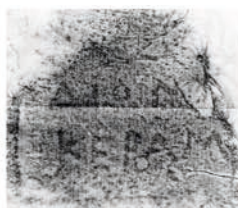
XI.21

XII.6

Табл. III. Синопские фабрикантские керамические клейма

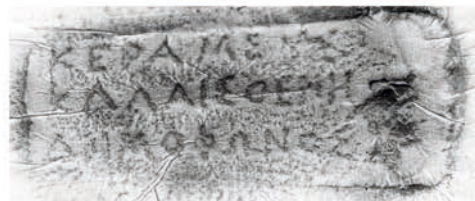
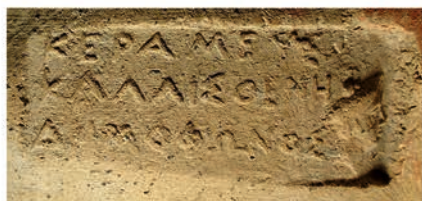

XIII

XIVa

XIVb.4

XV.4

XVI.3

XVI.4

XVII.2

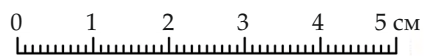
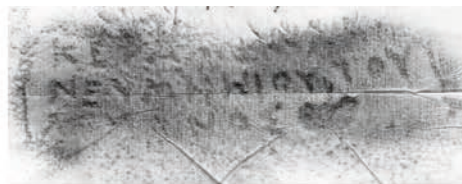
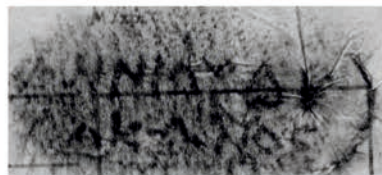

Табл. IV. Синопские фабрикантские керамические клейма

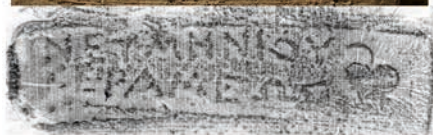
XVIIIa.4

XVIIIb.3

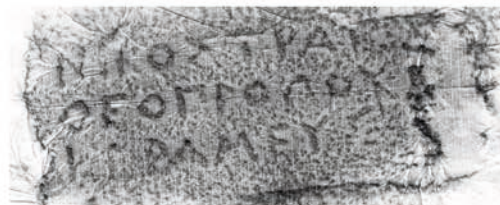
XVIIIc.2

XVIIIc.1

XIXa.1

XIXb.1

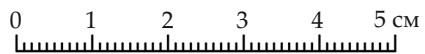
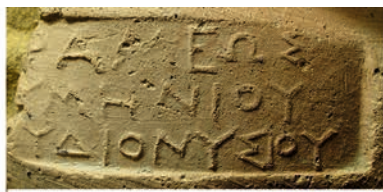
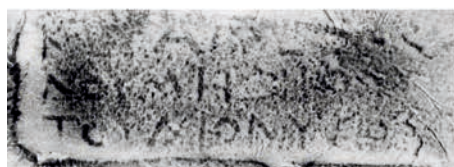
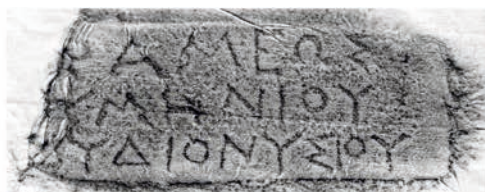

Табл. V. Синопские фабрикантские керамические клейма

XX.11

XX.14

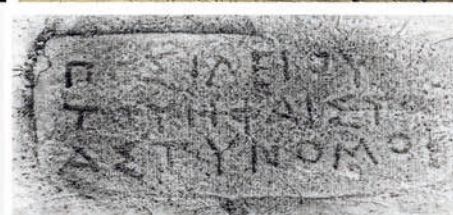
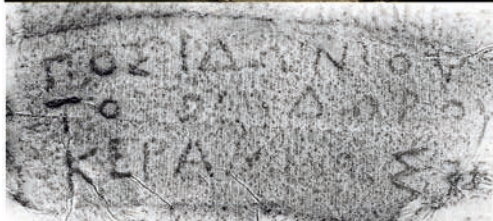
XX.24

XXI.19a

XXI.19b

XXIIa.1

XXIIb.1

XXIIIb.1

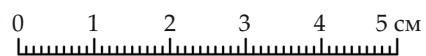

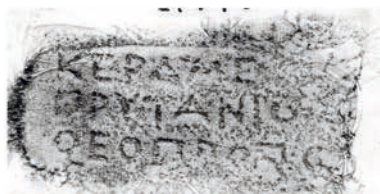
Табл. VI. Синопские фабрикантские керамические клейма

XXIIIa.5

XXIIIa.21

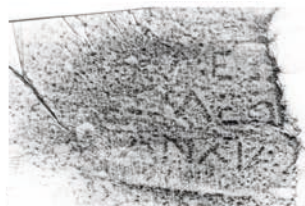
XXIIIa.21

XXIIIc.3

XXV

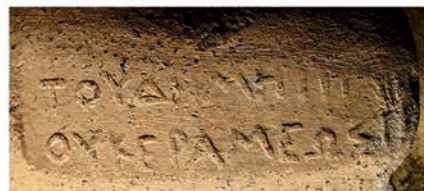
XXVIa.3

XXVIa.4

XXVIb.5

XXVII

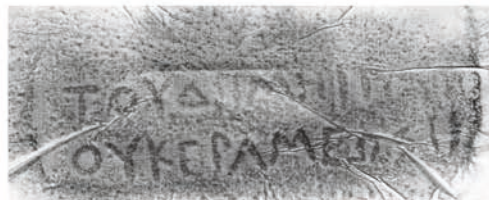
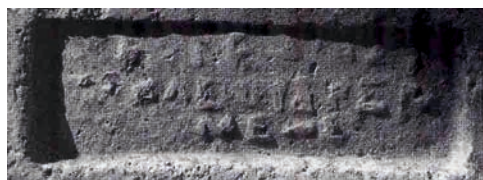

Табл. VII. Синопские фабрикантские керамические клейма

XXVIII

XXIX

XXX.5

XXXI

XXXIIa.8

XXXIIa.8

XXXIIb.3

XXXIIc

XXXIIa.1

XXXIII.3

Табл. VIII. Синопские фабрикантские керамические клейма

Рис. 1. Клеймо астинома Полона: IOSPE III: № 6497–6500

Рис. 2. Синопское клеймо на черепице Δημοσίη (κεραμίδς): IOSPE III: № 9013

КУРГАН IV В. ДО Н.Э. ЛИВЕНЦОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация: публикация представляет материалы раскопок кургана № 16 Ливенцовского курганного могильника, расположенного на западной окраине Ростова-на-Дону. Курган высотой 0,63 м и диаметром 13 м был укреплен крепидой из рваного ракушечника. В центре кургана располагалось основное погребение № 1, впущенное с уровня древнего горизонта и перекрытое закладом из камней ракушечника. Погребение было совершено в могильной яме удлиненно-прямоугольной в плане формы, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, размером 3,93×1,1 м. В яме был обнаружен костяк взрослого человека, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Между ног погребенного, копытом на лобковых костях, лежали кости конечности лошади. Погребальный инвентарь: гераклейская амфора с клеймом, чернолаковый одноручный канфаровидный кубок, сероглиняный кувшин, бронзовые наконечники стрел. Остатки папуственной пищи представлены обломками костей лошади. Под камнями панциря и вокруг могильной ямы обнаружены многочисленные следы тризны: обломки шести гераклейских амфор (четыре из них – с клеймами), фрагменты синопской и фасосской амфор, чернолаковый канфаровидный килик, гончарные и лепные сосуды, различные бусы и бронзовые украшения, кости коров и лошадей. Керамическая тара, амфорные клейма и аттические кубки датируют погребение № 1 70-ми годами IV до н.э.

Погребальный обряд ливенцовского комплекса находит прямые аналогии среди захоронений Елизаветовского курганного могильника, расположенного в дельте Дона, вблизи крупнейшего поселения региона V–III вв. до н.э. – Елизаветовского городища.

Ключевые слова: Нижний Дон, Ливенцовский могильник, курган, погребение, античный импорт.

V.G. Zhitnikov¹

THE 4TH CENTURY BC KURGAN OF THE LIVENTSOVSKY BURIAL GROUND

Abstract: the publication presents the materials of the excavations of the kurgan No. 16 of the Liventsovsky burial ground, located on the western outskirts of Rostov-on-Don. The mound, 0.63 m high and 13 m in diameter, was reinforced with a ragged shell rock crepidoma. In the center of the kurgan was the main burial No. 1, let in from the level of the ancient horizon and covered with a foundation of shell stones. The burial was performed in a grave pit of an elongated rectangular shape, oriented with a long axis along the line of the WNW-ESE, measuring 3.93×1.1 m. The skeleton of an adult man was found in the pit, in an elongated position, on his back, with his head to the west. Between his legs, the hoof on the pubic bones, lay the bones of a horse's limb. Funeral equipment: a Herakleian amphora with a stamp, a black-glazed one-handled cup, a gray clay jug, bronze arrowheads. The remains of the parting food are represented by fragments of horse bones. Numerous traces of trizna were found under the stones of the shell and around the grave pit: fragments of six Herakleian amphorae (four of them with stamps), fragments of Sinope and Thasos amphorae, a black-glazed cup-kantharos, pottery and handmade vessels, various beads and bronze jewelry, bones of cows and horses. Ceramic containers, amphorae stamps and attic cups date burial No. 1 to the 70s of the 4th century BC.

The funeral rite of the Liventsovsky complex finds direct analogies among the graves of the Elizabethian burial mound, located in the Don Delta, near the largest settlement of the region of the 5th – 3rd centuries BC – the Elizabethian settlement.

Keywords: Lower Don, Liventsovskiy burial ground, kurgan, grave, ancient import.

В далёком 1978 г. сотрудники археологической лаборатории истфака Ростовского государственного университета проводили исследования курганов Ливенцовского курганного могильника, расположенного на западной окраине Ростова-на-Дону, у современного посёлка Левенцовка². Курганы

¹ Житников Виктор Георгиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, zhitnikov.50@mail.ru.

² С начала XX века этот небольшой казачий хутор назывался «Ливенцовка», в честь казака А.П. Ливенцева, в 1902 г. построившего здесь здание станции на ж/д трассе Ростов – Таганрог. В настоящее время из-за досадной ошибки чиновников этот район теперь уже Ростова-на-Дону стал именоваться «Левенцовкой». Однако в научной литературе в названиях археологических памятников, расположенных вблизи

находятся на правом высоком берегу Мёртвого Донца, северного рукава дельты Дона, на второй надпойменной террасе, возвышающейся на 20–24 м над уровнем реки. В могильнике из 19 насыпей было раскопано 5 курганов; время создания четырёх из них определяется энеолитом или эпохой средней бронзы (Житников и др. 1979: 125).

В результате раскопок кургана № 16 были получены разнообразные материалы скифского времени, публикации которых и посвящена предлагаемая работа. Высота кургана 0,63 м, диаметр 13 м, насыпь задернована, не распаивалась. Курган раскапывался вручную, по секторам. Под насыпью было открыто три погребения: № 1 – IV в. до н.э., № 2 – видимо, того же времени, № 3 – эпохи ранней бронзы, грунтовое, перекрытое насыпью и с ней не связанное.

Как установлено, насыпь высотой 0,52 м была сооружена в один приём над погребением № 1 из гумусированного суглинка с вкраплениями мелкой крошки ракушечника (рис. 1). По краям насыпи погребённая почва была снята почти до материкового суглинка: видимо, насыпь кургана была окружена ровиком, форму которого в плане проследить не удалось из-за однородности грунта. Над ямой погребения № 1, расположенной в центре кургана и впущенной с уровня древнего горизонта, был сооружён заклад из рваного ракушечника, неправильно-округлой в плане формы, размером 3,3×2,8 м. Насыпь кургана, за исключением пространства вокруг центрального заклада шириной до 1,5–2 м, была укреплена панцирем из камней ракушечника размером примерно 0,2×0,1 м, однако у подошвы кургана встречались крупные плиты размером до 0,6×0,4 м. Камни панциря были уложены таким образом, что верхний камень частично перекрывал нижний (рис. 1).

Среди камней панциря, в северо-западном секторе найден лепной плоскодонный горшочек с раструбным венчиком, короткой шейкой с отверстием, округлым туловом и закраиной у дна (рис. 6 -1). Высота сосуда 7,8 см, диаметр венчика 7 см, диаметр тулова 7,6 см, диаметр дна 6,3 см.

Под камнями панциря, в насыпи, а также на уровне погребённой почвы, главным образом в восточной половине кургана в большом количестве встречались обломки амфор. Одна из амфор, полностью реставрированная, является синопской (рис. 4 -2). У нее трапециевидный венчик, высокое, почти цилиндрическое горло, коническое тулово и острорёберная, «прогераклейская» ножка с конусовидной выемкой на подошве. Глина розовая, с фиолетовым оттенком, насыщена пироксеном. Высота сосуда 69 см, высота горла 20 см, максимальный диаметр тулова 39 см.

Прочие амфорные фрагменты принадлежали шести амфорам Гераклеи Понтийской (рис. 4 -3–8) и одной амфоре Фасоса (рис. 4 -9). На фрагментах четырёх горл гераклейских амфор имелись остатки клейм: 1) ΔΙΟΝ | ΚΕ(--), с палицей Геракла в качестве эмблемы (рис. 4 -10); 2) ΣΤΑΣΙΧ(--)| Ν(--)(рис. 4 -12); 3) (--)| ΣΟ | (--)| ΡΟ (рис. 4 -13); 5) ΔΕ(--)| ΕΥΓ(--)³.

В насыпи кургана в небольшом количестве были найдены обломки костей ног и зубы двух особей КРС, а также кости и зубы двух лошадей.

Фрагменты амфор и кости животных относились к тризне, связанной с основным погребением № 1. С ним же были связаны и те предметы, которые были обнаружены вокруг могильной ямы (рис. 2). По-видимому, они были уложены в специальную канавку, скорее всего, округлой в плане формы, границы которой не фиксировались из-за однородности грунта⁴.

1. Лепной плоскодонный сосуд со слегка раструбным венчиком, выраженным горлом и округлым, «припухлым» туловом (рис. 6 -5). По плечу сосуд орнаментирован округлыми вдв-

этого населённого пункта, сохранилось написание через «и»: «Ливенцовский могильник», «Ливенцовская крепость».

³ Первые публикации амфорных материалов и аттического импорта из ливенцовского комплекса принадлежат С.Ю. Монахову (Монахов 1992: 167, табл. 3 -4; 1999: 301, табл. 126; 2003: табл. 91 -7).

⁴ Описание находок дано в соответствии с их нумерацией, показанной на плане № 2 римскими цифрами.

лениями. В тесте шамот и мелкотолчёная ракушка. Высота сосуда 14,6 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 15,3 см, диаметр дна 8,3 см.

Рядом с сосудом была найдена четырёхгранная бусина из непрозрачного стекла, орнаментированная жёлтыми зигзагами, к сожалению, не сохранившаяся.

II. Лепной плоскодонный сосуд со слегка раструбным венчиком и округлым, расширенным в средней части туловом (рис. 6 -3). По плечу сосуд украшен пояском частых ногтевых вдавлений. В глине крупные вкрапления шамота. Высота сосуда 13,4 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 14 см, диаметр дна 7,1 см.

Рядом с горшком обнаружены бронзовый браслет с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами, диаметром 3,8 см (рис. 7 -19) и бледно-зелёная стеклянная бусина с белыми глазками, диаметром 0,8 см (рис. 7 -15).

III. Красноглиняный гончарный кувшин на кольцевом поддоне, с отбитым в древности венчиком и уплощённо-овальной в сечении ручкой (рис. 5 -5). Высота сосуда 11,2 см, диаметр тулова 8,7 см, диаметр поддона 4,8 см.

IV. Грубо сформованный лепной плоскодонный горшочек с раструбным венчиком, наметенной шейкой и округлым туловом, расширенным посередине (рис. 6 -4). Глина с мелкотолчёной ракушкой и шамотом. Высота 10,7 см, диаметр венчика 8,2 см, диаметр тулова 10 см, диаметр дна 7,2 см.

V. Чернолаковый канфаровидный килик с отбитыми в древности ручками (рис. 5 -2). Венчик «формованный», чаша приземистая, ножка низкая. Лак тусклый, местами не сохранился. На дне – штампованный и резной орнамент: четыре крестообразные пальметты, соединённые дугами и окружённые пояском насечек. Высота килика 6,5 см, диаметр венчика 8,9 см, высота ножки 1,5 см, диаметр ножки 4,7 см.

Рядом с киликом лежала кольцевидная пастовая бусина жёлтого цвета диаметром 0,5 см (рис. 7 -16).

VI. Сероглиняный гончарный кувшин с невысоким раструбным горлом, петельчатой, уплощённой в сечении ручкой, округлым приземистым туловом, на кольцевом поддоне (рис. 5 -4). Высота 14 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр тулова 10,6 см, диаметр поддона 6 см.

VII. Лепной плоскодонный горшочек с раструбным венчиком, короткой, дуговидной в сечении шейкой и округлым туловом (рис. 6 -2). Край венчика скошен наружу и украшен косыми насечками, по плечу – поясок наколок, нанесённых соломинкой. В тесте включения мелкотолчёной ракушки и шамота. Высота 8,5 см, диаметр венчика 7,3 см, диаметр тулова 8,4 см, диаметр дна 7,6 см.

К юго-востоку от лепного сосуда россыпью лежали бусы, представленные следующими типами:

1) глазчатые, подтреугольно-округлой формы, из тёмно-синей пасты, глазки синие с жёлтым обводом, диаметром 1 см и высотой 0,4 см – 27 экз. (рис. 7 -1);

2) глазчатые, шаровидной формы, из непрозрачного серо-зелёного стекла, глазки белые с зелёными точками в ободке, диаметром 0,7 см – 7 экз. (рис. 7 -2);

3) кольцевидные, рубчатые, из непрозрачного фиолетового стекла с серебристым покрытием, диаметром 1,1 см и высотой 0,7 см – 5 экз. (рис. 7 -3);

4) шаровидные, с рифлёной поверхностью, из непрозрачной серо-белой пасты, диаметром 1,15 см и высотой 0,95 см – 3 целых и 8 фрагментов (рис. 7 -4); в каналах отдельных бусин сохранились остатки тонкой бронзовой плоской нити, на которую они были нанизаны;

5) кольцевидные, со слабым круговым рифлением, из тёмно-синего глухого стекла с серебристым покрытием, диаметром 0,9 см и высотой 0,4 см – 3 экз. (рис. 7 -5);

6) цилиндрические, из серо-белой пасты, диаметром 0,65 см и высотой 1 см – 5 экз. (рис. 7 -6);

7) цилиндрические, из глухого синего стекла, диаметром 0,6 см и высотой 0,9 см – 3 экз. (рис. 7 -7);

8) кольцевидные, из жёлтой непрозрачной пасты, диаметром 0,8 см и высотой 0,4 см – 8 экз. (рис. 7 -8);

9) кольцевидная, крупная, из глухого тёмно-синего стекла, диаметром 1,3 см и высотой 0,75 см – 1 экз. (рис. 7 -9);

10) бочёнковидная, из жёлтой непрозрачной пасты, диаметром 0,65 см и высотой 1,1 см – 1 экз. (рис. 7 -10);

11) цилиндрические пронизи, из чёрного стекла с перистым орнаментом (жёлтая нить), длиной 2,8 см и диаметром 0,8 см – 2 экз. (рис. 7 -11);

12) округло-биконические, из бело-серебристой пасты, диаметром 0,55 см и высотой 0,4 см – 3 экз. (рис. 7 -12);

13) конические, из тёмно-синего и зеленоватого стекла, диаметром 0,35 см и высотой 0,4 см – 4 экз. (рис. 7 -13);

14) кольцевидные, мелкие, из белой и жёлтой пасты, диаметром 0,4 см – 9 экз. (рис. 7 -14);

15) в состав ожерелья также входили шесть раковин каури со срезанными спинками (рис. 7 -26).

Среди бус были обнаружены следующие изделия:

1) две бронзовые, спирально изогнутые подвески с концами, имеющими форму кегли и поднятыми вверх в разных плоскостях, размером 2,9×1,5–1,8 см (рис. 7 -20);

2) фрагмент железной пластинки подпрямоугольной формы, размером 3,5×1,8–2,1 см (рис. 7 -21);

3) глиняное прясло конической формы, высотой 2,7 см и диаметром основания 3 см (рис. 7 -23);

4) обломок раковины перловицы с отверстием для подвешивания (рис. 7 -25).

VIII. Лепной плоскодонный кувшин с раструбным венчиком, выраженным горлом и округлым туловом, расширенным в средней части (рис. 6 -6). Судя по остаткам ручки, она имела петельчатую форму, округлое сечение и крепилась к середине тулова. При переходе шейки в плечико сосуд украшен пояском ногтевых вдавлений. Глина пористая, с включениями толчёной ракушки и следами выгоревшей растительной примеси. Высота кувшина 16 см, диаметр венчика 10,2 см, диаметр тулова 14,6 см, диаметр дна 8 см.

Рядом с кувшином обнаружены фрагменты человеческого черепа, две кольцевидные пастовые бусины жёлтого цвета, а также уплощённо-биконическое глиняное прясло, высотой 1,9 см и диаметром 2,7 см (рис. 7 -22).

Погребение № 1 (рис. 3) располагалось в центре кургана, впущено с уровня древнего горизонта, его глубина 0,78 м от уровня погребённой почвы или -1,48 м от R_0 . Как отмечалось выше, захоронение было перекрыто закладом из рваного ракушечника, в плане неправильно-округлой формы, размером 3,3×2,8 м. Судя по расположению камней заклада над могильной ямой (рис. 1, разрез А–Б), она имела перекрытие, видимо, деревянное. После того, как перекрытие истлело, камни заклада просели над ямой.

При зачистке камней заклада была найдена кольцевидная бусина из тёмно-синего глухого стекла диаметром 0,5 см (рис. 7 -17).

Погребение было совершено в могильной яме удлинённо-прямоугольной в плане формы, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Нижняя часть ямы была вырублена в ракушечнике. Стенки ямы практически вертикальны, за исключением западной, слегка наклонной, углы ямы скруглены, дно ровное. Размеры ямы: 3,93×1,1 м. В заполнении ямы были найдены бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы с едва выступающей втулкой, высотой 2,1 см

(рис. 8 -1), бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и опущенными концами лопастей, высотой 2,4 см (рис. 8 -2) и глазчатая стеклянная бусина жёлто-зелёного цвета с несохранившимися глазками (рис. 7 -18).

В центральной части могильной ямы, ближе к северной стенке лежал костяк взрослого человека. Погребённый покоился в вытянутом положении, на спине, головой на запад (263°), т.е. ориентировки могильной ямы и погребённого не совпадают. Левая рука погребённого была вытянута вдоль тела, правая рука была согнута в локте таким образом, что её кисть лежала на правом плече. Между ног погребённого, копытом на лобковых костях лежали кости конечности лошади (нижняя часть передней ноги), располагавшиеся наискосок, частично на правой бедренной кости.

Погребённого сопровождал следующий инвентарь:

1) В северо-западном углу могильной ямы лежала устьем на восток фрагментированная гераклеяская амфора высотой 68 см (рис. 4 -1). На её горле имеется ромбовидное энглифическое двустрочное клеймо с легендой Διονυ(σί)ο | Κερ(κί)νο и с эмблемой – палица Геракла вертикально по центру клейма (рис. 4 -11).

2) Рядом с горлом амфоры, к северу от него стоял вверх дном чернолаковый одноручный канфаровидный кубок на высоком кольцевом поддоне, с уплощённой в сечении ручкой (рис. 5 -1). Из-за неравномерного обжига цвет поверхности сосуда колеблется от красного до чёрного. Высота кубка 9,7 см, диаметр венчика 6,5 см, диаметр тулова 9 см, высота поддона 1,8 см, диаметр поддона 4,7 см.

3) В районе грудной клетки погребённого, справа от позвоночного столба был обнаружен бронзовый трёхгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и опущенными гранями, высотой 2,1 см (рис. 8 -3). Не исключено, что погребённый был убит стрелой.

4) Рядом с правым плечом лежал кусок кремня без следов обработки, размером 2,3×1,8 см (рис. 7 -24).

5) В северо-восточной части ямы стоял раздавленный сероглиняный кувшин с отогнутым и скопленным наружу венчиком, высоким горлом, нижним прилепом несохранившейся, уплощённой в сечении ручки, на невысоком кольцевом поддоне (рис. 5 -5). Высота кувшина 16,8 см, диаметр венчика 9,6 см, диаметр горла 6,6 см, диаметр тулова 12,8 см, диаметр поддона 6,4 см.

6) В юго-восточной части ямы компактной кучкой лежали бронзовые наконечники стрел, представленные тремя типами (рис. 8 -4). Из 15 наконечников колчанного набора 5 экземпляров – трёхлопастные с ложковидными углублениями вдоль граней, скрытой или слегка выступающей втулкой и свисающими или срезанными вровень с основанием втулки концами граней, высотой от 1,8 до 2,7 см; 8 экземпляров – трёхгранные со скрытой втулкой и слегка опущенными концами граней, высотой от 1,9 до 2,4 см; 2 экземпляра – трёхгранные, со скрытой втулкой, со слабо опущенными гранями и небольшими вырезами у основания, подчёркивающими втулку.

Рядом с амфорой были найдены остатки напутственной пищи – обломки костей лошади.

Первостепенное значение для датировки вышеописанного комплекса имеет греческая импортная керамика и, прежде всего, амфорные клейма.

Гераклеяская амфора из погребения № 1 относится к типу IA по классификации И.Б. Брашинского и датируется второй четвертью – серединой IV в. до н.э. (Брашинский 1980: 22–24, табл. IV -80, IX -81; см. также: Монахов 1999: 301, табл. 126 -2). С.Ю. Монахов в рамках типа I-A выделяет четыре варианта и относит нашу амфору к варианту I-A-2, который датирует концом 70-х – 60-ми годами IV в. до н.э. (Монахов 2003: 133, табл. 91 -7).

Клеймо Διονυ(σί)ο | Κερ(κί)νο на горле амфоры из погребения № 1 (рис. 4 -11) содержит два имени в сильно сокращённой форме – фабриканта Дионисия и магистрата Керкина. Ещё одно аналогичное клеймо найдено среди амфорных обломков в тризне кургана (рис. 4 -10). Оба

клейма оттиснуты редким штампом (Федосеев 2016: 147, № 1289, 1290). Группу клейм с двумя именами, одно из которых написано в сильно сокращённой форме, И.Б. Брашинский первоначально относил ко второму этапу гераклеяского клеймения или к группе II гераклеяских клейм и определял хронологические рамки этапа приблизительно второй и третьей четвертью IV в. до н.э. (370–330 гг.) (Брашинский 1965: 23–24, 27; 1984а: 10–11, 20). В дальнейшем исследователь отнёс подобные клейма ко 2-й ранней типологической группе и включил её в 1-й период гераклеяского керамического клеймения, охватывавший первую – начало второй четверти IV в. до н.э. (Брашинский 1980: 39; 1984б: 83). Б.В. Василенко также выделял клейма с двумя именами, одно из которых в сокращённой форме, в особую промежуточную группу II, однако определял период бытования клейм этой группы второй половиной первой – первой половиной второй четверти IV в. до н.э. (Василенко 1974: 6, 21–25, рис. 1). По классификации В.И. Каца магистрат Керкин входит во II Б подгруппу и датируется 370-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 431).

Как отмечалось выше, в насыпи кургана было найдено ещё несколько гераклеяских клейм. Одно из них – $\Sigma\tau\alpha\sigma\chi(\acute{o}\rho\omicron) \mid N(-)$ (рис. 4 -12) содержит имя фабриканта Стасихора в сокращённой форме, имя магистрата не восстанавливается. Имя Стасихора встречается в сочетании с именами магистратов групп IIБ и IIIА по классификации В.И. Каца, деятельность их датируется 80-ми–60-ми гг. IV в. до н.э. Следующее клеймо – $(-)\Sigma\omicron \mid (-) P\omicron$ (рис. 4 -13) – содержало два имени, от которых сохранились по две буквы в каждой строке. По мнению С.Ю. Монахова, наиболее вероятное восстановление клейма: $N\acute{o}\sigma\sigma\omicron\varsigma \mid \acute{\epsilon}\tau\acute{\iota} K\acute{\upsilon}\rho\omicron$ (Монахов 1999: 301, табл. 126 -7; Федосеев 2016: 82, №№ 558–564). Клеймо магистрата Кира содержит предлог $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$, что позволяет отнести его к 3-ей поздней типологической группе гераклеяских клейм по классификации И.Б. Брашинского, которую автор относил ко второму периоду гераклеяского керамического клеймения и датировал в широких пределах второй, третьей и начала последней четверти IV в. до н.э. (Брашинский 1980: 39). Впрочем, по наблюдениям И.Б. Брашинского, в ряде случаев амфоры с клеймами 2-й группы сопровождалась амфорами с наиболее ранними клеймами 3-й группы, содержащими два имени с предлогом $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$ (Брашинский 1984а: 11, 13). К выводу о существовании ряда клейм II и III групп пришёл Б.А. Василенко, показавший, что появление предлога $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$ перед именем магистрата относится ещё к первой четверти IV в. до н.э. (Василенко, 1970: 219–224; 1974: 6–10). В настоящее время надёжно установлено, что магистрат Кир исполнял свою магистратуру примерно сразу после Керкина в 70-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007: 431).

Третье клеймо С.Ю. Монахов восстанавливает следующим образом: $\Delta\acute{\epsilon}\xi\iota\tau\tau\omicron\varsigma \mid E\upsilon\gamma\epsilon\iota\tau\acute{\iota}\omega\nu$ (Монахов 1999: 301, табл. 126 -6). Магистрат Евгетий также отнесён В.И. Кацем ко IIБ группе и, также как и Кир и Керкин, продатирован 70-ми гг. IV в. до н.э.

Синопская амфора из насыпи кургана (рис. 4 -2) относится к варианту I-A типа I (конического) по классификации С.Ю. Монахова (Монахов 1992: 166–167), а бытование указанного варианта синопских амфор приходится на первую – начало второй четверти IV в. до н.э. (Монахов 2003: 146–147; Монахов, Кузнецова 2021: 264–269, рис. 1, 2).

Не противоречат датировке комплекса, установленной на основе амфор и клейм, и датировки чернолаковых сосудов, найденных в тризне и в погребении № 1. Чернолаковый канфаровидный килик (рис. 5 -2) по материалам Афинской агоры относится ко второй четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 118, 394, pl. 28, fig. 7, № 652). Чернолаковый канфаровидный кубок из погребения № 1 (рис. 5 -1) принадлежит редкой форме одноручных канфаров и по материалам Афинской агоры датируется концом V – первой половиной IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 123, 386, pl. 29, № 705; Полин 2014: 336, 337). Однако, как установил С.Ю. Монахов, ближайшей аналогией кубка является чернолаковая кружка из комплекса к. 57 м. 1 некрополя Панское I (Монахов 1992: 167, прим. 21), которую авторы публикации простой гончарной и лепной кера-

мики из этого некрополя датируют второй четвертью IV в. до н.э. (Монахов, Рогов 1990: 138, табл. 2 -9).

Все типы бронзовых наконечников стрел, найденных в насыпи кургана и в погребении № 1, широко представлены в многочисленных погребальных памятниках степной Скифии V–IV вв. до н.э. (Мелюкова 1964: табл. 8–9).

Таким образом, керамическая тара, амфорные клейма и аттические кубки уверенно датируют погребение № 1 70-ми гг. IV в. до н.э.

Погребение № 2 (рис. 2) находилось в юго-восточном секторе кургана, у самого края насыпи. Прямоугольная могильная яма с закруглёнными углами ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ, её размеры 1,67×0,52 м, глубина 1,23 м от Ро. В заполнении ямы найдена стенка гераклейской амфоры, относящаяся к тризне погребения № 1. В яме был обнаружен костяк взрослого человека, который лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ (223°). Левая рука погребённого была согнута в локте, кисть находилась под тазом. Правая рука была слегка согнута в локте, её кисть лежала на лобковых костях. Инвентарь в могиле отсутствовал. Расположение камней панциря над погребением № 2 позволяет утверждать, что оно является впускным: в этом месте панцирь был разобран и после совершения захоронения камни были вновь уложены, но уже в другом порядке. Форма ямы, положение и ориентировка погребённого позволяют датировать захоронение № 2 тем же временем, что и погребение № 1. По-видимому, оно носило подчинённый характер по отношению к основному погребению № 1.

Попытаемся определить место ливенцовского комплекса среди синхронных памятников Нижнего Дона. Сразу же бросается в глаза близость погребального обряда, прослеженного в погребении № 1 кургана № 16, и захоронений Елизаветовского курганного могильника, расположенного в дельте Дона, вблизи крупнейшего поселения региона V–III вв. до н.э. – Елизаветовского городища. Напомним важнейшие черты погребального обряда Елизаветовского могильника, установленные по материалам 298 раскопанных курганов: все выявленные погребения подкурганные, подавляющее большинство захоронений совершено в прямоугольных, длинных (от 2,5 до 4 м и более), узких (0,8–1,5 м) и неглубоких (до 1 м) грунтовых ямах, имеющих, как правило, широтную ориентировку; положение погребённых стандартно – вытянуто, на спине, головой на запад (82 %), иногда на восток, север или юг; устойчивы набор и расположение погребального инвентаря: обычно в восточной части ямы, в ногах погребённого находились амфора, часто килик или скифос, лепные сосуды, здесь же – остатки напутственной пищи, в основном кости коровы или лошади; обычай помещать под горлом лежащей амфоры килик или кубок – деталь, повторяющаяся и в тризнах; в могилах присутствует стандартный набор вооружения – меч или кинжал, колчаный набор, копье или дротик; в женских захоронениях обычны украшения и предметы обихода (зеркала, бронзовые браслеты, подвески, кольца и перстни, различные бусы, иногда – раковины каури); при сооружении крупных курганов часто применялись конструкции из рваного камня (крепиды, панцири или кромлехи); отправление как погребальных, так и поминальных тризн (на древнем горизонте и в насыпях курганов зафиксированы следы тризн в виде обломков амфор, сосудов для питья вина, железных ножей, костей домашних животных и рыб) (см. напр.: Шилов 1959: 16; Копылов 1986: 14; Копылов, Марченко 1986: 24–28; Марченко и др. 2000: 214–226). Анализ погребального обряда Елизаветовского могильника привёл специалистов к выводу об изначальной однородности обряда (Копылов, Марченко 1986: 28), который сохраняется практически неизменным на протяжении почти двухвекового функционирования некрополя: с рубежа первой – второй четверти V в. до н.э. и до конца IV в. до н.э. (Житников 1997: 52; Копылов 2000: 159).

Нетрудно заметить, что погребальный обряд, зафиксированный в ливенцовском комплексе, во многом копирует важнейшие черты обряда Елизаветовских курганов. Насыпь курга-

на, укрепленная каменным панцирем, многочисленные следы тризны на горизонте и в насыпи кургана, длинная могильная яма прямоугольной формы, вытянутое положение погребенного с западной ориентировкой, погребальный инвентарь (амфора с кубком у горла, колчаный набор, сероглиняный кувшин), остатки напутственной пищи в виде костей лошади – все эти черты погребального обряда ливенцовского комплекса находят прямые аналогии в Елизаветовском некрополе. Своеобразие ливенцовскому погребению № 1 придают некоторые детали, в частности, необычное расположение костей конечности лошади между ног погребенного.

В завершение следует отметить, что за пределами собственно дельты Дона, в степном как правобережном, так и левобережном Нижнем Подонье, ливенцовский комплекс является практически единственным, совершенным по обряду курганов Елизаветовского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский 1965 – Брашинский И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. *НЭ* (V), 10–30.
- Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Л.: Наука. – 270 с., 42 табл.
- Брашинский 1984а – Брашинский И.Б. 1984. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской. *НЭ* (XIV), 3–22.
- Брашинский 1984б – Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.: АН СССР. – 246 с., илл.
- Василенко 1970 – Василенко Б.А. 1970. Заметки о гераклейских клеймах. *СА* (3), 217–224.
- Василенко 1974 – Василенко Б.А. 1974. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н.э. *НЭ* (XI), 3–28.
- Житников 1997 – Житников В.Г. 1997. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона. *РА* (1), 50–59.
- Житников и др. 1979 – Житников В.Г., Казакова Л.М., Копылов В.П., Науменко С.А. 1979. Ливенцовский курганный могильник. *АО 1978 года* / Б.А. Рыбаков (ред.). М.: Наука, 125.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)* / *БИ* (XVIII). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Копылов 1986 – Копылов В.П. 1986. Исследование Елизаветовского могильника в 1979–1983 годах. *Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 году (тезисы докладов к семинару)*. Азов, 13–15.
- Копылов 2000 – Копылов В.П. 2000. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология* / В.И. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.). М.: ИА РАН, 157–166.
- Копылов, Марченко 1986 – Копылов В.П., Марченко К.К. 1986. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V–III вв. до н.э. (Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону: РГПИ, 22–36.
- Марченко и др. 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону / Pontus Septentrionalis* (II). *Tanais* (2). М. – 281 с., 72 табл.
- Мелюкова 1964 – Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов / САИ* (Д1–4). М.: Наука. – 92 с., 23 табл.
- Монахов 1992 – Монахов С.Ю. 1992. Динамика форм и стандартов синопских амфор. *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире* / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 163–204.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 678 с., 238 табл.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов, Кузнецова 2021 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2021. Синопские амфоры первой половины IV в. до н.э. из Прикубанского меотского некрополя. *АМА* (20) / С.Ю. Монахов (ред.), 261–294.
- Монахов, Рогов 1990 – Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. 1990. Керамические комплексы некрополя Панское I. *АМА* (8), 122–151.
- Полин 2014 – Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: «Видавель Олег Філюк». – 776 с.

- Федосеев Н.Ф. 2016. *Керамические клейма. Гераклея Понтийская / Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керамические клейма (II)*. Керчь: «Соло-Рич». – 320 с.
- Шилов 1959 – Шилов В.П. 1959. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. *ИРОМК* (1/3), 13–28.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes V.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.

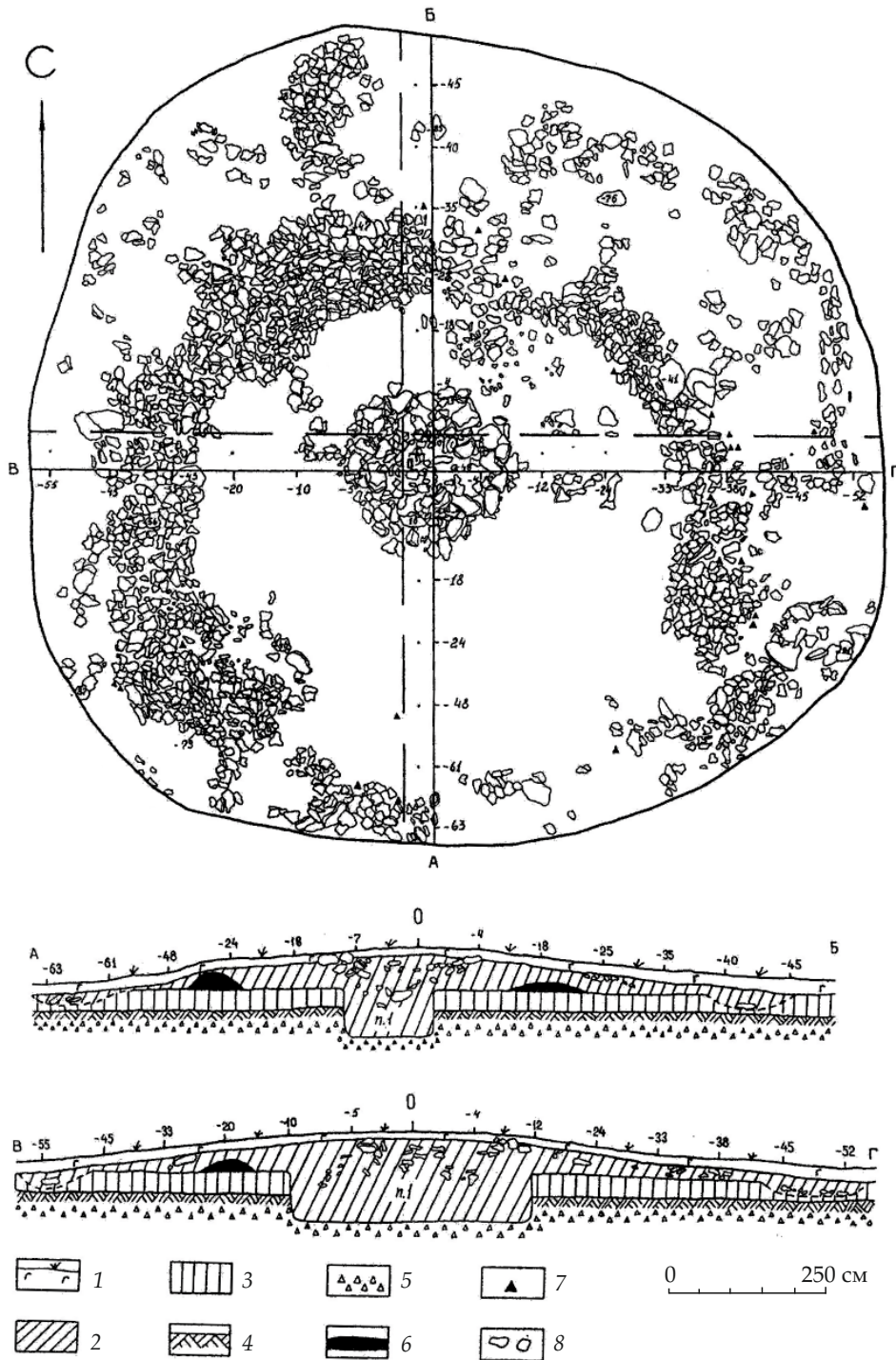

Рис. 1. Курган № 16. Общий план № 1: 1 – дёрн; 2 – насыпь – гумусированный суглинок; 3 – погребённая почва; 4 – материковый суглинок; 5 – ракушечник; 6 – выкид ракушечника из погребения № 1; 7 – фрагменты амфор; 8 – камни

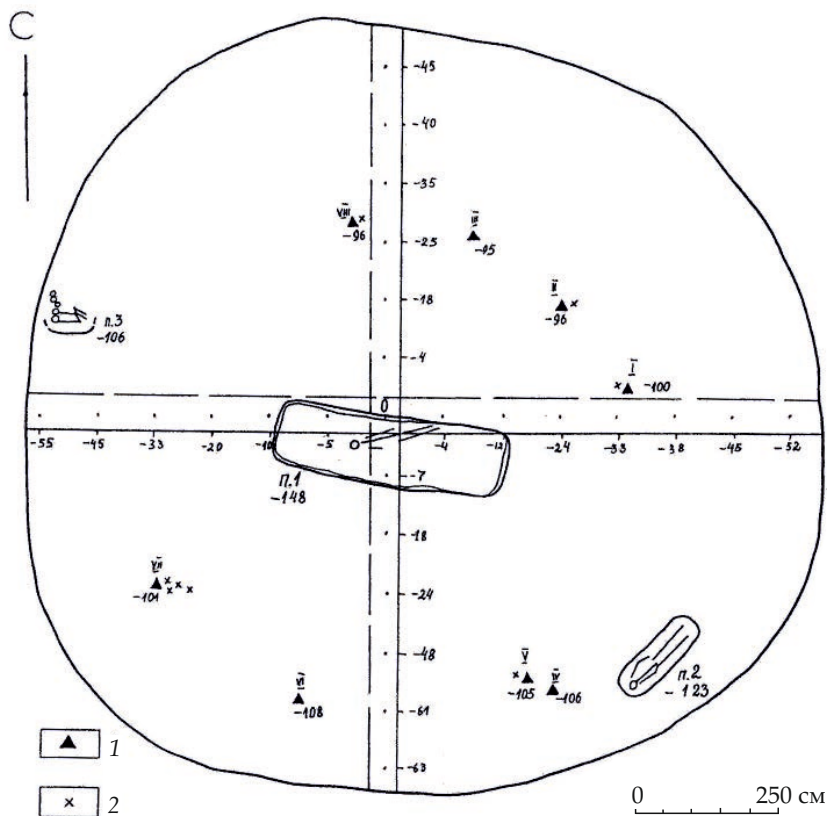

Рис. 2. Курган № 16. Общий план № 2:
1 – сосуды в тризне (I–VIII); 2 – бусы, бронзовые украшения и орудия труда в тризне

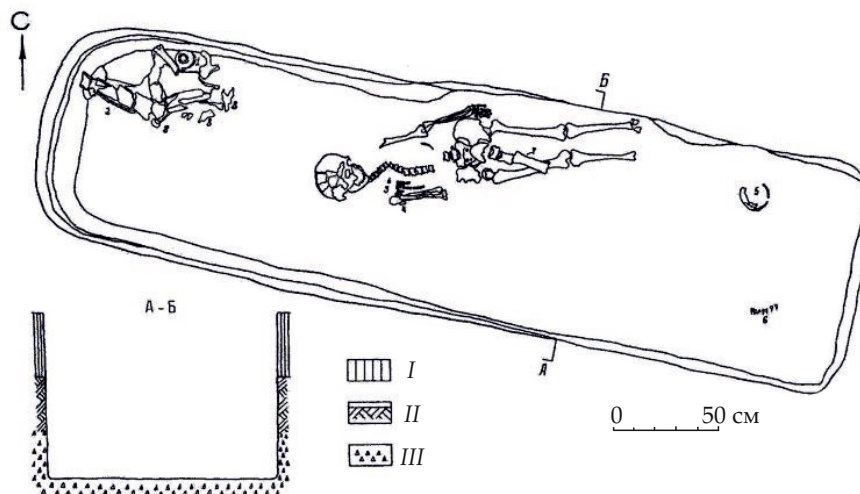

Рис. 3. Курган № 16. Погребение № 1. План:
1 – чернолаковый кубок; 2 – гераклейская амфора; 3 – бронзовый наконечник стрелы; 4 – кремь;
5 – сероглиняный сосуд; 6 – колчанный набор; 7 – конечность лошади; 8 – обломки костей лошади.
I – погребённая почва; II – материковый суглинок; III – ракушечник

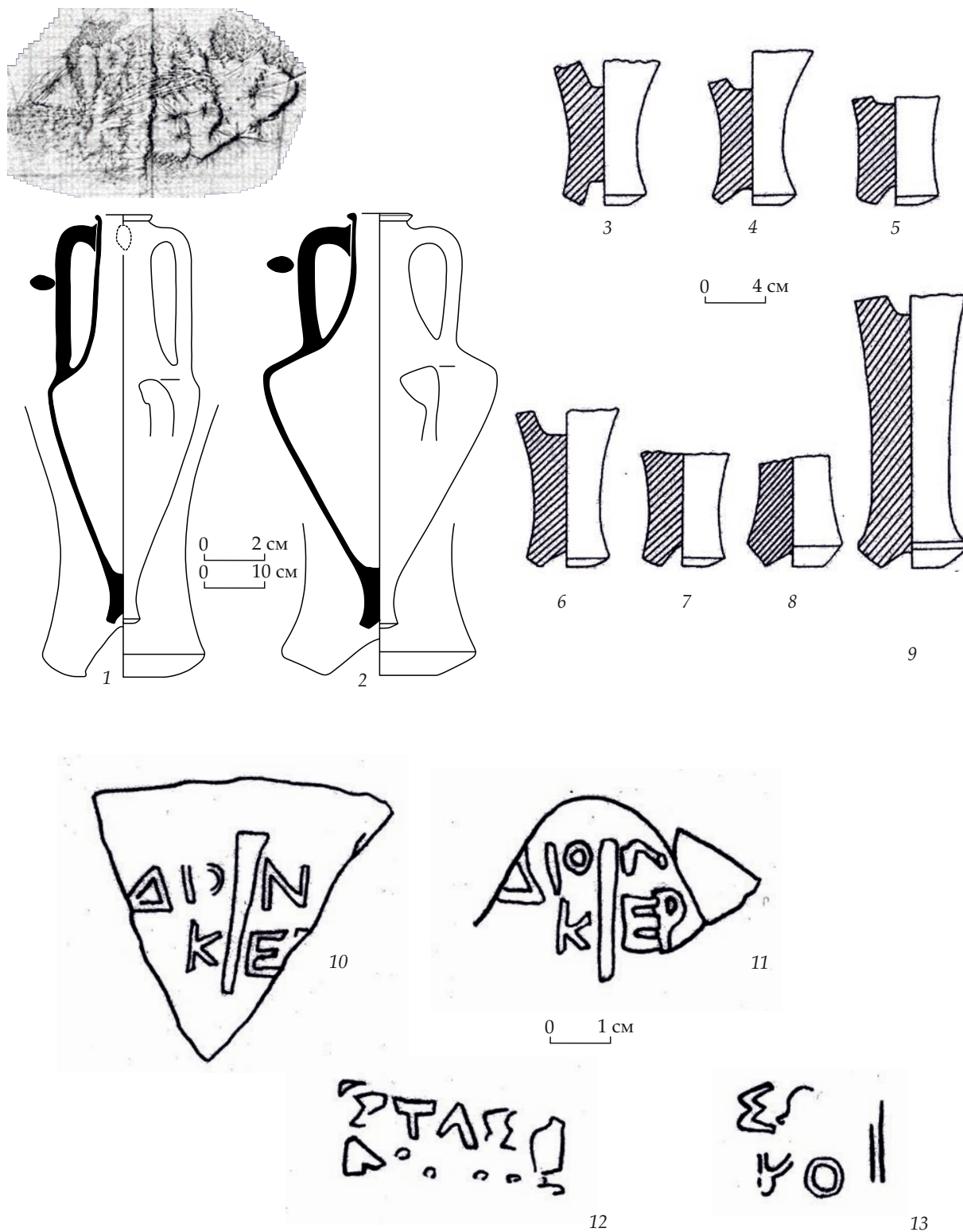

Рис. 4. Амфорный материал из погребения № 1 и тризны: 1, 3-8, 10-13 – Гераклея; 2 – Синопа; 9 – Фасос

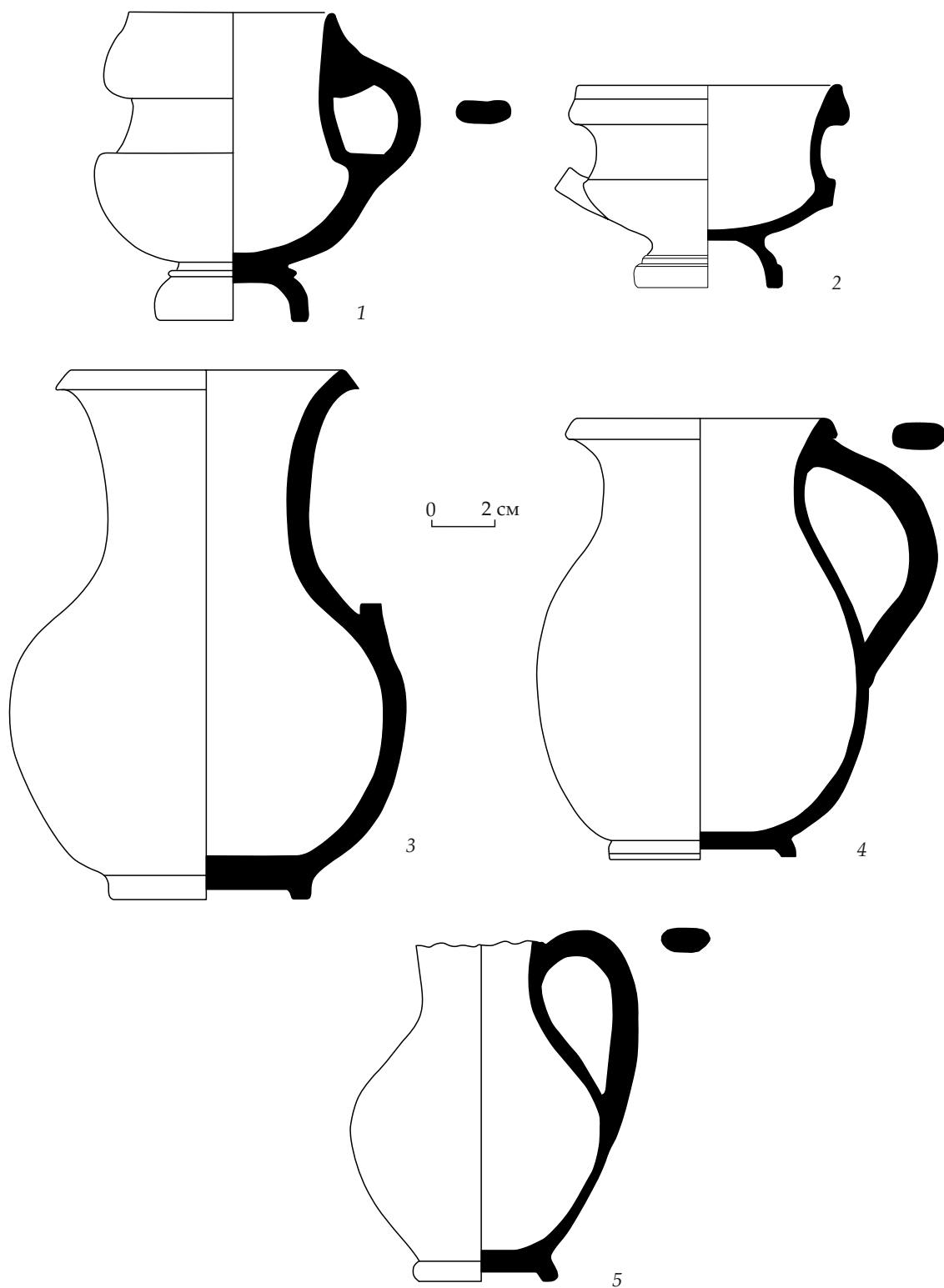

Рис. 5. Сосуды из погребения № 1 и тризны: 1 – чернолаковый одноручный канфаровидный кубок; 2 – чернолаковый канфаровидный килик; 3, 4 – сероглиняные кувшины; 5 – красноглиняный кувшин

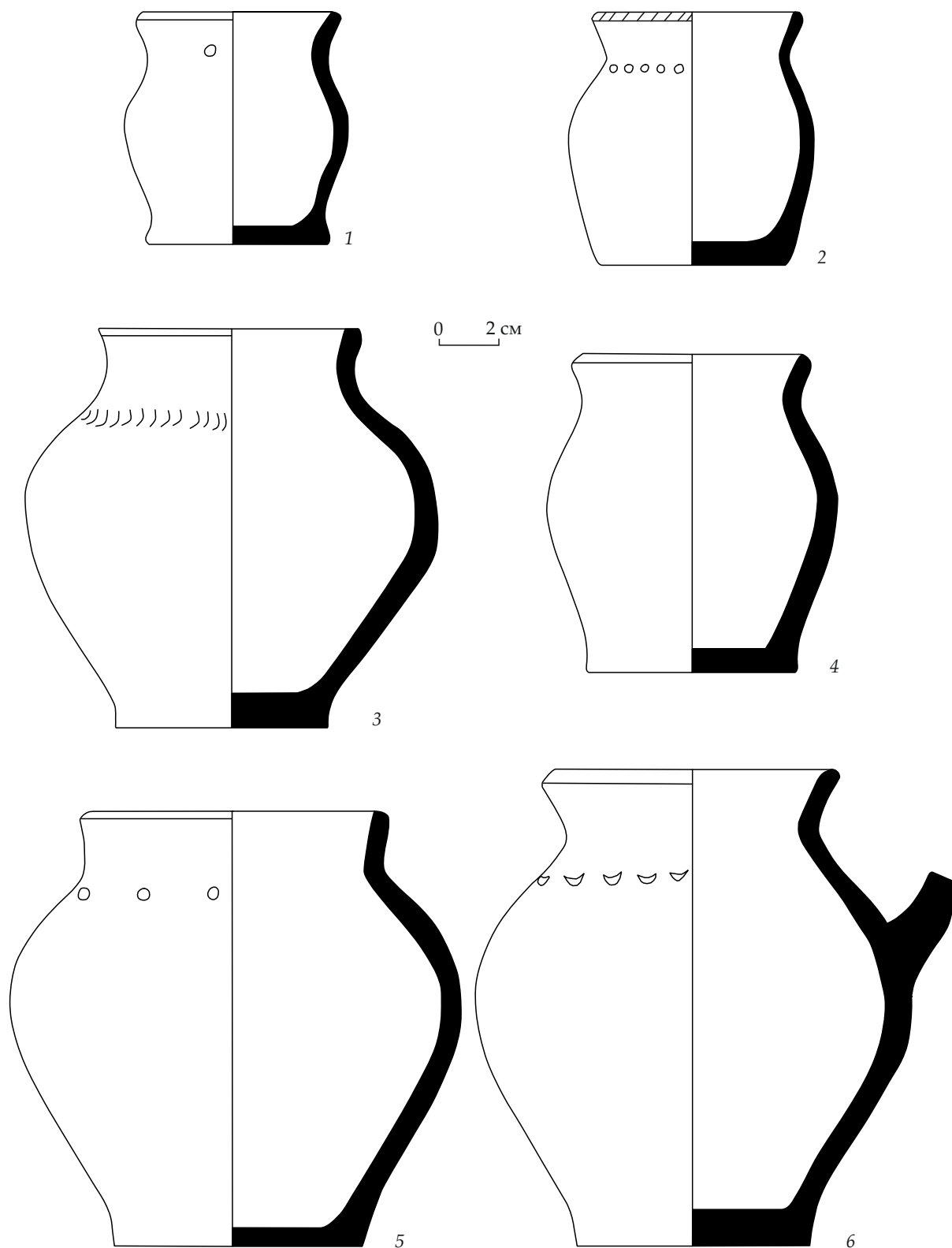

Рис. 6. Лепные сосуды из погребения № 1 и тризны

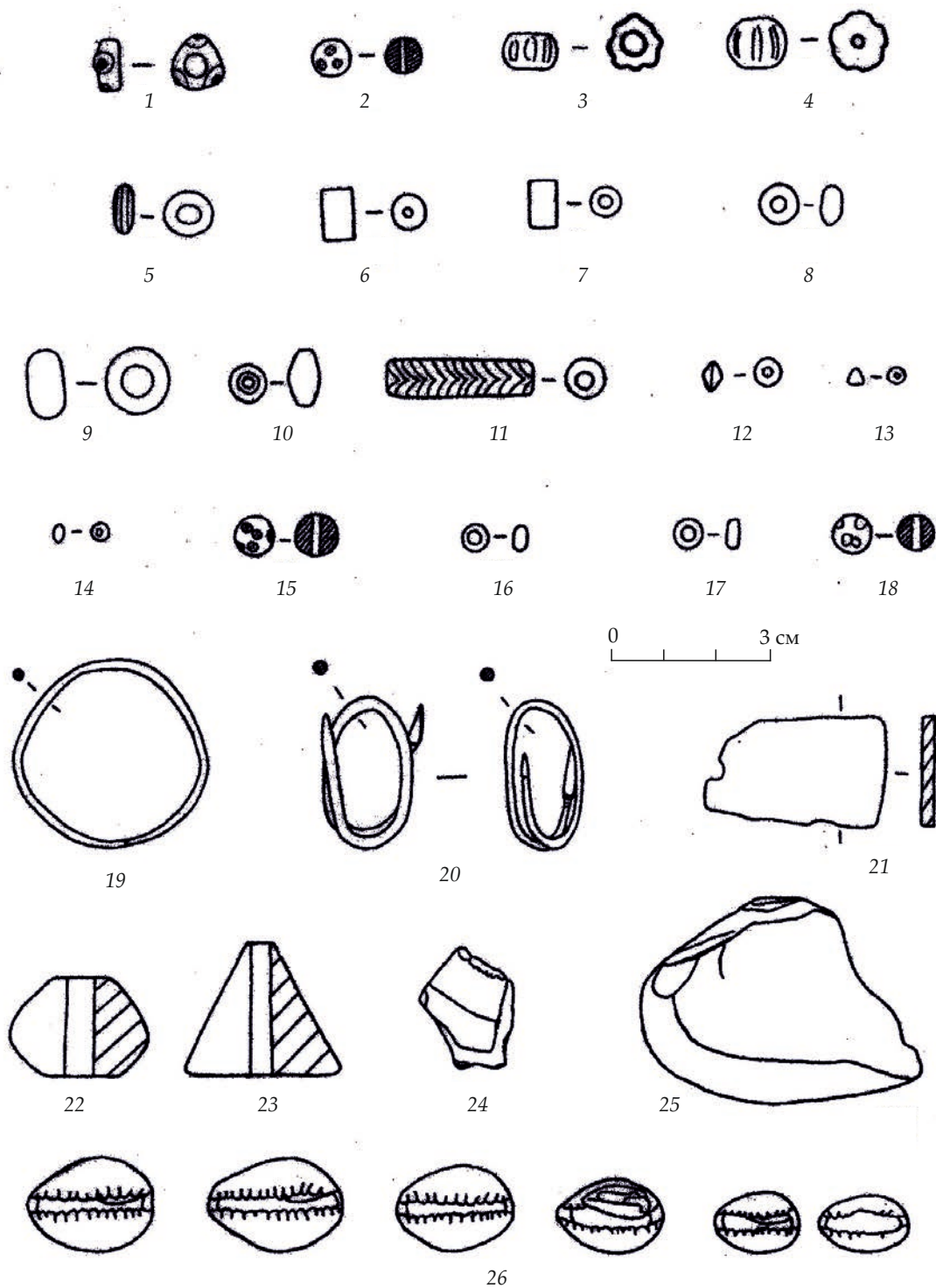
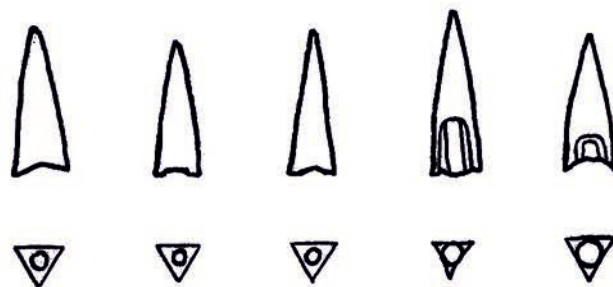
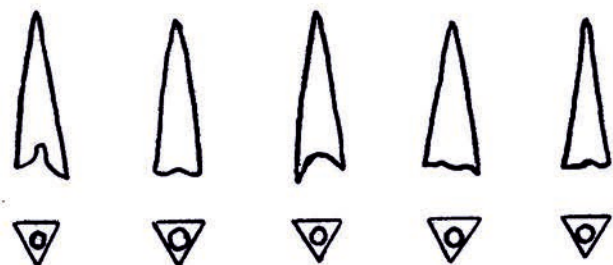
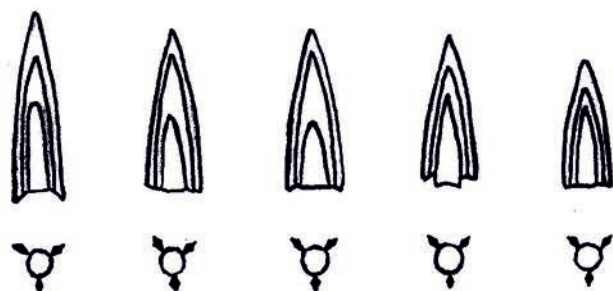
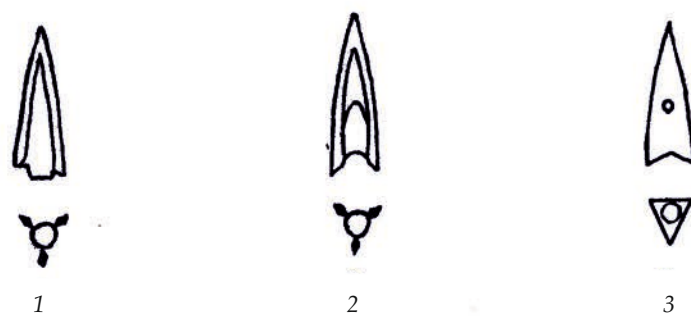

Рис. 7. Инвентарь из погребения № 1 и тризны: 1-18 – бусины; 19 – бронзовый браслет; 20 – бронзовые подвески; 21 – фрагмент железной пластинки; 22, 23 – глиняные прясла; 24 – кусок кремня без следов обработки; 25 – обломок раковины перловицы; 26 – раковины каури со срезанными спинками

4

Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел

А.А. Завойкин,
Н.А. Павличенко,
М.С. Чашук¹

ЕЩЕ ОДИН ПОДВАЛ НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

(Вопросы хронологии)²

Аннотация: в 2021 г. на акрополе Фанагории было раскопано подвальное помещение здания (№ 874), верхняя часть которого не сохранилась. После того, как по неизвестной причине функционирование здания прекратилось, стены его были разобраны, а подвал одновременно засыпан. Позднейшие находки из заполнения подвала позволили установить *terminus post quem* для этого события. Анализ фрагментов транспортных амфор, амфорных и черепичных клейм, боспорских бронзовых монет, расписной и чернолаковой посуды привел к выводу, что жизнь этой постройки завершилась не ранее ок. 315–300 гг. до н.э., но едва ли позднее начала III в. до н.э.

Ключевые слова: Фанагория, акрополь, подвал, амфоры, клейма, чернолаковая и расписная посуда, хронология, периодизация.

А.А. Zavoykin,
N.A. Pavlichenko,
M.S. Chashuk¹

ANOTHER BASEMENT ON THE ACROPOLIS OF PHANAGORIA

(Questions of chronology)

Abstract: in 2021 the basement of the building (No. 874) was excavated on the acropolis of Phanagoria, the upper part of which has not been preserved. After, for an unknown reason, the functioning of the building finished, its walls were dismantled and the basement was filled up in one-time. Latest finds from the basement filling made it possible to establish *terminus post quem* for this event. An analysis of fragments of transport amphorae, amphora and tile stamps, Bosporan bronze coins, painted and black-glazed pottery led to the conclusion that the life of this building ended no earlier than ca. 315–300 BC, but hardly later than the beginning of the 3-rd century BC.

Keywords: Phanagoria, acropolis, basement, amphorae, stamps, black-glazed and painted pottery, chronology, periodization.

В 2006 г. в XII-ом межвузовском сборнике «Античный мир и археология» была опубликована статья «Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.)». Эта работа, подготовленная С.Ю. Монаховым, Е.В. Кузнецовой и А.А. Завойкиным, оперативно вводила в научный оборот материалы двух комплексов, открытых на акрополе города. Она примечательна тем, что заложила основу археологической периодизации этого района Фанагории IV в. до н.э. (Завойкин и др. 2006). В дальнейшем каждый из авторов *настоящей* статьи, приуроченной к 70-летию С.Ю. Монахова, неизменно обращался к наработкам, полученным в ходе раскопок 2005 года и опубликованным в статье 2006 года, также, как и к фундаментальным исследованиям юбиляра в

¹ Завойкин Алексей Андреевич, доктор исторических наук, в.н.с. отдела классической археологии ИА РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, bospor@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1576-5802>.

Павличенко Наталья Андреевна, с.н.с. отдела истории античной культуры ИИМК РАН, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, nat.pavlichenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0238-842X>.

Чашук Мария Сергеевна, м.н.с. отдела учета, комплектования и хранения музейных фондов государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», 353540, Россия, Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной, ул. Античная, 1, chashuk.mari@mail.ru.

² А.А. Завойкиным статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4); Н.А. Павличенко – в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

области, которую все чаще именуют «амфорологией» (см.: Завойкин, Павличенко 2020; Завойкин, Чашук 2020).

Поиски темы для статьи, которой хотелось бы почтить С.Ю. Монахова в знаменательный день его рождения, безусловно, ограничивались этой областью античной археологии. Конкретный сюжет подсказала сама жизнь: в 2021 г. в СЗ углу раскопа «Верхний город» была открыта нижняя часть подвала (№ 874), кладки стен которого были выполнены из блоков известняка-ракушечника (рис. 1). После прекращения использования этого заглубленного помещения его стены частично были разобраны (местами кладки сохранились на один-два ряда в высоту³), а само оно одновременно засыпано. Детальное описание конструкции постройки, западная часть которой осталась за пределами раскопа, сейчас в нашу задачу не входит. Хотелось бы сосредоточить внимание на находках, что содержались в слое засыпи.

Внешние границы засыпи строительного котлована подвала (плотный коричнево-серый суглинок с известняковой крошкой и обломками камней известняка) были зафиксированы в горизонте слоя разрушения сырцовых стен дома (№ 888) архаического времени, перекрытого слоем позднеантичным⁴. Очевидно, что все слои промежуточного интервала здесь были уничтожены, также, как и верхняя часть интересующего нас объекта⁵. Таким образом, мы полностью лишены возможности судить о характеристиках наземной части постройки, к которой относился подвал, а стратиграфическая позиция интересующего нас объекта не дает подсказок относительно его хронологии. Только материал, из которого были построены стены, позволяет датировать постройку *не ранее* IV в.⁶

Ситуативно предполагалось, что мы имеем дело с очередным заглубленным сооружением, которое было засыпано, как и другие аналогичные объекты, в начале 40-х годов IV в. при перепланировке данного района (Завойкин, Павличенко 2021: 143–144, 150). Однако состав находок из засыпи подвала заметно отличается от всех прочих.

Для полноты картины, приведем краткую статистическую характеристику основных категорий находок. Среди них ожидаемо превалирует амфорный материал – 89 % (7122 фр.), далее следует черепица – 5,7 % (460 фр.), заметно меньше находок простой гончарной посуды и чернолаковой керамики – 1,5 % (125 фр.) и 1 % (86 фр.) соответственно.

Поскольку материал из засыпи не отражает времени строительства и функционального использования подвала и связан исключительно с финальным моментом его жизни, нас будет интересовать только дата этого события. Поэтому информацию о находках заведомо более ранних даем суммарно. В их числе: фрагменты амфорной тары Клазомен (3 фр.), Лесбоса (красноглиняные – 9 фр., сероглиняные – 4 фр.), ионийских на сложнопрофилированной ножке («прото-фасосских», 35 фр.), «круга Фасоса» / КТБ 4 (3 фр.) и Самоса (1 фр.), а также обломки хиосских «с воронковидным горлом» (1 фр.) и «пухлогорлых» (18 фр.).

³ Не исключено, что выше этого уровня стены были сложены из сырцового кирпича. Однако нигде следы сырцовой кладки не прослежены, помимо пола, выложенного сырцовыми кирпичами.

⁴ Стратиграфическая ситуация в этом месте раскопа осложняется тем, что в средневековое время непосредственно над остатками подвала функционировала керамическая мастерская, заглубленный в грунт котлован обжигательной печи которой уничтожил более ранние культурные отложения (под печи всего на 0,7–0,8 м выше зафиксированного уровня заполнения подвала). Этот горн был открыт в 1977 г. В.С. Долгоруковым, раскоп которого (недоведенный до материка) частично «вошел» в площадь современного раскопа.

⁵ Сохранившаяся нижняя часть котлована достигала глубины 1,25 м; протяженность его с севера на юг – ок. 6,5 м, а с востока на запад (в пределах вскрытой площади) – ок. 4,0 м.

⁶ Здесь и далее все даты (помимо цитат) – до н.э.

Остальные амфоры также представлены сравнительно небольшими фрагментами, поэтому их типологическая привязка относительна. Вместе с тем, состав центров керамической тары из комплекса показателен.

Амфоры Хиоса в этой группе находок представлены значительным числом ручек и венцов сосудов IV в. (112 фр.) и только тремя ножками: «прямогорлой» амфоры (последней четверти V в.), стандартной развитой «колпачковой» и фракционной⁷ (рис. 2 -12), судя по морфологии, последней трети IV в.

Фрагментов амфор Фасоса меньше (41 фр.), однако ножек вдвое больше, чем хиосских. Они принадлежат разновременным биконическим сосудам *от* начала IV в. *до*, по крайней мере, конца третьей четверти этого столетия (рис. 2 -19–20)⁸.

Несколько меньше обломков амфор Менды (27 фр.), в их числе три ножки первой половины – третьей четверти IV в. (рис. 2 -17)⁹.

Фрагментов амфор Гераклеи Понтийской значительно меньше (53 фр.), чем хиосских, а ножек тоже три (рис. 2 -6–8): наряду с двумя от сосудов раннего, «пифоидного» типа, присутствует ножка, которую следует отнести ко второй половине IV в.¹⁰

Слабо представлена в засыпи тара Синопы (9 фр.): помимо восьми обломков ручек – небольшой фрагмент венчика в виде округлого валика. Для хронологии эти фрагменты не представляют ценности.

Немногочисленны достоверно определимые обломки амфор Пепарета (4 фр.)¹¹ и Икоса (5 фр.). Наряду с единичными фрагментами ручек и венцов каждый центр представлен нижней частью амфоры с ножкой (рис. 2 -11, 15), соответственно: варианта I-B, 40–20-х годов IV в. (Монахов 2003: 99, табл. 69 -4) и II-й морфологической группы, середины – третьей четверти IV в. (Монахов, Федосеев 2013: 260, рис. 4–6).

В засыпи подвала найдено шесть ножек амфор, одна из которых относится к «елизаветовскому» варианту I типа амфор Книда 370-х – 350-х гг. (Монахов, Кузнецова 2021: 187, рис. 2 -1, 5), а пять других, однотипных, *напоминают* профилировку амфор этого центра¹², но не тождественны им (рис. 2 -9, 10). По морфологии они значительно ближе ножкам амфор, которые С.Ю. Монахов отнес к продукции мастерских Эрифр¹³. В целом, эти находки из подвала соответствуют ножкам амфор II-го (с «грибовидным» венцом, вторая – последняя четверть IV в.) и III-го (с «манжетовидным» венцом, вторая половина IV в.) типов: вариантов II-A, II-D, III-A (Мо-

⁷ Вариант V-B, до третьей четверти IV в. включительно (Монахов 2003: 22, табл. 12 -5).

⁸ Вариант II-B, серии 1–3, до конца 20-х гг. IV в. (Монахов 2003: 70, табл. 42–45).

⁹ Варианты II-B и II-C, не позже начала последней четверти IV в. (Монахов 2003: 93, табл. 63–65).

¹⁰ Варианты I-3 – I-4 (до начала 70-х гг. IV в.); II-2, до 30-х гг. IV в. (Монахов 2003, 131, 136, табл. 87–90; 93 -7, 94 -3). Хронология гераклейских амфор в первую очередь выстроена на датировках клейм, которыми помечены тарные сосуды этого центра. По мнению С.Ю. Монахова, «...гераклейские амфоры и клейма могут быть (и, наверное, в перспективе будут) более значимым и точным индикатором для определения хронологии археологических памятников Причерноморья IV века до н.э., чем материалы керамической эпиграфики Фасоса и Синопы, которые изучены на сегодняшний день гораздо полнее» (Монахов 2003: 123). Вместе с тем, соотнесение хронологических шкал для клейм Гераклеи и Фасоса выявило примечательную черту: в целом ряде комплексов датировки гераклейских клейм «отстают» от датировок фасосских лет на 20 (Завойкин, Павличенко 2020: 150–152).

¹¹ Венцы и ручки амфор Пепарета не столь специфичны, чтобы по небольшим фрагментам было возможно их атрибутировать.

¹² Например, ср. с ножками амфор из погребения № 13 у хут. Ленина (Монахов 2003: 102–103, табл. 71 -5, 6). Амфоры этого варианта (I-B) С.Ю. Монахов датировал предположительно серединой – третьей четвертью IV в.

¹³ Поскольку нас интересуют только вопросы хронологии, проблем, связанных с локализацией производства, касаться не будем.

нахов 2013: 39, табл. III -17, 18; IV -21; 40–41, табл. V -28). Ту же профилировку имеют и ножки амфор типа IV, с венцом в виде валика (Монахов 2013: 44–45, табл. VI -34–37, VII -39), которые С.Ю. Монахов датировал концом IV – первой третью III в. Недавно «нижняя» дата амфор этого типа была пересмотрена¹⁴: по мнению исследователей, их производство началось еще в третьей четверти IV в. (Монахов, Кузнецова 2021: 194, 195, рис. 6 -1). Насколько возможно судить по наиболее сохранным обломку амфоры с ножкой «в виде бобины с углублением на подошве» из подвала (рис. 2 -10), ориентируясь на угол наклона стенок сосуда в нижней его части, этот фрагмент принадлежал, скорее, амфоре типа IV, тулово которой ниже плеча имело конические очертания, чем амфоре типов II или III, у которых тулово в целом имело пифоидные очертания¹⁵. Однако с той оговоркой, что у амфор варианта II-B тулово тоже было коническим (Монахов 2013: 37, 38, табл. IV -21). Впрочем, в нашем случае на датировку это существенно не влияет.

В комплексе находок имеется шесть фрагментов «грибовидных» венцов (рис. 2 -4, 5). Чисто логически допустимо предположить (не более того), что в какой-то части они относятся к эрифрейским амфорам, но какая-то их часть может происходить от амфор Книда. Визуальные характеристики глины не позволяют четко их дифференцировать. По морфологии и размерам эти венцы разделяются на две группы: сильнее наклоненная к горизонту плоскость одних (4 экз.) заметно шире других (2 экз.). В любом случае можно констатировать: «манжетовидные» венчики эрифрейских типа III в комплексе не обнаружены. Сложнее утверждать то же самое относительно валиковидных венчиков типа IV, которые с легкостью могли быть приняты за венцы, например, хиосских¹⁶. Однако если в отсутствии «манжетовидных» признать хронологический признак, это вполне вероятно.

Помимо того, в комплексе имеется три фрагмента венчиков в виде массивных отогнутых (нависающих, «клювовидных») валиков (рис. 2 -3), характерных, в частности, для тарных сосудов Книда, клейменных штампами с пророй, варианта II-B по классификации С.Ю. Монахова, датируемых последней третью IV – началом III в. (Монахов 2003: 104–107, табл. 73 -4, 5 (?); Монахов, Кузнецова 2021: 194, 195, рис. 6 -4 (клеймо АПОΛ | ΛΩ, эмблема «прора»); рис. 7 -1 (клеймо АПО, ретроградно)). По мнению С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецовой, эти клейма (наряду с клеймами ПАΘ) встречаются, только на амфорах вариантов «херсонесский» (финал I-го типа) и «хавиарас» (фракционные сосуды II-го типа). Впрочем, нельзя исключать того, что они принадлежат стандартным сосудам «пифоидного» варианта II типа, который эти авторы датируют с третьей четверти IV в.¹⁷, но в основной массе – интервалом 320–280 гг. (см. Монахов, Кузнецова 2021: 188, табл. 1; 196, 198).

¹⁴ На основании датировки чернолакового канфара второй – третьей четвертей IV в. из погребения № 13 некрополя городища № 2 у х. Ленина, в котором наряду с квидской (Монахов, Кузнецова 2021: 195, табл. 6 -2) были обнаружены две (?) амфоры Эрифр (Лимберис, Марченко 2017: 182, 183, рис. 1 -1), близких по своим пропорциям амфорам, найденным в кораблекрушении около о. Хиоса, датированном третьей четвертью IV в. (Foley et al. 2009: 288, fig. 13).

¹⁵ Исключая амфоры варианта II-B, имеющие коническое тулово (Монахов 2013: 37, 38, табл. IV -21).

¹⁶ Это замечание в полной мере может относиться и к обломкам ручек обоих типов амфор.

¹⁷ В том числе на основе синхронизации (по погребению № 103 Прикубанского некрополя) с косской амфорой «раннего» варианта I-A (Монахов 2014: 203, рис. 3 -6), которая «По известным аналогиям ... должна датироваться не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.» (Монахов, Кузнецова 2021: 197, рис. 7 -2, 3). Другой аргумент исследователи находят в комплексе из погребения № 91 некрополя городища № 2 у хут. Ленина, в котором «пифоидный» вариант квидских соседствовал с эрифрейской варианта III-A (Монахов, Кузнецова 2021: 197, рис. 7 -4, 5). Характерно, что в первом случае косскую амфору С.Ю. Монахов датирует по квидской: «Основная масса таких квидских амфор была продатирована мною в пределах последней трети IV века (Монахов 2003: 106 сл., табл. 73), однако квидская амфора из погребения № 103, в силу очевидных морфологических отличий, явно более ранняя и, скорее, должна датироваться в пределах второй четверти – середины этого столетия» (Монахов 2014: 203), а затем наоборот. Во втором случае

Наконец¹⁸, одна ножка и два нижних прилепа двустольных ручек отражают присутствие в комплексе тары Коса (рис. 2 -2). Профилировка ножки находит точное соответствие в ножке амфоры из упомянутого раньше погребения № 103 Прикубанского некрополя, отнесенной к «раннему» варианту I-A, который С.Ю. Монахов датировал от середины – начала третьей до последней четверти IV в. (Монахов 2014: 203, рис. 3 -6; ср. Монахов, Кузнецова 2021: 197, рис. 7 -3 – «не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.»). Нельзя исключить того, что какие-то фрагменты «грибовидных» венцов, приписанных Книду или Эрифрам, относятся к амфорам Коса, правда, ни на одном из фрагментов таких венцов не заметны следы светлого ангоба (в отличие от ножки и ручек).

Суммируя хронологические характеристики амфорных фрагментов, представленных в комплексе засыпи подвала, датировку этого события, пожалуй, следует отнести к последним десятилетиям IV в., может быть – к началу III в.

Для хронологической характеристики комплекса наибольшее значение имеют амфорные клейма. Всего их найдено 6 экз.: Фасоса – 2; Гераклеи – 2; Менды – 1; Аканфа – 1 экз.

Из фасосских клейм одно, эпонима Πεϵ(--), (кат. 1, рис. 3 -1), относится к первым эпонимам группы G1 И. Гарлана, является последним эпонимом II хронологического периода Ч. Цочева, и датируется ими соответственно: ок. 345 г. и ок. 338 г. (Garlan 1999: 257; Tzochев 2016: 84, tabl. II; штамп – Garlan 1999: 264, № 826).

Второе клеймо, эпонима Παντιϵίδης (кат. 2; рис. 3 -2), датируется самым концом 330-х гг. (ок. 333 г.) (Garlan 2004: 323; Tzochев 2016: 84, tabl. II; штамп – IOSPE III: № 2676–2678; Bon 1957: 336, № 1335; Avram 1996: 108, № 189, pl. XV; Кац 2015: № 318–322).

Мендейское клеймо на ручке в виде вдавленного прямоугольника с рельефными буквами ΦΙ в центре (кат. 7; рис. 3 -7, 7а; 2 -16) датируется серединой – третьей четвертью IV в. (Lawall 1995: 126–127)¹⁹.

Колесовидное клеймо Аканфа (кат. 6; рис. 3 -6) с распределенными по четырем секторам буквами Α, Ρ, Π, Χ (штамп – IOSPE III: № 3300–3308) датируется И. Гарланом ок. 340–310 гг. (Garlan 2006: 269). По мнению С.Ю. Монахова, амфоры Аканфа производились в 380–330-е гг., а их клеймение (оно продолжалось примерно 25 лет) закончилось не позднее 330-х гг. (Монахов 2021: 213).

В заполнении объекта присутствуют 2 гераклеийских клейма с именами эпонимов Ανδρόνικος (кат. 8; рис. 3 -8, 8а) и Λυσίθεος (кат. 9; рис. 3 -9). В.И. Кац относит их к хронологическим группам III А и III Б своей схемы, датируя соответственно 360-ми и 350-ми гг. (Кац 2007: 429). Амфоры с клеймами Андроника и Лиситея в сочетании с теми же фабрикантами были обнаружены в дромосе 8-го Пятибратнего кургана (Монахов 1999: 358–362; Полин 2014: 432–435)²⁰. Как недавно еще раз отметил В.П. Копылов, оба погребения в 8-м Пятибратнем кургане были

датировка эрифрейской амфоры определялась по меотскому сероглиняному кувшину с маленькой ленточной ручкой-петелькой и стратиграфии: «*вряд ли* (погребение. – Авт.) *может быть датировано ранее* третьей четверти IV в.» (Монахов 2013: 40–41). Однако, как видим, в последней по времени статье о книдских амфорах дата более поздняя, чем 350–325 гг., не предусмотрена.

¹⁸ Две ножки средиземноморских амфор не могут быть достоверно идентифицированы. Внешние контуры одной из них отдаленно напоминают форму ножек амфор Пепарета, но на подошве ножки из подвала глубокая выемка (рис. 2 -14), не характерная для пепаретских, и глина ее совершенно иная.

¹⁹ По типу это клеймо похоже на мендейское клеймо – рельефное Н в прямоугольном вдавленном поле – на целой амфоре 350–330-х гг. (Монахов и др. 2016: 110, Md.7).

²⁰ Клеймо Андроника того же штампа (см. Федосеев 2016: 48, № 141–143), а Лиситея – с теми же именами, как на штампах из Китея, Узун-Сырты и Генеральского Западного, но с эмблемой «гроздь», а не «канфар» (см. Федосеев 2016: 208, № 1940–1944). Какая именно эмблема была на фанагорийском оттиске, сказать с уверенностью трудно. По-видимому, по аналогии с другими боспорскими оттисками, это был «канфар».

совершены единовременно. Соответственно, гераклейские и синопские амфоры в дромосе должны датироваться близким временем (Копылов 2016: 242–244). Соглашаясь с этим, С.Ю. Монахов предложил датировать этот курган второй половиной 350-х – рубежом 350-х/340-х гг. (Монахов 2018: 332). Рассмотрим материал из этого кургана.

Единственная клейменная синопская амфора имеет клеймо Χαβροίας – последнего астинома группы ПА И. Гарлана, 332–326 гг. (Garlan, Kara 2004: 95); конца 330-х гг. (Conovici 1998: 32); начала 330-х гг. (Кац 2007: 434). На гераклейских же амфорах стоят клейма Андроника, Лиситея, Писистрата и Архиппа.

Для датировки *Андроника* С.Ю. Монахов привлекает два комплекса, в которых клеймам с этим именем сопутствует более ранний материал. Это склад 1990 г. на поселении «Усадьба Литвиненко», где они найдены в сочетании с целыми амфорами Хиоса и Пепарета 380-х – 370-х гг. (Монахов 1999: 336–338); и курган № 26 (1911 г.) Елизаветовского некрополя, в котором помимо хиосской «колпачковой» амфоры было найдено два гераклейских клейма – [Σ]ωτῆ|[ρ]ος и плохо сохранившееся листовидное клеймо с двумя именами (Монахов 1999: 338–340). Последнее исследователь читает как Διονυ(--)|Ανδρο(--), со ссылкой на другое эрмитажное клеймо (Гос. Эрмитаж, инв. № Б.9102), которое действительно хорошо читается как Διονυ(--)|Ανδρο(--). С.В. Полин принимает чтение Монахова, но замечает, что «наличие в этом комплексе амфоры с поздним клеймом настолько противостоит, что вызывает большие сомнения в ее связи с данным комплексом» (Полин 2014: 302)²¹.

Лиситей представлен в тризне кургана № 32 у г. Орджоникидзе вместе с клеймами гераклейского магистрата Сатира, синопского астинома Аполлодора I, фасосских эпонимов Аристократа, Архестрата, Аристофона I и Лагета, а также с амфорами Икоса, Менды и Хиоса (Полин 2014: 377–381, рис. 296–299). Как и в случае с амфорами из 8-го Пятибратнего кургана, комплекс тризны этого кургана является, по замечанию С.В. Полины, «однородным и синхронным» (Полин 2014: 381). Астином первой хронологической группы в классификациях Н. Коновичи и И. Гарлана Απολλόδωρος I датируется ими первой половиной 340-х гг. (Conovici 1998: 24; Garlan, Kara 2004: 95); В.И. Кацем – 350-ми гг. (Кац 2007: 434). Что касается фасосских клейм, то Αρχέστρα(τος) является последним эпонимом группы F2 И. Гарлана (350–345 гг.), Λαγέτας и Αριστοκρ(άτης) относятся к группам G1 и G2 И. Гарлана (ок. 345–334 гг.) (Garlan 1999: 255, № 786; 258, № 797; 259, № 802; 292, № 965). Наконец, Αριστοφών I относится уже к «поздним» клеймам и датируется ок. 333–327 гг. (Garlan 2004: 323). Ч. Цочев определяет этих эпонимов близким временем: самый конец 340-х – конец 330-х гг. (Tzochev 2016: 88, tabl. 2, Per. II, III).

Таким образом, по синопскому и фасосским клеймам тризна кургана № 32 у г. Орджоникидзе должна датироваться не 360-ми – 350-ми, как предлагает С.Ю. Монахов, а 340-ми – 330-ми годами.

Ретроградные клейма *Писистрата* (Αθίου ἐπὶ Π|εισιστράτ(ου)) стоят на двух биконических амфорах типа III в погребении 2 кургана № 18 у с. Львово, аналогичных амфорам из 8-го Пятибратнего кургана (Полин 2014: 285–287). Клеймо Писистрата того же штампа присутствует также в тризне кургана № 1 у с. Чкалово (Полин 2014: 505–508) вместе с клеймами синопских астиномов Χαβροίας и Αισχίνης II, входящих в хронологическую группу ПА И. Гарлана, 332–326 г. (Garlan, Kara 2004: 95). Н. Коновичи датирует их второй половиной 330-х гг. (Conovici 1998: 25, 32), а В.И. Кац – первой половиной 330-х гг. (Кац 2007: 434). В тризне кургана № 22 Золотая Балка (Полин 2014: 296–297) клеймо Писистрата найдено вместе с фасосским клеймом эпонима

²¹ На наш взгляд, даже если в этом клейме действительно присутствует имя Ανδροόνικος, не стоит исключать возможность омонимов. Прорисовка С.Ю. Монахова (Монахов 1999: 339, табл. 146-2) допускает и другое чтение, например: Διονυ(--)|Αιθέ(ρος). Эпоним же Αιθήρ хронологически гораздо ближе к раннему фабрикантскому клейму [Σ]ωτῆ|[ρ]ος.

Αροστοκ(άτης) (Garlan 1999: 292, № 965) того же штампа, что и в тризне кургана № 32 у г. Орджоникидзе.

Таким образом, если следовать «высокой» хронологии Н. Коновичи и И. Гарлана, имеющиеся комплексы позволяют датировать Андроника и Лиситея от 345 г. до начала 320-х гг.

Соответственно, *terminus post quem* для засыпки подвала по амфорным клеймам – 330/320-е гг.

Помимо амфорных, в заполнении объекта обнаружены и два черепичных клейма.

Синопская керамида имеет клеймо гончара *Посидония 1* с эмблемой «орел на дельфине» (кат. 10; рис. 3 -10) группы IA И. Гарлана, датирующегося ок. 355–348 гг. (Garlan 2004: 76, 95). Н. Коновичи полагал, что подобные клейма могли бытовать в течение года-двух и датировал их до 355/350 г. (Соповісі 1998: 22, 51), а В.И. Кац – 360-ми гг. (Кац 2007: 434).

Ретроградное клеймо АПО на боспорской керамиде (кат. 11; рис. 3 -11; штамп – Федосеев 2012: 34, № 164–186) В.А. Анохин – датировал 370–360 гг. А.В. Ковальчук на основании находки подобного клейма на поселении Генеральское Западное (Федосеев 2012: 34, № 172) повысила датировку до 360–330 гг. (Ковальчук 2012: 35; Ковальчук, Соколова 2019: 330). С.Ю. Сапрыкин относит клеймо к началу правления Перисада I, то есть к 344/342 – 330-м гг. (Сапрыкин 2020: 157, 299, 308, табл. II).

К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы связать эти клейма с кровлей здания, которому принадлежал подвал. Соответственно, датировки этих находок не дают возможности рассуждать о времени строительства здания.

Однако мы не можем проигнорировать находки клейм, которые сделаны были в 2019 г.²² в кв. 62 и 63 (шт. 21), где располагается интересующий нас объект, занимая большую часть площади этих квадратов. Дело в том, что, хотя внешний контур котлована подвала был выявлен только в 2020 г., этот горизонт соответствует слою разрушения архаических построек, и присутствие в нем более поздних находок может быть сопряжено исключительно с поздними в него вторжениями. Все они были выявлены и изучены ранее. Так что вероятность того, что отмеченные клейма (как и две бронзовые монеты, см. ниже) относятся к заполнению подвала чрезвычайно велика, на наш взгляд – несомненна. Хотя, разумеется, полностью исключить вероятность случайной примеси (например, из осыпи бортов в межсезонье) невозможно. Речь идет о двух фасосских клеймах и одном клейме на амфоре Аканфа. Датировка двух из них в целом не противоречит датировке клейм, найденных в 2021 г.

Клеймо Аканфа (кат. 5; рис. 3 -5) с сокращением личного имени ЕМ (штамп – Garlan 2006: 287, fig. 2-b) датируется И. Гарланом ок. 340–310 гг. (Garlan 2006: 269). По мнению С.Ю. Монахова, как было указано выше, амфоры Аканфа производились в 380–330-е гг., а их клеймение (оно продолжалась ок. 25 лет) закончилось не позднее 330-х гг. (Монахов 2021: 213).

Фасосского эпонима Θάσων I (кат. 3; рис. 3 -3; штамп – IOSPE III, 2229–2231; Bon, Bon 1957: 223, № 779; Кац 2015: № 281–283) А. Аврам относит к группе клейм 310–295 гг. и датирует его ок. 300 г. (Avram 1996: 53), чуть более ранним временем его определяют И. Гарлан – ок. 315–310 гг. (Garlan 2004: 324, Gr. IV) и Цочев – ок. 305 г. (Tzochев 2016: 88, tabl. 2, Per. IV).

Еще одно фасосское клеймо сохранилось в виде небольшого обломка верхнего левого угла штампа с частично стертыми буквами ΓΥΚΡ, причем от *tau* сохранилась только часть горизонтальной галты (кат. 4; рис. 3 -4). Предположительно здесь можно восстановить имя эпонима [Ασ]τυκρ[έων]. Известны два типа оттисков, оба они с лунарной сигмой (Grace, Salviat 1962: 512–514)²³. В первом из них имя этого эпонима стоит во 2-й строке (Bon, Bon 1957: 152, № 448; IOSPE

²² В 2020 г. эта площадь не копалась.

²³ Кроме того, в 1961 г. на Фасосе был случайно найден штамп с этим именем с ломаной сигмой и более крупными буквами, этникон в нем находится в 1-й строке. Оттиски этого штампа должны были быть ретроградными, но, по-видимому, они до сих пор не обнаружены (Grace, Salviat 1962: 511–512; Tzochев

III: № 1977, 1978²⁴; Grace, Salviat 1962: 513, fig. 3–5). Во втором – обратное расположение элементов леммы: эпоним в 1-й строке, этникон во 2-й, эмблема в этом случае отделена параллельными линиями (Grace, Salviat 1962: 514, fig. 6, 7; Garlan 2004: 306, fig. 41). Таким образом, предположительно это клеймо можно восстанавливать [Ἀσ]τυκρ[έων] | [эмблема] | [Θασίων].

С.Ю. Монахов целую амфору «веретенообразного» типа (III) с клеймом Ἀστυκρῆων из некрополя Ольвии (1896 г.) датирует от середины по третью четверть III в. (Монахов 2003: 74, 281, табл. 51 -2).

Использование сигмы лунарной формы, появляющейся в фасосских клеймах в 290-х – 280-х гг. или чуть позже, ок. 275 г. (Garlan 1993: 169; Avram 1996: 31), и наличие клейм Ἀστυκρῆων в мастерских Хиони (Garlan 2004: 298), Кунофия (Garlan 1993: 157–170) и в Деметриаде в Магнезии (Tzocher 2016: 260), позволило отнести эти клейма ко второй половине III в.: ко времени после середины III в. (Debidour 1986: 333), ок. 218 г. (Garlan 2004: 327) или к 226–208 гг. (Tzocher 2016: 84, tabl. II, Gr. X).

В любом случае это клеймо хронологически «выпадает» из комплекса материалов из засыпки подвала и должно быть отнесено на счет случайной «примеси». В данном случае определяющим критерием служит продолжительная хронологическая лакуна между фасосским клеймом Ἀστυκρῆων и наиболее поздними датировками всех остальных находок.

Каталог клейм

Фасос

1. [Νοακλ]ε(ι)δη|ς Πει|θι(--)
стригиль.

Фан-2021, ВГ, 874-IV/15-2.

2. [Πα]ντ[ι] | [μί]δεω
сосуд с 2-мя ручками на подставке.
Фан-2021, ВГ, 874-IV/15-1.

3. Θασίω[v]
угорь (?) или стригиль →
Θ[άσων]
Фан-2019, ВГ, 62/21-IV/15-1.

4. [Ἀσ]τυκρ[έων]
[черта, эмблема, черта]
[Θασίων].
Фан-2019, ВГ, 63/21-IV/15-1.

Аканф

5. ΕΜ(--).
Фан-2019, ВГ 63/21-IV.

6. Круглое рельефное клеймо.
Α | Ρ | Π | Χ.
Фан-2021, ВГ, 874-IV/49-1.

2016: 70, note 156). Считается, что все штампы принадлежат одному и тому же эпониму (Debidour 1979: 281, 308; 1986: 314; Garlan 2004: 298; Tzocher 2016: 70).

²⁴ Судя по карточке из корпуса клейм Е.М. Придика (НА ИИМК. РО. Ф. 33. Д. 13. Л. 230), № 1977 и 1978 – это одно и то же клеймо.

Менда

7. Клеймо в виде вдавленного квадрата, в центре рельефные буквы ΦΙ.
Фан-2021, ВГ, 874-IV/14-1.

Гераклея

8. Ἀττη[ς] | ἐπ[ι Ἀνδρονί(κο)].
Фан-2021, ВГ, 874-IV/19-2.

9. Στασίχ[ορος] | [канфар →] | [Λ]υσιθέ[ο].
Фан-2021, ВГ, 874-IV/19-1.

Синопа (черепица)

10. Ποσ[ε]ι|δ[ωνίο орел на дельфине]
Гончарное клеймо. Фабрикант Ποσειδώνιος 1.
Фан-2021, ВГ, 874-I-1.

Боспор (черепица)

11. ΑΠΟ.
ретроградно
Фан-2021, ВГ, 874-I-2.

Для верификации интересующей нас даты безусловную ценность имеют немногочисленные бронзовые монеты²⁵ пантикапейской чеканки. Две из них, однотипные, были найдены в 2019 г. (в том же штыке, что и клейма), одна – в 2021-м.

2019, 62/21 (оп. 59, 92):

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Голова льва, внизу осетр; вокруг ΠΑΝ.

Ок. 315–300 гг. (Анохин 1986: 125).

2021, 874 (оп. 43):

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Пегас или горит; ΠΑΝ.

Ок. 330–315 гг. (Анохин 1986: 112–113).

Как видим, датировки нумизматического материала вполне согласуются с датировками клейм (идеально соотносится с датировкой позднейшего в комплексе фасосского клейма Θάσων Ι).

Для полноты картины, необходимо дать хотя бы краткую характеристику чернолаковой и расписной посуде.

В засыпке подвала представлено небольшое количество ранней расписной ионийской керамики (22 фр.), а также фрагмент закрытого чернофигурного сосуда. Наиболее содержательной в изобразительном плане является стенка краснофигурного кратера с колонновидными ручками (рис. 4 -1)²⁶. Хронология находки не относится к интересующему нас периоду, но пару слов о ней сказать стоит. Сохранился фрагмент тулова с росписью метопы: верхняя часть тела обнаженного юноши (атлет или комаст) влево; сюжет ограничен полосой язычкового орнамента и листьями плюща; вокруг фигуры две буквы разбавленной глиной (натуральный пигмент). Судя по расположению фигуры, а также аналогичным росписям, можно предположить, что

²⁵ Все определения монет выполнены М.Г. Абрамзоном, которому выражаем свою искреннюю благодарность.

²⁶ Фрагменты от этого же сосуда были обнаружены ранее в яме № 878. Хранение в Государственном музее-заповеднике «Фанагория»: ФМ-КП-78/23 А2201 ГК 22882642.

юноша был не единственным изображенным на вазе. Близки по росписи работы мастера Myson Painter, чью продукцию обычно относят к 500–480 гг. (Beazley 1963: № 240.39; Boardman 1975: 112). В подвале были обнаружены еще два фрагмента кратера этого же типа (рис. 4 -2, 3). Вероятно, один из фрагментов (с изображением ягодиц обнажённого юноши) может относиться к той же вазе, фрагмент которой был описан.

Краснофигурная керамика представлена также двумя небольшими фрагментами закрытых сосудов. Это тулово лекифа с изображением пальметты (рис. 4 -4). Фрагментарность находки не позволяет выявить морфологические особенности сосуда, однако дает возможность судить об особенностях росписи: средний лепесток пальметты длиннее остальных и разрывает резервную линию, лепестков по сохранившемуся боку немного, они слегка изогнуты, с притупленными концами. Если опираться на классификацию рисунка, разработанную Т. Ивановым, то наш экземпляр относится к варианту Ж, датирующемуся второй половиной IV – началом III в. (Иванов 1963: 112–116)²⁷. Косвенно на принадлежность подобного рисунка пальметты именно к IV в. указывает и О.Е. Буравчук (Буравчук 2007: 42, вариант А). Сюжет еще одного фрагмента краснофигурного закрытого сосуда (рис. 4 -5) не поддается определению, особенности технологии позволяют предположить, что это фрагмент щитка аска (менее вероятно – пиксиды).

Канфары. Обнаруженные три фрагмента венцов относятся к канфарам с формованным венчиком, характерным для классической серии (*Classical kantharos*) и кубковидных канфаров (*Cup-kantharos*) (рис. 4 -6–8). Классификация базируется на пропорциях сосуда, поэтому в нашем случае определить узкую дату невозможно. Выводы могут быть построены лишь на общей хронологии чаш: классическая серия бытует с середины IV до начала III в., а кубковидные – с последней трети IV в. до начала III в. (Егорова 2009: 27–28). Как отмечают Е.Я. Рогов и И.В. Тункина, основываясь на исследованиях материалов некрополей Северного Причерноморья, подобные канфары («с литым венцом») на данной территории были распространены во второй–третьей четвертях IV в. (Рогов, Тункина 1998: 167). К той же категории относится и небольшой фрагмент ножки (рис. 4 -9). Она профилирована, полоса под уступом поддона оставлена в цвете глины, на подошве неглубокий желобок (ср.: Егорова 2017: № 61; Sparkes, Talcott 1970: № 700, 701, 707).

Миски разного размера представлены 9 фрагментами. Единственный сохранившийся полный археологический профиль (рис. 4 -10) относится к мисочкам с широким поддоном (*broad base*) и загнутым внутрь краем (d венца – ок. 10 см; d поддона – 6,5 см). На внутренней поверхности дна сохранился фрагмент штампованного орнамента – пальметта. Как отмечает Т.В. Егорова, такие сосуды были популярны во второй половине IV в., однако встречаются и в первой половине III в. (Егорова 2009: 38). Наш экземпляр относится к IV в., на что указывает характерная для этого времени скошенная подошва, оставленная в цвете глины, по которой идёт едва заметный желобок. Аналогичная миска из поселения Чайка была отнесена к третьей четверти IV в., такие же миски на афинской агоре датированы последней четвертью IV в. (Егорова 2009: № 352; Rotroff 1997: № 1050, 1051).

Еще один фрагмент венца миниатюрной миски (d – ок. 12 см), сохранившийся с придонной частью, следует отнести к мискам с загнутым внутрь краем. Край миски заострен, а на верхней части стенки имеется небольшое утолщение (рис. 4 -11). На внутренней поверхности дна сохранился фрагмент пояска с насечками. Миски этого типа появились в V в. и просуществовали вплоть до III в. (Sparkes, Talcott 1970: 131–132). Хронологическая классификация С. Ротрофф базируется на эволюции поддонов. В нашем случае он не сохранился поэтому датировка фрагмента по морфологии достаточно приблизительная, основывается лишь на косвенных критериях: на заострённом крае вкупе с утолщением, резервной линией между туловом и поддоном, а также штампованным орнаментом. Все эти особенности позволяют отнести фрагмент ко вто-

²⁷ Близка: Иванов 1963: № 130.

рой половине IV в. (Rotroff 1997: 162; Sparkes, Talcott 1970: 131–132, № 828; Егорова 2009: 35, № 278, 280).

Третий фрагмент относится к наиболее популярной категории мисок – с отогнутым наружу краем (рис. 4 -12). Из-за сильной фрагментарности и отсутствия нижней части соотносить его с определенным типом (классическим или эллинистическим) не представляется возможным. По визуальной схожести с сосудами из других памятников, можно предположить, что фрагмент относится к концу IV – первой четверти III в. (Егорова 2009: 33, № 190–194).

Категория *одноручных чаш* представлена двумя фрагментами венцов. У наиболее сохранившегося край скошен внутрь (d – ок. 15 см), плавно переходит в полусферическое тулово (рис. 4 -13). Именно морфологические особенности венца позволили отнести небольшой фрагмент к данной категории. Глубокие одноручные чаши известны с V в., в следующем столетии они становятся популярными, а уже в III в. они встречаются редко (Rotroff 1997: 155–156; Sparkes, Talcott 1970: 154, № 755–757). Как отмечает Т.В. Егорова, поздние варианты одноручных чаш второй половины IV в. имеют как раз скошенную внутрь верхнюю площадку края (Егорова 2009: 39). У найденной чаши довольно большой диаметр. По размеру и морфологии она сходна с сосудами второй половине IV в., найденными в Северо-Западном Крыму (Егорова 2009: № 416–422). Аналогичные чаши большего диаметра С. Ротрофф отнесла к последней четверти IV в. (Rotroff 1997: № 856, 857).

Солонки. В подвале было обнаружено 9 их фрагментов. Почти все относятся к фрагментам солонок на поддоне (*footed*). Все венцы имеют закругленный, загнутый внутрь край, толщина стенок различная. На внешней стороне одного из венцов, процарапано граффито: буква *хи* в виде креста (рис. 4 -14). Похожие солонки известны с третьей четверти IV в. и были популярны вплоть до середины III в. (Rotroff 1997: 167; Егорова 2009: 38). На одной из стенок сохранился штампованный орнамент в виде пальметты (рис. 4 -15). Единственная солонка (миниатюрная чаша) с профилированными стенками (*bowl with shallow wall and convex-concave profile*) относится к другому типу, несомненно, бытовавшему вплоть до IV в. Однако, опираясь на аналогии, наш экземпляр следует отнести ко второй половине V в. (Sparkes, Talcott 1970: № 818, 821).

Поддоны с граффити. Помимо уже перечисленных находок были обнаружены три поддона открытых сосудов с граффити на внешней стороне дна и штампованным орнаментом на внутренней. Первый поддон кольцевой (d – 7,4 см), слабо профилирован, придонная часть выделена пояском в цвете глины, предположительно относится к сосудам для питья (разновидность скифоса?). На внутренней стороне орнамент: три ряда насечек, в центре оттиснуты шесть пальметт, соединенные дугами; внешняя сторона полностью покрыта лаком, центр акцентирован конусовидным выступом, ближе к поддону процарапано граффито КАЛ (рис. 4 -16). Второй кольцевой поддон (d – 6,4 см) непрофилирован, подошва прямая с желобком, также может относиться к разновидности скифоса. На внешней стороне сохранился штамп в виде двух пальметт; на внутренней, полностью покрытой лаком – фрагмент граффито: АН (рис. 4 -17). Последний в этой категории поддон от миниатюрного сосуда (d – 4,1 см), в нижней части профилирован широким выступом. В центре внутренней поверхности оттиск в виде 5 пальметт по кругу. Внешняя сторона дна орнаментирована тремя концентрическими полосами разной толщины с точкой в центре, в широкой полосе граффито ЛА (рис. 4 -18). Основываясь на морфологии, декоре и палеографии граффити можно датировать поддоны второй половиной V – IV в.

Прочее. Помимо представленных выше находок были найдены фрагменты чернолаковых закрытых сосудов, киликов, тарелок и др.; пирамидальное грузило, бусина египетского фаянса, изделия из металла и проч. Ввиду того, что эти находки не имеют узких хронологических рамок либо выходят за пределы интересующего нас периода, в статье они не рассматриваются. Отдельно стоит отметить лишь нижнюю часть светильника с высокой втулкой (рис. 4 -19). Визу-

альная характеристика глины и морфологические особенности позволяют предположить, что он относится к большой группе открытых красноглиняных светильников, характерных для классического и раннеэллинистического времени, а именно: конца IV – первой половины III в. (Журавлев и др. 2007: № 329–336).

Таким образом, большая часть представленных в комплексе чернолаковых сосудов относится ко второй половине IV – началу III в. и лишь небольшой процент находок – к более раннему периоду.

Подведем итог. Не ранее чем в последние полтора десятилетия IV в. (около 315–300 гг.), но едва ли позже начала следующего столетия был засыпан котлован подвала, каменные кладки стен которого предварительно были частично разобраны. По всей видимости, также были разобраны стены здания, которому этот подвал принадлежал. Ни о планировке этого здания, ни о причинах его демонтажа ничего сказать невозможно. Следы катастрофических событий в сохранившейся части подвала не обнаружены²⁸. Поэтому и о причинах прекращения жизнедеятельности здания с подвалом ничего определенного сказать нельзя, тем более что нам не известно, как в дальнейшем использовалась площадь на месте засыпанного подвала²⁹. Судя по косвенным признакам (материал кладок, ориентировка стен), здание с подвалом было построено не раньше начала IV в., но не позже 40-х гг. того же столетия (что вероятнее). В любом случае оно функционировало на раннем этапе того периода застройки (40-е гг. IV – конец II в.)³⁰, когда происходит архитектурное оформление акрополя Фанагории. Ранее удалось установить, что в течение этого длительного периода происходили локальные перестройки, но определить их время и систематичность не удастся. Так, небольшое здание (№ 123), которое, по мнению В.Д. Кузнецова, представляло собой *templum in antis*, было построено в III в. (Кузнецов 2003: 4–5)³¹, после того, как расположенное в 2–2,5 м к северу от него здание (№ 142+143+145), построенное не раньше 40-х годов IV в., было демонтировано. Но когда точно это произошло – определить не представляется возможным. Показательно и то, что основание стен общественного здания (№ 123), было сложено в основном из пиленых блоков ракушечника, многие из которых имеют несомненные признаки вторичного использования (пироны). Иначе говоря, при его строительстве в дело пошел камень из кладок демонтированной постройки второй половины IV в.

Открытый раскопками в 2021 г. строительный комплекс, финал жизни которого определяется довольно точно, конечно же, не может быть синхронизован с другими свидетельствами перестроек на акрополе в данный период и, тем самым, нельзя выявить дату завершения определенного этапа в истории этого общественного центра Фанагории. Однако исследованный подвал интересен, прежде всего, как архитектурный объект, отражающий динамику (хронологию) перестройки акрополя периода его «расцвета». Не менее интересен факт, подтверждающий использование заглубленного помещения в качестве бронзолитейной мастерской, очевидно, общественного назначения³².

²⁸ Над полом, в горелой прослойке (до 8 см в ЮЗ части подвала), и на его поверхности прослежены ярко выраженные следы бронзолитейного производства в виде многочисленных «выплесков» металла. Следы же воздействия огня на камнях кладки отсутствуют.

²⁹ Тщательная единоразовая засыпка котлована позволяет думать, что это место готовилось под новое сооружение, но слой соответствующего ему времени, как было сказано выше, не сохранился до наших дней.

³⁰ Кратко о периодизации застройки этого района времени Спартокидов см. (Завойкин 2020а: 11–13).

³¹ Это определение поддержала Ю.Н. Кузьмина (Шорунова), отметив, правда, что в функциональном отношении постройки такого рода могли использоваться в качестве сокровищниц (Кузьмина 2012: 258–259).

³² Возможность использования этой территории для частных домовладений в рассматриваемый период мы полностью исключаем.

Рассмотренный в статье комплекс дает повод акцентировать внимание на том, что заглубленные в грунт сооружения (подвалы, полуподвалы, «грунтовые котлованы»³³) в районе исторического ядра Фанагории являются объектами массовыми. Они известны нам, начиная с первых десятилетий застройки исторического ядра *апойкии*. Такого рода сооружения использовались не только в качестве хранилищ и/или мастерских в жилых домах (Кузнецов 2001, 10–11), но также в сакральных постройках (Кузнецов 2019: 404–410, рис. 3 -1; 4, 5, 7–9; Кузьмина 2010: 429–439) или же были изолированными недолговременными структурами, выполнявшими аналогичные функции (например, см. Завойкин и др. 2013)³⁴. Если не брать в расчет культовое сооружение с апсидой – так наз. «святилище кабиров» (Кузьмина 2010: 436–437), – открытый в 2021 г. подвал является самым поздним известным на сегодня объектом такого рода на «Верхнем городе».

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин 1999 – Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия. – 249 с.
- Буравчук 2007 – Буравчук О.Е. 2007. Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея. *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор* / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.). Запорожье: Дикое Поле, 36–61.
- Егорова 2009 – Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 256 с.
- Егорова 2017 – Егорова Т.В. 2017. *Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Научный каталог*. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина. – 145 с., 39 табл.
- Журавлев и др. 2007 – Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. 2007. *Светильники VI – первой половины III в. до н.э. / Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников (I)*. Киев: Мистецтво. – 308 с.
- Завойкин 2018 – Завойкин А.А. 2018. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории. *ДБ* (22), 54–66.
- Завойкин 2020а – Завойкин А.А. 2020. Акрополь Фанагории в эпоху Спартокидов. *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре (2)* / А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов (ред.). Самара: СГСПУ, 11–13.
- Завойкин 2020б – Завойкин А.А. 2020. Комплекс с «псевдо-самосской» амфорой из раскопок Фанагории. *АВ* (29), 252–262.
- Завойкин и др. 2006 – Завойкин А.А., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю. 2006. Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.). *АМА* (12), 294–312.
- Завойкин и др. 2013 – Завойкин А.А., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории. *Материалы по археологии и истории Фанагории* (1) / В.Д. Кузнецов (ред.). (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М.: ИА РАН, 206–229.
- Завойкин, Павличенко 2020 – Завойкин А.А., Павличенко Н.А. 2020. Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н.э. *Нурапис* (2), 141–168.
- Завойкин, Чашук 2020 – Завойкин А.А., Чашук М.С. 2020. Подвал на акрополе Фанагории. *КСИА* (258), 213–231.
- Иванов 1963 – Иванов Т. 1963. Антична керамиката от некропола на Аполлония. *Аполлония: Розкопките на Аполлония през 1947–1949 гг.* / И. Венедиков (ред.). София: изд-во Бълг. акад. на науките, 65–273.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография. – 479 с.
- Кац 2015 – Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиптия и ее хора, Семибратнее городище*. Саратов: изд-во Саратовского университета. – 180 с.
- Ковальчук 2012 – Ковальчук А.В. 2012. Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III в. до н.э.). *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал / А.А. Масленников (ред.) / *ДБ* (Suppl. III), 19–59.
- Ковальчук, Соколова 2019 – Ковальчук А.В., Соколова О.Ю. 2019. Черепичные клейма из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.). *ДБ* (24), 325–357.
- Копылов 2016 – Копылов В.П. 2016. Черты элитарной боспорской культуры в курганах Елизаветовского некрополя. *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого сто-*

³³ О значении этого термина см. (Завойкин 2018: 54–56).

³⁴ Наиболее поздний «грунтовый котлован» относится к началу IV в. (Завойкин 2018: 63–64).

- ла. Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г. / В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.-сост.). СПб.: ПАЛАЦ-ЦО, 240–245.
- Кузнецов 2001 – Кузнецов В.Д. 2001. Раскопки последних лет в Фанагории. *Таманская старина* (1). СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 9–14.
- Кузнецов 2003 – Кузнецов В.Д. 2003. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2002 г.* М. Архив ИА РАН. Р-1. № 27068, 27069–27071.
- Кузнецов 2019 – Кузнецов В.Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы. *ДБ* (24), 398–416.
- Кузнецов 2020 – Кузнецов В.Д. 2020. *Отчет об археологических раскопках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2019 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной).* В 7-ми томах. М. Архив ИА РАН. Р-1, б/№.
- Кузьмина 2010 – Кузьмина Ю.Н. 2010. Апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг. в Фанагории. *ПИФК* (1), 429–439.
- Кузьмина 2012 – Кузьмина Ю.Н. 2012. Сакральные комплексы Фанагории в контексте городского ландшафта. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации.* Керчь: БФ «Деметра», 256–264.
- Лимберис, Марченко 2017 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2017. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья. *Stratum plus* (3), 181–198.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов 2014 – Монахов С.Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus* (3), 195–222.
- Монахов 2015 – Монахов С.Ю. 2015. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их хронологии. *ПИФК* (3), 106–119.
- Монахов 2018 – Монахов С.Ю. 2018. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* (2). Сб. трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова / А.Н. Коваленко (ред.). Ростов-на-Дону, 320–333.
- Монахов 2021 – Монахов С.Ю. 2021. Новые материалы к хронологии и типологии амфор Аканфа. *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года.* Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 210–218.
- Монахов, Кузнецова 2021 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2021. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III вв. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани. *Stratum plus* (6), 183–205.
- Монахов и др. 2016 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VII–II вв. до н.э. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.* Керчь; Саратов. – 222 с.
- Монахов, Федосеев 2013 – Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса. *АМА* (16), 255–266.
- Полин 2014 – Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонцине.* Киев: «Видавель Олег Філюк». – 776 с.
- Рогов, Тункина 1998 – Рогов Е.Я., Тункина И.В. 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *АВ* (5), 159–175.
- Федосеев 2012 – Федосеев Н.Ф. 2012. *Керамические клейма. Боспор / Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Керамические клейма (I).* Киев: Мистецтво. – 159 с.
- Федосеев 2016 – Федосеев Н.Ф. 2016. *Керамические клейма. Гераклея Понтийская / Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керамические клейма (II).* Керчь: «Соло-Рич». – 320 с.
- Avram 1996 – Avram A. 1996. *Les timbres amphoriques. I: Thasos / Histria* (VIII.1): Les résultats des fouilles. Bucarest: Editura Enciclopedica; Paris: De Boccard – 176 p., XLIV pl.
- Beazley 1963 – Beazley J.D. 1963. *Attic Red-figure Vase-painters.* Oxf.: Clarendon Press. – 1598 p.
- Boardman 1975 – Boardman J. 1975. *Athenian Red Figure Vases: the Archaic Period. A Handbook / World of Art Series.* L.: Thames & Hudson. – 207 p.
- Bon, Bon 1957 – Bon A.-M., Bon A. 1957. *Les timbres amphoriques de Thasos / Études Thasiennes* (IV). P.: De Boccard. – 538 p.
- Conovici 1998 – Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) / Histria* (VIII). Bucarest; Paris: De Boccard. – 206 p., XLVII pl.
- Debidour 1979 – Debidour M. 1979. *Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens.* *BCH* (Suppl. V), 269–314.
- Debidour 1986 – Debidour M. 1986. *En classant les timbres thasiens.* *BCH* (Suppl. XIII), 311–334.

- Foley et al. 2009 – Foley B.P., Delaporta K., Sakellariou D., Camili R. 2009. The 2005 Chios Ancient Shipwreck Survey. New Methods for Underwater Archaeology. *Hesperia* (78/2), 259–305.
- Garlan 1993 – Garlan Y. 1993. Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres amphoriques thasiens. *Journal des savants* (1993), 149–181.
- Garlan 1999 – Garlan Y. 1999 *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens / Études thasiennes* (XVIII). Athènes; Paris: De Boccard. - XII-340 p.
- Garlan 2004 – Garlan Y. 2004. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. *BCH* (128–129), 269–329.
- Garlan 2006 – Garlan Y. 2006. Interprétation des timbres amphoriques « à la roue » d'Akanthos. *BCH* (130), 263–291.
- Garlan, Kara 2004 – Garlan Y., Kara H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica* (XVI), Istanbul; Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.
- Grace, Salviat 1962 – Grace V., Salviat F. 1962. Sceau thasien à marquer les amphores. *BCH* (86), 510–516.
- Lawall 1995 – Lawall M. 1995. *Transport Amphoras and Trademarks: Imports to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B.C.* University of Michigan. – 435 p.
- Rotroff 1997 – Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora* (XXIX). Princeton (New Jersey): The American School of classical studies at Athens. – 575 p., 264 ill.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Tzochev 2009 – Tzochev C. 2009. Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology. *Archaeologija Bulgarica* (13), 55–72.
- Tzochev 2016 – Tzochev C. 2016. *Amphora stamps from Thasos / The Athenian Agora* (XXXVII). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies. – 244 p.

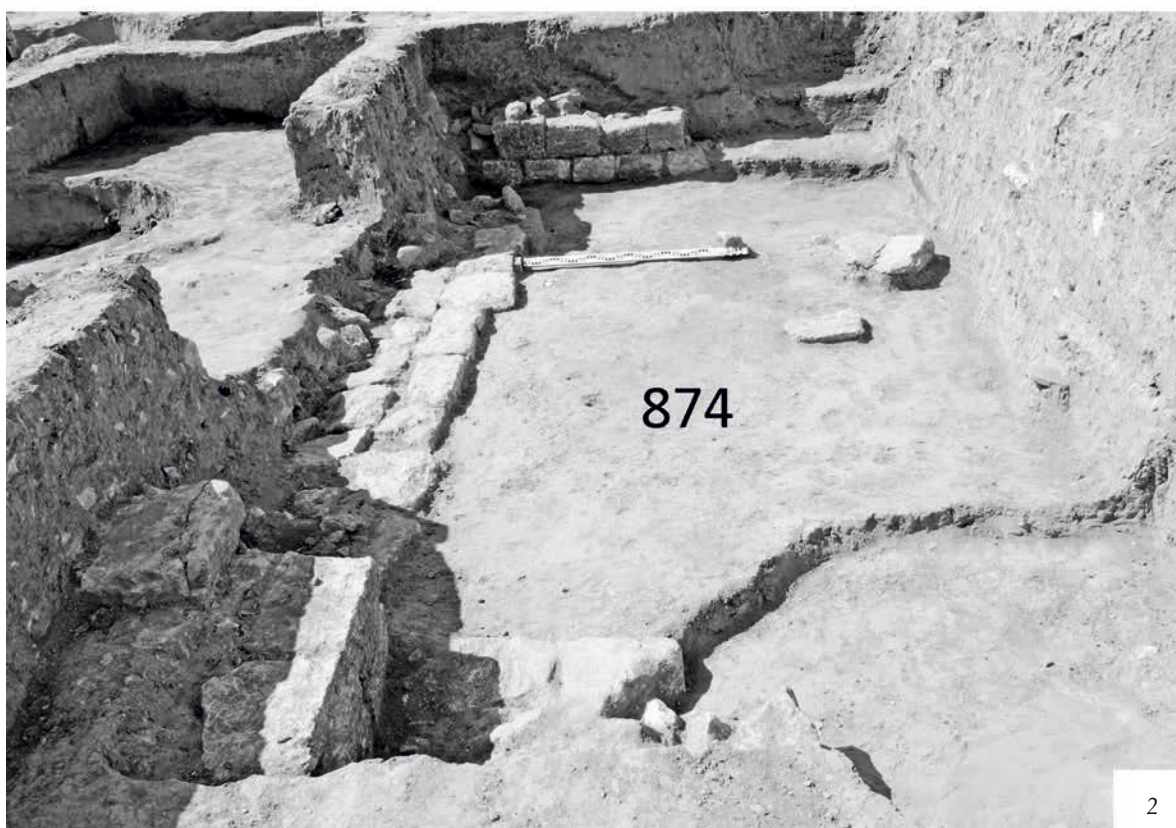

Рис. 1. Нижняя часть подвала № 874 в СЗ углу раскопа «Верхний город»

Рис. 2. Фрагменты амфор из заполнения подвала № 874

Рис. 3. Амфорные (1-9) и черепичные (10, 11) клейма из подвала № 874:
1-4 – Фасос; 5, 6 – Аканф; 7, 7а – Менда; 8, 8а, 9 – Гераклея; 10 – Стнопа; 11 – Боспор;

Рис. 4. Чернолаковая и расписная керамика из заполнения подвала № 874:
1-3 – краснофигурные кратеры; 4 – лекиф; 5 – закрытый сосуд; 6-9 – канфары; 10-12 – миски;
13 – одноручная чаша; 14, 15 – солонки; 16-18 – открытые сосуды; 19 – светильник

IPHIS, FROM AMPHORA STAMP TO SINOPEAN MYTH

Abstract: Iphis is a male name known almost exclusively in Sinope and mainly thanks to amphora stamps. The association of the name Iphis with one of the Argonauts allows a better understanding of the identity constructions of Sinope and of some Sinopean families, who claim a connection to one of the major myths of the southern Black Sea through the use of this name.

Keywords: Iphis, Sinope, amphorae stamps, foundation myth, identity.

T. Кастелли¹

ИФИС – ОТ АМФОРНОГО КЛЕЙМА ДО СИНОПСКОГО МИФА

Аннотация: Ифис – мужское имя, известное почти исключительно в Синопе и главным образом по амфорным клеймам. Ассоциация имени Ифис с одним из аргонавтов позволяет лучше понять конструкции идентичности Синопы и некоторых синопских семей, которые заявляют о своей связи с одним из главных мифов южного Причерноморья через использование этого имени.

Ключевые слова: Ифис, Синопа, амфорных клейм, миф об основании, идентичность.

Iphis is a rare male name that is present for the moment only in two cities: in Sinope with five occurrences during the Hellenistic period (*LGPN* V.A 233) and in Cos with one occurrence during the imperial period².

In Cos, the name is mentioned on a funerary stele for Iphis son of Apollonius, dated to the 1st century BC or to the imperial period (*IG* XII 4, 3, 2653). Iphis is also attested as a female name, that of an Amazon (Weicker 1916: 2024–2025). This hypothesis is to be excluded for the Sinopean occurrences, since the bearers of this name are all magistrates. The first occurrence seems to be a monetary magistrate whose name appears on coins (fig. 1) dated between 410 and 350 BC (Stancomb 2000: no. 752–758) or between 400 and 370 BC (Waddington *et al.* 1925: 198). It is unlikely that this is an abbreviated name, since the only occurrence of a name beginning in this way is Iphisteidas at Messene in the 3rd century BC (*SEG* XLI, 342, 2). Given the rarity of the name, and the presence of other men named Iphis in Sinope, Iphis was probably the name of the monetary magistrate. Iphis is indeed the name of three *astynomoi* and the patronymic of a fourth mentioned on the amphora stamps (Garlan 2004: 95–98). Iphis 1 is dated by Garlan to group III A (323–312 BC). His devices are a bunch of grapes and an ear of wheat. With the fabricant Philokrates, his name is also spelled Eiphis (Garlan 2004: no. 82), which is probably an orthographic variant, testifying to the evolutions of the writing of sounds with the change from I to EI. Iphis 2 son of Zopyros is dated to group VI A (260–256 BC). His name is also spelled Eiphis with the fabricants Stephanos (Придик 1917: 67, no. 118) and Meniskos (Sztetyło 1983: no. 237). His device is a bunch of grapes. Iphis 3 son of Hestaios is dated to group VI D (221–212 BC) (fig. 2). He is associated with a mask of Silenus and is spelled Ephes with the fabricant Agathokles (Garlan 2004: no. 520). This is probably an engraving error. The name of the father of *astynomos* Aischines 5, dated to group V C (265–263 BC), is Iphis. His device is a bunch of grapes. Because of the small number of inscriptions published in Sinope, compared to other cities, it is not surprising that this name is not found in Sinopean epigraphy.

The popularity of the name in Sinope may be surprising at first. But a search among the different occurrences of the name Iphis in mythology (Weicker 1916: 2023–2024) allows us to make a hypothesis. Indeed, Iphis is a companion of Jason, who died in Colchis according to Valerius Flaccus (*Argonautica*, 1.441–443 and 7.423–425). Diodorus of Sicily mentions the Argive Iphitus, son of Sthene-

¹ Кастелли Тибо, научный сотрудник UMR 7041, отдел археологии и наук о древности Парижского университета Нантерра, 200 Av. de la République, Nanterre, France, thibaut.castelli@gmail.com.

² I thank D. Dana, N. Mateevici and S. Domptail for their help.

lus, brother of Eurystheus, who is killed in Colchis by Aeëtes (4.48.4) during the Argonauts' expedition. The Scholia on Apollonius of Rhodes (*Argonautica*, 4.223 and 228) identifies the two characters. Jason and his men stopped at Sinope, where they were joined by three brothers: Autolycus, Phlogius and Deileon. They are the founding heroes of Sinope and join the Argonauts in their search for the Golden Fleece (Apollonius of Rhodes, *Argonautica*, 2.946–961; Strabo 12.3.11; Valerius Flaccus, *Argonautica*, 5.113–119). Hyginus also mentions this integration in the Argonauts band, but without mentioning Sinope (*Fabulae*, 10.14.30). Even if this meeting between the Argonauts and these brothers belongs to the realm of myth, it has echoes in the local history of Sinope since Strabo attests to the cult of Autolycus, his oracle, and the existence of his statue made by Sthenis of Olynthus who was active during the second half of the 4th century. His statue was removed by Lucius Licinius Lucullus in 70 BC (Plutarch, *Lucullus*, 23.3–5; Appian, *The Mithridatic wars*, 83). A dedication to Phlogius, dated to the 5th or 4th century BC, has been discovered in Sinope (Dana 2007: 511–520; Manoledakis 2010: 566). There even seems to be a civic will to include Sinope in the great myths of the region (the quest for the Golden Fleece, the fight of Heracles against the Amazons) with the creation of the legend linking Autolycus and his brothers on the one hand and the Argonauts on the other hand during the 4th century BC (Barat 2007: 41–42), even if the legend is only known to us through Apollonius of Rhodes in the 3rd century BC. It is likely that a local tradition mentions an important action of Iphis at Sinope on the occasion of the *Argo's* stopover in that city. The name Iphis thus acquired a certain prestige locally which allowed it to spread among the civic elites of the city. Given the chronology of the attestations of the name Iphis in Sinope, it is likely that this legend spread during the end of the 5th century or the beginning of the 4th century BC, which would also have been marked by the development of the legend of Autolycus.

A final question is whether these different individuals called Iphis belong to the same family. Because of the loose chronology of the coins, it is impossible to say whether Iphis 1 and the monetary magistrate are the same. About 60 years separate Iphis 1 and Iphis 2, i.e. two complete generations. They also share a common device, the bunch of grapes, which is common on Sinopean stamps. It is therefore possible that it is a grandfather and grandson. The hypothesis of a filiation link between Aischines 5 son of Iphis and Iphis 1 is difficult to support. Indeed, even if their device is similar, there is a gap of nearly 50 years between the exercise of *astynomia* by the two characters, which is important even if Aischines 5 was the youngest son of Iphis 1. Iphis 3 son of Hestiaios may be a grandson or a grand-cousin of Iphis 2 because of the chronological gap (about 40 years). Even if Silenus is part of the retinue of Dionysus and the mask also refers to Dionysus, it is difficult to be certain about a family link between the two characters. In the present state of the sources, a family relationship between these different characters is possible, but far from certain.

The use of a herophoric name, Iphis, by these members of the civic elite can be understood as a strategy for the use of a locally prestigious name by different families, but also possibly by a single family. In this case, it would be a claim to a mythical ancestor in order to support the family's political strategy. A similar case is present in Mesambria, which, according to a local legend, owes its name to a man named Melsas (Robu 2014: 317–319; Nawotcka 2021: 366–372). However, its hellenised form, Melseon, is attested only in Mesambria with three occurrences: a 3rd century BC benefactor (*IGBulg* I², 308 *sexies*), a contemporary amphoric magistrate (Stoyanov 2019: 117) and the father of a late 2nd- or early 1st-century BC *strategos*, Polyxenos son of Melseon (*IGBulg* V, 5103), who also settled in Dionysopolis, where he was thanked for his actions (*SEG* LX, 761–762). In Mesambria, this epichoric name is probably used within the same family, in order to claim a link with the founding legend of the city (Nawotcka 2021: 371).

The same situation is probably found in Sinope for these men named Iphis. The analysis of onomastics, based on amphora stamps, has allowed us to highlight the deployment of family strategies to mobilise political capital, linked to a great myth of the Southern Black Sea. The hero Iphis is thus mobilised in the service of a civic, or even family identity construction.

REFERENCES

- Матеевич, Самойлова 2017 – Матеевич Н., Самойлова Т.Л. *Амфорные клейма из Тирры (раскопки 1998–2008 гг.)*. Киев: Издатель Олег Филюк, 234 с.
- Придик 1917 – Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Пгт.: Типография Российской Академии Наук. – 191 с., 16 табл.
- Barat 2007 – Barat Cl. 2007. Sinope et les Argonautes: d'un mythe utile à une réalité religieuse. *Phasis, Greek and Roman Studies* (10/1). Tbilisi, 33–52.
- Dana 2007 – Dana M. 2007. Traditions de fondation dans l'épigraphie de Sinope. *REG* (120), 511–525.
- Garlan, Kara 2004 – Garlan Y., Kara H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica* (XVI). Istanbul; Paris : Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.
- Manoledakis 2010 – Manoledakis M. 2010. On the cults of Sinope and the founders of the city. *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea / E.K. Petropoulos, A.A. Maslennikov* (ed.). Thessaloniki: Kyriakidis Brothers' Publishing House, 563–576.
- Nawotcka 2021 – Nawotcka K. 2021. The Founders of Western Pontic Cities. *Annual of the British School at Athens* (116). Camb., 359–375.
- Robu 2014 – Robu A. 2014. *Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin*, Bern: Peter Lang. – 546 p.
- Stoyanov 2019 – Stoyanov T. 2019. The Parmeniskos Group: New issues from Thrace. Amphorae Production in Early Hellenistic Mesambria. *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs / N. Badoud, A. Marangou* (éd.), Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 115–122.
- Sztetyłło 1983 – Sztetyłło Z. 1983. *Les timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie*, Warsaw: Éditions scientifiques de Pologne. – 220 p.
- Stamcomb 2000 – Stamcomb W. 2000. *Sylloge Nummorum Graecorum, Great Britain, Volume XI, The William Stamcomb Collection of Coins of the Black Sea Region*. Oxf.: Oxford University Press. – 53 pl., index.
- Weicker 1916 – Weicker G. 1916 s.u. *Iphis, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, IX–2, col. 2023–2025.
- Waddington et al. 1925 – Waddington W.H., Babelon E., Reinach T. 1925. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie mineure, Tome premier. Premier fascicule (2e édition) Pont et Paphlagonie*, P.: Éditions Ernest Leroux. – 210 p., ill.

Fig. 1. Drachm of Iphis, Münzkabinett, Staatlichen Museen zu Berlin, 18279938, Photographs by Bernhard Weisser.
CC BY-NC-SA <https://ikmk.smb.museum/object?id=18279938>

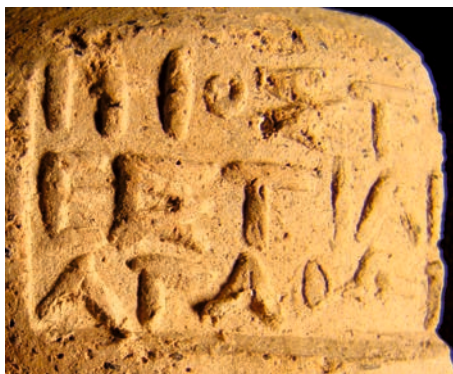

Fig. 2. Stamp of Iphis 3 son of Hestaios and Agathon, kept in Odessa archaeological museum (Ukraine)
(Матеевич, Самойлова 2017: 58, no. 79)

КЕРЧЕНСКАЯ СЕЛЁДКА НА САЙТЕ,
ПОСВЯЩЁННОМ ГРЕЧЕСКИМ АМФОРАМ И КЛЕЙМАМ

Аннотация: возникновение в сети Интернет различных сообществ и групп, посвящённых амфорам и амфорным клеймам, наглядно демонстрирует, что появление полноценного консультационного сайта давно назрело. Использование современных методов обработки и публикации клейменого материала позволяет в настоящее время продолжить работу, проводившуюся Е.М. Придиком и Б.Н. Граковым в конце XIX – первой половине XX в. по созданию III тома IOSPE.

Ключевые слова: сайт, Е.М. Придик и Б.Н. Граков, III том IOSPE, клейма Гераклеи Понтийской, Синопы, Херсонеса Таврического.

V.I. Kats¹

KERCH HERRING ON THE WEBSITE
DEDICATED TO GREEK AMPHORAE AND STAMPS

Abstract: the creation in the Internet of various communities and groups dedicated to amphorae and amphorae stamps clearly demonstrates that the emergence of a full-fledged consulting site is long overdue. The use of modern methods of processing and publishing stamp material currently allows us to continue the work carried out by E.M. Pridik and B.N. Grakov at the end of the 19th – first half of the 20th century to create the III volume of IOSPE.

Keywords: site, E.M. Pridik, B.N. Grakov, IOSPE 3rd, stamps of Heraclea Pontica, Sinope, Chersonesos.

Года три тому назад чисто случайно в интернете моё внимание привлекла страница «Керамические клейма Северного Причерноморья». Так как в последнее время я стараюсь активно использовать возможности Интернета при работе с керамическими клеймами, то, естественно, познакомился и с её содержанием. Прежде всего, бросился в глаза тот факт, что организаторы не посчитали нужным обозначить причины её появления и те вопросы, которые будут на ней рассматриваться. В результате оказался пёстрым и состав участников. Среди последних я встретил несколько признанных специалистов в области керамической эпитафии, но основную часть, судя по всему, составили молодые археологи. Казалось бы, такой симбиоз можно было только приветствовать, так как большинство из последних имеют довольно приблизительное представление об обнаруженных ими керамических клеймах. Таким образом, появление специального раздела (пусть и в социальной сети), посвящённого клеймам, где любой из археологов мог получить от специалистов полноценную консультацию, несомненно, резко повысило бы качество информации в отчётах об обнаруженных ими оттисках. Однако детальное знакомство с содержимым страницы «Амфоры и их клейма» разочаровало. Практически никто из вступивших в него молодых археологов не воспользовался этой возможностью.

Правда, они обычно выкладывали одну-две фотографии встреченных ими амфорных оттисков. При этом, выбирались хорошо сохранившиеся экземпляры, легенды в которых надёжно читаются, и, даже не обладая специальной подготовкой, можно, используя справочную литературу, локализовать и датировать клейма. Кроме того, не приводятся реквизиты клейм: место и год находки, инвентарный номер, место хранения. В результате научная ценность публикуемого материала приближается к нулю.

Показателен и тот факт, что практически отсутствует обсуждение помещённых на сайт клейм. Правда, одна «дискуссия» состоялась. Поводом для неё послужила фотография керченской селёдки, представленная одним из участников. Появились многочисленные оценки её раз-

¹ Кац Владимир Иванович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Саратов, anstrig@yandex.ru.

меров и качества. Хотя к селёдке, как таковой, я отношусь положительно, но участвовать в работе ресурса, где она стала главной темой для дискуссии, на мой взгляд, не имело смысла.

Недавно мне пришлось вновь встретиться с этой группой. За прошедшее время с ним произошли коренные изменения. Прежде всего, администратор – Т. Кастелли уточнил его название. Теперь она именуется «Греческие амфоры и их клейма» (<https://www.facebook.com/groups/GreekAmphoraeandStamps>). Проведена определённая цензура – удалена «селёдочная дискуссия». Кроме того, группа разбита на шесть разделов.

Раздел первый – «Информация» – является вводным. В нём изложена история появления ресурса и очерчены те задачи, которые будут на нём решаться. Главной целью, по мнению Т. Кастелли, является создание «форума для археологов, интересующихся греческими торговыми амфорами и их клеймами от архаики до классического периода и оказание помощи в их идентификации». В последнем случае заявитель должен «отправить фото и сообщить все детали, которыми он располагает по археологическому контексту». На мой взгляд, необходимо внести существенные корректировки.

Во-первых, не логично рассматривать только амфорную тару. Клеймению в греческом мире подвергались и другие виды керамических изделий, в первую очередь мерные сосуды и черепица, которые зачастую изготавливались в тех же мастерских, что и амфоры. Не случайно отдельные файлы, представленные в группе, содержат информацию о находках как раз этих категорий клейменого материала. Так что, наиболее удачным, по моему мнению, стало бы название «Греческие клейменные керамические изделия».

Во-вторых, странно, что при определении хронологических рамок пропал период эллинизма, когда практика клеймения керамической тары получила наибольшее развитие.

Наконец, в-третьих, помимо данных об археологическом контексте требуется предоставление всей информации о происхождении публикуемых амфор и клейм.

Второй раздел «Обсуждения» является основным, именно в нём находятся все посты, направленные участниками группы, и по идее должно быть организовано их обсуждение.

Следующие разделы носят вспомогательный характер. В разделе «Комнаты» каждый член группы может организовать встречу с другими её участниками. В разделе «Участники» перечислены все те, кто принимал участие в работе группы. Пятый раздел озаглавлен «Мероприятия». Наконец, последний раздел «Медиа файлы» содержит все представленные фотоматериалы.

Основной раздел «Обсуждение», на который с июля 2017 поступило более 300 сообщений, явно перегружен материалом, только косвенно связанным с названием ресурса, или вообще не имеющим к нему отношения. Так более 20 % постов, появившихся главным образом по инициативе Т. Кастелли, содержат фотографии либо обложек, либо оглавления работ, посвящённых амфорам и клеймам. При этом логика отбора не понятна. Среди этих публикаций присутствуют не только издания, появившиеся в последнее время, но и работы, опубликованные несколько десятилетий и даже полтора столетия тому назад и хорошо известные специалистам. Если и имело смысл появление этого материала на сайте, в чём я сомневаюсь, то место ему было бы в разделе «Информация». Туда же или в раздел «Мероприятия» следовало бы отправить и поступившие на сайт файлы, содержащие сообщения о намечающихся научных конференциях и выставках, фотографии известных специалистов в области амфорологии и документальный фильм о керамике Херсонеса. Кроме того, следовало бы удалить посты вообще не имеющие отношения к рассматриваемой в нём тематике: открытка с видом дореволюционной Керчи, фотографии раскопок на горе Митридата, статуэтки ослика, нагруженного амфорами, граффити на чернолаковой посуде и т.п. В результате количество сообщений в разделе «Обсуждение» сократилось бы на четверть. Но такова специфика социальных сетей.

Однако и среди оставшихся файлов далеко не все выполняют те задачи, которые были заявлены организаторами. Более восьми десятков из них посвящены амфорам. Главным образом представлены фотографии одиночных сосудов, либо групп амфор в экспозициях различных музеев. Следует отметить, что в пяти случаях были представлены сосуды явно не греческого происхождения: в трёх – относящиеся к римскому, а в двух даже к средневековому времени. Всего по поводу локализации двух сосудов возникла дискуссия. С научной точки зрения большая часть этих публикаций мало информативна. Отсутствуют указания на параметры публикуемых сосудов, на место и условия их обнаружения.

Для меня наиболее интересным стало наблюдение А. Куликова одного из активных участников группы о работе с амфорным материалом. «При строительстве Крымского моста исследовалось «керамическое поле» сотни тысяч фрагментов керамики с 6 века до н.э. по 9–10 века нашей. И вот тут-то начались проблемы – сидишь на керамичке и пытаешься определить центры по стенкам. А море съело ангоб, и глина вся фактурная – со всеми включениями... Блётки слюды, кварц, песок, полевой шпат, известняк, пироксены, железистые частицы». Мне вполне понятны трудности, которые испытывал А. Куликов при попытках определить место производства амфорных стенок. С этой проблемой мы с С.Ю. Монаховым столкнулись ровно полвека тому назад, когда начинали раскопки поселения Панское 1 и так же задались целью обработать весь амфорный материал. Однако быстро поняли, что такой «мартышкин труд» не имеет перспективы, и перешли к определению количества обнаруженных условно-целых амфор разных центров (см. Panskoeye I 2002: 107–108), несколько модернизировав методику их определения, незадолго до этого предложенную С.М. Коляковым (Коляков 1975). В результате объём трудовых затрат на обработку материала сократился на порядок и появилась возможность больше внимания отвести профилированным амфорным фрагментам. Для этого были составлены таблицы рисунков профильных частей амфор разных центров производства, что позволяло привлекать к первичной обработке материала и новичков. Такую систему мы применяли и в дальнейшем на тех памятниках, где нам приходилось заниматься обработкой керамического материала.

К сожалению, подобная методика работы с массовым амфорным материалом не получила массового распространения, о чём в частности свидетельствует пассаж А. Куликова. Главное препятствие – отсутствие в распоряжении рядовых археологов полноценного набора таблиц, содержащих рисунки профилированных частей амфор различных центров производства. Удачным выходом из сложившейся ситуации стало бы появление специального консультационного сайта, посвящённого амфорным профилированным фрагментам. Я полагаю, что наиболее рациональным является его создание в рамках появившейся недавно открытой информационной системы «Греческие амфоры с северных берегов Понта VII–II вв. до н.э.» (<https://ape.sgu.ru/Amphora>), созданной саратовскими амфорологами. Несомненно, при организации сайта следует учесть опыт коллег, ведущих «Греческие амфоры и их клейма», с самого начала чётко сформулировать требования к текстовому и графическому оформлению заявок и рассматривать лишь те из них, которые будут соответствовать требованиям.

Значительно лучше отвечают заявленным целям ресурса «Греческие амфоры и их клейма» более 80 постов, помещённых в раздел «Обсуждение» и содержащие информацию по амфорным клеймам. Правда, около половины из них являются только публикацией отдельных оттисков. При этом, к сожалению, сохраняется порочная тенденция – значительная часть помещённых на сайт клейм сопровождается только фотографией, без указания других данных.

Почти половина материалов этой группы посвящены выполнению той основной задачи, которую определили создатели группы – оказанию помощи в идентификации клейм. Однако в этой благородной работе приняло участие только 7–8 % от тех, кто зарегистрирован. Остальные ограничились выставлением лайков. Вполне оправдано язвительное замечание Г. Финкиль-

штейна: «спасибо за лайки, но у вас есть идея??». К сожалению, среди тех, кто обратился за консультацией к специалистам, полевых археологов всего несколько человек. Среди них группа явно не пользуется популярностью.

Между тем, появление сутобо консультационного сайта, учитывающего недостатки предшествующего, давно назрело. Слава богу, в настоящее время нет необходимости доказывать ценность информации, которую предоставляют керамические клейма в первую очередь в качестве полноценного хроноиндикатора. Однако, как и ранее, полевые археологи при обработке и фиксации в отчётах полученного ими клеймёного материала испытывают значительные трудности. Большинство встреченных в ходе раскопок оттисков доходят в виде фрагментов. Определить их точную локализацию, восстановить легенды и надёжно датировать под силу только специалисту.

Автору этих строк уже приходилось отмечать, что уровень первичной обработки клейм в настоящее время, мягко говоря, оставляет желать лучшего (Кац 2007: 28 сл.). За полвека работы с керамическими клеймами мне довелось ознакомиться с сотнями отчётов о раскопках, проведённых на античных памятниках Северного Причерноморья. Интересно, что с наиболее полноценной фиксацией обнаруженных клейм я встретился на самом раннем этапе вхождения в керамическую эпиграфику. В ходе сбора материала к дипломной работе я познакомился с находящимися в архиве ИИМКа отчётами об исследованиях Херсонеса Таврического, проводившихся в конце XIX – начале XX вв. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В отчётах обнаруженные оттиски, а их количество ежегодно измерялось сотнями экземпляров, были не только сгруппированы по центрам производства керамической тары, но многие из них сопровождались прекрасными эстампажами, выполненными по оригинальной методике (Кац 2007: 25–27). В результате, даже не работая с оригиналами клейм, находившимися в музейных фондах, которые в то время мне были недоступны, удалось из отчётов К.К. Косцюшко-Валюжинича получить достаточно информацию для главы дипломной работы, посвящённой анализу херсонесского импорта товаров в клеймёной керамической таре.

К сожалению, в дальнейшем аналогичные отчёты мне встречались крайне редко. Они появлялись лишь в тех случаях, когда руководитель раскопок либо сам обладал достаточной подготовкой в этой специфической области археологического материала, либо привлекал для его обработки специалистов. В большинстве отчётов о раскопках обнаруженные клейма долгое время характеризовались выборочно, и только меньшая их часть иллюстрировалась. Встречались и случаи, когда находки клейм вообще не фиксировались.

На память приходит эпизод, случившийся где-то в 70–80-х гг. прошлого века, когда я случайно оказался в античном секторе ЛОИА, где проходил «ленинский субботник». Костя Марченко принёс из соседнего сектора ящик, заполненный амфорными клеймами, пролежавшими там в забвении два десятилетия. На них стоял шифр ЕГ-54. Пошёл в архив и выяснил, что в 1954 г. сотрудники института проводили раскопки как на Елизаветовском городище на Дону, так и на Елизаветинском городище на Кубани. В отчётах представленные клейма не были упомянуты. По характерному набору они видимо происходят со второго памятника. Подобные случаи практически полной утраты информации к счастью встречались не часто, но отсутствие тех или иных необходимых её компонентов в отчётах наблюдалось сплошь и рядом.

На первый взгляд, в связи с тем, что после проведения раскопок клейма в настоящее время в обязательном порядке должны передаваться на хранение в музейные фонды, потеря информации исключена. Со временем специалисты смогут ознакомиться с оттисками, и они будут запущены в научный оборот. Однако не секрет, что во многих случаях наблюдается тенденция «усыхания» клейменого материала на пути от раскопа к музейным хранилищам.

Пожалуй, наиболее показательным примером может служить судьба клейм, встреченных в ходе раскопок 1979–1981 гг. поселения на мысе Зюк, расположенного на азовском побережье Кер-

ченского полуострова. Клейма, обнаруженные здесь, были своевременно обработаны А.С. Голенцовым. Однако материалы его картотеки опубликованы только недавно уже после смерти автора (Голенцов и др. 2016). Основную часть коллекции составляют более шести десятков гераклейских клейм. Между тем, в вышедшем в том же году Корпусе клейм Гераклеи, находящихся в Керченском музее (Федосеев 2016), в фонды которого должен был бы поступить этот материал, зафиксировано в два раза меньше гераклейских оттисков с мыса Зюк.

Таким образом, полноценная фиксация в отчётах амфорных клейм необходима. В больших экспедициях, где ежегодно встречаются десятки, а то и сотни клейм, этот материал обрабатывают специалисты. У руководителей небольших и новостроечных экспедиций обычно такие контакты отсутствуют. Вот и приходится им при составлении отчётов затрачивать уйму времени в поисках аналогий для восстановления легенд клейм и их датировки. К сожалению, во многих случаях такие поиски оказываются безрезультатными или найденные аналогии являются ошибочными.

На планируемом сайте может проводиться работа и по редактированию информации о клеймах, помещаемых археологами в статьи, посвящённых тем памятникам, которые они исследуют. А такая редакция жизненно необходима.

Недавно ваш покорный слуга познакомился со статьёй «Поселение IV века до н.э. многослойного памятника дельты Дона “Свинячье озеро”». Отмечено, что здесь обнаружено значительное количество амфорных фрагментов, большинство из которых принадлежит гераклейским сосудам, на пяти из которых находились клейма. Три из них приведены на рисунке 6 (Ларенок, Ларенок 2019: 225). Одно из клейм проиллюстрировано фотографией и чтение легенды в нём не вызывает сомнения. В двух других случаях приведены рисунки малоинформативные и выполненные с нарушением правил изображения английских букв (рис. 1).

В связи с тем, что авторы при характеристике амфорного материала с поселения ссылаются на работу Н.Н. Голды, специально посвящённую этому вопросу (Голда 2015), обратился и к ней с просьбой переслать дополнительную информацию. В результате удалось надёжно восстановить легенды уже у четырёх гераклейских оттисков. При этом оказалось, что среди них присутствует клеймо по современным разработкам явно относящееся к первой четверти III в. до н.э. Этим же временем датируются и два синопских клейма. Таким образом, предложенная дата прекращения жизни поселения должна быть существенно повышена.

Приведённый пример является достаточно типичным. Если бы существовал консультационный сайт, то допущенные ошибки и неточности были бы ликвидированы ещё в стадии подготовки статьи к печати.

Я уверен, что, если сайт укрепитя и станет популярным, то его услуги окажутся востребованными и специалистами в области керамической эпиграфики, что в частности, как отмечалось выше, попытался сделать, правда, неудачно, Г. Финкильштейн, обратившись за помощью к участникам группы «Греческие амфоры и их клейма». К сожалению, ошибки появляются и в капитальных изданиях клейменого материала, осуществлённых признанными корифеями керамической эпиграфики (Кац 2017).

Таким образом, условия для появления полноценного консультационного сайта уже сложились. Дело осталось за решением одной, но, пожалуй, наиболее трудной задачи – найти администратора типа Т. Кастелли, который бы не только создал сам сайт, но и продолжил его обслуживать. Такой человек, несомненно, должен быть знаком с основной литературой и основными направлениями керамической эпиграфики. Его задачей является после получения заявок переправить их тем специалистам, которые смогут наилучшим образом их выполнить. Уверен, что большинство из последних с пониманием отнесутся к этой работе. Она не займёт у них много времени, но позволит сохранить уже достигнутый рабочий тонус. Кроме того, они

получают свежий материал, который пополнит существующий у них банк данных. А это, поверьте, многого стоит.

Мы, представители старшего поколения, обычно выполняли поступившие заявки по обработке коллекций керамических клейм в основном за спасибо. Но времена изменились и теперь, в условиях рыночной экономики, эту работу всё чаще относят к сфере оказания услуг с соответствующей оплатой. В принципе эта практика не является чем-то новым, её пытались внедрить уже на заре развития керамической эпиграфики в России.

В конце 70-х гг. XIX столетия среди членов Императорского Российского Археологического Общества зародилась идея создания сборника греческих и латинских надписей Северного побережья Чёрного моря (*Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* – IOSPE). Была разработана программа этого издания, которое должно было состоять из трёх частей: 1) надписи Тиры, Ольвии и Херсонеса; 2) надписи Боспорского царства; 3) надписи на керамике, металле и других вещах. Сбор материала к Корпусу и его оформление были поручены В.В. Латышеву.

Работа над первыми двумя томами продвигалась успешно. В 1885 г. увидела свет первая, а в конце 1890 г. вторая часть Корпуса. С третьим же томом (IOSPE III) дела не ладилась. Видимо, разрабатывая план издания Корпуса, составители не имели даже приблизительного представления ни о количестве клеймёного амфорного материала, который должен был стать его основой, ни о том, насколько трудоёмкой окажется его первичная обработка. Кроме того, у самого В.В. Латышева душа не лежала к этому, как он считал, малоинформативному для эпиграфики, материалу.

В феврале 1891 г. в письме, направленном в правление РАО, В.В. Латышев предложил альтернативный вариант – привлечь для первичной обработки клейм, хранящихся в музейных и частных коллекциях, местных гимназических учителей классических языков. При этом он прекрасно понимал, что работать «на халяву» они не будут. Поэтому, как он полагал «обществу придётся ... понести некоторые материальные затраты, так как едва ли можно найти лиц, которые изъявили желание безвозмездно потратить значительное количество труда и времени для указанной работы и поэтому предложить им хотя бы небольшое вознаграждение, например, в размере от 2 до 5 копеек за каждую списанную ручку или черепицу» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 152. Л. 38).

Удалось привлечь к обработке коллекций неких А.Н. Щукарёва и Г. Сысоева. Итоги проделанной ими работы вряд ли можно было признать удовлетворительными ни с количественной, ни с качественной стороны. Поступило около 300 копий с оттисков. Всего несколько случайных клейм было списано А.Н. Щукарёвым. Г. Сысоев, хотя и описал клейма относительно крупной коллекции, собранной И.К. Суручаном, но, не обладая достаточными навыками, допустил многочисленные ошибки (Кац 2007: 78). Привлечение неспециалистов для сбора материала к Своду прекратилось после того как к работе по его составлению в конце 90-х гг. по предложению В.В. Латышева был привлечён Е.М. Придик.

Ну, а теперь на время вернёмся к отмеченному выше «ленинскому субботнику» в ЛОИА. За время его проведения я вчерне обработал принесённый Костей Марченко материал и предоставил ему счёт на два рубля с копейками. По ценам конца XIX в. корову на эти деньги вряд ли бы удалось купить, но на козу явно хватало бы. Таким образом, возврат к старой практике оплаты услуг за проведённую работу по обработке керамических клейм вполне правомерен.

Конечно, с появлением компьютеров возможности и надёжность первичной обработки клейм резко возросли. Каждый из серьёзных специалистов, располагает банком данных по отдельным группам клеймёного материала. При наличии даже самой примитивной поисковой системы удаётся быстро, а главное вполне надёжно восстанавливать легенды у большинства фрагментированных клейм. В связи с этим одной из главных задач становится постоянное пополнения банка данных за счёт обработки и появления публикаций новых находок, а главным

образом крупных коллекций клейм. Кроме того, создание максимально полной базы данных позволяет при статистическом анализе распределения клейм во времени и пространстве получить неопределимую информацию по экономической истории античного мира.

Практически первым уникальным по полноте и территориальному охвату материала стал Корпус керамических клейм Северного Причерноморья, многолетняя работа над составлением которого была проведена основателями российской керамической эпиграфики Евгением Мартыновичем Придиком и Борисом Николаевичем Граковым. История создания III тома IOSPE к настоящему времени освещена довольно подробно (Павличенко 2000: 204 сл.; 2020: 302–304; Кац 2007: 75–93), однако к некоторым моментам связанным с рассматриваемой темой имеет смысл обратиться вновь.

Е.М. Придик с энтузиазмом принял предложение В.В. Латышева и обещал завершить работу по сбору материала к Корпусу в течение года. Но в сроках он существенно ошибся, и даже через три десятилетия работа не была завершена. В 1934 г., незадолго до смерти, Е.М. Придик передал свою обширную картотеку, содержащую данные о почти 20 тысячах клейм, в архив ИИМКа с правом опубликования (НА ИИМК. РО. Ф. 33. Д. 1–65). Правда, прежде чем дело дошло до публикации, Б.Н. Гракову пришлось потратить ещё десятилетие на пополнение и оформление Корпуса.

Объём проведённой им работы впечатляет, тем более, что она была выполнена без применения каких-либо технических средств, как говорится «на коленке». Об этом свидетельствует черновой вариант Корпуса, находящийся в настоящее время в архиве «Института археологии и культурного наследия» при Саратовском университете. Попал он в Саратов чисто случайно. В аспирантские годы, проведённые в Москве, мне удалось с любезного разрешения Б.Н. Гракова детально ознакомиться с рукописью III тома IOSPE, находившейся в то время в Музее археологии МГУ. Кроме того, Борис Николаевич привлек меня к работе по окончательному оформлению Корпуса перед сдачей его в архив. Когда работа была закончена, он с какой-то грустью посмотрел на груды папок с черновиками и задумчиво произнёс: «А жалко выбрасывать». Тут уж я взвился: «Как выбрасывать?». В результате на следующий день принёс рюкзак и переправил черновики в Саратов.

Борис Николаевич прекрасно понимал, что ему удастся проиллюстрировать фотографиями лишь небольшую часть штампов. Действительно в окончательном варианте Корпуса фотографии сопровождают немногим более 10 % из них. Однако он разработал крайне трудоёмкую методику, позволяющую сгладить этот недостаток. Им были выделены и сведены в таблицу все варианты написания отдельных букв, представленные в клеймах. Отдельные варианты получили цифровые индексы. В результате, при характеристике каждого из штампов, помимо остальных реквизитов, наличествует указание на те варианты букв, которые представлены в легенде (рис. 2, 3).

Затем на каждый из штампов была заведена специальная карточка, в которую помимо тех клейм, которые находились в картотеке Е.М. Придика, были включены оттиски либо им неучтённые, либо полученные в результате археологических работ в 30-е – начале 50-х гг. и зафиксированные самим Б.Н. Граковым в ходе посещения им южных музеев. В результате общее количество включённых в Корпус оттисков возросло раза в полтора.

В дальнейшем карточки были сгруппированы по центрам производства керамической тары и внутри каждого из разделов распределены в алфавитном порядке по типологическим группам, выделенным Б.Н. Граковым. Наконец, для удобства работы по оформлению беловых экземпляров Корпуса, карточки были наклеены на листы формата А4 (рис. 2). Только после этого были применены технические средства – пишущие машинки с греческим и русским шрифтами (рис. 3).

Хотя рукопись IOSPE III по ряду объективных и субъективных причин (Кац 2007: 91) не была опубликована, тем экземпляром, который поступил в архив Института Археологии (НОА ИА РАН. Р-2, № 2157–2198), широко пользовались, прежде всего, для поиска аналогий советские специалисты в области керамической эпиграфики. На Западе он был известен лишь по упоминаниям в публикациях. Насколько мне известно, единственным из западных учёных, кто основательно познакомился с фасосским разделом Корпуса, был Ивон Гарлан.

За прошедшие со времени создания IOSPE III десятилетия неоднократно поднимался вопрос о необходимости его издания. Было даже заявлено, что *«предпринимаются некоторые шаги для подготовки Корпуса к печати, хотя бы по частям»* (Шелов, Виноградов 1977: 206). Однако эти шаги не привели к реальным результатам.

При современных технических возможностях можно было бы реализовать этот план. Однако время упущено и к настоящему времени простое издание Корпуса, даже с учётом исправления ошибок, допущенных при восстановлении легенд во многих оттисках, не имеет смысла.

Во-первых, за те десятилетия, которые прошли с его появления, в разы увеличилось количество обнаруженных в Северном Причерноморье амфорных и черепичных клейм. В последнее время, занимаясь анализом распределения во времени и пространстве амфорных оттисков Гераклеи Понтийской, мне удалось учесть более 10700 клейм из Северного Причерноморья, легенды которых либо читаются, либо восстанавливаются вполне надёжно. В IOSPE III таких оттисков немногим более 1800, т.е. в шесть раз меньше.

Во-вторых, появившаяся в конце XIX в. идея создать Корпус клейм, обнаруженных в крупном регионе, носила поистине революционный характер. Не случайно, до сего времени мы не располагаем аналогичными сводами по другим регионам. Однако границы региона (Северное Причерноморье) были определены во многом произвольно с учётом политической карты, существовавшей в то время. Была охвачена территория, входившая в состав Российской Империи. Между тем, в настоящее время становится ясным, что всё Причерноморье может рассматриваться как единый большой регион. И выяснение особенностей импорта продукции в клеймённой керамической таре в отдельные зоны и районы этого обширного региона возможно только при наличии информации о распределении керамических клейм по всему Причерноморью.

Вполне правомерным выглядит и предложение публиковать материал по частям, т.е. по отдельным центрам производства клеймённых амфор. В связи с этим уже сейчас имеется возможность приступить к подготовке первой части общего свода, которая будет включать клейма причерноморских центров. Она должна состоять из четырёх разделов: 1) клейма Гераклеи Понтийской, 2) клейма Синопы, 3) клейма Херсонеса Таврического, 4) клейма прочих причерноморских центров.

В настоящее время я приступил к оформлению Каталога амфорных клейм Гераклеи, который по приблизительным прикидкам будет включать около 15000 оттисков. В ходе сбора данных к каталогу-определителю керамических клейм Херсонеса (Кац 1994), мною был собран клеймённый херсонесский материал, известный на начало 90-х гг. прошлого века. Таким образом, основа и для этого раздела существует. Сложнее обстоит дело с синопским разделом. В годы обучения Н.Ф. Федосеева в Саратовском университете я передал ему всю информацию о клеймах Синопы, которой располагал. Тогда он составил первую их картотеку, которую продолжал пополнять вплоть до своей скоропостижной кончины. Мне неизвестна судьба этого материала, но надеюсь, что коллеги Николая Фёдоровича по Керченскому музею и сотрудники фонда «Деметра» сделают всё возможное для сохранения этой уникальной картотеки. А в дальнейшем найдётся энтузиаст, который доведёт её до публикации. Наконец, к настоящему времени уже определены и другие причерноморские центры, осуществлявшие клеймение своей тары и черепицы.

Естественно, возникает вопрос о той форме, которая будет использована при публикации клейм, включённых в отдельные разделы. В последнее время стало популярным издание каталогов амфор и клейм в отдельных томах альбомного формата. Разительно отличается от изданий такого рода, выпущенных 30–40 лет тому назад, качество полиграфии: наличие суперобложки, мелованная бумага, хорошие рисунки и фотографии. Однако работать с такими изданиями затруднительно. Не случайно, один из сторонников такого формата публикаций честно признался, что, хотя в его кабинете одну из книжных полок украшают подобные подарочные тома, он в случае необходимости обращается не к ним, а к их электронным вариантам.

Для наших целей подобный альбомный формат издания исключён. Относительно недавно появился объёмный (более 300 страниц) том, содержащий около 2800 гераклейских клейм из собрания Керченского музея-заповедника (Федосеев 2016). Для публикации оттисков гераклейского раздела потребуется, как минимум, пять таких томов. Слишком громоздко, эффективно работать с материалом, включённым в эти тома, затруднительно.

Между тем, за год до монографии Н.Ф. Федосеева появился каталог керамических клейм Синдики, где опубликован сходный по объёму с этим изданием материал (Кац 2015). В отличие от монографии, типографским способом была выполнена в малоформатной брошюре только вводная часть и анализ публикуемого материала. Сам же Каталог, представленный в электронном варианте, находился на приложенном к брошюре компакт-диске. В настоящее время можно отказаться и от такого компромиссного варианта. Если будет разработана надёжная поисковая система, появится возможность пополнения Каталогов новым материалом, то их издание полностью в электронном виде становится вполне реальным.

ЛИТЕРАТУРА

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 33. Д. 1–65. Е.М. Придик. Картотека керамических клейм и граффити. НОА ИА РАН. Р-2, № 2157–2198. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (IOSPE. Vol. III). Составители Е.М. Придик и Б.Н. Граков.
- Голда 2015 – Голда Н.Н. 2015. Поселение «Свинячье озеро»: амфоры IV века до н.э. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Взаимные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 46–51.
- Голенцов и др. 2016 – Голенцов А.С., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. 2016. Керамические клейма с поселения у мыса Зюк. БЧ (XVII). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 135–139.
- Кац 1994 – В.И. 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель. Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 170 с., СХ табл.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченская городская типография. – 480 с.
- Кац 2015 – Кац В.И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгияния и ее хора, Семибратнее городище / С.Ю. Монахов, Н.А. Павличенко (ред.). Саратов: Саратовский ун-т. – 180 с.; электр. каталог.
- Кац 2017 – Кац В.И. 2017. Рецензия на книгу: Федосеев Н.Ф. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Том 2. Гераклея Понтийская Керчь, 2016. 319 с. АМА (18), 330–351.
- Ларенок, Ларенок 2019 – Ларенок В.А., Ларенок П.А. 2019. Поселение IV в. до н.э. многослойного памятника дельты Дона «Свинячье озеро». Вестник Танаиса (8/1), 220–236.
- Павличенко 2000 – Павличенко Н.А. 2000. Е.М. Придик, Петербургский филолог и эпиграфист. Древний мир и мы / А.К. Гаврилов (ред.). СПб., 189–206.
- Павличенко 2020 – Павличенко Н.А. 2020. Российская эпиграфика после Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма. АВ (30), 301–311.
- Шелов, Виноградов 1977 – Шелов Д.Б., Виноградов Ю.Г. 1977. Б.Н. Граков и развитие античной эпиграфики в СССР / Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: изд-во МГУ, 205–213.
- Федосеев 2016 – Федосеев Н.Ф. 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская / Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керамические клейма (II). Керчь: «Соло-Рич». – 320 с.

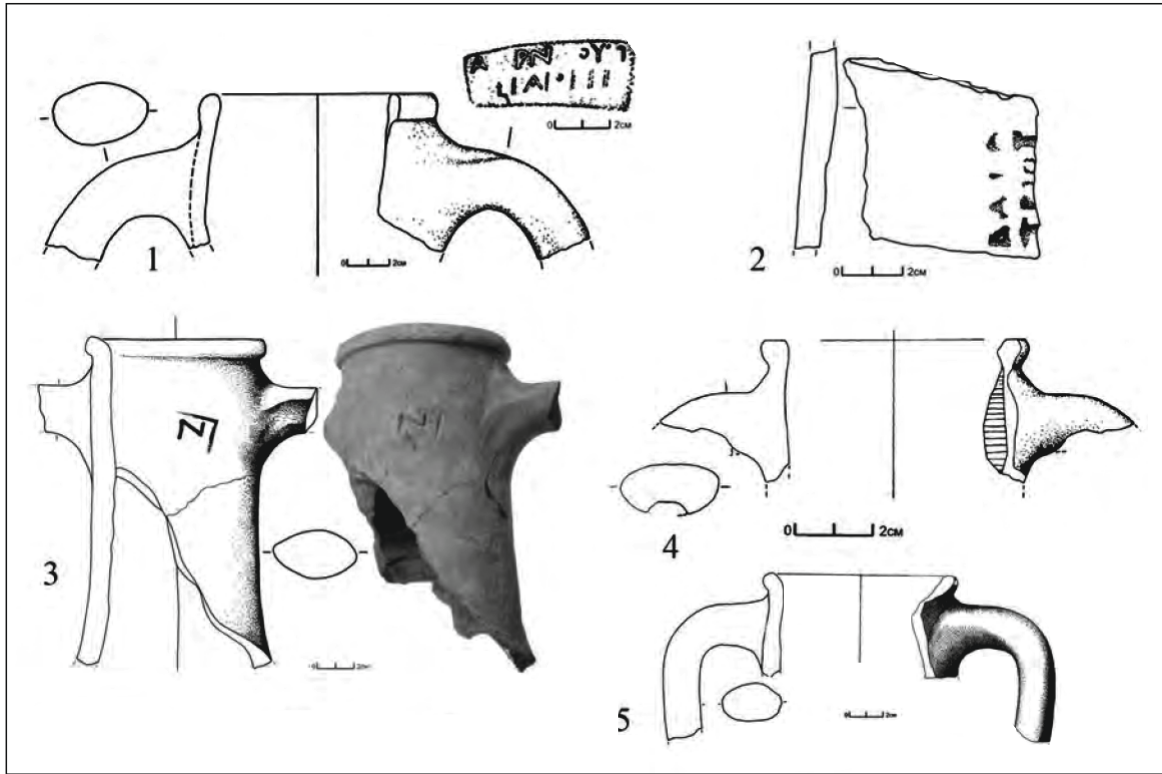

Рис. 1. Гераклейские керамические клейма с поселения «Свинячье озеро»
(по: Ларенок, Ларенок 2019: рис. 6)

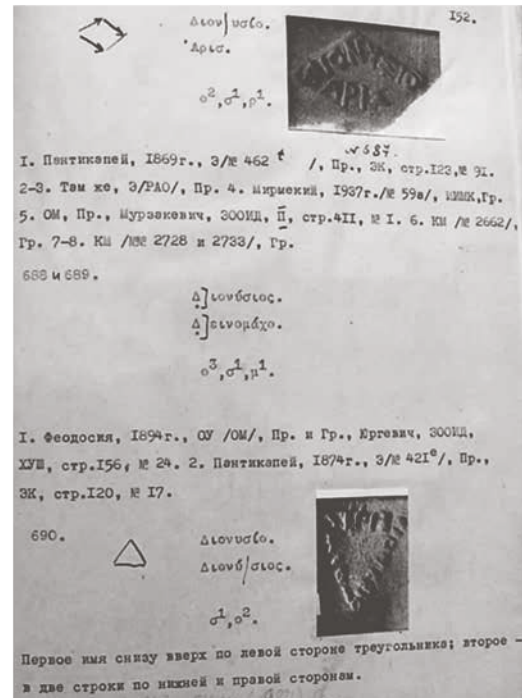
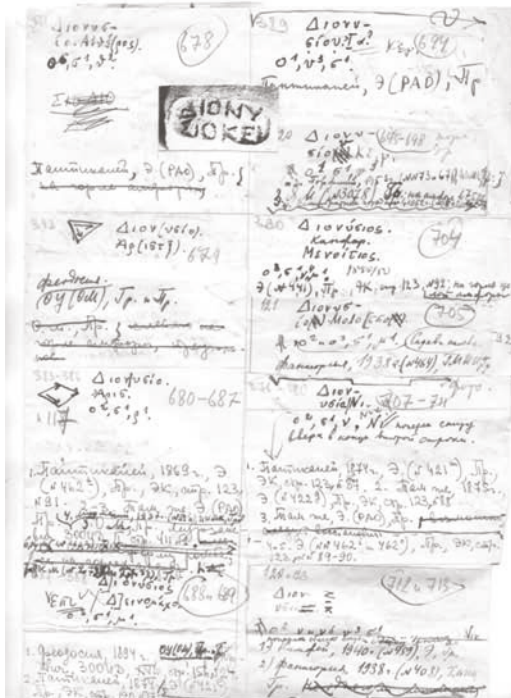

Рис. 2. Страница черновика (а) и белого экземпляра (б) рукописи IOSPE

КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Аннотация: статья посвящена анализу такого важного источника в изучении Елизаветовского городища на Дону, как кровельная черепица, которая ранее не привлекала должного внимания исследователей. Обломки черепиц встречены практически на всех раскопанных участках «акрополя» городища. Работы последних лет подтвердили факт обнаружения фрагментов черепиц как в культурных напластованиях, относящихся ко времени функционирования Большой греческой колонии, так и в более ранних слоях и комплексах второй половины IV в. до н.э. Анализ этой категории находок показал, что большая часть черепицы принадлежит продукции боспорских мастерских, однако, присутствует и синопская. Впервые проведенный анализ черепичных клейм, обнаруженных на территории городища, показывает, что среди этих материалов пока отсутствуют штампы, относящиеся ко времени Большой греческой колонии, а дата изготовления имеющейся черепицы, укладывается в рамки третьей четверти IV в. до н.э. Наличие среди находок на Елизаветовском городище черепичных клейм, как боспорского, так и синопского происхождения, представленных двумя или более экземплярами, выполненными одинаковыми штампами, позволяет считать, что черепица поставлялась на поселение партиями, и высказать предположение о ее закупке в связи с масштабными строительными работами, проведенными в третьей четверти IV в. до н.э. При этом, есть основания полагать, что количество домов с черепичной крышей на Елизаветовском городище было очень небольшим и, вероятно, ограничивалось всего несколькими нерядовыми постройками, в том числе имевшими общественное назначение.

Ключевые слова: Елизаветовское городище, Большая греческая колония, Боспор, кровельная черепица, клеймо, строительный комплекс, хронология.

A.N. Kovalenko¹

ROOF TILES FROM THE MATERIALS OF THE ELIZABETHAN SETTLEMENT ON THE DON

Abstract: the paper deals with roof tiles from the Elizavetovskoe settlement on Don, which is an important yet underestimated archaeological source. Fragments of tiles were found on almost all areas of the acropolis of the settlement. Recent researches proved these finds to belong both to complexes of the second half of 4th century BC and to the layers of the Great Greek Colony. The majority of tiles are of Bosporan origin, other fragments came from Sinope. Among the materials no stamps belong to the time when the Great Greek Colony existed. Moreover, all stamped tiles date to the third quarter of the 4th century BC. Presence of two or more items with the same stamp suggests that roof tile was delivered to the settlement in shipments. Its purchase may be connected with extensive construction activity in the third quarter of the 4th century BC. However, it seems that there were very few tile-roofed houses in the Elizavetovskoe settlement. Most of them seem to be non-ordinary or public buildings.

Key words: Elizavetovskoe settlement, Great Greek Colony, Bosphorus, roof tile, stamp, building complex, chronology.

Новые материалы, полученные Южно-Донской экспедицией в ходе изучения крупнейшего поселения скифо-античного времени Нижнего Дона – Елизаветовского городища, позволяют значительно расширить наши представления об этом памятнике и наметить новые пути решения для ряда актуальных проблем его истории. Важным источником о характере и динамике развития этого политического и экономического центра, расположенного в устьевой области реки Танаис, являются находки отдельных категорий греческой импортной керамики. Одной из таких категорий являются фрагменты кровельных черепиц, которые ранее не привлекали должного внимания исследователей.

¹ Коваленко Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, заведующий учебным музеем археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, alex_arx1977@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2317-5386>.

Обломки кровельной черепицы были встречены практически на всех исследованных участках «акрополя» городища. Уже в начале XX века в материалах раскопок, проведенных А.А. Миллером в 1908 и 1909 годах в северо-западной части «акрополя», упоминаются находки обломков кровельной черепицы (Миллер 1910: 121, 123). Т.Н. Книпович, характеризуя материалы раскопок А.А. Миллера 1928 года, также отмечает, что в раскопах, расположенных в северной части «акрополя», встречаются обломки черепиц (Книпович 1935: 189, 198, прил. 1). Однако этим и ограничивалась информация о кровельной черепице, обнаруженной в слоях Елизаветовского городища. К сожалению, рисунки фрагментов и их описание в этих публикациях отсутствуют.

И.Б. Брашинский в своей работе, посвящённой греческому керамическому импорту на Нижнем Дону отмечал, что обломки черепиц «составляют менее 1 % общего керамического комплекса», а находка черепицы с кровельным окном «является решающим аргументом в пользу допущения мнения о наличии на Елизаветовском поселении хотя бы единичных домов с черепичной кровлей» (Брашинский 1980: 76–77). В вышедшей в 2000 г. коллективной монографии, посвященной Елизаветовскому городищу, было также отмечено, что «...один, максимум два-три дома Большой греческой колонии имели черепичную кровлю, на что прямо указывают постоянные, хотя и крайне немногочисленные, находки калиптеров и керамид» (Марченко и др. 2000: 256). По поводу отдельных домов с черепичной крышей авторы данной монографии отмечали, что в пользу заключения о наличии на городище отдельных построек, крытых черепицей, свидетельствуют не только находки обломков синопских и боспорских плоских черепиц (рис. 4 -4–5), которые в принципе, могли использоваться и не по прямому назначению, но, в гораздо большей степени, обнаруженные в последние годы обломки желобчатых и граненых калиптеров (рис. 4 -8–9) и, особенно, уникальная фрагментированная боспорская черепица с кровельным окном (рис. 4 -3). Последняя находка особенно важна, т.к. эта черепица могла быть использована, по всей видимости, только по своему прямому назначению, причем, скорее всего, в кровле не рядового дома (Марченко и др. 2000: 128). В этой связи следует отметить, что находки черепиц с кровельными окнами представляют собой исключительную редкость и в крупных греческих городах Северного Причерноморья – Ольвии, Херсонесе, Пантикапее (Марченко и др. 2000: 128; Ковальчук 2007: 50–51).

Отметим, что авторы монографии о Елизаветовском городище подавляющее большинство найденных обломков черепиц соотносили с материалами боспорской колонии конца IV – первой трети III в. до н.э., открытой в верхних горизонтах культурных напластований городища в 1982 г., и связывали их со строениями греческого типа (Марченко и др. 2000: 128). Однако в настоящее время можно уверенно утверждать, что обломки черепиц встречаются как в верхних горизонтах культурных напластований Елизаветовского городища, так и в слоях, которые сегодня мы можем, несомненно, отнести ко времени более раннему по отношению к Большой греческой колонии. Работы последних лет также подтвердили факт обнаружения фрагментов керамид и калиптеров в слоях городища, относящихся к IV в. до н.э. При этом они присутствовали и в закрытых комплексах третьей четверти IV в. до н.э. (Копылов, Копылов 2017: 139).

Что касается Большой греческой колонии конца IV – первой трети III в. до н.э., участки застройки которой располагаются в верхней части культурных напластований Елизаветовского городища, то к настоящему времени ее остатки исследованы на площади около 8 тыс. м² в пределах наиболее возвышенной части городища, так называемого «акрополя», площадь которого составляет около 12 га, где выявлено более 30 домов сырцово-каменной конструкции, сблокированных в соответствии с уличной сетью (Копылов 2009: 34). На сегодняшний день вся совокупность данных позволяет говорить о Большой греческой колонии, как о поселении урбанистического типа (Копылов, Коваленко 2012а: 208).

В последние годы одной из основных задач экспедиции снова стало изучение культурных напластований, предшествовавших времени Большой греческой колонии, в результате чего было исследовано несколько новых строительных комплексов IV в. до н.э. Более 20 последних лет работы Южно-Донской экспедицией планомерно ведутся на двух участках, расположенных в северной части «акрополя» городища – Раскопы XXXIV и XXXVI (рис. 1). В этой, наиболее возвышенной части памятника, открыты объекты, связанные как с периодом существования Большой греческой колонии, так и с более ранним временем. Только на этих двух раскопах к 2019 году было обнаружено 285 фрагментов черепиц, из которых 139 фрагментов было найдено на раскопе XXXIV, а 146 на раскопе XXXVI.

На раскопе XXXIV (рис. 2) были открыты остатки двух наземных домов Большой греческой колонии, которые занимают большую часть площади раскопа. Каждый из этих домов имел несколько помещений, а их стены были возведены из сырцового кирпича на каменном цоколе. В одном из домов также был зафиксирован внутренний дворик, вымощенный камнем, а рядом со вторым домом был открыт участок улицы, мощенной обломками битой амфорной керамики (Копылов 2009: 34–35). В западной части раскопа к западу от строений первой трети III в. до н.э. находился свободный от застройки участок, перекрытый однородным слоем, имеющим характер трамбовки. С 2004 года на этом, не занятом строениями Большой греческой колонии участке было начато изучение более ранних горизонтов Елизаветовского городища. В результате в западной и северо-западной частях раскопа, на сравнительно небольшом участке, были открыты остатки трех строительных комплексов, два из которых надежно датируются в рамках второй половины IV в. до н.э. (строительные комплексы 32 и 36), а о датировке третьего (строительный комплекс 31) судить пока преждевременно, поскольку его археологическое изучение еще продолжается. Здесь же был открыт и исследован глубокий колодец с каменной облицовкой стен. Все три открытых здесь строительных комплекса представляют собой большие прямоугольные в плане строения, которые были заглублены в культурный слой городища и в материк. Два из них (строительный комплекс 31 и 36) при сооружении стен имели сырцово-каменные конструкции.

Особый интерес представляет строительный комплекс 36, который к настоящему времени раскопан полностью, а отдельные результаты его исследования были неоднократно опубликованы (Копылов, Коваленко 2012b: 96–00; Копылов 2015: 121–134; Копылов, Копылов 2017: 140–143, 146). Этот комплекс, очевидно, имел культовый характер и, возможно, выполнял роль святилища. Данный, значительный по размерам, комплекс, площадью около 100 м², функционировал в IV в. до н.э., в наиболее возвышенной и, несомненно, престижной части поселения. Судя по результатам археологического изучения строительного комплекса 36, он имел сырцовые стены, возведенные на высоком каменном цоколе, а его нижняя часть была заглублена. Анализ материала и значительное количество фрагментов черепицы (некоторые из которых были окрашены в красный цвет), найденных в районе этого комплекса, позволяют предполагать, что большая часть обломков черепиц, обнаруженных на раскопе XXXIV может быть связана со строительным комплексом 36 или расположенными рядом объектами того же времени. Обломки черепицы присутствовали в заполнении строительного комплекса 36 и рядом с ним в слоях IV до н.э. Все фрагменты с этого участка принадлежат черепице боспорского происхождения. Некоторые имеют следы красной краски или ангоба.

Фрагменты черепиц, обнаруженные в ходе исследования строительного комплекса 36 имели клейма, представленные четырьмя штампами: ΘΕΥ; ΑΡΙ(; ΑΠΟ(и ΠΠ ретроградно (рис. 3 –2–5). Клейма ΘΕΥ Н.Ф. Федосеевым и В.А. Анохиным датируются 370–360 гг. до н.э. (Анохин 1999: 192; Федосеев 2012: 47), клейма ΑΡΙ(и ΑΠΟ(эти исследователи относят к 360–350 гг. до н.э. (Анохин 1999: 190–191; Федосеев 2012: 34–35), а клейма типа ΠΠ ретроградно

Н.Ф. Федосеевым датируются второй четвертью IV в. до н.э. (Федосеев 2012: 51). По мнению же С.Ю. Сапрыкина, специальное исследование которого по боспорскому черепичному клеймену увидело свет в 2020 году, все эти клейма появляются в обиходе в третьей четверти IV в. до н.э. (Сапрыкин 2020: 157), и, очевидно, относятся ко времени правления Перисада I, производство и поставки черепицы при котором были существенно расширены (Сапрыкин 2020: 157).

Следует отметить, что помимо клейма ΘΕΥ, из строительного комплекса 36, еще одно клеймо подобного типа (рис. 3 -1) было обнаружено в непосредственной близости от него, на том же раскопе в слое, относящемся ко времени Большой греческой колонии. В слоях времени этой колонии на раскопе XXXIV зафиксированы еще два клейма, одно из которых – ИППО ретроградно – аналогично клейму из каталога Н.Ф. Федосеева и неоднократно было встречено при раскопках памятников Европейского Боспора (Федосеев 2012: 51); второе клеймо (рис. 3 -9), найденное в одном из верхних горизонтов культурных напластований Елизаветовского городища в непосредственной близости от строительного комплекса 36, очевидно, следует сопоставить с клеймом ΜΕΝΟΙ (по каталогу Н.Ф. Федосеева, которое он датировал второй четвертью IV в. до н.э. (Федосеев 2012: 51, 62), а С.Ю. Сапрыкин в настоящее время оба штампа этого типа относит к третьей четверти этого столетия (Сапрыкин 2020: 157). Среди находок клейм на боспорской черепице отметим еще один штамп (рис. 3 -10), обнаруженный в 1980 году также в северной части «акрополя» Елизаветовского городища, в ходе исследований на раскопе XIV, расположенном к западу от раскопов XXXIV и XXXVI, на незначительном удалении от них. Клеймо выполнено прямоугольным штампом и содержит две буквы ΜΕ ретроградно. Аналогичный штамп представлен в каталоге Н.Ф. Федосеева (Федосеев 2012: 61, 118: № 1377), который считал, что такие штампы относятся ко времени правления Левкона I и вслед за В.А. Анохиным, датировал их 380–370 гг. до н.э. (Анохин 1999: № 80; Федосеев 2012: 61). С.Ю. Сапрыкин считает, что подобные клейма относятся к третьей четверти IV в. до н.э. (Сапрыкин 2020: 157), а А.В. Ковальчук включает такие клейма в выделенную ею подгруппу А боспорских черепичных клейм, датируемую 360–330 гг. до н.э. (Ковальчук 2007: 118–119). В эту же подгруппу она включает и упомянутые ранее клейма ΘΕΥ и ИППО (Ковальчук 2007: 118–119).

Обращает на себя внимание, что на основной площади раскопа XXXIV в слоях, связанных с функционированием Большой греческой колонии, было обнаружено лишь 47 фрагментов черепиц, большинство из которых принадлежит черепице боспорского происхождения, а один является синопским.

На раскопе XXXVI, расположенном в непосредственной близости от раскопа XXXIV, из 146 фрагментов черепиц, зафиксированных за 20 лет исследований на этом участке, 89 фрагментов уверенно соотносятся со слоями времени функционирования Большой греческой колонии, а 38 найдены в слоях IV в. до н.э. Среди обнаруженных на этом раскопе фрагментов черепиц подавляющее большинство имеет боспорское происхождение. Среди них представлены и плоские керамиды (рис. 4 -4–5) и граненые калиптеры (рис. 4 -8–9). Однако, как в слоях IV в. до н.э., так и в слоях первой трети III в. до н.э. присутствует и небольшое количество синопской черепицы, причем, представленной, как плоскими керамидами, так и желобчатыми калиптерами. Особо отметим, что на одном из фрагментов синопской черепицы из слоя времени Большой греческой колонии, сохранилось трехстрочное клеймо с эмблемой треножник (рис. 4 -7) Аналогичное клеймо (рис. 4 -6) уже было ранее обнаружено в ходе исследования Елизаветовского городища (Брашинский 1980: 77; Марченко и др. 2000: табл. 28, рис. 56.3). Есть основания полагать, что производство черепицы с данным клеймом относится ко второй половине IV в. до н.э., наиболее вероятно, к последней четверти этого столетия.

Клейма на черепице боспорского происхождения из раскопа XXXVI представлены двумя оттисками: ИПП ретроградно (рис. 3 -6) и ИППО ретроградно (рис. 3 -8). Оба эти клейма обнару-

жены в слоях Большой греческой колонии и, согласно исследованиям С.Ю. Сапрыкина, их дата определяется в рамках третьей четверти IV в. до н.э. (Сапрыкин 2020: 157). Обращает на себя внимание, что клейма, выполненные штампом ИППО ретроградно, также были найдены на соседнем раскопе XXXIV и в центральной части «акрополя» городища на раскопе XXX–XXXI, где целая черепица с подобным клеймом была вторично использована при сооружении сырцово-каменного алтаря в доме 28 Большой греческой колонии (рис. 4 -1–5). Еще одно такое клеймо из раскопок Елизаветовского городища (рис. 3 -7) известно по материалам публикаций (Брашинский 1980: 77, рис. 3б; Маарченко и др. 2000: табл. 28, рис. 56.2).

Что касается других раскопанных участков, то анализ материала показывает, что в пределах «акрополя» Елизаветовского городища, фрагменты черепицы присутствуют в его северной и центральной частях. При этом на раскопах, заложенных в периферийной части «акрополя» городища, черепица среди находок или отсутствует вовсе или представлена очень небольшим количеством и единичными находками. За пределами «акрополя» Елизаветовского городища находки черепиц единичны или отсутствуют. Таким образом, количество находок обломков черепицы сокращается по мере удаления от северной и центральной частей «акрополя» городища, что позволяет предполагать наличие построек с черепичной кровлей именно в этой части поселения.

Анализ черепичных клейм, обнаруженных на территории «акрополя» Елизаветовского городища показывает, что среди этих материалов пока отсутствуют штампы, относящиеся ко времени Большой греческой колонии, а дата изготовления имеющихся на сегодняшний день клейм укладывается в сравнительно узкий хронологический период. При этом наиболее вероятной нам представляется датировка подобных боспорских клейм, предложенная С.Ю. Сапрыкиным, согласно мнению которого, все они были изготовлены в третьей четверти IV в. до н.э. в период правления Перисада I, хотя некоторые мастера могли начать свою деятельность и раньше (Сапрыкин 2020: 157). Наличие среди находок на Елизаветовском городище черепичных клейм, как боспорского, так и синопского происхождения, представленных двумя или более экземплярами, выполненными одинаковыми штампами, по нашему мнению, свидетельствует о том, что черепица поставлялась на поселение партиями. Ранее исследователями Елизаветовского городища отмечалось, что именно в третьей четверти IV в. до н.э. в истории этого памятника происходят существенные изменения, которые нашли отражение в том числе и в строительном деле. Так, именно к этому времени относится прекращение функционирования целой серии строительных комплексов первой половины IV в. до н.э. (Марченко и др. 2000: 118–124; Копылов, Коваленко 2016: 34; Копылов, Копылов 2018: 334–346) и начало нового строительного периода. Характерно, что именно с третьей четверти IV в. до н.э. на Елизаветовском городище в домостроительстве начинают активно применяться такие материалы, как камень и сырцовый кирпич, и существенно возрастает роль эллинской строительной традиции (Коваленко 2018: 350–354). В этой же связи, как представляется, необходимо рассматривать и появление на памятнике кровельной черепицы.

Сейчас представляется очевидным, что на Елизаветовском городище в третьей четверти IV в. до н.э. имели место весьма масштабные строительные работы. Эти работы, проведенные в достаточно сжатые сроки, несомненно, требовали существенных экономических затрат. Серьезные ресурсы нужны были для получения и транспортировки отсутствующих в дельте Дона строительных материалов таких, как камень и глина для изготовления сырцового кирпича. Необходимо было и появление на городище квалифицированных специалистов, владеющих технологиями возведения сырцово-каменных конструкций, применяемых в домостроении. Очевидно, именно в связи с этими строительными работами и была произведена закупка на Боспоре партий кровельной черепицы, хронология изготовления которой укладывается в

рамки третьей четверти IV в. до н.э. В этой связи стоит отметить, что каркасно-столбовая конструкция ни одного из исследованных строительных комплексов первой половины IV в. до н.э. не предполагает наличия черепичной крыши, в то время, как каменные и сырцово-каменные стены некоторых домов, построенных на городище в третьей четверти этого столетия, вполне могли выдержать вес черепичной кровли. Количество же обломков черепицы на памятнике позволяет согласиться с ранее высказанным исследователями мнением, что черепичную кровлю могли иметь лишь единичные дома городища (Брашинский 1980: 77; Марченко и др. 2000: 128).

В то же время, благодаря наличию уже достаточно представительной серии черепичных клейм, сегодня мы можем говорить, что имела место поставка значительного количества кровельной черепицы в третьей четверти IV в. до н.э., которая, очевидно, закупалась для нерядовых построек, в том числе и имевших общественное назначение. К таким постройкам вполне мог относиться и имевший культовый характер строительный комплекс 36, в районе которого было найдено значительное количество обломков черепицы, в том числе и клейменной. Наличие клейменной кровельной черепицы третьей четверти IV в. до н.э. в материалах этого комплекса позволяет предположить, что именно к этому времени может относиться и его возведение. Также следует обратить внимание, что верхняя сторона большинства найденных здесь обломков черепицы имеет следы заизвесткованности, что, вероятно, связано с длительным пребыванием этой черепицы на открытом воздухе под воздействием осадков и может свидетельствовать о ее длительном применении по прямому назначению и нахождению на кровле здания. Анализ материалов строительных комплексов и кровельных черепиц Елизаветовского городища подтверждает выводы И.Б. Брашинского и К.К. Марченко о том, что уже в IV в. до н.э. оно являлось поселением городского типа (Брашинский, Марченко 1980: 211–218). Обращает на себя внимание, что среди находок черепицы, обнаруженных на территории Елизаветовского городища, практически отсутствуют целые экземпляры, а подавляющее большинство представляют собой фрагменты. На сегодняшний день нам известен лишь один целый экземпляр клейменной боспорской черепицы, который был вторично использован в качестве строительного материала при сооружении сырцово-каменного алтаря, исследованного в северной части городища на раскопе XXX–XXXI и относящегося ко времени существования Большой греческой колонии. При этом, как было отмечено выше, фрагменты черепицы были обнаружены как в слоях, относящихся ко второй половине IV в. до н.э., так и в материалах Большой греческой колонии конца IV – первой трети III в. до н.э., где те из фрагментов, которые имеют клейма также датируются в рамках второй половины IV в. до н.э. Возможно, большинство обломков черепицы может быть связано с разрушением строений, возведенных в третьей четверти IV в. до н.э. Судить же о том, имели ли черепичную крышу дома Большой греческой колонии, на сегодняшний день ввиду ограниченности источников достаточно сложно и этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Конструкция открытых домов этой колонии вполне допускала возможность наличия у них черепичной кровли, однако, малочисленность и фрагментарность находок черепицы в слоях колонии, а также отсутствие черепичных клейм, надежно датированных ее временем, свидетельствуют о том, что если дома этого греческого поселения и имели такую крышу, то эти случаи, скорее всего, были единичными.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин 1999 – Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев. – 249 с.
Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Л.: Наука. – 270 с., 42 табл.
Брашинский, Марченко 1980 – Брашинский И.Б., Марченко К.К. 1980. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа. *СА* (1), 211–218.
Книпович 1935 – Книпович Т.Н. 1935. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. *ИГАИМК* (104), 111–201.

- Коваленко 2018 – Коваленко А.Н. 2018. Эллинические и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* (2). Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова / Коваленко А.Н. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: ИП Истратов С.В., 347–363.
- Ковальчук 2007 – Ковальчук А.В. 2007. *Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм)*. Дисс. ... канд. ист. наук. М. – 341 с.
- Копылов 2009 – Копылов В.П. 2009. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III вв. до н.э.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции / Копылов В.П. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 28–38.
- Копылов 2015 – Копылов В.П. 2015. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону. *БИ* (XXXI), 121–134.
- Копылов, Коваленко 2012а – Копылов В.П., Коваленко А.Н. 2012. К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в нижнедонском культурно-историческом районе (первая половина VI – первая половина III вв. до н.э.). *Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации* (XIII) / В.Н. Зинько (ред.-сост.). Керчь, 202–211.
- Копылов, Коваленко 2012б – Копылов В.П., Коваленко А.Н. 2012. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение). *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* / Н.П. Тельнов (отв. ред.). Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им Т.Г. Шевченко. 96–100.
- Копылов, Коваленко 2016 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. 2016. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н.э. *Stratum plus* (3). 33–44.
- Копылов, Копылов 2017 – Копылов В.П., Копылов А.В. 2017. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону. *Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг.* / М. Matera, R. Karasiewicz-Szczyporski (eds.). Warsaw, 139–148.
- Копылов, Копылов 2018 – Копылов А.В., Копылов В.П. 2018. Производственный комплекс первой половины IV в. до н.э. Елизаветовского городища. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* (2). Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова / Коваленко А.Н. (отв. ред.) Ростов-на-Дону: ИП Истратов С.В., 334–346.
- Марченко и др. 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis* (II). *Tanais* (2). М. – 281 с., 72 табл.
- Миллер 1910 – Миллер А.А. 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. *ИАК* (35), 86–130.
- Сапрыкин 2020 – Сапрыкин С.Ю. 2020. *Боспорское черепичное клеймение / Труды исторического факультета МГУ* (175). Серия 2. Исторические исследования (112). М.; СПб.: Изд-во РХГА – 320 с. /
- Федосеев 2012 – Федосеев Н.Ф. 2012. *Керамические клейма. Боспор. Из собр. Керч. ист.-культ. заповедника*. Киев: Мистецтво. – 160 с., ил.

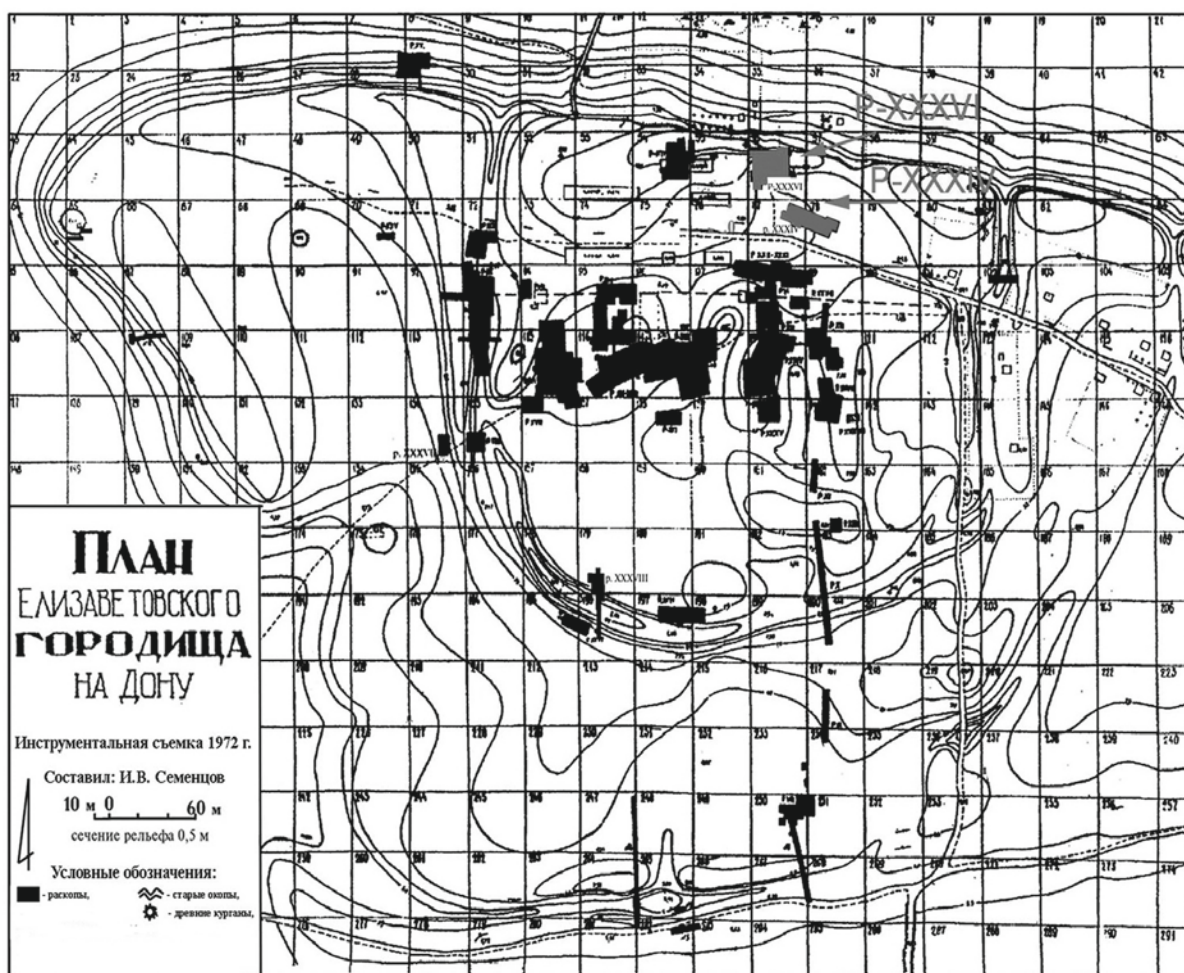

Рис. 1. План Елизаветовского городища и раскопанные участки

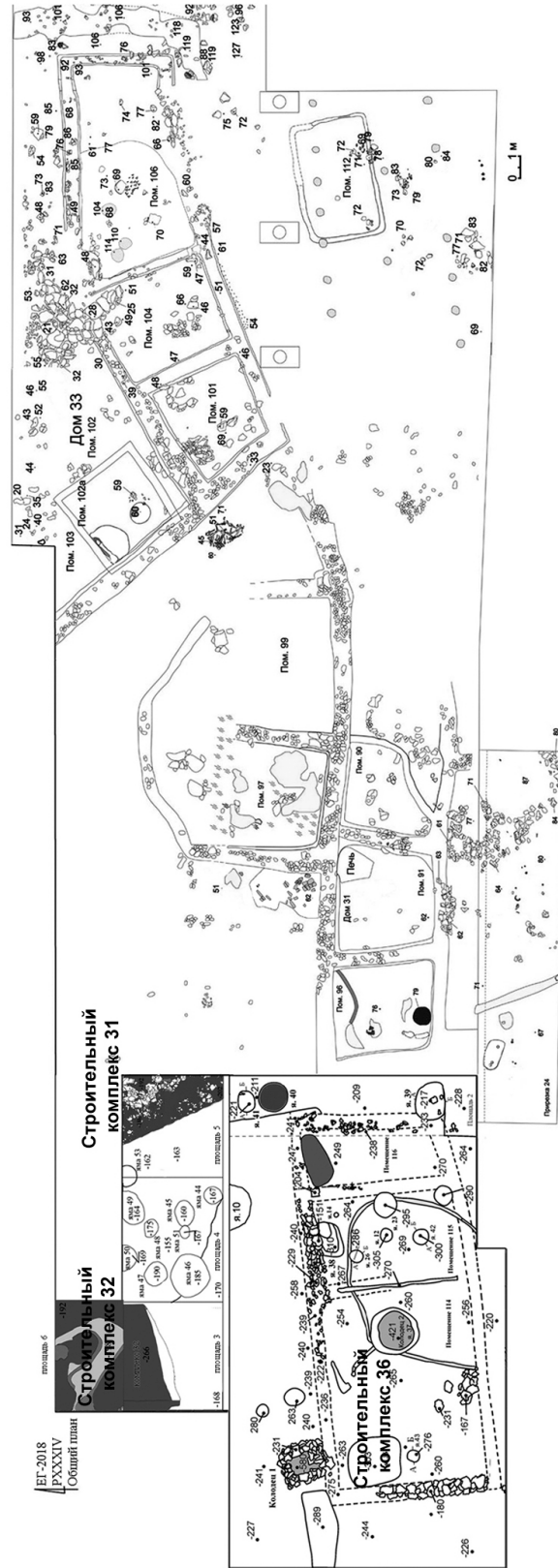

Рис. 2. Елизаветовское городище. План Раскопа XXXIV

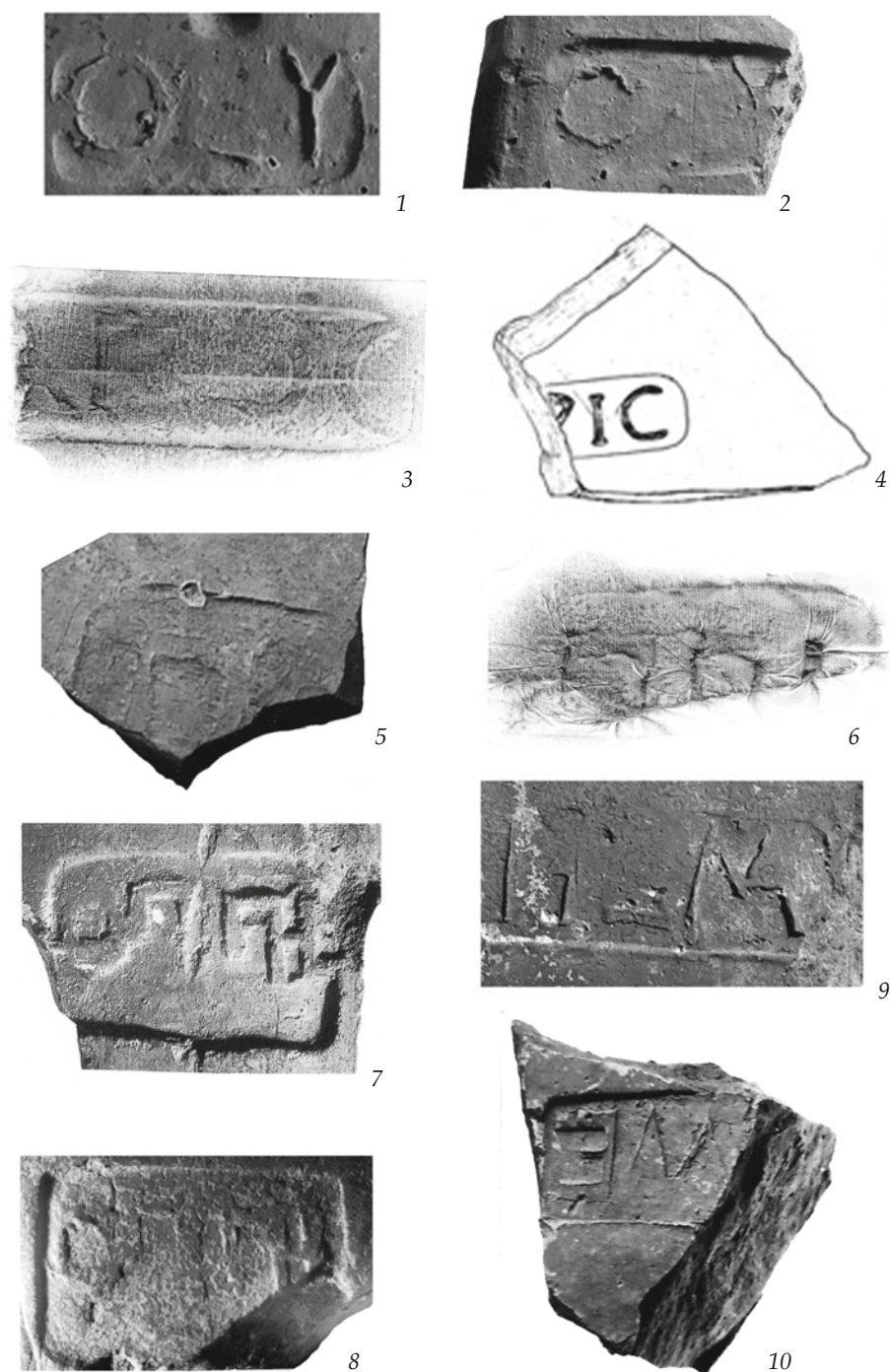

Рис. 3. Боспорские черепичные клейма из материалов Елизаветовского городища:
1–5, 9 – клейма, обнаруженные на раскопе XXXIV;
6, 8 – клейма, обнаруженные на раскопе XXXVI;
7 – боспорское черепичное клеймо (по: Марченко и др. 2000: табл. 28, рис. 56.2);
10 – клеймо, обнаруженное на раскопе XIV в 1980 г.

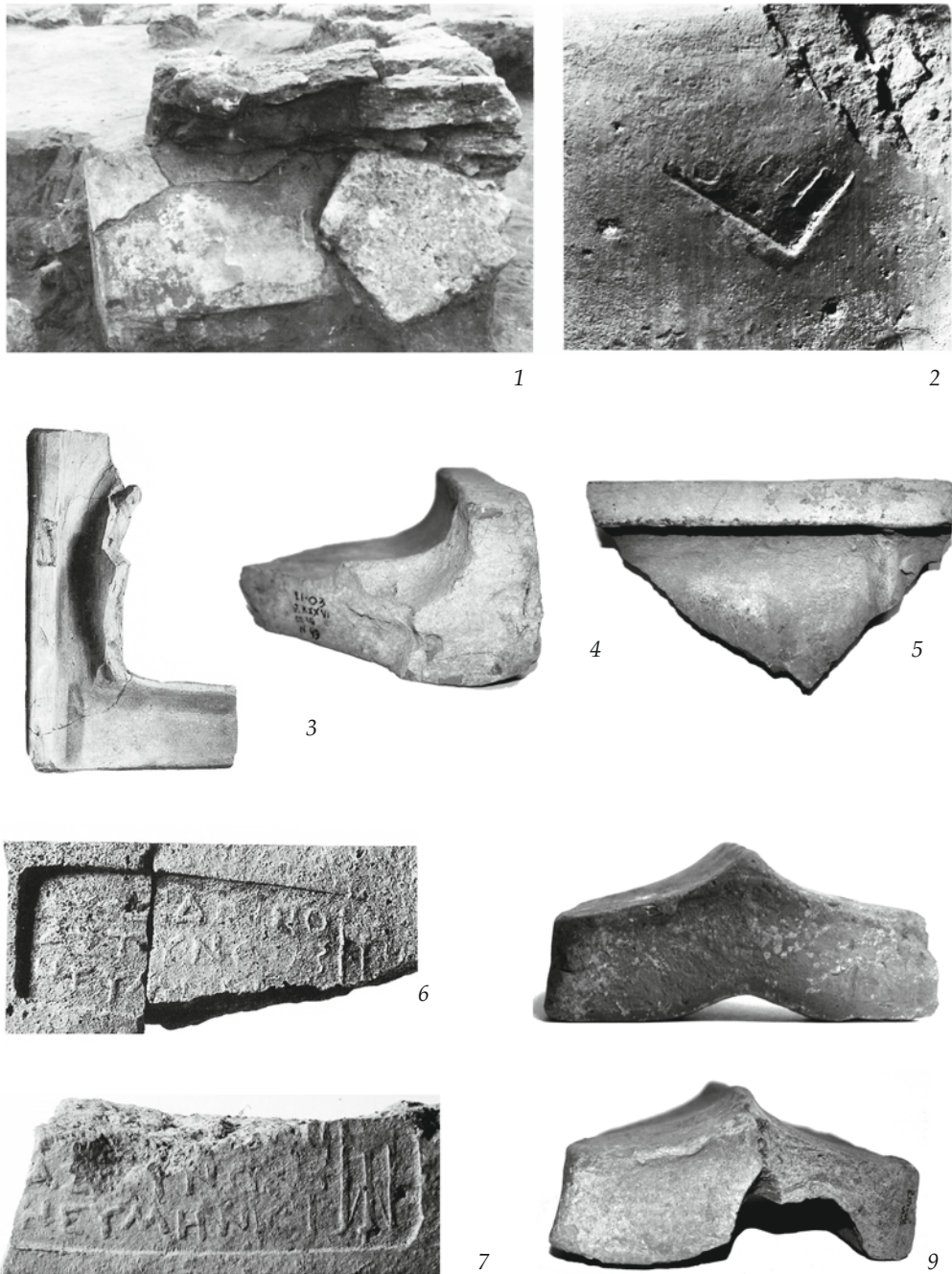

Рис. 4. Находки боспорской и синопской черепицы из материалов Елизаветовского городища:
 1–2 – боспорская клейменная черепица, обнаруженная в сырцово-каменном алтаре дома 28
 на раскопе XXX–XXXI; 3 – фрагмент черепицы с кровельным окном
 (по: Марченко и др. 2000: табл. 28, рис. 56.1); 4–5 – фрагмент боспорской керамики;
 6 – фрагмент синопского черепичного клейма (по: Марченко и др. 2000: табл. 28, рис. 56.3);
 7 – фрагмент синопского черепичного клейма, обнаруженного в 2002 году на раскопе XXXVI;
 8–9 – фрагменты боспорских граненых калиптеров

КРЫМСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГРУППЫ «КК» В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация: на территории Крымского полуострова в раннем железном веке существовала группа погребальных памятников с обрядом близким как предскифскому степному, так и скифскому, но сопровождавшихся керамикой, характерной для кизил-кобинской культуры Горного Крыма. В.С. Ольховский отделил эти археологические объекты от собственно скифских или погребений группы «С» и охарактеризовал как скифо-кизил-кобинские, или погребения группы «КК». В архаическое время эти памятники концентрируются в курганах горно-предгорной части Крыма. Однако со второй половины – конца VI в. до н.э. и вплоть до первых десятилетий IV в. до н.э. ареал их находится в западной части Крымского полуострова. Захоронения, как и прежде, совершаются в курганах, погребальные сооружения не отличаются от скифских. Набор погребального инвентаря совпадает с типичным для скифов. Впрочем, существенным отличием служит местная посуда, ареал которой достигает Нижнего Побужья. В группе «КК» она характеризуется геометрическими орнаментами, восходящим к двум декорам; горно-предгорным, собственно кизил-кобинским и восточно-крымским, возникшим в VI в. до н.э. на берегах Боспора Киммерийского. Позднее, в IV в. до н.э. сосуды с резными орнаментами из погребального обряда исчезают. Археологические памятники группы «КК» сливаются с массивом скифских погребений Западного Крыма.

Ключевые слова: группа «КК», кизил-кобинская культура, лепные сосуды с резным орнаментом, погребальный обряд, скифы, скифская классика.

S.G. Koltukhov¹

CRIMEAN BURIALS OF THE "KK" GROUP IN THE CLASSICAL PERIOD

Abstract: on the territory of Crimean peninsula in the early Iron Age, there was a group of funerary monuments with a ritual close to both the pre-Scythian steppe and Scythian. It was accompanied by ceramics characteristic of the Kizil-Koba culture of the Mountainous Crimea. V.S. Olkhovsky separated these archaeological sites from the Scythian proper or burials of group "C" and characterized them as Scythian Kizil-Koba, or burials of the "KK" group. In archaic times, these monuments were concentrated in the mounds of the mountainous foothill part of the Crimea. However, since the second half-the end of the VI century B.C. and up to the first decades of the IV century BC, their distribution area was located in the western part of the Crimean peninsula. As before, burials were carried out in burial mounds, burial structures did not differ from Scythian ones. The set of burial equipment coincided with the typical one for the Scythians. However, a significant difference is local pottery with two types of geometrical ornaments: Kizil-Koba and Eastern-Crimean; the area of distribution of which reach the Lower Pobuzhye. In the "KK" group, it is characterized by carved ornaments coming back to two decoration types: mountain-foothill, actually Kizil-Koba and East Crimean, which arose in the VI century BC on the shores of the Cimmerian Bosphorus. Later, in the IV century BC vessels with carved geometrical ornaments from the funeral rite disappear. The archaeological monuments of the KK group merge with the array of Scythian burials of Western Crimea.

Keywords: «КК» group, Kizil-Koba culture, hand-made pottery with carved geometrical ornament, funerary rites, Scythians, Scythian Classics.

У крымских захоронений скифского времени, совершенных по степному обряду, но с лепной керамикой, характерной для кизил-кобинской культуры Горного Крыма в раннем железном веке, существует своя история исследований еще с середины прошлого столетия (Колтухов, Сенаторов 2016b). В качестве отдельной группы памятников, погребения архаического времени с вытянутым или слабо скорченным положением костяков, ориентацией, преимущественно в западном – юго-западном секторе и с кизил-кобинской или близкой к кизил-кобинской лепной посудой, впервые были охарактеризованы по результатам раскопок курганов на Симферопольском водохранилище (Шульц, Столяр 1958; Столяр, Щепинский 1981).

¹ Колтухов Сергей Георгиевич, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 2, <https://orcid.org/0000-0002-6151-174X>.

В начале 60-х гг. прошлого века, именно они были оценены А.А. Щепинским как памятники, принадлежащие потомкам киммерийского населения, сохранившимся в скифское время в горно-предгорной части Крымского полуострова (Щепинский 1962; 1977)². Эту этнокультурную атрибуцию принимает и автор (Колтухов, Сенаторов 2016; Колтухов 2022).

Параллельно возникла и развивается оценка подобных археологических объектов в качестве скифских, существующих в кизил-кобинском археологическом пространстве (Лесков 1965; Крис 1976; Колотухин 2000: 68; Храпунов 2004: 52–53) или формирующих элементы этой культуры (Крис 1976). В 80-е гг. прошлого века В.С. Ольховский, придерживаясь сходных воззрений, разделил скифские погребения Крыма на две группы: группу «С» – собственно скифскую и группу «КК» – скифо-кизил-кобинскую (Ольховский 1990: 80 сл.). По мнению автора, группа КК, с учетом этнокультурной оценки данной А.А. Щепинским (Щепинский 1962; Щепинский 1977), соответствует определению скифоидная. В.С. Ольховский очертил ее археологические контуры (Колтухов 2022) на основе сочетания могильных сооружений, особенностей ингумации и ориентации, рассматриваемых как типичные для скифов, и лепной посуды с резным декором, характерной для кизил-кобинской культуры (Ольховский 1991: 80–82). Специально отметим, что в этом случае «скифские» элементы обряда не отличаются или мало отличаются от тех, которыми характеризуются поздние предскифские погребения Крыма, традиционно определяемые как новочеркаские или позднечерногорские³.

На сегодняшний день в Предгорном и Степном Крыму раскопано не менее 20 подкурганых захоронений группы КК (рис. 1), информация о которых представлена в отдельной таблице. Сами комплексы погребений рассмотрены и опубликованы ранее⁴. Именно эти памятники можно достаточно уверенно соотносить с классическим периодом скифской культуры⁵.

Однако одна из проблем заключается в том, что отсутствие в погребениях амфорной тары, столь успешно изучаемой Сергеем Юрьевичем Монаховым и его коллегами, или расписной и чернолаковой керамики не позволяет предложить для этих памятников современное хронологическое обоснование. Отсутствие импортов факт любопытный еще и потому, что группа с юга, востока и севера охватывает Керкинитиду, однако сколько-нибудь заметного обмена с этим полисом погребения не показывают.

² Столь же интересно, высказанное тогда же предположение А.А. Щепинского о том, что памятники этой группы представлены не только погребениями, но и поселениями, расположенными в предгорье.

³ В данном случае различие терминологическое, поскольку собственно черногорских и новочеркаских древностей в подавляющем большинстве таких комплексов нет (ср. Дубовская 1997; Махортых 2005).

⁴ *Вилино 1986, 2/6* (Лобода 2001; Колтухов, Сенаторов 2015: 79); *Кольчугино 1970, 1/1* (Колтухов, Сенаторов 2015: 86); *Кольчугино 1970, 3/4* (Колтухов, Сенаторов 2015: 88); *Разоренный Аиш 1883,2* (Колтухов, Сенаторов 2013: 131); *Талаевский 1895, С/2* (Колтухов, Сенаторов 2016: 93–97); *Бобовича 1985, 1* (Колтухов, Сенаторов 2016: 111–112); *Колоски 1976, 1/2* (Ольховский 1982: 61; Колтухов 2012: 46); *Колоски 1977, 5/5* (Ольховский 1982: 63; Колтухов 2012: 47; Кравченко 2009: 192); *Березовка, 1988, 6/5* (Колотухин 2000: 18–19; Колтухов 2012: 69–70); *Кара-Меркет 1886, 1/2-3* (Колтухов 2012: 68; Сенаторов, Колтухов 2018: 81); *Тавкель-Нейман 1884, 1/1* (Колтухов 2012: 70–72); *Межводное 1971, 9/3* (Колтухов 2012: 78); *Межводное 1971, 9/6* (Колтухов 2012: 79); *Григорьевка 1984, 5/7* (Колотухин 2000: 35; Колтухов 2012: 84); *Григорьевка 1984, 5/9* (Колотухин 2000: 35–37; Колтухов 2012: 83); *Григорьевка 1984 12/2* (Колотухин 2000: 39; Колтухов 2012: 85); *Григорьевка 1984, 21/насыть* (Колотухин 2000: 39; Колтухов 2012: 87); *Гришино 1979, 1/2* (Вдовиченко, Колтухов 1986: 235–240; Колтухов 2012: 96); *Октябрьское 1984, 4/1* (Колотухин, 2000: 32; Колтухов 2012: 95–96); *Матвеевка 1981 1/8* (Колотухин, 2000: 21–22; Колтухов 2012а: 36). Локализация памятников на рис. 1.

⁵ По мнению А.Ю. Алексева, начало ССК – классического периода в скифской истории и культуре, соотносится со второй половиной – последней третью VI в. до н.э. (Алексеев 2003: 153 и сл.), в представлении Д.С. Гречко это 40–30 лет предшествующие началу V в. до н.э. (Гречко 2017: 102). Группа КК видится автору древней, восходящей своими корнями к предскифскому времени, испытавшей заметные деформации именно с началом классического периода, финал же этого археологического феномена соответствует в скифской хронологии этапу III-A, т.е. концу V – первой половине IV в. до н.э. (Алексеев 2003: 276–277).

Географические границы распространения погребений группы «КК» в архаическое время ограничивались северным макросклоном Главной горной гряды, предгорной частью долины р. Салгир и долинами ближайших притоков. В классический период, судя по результатам полевых исследований 80-х гг. XIX в. – 80-х гг. XX в., ареал изменился. Теперь он охватывает предгорную часть Юго-Западного Крыма, районы предгорья, прилегающие с запада к Симферополю, Северо-Западный Крым, район близ северного побережья Каркинитского залива и западную часть Центрального Крыма. Новый ареал (рис. 1) простирается на юг до нижнего течения р. Альма (Вилино) и р. Западный Булганак (Кольчугино). Далее к северу памятники встречены в верховьях балки Кизил-Яр (Разоренный Аиш) и на границе Предгорного и Степного Крыма к западу от Салгира (Талаевский, Бобовича). Севернее граница ареала проходит близ морского побережья к оз. Донузлав (Колоски), вновь памятники появляются за мысом Тарханкут (Межводное)⁶, несколько погребений группируются во внутренней части Тарханкутской возвышенности близ верховий Донузлавской и Бокальской балок (Березовка, Кара-Меркет, Тавкель-Нейман). Северо-восточная граница фиксируется близ точки бифуркации Салгира (Григорьевка) и вдоль долины р. Чатырлык, огибая восточный край Тарханкутской возвышенности (Октябрьское, Гришино). Самое северное из погребений расположено в верховьях р. Воронцовка у северного края Тарханкутской возвышенности (Матвеевка). Фактически зона распространения погребений с кизил-кобинской керамикой охватывает предгорно-приморскую и степную часть Западного Крыма, а также Тарханкутскую возвышенность вплоть до р. Чатырлык и Каркинитского залива.

Эта историко-культурная область существенно отличается от той, которую памятники КК занимали в долине Салгира в архаическое время (Колтухов, Сенаторов 2016b)⁷. Опираясь на аналогичные наблюдения, В.А. Колотухин допускал вероятность выхода кизил-кобинцев в степную часть Крымского полуострова, при этом видя в них тавров⁸ со ссылкой на Страбона (VII.IV.5), некогда живших даже в степи у Каркинитского залива (Колотухин 2000: 71)⁹. В принципе с этим можно согласиться хотя бы по тому, что Геродот в развитом V в. до н.э. проводил северную границу земель тавров у Керкинитиды (IV. 99), однако, археологических памятников, которые собственно и принято относить к культуре тавров (Лесков 1965; Крис 1981; Колотухин, 1996), здесь нет. Известны лишь погребения группы КК (Колтухов 2012: 135) с погребальными традициями свойственными населению Степного Причерноморья в раннем железном веке и лепной орнаментированной керамикой как кизил-кобинского, так и восточно-крымского облика.

В этой же части Крымского полуострова и в большем количестве присутствуют подкурганые погребения, которые их исследователи, в том числе и автор, характеризуют как собственно скифские (Колотухин 2000; Колтухов 2012; 2012a; 2015; Колтухов, Сенаторов 2016a)¹⁰.

Погребальный обряд. Почти все перечисленные погребения впускные, большинство из них обнаружено в небольших курганах эпохи бронзы. Скифским (?) является курган Колоски 1

⁶ Сам мыс Тарханкут исследован явно недостаточно, раскопки курганов и поселений здесь единичны.

⁷ В классическое время там известно только одно погребение – Пионерское 2/2 (Колтухов, Сенаторов 2016: 64–65), которое можно предположительно отнести к группе КК, расположенное в верховьях Салгира и, судя по обломкам амфоры, датирующееся не ранее конца VI в. до н.э. (Монахов 2003: 40, 254).

⁸ А конкретно, «скифское племя тавров» с территорией обитания на равнине от Феодосии до перешейка, видимо, Перекопского и Каркинитского залива (Strabo. VII.IV.5). Эта характеристика, принадлежащая Страбону, но явно более ранняя, нам представляется этнической оценкой населения Крыма, в том числе и археологической группы КК или скифо-кизил-кобинцев по В.С. Ольховскому.

⁹ Конечно, если не углубляться в разнообразие характеристик таврских и кизил-кобинских культур, которые, все же не имеют надежной связи с древним этнонимом тавры.

¹⁰ Однако, многие из них не отнесены к группе КК только по причине отсутствия лепных сосудов с резным орнаментом.

(Ольховский 1982: 61). Безусловно, к классическому скифскому времени относится курган Межводное 9, сооруженный на месте «святилища» эпохи бронзы. К ранней классике следует отнести курган Тавкель-Нейман. Достоверно не установлена хронологическая позиция кургана Кара-Меркет, однако его центральное погребение V в. до н.э., скорее всего, впускное. Практически все курганы с погребениями группы КК входят в состав небольших курганных могильников эпохи бронзы. Большинство погребений впускные, расположенные в центральной части насыпи либо с небольшим смещением от центра. В кургане Кара-Меркет впускное погребение 2,3¹¹ с керамической восточно-крымского облика (?) смещено в восточную часть насыпи.

Погребальные сооружения группы «КК», в тех случаях, когда их форма установлена, представлены грунтовыми прямоугольными и овальными могилами, подбойными могилами, в случае с погребением Кольчугино 3/4, это катакомба. Прямоугольную каменную гробницу исследователи зафиксировали в комплексе Григорьевка 5/9, каменная гробница встречена и в Тавкель-Неймане.

Если грунтовые и подбойные могилы восходят к предскифскому и раннескифскому времени, то в появлении катакомбы Кольчугино 1970 3/4 – явно выражено влияние классической Степной Скифии, а каменные гробницы, условно ящики, отличаются от хрестоматийных таврских. Их появление можно рассматривать как результат распространения новых строительных приемов в абorigенной среде.

Преобладающая ориентировка погребальных сооружений соответствует оси запад-восток с отклонениями, что совпадает с традициями, сложившимися еще в начале раннего железного века. Судя по положению костяков, захоронения совершались в основном вытянуто на спине, слабо скорченное положение с разворотом на бок отмечено у женщины из погребения Колоски 5/5 и у человека, погребенного из кургана Колоски 1/2. Как скорченное на боку описано положение женского костяка из погребения Кара-Меркет.

Руки, как правило, выпрямлены, иногда их кисти находились в области таза. Все эти приемы обращения с телами умерших не новы, и известны в Степи и в Крыму с начала железного века.

Преобладает ориентация погребенных головой в секторе запад – юго-запад. В противоположном направлении ориентирован человек из Матвеевки 1981 1/8, и погребенный из кургана Тавкель-Нейман. На северо-запад ориентированы погребенные в захоронениях Колоски 5/5 и Гришино 1/2. Следовательно, меридиональная ось была основной в погребальном обряде, при этом, как и в собственно скифских погребениях в группе КК преобладало юго-западное направление.

В целом же, рассматриваемые погребения группы «КК» по ориентации, положению умершего, типу погребального сооружения и ориентировке не отличаются от памятников, которые принято считать собственно скифскими. И здесь, и там мы видим многочисленные грунтовые могилы, подбойные могилы и катакомбы, преобладает все та же ориентация в секторе запад – юго-запад, вытянутое положение на спине, хотя к наследию архаики предскифского времени можно отнести редкие могилы со слабо скорченным положением погребенных с разворотом на бок или на боку, впрочем, такие же позы можно видеть в архаическое время в скифских курганах левого берега Нижнего Дона (Дубовская 1996). Следовательно, отличия скифско-кизилкобинцев от скифов нужно искать в инвентаре.

Погребальный инвентарь представлен категориями, традиционными для северопричерноморских памятников раннего железного века: оружием и снаряжением, посудой, украшениями, с ним связана и мясная пища в виде части тушки овцы-козы, как правило, сопровож-

¹¹ Погребение с подхоронением ребенка?

давшейся железными ножами, в единичных случаях, например Вилино 2/6, можно говорить об остатках подушки с растительным наполнением.

Оружие. Тяжелое защитное вооружение в виде наборного панциря обнаружено в погребении Талаевский С/2. Мечи и колчанные наборы представлены в двух погребениях группы Кольчугино, в погребении Талаевский С/2, в погребениях Тавкель-Нейман 1/1 и Григорьевка 5/9. Наконечник стрелы или наконечник копья (?) найден в разграбленном, средневековом, как принято считать, погребении кургана Бобовича 1 (Колтухов, Сенаторов 2016а: 111, 112). Обломок втулки копья обнаружен в разрушенном погребении Октябрьское 4/1. Наконечники тяжелых копий найдены в погребении Григорьевка 5/9. Набор стрел найден близ костяка мужчины из погребения Колоски 5/5 и в погребении Матвеевка 1/8, наконечники стрел найдены в погребении Межводное 9/6 и в погребении Григорьевка 12/2. В случае с Талаевским С/2 можно говорить о погребении дружинного типа с наборным доспехом, относящимся к V в. до н.э.¹² В Кольчугино, Тавкель-Неймане и Григорьевке обнаружены воинские погребения этого же времени, но без такого доспеха. Немногочисленные ворворки, вероятно, связаны с колчанами или горитами. В остальных случаях это захоронения рядовых кочевников, сопровождавшиеся стрелами. Такие предметы как ножи, безусловно, часть снаряжения, практически всегда связаны с остатками мясной пищи, и обнаружены там же.

Украшения не разнообразны и не часты. В «дружинном» погребении Талаевского кургана С/2, скорее всего, находилось бронзовое изделие в зверином стиле. Впрочем, само захоронение может быть скифским, отсутствие подобных изделий в остальных воинских погребениях группы «КК» показательно, тогда как у скифов в группе С такие изделия известны, хотя и не часты. Суть дела в том, что захоронений коней, с которыми бляхи и пряжки, как правило, связаны, в этой части Крыма нет или они пока не обнаружены (?). Судя по погребениям людей, изделия в зверином стиле в группе КК не типичны ни для костюма, ни для оружия, нет в этих могилах и конской узды¹³.

В известных нам комплексах нет и изделий греко-варварского стиля из драгоценных металлов, характерных для представителей собственно скифской верхушки. Впрочем, за отсутствие исключений из этой нормы, поручиться трудно¹⁴.

Бусы и металлические браслеты были в курганах Разоренного Аиша (Колтухов, Сенаторов 2013: 129, ил. 3), однако связь их с погребениями группы «КК» не очевидна. Стекланные бусины, бронзовый браслет и подвеска из раковины найдены у женского костяка в погребении Колоски 5/5. Стекланные бусы найдены в погребении Березовка 6/5, присутствие в этом комплексе пирамидальных бус типа 112–115 по Алексеевой, позволяет датировать его не позднее начала IV в. до н.э. (Полин, Дараган 2021: 229). Немногочисленные бусы встречены в женском погребении Гришино 1/2, там же близ черепа найдены следы бронзовых и серебряных украшений. Бусы в погребении из Матвеевки были обнаружены рядом со стрелами и, возможно, были украшением колчана или горита.

¹² Нужно отметить, что сосуд из этого захоронения, несомненно, ближе к восточно-крымской, а не кизил-кобинской керамике.

¹³ Однако, многочисленные случайные (?) находки блях от конского убора классического времени, происходящие из Предгорного Крыма, (Скорый, Зимовец 2014), с равным успехом могут быть связаны как со скифским, так и со скифо-кизил-кобинским населением.

¹⁴ В границах рассматриваемой территории они присутствуют в скифском погребении Карамеркетского кургана (Сенаторов, Колтухов 2018), в одном из курганов Разоренного Аиша (Колтухов, Сенаторов, 2013), однако в этих же курганах присутствуют синхронные погребения с керамикой группы «КК». К собственно скифским погребениям здесь можно уверенно отнести центральное захоронение в кургане у с. Молочное под Симферополем (Гаврилов, Тоцев 2014: 40–42) и захоронение военного предводителя в Симферопольском Золотом кургане (Колтухов, Сенаторов 2016а: 127–139).

Бронзовые зеркала представлены единичной находкой – зеркалом пелопонесского типа из погребения Гришино 1/2 (Колтухов 2012: 96), которое, как и само погребение, относится к V–IV вв. до н.э., хотя, по мнению автора, вполне вероятно уточнение даты до второй половины V – начала IV в. до н.э. (ср. Полин, Дараган 2021: 239).

Сосуды. Фрагменты фасосской *амфоры* обнаружены на древнем горизонте у могил 1 и 2 в кургане Гришино, однако обломки настолько невыразительны, что их можно датировать лишь V–IV вв. до н.э. (Монахов 2003: табл. 40–49). Иной гончарной керамики в этих погребениях нет и не ясно, была ли она в тризнах¹⁵.

Лепная орнаментированная посуда из погребений «КК» достаточно разнообразна и неоднократно охарактеризована¹⁶, поэтому мы не будем углубляться в ранее выполненную классификацию (Колтухов 2004), а приведем краткую характеристику находок.

Подлощенные и нелощеные горшки и лощеные корчаги известны в четырех курганах. В погребении Матвеевка 1/8 найден нелощеный закопченный корчаговидный горшок (рис. 2 -2), близкий по форме горшку из погребения 6/3 Симферопольского водохранилища (Колтухов, Сенаторов 2016b: рис. 2, 3), с орнаментом, выполненным наколами на горле и одним острием на плечиках. Декор, казалось бы ранний, но сам комплекс указывает на вторую половину V – начало IV в. до н.э. В погребении Кольчугино 3/4 обнаружен закопченный корчаговидный горшок (рис. 2 -1), по форме, размерам и декору близкий небольшим кизил-кобинским корчагам, сосудам для хранения продуктов и жидкостей. В погребении Григорьевка 5/9 найден стройный лощеный горшковидный сосуд с декором, расположенным на горле и тулове (рис. 2 -3), что характерно для восточно-крымской керамики, но выполненным зубчатым штампом, и широкогорлая лощеная корчага с резным орнаментом (рис. 2 -4), выполненным одним острием, в стиле близком восточно-крымскому, но дополненным налепами. Есть основания считать, что по размерам и профилю фрагмент лощеного сосуда из погребения Октябрьское 4/1 также принадлежит корчаге (рис. 2 -5). Существенно, что все эти сосуды можно отнести к близким типам, родственным корчагам доскифского и раннескифского времени. Характер декора позволяет видеть в них сосуды с кизил-кобинской орнаментальной традицией (Матвеевка 1/8, Кольчугино 3/4, Октябрьское 4/1) и сосуды с элементами восточно-крымского декора (Григорьевка 5/9).

Две небольшие *корчажки* с высоким горлом и шаровидным туловом (рис. 2 -6–7) происходят из погребения в Талаевском кургане 1895, С/2 и из разрушенного погребения в кургане Бобовича 1885, 1. В первом случае, орнамент можно отнести к восточно-крымскому, с его размещением ромбических фигур по всей высоте тулова, а во втором случае декор близок и восточно-крымскому, и кизил-кобинскому.

Широкогорлые чашевидные сосуды с резным декором. Лощеный двуручный чашевидный сосуд (рис. 2 -8) найден в погребении 3/4 у Кольчугино. Широкогорлый чашевидный сосуд (рис. 2 -9) происходит из погребения Березовка 6/5. Оба сосуда достаточно оригинальны, первый находит аналогию среди недавно обнаруженных больших корчаг кизил-кобинской культуры в Предгорном Крыму¹⁷, а второй имеет хорошую аналогию в восточно-крымской керамике на поселении Новопокровка 3 близ Феодосии (Гаврилов 2004: 332, рис. 71 -6).

¹⁵ Довольно необычная ситуация заключается в том, что в Керкинитиде лепная посуда с резным геометрическим декором, характерная для группы «КК», хорошо известна, а в погребениях этой группы греческой гончарной керамики практически нет. Это весьма странная форма контакта со своими ближайшими соседями.

¹⁶ Часть керамики была опубликована В.А. Колотухиным (Колотухин 2000), в 2004 г. автор дал типологическую и хронологическую характеристику большинства сосудов (Колтухов 2004). В последующем описания и датировки были уточнены (Кравченко 2009; Колтухов 2012; 2012а; Колтухов, Сенаторов 2015; 2016а).

¹⁷ Новая находка на поселении близ с. Строгоновка в Предгорном Крыму у Симферополя.

Фрагментированная *лощенная чаша* (рис. 2 -10) найдена в единственном экземпляре в погребении Григорьевка 5/7. Расположение и техника декора позволяют связать ее с восточно-крымской посудой, возможно, как тип она восходит к меотским чашам с резным декором.

В кургане Вилино 2/6 найден одноручный *кувшин* с низким широким горлом с орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис. 2 -11). Кувшин с высоким и широким дуговидным горлом происходит из погребения Гришино 1/2, орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 2 -12). Узкогорлый одноручный кувшин с резным орнаментом (рис. 2 -13) обнаружен в погребении Межводное 9/6, скорее всего, еще один кувшин находился в погребении Колоски 1/2 (рис. 2 -14). Эти сосуды относятся к разным типам, но характеризуются орнаментами кизил-кобинских типов.

К двум различным типам относятся *лощенные кубки с резным декором*. Один из них широкогорлый и невысокий (рис. 2 -15) из погребения Межводное 9/3 (Колтухов 2004: 80), характерен для кизил-кобинских древностей доскифского и скифского времени в Горном Крыму (Колотухин 1996: 39; Сенаторов 2002: 13; Кравченко 2011: 87 и сл.), подобные сосуды найдены и на Березани (Сенаторов 2005: 177). Два орнаментированных кубка с высоким цилиндрическим горлом (рис. 2 -16-17) - Григорьевка 21, Григорьевка 12/2 происходят из погребений курганного могильника, расположенного на восточной оконечности Тарханкутской возвышенности. Тип сформировался в классическое время, аналогии известны в Восточном Крыму, и на Тамани (Колтухов 2004: 80-81), орнаментальные мотивы соответствуют восточно-крымской керамике. Орнаментированные *лощенные кубковидные сосуды с ручками – черпаки* (рис. 2 -18-19), обнаружены в погребениях Колоски 5/5 и Тавкель – Нейман 1/1.

Особенности формовки сосудов свидетельствуют о высоком качестве изготовления и обжига симметричных, за редким исключением, тонкостенных сосудов с черным и серым лощением. Орнаментация разнообразна, основной рисунок наносился острием или гребенчатыми штампами двузубыми и трезубыми. Пояски, расположенные на плечиках, выполнены наколами, прочерченными линиями, иногда со штриховкой. Интересны прерывистые пояски на сосудах из Кольчугино, нанесенные трехзубым штампом. Декор занимает большую часть тулова, в случае с орнаментацией восточно-крымского облика (Сенаторов 2004; Колтухов 2004: 80-81; Сенаторов 2005), он бывает расположен на тулове и на горле сосудов. Техника нанесения декора – резные линии, на корчаге из Григорьевки дополненные сосцевидными налестками.

С VI-V вв. до н.э. в кизил-кобинской керамике резные линии, выполненные одним острием, сменяются зубчатыми орнаментами (Дашевская 1963: 205). Однако орнамент, выполненный одним острием, сохраняется в восточно-крымской керамике, по меньшей мере, до конца IV в. до н.э. (Колтухов, Сенаторов 2020: 31). Классификация же самих резных орнаментов дело трудное и далекое от единообразия (Сенаторов 2002: 21-22; Бруяко 2005: рис. 10, 12; Кравченко 2011: рис. 196). Однако каждая из типологий расширяет наши представления о разнообразии кизил-кобинской и восточно-крымской керамики¹⁸.

Резной орнамент отсутствует на двух сосудах, найденных в комплексе погребения Березовка 6/5 вместе с орнаментированным горшком. Это нелощеный черпак и лощеная чашка (рис. 2 -20-21), сосуды эти достаточно своеобразны, возможно, они найдут аналогии в керамике Предкавказья – Прикубанья.

Основной же вывод, вытекающий из анализа керамической группы, свидетельствует о том, что лепная орнаментированная посуда группы «КК» в классический период неоднородна.

¹⁸ Учитывая то, что основным критерием для выделения памятника группы «КК» служит керамика, можно допустить, что часть таких погребений, возможно значительная, не сопровождалась сосудами с резным орнаментом. Например, к такой ситуации можно отнести курган Межводное 9 и курган 2 у Кольчугино (Колтухов 2012: 76-77; Колтухов, Сенаторов 2015: 86-88).

Она включает сосуды традиционного кизил-кобинского облика, территория распространения которых охватывает Западный Крым и Березань, Ольвию, территорию Ольвийского полиса и Нижний Днепр, и керамику восточно-крымских типов, появившуюся, на берегах Боспора Киммерийского, под влиянием кизил-кобинской и кобанской культур¹⁹ в позднеархаическое–раннеклассическое время. Соответственно, этнокультурная характеристика группы КК классического периода, представляется более сложной, чем в архаическое время, когда она полностью соответствует типам и декорам кизил-кобинской культуры.

Основным ресурсом для сравнений, содержащим аналогии многим сосудам из варварских погребений, является керамическая коллекция Керкинитиды, анализ которой был проведен В.А. Кутайсовым и Э.А. Кравченко (Кутайсов 1987; Кравченко 2008). Из их работ следует, что в античном городе наиболее ранние находки орнаментированных лепных сосудов относятся к концу VI–V в. до н.э. [Кравченко 2009: 189–190], а наибольшее распространение такая керамика получает во второй половине V в. до н.э. и продолжает встречаться в городских отложениях вплоть до III–II вв. до н.э. (Кутайсов 1987: 32, рис. 4). Типологии лепной керамики Керкинитиды в классификациях отличаются, в основном, терминологически (Кутайсов 1987; Кравченко 2009; 2011: 75–76). В сравнительно небольшой коллекции присутствуют корчаги, горшковидные сосуды, кубки, черпаки и кувшины²⁰, близкие по формам и орнаментации сосудам, происходящим из варварских погребений.

Из сказанного следует, что археологическая группа КК существует в классическое время и представлена не только погребальными памятниками, но и лепной орнаментированной керамикой из Керкинитиды²¹. Территория распространения ее памятников теперь занимает западную часть Крымского полуострова от предгорий и р. Альма на юге и практически до Перекопского залива на севере. Показательно, что в архаическое время, территория расположения памятников этой группы ограничивалась горно-предгорной частью бассейна р. Салгир и ее притоков²².

Погребальный обряд, равно как и в архаическое время, не отличается от того, который можно наблюдать в погребениях, характеризующихся как скифские. Почти все погребения впускные, расположены преимущественно в центральной части курганов. Погребальные сооружения представлены грунтовыми ямами, подбойными могилами, катакомбой и каменными гробницами. Положение тел преимущественно вытянутое, изредка скорченное или слабо скорченное на боку либо с разворотом на бок, что представляется данью традиции предскифского и раннескифского времени, ориентация в основном в западном и юго-западном секторе, реже диаметральной. Эти же особенности наблюдаются на территории Степного и Предгорного Крыма в предскифское и раннескифское время.

Основные категории и типы погребального инвентаря соответствуют скифским. Отличия заметны в отсутствии (?) предметов в зверином стиле, отсутствии рельефных изделий из драгметаллов и в небольшом количестве женских захоронений с украшениями.

Судя по лепной керамике, археологическая группа «КК» в классическое время неоднородна, в ней присутствует как орнаментированная керамика, восходящая к кизил-кобинской культуре Горного Крыма, так и восточно-крымская керамика, характерная для варварского населения восточной и юго-восточной части Крымского полуострова.

¹⁹ Поэтому возникает вопрос, следует ли рассматривать восточно-крымскую керамику как вариант кизил-кобинской

²⁰ Нужно отметить, что в городском некрополе подобной посуды нет.

²¹ К сожалению, до сих пор не опубликованы материалы форта Панское и греческих поселений из окрестностей Керкинитиды, появившихся в Северо-Западном Крыму в V – начале IV в. до н.э.

²² В степной части Крыма в архаическое время известно только одно погребение – Сусанино 2/8 (Колотухин 2000: 33).

В отличие от скифских погребений, которые представлены несколькими социальными группами, погребения группы «КК» более однородны и принадлежат представителям рядового населения. Исключением из этого правила является только один памятник, это погребение дружинного типа Талаевский С/2, которое, скорее всего, окажется собственно скифским, но с лепным сосудом аборигенов. Появление же оружия, которого раньше не отмечалось в погребениях, полностью соответствует особенностям погребального обряда скифов.

Со второй четверти – середины IV в. до н.э. лепной керамики с резным декором в скифских погребениях степи и предгорий уже нет. В небольшом количестве она продолжает встречаться в последних десятилетиях IV – первых десятилетиях III в. до н.э. на поселениях дальней хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, возможно и южнее. В IV в. до н.э. погребальные памятники этой группы окончательно сливаются со скифскими, хотя еще можно увидеть прежние черты в облике отдельных неорнаментированных лощеных сосудов, происходящих из скифских погребений в курганах восточной периферии Тарханкутской возвышенности (Колтухов 2012). Саму же группу археологических памятников, скрывающуюся за аббревиатурой «КК», как представляется автору, можно охарактеризовать как скифоидную. Не меньше оснований называть ее скифской, однако в этом случае необходимо в том или ином объеме принять оценку кизил-кобинской культуры по А.А. Щепинскому и обосновать перспективный тезис о киммерийско-скифском этническом содержании Древней (архаической) Скифии (Гречко 2016: 33).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2003 – Алексеев А.Ю. *Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э.* СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа. – 416 с.
- Бруяко 2005 – Бруяко И.В. *Ранние кочевники в Европе – X–V вв. до Р.Х. / Археологические источники Восточной Европы.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа. – 358 с.
- Гаврилов, Тощев 2014 – Гаврилов А.В., Тощев Г.Н. 2014. Курганы у с. Молочное в Центральном Крыму. *ССПК* (18), 34–70.
- Гречко 2016 – Гречко Д.С. 2016. От архаической Скифии к классической. *АДИУ* 2 (19), 33–60.
- Гречко 2017 – Гречко Д.С. 2017. О формировании классической Скифии в V в. до н.э. *АДИУ* 2 (23), 78–106.
- Дашевская 1963 – Дашевская О.Д. 1963. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. *СА* (4), 205–209.
- Дубовская 1997 – Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *Археологический альманах* (6). Донецк, 181–218.
- Колотухин 1996 – Колотухин В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. К.: Южногородские ведомости. – 160 с.
- Колотухин 2000 – Колотухин В.А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганые погребения Степного Крыма начала железного века).* Симферополь: Сонат. – 120 с.
- Колтухов 2004 – Колтухов С.Г. 2004. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма. *ХС* (XIII), 68–120.
- Колтухов 2012 – Колтухов С.Г. 2012. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) / Археологический альманах* (27). Донецк: Донбасс. – 268 с.
- Колтухов 2012a – Колтухов С.Г. 2012a. *Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма.* Симферополь: Феникс. – 140 с.
- Колтухов 2022 – Колтухов С.Г. 2022. *Киммерийцы Предгорного и Степного Крыма. Погребальные памятники и комплексы IX–VII вв. до н.э. / Археологические памятники Северного Причерноморья* (3). Симферополь: ИТ «Ариал». – 116 с.
- Колтухов, Сенаторов 2013 – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2013. Курганы скифского времени у села Аиш в Западном Крыму. *АСГЭ* (39), 126–137.
- Колтухов, Сенаторов 2015 – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2015. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма. *ИАКр* (II), 79–101.
- Колтухов, Сенаторов 2016a – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2016. *Скифы предгорного Крыма в VII–IV вв. до н.э. курганы 1890–1892 и 1895 гг. (По материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского).* Симферополь. – 288 с.
- Колтухов, Сенаторов 2016b – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2016. Погребения предскифского и раннескифского времени в курганах долины р. Салгир. *ИАКр* (III), 47–78.

- Колтухов, Сенаторов 2020 – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2020. *Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (ч. II). Между долиной Салгира и междуречьем Карасу*. Симферополь: Колорит. – 307 с.
- Кравченко 2009 – Кравченко Э.А. 2009. Кизил-кобинська кераміка Керкінитиди VI–IV ст. до н.е. *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого / С.С. Бессонова (ред.)*. К.: Полтава, 189–199.
- Кравченко 2011 – Кравченко Э.А. 2011. *Кизил-кобинська культура у Західному Криму*. Київ-Луцьк: Волинські старожитності. – 272 с.
- Крис 1976 – Крис Х.И. 1976. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира. *СА(2)*, 240–245.
- Крис 1981 – Крис Х.И. 1981. *Кизил-кобинская культура и тавры / САИ (Д 1-7)*. М.: Наука. – 128 с.
- Кутайсов 1987 – Кутайсов В.А. 1987. *Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды*. Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. / Т.Н. Высотская (ред.), 27–39.
- Лесков 1965 – Лесков А.М. 1965. *Горный Крым в I тысячелетии до н.э.* К.: Наукова думка. – 200 с.
- Махортых 2005 – Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. К.: Шлях. – 380 с.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммериды», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Ольховский 1991 – Ольховский В.С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.)*. М.: Наука. – 256 с.
- Полин, Дараган 2021 – Полин С.В., Дараган М.И. 2021. Стеклянные бусы – одноцветные пирамидальные, плоские ромбические и биконические, – типы 88–96, 112–115 и 171 по Е.М. Алексеевой. В поисках хроноиндикаторов для микрохронологии курганов и погребений Причерноморской Скифии V–IV вв. до н.э. *АМА (20)*, 221–260.
- Сенаторов, Колтухов 2018 – Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. 2018. Курган Кара-Меркит 1885 г. история изучения и находки (по материалам рукописного отдела на ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа). *ИАКр (VII)*, 73–116.
- Сенаторов 2005 – Сенаторов С.Н. 2005. Лепная керамика поселения на острове Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. *Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа (1) / С.Л. Соловьев (ред.)*. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 174–349.
- Сенаторов 2002 – Сенаторов С.Н. 2002. *Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. – 22 с.
- Скорый, Зимовец 2014 – Скорый С.А., Зимовец Р.В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: О. Филюк. – 180 с.
- Столяр, Щепинский 1980 – Столяр А.Д., Щепинский А.А. 1980. Археологические памятники Симферопольского водохранилища. *Проблемы археологии Северной Осетии / М.М. Блиев (ред.)*. Орджоникидзе, 81–96.
- Шульц, Столяр 1958 – Шульц П.Н., Столяр А.Д. 1958. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. *КСИИМК (71)*, 53–64.
- Щепинский 1962 – Щепинский А.А. 1962. Погребение начала железного века у Симферополя. *КСИА АН УССР (12)*, 57–65.
- Щепинський 1977 – Щепинський А.О. 1977. Населення Південного Криму в епоху раннього заліза. *Археологія 1977 (21)*, 26–39.
- Храпунов 2004 – Храпунов И.Н. 2004. *Этническая история Крыма в раннем железном веке / БИ (VI)*. – 240 с.

Таблица 1

Курган/ погребение	Погребальное сооружение/ количество и положение погребенных/ ориентация	Основ- ное/ впуск- ное	Сосуды	Оружие и сна- ряжение	Украшения и предметы быта	Дати- ровка, до н.э.
Вилино 1986. 2/6	Яма, 1, вытяну- то, ЮЗЗ	Впуск.	Кувшин с резным орнаментом	-	-	V в.
Кольчугино 1971. 1/1	? 1, вытянуто, З	Впуск.	Ваза с резным декором	Меч, стрелы	-	V в.
Кольчугино 1971. 3/4	Катакомба (?), 1, вытянуто, З	Впуск.	Горшок с резным декором	Меч, стрелы, неопределенные предметы	-	V в.
Разореный Аиш 1883. 2	?	?	Фрагмент корчаги с резным декором	?	?	V в.
Талаевский 1893, С/2	Яма, 1, вытяну- то, З	Впуск.	Кувшин с резным декором	Наборной пан- цирь, меч, стрелы, пряжка	? нож,	V в.
Бобовича, 1885, 1	?	Впуск.	Кувшин с резным декором	?	?	Кон. VI – V в.
Колоски 1977, 5/5	Яма, 2, вытяну- то, скорченно, СЗ	Впуск.	Фрагменты амфо- ры (?), кубковид- ный сосуд с рез- ным декором	Стрелы.	Браслет, бусы, подвеска из раковины, пряслища, плита- растиральник	2/2 – конец VI в.
Колоски 1976, 1/2	Яма, 1, слабо скорченно ЮЗЗ	Впуск.	Фрагмент сосуда с резным декором	-	-	V – нач. IV в.
Березовка 1988, 6/5	?, вытянуто, З	Впуск.	Чашевидный со- суд с резным де- кором, черпак, чашка	-	Нож, бусы, плита расти- ральник, пряс- лища	2/2 V – нач. IV в.
Кара-Меркет, 1986, 1/2, 3	Яма (?), 2, по- ложение детско- го костяка не определено, ориентировка по оси З–В. По- ложение и ори- ентация жен- ского костяка скорченно, на левом боку, З	Впуск.	Два лепных сосуда с резным декором	?	?	V в.
Тавкель- Нейман 1884, 1/1	Каменный ящик, 1, вытя- нуто, В	Осн. (?)	Кубковидный сосуд с резным декором	Меч, стрелы	?	2/2 – кон. VI в.
Межводное 1971, 9/3	?	Впуск.	Кубок с резным декором	?	?	V в.
Межводное 1971, 9/6	Яма, 1, вытяну- то, З	Впуск.	Кувшин с резным декором	-	-	V в.
Григорьевка 1984, 5/7	?	Впуск.	Чаша с резным декором	?	?	V – нач. IV в.
Григорьевка 1984, 5/9	Каменный ящик, 1. Вытя- нуто, ЮЗЗ	Впуск.	Корчага и горшок с резным декором	Меч, стрелы на- конечники ко- пий, ворворки	-	V в.
Григорьевка 1984, 12/2	Подбойная могила, 1, вы- тянуто, З	Впуск.	Кубок с резным декором	Стрела	Нож	2/2–кон. VI – нач. V в.

Курган/ погребение	Погребальное сооружение/ количество и положение погребенных/ ориентация	Основ- ное/ впуск- ное	Сосуды	Оружие и сна- ряжение	Украшения и предметы быта	Дати- ровка, до н.э.
Григорьевка 1984, 21, на- сыпь	?	Впуск. (?)	Кубок с резным декором	?	?	V – нача- ло IV в.
Гришино 1979, 1/2	Яма, 1, вытяну- то, СЗЗ	Осн.	Фасосская амфора в тризне, в могиле кувшин с резным декором, деревян- ный сосуд	-	Следы бронзо- вых и серебря- ных украше- ний, бусы, зер- кало	2/2 V – нач. IV в.
Октябрьское 1984, 4/1	?	Впуск.	Фрагмент сосуда с резным декором	Втулка копья, стрела	-	2/2 V в.
Матвеевка 1981, 1/8	Подбойная могила, 1, вы- тянуто, СВ.	Впуск.	Корчажка с рез- ным декором	стрелы	бусы	Середи- на – 2/2 V в.

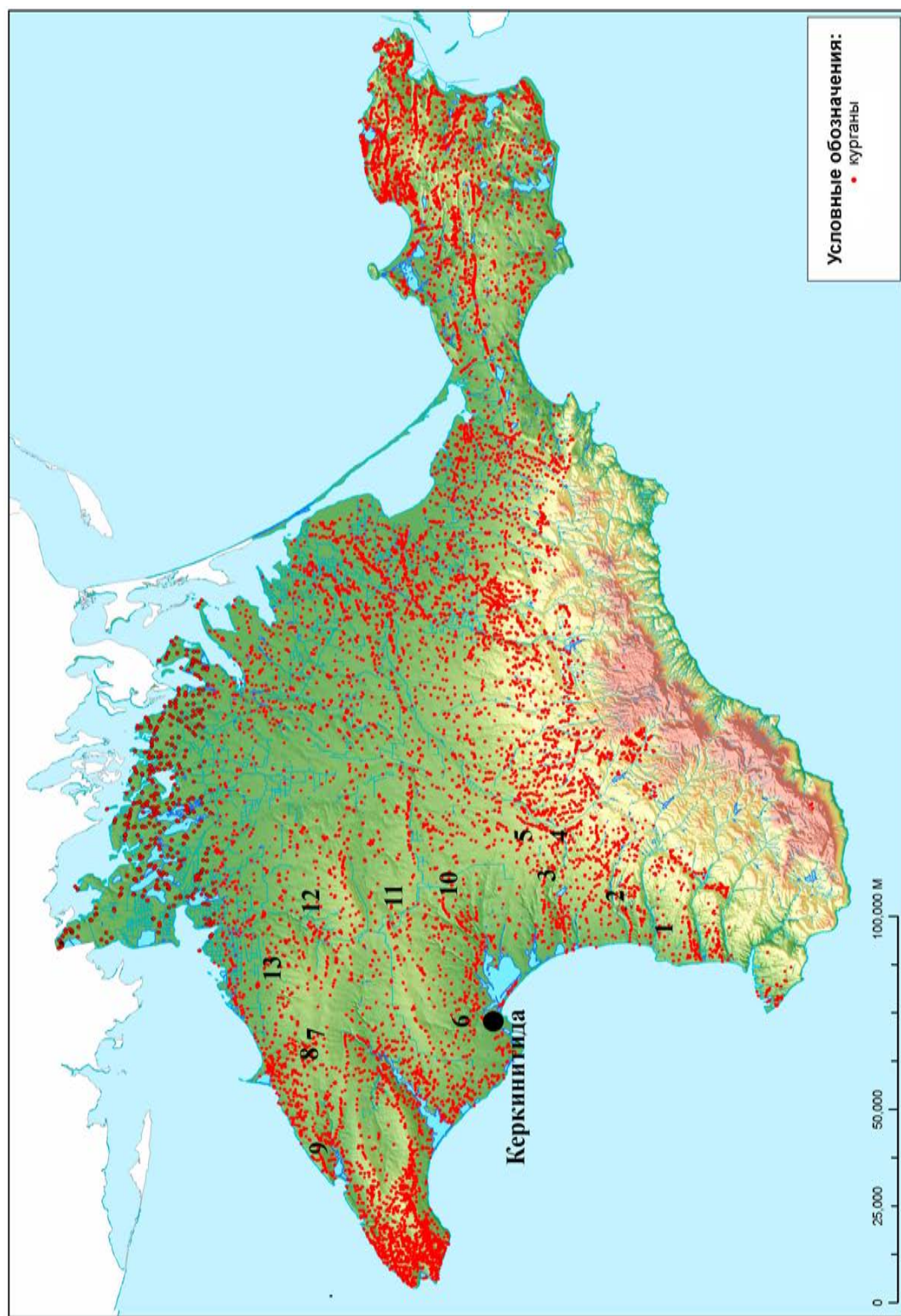

Рис. 1. Местоположение памятников группы КК в классическое время: 1 – Вилино 1986, 2/6; 2 – Кольчугино 1970, 1/1; 3/4; 3 – Разоренный Аиш 1883, 2; 4 – Талаевский 1895, С/2; 5 – Бобовича 1985, 1; 6 – Колоски 1976, 1/1; 1/2; 5/5; 7 – Березовка, 1988, 6/5; Кара-Меркет 1/2,3; 8 – Тавкель-Нейман 1884, 1/1; 9 – Межводное 9/3;9/6; 10 – Григорьевка 1984, 5/7; 5/9; 12/2; 21/насыпь; 11 – Гришино 1979, 1/2; 12 – Октябрьское 1984, 4/1; 13 – Магвеевка 1981 1/8

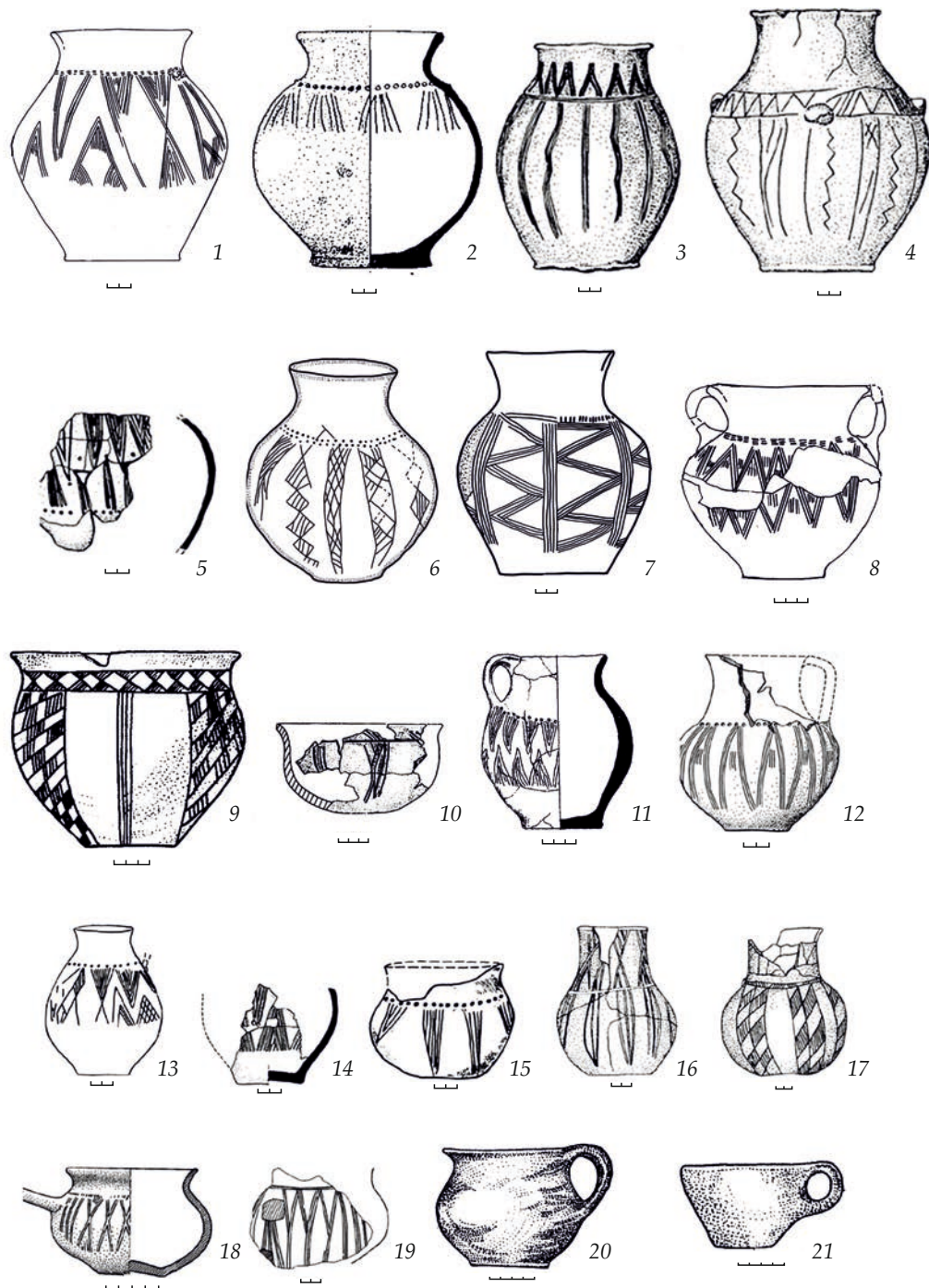

Рис. 2. Лепные сосуды из погребений группы КК классического времени:
 1 – Кольчугино 3/4; 2 – Матвеевка 1/8; 3–4 – Григорьевка 5/9; 5 – Колоски 1/2;
 6 – Талаевский С/2; 7 – Бобовича 1; 8 – Кольчугино 1/1; 9 – Березовка 6/5;
 10 – Григорьевка 5/7; 11 – Вилино 2/6; 12 – Гришино 1/2; 13 – Межводное 9/6;
 14 – Колоски 1/1; 15 – Межводное 9/3; 16 – Григорьевка 21/насыпь;
 17 – Григорьевка 12/2; 18 – Колоски 5/5; 19 – Тавекель – Нейман; 20–21 – Березовка 6/5

Е.В. Кузнецова,
Н.Б. Чурекова¹

**АНТИЧНОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ТАМАНЬ 3»:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2021 гг.**

Аннотация: в статье рассказывается о предварительных результатах исследования античного сельского поселения Тамань 3. Памятник известен с начала XX столетия, небольшие работы на нём проводились отрядом в составе экспедиции В.Д. Блаватского, однако начало систематического изучения относится к 2007 г. С 2015 г. поселение исследуется отрядом Саратовского госуниверситета. На сегодняшний день раскопки закладывались на трех разных участках памятника. В статье дается их характеристика, приводится общая статистика находок по условным хронологическим срезам. Анализ материала позволяет говорить о том, что поселение начинает функционировать не позднее второй четверти – середины VI в. до н.э. Наибольшее число находок на исследованной территории памятника относится к V в. до н.э. Значительное количество найденных фрагментов датируется периодом с I в. до н.э. до IV в. н.э. Встречены здесь и средневековые материалы, однако их доля невелика.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, сельское поселение, греческая колонизация, керамика, амфоры.

E.V. Kuznetsova,
N.B. Churekova¹

**THE ANCIENT RURAL SETTLEMENT OF “TAMAN 3”:
THE PRELIMINARY RESULTS OF RESEARCH 2015–2021**

Abstract: the article describes the preliminary results of the study of the ancient rural settlement of Taman 3. The monument has been known since the beginning of the 20th century, work on it was carried out by a detachment as part of the expedition of V.D. Blavatsky, but the beginning of systematic study dates back to 2007. Since 2015, the settlement has been investigated by a detachment of Saratov State University. To date, the excavations have been divided into three different parts of the monument. The article gives their characteristics, provides general statistics of finds on conditional chronological sections. The analysis of the material allows us to say that the settlement begins to function no later than the second quarter – the middle of the 6th century BC. The largest number of finds on the studied territory of the monument belongs to the 5th century BC. A significant number of fragments found dates from the period from the 1st century BC to the 4th century AD. Medieval materials are also found here, however, their share is small.

Keywords: Asian Bosphorus, rural settlement, Greek colonization, ceramics, amphorae.

Вот уже больше 40 лет античные археологические практики студентов Саратовского университета проводятся под руководством С.Ю. Монахова: Северо-Западный Крым, Березань, Тамань – десятки памятников исследовались с участием саратовцев, от крупных полисов типа Фанатории и Гермонассы до маленьких поселений, таких как Береговой 4 и Тамань 3. О последнем и пойдет речь в нашей статье.

Поселение Тамань 3 находится на берегу Таманского залива, на высокой немойтой террасе к востоку от станицы Тамань (рис. 1). Территория, занимаемая поселением, расположена на равнине, плавно повышающейся к югу, в сторону горы Карабетовой и горы Комендантской и прорезаемой в нескольких местах балками. В западной части памятника проходит глубокая балка Лисовицкого, заросшая густым камышом, что говорит о близости пресной воды. Эта балка разделяет поселение на две части. Северная граница неизвестна, т.к. находится под водами современ-

¹ Кузнецова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>.

Чурекова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, nat-churekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8531-1032>.

ного Таманского залива, что подтвердилось в результате небольших обследований дна на удалении не более ста метров от уреза воды, проводившихся в 2016 году по Открытому листу В.М. Петровского. Материалы и итоги работ пока не опубликованы.

Южная граница памятника, скорее всего, доходит до трассы Тамань-Сенной. Несколько лет назад южнее дороги проводились археологические исследования под руководством А.А. Горошникова, предвещающие реконструкцию водовода к ст. Тамань, которые точно подтвердили отсутствие культурного слоя южнее трассы (Горошников 2017)². С восточной стороны граница, вероятно, проходила по небольшой, в настоящее время распаханной балке, расположенной на расстоянии ок. 520 м от балки Лисовицкого и протянувшейся на юг приблизительно на 200 м. Большая часть памятника находится под пашней. В предыдущие годы, в разные периоды на этом месте разбивались фруктовый сад, виноградник, временами поле засеивалось зерновыми и подсолнечником (Сударев и др. 2014: 41). С северной и западной сторон поля посажены лесополосы из акаций.

На карте 1882 года, составленной Е.Д. Фелициным, в районе рассматриваемого памятника обозначены только группы курганов, расположенные вдоль дороги³. Впервые поселение Тамань 3 обозначено под номером VI на карте В.В. Соколова (Соколов 1919: карта; Тункина 2010: 75). К юго-западу, на левом берегу балки Лисовицкого он разместил «Древнее кладбище» (№ 19), отметив, что оно открыто счастливыми и не исследовалось (Соколов 1919: 51). Рядом отмечены два кургана – №№ 126, 127, раскопанные Археологической комиссией, но оказавшиеся разграбленными (Соколов 1919: 56). При этом К.К. Гёрц упоминает об изучении *пяти* курганов в урочище Каменный Мост (балка Лисовицкого) близ Тамани, которое было поручено войсковому старшине П.Д. Семеняке (Паромов 2019: 350). До настоящего времени точное местоположение некрополя не установлено. В 1929 г. поселение было нанесено на карту С.Ф. Войцеховского под № 47 с обозначением «следы античной культуры», затем отмечено на карте А.А. Миллера 1930–1931 гг. под № 38, где отнесено к «эллинистическому периоду» (Сударев и др. 2014: 41).

Первые археологические исследования памятника были проведены в 1952 г. Т.В. Блаватской в рамках работ Синдской экспедиции. По всей видимости, именно тогда появилось название поселения «Седьмой километр» (Блаватский 1959: 46–47, рис. 17 № 5). Результаты работ опубликованы не были, дана только общая характеристика памятника: поселение представляло собой «обычный поселок земледельцев» и было основано в VI в. до н.э., интенсивная жизнь прослеживается в периоды с конца VI–V вв. до н.э. и III–II вв. до н.э. Среди занятий местного населения В.Д. Блаватский выделяет хлебопашество и, предположительно, виноградарство (Блаватский 1959: 47–48). Также он отмечает и находки ткацких пряслиц, подразумевая наличие домашнего ремесла, а наряду с этим говорит и о развитии гончарного и кузнечного производства (Блаватский 1959: 48). К сожалению, отсутствие иллюстраций не позволяет понять, на каких именно находках основано такое предположение. В целом, В.Д. Блаватский отмечает, что облик поселения «Седьмой километр» не выделяется среди прочих боспорских городов, отличие состоит только лишь в бедности городских напластований, что относится и к количеству, и к качеству находок, особо он отмечает почти полное отсутствие граффити.

Интересно, что по представлению В.Д. Блаватского поселение «Седьмой километр» по своему облику однотипно поселениям «Десятый километр» и «Двенадцатый километр», которые, судя по его карте (Блаватский 1959: 46–47, рис. 17 № 5, 10, 11), находятся на примерно одинаковом расстоянии друг от друга на восток, в сторону Фанагории, однако возникновение этих поселений он относит к разному времени: «Двенадцатый километр» к III в. до н.э., а «Десятый километр» и вовсе к III в. н.э. (Блаватский 1959: 47).

² Мы искренне благодарны А.А. Горошникову и Б.А. Раеву за предоставленную информацию.

³ http://www.etomesto.ru/map-kuban_1882-felicyn-arheo/.

В последующие годы исследования на памятнике не проводились. Единственное упоминание в отчете А.К. Коровиной за 1972 г. касается обнаружения на территории совхозного сада на «Седьмом километре» значительного количества монет и обломков керамики, переданных затем в дар ГМИИ имени А.С. Пушкина. Сотрудники экспедиции произвели осмотр этого места, в результате было подтверждено наличие там древнего поселения, засаженного в то время фруктовым садом. В отчете приведены общая фотография полученных монет и их перечень (31 шт.) с определениями К.В. Голенко. Самая ранняя из монет относилась к последней четверти V в. до н.э., восемь – к концу III–II вв. до н.э., пять – к I в. до н.э., одна – к III в. н.э. и одна атрибутирована как татарская (Коровина 1972: 21–22; Сударев и др. 2014: 42).

Огромная работа по составлению археологической карты Таманского полуострова была проделана Я.М. Паромовым в 1980-е годы, в 1984 г. был обследован и памятник, получивший уже название «Тамань 3». Был собран подъемный материал, относящийся к VI в. до н.э. – III в. н.э. и X–XI вв. н.э., определены границы поселения по распространению подъемного материала, составлен топографический план (рис. 2). По данным аэрофотоснимков автором были выявлены признаки древней жилой застройки, отмечено присутствие необработанного камня. Я.М. Паромов определял памятник как сельское поселение античного и средневекового времени площадью ок. 23 га, размером 800×650 м, разделенное балкой Лисовицкого на две части: западную (ок. 9 га) и восточную (14 га) (Сударев и др. 2014: 42).

Следующий этап изучения памятника связан с именем Н.И. Сударева, в 2007 г. им были инициированы работы разведочного отряда под руководством О.Д. Чевелева в составе Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН. Было проведено визуальное обследование местности без шурфовки, сбор и картографирование подъемного материала, уточнены границы поселения (рис. 2). В результате обнаружено значительное число фрагментов амфор⁴, расписной и чернолаковой керамики VI–III вв. до н.э., более 100 пантикапейских, фанагорийских и амисских монет IV–I вв. до н.э., одна пантикапейская монета конца VI в. до н.э., светильники, наконечники стрел и другие индивидуальные находки. Отмечены заметные повреждения культурного слоя в результате распушки. По мнению автора работ, на территории памятника располагалось несколько сельских усадеб античного времени (Паромов и др. 2007: 307; Сударев и др. 2014: 42–43).

С 2012 г. исследование памятника стало носить постоянный характер. В июле 2012 г. были выполнены топографо-геодезические работы с целью составления топографического плана объекта историко-культурного наследия в масштабе 1:1000 (Кузнецова 2016: 10–11). В 2013 г. на территории памятника Восточно-Боспорской экспедицией под руководством Н.И. Сударева были проведены раскопки в центральной и западной частях. Исследования выявили наличие и сохранность здесь культурного слоя, несмотря на многолетнюю глубокую распушку. Были выделены слои, относящиеся к трем различным хронологическим периодам: 1) III–II вв. до н.э.; 2) конец II – начало I в. до н.э.; 3) средневековый, не ранее XIV в., возможно, и более поздний. В центральной части памятника были обнаружены остатки каменных архитектурных сооружений, сложенных из необработанного известняка и колотого плитняка. Авторы работ датировали данные конструкции концом II – началом I в. до н.э. и предположили, что это остатки каменного строения и, возможно, отдельно стоящей стены. В непосредственной близости от данного комплекса были обнаружены каменное известняковое ядро и два бронзовых наконечника стрел, фрагменты чернолаковой тарелки 100–86 гг. до н.э., в развале кладки – голова красноглиняной терракотовой статуэтки (Сударев и др. 2014: 43).

Вместе с тем, отмеченное авторами обилие во всех верхних штыках массового амфорного материала, чернофигурной, расписной и чернолаковой керамики конца VI–IV вв. до н.э. свиде-

⁴ Определения амфорного материала выполнялись С.Ю. Монаховым, работавшем в 2007 году на поселении Береговой 4.

тельствует об интенсивной жизни на поселении в данный период, хотя слои этого времени работами 2013 г. обнаружены не были. Многочисленность материала этого времени, вероятно, можно объяснить перемещенным характером грунта из других областей памятника (Сударев и др. 2014: 45).

В том же, 2013 году в центральной части памятника были проведены георадарные исследования, которые показали наличие значительного количества плотных объектов и системных изменений структуры почв на отдельных участках, соотнесение которых с археологическими объектами подтвердили раскопки в контрольном шурфе (Сударев и др. 2014: 45).

Начиная с 2015 г. исследования на памятнике стали проводиться Саратовским отрядом Восточно-боспорской экспедиции⁵. В 2015 г. был заложен небольшой раскоп (площадью 100 м²) в центральной части памятника, на пахотном поле (Кузнецова 2016; 2018: 215–217). В результате небольших работ были выявлены архитектурные остатки: две параллельные стенки, ориентированные по оси ЮВВ–СЗЗ. С восточной стороны кладки уходили в борт раскопа, с западной стороны были ограничены каменной вымосткой, выложенной крупными плоскими подтесанными камнями (рис. 3). В двух местах, с восточной и западной сторон, отдельные камни вымостки оказались «просажены». Вероятно, под ними находились хозяйственные ямы. Конструкция первоначально была продатирована второй половиной IV в. до н.э., может быть, началом III столетия. Однако на уровне залегания камней зафиксирована монета Диоскуриады 1-й трети I в. до н.э. (рис. 4 -1)⁶ Остальные монеты также датируются II–I вв. до н.э. Началом II в. до н.э. датируется и клеймо на ручке родосской амфоры, обнаруженное внутри помещения (рис. 4 -2). В связи с этим наиболее вероятной датой постройки является период II–I вв. до н.э.

Анализ находок показал, что подавляющее большинство составляют фрагменты амфор (81,5 %), второе место занимают фрагменты красноглиняных сосудов (12,4 %). На расписную и покрытую лаком керамику приходится всего 1,9 % всех находок, при этом большую часть составляют фрагменты краснолаковых сосудов. Лепная керамика представлена всего 47 фрагментами (1 %). Материалы относятся к эпохе античности и охватывают период с конца VI в. до н.э. по II в. н.э., большая часть находок датируется V–IV вв. до н.э. В связи с тем, что памятник многие годы подвергался распашке, в том числе плантажным плугом, верхние пласты представляют собой переотложенный грунт. Нетронутым можно считать слой, начиная с уровня залегания камней (-65 от современной дневной поверхности), представляющий собой светло-серый грунт (Кузнецова 2018: 216). Глубина культурного слоя до материка на данном участке памятника не была выявлена, т.к. кладки были законсервированы, раскоп засыпан. Планировалось продолжить исследование в 2016 году, однако такой возможности не представилось из-за проводящихся на данном участке сельхозработ.

В 2016 году для исследований был выбран новый участок на краю береговой террасы, за заградительной лесополосой (рис. 5). Был заложен небольшой раскоп, площадью 50 м². Этот участок был выбран не случайно, он находится на краю немытой террасы, на самой верхней её точке, относительно остальной части памятника, подъемный материал предполагал довольно активное его использование. Глубина культурного слоя здесь составила до 1,5 м, причем уверенно можно говорить не только о следах распашки, но и о перемещении грунта на этом участке, так как на глубине до 0,8 м от уровня современной дневной поверхности достаточно часто встречались современные металлические предметы. В одном из квадратов была зафиксирована яма, заглубленная в материк на 0,9 м. Грунт её заполнения серо-коричневый, рыхлый, с большим количеством

⁵ Все эти годы, начиная с 2013, С.Ю. Монахов руководил студенческой археологической практикой, исследовавшей поселение Тамань 3. В 2015–2017, 2019 гг. держателем открытого листа и руководителем полевых работ являлась Е.В. Кузнецова, в 2018, 2021 гг. – Н.Б. Чурекова.

⁶ Определение М.Г. Абрамзона.

золы, углей, костей и раковин. Материал был представлен фрагментами амфорной тары, красноглиняной и сероглиняной столовой и кухонной посуды, лепной керамики. По мере расчистки ямы было зафиксировано несколько прослоек камки и, возможно, развалов сырца. Амфорный материал из ямы датируется в широком диапазоне от V в. до н.э. до V в. н.э. с преобладанием фрагментов первых веков н.э. На самом дне ямы была обнаружена бронзовая фибула второй половины I - начала II в. н.э. (рис. 6) (Кропотов 2010: 131, рис. 42; Кузнецова 2019: 27–36 и далее). Материалы, обнаруженные в ходе работ на остальной площади раскопа, охватывают период с конца VI в. до н.э. по IV-V вв. н.э. с преобладанием более поздних находок.

В результате работ 2017 г., продолживших исследование участка 2016 года (рис. 5), были выявлены остатки двух каменных кладок и три хозяйственные ямы. Каменная кладка № 1, протяженностью 1,57 м при ширине 0,61 м, была зафиксирована на кв. 3 на уровне 0,8 м от дневной поверхности, ориентирована с СЗ на ЮВ (рис. 7). Немногочисленный сопутствующий материал не позволяет установить дату конструкции. Каменная кладка № 2 выявлена на кв. 5. Размеры: с СЗ на ЮВ – 2,6 м, с ЮЗ на СВ – 2,8 м. Предполагаемая дата – I в. н.э. (рис. 8). Яма № 2 на кв. 4 была слегка заглублена в материк. Содержала значительное количество материала, преимущественно первых двух веков н.э. Небольшая яма № 3 на стыке 3 и 4 квадратов содержала в основном фрагменты лепных сосудов первых веков н.э. (рис. 9). Еще одна яма первых веков н.э. – № 4 на кв. 3 – глубиной 1,1 м служила для сброса бытовых отходов, золы, мелкого мусора и ракушек, последовательная засыпь отчетливо прослеживается по стратиграфии. Материалы, обнаруженные в ходе работ на остальной площади раскопа, охватывают широкий хронологический период – с середины–третьей четверти VI в. до н.э. по конец III – начало IV в. н.э. с преобладанием предметов II–III вв. н.э. (Кузнецова 2017: 157–159, рис. 66–68).

В 2018 году было проведено сразу два вида работ, в том числе и в затопленной части поселения⁷. В результате подводно-археологических разведочных исследований удалось впервые провести полный визуальный осмотр и параметрическую съемку дна моря непосредственно примыкающего к наземной, уже известной части поселения. В результате под водой обнаружено три строительных комплекса. Два из них представляют собой свал тесно лежащих камней, покоящийся на материковой глине, а третий комплекс – это структура, состоящая из мелких фрагментов керамики и дресвы, которая непосредственно примыкает к устью балки Лисовицкого и напоминает собой своего рода отмель из выброшенной вешними водами керамики и мелких камней. Однако малая степень окатанности керамики и, возможно, сохранившийся в одном месте слой пепла позволяют судить об этой структуре как об искусственном сооружении. Все пространство между строительными комплексами полностью занесено слоем жидкого ила, величина которого растет по мере удаления от берега, скрывая под собой южные части строительных комплексов. Западная часть района поиска представляет собой плотные заросли морских трав, покоящихся на слое жидких илов, которые не позволяют визуально определить наличие остатков культурного слоя под ними. Отдельные, случайные предметы подъемного материала относятся к периоду античности и охватывают период с V века до н.э. по I век н.э., с преобладанием материалов V века до н.э. (Петровский 2022).

В том же году был начат и новый участок в северо-западной части поселения, на высокой немыйтой террасе (рис. 5). С восточной и западной стороны он окружен балками, которые в древности могли быть обводнены. Перспективность участка подчеркивало большое скопление подъемного материала и камней, причем фрагменты керамики фиксировались здесь как на самой террасе, так и у уреза воды и в море. К тому же, подводные работы показали, что подъемный ма-

⁷ Мы искренне благодарим В.М. Петровского за возможность обнародовать предварительные результаты его исследования. Отчет «Подводные археологические разведки у поселения «Тамань 3» в 2019 году» находится на завершающей стадии и скоро поступит в Научный архив ИА РАН.

териал встречается в северо-западной части поселения в довольно большом количестве, а также и далее в западном направлении после балки Лисовицкого. Вероятно, данный участок памятника функционировал, начиная со второй половины – последней четверти VI в. до н.э., никаких каменных конструкций, несмотря на надежды, в тот год выявлено не было. Поэтому было высказано предположение, что, если какие-то постройки на данном участке и имелись, то они находятся в стороне, а раскопанная часть использовалась только для хозяйственных нужд, о чем красноречиво свидетельствовали 4 исследованные ямы. Материал, относящийся к более позднему периоду – ко второй четверти – середине V в. до н.э. и единичные фрагменты более позднего времени, скорее всего, попали сюда случайно (Чурекова 2020: 24, 26).

Хозяйственные ямы дали очень интересный материал, впервые на памятнике были сделаны столь значимые находки (Кузнецова, Чурекова 2021: 236–239). Яма № 1 по форме овальная, в разрезе грушевидная, размеры 1,3×1,1 м, глубина до 0,75 м, сверху была перекрыта несколькими крупными камнями. В комплексе присутствовало довольно большое количество находок, самые ранние представлены фрагментами чернолаковой (ножка килика; Sparkes, Tallcot 1970: 262; 100, pl. 18, fig. 4) и расписной ионийской керамики, датирующимися 2/4 VI в. до н.э. (рис. 10 -1–3). Из амфорных фрагментов наиболее ранние экземпляры относятся к амфорам «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» и клазоменским $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э. Большая часть амфорного материала (Хиоса, Лесбоса КГ, Клазомен, «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне») датируется концом VI – началом V в. до н.э.

Яма № 2 округлая по форме, с небольшим скосом внутрь в ЮЗ части. Заполнение ямы – рыхлый серовато-коричневый грунт, с большим содержанием золы, пещины, угля и органики. При небольших размерах ямы 1,64×1,6 м и глубине всего 0,2 м насыщенность материалом достаточно высокая, в сравнении с другими комплексами, самый ранний – фрагмент венца хиосской амфоры типа «с воронковидным» горлом последней трети VI в. до н.э. Основная часть фрагментов амфор («на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» и Лесбоса КГ) датируется концом VI – началом V в. до н.э. Чернолаковая керамика: фрагмент венца килика и стенка закрытого сосуда, вероятно столовой амфоры, с чернофигурной росписью (рис. 10 -4) датируются концом VI – самым началом V в. до н.э.

Форма ямы № 3 близка к овальной, заполнение очень золистое, с большим количеством мелкой пещины, керамики и рыбьих костей. Датирующего материала крайне мало – всего 3 фрагмента венцов амфор: Лесбоса КГ и Милета последней трети VI в. до н.э., и Лесбоса КГ конца VI – начала V в. до н.э.

Самые интересные находки происходят из ямы № 4. Форма её овальная, вытянутая с СЗ на ЮВ, в разрезе – грушевидная сверху была перекрыта развалом сырцового блока. Амфоры представлены исключительно продукцией Лесбоса (рис. 11 -1, 2). Верхняя часть красноглиняной амфоры с валикообразным венцом, под которым высокий уступ, горло короткое, слегка расширяющееся книзу морфологически близка амфоре из ямы № 137 некрополя Кеп (Кузнецов 1992: 41, рис. 8 -4; Монахов и др. 2020: 115, LG.2), но имеет красный цвет глины. Близкие красноглиняные сосуды отличаются меньшей высотой уступа под венцом и в совокупности датируются серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Монахов 2003: 260, табл. 30 -1, 2; Dupont 2005: 52, № 40; Буйских, Монахов 2009: рис. 4 -2; Sezgin 2012b: Kles2.01, 2.07). Верхняя часть второй лесбосской амфоры из ямы № 4 имеет разный цвет глины – на поверхности она тёмно-серая, внутри черепка красная. У неё массивный валикообразный венец, короткое, сужающееся книзу горло с четким переходом к плечам; уступ под венцом отсутствует. Наиболее близкий экземпляр происходит из раскопок Б.В. Фармаковского некрополя Ольвии и датируется серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Монахов 2003: 257, табл. 27 -3; Монахов и др. 2019: 101, LG.3). Хронология венцов лесбосских амфор из ямы охватывает период с третьей четверти VI по начало V в. до н.э.

Помимо амфор, из ямы № 4 происходят столовая амфора, возможно, клазоменского производства последней четверти VI в. до н.э. (Uzun 2007: 327, fig. 5) (рис. 11 -3) и фрагмент сероглиняной хозяйственной леканы с черным покрытием, возможно производства Эолии (рис. 11 -4). Остальная ионийская расписная керамика датируется в основном второй четвертью – серединой VI в. до н.э., хотя некоторые фрагменты заходят и в конец VI – начало V в. до н.э.

В 2019 году исследования данного участка были продолжены, площадь раскопа на момент начала работ составляла 75 м² и являлась прирезкой с запада к раскопу предыдущего сезона. В ходе изучения площадь была расширена и в итоге составила 150 м². Исследования были доведены до материка лишь частично – на площади в 50 м². Здесь были выявлены две хозяйственные ямы (№ 5, 6), содержавшие сильно фрагментированные материалы последней трети VI в. до н.э. – самого начала V в. до н.э. Заполнение представляло собой серо-коричневый грунт с включениями золы, ракушек и фрагментов керамики. Грунт перемежался слоями очень плотного, твердого желто-коричневого суглинка, не содержавшего материала. На дне одной из ям (№ 6) была обнаружена каменная зернотерка, разбитая на четыре части, но лежавшая в анатомическом порядке. Материал, выявленный в ходе раскопок 2019 г., охватывает широкий хронологический период – с конца архаики до римского времени. Основная его часть приходится на последнюю треть VI в. – первую половину V в. до н.э. Более поздние предметы обнаружены в небольшом количестве.

На остальной, оставшейся в тот год не доисследованной, площади раскопа были выявлены строительные остатки. Они представляли собой ЮВ угол фундамента какого-то помещения или здания, стены которого были ориентированы по линии ЮЗ–СЗ и уходили в западный и северный борта. В кладке были использованы различные камни, как обработанные, так и нет; встречалась крупная галька. Объект явно не античный, в нем использовался красный кирпич, среди камней встречены железные изделия, под кладкой сделана подсыпка. Характер здания был не ясен и требовалась консервация раскопа для дальнейших исследований. В 2021 году работы были продолжены, выяснилось, что постройка очень поздняя, вероятно конца XIX или XX столетия, не имеет отношения к античному времени. Предположительно она служила хозяйственным нуждам располагавшегося здесь отделения совхоза, точное предназначение конструкции остается неизвестным.

Весь раскоп 2021 года был связан с исследованием поздней постройки, однако насыщенность слоя не занятого конструкцией все-таки была также довольно высока. Наиболее ранние фрагменты керамики относятся к третьей четверти VI в. до н.э., самый поздний фрагмент (из античных) к I в. до н.э. – I в. н.э. Основная масса находок датируется второй четвертью V в. до н.э. При строительстве данной постройки явно были использованы материалы античного времени, включая перемещенный сюда грунт, содержащий множество керамических и прочих фрагментов VI–IV в. до н.э. Учитывая то обстоятельство, что в предыдущие годы на этом участке раскопа слой шел достаточно однородный, как раз этого времени, можно предположить, что и античная постройка того же времени находилась где-то поблизости, в дальнейшем же цоколь от нее был выбран на камень для строительства данной конструкции, а грунт перемещен при выравнивании участка (Чурекова 2022: 41).

За годы исследований накопилось достаточно амфорных находок, позволяющих сделать некие предварительные выводы по распределению материалов по центрам производителям, хронологии и по участкам памятника. Наибольшее количество профильных частей амфор (учитывались только ножки и венцы) принадлежит производству Хиоса – 173 фрагмента, неустановленного центра, выпускавшего т.н. «протофасосские» сосуды – 76, Лесбоса – 73, Синопы – 30, Фасоса – 25, Менды – 21, Клазомен – 14, Милета – 11, остальные представлены образцами от 2 до 5 экземпляров. Амфоры более позднего периода представлены следующими типами: «светлоглиняные узкогорлые» (Зеест 1960: 164, табл. XXVIII -64) – 12, «красноглиняные с клювовидным венцом» (Зеест 1960: 164, табл. XXX -73) – 13, «красноглиняные с воронковидным горлом» – 20.

Разделив памятник на три участка по расположению и периоду раскопок, видно, что хронологически все они разные. Для удобства дадим участкам условные обозначения: Участок А – 2015 г., участок Б – 2016–2017 гг., и, наконец, участок В – 2018–2021 гг. Из 636 профильных фрагментов на участке А обнаружено 96 экз., Б – 256 экз., В – 284 экз. (см. табл. 1). При этом насыщенность находками не связана с площадью раскопок: на участке Б наибольшее количество фрагментов амфор, но по размерами он меньше участка В.

Хронологически материал разделяется следующим образом: участок А в большей степени насыщен фрагментами со второй четверти V в. до н.э. до первой половины III в. до н.э. Самые ранние амфорные находки, происходящие оттуда датируются последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э., самые поздние (единичные) заходят во II–III в. н.э. Преобладающее количество материала на участке А относится к V в. до н.э. – 51 % (табл. 1). На участке Б мы наблюдаем наибольший хронологический разброс – слои были довольно насыщены амфорным материалом, датирующимся начиная с первой четверти V в. до н.э., однако 56,6 % всех профильных частей амфор относится к периоду с I в. до н.э. по IV в. н.э. Складывается впечатление, что на протяжении V–III вв. до н.э. этот край террасы практически не был затронут хозяйственной деятельностью и лишь в более позднее время территория поселения захватывает и его. Участок В самый большой по площади, основной массив материала приходится на VI–V вв. до н.э. – 92 % (табл. 1). Совсем позднего, неантичного материала на всех участках крайне мало.

Что касается чернолаковой и расписной керамики то в процентном соотношении на всех трех участках её совсем немного от 0,5 до 2 %, амфорных фрагментов, для сравнения, от 57 до 85 %. Расписной и чернолаковой керамики, датирующейся ранее V в. до н.э. нет только на участке А, однако, напомним, что он не был исследован до материка.

В целом, можно говорить о том, что участок А на сегодняшний день является наиболее перспективным для исследований, так как содержит остатки жилых строений, однако его изучение затруднено постоянной сельскохозяйственной деятельностью на этой территории. По всей видимости, наиболее ранним является участок В, исследование его намечено на ближайшие полевые сезоны, но и здесь встречены довольно серьезные трудности, прежде всего, сильная замусоренность и присутствие здесь, по всей видимости перемещенного грунта. Выявленные следы строительства конца XIX или начала XX века вне всяких сомнений сильно повредили культурный слой и привели к серьезному смешению материалов разных хронологических периодов. Вместе с тем, сохранившиеся хозяйственные ямы, относящиеся к периоду архаики и ранней классики представляют огромный интерес, так как в них выявлены керамические изделия крайне редко встречающиеся на территории Азиатского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский 1959 – Блаватский В.Д. 1959. Пятый год работы в Синдике. КСИИМК (74), 47–48.
- Горошников 2017 – Горошников А.А. 2017. *Отчёт о проведении археологических исследований (разведок) в зоне строительства второй нитки водоводов от РЧВ на горе Чиркова до РЧВ в районе станицы Тамань и резервуаров чистой воды Таманского грунтового водопровода в Темрюкском районе Краснодарского края*. В двух томах. Научный архив ИА РАН.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА (83)*. – 179 с., ил.
- Коровина 1972 – Коровина А.К. 1972. *Отчёт о раскопках Гермонассы – Тмутаракани за 1972 г.* Архив ИА РАН.
- Кропотов 2010 – Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДФУ-Украина. – 384 с.
- Кузнецова 2016 – Кузнецова Е.В. 2016. О проведении археологических исследований на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края по Открытому листу № 628. Саратов. НА ИА РАН.
- Кузнецова 2017 – Кузнецова Е.В. 2017. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань 3в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году по Открытому листу № 760. Саратов. НА ИА РАН.
- Кузнецова 2018 – Кузнецова Е.В. 2018. Исследования на поселении Тамань 3 в 2015–2016 гг. АО (2016), 215–217.

- Кузнецова 2019 – Кузнецова Е.В. 2019. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2017 году по Открытому листу № 748. Саратов, 2017 г.
- Кузнецова, Чурекова 2021 – Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. Исследования на поселении Тамань 3 в 2018–2019 гг. *АО 2019 год*. 236–239
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов и др. 2019 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Монахов и др. 2020 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Паромов 2019 – Паромов Я.М. 2019. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 1 (конец XVIII – начало XX вв.). *БИ (XXIX)*, 343–377.
- Паромов и др. 2007 – Паромов Я.М., Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Безматерных А.Е. 2007. Работы разведочного отряда Восточно-Боспорской экспедиции. *АО 2007 года*, 307.
- Соколов 1919 – Соколов В.В. 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. *ИТУАК (56)*, 39–59.
- Сударев и др. 2014 – Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Клемешова М.Б. 2014. Работы на поселении Тамань 3 («7-й км») в 2007 и 2013 гг. *Таврические студии. Исторические науки (6)*, 41–46.
- Тункина 2010 – Тункина И.В. 2010. История изучения. *Античное наследие Кубани (I)*, 20–129.
- Чурекова 2020 – Чурекова Н.Б. 2020. Отчет о проведении археологических раскопок на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2018 году по Открытому листу № 104. Саратов. НА ИА РАН.
- Чурекова 2022 – Чурекова Н.Б. 2022. Отчет о проведении археологических полевых работ на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2021 году по Открытому листу № 0224-2021. Саратов. НА ИА РАН.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora (XII/I, II)*. Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Uzun 2018 – Uzun K. 2018. Clazomenian Wave-Line Pottery. *Archaic and classical Western Anatolia: new perspectives in ceramic studies*. Leuven; Paris; Bristol. P. 315–344.

Таблица 1. Распределение профильных амфорных фрагментов по участкам памятника

Условный период	Участок А	Участок Б	Участок В
VI в. до н.э.	5	4	100
V в. до н.э.	49	46	162
IV в. до н.э.	27	36	19
III–II вв. до н.э.	12	28	2
I в. до н.э. – IV в. н.э.	3	145	1
Всего	96	256	284

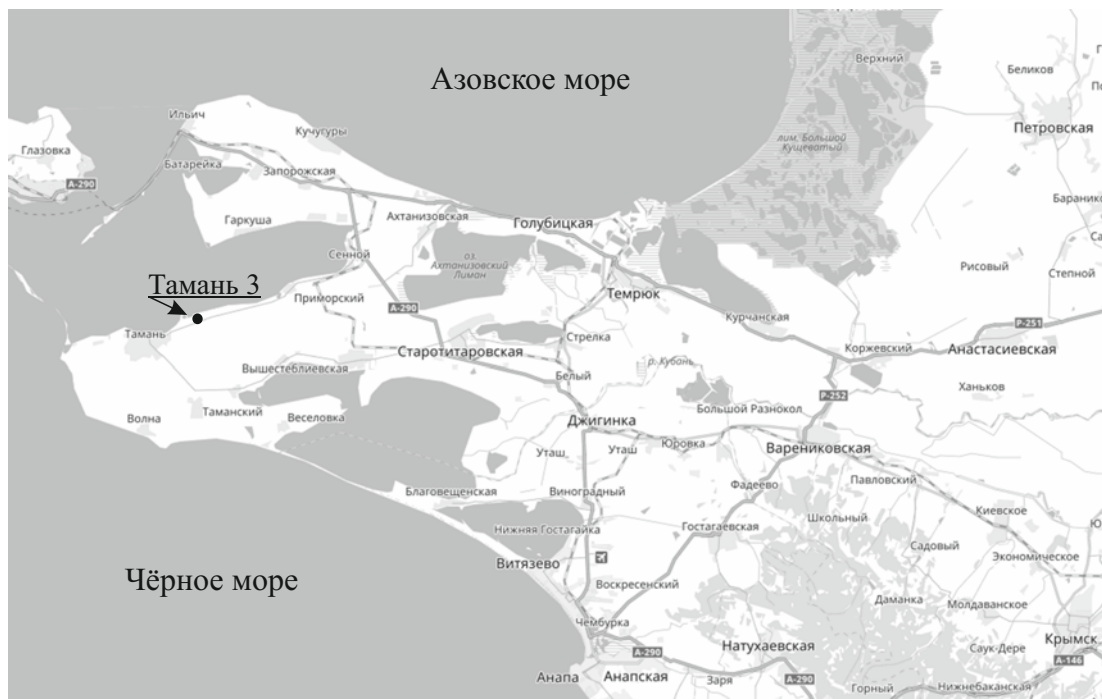

Рис. 1. Поселение Тамань 3 на карте Таманского полуострова

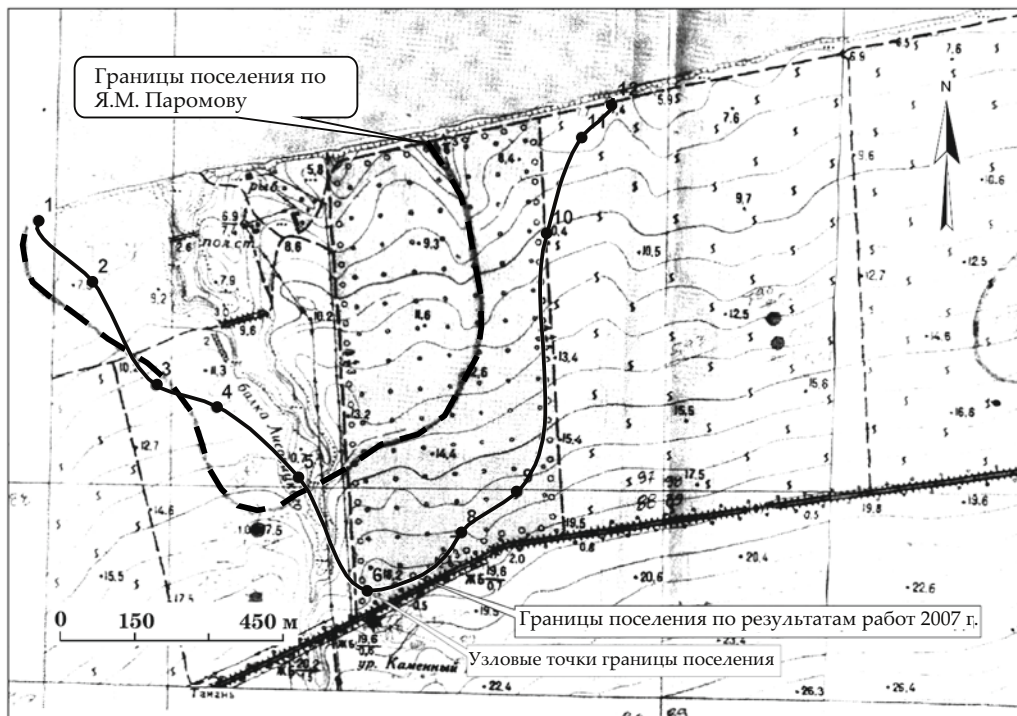

Рис. 2. Границы поселения Тамань 3 по Я.М. Паромову и по О.Д. Чевелеву.

Рис. 3. Кладка вымостка на участке А.

Рис. 4. Монета Диоскуриады и клеймо на амфоре Родоса из раскопок 2015 г.

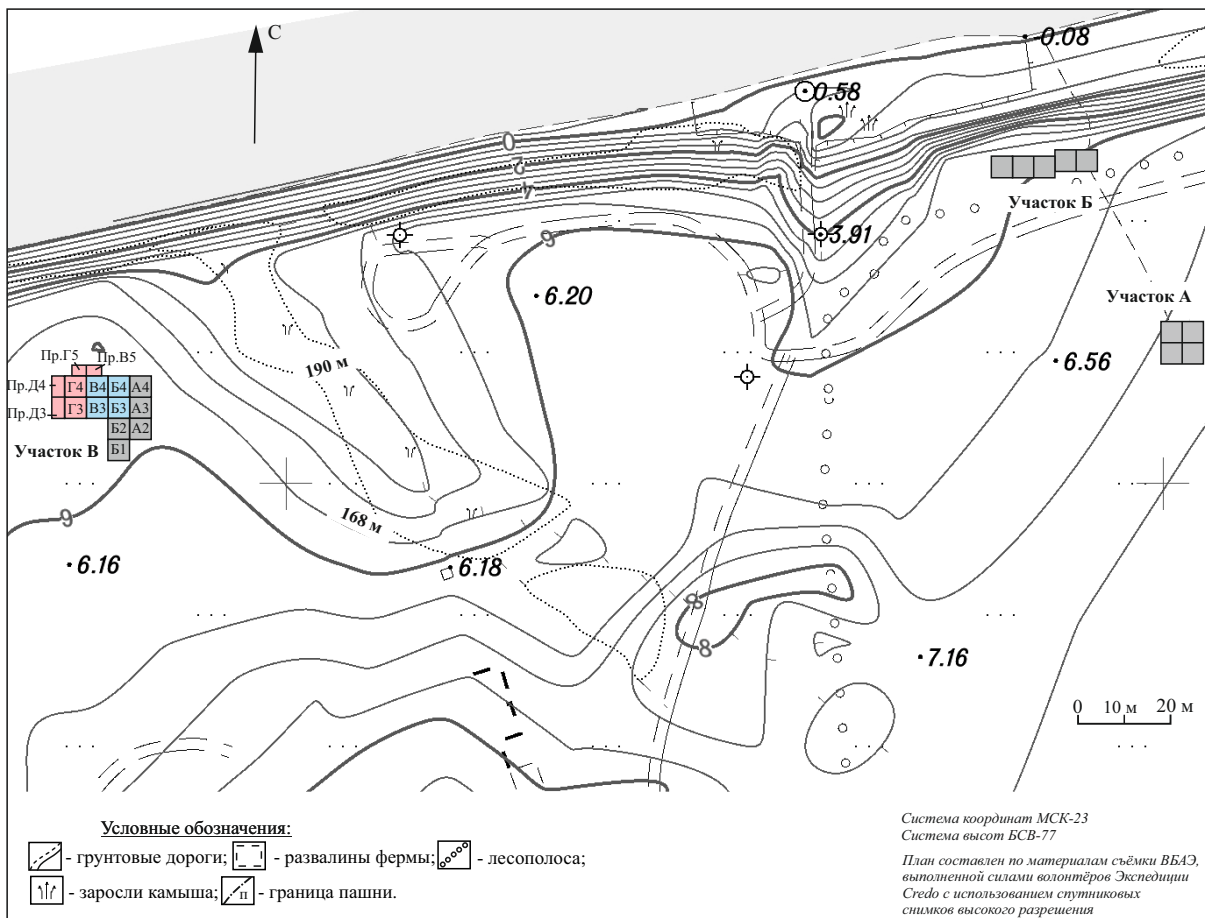

Рис. 5. Топографический план поселения Тамань 3 с отмеченными раскопками 2015–2021 гг.

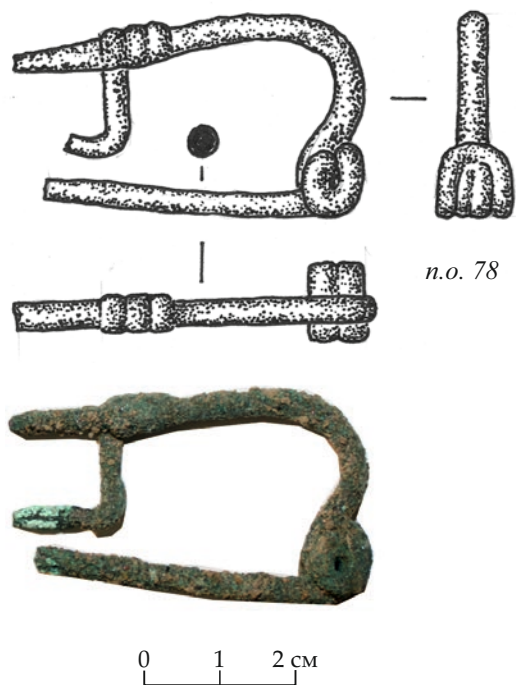

Рис. 6. Бронзовая фибула из ямы, раскопки 2016 г.

Рис. 7. Кладка № 1 на участке 2017 г.

Рис. 8. Кладка № 2 на участке 2017 г.

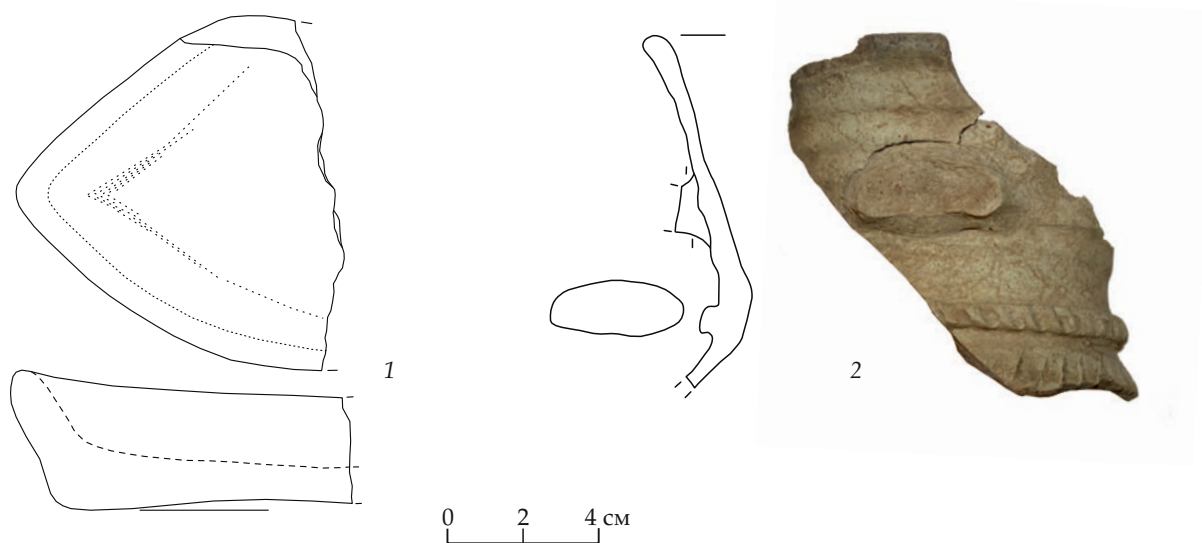

Рис. 9. Ладьевидный лепной светильник (1) и горло сероглиняного кувшина (2) из ямы 3, раскопки 2017 г.

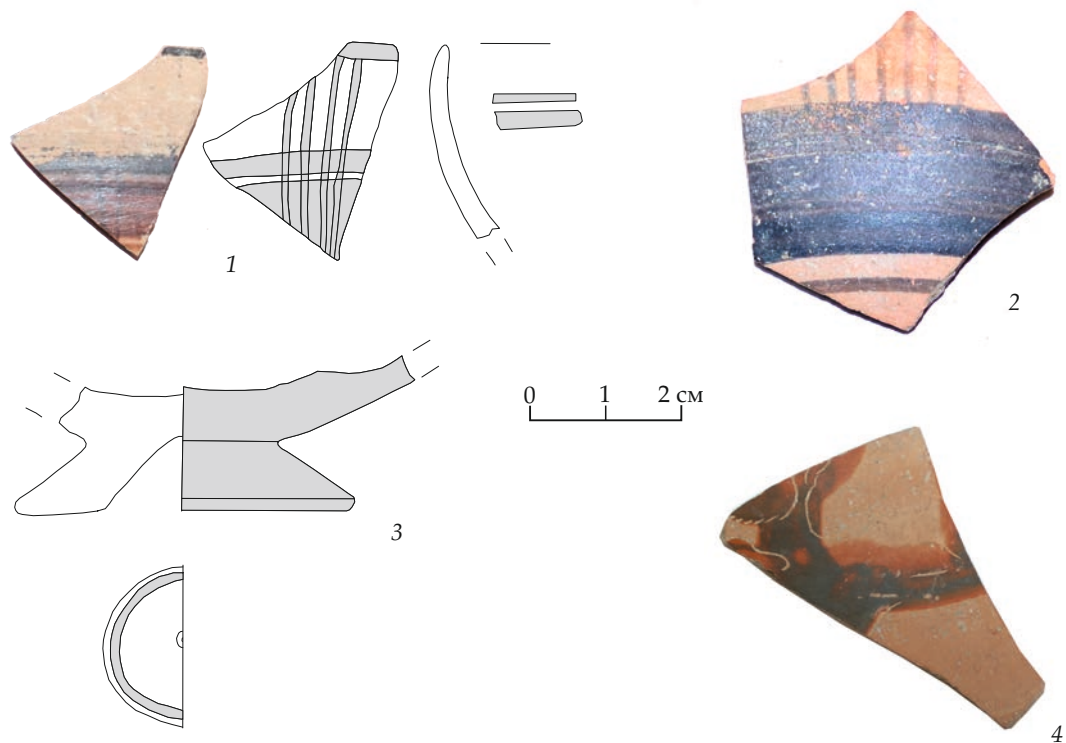

Рис. 10. 1-3 – находки из ямы 1; 4 – стенка амфоры с чернофигурной росписью из ямы 2, раскопки 2018 г.

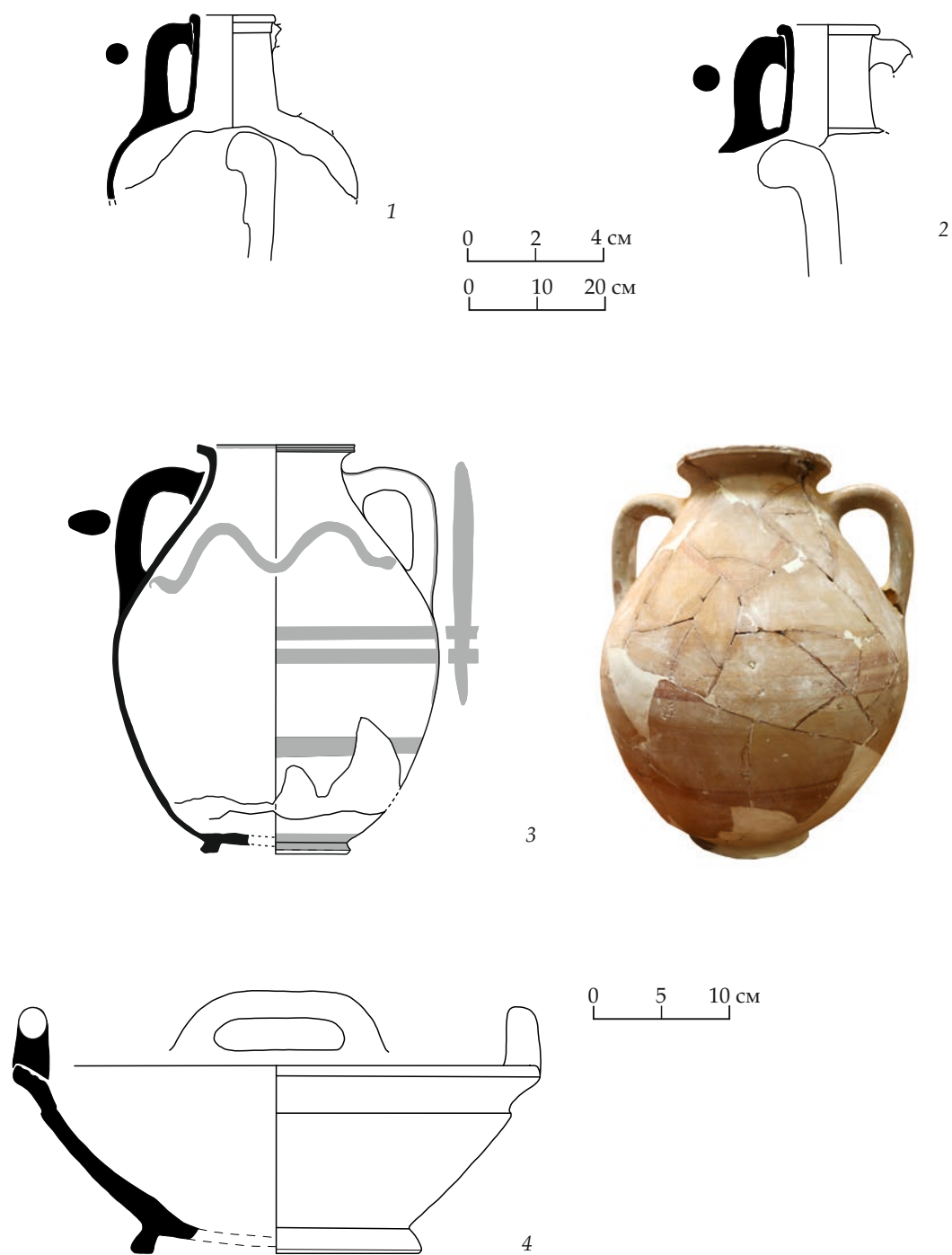

Рис. 11. Находк из ямы 4, раскопки 2018 г.

VIRGINIA GRACE AND JOSEPH BRASHINSKY ON SAMIAN AMPHORAS

Abstract: the American amphorologist Virginia Grace (1901-1994) worked in a world of letters, envelopes and postage stamps. One of her frequent correspondents was the Russian archaeologist, historian and amphorologist Joseph Brashinsky (1928-1982). Over the 1960s and 1970s the two scholars both explored the problem of the identification and chronology of Samian amphoras. This article documents their two paths of scholarship, highlighting their respective goals and points of intersection.

Keywords: Virginia Grace, Joseph Brashinsky, Emily Grace Kazekévich, Nikitas Haviaras, Samos.

М.Л. Лаваль¹

ВИРДЖИНИЯ ГРЕЙС И ИОСИФ БРАШИНСКИЙ О САМОССКИХ АМФОРАХ

Аннотация: американский амфоролог Вирджиния Грейс (1901–1994) работала в мире писем, конвертов и почтовых марок. Одним из ее частых корреспондентов был русский археолог, историк и амфоровед Иосиф Брашинский (1928–1982). В 1960-х и 1970-х годах оба ученых исследовали проблему идентификации и хронологии самосских амфор. В этой статье документируются два пути их обучения, освещаются их соответствующие цели и точки пересечения.

Ключевые слова: Вирджиния Грейс, Иосиф Брашинский, Эмили Грейс Казекевич, Никита Хавиарас, Самос.

Over his long and prolific career, Sergey Yu. Monakhov has weathered social, economic, and political upheaval and adapted to technological revolutions. Ever since the break-up of the Soviet Union in 1991, the countries surrounding the Black Sea have become increasingly open to western European and North American scholars. The development of the world wide web has facilitated rapid sharing of documents, and our honoree was quick to take advantage of the possibilities. And yet, his own early career predates these developments. Contact with like-minded scholars depended on physical mail, books in boxes, and letters in envelopes²; and contact was limited by travel restrictions and economic challenges.

Indeed, in the mid 1980s, communication between our honoree and the American amphora scholar, Virginia Grace, followed a circuitous route. He would write to Virginia's sister Emily, who lived in Moscow. Emily would translate the letter and include the English text in her own frequent letters to her sister. Virginia would reply from Athens, and Emily would again act as the intermediary³. Like so many of his predecessors and contemporaries, however, Monakhov carried on within such constraints, participating in and contributing to the very international, collaborative research that typifies amphora studies.

This paper takes as its focus that earlier period of slow mail and the very difficult task of maintaining collaborations across the political barrier of the Iron Curtain. In June 1963, Virginia Grace wrote to Joseph Brashinsky⁴ with information about Pontic stamps found in the Aegean basin⁵. He

¹ *Лаваль Марк*, профессор, Отдел классики университета Манитобы, 220 Dysart Rd, Winnipeg, MB R3T2M8, mark.lawall@umanitoba.ca.

² In addition to my own expression of deep respect that I wish to convey with this contribution, I have been asked by Carolyn Koehler and Philippa Wallace Matheson, both early correspondents with Sergey Monakhov, to convey their expressions of congratulations and admiration on the occasion of this volume.

³ American School of Classical Studies at Athens, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 32, folder 237, letters of 21 January and 22 March 1986. I am indebted to Natalia Vogeikoff-Brogan, Doreen Canaday Spitzer Director of Archives, for access to these papers and permission to discuss them here, and to her assistant Jennifer Bakatselou, for so carefully scanning and uploading the folders to the ASCSA Archives Personal Papers website.

⁴ Although the transliteration of Brashinsky's name following the Danish Black Sea Study Centre's guidelines would be Brašinskij, I follow throughout here the spelling he used when writing to Virginia Grace.

⁵ ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, Folder 211, letter of Brashinsky to Grace, July 24, 1963, refers to a letter from Grace dated June 18.

responded in July saying that, once he returned from the excavation season at Rostov-on-Don and Olbia, he would send her a copy of his thesis on Athenian-Pontic ties (1963a) and an article on Mendean stamps (1962). The two scholars exchanged numerous letters, offprints, photographs, and other materials over the next 17 years. The latest indication of correspondence I have seen comes from 1980: Grace jotting down points to include in a letter to Brashinsky⁶. Brashinsky died of heart failure under tragic circumstances in 1982⁷; Grace lived on until her death in 1994 at age 93⁸.

The 1960s and 1970s were years of great scholarly activity for these two giants of our field, and their interests often overlapped. One such point of overlap is particularly intriguing as it highlights their differences of approach, the challenges of Soviet era scholarship, and the importance of academic context in understanding the work of our predecessors: Brashinsky's two articles identifying and discussing Samian amphoras of the 5th century BC (appearing in 1967 and 1968[1969]) and Grace's article on Samian amphoras of the Archaic through early Hellenistic periods (1971). Where the two articles overlap in identifying a 5th century Samian type, Grace makes no reference to Brashinsky's work. I have always been puzzled by this fact particularly given Grace's awareness of scholarly developments in Soviet amphora studies.

The present venue, honoring a scholar who has taken every opportunity to enhance scholarly connections between Pontic and Aegean scholarship and who has made so many advances in studies of amphora typologies, seemed particularly appropriate for an exploration of this story of scholarly (missed)communication. The exploration of their research and writing on Samian amphoras also highlights the very different, yet both vitally important, ways these two scholars helped to shape the modern field of amphora research.

PARALLEL LIVES

In the present context, a detailed biography of Brashinsky seems both presumptuous and unnecessary. Even so, it is worth highlighting the well-known features of that Life to set off the contrast with Grace's biography, which may be less known to readers.

Virginia Grace (1901–1994)

Virginia Grace was the daughter of a cotton merchant, Lee Ashley Grace, and grew up in a large household with four sisters and one brother. Virginia and her sister Emily, who will figure prominently in this discussion, both studied at Bryn Mawr College, Virginia in English and Greek (BA, 1922) and Classical Archaeology (MA 1930, PhD 1934) (Immerwahr 1996: 2), Emily in Greek (BA 1933, MA 1934) before earning her PhD in Classics at Yale (1949) (Kamen 2008: 343–344; Watkins 1987; ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 32, folder 237). Their brother Frederick studied and later taught ancient Art History at Harvard (BA 1930, MA 1935, PhD 1938) before his death as a Navy pilot in 1942⁹. Another sister, Mary, also a Classics student at Bryn Mawr, went on to a very successful career in journalism and publishing as editor of *Fortune* magazine (Menaker 2010: 98–99, note 2). Virginia Grace's career seems quite natural in this setting of a reasonably well-off family that valued academic scholarship and the humanities.

Grace first traveled to Greece in 1927, where she and Frederick were both students at the American School of Classical Studies at Athens. She later participated in excavations at Pergamon, Halai,

⁶ ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, Folder 211, note from Feb. 20, 1980, 'Next letter to Brashinsky'.

⁷ Key works on Brashinsky's life include Фролов 2009; Марченко 2009; Виноградов 2018; Брашинская 2018, and the preface to Брашинский 1984b penned by Scheglov. I am most grateful to Michael Brashinsky for assistance in my research on his father's life; any misrepresentations remain my own responsibility.

⁸ Key works on Grace's life include Koehler 1996; Immerwahr 1996; Hood 1998: 201–203; Rotroff and Lambertson 2005: 49–50.

⁹ <https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/9/resources/409>.

and Lapithos (Cyprus) in 1931 (Immerwahr 1996: 3; Koehler 1996: 154). The following year she joined the American excavations at the Athenian Agora. Her article on amphora stamps found at the Agora in the 1931–1932 seasons served as her PhD dissertation (1934) and started her off on a career focused on stamped amphora handles and the jars themselves. She left Athens in October 1940, spent two years at Kourion in Cyprus and then, 1942–1945, worked with the American army intelligence operations in Cairo, Asmara (Eritrea), Izmir and Istanbul (Immerwahr 1996: 4–6; Allen 2011). During the turbulent post-war period in Greece, Grace was a visiting scholar at the Institute of Advanced Studies in Princeton. While busy with various articles that would appear in those years, she also took classes in Russian and Papyrology¹⁰. She returned to Athens late in 1948 and remained there with few further interruptions¹¹. The late 1940s through 1980s account for both the bulk of Grace's published work and the greatest breadth of correspondence with other scholars, as Grace advised on identifications and readings of amphora stamps in exchange for adding finds to her ever growing card files. Over these years she had many assistants, none more devoted than Maria Savvatianou-Pétopoulakou and Andreas Dimoulinis (Koehler 1996; Lawall 2009). While neither her funding nor her official position within the Agora staff were ever entirely dependable, she managed to maintain the "Wine Jars Workroom" – initially the upper floor of the first excavation house of the Agora excavations and later two rooms on the second floor of the Stoa of Attalos – until her death in Athens in 1994. Without the safety-net provided by a conventional academic position, Grace was very much dependent on the approval of the Director of the Agora excavations, especially Homer Thompson; his influence on her research directions is clear even in her research on Samian amphoras (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743).

Many of Grace's publications dealt with collections from specific sites, starting with her 1934 report on the Agora finds. Later reports included the sites of Tarsus (1950), Delos (1952, 1970 with Savvatianou-Pétopoulakou), Nessana (1962), Pergamon (1968), and the Serçe Limanı Hellenistic shipwreck (1986). Reports on specific classes of stamp, such as Thasian (Grace 1946, Bon and Bon 1957; Grace and Lenger 1958) or Rhodian (Grace 1948, 1953, 1966, 1974), are less common. Her article on Samian amphoras (1971), which will be the focus here, offers one of the most comprehensive treatments she offered on one specific class. Likewise, a handful of publications offered summaries of the general nature of amphora stamps of the Classical and Hellenistic periods (e.g., Grace 1947, 1949, 1960, 1979a, 1979b). One article focused on the issue of capacities, though this was always a topic of great interest to Grace¹², and two articles discussed the dies used to stamp amphoras (Grace 1935, Grace and Salviat 1962).

Grace's record of publication is vastly overshadowed by her herculean efforts to gather documentation on amphora stamps and the jars themselves. Her massive card file remains, to my knowledge, unparalleled. The difficulty of assembling such a resource in the pre-'world wide web' world is hard to imagine. Much as the files must be admired, there are limitations. Few examples are recorded with detailed information on archaeological context. Often the excavators themselves had not even determined the relevant stratigraphic evidence. The focus on stamps and, to a lesser extent, complete jars meant that details of variations in rims and toes drew little attention. These shortcomings are only visible in retrospect as we might place unrealistic hope in the contents of the card files and as typological details have drawn ever more attention.

¹⁰ Immerwahr 1996, 6; ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 192 Calendars 1 and 2 record her activity while based in Princeton.

¹¹ ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 192, Calendar 2, January 26 to March 9 recounts the voyage back to Greece with stops in France, Italy, Egypt, Lebanon and Syria.

¹² Grace 1949; but the topic is raised elsewhere, too, as in Grace and Savvatianou-Pétopoulakou 1970: 259–260; Grace 1979a: text with figs. 44–49; and see the work of Wallace 1986, 2004.

Joseph Brashinsky (1928–1982)

Joseph Brashinsky's career was much shorter than Grace's, benefitted from a degree of employment security that Grace did not enjoy, but – like Grace – realized great achievements despite much adversity. He was born in independent Estonia in 1928 to a very successful family involved in retail, and he was raised learning multiple languages including English (the intention was to send him to England for his university education). Regional politics and war intervened. In mid-June 1941, when he was 13 years old, Brashinsky and his family were deported to the Ural village of Kilmez, not long before the German invasion across Estonia. The adult men were separated out to the labor camps. The forced move, ironically, may have saved his Jewish family from a much worse fate at the hands of the advancing Germans (Брашинская 2018). On his return to Estonia, he was able to pursue his education and entered the Leningrad State University in 1947 to study ancient history and archaeology. After graduating in 1952, he held various teaching positions before entering the Leningrad Office of the Institute of Archaeology in 1956. In 1959, he defended a thesis on Athenian relations with the Black Sea cities (1955, 1963a). As he moved upward through the ranks at the Institute, he remained immersed in both ancient history – especially economic history – and archaeology. He worked at Olbia under the direction of E.I. Levi and A.N. Karasev, and starting in 1966, Brashinsky directed the Institute's Lower Don Expedition at Elizavetovskoe (1980).

As is well-documented, Brashinsky's career was bookended by great difficulty. The defense of his thesis in 1958 took place partly by candlelight, and the darkness matched the hostility of some of his interlocutors (Фролов 2009: 216–217; Марченко 2009: 222; Виноградов 2018: 176–177). In 1982, he defended his habilitation, published posthumously as *Methods for the Study of Ancient Trade* (1984b), before the Academy in Moscow. All but one of the readers' reports were extremely positive and all votes actually cast were in favor. And yet, an insufficient number of votes were cast overall, so the defense failed (Фролов 2009: 218–220; Виноградов 2018: 180)¹³. The Director of the Academy, B.A. Rybakov, whose authority was unassailable, is seen as having played a direct role in this outcome¹⁴. Brashinsky returned to Leningrad and – while dining with the circle of his closest friends – suffered a fatal heart attack¹⁵. He was only 53 years old.

In the intervening years, Brashinsky produced more than 140 published works including five books: the thesis on Athenian-Pontic interaction (1963a), two works on the Scythian royal tombs (1967b, 1979), and two on the importance of amphora studies for understanding ancient economic history (1980, 1984b). Among his many articles were key contributions on the typology of Mendean amphoras (1962, 1976a), efforts to identify Aeginetan jars (1963c, 1968[1969]), the debate over 'Attic?' amphoras more often referred to now as Aeolian or Lesbian Red (1983), and – our focus here – the Samian amphoras of the 5th century BC. Not surprisingly, he often turned his attention to the local Pontic production of Herakleia Pontike (1965, 1980, 1984a) and Sinope (1963b, 1980)¹⁶. He grappled repeatedly with the problem of capacity standards (including 1976b, 1977, 1978a, 1978b, 1984b: 92–127) thereby cementing a long-standing interest in this issue among Pontic scholars¹⁷.

THE CORRESPONDENCE

The letters, translations, and other documents used for the present research all come from the Papers of Virginia R. Grace, stored and curated by the Archives of the American School of Classical

¹³ An earlier attempt to defend his habilitation, in 1968, was similarly defeated apparently on non-academic grounds (Марченко 2009: 222).

¹⁴ See Фролов 2009: 218, with implications of antisemitism; Rybakov's iron grip on the Academy is well-documented (Klejn 2012: 252–274).

¹⁵ Frolov's eyewitness description (2009: 219) is especially poignant.

¹⁶ His chronological research is then synthesized, Брашинский 1984b: 128–147.

¹⁷ Hence, Monakhov (2003) consistently discusses capacities of each amphora type.

Studies at Athens¹⁸. These papers include copies of some of Grace's outgoing letters (in some cases, Grace made multiple copies to go into different topical folders) as well as a very large collection of incoming letters from her correspondents.

She also kept extensive records on each major publication. There are folders for the research related to Samian amphoras (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 738, 739; Box 96, folders 743, 744); the drafts and corrections to galley proofs of the 1971 article (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 737, 740, 741; Box 96, folders 742, 743); Grace's letters to and from the Editor of *Hesperia*, Lucy Shoe Meritt (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743); and notes and correspondence related to plans for an addendum to the 1971 article, which never appeared (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 735, 736, 737). Some letters from Brashinsky and commissioned translations of his articles appear in these Samian files. Much of the correspondence between the two scholars, however, was kept together in folders devoted to the letters of Brashinsky (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, folder 211).

She also kept extensive records on each major publication. There are folders for the research related to Samian amphoras (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 738, 739; Box 96, folders 743, 744); the drafts and corrections to galley proofs of the 1971 article (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 737, 740, 741; Box 96, folders 742, 743); Grace's letters to and from the Editor of *Hesperia*, Lucy Shoe Meritt (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743); and notes and correspondence related to plans for an addendum to the 1971 article, which never appeared (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 735, 736, 737). Some letters from Brashinsky and commissioned translations of his articles appear in these Samian files. Much of the correspondence between the two scholars, however, was kept together in folders devoted to the letters of Brashinsky (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, folder 211).

The earliest correspondence I have seen between Grace and Brashinsky is the letter referred to above dated to July 24, 1963. I have not seen a copy of Grace's initial letter to him (nor do I know, therefore, who initiated the contact in or before 1963)¹⁹. From then on, the exchange of letters and offprints was fairly steady and consistent. Both writers tend to avoid any topics beyond matters of archaeology, so there is little to be gleaned in these letters as to Brashinsky's professional struggles or personal life. In Grace's letters to her American friends and colleagues, there tends to be at least one closing paragraph on news of other friends and relations. Her letters to Brashinsky are consistently focused on the scholarly matters at hand.

A key figure in Grace's contact with Soviet scholars was her sister, Emily Grace, who had been forced to leave the United States in 1949 with her husband Vladimir Kazekévich, who was accused of spying for the Soviet Union. Emily Grace lived in Moscow and worked for the Institute of Ancient History researching her own scholarship on ancient slavery and writing English summaries of articles that appeared in *VDI* (Kamen 2008: 343–344). Much to her own frustration, Emily was often asked to serve as the liaison between Virginia and various Russian scholars (Brashinsky calls her a "great friend" and paid her visits when he was in Moscow, ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, folder 211, e.g. letter of October 23, 1970, Brashinsky to Grace, see Fig. 3). The sisters' letters often discuss the challenges of arranging for visits across the borders of the Eastern Bloc (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 32, folder 237).

Indeed, I can find no evidence that Virginia and Emily ever met in Moscow (they planned such a visit in 1956, but it fell through). Virginia often visited family and friends in the United States about once a year (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Boxes 192 and 193) and Emily did make rare visits

¹⁸ <https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid>

¹⁹ ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 192, Calendar 6, 1963, June 18 has a note that a letter was sent to Brashinsky about Sinopean amphora stamps, but Grace does not seem to have kept a copy of the letter.

herself, but even these rarely coincided (once in August 1977 and again in September 1986). Emily's letters provide an important view of the difficulties of Cold War communication and interaction. At the same time, she paints a clear picture of the immense respect that her sister, "Veergeenya Gress," had gained among Russian scholars of the time. Emily urged her sister more than once to send along a "serious" portrait photograph she could display to her academic colleagues (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 32, folder 237 letter of July 6, 1956 Emily to Virginia; July 29, 1960 Emily to Alfred Bellinger copied to Virginia). Emily returned to the United States only in 1986 and died July 12, 1987.

Thus, despite Brashinsky's connection to Emily Grace, and despite the very close relationship between the two sisters, there is no evidence of a face-to-face meeting between Grace and Brashinsky.

I have not had the opportunity to consult the academic papers of Brashinsky that are now housed in the Institute of Material Culture in St. Petersburg having been donated there by his son Michael Brashinsky. The family retained personal papers, and these, too, I have not had a chance to study. I am grateful to his son and daughter, Natalia, for permission to cite from his professional correspondence here.

STUDIES OF SAMIAN AMPHORAS 1956–1991

Scholars began to suggest the existence of Samian amphoras already by 1911 even if specific amphora types were still undefined. Nikitas Haviaras (1911) noted that a stamp he had collected on Samos showed an amphora and that this should be the shape of the local jar. Grakov (1954: 94) published two stamps from the Kamenskoye excavations with the letters ΣΑ, which he connected to Samian 4th century coins and suggested the handles were Samian (but there is no comment on the rest of the shape). In 1960, however, Zeest included an Archaic Samian type in her broad typology of transport containers. Despite the presence of olive branches on some Samian coins thought to represent the fame of Samian oil, even the images of amphoras on some Samian coins (Gardner 1882; Anson 1911; Barron 1966), and the literary testimonia to the renown of Samian oil and the existence of Samian wine; nevertheless, research into the typological development and related stamping practices of Samian amphoras had made little progress by the 1960s.

1956–1961

In 1956, Maria Savvatianou-Petropoulakou visited Nikitas Haviaras on the island of Syme, documented his father Demosthenes' larger collection of amphora stamps, saw Nikitas' collection of Samian stamps, and received a copy of Nikitas' 1911 article on his collection (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743). Nikitas' identification of the stamps as Samian along with his description of their fabric and appearance led Grace, by 1958, to begin assembling examples of possible Samian amphoras, of the 7th through 5th centuries, and other examples of Samian stamps (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 744). By 1959, Grace came to the realization that amphoras with a mushroom rim were also likely Samian. Over the course of 1959, Grace and her frequent interlocutor, the Alexandria-based collector of stamped amphora handles (and cotton merchant), Lukas Benaki, discussed the Samian identification of stamps showing the frontally facing head of Hera and those with a bull protome in profile (the American numismatist Margaret Thompson was also consulted) (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743). Grace also noted reference to Samian and Milesian oil in papyri records and the very late appearance of any literary reference to Samian wine of good quality (Ioannis Phtochoprodromos, 10–11th c. AD). Grace's research on the topic comes to a stop after her 1961 notes on Boehlau's publication of amphoras found on Samos (1898) (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 744).

1964

Grace's 1959 report to the American Philosophical Society, an organization which had provided some funding for her research, included mention of Haviaras' collection (1960). The reference was

picked up on by Brashinsky as recorded in a letter to Grace from December 9, 1964. There, he notes that at Olbia in 1962 they found one complete amphora and one upper section of another of first half of the 5th century, the latter having a stamp with an amphora resembling those on Samian coin types. "Therefore," he writes, "I am very interested in any information about amphoras and stamps found in Samos" (Fig. 1, ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, Folder 738).

1967–1971

In 1967, Brashinsky published a brief exposition of the identification of Samian amphoras that he had already noted in his letter to Grace in 1964 (1967a). The core of the argument is much as he had described to Grace: the stamp image resembles Samian coin images, and the coin images resemble the amphoras themselves. The associated datable finds of the first half of the 5th century neatly echo Percy Gardner's date of 494–439 BC for Samian coins of 'Period II' (Gardner 1882: 250). The second half of Brashinsky's article considers the implications of this Samian presence continuing through the first 60 years of the 5th century. Athens did not replace all others in the Aegean-Pontic trade after the Persian Wars. Instead, trade continued to involve many different Aegean centers. Only after the Samian revolt and the rise of a more actively imperialist Athens did such Aegean-Pontic trade decline.

In April 1967, Lucy Shoe Meritt, then Editor of *Hesperia*, invited Grace to contribute to a volume of that journal honoring Rhys Carpenter, with manuscripts due December 1968 (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743). Grace jotted three possible topics at the bottom of Meritt's letter: the Rhodian family of the fabricant Aristokles, Chian shapes, or the Haviaras Samian jars. By June she had settled on the last topic.

Work on the article began in earnest in July 1968 with plans to gather the relevant jars and fragments from the Agora collections, and to fit in trips to Syme, Samos and Alexandria to study the relevant stamps and other finds. At this point she notes Zeest's discussion of Samian amphoras and wrote to Zeest inquiring after more of the reasoning for the attribution. Zeest replied in February 1969: "As far as the Samian amphoras, I have no more proof, but I think that this is possible...". Zeest again compares the amphora clay with Samian fine wares of the 6th and 5th centuries. She notes the wide distribution of the type in the late Archaic period of Ionian domination of Pontic trade and interestingly observes, "This type of amphora cannot be either of Miletos or Chios because the amphoras of these centers are known"²⁰. In late October 1968, Grace compiled images of 38 jars that she attributed to Samian production. Most were from the Agora excavations, but examples were also included from the Kerameikos in Athens, Cyprus, Euboea, Thasos, Egypt, Rhodes, and a few underwater finds, most importantly the Kyrenia shipwreck. At the same time, she made extensive notes on Samian fine ware pottery and particularly the later Roman "Samian ware". Included in these notes is an observation from W. Technau, from his 1929 study of Samian pottery, that "the oldest of each class [of fine ware from Hellenistic Samos] is Attic, thus ... Athenian domination of Samos brought also a craft-industrial influence from Athens" (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 744). The passage is highlighted in her notes with vertical lines in the margins. Indeed, Grace attributed 4th century Samian forms with a mushroom rim to Attic inspiration or even resident potters, especially with reference to the Attic cleruchy on Samos between 365 and 322 BC (1971: 78). Also in October 1968, Maria Savvatianou-Petropoulakou made another trip to Syme to document the stamps in Nikitas Haviaras' collection.

Grace began the manuscript of the article on December 3, 1968, with excerpts from Haviaras' article (in translation). From December 10 she wrote much of the remainder of the text. After the sec-

²⁰ ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743 (Zeest wrote to Grace in French, these English translations are mine). Grace 1971: 73, note 55 cites this letter but does not mention the exclusion of Chian and Milesian classes. It is not clear which amphoras Zeest refers to as Milesian.

tion on shapes was completed, there seems to have been a break until May 1, 1969, when the paragraph on the need for capacity studies was written. Work on the catalogue starts December 2, 1968, and continues in January, February, and September of 1969, with the introductory section written on May 17, 1969. The “Documentation of the Plates” also started in early December 1968 and continued into the next year. The Footnotes start in early January 1969, but they grew in fits and starts throughout 1969 and well into 1970. The December 1968–May 1969 manuscript encompasses nearly all of the published article without substantive change (Fig. 2, ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folders 740–741).

In the meantime, Brashinsky expanded upon his 1967 article with a broader survey of the archaeology of Olbia’s Archaic and Classical trade connections that appeared in the 1968 volume of *Archeologia* (Warsaw), which appeared in 1969. Corinthian tiles, amphoras, other pottery, and even stamped loomweights are enlisted to argue for a hitherto underappreciated degree of trade between Corinth and Olbia. Connection to Aegina is argued on the basis of tortoise-stamped amphoras [now widely accepted as Thasian] as well as a fragmentary sima. He uses Grace’s and Zeest’s studies of Mendeian amphoras to highlight that important source of Pontic imports. The article closes with the Samian evidence already offered in 1967. Although the library of the American School of Classical Studies at Athens did receive the journal *Archeologia* (Warsaw), Grace did not see this article until late 1971 (see below).

By mid 1970, Grace’s Samian article was nearly complete. She delivered the manuscript to the editor of *Hesperia*, Lucy Shoe Meritt, on May 11, 1970 “at the Evangelismos Hospital... It still had a few ends to tie up” (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 96, folder 743) Meritt was awaiting an operation, and Grace’s apartment was in the neighborhood! On June 8, a ‘final’ submission was sent to Princeton, where Meritt was based at the Institute of Advanced Studies, then host of the American School of Classical Studies’ Publications office. In September 1970, Grace sent further text for the footnote on the Kyrenia wreck along with further corrections.

On October 23, 1970, Brashinsky wrote to Grace announcing the 1968[1969] article, “where I am dealing on some Mendeian, Samian and Aeginetan amphoras and stamps (a part of them I had published earlier)” (Fig. 3, ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 30, folder 211). This mention of Samian amphoras seems to pass unnoticed by Grace.

By March 22, 1971, Grace had begun to check and correct the printer’s proofs of the article. By April 13, when the editor received Grace’s corrections, the press was already starting production. Work stopped to enter Grace’s corrections. And finally, the long saga seems complete.

1971–1991

Far from it! On October 19, 1971, Brashinsky wrote to express his appreciation of the article and to note (again) his own conclusions on identifying Samian amphoras. Grace replied on the 29th to say she had not received the offprints of the 1967 and 1969 article but that she was pleased they both arrived at the same conclusion independently (Fig. 4, ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 95, folder 735).²¹ Less than a week later, Grace had typed up Paul Broneer’s translation of the *Archeologia* article. In Grace’s reply to Brashinsky, however, she also notes her plan to publish a note of corrigenda and addenda in *Hesperia*. Though her full intentions were not realized, nevertheless Grace did acknowledge Brashinsky’s work in a 1979 article on gem stamps on amphoras, where she discussed three Samian pieces including one of the late 5th century with a chariot team (1979b: 118–120, esp. 119, note 12).

After 1971 these scholars’ work on Samian amphoras moved in two different directions. Brashinsky incorporated Grace’s typological studies into his understanding of Samian amphoras as evi-

²¹ Brashinsky uses the same rhetoric, see Brashinsky 1973: 117.

dence for ancient trade (e.g., 1984b: 45). For him, however, specifics of amphora typology and chronology took on reduced priority compared with broader, synthetic discussions.

Grace, upon being reminded of Brashinsky's interests in Samian amphoras and upon receiving translations of his key articles on the subject, gathered further examples of potential Samian amphoras as her thoughts on the typology continued to develop. At the same time as she found Brashinsky's 1968[1969] article in *Archeologia* (Warsaw), she encountered a related article by Lordkipanidze (1968[1969]) coining the phrase pseudo-Samian for early, rotund, profiled-toe amphoras. He argued that these resembled Zeest's protoThasian amphoras, were closer to Samian amphoras in shape, yet had a fabric that resembled neither. Grace was puzzled by the comparison thinking there was no clear connection to protoThasian forms. For the late 5th century, she was able to add more examples of the tallest, bobbin shaped amphoras from excavations of a late 5th century well (U13:1) in the Athenian Agora²². And various mushroom rim types continued to come to her attention particularly as she gathered more information from Katzev as to finds from the Kyrenia wreck²³. Grace learned of a mushroom rim amphora with a stamp naming Xanthippos, and the same stamp also appeared on a double barreled, presumably Koan, handle²⁴. This case, along with a much earlier, Archaic, amphora from Camarina of 'Samian' form and with one double-barrel handle, and similar finds from Kantzia's excavations on Kos all led Grace to consider connections between Kos and Samos as far as amphora production²⁵. Monakhov's letter of September 6, 1990, brought more stamped, mushroom rim amphoras to Grace's attention. In 1991, however, Grace's notes and files on the topic trail off (VGP Box 95, folder 735).

PASSING THE TORCH

Although these two giants of our field started their interest in Samian amphoras from the same brief article by Nikitas Haviaras, their research proceeded along different lines and towards different goals. Grace's research was based very heavily on personal contact – face-to-face, by telephone, and especially by the post. Her apartment in Athens and her office in the Stoa of Attalos saw steady streams of visitors; her voluminous correspondence echoes that personal network. Very much in keeping with her overall career trajectory, Grace's work on Samian amphoras was focused on the collection of examples – stamps as well as shapes of jars attributable to Samos. The 1971 article, it turns out, was only one step along what Grace envisioned as much longer and more comprehensive process, and one only ended by her death in 1994.

For Brashinsky, the basic typological identification of Samian amphoras, especially of the Archaic and Classical periods, was all he needed. From there he could explore the historical implications of the finds. His colleagues did not necessarily agree with his conclusions (and see Grace 1979b: 119, note 12); vigorous academic debate seems to have been a major feature of his life!

In the present exploration and comparison of these two scholars' work Brashinsky's efforts at integrating archaeological evidence into historical research marks an important distinction between his research path and that of Grace. This difference in paths takes the discussion beyond, perhaps the main focus of this paper, but to a point worth noting nonetheless. In his studies of the history of archaeology as a multinational discipline, Bruce Trigger observed that archaeology in the Soviet Union was mandated to place great significance on social-historical context (Trigger 1984: 365–366, 1989: 207–243); western European traditions of Classical Archaeology (in which one should include American Classical Archaeology) were still very much focused on collecting and classifying. By the

²² The full contents remain unpublished but see Lawall 2000: 70–71.

²³ The final report is in press; cf. Lawall 2011.

²⁴ The jar Grace saw is now in the collection of the Princeton University Art Museum (inv. no. y1981-14). For this stamp type see Lungu 2013: 223–228.

²⁵ For the jar from Camarina, see Pelagatti 1976–1977: 525, pl. 76; for Kos, Κάντζια 1994.

1980s and 1990s this distinction was fading, but Grace and Brashinsky were both working very much within such paradigms.

In May 1986, our honoree Sergey Monakhov, introduced himself to Virginia Grace after Emily Grace had let him know that Virginia had read and appreciated his article from VDI 1984. He wrote, "...I became occupied with the study of Chersonesan amphoras under the influence of my older colleagues and teachers: V.I. Kac, A.N. Scheglov and I.B. Brashinsky" (ASCSA, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 31, folder 224). Thus the torch was passed to the next generation of international collaboration and communication that continues now well into its fourth decade.

REFERENCES

- Брашинская 2018 – Брашинская Н.И. 2018. Неизвестное о моем отце и семье Брашинских. *ЗИИМК* (XVIII), 182–183.
- Брашинский 1955 – Брашинский И.Б. 1955. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. *ВДИ* (2), 148–161.
- Брашинский 1962 – Брашинский И.Б. 1962. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V–IV вв. до н.э. *НЭ* (III), 45–48.
- Брашинский 1963a – Брашинский И.Б. 1963. *Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э.* М.: изд-во АН СССР. – 176 с.
- Брашинский 1963b – Брашинский И.Б. 1963. Экономические связи Синопы IV–II вв. до н.э. *Античный город* / А.И. Болтунова (ред.). М., 132–145.
- Брашинский 1963c – Брашинский И.Б. 1963. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. *КСИА* (XCV), 20–24.
- Брашинский 1965 – Брашинский И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. *НЭ* (V), 10–30.
- Брашинский 1967a – Брашинский И.Б. 1967. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. *КСИА* (CIX), 22–26.
- Брашинский 1967b – Брашинский И.Б. 1967. *Сокровища скифских царей. Поиски и находки.* М.: Наука. – 128 с.
- Брашинский 1968(1969) – Брашинский И.Б. 1968(1969). Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии. *Archaeologia* (XIX). Warsaw, 45–60.
- Брашинский 1976a – Брашинский И.Б. 1976. Амфоры Менды. *Художественная культура античного мира* / Н.И. Сокольский и др. (ред.). М.: Наука, 67–74.
- Брашинский 1976b – Брашинский И.Б. 1976. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары. *СА* (3), 87–102.
- Брашинский 1977 – Брашинский И.Б. 1977. Стандарты линейных мер в керамическом производстве Синопы. *История и культура античного мира* / М.М. Кобылина (ред.). М.: Наука, 33–37.
- Брашинский 1978a – Брашинский И.Б. 1978. Фасосская амфора из Нимфея и некоторые вопросы античной метрологии. *ВДИ* (2), 134–143.
- Брашинский 1978b – Брашинский И.Б. 1978. Стандарты родосских амфор. *КСИА* (CLVI), 11–16.
- Брашинский 1979 – Брашинский И.Б. 1979. *В поисках скифских сокровищ.* Л.: Наука, 1979. – 144 с.
- Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону.* Л.: Наука. – 270 с., 42 табл.
- Брашинский 1983 – Брашинский И.Б. 1983. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными доньями. *КСИА* (CLXXIV), 8–10.
- Брашинский 1984a – Брашинский И.Б. 1984. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской. *НЭ* (XIV), 3–22.
- Брашинский 1984b – Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья).* Л.: Наука. – 248 с.
- Виноградов 2018 – Виноградов Ю.А. 2018. Памяти И.Б. Брашинского. К 90-летию со дня Рождения. *ЗИИМК* (XVIII), 175–181.
- Граков 1954 – Граков Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре* / *МИА* (36). – 238 р.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора* / *МИА* (83). – 179 с., ил.
- Марченко 2009 – Марченко К.К. 2009. Иосиф Беняминович Брашинский. Слово о товарище. *ЗИИМК* (IV), 221–224.
- Монахов 1984 – Монахов С.Ю. 1984. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе. *ВДИ* (1), 109–128.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва; Саратов: изд-во «Киммерид», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.

- Фролов 2009 – Фролов Э.Д. 2009. Воспоминания об Иосифе Бенъяминовиче. *ЗИИМК* (IV), 214–220.
- Allen 2011 – Allen S.H. 2011. *Classical Spies. American Archaeologists with the OSS in World War II Greece*. Ann Arbor: University of Michigan. – 430 p., ill.
- American School of Classical Studies at Athens, Archives, Virginia R. Grace Papers: <https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid>.
- Anson 1911 – Anson L. 1911. *Numismatica graeca, vol. 1 pt. 1 Industry – Vases, recipients, tripods*. L.: Kegan Paul. – 138 p., ill.
- Barron 1966 – Barron J.P. 1966. *The Silver Coins of Samos*. L.: Athlone. – 244 p., ill.
- Boehlau 1898 – Boehlau J. 1898. *Aus ionischen und italischen Nekropolen*. Leipzig: Tuebner. – 170 p., ill.
- Bon, Bon 1957 – Bon A.-M., Bon A. 1957. *Les timbres amphoriques de Thasos / Études Thasiennes* (IV). P.: De Boccard. – 538 p.
- Brashinsky 1973 – Brashinsky J.B. 1973. The Progress of Greek Ceramic Epigraphy in the USSR. *Eirene* (XI), 111–144.
- Gardner 1882 – Gardner P. 1882. *Samos and Samian Coins*. L.: McMillan & Co. – 90 p., ill.
- Grace 1934 – Grace V.R. 1934. Stamped Amphora Handles found in 1931-1932. *Hesperia* (III), 197–310.
- Grace 1935 – Grace V.R. 1935. The die used for amphora stamps. *Hesperia* (IV), 421–429.
- Grace 1946 – Grace V.R. 1946. Early Thasian Stamped Amphoras. *AJA* (50), 31–38.
- Grace 1947 – Grace V.R. 1947. Wine Jars. *Classical Journal* (XLII), 443–452.
- Grace 1948 – Grace V.R. 1948. Rhodian jars in Florida. *Hesperia* (XVII), 144–147.
- Grace 1949 – Grace V.R. 1949. Standard Pottery Containers of the Greek World. *Commemorative studies in honor of Theodore Leslie Shear / Hesperia* (Suppl. 8), 175–189.
- Grace 1950 – Grace V.R. 1950. The Stamped Amphora Handles. *Tarsus I, Excavations at Gözliü Kule / H. Goldman* (ed.). Princeton: Princeton University Press, pp. 135–148.
- Grace 1952 – Grace V.R. 1952. Timbres amphoriques trouvés à Délos. *BCH* (LXXXVI), 514–540.
- Grace 1953 – Grace V.R. 1953. Wine Jars, in Pottery from the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora / C. Boulter. *Hesperia* (22), 101–110.
- Grace 1960 – Grace V.R. 1960. Ancient Wine Jars or Commercial Amphoras. *Yearbook of the American Philosophical Society* 1959. Philadelphia, 472–477.
- Grace 1962 – Grace V.R. 1962. Stamped Handles of Commercial Amphoras. *Excavations at Nessana (Auja Hafir, Palestine)* (I) / H.D. Colt (ed.). L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 106–130.
- Grace 1966 – Grace V.R. 1966. Stamped amphora handles – The Benachi collection. *Archaeology* (XIX), 286–288.
- Grace 1968 – Grace V.R. 1968. Die gestempelten Amphorenhenkel aus stratigraphisch gesicherten Fundzusammenhängen. *Altertumer von Pergamon, XII, Das Asklepieion / O. Ziegenaus, G. de Luca*. B.: Walter de Gruyter, 175–178.
- Grace 1971 – Grace V.R. 1971. Samian Amphoras. *Hesperia* (XL), 52–95.
- Grace 1974 – Grace V.R. 1974. Revisions in Early Hellenistic Chronology. *AM* (LXXXIX), 193–200.
- Grace 1979a – Grace V.R. 1979. *Amphoras and the Ancient Wine Trade / Agora Picture Book* (6, 2nd ed.). Princeton: American School of Classical Studies at Athens. – 32 p.
- Grace 1979b – Grace V.R. 1979. Exceptional Amphora Stamps. *Studies in Classical Art and Archaeology: a tribute to Peter Heinrich von Blanckenhagen / G. Kopcke, M. Moore* (eds.). Locust Valley (New York): J.J. Augustin, 117–129.
- Grace 1986 – Grace V.R. 1986. Some amphoras from a Hellenistic wreck. *Recherches sur les amphores grecques. BCH* (Suppl. XIII), 551–565.
- Grace, Lenger 1958 – Grace V.R., Lenger M.-Th. 1958. Anses d'amphores et tuiles timbrées de Thasos (trouvailles des années 1954 et 1957). *BCH* (LXXXII), 368–434.
- Grace, Salviat 1962 – Grace V.R., Salviat F. 1962. Sceau thasien à marquer les amphores. *BCH* (LXXXVI), 510–516.
- Grace, Savvatiadou-Pétropoulakou 1970 – Grace V.R., Savvatiadou-Pétropoulakou M. 1970. Les Timbres Amphorique Grecs. *Exploration Archeologique de Delos, XXVII, L'îlot de la Maison des comédiens / P. Bruneau et al.* (ed.). P.: de Boccard, 275–382.
- Haviaras 1911 – Haviaras N. 1911. Ἐνσφράγιστοι Λαβαὶ Ἀρχαίων Σαμιακῶν Ἀμφορέων. *Μικρασιατικὸν Ἡμερολόγιον*. Samos, 3-6.
- Hood 1998 – Hood R. 1998. *Faces of Archaeology in Greece: Caricatures by Piet de Jong*. Oxf.: Leopard's Head Press. – 279 p., ill.
- Immerwahr 1996 – Immerwahr S.A. 1996. Biography of Virginia Grace. *Breaking Ground: Women in Old World Archaeology / M.S. Joukowsky, B.S. Lesko* (eds.). (https://www.brown.edu/Research/Breaking_Ground/bios/Grace_Virginia.pdf).

- Kamen 2008 – Kamen D. 2008. Editor's Introduction. Emily Grace Kazakévich, Were the χωρίς οικόυντες Slaves? *Greek, Roman and Byzantine Studies* (48). Durham (North Carolina), 343–345.
- Κάντζια 1994 – Κάντζια Χ. 1994. Ένα κεραμικό εργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου αἰ. π.Χ. *Γ'Επιστημονικὴ Συνάντηση γιὰ τὴν Ἑλληνιστικὴ Κεραμικὴ* / Drougou S. (ed.). Αθήνα, 251–276.
- Klejn 2012 – Klejn L.S. 2012. *Soviet Archaeology: Trends, Schools and History*. Oxf.: Oxford University Press. – 416 p.
- Koehler 1996 – Koehler C.G. 1996. Virginia Randolph Grace, 1901–1994. *AJA* (C), 153–155.
- Lawall 2000 – Lawall M.L. 2000. Graffiti, Wine Selling, and the Reuse of Amphoras in the Athenian Agora, ca. 430 to 400 B.C. *Hesperia* (LXIX), 3–90.
- Lawall 2009 – Lawall M.L. 2009. The Wine Jars Workroom: From Stamps to Sherds. *The Athenian Agora. New Perspectives on an Ancient Site* / Zaberns Bildbände zur Archäologie. Sonderbände der *Antike Welt* / J.McK. Camp, C.A. Mauzy (eds.). Mainz am Rhein: von Zabern, 63–68.
- Lawall 2011 – Lawall M.L. 2011. Early Hellenistic Amphoras from Two Closed Contexts: Kerynia Shipwreck and Ephesos Well LB. *Ζ' Επιστημονικὴ Συνάντηση γιὰ τὴν Ἑλληνιστικὴ Κεραμικὴ, Αἴγιο 2004: πρακτικὰ*. Athens: Ekdose tou tameiou archaiologikon poron kai apallotrioseon, 673–682, pls. 281–284.
- Lordkipanidze 1968[1969] – Lordkipanidze O. 1968[1969]. Colchis in the early antique period and her relations with the Greek world. *Archeologia* (XIX), 14–43.
- Lungu 2013 – Lungu V. 2013. Archives de John Cook sur les amphores de transport. Timbres amphoriques. *PATABS* (III) / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.). Constanța: National History and Archaeology Museum, 97–129.
- Menaker 2009 – Menaker D. 2009. Headlock. *Brothers: 26 Stories of Love and Rivalry* / A. Blauner (ed.). San Francisco: Jossey-Bass, 97–112.
- Pelagatti 1976-1977 – Pelagatti P. 1976–1977. L'attività della Soprintendenza alle Antichità della Sicilia Orientale. *Kokalos* (XXII–XXIII). Pisa, 519–550.
- Rotroff and Lambertson 2005 – Rotroff S.I., Lambertson R.D. 2005. *Women in the Athenian Agora* / *Agora Picture Book* (26). Princeton: American School of Classical Studies at Athens. – 56 p.
- Technau 1929 – Technau W. 1929. Griechische Keramik im Samischen Heraion. *AM* (LIV), 6–64.
- Trigger 1984 – Trigger B.G. 1984. Alternative Archaeologies: Nationalist, Colonialist, Imperialist. *Man* (XIX). L., 355–370.
- Trigger 1989 – Trigger B.G. 1989. *A History of Archaeological Thought*. Cambr.; N.Y.: Cambridge University Press. – 500 p.
- Wallace 1986 – Wallace M.B. 1986. Progress in Measuring Amphora Capacities. *Recherches sur les amphores grecques*. *BCH* (Suppl. XIII), 87–94.
- Wallace 2004 – Wallace M.B. 2004. Standardization in Greek amphora capacities. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean, Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002* / Monographs of the Danish Institute at Athens 5 / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 429–431.
- Watkins 1987 – Watkins J. 1987. *Moscow Despatches: Inside Cold War Russia*. Toronto: James Lorimer. – 172 p.

J.B.Brashinsky,
Institute of Archaeology
of the Acad.of Sc.of the USSR.
Leningrad D-4I, Dvortsovaia nab.18
USSR.

9 December, 1964

Dear Miss Grace,

In your report in the Year Book of the American Philosophical Society, 1959, p.475, you had noted, that a special additional interest in Syme is provided by a small unique group of stamped handles collected by Mr.Nikitas Haviaras. You had also noted, that he published a short notice of this group some time ago in Mik-rasiatikon Hemerologion in greek. This publication I could not find.

In my excavations of the Olbian Agora in 1962 there was found (in a well) an amphora of an unknown type, as far as I know. If you are interested in that I can send you a photograph. The amphora can be dated in the 1st half of the 5 cent.B.C. In a second well there was found a neck with both handles of another amphora of the same type. One of her handles bears a small circular anepigraphic stamp, which proposes a little amphora of the same type. I have compared the stamp and the amphora with various coin-types and it seems to me that the Olbian amphoras are fully identical to the amphora-type on the revers of Samian coins. Therefore I am very interested in any information about amphoras and stamps found in Samos.

I would be very grateful to you if you could send me more detailed references about the Haviaras finds. Excuse me please for my mistakes in english.

I send you also my best wishes in occasion of Christmas and the New Year.

Yours sincerely

J.Brashinsky

J.Brashinsky.

Fig. 1. Brashinsky's 1964 letter concerning Samian amphoras

vicissitudes, while olive oil continued to be carried abroad from Samos. The chronology of this study of shapes has depended much on context of discovery of jars and fragments from the Athenian Agora. The shapes presented in Figs. 1 and 2, and in Pl. , retain interest whether or not all prove to have been made in Samos.

Of these shapes, the latest illustrated returned us to the Haviaras family. In Pl. , 15, Demosthenes Haviaras sits in ^{a sort of} ~~his~~ outdoor study at his home in the upper town of Syme. On the table beside him is Dumont's Inscriptions Ceramiques

de Grece; one can see its stiff back pages ^{lying} ^{II} open at Pl. ~~15~~. Under the table is

a Rhodian amphora; possibly ^{if no stamps were visible,} perhaps the collector did not recognize it as such, since

Dumont (~~p. 15~~) is misleading on the Rhodian shape; but ^{pleasant antiquary} no doubt it was cherished. 89

From this background Nikitas and Michael Haviaras went away to school in Samos, whence the one brought back his unique group of Samian stamps here presented.

Pl. , 17 may remind us of what is owed to the other son, since it is part of the great collection ^{in Alexandria of Michael Haviaras'} of his pupil Lucas Benaki. Through the generations the

scholarly pursuit of these minor monuments has built up for us a coral island of small but solid bits of fact. And in the meanwhile ^{their} ^{less studies have} to its addicts ~~it has not~~

^{continued} ~~failed~~ to provide a refuge for the attention in the midst of ^{What} oppressive circumstances; ^{have provided} a garden enclosed.

Fig. 2. A page of Grace's draft of the Samian article

25.02

Leningrad
October 23, 1970

Dear Miss Grace,

Yesterday I received your letter from October 12. I thank you very much for the copy of your chapter XIV of Delos vol.27 which I have received only a few days ago. It is very interesting and will indeed be very useful for me.

My new survey of ceramic epigraphy which I am publishing in Eirene (vol.12, 1972) is concerning on the progress of ceramic epigraphy in the Soviet Union till summer 1970.

The sinopean series of stamps with the names of astynomoi I continue to date from the end of the 1st half of the 4th cent. to the end of the 2nd cent. B.C. I don't think that the end of this series might have been in 183 B.C. because we have some contexts of the middle and second half of the 2nd century where stamps of Grakov's latest groups are found. I think that the problem of the end of astynomoi series needs a special study.

Soon I'll send to you to Athens a copy of my article Nouveaux matériaux pour l'étude des contacts économiques d'Olbia au VIe-IVe siècle avant notre ère (Archeologia XIX, Warsaw, 1969, in russian with résumé in french) where I am dealing on some Mendeian, Samian and Aegineteian amphoras and stamps (a part of them I had published earlier).

On October 26 I am going for some days to Moscow where I'll see your sister and my great friend Emily.

Unfortunately I must inform you that on September 13 Professor Grakov died in Moscow.

Yours very sincerely

Joseph B. Brashinsky.

P.S. My address is now Institute of Archaeology (not Inst. of the History etc.), Dvortsovaya nab. 18, Leningrad D-41.

This has been put on his address card.

Fig. 3. Brashinsky's letter to Grace October 23 1970

[23]

Reply to J.P.B.'s letter of 19.8.71
 which is filed in "Samos Amphoras" article folder on
 history of article

carbons in: "Samian Amphoras", history of article
 USSR: Brashinsky

XXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXX
 54 Swedias Street
 Athens 140, Greece

October 29, 1971

Dear Professor Brashinsky,

I am much pleased that you have read my article on Samian even before receiving your offprint. I am delighted that you are in agreement with at least some of the attributions. I am eager to see the articles you mention, in which you publish amphoras resembling my fig. 3, 3, etc. In your letter of a year ago (Oct. 23, 1970) ^{you say} "Soon I'll send you" your article in Archeologia XIX, Warsaw 1969 (economic relations of Olbia). But in fact I have received no articles of yours with dates later than 1966. I have your article on relations between Olbia and Aigina (1965), but not the one on the relations between Olbia and Samos (1967). I will now try to find the publications you speak of, in one or other of the Athens libraries. I can mention them in a note I plan to send to Hesperia with corrigenda and addenda to the Samian article.

I would of course send you an offprint of my Samian article. I think you are a large part of my reading public! These offprints came very late, and up to now I have received only a third of those I ordered (and paid for); this may be because of a strike by the dock-workers in America, which I think has just finished. I have given away a few copies here in Athens, but have not posted any as yet. Yours will be in the first lot to be posted (including those to J.P.Barron, John Boardman, and others) which I hope will go tomorrow.

I am afraid I may not have acknowledged before this that letter of Oct. 23, 1970. Thank you for your remarks there on the dating of the astynomoi series. I look forward to the special study on the problem. I do think that finding things in late contexts does not necessarily prove that they are late, since there

are often leftovers in the earth fill.
 With best wishes,
 Yours sincerely,
 Grace

Fig. 4. Grace letter to Brashinsky October 29 1971

Н.Ю. Лимберис,
И.И. Марченко¹

КОМПЛЕКСЫ С АМФОРАМИ «ПРИКУБАНСКОЙ» СЕРИИ
ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ГОРОДИЩ
СТАРОКОРСУНСКОГО № 2 И ХУТ. ЛЕНИНА № 3²

Аннотация: в меотских могильниках правобережья Кубани часто встречаются амфоры «прикубанской» серии, центр производства которых не установлен. Амфоры, как правило, сопровождаются разнообразным инвентарём, однако надёжно датирующиеся предметы встречаются редко. Основной составляющей керамического комплекса являются лепные и сероглиняные сосуды местного производства, на которые опирается хронология погребений. Широкая датировка погребений с амфорами *варианта II-A* не выходит за пределы второй половины II в. до н.э., узкая, с амфорами *варианта II-B*, ограничивается последней четвертью этого столетия. Морфологическое и технологическое сходство амфор с красноглиняной керамикой позволяет сделать осторожное предположение о связи этой серии амфор с центрами Азиатского Боспора.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовый могильник, амфоры, керамика, хронология.

N.Yu. Limberis,
I.I. Marchenko¹

ASSEMBLAGES WITH AMPHORAE OF THE “KUBAN” SERIES FROM
THE BURIAL GROUNDS OF THE SETTLEMENTS OF STAROKORSUNSKAYA NO. 2 AND
LENIN FARM NO. 3

Abstract: in the Maeotian burial grounds on the right bank of the Kuban river, amphorae of the “Kuban” series are often found. The place of manufacture of these amphorae is unknown. Amphorae are usually accompanied by a variety of implements, but reliably dated items are rare. The main component of the ceramic assemblage is molded and grey-clay vessels of local production, on which the chronology of the burials is based. The extensive dating of the burials with amphorae *variant II-A* does not go beyond the second half of the II century B.C., narrow, with amphorae *variants II-B*, limited to the last quarter of this century. The morphological and technological similarity of amphorae with red-clay pottery allows us to make a careful assumption about the connection of this series of amphorae with the centers of the Asian Bosphorus.

Keywords: Kuban river region, Maeotian culture, burial ground, amphorae, pottery, chronology.

Среди материалов меотских памятников правобережья Кубани наше внимание всегда привлекали небольшие красноглиняные амфоры неизвестного центра, так как обычно они входят в состав инвентаря довольно богатых захоронений, в том числе, воинов и всадников, сопровождавшихся оружием, принадлежностями конской упряжи и разнообразной керамикой местного производства (Лимберис 1988: 53, рис. 6, 7).

¹ Лимберис Наталья Юрьевна, старший научный сотрудник НИИ археологии Кубанского государственного университета, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Научный сотрудник института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Саратов, Россия, Астраханская ул., 83, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>.

Марченко Иван Иванович, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Научный сотрудник института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Саратов, Россия, Астраханская ул., 83, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>.

² Графическая, фотофиксация и изучение амфор выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096), Саратовский госуниверситет. Фиксация и исследование меотской керамики выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134), Кубанский госуниверситет.

В 2011 г. нами, совместно с С.Ю. Монаховым, подобные амфоры были объединены в особую серию, получившую название «прикубанской» (Лимберис и др. 2011; Limberis et al. 2013). В этой серии, насчитывавшей к тому времени уже 22 амфоры, по морфологическим признакам были выделены три типа сосудов и кратко обоснована их хронология. Основным материалом (21 амфора), давший название всей серии, происходит из двух меотских памятников Прикубанья – могильников городищ Старокорсунского № 2 (СК-2) и хут. Ленина № 3 (Л-3). Главной трудностью для разработки хронологии было практически полное отсутствие среди инвентаря погребений надежно датирующихся предметов. В меотских погребениях «прикубанские» амфоры ни разу не были встречены совместно с другой амфорной тарой. Однако первая находка амфоры этой серии из погребения № 237 некрополя Танаиса (по нашей типологии – **тип I** «танаис», представленный до сих пор единственным экземпляром) сопровождалась сразу двумя амфорами иных центров производства (синопской неклеименой варианта III-C и родосской с клеймом магистрата Архелаида), по которым узкая хронология комплекса была уточнена в пределах 160-х годов до н.э., а широкая ограничена второй четвертью столетия (Монахов 1999: 555–557, табл. 233; Лимберис и др. 2011: 266). Амфоры из меотских памятников, большая часть которых (14 экз.) была ранее нами опубликована в полном контексте материала погребений, продатированы по сопутствующему инвентарю, главным образом, по типам местной сероглиняной керамики. С учётом морфологии амфор, наиболее ранние погребения были нами отнесены ко второй четверти II в. до н.э., поздние – к последней четверти этого столетия (Лимберис, Марченко 2005: 228–229). Самым многочисленным оказался **тип II** «старокорсунский», разделенный на *варианты А, В и С*, к которому принадлежит 19 амфор, в то время как **тип III** «хуторской» представлен всего двумя экземплярами (Лимберис и др. 2011: 266–272).

В настоящей работе мы хотим подробно остановиться на хронологии тех комплексов с амфорами «прикубанской» серии, которые ранее не были изданы в полном контексте сопровождающего инвентаря. Из них к *варианту II-A* относятся две амфоры из погребений Л-3 № 13 и № 30, к *варианту II-B* – три амфоры из погребений СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67 (Лимберис и др. 2011: 267–268, 269–270, № 5, 6, 12–14). Кроме того, на указанных меотских памятниках за прошедшее время было открыто еще по одному погребению с амфорами этой серии: СК-2 № 345в (*вариант II-A*) и Л-3 № 83/86 (*вариант II-B*).

Инвентарь, сопутствовавший амфорам, как правило, довольно многочисленный, и представлен, как уже отмечалось, разными категориями предметов. Основной составляющей керамического комплекса являются лепные и сероглиняные сосуды местного производства, причем некоторые формы могут подсказать вполне конкретную хронологическую привязку погребения.

В первую очередь, к таким сосудам относятся сероглиняные канфары, типы которых сложились в меотской среде в результате переработки классической формы греческого чернолакового канфара.

Канфар чашевидной формы на высоком коническом полуме поддоне был встречен в погребении СК-2 № 291в (рис. 1 -7). Этот тип сосудов для вина, скорее всего, появился у меотов еще в III в. до н.э. и бытовал до конца следующего столетия. Совершенно аналогичный по форме сосуд из погребения № 149 могильника городища Спорное был найден совместно с родосской амфорой с магистратским клеймом Содама 195 г. до н.э. (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 16; Лимберис, Марченко 2005: 237, хронол. табл.). Несколько хорошо датирующихся комплексов последней четверти – конца II в. до н.э. с чашевидными канфарами есть в Старокорсунском могильнике № 2. Надежными хронологическими привязками для них являются также клейменные родосские амфоры и «мегарские» чаши (Лимберис, Марченко 2005: 227, 229, 237–238, рис. 26, 35, 36 -4, 5).

Позже у меотов широкую популярность приобрели канфары колоколовидной формы на кольцевом поддоне (как в погребениях Л-3 № 13 и № 30), которые пришли на смену чашевидным канфарам где-то в середине последней четверти II в. до н.э. (рис. 3 -3, 4 -3). Они нередко сопровождают погребения с амфорами «прикубанской» серии, а также были встречены совместно с родосским клеймом эпонима Эванюра 119 г. до н.э. и «мегарской» чашей со штампом мастера Филона (Лимберис, Марченко 2005: 228–229, 238, рис. 23, 24, 27, 40 -5, 7, 44 -7, 8, 50, 51).

Погребения с морфологически близкими канфарами (тип III) из меотского Тенгинского могильника в Закубанье исследователи относят, в основном, к первой половине II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 143, рис. 169 -5–8). Широко представлены они и в периферийных памятниках азиатского Боспора (некрополи Раевского городища и Широкой Балки), где традиция изготовления подобных сосудов (форма III), по наблюдениям исследователей, прослеживается примерно со второй половины II в. до н.э. до середины III в. н.э. (Мальшев 2007: 152, рис. 100; 2011: 251, рис. 19). Материалы этих некрополей демонстрируют преобладание и устойчивость боспорских элементов в керамике, которую использовало в погребальном обряде местное население.

В погребении СК-2 № 291в была найдена сероглиняная кружка с округлым туловом и широким горлом (рис. 1 -6). В правобережных могильниках эта форма характерна для II в. до н.э. В погребениях более раннего времени, как и в более поздних, такие кружки пока не встречались. Морфологически близкие кружки происходят из комплексов с родосскими амфорами. Одна – из упомянутого уже погребения № 149 начала II в. до н.э. могильника городища Спорное (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 17 -2), еще две – с клейменными родосскими амфорами третьей четверти II в. до н.э. – из могильника городища № 3 хут. Ленина (Лимберис, Марченко 2005: 226–227, 236, рис. 45 -6, 8, 48 -7, 11). Аналогичная кружка из погребения № 49/1938 г. относится к третьей хронологической группе III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов 1951: 174, рис. 7 -9). С датой погребения № 174 из Тенгинского могильника, где была найдена кружка этого типа, исследователи окончательно не определились. Этот комплекс, вроде бы, выделен в раннюю хронологическую группу III в. до н.э. (середина – третья четверть), но его датировка по кружке – первая половина II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 135, 141, 175, рис. 167 -1, 199).

Сероглиняные чашечки с крышками (рис. 2 -6, 4 -7), найденные в погребениях СК-2 № 345в и Л-3 № 30, вероятно, могли использоваться как светильники для подвешивания, о чем свидетельствуют маленькие горизонтальные ручки-«ушки» и отверстие в центре крышки. Крышки иногда находят без чашечек, как в погребении СК-2 № 291в (рис. 1 -5), или в комплексе с другими сосудами. Чашечки, как с крышками, так и без них, использовались меотами в погребальном обряде на протяжении всего II в. до н.э. и, вполне возможно, «заходили» в I в. до н.э. В погребениях они встречаются часто, в том числе, с родосскими импортами (лагинсом, клейменными амфорами) и «мегарскими» чашами, на которых основывается их хронология (Лимберис, Марченко 2005: 239, рис. 18 -2, 3, 5, 25 -5, 9, 26 -2, 6, 9, 27 -2, 9, 46 -2, 5). Подобные чашечки и крышки неоднократно были отмечены в погребениях третьей хронологической группы III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов 1951: 177, рис. 9 -9–17). В Тенгинском могильнике аналогичные крышки накрывали «кастрюли» в погребениях № 13 и № 215, предположительно датирующиеся в рамках II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 136, 143, рис. 173 -1, 2).

Миски сероглиняные, неизменно входящие в состав инвентаря меотских погребальных комплексов, безусловно, нельзя считать надежным материалом для узкого датирования. Однако некоторые детали оформления этих сосудов всё-таки могут рассматриваться как хронологические ориентиры.

Из комплекса СК-2 № 345в происходит миска с широким выступающим венчиком, орнаментированным зигзагом (рис. 2 -7). Такие миски редко встерчаются в меотских могильниках, но имеют достаточно твердую хронологическую привязку, благодаря характерному венчику с

прочерченным или штампованным орнаментом, который встречается сравнительно регулярно на маленьких чашечках той же морфологии, что и миски. Иногда их сопровождают «прикубанские» амфоры. Аналогичная миска найдена в погребении СК-2 № 4753 последней четверти II в. до н.э. с амфорой *варианта II-A* (Лимберис, Марченко 2005: 229, 235, рис. 39 -7, 50 -10, 51 -6; Лимберис и др. 2011: 268, № 8).

Миски из других рассматриваемых нами комплексов представлены типами, широко распространенными на разных этапах меотской культуры. Особенно популярными были миски с остросереберным бортиком. Модификаций же оформления бортиков и венчиков насчитывается не один десяток, поэтому узкая хронологическая интерпретация вариантов затруднена (Каменецкий 1994: 7, рис. 2–38; Лимберис, Марченко 2005: 234). Удачная находка одинаковых мисок со слабо прогнутым бортиком с заметно выступающим ребром и немного утолщенным венчиком, входящих в состав керамических комплексов СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67 (рис. 1 -11, 5 -2, 8), дает возможность примерно ограничить хронологию этого варианта в пределах второй половины II в. до н.э. Миска с бортиком такой же профилировки была найдена в Тенгинском могильнике, в погребении № 13 II в. до н.э. вместе с упоминавшейся уже «кастрюлей», накрытой крышкой с отверстием (Беглова, Эрлих 2018: 143, рис. 12 -5), характерной, в том числе и для подвесных, типично меотских, светильников.

В аналогичной профилировке бортика сероглиняной миски из погребения № 26 Раевского некрополя, как считает А.А. Малышев, «угадываются» черты римской сигилляты. Миска на этом основании была предположительно датирована I в. до н.э., при том, что комплекс в целом отнесен ко II в. до н.э. (Малышев 2007: 38–39, 148, рис. 25 -1). Хронология мисок с бортиком этого варианта из меотских погребений не подтверждает предполагаемой связи данной формы с римской сигиллятой. По основным технологическим и морфологическим признакам – это местная форма, в которой вряд ли нужно искать следы античного влияния, так как сероглиняные миски с прогнутым бортиком имеют реальные прототипы в чернолощеной раннемеотской керамике (Лимберис, Марченко 2012а: 41, рис. 22 -12, 13).

Датировка раевского комплекса, по всей видимости, опирается на присутствие в погребении «небольшой» синопской амфоры, которая по типологии С.Ю. Монахова была сопоставлена с фракционным типом III-B второй половины III в. до н.э. (Монахов 2003: 153, 159, табл. 103 -7), но, как предполагает А.А. Малышев, «отсутствие клейм, возможно, указывает на более позднюю дату» (Малышев 2007: 159, рис. 25, 3). Профилировка этой амфоры, кстати, довольно близка «прикубанским» *варианта II-A* (Лимберис и др. 2011: табл. 2, 3).

Миска с коротким вертикальным бортиком и слегка отогнутым валикообразным венчиком (рис. 4 -5) из погребения Л-3 № 30 относится к одному из наиболее распространенных у меотов варианту, возможно, наиболее характерному для II в. до н.э., так как позднее преобладают миски со скошенным или нависающим формованным венчиком (Каменецкий 1994: 11, вариант 11; Лимберис, Марченко 2005: 234).

Миски с округленным бортиком, типа найденной в погребении Л-3 № 13, обычны для погребений второй – третьей четвертей II в. до н.э. В этот период они встречаются параллельно с красноглиняными мисками, как принято считать, боспорского производства (Лимберис, Марченко 2005: 234). Данный экземпляр отличается от других сероглиняных и красноглиняных мисок слабо выступающим валикообразным венчиком (рис. 3 -4).

Миски красноглиняные из погребения Л-3 № 67 (рис. 5 -6, 8–10) как раз и относятся к массовой боспорской продукции. Эта форма, главным признаком которой является загнутый округленный бортик, очень консервативна и весьма характерна для эллинистической эпохи. Изменения касаются, главным образом, оформления кольцевого поддона, который, в отличие от экземпляров из погребения Л-3 № 67, всегда хорошо выражен. Слабо выраженный кольцевой и,

тем более, сплошной поддон встречается крайне редко. Тем не менее, насколько можно судить по многочисленным аналогиям из эллинистического Раевского некрополя (Малышев 2007: 142, 147–148), хронологию этих изменений без скрупулезной типологии и тщательного анализа проследить практически невозможно. Использование красноглиняных сосудов (не только мисок, но и кружек, кувшинов) обычно для меотского погребального обряда II в. до н.э., хотя их, по сравнению с местной сероглиняной керамикой, намного меньше.

Основным (и практически единственным) типом кухонных горшков в IV–I вв. до н.э. у меотов правобережья Кубани были сосуды бочковидной формы с плавно загнутым краем, как лепные, так и подправленные, или полностью сформованные на гончарном круге. Гончарный круг для изготовления горшков этого типа стал применяться примерно со второй четверти II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 240). Такие горшки, подправленные на круге, были найдены в погребениях СК-2 № 291в и № 345в, Л-3 № 13 и № 30 (рис. 1 -13, 2 -9, 10, 3 -7, 4 -8). По материалам Усть-Лабинского могильника № 2 для погребений III – начала I в. до н.э. этот тип горшков уже не является столь характерным, так как появились горшки с отогнутым краем (Анфимов 1951: 171–172). Но, скорее всего, это наблюдение можно считать верным лишь для конца обозначенного периода. В левобережных меотских памятниках, как заметили исследователи, массовое распространение горшков с плавно загнутым краем (тип 2 «с невыраженным венчиком» из Тенгинского могильника) начинается только с конца IV в. до н.э. Бытуют же они в среде местного населения вплоть до первых веков н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 137, рис. 160, 199).

Сероглиняный горшок с округлым туловом и коротким широким горлом (рис. 1 -12) из комплекса СК-2 № 291в относится к типу кухонных сосудов, появившемуся в правобережных меотских памятниках в последней четверти II в. до н.э. На эту дату указывают находки сероглиняных и красноглиняных сосудов этой формы в погребениях с клейменными родосскими амфорами и «мегарскими» чашами (Лимберис, Марченко 2005: 227, 228, 240, рис. 26 -10, 27 -3, 44 -9). В Усть-Лабинском могильнике № 2 подобные сероглиняные горшки относятся к третьей хронологической группе III – начала I в. до н.э. (Анфимов 1951: 180, 182, рис. 8 -9, 11). В Закубанье единственный сероглиняный экземпляр аналогичной профилировки из погребения № 164 Тенгинского могильника датируется III в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 135, 175, рис. 99 -3, 175 -12, 199).

Маленький сероглиняный горшочек (рис. 5 -7) из погребения Л-3 № 67 представляет собой «сквозную» форму, применение которой в погребальном обряде правобережных меотов надежно зафиксировано с IV в. до н.э. по амфорной таре. Но для II в. до н.э. такие сосуды – редкая находка. И только в одном, упоминавшемся выше, погребении № 149 из могильника городища Спорное горшочек близкого типа был найден вместе с клейменной родосской амфорой самого начала второго столетия (Бочковой и др. 2005: 172–173, рис. 5 -1, 13 -1, 17 -3, 23 -2). Позднее подобные миниатюрные сосудики стали чаще использоваться меотами. Они весьма характерны для могильников Краснодарской и Усть-Лабинской групп памятников. «Горшочки» из Усть-Лабинского могильника № 2 относятся к I в. до н.э. – II в. н.э. (Анфимов 1951: 194, рис. 17 -1, 8, 9). В погребении № 133 могильника городища Спорное сосуд этой формы был найден с фибулой типа Авцисса первой половины I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2019: 205, рис. 3 -7).

В левобережных некрополях однотипные горшочки («кубышки»), характерные для погребений VI–III вв. до н.э., также встречаются и в более поздний период, включая I в. н.э. (Беглова 1989: рис. 4 -1; Беглова, Эрлих 2018: 144, рис. 13 -4, 60 -15, 127 -15, 146 -16, 171 -1, 2, 199). Широко применялись такие сосуды и в погребальном обряде племен, населявших причерноморскую зону. Здесь они связаны с комплексами эллинистического и римского времени II в. до н.э. – II в. н.э. (Малышев 2007: 158, рис. 73 -5, 78 -5, 93 -2; 2008: 146–147, рис. 108; 2011: 261–262, рис. 226).

Курильницы лепные узкогорлые (рис. 1 -3, 2 -8), встреченные в погребениях СК-2 № 291в и № 345в, широко использовались в погребальном обряде меотов, населявших правобережные

городища. В свое время нами была предложена их типология и хронология. Курильница из погребения СК-2 № 291в по пропорциям относится к подтипу ША, совокупная датировка которого определяется в пределах последней четверти III – третьей четверти II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 241, рис. 15 -14, 48 -16; 2006а: 136, 139, рис. 5 -1, 2, 8). Курильница из погребения СК-2 № 345в соответствует подтипу ШБ, который по разным меотским комплексам был нами датирован серединой III–II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 241, рис. 19 -7, 46 -8, 49 -3; 2006а: 136, 139–140, рис. 5 -4–10, 8).

У меотов Закубанья чаще встречаются курильницы, изготовленные на гончарном круте (как сероглиняные, так и красноглиняные), а лепные – достаточно редки. Такие сосуды (типы 1, 2, 3) довольно характерны для погребений второй половины III – начала I в. до н.э. Тенгинского могильника (Беглова, Эрлих 2018: 144, 175–176, рис. 172, 199), но основное время их бытования, по-видимому, приходится на II в. до н.э. Подобный сероглиняный «горшочек» из погребения № 19 II в. до н.э. Раевского некрополя был найдена вместе с амфорой, по мнению А.А. Малышева, напоминающей (по фотографии) «амфоры, обнаруженные в погребениях Прикубанья и Подонья» (Малышев 2007: 29–29, 158–159, рис. 16, 17 -7), т.е. нашу «прикубанскую» серию.

В двух из рассматриваемых в данной статье погребениях присутствовало железное оружие. Копья – основной вид вооружения меотского воина. Наконечник копья из погребения Л-3 № 13 относится к отделу II, типу 4, подтипу IV, варианту 2 по нашей классификации (рис. 3 -5). Характерным признаком этого типа листовидных наконечников копий, являются округленные сверху края пера на стыке с втулкой. Наконечники этого подтипа (с ребром жесткости) с короткой втулкой (вариант 1) происходят из погребений II–I вв. до н.э., а единственный экземпляр с длинной втулкой (вариант 2) относится к I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2006б: 161, 163, рис. 2). Наконечники копий присутствуют во многих погребениях с амфорами «прикубанской» серии, но типологического единообразия среди найденных экземпляров нет. Большинство наконечников объединяет листовидная форма пера с ребром жесткости (отдел II, подтип IV), а «гладкие» наконечники встречаются редко (Лимберис, Марченко 2005: 228–229, рис. 16 -13, 19 -4, 5, 38 -8, 39 -3, 41 -3, 50 -5, 51 -7). По нашим наблюдениям, наконечники разных типов с ребром жесткости, известные с раннемеотского периода, стали особенно широко использоваться на правобережье Кубани именно со II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2006б: рис. 2). В Тенгинском могильнике наконечники с ребром жесткости и «гладкие» в равной степени характерны для погребений второй и третьей хронологических групп конца III – начала I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 151–152, рис. 181).

В погребениях II в. до н.э. наконечники копий нередко сочетаются в одном комплекте вооружения с наконечниками дротиков. Дротики относятся к виду метательного оружия, которое меотские воины использовали для ведения боя с IV в. до н.э., вплоть до первых веков н.э. Широко распространенным типом были наконечники с треугольным пером с острыми опущенными концами разной длины – тип III по нашей классификации (Лимберис, Марченко 2012б: 411–413, рис. 1 -7–14). Комплект из шести наконечников этого типа происходит из погребения СК-2 № 291в (рис. 1 -8, 9, 15). Все они относятся к подтипу ШБ (с удлинённым жаловидным пером), который появился где-то в середине – второй половине III в. до н.э. и часто встречается в погребениях II в. до н.э., в том числе, с амфорами (клеёмной родосской и «прикубанской» серии) и другими импортами (Лимберис, Марченко 2005: рис. 16 -5, 39 -2, 46 -11, 13, 14, 50 -2–4, 52 -3; Marčenko, Limberis 2007: 387, kat.-Nr. 131, taf. 141). Признаками, особенно характерными для наконечников II в. до н.э., являются очень узкая треугольная головка с низко опущенными жальцами и длина, как правило, более 30 см, что и отличает их от более поздних экземпляров этого подтипа из комплексов I в. до н.э. – I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2012б: 412–413, рис. 1 -8–10). Наконечники дротиков подтипа ШБ известны в погребениях третьей хронологической группы

III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника (Анфимов 1951: 182, рис. 12 -4). В Тенгинском могильнике такие наконечники дротиков являются основным видом оружия в воинских погребениях, попадающих в хронологические группы середины III – начала I в. до н.э., но отсутствуют в погребениях первых веков н.э. (Беглов, Эрлих 2018: 153–154, рис. 182 -9–21).

Как видим, оба вида колющего и метательного вооружения, как правило, не имеют четко выраженных хронологических признаков и поэтому могут выступать в качестве относительного хроноиндикатора лишь в погребениях, где нет керамики и другого датирующего инвентаря.

Погребения с амфорами «прикубанской» серии иногда сопровождаются бронзовыми зеркалами, характерных для местного населения типов. В погребении № 13 Л-3 было найдено тонкое кованое зеркало с треугольной ручкой, без фестонов и орнамента (рис. 3 -2). Подобные зеркала (тип IV, вариант 1) из сарматских и меотских погребений Прикубанья И.И. Марченко ранее датировал последней четвертью III–II в. до н.э. (Марченко 1996: 17–19, рис. 3). Новые материалы (в основном, из меотских памятников), появившиеся за прошедшие десятилетия, пока не опровергли эту хронологию. В меотских могильниках правобережья Кубани орнаментированные и неорнаментированные зеркала без фестонов по сторонам ручки характерны для погребений II в. до н.э. Практически идентичные неорнаментированные экземпляры были найдены в погребениях № 149 могильника городища Спорное, хронология которого ограничивается первой четвертью столетия, и СК-2 № 278з, относящегося к четвертой четверти (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 18 -3, 6; Лимберис, Марченко 2005: 227, 228–229, рис. 16 -4, 27 -6, 44 -5, 48 -10, 52 -12).

В Тенгинском могильнике, исследователи которого придерживаются для зеркал типологической схемы и хронологии И.И. Марченко, большинство зеркал первого варианта типа IV происходят, главным образом, из погребений второй хронологической группы конца III – первой половины II в. до н.э. и только три погребения с такими зеркалами вошли в третью хронологическую группу второй половины II – первой четверти I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 161–162, 175–176, рис. 189 -1–3). Зеркала этого типа без фестонов из могильника Псенафа В.Р. Эрлих выделил в вариант 1а и немного расширил их хронологические рамки – с конца III по I в. до н.э. Верхняя дата опирается на материалы погребения (или скопления?) № 48, где подобное зеркало, заметно отличающееся от других экземпляров этого варианта длинной прямоугольной ручкой с двумя отверстиями, было встречено вместе с зеркалом-подвеской и золотой серьгой в виде бутона (Эрлих 2015: 309–310, рис. 5 -6; Древности... 2014: кат. 163, 206).

Единственное аналогичное (неорнаментированное) зеркало из Раевского некрополя происходит из погребения № 50 второй половины II в. до н.э. (Мальшев 2007: 78, 176, рис. 52 -8).

В погребениях СК-2 № 345в и Л-3 № 30 вместе с амфорами «прикубанской» серии были найдены маленькие (диаметр – 6,2 см и 7,2 см соответственно) дисковидные литые зеркала без ручки (рис. 2 -2, 4 -4). Такие зеркала (третий тип, диаметр – 7–9 см) впервые были найдены в Усть-Лабинском могильнике: в погребениях третьей хронологической группы III – начала I в. до н.э. (Анфимов 1951: 186, рис. 13 -2). Появившиеся позднее материалы из сарматских и меотских памятников Прикубанья позволили ограничить основной период бытования этих зеркал (тип V, вариант 1) II–I вв. до н.э., так как за эти рамки не выходили немногочисленные комплексы с узкими датировками (Марченко 1996: 19, рис. 3). В настоящее время наиболее ранним меотским комплексом с зеркалом этого типа (диаметр – 9 см) является погребение № 381в с двумя квидскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2, исследованное нами в 2020 г. Одна из амфор – фракционная, и, на данный момент, совершенно уникальная. Вторая относится к типу II, пифоидному варианту (II-B), ранней серии (II-B-1), широкая хронология которого достаточно твердо определяется в пределах последней трети IV – начала III в. до н.э. (Монахов 2003: 106–107, 110, табл. 73).

Однако мы до сих пор не имеем надежно датированных комплексов первой половины II в. до н.э. с такими зеркалами. Материалы из Закубанья также не могут уточнить хронологической ситуации. Единственное литое зеркало из Тенгинского могильника было найдено в погребении № 261 второй половины II – первой четверти I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 162, 176, рис. 188 -8). Между тем, во второй половине столетия у меотов уже бытуют зеркала этого типа с прокованным диском (вариант 2), лицевая поверхность которых, как правило, посеребрена. Такое зеркало (диаметр – 8,7 см) происходит из погребения СК-2 № 384в (рис. 6 -4), которое можно широко датировать второй половиной II в. до н.э. по типам местной керамики: горшок с плавно загнутым краем, изготовленный на медленном круге, чашечка с горизонтально отогнутым краем (Лимберис, Марченко 2005: 239, 240, хронол. табл.) и миска с прогнутым бортиком и заметно выступающим ребром (того же типа, что и в погребениях СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67). Весь набор инвентаря, включающий также железные наконечник копья (того же типа, что и в погребении Л-3 № 13, но с короткой втулкой) и колчаный крюк, совершенно типичен для погребений с «прикубанскими» амфорами, только доминирующее место амфоры занимает красноглиняный кувшин (рис. 6).

В целом, инвентарь, сопутствующий амфорам «прикубанской» серии, соответствует II в. до н.э. Для трёх из публикуемых комплексов по наборам инвентаря можно предложить довольно надёжную датировку в пределах последней четверти столетия – это погребения СК-2 345в, Л-3 № 13 и № 30 с амфорами *варианта II-A*. К этому же периоду ранее мы относили и погребение СК-2 № 291в с амфорой *варианта II-B* (Лимберис и др. 2011: 269, № 13). Однако широкая хронология большинства меотских сосудов из этого погребения ставит под сомнение прежнюю узкую датировку, которую, как мы теперь считаем, следует расширить до второй половины II в. до н.э. В этих пределах датируются и ограбленные в древности погребения Л-3 № 38 и № 67 с амфорами *варианта II-B*, где присутствовала только керамика, не имеющая конкретных хронологических признаков, а также Л-3 № 83/86. В последнем погребении амфора находилась в заполнении могильной ямы, а при скелете сохранились только бусина из бесцветного стекла (Алексеева 1978: 69, тип 96) и фрагментированное бронзовое проволочное височное кольцо.

Общая хронология известных в настоящее время комплексов с амфорами «прикубанской» серии **типа II** позволяет уверенно говорить о том, что в период со второй четверти до конца II в. до н.э. к меотам правобережья Кубани регулярно поступало вино из какого-то неизвестного нам центра (Лимберис и др. 2011: 266–271). Когда-то С.Ю. Монахов предполагал, что этим центром может быть Иония – район Хиоса и его окрестности (Монахов 1999: 557).

Очень похожую (по рисунку и описанию) на «прикубанскую» амфору из погребения № 14 некрополя Елизаветинского городища (раскопки В.А. Городцова 1935 г.) И.Б. Зеест относил к «местным елизаветинским II в. до н.э.», отмечая сходство по профилировке ручек, по структуре и составу глины с «кубанскими гончарными изделиями» (Зеест 1960: 65, 107–108, табл. XXV, 57). Действительно, неожиданным (если не сказать, интригующим) является то обстоятельство, что по технологическим признакам амфоры «прикубанской» серии практически совпадают с красноглиняной керамикой из меотских погребений, как считается, в основном, боспорского происхождения. По этой технологии изготовлены не только миски и кружки, но и большие красноглиняные кувшины (нередко с ручками похожей профилировки), занимавшие в погребении место амфоры. Поэтому ранее нами было высказано предположение о возможной связи «прикубанской» тары с азиатским Боспором (возможно, даже с несколькими центрами), где в эпоху эллинизма активно развивалось товарное виноделие (Лимберис и др. 2011: 272). К сожалению, в настоящее время подтвердить или опровергнуть это предположение на основании каких-то конкретных данных не удаётся.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева 1978 – Алексеева Е.А. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья / САИ (Г1-12)*. – 100 с., 34 табл.
- Анфимов 1951 – Анфимов Н.В. 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. *МИА (23)*, 155–207.
- Беглова 1989 – Беглова Е.А. 1989. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе. *Меоты – предки адыгов / Н.В. Аутлев (отв. ред.). Майкоп*, 140–157.
- Беглова, Эрлих 2018 – Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника)*. М.; СПб.: Нестор-История. – 384 с.
- Бочковой и др. 2005 – Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное. *МИАК (5)*, 172–218.
- Древности... 2014 – Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. 2014. М.: ГМВ. – 144 с.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА (83)*. – 179 с., ил.
- Каменецкий 1994 – Каменецкий И.С. 1994. Сероглиняные миски Пашковского VI городища. *Боспорский сборник (5)*. М., 5–58.
- Лимберис 1988 – Лимберис Н.Ю. 1988. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина. *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / В.Б. Виноградов, А.В. Гадло и др. (ред. колл.)*. Краснодар: КубГУ, 35–54.
- Лимберис, Марченко 2005 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани. *МИАК (5)*, 218–324.
- Лимберис, Марченко 2006 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья. *МИАК (6)*, 134–151.
- Лимберис, Марченко 2006 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани. *МИАК (6)*, 152–181.
- Лимберис, Марченко 2012 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. *Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани)*. Краснодар: Традиция. – 316 с.
- Лимберис, Марченко 2012 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. Меотские дротики. *Золото, конь и человек*. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: Скиф, 411–416.
- Лимберис, Марченко 2019 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2019. Погребения с мечами с кольцевым навершием из могильника меотского городища Спорное. *Stratum plus (4)*. 189–209.
- Лимберис и др. 2011 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю. 2011. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор. *АМА (15)*. 265–276.
- Малышев 2007 – Малышев А.А. 2007. Погребальный инвентарь Раевского некрополя. *Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Некрополи Черноморья (I)*. М.: Гриф и К, 142–176.
- Малышев 2008 – Малышев А.А. 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя. *Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Некрополи Черноморья (II)*. М.: Гриф и К, 136–180.
- Малышев 2011 – Малышев А.А. 2011. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке. *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху / Некрополи Черноморья (IV)*. М.: ИА РАН, 242–302.
- Марченко 1996 – Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: КубГУ. – 237 с.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Эрлих 2015 – Эрлих В.Р. 2015. Зеркала археологического комплекса Псенафа. *V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье / Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.)*. Краснодар: ООО «Вика-Принт», 307–320.
- Limberis et al. 2013 – Limberis N.Yu., Marčenko I.I., Monachov S.Ju. 2011. Une nouvelle série d'amphores hellénistiques: le type "Kouban". *Production et Commerce Amphoriques en Mer Noir. PATABS (III) / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.)*. Constanța: National History and Archaeology, 165–184.
- Marčenko, Limberis 2007 – Marčenko I.I., Limberis N.Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes / Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräben / Archäologie in Eurasien (25)*. Mainz, 265–400 s., 222 taf.

1. Миска с/г
2. Амфора
3. Кружка с/г
4. Курильница лепная
5. Канфар с/г
6. Горшок с/г
7. Горшок лепной
8. Нож железный
- 9, 10. Наконечники дротиков
11. Фр-т кольца бронзового

Рис. 1. Могилиник Старокорсунского городища № 2, погребение № 291в: 1 – план погребения; 2 – игла; 3 – курильница; 4 – нож; 5 – крышка; 6 – кружка; 7 – канфар; 8, 9, 15 – наконечники дротиков; 18 – амфора; 11 – миска; 12 – горшок; 13 – горшок (2, 4, 8, 9, 15 – железо; 3, 13 – керамика лепная; 5–7, 11–13 – керамика сероглиняная)

1. Миска с/г
2. Бусы
3. Кольцо височное бронзовое
- 4, 5. Горшки лепные
6. Амфора
7. Курильница лепная
8. Светильник с крышкой
9. Пряслище с/г
10. Нож железный
11. Зеркало бронзовое

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 345в: 1 – план погребения; 2 – зеркало; 3 – пряслище; 4 – кольцо височное; 5 – нож железный; 6 – чашечка с крышкой; 7 – миска; 8 – курильница; 9, 10 – горшки; 11 – амфора (2, 4 – бронза; 3, 6, 7 – керамика сероглиняная; 9, 10 – керамика лепная)

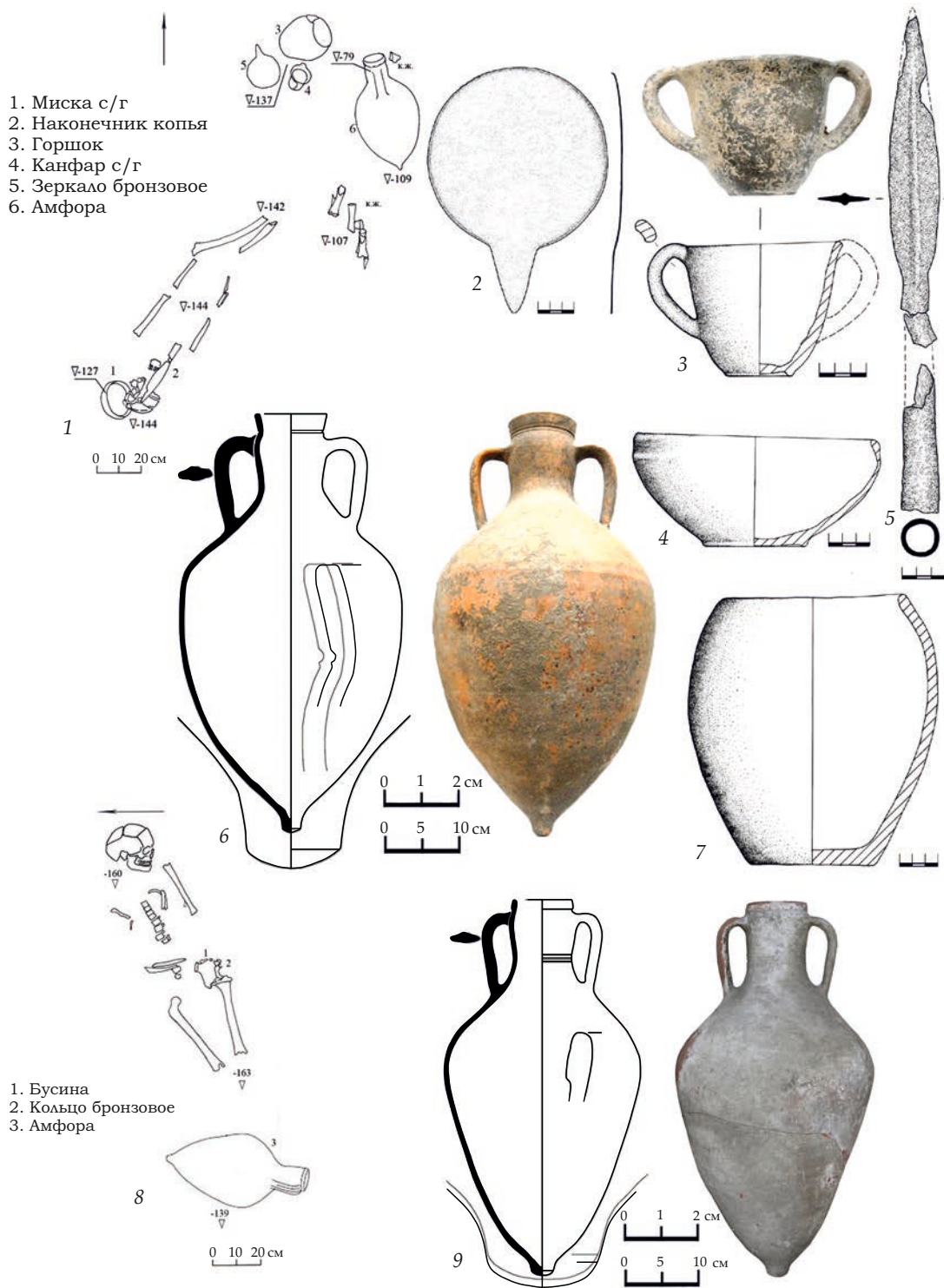

Рис. 3. Могильник городища № 3 хут. Ленина. Погребение № 13: 1 – план погребения; 2 – зеркало бронзовое; 3 – канфар сероглиняный; 4 – миска сероглиняная; 5 – наконечник копья железный; 6 – амфора; 7 – горшок лепной. Погребение № 83/86: 8 – план погребения; 9 – амфора

Рис. 4. Могильник городища № 3 хут. Ленина, погребение № 30: 1 – план погребения; 2 – серьга; 3 – канфар; 4 – зеркало; 5 – миска, 6 – амфора, 7 – светильник с крышкой; 8 – горшок лепной (2, 4 – бронза; 3, 5, 7 – керамика сероглиняная)

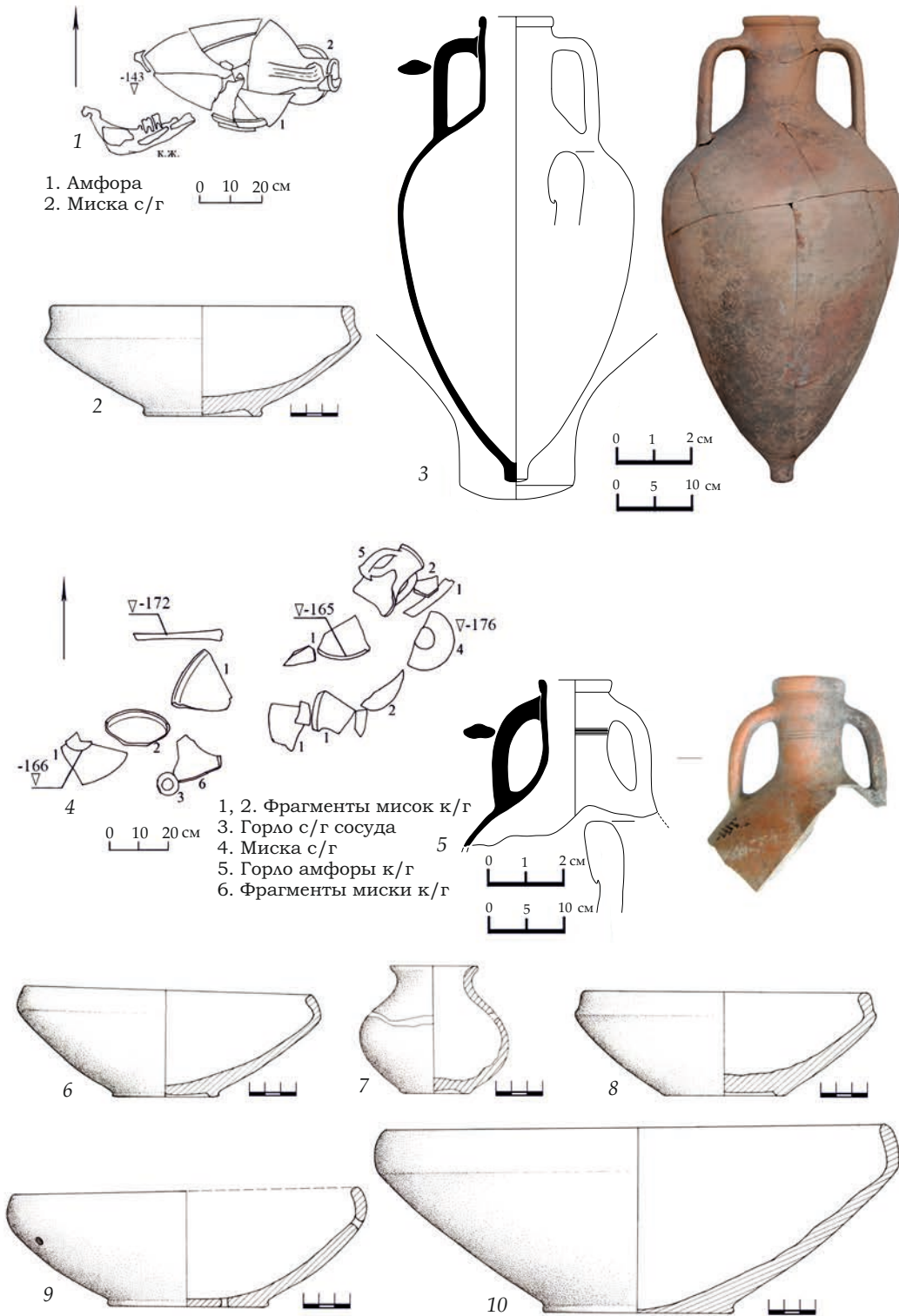

Рис. 5. Могильник городища № 3 хут. Ленина. Погребение № 38: 1 – план погребения; 2 – миска сероглиняная; 3 – амфора. Погребение № 67: 4 – план погребения; 5 – верхняя часть амфоры; 6, 8–10 – миски красноглиняные; 7 – сосуд сероглиняный

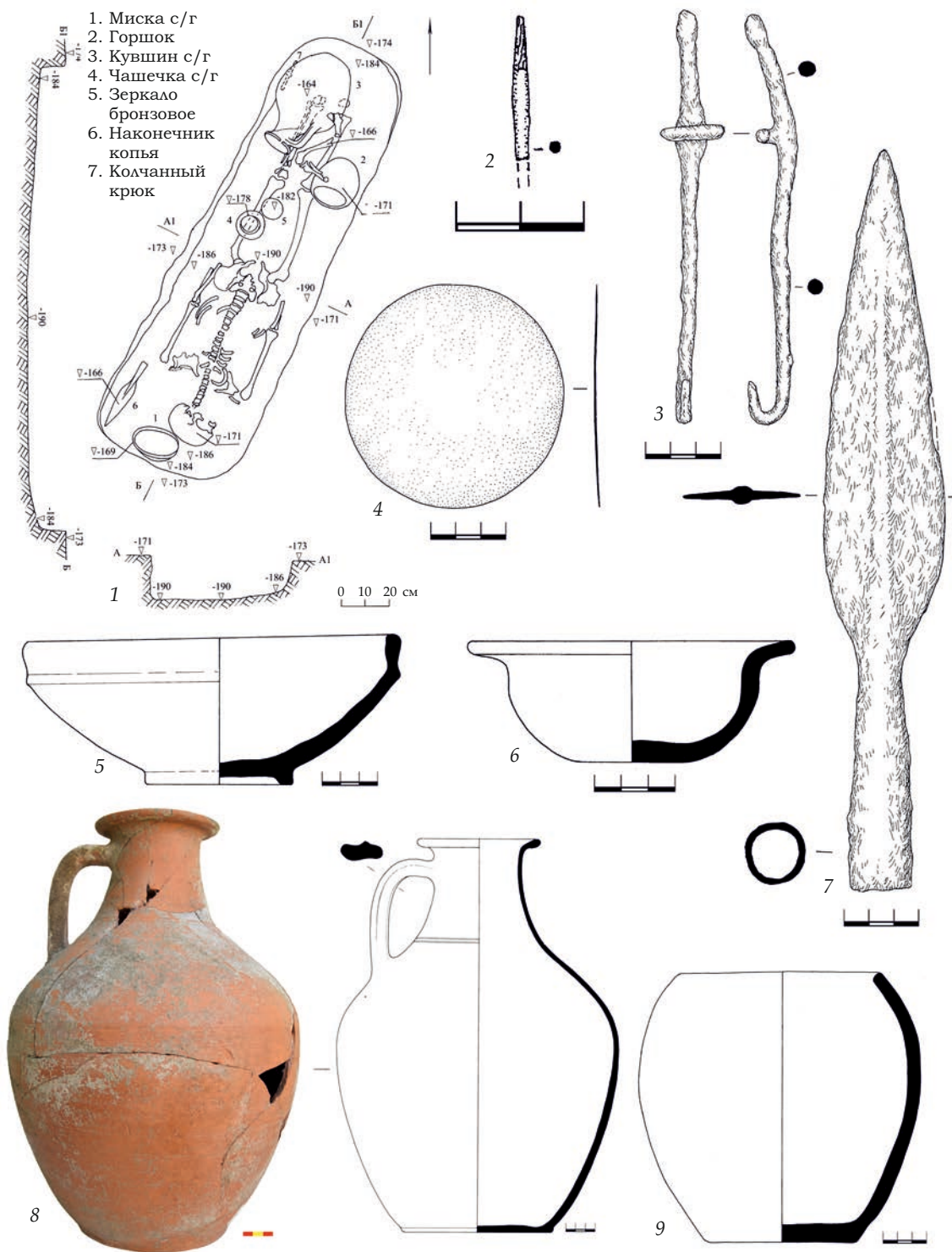

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 384в: 1 – план и разрезы могильной ямы; 2 – шило; 3 – колчаный крюк; 4 – зеркало бронзовое; 5 – миска; 6 – чашечка; 7 – наконечник копья; 8 – кувшин красноглиняный; 9 – горшок лепной (2, 3, 7 – железо; 5, 6 – керамика сероглиняная)

ТРАНСПОРТНЫЕ АМФОРЫ И ИХ ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «АХТАНИЗОВСКАЯ 4»

Аннотация: в статье представлен обзор амфорной коллекции из раскопок античного поселения Ахтанизовская 4, расположенного в северо-восточной части Таманского поселения. Керамическая тара на поселении представлена стандартным набором типов керамической тары, характерным для всего Северного Причерноморья в VI–I вв. до н.э. Для архаической эпохи это сосуды Хиоса, Клазомен, Самоса, Лесбоса и Милета. Несколько позднее поступают амфоры из Фасоса, Гераклеи Понтийской и Синопы. В IV–III вв. до н.э. на поселение поступает продукция из Пепарета (Икоса), Книда, Коса и Родоса. В позднеэллинистическое и раннеримское время присутствует керамическая тара из Колхиды, светлоглиняные амфоры Гераклеи Понтийской. Предварительное исследование амфорного комплекса из раскопок поселения Ахтанизовская 4 позволяет сделать некоторые общие выводы о хронологии слоев памятника.

Ключевые слова: поселение Ахтанизовская 4, керамическая тара, античная торговля, Таманский полуостров, архаика, классика, эллинизм, раннеримский период.

G.A. Lomtadze¹

TRANSPORT AMPHORAE AND THEIR FRAGMENTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT "AKHTANIZOVSKAYA 4"

Abstract: the article presents an overview of the amphora collection from the excavations of the ancient settlement Akhtanizovskaya 4, located in the north-eastern part of the Taman settlement. Ceramic containers in the settlement are represented by a standard set of types of ceramic containers typical of the entire Northern Black Sea region in the 4th – 1st centuries BC. For the archaic era, these are vessels of Chios, Klazomenai, Samos, Lesbos and Miletos. Somewhat later, amphorae from Thasos, Heraklea Pontica and Sinope arrive. In the 4th – 3rd centuries BC, the settlement receives products from Peparetos (Ikos), Knidos, Kos and Rhodes. In the late Hellenistic and early Roman times, there are ceramic containers from Colchidian, light clay amphorae of Heraklea Pontica. A preliminary study of the amphora complex from the excavations of the settlement Akhtanizovskaya 4 allows us to draw some general conclusions about the chronology of the monument's layers.

Keywords: settlement Akhtanizovskaya 4, ceramic containers, ancient trade, Taman peninsula, Archaic, Classic, Hellenism, Early Roman period.

Поселение на северо-восточной окраине станицы Ахтанизовская (Краснодарский край, Темрюкский район) исследуется Таманской археологической экспедицией Исторического музея с 2004 года. За это время была изучена значительная площадь в центральной части и на периферии памятника. В ряде публикаций были подведены промежуточные итоги его исследования. Было установлено, что поселение возникает не позднее рубежа первой–второй четвертей VI в. до н.э. и существовало до конца I в. до н.э. Вероятной причиной появления здесь греческих колонистов могла быть переправа между островами, расположенная на одной из основных античных дорог (Ломтадзе 2013). На последнем же этапе на мысовой, прибрежной части поселения появляются достаточно мощные укрепления, вероятно входившие в систему созданную при Ассандре (Журавлев и др. 2010; Ломтадзе 2015b).

Тарным амфорам из раскопок этого памятника специальное исследование еще не посвящалось. Некоторые амфорные находки были описаны в работах об отдельных хронологических периодах (Ломтадзе, Камелина 2008: 414–415; Ломтадзе 2013: 221–224; 2015b: 154–156). Настоящая попытка рассмотреть весь комплекс амфорных находок тоже может считаться предварительной. Это связано с тем, что поселение пока изучено не полностью. Например, говорить о какой-либо надежной статистике пока рано, поэтому количественные оценки можно дать толь-

¹ Ломтадзе Георгий Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологический памятников Государственного Исторического музея, 109012, Россия, Москва, Красная площадь, д. 1, gylomtadze@mail.ru.

ко на уровне *много-мало* или *больше-меньше*. Вместе с тем, на сегодняшний день накоплено уже значительное количество амфорного материала, требующего публикации².

Хиосская тара представлена значительным количеством находок, охватывающим широкий хронологический диапазон от VI до начала III веков до н.э.

Наиболее ранние относятся к хорошо известному типу хиосской тары «с белым ангобом» конца VII — середины VI в. до н.э. (Dupont 1982: 194, fig. 1a; Монахов 2003: 12–15, табл. 1–2; Birzescu 2012: 50–60, taf. 23; Sezgin 2012: 93–101, 130–132; Толстикова и др. 2017: 55; Чистов и др. 2020: 30, табл. 1). Нельзя не отметить находки фрагментов ножек этих амфор, которые встречаются в публикациях достаточно редко (рис. 1 -1–7).

Реже встречаются фрагменты хиосских амфор с т.н. «воронковидным горлом» (рис. 1 -13–14) (Dupont 1982: 194, fig. 1a; Монахов 2003: 15–16, табл. 3 -1–2; Birzescu 2012: 60–69, taf. 24–28, 38; Sezgin 2012: 93–101, 132–133; Толстикова и др. 2017: 55).

Достаточно значительное количество находок хиосских амфор относятся к т.н. «пухлогорлому» типу, бытовавшему с конца VI в. до н.э. по третью четверть V в. до н.э. Встречаются как сосуды с окрашенным венцом (Монахов 2003: 16–17, табл. 3 -3–6, табл. 4; Birzescu 2012: 69–76, taf. 28–33, 38; Sezgin 2012: 105–114, 133–135; Толстикова и др. 2017: 55) (рис. 1 -9–11), так и амфоры «развитого», и «позднего» вариантов этого типа (Монахов 2003: 17–19, табл. 5–7; Birzescu 2012: 76–89, taf. 33–37; Толстикова и др. 2017: 55–56) (рис. 1 -8, 12, 15–17).

Несколько реже встречаются фрагменты прямогорлых хиосских амфор (рис. 1 18; 2 -1–4) последней трети V в. до н.э. (Монахов 2003: 19–20, табл. 8).

Наибольшее же количество находок хиосской тары представлено сосудами «с колпачковой ножкой» IV – начала III в. до н.э. (Монахов 2003: 19–20, табл. 20–23; Ломтадзе 2015а: 16–18) (рис. 2 -5–8). Наиболее поздние находки этого типа в материалах поселения Ахтанизовская 4 относятся ко второй половине IV в. до н.э. (рис. 3). Более поздние варианты амфор этого прославленного винодельческого центра в материалах памятника отсутствуют.

В большом количестве в слоях поселения фиксируется тара из *Клазомен*. Сюда входят фрагменты округлых венчиков (рис. 4 -1–3), покрытых черной или бурой лакообразной краской и овальных ручек с полосой той же краски, а также ножки в виде слегка расширяющегося книзу высокого кольцевого поддона (рис. 4 -4–6, 9). Значительная их часть относится к сосудам вариантов *Kla.5* и *Kla.6* по классификации Юсуфа Сезгина (Sezgin 2012: 42–48, 77–78) и датируется в пределах первых двух третей VI в. до н.э. Интересна ножка клазоменской амфоры в виде широкого низкого, практически с вертикальными стенками полого кольцевого поддона, диаметром 7,2 см, найденная в заполнении хозяйственной ямы архаического времени (рис. 4 -4). Ножки близкой профилировки имеют сосуды конца VII – 70-х годов VI в. до н.э. происходящие из некрополей Остерия в Вульче (Rizzo 1990: 104, 105, fig. 197–198, cat. XIII, 1–2) и Клазомен (Doger 1986: 468, fig. 13; Sezgin 2004: 174, 175, cat. 10–11; Sezgin 2012: 62, *Kla.5.03*, 5.07, 5.08). Также встречается достаточно большое количество стенок клазоменских амфор, украшенных широкими горизонтальными лакообразными полосами, но отнести их к какому-либо хронологическому варианту не представляется возможным. Судя по характеристике хорошо отмученного глиняного теста красно-коричневого оттенка с примесями слюды, несколько отличающегося от традиционной клазоменской глины, в нашей коллекции присутствуют фрагменты (рис. 4 -7–8) недавно локализованной тары из Теоса (Sezgin 2017). К сожалению, уверенно относить к этой группе фрагменты и, в частности, ножки, пока еще сложно, так как они по форме и метрическим характеристикам весьма схожи с клазоменской продукцией.

² В нашей публикации не представлен анализ керамических клеев, которым будет посвящена отдельная публикация.

К архаическому периоду также относится ряд фрагментов, которые с большой долей вероятности можно считать продукцией милетских, самосских или связанных с ними мастерских. *Самосская тара* представлена фрагментами горл амфор с валикообразным венцом и ножками, в виде невысоких расширяющихся кольцевых поддонов (рис. 4 -12-15). *Амфоры Милета* присутствуют в виде фрагментов горл с венчиками вытянутой по вертикали, овальной формы с уступом под ними (рис. 4 -1-2) и ножками в виде хорошо профилированных поддонов (рис. 4 -16-18). Подобные находки хорошо известны из подробно опубликованных материалов раскопок на о-ве Березань эталонных комплексов интересующего нас времени (Чистов и др. 2012: 20-21, табл. 1-2; Чистов и др. 2019: 15-17, рис. 1 -3, 7, 3 -10-11; Чистов и др. 2020: 32-33, 93-94, табл. 6 -1-17 табл. 43, 44 -1-13), найдены и в ранних слоях Пантикапея (Толстикова и др. 2017: 56-58). К сожалению, не всегда подобные фрагменты можно точно соотнести с каким-либо центром производства, тем более что в последнее десятилетие был выделен еще целый ряд типов ионийской тары, имеющих сходные морфологические черты и близкие характеристики глиняного теста (Монахов 2012; Carlson, Lawall 2005-2006: 32; Greene et al. 2008; Kalaitzoglou 2008: 230, taf. 137; Dupont, Lungu 2010: 3-36, f. 4-10; 2010a: 39-53, pl. 24-26).

Также в материалах поселения Ахтанизовская 4 встречается *лесбосская тара*, хотя и в небольшом количестве. Наиболее яркой находкой являются фрагменты сероглиняной амфоры из архаической ямы № 13. Сохранилась верхняя часть амфоры до плеч и нижняя часть с широкой «стаканообразной» ножкой (рис. 5). На плечах сосуда видны остатки полос светлой краски. Горло трапециевидное, расширяется книзу, венчик валикообразный. Диаметр «ножки» 8,2 см, дно ее слегка вогнуто. Восстанавливаемый сосуд, несомненно, позднее амфор конца VII в. до н.э. (Clinkenbeard 1982: 264, 265, pl. 71; Монахов 2003: 45, табл. 27 -2-3), отличающихся более приземистыми пропорциями. При этом диаметр ножки и высота горла (12,7 см) позволяют датировать нашу амфору не позднее середины – начала третьей четверти VI в. до н.э. К этому же типу относятся еще несколько фрагментов (рис. 6 -1, 3). Близкие сосуды, датирующиеся второй четвертью – серединой VI в. до н.э., были найдены в Истрии, Ольвии, на Березани (Dupont 1982: 202; 2005: 50; Чистов и др. 2012: 22-23, табл. 8-9; 2019: 14-15, рис. 2 -13, 3 -2-4, 6-8), в Пантикапее (Толстикова и др. 2017: 57) и в Кепях, в комплексах второй четверти – середины VI в. до н.э. (Кузнецов 1992: 38, 41, 42, рис. 8 -4). Большая же часть находок лесбосской тары относится к концу VI – началу V в. до н.э. (рис. 6 -2, 4-7), к хорошо известным вариантам красноглиняных сосудов (Монахов 2003: 48-49, табл. 30-31; Bîrzescu 2012: 37-44, taf. 10-22).

Значительное количество фрагментов амфор позднеархаического и раннеклассического времени относится к т.н. «*протофасосской*» *таре* (рис. 4 -3-5) различных вариантов. Место производства этих сосудов пока вызывает вопросы, но нет никаких сомнений, что они поступали не из одного центра (Peristeri-Otazi 1986: 491-496; Монахов 2003: 38; Dupont 2003: 178-186; 2010: 39-43; 2012: 253-254; Ломтадзе 2005а: 323; Lawall et al. 2010: 356-358; Filis 2012: 274-276). Наиболее ранние экземпляры публикуемой коллекции относятся к середине – третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 6 -11-12), этот тип хорошо представлен на территории Причерноморья (Монахов 2003: 39, табл. 23 -1-2; Толстикова и др. 2017: 58-59; Чистов и др. 2020: 95-96, табл. 46 -15-16). Большая часть фрагментов «протофасосских» амфор, обнаруженных при раскопках поселения Ахтанизовская 4, относится к концу VI – первой половине V в. до н.э. (рис. 6 -8-10, 13-15).

Фасосский импорт представлен фрагментами тары классического времени. Часть находок относится к коническим амфорам последней трети V в. до н.э. (рис. 7 -4-6) (Монахов 2003: 65-66, 71, табл. 39 -4-6, 40-41, 47). Большая же часть относится к IV в. до н.э., к т.н. «биконическим» сосудам (рис. 7 -1-3, 7-9). Типология этого типа достаточно хорошо разработана (Монахов 2003: 66-71, табл. 42-46; Ломтадзе 2015а: 15-16), что позволяет говорить о непрерывности фасосского импорта на поселение Ахтанизовская 4 в это время.

С начала IV в. до н.э. на поселение Ахтанизовская 4 начинает поступать керамическая тара *Гераклеи Понтийской*. Типология амфор этого центра исследована достаточно хорошо (Монахов 2003: 123–144, табл. 86–96; Ломтадзе 2015а: 12–14). Это позволяет выделить в нашей коллекции и ранние (рис. 7 -3–4), и развитые (рис. 7 -1–2, 5, 8), и поздние варианты (рис. 7 -6–7) гераклейских сосудов.

Синопский импорт (Монахов 2003: 145–160, табл. 100–106; Ломтадзе 2015а: 15) начинает поступать на поселение чуть позже гераклейского, но занимает значительную часть амфорного комплекса уже в эллинистическое время. Наиболее ранние фрагменты датируются в пределах второй четверти – середины IV в. до н.э. (рис. 9 -2). Большая же часть находок относится ко второй половине IV–III вв. до н.э. (рис. 9 -1, 3, 4–5), также значительное количество датируется в пределах II – начала I в. до н.э. (рис. 9 -6–7).

К IV–III вв. до н.э. относятся находки фрагментов амфор из *Коса* (рис. 10 -1–2) (Монахов 2014; Ломтадзе 2015а: 21–22), *Книда* (рис. 10 -3–4) (Монахов 2003: 101–110, табл. 71–77; Ломтадзе 2015а: 22–24), *Менды* (рис. 7 -10–13) (Монахов 2003: 91–94, табл. 62–66; Ломтадзе 2015а: 18–19), *Пепарета* (рис. 11 -5) (Монахов, Федосеев 2013; Ломтадзе 2015а: 19–20) и *Херсонеса* (рис. 11 -3) (Монахов 1989; Ломтадзе 2015а: 22). Родосские амфоры представлены в небольшом количестве и относятся к наиболее распространенному типу сосудов этого центра эллинистического времени (рис. 11 -1–2, 4) (Монахов 2003: 118–121, табл. 81–84). К эллинистическому же времени относятся фрагменты красноглиняных амфор т.н. «кубанского» типа (рис. 14 -4) (Limberis et al. 2013).

В достаточно большом количестве присутствуют в нашей коллекции коричневоглиняные *колхидские* амфоры (рис. 12). Основная их часть относится к вариантам Kx1A и Kx1B по классификации С.Ю. Внукова (Внуков 2003: 173–194).

Отдельным комплексом выглядит тара *раннеримского* времени. Это, прежде всего, хорошо известный тип *светлоглиняных* амфор с двустольными ручками, относящийся к производству *Гераклеи Понтийской* (рис. 13). Надо отметить, что этот тип широко представлен в слоях поселения практически всеми хронологическими вариантами (Внуков 2003: 47–80) за исключением наиболее поздних. Отметим находки фрагментов *псевдородосских* амфор I в. до н.э. (рис. 14 -1–2) (Внуков 2003: 96–102) и *светлоглиняных широкогорлых* амфор с профилированными ручками (рис. 14 -3) (Внуков 2003: 102–117), также относящихся к гераклейскому производству.

Подводя итоги, надо сказать, что амфорный импорт на поселении Ахтанизовская 4 представлен достаточно стандартным набором типов керамической тары, характерным для всего Северного Причерноморья в VI–I вв. до н.э. При этом, количественное соотношение находок разных хронологических периодов позволяет сделать несколько общих выводов. Не забывая о том, что статистические исследования в полном объеме пока не проводились, можно, в первом приближении, «визуально» оценить маркированность находками разные этапы существования памятника. Бросается в глаза, что значительным количеством амфор представлен архаический период, а наиболее насыщенные слои и объекты связаны с двумя периодами – IV в. до н.э. и конец II–I вв. до н.э. Классический (V в. до н.э.) и эллинистический (III–II вв. до н.э.) периоды представлены слабее. Можно предположить, что эти особенности должны быть связаны с внутренними и внешними причинами. К внутренним обстоятельствам относятся, прежде всего, изменения самого статуса поселения. Например, строительство оборонительных сооружений в конце II–I вв. до н.э. и соответствующее изменение статуса поселения, влекло за собой активную строительную и хозяйственную деятельность, которая не только отразилась на составе одновременного керамического комплекса, но и влекло за собой активное уничтожение и перемещение более ранних (на тот момент) эллинистических слоев и остатков сооружений. Преобладание же материала IV в. до н.э. скорее связано с общепоспорским экономическим подъемом в эпоху Левкона – Перисада I, фиксирующимся по всему комплексу источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков 2003 – Внуков С.Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (Морфология)*. М. – 234 с.
- Журавлев и др. 2010 – Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауэр У. 2010. Памятники северо-восточной части Таманского полуострова. *Античное наследие Кубани (1)* М., 556–580.
- Ломтадзе 2005 – Ломтадзе Г.А. 2005. Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного Исторического музея. *БИ (VIII)*, 318–338.
- Ломтадзе, Камелина 2008 – Ломтадзе Г.А., Камелина Г.А. 2008. Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова – «Ахтанизовская 4». *ДБ (12/II)*, 413–429.
- Ломтадзе 2010 – Ломтадзе Г.А. 2010. Античное укрепление на северо-востоке Таманского полуострова. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия (1)* / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). Москва; Киев: ИД «Триумф-принт», 164–165.
- Ломтадзе 2013 – Ломтадзе Г.А. 2013. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4. *ДБ (17)*, 220–235.
- Ломтадзе 2015а – Ломтадзе Г.А. 2015. *Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора / Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. *ДБ (Suppl. III)*. – 206 с., 128 табл.
- Ломтадзе 2015б – Ломтадзе Г.А. 2015. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4. *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 151–163.
- Монахов 1989 – Монахов С.Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э.* Саратов. – 158 с.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов 2014 – Монахов С.Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus (3)*, 195–222.
- Монахов, Федосеев 2013 – Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2013. Амфоры Икоса. *АМА (16)*, 255–266.
- Толстиков и др. 2017 – Толстиков В.П., Асташова Н.И., Ломтадзе Г.А., Самар О.Ю., Тутушева О.В. 2017. *Древнейший Пантिकाпей. От апойкии – к городу*. М. – 396 с.
- Bîrzescu 2012 – Bîrzescu I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren / Histria (XV)*. București. – 355 с., 120 tabl.
- Dupont 2003 – Dupont P. 2003. Archaic East Greek Trade Amphoras. *East Greek Pottery*. R.M. Cook – P. Dupont. L., 142–191.
- Dupont 2010 – Dupont P. 2010. Les amphores «samiennes» et «protothasiennes» de Zeest : la piste nord-ioniennne? *PATABS (I)*. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab-Tezgör, N. Inaishvili (eds.) / *Varia Anatolica (XXI)*. Istanbul: Institut Français d’Etudes Anatoliennes-Georges Dumézil, 39–43.
- Lawall et al. 2010 – Lawall M.L., Lejpunskaja N.A., Diatropov P.D., Samojlova T.L. 2010. Transport Amphoras. *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AC (1-2)* / N.A. Lejpunskaja et al. (eds.). Aarhus, 355–405.
- Limberis et al. 2013 – Limberis N.Yu., Marčenko I.I., Monachov S.Ju. 2013. Une nouvelle serie d’amphores hellenistiques: le type «Kouban». *PATABS (III)* / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.). Constanța: National History and Archaeology Museum, 165–183.
- Peristeri-Otatzis 1986 – Peristeri-Otatzis C. 1986. Amphores et timbres amphoriques d’Abdere. *BCH (Suppl. XIII)*, 491–496.
- Sezgin 2012 – Sezgin Y. 2012. *Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar*. Istanbul. – 310 с.
- Filis 2012 – Filis K. 2012. Ionian Transport Amphoras in North Aegean. *Archaic Pottery of the Northern Aegean and its periphery (700–480 BC)*. *Proceedings of the Archaeological Meeting Thessaloniki, 19–22 May 2011* / M. Tiverios, V. Misailidou-Despotidou, E. Manakidou, A. Arvanitaki (eds.). Thessaloniki, 265–280.

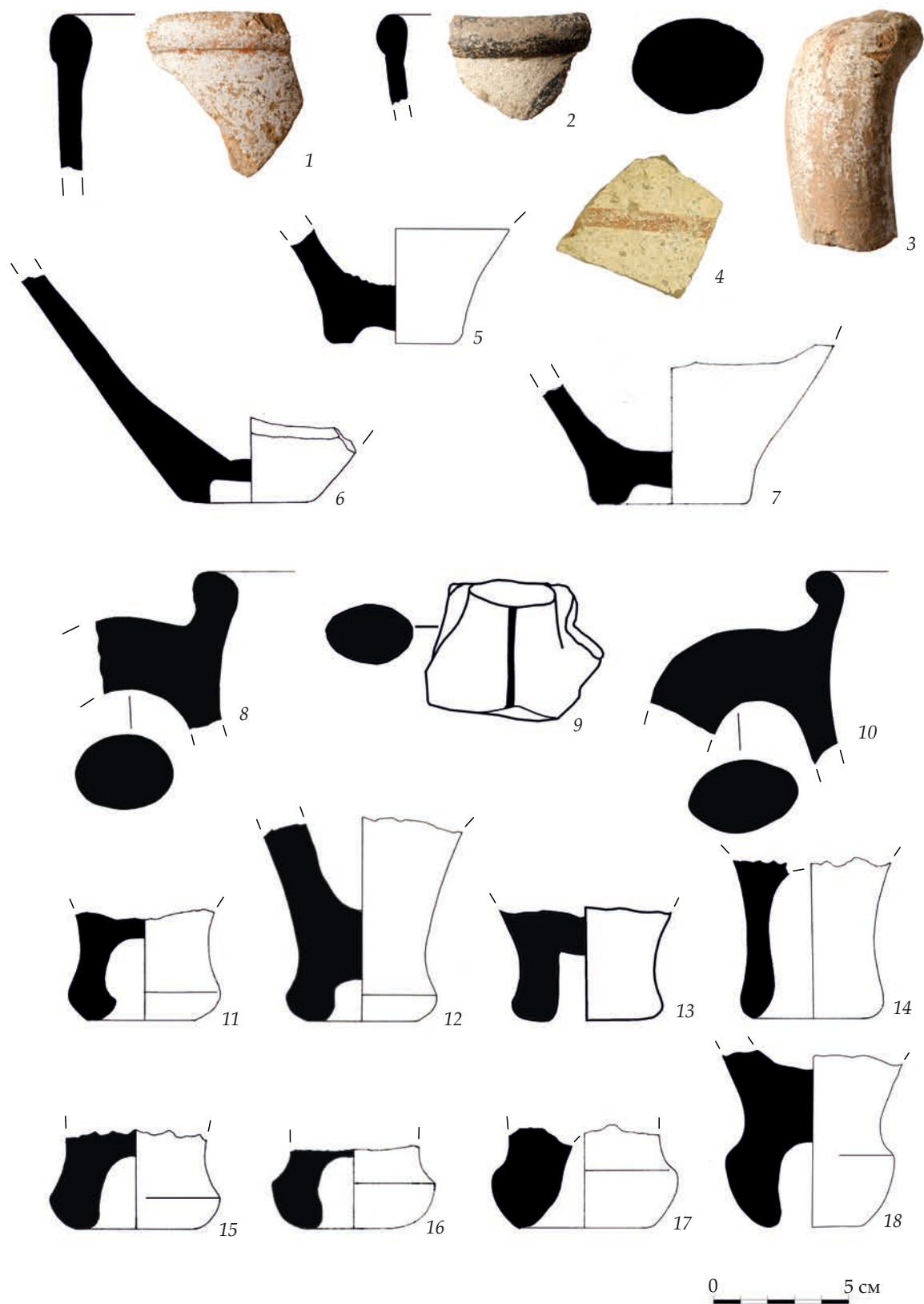

Рис. 1. Амфоры Хиоса. VI-V вв. до н.э.

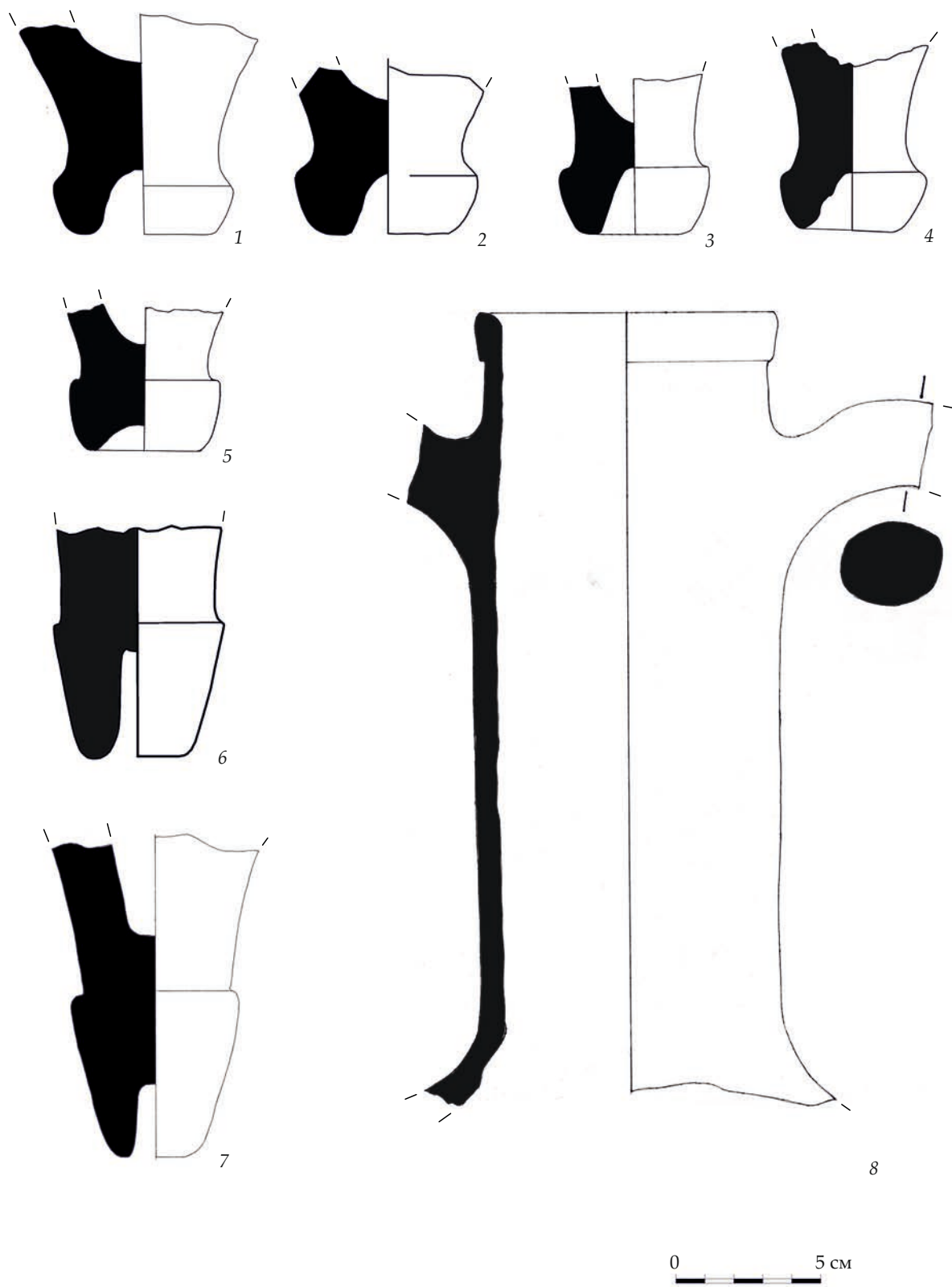

Рис. 2. Амфоры Хиоса. V–IV вв. до н.э.

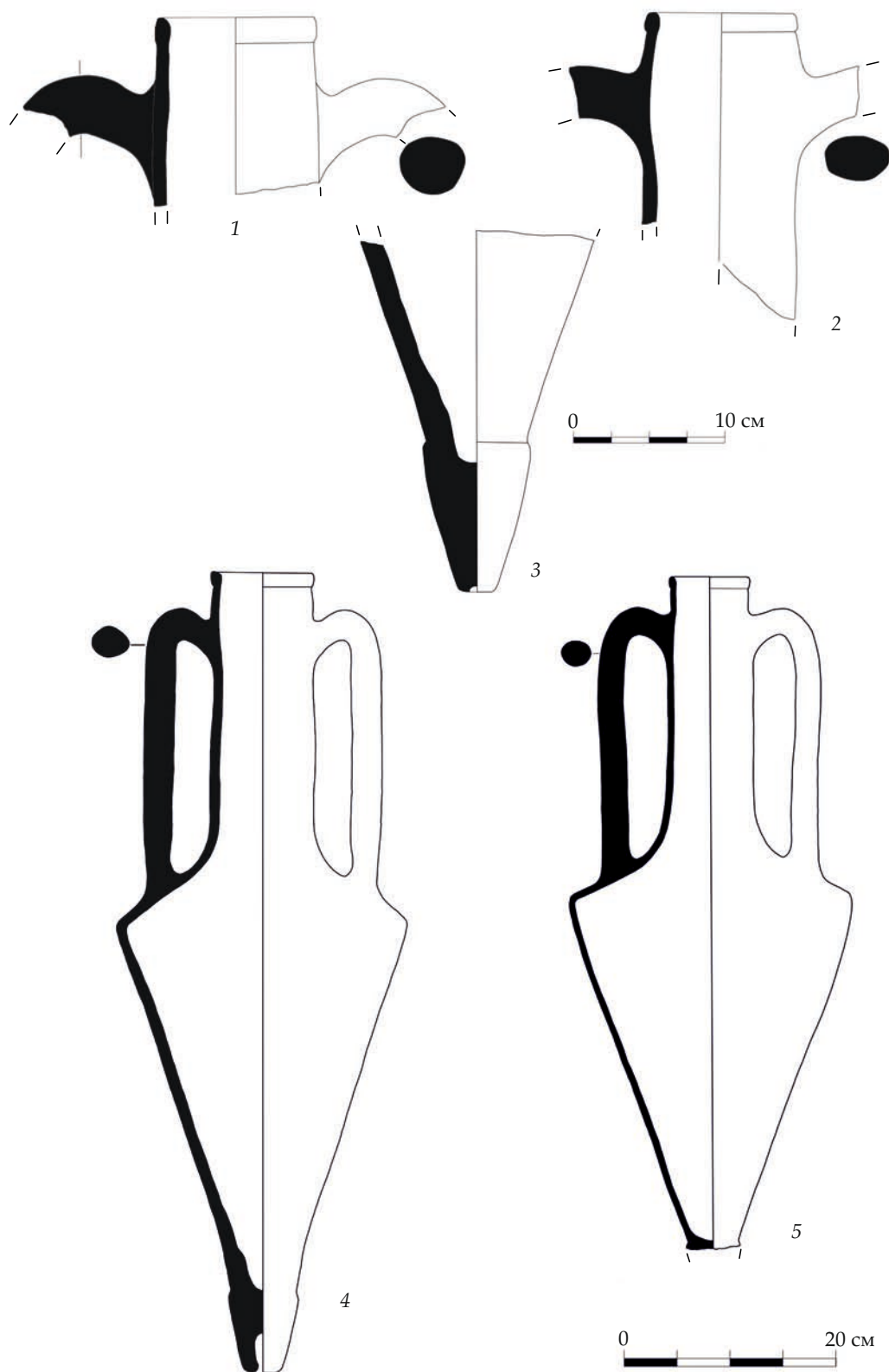

Рис. 3. Амфоры Хиоса. Вторая половина IV в. до н.э.

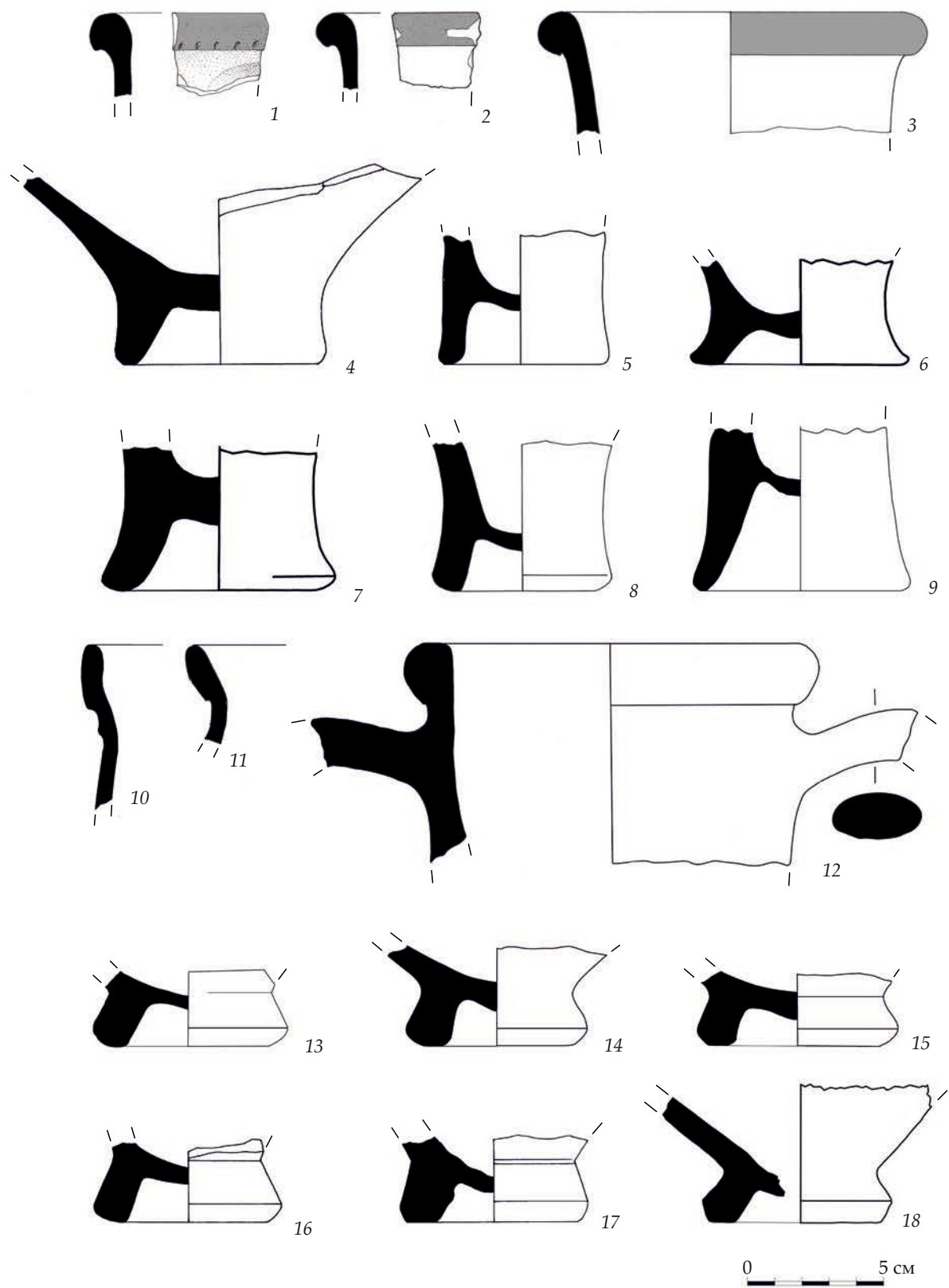

Рис. 4. Амфоры Клазомен (1-9), Самоса (12-15), и Милета (10-11, 16-18)

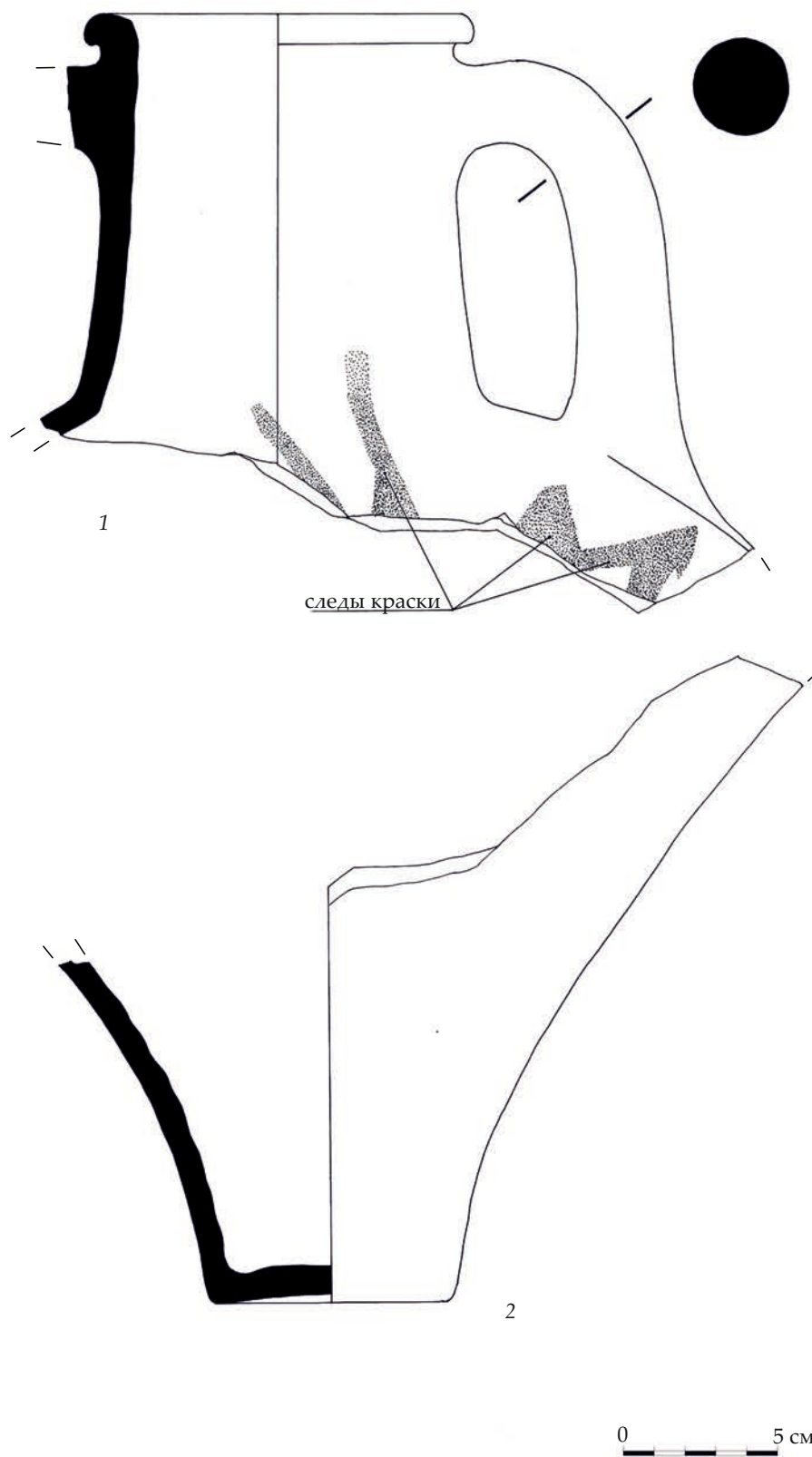

Рис. 5. Амфоры Лесбоса из архаической хозяйственной ямы

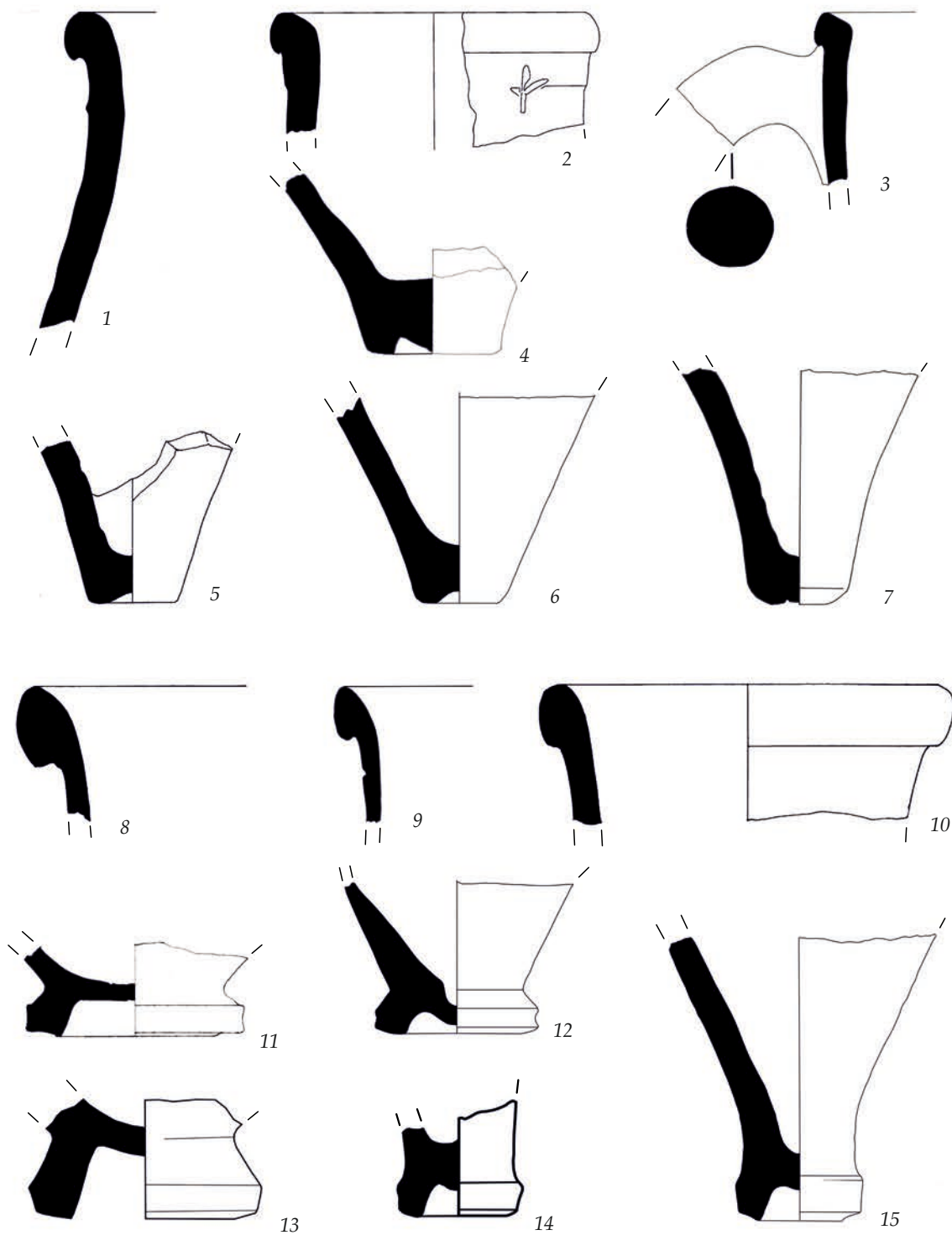

Рис. 6. Амфоры Лесбоса (1–7) и «протофасосская» тара (8–15)

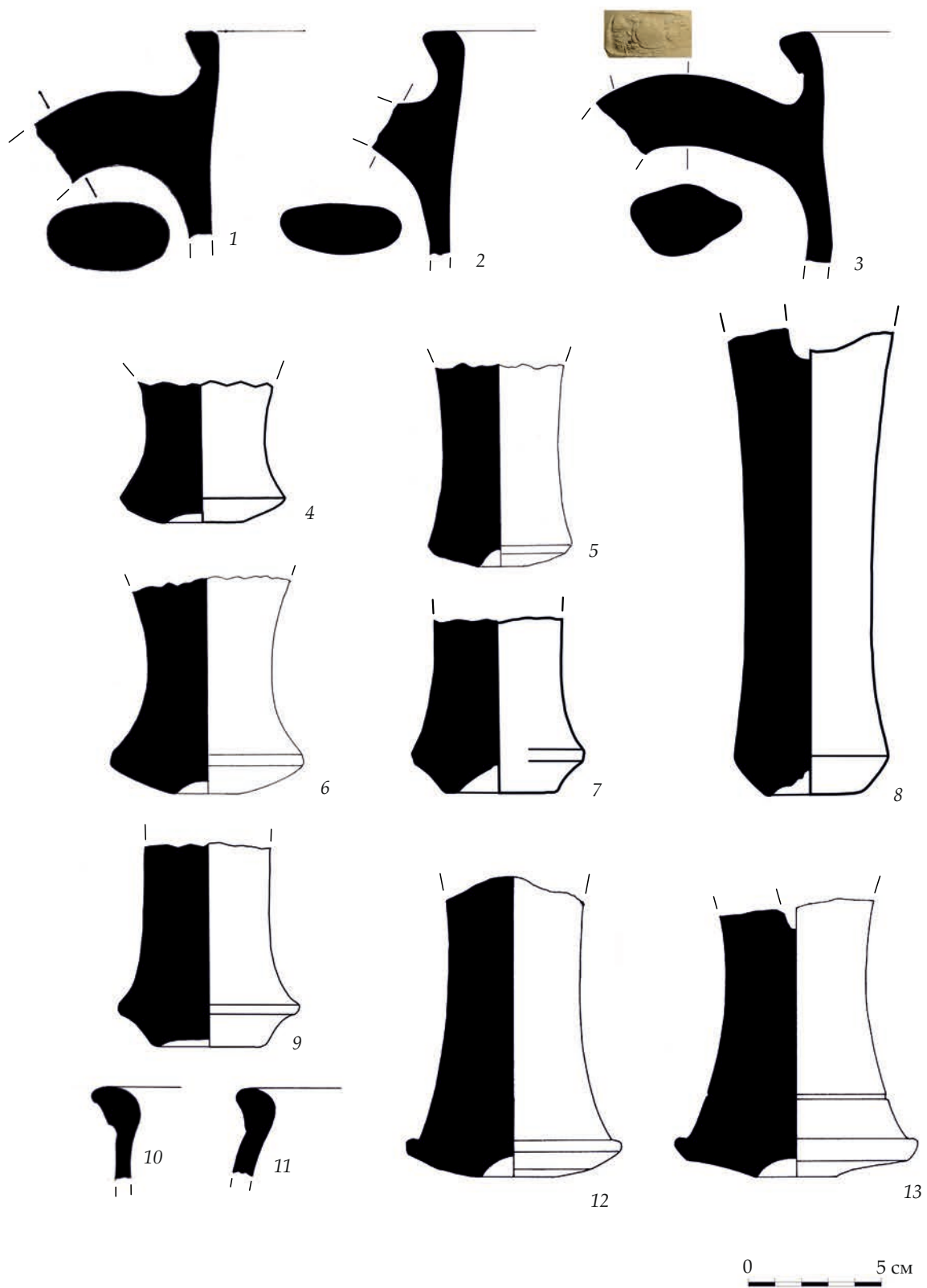

Рис. 7. Амфоры Фасоса (1-8) и Менды (10-13)

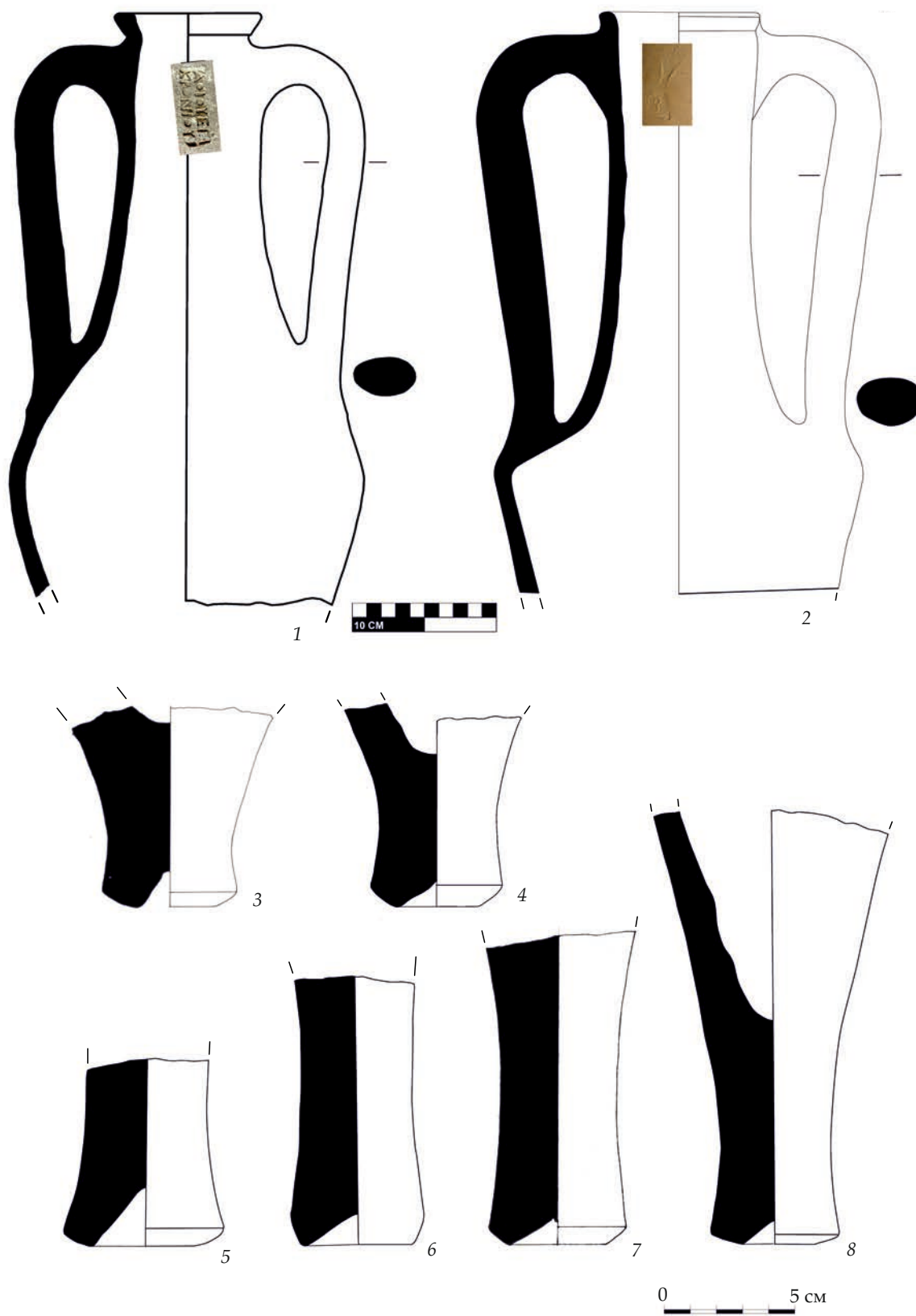

Рис. 8. Амфоры Гераклеи Понтийской

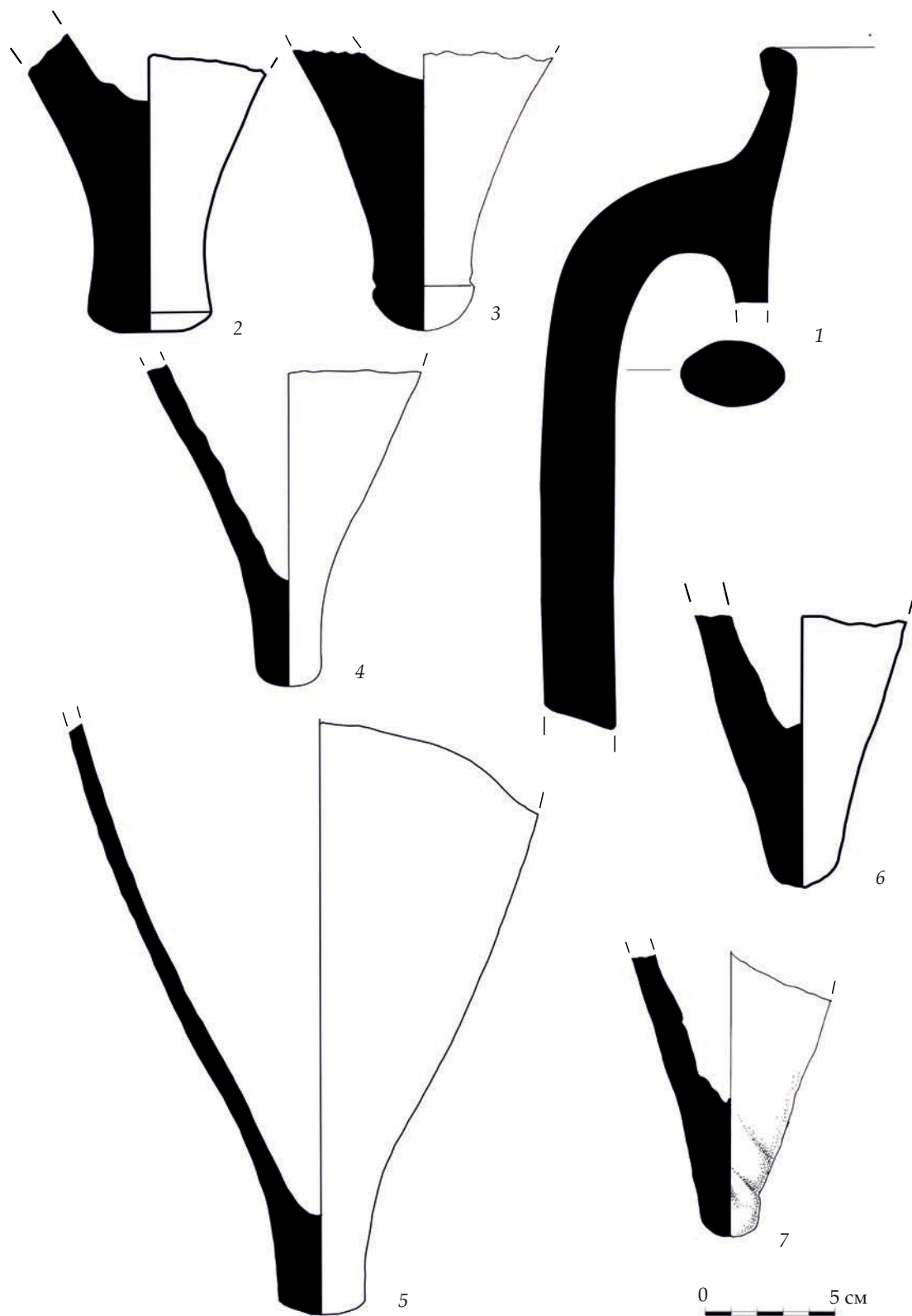

Рис. 9. Амфоры Синопы

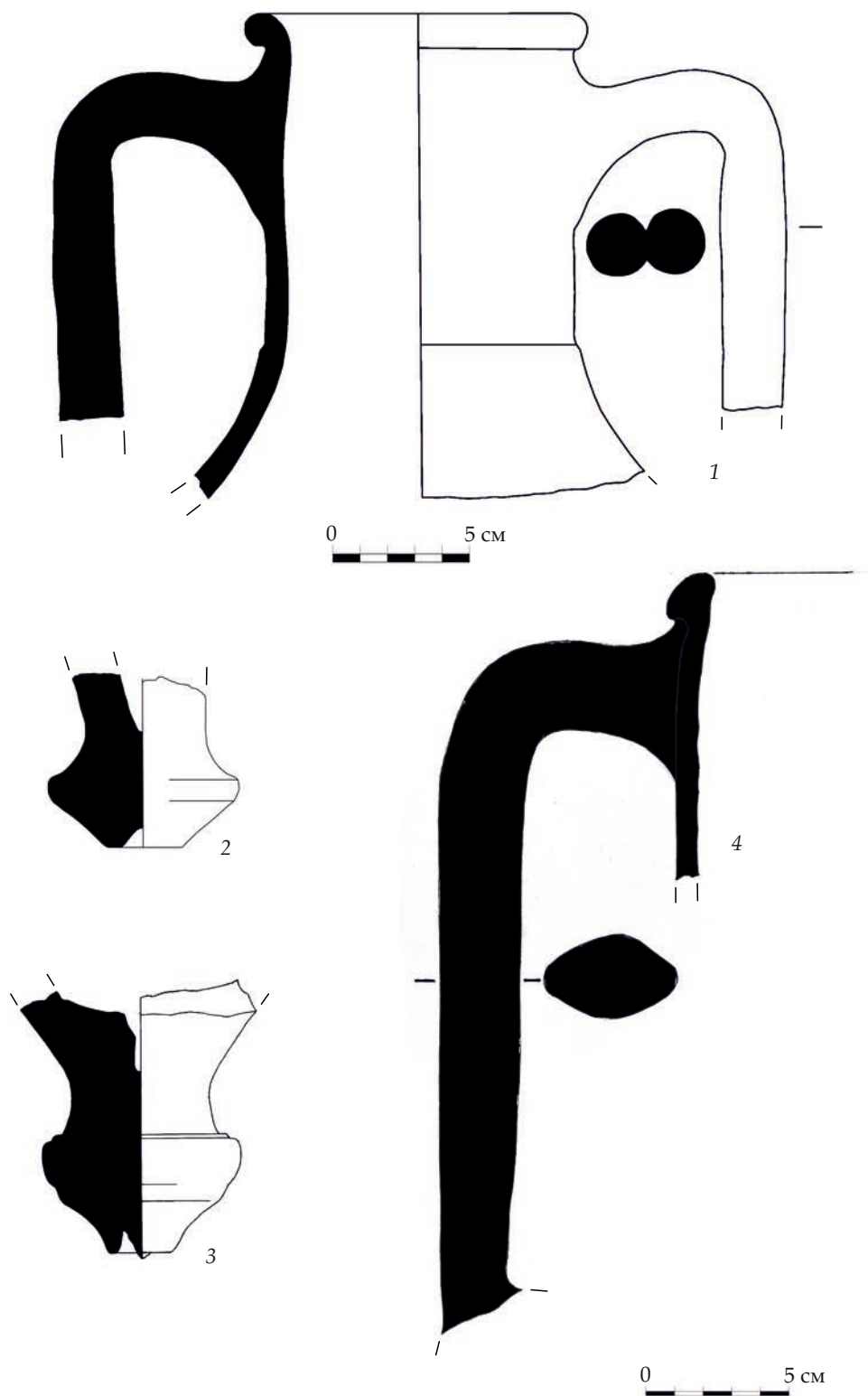

Рис. 10. Амфоры Коса (1-2) и Книда (3-4)

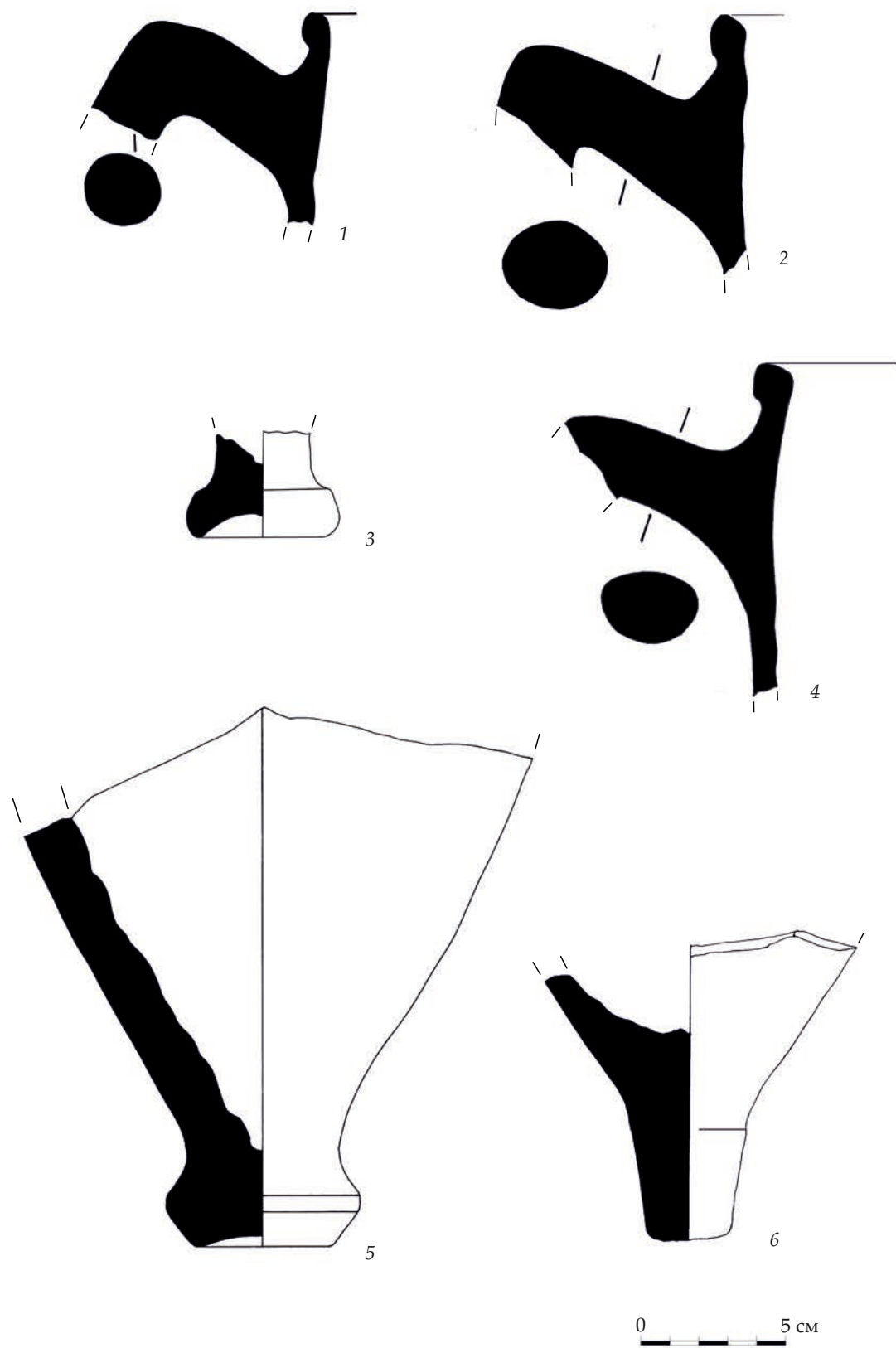

Рис. 11. Амфоры Родоса (1–2, 4, 6), Херсонеса (3), Пепарета (Икоса) (5)

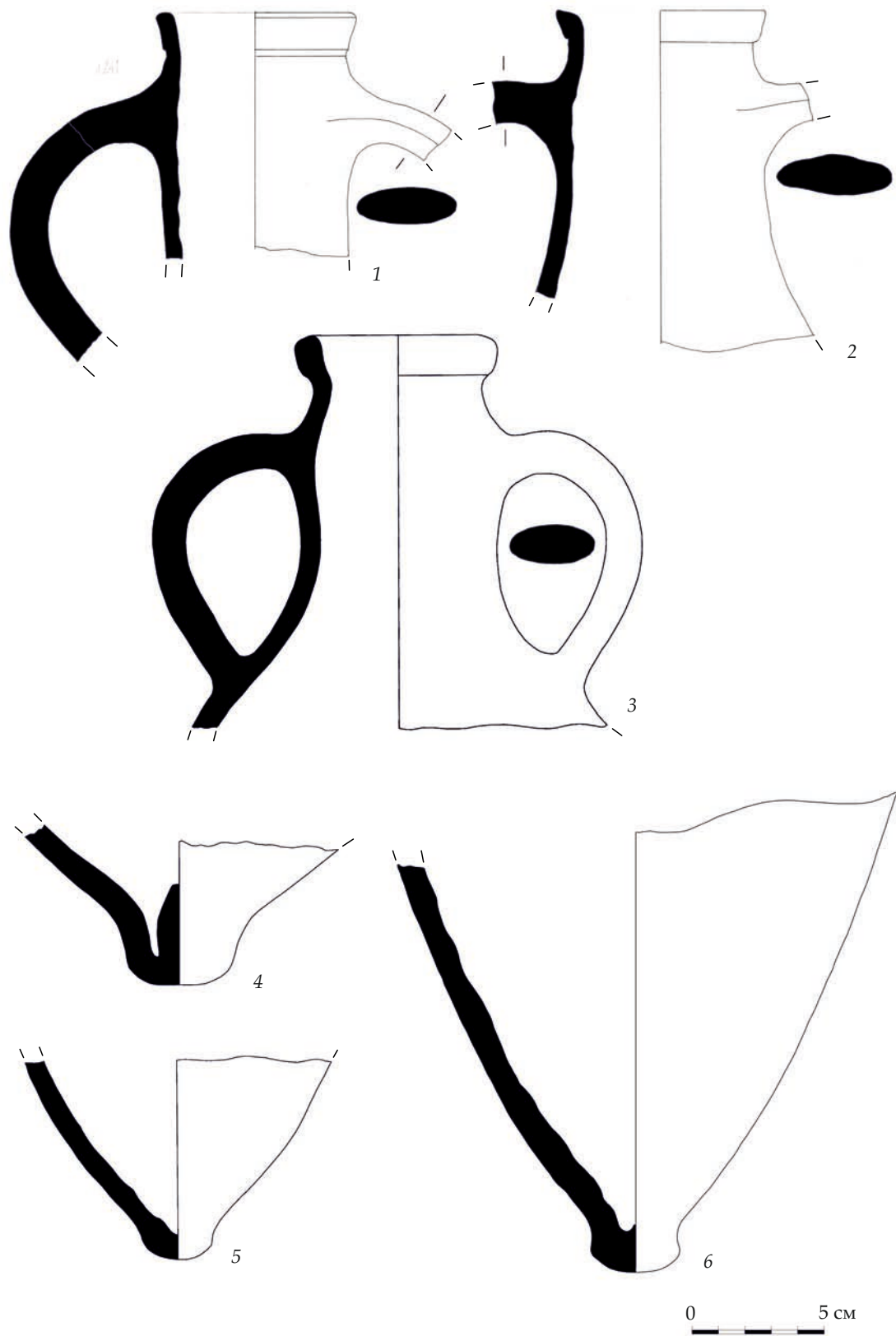

Рис. 12. Амфоры Колхиды

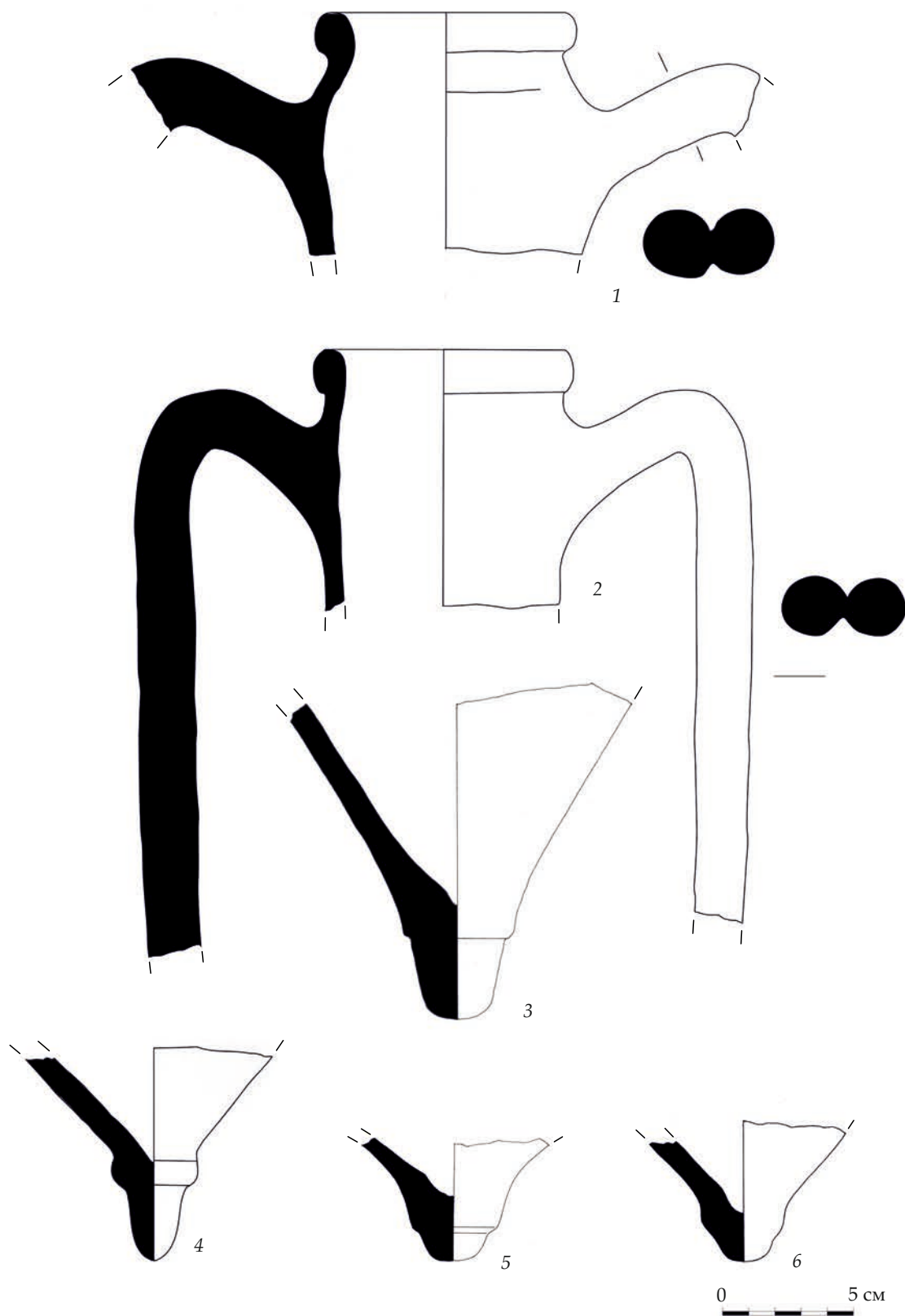

Рис. 13. Светлоглиняные гераклейские амфоры с двуствольными ручками

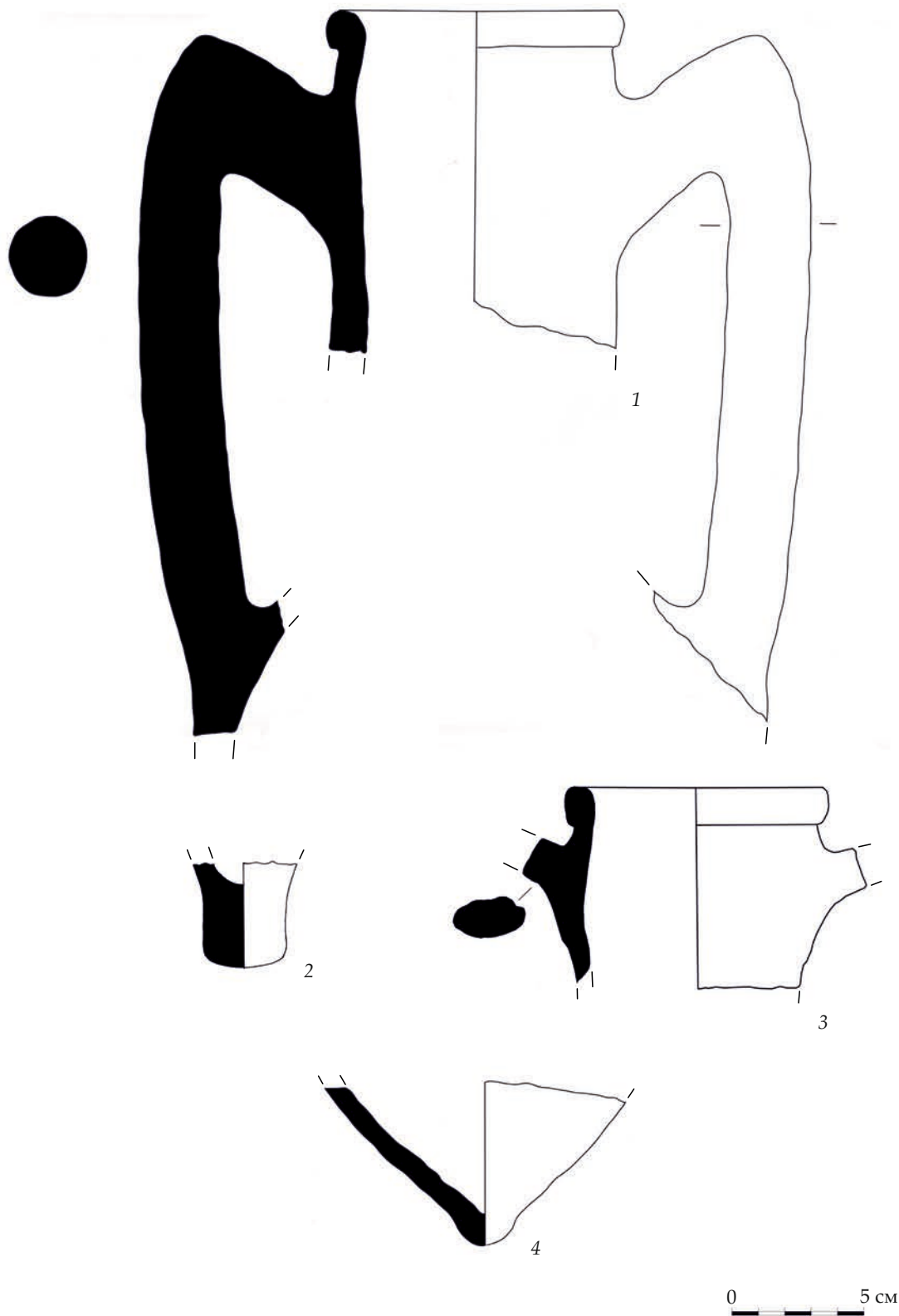

Рис. 14. Светлоглиняные амфоры раннеримского времени (1–3)
и ножка амфоры «кубанского» типа (4)

TOMIS, UN ETABLISSEMENT GREC A L'OUEST DU PONT EUXIN

Abstract: a group of Late-Archaic and Early-Classical imports recently identified gives new information about the beginning of the Greek settlement at Tomis. It contains Attic decorated pottery, transport amphorae from Chios and Lesbos, Late Corinthian specific small vases, as well as few examples of the latest banded cups of Ionian tradition. It is now possible to discuss the earliest imports represented by vases of the late 6th – first half of the 5th century BC. Some other selected vases from the next periods which include examples of the 4th till the 2nd c. BC are being analysed in the following. The comparison of the Tomis pottery with the actual collections from Histria, Berezan and Olbia Pontica shows the common direction of imports spread widely among the Milesian colonies in the Western and North-Western parts of the Pontus.

A special discussion is open on the changes at Tomis after the war dated to the middle of the 3rd century BC and the role of Byzantium in the evolution of the settlement from *emporion* to *civitas* in Ovid' time.

Keywords: pottery, Tomis, *emporion*, Early Classical, Hellenistic, Byzantium.

B. Лунгу¹

ТОМЫ, ГРЕЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Аннотация: недавно выявленная группа позднеархаических и раннеклассических предметов импорта дает новую информацию о начале греческого поселения в Томах. Здесь представлена аттическая керамика, украшенная орнаментом, транспортные амфоры с Хиоса и Лесбоса, небольшие вазы позднего коринфского периода, а также несколько образцов новейших чаш с кольцами ионийской традиции. Теперь можно говорить о самом раннем импорте, представленном сосудами конца VI – первой половины V в. до н.э. Ниже анализируются некоторые другие сосуды более позднего времени, которые включают экземпляры с IV по II век до н.э. Сравнение керамики из Том с реальными коллекциями из Истрии, Березани и Ольвии Понтийской показывает общее направление импорта, широко распространенное среди милетских колоний в Западной и северо-западной частях Понта.

Особое обсуждение открыто по поводу изменений в Томах после войны, датируемой серединой III в. до н.э., и роли Византии в эволюции поселения от *emporion* к *civitas* во времена Овидия.

Ключевые слова: керамика, Тома, раннеклассический период, эллинизм, Византий.

Tomis est située dans la région ouest-pontique où les Grecs sont arrivés à partir du milieu du VIIe s. av. J.-C. Elle est perçue depuis longtemps comme un établissement grec installé dans un milieu indigène et doté d'avantages spécifiques liés à la configuration du promontoire qu'elle occupait, et à sa position privilégiée le long des routes maritimes du sud égéo-méditerranéen vers le nord pontique. Le plus souvent, sa fondation est liée au mouvement de la colonisation ionienne des VIIe et VIe siècles av. J.-C. en mer Noire. À cette époque, la région était occupée par les Gètes (ou Thraces), et les Scythes, mais la densité de leurs établissements dans cette partie de la Dobroudja était plus faible qu'au Nord.

Avant Ovide, pour lequel Tomis incarne la désolation qu'il traverse lors de la dernière étape de sa vie terrestre, les auteurs grecs se sont peu intéressés à ces contrées situées à la périphérie du monde grec. Par conséquent, Tomis ne dispose pas d'un héritage important de sources écrites. Cette situation peut alors être compensée partiellement par la contribution de l'archéologie².

Les fouilles ont débuté à Tomis au XIXe siècle, à la fois dans ses nécropoles³ et dans l'établissement «... Partout ailleurs la falaise, presque exclusivement formée de calcaire coquillier, de marne, d'argile appartenant au terrain tertiaire inférieur, se montre exhauscée par une énorme quantité de débris de poteries, d'ossements d'animaux et de toutes choses qui indiquent l'existence ancienne d'une ville très peuplée» (Allard 1859: 25). Quant aux monuments de l'établissement, «...L'un de nous

¹ Lungu Василика, старший научный сотрудник Института исследований Юго-Восточной Европы Румынской академии, Calea 13 Septembrie nr. 13, corp B, et 4, 050711, sector 5, București.

² Pour une analyse exhaustive des sources, voir Buzoianu, Bărbulescu 2012.

³ Allard 1859: 24: « M. Blondeau a fait fouiller deux autres tumuli sans y rien trouver ».

a trouvé aussi sur le bord de la mer deux chapiteaux ioniques d'une grande pureté de forme et de dimension colossale, enfouis avec les piédestaux de pilastres inachevés» (Allard 1859: 25).

Toutefois, les fouilles récentes ont rarement mis en lumière les niveaux d'occupation de la première période grecque et les données acquises s'avèrent trop faibles pour éclairer l'architecture monumentale de cette période. Les principales fouilles sont celles du secteur du « Parcul Catedralei » (fig. 1 -1) menées par A. Rădulescu et C. Scorpan (Rădulescu, Scorpan 1975: 9–54), qui livrent la première description des maisons archaïques, de leur organisation spatiale et de leur chronologie. Les fouilles préventives menées par Gh. Papuc, A. Mototolea et T. Potârniche, réalisées sur deux secteurs différents de la péninsule, situés à proximité sur la rue Arhiepiscopiei (fig. 1 -2)⁴, complètent ces données, tout comme d'autres sondages restreints en surface, faits par Z. Covacef, T. et L. Cliante ou C. Nopcea et restés encore inédits. L'étude du mobilier céramique, collecté lors de ces fouilles, nous permet appréhender certains nouveaux aspects de l'occupation précoce du site⁵.

Ainsi, les productions d'importation les plus anciennes ne sont attestées que par quelques fragments de céramique fine de vases à boire liés au groupe ionien de production tardive (fig. 2 -1–2)⁶ et par des amphores de transport de Lesbos de la fin de l'époque archaïque (fig. 2 -3) (Монохов 2003: 45, fig. 27.5, type I C)⁷ et de Chios (fig. 2 -4) du Ve s. av. J.-C. (Монохов 2003: 17, figs. 5–7, type III B-C)⁸. Dans les premiers niveaux d'occupation apparaissent également des productions attiques à figures noires (fig. 2 -6–7) et à vernis noir (fig. 2 -8–9)⁹, qui se font plus diverses et plus abondantes dans la première moitié du Ve s. av. J.-C.

Parmi les vases figurés les plus fréquents, on dénombre les vases attribués au Peintre de Haimon, tandis que parmi les formes attestées figurent la coupe-skyphos (fig. 2 -6, voir Lungu 2021: 45–56), qui est la plus courante, et le lécythe de petite taille (fig. 2 -7)¹⁰. Les vases attiques à vernis noir, dont les coupes de la classe « inset lip », redéfinies comme « Castulo type » (fig. 2 -8), sont cependant plus fréquents. Il s'agit d'une forme spécifique du vernis noir attique, diffusée notamment au Ve s. av. J.-C. Pour ce qui est de la terminologie, la première formule a été lancée par B. Sparkes et L. Talcott en 1970 (Sparkes, Talcott 1970: 101–102) et c'est à la forme spéciale de la lèvres que l'on doit le terme « inset lip » à Athènes. Ce type date de 470–450 av. J.-C. selon les contextes issus de l'Agora d'Athènes (Sparkes, Talcott 1970: 268, n° 471, fig. 5). B. Shefton préfère le renommer « Castulo cup » d'après le nom du site espagnol d'où proviennent les quantités les plus importantes – environ 300 exemplaires (Shefton 1996: 163–186). De nombreux exemplaires proviennent de Bérézan, datant de la troisième période chronologique du site, située au deuxième et au troisième quart du Ve s. av. J.-C. (Ильина, Чистов 2012: 275, pl. 119, n°s 6–8). Une coupe attique à profil complètement restauré constitue un exemplaire du type « Vicup » (fig. 2 -9), datable entre 475–460 av. J.-C. (Sparkes, Talcott 1970: 265, n°s 434–437, fig. 5, pl. 20). Plusieurs exemplaires fragmentaires de coupes attiques « type C » de l'Agora d'Athènes sont enregistrés dans divers sondages. Ils sont plus récents que les exemplaires de

⁴ Papuc et al. 2002: 108–110; Mototolea et al. 2019: 373–382. Nous remercions vivement Aurel Mototolea et Tiberiu Potârniche, les auteurs de la fouille, d'avoir aimablement mis à notre disposition cette photographie.

⁵ Seules les céramiques d'importation ont été prises en compte pour cette étude. Pour les vases modelés contemporains de Tomis, voir Arsenie 2000–2001: 283–297.

⁶ Le vase (fig. 2 -1) provient du secteur « Parcul Catedralei », voir Rădulescu, Scorpan 1975: 45, fig. 29.

⁷ Le fragment a été trouvé dans un complexe de la première phase d'occupation du site, dans le secteur « Arhiepiscopiei 11 », inédit.

⁸ Les deux sont sans contextes marqués. Voir aussi Rădulescu, Scorpan 1975: 45, fig. 28; les mêmes types sont publiés par Buzoianu 1991, 77, pl. 1 ; 85, pl. VI.

⁹ Les objets de figs. 2 -2, 3, 6–9 sont sortis de deux complexes, une fosse et une maison aménagée en fosse, les deux fouillées récemment dans secteur « Arhiepiscopiei 11 », voir Mototolea et al. 2019.

¹⁰ Pour la coupe-skyphos fig. 2 -6, voir similaire à Bérézan, chez Ильина, Чистов 2012: fig. 119.2, de la période III; pour le lécythe, fig. 2 -7 voir Lesly-Shear 1993: 383–482, pl. 81–83, ca 460–450 av. J.-C.; Соловьёв 2003: 76, fig. 144, tombe 10, premier tiers du Ve s. av. J.-C.

la zone sacrée d'Istros¹¹. L'inventaire céramique du Ve s. av. J.-C. comprend également quelques tessons de *khoton*¹² et de *cotyle* corinthienne¹³ (fig. 2 -11-12), parmi les premiers vases connus des contextes fouillés, ainsi que des importations nord-ioniennes de céramique à bandes rouges (fig. 15 = Rădulescu, Scorpan 1975: 45, fig. 30, vase attribué à Clazomènes).

En revanche, de nombreux groupes céramiques liés à la première phase de la colonisation grecque (correspondant aux niveaux N I, N II et N III archaïques d'Istros) sont absents. Lors de nos derniers examens de la céramique grecque de Tomis, nous avons constaté que les amphores les plus anciennes de Lesbos, Chios, ou celles de Clazomènes et Samos des VIIe-VIe siècles av. J.-C. font complètement défaut du matériel disponible à Tomis. Les principaux groupes des céramiques fines de la première phase de la colonisation pontique, relatifs aux VIIe-VIe s. av. J.-C., tels les vases décorés du style des « Chèvres sauvages », ou les coupes ioniennes à oiseaux, à rosettes ou à bandes (type Villard A et B1), ainsi que la céramique de type « Fikelura » et celle corinthienne ancienne sont complètement absents¹⁴. Les imitations histriennes de céramiques fines décorées de style « Fikelura » ou du style de « Chèvres sauvages », identifiées par P. Dupont, ne sont pas encore signalées¹⁵.

Suivant ces résultats, l'hypothèse avancée par L. Buzoianu et M. Bărbulescu selon laquelle les premières céramiques de Tomis correspondent à celles du niveau N III archaïque d'Istros, daté du 560 à la dernière décennie du VIe s. av. J.-C. doit être remise en cause¹⁶. À Bérézan, d'où proviennent de nombreux exemples similaires aux vases des premières couches de Tomis, la période III date du deuxième et du troisième quart du Ve s. av. J.-C. (Ильина, Чистов 2012; Чистов 2012: 131). En tenant compte de tous les groupes céramiques absents à Tomis, mais présents à Istros dans le niveau III archaïque (Dimitriu 1966: 28-37), je dirais que les premières céramiques de Tomis ont tendance à s'éparpiller très peu vers la fin de la période et à se concentrer dans la phase postérieure à ce niveau histrien. En général, il s'agit de vases qui peuvent passer facilement du VIe au Ve s. av. J.-C.

Les trouvailles de céramiques attiques du début et de la première moitié du Ve s. av. J.-C. appartiennent à la période qui accompagne l'expansion de l'« impérialisme » athénien au nord de l'Égée, puis en mer Noire lors de la transition entre l'époque archaïque et l'époque classique. Cette période correspond aux conflits avec les Perses au terme desquels on assiste à un infléchissement significatif des intérêts athéniens, manifestés de manière continue et systématique envers les établissements de la mer Noire depuis déjà les premiers siècles de la colonisation grecque. C'est donc dans ce contexte politico-économique qu'il convient d'apprécier la signification d'une partie des importations athéniennes précoces à Tomis.

Quelques fragments d'amphores en pâte grise de Lesbos (fig. 2 -14, 15) et un couvercle attique à vernis noir (fig. 3 -16) découverts pendant des prospections à Năvodari-Capul Midia, datant de la même époque, signalent un autre site contemporain situé sur un promontoire à 18 km Nord de Constanța, en faisant pont vers le territoire d'Istros. Un couvercle similaire est trouvé dans un cotexte de la troisième période chronologique de Bérézan, datée du deuxième et du troisième quart du Ve s. av. J.-C.¹⁷

¹¹ Alexandrescu 2005: 348-349, C111-C115, fig. 43, pl. 46, datés de 520-500 av. J.-C.

¹² Risser 2001: 100, n° 383, daté entre 450 et 410 av. J.-C.

¹³ Risser 2001: n° 163 et 209, p. 71, pl. 14, première moitié ou milieu du Ve s. av. J.-C.

¹⁴ Nous avons plusieurs fois souligné ces résultats, la dernière fois dans le cadre de la Session Pontica 2022, organisée au Musée de Constanța.

¹⁵ Dupont 1983: 38.

¹⁶ Voir aussi, Dimitriu 1964: 133, ca. 560-510 environ av. J.-C.; Buzoianu, Bărbulescu 2012: 20.

¹⁷ Sparkes, Talcott 1970: 164-167, fin du VIe-début du Ve s. av. J.-C.; Ильина, Чистов 2012: 111, 276, pl. 120, n°s 4, 6.

Une coupe-skyphos à parois mince (fig. 2 -10) de 375–350 av. J.-C. découverte dans la nécropole¹⁸ confirme la continuité des importations attiques au IVe s. av. J.-C., où elles deviennent de plus en plus nombreuses dans l'habitat. Seulement quatre ou cinq tombes de la nécropole grecque datent du IVe s. av. J.-C. (Barbu 1961: 203–225; Bucovală 1966: 9–13)¹⁹, qui sont les tombes les plus anciennes connues jusqu'à présent qui éclairent par leur présence une occupation désormais permanente du site situé sur la péninsule.

Les importations continuent pendant les siècles suivants, mais il faut attendre la seconde moitié du IIIe s. av. J.-C. pour que les quantités augmentent et la prospérité de la ville soit manifeste. À cette époque, Tomis commence à fabriquer dans ses propres ateliers des vases céramiques qui forment une production d'imitation principalement de modèles attiques, ouest- et sud-méditerranéens. Après cette date, et notamment à partir du IIe s. av. J.-C., l'établissement s'agrandit et ses rapports avec le monde égéo-méditerranéen se diversifient²⁰.

Céramiques et histoire à Tomis

Les caractéristiques exceptionnelles issues de cette continuité confèrent au site de Tomis, la ville moderne Constanța, un intérêt particulier parmi les cités pontiques, mais les conditions actuelles compliquent l'étude de sa trajectoire historique, car nombre de ses monuments anciens sont irrévocablement perdus. Au milieu du XIXe siècle, C. Allard, affirmait qu'« il a fallu l'ordre d'un oracle pour forcer les Milésiens à venir fonder des colonies sur cette rive, que Médée a arrosée du sang de son frère, dont les flots roulent encore sur la grève les membres pâles et la tête sanglante : *Inde Tomis dictus locus hic; quia fertur in illo / Membra soror fratris consecuisse sui* » (Ov. Trist. III.9, 33–34, chez Allard 1859: 32). Il est bien possible que cette occasion se soit présentée au moment du siège de Milet et de l'Ionie par les Perses en 494 av. J.-C.²¹, ou peu de temps auparavant sous leur pression. Au début du Ve s., nous retrouvons les Milésiens et d'autres Ioniens forcés, en raisons des guerres et des conflits, de fuir leurs foyers en quête de sécurité quelque part (Hdt. VI.6–7). La chronologie des céramiques d'importation, les plus anciennes attestées sur les premiers niveaux d'occupation, datés entre la fin du VIe et le début du Ve s. av. J.-C. (ca. 546–494, cf. Rădulescu 1977: 57), conforte cette hypothèse. Nous n'avons pas clairement identifié des céramiques milésiennes, mais on peut remarquer la présence de quelques petits tessons de coupes ioniennes à bandes dont le fragment illustré (fig. 2 -2) que nous pouvons rapporter à une phase plus évoluée de vases, par exemple le numéro 287 du niveau N III archaïque d'Istros (Dimitriu 1966: 83, 448, pl. 16). Par rapport à Istros, qui représente une *polis* dans le sens classique du terme et qui étend dès le début ses contacts à la fois vers le nord et vers l'est, Tomis n'est qu'un point d'escale et ne développe pas à cette époque un territoire propre. Qui plus est, il n'y a pas de symétrie dans les modalités d'installation, Istros étant une fondation éminemment fluviale, dépendante des richesses du Delta²², tandis que Tomis constitue une installation littorale tournée essentiellement vers le commerce maritime. Or, de ce point de vue, la distinction entre la colonisation d'Istros et celle de Tomis s'impose. Les deux sites relèvent de deux mouvements de colonisation différents, qui ont donc des causes et des buts différents et spécifiques. Les auteurs de la monographie sur Tomis parlaient de son intérêt pour le petit commerce (« micul comerț ») avec les habitants

¹⁸ Il a une forme plus évoluée que le dernier exemplaire de la série attique de Sparkes, Talcott 1970: 279, n° 608, fig. 6, daté ca 380.

¹⁹ Nous ajoutons ici la tombe où a été retrouvée la coupe-skyphos de la fig. 2 -10. De la même époque date aussi la plus ancienne stèle funéraire, voir. Munteanu 1974: 157–159; ISM II, 456.

²⁰ Les amphoriques phéniciens retrouvés souvent dans les nécropoles témoignent de cette diversité. À l'exception de ceux déjà connus (voir Lungu 2007a: 111–136), il existe encore des exemplaires inédits, retrouvés après la date de la publication.

²¹ Une autre hypothèse envisage l'expédition militaire des Perses en Scythie, cf. Lungu 2020.

²² Pour les résultats récents, voir Baralis, Lungu 2021: 91–120.

indigènes du site (Buzoianu, Bărbulescu 2012: 16)²³. Mais celui-ci est vraiment pauvre à cette époque précoce, comme nous révèlent les trouvailles connues. Il gagne en importance si l'on considère que des sites comme celui de Năvodari-Capul Midia (non-fouillé) entraient dans un réseau littoral régional.

Par ailleurs, on note dans le cas de Tomis l'absence de tombes de la première phase dans les nécropoles antiques fouillées à Constanța. Cette situation nous oblige de spéculer sur une installation permanente dans un établissement de voisinage, par exemple à Istros, or dans un autre encore inconnu²⁴. Or, l'arrivée des Grecs (Ioniens, notamment) à Tomis peut correspondre à la stratégie de Milet et d'autres cités ioniennes de soutenir les anciennes colonies pontiques et leur propre commerce sur les grandes routes maritimes vers les ports placés plus au nord de la mer Noire, ce qui explique son statut d'*emporion* noté plus tard par Memnon « περί Τόμειως τοῦ ἔμποριου » (Memnon FGRH 434 F 13 [= Photius, Bibliothèque cod. 224, 228a, b]).

Selon Hérodote, l'*emporion* est un « port commercial » et un « espace dans le territoire d'une polis »²⁵. Pour Xénophon (Anab. I.4.6), Démosthène (20.31.33 ; 35.28 ; 53) et Théopompe (FGrH 115.62), l'*emporion* est un port, une partie d'un port ou un espace au sein du port. Aristote (Pol. 51.4) donne une définition plus simple en disant que l'*emporion* est le marché où on l'achète ou vend divers choses. N. Herman-Hansen fait la distinction entre deux types d'*emporion* : 1. une communauté qui possède un *emporion* ; 2. une communauté organisée en *emporion* (Herman-Hansen 2006: 3–5).

Il y a donc plusieurs façons de comprendre un *emporion*. Les données, dont on dispose jusqu'à présent, ne sont pas suffisantes pour décrire clairement la situation à Tomis avant le milieu du IIIe s. av. J.-C. Cette date constitue un repère important pour l'histoire de Tomis car elle est liée à l'épisode militaire de 255–254 av. J.-C., mentionné dans le premier et le plus important récit dont on dispose (Memnon FGRH 434 F 13 [21 = Photius, Bibliothèque cod. 224, 228a-b]). Memnon affirme que Tomis reçoit le soutien de Byzance contre Istros et Callatis. Son texte constitue le socle de l'ensemble des analyses produites sur la trajectoire historique de la cité (Buzoianu, Bărbulescu 2012: 24–37).

D'abord, il apporte un témoignage important quant au statut de Tomis, qui a dû susciter la convoitise d'Istros et de Callatis; la dernière souhaitait lui imposer un monopole²⁶. Après cette guerre, que Tomis et Byzance emportent contre les deux autres cités impliquées²⁷, la paix restaurée aide Tomis à reprendre son essor pour parvenir à son âge d'or pendant les siècles suivants. Fort de la sécurité accordée par ce protectorat, l'*emporion* connaît désormais un accroissement visible des ressources et de sa population²⁸. De son côté, Byzance poursuit le renforcement de son contrôle sur les rives européennes du Bosphore et en mer Noire, où la cité avait des possessions qui lui permettaient de contrôler la région (Pseudo-Skymnos 723; Dionysius de Byzance 75; Strabo 7.6.1).

Dans ce contexte, il est néanmoins raisonnable de penser que les deux cités, Byzance et Tomis, ont gardé leurs rapports. Les enjeux de la guerre, soutenue par Byzance en faveur de Tomis et contre Callatis, étaient d'encourager le développement de Tomis en tant qu'*emporion* indépendant, libre de

²³ L. Buzoianu et M. Bărbulescu trouvent ici des arguments pour soutenir l'absence de sources sur Tomis avant le IIIe av. J.-C.

²⁴ La nécropole de Corbu, dépt. de Constanța, pourra être prise en considération à ce sujet ou pour identifier un autre établissement contemporain, voir Bucovală, Irimia 1971: 41–55.

²⁵ Hdt. I.165, cf. l'exemple d'Oinoussai dans le territoire de Chios; Herman-Hansen 1997: 85. Sur les diverses interprétations de la notion d'*emporion*, voir L'emporion 1993. En dernier lieu, Demetriou 2012.

²⁶ Le fragment cité de Memnon souligne clairement l'intention de Callatis dans ce sens.

²⁷ Memnon, FGrH 434 F13 (= Photius, Bibliothèque cod. 224, 228a-b.); Buzoianu, Bărbulescu 2012: 294. Il n'est pas question ici de reprendre toute la discussion autour de la source ou de la date, mais je pense qu'il est utile de rappeler la présence des captifs histriens de cette guerre, prisonniers à Tomis, cf. ISM I 4 ; Avram 2000–2001: 342–344.

²⁸ Le nombre de tombes de la nécropole hellénistique montre un accroissement continu pendant le IIIe et le IIe siècle av. J.-C., voir Barbu 1961; Bucovală 1966. Nombreuses tombes datées entre le IIIe et le Ier s. av. J.-C. sont encore inédites.

tout monopole²⁹. Indirectement, la protection de ce statut signifierait plus d'avantages pour la ville de Byzance grâce à l'intensification de ses propres échanges maritimes par les ports protégés, y compris Tomis, ou par l'utilisation de ses propres navires pour opérer à partir de l'*emporion* la diffusion des marchandises importées dans la région. Il s'agit, à mon avis, d'une raison importante de l'aide apportée par Byzance en faveur de Tomis, en répondant ainsi aux sollicitations de cette dernière d'une assistance contre Callatis, déjà dit ci-dessus. Si l'on suit l'opinion de R. Vulpe selon lequel la filiation milésienne de Tomis s'explique par la volonté des Milésiens de soutenir sur le plan commercial leur colonie d'Istros, alors la participation d'Istros à cette guerre aurait eu un fondement sérieux (Vulpe 1969). Mais cette aide de Byzance ne doit pas être mise dès le début « en rapport avec le prélèvement des taxes sur les transactions commerciales à Tomis »³⁰, car le port ainsi que le marché de Tomis n'étaient pas assez développés pour fournir des taxes avantageuses. Le soutien de Byzance en faveur de Tomis s'inscrit donc dans une stratégie commerciale de longue haleine visant à créer des escales au service, en premier, de son propre commerce. Dans ce contexte, l'intérêt de Byzance était d'abord de soutenir l'extension de son influence dans la région et ensuite d'aider Tomis à se développer, en prévision d'un accroissement et d'une protection du trafic maritime de la mer Noire afin de prélever dès lors des taxes plus lucratives.

L'installation de Tomis sur une péninsule abritant un port montre qu'elle était un point d'encrage nécessaire au développement des échanges des colonies pontiques avec la Propontide et la mer Egée. Mais quels sont les acteurs locaux ? Les découvertes céramiques provenant de divers sites ruraux plus au moins éloignés du centre urbain témoignent de l'existence d'un réseau de diffusion des produits importés, probablement par le port de Tomis, à l'intérieur du territoire des Gètes marqué par de nombreux sites. Leur approvisionnement en produits d'importation semble avoir été connecté à ce port (fig. 4) à partir de l'époque hellénistique seulement (Irimia 2007: 219, fig. 32).

En tant que port maritime, Tomis constitue par excellence un lieu de contact entre diverses *ethnè* et entre différentes cultures. Elle représente une agglomération qui se développe en contact avec la mer, ouverte vers le monde grec, et la terre, voie d'accès vers les pays indigènes.

Un réexamen des données disponibles éclaire les aspects identitaires qui surgissent dans le cadre d'une communauté multiculturelle. Tomis est une colonie milésienne, comme l'affirmait Ovide: « *Hunc quoque Mileto missi venere coloni / Inque Getis Graias constituere domos* » (Ov. Trist. III.9.3–4). Le poète relégué dans la ville répète avec insistance: « *A quibus (locis) adveniat Miletida sospes ad urbem, / Offensi quo me detulit ira dei!* » (= Puisse-t-il de là aborder sain et sauf à la ville milésienne où m'a relégué la colère d'un dieu offensé!) (Ov. Trist. III.9.3–4). L'origine milésienne des fondateurs est soutenue déjà à la deuxième moitié du IIIe s. av. J.-C., par Démétrios de Callatis (dans le périple du Ps.-Scymnos)³¹. Elle est également confirmée par le dialecte ionien des *graffiti* et des inscriptions tomitaines (Vulpe 1969: 151–153). La domination des cultes ioniens et surtout le rôle conféré à Apollon (ISM II 6) comme principale divinité, sont attestés par les documents épigraphiques de la fin d'époque hellénistique. L'origine milésienne est renforcée par les noms des tribus milésiennes (Stoian 1962: 17–18, 56–74, 148–160; 1966: 347–349, 355–356) et le calendrier (An Inventory 2004: 941; Buzoianu, Bărbulescu 2007: 298) à Tomis. R. Vulpe explique la filiation milésienne par des raisons de stratégie commerciale de Milésiens (Vulpe 1969). Malgré le témoignage littéraire conservé par le Ps.-Scymnos, certains chercheurs ne soutiennent pas une fondation directe de Tomis par les Milésiens, mais plutôt par les

²⁹ Sur ce point, voir aussi Buzoianu, Bărbulescu 2012: 26.

³⁰ Robu 2014: 27; Russell 2016: 68: « to turn the smaller city of Tomis into a 'monopoly' », et l'auteur considère que les Byzantins même « moneying monopoly », p. 110. Avram 2003: 1189–1190, apporte des arguments pour inclure cette guerre dans une dispute plus large entre Antiochos II et Ptolémée II.

³¹ Ps.-Scymnos 764 (éd. Korejak 2003), (F5), IIe–Ier s. av. J.-C.: « Tomeoi ist als Kolonie der Milesier entstanden ; es ist von Skythen im Kreis bewohnt (*hupò Skuthôn èn kùklò oikoúmena*) »; *Périple anonyme* GGM 72 ; Pomp. Mela II, 2, 22 : *a Milesiis deducta Callatis*, considéré comme une erreur à la place de *deducta Tomis*. See Avram 2006: 72, note 51.

Milésiens venus (or envoyés = *missi*, comme le dit Ovide) d'Istros³². Les noms ioniens attestés à Tomis pourraient également témoigner de la présence de ressortissants des colonies milésiennes dans cette cité, et notamment des colons d'Istros, la voisine de Tomis. Pourtant, les citoyens histriens sont captifs à Tomis au IIIe s. av. J.-C. (ISM I, 4; Avram 2000–2001: 342–344). Sans rejeter l'existence de relations et d'échanges entre Istros et Tomis à certaines périodes, les témoignages sont insuffisants pour que l'on puisse accepter une participation exclusive des Milésiens d'Istros à la fondation de Tomis.

La démographie de la cité évolue pendant les siècles suivants, avant et après l'arrivée des Romains. En plus des Milésiens, des Gètes et d'autres Thraces³³, voir peut-être des Scythes, d'autres populations se sont ajoutées au cours du temps.

À l'époque hellénistiques, les importations et les imitations de vases Hadra identifiées à Tomis (fig. 3 -17–18), soulève la question de l'existence d'une *koinè* culturelle « crétoise » ou « alexandrine », plus ou moins fondée directement sur la circulation des originaux ou la présence à partir de l'époque hellénistique d'un personnel lié aux cultes d'Isis et de Sarapis (Lungu 2007b: 1197–1210; Lungu, Dupont 2014: 233–255). Parmi les inscriptions relatives aux cultes alexandrins, les plus anciennes sont une dédicace à Isis « la reine » et « à Artémis » ([τῆ]βασιλ[ίσ]ση(ι) Ἴσι δ[ι] Ἄρτεμ[ίδι]) datable, d'après ses traits paléographiques, du IIe siècle a.C. » La liste se poursuit par trois autres inscriptions, dont l'une érigée κατὰ ὄναρ par un Sinopéen, à Sarapis, une autre, en état fragmentaire, consacrée Σαράπιδι καὶ Εἰσιδικαὶ [Ανοῦ]βιδι καὶ θεοῖς πᾶσιν, et « surtout un décret fragmentaire qui révèle à la fois l'existence d'un sanctuaire de Sarapis et la célébration d'une fête désignée comme Χα[ρομό]συνα ». Ces derniers documents sont « datés au Ier siècle a. C., remontant peut-être vers son début » (Avram, Halmagi 2019: 61–76). Pour compléter l'héritage alexandrin de Tomis, selon l'information de C. Allard : « On y voit sur le rivage des colonnes de granit rouge, de magnifiques blocs de marbre blanc tout à fait étrangers à la création géologique du pays. J'ai remarqué sur l'un de ces blocs deux excavations sculptées qui avaient pu servir de vases pour les eaux lustrales dans les sacrifices. Il m'a semblé en avoir vu un de la même forme dans le temple d'Isis a Pompéia » (Allard 1859: 24–25). À l'inverse, la documentation est soutenue également par la présence des Tomitains parmi les marchands des rois Lagides (Launey 1950: 1189, d'après Baillet 1926: n° 1202).

Avant l'arrivée d'Ovide, c'est Rome qui parvient en premier à Tomis par voie militaire³⁴. Coïncidence ou non, on observe à cette date d'importantes découvertes de céramiques campaniennes, parfois imitées à Tomis même. Au sein de ce lot, que nous étudions actuellement, une patère de type 1400 sert de témoin (fig. 3 -19). Ce type d'assiette ou patère correspond notamment à la forme 6 de Lamboglia (Lamboglia 1952: 168–169). Selon les études de J.-P. Morel, il s'agit d'une forme relativement tardive, adoptée par cette production sous l'influence d'une forme « à succès de la plus ancienne campanienne B. (Morel 1981: type F1431, 1441, 1443, 1452; 1986: 464) ». Elle est rarement identifiée avant le milieu du IIe s. av. J.-C., mais les exemples se multiplient notamment entre *ca.* 150 et 25 av. J.-C.

En guise de conclusion

Selon les recherches antérieures, les commencements de la cité, en fonction des découvertes archéologiques et en l'absence de sources textuelles, a été hypothétiquement estimé entre le VIIe et le VIe s. av. J.-C.³⁵ Les nouvelles données issues de l'analyse des céramiques soutiennent la fréquentation plus dense de la péninsule à partir du premier et du deuxième quart du Ve s. av. J.-C. Les trouvailles datables de la fin du VIe s. av. J.-C. sont susceptibles d'avoir circulé également au début de cette époque du Ve s. av. J.-C.. Les céramiques modelées sont également signalées en quantités importantes

³² Iliescu 1970: 91–92. Pour la même origine, voir Talmaçhi 2006: 19.

³³ Noms thraces attestés par les inscriptions, Buzoianu, Bărbulescu 2007: 36.

³⁴ Pour la dernière mise au point chronologique de la question, voir Matei-Popescu 2017: 19 et suiv.

³⁵ Voir Buzoianu, Bărbulescu 2007: 17–24, avec le résumé des anciennes hypothèses.

(Arsenie 2000–2001). Aux premiers temps de l'époque grecque, Tomis était directement exposée aux influences des nombreuses communautés locales.

En étudiant les données, nous pouvons dès lors affirmer qu'aux premiers siècles de son existence, c'est-à-dire aux Ve–IVe av. J.-C., le site grec de Tomis n'est encore qu'un « comptoir commercial sans territoire » et un port de refuge en cas de tempête ou d'approvisionnement pour les navires voyageant vers le nord ou le sud de la mer Noire. Durant cette phase précoce, les assemblages de céramiques fines sont dominés par les céramiques décorées, produites dans quelques ateliers d'Athènes, en particulier dans ceux qui ont fonctionné au début du Ve s. av. J.-C. Ces produits ont des analogies dans de nombreux sites de la mer Noire et témoignent de l'existence de relations apparemment continues entre Athènes et ces sites, y comprise Tomis³⁶.

En revanche, à l'époque hellénistique interviennent de nombreuses innovations, dont l'apparition d'un monnayage propre à la cité inscrit dans une diversification plus grande de son économie (Talmaçhi 2011), qui pose le problème de la gestion de cette prospérité et de l'accroissement de la cité et du commerce par le développement des institutions. Les trouvailles de nombreux sites indigènes révèlent à partir de la deuxième moitié du IVe siècle au IIIe et au IIe s. av. J.-C. le fait que la ville s'appuie sur un réseau d'échanges avec ceux-ci (fig. 2 -10 (Irimia 2007: 219, fig. 32). Ce processus implique une multiplication des ressources et un essor des métiers et des *instrumenta* relatifs au marché, parmi lesquels on note les poids commerciaux³⁷. À cette époque les ateliers locaux commencent à produire des copies céramiques des vases importés³⁸. L'apparition du monnayage tomitain a pu avoir comme conséquence l'installation d'une garnison, étrangère ou locale, assurant la sécurité des affaires et confortant de cette manière l'essor de l'établissement de Tomis.

Après le IIIe s. av. J.-C. (Memnon FGRH 434 F 13 [= Photius, Bibliothèque cod. 224, 228a-b]), Tomis passe du statut d'*emporion* à celui d'*urbs* – l'équivalent de la *polis*, retenu par Ovide. Les indices de cette transformation sont plus évidents au IIe s. av. J.-C., période pour laquelle les sources anciennes commencent à être plus denses. Parmi les institutions qui apparaissent à la fin du IIe s. av. J.-C. on remarque le théâtre (ISM II, 4), qui fait croître la réputation de la cité au début de l'Empire. En effet, les témoignages archéologiques et littéraires concordent pour montrer le passage progressif de Tomis d'un établissement mixte gète-grec à une cité gète-gréco-romaine³⁹.

Au Ier siècle av. J.-C., l'établissement de Tomis se présente comme un centre urbain très actif dont témoignent les importations et les productions céramiques, ainsi que les émissions de statères d'or réalisées pour Mithridate VI Eupator (Poenaru-Bordea 1999: 155–164). Grâce à son essor au Ier s., il est qualifié d'*urbs* par Ovide et Eusèbe de Césarée. En dépit de tous ces remarquables développements (architecturaux, économiques, organisationnels...), Tomis reste encore une ville « barbare » pour Ovide, « l'agonothète » de Tomis (Lozovan 1961: 172–181), arrivé ici de Rome, la ville de marbre d'Auguste. Il met parfois en avant l'héritage grec et surtout les origines milésiennes de la cité (Ov., *Tristia* 1, 10, 41–42). On remarque donc que la célébrité de la cité de Milet en tant que métropole de

³⁶ Les vases du Peintre de Haimon, voir Lungu 2021: 45–56.

³⁷ Ocheșeanu 1986: 167–175; Avram 2019: 167–254. Les plombs commerciaux sont explicités, à notre avis, par les échanges entretenus par les Gètes avec les Grecs. Une situation similaire à Pech Maho et Ampurias, voir Lejeune et al. 1988: 19–59; Décourt 2000: 111–124, dans ces deux cas les Ibères interviennent dans les échanges. En dernier lieu, pour les échanges commerciaux sur plomb, Dana 2021: n. 67 pour le plomb le plus connu d'Emporion.

³⁸ Ils ne sont pas encore toujours localisés, mais les imitations des céramiques sont diverses, voir Lungu, Dupont 2014: 233–254. Nous sommes en train d'étudier les nombreuses copies de céramiques hellénistiques importées à Tomis de l'Égée et de la Méditerranée. En revanche, nous n'avons pas remarqué encore d'imitations tomitaines des formes importées avant l'époque hellénistique.

³⁹ L'évolution de l'établissement de Tomis est comparable à celle d'Emporion, en Espagne, pour lequel voir Vallet 1968: 137.

nombreuses *apoikiai* de la Propontide et du Pont-Euxin était toujours à l'honneur dans la mémoire collective à l'époque hellénistique et impériale à Tomis. En revanche, les découvertes connues jusqu'à présent des deux premiers siècles ne révèlent pas les caractéristiques de la fondation d'une vraie apoikia in Italic. C'est la raison pour laquelle je penche pour l'hypothèse du développement de l'*emporion* graduellement autour du port entre le début du Ve et le IVe s. av. J.-C., au départ en connexion avec quelques installations contemporaines, comme celles de Corbu et de Năvodari-Capul Midia, situées plus loin au nord. La métamorphose de Tomis continue pendant les siècles suivants jusqu'à atteindre le statut de métropole, à l'époque impériale, et elle peut être suivie étape par étape dans les sources textuelles citées auparavant. Bien que Strabon l'appelle *polichnion* (« petite ville ») (Strabo 7.6.1), Ptolémée, Arrien, au Ier-IIe s., Sozomène et Zosime, au Ve-VIe s., la considèrent comme une vraie *polis*. En effet, à l'époque romaine, Tomis apparaît comme une *civitas*⁴⁰ mixte formée principalement de Grecs, de Gètes et de Romains.

BIBLIOGRAPHIE

- Ильина, Чистов 2012 – Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. 2012. Березанское поселение классического периода. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции* (2). СПб., 105–113.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Соловьёв 2003 – Соловьёв С.Л. 2003. *Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея*. СПб. – 212 с.
- Alexandrescu 2005 – Alexandrescu P. 2005. La céramique / La zone sacrée d'époque grecque (Fouilles 1915–1989). *Histria* (VII), 329–411.
- Allard 1859 – Allard C. 1859. *Dobroutcha: souvenirs d'Orient*. P. – 84 p.
- An Inventory 2004 – *An Inventory of Archaic Classical Poleis: An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. 2004 / M. Herman-Hansen, T. Heine-Nielsen (éds.). Oxf. – 1413 p.
- Arsenie 2000–2001 – Arsenie L. 2000–2001. Ceramica lucrată cu mâna la Tomis, stadiul actual al cercetării. *Pontica* (33–34), 283–297.
- Avram 2000–2001 – Avram A. 2001. Autours de quelques décrets d'Istros. *Pontica* (33–34), 337–348.
- Avram 2003 – Avram A. 2003. Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphie et la mer Noire. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1189–1190.
- Avram 2006 – Avram A. 2006. The Territoris of Istros and Kallatis. *BSS* (4). Aarchus, 59–80.
- Avram 2019 – Avram A. 2019. Poids de Tomis portant des légendes. *Il mar Nero* (IX), 2012/2018, 167–254.
- Avram, Halmagi 2019 – Avram A., Halmagi D. 2019. Nouveaux documents sur les cultes égyptiens à Tomis. *Greci et Romani sulle sponde del mar Nero, Aristhonos. Scritti per il Mediterraneo antico* (15), 61–76.
- Baillet 1926 – Baillet J. 1926. Inscriptions grecques et latines des rois ou Syringes à Thèbes. *Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire* (XLII), Le Caire. – 219 p.
- Baralis, Lungu 2021 – Baralis A., Lungu V. 2021. Colonising the Southern Sectors of Danubian Delta: the Settlement of Caraburun-Acic-Suat. *Environnement and Habitation around the Ancient Black Sea* / D. Braund, V. Stolba, U. Peter, (éds.). Berlin; Boston, 91–120.
- Barbu 1961 – Barbu V. 1961. Considérations chronologiques basées sur les données fournies par les inventaires funéraires des nécropoles tomitaines. *Studii clasice* (III), 203–225.
- Bucovală 1966 – Bucovală M. 1966. *Necropole elenistice la Tomis*. Constanța. – 137 p.
- Bucovală, Irimia 1971 – Bucovală M., Irimia M. 1971. Cimitirul din secolul VI–V î.e.n. de la Corbu, jud. Constanța. *Pontica* (IV), 41–56.
- Buzoianu 1991 – Buzoianu L. 1991. Tipuri de amfore din secolele VI–IV a. Chr. descoperite la Tomis. *Pontica* (24), 75–96.
- Buzoianu, Bărbulescu 2007 – Buzoianu L., Bărbulescu M. 2007. Tomis. *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2 (BAR International Series 1675 (I))* / D.V. Grammenos, E.K. Petropulos (eds.). Oxf., 287–336.
- Buzoianu, Bărbulescu 2012 – Buzoianu L., Bărbulescu M. 2012. *Tomis. Comentariu istoric și arheologic*. Constanța.

⁴⁰ Voir le débat sur les sources chez Buzoianu, Bărbulescu 2007: 16–17.

- Dana 2021 – M. Dana. 2021. *La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson : corpus épigraphique et commentaire historique*. *Vestigia* (73). Munich.
- Décourt 2000 – Décourt J.-Cl. 2000. Le plomb de Pech Maho, état de la recherche 1999. *Archéologie en Languedoc* (24), 111–124.
- Demetriou 2012 – Demetriou D. 2012. *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean: The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambr.; N.Y.
- Dimitriu 1964 – Dimitriu S. 1964. Les événements du Pont-Euxin de la fin du VIe siècle av. n.è. reflétés dans l'histoire d'Histria. *Dacia* (VIII), 133–144.
- Dimitriu 1966 – Dimitriu S. 1966. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică. Săpături 1955–1960. *Histria* (II), Bucurest, 19–132.
- Dupont 1983 – Dupont P. 1983. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. Rapport préliminaire. *Dacia* (27), 19–43.
- Herman-Hansen 1997 – Herman-Hansen M. 1997. Emporion: A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods. *CPCPapers* (4), 83–105.
- Herman-Hansen 2006 – Herman-Hansen M. 2006. Emporion: A study of the use and meaning of the term in the archaic and classical periods. *Greek colonisation: An account of Greek colonies and other settlements overseas* (1) / G. Tsetschladez (éd.). Leiden, 1–39.
- Iliescu 1970 – Iliescu Vl. 1970. Cu privire la coloniile grecești din Dobrogea și la data constituirii teritoriului lor rural. *Pontica* (III), 87–98.
- Irimia 2007 – Irimia M. 2007. Considerații privind așezările getice din Dobrogea și problema existenței unor emporia în zona Dunării inferioare. *Pontica* (40), 137–225.
- Lamboglia 1952 – Lamboglia N. 1952. Per una classificazione preliminare della ceramica campana. *Atti del i Congresso di Studi Liguri*. Bordighera, 139–206.
- Launey 1950 – Launey M. 1950. *Recherches sur les armées hellénistiques* (II). P. – XI+642 p.
- Lejeune et al. 1988 – Lejeune M., Pouilloux J., Solier Y. 1988. Étrusque et ionien sur un plomb de Pech Maho. *Revue d'Archéologie Narbonaise* (21). Montpellier, 19–59.
- L'emporion 1993 – *L'emporion*. 1993 / A. Bresson, P. Rouillard (éds.), P. – 248 p.
- Lesly-Shear 1993 – Lesly-Shear T., Jr. 1993. The Persian Destruction of Athens. *Hesperia* (62), 383–482.
- Lozovan 1961 – Lozovan E. 1961. Ovide, agonothète de Tomes. *Revue des Études latines* (39), 172–181.
- Lungu 2007a – Lungu V. 2007. Amphoriques phéniciens au bord de la mer Noire. *Pontica* (40), 111–122.
- Lungu 2007b – Lungu V. 2007. L'Égypte lagide et les cités grecques du Pont Ouest. *Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists (Actes du neuvième Congrès international des égyptologues)*, Grenoble, 6–12 septembre 2004, *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 150 (II) / J.-C. Goyon, C. Cardin (éds). Louvain; Paris; Dudley (MA), 1197–1210.
- Lungu 2021 – Lungu V. 2021. Attic black-figure pottery at Tomis: the Haimon Painter's cup-skyphoi. *Caiete ARA* (12), 45–56.
- Lungu, Dupont 2014 – Lungu V., Dupont P. 2014. Imports and Local Imitations of Hellenistic Pottery in the Northwest Black Sea Area: Hadra and Pseudo-Hadra Wares. *BSS* (16) / P. Guldager-Bilde, M. Lawall (eds.). Aarhus, 233–254.
- Matei-Popescu 2017 – Matei-Popescu F. 2017. Ovide at Tomis: the Early History of the Left Pontus under the Roman Rule. *Civiltà Romana. Rivista pluridisciplinare di studi su Roma antica e le sue interpretazioni* (IV), 17–25.
- Morel 1981 – Morel J.-P. 1981. *Céramique campanienne. Les Formes*. P. – 690 p.
- Morel 1986 – Morel J.-P. 1986. Céramique à vernis noir d'Italie trouvées à Délos. *BCH* (CX), 461–493.
- Mototolea et al. 2019 – Mototolea A., Potârniche T., Stanc S.M. 2019. Cercetări arheologice recente în acropola tomitană (2017–2018). *Studiu preliminar. Tyrageția* (XIII (XXVII), 1), 373–382.
- Munteanu 1974 – Munteanu M. 1974. Câteva inscripții tomitane inedite. *Pontica* (7), 157–168.
- Ocheșeanu 1986 – Ocheșeanu R. 1986. Încercare de clasificare a pondurilor tomitane cu etalon MNA. *Cultură și Civilizație la Dunărea de Jos* (2), 167–175.
- Papuc et al. 2002 – Papuc Gh. et al. 2002. Constanta, jud. Constanta (Tomis). Pct. Str. Arhiepiscopiei nr. 23. *Cronica Cercetarilor Arheologice*, 108–110.
- Poenu-Bordea 1999 – Poenu-Bordea Gh. 1999. À propos du Pont occidental et du Bas-Danube à l'époque de Mithridate VI Eupator. *RBelgNum* (145), 155–164.
- Rădulescu 1977 – Rădulescu A. 1977. Știri despre începuturile orașului Constanța, *Pontica* (10), 53–57.
- Rădulescu, Scorpan 1975 – Rădulescu A., Scorpan C. 1975. Rezultatele preliminare ale săpăturilor arheologice de la Tomis, Parcul Catedralei, 1971–1974. *Pontica* (8), 9–54.
- Risser 2001 – Risser M.K. 2001. *Corinth VII:5. Corinthian Conventionalizing Pottery*. Princeton (New Jersey). – 208 p.

- Robu 2014 – Robu A. 2014. Les relations de Byzance avec les cités du pont Gauche à l'époque hellénistique: la guerre pour l'emporion de Tomis./ V. Cojocaru, Ch. Schuler (éds.). *Die Aussenbeziehungen pontischer und kleinasiatischer Städte in hellenistischer und römischer Zeit: Akten einer deutsch-rumänischen Tagung in Constanța 20–24. September, 2010*, Stuttgart, 19–36.
- Russel 2016 – Russell Th. 2016. *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxf. – 320 p.
- Shefton 1996 – Shefton B. 1996. The Castulo cups in the Aegean, the Black Sea and the Near East with Respective Hinterland / O. Lordkipanidze, P. Lèvêque (dir.). Sur les traces des Argonautes. *Actes du VIe symposium international de Vani (Vani, Colchide, 22–29 septebre 1990)*. P., 163–186.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora (XII/I, II)*. Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Stoian 1962 – Stoian I. 1962. *Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis*. București. – 379 p.
- Stoian 1966 – Stoian I. 1966. Le culte des Dioscures et les tribus tomitaines à la lumière d'un monument récemment publié. *Dacia (X)*, 347–356.
- Talmațchi 2006 – Talmațchi G. 2006. *Les monnaies autonomes d'Istros, Callatis et Tomis. Circulation et contexte*. Wetteren.
- Talmațchi 2011 – Talmațchi G. 2011. The coinage of the West Pontic Cities of Histria, Callatis and Tomis during the Autonomous Era. Iconography, Legend, Metrology, Chronology and countermarking. Cluj Napoca. – 682 p. (in Italic).
- Vallet 1968 – Vallet G. 1968. La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident. *Atti del Settimo convegno di studi sulla Magna Grecia: La città e il suo territorio*. Naples, 67–141.
- Vulpe 1969 – Vulpe R. 1969. Note de istorie tomitană. *Pontice (II)*, 149–167.

1

2

Fig. 1. Fouilles archéologiques dans deux secteurs de la péninsule de Tomis :
1 – le secteur «Parcul Catedralei » ; 2 – le secteur « Arhiepiscopiei 11 »

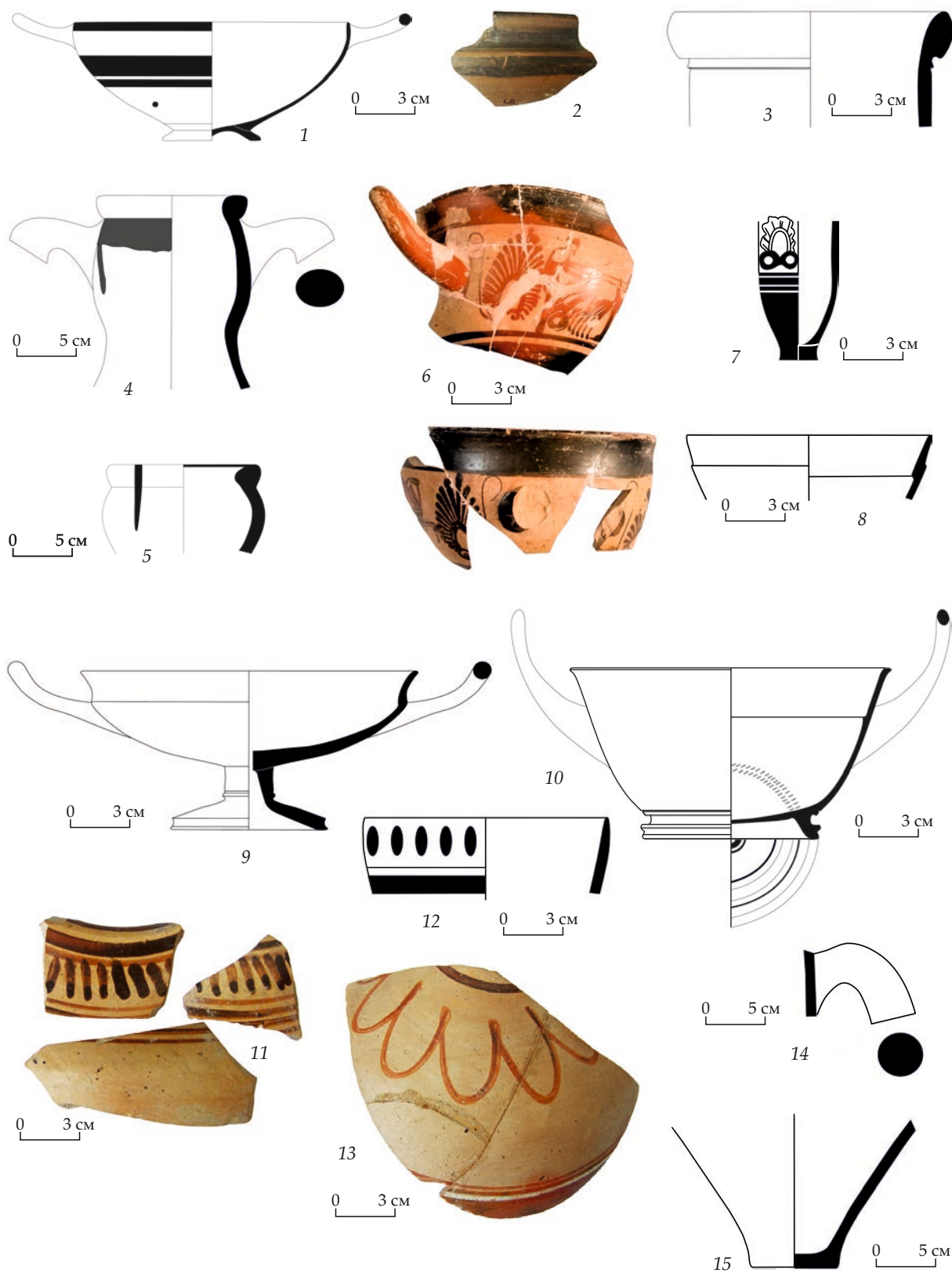

Fig. 2. Céramiques importées découvertes à Tomis (1-13) et Năvodari (14-15)

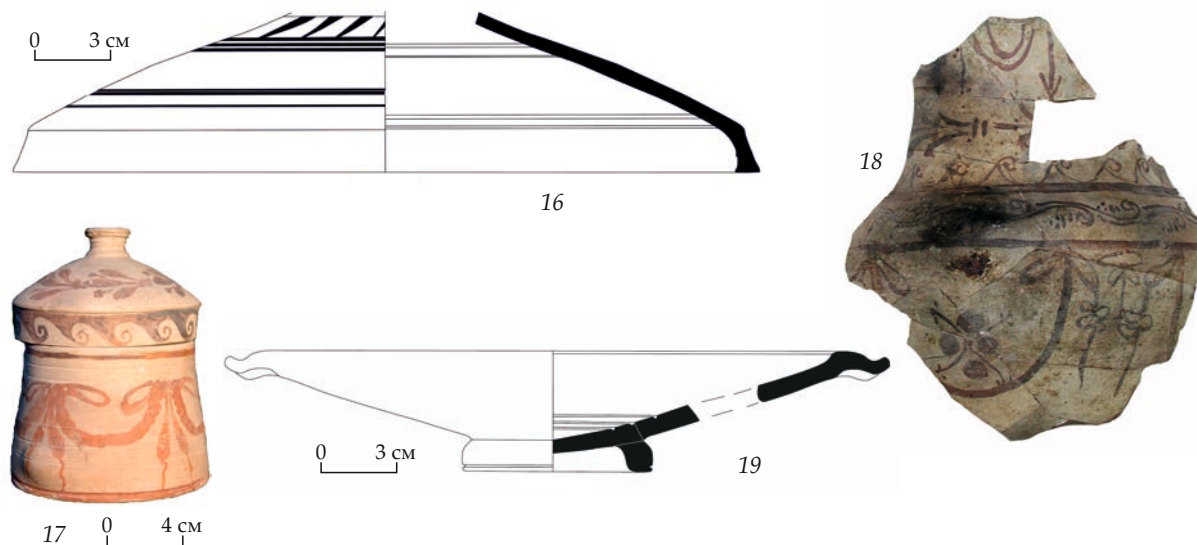

Fig. 3. Céramiques importées découvertes à Tomis (17-19) et Năvodari (16)

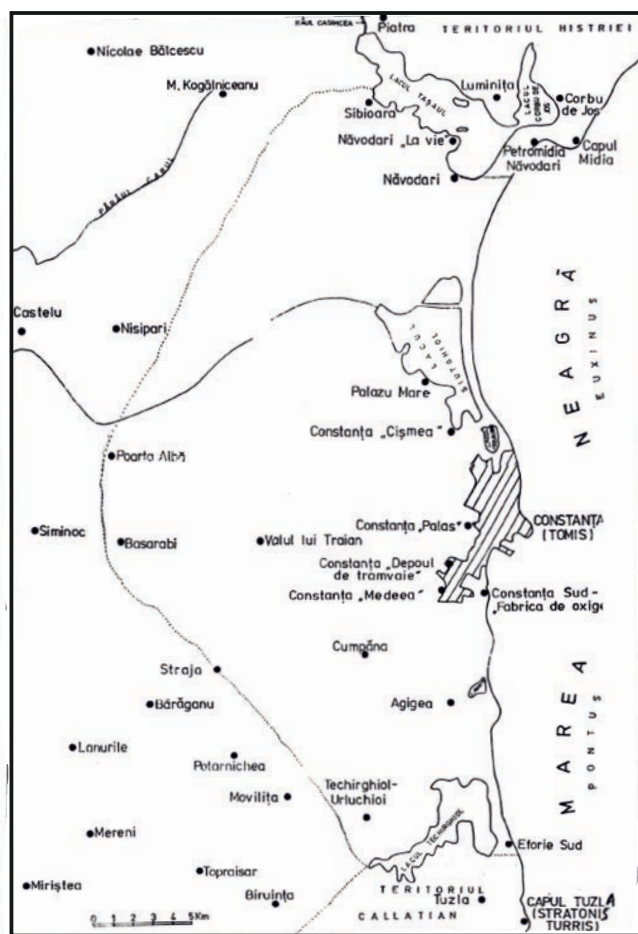

Fig. 4. Le territoire de Tomis à l'époque hellénistique (cf. Irimia 2007: 219, fig. 32)

A COMPARATIVE STUDY OF THE RHODIAN AND KNIDIAN FABRICANTS
IN THE 2ND CENTURY BC*

Abstract: the article compares the amphorae containers of the 2nd century BC of two production centers – Rhodes and Knidos. Special attention is paid to the so-called manufacturers, the modern designation of persons whose names are usually placed on the handles of amphorae next to the names of the eponymous magistrate. It is observed that a high proportion of the Rhodian fabricants were non-Rhodian and included a few women, whereas nearly all fabricants in Knidos were Knidians and male. The annual number of manufacturers also differed – 12 in Rhodes and up to 23 in Knidos.

Keywords: Rhodes, Knidos, amphorae stamps, fabricants, chronologies.

Д. Лунд¹

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОДОССКИХ И КНИДСКИХ ФАБРИКАНТОВ
II ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Аннотация: в статье сопоставляется амфорная тара II в. до н.э. двух производственных центров – Родоса и Книда. Особое внимание уделяется так называемым фабрикантам, современному обозначению лиц, чьи имена обычно ставятся на ручках амфор рядом с именами эпонимного магистрата. Показано, что большая часть родосских фабрикантов были не из Родоса и включали несколько женщин, в то время как почти все фабриканты в Книде были книдийцами и мужчинами. Отличалось и годовое количество фабрикантов – 12 на Родосе и до 23 в Книде.

Ключевые слова: Книд, Родос, амфорные клейма, фабриканты, хронология.

Our knowledge of the Greek transport amphorae has advanced considerably in recent years, not least thanks to research by the recipient of the present volume, Sergey Monakhov, who has explored well-nigh all aspects of the huge topic.

This contribution is a sequel to my previous publications on the amphorae from Rhodes and Knidos from the 2nd century BC (Lund 2011a; 2018; 2018 [2019]). It juxtaposes the two productions in order to advance our knowledge and to present some new ideas².

Special attention is given to the so-called fabricants, a modern designation for the individuals whose names are commonly stamped on amphora handles alongside that of an eponym magistrate (Badoud 2019b: 378). “Fabricant” is a misleading label, because it implies that we are dealing with someone who was responsible for the actual manufacture of the amphorae³. It also suggests that his (or in rare cases her) function was similar from one production centre to the next, which can hardly be assumed *a priori*. But I continue to use the term in order to avoid confusion.

Prolegomena

It is easy to find similarities of a general nature between Rhodian and Knidian amphorae of the 2nd century BC. Wine was surely the primary contents of both classes, though exceptions to this may not have been unusual (Panagou 2016: 329–330)⁴. Also, the vast majority of Rhodian and Knidian am-

¹ Лунд Джон, Dr. Phil., старший научный сотрудник Национального музея Дании, Ny Vestergade 10, 1471, Copenhagen, Denmark, John.Lund@natmus.dk, <https://orcid.org/0000-0002-5020-8243>.

* I extend my sincere thanks to Elena Kuznetsova and Natalia Churekova for kindly inviting me to contribute to this volume.

² For other aspects of the relationship between Rhodian and Knidian amphorae, see Leidwanger 2019 and Lawall 2019.

³ “Fabricant” was said to be a rare term for “maker or manufacturer” in *The Shorter Oxford English Dictionary* published in 1933, and this definition is echoed in current dictionaries. See also Palaczyk 2016: 127 and Börker 2019: 81.

⁴ For wine production in Knidos and Knidian amphorae, cf. Koparal *et al.* 2014; Leidwanger 2019; Lawall 2019 and Reger 2019.

phorae were stamped (Monakhov, Kuznetsova 2017: 94–95; Badoud 2019a: 203), even if the ratios of unstamped to stamped examples need to be worked out, in particular for the Knidian ones⁵.

Minor differences are also evident. Knidian amphorae held nearly 40 l. in the early 3rd century, but only 31–30 l. for most of the 2nd century BC (Grace 1949: 180; Dündar 2013: 167)⁶, whereas the Rhodian ones contained between 27,3 and 25,4 l. in the 2nd century BC (Wallace 2004: 430)⁷. This must be taken into account when comparing the volumes of Rhodian and Knidian wine export, but it does not imply any fundamental difference between the two productions, and neither does the fact that Rhodian amphorae were dated by reference to the annually changing Halios priest, whereas the Knidian ones refer to the eponymous *damiourgos* (Cf. Badoud 2019b: 378).

When it comes to the fabricants, however, a closer look at the evidence from each production centre reveals more substantial dissimilarities.

The Rhodian fabricants

Recent research by Marek Palaczyk, Christoph Börker, Nathan Badoud and others have increased our knowledge of the Rhodian fabricants immensely (Palaczyk 2017; Börker 2019; Badoud 2019a; Badoud, Dana 2019), and Gonca Cankardeş-Şenol has contributed another important piece of the puzzle in the form of extensive lists of associations between eponyms and fabricants (Cankardeş-Şenol 2017: 205–220). The number of quoted instances is probably slightly overstated, because she did not distinguish between genuine links (i.e. those supplied by unbroken amphorae or fragmentary ones with two handles joining the neck) and potentially less secure ones (suspected links between non-joining handles from the same context or site, and those based solely on stylistic similarities). Even so, the lists constitute a useful point of departure for the present analysis.

Cankardeş-Şenol attributes 147 Halios priests from the beginning of Period IIa to the end of Period VI, quoting a total of 977 eponym-fabricant combinations⁸. This runs to an average of 6.6 for each priest, but the number varies considerably from one eponym to the next (tabl. 1). Most of these were associated with five to seven fabricants⁹, and the highest number of combinations, 12, only occurred during the terms of ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ III and ΙΕΡΩΝ I. In consideration of the extremely high number of preserved Rhodian amphora stamps, it seems fairly certain that 12 was the maximum number of active fabricants in any given year. Since some of them functioned over as many as three decades, it follows that they could only occasionally have held office during consecutive years, as was also suggested by the *seriation* (tabl. 2) (Lund 2011a: 275, fig. 2).

Before Period II, things were different. The highest documented number of documented eponym-fabricant associations in Period Ia is three, rising to five in Periods Ib-c and to ten in Period IIa (Cankardeş-Şenol 2017: 205–208), which also saw the introduction of full month names on the stamps (Finkielsztejn 2001: 104; Lawall 2003: 132). This innovation probably came about as the result of legislation, since the wine producers are unlikely to have adopted such a laborious practice on their own accord¹⁰. The law may also have stipulated 12 as the maximum number of active fabricants in any given

⁵ For unstamped Knidian amphorae, see Lawall 2019: 419–420, figs. 1–2.

⁶ An amphora from Period V from the Athenian Agora (SS3219), holds slightly below 31 l. A complete amphora from Period VI (SS 7918) holds 29,66 l and a third one (SS 6602), which is dated to the late 2nd – early 1st century BC holds 34,25 l. Cf.: <https://ascsa.net/research?v=default>. For the variation in capacities through time, see Sergey Monakhov: <https://amphoras.artsci.utoronto.ca/trans/sym-t99.htm>, accessed on the 22nd of February 2022.

⁷ The mean capacity for 11 examples quoted by Брашинский 1984: 199–200 is 27 l. (disregarding 7 fractional amphorae). See also Monachov 2005: 88–91 and *passim*.

⁸ Associations marked by a question mark are excluded from the count.

⁹ In four cases (not included in Table 1), no associations are known.

¹⁰ Cf. Nathan Badoud 2019: 197: “De fait, l’absence complète, l’introduction soudaine et le maintien prolongé des emblèmes – puis de certaines catégories d’emblèmes ne peuvent être imputés qu’à des décisions d’ordre ad-

year, perhaps chosen equally from each of the old cities of Rhodes: Lindos, Ialysos and Kamiros¹¹. And since the practice of stamping was apparently first introduced in the island after Demetrios Poliorketes had abandoned his siege of the city of Rhodes in 304 BC (Finkielsztejn 2001: 53–54 with earlier references; Lund 2017; Badoud 2019a: 205; Thomsen, Finkielsztejn 2020: 256)¹², it is tempting to assume that the new law was also introduced to boost revenue for rebuilding in the wake of the great earthquake, which struck Rhodes between 229 and 226 BC, perhaps in 227 BC (Badoud 2011: 112–113; Bresson 2021)¹³. This hypothesis would necessitate a slight down-dating of the beginning of Period IIa, which is commonly held to begin c. 234 BC¹⁴, but Christian Ammitzbøll Thomsen and Gérald Finkielsztejn recently opted for "lowering the date of the beginning of the mention of the month on stamps" (Thomsen, Finkielsztejn 2020: 257).

The Knidian fabricants

Scholars have in recent times paid less attention to the amphorae of Knidos than the ones from Rhodes (see, however, Jefremow 1995; Sztetyło 2011), but new publications by Justin Leidwanger, Mark Lawall and Gary Reger are beginning to change this situation (Leidwanger 2019; Lawall 2019; Reger 2019). The present writer has also dealt with the Knidian amphorae from Periods IV B and V, cataloguing the connexions between *damiourgoi* and fabricants in an Appendix (Lund 2018 and 2018 [2019]), which forms the basis for what will be said below.

The 50 *damiourgoi* assigned by Grace to Periods IV B and V are associated with 378 fabricants (Lund 2018: 78–92). The number of connections for a single *damiourgos* varies between one and 23, with an average at c. 8 (see Lund 2018: 68). Most were connected with two to 11 fabricants (tabl. 3), but in some cases, the number runs higher: three (ΑΣΚΛΗΠΙΟΔΩΡΟΣ 2 [V], ΕΥΚΡΑΤΗΣ 2 [IV B] and ΕΥΦΡΑΝΩΡ 1 [V]) were each connected with 13 fabricants, four (ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ 2 [V], ΔΡΑΚΩΝ 2 [V], ΙΕΡΟΚΛΗΣ [V] and ΚΑΛΛΙΔΑΜΑΣ [V A]) with 14, one (ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ 2 [V]) with 17, one with 20 (ΚΛΕΥΜΒΡΟΤΟΣ [IV]), one (ΑΜΥΝΤΑΣ [IV B or VA]) with 22, and one (ΕΥΦΡΑΓΟΡΑΣ 1 [IV B]) with no less than 23 fabricants (Lund 2018: 68). Hence, up to nearly twice as many fabricants could be active during the terms of office of a single eponym in Knidos than in Rhodes (12). This is remarkable, because the Datça Peninsula is considerably smaller than Rhodes (not counting the Peraia)¹⁵, with a correspondingly smaller potential for wine production¹⁶. The numbers also suggest that Knidian fabricants may more often have functioned in consecutive years than his Rhodian

ministratif, au meme titre que la generalisation de la mention du mois a compter de ca 240". A few years earlier, the same scholar dated the introduction of month names about 235 BC (Badoud 2015: 11). See also Palaczyk 2017: 236.

¹¹ Each of the three old communities supplied a Halios priest in turn, cf. Badoud 2015: 154–155. Cf., however, Palaczyk 2017: 235.

¹² The issue is too complex to be discussed here, but since Grace apparently defined the period from the introduction of the full month names it is curious that ΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣ I, who is attributed to Period Ic, is already associated with months, whereas ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ I, ΕΞΑΚΕΣΤΟΣ, ΝΙΚΑΣΑΓΟΡΑΣ the Elder, ΑΡΙΣΤΕΥΣ, ΔΑΗΜΩΝ, ΝΙΚΩΝ and ΦΙΛΟΚΡΑΤΗΣ, who are attributed to Period IIa, are not. This may be why Niculae Conovici 2005: 116, note 37 suggested that "the group Nikon – Daimon – Aristaios – Philokrates is to be dated at the end of the Ic series or the beginning of IIa".

¹³ For the economic consequences of the earthquake, see Ashton 1986: 16.

¹⁴ Finkielsztejn 2001: 191, followed by Lawall 2007: 30–31. Cankardeş-Şenol 2017: 207 put the date at c. 234/239 BC.

¹⁵ The Datça Peninsula comprises 313.6 km² according to Leidwanger 2020: 195, whereas the island of Rhodes amounts to c. 1.400 km².

¹⁶ See also Reger 2019: 278: "Only about 20% of the Knidian peninsula was arable without modification". This is not meant to imply that the Knidian wine production was at a small scale. The output from even a single "tiny" valley could be huge, see Leidwanger 2019: 257–259.

counterpart, and finds from production sites have indeed shown that they could return to the same kiln over several years¹⁷.

The graph illustrating the numerical distribution of associations between Knidian fabricants and *damiourgoi* in Periods IV B to V (tabl. 3) suggests that the “normal” number of fabricants in a given year was between one and 11, with more being activated in years with particularly good wine harvests. That the number of fabricants associated with an eponym reflects the size of the wine harvest in the year of his office is evident in Rhodes, where ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ III was the priest with the highest number of such associations (12)¹⁸. He is also the one who is best represented by actual finds at a broad range of find spots (Lund 2011b: 285, fig. 13.2), as well as being the one who is associated with more matrices (157) than any other eponym in the same periods¹⁹. The same was clearly also the case in Knidos, where the highest scoring *damiourgos*, ΕΥΦΡΑΓΟΡΑΣ 1, is also among the top two in the number of matrices (28), only preceded by ΑΜΥΝΤΑΣ (30), who came second to him in the number of associations with fabricants²⁰.

The fabricants of Rhodes and Knidos: similarities and differences

The maximum number of fabricants who were active in a given year thus appears to have been 12 in Rhodes, whereas the corresponding figure in Knidos was 23, though the number in years with an average (or below average) harvest of grapes may have been between one and 11 (or 12 as in Rhodes?).

Other differences between Rhodes and Knidos are also apparent. Demotics and foreign ethnics were fairly common on Rhodian stamps (Badoud 2019a: 200; Badoud, Dana 2019), whereas onomastics suggest that nearly all of the Knidian fabricants were homebred (Balzat et al. 2014: xxii). Moreover, there were no women fabricants at Knidos as opposed to Rhodes²¹, and the shape of the Knidian stamps (circular, rectangular, rhomboid or leaf-shaped) appears not to have had any significance in contrast to Rhodes²².

These differences need not, however, imply that the function of the fabricants in Rhodes differed fundamentally from Knidos. Several authorities have discussed the rationale behind the stamping of amphorae recently, and scholarly opinion seems to converge on Yvon Garlan’s theory that it served a fiscal purpose, although the object of taxation and the role played by the fabricants remain disputed (Garlan 2000: 167–171; Palaczyk 2016: 127; 2017: 236–237; Badoud 2019a-b; Börker 2019). I also subscribe to Garlan’s view, mainly because the stamping was a “complex, laborious and bureaucratic business, to which no one would have submitted voluntarily. This implies that it must have been imposed by law, as likely as not introduced ... to enable the city-state to keep count of the number of amphorae used each year by the individual ... wine producers” (Lund 2018 [2019]). Taxation of crops was, of course, “an entirely accepted method” in the Hellenistic Period (Isager, Skydsgaard 1995: 133–141, 143; see also Bresson 2016: 294 *passim*, and for Egypt Burkhalter 2013), and the fabricants were evidently a vital part of this – even if their precise role needs to be clarified.

Linking the Rhodian and Knidian chronologies

Sergey Monakhov has shown that the morphological development of the Rhodian and Knidian amphorae over time is a valuable dating criterion, but as far as the 2nd century BC is concerned, the individuals named on the stamps hold the key to a more precise chronology (Μοναхов 1999; 2003;

¹⁷ ΧΑΡΜΟΚΡΑΤΗΣ was thus associated with at least 13 different eponyms (though not necessarily in consecutive years), see Empereur, Picon 1986: 120, 126, fig. 23, 30a–b; Empereur et al. 1999: 111.

¹⁸ ΑΡΙΣΤΟΔΑΜΟΣ II comes in second with 11 such associations.

¹⁹ http://amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/affiche_L_un-nom.php.

²⁰ The number of matrices has been calculated from Lund 2018: 79, 85.

²¹ Perhaps the involvement of women should not be overrated; females only account for 2 % of the corpus of fabricants assembled by Nathan Badoud, Dan Dana (2019: 174).

²² For Rhodes, see Badoud 2019; Badoud, Dana 2019, and for Knidos, Lund 2018 [2019]: 80, 82.

Monachov 2005), and the dates of the Rhodian and Knidian eponyms have been established with a high degree of precision (see Monachov 2005: 69–71). Most scholars follow the Rhodian chronology suggested by Finkielsztein in 2001, though he himself has always stressed its preliminary character (Finkielsztein 2001: 201; 2004; cf. also Badoud 2015: 141)²³. Nathan Badoud subsequently revised the dates of some of the eponym priests (Badoud 2015), and others have proposed slightly alternative schemes (Lund 2011a; Castelli 2017) – latterly Alexandru Avram at the PATABS IV conference in June 2021²⁴. These refinement attempts do not imply the existence of fundamental flaws in Finkielsztein's chronology, but they confirm my suspicion that his dates might have a margin of error of 5 to 10 years "in certain periods more, in others less" (Lund 2002).

As for Knidos, the present focus has been on Periods IV B and V, of which the beginning is fixed by the end of the previous period, IV A, when two officials, the *phourarchoi*, were usually named on the stamps together with the *damiourgos* and the fabricant. Grace associated the institution of the *phourarchoi* with a Rhodian domination of Knidos between 188/187 and 167/166 BC, and even if some scholars have called this into question, most seem to agree that Period IV B started at about 167/166 (Grace, Savvatianou-Pétropoulakou 1970: 318–320; Lawall 2002: 303; Koehler, Matheson 2004: 169; Lund 2018: 75–76; Badoud 2019a: 206)²⁵. The end date of Period V is more disputed. In my attempt to establish a relative sequence of the *damiourgoi* from the two periods by means of *seriation*, I tentatively dated it to 118/117 BC, but it could have been slightly earlier or later than that (Lund 2018: 75–76; Lawall 2019: 407–408). It is hard to fix the absolute dates of the *damiourgoi*, because eight of those attributed by Grace in Period IV B could not be included in the *seriation* (tabl. 4) (Lund 2018: 71–72). However, two of these, ΔΙΩΝ 1 and ΔΡΑΚΩΝ 1, seem to belong in the early half of the sequence, and if the remaining six (ΑΝΑΞΙΠΠΙΔΑΣ, ΚΛΕΙΣΙΠΠΙΔΑΣ, ΚΟΙΠΑΝΟΣ, ΛΥΣΙΚΛΗΣ 2, ΖΗΝΟΔΟΤΟΣ, and ΜΕΓΑΚΛΗΣ) are distributed evenly within Period IV B, it is possible to calculate hypothetical dates for the *damiourgoi*, assuming that the sequence began about 167/166 BC²⁶.

One way of obtaining more precise dates in the future might be to find links between the Rhodian and Knidian amphora chronologies. But is this possible? Well, perhaps. In view of the geographical proximity of Rhodes and Knidos, one may guess that the two geographical areas were subject to more or less the same climatic conditions. If so, it is not unreasonable to expect that both benefitted from exceptionally good (or poor) grape harvests in the same years, though there may well have been exceptions to this "rule". Still, if it is accepted if only for the sake of the argument, there must be a great likelihood that the highest ranking eponyms in both areas held office in the same year: ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ III in Rhodes, and ΕΥΦΡΑΓΟΡΑΣ 1 in Knidos. Finkielsztein dated ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ III to c. 152 BC (Finkielsztein 2001: 193; Badoud 2015: 258), whereas I suggested 158/157 BC as his hypothetical date (Lund 2011a: 278), and Alexandru Avram later opted for 156/155 BC²⁷. Calculating the hypothetical date for ΕΥΦΡΑΓΟΡΑΣ 1 by means of the method described above, one arrives at c. 155/154 BC (with a margin of error on each side), which is pretty close to ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ III's presumed date. It may of course be pure coincidence that the independently derived dates for these two individuals are so close, but the hypothetical date for the second highest scoring Knidian *damiourgos*, ΑΜΥΝΤΑΣ, is 148/147 BC (with a slightly larger margin of error, because he is lower on the list), which is not far either from that of the second highest scoring Rhodian eponym, ΠΥΘΟΓΕ-

²³ Thomsen and Finkielsztein (2020) refer to unresolved chronological issues.

²⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=211clctGI2M> accessed on the 17th of February 2022.

²⁵ Mark Lawall (2019: 402, 407–412 and *passim*) rightly points out that many issues concerning the *phourarchoi* remain unresolved, but he seems to accept that Knidos had a special connection with Rhodes between 188 and 167 BC (p. 417).

²⁶ Lund 2018: 78 used this method to arrive at the date 147/146 BC for *damiourgos* ΚΛΕΥΜΒΡΟΤΟΣ, who seems to be the latest represented in the fill of the Stoa of Attalos. Cf. Lawall 2019: 410–411.

²⁷ Personal communication. The evidence will be published in Avram, Conovici 2022.

NHΣ, dated between c. 150 and 147 BC by Finkielsztejн (Finkielsztejн 2001: 193; Badoud 2015: 258 – 148 BC), c. 154/153 BC by me (Lund 2011a: 278), and around 149/148 BC by Palaczyk (Palaczyk 2016: 125). Is this another coincidence? The answer must remain open, but the two cases lend some support to the idea that it may be possible to create links between some of the Rhodian and Knidian eponyms in this way. If confirmed by future findings, this approach may one day be added to the other instruments in our chronological tool box.

Conclusion

In sum: the evidence reviewed here suggests that there were more than a few similarities between the Rhodian and Knidian amphora productions²⁸, but the “fabricant systems” were apparently dissimilar in some respects. A high proportion of the Rhodian fabricants were non-Rhodian and included a few women (Badoud 2019: 199–202; Badoud, Dana 2019), whereas nearly all fabricants in Knidos were Knidians and male. In Rhodes, the maximum number of fabricants in any given year appears to have been 12, while the corresponding figure could run to 23 in Knidos. The shape of the stamps seems to have held no special significance at Knidos in contrast to Rhodes, and there is at present no evidence at Knidos for the two categories of workshops, which according to Badoud existed in Rhodes.

These differences need not, however, imply that the Rhodian fabricant’s function differed radically from that at Knidos. Perhaps they merely reflect the fact that Rhodes was a far bigger wine producer than Knidos and hence needed a more efficient organization of wine production (and taxation)²⁹. It must also be remembered that in Rhodes trade “was operated by a cosmopolitan society, which was attracted by the capital available there and which benefited from it for business” in the words of Alain Bresson (Bresson 2021: 216–217; see also Palaczyk 2017: 238).

An unexpected possible bonus from the present contribution is that it offers some support for the notion that the dates of some of the Rhodian eponyms may one day be linked with those of their Knidian counterparts, perhaps providing an extra clue in our quest for a more exact chronology.

REFERENCES

- Брашинский 1984 – Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.: АН СССР. – 246 с., илл.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. К типологии книдских амфор IV–II вв. до н.э. БФ. *Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, Е.Я. Рогов, В.А. Хршановский (ред.)*, 161–172.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерид», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Ashton 1986 – Ashton R.H.J. 1986. Rhodian Bronze Coinage and the Earthquake of 229–226 BC. *The Numismatic Chronicle* (146), 1–17.
- Avram, Conovici 2022 – Avram A., Conovici N. 2022. *Histria. Les résultats des fouilles VIII: Les timbres amphoriques (3). Rhodes*. Bucureşti: Editura Academiei Române; Paris: De Boccard. – 275 p., ill.
- Badoud 2011 – Badoud N. 2011. Les colosses de Rhodes. *Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 2011*, 111–152.
- Badoud 2015 – Badoud N. 2015. *Le temps de Rhodes. Une chronologie des inscriptions de la cité fondée sur l'étude de ses institutions / Vestigia* (63). München: C.H. Beck. – xvii, 542 p., ill.
- Badoud 2019a – Badoud N. 2019. Ce qu'étaient les timbres amphoriques grecs. Genre et statut dans l'industrie céramique rhodienne. *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs / N. Badoud, A. Marangou (eds.)*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 195–210.

²⁸ Mark L. Lawall (2019) argues persuasively that the similarities were greater in the 3rd than in the 2nd century BC.

²⁹ For the larger scale of the Rhodian wine exports, see Reger 2019: 279–284 and *passim*; Sauer 2021.

- Badoud 2019b – Badoud N. 2019. Le déchiffrement des timbres amphoriques grecs, *Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 2019*, 375–401.
- Badoud, Dana 2019 – Badoud N., Dana D. 2019. L'onomastique des fabricants d'amphores rhodiennes. *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs* / N. Badoud, A. Marangou (eds.). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 173–193.
- Balzat et al. 2014 – Balzat J.S., Catling R.W.V., Chiricat É, Marchand F. (eds.) 2014. *Lexicon of Greek Personal Names 5B. Coastal Asia Minor. Caria to Cilicia*. Oxf.: Oxford University Press. – 532 p.
- Börker 2019 – Börker Ch. 2019. Der ΕΡΓΑΣΤΗΡΙΑΡΧΗΣ und die rhodischen Amphorenstempel. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* (209), 78–90.
- Bresson 2016 – Bresson A. 2016. *The Making of the Ancient Greek Economy. Institutions, Markets, and Growth in the City-States*. Princeton: Princeton University Press. – xxvi, 620 p.
- Bresson 2021 – Bresson A. 2021. Rhodes circa 227 BC: Destruction and Recovery. *The Destruction of Cities in the Ancient Greek World* / S. Fachard, E.W. Harris (eds.). Cambr.: Cambridge University Press, 189–227.
- Burkhalter 2013 – Burkhalter F. 2013. Les amphores vinaires dans la documentation papyrologique d'époque ptolémaïque. Production, prix et capacité. *Pottery markets in the ancient Greek world (8th – 1st centuries B.C.). Proceedings of the International Symposium held at the Université libre de Bruxelles, 19–21 June 2008* / A. Tsingarida, D. Viviers (eds.). Bruxelles: CReA-Patrimoine, 251–271.
- Cankardeş-Şenol 2017 – Cankardeş-Şenol G. 2017. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps (4): Eponyms T to X, Études Alexandrines (39), Amphor Alex (6)*. Alexandria: Centre d'Études Alexandrines. – ix, 327 p., ill.
- Castelli 2017 – Castelli, T. 2017. La chronologie des éponymes rhodiens de la fin du IIIe s. et du premier tiers du IIe s. Nouvelles hypothèses, *Revue des Etudes Anciennes* (119), 3–24.
- Conovici 2005 – Conovici N. 2005. The Dynamics of Trade in Transport Amphoras from Sinope, Thasos and Rhodes on the Western Black Sea Coast: a Comparative Approach. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. BSS (3)* / V.F. Stolba, L. Hannestad (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 97–117.
- Dündar 2013 – Dündar E. 2013. Remarks on the Possible Uses of a Late Cnidian Stamped Amphora from Patara. *Adalya* (16), 167–175.
- Empereur et al. 1999 – Empereur J.-Y., Hesse A., Tuna N. 1999. Les ateliers d'amphores de Datça, péninsule de Cnide. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire* / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 105–115.
- Empereur, Picon 1986 – Empereur J.-Y., Picon M. 1986. A la recherche des fours d'amphores. *BCH (Suppl. XIII)*, 103–126.
- Finkielsztejn 2001 – Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan. BAR international series (990)*. Oxf.: Archaeopress/British Archaeological Reports, 2001. – 260 p., ill.
- Finkielsztejn 2004 – Finkielsztejn G. 2004. Establishing the Chronology of Rhodian Amphora Stamps: the Next Steps. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean, Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29 2002* (Monographs of the Danish Institute at Athens 5) / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 2004), 117–121.
- Garlan 2000 – Garlan Y. 2000. *Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie*. P.: De Boccard. – 210 p., ill.
- Grace 1949 – Grace V.A. 1949. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. *Commemorative Studies in Honor of Theodore Leslie Shear, Hesperia Supplements (8)*. Baltimore: The American School of Classical Studies at Athens, 175–189.
- Grace, Savvatiadou-Pétropoulakou 1970 – Grace V.A., Savvatiadou-Pétropoulakou M. 1970. Les timbres amphoriques grecs. *L'îlot de la Maison des Comédiens, Exploration Archéologique de Délos (27)* / P. Bruneau (ed.). P.: En dépôt aux Éditions E. de Boccard, 277–382.
- Isager, Skydsgaard 1995 – Isager S., Skydsgaard J.E. 1995. *Ancient Greek Agriculture. An Introduction*. L.: Routledge. – 234 p., ill.
- Jefremov 1995 – Jefremov N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: tuduv. – 251p., ill.
- Koehler, Matheson 2004 – Koehler C.G., Matheson P.M.W. 2004. Knidian Amphora Chronology, Pergamon to Corinth. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean, Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29 2002* (Monographs of the Danish Institute at Athens 5) / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 2004), 163–169.
- Koparal et al. 2014 – Koparal E., Tuna N., İplikçi E. 2014. Hellenistic Wine Press in Burgaz/Old Knidos. *METU Journal of the Faculty of Architecture* (31.2), 93–107.

- Lawall 2002 – Lawall M.L. 2002. Early Excavations at Pergamon and the Chronology of Rhodian Amphora Stamps, *Hesperia* (71), 295–324.
- Lawall 2003 – Lawall M.L. 2003. Review of Finkielsztejn 2001, *American Journal of Archaeology* (107), 131–133.
- Lawall 2007 – Lawall M.L. 2007. Hellenistic stamped amphora handles. *Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos, 2. Funde klassischer bis römischer Zeit (Forschungen in Ephesos / V. Mitsopoulos-Leon, C. Lang-Auinger (eds.))*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 28–60.
- Lawall 2019 – Lawall M.L. 2019. External influence and local agency. Deconstructing the history and organization of Knidian amphora production and trade. *HEROM* (8), 399–436.
- Leidwanger 2019 – Leidwanger J. 2019. The Knidia and its amphoras: Taking stock of a regional agricultural economy. *HEROM* (8), 237–267.
- Leidwanger 2020 – Leidwanger J. 2020. *Roman Seas. A Maritime Archaeology of Eastern Mediterranean Economies*. Oxf.: Oxford University Press. – 336 p., ill.
- Lund 2002 – Lund J. 2002. Review of Finkielsztejn 2001: <https://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002.11.23/> accessed on the 22nd of February 2022.
- Lund 2011a – Lund J. 2011. A New Sequence of the Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps in the first Half of the Second Century BC as Established through Seriation. *Acta Archaeologica* (82), 271–290.
- Lund 2011b – Lund J. 2011. Rhodian Transport Amphorae as a Source for Economic Ebbs and Flows in the Eastern Mediterranean in the Second Century BC. *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC / Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.)*. Ox.: Oxford University Press, 280–295.
- Lund 2017 – Lund J. 2017. Review of Badoud 2015, <https://www.ajaonline.org/book-review/3432>, accessed on the 27th of May 2022.
- Le temps de Rhodes: Une chronologie des inscriptions de la cité fondée sur l'étude de ses institutions.
- Lund 2018 – Lund J. 2018. Fine-Tuning the Chronology of Knidian Amphora Stamps (Periods IVB and V) by Means of Seriation. *HEROM* (7), 63–96.
- Lund 2018 [2019] – Lund J. 2018 [2019]. A note on the so-called fabricants of Knidian amphorae. *SKYLLIS* (18.1), 79–84.
- Monachov 2005 – Monachov S.I. 2005. Rhodian Amphoras: Developments in Form and Measurements. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 B.C., Black Sea Studies* (3) V. Stolba and L. Hannestad (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 69–95.
- Monakhov, Kuznetsova 2017 – Monakhov S.J., Kuznetsova E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. *The Northern Black Sea in Antiquity / V. Kozlovskaya (ed.)*. Cambr.: Cambridge University Press, 59–99.
- Palaczyk 2016 – Palaczyk M. 2016. Major innovations in the Rhodian wine-trade after 200 B.C.? Rhodian stamps from Monte Iato in west Sicilian context. *Traditions and innovations. Tracking the development of pottery from the late classical to the early imperial periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP, Berlin, November 2013, 7th – 10th / S. Japp, P. Kögler (eds.)*. Wien: Phoibos, 123–134.
- Palaczyk 2017 – Palaczyk M. 2017. Gab es Verbreitungsmuster der rhodischen "Fabrikantenstempel"? *Fragmenta Mediterranea. Contatti, tradizioni, e innovazioni in Grecia, Magna Grecia e Etruria. Studi in onore di Christoph Reusser / L. Cappuccini, C. Leybold and M. Mohr (eds.)*. Firenze: All'Insegna del Giglio s.a.s., 231–240.
- Panagou 2016 – Panagou T. 2016. Transport Amphorae and their Contents. ἠχάδιν: Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου / Μ. Γιαννοπούλου, Χ. Καλλίνη (eds.). Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 312–334.
- Reger 2019 – Reger G. 2019. New work on Knidian amphorae: Links to the Hellenistic economy. *HEROM* (8), 271–296.
- Sauer 2021 – Sauer N. 2021. Tracing Networks of the Hellenistic Amphora Market: A Study Based on Rhodian, Knidian and Koan Transport Amphoras. *Karia and the Dodekanese. Cultural Interrelations in the South-east Aegean II: Early Hellenistic to Early Byzantine / B. Poulsen, P. Pedersen, J. Lund (eds.)*. Oxf.: Oxbow Books, 125–139.
- Sztetyłło 2011 – Sztetyłło Z. 2011. Amphoras on Knidian amphoras. *Classica orientalia. Essays presented to Wiktor Andrzej Daszewski on his 75th birthday / H. Meyza, I. Zych (eds.)*. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, 441–450.
- Thomsen, Finkielsztejn 2020 – Thomsen Ch.A., Finkielsztejn G. 2020. Review of Badoud 2015. *Athenaeum* (108), 251–258.
- Wallace 2004 – Wallace M. 2004. Standardization in Greek Amphora Capacities. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, Monographs of the Danish Institute at Athens Volume* (5) / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 429–431.

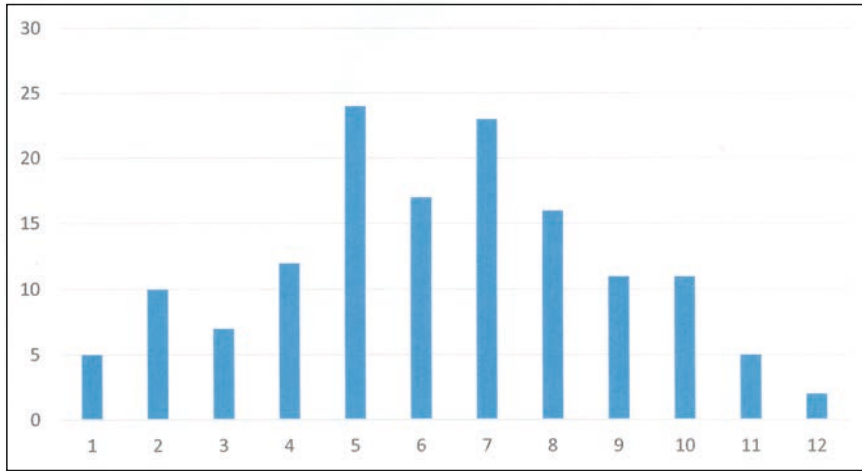

Table 1. Frequency graph of associations between Rhodian Halios priests and fabricants from Periods IIa to VI, based on information in Cankardeş-Şenol 2017: 207–219

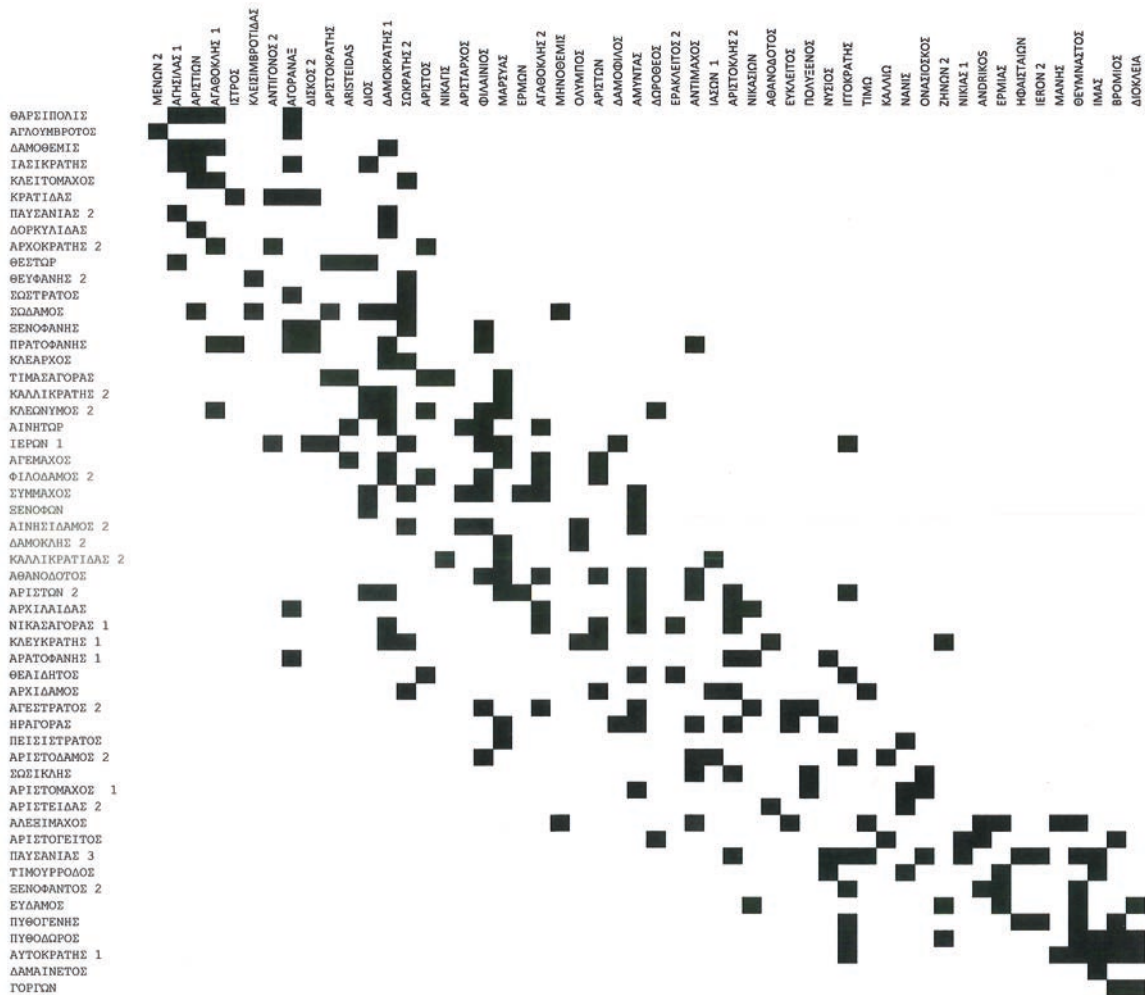

Table 2. A sequence of Rhodian Halios priests and fabricants from Periods IIIa–IV established through seriation, Lund 2011: 275, fig. 2. The earliest eponyms come first

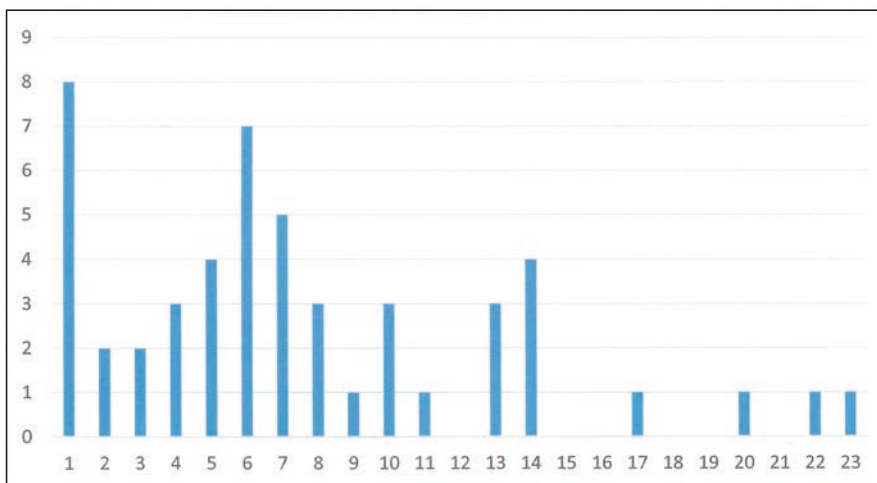

Table 3. Frequency graph of associations between Knidian damiourgoi and fabricants from Periods IV B to V, based on information in Lund 2018,78-92

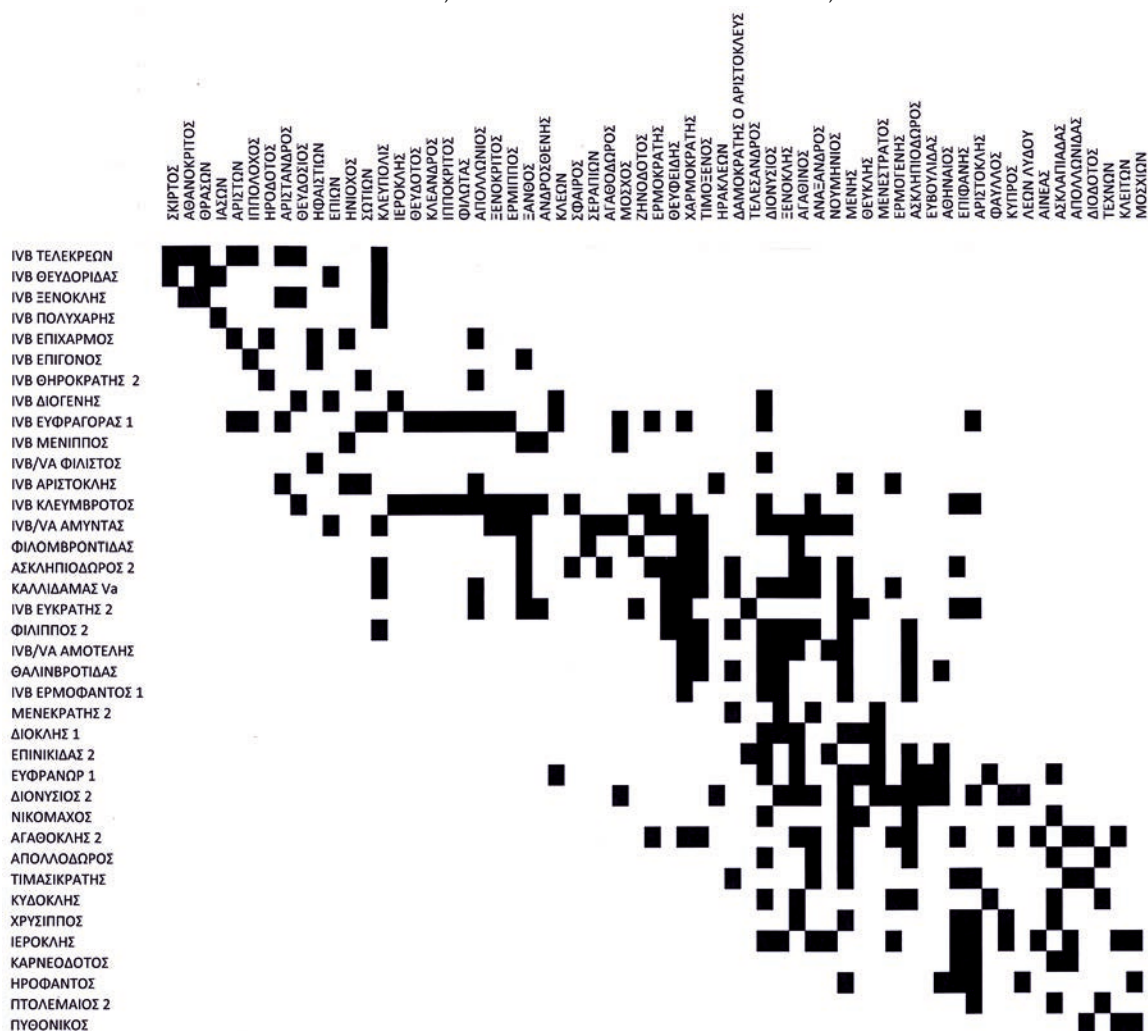

Table 4. A sequence of Knidian damiourgoi and fabricants in Periods IV B-V, established through seriation, Lund 2018,69 fig. 2. The latest damiourgoi are listed first

М. Матера,
С.А. Науменко¹

О ЁМКОСТИ РОДОССКИХ АМФОР, ИХ СТАНДАРТИЗАЦИИ И ОБЪЁМЕ РОДОССКОГО ИМПОРТА В ТАНАИС

Аннотация: в эллинистическую эпоху Родос занимал ведущее место среди всех центров, поставивших свой товар в Танаис. Несмотря на важнейшую роль этого центра в поставках товаров на рынок Танаиса, до сих пор остаются слабо изученными разные аспекты его участия в торговых связях города. Один из них вопрос объема родосского импорта.

Среди открытых в Танаисе археологических материалов имеются как целые, так и почти полностью сохранившиеся формы родосских амфор. В статье анализируется проблема емкости керамической тары этого центра и возможный объем родосского импорта в Танаис.

Ключевые слова: эллинистические амфоры, родосские амфоры, объем амфор, Танаис.

М. Matera,
S.A. Naumenko¹

ABOUT THE CAPACITY OF RHODIAN AMPHORAE, THEIR STANDARDIZATION AND THE VOLUME OF RHODIAN IMPORTS TO TANAIIS

Abstract: in the Hellenistic period, Rhodes occupied a leading position among all the centres that supplied their goods to Tanais. Despite the important role of this centre in deliveries to Tanais' market, various aspects of its participation in the trade relations of the town are still poorly studied. Between them is also the question of the volume of Rhodian imports.

Among the archaeological materials discovered in Tanais, there are also intact and almost completely preserved examples of Rhodian amphorae. In this paper the problem of the capacity of the ceramic containers of this centre and the possible size of Rhodian imports to Tanais is analyzed.

Keywords: Hellenistic amphorae, Rhodian amphorae, amphora capacities, Tanais.

1. Введение

О поставках вина в античное время нам известно, как из письменных (Demosth. XXXV,10; Polyb. IV,56; Xen. *Anab.* VI,1,15; Xen. *Anab.* VI,2,3), так и из папирусных источников (*P. Cairo Zen.* I 59012–59014; *UPZ* II 211). Эти данные свидетельствуют, что при оптовой торговле продуктами, перевозимыми в амфорах, счёт велся на единицы сосудов, которые обозначались терминами κεράμιον или κάδος² (Брашинский 1976: 87; 1984: 63). Однако, как справедливо отмечал И.Б. Брашинский: «Для исследования античной торговли товарами, перевозившимися в керамической таре (в первую очередь вина и масла), и особенно при изучении сравнительного объёма импорта из различных центров, важнейшее значение имеет метрологическое исследование керамической тары – определение ёмкостей остродонных амфор различных центров производства» (Брашинский 1976: 87). Такое определение возможно с использованием нескольких методов, о чем речь пойдёт во второй части статьи – Методы определения ёмкости амфор. Несмотря на использование метода определения ёмкости, целесообразным является проведение таких исследований по группам амфор, происходящих из одного производственного центра. При этом следует учитывать типологические разработки отдельных групп керамической тары

¹ Матера Марчин, PhD, факультет археологии Варшавского университета, 00-927, Польша, г. Варшава, ул. Краковске Пшемесъче, 26/28, marcinmatera@uw.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-4913-0749>.

Науменко Светлана Андреевна, ведущий археолог Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», 344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, 29, naumenkos16@mail.ru.

² Отметим, что термин κάδος являлся одним из названий аттической единицы мер жидких тел, использованным взаимозаменяемо с терминами μετρητής, ἀμφορεύς (Hultsch 1882: 101; Nissen 1892: 868; Viedebant 1917: 60) и термином χίον, обозначавшим так хиосскую амфору как и меру (Dzierzbicka 2018: 260).

(Брашинский 1984: 92; Gras 2000: 606–607), так как в одном производственном центре стандартная амфора могла быть различной в разные периоды (Grace 1949: 180). Даже учитывая этот фактор, точное, достоверное определение ёмкости амфоры вызывает ряд определенных сложностей, связанных с аккуратностью физических измерений, искажениями чертежей, использованных для реконструкции объёма сосудов, и другими проблемами, значительно затрудняющими исследования стандартов керамической тары из отдельных производственных центров. Особого внимания требует также вопрос количества и качества данных, которыми располагают современные исследователи (Garlan 2013: 212–213; Lawall 2014: 160), что проявляется в отсутствии крупномасштабной источниковедческой базы по метрологическим измерениям (с включением сведений по ёмкости амфор) керамической тары отдельных производственных центров³.

В настоящее время разными исследователями подчёркивается, что в условиях античного производства строгая стандартизация вряд ли являлась возможной (Lawall 2014: 160)⁴. Однако постулат И.Б. Брашинского, относящийся к исследованию сравнительного объёма импорта при использовании данных по ёмкостям амфор остаётся в силе, а его реализация может принести существенные историические наблюдения (см: Матера 2016).

Особенно актуальным он является при изучении родосского импорта. Как известно, родосские амфоры принадлежат к одним из наиболее строго стандартизированных (Lawall 2014: 160), несмотря на тот факт, что разница в ёмкости сосудов из однородных партий могли достигать 5 % выше и ниже их среднего объёма (Garlan 2013: 212), хотя известны случаи, где эта разница составляет даже и 11 %. Таким примером являются родосские амфоры из кораблекрушения Кирении и из самого Родоса (Wallace 2004: 429–430).

Актуальным является также и другой постулат И.Б. Брашинского в соответствии с которым при исследованиях отдельных групп амфорного материала «особое внимание должно быть обращено [...] на те из них, которые наиболее широко распространены в интересующем нас регионе» (Брашинский 1984: 92).

Родос в эллинистическую эпоху, несмотря на свою значительную удалённость от Танаиса, неоспоримо занимал ведущее место в торговле среди всех центров, поставлявших в Нижнее Подонье свой товар. На его долю приходилось 65,85 % всех поступавших тогда в Танаис амфор – подсчёт по состоянию на 2012 г. (Матера 2016: 191). Принимая во внимание, что не на всех исследованных раскопах городища изучались слои эллинистического времени из-за экспозиционной направленности музея, мы располагаем незначительным числом закрытых комплексов этого времени (пока менее 10). Тем не менее, коллекция музея Танаиса насчитывает значительное число родосских сосудов. Не последнюю роль в этом играет исследование некрополя, особенно в последнее десятилетие, из которого главным образом и происходят целые сосуды (часть их представлена в данной публикации). Статистическая обработка находок амфор (целых и профильных частей, более 194-х тысяч по состоянию на 2012 г.) даёт нам минимальное количество родосских сосудов – 488 единиц (Матера 2016: 192). Что касается некрополя, то учтено 38 амфор. Причем, в Танаис поступали как стандартные сосуды, так и фракционные. Кроме того,

³ Тем более ценными являются примеры публикации больших выборок данных, собранных С.Ю. Монаховым (Монахов 1999: 594–626, прил. 3; 2003: 183–229, прил. 1).

⁴ Наиболее выразительно эту точку зрения выразил И. Гарлан: «Beaucoup d'illusions se sont ainsi dissipées avec la diversification des trouvailles, si bien que nul ne croit plus aujourd'hui qu'une cité ait pu produire des amphores de mêmes formes non plus que de capacités précises ; ni, par contrecoup, qu'il soit possible de déterminer la valeur exacte des unités de mesure utilisées dans chaque cité – ce qui reviendrait à résoudre une équation à trois inconnues : x (unité de mesure) = y (capacité utile) / z (nombre de mesures). Tout ce qu'on peut donc admettre en la matière, c'est que les artisans tourneurs, avec la meilleure volonté du monde... et les techniques de l'époque, ne pouvaient guère fabriquer que des amphores de formes traditionnelles, dont les capacités moyennes oscillaient autour de l'objectif recherché» (Garlan 2013: 213).

учтены одна целая (из некрополя) и два фрагмента мелких родосских амфор с двуствольными ручками с территории городища.

2. Методы определения ёмкости амфор

Ёмкость амфоры возможно определить тремя способами: с помощью физических измерений, математических расчётов и компьютерных методов вычисления объёма сосудов (Суханов 2017; Velasco Felipe, Celdràn Beltràn 2019: 2).

2а. Физические методы

Одним из основных методов определения ёмкости сосудов являются физические измерения с помощью воды или сыпучих продуктов – зерна, пенопластовых шариков (Подробная характеристика физических измерений: Docter 1990: 148–150; Senior, Birnie III 1995: 321–322). По мнению В. Грейс измерения с использованием сыпучих материалов дают результаты значительно меньше реального объёма (Grace, Savvatianou-Pétropoulakou 1970: 360, note 4). Как считает М. Хуттиг разница может достигать даже 10 % (Hüttig 1999: 319). Как отмечал И.Б. Брашинский, при соблюдении методологических принципов таких измерений разница при использовании жидкости и сыпучих тел достигает от 0,05 % до 2 % (Брашинский 1976: 90). Его наблюдения подтверждают результаты проведенных супругами Уоллес измерений большой серии родосских амфор, где разница в ёмкости между замерами с использованием воды и пенопластовых шариков составляла около 2–3 % (Wallace Matheson, Wallace 1982: 302–306, app. 1, 311–316, app. 3; см. также: Garlan 2000: 78). О практически идентичных результатах измерений ёмкости сосудов при использовании жидкости и сыпучих тел сообщают также Velasco Felipe и Celdràn Beltràn (Velasco Felipe, Celdràn Beltràn 2019: 9, note 5).

Следующим методом физического определения ёмкости амфор является описанная М. Хуттигом процедура с использованием газа. Достижимая этим способом точность определения очень высокая. Ошибки не превышают 1 % (Hüttig 1999: 319–320, 323, fig. 3). Однако использование этого метода является сложным и очень затруднительным из-за практических и технологических сложностей. Кроме того, с его применением можно определять лишь ёмкость полностью сохранившихся сосудов.

2б. Математические методы

Одним из методов математического вычисления ёмкости древнегреческих амфор является применение героновских формул (см.: Hultsch 1864: 202 sq., II.19–II.21) расчёта объёма тел вращения. Уже И.Б. Брашинским убедительно было доказано, что формула «пифоида» может иметь ограниченное применение для вычисления мер ёмкости некоторых типов амфор отдельных центров (Брашинский 1976: 95–96)⁵. Дальнейшие исследования, проведенные в этой области С.Ю. Монаховым, привели к получению базирующихся на формулах Герона реконструированных формул расчёта стандартных мер ёмкости античных амфор (Монахов 1986; Монахов, Слонов 1992).

Другие математические методы вычисления ёмкости амфор являются разными вариантами расчёта объёма тел вращения, на которые разделяется сосуд (Николаенко 1974: 29; Барбанова, Платонов 1982: 129 и 132; Hautumm 1981: 166–174; Rigoir 1981; Rice 1987: 221–222; Senior, Birnie III 1995: 322–324; Steinbach 2009; Rodríguez, Hastorf 2013; Cardarelli 2020: 38–42; Portillo, Sanz 2020: 710–712).

2в. Компьютерные методы

Одним из компьютерных способов вычисления ёмкости амфор является разработанная и опубликованная Е.П. Загваздиным и Н.П. Туровой методика расчёта объёмов сосудов в программе Autodesk 3Ds Max (Загваздин, Турова 2011). Она базируется на графической обработке чертежа сосуда и сводится к двум основным этапам. Первый это оцифровка и масштабирова-

⁵ Об использовании героновских формул для вычисления объёма амфор см.: Vodolazhskaya 2008.

ние чертежа. Вторым является работа в трёхмерном редакторе, позволяющая получить тело вращения. С помощью функции программы осуществляется автоматический расчёт объёма полученной фигуры (Загваздин, Турова 2011: 64–65; Суханов 2017). Относительная погрешность метода составляет от 1,8 до 5,5 % (Загваздин, Турова 2011: 65).

На похожих принципах основан метод вычисления объёма сосудов с использованием программы AutoCAD, в которой векторные чертежи преобразовываются в трёхмерные модели. Объём этих моделей программа высчитывает автоматически (Sopena Vicién 2006: 15–16). Для получения трёхмерных моделей с векторных чертежей и автоматического вычисления объёма сосудов можно использовать также программы Rhinoceros™ (Zapassky et al. 2006; 2009: 57–58) и Blender® (Sánchez Climent, Cerdeño Serrano 2014: 21–26).

Существует также метод, в котором координаты, полученные в результате обработки векторных чертежей в программе AutoCAD, передаются в вычислительную программу Wolfram Mathematica или SAGE. Результатом является векторный сплайн внутренней части сосуда, с которого возможно получить его ёмкость (Moreno et al. 2018: 413–419).

Следующим методом компьютерного вычисления ёмкости амфор, базирующемся на использовании чертежей сосудов, является разработанная А. Карасиком и У. Смиланским программа «Saracity». Она основана на наблюдении, что трёхмерный сосуд возможно реконструировать по его профилю путём вращения по оси симметрии сосуда. Объём, полученный в результате такого вращения внутри сосуда, представляет собой его ёмкость, которую программа вычисляет математически (Karasik, Smilansky 2006).

Очень интересным инструментом для автоматического определения объёма сосудов является разработанная исследователями Брюссельского университета онлайн-аппликация. Она позволяет работать с чертежами сосудов при их минимальной адаптации. После первичной обработки все измерения и вычисления делаются автоматически (Engels et al. 2009).

Сравнение результатов вычисления ёмкости сосудов при использовании математического расчёта объёма тел вращения с результатами, полученными при применении трёхмерных моделей, полученных в программе AutoCAD, показало, что оба метода высоконадежны (Velasco Felipe, Celdràн Beltràn 2019: 17).

3. Метрология родосских амфор

Как уже упоминалось выше, на нынешнем этапе исследований вопрос строгой стандартизации керамической тары во многих случаях не находит подтверждения (Garlan 2013: 213; Lawall 2014: 160). Отмеченная выше разница в объёме родосских амфор в 5 %, а в определенных случаях даже 11 % является бесспорным фактом. Однако если принять во внимание единицы ёмкости, то эта разница не составляет особо значимой величины. Среди 19-ти проанализированных супругами Уоллес амфор, выпущенных при эпониме Кратиде из эргастерии Диска, максимальная разница между самыми большими и самыми маленькими экземплярами достигает 2,5 литра (Wallace Matheson, Wallace 1982: 308, tabl. 9; см. также: Wallace 1986: 91, fig. 3; Garlan 2000: 79, рис. 43), т.е. менее чем 1 $\chi\omicron\varsigma$, используемый в центрах Эгеиды (Finkielsztejn 2006: 26–27). При этом разница в объёме 17-ти из этих амфор довольно незначительна и достигает лишь 1,5 литра.

По мнению Г. Финкельштейна, вопрос разницы объёма, наблюдаемой во время исследований, проводимых современными учеными, заключается в утилитарной ёмкости каждой амфоры, которая должна соответствовать стандарту, принятому в данном центре (Finkielsztejn 2006: 27–28). Это в практике могло сводиться к минимальной ёмкости, которой должна соответствовать каждая амфора (Lawall 2014: 160).

3а. Метрология родосских амфор, найденных в Танаисе

Как известно, родосские амфоры имеют довольно устойчивую морфологию. Однако даже на таком незначительном количестве целых сосудов в Танаисе можно проследить постепенное изменение формы. Самым ранним образцом родосского импорта в Танаисе является амфора из закрытого комплекса подвала ИО середины III в. до н.э. Ее горло высокое, чуть припухлое в верхней части, плечи широкие, слабо покатые и слегка вогнутые, переход к овоидному тулову с плавными очертаниями выделен довольно крутым изгибом, ножка цилиндрическая. Ручки с плавным изгибом, на одной сохранилось клеймо Тевдора. С.Ю. Монахов подобные сосуды относит к мирмекийскому варианту (I-C) типа I с датой 80–40-е годы III в. до н.э. Хотя ее плечи и тулово больше похожи на вариант I-D (пиетрою) (Монахов 2003: 116, табл. 80 -1–3, 4). (рис. 1 -1). В подвале с родосской была обнаружена и синопская амфора с клеймом астинома Антипатра сына Никона около 252 г. (Арсеньева и др. 2001: 92, 119, рис. 28 -1–2).

Стандартные сосуды конца III–II вв. до н.э. имеют высокое прямое горло (одна треть высоты амфоры), в большей или меньшей мере покатые плечи и овоидное тулово. Венчик, как правило, прямоугольный валик, иногда верхняя площадка скошена внутрь. Округлые в сечении ручки резко изгибаются вверху, иногда изгиб доходит до уровня венчика. Ножки всегда цилиндрические, с уплощенной или выпуклой в виде конуса подошвой, при переходе в тулово иногда имеется тонкий валик. Фракционные сосуды имеют ту же морфологию. В нашей статье приводятся 6 стандартных сосудов (из погребений 1961/178 (рис. 3 -1), 1966/237 (рис. 1 -2), 1996/23 (рис. 2 -1), 2012/538 (рис. 4 -1), 2012/690 (рис. 5 -1), 2012/об. 60 (рис. 5 -2) и 4 фракционных (1959/яма 24 – зап. городской район (рис. 7 -2) и из погребений 1969/261 (рис. 2 -2), 1996/23 (рис. 2 -3), 2012/590 (рис. 6 -1)). В своей типологии С.Ю. Монахов относит такие сосуды к варианту вилланова (I-E-2) типа I с датой конец III–II вв. до н.э. (Монахов 2003: 119, табл. 83 -1–3). Более поздняя серия амфор середины – второй половины II в. и I в. до н.э. представлена в Танаисе «александрийским» вариантом I-F (по Монахову), который характеризуется более пологими плечами, менее выразительной цилиндрической ножкой (Монахов 2003: 120, табл. 84 -2). Мы приводим 4 стандартных и одну фракционную амфоры из погребений некрополя (1956/к В. от п. 23 (рис. 3 -2), 2012/467 (рис. 3 -3), 2012/584 (рис. 4 -2), 2012/об. 61 (рис. 7 -1), 2012/605 (рис. 6 -2). И, наконец, еще одна целая амфорка из некрополя и верхняя часть такого же сосуда из городища с ложнодвуствольными ручками (рис. 7 -3, 4) представляют позднюю серию варианта «вилланова» (по Монахову) с датой вторая половина II в. до н.э. (Монахов 2003: 120, табл. 83 -7, 8).

Чтобы получить представление о количестве ввозившегося товара, мы попробовали определить ёмкость нескольких целых и почти целых амфор, найденных в Танаисе. Неудовлетворительная в большинстве случаев сохранность сосудов не позволила использовать для обмеров жидкость. В связи с этим физические измерения производились с использованием пшеницы. Отобранные целые амфоры были заполнены до уровня верхнего прилепа ручек (имеется в виду, что выше должна находиться пробка). В тех случаях, где из-за уровня сохранности амфоры ее физические измерения были невозможны, ёмкость высчитывалась математически с использованием метода предложенного И. Ригуаром (Rigoir 1981). Результаты как физических измерений, так и математических расчётов приводятся в таблице 1.

Ниже даётся список соответствующих данных.

Для проведенного анализа использовались следующие сосуды⁶:

1. Амфора, 1989 г. цитадель, усадьба 6, подвал ИО, № 130 (Арсеньева и др. 2001: 92, рис. 28,1) (рис. 1 -1).

Размеры: В – 71,4; Дв – 11,6; Дт – 38,0; Тст – 1,2. Объём: 24,70 л (табл. 1).

⁶ Размеры указаны в см.: В – высота, Дв – диаметр венчика, Дт – диаметр тулова, Тст – толщина стенки.

- Клеймо фабриканта Тевдора (Шелов 1993: 28, № 150).
Дата: хронологические группы Ic-II (Nicolaou 2005: 174–176, № 446).
2. Амфора, 1966 г, некрополь восточный, раскоп III, погребение 237, № 25 (Арсеньева 1977: 38 и 57, табл. XI, 3; см. также: Монахов 1999: 553–557, табл. 233 -1; 2003: 119, 313, табл. 83 -1; Jöhrens, П'jašenko 2001: 375, рис. 5 -2) (рис. 1 -2).
Размеры: В – 80,0; Дв – 12,4; Дт – 35,2; Тст – 1,0. Объем: 25 л (табл. 1).
Клейма эпонима Архилаида и фабриканта Аминты (Шелов 1975: 45–46, № 78, 83, № 264).
Дата: хронологическая группа IIIe (Finkielsztejn 2001: 192, табл. 19).
3. Амфора, 1996 г., некрополь западный, курган 1, погребение 23, № 248 (Jöhrens, П'jašenko 2001: 377, рис. 7 -1) (рис. 2 -1).
Размеры: В – 81,0; Дв – 12,5; Дт – 34,0; Тст – 0,8. Объем: 25,0 л (табл. 1).
Клейма эпонима Теайдета и фабриканта Гераклита II (Jöhrens, П'jašenko 2001: № 59, № 201)⁷.
Дата: хронологическая группа IIId (Finkielsztejn 2001: 192, табл. 19).
4. Амфора, 2012 г., некрополь западный, погребение 467, № 1242 (рис. 3 -3).
Размеры: В – 83,0; Дв – 11,9; Дт – 34,3. Объем: 24,40 л (табл. 1).
Клейма эпонима Астимеда II и фабриканта Евклеита.
Дата: хронологическая группа Va (Finkielsztejn 2001: 195, табл. 21).
5. Амфора, 2012 г., некрополь западный, погребение 538, № 1447 (рис. 4 -1).
Размеры: В – 84,4; Дв – 13,5. Объем: 32,65 л (?) (табл. 1).
Клеймо фабриканта Гефейстиона.
Дата: хронологические группы IV–V (Nicolaou 2005: 172–173, № 439).
6. Амфора, 2012 г., некрополь западный, погребение 584, № 1630 (рис. 4 -2).
Размеры: В – 82,5; Дв – 12,0; Дт – 34,0. Объем: 22,75 л (табл. 1).
Клейма нечитаемые.
Дата: вторая половина II в. до н.э. (Монахов 2003: 120).
7. Амфора, 2012 г., некрополь западный, погребение 690, № 2123 (рис. 5 -1).
Размеры: рек. В – 74,0; Дв – 12,0; Дт – 35,0. Объем: 24,56 л (табл. 1).
Клейма эпонима Тимагора I и фабриканта Мидаса.
Дата: хронологическая группа Vb (Finkielsztejn 2001: 195, табл. 21).
8. Амфора, 2012 г., некрополь западный, объект 60, № 2335 (рис. 5 -2).
Размеры: Сохр. В – 68,1; Дв – 12,0; Дт – 35,6. Объем: 26,10 л (табл. 1).
Клеймо фабриканта Дия.
Дата: хронологическая группа III (Nicolaou 2005: 160, № 403).
9. Амфора, 2012 г., некрополь западный, объект 61, № 2336 (рис. 7 -1).
Размеры: В – 70,0; Дв – 11,8. Объем: 24,60 л (табл. 1).
Клеймо нечитаемое.
Дата: вторая половина II в. до н.э. (Монахов 2003: 120).
10. Амфора фракционная, 1969 г., некрополь северный, погребение 261, № 85 (Арсеньева 1977: 79; Jöhrens, П'jašenko 2001: 374, рис. 4 -2; Монахов 2003: 119, 313, табл. 83 -3) (рис. 2 -2).
Размеры: В – 61,5; Дв – 10,6; Дт – 27,2; Тст – 0,8. Объем: 12 л (табл. 1).

⁷ В погребении 23 открыто две родосских амфоры, одна из них фракционная. Выражаем глубокую признательность С.М. Ильяшенко за право использовать эти материалы.

Клейма эпонима Аристодама II и фабрикантки Каллио (Шелов 1975: 40–41, № 54, 107, № 378).
Дата: хронологическая группа IIIe (Finkielsztejn 2001: 192, табл. 19).

11. Амфора фракционная, 1996 г., некрополь западный, курган 1, погребение 23, № 249.
Найдена в погребении вместе со стандартной амфорой № 248 (см. выше) (рис. 2 -3).

Размеры: В – 61,0; Дв – 11,4; Дт – 28,5; Тст – 0,8. Объём: 13 л (табл. 1).
Неклейменная.

Дата: синхронна сопутствующей амфоре с клеймами эпонима Теайдета и фабриканта Гераклита II (?).

12. Амфора фракционная, 2012 г., некрополь западный, погребение 590, № 1656 (рис. 6 -1).
Размеры: В – 63,3; Дв – 11,0; Дт – 28,2. Объём: 11,50 л (табл. 1).

Клеймо фабриканта Аристокла II.

Дата: хронологическая группа III (Nicolaou 2005: 141, № 346).

13. Амфора фракционная, 2012 г., некрополь западный, погребение 605, № 1700 (рис. 6 -2).
Размеры: В – 67,0; Дв – 10,7; Дт – 28,7. Объём: 14,42 л (табл. 1).

Клейма нечитаемые.

Дата: вторая половина II в. до н.э. (Монахов 2003: 120).

Кроме данных, полученных во время исследований перечисленных выше амфор, о ёмкости родосской тары, происходившей из раскопок Танаиса известно очень мало. До сих пор И.Б. Брашинским были опубликованы лишь сведения об объёме двух измеренных им амфор, включенных в наши исследования. Это амфора из погребения 237 (см. № 2) с клеймами эпонима Ксенофанта II и фабриканта Гермия (Шелов 1975: 64–65, № 168, 117, № 451; корректура чтения фабрикантского клейма: Jöhrens, П'jašenko 2001: 460) и амфора из погребения 178 (Арсеньева 1977: 20; см. также: Монахов 1999: 555–556, табл. 234 -1; 2003: 119, 313, табл. 83 -2; Jöhrens, П'jašenko 2001: 377, fig. 7 -2). По результатам, полученным И.Б. Брашинским, ёмкость первой амфоры составляла 27,00 л, второй 27,60 л (Брашинский 1978: 14). В случае с амфорой из погребения 237 результаты измерений И.Б. Брашинского и наших обмеров отличаются на 2 литра. Однако надо отметить довольно большое сходство полученных результатов. За исключением двух экземпляров (амфоры № 5 и № 6) ёмкость всех остальных амфор колеблется (с определенными отклонениями) в границах 25–26 литров (Grace, Savvatianou-Pétrapoulakou 1970: 298), что соответствует приблизительной величине объёма родосской стандартной амфоры в 8 аттических *χόες* (Брашинский 1978: 13).

Большой объём амфоры № 5, достигающий 32,65 л скорее всего является результатом проблем с точностью математических расчётов ёмкости асимметричных сосудов – смотри рис. 4 -1 (о возможной погрешности см.: Portillo, Sanz 2020: 712–715). Определенная на базе физических измерений ёмкость амфоры № 6 (22,75 л), отвечающая скорее 7 чем 8 аттическим *χόες*, возможно свидетельствует о тенденции к сокращению объёмов. Такую тенденцию отмечала В. Грейс, но для родосской тары второй и третьей четверти I в. до н.э. (Grace, Savvatianou-Pétrapoulakou 1970: 298). Рассматриваемая амфора датируется второй половиной II в. до н.э. (Монахов 2003: 120), т.е. значительно более ранним временем. Возможно, присутствие амфоры ёмкостью около 23 литров свидетельствует о существовании в это время также стандарта и в 7 аттических *χόες*, чему косвенным подтверждением могут являться результаты измерений фракционных амфор, о которых речь пойдёт ниже.

Около половины ёмкости, составляющей 8 аттических *χόες*, представляет объём двух целых фракционных амфор (№№ 11, 13), имеющихся в нашем распоряжении. Соответственно это 13,20 л и 14,42 л. Ёмкость двух других фракционных амфор (№№ 10, 12), найденных в Танаисе, со-

ставляет в обоих случаях 11,50 л, что соответствует половине 7 аттических χόες и, возможно, является подтверждением существования также полностандартных амфор этого объёма. Однако отметим, что проведенные И.Б. Брашинским измерения амфоры № 10 дали несколько отличающийся результат. По его данным ёмкость этой амфоры достигает 12,40 л (Брашинский 1978: 14).

Возможно, что такие фракционные амфоры использовались для дегустации вина при его продаже, во время переговоров или заключения сделки. Поэтому у каждой партии товаров, очевидно, была одна такая фракционная амфора. И этот факт мог бы объяснить такое малое их число по сравнению с находками стандартных сосудов.

Таблица 1. Результаты физических измерений и математических расчётов объёма родосских амфор, найденных в Танаисе

п/п	Инв. №	Погребение/Объект	Измерение зерном	Математически вычисленный объём	Клейма/Хронология
1	T.89.VI.130	подвал ИО	24,70 л	–	Ф. Гевдор; ХГ ⁸ Ic-II
2	T.66.IV.25	п. 237	25,00 л	–	Эп. Архилаид и ф. Аминта; ХГ IIIe
3	T.96.H3.248	курган 1, п. 23	25,00 л	–	Эп. Теайдет и ф. Гераклит II; ХГ IIId
4	T.12.H3.1242	п. 467	24,40 л	–	Эп. Астимед II и ф. Евклеит; ХГ Va
5	T.12.H3.1447	п. 538	–	32,65 л (?) ⁹	Ф. Гефейстион; ХГ IV-V
6	T.12.H3.1630	п. 584	22,75 л	–	нечитаемые
7	T.12.H3.2123	п. 690	24,56 л	–	Эп. Тимагор I и ф. Мидас; ХГ Vb
8	T.12.H3.2335	об. 60	–	25,85 + (0,25) = 26,10 л ¹⁰	Ф. Дий; ХГ III
9	T.12.H3.2336	об. 61	–	23,81 + (0,79) = 24,60 л ¹¹	нечитаемое
10	T.69.HC.85 фракционная	п. 261	11,50 л	–	Эп. Аристокл II и ф. Каллио; ХГ IIIe
11	T.96.H3.249 фракционная	курган 1, п. 23	13,20 л	–	неклеименная
12	T.12.H3.1656 фракционная	п. 590	11,50 л	–	Ф. Аристокл II; ХГ III-IV
13	T.12.H3.1700 фракционная	п. 605	–	14,42 л	клейма нечитаемые

4. Выводы

Измерения объёма найденных в Танаисе родосских амфор показывают, что между отдельными экземплярами, даже близкими по хронологии, фиксируется определённая разница. Такую же картину показывают и исследования ёмкости родосских амфор (в том числе происшедших из одной мастерской) проведённые на материалах из других памятников (Брашинский 1978: 14; Wallace Matheson, Wallace 1982: 308–309, pl. 9; Wallace 1986: 89, 90–91, fig. 1–4; 2004: 430).

⁸ Сокращения, используемые в таблице: ф. – фабрикант; эп. –эпоним, ХГ - хронологическая группа.

⁹ На базе рисунка – реконструкции амфоры. Ось симметрии сосуда передвинута, что может влиять на точность результатов.

¹⁰ Величина в скобках высчитана на базе рисунка – реконструкции амфоры.

¹¹ Величина в скобках высчитана на базе рисунка – реконструкции амфоры.

При этом диапазон между минимальным и максимальным объёмом близких по хронологии амфор может достигать даже 6,1 л (Матера 2016: 201, табл. 5). Однако, несмотря на различия, фиксируемые при измерениях с использованием современных мер, родосские амфоры на протяжении всего (?) периода их производства являются довольно однородной группой, если использовать античные единицы объёма. Несомненно, это заключение касается периода наиболее интенсивного родосского импорта в Танаис, который, благодаря детальному анализу керамических клейм, возможно датировать началом – третьей четвертью II в. до н.э. (Матера 2016: 194, 199, рис. 1–2).

Проведённые нами исследования показывают, что средний объём стандартной родосской амфоры из Танаиса составляет 25–26 л. Однако в археологическом материале нам известны как экземпляры немного большего, так и немного меньшего объёма. Поэтому, используя современные методы, можно думать, что средний объём полностандартных родосских амфор предположительно достигал немного большего размера и составлял около 26–27 литров. Если умножить этот объём на общее минимальное число учтённых сосудов (488), то это даёт приблизительный ответ на вопрос о количестве ввезённого родосского вина. В зависимости от принятого коэффициента окончательный результат будет варьировать от 127 Гл (при коэффициенте 26 л) до 132 Гл (при коэффициенте 27 л) (Матера 2016: 192–193). Эта цифра, впрочем, основывается только на той массе находок, которые были получены в эллинистических слоях при исследовании лишь части городища и его пригорода, площадь которых составляет менее 3 % всей территории памятника. В связи с этим полученные таким образом результаты лишь приблизительны и в какой-то степени предположительны.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева 1977 – Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса*. М.: Наука. – 152 с.
- Арсеньева и др. 2001 – Арсеньева Т.М., Беттгер Б., Науменко С.А. 2021. К истории эллинистического Танаиса. *ПИФК* (XI), 84–120.
- Барабанова, Платонов 1982 – Барабанова О.О., Платонов С.Б. 1982. К методике изучения объёмов средневековых амфор. *АДСВ* (19), 127–133.
- Брашинский 1976 – Брашинский И.Б. 1976. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары. *СА* (3), 87–102.
- Брашинский 1978 – Брашинский И.Б. 1978. Стандарты родосских амфор. *КСИА* (156), 11–16.
- Брашинский 1984 – Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.: Наука. – 248 с.
- Загваздин, Турова 2011 – Загваздин Е.П., Турова Н.П. 2011. О вычислении ёмкостных характеристик археологической керамики в трёхмерном редакторе Autodesk 3DsMax. *IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых учёных (IV БАСК): материалы конференции / И.И. Бахшиев (ред.)*. Сибай: Сибайская городская типография, 62–66.
- Матера 2016 – Матера М. 2016. О родосских амфорах и клеймах из Танаиса. *Εμνακο* (4/16), 189–203.
- Монахов 1986 – Монахов С.Ю. 1986. О некоторых особенностях расчёта стандартных мер ёмкости остродонных амфор. *АМА* (6), 106–114.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов, Слонов 1992 – Монахов С.Ю., Слонов В.Н. 1992. К реконструкции античной методики расчёта и моделирования древнегреческих амфор. *ВДИ* (2), 97–110.
- Николаенко 1974 – Николаенко Г.М. 1974. Метки на античных пифосах. *Херсонес Таврический: ремесло и культура / И.А. Антонова (ред.)*. Киев: Наукова думка, 25–29.
- Суханов 2017 – Суханов Е.В. 2017. Использование трёхмерного моделирования при изучении объёмов средневековых «причерноморских» амфор. *Археология и геоинформатика* (8) / Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов

- (ред.). М.: ИА РАН. Электронный ресурс: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-8/Sukhanov/page1.html>. Дата обращения: 10.01.2022.
- Шелов 1975 – Шелов Д.Б. 1975. *Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э.* М.: Наука. – 168 с.
- Шелов 1993 – Шелов Д.Б. 1993. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса. *Вестник Танаиса* (1), 9–43.
- Cardarelli 2020 – Cardarelli L. 2020. Capienza delle forme vascolari, da un metodo open source all'uso di modelli regressivi: il caso dell'insediamento protostorico del Monte Cimino. *Archeologia e Calcolatori* (31.1), 33–54.
- Docter 1990 – Docter R.F. 1990. Amphora Capacities and Archaic Levantine Trade. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* (15–17), 143–188.
- Dzierzbicka 2018 – Dzierzbicka D. 2018. OINOΣ Production and Import of Wine in Graeco-Roman Egypt / *The Journal of Juristic Papyrology* (Suppl. XXXI). Warsaw: Totem.com.pl sp. z o.o. – 527 с.
- Engels et al. 2009 – Engels L., Bavay L., Tsingarida A. 2009. Calculating vessel capacities: A new web-based solution. *Shapes and Uses of Greek Vases (7th–4th centuries BC). Proceedings of the Symposium held at the Université libre de Bruxelles 27–29 April 2006 / Études d'Archéologie* (3) / A. Tsingarida (ed.). Bruxelles: Centre de Recherches en Archéologie et Patrimoine, 129–133.
- Finkielsztejn 2001 – Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan. BAR international series* (990). Oxf.: Archaeopress/British Archaeological Reports, 2001. – 260 p., ill.
- Finkielsztejn 2006 – Finkielsztejn G. 2006. Production et commerce des amphores hellénistiques: récipients, timbrage et métrologie. *Économie antique. Approches de l'économie hellénistique / Entretiens d'Archéologie et d'Histoire* (7) / Descat R (ed.), P.: De Boccard, 17–35.
- Garlan 2000 – Garlan Y. 2000. *Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie / Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres* 21. P.: Diffusion de Boccard. – 210 с.
- Garlan 2013 – Garlan Y. 2013. Les timbres amphoriques en Grèce ancienne. Nouvelles questions. Nouvelles méthodes. Nouveaux résultats. *Journal des savants* (2), 203–270.
- Grace 1949 – Grace V. 1949. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. *Commemorative Studies in Honor of Theodore Leslie Shear. Hesperia* (Suppl. VIII). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens, 175–189, 455–456.
- Grace, Savvatianou-Pétropoulakou 1970 – Grace V.A., Savvatianou-Pétropoulakou M. 1970. Les timbres amphoriques grecs. *L'ilot de la Maison des Comédiens, Exploration Archéologique de Délos* (27) / P. Bruneau (ed.). P.: de Boccard, 277–382.
- Gras 2000 – Gras M. 2000. Donner du sens à l'objet. Archéologie, technologie culturelle et anthropologie. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* (55/3), 601–614.
- Hautumm 1981 – Hautumm W. 1981. *Studien zu Amphoren der spätrömischen und frühbyzantinischen Zeit.* Fulda: Verlag Wolfgang Hautumm. – 309 с.
- Hultsch 1864 – Hultsch F. (ed.) 1864. *Metrologorum scriptorum reliquiae 1. Quo scriptores Graeci continentur.* Lipsiae: B.G. Teubner. – 264 с.
- Hultsch 1882 – Hultsch F. 1882. *Griechische und römische Metrologie.* B.: Weidmannsche Buchhandlung. – 745 с.
- Hüttig 1999 – Hüttig M. 1999. Methoden der Volumenbestimmung für antike Gefäße am Beispiel griechischer Transportamphoren. *Athenische Mitteilungen* (114), 317–324.
- Jöhrens, Il'jašenko 2001 – Jöhrens G., Il'jašenko S.M. 2001. Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais. *EurAnt* (7), 367–480.
- Karasik, Smilansky 2006 – Karasik A., Smilansky U. 2006. Computation of the Capacity of Pottery Vessels Based on Drawn Profiles. *Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996* (I) / A. Mazar (ed.). Jerusalem: The Israel Exploration Society, 392–394.
- Lawall 2014 – Lawall M. 2014. Transport Amphoras and Loomweights: integrating elements of ancient Greek economies. *Greek and Roman Textiles and Dress. An Interdisciplinary Anthology / Ancient Textiles Series* (19) / M. Harlow, M.-L. Nosch (eds.). Oxf.: Oxbow Books, 150–189.
- Moreno et al. 2018 – Moreno E., Arévalo González A., Moreno J.F. 2018. From Traditional to Computational Archaeology. An Interdisciplinary Method and New Approach to Volume and Weight Quantification. *Oxford Journal of Archaeology* (37), 411–428.
- Nicolaou 2005 – Nicolaou I. 2005. *The Stamped Amphora Handles from the House of Dionysos. Paphos* (5). Nicosia: The Department of Antiquities, Cyprus. – 483 с.
- Nissen 1892 – Nissen H. 1892. Griechische und römische Metrologie. *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft in systematischer Darstellung mit besonderer Rücksicht auf Geschichte und Methodik der einzelnen Disziplinen* (1) / I. von Müller (ed.). München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oskar Beck), 833–890.

- Portillo, Sanz 2020 – Portillo A.M., Sanz C. 2020. Fourth order method to compute the volume of archaeological vessels using radial sections: Pintia pottery (Spain) as a case study. *International Journal of Computer Mathematics* (98/4), 705–718.
- Rice 1987 – Rice P.M. 1987. *Pottery Analysis: A Sourcebook*. Chicago: The University of Chicago Press. – 559 c.
- Rigoir 1981 – Rigoir Y. 1981. Méthode géométrique simple de calcul du volume des contenants céramiques. *Documents d'Archéologie Méridionale* (4), 193–194.
- Rodriguez, Hastorf 2013 – Rodriguez E.C., Hastorf C.A. 2013. Calculating ceramic vessel volume: an assessment of methods. *Antiquity* (87), 1182–1190.
- Sánchez Climent, Cerdeño Serrano 2014 – Sánchez Climent A., Cerdeño Serrano M.L. 2014. Propuesta metodológica para el estudio volumétrico de cerámica arqueológica a través de programas free-software de edición 3D: el caso de la necrópolis celtibérica del area meseteña. *Virtual Archaeology Review* (5/11), 20–33.
- Senior, Birnie III 1995 – Senior L.M., Birnie D.P. III. 1995. Accurately Estimating Vessel Volume from Profile Illustrations. *American Antiquity* (60/2), 319–334.
- Sopena Vicién 2006 – Sopena Vicién M.C. 2006. La investigación arqueológica a partir del dibujo informatizado de cerámica. *Saldvie. Estudios de prehistoria y arqueología* (6), 13–27.
- Steinbach 2009 – Steinbach E. 2009. A Quick Method for Estimating the Capacity of Ceramic Vessels. *Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996* (I) / A. Mazar (ed.). Jerusalem: The Israel Exploration Society, 395–397.
- Velasco Felipe, Celdrà Beltràn 2019 – Velasco Felipe C., Celdrà Beltràn E. 2019. Towards an optimal method for estimating vessel capacity in large samples. *Journal of Archaeological Science: Reports* (27), 1–12.
- Viedebant 1917 – Viedebant O. 1917. *Forschungen zur Metrologie des Altertums*. Abhandlungen der Philologisch-historischen Klasse der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften XXXIV (III). Leipzig: B.G. Teubner. – 184 c.
- Vodolazhskaya 2008 – Vodolazhskaya L. 2008. Reconstruction of Heron's Formulas for Calculating the Volume of Vessels. Layers of Perception. Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA), Berlin, Germany, April 2–6, 2007 / Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 10) / A. Posluschny, K. Lambers (eds.). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1–7.
- Wallace 1986 – Wallace M.B. 1986. Progress in Amphora Capacities Measurement. *BCH* (Suppl. XIII), 87–94.
- Wallace 2004 – Wallace M. 2004. Standardization in Greek Amphora Capacities. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, Monographs of the Danish Institute at Athens Volume* (5) / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 429–431.
- Wallace Matheson, Wallace 1982 – Wallace Matheson P.M., Wallace M.B. 1982. Some Rhodian Amphora Capacities. *Hesperia* (51), 293–320.
- Zapassky et al. 2006 – Zapassky E., Finkelstein I., Benenson I. 2006. Ancient standards of volume: Negevite Iron Age pottery (Israel) as a case study in 3D modelling. *Journal of Archaeological Science* (33), 1734–1743.
- Zapassky et al. 2009 – Zapassky E., Finkelstein I., Benenson I. 2009. Computing Abilities in Antiquity: The Royal Judahite Storage Jars as a Case-study. *Journal of Archaeological Method and Theory* (16/1), 51–67.

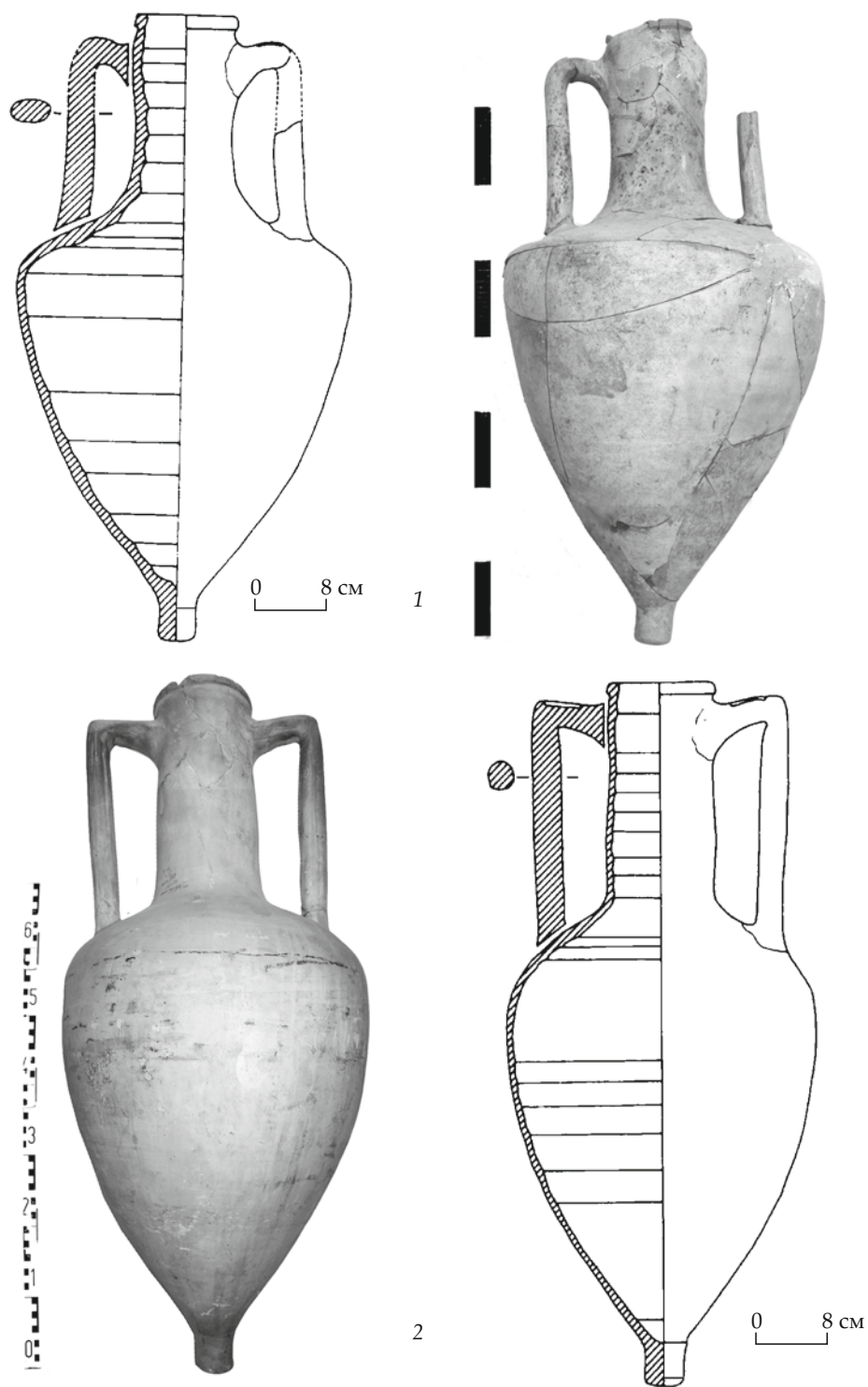

Рис. 1. Родосские амфоры: 1 – 1989, раскоп VI, подвал ИО, № 130;
2 – 1966, некрополь восточный, раскоп III, погр. 237, № 25

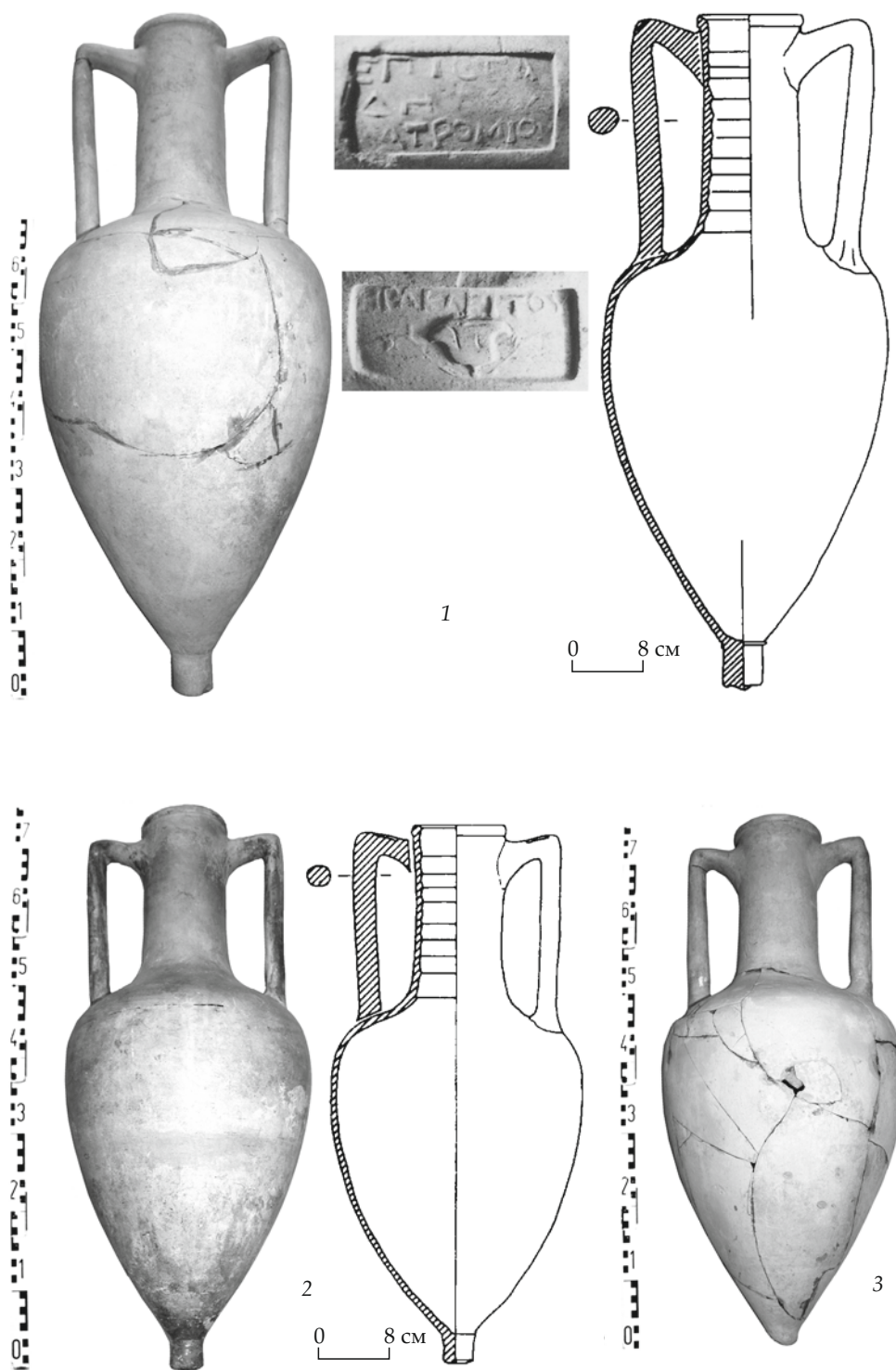

Рис. 2. Родосские амфоры: 1 – 1966, некрополь западный, курган 55/1, погр. 23, № 248;
2 – 1969, некрополь северный, погр. 261, № 85;
3 – 1996, некрополь западный, курган 1, погр. 23, № 249

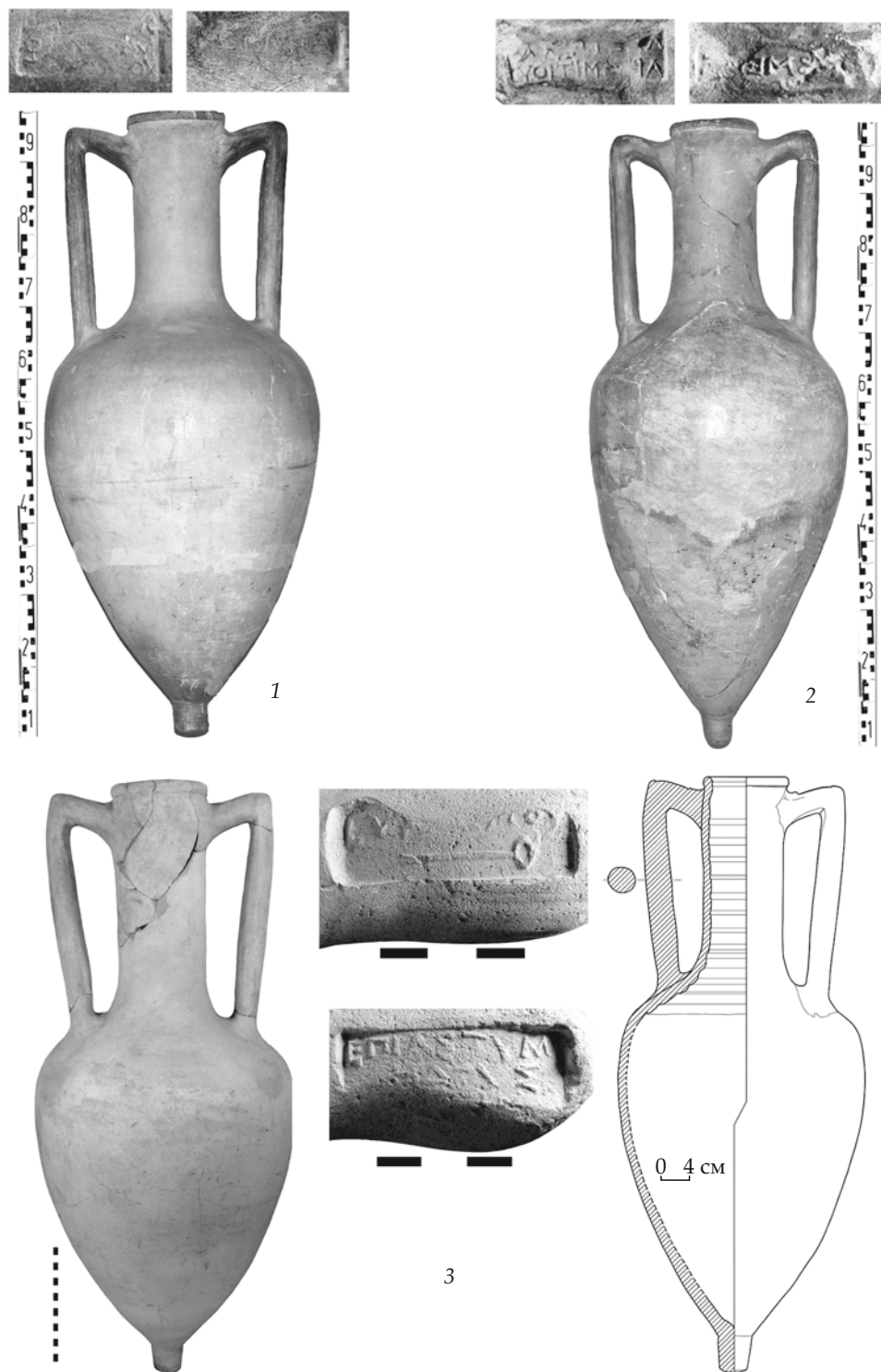

Рис. 3. Родосские амфоры: 1 – 1961, раскоп III, погр. 178, без №; 2 – 1956, раскоп III, к В. от погр. 23, без №; 3 – 2012, раскоп XVIII, п. 467, № 1242

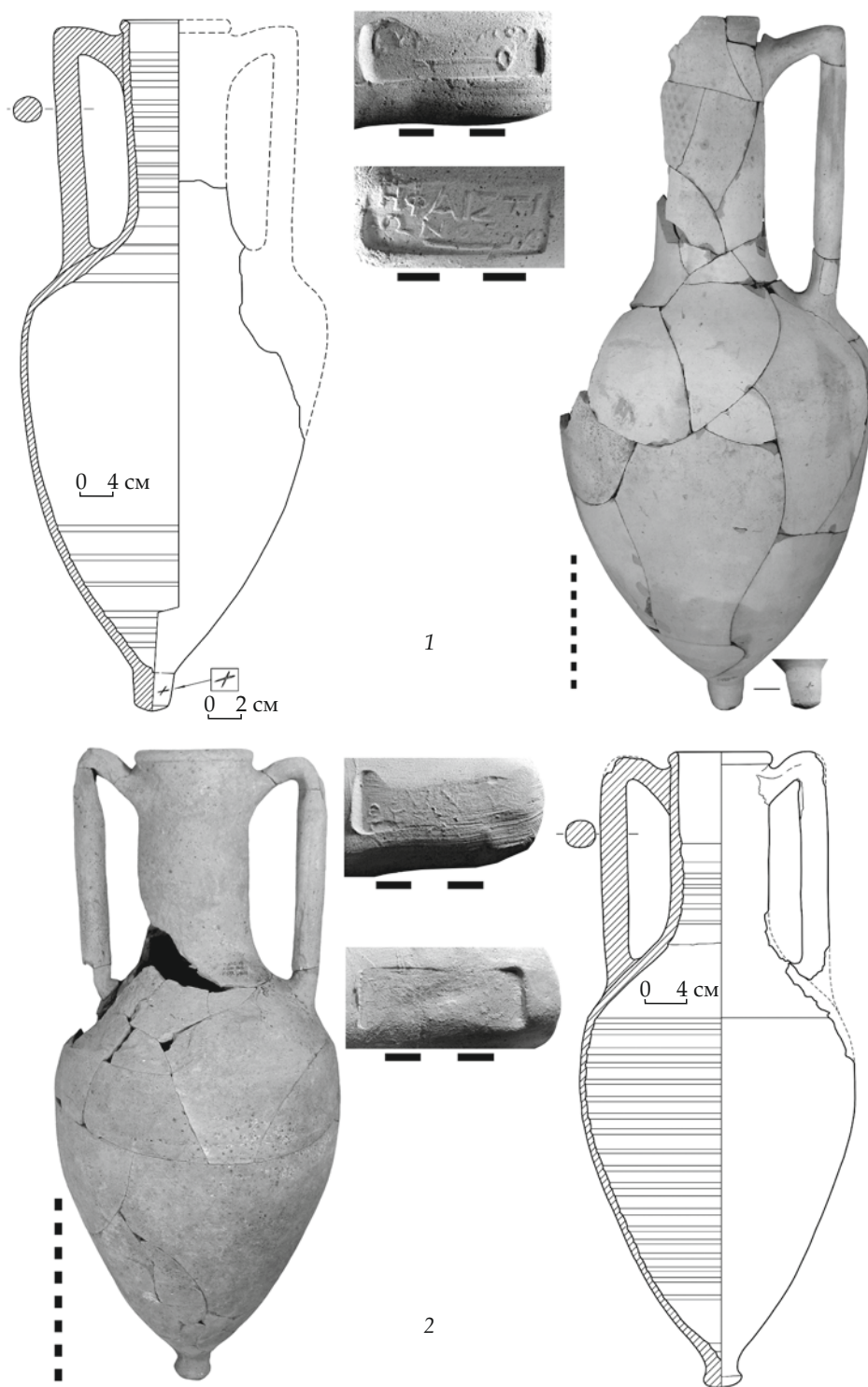

Рис. 4. Родосские амфоры: 1 – 2012, раскоп XVIII, п. 538, № 1447;
2 – 2012, раскоп XVIII, п. 584, № 1630

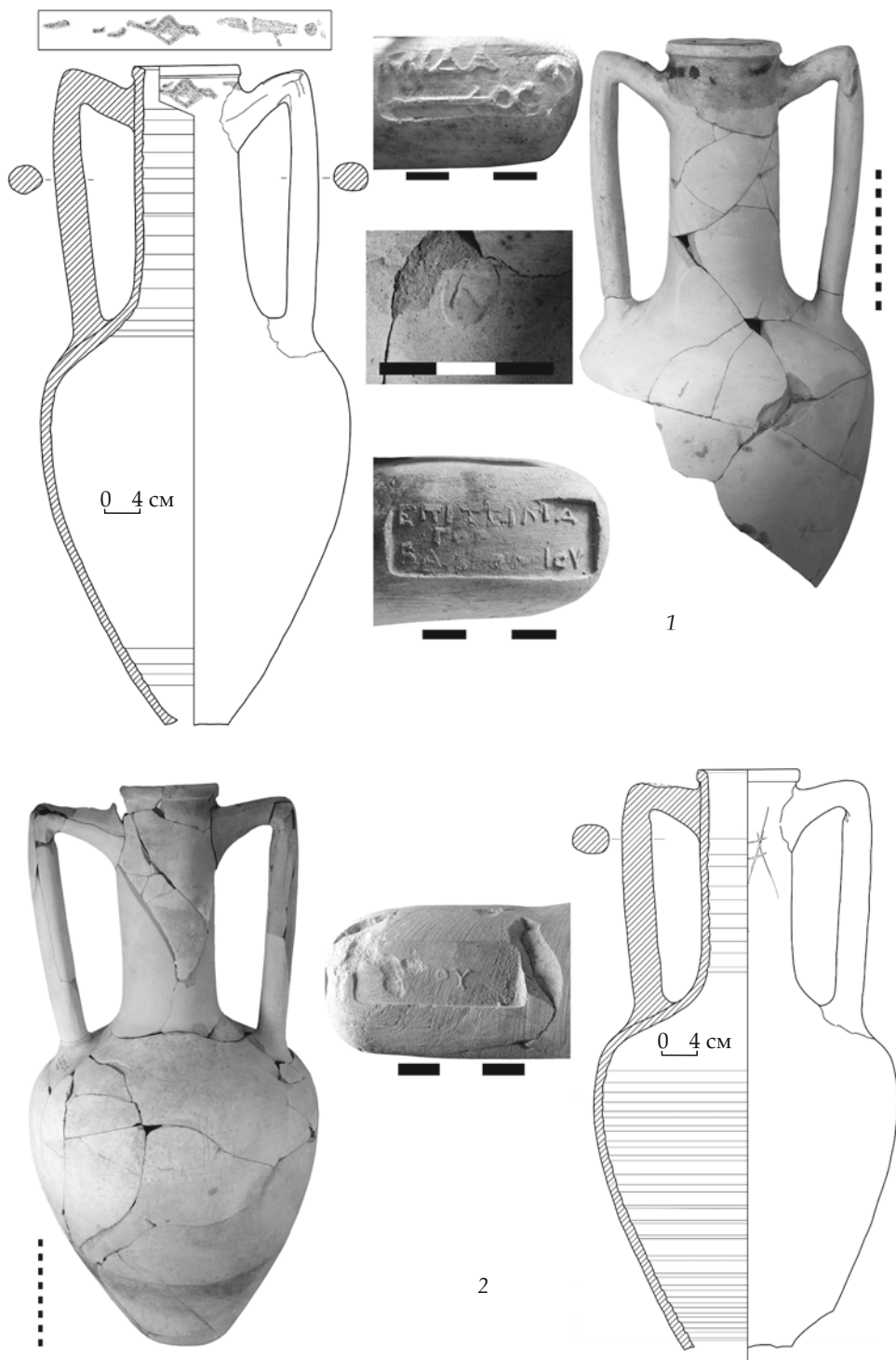

Рис. 5. Родосские амфоры: 1 – 2012, раскоп XVIII, п. 690, № 2123;
2 – 2012, раскоп XVIII, об. 60, № 2335

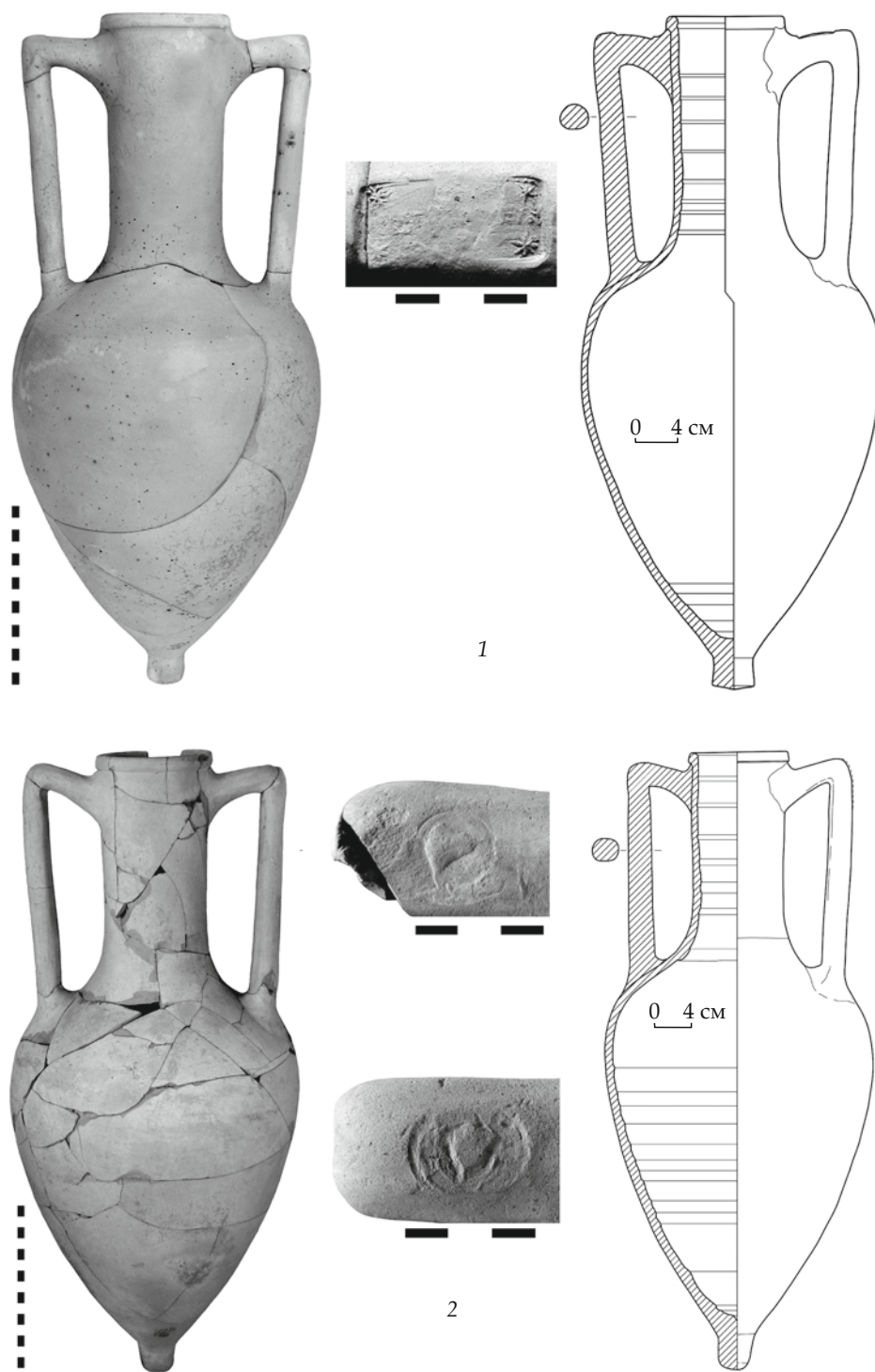

Рис. 6. Родосские амфоры: 1 – 2012, раскоп XVIII, п. 590, № 1656;
2 – 2012, раскоп XVIII, п. 605, № 1700

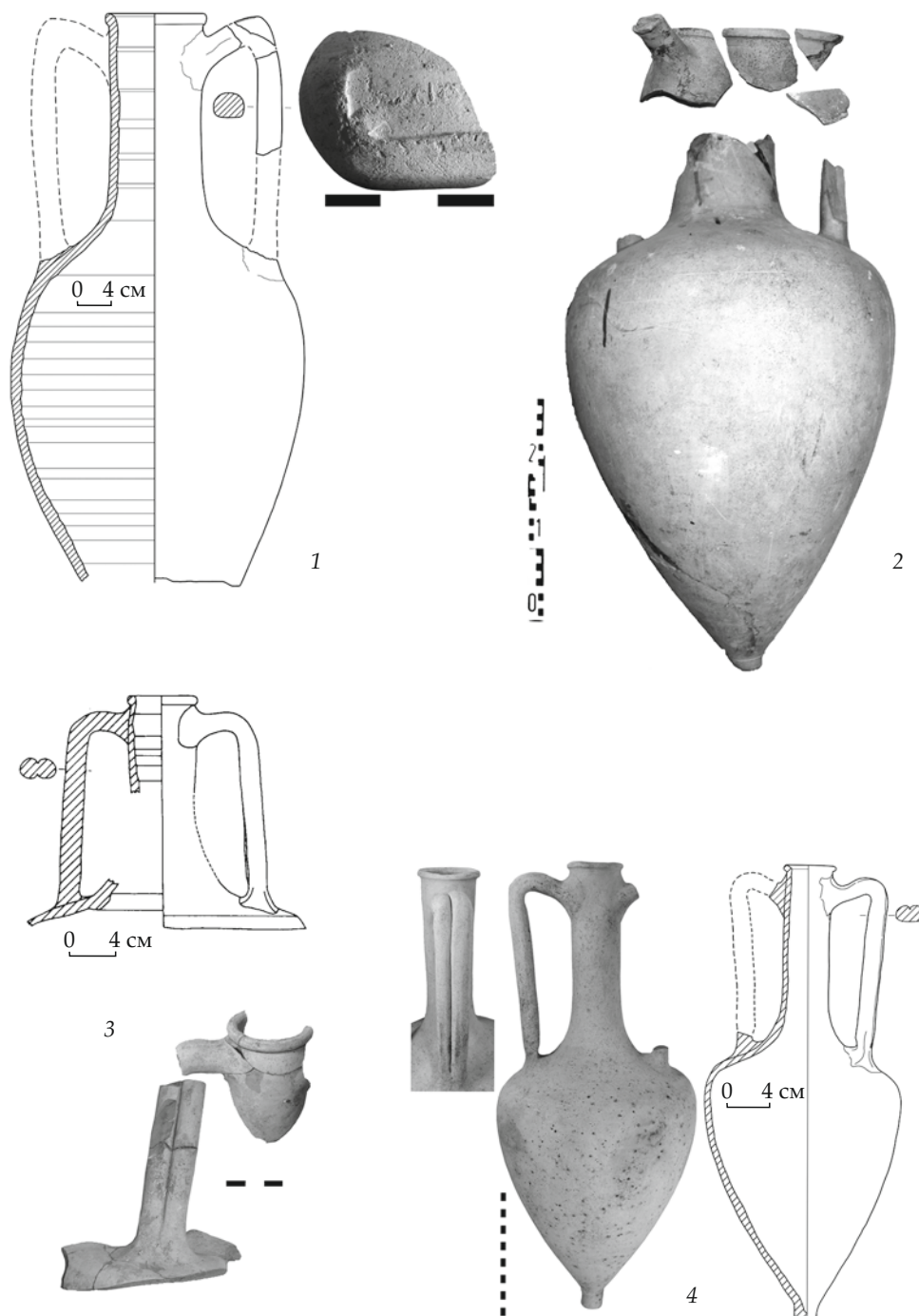

Рис. 7. Родосские амфоры: 1 – 2012, раскоп XVIII, об. 61, № 2336;
2 – 1959, раскоп VI эл, пом. С, яма 24, № 4587; 3 – 1998, раскоп VI, подвал ИО, № 80;
4 – 1912, некрополь западный, погр. 171, № 462

**АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ В ВАРВАРСКОМ МИРЕ:
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИЗ КУРГАНОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА)**

Аннотация: в статье рассматриваются различные категории артефактов неместного происхождения, входивших в состав сопровождающего инвентаря курганов скифо-сарматского времени лесостепного Дона. Обычно их принято считать античным импортом. Однако анализ этих находок по происхождению показал, что к собственно античному импорту можно отнести лишь греческие амфоры и престижные сосуды (кубки, ритоны) из драгоценных металлов скифского времени, изготовленные по заказу местной знати в боспорских мастерских. Другие группы инвентаря являлись или военными трофеями (кованные бронзовые котлы) или частью военной амуниции (шлемы из «странных комплексов»), которую сарматы могли получить на службе у Митридата Великого. Последняя самая многочисленная группа инвентаря античного производства была принесена их владельцами – женщинами на себе при миграции с низовий Дона как личные украшения и детали одежды.

Ключевые слова: Средний Дон, античный импорт, амфоры, престижная посуда, котлы, поножи, шлемы, фибулы, украшения.

A.P. Medvedev¹

**ANCIENT IMPORTS IN THE BARBARIAN WORLD: AN EFFORT IN TYPOLOGY BY ORIGIN
(BASED ON MATERIALS FROM FOREST STEPPE DON BARROWS)**

Abstract: the article discusses various categories of non-local artifacts found among grave goods in Scytho-Sarmatian age barrows in the forest-steppe area of the Don region. They are usually considered as ancient Greek imports. However, the analysis of these finds by their origin showed that proper ancient Greek imports are represented only by Greek amphorae and Scythian-age prestigious vessels (goblets, rhytons) made of precious metals and ordered by local nobles in Bosporean workshops. Other groups of grave goods were either spoils of war (forged bronze cauldrons) or parts of military gear (helmets from 'strange complexes') that could be obtained by the Sarmatians in the service of Mithridates the Great. The last and the most numerous group of ancient Greek grave goods was brought by their female owners when migrating from the Lower Don basin as personal ornaments and garment pieces.

Key words: Middle Don region, ancient Greek imports, amphorae, prestigious vessels, cauldrons, greaves, helmets, fibulae, ornaments.

Наверное, нет ни одного современного археолога, занимающегося исследованием проблематики скифо-античной эпохи, который бы не знал и не использовал многочисленные публикации Сергея Юрьевича Монахова. В наше время он, безусловно, крупнейший специалист мирового уровня в области изучения античного керамического импорта. Ему и его коллегам принадлежит не менее дюжины фундаментальных исследований и каталогов античной керамической тары Северного Причерноморья. Вокруг него сложился исключительно работоспособный коллектив амфороведов, который ежегодно издает монографически коллекции греческих амфор, найденных в городах Северного Причерноморья из крупнейших российских фондохранилищ (Эрмитаж, ГМИИ им. Пушкина и др.). Я знаком с юбилеем почти столетия с раскопок поселения Панское I и поэтому не мог не откликнуться на славную дату – 70-летие Сергея Юрьевича Монахова, хотя очень трудно было подобрать тему для его юбилейного сборника. Трудно потому, что я – не амфоровед, никогда специально античный керамический импорт не изучал, хотя постоянно сталкивался с античными амфорами в моих раскопках памятников различных эпох и культур – скифских, сарматских, не говоря уж о Фанагории. Мне осталось лишь

¹ Медведев Александр Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1, arpm1950@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3760-5874>.

поделиться некоторыми соображениями о феномене античного импорта в варварском мире на материалах Среднего и Верхнего Дона, а точнее поставить вопрос о правомерности отнесения к античному импорту некоторых категорий находок, которые традиционно в антиковедении считаются таковыми.

Начиная с раннего железного века в погребениях и, в меньшей мере на поселениях появляются привозные вещи, которые изготавливались за тысячи километров от Барбарикума. Для скифо-сарматского времени за ними закрепилось название «античный импорт». Он давно и активно изучается как источник дальних торговых связей античного и варварского миров, как надежный хроноиндикатор и пр. В настоящее время неплохо исследованы центры производства той или иной категории античного импорта, пути его поступления на Юг Восточной Европы (Монахов 1999; Kuznetsova, Monakhov 2022: 445). Это традиционные направления его изучения.

В статье я ставлю вопрос по-другому: а все ли находки, которые археологи привычно называют *античным импортом* являлись таковыми в прямом значении этого слова? Как хорошо известно, этот термин связан с латинским глаголом *importo* – ввозить, который в свою очередь является производным от др. греч. ἡ ἐμπορία – «торговля», «товар» (Дворецкий 1958: 527). Но торговля не всякая, а, прежде всего, внешняя, в том числе, между греческой частью ойкумены и окружающим миром варваров. Однако, если строго следовать семантике этого слова, то далеко не все, что археологи относят к античному импорту, окажется таковым.

В результате классификации разнообразных вещей не местного производства и с учетом обстоятельств их попадания на Верхний и Средний Дон удалось выделить пять групп изделий, которые принято считать импортом.

1. Амфоры

На берегах Среднего и Верхнего Дона их найдено не менее 50 экз., т.е. почти в каждом четвертом раскопанном кургане скифского времени V–IV вв. до н.э. (рис. 1 -1). На некоторых сохранились имена гончаров и астиномов, удостоверяющих соответствие объема амфоры принятому в греческом полисе стандарту (рис. 1 -1а). О том, каков был размах импорта в керамической таре, говорит то обстоятельство, что на Среднем Дону в курганных погребениях амфоры преобладают над местной посудой, которая сама по себе в ряде случаев подражала античным формам. Как и у скифов, амфора с вином с V в. до н.э. стала на Дону почти непременным атрибутом погребального обряда. Кроме того, амфорный бой часто встречался в насыпях в составе тризы, в траурный ритуал которых также входил принесенный греками обычай винопития. Пик притока греческих амфор на Средний Дон приходится на вторую – третью четверти IV в. до н.э. (Безматерных 2004: 19–23).

Среди среднедонских амфор половину составляли гераклейские, отдельные экземпляры представлены фасосскими и «псевдофасосскими», синопскими, колхидскими, типа Пепарет II, Солохи, Менды и др.² Пять амфор имели клейма магистратов (Архестрат, Эвридам, Писистрат, Агатон, Аристипп). Самая северная находка гераклейской амфоры с клеймом Архестрата и фабриканта Писистрата обнаружена в погребении воина в кургане № 38 Староживотинного могильника на р. Воронеж (Медведев 2001: 5, рис. 4 -6).

Фрагменты античных амфор изредка встречаются на городищах и поселениях среднедонской культуры скифского времени. По подсчетам Ю.Д. Разуваева на 30 городищах VI–IV вв. до н.э., в той или иной мере подвергавшихся раскопкам, найдено не более 800 фрагментов амфор, в большинстве своем – не профильные части (Разуваев 2017: 16). Центры их производства прак-

² Все определения амфор принадлежат С.Ю. Монахову, за что я еще раз выражаю ему мою признательность.

тически совпадают с амфорами, найденными в курганах. Отметим, что на верхнедонских городских поселениях фрагменты античных амфор не встречены ни разу.

Среднедонские амфоры могут уверенно рассматриваться как греческий импорт. Через эту территорию, занятую по свидетельству Геродота племенами будинов и гелонов, проходил торговый путь из Гавани Борисфенитов в далекое Приуралье. В его описании содержится важное свидетельство: «*Вот до этих плешивых (аргиптеев – А.М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается, и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней* (Hdt. IV. 24). Ясно, что часть самого ходового товара – амфор с вином – приобреталась элитой здесь, на месте и в конечном итоге отлагалась в среднедонских курганах. К северу и востоку от земли будинов греческие амфоры практически не встречались.

2. Престижная посуда и украшения из драгоценных металлов.

В состав сопровождающего инвентаря среднедонских курганных погребений скифского времени входили вещи престижа, принадлежащие местной аристократии. Прежде всего, к ним следует отнести три серебряных кубка (Частые курганы, Дуровка, Терновое-Колбино). Самый знаменитый из них с позолоченным рельефным изображением трех пар «скифов» найден в кургане 3 группы Частых 1911 г. (рис. 1-2). Долгое время считалось, что на этом сосуде, как и на золотом кубке их кургана Куль-Оба, изображены сцены из повседневной жизни скифов. М.И. Ростовцев привел аргументы в пользу культового назначения подобных сосудов. И только в 1970 г. Д.С. Раевскому удалось доказать несомненную связь между отдельными сценами на этих кубках и убедительно дешифровать весь сюжет, наглядно передающий скифскую легенду о происхождении их царей, пересказанную Геродотом (Раевский 1970: 70–83).

Согласно «эллинской» версии этой легенды (Hdt. IV. 9–11), гелоны являются потомками мифического прародителя Гелона, брата Скифа. Напомним, что проиграв состязание на царскую власть младшему брату, Гелон вынужден был покинуть будущую Скифию и стал эпонимом народа гелонов, которых Геродот локализует где-то в районе среднего течения Танаиса-Дона (Hdt. IV. 108). Эта легенда отражала память о каком-то переломном событии в жизни ираноязычных номадов, в результате которого скифы утвердили свою власть в Северном Причерноморье, а родственные им гелоны оказались за его пределами – на Среднем Дону (или шире – в лесостепи между Днепром и Доном). Скорее всего, именно этот сюжет был запечатлен по заказу местного среднедонского владыки на кубке из Частых курганов с изображением уходящего из Скифии Гелона, которого старый скиф (Геракл=прародитель Таргитай) отправляет на чужбину (рис. 1-2а). Поэтому вслед за Д.С. Раевским мне представляется далеко не случайным нахождение серебряного кубка с рассмотренными сюжетными изображениями в одном из курганов Среднего Дона, на далекой северо-восточной периферии Скифии.

Два других серебряных кубка не имели антропоморфных сюжетных сцен. Круглодонный кубок найден А.И. Пузиковой в кургане 14 могильника у с. Дуровка. По середине тулова он украшен узким фризом с изображениями гиппокампов, ныряющих рыб и уточки. Третий кубок с гладким туловом обнаружен В.И. Гуляевым в погребении № 2 кургана № 18 могильника Колбино 1. Сейчас в Скифии известно свыше 30 находок подобных золотых и серебряных круглодонных кубков. Их изготавливали высокопрофессиональные греческие мастера, скорее всего, на Боспоре, но по заказу варварской знати Северного Причерноморья и даже более отдаленных районов, каким был Средний Дон. Безусловно, круглодонные кубки можно считать античным импортом.

Помимо круглодонных кубков столовая посуда среднедонской знати включала серебряные ритоны для питья античного производства. Один найден в кургане № 29/11 Масюгинского могильника вместе с бронзовой гидрией, атташ которой был украшен фигурой сирены (рис. 1 -

5). Другой, более роскошный ритон из кургана № 1 могильника у с. Дуровка (рис. 1 -4) завершился протомой барана (Пузикова 2001: 183, рис. 29). К античному импорту относится и бронзовая патера с маской-атташем и медальоном в центре дна сосуда из кургана № 1 группы Частых 1910 г., которую недавно профессионально переиздал и проанализировал М.В. Трейстер (Трейстер 2021: 380–403, рис. 2).

Помимо античной посуды на Средний Дон в скифское время попадал и иной импорт: золотые серьги, украшенные фигурками пантер с подвескам-желудями (рис. 1 -6), серьги с подвеской в виде фигуры богини Кибелы (рис. 1 -7) или, золотые перстни, в том числе, один со вставкой скарабея из египетского фаянса с иероглифом в виде зайца (Пузикова 2001: 186, рис. 18 -5), а также многочисленные бусы античного производства.

3. Военные трофеи

К скифскому времени относятся первые свидетельства появления в нашем крае деталей античного защитного доспеха. Это фигурный шлем фракийского типа, реконструированный А.П. Манцевич (рис. 2 -1) и две пары поножей из раскопок Н.Е. Макаренко 1908 г. в с. Мастогино (Манцевич 1973: 12–46). На правой поножи из кургана 3 пунктиром нанесено графитто – ЛЕ (рис. 2 -2), на левой [Λ]ΕΥ (рис. 2 -3) – начало имени первого владельца поножей, грека по имени Левкон. Эти поножи, вероятнее всего, были военным трофеем. Третья пара греческих поножей (рис. 2 -4) недавно найдена в одном из курганов у с. Горки на Потудани (Гуляев, Савченко 2004: 47, рис. 10 -1). К военным трофеям, видимо, следует отнести и греческий однолезвийный меч-махайру (рис. 2 -5) из Абрамовского кургана № 1, датированного V в. до н.э. (Медведев, Ефимов 2001: 205, рис. 2 -5). В Скифии они встречаются редко (Алексеев 2006: 43–65).

В эту группу трофеев входят артефакты совсем иного назначения более позднего ранне-сарматского времени. Прежде всего, это находка в Аверинском кургане пары кованых котлов из листовой меди (Медведев 1996: 160–164). Три десятилетия назад мы датировали их более ранним временем по большому котлу (рис. 3 -1). Но оказалось, что этот тип имеет широкий диапазон бытования, начиная с VIII в. до н.э. (Трейстер 2019: 167–171). Однако малый котел определенно принадлежит так называемому жутовскому типу (рис. 3 -2), что и заставляет омолодить этот комплекс до II – начала I в. до н.э. Третий кованный котел из «клада» у с. Левая Россошь, концы ручек которого входили в гнезда Т-образной основы, завершающейся атташем в виде лапы хищника (рис. 3 -3), относится к типу, появившемуся в Греции еще в VI в. до н.э. и бытующему в IV в. до н.э. Однако он каким-то образом тоже попал в состав «клада» с деталями конской упряжи и вместе с бронзовой литой пряжкой с прямоугольной прогнутой рамкой, неподвижным язычком на одном конце и двумя приливами на другом (Медведев 2008: 20, рис. 10 -2). Она не позволяет датировать этот комплекс раньше начала I в. до н.э.

Попадание аверинских и левороссошанского котлов к сарматам могло произойти во время войн Митридата Великого, на стороне которого, как известно, сражались «савроматы царские» и язиги (Арриан, *Mithr.*: 69). Переправившись из Азии в Европу, они могли ограбить древние святилища в Северной Греции и Македонии, а захваченные трофеи – столь необходимые при кочевом образе жизни легкие кованые котлы – привезли с собой на «родину». Таким образом, эта категория находок по своему происхождению никак не подходит под определение импорта. Более того, по ним нельзя датировать погребальные комплексы, в которых они были найдены.

4. Военная амуниция (шлемы)

К раннесарматскому времени относится появление на Среднем Дону *бронзовых шлемов римско-италийского производства* (Ворошилов 2010: 267–269): один найден у хут. Антиповка (рис. 3 -4), другой недавно у с. Ездочное (рис. 3 -5). Первый входил в состав т.н. «странного ком-

плекса» (термин М.Б. Шукина), датируемого концом II в. – началом I в. до н.э. (Медведев 2008: 19, рис. 9), хотя сам шлем изготовлен значительно раньше. Судя по всему второй шлем датируется близким временем. В Северном Причерноморье известна серия более чем из 30 находок шлемов в «кладах» или «странных комплексах». Исследователи спорят о причинах и времени их появлении на Юге Восточной Европы. Одни связывают распространение подобных кельто-италийских шлемов у сарматов с их активным участием в Митридатовых войнах первой трети I в. до н.э. или с еще более ранним событием – войной Фарнака I Понтийского 183–179 гг. до н.э. Я склоняюсь к первой их дате. Как бы то ни было, находки римско-италийских шлемов на изучаемой территории также никак нельзя отнести к античному импорту. Скорее всего, они попали сюда вместе с их владельцами, может быть на их головах.

5. Детали одежды, украшения

В сарматское время происходят существенные перемены в *верхней одежде*. В сарматских погребениях Чертовицких могильников на р. Воронеж найдена серия фибул-застежек разных типов (Медведев 2008: 42, рис. 46). Их распространение указывает на появление распашной верхней одежды, которая скреплялась такой фибулой. Большинство бронзовых фибул являются лучковыми с подвязным приемником 1–2-го вариантов, следы их производства обнаружены в Танаисе. Одна фибула-брошь без эмали (рис. 4 -3) и две шарнирные римские фибулы типа «Авцисса» из погребения (рис. 4 -4а) и городища у с. Чертовицкое (рис. 4 -4б) изготовлены в западных провинциях Империи. В последние годы поддюжины таких фибул найдено на городищах Верхнего Дона. Сейчас находки «Авцисс» стали известны и гораздо севернее – в Поочье, Посурье, Подмосковье (Ахмедов 2020: 36-48).

Украшения. Как и повсюду в сарматском мире, женские погребения на Дону и Воронеже выделялись обилием украшений (Медведев 2008: 45–47, рис. 49). Особым разнообразием отличались наборы бус из египетского фаянса: в виде священных жуков-скарабеев, на обратной стороне подставки которых почти всегда был иероглиф в картуше, львов на подставке, лягушек, головки младенца Гора, рифленых подвесок-амфорок и округло-ребристых бус (рис. 4 -5, 10). В состав ожерелий входили мозаичные бусы многоцветного стекла (рис. 4 -8, 9), в том числе, с пастовыми вставками в виде женского лица (рис. 4 -6, 7), стеклянные глазчатые, с глазчато-крестовидным и спиральным орнаментом, сердоликовые, халцедоновые, гагатовые и многие другие (рис. 4 -11). Для макияжа сарматки широко использовали не только мед, но и привозные румяна красного, пунцового и алого цвета. Их полный набор встречен вместе с дорогими украшениями в погребении кургана № 5/40 I Чертовицкого могильника (Медведев 2008: рис. 23).

Прочие украшения представлены серебряным рифленным перстнем (Медведев 2008: рис. 23 -10), парой золотых фигурных сережек с разноцветными стеклянными вставками (рис. 4 -12) и височным кольцом из золотого витого жгута, к которому припаяны золотые шарики в виде гроздей (рис. 4 -13). Набор украшений из курганов на р. Воронеж полностью соответствуют моде, утвердившейся в сарматском и античном мире в начале нашей эры. Скорее всего, для территории Верхнего Дона они не были античным импортом в прямом смысле этого слова, а были принесены переселившимися сюда сарматами из районов Нижнего Дона, непосредственно граничившими с античными центрами Причерноморья и Приазовья.

Итак, на материалах лесостепного Подонья выделяются пять групп античных изделий, из которых только две – амфоры и изготовленные по заказу знати серебряные сосуды для питья – можно однозначно отнести к импорту как предмету торговли греков с местным населением. Три другие группы были античного производства, но попали на Средний Дон иным путем: как военные трофеи (металлические греческие котлы, детали греческой военной амуниции) и шлемы кельто-италийских типов, выданные союзникам-сарматам во время войн Митридата Великого, а также разнообразные вещи личного обихода (украшения, детали одежды). Вряд ли по-

следние были приобретены у греческих купцов здесь, на местных торговых путях, о которых с римского времени ничего неизвестно. Скорее всего, они попали на Средний и Верхний Дон вместе с их владельцами, проще говоря, были принесены ими на себе как личные украшения и детали одежды в процессе миграции или перекочетов с Нижнего Дона. Там были эмпории вроде Танаиса, куда поступали разнообразные товары из различных областей Античного мира в обмен на продукцию местных кочевников (Strabo XI. 2. 3).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2006 – Алексеев А.Ю. 2006. Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.). *Древности скифской эпохи*. Сб. статей / В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский (отв.ред.). М.: ИА РАН, 43–65.
- Ахмедов 2020 – Ахмедов И.Р. 2020. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье. *История вещей – история и вещи / Раннеславянский мир* (20) / А.М. Обломский (отв. ред.) М.: ИА РАН, 36–48.
- Безматерных 2004 – Безматерных А.Е. 2004. Античные амфоры из курганов скифского времени лесостепного Дона. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* (XI) / Г.М. Тошев (ред.). Запоріжжя, 19–23.
- Ворошилов 2010 – Ворошилов А.Н. 2010. Новые находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира. *ΣΥΜΒΟΛΑ* (1). Москва; Киев, 267–269.
- Гуляев, Савченко 2004 – Гуляев В.И., Савченко Е.И. 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону. *Труды Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг.* (1). М.: ИА РАН, 35–52.
- Дворецкий 1958 – Дворецкий И.Х. 1958. *Древнегреческо-русский словарь* / С.И. Соболевский (ред.). М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. Том I: А-Л; Том II: М-Ω. – 1906 с.
- Манцевич 1973 – Манцевич А.П. 1973. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа. *АСГЭ* (15), 12–46.
- Медведев 1996 – Медведев А.П. 1996. Медные клепаные котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону. *Античная цивилизация и варварский мир: тез. научн. семинара* / Б.А. Раев (отв. ред.). Новочеркасск, 160–164.
- Медведев 2001 – Медведев А.П. 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени. *Верхнедонской археологический сборник* (2). Липецк, 4–14.
- Медведев 2008 – Медведев А.П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. М. – 252 с.
- Медведев, Ефимов 2001 – Медведев А.П., Ефимов К.Ю. 2001. Курганы скифского времени у с. Абрамовка. *Археология Среднего Дона в скифское время. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.* М.: ИА РАН, 202–210.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Пузикова 2001 – Пузикова А.И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. М.: Индрик. – 272 с.
- Раевский 1970 – Раевский Д.С. 1970. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. *СА* (3), 70–83.
- Разуваев 2017 – Разуваев Ю.Д. 2017. Античный керамический импорт на поселениях скифского времени в Донской лесостепи: картографическое исследование. *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения* (22/ 2), 15–24.
- Трейстер 2019 – Трейстер М.Ю. 2019. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии. *Scripta antiqua. Альманах* (8). М., 147–207.
- Трейстер 2021 – Трейстер М.В. 2021. Македонская (фракийская) патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону. *Материалы по археологии и истории Античного и Средневекового Причерноморья* (13). Нижневартовск, 380–403.
- Monakhov, Kuznetsova, 2017 – Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V. 2017. Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections). *Trade Connections of the Northern Black Sea Region* / V. Kozlovskaya (ed.). Cambr.: Cambridge University Press, 59–99.

Рис. 1. Античный импорт на Среднем Дону скифского времени:
1-1a – Мاستюгино, кург. 16/36, 1962 г.; 2 – Частые курганы, кург. 3, 1911 г.;
3 – Дуровка, кург. 14, 1986 г.; 4 – Дуровка, кург. 1, 1964 г.; 5 – Мاستюгино, кург. 29/21, 1960 г.;
6 – Колбино 1, кург. 18, погр. 2, 1997 г.; 7 – Мاستюгино, кург. 5, 1908 г.

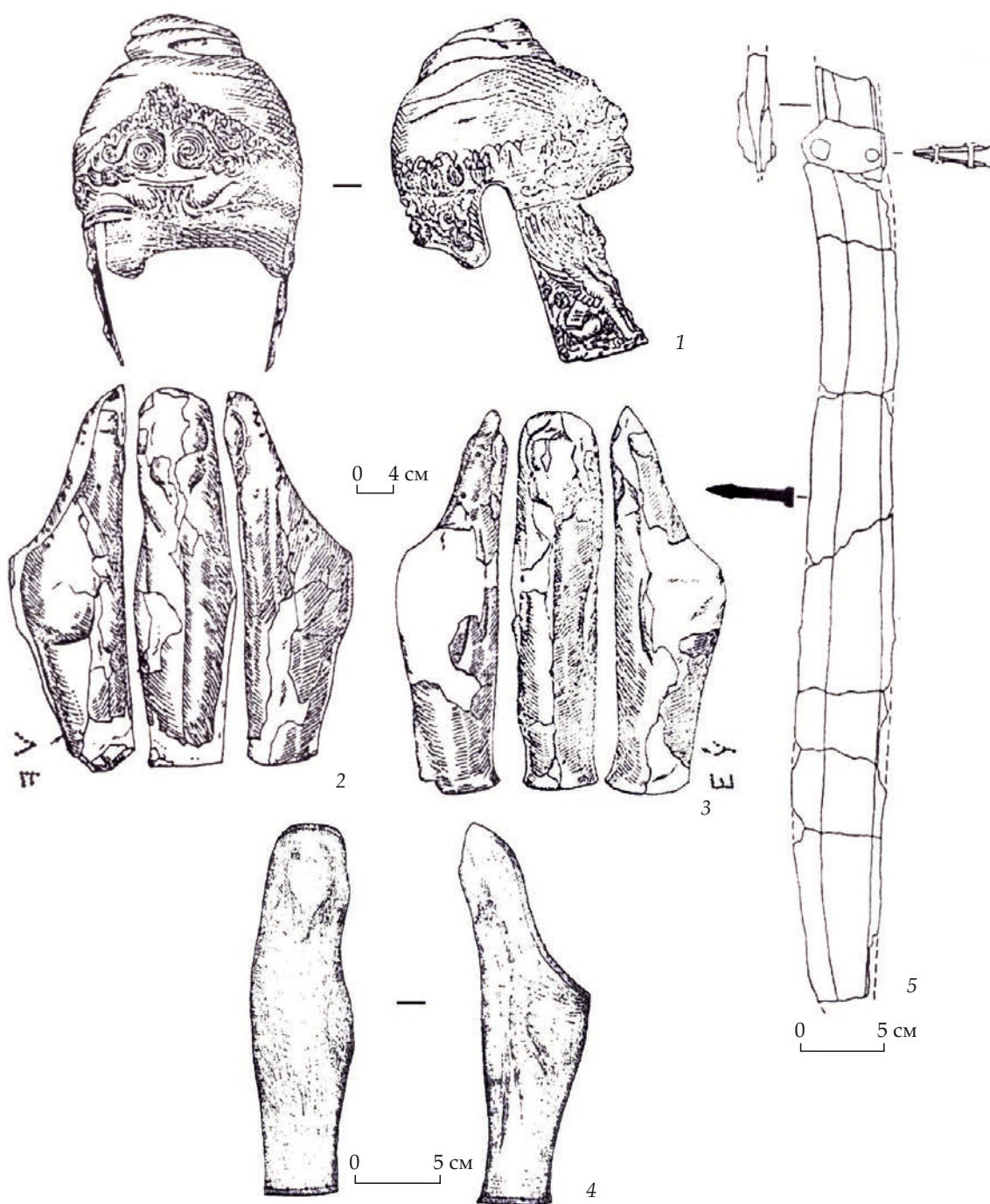

Рис. 2. Античное трофейное вооружение из среднедонских курганов скифского времени:
 1 – Мاستюгино, кург. 2, 1908 г.; 2–3 – Мастюгино, кург. 3, 1908 г.;
 4 – Горки, кург. 13, 2003 г.; 5 – Абрамовка, кург. 1, 2001 г.

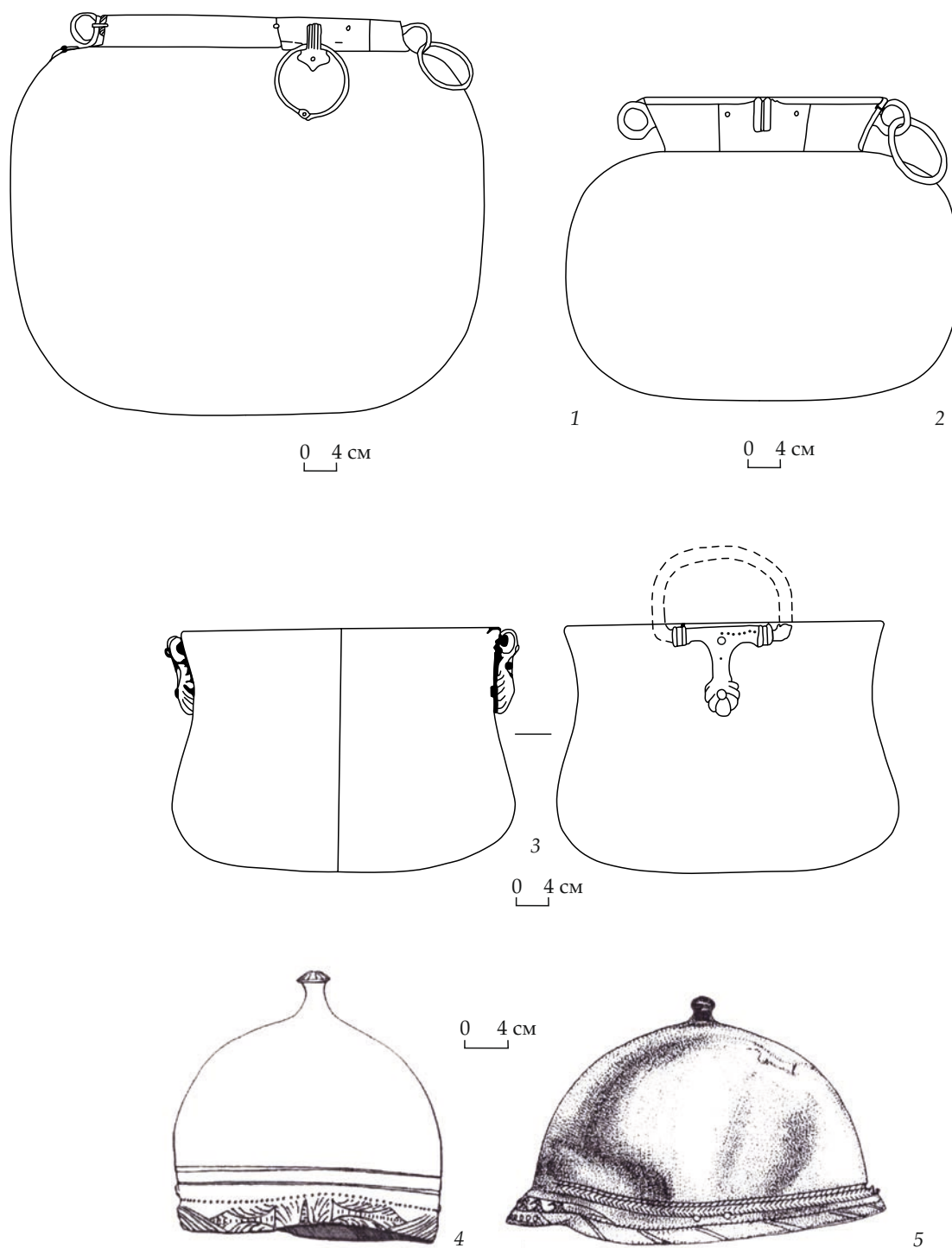

Рис. 3. Медные кованые котлы и бронзовые шлемы:
1-2 – Аверино; 3 – Левая Россошь; 4 – Антиповка; 5 – Ездочное

Рис. 4. Керамика, детали одежды и украшения античного производства из Чертовичских могильников и городища Чертовичское III:
 I Чертовичский могильник: 1 – гр. погр. 2; 2 – кург. 11/15; 3 – кург. 24/17; 5–12 – кург. 5/40;
 13 – кург. 3/42; II Чертовичский могильник: 4a – кург. 11; Чертовичское городище III: 4б – постр. 8

ТЕРРАКОТОВАЯ МАСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИОНИСА ИЗ СВАТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Аннотация: статья посвящена публикации редкой культовой терракотовой маски с изображением Диониса, происходящей из святилища у перевала Гурзуфское Седло. Иконография изображения характерна для масок беотийского производства. Возможно её более позднее производство с использованием беотийского образца или формы в Малой Азии.

Ключевые слова: терракота, маска, протома, Дионис, эллинистический период, культовые практики, культ Диониса, вотивы, святилище, Гурзуфское Седло, Горная Таврика.

N.G. Novichenkova¹

TERRACOTTA MASK WITH THE IMAGE OF DIONYSUS FROM THE SANCTUARY AT THE GURZUF SADDLE PASS

Abstract: the article is devoted to a publication of a rare cult terracotta mask depicting Dionysus, and originating from the sanctuary near the pass Gurzufskoe Sedlo. The iconography of the image is typical for masks of Boeotian production. The color of the clay suggests its possible production at a later time in Asia Minor.

Keywords: terracotta, mask, protome, Dionysus, Hellenistic period, cult practices, cult of Dionysus, votive offerings, sanctuary, Gurzufskoe Sedlo, Mountain Taurica.

Культ Диониса – один из наиболее почитаемых в Древней Греции, получивший особо широкое распространение в эллинистический период, связан с созданием античными мастерами образцов коропластики, в которых нашли воплощение высокое мастерство исполнения, эстетика передачи, сакральный смысл образа. Ряд изделий можно относить к категории уникальных. В их числе несколько терракотовых масок в ранней иконографии с изображением головы божества, одна из которых происходит из Горной Таврики.

В 1984 г. при раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло в центральной части ритуального комплекса с ямками (рис. 1) был найден крупный фрагмент терракотовой маски² (рис. 2, 3) (Новиченкова 1985: рис. 116; 2002: 43; 2015: 45, рис. 73, 74)³. Сохранилась верхняя правая часть изделия. Размеры фрагмента: высота по центру – 8,3 см, слева – 9,8 см, ширина максимальная – 7,8 см, толщина на сколе в нижней части изделия – 0,7 см. Изготовлена в матрице с дальнейшей доработкой стеклом. Тыльная сторона сильно потерта. Обратная сторона заглажена. Глина насыщенного розового цвета, плотная, с мельчайшими частицами красного шамота и включений белого цвета. На внешней стороне терракоты – отдельные следы покрытия красно-коричневой краской. Следы белой обмазки отсутствуют. В углублениях и складках небольшая

¹ Новиченкова Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, с.н.с. Отдела археологии, МБУК «Ялтинский историко-литературный музей», 298600, Россия, Ялта, ул. Пушкинская, 5, <https://orcid.org/0000-0002-1168-7878>.

² Экспонируется в зале «Археология» Ялтинского историко-литературного музея. Инв. № ЯИЛМ КП 53699, А-1 2044. Терракота найдена в слое светло-серой глины с костями и щебнем, юго-восточная часть квадрата 10И (10И999). ПО 24-6, к.о. 29.

³ В святилище найдено несколько терракотовых изделий. Из слоя эллинистического времени происходит сероглиняный зооморфный сосуд в форме тулова собаки, собранный из двух сотен фрагментов (Новиченкова 1994: 54, рис. 5; 2015: рис. 208; 2019: 136–140, рис. 3; 2020: 160–164; Novičenkova 2013: kat. V.33). Все остальные терракоты, включая маску, обнаружены в слоях центра ритуального комплекса с ямками; все во фрагментах. В их числе статуэтки – крошечная женская фигурка в длинной одежде, голова которой отбита; задрапированный торс без головы, украшенный брошью на правом плече; головки двух женских статуэток, лица которых отбиты; фрагмент ноги; кисть руки; фрагмент римской плоской терракоты из серовато-коричневой глины с изображением охотничьей собаки, вцепившейся в вепря, I – начала II в. (Новиченкова 2015: 45).

обызвесткованность. Черты лица, пряди волос тщательно моделированы. Лицо с крупными чертами, глаза выпуклые, миндалевидной формы, полуприкрыты широкими тяжелыми веками, надбровные дуги низкие, над переносицей складки, полные губы обрамлены пышными усами. Выражение лица строгое, величественное. Высокий лоб обрамляют кудри в виде завитков. Длинные волнистые волосы спускаются по сторонам лица волнистыми прядями. На голове изображена стэфана или полос. Широкий массивный валик, расширяющийся книзу, сохранившийся справа, наиболее вероятно, представляет собой имитацию покрывала или шарфа, ниспадающего фалдами по двум сторонам. Левая и нижняя части терракоты утрачены.

Иконография терракот, подобных вотиву из святилища у перевала Гурзуфское Седло, позволяет определить данное изображение как персонификацию Диониса. Интересной особенностью терракоты является наличие ряда черт, не характерных для других терракотовых масок с изображением данного божества, найденных в Северном Причерноморье.

Иконография Диониса в полосе, с покрывалом на голове, зрелого бородатого мужа со строгим выражением лица относится к признакам ранних культовых терракотовых изображений Диониса как представителя подземного мира – Диониса Хтонического (Диониса Гадеса), протом и масок производства Беотии, находимых в некрополях городов Беотии и Локриды (Халаи) (рис. 4 -1-5) (Winter 1903: 248, nos. 3-5; Walker, Goldman 1915: 418-437; Goldman, Jones 1942: 404, pl. XIX, IV b -3-5, pl. XX, IV b -2), относимых к группе F по Х. Голдман и Ф. Джонс и датированных 390-350 гг. до н.э. (Goldman, Jones 1942: 398). Протомы Диониса этого времени имеют общую иконографию. Так, на протомах, хранящихся в Британском музее (рис. 4 -1) (Higgins 1959: pl. 125, no. 873), музее Кикладского искусства в Афинах⁴ (рис. 4 -2) зрелый бородатый Дионис изображен в гиматии, на голове калаф, надо лбом – лента, на голову наброшен шарф, свисающий фалдами по сторонам лица и ниспадающий на плечи; в руках – яйцо и канфар как символы принадлежности к хтоническому культу. На терракотах сохранились следы краски. На двух протомах из погр. 60 некрополя Халаи в Локриде⁵ (Goldman, Jones 1942: pl. XIX, IV b-3, 5) Дионис изображен с короткой круглой бородой в гиматии, на голове стэфана, на одной из протом также украшенная плющевым венком, на голову наброшено покрывало, спускающееся на плечи, руки сложены на груди (рис. 4 -3); лицо, борода и волосы Диониса были покрыты красной краской, хитон – красный с каймой, выполненной белой краской, покрывало и венок были раскрашены белым (Goldman, Jones 1942: 404). Две других протомы некрополя Халаи были найдены фрагментированными: в руках Диониса – яйцо и канфар⁶ (Goldman, Jones 1942: pl. XIX, IV b-5). На терракоте из Британского музея лицо, волосы, кромка шарфа были раскрашены красной краской, желтым – гиматий и лента, голубым – шарф, яйцо, кромка гиматия; на шарфе сохранился узор в виде сетки, выполненный красной и белой краской. Р. Хиггинс отмечал, что все группы терракот с изображением Диониса этого времени также отражают его хтонический аспект, а использование шарфа в иконографии Диониса, встречаясь редко, передает элемент женской одежды, так как персонификация божества в женском образе была широко распространена в его культах (Higgins 1959: 233).

Этим же временем, первой половиной IV в. до н.э., датируются беотийские терракотовые маски, изображающие Диониса в стэфане или полосе как зрелого бородатого мужа с крупными чертами и строгим выражением лица – это две терракотовые маски Диониса из некрополя Халаи (рис. 4 -4, 5) (Goldman, Jones 1942: 404, pl. XX, IV b-2), маски Диониса, экспонирующиеся в Государственном музее Вюртенберга⁷ (рис. 4 -7), в Лувре⁸. Второй половиной V в. до н.э. иссле-

⁴ <https://kallos.cycladic.gr/en/theiko-kai-daimoniko-kallos>.

⁵ Высота протом – 24 и 15,7 см, были найдены снаружи п. 60 некрополя Халаи (Goldman, Jones 1942: 404).

⁶ Найдены снаружи погр. 51 и 180 (Goldman, Jones 1942: 404).

⁷ https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dionysos_-_Landesmuseum_W%C3%BCrttemberg.jpg.

дователи датируют терракотовую вотивную маску Диониса, найденную в святилище Деметры и Коры в Коринфе⁹ (рис. 4 -6) (Bookidis, Fisher 1974: 290–291, pl. 59). Все терракоты отличает высокий уровень исполнения.

На двух масках из некрополя Халаи в Локриде¹⁰ (рис. 4 -4, 5) (Goldman, Jones 1942: 404, pl. XX, IV b-2) представлен бородатый Дионис с длинными волосами, спускающимися до плеч, на голове стефана, украшенная листьями плюща. На первой маске на лице и бороде сохранились следы красной краски, на второй – следы красной краски на лице, бороде и волосах, голубым раскрашена стефана.

Найденную к востоку от театра в святилище Деметры и Коры в Коринфе маску (рис. 4 -6) Н. Букидис, Дж. Фишер по типу передачи лицевого изображения также ассоциируют с хтонической персонификацией Диониса – Диониса Гадеса. У терракоты широкое лицо, низкий широкий плоский лоб, большие глубоко посаженные глаза, полные губы, длинные обвислые усы; из центра лба выступали два закрученных рога, сохранился один. Терракота была покрыта белым ангобом, сохранила следы краски – лицо, борода, волосы были раскрашены красным, рога – светло-голубым. Исследователи отмечают, что, согласно особенностям иконографии, маску можно датировать второй половиной V в. до н.э. Данную терракоту, а также терракотовую пластину с посвящением Дионису, найденные в районе театра, исследователи связывают непосредственно с отправлением культов в святилище. Терракотовая маска подобного типа, но без рогов, происходит из святилища Диониса в Маронии, Западная Фракия (Bookidis, Fisher 1974: 290–291); время функционирования святилища датируется IV в. до н.э. (Gorzelay 2019: 144).

В 2020 г. вотивная маска с изображением улыбающегося Диониса в полосе, относимая исследователем предположительно к IV в. до н.э.¹¹, была найдена в акрополе Даскилейона в северо-западной Анатолии (Г'Рен 2013: 1930–1931) – города, где были открыты фундамент храма Кибелы, культовая дорога, и, так же, как и на Гурзуфском Седле, система жертвенных ямок, вырубленных в скале, с жертвоприношениями с культом огня. Общим для масок Диониса второй половины V–IV вв. до н.э. является то, что все они беотийского производства либо были изготовлены в беотийских формах, происходят из святилищ или погребальных памятников.

В середине II – начале I в. до н.э. терракотовые протомы и маски с изображением Диониса, а также сатиров, силенов как персонификаций Дионисийского культа начинают производить в Амисе; несколько терракот производства Малой Азии датируются еще IV–III вв. до н.э., до начала широкого распространения культа Диониса в регионе (Финогенова 1990: 192–193; Сапрыкин 2009: 104), также единичные экземпляры – рубежом нашей эры – римским временем (Сапрыкин 2009: 103; Summerer 1999: 148–151; Mentessidou 2011: 14–15). Около 102–101 гг. до н.э. Митридат VI Евпатор принимает титул «Дионис» (Сапрыкин 2009: 95), присоединив к Понтийскому царству территории от Ольвии до Армении и Колхиды, выступая спасителем от внешней угрозы – вторжения римлян и варваров и символом возрождения новой жизни (Сапрыкин 2016: 405).

С созданием официального царского культа связано начало массового производства изображений Диониса в амисских мастерских коропластики и их распространения по всему Причерноморью (Денисова 1981: 97; Сапрыкин 2009: 97, 100). В амисском производстве наиболее

⁸ <https://www.flickr.com/photos/hopehasaplace/1341366689/in/photostream/>.

⁹ Высота терракоты из Коринфа – 18 см, толщина – 0,08–0,11 см. Расстояние между внутренними уголками глаз – 1,8 см, внешними уголками глаз – 4,8 см (Bookidis, Fisher 1974: 290). Согласно общим пропорциям, терракота с Гурзуфского Седла имела размеры, сходные с коринфской терракотой – 15–18 см.

¹⁰ Две маски, как и протомы Диониса, были найдены снаружи погр. 60, одна маска Диониса – в погр. 190. Первая маска изготовлена в изношенной форме, но также относится к художественным образцам группы Халаи. Высота первой маски – 16,9 см, второй – 13,7 см (Goldman, Jones 1942: 404).

¹¹ https://www.dailysabah.com/arts/2400-year-old-mask-of-dionysus-uneearthed-in-western-turkey/news?gallery_image=undefined#big.

распространенными были изображения Диониса в образе Диониса-Быка (Dionysus Taurus) и Диониса-Винограда (Dionysus Botrys) (рис. 4-8-9) (Максимова 1956: рис. 30; Mollard-Besques 1971–1972: 75–89; Summerer 1999: P I 1-2, P I 6, P I 9–10, P II 1–2, P II 4–5, P III 10, P IV 1, P IV 18, P IV 21; Mentèsidou 2011: fig. 1–15; Сапрыкин 2009: рис. 23–27). Уже в конце первой трети I в. до н.э. производство терракот в амисских мастерских практически прекращается в связи с осадой города Лукуллом в 72/71 гг. до н.э. (Mentèsidou 2011: 15).

В конце II – начале I в. до н.э., с утверждением Митридатом нового царского культа, терракоты с изображением Диониса начинают изготавливать в Северном Причерноморье: на Боспоре – в Пантикапее (рис. 4-10, 11), Мирмекии (Денисова 1981: 95, табл. XXI; XXII, в, ж), в Херсонесе (Гайдукевич 1987: рис. 138; Коровина 1967: табл. XXIб; Финогенова 1990: 190, рис. 1; Хамула 2009: рис. 2-4, 5; Скржинская 2010: рис. 47, 48), первоначально, используя амисские формы или образцы (Финогенова 1990: 192–193; Сапрыкин 2009: 104). Некоторые из терракот с изображением Диониса относятся к числу привозных экземпляров. Так, одна из терракот амисского производства происходит из дворцового храма акрополя Пантикапея (Ильина 2011: рис. 148). Изготавливавшиеся в Северном Причерноморье маски с изображением божества представлены иконографическими типами Диониса-Быка, в том числе Диониса Сарданапала, и Диониса-Винограда, являлись культовыми приношениями (Финогенова 1990: 192–193).

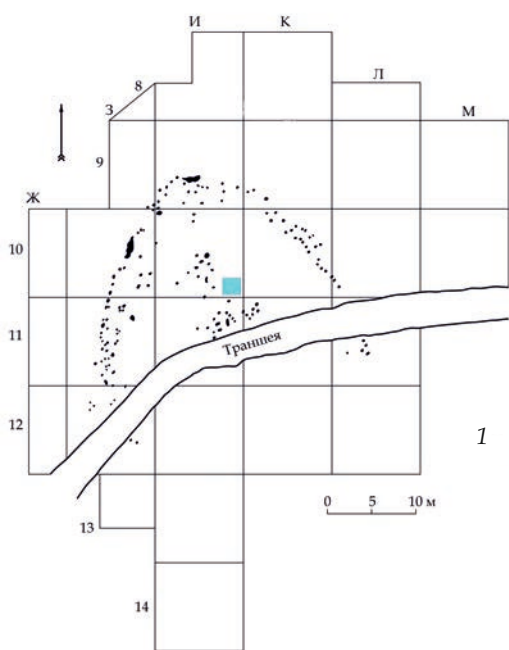
Ритуальная маска, найденная в святилище у перевала Гурзуфское Седло, датируется эллинистическим временем и относится к вотивам, использованным повторно. Изготовленная в Беотии или Малой Азии для использования в обрядах дионисийского культа, она поступила в варварское святилище в эллинистический период, и также была использована его строителями как вотив и на рубеже нашей эры. Семантика обряда посвящения маски Диониса на площадке в центральной части святилища вместе со статуэтками Зевса, Посейдона¹², является не случайной. Неся хтоническую функцию, Дионис был богом плодородия, и, как и боги верховного пантеона, являлся богом-сотером, символом жизни и возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич 1987 – Гайдукевич В.Ф. 1987. *Античные города Боспора. Мирмекий*. Л.: Наука. – 184 с.
- Денисова 1981 – Денисова В.И. 1981. *Коропластика Боспора*. Л.: Наука. – 171 с.
- Ильина 2011 – Ильина Т.И. 2011. Маска бородатого Диониса. *Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. К 100-летию Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина / Л.И. Акимова, О.В. Тугужева (ред.). М. (http://www.antic-art.ru/data/bospor/148_dionisius_barb/index.php).*
- Коровина 1967 – Коровина А.К. 1967. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. *КСИА* (109), 130–135.
- Максимова 1956 – Максимова М.И. 1956. *Античные города Юго-Восточного Причерноморья: Синопа, Амис, Трапезунт*. М.; Л.: Наука. – 477 с.
- Неверов 1972 – Неверов О.Я. 1972. *Геммы античного мира*. М.: Наука. – 143 с.
- Новиченкова 1985 – Новиченкова Н.Г. 1985. *Отчет об археологических исследованиях античного святилища в районе перевала Гурзуфское Седло в 1984 г.* Ялта. Наук. архив ИА УССР.
- Новиченкова 1994 – Новиченкова Н.Г. 1994. Святилище Крымской яйлы. *ВДИ* (2), 59–86.
- Новиченкова 2002 – Новиченкова Н.Г. 2002. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта: РИО КГПИ. – 215 с.
- Новиченкова 2015 – Новиченкова Н.Г. 2015. *Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло: Монография*. Симферополь: Н. Орианда. – 216 с.
- Новиченкова 2019 – Новиченкова Н.Г. 2019. Античный терракотовый фигурный сосуд из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Материалы республиканской научно-практической конференции 10–11 октября 2019 г. «XXIV Крымские искусствоведческие чтения»*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 136–140.
- Новиченкова 2020 – Новиченкова Н.Г. 2020. Символические изображения на фигурном сосуде из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Человек-культура-социум в начале XXI века: сборник научных статей*

¹² Дионис также являлся морским богом в Фессалии, горным богом у ираноязычного населения (Сапрыкин 2009: 98).

- по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием VI «Ялтинские философские чтения "В поисках вне-модернизма": (к 90-летию со дня рождения Ю. Хабермаса)», 21–22 ноября 2019 года. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 160–164.
- Сапрыкин 2009 – Сапрыкин С.Ю. 2009. *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. Москва; Тула: Гриф и К. – 426 с.
- Сапрыкин 2016 – Сапрыкин С.Ю. 2016. Культ царя и царские культы в Понте и на Боспоре. «*Боги среди людей*»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (отв. ред.) / *Труды исторического факультета МГУ. Серия 2, Исторические исследования* (82), М.; СПб.: РХГА, 380–450.
- Скржинская 2010 – Скржинская М.В. 2010. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. СПб.: Алетейя. – 464 с.
- Финогенова 1990 – Финогенова С.И. 1990. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья. *СА* (2), 189–202.
- Хамула 2009 – Хамула Д.В. 2009. *Дионис в античной коропластике и вазописи Северного Причерноморья: семантика и контекст культа*. Одесса: Удача. – 204 с.
- Bookidis, Fisher 1974 – Bookidis N., Fisher J.E. 1974. Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth: Preliminary Report V: 1971–1973. *Hesperia* (43/3), 267–307.
- Goldman, Jones 1942 – Goldman H., Jones F. 1942. Terracottas from the Necropolis of Halae. *Hesperia* (11/4), 365–421.
- Gorzelay 2019 – Gorzelay D. 2019. *Macedonia-Alexandria: Monumental Funerary Complexes of the Late Classical and Hellenistic Age*. Oxf.: Archaeopress. – 236 p.
- Г'Рен 2013 – Г'Рен К. 2013. Daskyleion. *The Encyclopedia of Ancient History* / R.S. Bagnall et al. (eds.). Maiden, MA: Wiley-Blackwell Publishing Ltd., 1930–1931.
- Higgins 1959 – Higgins R.A. 1959. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum* (1, 2). L.: British Museum. – 432 p., 208 p.
- Mentesidou 2011 – Mentesidou E. 2011. *The Terracotta Figurines of Amisos*. School of Humanities MA in Black Sea Cultural Studies. International Hellenic University. – 87 p.
- Mollard-Besques 1971–1972 – Mollard-Besques S. 1971–1972. *Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en terre-cuite Grecs, Étrusques et Romains / 3, Epoques hellénistique et Romaine Grèce et Asie Mineure* (Vol. 1, 2). P.: Musées Nationaux. – 410 p.
- Novičenkova 2013 – Novičenkova N. 2013. Das Heiligtum am Pass Gurzufskoe Sedlo. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen –Skythen –Goten / Katalog: ausstellung LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014 / LVR-LandesMuseum / red. S. Müller, M. Schmauder. Darmstadt: Primus Verlag, 260–275.*
- Summerer 1999 – Summerer L. 1999. *Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte des Pontosgebietes*. Stuttgart: Fr. Steiner. – 232 p.
- Walker, Goldman 1915 – Walker A.L., Goldman H. 1915. Report on Excavations at Halae of Locris. *AJA* (19/4), 418–437.
- Winter 1903 – Winter F. 1903. *Die Typen Der Figürlichen Terrakotten*. Berlin; Stuttgart: W. Spemann. – 132 S.

2

3

Рис. 1. Место находки терракотовой маски Диониса в святилище у перевала Гурзуфское Седло:
 1 – расположение места находки маски на плане ритуального комплекса с ямками;
 2 – юго-восточная часть десятиметрового квадрата 10И (метровый квадрат 10И99),
 где была найдена маска. Слой светло-серой глины с костями и щебнем;
 3 – материковая скала юго-восточной части квадрата 10И

Рис. 2. Терракотовая маска Диониса. Святилище у перевала Гурзуфское Седло.
Фото Н.Г. Новиченковой

Рис. 3. Терракотовая маска Диониса. Святилище у перевала Гурзуфское Седло. Рисунок

Рис. 4. Терракотовые протомы и маски с изображением Диониса:
 1-2 – Беотия (1 – протома Диониса, Британский музей (по: Higgins 1959: nos. 873),
 2 – протома Диониса, музей Кикладского искусства в Афинах
 (<https://kallos.cycladic.gr/en/theiko-kai-daimoniko-kallos/>);
 3-5 – Локрис, некрополь Халы. Протома и маски с изображением Диониса
 (по: Goldman, Jones 1942: pl. XIX, IV b -3-5, pl. XX, IV b -2);
 6 – маска Диониса Гадеса производства Беотии, святилище Деметры и Коры в Коринфе
 (по: Bookidis, Fisher 1974: pl. 59);
 7 – маска Диониса производства Беотии – Государственный музей Вюртенберга
 (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dionysos_-_Landesmuseum_W%C3%BCrttemberg.jpg);
 8-9 – Малая Азия (8 – маска Диониса Винограда (Dionysus Botrysis) (по: Summerer 1999: P I 2),
 9 – маска Диониса Быка (Dionysis Taurus, Ταῦρος) (по: Summerer 1999: P II 4);
 10-11 – Северное Причерноморье, Пантикапей, маски Диониса
 (по: Скржинская 2010: рис. 47, 48)

**ВОСТОЧНО-ГРЕЧЕСКАЯ КЕРАМИКА
В МАТЕРИАЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАСОВА БАЛКА В ЗАКУБАНЬЕ**

Аннотация: поселение Тарасова Балка расположено в предгорьях Кавказа в ареале, насыщенном памятниками периода скифской архаики. Находки в слоях памятника типичны для периода скифской архаики и свидетельствуют о военизированном быте: предметы конской упряжи, наконечники стрел, обломки защитного вооружения. Несмотря на значительную удаленность от морского побережья, до 2 % фрагментов от всего объема керамики составляют обломки архаических амфор, найдены и фрагменты южно-ионийской расписной керамики. В статье впервые публикуются фрагменты столовой восточно-греческой керамики. В соответствии с классификацией Кершнера-Шлотцауера, южно-ионийская керамика относится к периоду SiAc (630–610 гг. до н.э.). Значительный объем античного импорта, поступавшего в предгорья благодаря караванным путям, свидетельствует о функционировании на побережье, возможно в районе Анапской бухты, раннего эмпория.

Ключевые слова: Тарасова Балка, памятник периода скифской архаики, амфоры и столовая расписная керамика, Иония, греческая колонизация Причерноморья.

T.V. Ryabkova¹

**EAST GREEK POTTERY IN THE MATERIALS OF THE TARASOVA BALKA
SETTLEMENT IN ZAKUBAN'Е**

Abstract: the settlement of Tarasova Balka is located in the foothills of the Caucasus in an area filled with monuments of the Scythian Archaic period. The finds in the layers of the monument are typical of the period of the Scythian archaic and indicate a militarized life: objects of horse clothing, arrowheads and fragments of protective weapons. Despite the considerable distance from the sea coast, up to 2 % of the fragments from the entire volume of ceramics are fragments of archaic amphorae; fragments of South Ionian painted pottery have also been found. For the first time, fragments of the dining room of Eastern Greek pottery are published in the article. According to the Kershner-Schlotzhauer classification, South Ionian ceramics belong to the SiAc period (630–610 BC). A significant amount of antique imports that arrived in the foothills due to caravan routes indicates the functioning of the early emporium on the coast, possibly in the area of Anapa Bay.

Keywords: Tarasova Balka, monument of the Scythian Archaic period, amphorae, table painted pottery, Ionia, Greek colonization of the Black Sea region.

Поселение Тарасова Балка расположено в предгорьях Главного Кавказского хребта, на правобережье р. Лаба, в среднем ее течении. Равноудаленное от Майкопа и Армавира, поселение находится в регионе, насыщенном памятниками периода скифской архаики. В радиусе 30–40 км расположены знаменитый Келермесский могильник, Семиколенные курганы у пос. Тульский, могильник Фарс (Клады), памятники станицы Махошевской. Зона предгорий отделена от побережья Черного моря скалистыми отрогами Кавказских гор (рис. 1).

Тарасова Балка – история исследования

Поселение было обнаружено в 2011 г. во время работ Южно-Кубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по повторному изучению 1-го Разменного (Костромского) кургана – эталонного раннескифского памятника. В процессе исследования под курганной насыпью была собрана представительная коллекция лепной керамики, найдены фрагменты амфор и южно-ионийского кувшинчика (Рябкова, Логинова 2013: 372, рис. 7). Подъемный материал с близлежащего поля был очень похож на керамику из 1-го Разменного (Костромского) кургана, что и послужило основанием для начала систематических раскопок памятника, получившего название Тарасова Балка.

¹ Рябкова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, с.н.с., хранитель скифских коллекций Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, ryabkova-tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-2372>.

Систематические работы на памятнике, площадь которого предположительно составляет около 2 га, ведутся с 2012 г. За прошедшие годы было исследовано свыше 700 м². Работы ведутся с учетом данных геомагнитной разведки² на нескольких площадках в разных частях памятника (рис. 2). Значение этих исследований невозможно переоценить, так как поселенческие материалы памятников раннего скифского времени (VII–VI вв. до н.э.) в Закубанье в основном известны лишь по сборам (Каменецкий 2011: 20).

Характеристика памятника

В результате исследований установлено, что у памятника Тарасова Балка много необычных черт, одной из которых является очень значительная для варварского памятника насыщенность культурного слоя, зафиксированная в северной его части – в самой высокой части холма. По данным геомагнитного исследования здесь зафиксированы скопления отдельных положительных аномалий (рис. 2). Количество находок на площади в 100 м² здесь достигает 48 000 единиц, что сопоставимо с насыщенностью слоев античных городов. На всей своей протяженности этот слой перекрывает уровень древней погребенной почвы, что свидетельствует о быстром его формировании. С понижением рельефа мощность слоя постепенно уменьшается и прослойка погребенной почвы в разрезах уже не наблюдается. Размеры пространства-скопления с максимальной насыщенностью слоя составляют 24 м по линии запад-восток и 16 м по линии север-юг (возможно, больше). Таким образом, приблизительная площадь скопления составляет около 384 м² (рис. 3).

Основную часть находок в слоях этого скопления составляют фрагменты лепных сосудов, обломки костей, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев и колотая галька. Необычно большое количество расколотой гальки в слое пока что не находит аналогий в материалах известных на сегодняшний день поселенческих памятников региона. Среди определимых остеологических остатков численно преобладают кости овцы, затем следуют кости крупного рогатого скота, свиньи и лошади, очень редко встречаются кости диких животных. Часто встречаются наконечники стрел из железа и бронзы, обломки принадлежностей конской узда (псалии и удила), бронзовые и железные чешуйки от панцирей, разнообразные пряслица, каменные орудия и отщепы кремня, изделия из резной кости. В 2017 г. в границах скопления было обнаружено погребение взрослой женщины (рис. 3), иногда, как правило, на уровне древнего горизонта, встречаются следы очагов, пятна прокалов и куски глиняной обмазки. Ни одной хозяйственной или мусорной ямы выявить не удалось: вероятно, их не было вовсе, а мусор сбрасывали в кучу на поверхности.

Для объяснения специфики залегания артефактов в этой части памятника было выдвинуто предположение, что это пространство является местом сброса бытового мусора, однако существование открытой свалки в самой высокой части холма в центре поселения представляется невероятным, поэтому вопрос остается открытым.

Вне границ скопления артефактов, к северу и несколько ниже его по склону был исследован комплекс 3. По данным геомагнитного исследования именно здесь находилась аномалия (рис. 2, 3). В процессе работ 2019 года выяснилось, что это неглубокая, впущенная в материк яма размерами 2,6×1,4 м, заполненная фрагментами керамики, кусками камня и обмазки. Впоследствии стало очевидно, что куски обмазки являются частями слабообожженного предмета округлой формы с высоким отогнутым бортиком и слегка выделенным поддоном. Диаметр его составляет 50–70 см, поверхность слега заглажена. Этот предмет напоминает открытый очаг из позднемеотских комплексов на Дону, когда углубление в полу жилища заполняли глиной и ограничивали лепным бортиком (Каменецкий 2011: рис. 173). По каким-то причинам этот очаг

² Jörg, W.E. Fassbinder, Ludwig-Maximilians-Universitäts München; В.А.Тарасов, ООО НПК «Элгео», 2015.

практически не использовался по назначению – он обожжен крайне слабо. Рядом обнаружены кости конечностей коровы и лошади, череп свиньи, зубы овцы, фрагменты кубков и массивных сосудов, каменных орудий и разбитого каменного блюда. Если назначение комплекса однозначно определить пока сложно, то время возникновения предположительно относится к несколько более раннему периоду, чем формирование слоев скопления артефактов в центре холма. Это подтверждается как архаичными типами лепной керамики, так и местоположением.

Вероятно, похожий, но более длительно использовавшийся очаг был найден в 2015 г. в западной части холма (рис. 2). Место, которое давало сильный геомагнитный сигнал, оказалось площадкой на уровне древнего горизонта, усеянной разбитыми сосудами, расколотой галькой и обгорелой обмазкой. Контуры сооружения проследить не удалось, но крупные куски обмазки оказались частями открытого очага с высоким массивным бортиком и выделенным поддоном. Диаметр очага приблизительно составляет около 70 см. К югу от разрушенного «очага», так же на уровне древнего горизонта находилась однослойная выкладка прямоугольной формы из крупного галечника размерами 2,4×1,5 м. Среди камней были обнаружены сломанный оселок, наконечник стрелы, перекрестие железного акинака, обломки тонкостенных кубков и мисок. Дата комплекса определяется благодаря находке стенки клазоменской амфоры в границах конца VII – начала VI в. до н.э. Специфика конструкции и находок позволяет интерпретировать этот комплекс скорее как ритуальный, нежели бытовой.

Культурный слой раскопов в южной части холма отличается меньшей мощностью и насыщенностью. Тут была обнаружена жилая постройка полуземляночной конструкции. По расположению фрагментов обмазки и камней можно предположить, что это было сооружение прямоугольной формы из турлука (плетень, обмазанный глиной). В слоях засыпки был обнаружен фрагмент южно-ионийского сосуда (рис. 6 -17), и дата сооружения может быть определена в рамках последней четверти VII в. до н.э.

Тарная керамика: амфоры

Среди материалов значительный процент находок составляют обломки античных амфор. Общее их количество составляет около 1500 шт., среди них более 60 шт. – профильные части. Процентное содержание в слоях составляет от 0,1 до 2,1 % от общего количества всей керамики, что очень значительно для варварского памятника. Более высок их процент в слоях «свалки», однако находки представлены и в материалах раскопов предположительно жилой части. Согласно данным статистического анализа, находки античной керамики присутствуют во всех слоях поселения. Это означает, что амфоры начали поступать на поселение уже на самом раннем этапе его существования – с началом формирования культурного слоя.

Транспортные амфоры представлены обломками венчиков, ручек, ножек и стенок, часто украшенных полосами красного и бурого лака (рис. 4). Фрагменты часто настолько малы, что создается впечатление о намеренном разрушении сосудов. Подсчет предполагаемого числа целых экземпляров, выполненный по частям венчиков, показывает, что на сегодняшний день обнаружены части более 30 различных сосудов. Фрагментарность материала не позволяет выполнить классификацию с учетом всех морфологических признаков, однако можно выделить ряд важных черт, которые позволяют соотнести сосуды с возможными центрами производства.

Одним из самых ярких признаков является декор: на фрагментах амфор из Тарасовой Балки орнамент в виде одиночных широких и двоянных узких горизонтальных и вертикальных полос по плечу, венчику и ручкам нанесен красным или бурым лаком (рис. 4 -1-4, 6, 8-10, 13, 18, 19). Подобная система орнаментации применялась для амфор Хиоса, Клазомен и Теоса. Глина большей части образцов светло-красного, кирпичного и красно-коричневого цвета, имеет включения кварца, извести, плотных серых частиц, слюды, в изломе черепков – серый закал. Встречаются и образцы серого цвета, возможно, лесбосского производства (рис. 4 -5, 7, 11, 16). Пред-

варительно, с учетом наиболее очевидных признаков, можно предположить, что основная часть материала была произведена в Клазоменах, и вероятно, на Теосе, а незначительная – лесбосского производства.

Столовая керамика: чаши

Наряду с фрагментами транспортных амфор среди материалов Тарасовой Балки присутствуют образцы расписной столовой посуды. Большая часть фрагментов относится к закрытым формам, лишь единичные принадлежат чашам.

К продукции северо-ионийских центров относятся полусферические чаши, представленные небольшими фрагментами. Они декорированы полосами лака. Один из фрагментов является частью венчика полусферической чаши диаметром 16 см. Он выполнен из глины светло-коричневого цвета с мелкими примесями слюды и темными включениями. Роспись – по внешней стенке тонкая полоса оранжевого лака по краю отделена от широкой полосы лака по тулову резервной зоной, внутренняя стенка покрыта лаком (рис. 5 -1). Фрагмент второй чаши аналогичного диаметра выполнен из глины светло-бежевого цвета с редкими примесями слюды и темными включениями. По внешней стенке – полоса оранжевого лака отделена от края тонкой резервной полосой, внутренняя поверхность покрыта лаком оранжевого цвета (рис. 5 -2). Такие чаши являются вариантом чаш с точечными розетками (Борисфен-Березань 2005: кат. 46; Буйских 2013: кат. 8.22; 8.26; 8.27), и только по целому сосуду можно определить наличие или отсутствие на них точечных розетт и принадлежность к тому или иному варианту (Буйских 2013: 108). Даты подобных чаш определяются в границах последней четверти VII – конца VI в. до н.э. (Cook, Dupont 1998: 26). По мнению А.В. Буйских, чаши северо-ионийского производства с точечными розетками типичны для керамического комплекса античных памятников Северного Причерноморья, возникших до рубежа третьей и четвертой четвертей VI в. до н.э. (Буйских 2013: 107–108). Фрагменты подобных чаш есть и в материалах Таганрогского поселения, и, по мнению исследователей памятника, их невозможно датировать позже середины VI в. до н.э. (Копылов, Литвиченко 2006: 15, рис. 3 -2, 3).

Кроме северо-ионийских чаш, найдены и обломки киликов предположительно южно-ионийского производства. Фрагмент венчика тонкостенного килика диаметром 16 см выполнен из глины с мелкими золотистыми и редкими темными включениями, венчик отогнут, резко переходит в округлые плечи, внутренняя стенка за исключением резервной зоны под краем покрыта лаком черного цвета, внешняя поверхность не окрашена (рис. 5 -3). Фрагмент широкой полой ножки килика диаметром 6 см, покрытой лаком черного цвета с внешней стороны (рис. 5 -4), возможно, относится к такому же килику, что и предыдущий фрагмент. Вероятно, эти сосуды принадлежат типу ионийских киликов (Борисфен-Березань 2005: кат. 22, 24; Буйских 2013: кат. 5.1, Schlottzhauer, Villing 2006: fig. 27–28). К сожалению, фрагментарность чаш не позволяет точно определить их форму, что позволяет датировать их лишь в широком диапазоне.

По А.В. Буйских, даты подобных киликов в памятниках Северного Причерноморья определяются в границах рубежа VII–VI вв. – начала VI в. до н.э. (Буйских 2013: 94). В соответствии с типологией У. Шлотцауера, невысокий кольцевой поддон – отличительный признак тонкостенных киликов типов 5 или 9. Подобные килики милетского производства обнаружены в Навкратисе, при этом дата типа 5 несколько более ранняя, нежели типа 9: если первый датируется концом VII – первой четвертью VI в. до н.э., то второй в границах VI в. до н.э. (Schlottzhauer, Villing 2006: 61, fig. 27, 28).

Столовая керамика: ойнохои

Находки фрагментов закрытых столовых сосудов принадлежат ойнохоям, расписанным в стиле «Wild Goat». Этот стиль называют так же ориентализирующим, поскольку он представлен

на предметах восточно-греческого вазового письма ориентализирующей фазы архаического периода (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 3).

Общее количество сосудов установить затруднительно, так как обнаружены лишь фрагменты стенок, профильные части пока не найдены. Найдено свыше 30 фрагментов, некоторые совмещаются в изломах, хотя и найдены на значительном удалении друг от друга и на разной глубине. Образцы состава глины двух фрагментов, относящихся, как выяснилось впоследствии, к одному сосуду (рис. 6 -5, 6), были исследованы методом нейтронно-активационного анализа (НАА) в Лаборатории археометрии в Бонне³. В результате установлена их принадлежность к химической группе MilD/MilA, набор элементов которой локализуется в Милете. Эталонные материалы этих групп производства представлены бракованными изделиями обжигательных печей, раскопанных на холме Калабак-Тепе (Кершнер, Моммзен 2018: 305–307). Предположительно, большая часть закрытых столовых сосудов – ойнохой относится к продукции центров Южной Ионии (рис. 6 -1–24), продукция Северной Ионии представлена единичным экземпляром (рис. 6 -25).

Практически на всех фрагментах расписных закрытых сосудов сохранились части фризов с изображениями животных, цветов и бутонов лотоса и элементами заполняющего орнамента, иногда сильно потертые. Роспись выполнена черным и темно-коричневым лаком по светлomu (желтоватому или кремовому) ангобу. Туловища животных, цветы и бутоны растений переданы силуэтами, головы животных обозначены контурными линиями. Для акцентирования деталей использована «техника пропущенных линий» – часть изображения оставлена в цвете ангоба. Иногда использовалась техника накладных красок – пурпур присутствует на двух фрагментах. Специфика изображений и распределение их в орнаментальных фризах является основанием для соотнесения с классификацией восточно-греческой расписной керамики (Kerschner, Schlotzhauer 2005) и датирования.

Описание фрагментов расписных сосудов

Фрагмент стенки крупного сосуда с шаровидным туловом, диаметром около (диаметр в этой части около 20 см), составлен из 3 частей. Глина желтовато-коричневая, с многочисленными примесями мелкой слюды и средних фракций светлого шамота. Роспись выполнена блестящим черным лаком по кремовому ангобу, поверхность потерта. Изображение туловища копытного вправо с «пропущенной» линией под животом и сложной «подвесной» розетки, вероятно, было расположено в среднем фризе (рис. 6 -1). Возможно, к этому же сосуду относится фрагмент с изображением разделительной полосы и треугольника, заполненного геометрическим рисунком (рис. 6 -2).

Фрагменты (рис. 6 -3, 4) относятся к нижнему фризу одного сосуда. Диаметр сосуда в нижней части составлял 16–18 см. Цвет глины желтовато-коричневый, черепок в изломе выглядит «трехслойным» – внутри темная полоса, в тесте кроме многочисленных примесей мелкой слюды видны средние фракции светлого шамота. Роспись выполнена черным блестящим лаком по кремовому ангобу, тонкие линии с меньшим количеством лака выглядят коричневыми – просвечивает цвет основы. Для изображения лотосов и бутонов использована техника «пропущенных линий».

Два фрагмента относились к верхнему фризу и располагались в верхней части сосуда с шаровидным туловом и максимальным диаметром 24 см (рис. 6 -5, 6). Цвет глины – светло-песочный, в тесте мелкие и крупные примеси слюды, средние фракции светлого шамота. Изображение выполнено черным лаком по желтовато-кремовому и очень гладкому ангобу, качест-

³ Выражаю искреннюю благодарность др. У Шлоцауеру и др. Х. Моммзену за проведенную работу и возможность ссылаться на результаты.

во росписи высокое. Накладным пурпуром выделено бедро козла. На одном фрагменте видны вертикальная широкая полоса под ручкой, задняя нога козла вправо, за ним – крестообразная розетка, перед ногой козла видна часть треугольника, внизу разделительная горизонтальная полоса (рис. 6 -5), на другом – опущенная вниз морда козла, перед ней крестообразная розетка, внизу разделительная полоса, ниже которой видна часть треугольника (рис. 6 -6).

Фрагмент плеча с частью горла принадлежал сосуду с диаметром 12,5 см (рис. 6 -7). Цвет глины розовато-коричневый, в тесте кроме мелких примесей слюды крупные и средние фракции светлого и темного шамота. Роспись выполнена черно-коричневым блестящим лаком по желтовато-кремовому ангобу, лак местами осыпался. Изображены: подвесная сложная розетка и пояс из вертикальных коротких линий в основании горла, ограниченный горизонтальными линиями. Слева от розетки видна часть треугольника.

Фрагмент с изображением морды пасущегося козла (рис. 6 -10) относится к сосуду диаметром 22 см. Цвет глины желтовато-коричневый, в тесте многочисленные примеси мелкой слюды и средних фракций светлого шамота. Роспись выполнена черно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Лак осыпался. Сохранилось изображение головы травоядного, выполненной контурной линией и передняя нога с частью заполняющего орнамента – треугольника и горизонтальной разделительной линии. Глаз копытного передан кружком с точкой в центре и двумя короткими черточками по краям. Вероятно, к этому же сосуду относится небольшой фрагмент, на котором сохранилось изображение двух элементов заполняющего орнамента – треугольника и крупной розетки (рис. 6 -9). Эти изображения, вероятно, были включены во второй фриз.

Фрагмент с изображением грифона и розеток был частью крупной ойнохой диаметром в этой части 26 см. К этому же сосуду относится и небольшой обломок с изображением аналогично написанной розетки (рис. 6 -11, 12). Цвет глины желтовато-коричневый, с примесями слюды и редкими фракциями светлого шамота. Изображение выполнено черно-коричневым лаком по кремовому ангобу, лак матовый, местами осыпался. Роспись несколько небрежная. Вероятно, фрагменты относятся к верхнему декоративному фризу, расположенному на плечиках. На крупном фрагменте сохранилось изображение головы и шеи грифона вправо с длинным завитком-локоном, оставленным в цвете фона, глаз передан кружком с точкой в центре и двумя короткими чертами по краям. Видны четыре элемента заполняющего орнамента – подвесного треугольника, крестообразной фигуры, ромбовидной четырехлепестковой розетки и сложной розетки с точками.

На небольшом фрагменте сосуда диаметром около 23 см из бежевой глины с многочисленными примесями мелкой слюды и мелких фракций светлого шамота черным блестящим лаком нанесено изображение круга с крестом в центре и мелкими кружками в каждом секторе – вариант ромбовидной четырехлепестковой розетки. Видна часть ноги копытного (рис. 6 -13). Судя по всему, это розетка под ногой козла – часть среднего фриза.

Небольшой фрагмент стенки ойнохой диаметром 24 см, вероятно, от верхней части сосуда (рис. 6 -14). Глина бежево-коричневая, с примесями слюды и мелкими фракциями светлого шамота, изображение нанесено черным матовым лаком с накладным пурпуром. Ангоб бледно-желтый. Сохранилось изображение бедра копытного и часть другой ноги.

Фрагмент стенки (рис. 6 -15) из глины светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком с примесями мелкой слюды и многочисленных мелких фракций шамота в изломе выглядит «трехслойным». Изображение ноги хищника, идущего вправо, с частью туловища и разделительная полоса под ним нанесено плотным черно-коричневым лаком по светло-желтому ангобу в технике «пропущенных» линий. Возможно, это часть изображения льва, расположенного в верхнем фризе. Судя по составу теста и качеству росписи, вероятно, к этому же сосуду относился и небольшой фрагмент с трудно определимым рисунком (рис. 6 -16).

Фрагмент стенки с сильно потертым изображением сложной розетки с точками (рис. 6 -17) принадлежит сосуду диаметром 24 см в этой части. Глина светло-бежевая, с примесями слюды, мелкого черного песка, мелких фракций светлого шамота, роспись нанесена плотным черным лаком по кремовому ангобу.

Следующий фрагмент тоже сильно потерт, лак осыпался и выцвел (рис. 6 -18). Цвет глины бежево-розоватый, с примесями слюды, крупных фракций светлого шамота, роспись нанесена коричневым лаком. Диаметр сосуда в этой части около 26 см, сохранилось изображение сложной «подвесной» розетки и разделительной линии над ней, относящиеся, вероятно, к верхней части среднего фриза.

На прочих фрагментах (рис. 6 -19–24) изображения практически не определимы из-за размеров и сохранности лака: большей частью там присутствуют разделительные линии и части заполняющего орнамента.

Один из фрагментов относится к закрытому сосуду производства Северной Ионии (рис. 6 -25). По данным нейтронно-активационного анализа (НАА), проведенного в Лаборатории археометрии в Бонне он принадлежит химической группе KlazA/KlazG, и вероятно, был сделан в Клазоменах. Диаметр сосуда в этой части около 18 см, глина светло-розовая, с мелкими включениями слюды и мелких зерен светлого шамота, роспись в виде полос нанесена бледно-коричневым лаком.

Пользуясь классификацией, разработанной М. Кершнером и У. Шлотцауером для восточно-греческой керамики (Kerschner, Schlotzhauer 2005), можно определить время создания ойнохой южно-ионийского круга из Тарасовой Балки. Поскольку целых форм не сохранилось, то о морфологических признаках можно судить лишь предположительно, однако резкий перегиб в районе плеча (рис. 6 -5, 6, 11) может указывать на то, что наибольший диаметр сосуда смещен к нижнему краю плеча, что зафиксировано у сосудов, отнесенных к периоду SIAC (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 32). Изображения животных размещены, судя по всему, не менее чем в 3 фризах. В верхнем фризе встречаются изображения пасущихся козлов (рис. 6 -5, 6), грифона и какого-то хищника (рис. 6 -11, 15), в среднем – пасущихся травоядных (рис. 6 -10), в нижнем – бутонов и цветов лотоса (рис. 6 -3, 4). В качестве заполняющего орнамента используются треугольники и розетки разнообразных форм, которые стабилизируют композицию и делают ее ритмичной. Они не только заполняют пространство между фигурами животных, но и прикреплены к разделяющим фризы линиям. Все эти признаки, так же как и использование накладного пурпура характерны для ойнохой периода SiAc (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 32), что позволяет определить даты этих сосудов в границах 630–610 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 8, 25).

Вместо заключения

Таким образом, среди материалов Тарасовой Балки обнаружена керамика как северо-, так и южно-ионийского производства. Если северо-ионийская керамика может датироваться в широких хронологических границах последней четверти VII – конца VI в. до н.э.⁴, то время поступления южно-ионийских сосудов, похоже, приходится на последнюю четверть VII в. до н.э., и заканчивается в начале VI в. до н.э.⁵

Поступление южно-ионийской расписной керамики в Закубанье, судя по находке двух ойнохой в комплексе у х. Красный близ Крымска (Шевченко 2013), началось еще в середине VII в. до н.э. Эти ойнохой, как и сосуды из погребений в курганах Темир-Гора близ Керчи, у сел

⁴ Эти даты отнюдь не свидетельствуют о длительном промежутке поступления северо-ионийских сосудов, а скорее свидетельствуют о невозможности определить их даты более точно из-за фрагментарности материала.

⁵ Впрочем, картина может измениться в ходе продолжения исследований памятника.

Болтышка и Филатовка в Приднепровье, Немировского и Бельского городищ (см. сводку Вахтина 2018: 214, 215), относятся к периоду SiAb (650–630 гг. до н.э.) по классификации Кершнера-Шлотцауера. Пока остается непонятным каким образом эта ранняя керамика оказывалась в Северном Причерноморье. В последнее время наибольшее признание находит предположение о том, что ранняя керамика в варварском мире распространялась благодаря доколониционной активности греков (Вахтина 2018: 218–221).

Престижность подобных сосудов подчеркивается редкостью их находок в комплексах. Ситуация с поступлением этой керамики в Причерноморье, похоже, не изменилась и в последующие десятилетия. Так, например, в материалах Ольвии ранняя керамика южно-ионийского происхождения много лет была представлена лишь одним фрагментом сосуда периода SiAc (630–610 гг. до н.э.) по классификации Кершнера-Шлотцауера (Буйских 2013: рис. 1, 1). Теперь количество подобных фрагментов возросло до 9 шт., при том, что около 250 фрагментов сосудов соотносятся с поздним этапом производства расписной керамики в Милеете – со стилем Фикеллура (Буйских 2013: 17–18).

В Закубанье на территории поселения на склоне горы у поселка Су-Псех близ Анапы при исследовании усадьбы IV в. до н.э. были обнаружены несколько фрагментов расписной милетской керамики относящейся к периодам SiAc (Сударев 2014: 100). Вероятно, источником поступления расписной ионийской керамики в Тарасову Балку и в синдские памятники близ г. Су-Псех был какой-то пока неизвестный ранний эмпорий на побережье Черного моря, возможно, в районе Анапской бухты⁶. Учитывая большой объем греческой амфорной и столовой керамики в материалах Тарасовой Балки, расположенной более чем в 300 км от побережья в глубине «варварских» земель, объем торговли через этот эмпорий должен быть весьма значительным. Горные перевалы и отсутствие судоходных рек свидетельствуют в пользу того, что поставки осуществлялись, скорее всего, караванными путями.

Интересно отметить, что расписная восточно-греческая керамика более позднего времени из погребения у Цукур-Лимана (Рябкова, Вахтина 2020: 130–132), поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове (Шлотцауер 2016: 44) и к. 16 мог. Новозаведенное II в Ставрополе (Петренко и др. 2000: 238–240) в памятниках рубежа VII–VI и первой половины VI в. до н.э. представлена исключительно сосудами северо-ионийского производства. Это может указывать не только на изменение торговых приоритетов, но и на деятельность других эмпориев, расположенных на Таманском полуострове и основанных несколько позднее.

На вопрос о причинах отсутствия милетских изделий более позднего времени в Тарасовой Балке ответить сложно. Это может объясняться массой разных причин: от изменений во внешней политике Милета, прекращения торговли с населением Тарасовой Балки вплоть до запустения поселения в начале VI в. до н.э. Будем надеяться, что продолжение работ на памятнике позволит ответить на эти вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисфен-Березань – Борисфен-Березань: начало античной эпохи в северном Причерноморье: каталог выставки. СПб., 2005. – 151 с.
- Буйских 2013 – Буйских А.В. 2013. *Архаическая расписная керамика из Ольвии*. Киев. – 456 с.
- Вахтина 2018 – Вахтина М.Ю. 2018. Греческая керамика из раскопок Немировского городища / Г.И. Смирнова, М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е.Г. Старкова. *Городище Немиров на реке Южный Буг*. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 193–222.
- Каменецкий 2011 – Каменецкий И.С. 2011. *История изучения меотав*. М.: Таус. – 383 с.
- Кершнер, Моммзен 2018 – Кершнер М., Моммзен Х. 2018. Археометрические анализы импортной архаической восточно-греческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государ-

⁶ О пребывании греков в Анапском регионе и раннем эмпории см. Сударев, Гарбузов 2015: 159–161.

- ственного Эрмитажа / Г.И. Смирнова, М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е.Г. Старкова. *Городище Немиров на реке Южный Буг*. Приложение 7. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 305–311.
- Копылов, Литвиченко 2006 – Копылов В.П., Литвиченко Л.В. 2006. Расписные килики из Таганрогского поселения. *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, 14–19.
- Петренко и др. 2000 – Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II / Гуляев В.И., Ольховский В.Е. (отв. ред.). *Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология*. М.: ИА РАН, 238–248.
- Рябкова, Логинова 2013 – Рябкова Т.В., Логинова Е.Ю. 2013. Керамический комплекс Костромского кургана (предварительная публикация). *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 370–374.
- Рябкова, Вахтина 2020 – Рябкова Т.В., Вахтина М.Ю. 2020. Погребение в кургане у Цукур-Лимана в работах М.И. Ростовцева и современные представления о комплексе. *БФ* (1), 127–136.
- Сударев 2014 – Сударев Н.И. 2014. Греки и варвары в Синдике. *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова*. СПб., 95–102.
- Сударев, Гарбузов – Сударев Н.И., Гарбузов Г.П. 2015. К вопросу о колонизации Боспора. *Археология и история Боспора*. Керчь, 156–165.
- Шевченко 2013 – Шевченко Н.Ф. 2013. Курганы раннескифского времени у хут. Красный. *АСГЭ* (39), 100–118.
- Шлотцауер 2016 – Шлотцауер У. 2016. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая-2. *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой*. М., 40–44.
- Cook, Dupont 1998 – Cook R.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. L.; N.Y. – 226 с.
- Kerschner, Schlotzhauer 2005 – Kerschner M., Schlotzhauer U. 2005. A New Classification System for East Greek Pottery. *Ancient West & East* (4/1), 1–56.
- Schlotzhauer, Villing 2006 – Schlotzhauer U., Villing A. 2006. East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research Naukratis: Greek Diversity in Egypt. *Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean. The British Museum Research Publication Number 162*, 53–68.

Рис. 1. Причерноморье и Иония. Карта

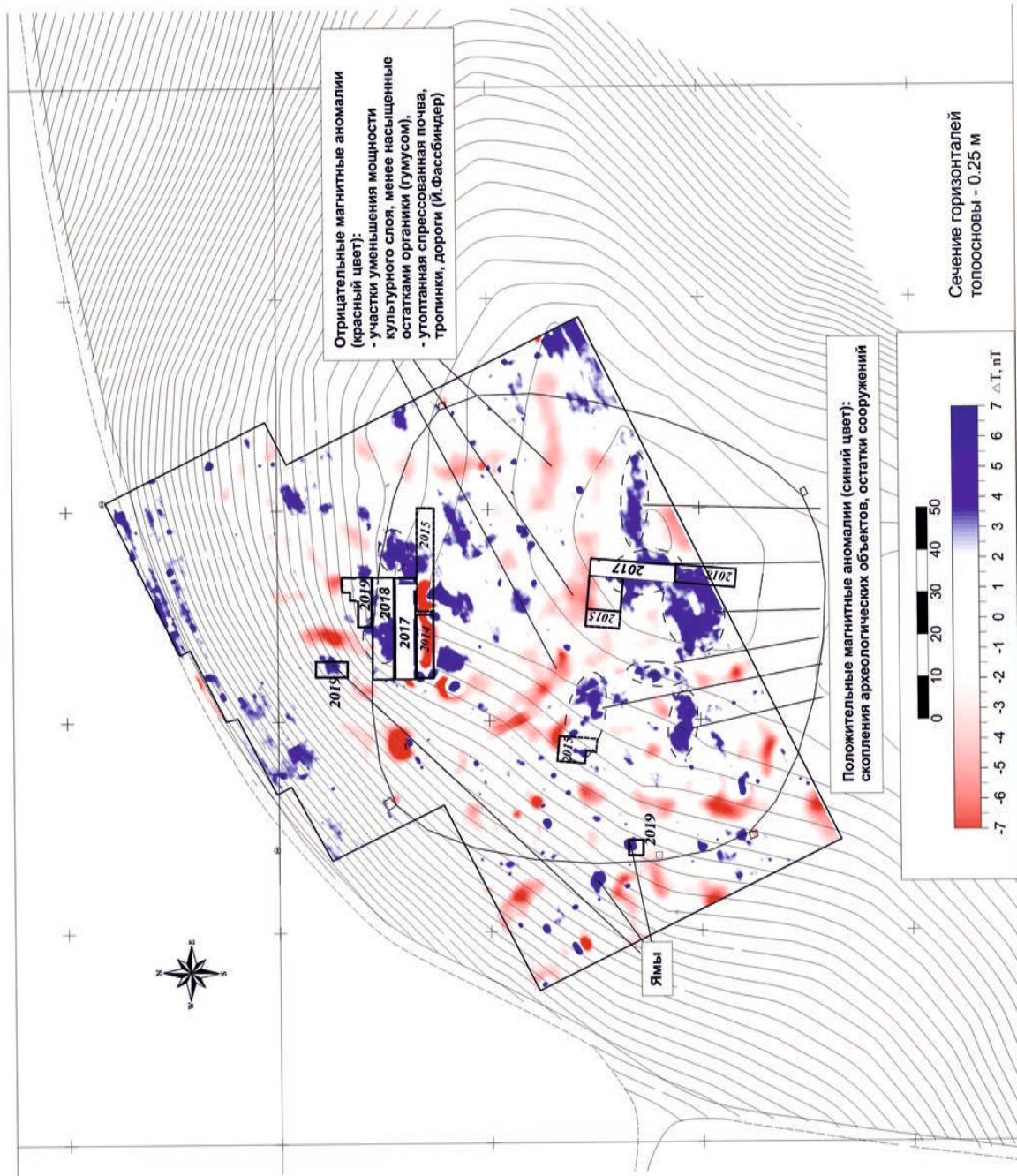

Рис. 2. Тарасова Балка. Интерпретационная схема магнитного поля с обозначением мест раскопов разных лет

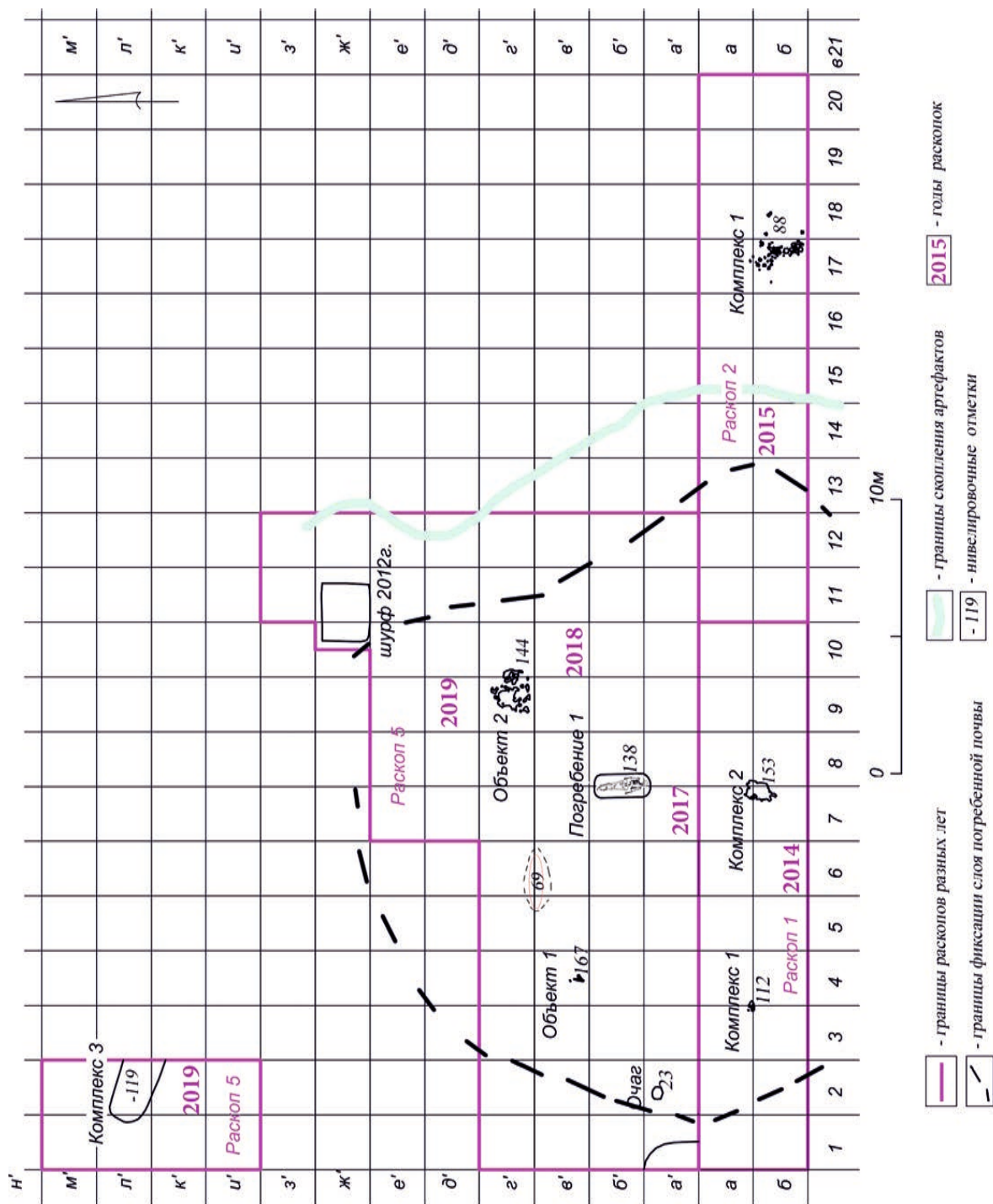

Рис. 3. Тарасова Балка. План раскопов в центральной части памятника

Рис. 4. Тарасова Балка. Фрагменты амфорной тары

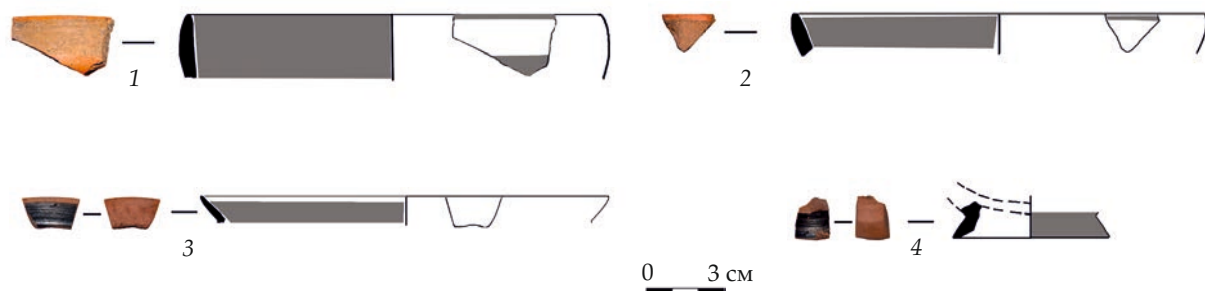

Рис. 5. Тарасова Балка. Фрагменты сосудов для питья

Рис. 6. Тарасова Балка. Фрагменты расписных закрытых сосудов – ойнохой

Н.М. Секерская (†),
И.В. Бруяко¹

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА КАРТАЛ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ*

Аннотация: в статье публикуется коллекция импортной чернолаковой керамики, которая была найдена при раскопках городища Картал в низовьях Дуная (с. Орловка Ренийского района Одесской обл.). Коллекция содержит экземпляры, которые в целом датируются от последней четверти V в. до начала/первой половины III в. до Р.Х. Единичные фрагменты относятся к эпохе среднего эллинизма – второй половины III – первой половины II в. Всего коллекция насчитывает 62 экземпляра, которые принадлежали следующим типам сосудов: скифосы – 13 ед., канфары – 12 ед., миски – 12 ед., килики – 9 ед., рыбные блюда – 6 ед., лекиф, закрытый сосуд неопределённого типа, ойнохоя, светильник, тарелка или блюдо – все по 1 ед. Из общего числа 11 фрагментов принадлежали расписным краснофигурным сосудам (скифосы – 6, леканы – 3, кратер – 1). Основная часть находок происходит с территории посада. На акрополе известно о находках 13 фрагментов.

Публикуемая керамика происходит из комплексов и слоя Картал IV, который соответствует времени функционирования поселения гетов. Эта фракийская народность в IV в. расселилась на обширной территории между Карпатами, Днестром (Тирасом) и Черным морем (Понтом), образовав обширный историко-географический ареал, получивший название «Гетика».

Ключевые слова: чернолаковая керамика, краснофигурная расписная керамика, гетская культура, фракийцы, городище Картал.

N.M. Sekerskaya (†),
I.V. Bruyako¹

BLACK-GLAZED POTTERY FROM THE EXCAVATIONS OF THE KARTAL SETTLEMENT ON THE LOWER DANUBE

Abstract: in the article published a collection of imported black-glazed pottery, which was found during the excavations of the Kartal settlement in the lower reaches of the Danube (Orlovka village, Reni district, Odessa region). The collection contains specimens that generally date from the last quarter of the 5th century to the early/first half of the 3rd century BC. Single fragments belong to the era of Middle Hellenism – the second half of the 3rd – first half of the 2nd century BC. In total, the collection consists of 62 specimens that belonged to the following types of vessels: skyphoi – 13 units, kantharos – 12 units, bowls – 12 units, cups – 9 units, fish dishes – 6 units, lekythos, a closed vessel of an unspecified type, oinochoe, a lamp, a plate or dish – all 1 unit each. Of the total number, 11 fragments belonged to painted red-figure vessels (skyphoi – 6, lekans – 3, krater – 1). The main part of the finds comes from the territory of the suburb. 13 fragments are known to have been found on the acropolis.

The published ceramics come from the complexes and the Kartal IV layer, which corresponds to the time of the functioning of the Geth settlement. This Thracian nation settled in the 4th century BC on a vast territory between the Carpathians, the Dniester (Tiras) and the Black Sea (Pontus), forming an extensive historical and geographical area, called "Getica".

Keywords: black glazed pottery, red-figure painted pottery, Geta culture, Thracians, Kartal settlement.

В IV в. до Р.Х. на городище Картал в низовьях Дуная существовало какое-то крупное, по-видимому, укрепленное, поселение гетов. Исследователи неоднократно пытались отождествить с этим археологическим памятником один из населённых пунктов, упоминаемых античными авторами. Чаще всего указывают на Алиобриг Клавдия Птолемея (Карышковский, Клейман 1985: 72). Предполагается также, что именно Картал упомянут Флавием Аррианом, как безы-

¹ Секерская Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, с.н.с., Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины, 65026, Украина, Одесса, ул. Ланжероновская, 4.

Бруяко Игорь Викторович, доктор исторических наук, директор Одесского археологического музея Национальной академии наук Украины, 65026, Украина, Одесса, ул. Ланжероновская, 4, 4bruyako@farlep.net.

* Статья поступила 10.11.2021 года.

мянный «плохо укрепленный» гетский город (Агг. I.4.4), куда бежали геты, устрешённые внезапным появлением войска Александра на левом берегу Дуная во время его похода на северных варваров в 335 г.² до Р.Х. (Бруяко, Ярошевич 2001: 25; Бруяко 2017: 324–325).

Акрополь городища традиционно, во все периоды истории этого населённого пункта, располагался на «Каменной горе»³. К востоку от цитадели было расположено довольно обширное предместье, где сейчас ведутся планомерные исследования. Материалы гетской культуры и сопутствующего ей античного импорта зафиксированы во всех раскопах, которые были заложены на разных участках посада. Поселение в целом (цитадель и посад) занимало площадь приблизительно 12–14 га. Строительные остатки представлены в основном хозяйственными ямами. Раскопаны также 1 жилия землянка и 3 земляночных помещения, предположительно, для обработки сельскохозяйственной продукции. Помимо амфорной тары, из числа импорта одной из наиболее распространённых групп находок является чернолаковая керамика. Всего коллекция насчитывает 62 экземпляра, которые принадлежали следующим типам сосудов: скифосы – 13 ед., канфары – 12 ед., миски – 12 ед., килики – 9 ед., рыбные блюда – 6 ед., лекиф, закрытый сосуд неопределённого типа, ойнохоя, светильник, тарелка или блюдо – все по 1 ед. Из общего числа, 11 фрагментов принадлежали расписным краснофигурным сосудам (скифосы – 6, леканы – 3, кратер – 1). Основная часть находок происходит с территории посада. На акрополе известно о находках 13 фрагментов⁴.

Благодаря многолетнему изучению чернолаковой керамики как в метрополии (Sparkes, Talcott 1970; Rotroff 1997), так и на памятниках Северного Причерноморья (Егорова 2009), чернолаковая керамика уже давно является важным источником, обладающим, прежде всего высокими датировочными возможностями. Горизонт Картаг IV, соответствующий времени существования гетского поселения, в этом плане не исключение. Наряду с амфорными клеймами именно чернолаковый импорт позволяет более или менее точно определить время существования этого поселения.

В публикации приведены наиболее информативные фрагменты, которые составляют примерно 2/3 всей коллекции (около 40 ед.). Остальные – мелкие, невыразительные, и подчас трудно определить сам тип сосуда, которому они принадлежали⁵.

Расписная краснофигурная керамика

(рис. 1)

1. Крупный обломок краснофигурного скифоса (рис. 1 -1).

Размеры: Н=10,5 см, D дна=6,8 см. *Посад 2007, п.м.*

Середина IV в.

2. Фрагмент крышки краснофигурной леканы (рис. 1 -2). Вокруг ручки пояс орнамента из полуов, исполненных кистью, затем они взяты в полуовы, исполненные пером, между ними точки. В центре фрагмента изображение сидящего обнажённого юноши, детали тела переданы пером, плащ за юношей, по-видимому, висит на спинке сидения, складки плаща переданы пером, а складки внизу – кистью. Правая рука протянута вперед, кисть передана схематично, про-

² Здесь и далее все датировки до Р.Х.

³ Результаты исследований, которые проводились здесь с 1963 по 1993 гг. (с перерывами), практически не опубликованы.

⁴ Возможно, находки чернолаковой керамики имеются среди ещё не разобранных полностью материалов из раскопок акрополя.

⁵ Практически всю аналитическую часть данной работы выполняла Н.М. Секерская. К сожалению, Наталия Михайловна не успела полностью завершить самый существенный блок статьи (+ 14.02.2022 г.) и датировку некоторых фрагментов предлагал уже её соавтор.

рисованы только 4 пальца. Левая рука до локтя лежит на спинке, кисть не сохранилась, рука обращена назад куда повернута и голова, волосы переданы кудрявой массой отделённой от фона полоской в цвете глины, отдельные локоны спускаются за левое ухо. Голова повернута вправо. Изображение глаза плохо сохранилось. На стене слева висит полотенце, перед юношей стоит корзина, ступни ног выписаны довольно тщательно. Над корзиной изображена шкатулка, которую вероятно несёт женщина – от фигуры сохранилась только часть головы. Закраина крышки украшена полуовами как и вокруг ручки. Закраина отделена от крышки двумя полосками в цвете глины

Посад 2009, яма 162 (?).

(Шталь 2004: кат. 26, 38, 56).

Вторая четверть IV в.

3. Фрагмент краснофигурного скифоса (рис. 1 -3). Роспись под венчиком – мужская фигура повернута влево. Масса волос отделена от фона полоской в цвете глины. Глаз в виде точки, над ним полоска пером, вероятно, играющая роль и брови и века, на щеке точка. Детали, по-видимому, гиматия, переданы очень схематично, за спиной часть пальметки. Глина розовая с включениями белых частиц и блёсток. Лак густой блестящий с металлическим отливом.

Размеры: 3,8×5,8 см; Посад 1998, р. I, комплекс 5.

Середина–третья четверть IV в.

4. Два фрагмента кратера, покрытого густым блестящим черным лаком (рис. 1 -4). Глина розовая без заметных включений. На одном фрагменте по венчику расположен растительный орнамент в виде виноградных листьев, покрытых позолотой. На втором фрагменте сохранилось изображение тирса также с применением позолоты. Сюжет росписи относится к дионисиям.

Размеры: 8,4×3,5 см и 3,9×7,1 см. Акрополь, слой.

Первая четверть IV в. (?)

5. Фрагмент нижней части краснофигурного скифоса (рис. 1 -5). Стенка ближе к придонной части. От композиции сохранилось изображение ступни и часть пальметки. Лак густой, хотя и не слишком блестящий, тусклый.

Размеры: 3,9×7,8 см; Акрополь 1970, слой.

Поздний V в.

6. Фрагмент краснофигурного скифоса, вероятно, сторона Б с изображением палестрита (рис. 1 -6). Склеен из двух обломков. Под изображением широкая полоса, оставленная в цвете глины.

Размеры: 6,6×8 см; Акрополь, слой.

Поздний V в.

7. Фрагмент венчика краснофигурного скифоса (рис. 1 -7). Венчик слегка отогнут наружу. Изображение очень схематичное, по-видимому, голова влево и предмет перед ней. Глина розовая, хорошо отмучена, без видимых включений. Масса волос отделена от фона полосой в цвете глины.

Размеры: 2,6×2,6 – 2,7 см; Посад 2008, яма 122?

Середина–третья четверть IV в.

8. Фрагмент закраины крышки краснофигурной леканы (рис. 1 -8). Орнаментирован овами. Размеры: 1×2 см; *Посад 2009, яма 162.*

9. Фрагмент ручки крышки краснофигурной леканы (рис. 1 -9). Углубление ручки покрыто чёрным лаком, затем круг в цвете глины и поясok чёрного лака, большая часть утеряна, ручка круглая в сечении полностью покрыта лаком.

$D=2$ см, $H=2$ см; *Посад 2009, р.V яма 2.*

10. Фрагмент краснофигурного скифоса (рис. 1 -10). От росписи сохранились, по-видимому, части фигур. Детали росписи правой фигуры нанесены пером и кистью.

Размеры: $2,6 \times 4,1$ см; *Посад 2019, р.VI слой.*

Канфары, скифосы (рис. 2)

11. Часть канфара (рис. 2 -1). Глина оранжевая, хорошо отмучена, без видимых включений. Лак довольно густой тусклый, приобрёл коричневый цвет. Сохранившиеся ручки слегка приподняты над венчиком. Лак местами потёрт. Для датировки канфаров, в частности, используется коэффициент отношения максимального диаметра к высоте сосуда (подробнее см. Егорова 2000: 138; 2009: 25).

$D_{\max} = 10,1$ см; $H < 10$ см; *Посад 2005, слой.*

Около 300 г.

12. Фрагмент нижней части чернолакового скифоса (рис. 2 -2). На кольцевом поддоне, лак внутри на доньшке коричневый, с внешней стороны поверхность доньшка оставлена в цвете глины. Лак довольно тусклый. Глина оранжевого оттенка.

Дна = 6 см, размеры: $4 \times 4,5$ см; *Посад 2019, слой.*

13. Канфар классической серии с прямым венчиком (рис. 2 -3). Практически целый. Отсутствует часть венчика. Глина розовая, аттическая, ручки слегка приподняты, поддон с уступом, внутри покрыт лаком, отделен от корпуса полоской в цвете глины.

$D=8$ см; $D_{\max}=9$ см; $H=7,8$ см; *Посад 2011, слой.*

Вторая половина (третья четверть?) IV в.

14. Фрагмент нижней части чернолакового скифоса (рис. 2 -4). Корпус отделён от доньшка широкой полосой в цвете глины. Поддон кольцевой, доньшко в цвете глины. Лак внутри сосуда со слабым металлическим блеском. С внешней стороны – густой, с глянцевым блеском. Низ поддона без лака.

Дна = 7 см, размеры: 5×6 см; *Посад 2020, слой.*

15. Фрагмент очень большого канфара классической серии с формованным венчиком (рис. 2 -5). Глина хорошо отмучена с редкими включениями мелких белых частиц. Лак густой чёрный с зеркальным блеском. Склеен из 2-х фрагментов, найденных в 2-х разных комплексах – яма №20/2010 и помещение 8/2011. Расстояние между ними составляет около 20 м.

Размеры: 15×7 см, D устья=16–17 см; *Посад 2010 и 2011.*

Вторая половина (третья четверть?) IV в.

16. Фрагмент канфара с каннелюрами (рис. 2 -6). Глина розовая хорошо отмучена с включениями белых частиц. Лак чёрный матовый, покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности. Каннелюры хорошо, объёмно выражены, снизу ограничены пояском.

Размеры: $4,4 \times 7,7$ см; *Посад 2010, слой.*

Конец IV – начало III в.

Канфары с каннелированной нижней частью появляются в Аттике с середины IV в. Однако, в северопричерноморские колонии эта форма попадает позднее, как полагает Т.В. Егорова, только в конце IV в. (Егорова 2009: 27).

17. Фрагмент чернолакового канфара (рис. 2 -7). Сохранился фрагмент средней части на переходе от стенок верхней части к округлому вместилищу с нижней частью ручки. Глина розовая (?) хорошо отмучена, без видимых включений. Лак чёрный, густой, блестящий, местами потёрт, значительные сколы.

Размеры: 3,8×5,2 см; *Посад 2007, р.IV, яма 1.*

18. Ножка канфара (рис. 2 -8). Глина бежевого цвета с включениями белых частиц. Лак густой, чёрный, блестящий, покрывает фрагмент снаружи и внутри.

Размеры: 3,8×5 см; *Акрополь 1966, слой.*

Последняя четверть IV в.

19. Дно чернолакового скифоса (рис. 2 -9). Глина розового цвета, хорошо отмучена с примесью белых и чёрных частиц. Лак густой чёрный. Скифос на толстом поддоне, с внешней и внутренней стороны поддон также покрыт лаком. Дно в центре орнаментировано концентрическими кругами. На высоте 2–3 см от поддона местами сохранилась полоса в цвете глины. Возможно, это зона росписи.

Дна=6,5 см; *Акрополь 1967, слой.*

Вторая половина IV в.

Килики, чаши (рис. 4)

20. Фрагмент доньшка чернолакового килика со штампованным и резным орнаментом (рис. 4 -1). Внутри: пальметты, соединённые дугами над поясом продолговатых полуов, которые окружают композицию из пальметт, из которых частично сохранилась одна. Лак внутри от чёрного до красного, снаружи у самого венчика, лак, по-видимому, был чёрный на остальной части красный и коричневый густой. Доньшко снаружи орнаментировано широким и узким концентрическим пояском. Поддон утрачен.

Размеры: 6,5×6,7 см; *Посад 2019, слой.*

(Sparkes, Talcott 1970: cat. 534).

Последняя четверть V в.

21. Фрагмент дна чернолакового килика со штампованным и резным орнаментом (рис. 4 -2). Внутри штампованные пальметты, соединённые резными дугами, они расположены над пояском «ов». С внешней стороны чёрное покрытие, которое прерывается двумя прочерченными тоненькими концентрическими линиями, затем чёрное поле и снова две резных тонких концентрических окружности, затем тоненькая полоска чёрного лака. В поле между чёрной полоской и центральной – граффити, сохранились только две буквы «дельты». Это цифровое обозначение равно 20 или цена в две драхмы (Соломоник 1978: №№ 548, 549; Яйленко 1980: 95, № 49).

Размеры: 7,5×5,5 – 4,5 см; *Посад 2020, слой.*

(Sparkes, Talcott 1970: cat. 793).

Конец V в.

22. Фрагмент доньшка килика на кольцевом поддоне (б/рис). Глина розовая, хорошо отмучена без заметных включений. Лак густой чёрный, блестящий. Внешняя поверхность полностью покрыта лаком, поддон также покрыт лаком, кроме внутренней поверхности, обращённой ко дну.

Размеры: 4×2,3 см. *Посад 2020, слой.*

23. Фрагмент чернолакового сосуда (канфар?; рис. 4 -3). Глина розовая хорошо отмученная без заметных включений. Лак густой чёрный, с внешней стороны с металлическим оттенком. Внутри сосуд орнаментирован пятью концентрическими кругами. Сколы. Лак местами потёрт. Сосуд в древности пытались чинить, сохранились два просверленных отверстия, одно насквозь, другое не до конца.

Размеры: 4,6×8,7 см; *Посад 2007, р.IV яма 1.*

24. Фрагмент венчика чаши-скифоса (рис. 4 -4). Значительные сколы, вместилище отделено от венчика внутри тоненькой полоской, венчик массивный овальный в сечении значительно отогнут наружу – 2 см, ширина от 0,5 до 1 см. Лак плотный, блестящий.

D~12 см; *Посад 2020, слой.*

(Рогов, Тункина 1998: рис. 5, 10, 14).

Вторая четверть IV в.

25. Фрагмент венчика чаши-скифоса аналогичный предыдущему (б/рис.). Глина розовая, хорошо отмучена без заметных примесей. Лак чёрный густой блестящий, с внешней стороны между венчиком и вместилищем – углубление, покрытое лаком.

D~12 см; *Посад 2006, слой.*

Вторая четверть IV в.

26. Фрагмент миски с прямым отогнутым наружу венчиком на высоком кольцевом поддоне (рис. 4 -5). Глина по краям розовая, в середине серая с зеленоватым оттенком, хорошо отмучена с включением мелких белых частиц. Лак чёрный блестящий снаружи, внутри тусклый. Поддон миски отделён от вместилища широкой полоской в цвете глины. Снаружи доньшко орнаментировано по центру концентрической окружностью.

D=14; *Посад 2010, слой.*

(Егорова 2009: № 181).

Последняя четверть IV в.

27. Фрагмент миски с загнутым внутрь краем на высоком кольцевом поддоне (рис. 4 -6). Глина хорошо отмучена с включениями мелких белых частиц. Лак чёрный блестящий густой. Между вместилищем и поддоном оставлен поясok в цвете глины. Внутри сосуд орнаментирован концентрическими кругами насечек. На фрагменте сохранились 4 сквозных отверстия – следы ремонта миски в древности. Лак местами отсутствует.

D~22 см; *Посад 2008, слой.*

(Егорова 2009: № 284).

Последняя четверть IV в.

28. Фрагмент нижней части миски (рис. 4 -7). Вместилище отделено от поддона пояском, оставленным в цвете глины. Глина розовая, хорошо отмучена с редкими включениями мелких белых частиц. Лак густой с металлическим, местами зеленоватым, отливом.

Размеры – 3,7×4,7 см; *Посад 2014, р.IV, яма 111.*

(Егорова 2005: 224–225, кат. 3, 4).

Конец IV в. (ок. 300 г.).

29. Фрагмент чернолаковой мисочки (б/рис.). Венчик довольно широкий (по сравнению с тонкими стенками), уплощён. По внутреннему краю (ребру) оставлена тонкая полоска в цвете глины. Глина розовая, хорошо отмучена без видимых включений. Лак густой чёрный с матовым блеском.

D=15 см; *Посад 2020, слой.*

(Sparkes, Talcott 1970: № 806).

Вторая половина IV в.

Миски, чаши, тарелки (рис. 5)

30. Фрагмент чернолаковой одноручной (?) чаши (рис. 5 -4). Сохранилась часть стенки от венчика до перехода к поддону. Профиль плавно расширяется кверху. Край венчика закруглён внутрь и имеет небольшой валик снаружи. Внутренняя поверхность покрыта тусклым чёрным лаком с коричневым оттенком. Внешняя – от венчика до середины – имеет чёрное лаковое покрытие с металлическим оттенком, ниже до начала поддона – красно-коричневое.

D=16–17 см; *Посад 2011, слой.*

(Егорова 2009: № 426).

Последняя четверть IV в.

31. Фрагмент небольшой миски (рис. 5 -5). Венчик загнут внутрь. Внутренняя поверхность покрыта жидким лаком, цвет которого варьирует от чёрного до коричневого. На внешней стороне лаком покрыта только верхняя часть, остальное оставлено в цвете глины.

III–II вв.

32. Фрагмент лекифа (рис. 5 -6).

Размеры: 3,4×6,6 см; *Акрополь 1987, слой.*

430–420 гг.

33. Фрагмент кратера (?). Сведений о месте и годе находки нет (рис. 5 -7).

Рыбные блюда (рис. 3)

34. Фрагмент края рыбного блюда (б/рис.). Глина серая с включениями мелких белых частиц и блёсток. Лак чёрный тусклый.

D=13 см; *Акрополь 1966, слой.*

35. Нижняя часть рыбного блюда (рис. 3 -А). Внутренняя и внешняя поверхность была полностью покрыта лаком, но он на значительной площади осыпался и сохранился отдельными участками. Имеет местами коричневый оттенок. Глина розовая, довольно хорошо отмучена с редкими включениями белых и чёрных частиц. Блюдо на кольцевом поддоне диаметром 8 см и высотой 1 см. Углубление мелкое диаметром 4,6 см, отделено от краёв полоской, оставленной в цвете глины (либо лак здесь попросту не сохранился). Края от вместилища приподняты.

Размеры: 14,4×10,6 см; *Посад 2010, яма б/н.*

Вторая половина IV в.

Вместе с блюдом была найдена амфора (верхняя часть) довольно редкой разновидности (рис. 3 -А). Амфора была опубликована юбиляром (Монахов 2013: 45–46, табл. VIII -45), который признал в ней тару производства Эрифр и отнёс к варианту V-A⁶.

36. Фрагмент рыбного блюда (рис. 3 -Б). Лак серого цвета. Край плавно опущен книзу. Сверху по окружности имеется хорошо выраженный валик, тогда как у большинства эллинистических блюд по краю располагается желобок.

Размеры: 10,1×11,6 см; *Акрополь 1969, слой.*

Вторая половина III – первая половина II в.

⁶ В публикации приведен только рисунок. Теперь есть возможность дополнить это графическое изображение фотографиями.

2004

яма 4

37. Фрагмент венчика мисочки с загнутым внутрь краем (б/рис.) Глина хорошо отмучена с включением мелких белых частиц. Лак снаружи в верхней части коричневый, ниже – тёмно-коричневый, местами отсутствует.

D=12 см; *Посад 2004 р. I, яма 4.*

Последняя четверть IV в.

38. Большая часть рыбного блюда (рис. 3 -B). Глина бежевая, хорошо отмучена с включениями мелких блёсток. Лак чёрный с металлическим блеском, довольно тусклый, имеет коричневатый оттенок, с внешней стороны почти полностью осыпался. Блюдо подверглось воздействию огня вторично, находясь уже в яме.

D=20 см. *Посад 2004, р. I, яма 4.*

(Rotroff 1997: № 712, 714).

Конец IV – начало III в.

2009

р. V, яма 9

39. Фрагмент края рыбного блюда (б/рис.). Аналогично предыдущему. Глина розового цвета, хорошо отмучена, с включением мелких белых частиц. Лак чёрный густой, внутренняя сторона покрыта полностью. С внешней стороны лак пояском идёт вдоль закраины и, вероятно, вокруг углубления для соли или соуса.

Размеры: 4,2×5,9 см. *Посад 2009, р. V, яма 9.*

40. Фрагмент (полный профиль) тарелки или блюда (рис. 5 -2). Плоское блюдо или тарелка. Венчик закруглён, внешний профиль имеет грань посередине высоты и две подрезки под венчиком и над поддоном. Глина бежевая с включениями белых частиц. Лак с металлическим блеском. Внутри сохранились насечки, образывавшие окружность.

Дна=17 см; *Посад 2009, р. V, яма 9.*

(Егорова 2009: 135, № 437).

Последняя четверть IV в.

2013

яма № 84

41. Фрагмент чернолаковой миски с венчиком отогнутым наружу (рис. 5 -1). Глина розовая, хорошо отмучена, с включениями мелких белых и чёрных частиц. Лак чёрный блестящий, местами потёрт.

D=17 см; *Посад 2013, яма 84.*

(Егорова 2009: № 169–170; Sparkes, Tallcott 1970: № 806).

Третья четверть IV в.

42. Фрагмент нижней части мисочки (рис. 5 -3). Зона между вместилищем и поддоном оставлена в цвете глины. Глина розовая, хорошо отмучена, с редкими вкраплениями белых частиц. Лак чёрный с металлическим блеском. Внутри штампованный орнамент, состоящий из тонкого углубленного круга, в котором сохранилась одна пальметта.

D=10 см; *Посад 2013, р. IV, яма 84.*

Последняя четверть IV в.

Таким образом, чернолаковая керамика из гетских комплексов и слоя поселения (горизонт Картал IV) охватывает период с последней четверти/конца V до первой половины/середины III в. (рис. 7). По цвету глины эта чернолаковая керамика могла принадлежать аттическому и пергамскому производствам.

Краснофигурная керамика в целом представлена бóльшим числом ранних образцов, чем вся остальная, что может свидетельствовать помимо прочего и о длительном бытовании этих парадных сосудов (*resp.* бережном к ним отношении). В тоже время, среди остальной чернолаковой керамики также есть некоторое количество ранних фрагментов, в том числе и тех, которые датируются ещё V в. Если учитывать ещё и коллекцию амфорных клейм, где тоже имеются экземпляры конца V – начала IV в. (Бруяко 2019: 252, табл. 2), то всё это даёт основание датировать возникновение поселения гетской культуры в Картале уже V в. Это начало существования классической гетской культуры, ареал которой в следующем IV веке будет охватывать всю лесостепную область между Карпатами и Днестром, Карпатами и Дунаем, а также прирусловые зоны Прута, Дуная и Днестра в степной полосе. Поселение в Картале, впрочем, не самое раннее в регионе, оставленное племенами гетов. На сегодняшний день самым ранним памятником гетской культуры на левобережье Нижнего Дуная является поселение Новая Некрасовка II (Ново-Некрасовка II), расположенное в 20 км восточнее Картала. Напомню, что оно датируется второй – третьей четвертями V в. (Бруяко 2005: 294).

Обращает на себя внимание довольно высокий процент расписной керамики на поселении такой довольно глубокой варварской периферии, каковой является Картал. Даже на крупных поселениях сельской округи греческих полисов, в частности в низовьях Днестра, число расписной керамики не превышает показатель Картала (Наддиманское городище, Николаевка), и либо уступает ему, либо отсутствует вовсе (Пивденное, Затока, Овидиополь). Отметим ещё и довольно необычную картину соотношения центров производства амфорной тары, найденной в Картале. Эта особенность заключается в полном доминировании фасосской амфорной тары. Так, количество клейм этого центра во всей коллекции составляет 70 %. Примерно таким же процентом представлен Фасос и в общей массе амфорных ножек. Опираясь на отмеченные две особенности в распространении керамического импорта, вполне можно говорить о неординарном статусе Картала в системе древних населённых пунктов IV в. в низовьях Истра-Дуная. Этот статус уже неоднократно обсуждался в литературе для этой и других эпох (Бруяко 2019). Он основывается на той уникальной стратегической позиции, которая позволяла обитателям населённого пункта расположенного здесь (или их сюзерену) контролировать место переправы через Дунай, существенно влияя тем самым на военно-политическую и экономическую (в зависимости от ситуации) обстановку в регионе, который представлял собой пограничную зону между Балканами и Причерноморьем. Таковым это место оставалось неизменным на протяжении всей исторической эпохи, начиная с энеолита.

Если говорить о функциональности Картала конкретно в античную (доримскую) эпоху, то вполне возможно, что параллельно с военным укреплением здесь существовал пункт обмена и торговли (торжище) между фракийским населением (гетами) и скифами. Курганные могильники последних плотно занимают территорию между озёрами Ялпут и Кагул, а некоторые из них расположены всего в 5–7 км от городища Картал. Вполне вероятно, что поселение в Картале могло входить в зону хозяйственно-экономических интересов Истрии. Как известно, именно геты составляли основу туземного населения хоры этого крупнейшего греческого полиса Северо-Западного Причерноморья. Суммируя все эти факторы, можно думать, что именно их сочетание и обусловило высокий процент импорта в Картале, включая амфорную тару, в которой

сюда в большом количестве доставлялись отнюдь не рядовые сорта вин⁷. Поскольку, в здешних скифских могильниках полностью преобладает традиционная для скифов ordinaria гераклейская продукция, то, надо думать, что дорогое вино потреблялось непосредственно обитателями Картала. В тоже время, в скифских курганах поблизости от Картала была найдена чернолаковая, в том числе и расписная керамика (Андрух, Суничук 1987). Почти очевидно, что она попадала к степнякам именно посредством Картала, в окрестностях которого вероятно действовало сезонное (?) торжище⁸. Эта идея уже обсуждалась в литературе, и в качестве подтверждения её актуальности упоминались также находки монет в этом районе, как одиночные, так и массовые, в виде двух знаменитых кладов – Орловского и Анадольского (Острроверхов, Редина 2013: 410).

Поселение в Картале прекращает существование в первой половине III в. Хотя, одиночные материалы более позднего времени – вторая половина III–II вв. также известны, в том числе и среди публикуемой группы материала. Пока, впрочем, мы не можем выделить здесь отдельный горизонт обитания, соответствующий эллинистическому времени в том его виде, в каком он представлен на соседнем памятнике – городище Новосельское II (Бруяко и др. 2011) и где также присутствует в небольшом количестве чернолаковая керамика, в частности, т.н. неаттические канфары классических форм (Егорова 2019). Эти фрагменты (рис. 6) сопровождалась клеймами Синопы и Родоса середины/второй половины III – первой четверти II в. (Бруяко и др. 2011: 323–326).

Нельзя исключать, что на самом деле динамика функционирования поселения гетов в Картале была не линейной. В середине IV в. происходит экспансия скифов в Северо-Восточную Добруджу. Абсолютная историчность этого события и почти очевидный факт перехода скифов через Дунай в районе Картала, заставляют искать какие-то формы их взаимоотношений с гетами во время этого конкретного эпизода. Предварительный анализ коллекции клейм позволяет предположить, что около середины IV в. Картал на какое-то время мог быть оставлен гетами. А наиболее активный период жизнедеятельности поселения приходится уже на период после скифо-македонского противостояния, т.е. на последнюю треть / четверть IV и начало / первую половину III в.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух, Суничук 1987 – Андрух С.И., Суничук Е.Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная / Т.Л. Самойлова (отв. ред.) *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38–46.
- Бруяко 2005 – Бруяко И.В. 2005. Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае). *Revista Arheologică. ser. nouă* (1), 279–300.
- Бруяко 2017 – Бруяко И.В. 2017. Македония и Скифия – история длиной в десятилетие. *АМА* (18), 318–330.
- Бруяко 2019 – Бруяко И.В. 2019. Феномен Картала: динамика смысла. *МАСП* (XIV), 245–259.
- Бруяко, Ярошевич 2001 – Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. 2001. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса: Гермес. – 142 с.
- Бруяко и др. 2011 – Бруяко И.В., Ванчугов В.П., Савельев А.К. 2011. Слои эллинистического времени на городище Новосельское-II. *МАСП* (12), 294–335.
- Егорова 2000 – Егорова Т.В. 2000. Чернолаковые канфары с городища «Чайка». *РА* (4), 137–150.

⁷ Кроме чернолаковой посуды и амфор в Картале имеется представительная коллекция форм столовой светлоглиняной посуды, покрытой светло-коричневым ангобом (рыбные блюда, чаши, миски). Встречается также и толстостенная импортная керамика (лутерии).

⁸ Достоверно известно о наличии торжищ на Дунае в римское время. Они располагались обычно в районе пограничных крепостей по обоим берегам реки. Интересен в этом плане сюжет, который содержится у Приска Панийского (фр. 36). В 467 г. к императору Льву прибыло посольство сыновей Аттилы, чтобы заключить мирный договор и установить «согласно древнему обычаю» место торга на Дунае.

- Егорова 2005 – Егорова Т.В. 2005. Чернолаковые миски и солонки с городища «Чайка» близ г. Евпатории. *БИ* (VIII), 218–237.
- Егорова 2009 – Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова. – 256 с.
- Егорова 2019 – Егорова Т.В. 2019. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм. *НАВ* (18/1), 123–137.
- Карышковский, Клейман 1985 – Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. *Древний город Тира. Историко-археологический очерк*. Киев: Наукова думка. – 160 с.
- Монахов 2013 – Монахов С.Ю. 2013. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. *ВДИ* (3), 28–51.
- Островерхов, Редина 2013 – Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 2013. Скифские древности / И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова (отв. ред). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМИА. – 902 с.
- Рогов, Тункина 1998 – Рогов Е.Я., Тункина И.В. 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *АВ* (5), 159–175.
- Соломоник 1978 – Соломоник Э.И. 1978. *Граффити античного Херсонеса: (на чернолаковых сосудах)*. Киев: Наукова думка. – 72 с.
- Шталь 2004 – Шталь И.В. 2004. *Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (Леканы, аски, лекифы, ойнохои, IV в. до н.э., керченский стиль)*. М.: Прогресс-Традиция. – 232 с.
- Яйленко 1980 – Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* (3), 75–116.
- Rotroff 1997 – Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora* (XXIX). Princeton (New Jersey): The American School of classical studies at Athens. – 575 p., 264 ill.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.

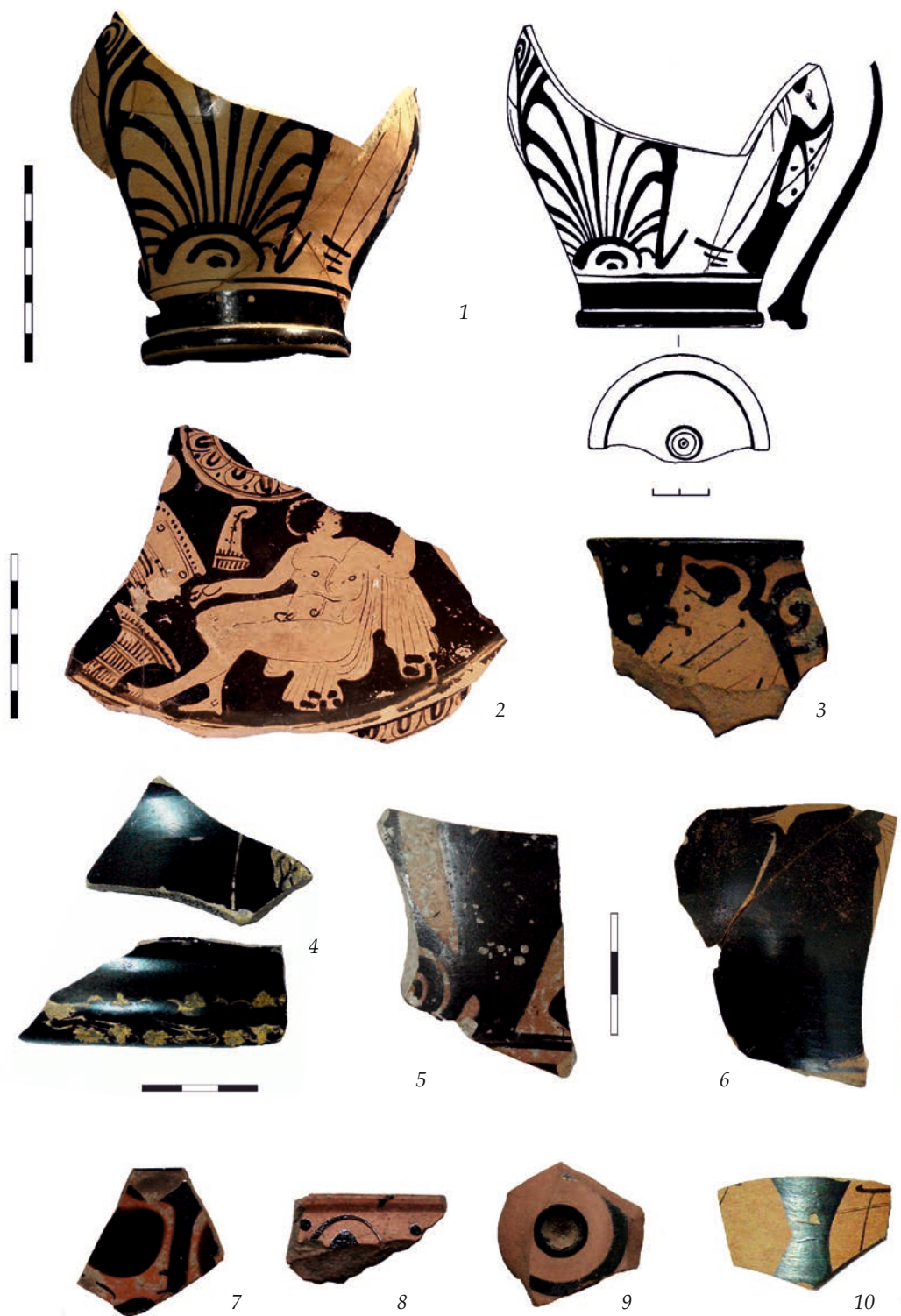

Рис. 1. Расписная краснофигурная керамика из Картала

Рис. 2. Канфары и скифосы из Картала

Рис. 3. Рыбные блюда из Картала (А – комплекс с амфорой Эрифр)

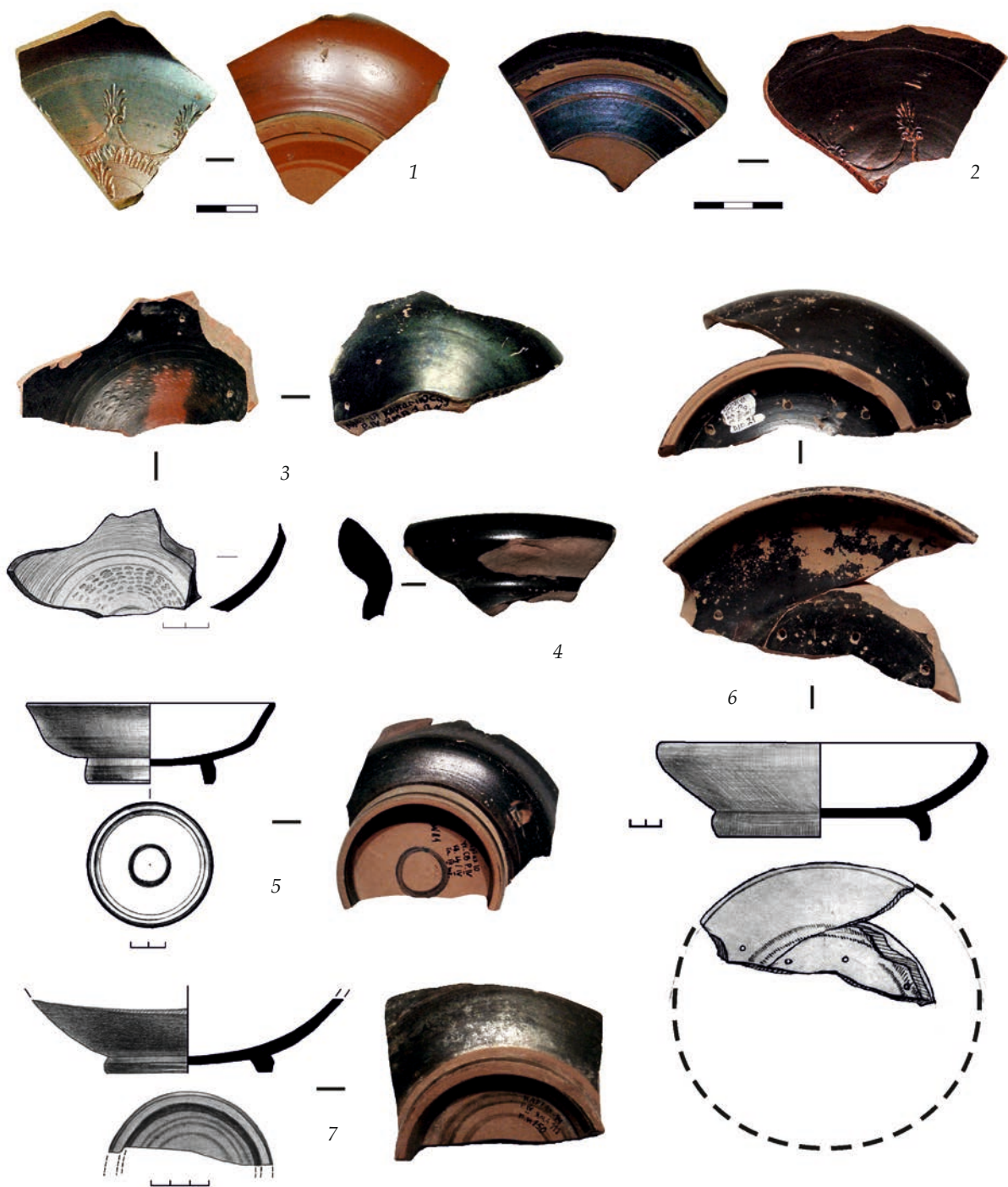

Рис. 4. Килики, чаши, миски из Картала

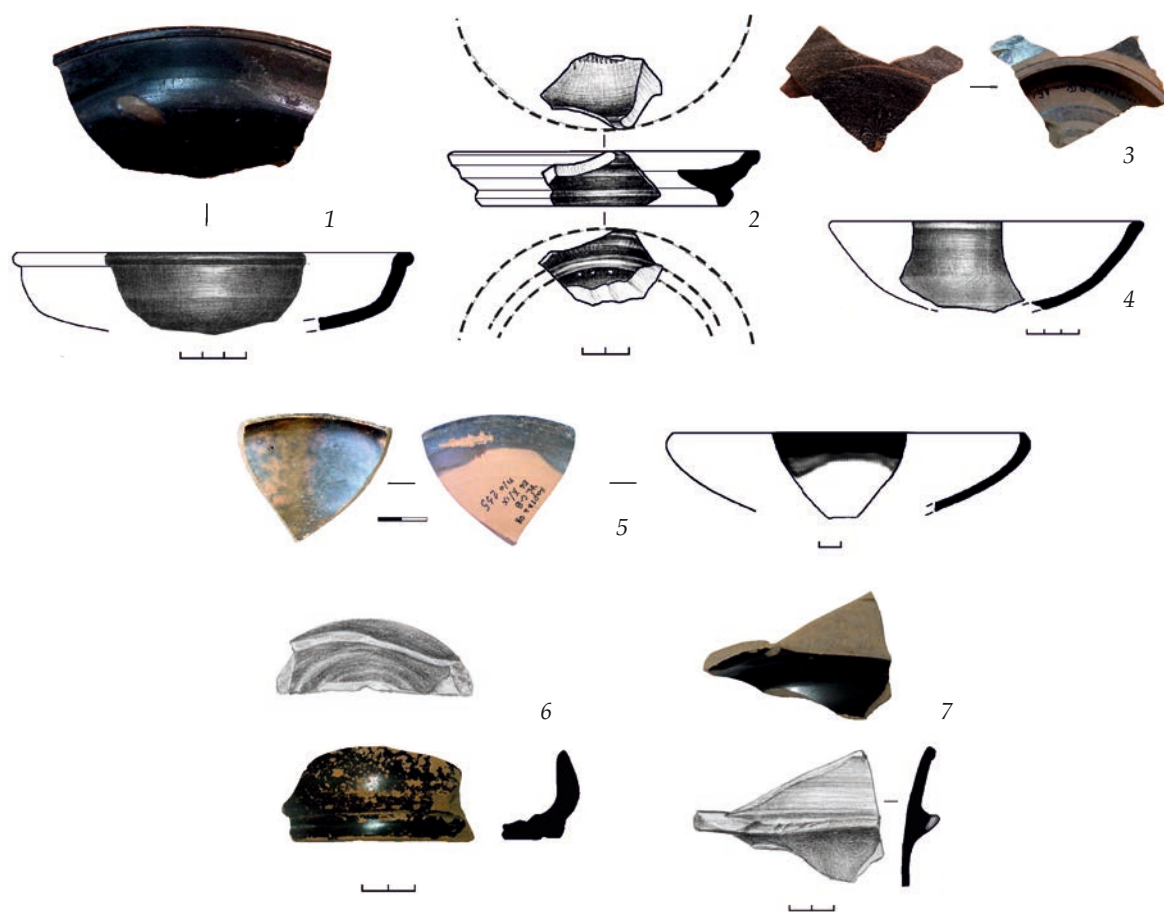

Рис. 5. Миски, чаши, тарелки, лекиф (6), кратер (7) из Картала

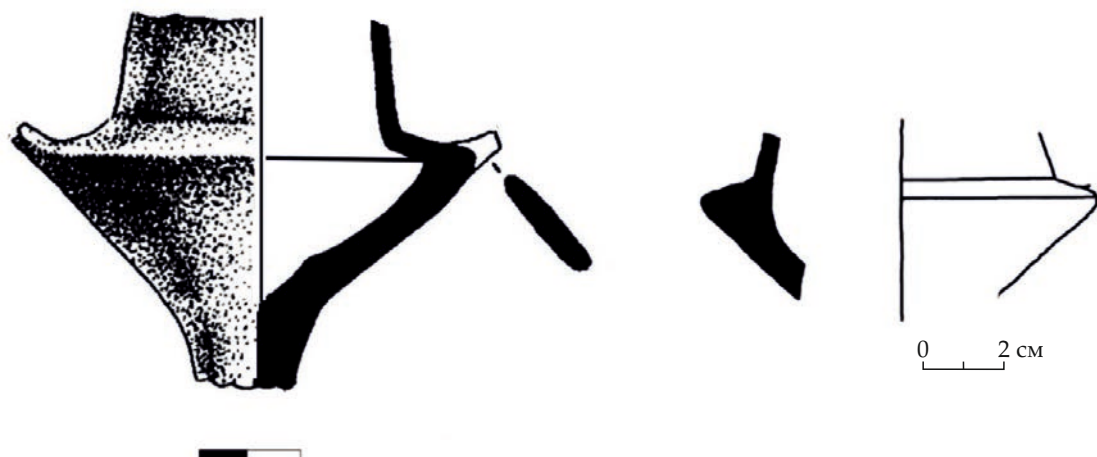

Рис. 6. Неаттические канфары из городища Новосельское II

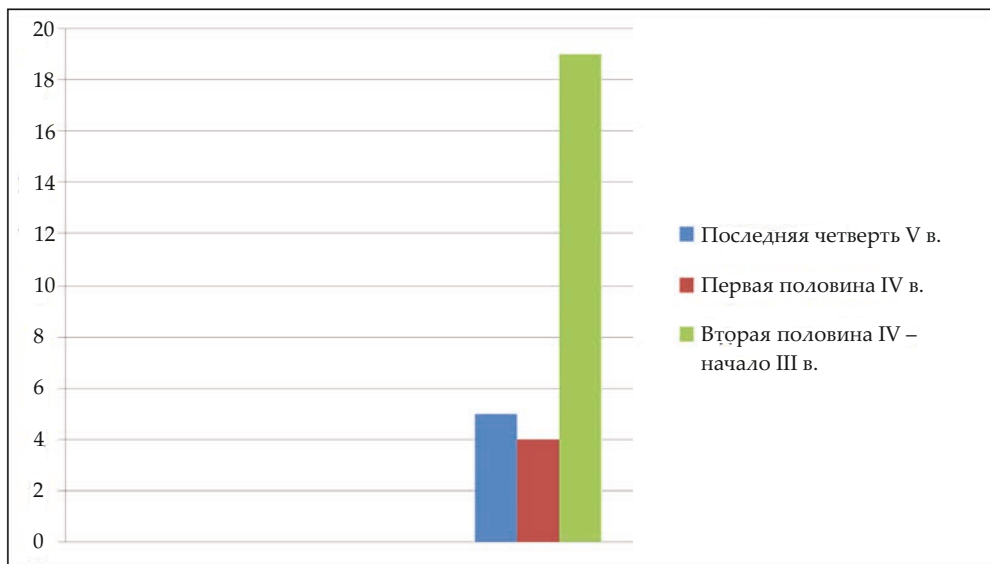

Рис. 7. Распределение чернолаковой керамики Картала по хронологии

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О КОНТЕКСТЕ НАХОДОК ТРАНСПОРТНЫХ АМФОР ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ, ПРОВОДИВШИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИАК

Аннотация: раскопки городского некрополя были частью многолетних систематических исследований Херсонеса Таврического, проводившихся под руководством Императорской Археологической Комиссии. Транспортные амфоры, происходящие из этих раскопок, хранящиеся в фондах государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Государственного Эрмитажа, были изданы под руководством С.Ю. Монахова. Дневники и отчеты этих раскопок позволяют дополнить информацию о контексте находок отдельных амфор, уделив особое внимание вопросам соотношения сосудов с погребальными комплексами.

Ключевые слова: Херсонес, транспортные амфоры, некрополь, контекст, раскопки, материалы.

R.V. Stoyanov¹

A FEW REMARKS ABOUT THE CONTEXT OF THE TRANSPORT AMPHORAE' FINDS FROM THE EXCAVATIONS OF THE CHERSONESOS NECROPOLIS, CONDUCTED UNDER THE LEADERSHIP OF THE IAC

Abstract: the archaeological excavations of the necropolis of Tauric Chersonesos presented a part of many years of systematic research program, provided by the Imperial Archaeological Commission. The transport amphoras originating from the excavations from the funds of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonese» and the State Hermitage Museum, were published under the supervising of Sergey Monakhov. The documentations of the excavations make it possible to supplement information about the context of the amphoras, paying special attention to the issues of correlating the vessels with burial complexes.

Keywords: Chersonesos, transport amphorae, necropolis, context, excavations, materials.

Раскопки городского некрополя были частью многолетних систематических исследований Херсонеса Таврического, проводившихся под руководством Императорской Археологической Комиссии². Работы велись артелями наёмных рабочих под руководством заведующего, назначавшегося Комиссией. Как и любые исследования подобного рода, на начальном этапе они характеризуются накоплением материала и появлением первых наблюдений и обобщений относительно древнейшего некрополя. За время исследований было открыто несколько тысяч разновременных погребальных комплексов, получены сведения о границах некрополя, погребальном обряде и особенностях погребальных сооружений, относящихся к разным периодам. Одним из основных требований к заведующим было предоставление ежегодных финансовых и научных отчётов о проделанной работе, которые регулярно публиковались в периодических изданиях ИАК.

Это требование неукоснительно выполнялось первым заведующим раскопками К.К. Косцюшко-Валюжиничем, но использовавшаяся им методика фиксации и каталогизации находок имела серьёзные недостатки: графическая и фотофиксация погребальных комплексов, как правило, не производились; находки, отбирившиеся на хранение, вносились в ежегодные каталожные книги без шифрования и учёта комплексов. В конечном итоге это привело к тому, что большинство находок невозможно соотнести с комплексами, в которых они были найдены. Следствием этого стала утрата существенной части информации, полученной в результате раскопок (Стоянов 2019: 546).

¹ Стоянов Роман Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11, roman.stoyanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2290-154X>.

² Далее – ИАК.

К сожалению, ситуация с методикой ведения раскопок и учета находок из раскопок, которыми руководил Р.Х. Лепер, назначенный ИАК на должность заведующего раскопками после Косцюшко-Валюжинича, немногим лучше. В отличие от своего предшественника, Лепер хотя и шифровал находки, но крайне неаккуратно относился к ведению полевой документации. Дневники раскопок, проводившихся под его руководством, представляют собой отрывочные, порой совершенно неразборчивые и часто бессистемные описания, иногда сопровождавшиеся схематическими планами могил и зарисовками находок, многие из которых были выполнены рабочими. Сам исследователь обычно ограничивался только проставлением чернилами инвентарных номеров отдельных вещей, принцип отбора которых, в целом остающийся неясным, вероятно, зависел от сохранности вещи, субъективных представлений о её ценности и наличия того или иного предмета у рабочих во время появления заведующего на участке. Можно только догадываться о том, какое количество находок было безвозвратно утеряно при подобном ведении работ. Помимо этого, Лепер не подготовил ни одного отчета о раскопках, проводившихся под его руководством в Херсонесе. К сожалению, руководство ИАК годами оставляло эти факты без должного внимания.

Подобное состояние материалов привело к тому, что в последующие годы представление о херсонесском некрополе в основном формировалось за счёт результатов новых археологических исследований, а материалы раскопок, проводившихся под руководством ИАК, работа с которыми требовала трудоемких разборов, сопоставлений и дешифровок полевых материалов, оставались в основном невостребованными.

Сохранность погребальных комплексов на различных участках неодинакова. Расширение территории Херсонеса, начавшееся около третьей четверти IV в. до н.э., сопровождалось застройкой большей части древнейшего некрополя, относящегося к классическому периоду. Отдельные участки эллинистического некрополя в западном районе были разрушены позднейшей застройкой при расширении территории города. Часть погребений Южного участка была уничтожена во время строительных работ, проводившихся на этой территории Военным Инженерным ведомством в конце XIX в. (Стоянов 2000: 129–140; Рыжов 2007: 20–30; Буйских 2008: 49–50, 198; Стоянов 2019: 547–548). Неисследованными остаются значительные участки западного некрополя. На это, по-видимому, указывает наличие участка, открытого в 1963 г. с погребениями конца IV – III вв. до н.э. По мнению А.Н. Щеглова, эти погребения являются частью единого пространственного массива захоронений некрополя в западной части Херсонеса (Щеглов 1975: 116; Зубарь, Ланцов 1987: 37).

Транспортные амфоры, происходящие из раскопок херсонесского некрополя, проводившихся под руководством ИАК, хранящиеся в фондах государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Государственного Эрмитажа, были изданы под руководством С.Ю. Монахова (Монахов и др. 2017; 2019). На данный момент это наиболее полный свод транспортных амфор из раскопок Херсонеса. Материалы отчетов и полевая документация раскопок, проводившихся под руководством ИАК, позволяют дополнить информацию о контексте находок, уделив особое внимание вопросам соотношения сосудов с погребальными комплексами.

Наиболее ранним экземпляром выборки является амфора, относящаяся к т.н. «протофасосским» амфорам на профилированной ножке, которые, по мнению С.Ю. Монахова, производились в одном из центров Северной Эгеиды. Сосуд относится к III серии и датируется второй четвертью V в. до н.э. Предположение о том, что амфора происходит из некрополя, высказывалось в литературе (Монахов, Абросимов 1998: 120–121, рис. 47 -2; Монахов 2003: 40–41, таб. 24 -3;

Монахов и др. 2017: 15, 82, NA.1)³. В материалах отчетов Косцюшко-Валюжинича содержится единственное описание целой амфоры – это сосуд, найденный в погребении № 2240⁴, открытом в 1907 г. на побережье Карантинной бухты – пространство к северо-востоку, юго-западу и юго-востоку от участка раскопок 1902 г. Этими раскопками были соединены участки некрополя, раскопанные в 1896–1897, 1901–1902 гг. Отчёт о раскопках 1907 г. был подготовлен М.И. Скубетовым, который закончил обработку и подготовку к изданию материалов этих раскопок. В тексте отчёта сосуд описан, как: «... светлоглиняная двуручная амфора, остродонная, с круглой пяткой малого диаметра, 0,95 м вышины, 0,38 м наибольшей ширины. Амфора была умышленно перебитая на две части <...>. Обе половины амфоры сильно потрескались. Амфора была покрыта плитой. Внутри её найдено маленькое чернолаковое блюдце хорошей сохранности» (Косцюшко-Валюжинич, Скубетов 1911: 39). Внешний вид и состояние амфоры из фондов Херсонесского музея не противоречат этому описанию. Однако её метрические характеристики существенно расходятся с указанными в отчёте. Общая высота амфоры, опубликованной Монаховым и соавторами, составляет 0,45 м, а наибольший диаметр – 0,254 м. Указанная амфора была отнесена к продукции неустановленного центра северной Эгеиды, 475–450 гг. до н.э. (Монахов и др. 2017: 82, NA.1). Учитывая то, что сосуд был найден разбитым, можно предположить, что измерения Косцюшко-Валюжинича не точны, но даже с этой оговоркой сосуд может быть соотнесен с обозначенным погребением только предположительно.

В 1897 году раскопки велись на участке некрополя, расположенном между Карантинной бухтой и раскопом 1896 г. (Производство археологических раскопок... 1900: 29–31; Отчёт г. Заведующего... 1900: 112–132). При описании могилы № 908 было указано: «глиняная урна в виде двуручной, остродонной амфоры. Внутри оказались косточки младенца, не подвергавшиеся сожжению. По типу и хорошему исполнению, урну эту можно отнести к греческой эпохе» (Отчёт г. Заведующего... 1900: 121, № 908). По-видимому, в данном случае речь идет именно о транспортной амфоре.

Аналогичная находка была сделана в указанном году в могиле № 970, где была найдена: «глиняная раздавленная урна в виде греческой амфоры (подобная найденной в гробнице 908) и в ней кости младенца, не подвергавшиеся сожжению» (Отчёт г. Заведующего... 1900: 123, № 970). При отсутствии изображений и шифров идентифицировать эти амфоры среди материалов, происходящих из раскопок Косцюшко-Валюжинича, невозможно.

Во время раскопок в северной части городища у монастырской купальни (участок А), производившихся под руководством Р.Х. Лепера, были открыты захоронения, относящиеся к древнейшему некрополю. В дневнике за 1911 г. было указано, что при раскопках северной части городища на уровне наскального слоя, содержавшего фрагменты чернолаковой и краснофигурной керамики, были обнаружены погребения, разрушенные при строительстве обжигательной печи (Арх. ГМЗХТ 85, л. 8; Арх. ГМЗХТ 87, л. 35, 40, 46–47). Впоследствии этот некрополь был повторно «открыт» в 1935–36 гг. экспедицией под руководством Г.Д. Белова. В литературе он известен как участок некрополя на Северном берегу.

В 1912 г. на этом же участке было открыто девять могил (Арх. ГМЗХТ 87, л. 35, 40, 46–47). В одной из них была найдена хиосская амфора с нечитающимся круглым клеймом и дипинито «Λ» на горле. Сосуд относится к коническим амфорам с «протоколпачковой ножкой», варианта V-B, второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Ещё два сосуда этого типа происходят из раскопок, проводившихся в 1936 г. под руководством Г.Д. Белова в этом же районе городища (Монахов, Абросимов 1998: 124, табл. 3, 4 -9, 10; Монахов 2003: 241, табл. 11 -6; Монахов и др. 2017: 75, Ch.14).

³ Здесь и далее классификация и датировки тарных амфор приводятся согласно типологии, предложенной в публикациях С.Ю. Монахова и соавторов.

⁴ Здесь и далее номера погребений соответствуют указанным в отчетах и дневниках раскопок.

На этом же участке, под помещением 8, было найдено ещё одно детское погребение в амфоре, которая, к сожалению, не была сохранена (Арх. ГМЗХТ 87, л. 46).

В дневнике раскопок, проводившихся в 1912 г. у монастырской купальни под руководством Лепера, упомянуто детское захоронение во фрагментированной транспортной амфоре, названной в дневнике урной, открытое 30/1 (Арх. ГМЗХТ 83, л. 96). Опознать сосуд возможно благодаря содержащейся в дневнике зарисовке нижней части амфоры с колпачковой ножкой, характерной для хиосских амфор «конического» типа V, вариантов (А–В), по типологии С.Ю. Монахова, датирующихся в пределах конца V – третьей четверти IV в. до н.э. Амфоры этого типа, использованные в качестве вместилищ, известны по материалам раскопок указанного участка некрополя (Монахов 2017: 20–24, прим. 95).

Ещё один участок с захоронениями, совершенными в пределах V–IV вв. до н.э., был открыт во время раскопок, проводившихся в 1913 г. внутри монастырской ограды, напротив оранжерей (Арх. ГМЗХТ 89а, л. 72, 74–75). Здесь были раскопаны шесть могил, располагавшихся за пределами древних оборонительных стен, частично разобранных во время расширения территории города в конце IV в. до н.э. К этому же участку древнего некрополя относятся захоронения, открытые в 1970 и 1972 гг. с северо-западной и северо-восточной сторон амфилемы античного театра (Арх. НА НАНАНУ. № 1970/30; Арх. ГМЗХТ 1647–53–1972; Арх. ГМЗХТ 1648, л. 16, 20).

По-видимому, хиосская и гераклейская амфоры с вырезами на тулове, хранящиеся в фондах Херсонесского музея, могут быть соотнесены с сосудами, использованными для двух детских погребений, открытых возле монастырских оранжерей, «под стеной», в 1913 г. (Монахов и др. 2017: 37, 73, 127; НР.19, Ch.11). В дневнике, содержащем описание раскопок, проводившихся во дворе монастыря, были упомянуты два детских погребения в амфорах, открытые 1 февраля и 22 марта 1913 г. (Арх. ГМЗХТ 89А, л. 12, 74). Две другие амфоры – кидскую и хиосскую, как и указанные сосуды, отнесенные Монаховым и соавторами к этому участку некрополя, к сожалению, невозможно соотнести с конкретными погребениями (Монахов и др. 2017: 37, Ch.12, Кн.3).

При раскопках участка некрополя в юго-восточной части городища, проводившихся в 1908 г. под руководством Н.И. Репникова, в погребении № 2793 была найдена амфора, использованная в качестве погребальной урны. Сосуд был отправлен в Императорский Эрмитаж, в коллекции которого и хранится до настоящего времени (Репников 1927: 179, рис. 36). Эта амфора несколько раз издавалась как фракционный сосуд т.н. «солохинского» типа, к которому традиционно относили амфоры с грибовидными венцами. Впоследствии сосуд был отнесен Монаховым к варианту П-С амфор Эрифр и датирован второй половиной IV в. до н.э. (Монахов и др. 2019: 148, Ег.6).

На этом же участке в указанном году была найдена синопская амфора, как и другие рассмотренные здесь сосуды, служившая вместилищем для детского погребения № 2811. Сосуд не был сохранен, но в дневнике Н.И. Репникова приведена легенда клейма: *Προτοφάωου / ἀστυνόμου / Ποσειδονίου* (Репников 1927: 181, № 2811). В сводах синопских клейм известен единственный астином по имени Протофан, клейма которого относятся к началу II хронологической группы, и фабрикант Посейдоний, имя которого встречается на клеймах ранней фабрикантской группы (конец 60-х годов IV в. до н.э.), по типологии И. Гарлана (Garlan 2004). Отгиски с сочетанием этих имен неизвестны. Кроме того, присутствие в одном клейме имен магистрата и фабриканта, деятельность которых разделяют по меньшей мере три десятилетия, кажется маловероятным. К сожалению, ввиду отсутствия изображения клейма, это несоответствие не может быть удовлетворительно разрешено. Несмотря на это, рассматриваемое клеймо, как и сосуд, с оговорками можно предположительно датировать не позже 30–20-х годов IV в. до н.э. (Кац 2007: 251–253, 259–260, рис. 58- 4, табл. 9- 3; Монахов и др. 1917: 14; Stoyanov 2019: 180).

Ещё одна синопская амфора была найдена в 1914 г. на участке некрополя за западной оборонительной стеной (могила 17). Вырезанная часть тулова указывает на то, что она служила вместилищем для захоронения ребенка. Сосуд относится к варианту II-C и датируется в пределах первой четверти III в. до н.э. (Монахов и др. 2017: 142, Sn.9).

Подводя итог, следует ещё раз указать, что все амфоры были вторично использованы для детских погребений, которые были встречены на участках доримского некрополя, раскопки на которых производились под руководством ИАК. Хронология выборки определяется в пределах второй четверти V – первой четверти III в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Арх. ГМЗХТ 85 – Дневник (сводный) 1911 г. Работа студента Р.Р. Лепера. *Арх. ГМЗХТ 85*
- Арх. ГМЗХТ 87 – Дневник раскопок за 1912 г. *Арх. ГМЗХТ 87*.
- Арх. ГМЗХТ 83 – Дневник раскопок 1911–1912 гг. у монастырской купальни. *Арх. ГМЗХТ 83*.
- Арх. ГМЗХТ 89а – Раскопки 1913 г. *Арх. ГМЗХТ 89а*.
- Арх. ГМЗХТ 1647–53–1972 – Домбровский О.И. Отчёт о раскопках на участке античного театра. *Арх. ГМЗХТ 1647–53–1972*.
- Арх. ГМЗХТ. 1648 – Золотарёв М.И. Раскоп I–II у оборонительной стены 1972–1973 гг. *Арх. ГМЗХТ 1648*.
- Арх. ИА НАНАНУ 1970/30 – Домбровский О.И. Отчёт о раскопках 1970 г. в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом. *Арх. ИА НАНАНУ 1970/30*.
- Бертъе-Делагард 1907 – Бертъе-Делагард А.Л. 1907. *О Херсонесе / ИАК (21)*. – 207 с., 9 табл.
- Буйских 2008 – Буйских А.В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ (Suppl. 5)*, 49–50.
- Гриневиц 1930 – Гриневиц К.Э. 1930. Объяснение к генеральному плану северо-восточной части Херсонеса Таврического. *ХСб (3)*, 247–248.
- Зубарь, Ланцов 1987 – Зубарь В.М., Ланцов С.Б. 1987. Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса. *КСИА (191)*, 34–38.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / БИ (XVIII)*. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра». – 480 с.
- Косцюшко-Валюжинич, Скубетов 1911 – Косцюшко-Валюжинич К.К.†, Скубетов М.И. 1911. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1907 г. *ИАК (42)*, 1–91.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов, Абросимов 1993 – Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. 1993. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя. *АМА (9)*, 118–159.
- Монахов и др. 2017 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2017. *Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»*. Каталог. Саратов: типография «Новый проект». – 208 с.
- Монахов и др. 2019 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Отчёт г. Заведующего... 1900 – Отчёт г. Заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича. *ОАК за 1897*, 91–132.
- Производство археологических раскопок... 1900 – Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии. 1900. *ОАК за 1897*, 23–40.
- Репников 1927 – Репников Н.И. 1927. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году. *ХСб (2)*, 147–186.
- Рыжов 2007 – Рыжов С.Г. 2007. Оборонительная стена V в. до н.э. в Северном районе Херсонеса. *МАИЭТ (13)*, 20–30.
- Стоянов 2019 – Стоянов Р.В. 2019. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического / Мусин А.Е., Медведева М.В. *Императорская археологическая комиссия (1859–1917). История первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы (I)*. СПб.: изд-во ИИМК РАН, 743–782.
- Стоянов 2000 – Стоянов Р.В. 2003. Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика. *Stratum plus. (3)*, 129–140.

Щеглов 1975 – Щеглов А.Н. 1975. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса. *КСИА* (143), 109–116.

Garlan, Kara 2004 – Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue / Varia Anatolica (XVI)*. Istanbul; Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. – 310 p., ill.

Stoyanov 2019 – Stoyanov R. 2019. Rev: S.Yu. Monakhov, E.V. Kuznetsova, N.B. Churekova, Amphorae of the 5th–2th c. BC from the Collection of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»: Catalogue. Saratov: Novyyi proekt Press, 2017, 208 p., illustrations. ISBN 978-5-6040074-0-2_ACSS (25,1), 181-184.

NEW DATA ABOUT THE MESAMBRIAN EARLY HELLENISTIC AMPHORAE
WITH THE STAMPS IN THE NAME OF ΑΝΤΙΦΙΛΟΣ

Abstract: the article is devoted to a series of transport amphorae with stamps with the names of Antiphilos, Matrobios, Melseon, Herotimos and Damoteles. Three types of containers with stamps in the name of Antiphilos, which were produced in the Mesambria, are considered.

Keywords: West Pontic region, amphorae production, Mesambria.

T. Стоянов¹

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АМФОРАХ МЕСЕМБРИИ
С КЛЕЙМАМИ С ИМЕНЕМ ΑΝΤΙΦΙΛΟΣ

Аннотация: статья посвящена серии транспортных амфор с клеймами с именами Антифила, Матробия, Геротима и Дамотела. Рассматриваются три типа сосудов с клеймами Антифила, которые производились в Месембрии.

Ключевые слова: Западный Понт, амфорное производство, Месембрия, клейма.

Last few years our eminent jubilee Professor Sergey Yur'evich Monakhov paid attention in his studies on the questions of the amphora production in the West Pontic area as an integral part of the investigations of the matter in the Black Sea basin (Монахов 2003: 137 сл.; 2007; Monachov 2009). The present text is an expression of my intimate esteem to the great man of science and colleague.

It is worth noting that his active interest and desire to contribute to the problems concerning the new results presented here have been important to my work. In relation to defining an amphora from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts as a probable product of Mesambria Pontike in the frame of the series *Antiphilos*, comparable to the two extant examples from Kabyle and Olbia (Монахов 2019: 192–193, with refr., fig. 1 -1–3; here fig. 1 -1–3), prof. Monakhov, recognized as correct my opinion to determine the amphora groups with stamps in the names of Αντίφιλος, Μελσεών, Ματροβίος, Ηροτίμος Αν(-), and Δαμοτέλης, as production of workshops of that West Pontic *apoikia*, being outcom of a series of research works (cf. Stoyanov 2003; 2011; 2016; 2019; Kuleff et al. 2007; Kovachev et al. 2011).

Comments in a series of letters between prof. Monakhov and me, on an amphora with a stamp ΑΝΤΙΦΙΛΟΥ from the museum of Dalgopol, Varna district, published by N.F. Fedoseev as a close parallel for an amphora from the pottery complex of Room 52 in House 13 at Elisavetovskoe gorodishche (Федосеев 2010: 568–569, fig. 2 -4, 5), contributed to be resolved a problem that stud by me for years. Since the picture of the amphora from Dalgopol (fig. 1 -4) was submitted to N. Fedoseev by Lachezar Lazarov (in about 2005², but without further information about circumstances of its' discovery, etc.), this was indication to possible connection to the "...intact amphora with a stamp of *Antiphilos* found in 2000 in the Thracian burial mound near the village of Ganchevo, Varna County..." (cf. Stoyanov 2003: 38, fig. 2c). The information about it and the drawing of the amphora (fig. 1 -5) was given to me through prof. L. Getov by the one of the excavators Marlena Krasteva (Institute of Archaeology). The other member of the team was L. Lazarov. The burial then was unpublished and remained still unpublished completely³.

¹ Стоянов Тотко, доктор, професор факултета истории Софийского университета им. Св. Климента Охридского, 1504, Болгария, г. София, бул. Царя Освободителя, 15, tstojanov@uni-sofia.bg.

² Then he was an archaeologist at museum in Dalgopol.

³ Nevertheless my efforts several times to convince Mrs. Krasteva to do it. Recently I have read that the obligation to publish the grave was of M. Krasteva (Лазаров 2018: бел. 3).

Brief report about the excavation was published in 2002. In a grave of the tumulus No. 3 from a necropolis at the South outskirts of the peak Arkovna have been recovered a rich inventory, as follows – two extant amphorae, one of them with a stamp ANTIΦΙΛΟΥ, as well as a silver *phiale*, three bronze vessels in bad condition (jug with decoration on the shoulders with silver ivy leaf, patera with a ram's head handle and an application of a satyr's mask, and basin with two handles); there are also two swords, 87 bronze arrowheads in a wooden quiver with bronze applique; and four jugs, tree lamps, and two bowls (Кръстева, Лазаров 2002: 61).

During the preparation of the exhibition "The Silver of the Thracians" (held in the Kazanlak museum 2017) it appeared that the silver *phiale* mentioned above is in the funds of the National Archaeological Institute with Museum (cf. cat. No. 49, inv. No. 9120, pointed to be from a cremation grave in a tumulus near the village of Partizani (former Ganchevo))⁴. In fact it is to be defined as calyx-cup (fig. 2 -3-4) and on the grounds of the shape and decorative pattern it could be dated to the second half of the 3rd century BC (Stoyanov 2017: 13-14).

Having in mind this artifact, and the fact, that the amphora from the Fedoseev's publication and drawing of amphora from Ganchevo I had, differ considerably, as a consequence of the comments with prof. Monakhov in 2019, I have got in touch with the archaeologist of the museum in Dalgopol Ilian Iliev. He was kind to send me photographs of both amphorae from the grave at Ganchevo/Partzani (fig. 2 -1-2) along with basic data. The dimensions and inventory numbers are given here in Table I. It is evident that both vessels are very similar in shape and proportions, so, that without a stamp, is an issue of the same workshop. It is to be added that the toe of the stamped one is broken almost completely. The handles are joined ca. 4.7 cm below the rim.

Table I. Metric data of complete amphorae of Mesambria*

Provenance Place of storage	Dimensions, cm					Capacity, l	Stamp
	H	H ₁	H ₃	D	d		
Amphorae of serials with stamps of Antiphilos							
Conical type							
Olbia – reserve; necropolis, chamber tomb No 2/1991 r.	66.2	27.5	19.5	28.4	7	11.20	Type II
Kabyle – necropolis, grave No 1 in tumulus V; RHM Yambol, inv. No 3095	71.0	-	-	28.5	10.5	-	Type II
Pithoid type							
Arkovna – South necropolis, grave in tutmulus 3; HM Dalgopol, inv. No AA 0562/10	66			31	9.8 – 10.0	-	Type II
Arkovna – South necropolis, grave in tutmulus 3; HM Dalgopol, inv. No AA 0562/11	65			30	9.1-9.5	-	-
Sboryanovo – East necropolis, chamber tomb No 2/1930**	72			≈ 40	11.5	-	-
Amphorae with stamps of Herotimos (An-)							
Conical-biconical type							
Tomb in tumulus "Golyama Kosmatka"; HM "Iskra" – Kazanlak, inv. No II 1772***	73			34	10.8	16,5	Type I
Tomb in tumulus "Golyama Kosmatka"; HM "Iskra" – Kazanlak, inv. No II 1771	68			32	11.1	13,5	-

⁴ No other finds from this burial have been recorded in the inventory book of the Sofia museum.

* The symbols and their meaning are according to the pattern in Моnаxов 2003: 183.

** Supposed affiliation to the series.

*** I am grateful to colleague Meglena Parvin from the Kazanlak museum for the measurement of both amphorae.

The inventory numbers of the amphorae from Dalgopol were clue to resolve the next confusing fact. In his voluminous book on the “Greek imports in the Necropoleis in the Lower Danube 6th – beginning of the 3rd c. BC” E. Teleaga published information that a tumulus in the village of Arkovna, Varna district, Bulgaria, have been investigated by M. Krasteva and L. Lazarov in 1999 during systematic excavations⁵ (Teleaga 2008: 7, Fundkatalog: Grabungplätze mit Importen, No. 10. Arkovna). The author did not refer to the preliminary report of Krasteva and Lazarov from 2002, and declared the burial as not published. In the catalogue of “The rest imported pottery” he published with detailed description, dating and fine graphic illustrations three lamps and an unguentarium (Teleaga 2008: Kat. Nos. 796, 802, 806, 874, Taf. 3. 4, 5–7; inv. Nos. AA 0562/1-3, 7) (fig. 3 -1–4, here). In the text about the complex he gave an information for other pottery from the grave – three jugs and two bowls (Teleaga 2008: 7, Fundkatalog, No. 10. Arkovna, inv. Nos. AA 0562/4-6, 8-9). E. Teleaga reported also, that he had no an access to two amphorae of the *Parmeniskos-Gruppe*, at least one with stamp of Ἀντίφιλος, and other materials from the grave. The reference in the text to Abb. 2/2 in my article from 2003 (i.e. Stoyanov 2003: fig. 2b) added with the commentary in the note 1 about the extant amphora of Ἀντίφιλος from the necropolis of Kabyle is confusing.

What is important, however, in the publication of E. Teleaga, is the general date of the grave at Arkovna (= Partzani/Ganchevo) in 250–240 BC (Teleaga 2008: 7, Fundkatalog, No. 10. Arkovna), on the ground of the dating of the four published vessels, as follows, the lamp cat. No. 796 – ca. 260 BC, the lamp cat. No. 802 – ca. 250 BC, the lamp cat. No. 806 – ca. 240 BC, and the unguentarium cat. No. 874 – ca. 275–225 BC. Maybe the date of the burial is too close on the transition of the middle of the century. But taken together with other proposals for the dating of the amphorae with the stamps of Ἀντίφιλος, a date in the second quarter is confirmed, and possibly, in the its later part (for example those of L. Getov – “...to the end of the second quarter of the 3rd c. BC”, Гетов 1994: 249; “...the stamps of the group Ἀντίφιλος are to be posed in the second quarter of the 3rd c. BC”, Гетов 1995: 93; “... the objects found in the tomb, including the amphora, should be dated in the second quarter of the 3rd c. BC”, Getov 2000: 153).

The next consequence on the matter is that there are in fact two different shapes (types) among the amphorae with *Antiphilos'* stamps. The second one differs considerably with its bulging, pithoid body and the handles posed too low under the mouth. To the amphorae from Arkovna, and parallels of unstamped examples pointed by S. Monakhov and N. Fedoseev, could be added a piece of the upper part of an amphora from Odessos with a stamp of Ἀντίφιλος of type II in the Varna museum (fig. 4 -1), published long time ago by M. Mirchev (the stamp only – Мирчев 1958: 57, кат. № 273, инв. № II 1846, табл. XXXV. 3). There is a possibility to be identified with this group, cautiously enough, an amphora from the excavated by G. Feher already in 1930 chamber tomb in the tumulus no 2 of the necropolis near the village of Mumdjilar (now at the southern tumular group of the Eastern necropolis of the Getic city at Sboryanovo (Фехер 1934: 111, 114, обр. 95) (fig. 4 -2; cf. tabl. I). Then, the burial have been dated in 5th c. BC. The modern analysis of the dating artifacts leads to a date of 60s or 50s of the 3rd c. BC (Маджаров 2011: 58–59). Unfortunately, G. Feher did not presented information about the fabric of the vessel. There is no information about any stamp as well, but the height and silhouette gives similarity enough.

It is to be outlined also, that the stamps in both amphorae types belong only to type II by the definition of L. Getov (Гетов 1995: 92–93). This gives grounds to be supposed production in two or more workshops. Having in mind that according to the laboratory analyses of clays from the areas nearby of Mesambria and in the hinterland as well, there probably have been workshops at least at two clay beds

⁵ “Der Tumulus im Dorf Arkovna, R. Varna, Bulgarien, wurde bei systematischen Ausgrabungen untersucht, die von M. Krăsteva und L. Lazarov 1999 durchgeführt wurden”.

presented in the two main clusters and in several sub-clusters. The stamps of Ἀντίφιλος are well indicated in most of them, as do the stamps of Ματροόβιος (for details see Kovachev et al. 2011).

It is quite possible that part of the known by now stamps of Ἀντίφιλος of type II to belong to the amphorae of the pithoid type. And it is interesting also, if the stamps of type I, known in lower number, are connected to one of distinguished as far types of amphorae or to another type or any kind of variation.

Since we have by now a third type of amphorae produced in Mesambria – those of series with stamps of Ἡροτίμος Αv(-) (and examples of the same shape but without stamps) (fig. 4 -3–4: Stoyanov 2011: 196, fig. 7 -1–2), and upper parts of amphorae (mouth, throat, handles) of Ματροόβιος (fig. 4 -5–6 here: Stoyanov 2011: 194, fig. 3; 2016: 366, fig. 4) which differ from the known three shapes, it will be probably not surprising if there are excavated somewhere, but not published, new shapes of Mesambrian amphorae, or, there will be found some day.

REFERENCES

- Гетов 1994 – Гетов Л. 1994. Амфорни печати от група "Парменискос" от Тракия. *Поселищен живот в Древна Тракия. III международен симпозиум "Кабиле"*. Ямбол: из-во „Я“, 247–251.
- Гетов 1995 – Гетов Л. 1995. *Амфори и амфорни печати от Кабиле (IV–II в. пр. н.е.)*. София: Университетско изд-во „Св. Климент Охридски“. – 204 р.
- Кръстева, Лазаров 2002 – Кръстева М., Лазаров Л. 2002. Надгробни могили и сондажи на крепостта в землището на с. Партизани, Дългополска община. *Археологически открития и разкопки през 2001 г.* София, 61–62.
- Лазаров 2018 – Лазаров Л. 2018. Проучвания в местността Маточника, археологически комплекс „Арковна“. *Известия на Народния музей – Варна (XLV–XLVI (LX–LXI)) 2009–2010*, (2018), 44–58.
- Маджаров 2011 – Маджаров К. 2011. За хронологията на някои могили от елинистическите некрополи в ИАР Сборяново. *Есенни четения Сборяново (7)*. Варна: Славена, 47–81.
- Мирчев 1958 – Мирчев М. 1958. *Амфорните печати от музея във Варна / Епиграфска поредица (4)*. София: Издание на Българската Академия на Науките. – 126 с.
- Монахов 2007 – Монахов С.Ю. 2007. «Псевдогераклеийские» амфоры IV – первой трети III в. до н.э. из Южного Причерноморья. *Из истории античного общества (9–10)*, 86–96.
- Монахов 2019 – Монахов С.Ю. 2019. Амфорная коллекция ГМИИ им. Пушкина: обзор самого интересного (тара западно-понтийских центров). *Античные Реликвии Херсонеса: Открития, Находки, Теории / Д.А. Костромичев (ред.) Севастополь*, 191–198.
- Папанова 1993 – Папанова В.А. 1993. *Некрополь Ольвии*. Бердянск. – 93 с.
- Папанова 2002 – Папанова В.А. 2002. Амфора с клеймом ΑΝΤΙΦΙΛΟΥ из некрополя Ольвии. Северное Причерноморье в античное время / П.П. Толочко (ред.). Киев, 76–77.
- Федосеев 2010 – Федосеев Н.Ф. 2010. Керамический комплекс помещения 52 дома 13 греческого эмпория на Елизаветовском городище. *ДБ (14)*, 562–582.
- Фехер 1934 – Фехер Г. 1934. Могилни находки от Мумджиляр. *Известия на Българския Археологически Институт (VIII)*, 106–115.
- Getov 2000 – Getov L. 2000. On the Chronology of Amphora Stamps of Ἀντίφιλος. *Thracia (13)*, 149–153.
- Kovachev et al. 2011 – Kovachev V., Stoyanov T., Stanimirova T., Stoyanova D., Lozanov I., Mladenov V. 2011. Archaeometric Study of Hellenistic Roof Tiles and Amphorae from Apollonia and Mesambria: An Attempt at Identifying Local Production. *Second Round Table Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. PATABS (II) / Ch. Tzochew, T. Stoyanov, A. Bozhkova (eds.)*. Sofia, 203–244.
- Kuleff et al. 2007 – Kuleff I., Stoyanov T., Pernicka E. 2007. On the Origin of Stamped Amphorae from Thrace (Bulgaria). *Oxford Journal of Archaeology (26/1)*, 53–78.
- Monachov 2010 – Monachov S.Ju. 2010. New series of amphorae from southern Pontic poleis, 4th – first third of the 3rd centuries B.C. *PATABS (I)*. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab-Tezgör, N. Inaishvili (eds.) / *Varia Anatolica (XXI)*. Istanbul: Institut Français d’Etudes Anatoliennes-Georges Dumézil, 23–27.
- Stoyanov 2003 – Stoyanov T. 2003. The ‘Parmeniskos’ Amphora Group – New Data and Reflections on the Production Centres and Chronology. *Archaeologia Bulgarica (1)*, 35–43.

- Stoyanov 2011 – Stoyanov T. 2011. New evidence of amphorae production in Early Hellenistic Mesambria Pontica. *Second Round Table Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. PATABS (II)* / Ch. Tzochiev, T. Stoyanov, A. Bozhkova (eds.). Sofia, 191–201.
- Stoyanov 2016 – Stoyanov T. 2016. More on the Amphora Production in Early Hellenistic Mesambria Pontica. *Monuments and texts in Antiquity and beyond. Essays for the Centenary of G. Mihaylov* (= *Studia Classica Serdicensia V*), Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 362–370.
- Stoyanov 2017 – Stoyanov T. 2017. Silver in the drinking sets in Thrace. *The Silver of the Thracians. Catalogue of an exhibition, Museum of History "Iskra", Kazanlak. (25.08. – 18.12.2017)*, 8–15.
- Stoyanov 2019 – Stoyanov T. 2019. The Parmeniskos Group: New issues from Thrace. Amphorae production in Early Hellenistic Mesambria Pontica. *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs* / N. Badoud, A. Marangou (éd.) / *Presses universitaires de Rennes* (2), 115–122.
- Teleaga 2008 – Teleaga E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau; 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf. – 539 p., ill.

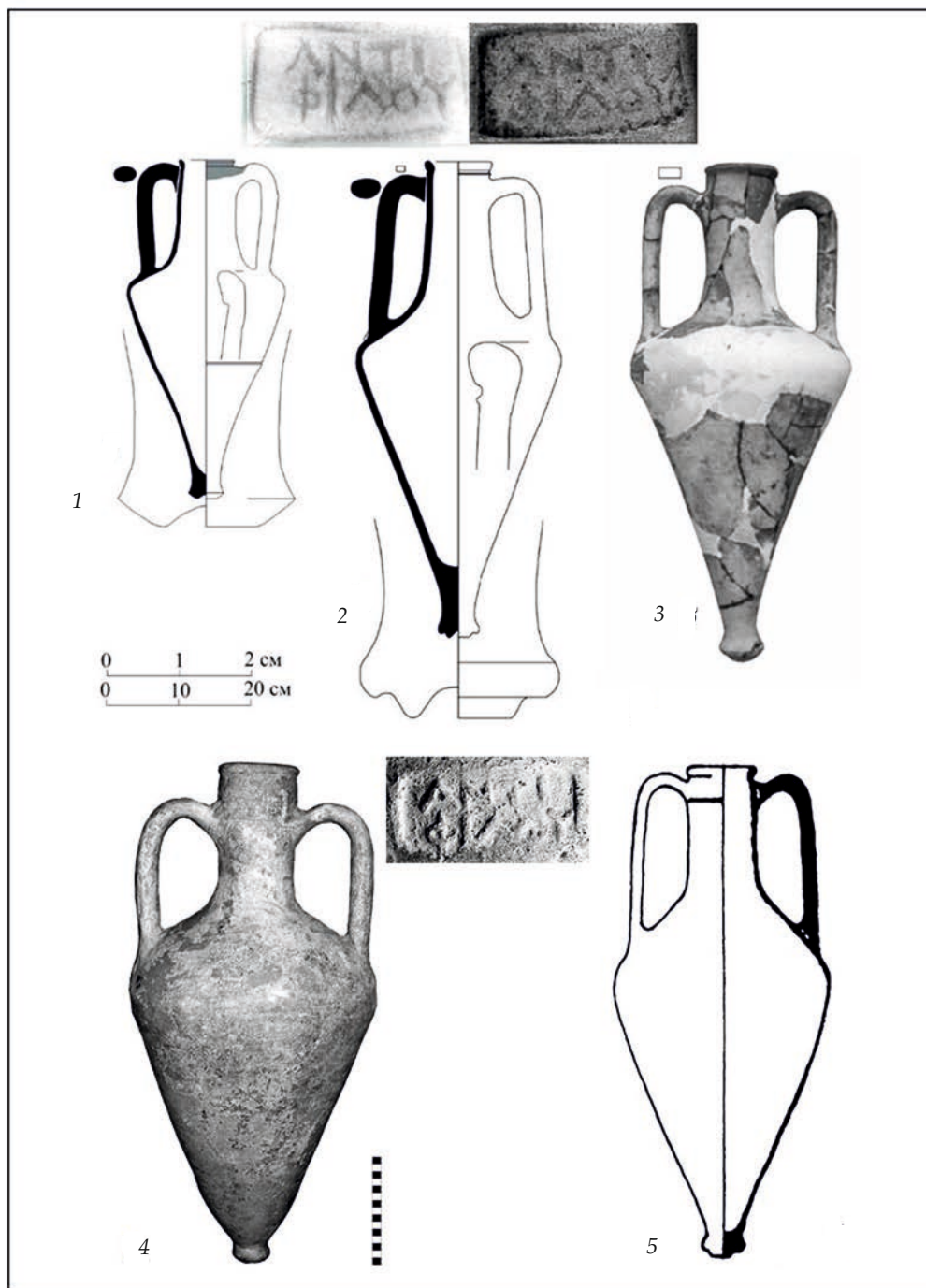

Fig. 1. Amphorae: 1 – from the Pushkin State Museum of Fine Arts; 2 – from Olbia; 3 – from Kabyle, after Монахов 2019: рис. 1; 4 – amphora from Dalgopol museum, after Федосеев 2010: рис. 5; 5 – amphora from tumulus by Ganchevo, after Stoyanov 2003: fig. 2c

Fig. 2. 1–2 – amphorae from museum Dalgopol, inv. Nos AA 0562/10 and 11, photo I. Iliev;
3–4 – silver calyx cup, National Archaeological Institut with Museum, inv, No 9120,
after “The Silver of the Thracians” Catalogue of exhibition, 2017, cat. No 49

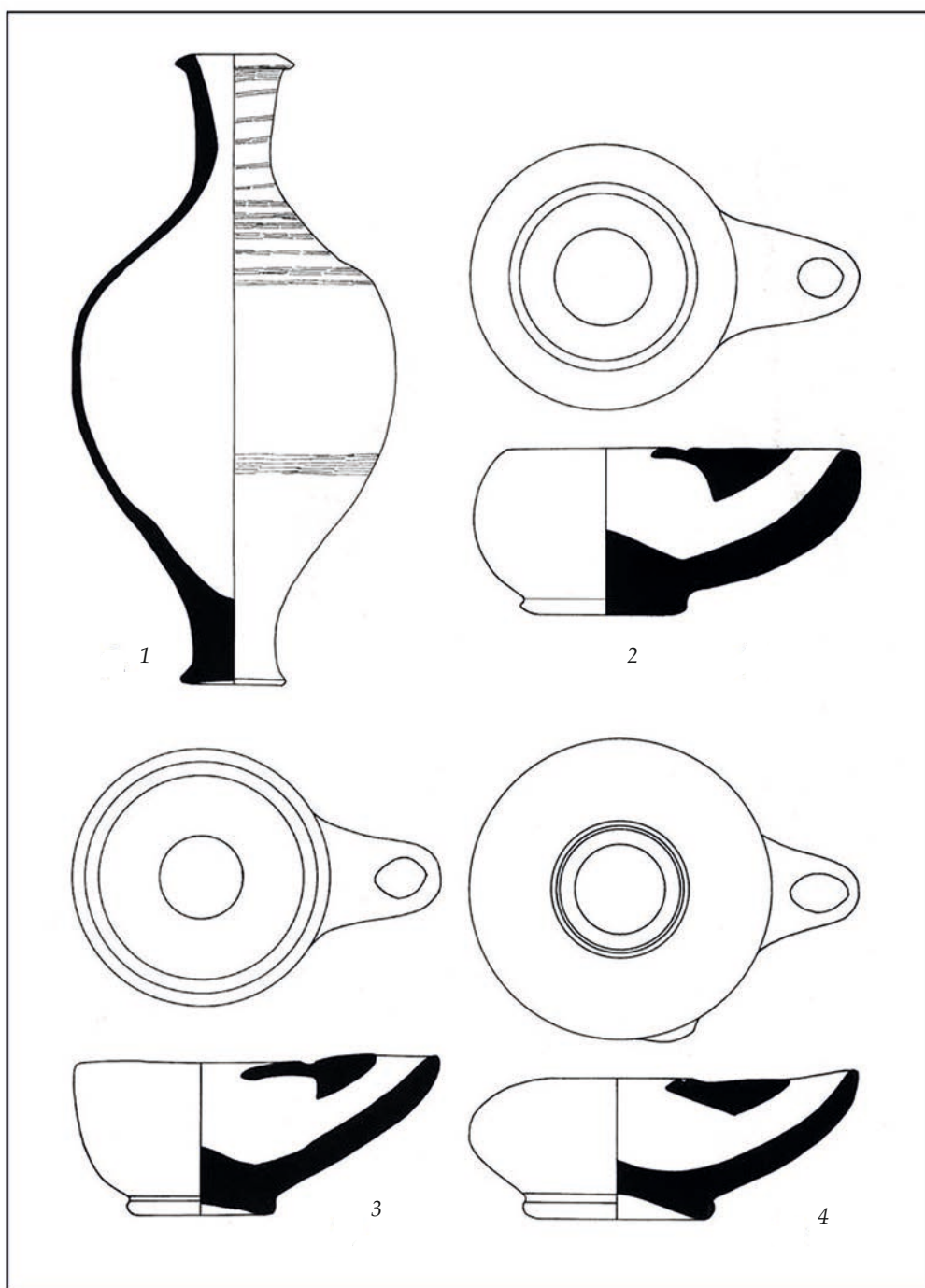

Fig. 3. Artefacts from burial near Arkovna:
1 – unguentarium, 2–4 – lamps after Teleaga 2008: Taf. 3, 4 -5–7

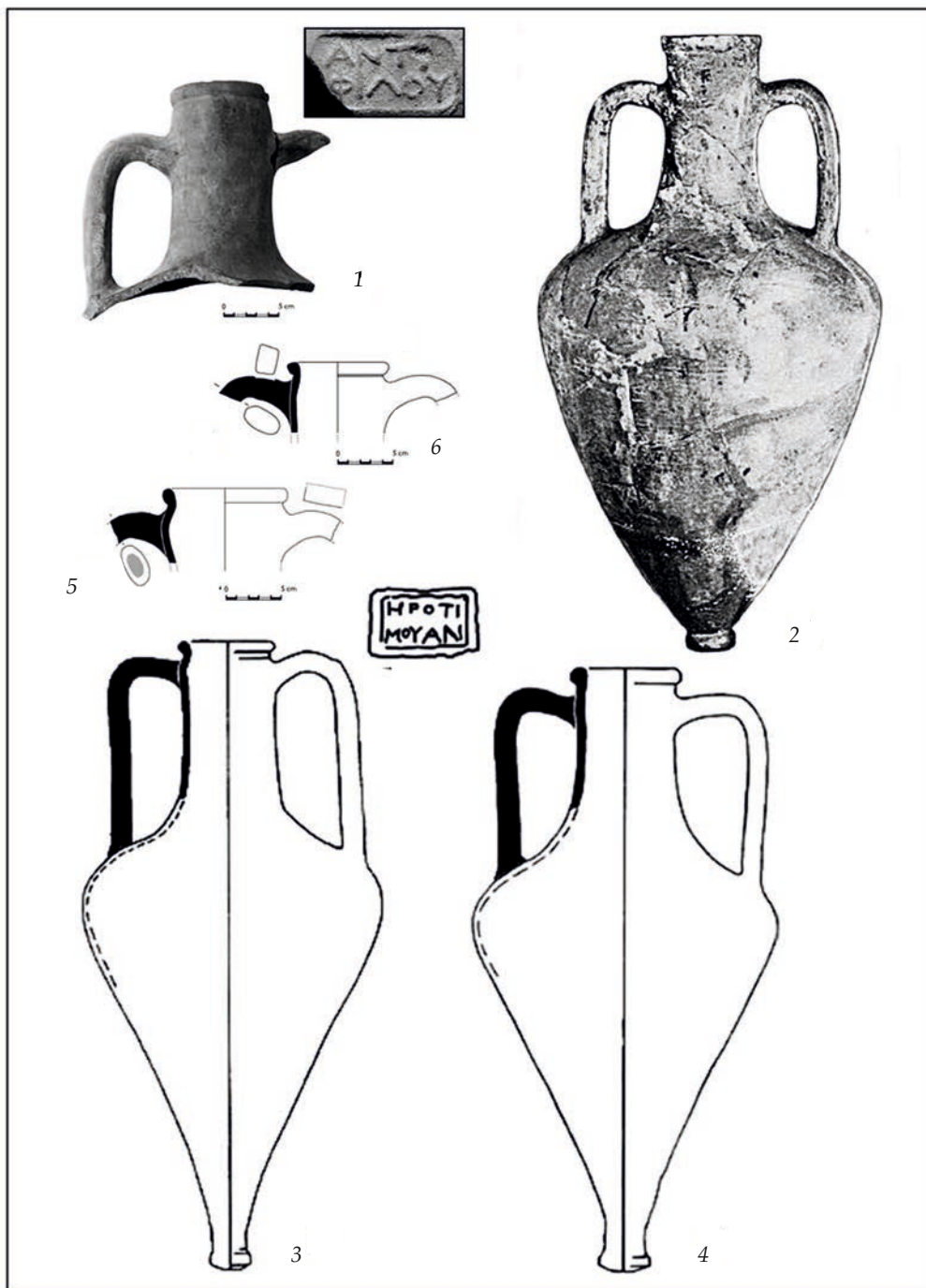

Fig. 4. 1 – part of amphora with stamp of Antiphilos, from Odesos, RHM Varna, inv. No II 1846, photo RHM Varna; 2 – amphora from tumulus no 2 at Mumjilar (modern Sveshtari), after Фехер 1934: обр. 95; 3–4 – amphorae from the tomb in the tumulus “Golyama Kosmatka”, after Stoyanov 2011: fig. 7 -1–2; 5 – part of amphora with stamp of Matrobios from peak Arkovna, after Stoyanov 2011: fig. 3; 6 – part of amphora with stamp of Matrobios from Kabyle, after Stoyanov 2016: fig. 4

СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ЧЁРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрено современное состояние проблемы изучения сероглиняной керамики с чёрным покрытием (СКЧП) из раскопок Херсонеса Таврического и его хоры. Это Калос Лимен, Маслины, Беяус, Керкинитида и др. в Северо-Западном Крыму, а также многие пункты на Гераклеийском п-ве. Больше всего СКЧП найдено на территории херсонесского городища (Портовый, Северный, Северо-Восточный районы, театр). Сделаны выводы, что эта, довольно многочисленная керамика, только лишь морфологически напоминает чернолаковую посуду. Выделены основные типы (формы) сосудов (до полутора десятков), отдельно представлена типология кувшинов. Хронологические рамки СКЧП (по закрытым комплексам и ранним слоям) находятся в пределах второй половины-конца V – первой половины/третьей четверти IV вв. до н. э. Относительно поздние датировки в литературе сделаны по сопутствующему материалу (контексту в слоях разрушения). При видимом разнообразии керамических находок из Херсонеса, они несколько отличаются от более ранних на Березани и Боспоре и типологически других в Ольвии. Следы производства СКЧП в Херсонесе не обнаружены. Она является импортной продукцией, о месте происхождения которой можно говорить только предположительно. В небольшом числе присутствуют находки серого цвета с другим керамическим тестом и лошением. Определены основные задачи изучения СКЧП из Херсонеса. Они следующие: выделение и анализ археологических комплексов с сероглиняной керамикой, уточнение их хронологии; составление каталога находок; уточнение, необходимая корректировка или даже пересмотр типологии этой группы археологических материалов; поиски аналогов на других античных памятниках.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, сероглиняная керамика с чёрным покрытием (СКЧП), хронология.

S.V. Ushakov¹

GRAY-CLAY CERAMICS WITH BLACK COATING FROM CHERSONESOS: THE MAIN PROBLEMS OF STUDYING

Abstract: in this article are examined the present-day state of the point of study of gray-clay ceramics with black coating (GCBC) from excavation in the Tauric Chersonesos and its chora. These are Kalos-Limen, Masliny, Belyaus, Kerkintida (and other) in the North-Western Crimea, both many centres in the Heracleian Peninsula. Mostly, GCBC was found in the different districts of the Chersonesos (Harbour, North, North-Eastern, teather etc.). This quite numerous ceramics are maid conclusion to remind of black-lacquered pottery morphologically only. The main types (forms) of the vessels (up to dozen and a half) are marked out; typology of pitchers is presented separately. On the ground of closed assemblages and early layers, chronological framework of GCBC is from the last half or the end of the Vth century BC to the first half or the third forth of the IV century BC. In the literature relatively late datings are maid on the ground of the attendant material (the context of the layer of deconstruction). Ceramic finds from the Chersonesos are apparently various, but they, on the whole, somewhat different from the more early from the Berezan' and Bospor and typologically different ones from the Olvia. There are no traces of production of GCBC found in the Chersonesos. GCBC is imported production, place of origin of which may be determines presumedly only. There are in a small number finds of gray color with other fabric and polishing. There defined the following main objectives of studying GCBC from the Chersonesos: firstly, marking out and analysis of the archeological assemblages with gray-clay ceramics, and correction of their chronology; compilation of a catalog of finds; clarification, necessary correction or even revision of the typology of this group of archaeological materials; the search for analogues on other ancient resources.

Keywords: Tauric Chersonesos, gray clay ceramics with black coating (GCBC), chronology.

Введение. В изучении античных центров Причерноморья наряду со строительными (архитектурными) остатками самое значительное место занимает керамический комплекс. При

¹ Ушаков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии, Институт археологии Крыма РАН. 295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект акад. Вернадского, 2; доцент кафедры истории и международных отношений, Филиал МГУ в г. Севастополе, 299001, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7.

этом основное внимание исследователей сосредоточено, прежде всего, на амфорной таре², расписной, чернолаковой и краснолаковой керамике, составляющих его основную часть. Вместе с тем имеется группа материалов, которая, особенно при полевых исследованиях, не всегда выделяется и специально не анализируется. Это сероглиняная керамика, морфологически на первый взгляд почти неотличимая от чернолаковой посуды, на поверхности которой имеется матовое покрытие, напоминающее чёрный «лак». В то же время сероглиняная керамика – заметное явление в античном Причерноморье. Её традиционно выделяли в Ольвии (Крапивина 2007; Буйских 2011) и на Боспоре (Буйских 2006; 2007), ей была посвящена международная конференция в Бухаресте (Pontic Grey Wares 2009). Актуальность её изучения отмечали многие авторы, основательнее всего – С.Б. Буйских. В целом можно говорить о недостаточной изученности сероглиняной причерноморской керамики в античной археологической историографии. При этом одним из важнейших является вопрос её происхождения (см., со ссылками на многих авторов: Буйских 2011: 96–98)³. Херсонесские находки также позволяют выделить её в отдельную категорию (что практически всегда мы делали при обработке полевых материалов в своей экспедиции). Исследованные археологические комплексы городища, некрополя и хоры, а также накопленная историография дают возможность также описать их основные типы и определить хронологию. Несколько работ этой категории находок посвятил автор настоящей статьи (совместно с Е.В. Струковой). В то же время возникла необходимость обобщить накопленные материалы и обозначить проблемы их исследований.

Дефиниции. В научной литературе (а первично и в полевых описях археологических находок) нет общепринятого («стандартного») названия для этой группы керамики. Чаще всего её именуют сероглиняной керамикой с различными вариациями. В качестве примера можно привести материалы сборника научных трудов, выпущенного по итогам конференции, посвящённой изучению этой керамики в Причерноморье, где она называется: 1) Grey Wares; 2) Grey Clay Ceramics; 3) Grey Table Ware; 4) Grey Pottery; 5) Grey Wheel-Made Ware (Pontic Grey Wares 2009: 53, 67, 77, 93, 149). В самом Херсонесе подобную керамику стали определять с момента первых находок как «*формы местной серой посуды*», которые «*покрыты плохим чёрным лаком...*» (Белов 1938: 19). То есть стали считать, что это не что иное, как сероглиняная (чернолаковая) керамика «плохого качества» (в отличие от типичной чернолаковой и расписной краснофигурной). По предположению Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого она изготовлялась херсонесскими керамистами в местных мастерских (Белов, Стржелецкий 1953: рис. 2; Белов 1981: 179). Часто эту сероглиняную керамику при полевых исследованиях, как уже отмечалось, до сих пор не отделяют от массы чернолаковой, описывая как её вариант (напр.: Николаенко 2018: 331, № 10). Однако, если мы будем учитывать особенности описываемой керамики (характерное высокое качество тесто серого цвета⁴, матовое покрытие темно-серого, почти черного цвета), то стоит признать, что

² Самый яркий пример – замечательные работы юбиляра (в том числе и с соавторами).

³ С.Б. Буйских в своё время отмечал, что в настоящий момент в науке существуют следующие основные точки зрения относительно принадлежности сероглиняной керамики: 1) вся серая северопонтийская керамика – преимущественно местного производства и имела своеобразные черты в каждом конкретном античном центре; 2) далеко не всю простую серую столовую керамику можно относить к «местной», т.к. «она служила и предметом «международной» торговли»; 3) местную сероглиняную керамику дополняла аналогичная импортная продукция; 4) сероглиняная керамика Северного Причерноморья – это полностью импортная посуда из одного или нескольких центров метрополии; 5) первоначально серая керамика импортировалась из метрополии, затем было налажено её местное производство (подробнее см.: Буйских 2011: 98).

⁴ Можно предположить, что все отличия заключаются всего лишь в некачественном покрытии или некой особенности технологии – обжиге в восстановительной (бескислородной) среде. В результате окись железа переходит в закись, которая способна образовать шпинель $FeOFe_2O_3$, окрашивающую черепок в

наиболее адекватным определением (пусть несколько и тяжеловесным) является название, употребляемое М.И. Золотарёвым при исследовании херсонесских комплексов (вслед за другими авторами), как *сероглиняная керамика с чёрным покрытием* (СКЧП). Это разнообразные сосуды открытого и закрытого типов с плотным черепком практически чисто серого цвета с минимумом примесей, с тонким слоем темного, почти чёрного покрытия (именно покрытия, а отнюдь не «лака»). Это изделия тонкостенные, высокого качества и «стандарта».

Из истории изучения СКЧП из Херсонеса. Таким образом, первоначально (а потом и традиционно) эту керамику стали считать местным (и не очень качественным) вариантом чернолаковой посуды, изготовленным в херсонесских мастерских в подражание аттическим образцам. Так, публикуя материалы раскопок так называемого эллинистического дома, Г.Д. Белов в подписях к иллюстрациям указывал – «...из местной серой глины» (Белов 1962: рис. 25 -г, д, е, з, м; рис. 26 -г, д, е, з, и, к).

Эту историографическую линию продолжила Т.В. Егорова, которая в своей монографии о чернолаковой керамике Северо-Западного Крыма сероглиняным образцам посвятила специальный раздел, считая её керамикой херсонесского производства (Егорова 2009: 64–70). В кратком обзоре литературы она опиралась на упоминание находок сероглиняной керамики в Херсонесе В.К. Мальмбергом (1892: 24–31), а также на работы Г.Д. Белова (1981: 173–179, рис. 7, 9, 10) и В.В. Борисовой (Борисова 1958), правда, в последнем случае, без точного указания на конкретные находки (Егорова 2009: 66). В итоге, Т.В. Егорова выделила среди предположительно местной продукции два типа рыбных блюд, канфары, миски, рожки-поильники, а также солонки без поддона (Егорова 2009: 66–69, рис. 49–52). Высказалась она и по поводу сероглиняной керамики в Ольвии, хорошо известной исследователям; та, по её мнению, также имеет херсонесское происхождение (Егорова 2009: 70).

С последним категорически не согласны исследователи Ольвии, считая её безусловно местной. При этом А.В. Буйских, а также и другие «ольвиополиты» считают возможным говорить именно об ольвийском происхождении хотя бы части сероглиняной керамики из Херсонеса, называя её, как и другие подобные находки в Ольвии, «серолощёной» (Буйских 2008: 31, прим. 11).

М.И. Золотарёв, много лет работавший в Херсонесе, напротив, относил её исключительно к импортной продукции, что нашло своё отражение прежде всего в полевых отчётах об исследованиях в Северо-Восточном районе городища⁵. Сотрудник нашей экспедиции Д.Ю. Коробков посвятил СКЧП свою дипломную работу, намереваясь продолжить её изучение далее, чего, к сожалению, не случилось.

Точка зрения Мирона Ильича нашла поддержку у автора настоящей статьи и Е.В. Струковой, которые опубликовали ряд находок из раскопок ХСVII квартала Херсонеса (Ушаков, Струкова 2009) (рис. 1). Их археологический контекст позволил говорить о хронологических рамках бытования этой керамики как о второй половине/конце V – середине/третьей четверти IV в. до н.э. Тогда были выделены пять основных типов СКЧП (Ушаков, Струкова 2009: рис. 3, 8, 9, 10 –3–6, 11). Это сосуды (А) открытого типа: 1) небольшие тонкостенные чаши с валикообразной за-

тёмные (до чёрного) тона, в зависимости от температуры обжига, применяемого восстановителя и качества лощения посуды. Восстановителем, как правило, служит окись углерода (СО), которая выделяется при сгорании органических веществ – угля, дерева и др. (<http://www.cultfine.ru/>) (см.: Буйских 2007: 29–30 со ссылкой на: Кульская 1940: 175, 179, 183).

⁵ Рассуждения Мирона Ильича на эту тему стоит повторить ещё раз: «Существующее мнение о том, что сероглиняная керамика является продукцией местных мастеров, на наш взгляд, не выносит критики. Если бы это было так, то тогда во всех Северо-причерноморских центрах следовало бы иметь совершенно одинаковые глинища и абсолютно одинаковую технику работ гончаров. Гораздо более обоснованно отнести сероглиняную керамику к одному из неизвестных нам античных центров, скорее всего, Причерноморских. Однако, это вопрос специального исследования» (Золотарёв 1988: 12).

краиной, округлыми стенками и кольцевым поддоном (рис. 1 -4); 2) миски с загнутым краем (рис. 1 -2, 3); 3) тарелки с косыми стенками (рис. 1 -5, 6); 4) рыбные блюда (рис. 1 -7). Сосуды (Б) закрытого типа представлены: 5) кувшинами с «гофрированным» или гладким горлом, округлым или вытянутым туловом с уплощёнными петлевыми или «двуствольными» ручками (Ушаков, Струкова 2009: рис. 11) (рис. 1 -10–12). Тогда же были определены (вслед за Д.Ю. Коробковым) и основные задачи исследования СКЧП из Херсонеса. В качестве таковых необходимо: 1) выделить и описать целые формы сероглиняной посуды; 2) изучить детали её морфологии (характер закраин, ручек, днищ); 3) проследить хронологическую эволюцию основных типов и вариантов этой керамики; 4) провести статистический анализ находок; 5) сопоставить херсонесские образцы с находками из других причерноморских и средиземноморских центров; 6) провести анализ глины сосудов с применением естественнонаучных методов (Ушаков, Струкова 2009: 136).

СКЧП из Херсонеса и его хоры тогда же был посвящён доклад на конференции в Бухаресте, где были представлены основные находки (Handberg et al. 2009), в том числе и из разных пунктов всего Западного Крыма. Перечислим их. Во-первых, это Южно-Донузлавское поселение (яма № 27) (раскопки О.Д. Дашевской в 1966 году), откуда происходят два необычных кувшина с фильтром (Handberg et al. 2009: 172; Ушаков, Ушакова 2012: рис. 2, -d, e). Во-вторых, это *Беляус*, где найдено несколько экземпляров сероглиняной керамики (Hannestad et al. 2002: 129–130; Handberg et al. 2009: 173; Ушаков, Ушакова 2012: рис. 2 -f, g). В-третьих, некоторое число СКЧП происходит из *Керкинитиды* (раскопки В.А. Кутайсова), как городища, так и некрополя (Ушаков, Ушакова 2012: рис. 2, 1, b, c, f-h). Сероглиняные сосуды (правильнее, СКЧП) были найдены, в-четвёртых, на поселении «*Маслины*» (раскопки В.А. Латышевой) следующих четырех групп: 1) рыбные блюда; 2) миски; 3) кувшины; 4) канфар. Хронологические рамки всех этих находок по контексту были определены впоследствии В.В. Котенко (Котенко 2011: 76) как вторая половина IV – середина II вв. до н.э.; происхождение их, по мнению автора, – из Ольвии (Котенко 2011: 75). В публикации эти сосуды названы «серолощёнными», вероятно, по аналогии с ольвийскими, однако лощения как такового на них нет.

В Северо-Западном Крыму экземпляры СКЧП происходят также из строительных комплексов U6 и U7 на поселении *Панское I* (Handberg et al. 2009: 171, рис. 1 -Aa-c, Bb, B). Они представлены фрагментами рыбных блюд, канфаров, мисок с отогнутым краем, кувшина с желобчатым горлом, лекифа и рожка-поильника (Hannestad et al. 2002: 131, B 220–242, pl. 68, 69, 75). В качестве верхнего хронологического репера для их датировки было предложено считать время гибели усадьбы U6 – 270 г. до н.э. В закрытых комплексах (погребениях) некрополя *Панского* обнаружены кувшины (5 из 11 – №№ 134–137) (Монахов, Рогов 1990: 123, табл. 3, 7, 11), флаконы или лекифы (№ 140) и гуттусы (Монахов, Рогов 1990: № 145, № 146; табл. 8, 10) с плотным черепком практически чисто серого цвета с минимумом примесей, с тонким слоем тёмного, почти чёрного покрытия. Это изделия тонкостенные, высокого качества и «стандарта» первой половины IV в. до н.э. (Монахов, Рогов 1990: 125, табл. 3, 7, 8) (табл. 1).

Подобная сероглиняная керамика есть и в *Калос Лимене*, где некоторые экземпляры, как отмечал С.Б. Уженцев, были обнаружены в слое пожара 70–60 гг. III в. до н.э. (Уженцев 2006: рис. 73).

СКЧП из *ближней хоры Херсонеса* (Гераклейский п-в) также достаточно представительна. В настоящее время специальному изучению были подвергнуты материалы с сероглиняной керамикой из таких комплексов, как поселение на западном берегу Казачьей бухты, укрепленное поселение на перешейке Маячного полуострова и хозяйственный комплекс на западном берегу Стрелецкой бухты (раскопки Г.М. Николаенко и С.Г. Демьянчука), представленные в докладе К.С. Ушаковой на конференции в Судак в 2012 г. (доклад не опубликован). Там присутствовали две основные категории сосудов – открытого и закрытого типов. Первая из них более многочис-

ленна и разнообразна и включает: рыбные блюда, миски с отогнутым краем, миски с загнутым внутрь краем, солонки на плоской кольцевой подставке и одноручные чаши. К закрытым сосудам относятся кувшины и рожки-поильники (гуттусы). В целом можно видеть, что находки с херсонесской хоры повторяют ассортимент керамики городища. Это касается и укрепленного поселения, где практически все фрагменты СКЧП (почти без исключения) происходят из раскопок 4 куртины и примыкающего к ней 4 башенного выступа восточной оборонительной стены. Датировка 4 куртины – первая половина IV – начало III в. до н.э., в середине IV в. до н.э. к ней пристраивается башенный выступ, который функционирует до конца II в. до н.э. (Демьянчук, Нессель 2011: 67–69). СКЧП представлена двумя основными категориями сосудов (рис. 2) – открытого и закрытого типов (Ushakov, Strukova 2016: fig. 6). Первая категория более многочисленна и разнообразна и включает: рыбные блюда, миски с отогнутым краем, миски с загнутым внутрь краем, солонки на плоской кольцевой подставке и одноручные чаши. К закрытым сосудам относятся кувшины и рожки-поильники (гуттусы). В целом, аналогии и сопутствующий материал позволили отнести сам этот комплекс с сероглиняной керамикой к периоду от первой половины IV до первой половины III в. до н.э. Так, присутствующие фрагменты амфор Хиоса, Гераклеи, Менды, Фасоса и его круга суммарно датируются концом V – первой половиной – третьей четвертью IV в. до н.э., Херсонеса, Синопы и Книда – третьей четвертью – концом IV–III вв. до н.э. Фрагменты чернолаковой керамики (скифоса, киликов, тарелок со штампованным орнаментом, мисок с загнутым краем, а также небольшого расписного краснофигурного лекифа) относятся к концу V – первой половине IV в. до н.э. Этим же временем, скорее всего, можно датировать и находки сосудов «ионийского типа» (закраины чаш-киликов с горизонтальными ручками и ручки кувшинов (подр.: Ушаков, Ушакова 2012)).

СКЧП присутствует во всех районах *херсонесского городища*, в том числе и в районе *театра*, о чём можно говорить по материалам раскопок под руководством О.И. Домбровского (Ушаков, Струкова 2014: рис. 1). Во-первых, это рыбные блюда на кольцевом поддоне; во-вторых, это миски на кольцевом поддоне с округлыми стенками и валикообразной закраиной; в-третьих, миски с горизонтально расположенными петлевидными ручками; в-четвертых, кувшины с псевдодвуствольными ручками и разнообразно оформленными закраинами (Ушаков, Струкова 2014: рис. 2–4). Там же присутствовали закраины нескольких закрытых сосудов, а также фрагменты аска и светильников. Похожий экземпляр светильника найден в Северо-восточном районе Херсонеса, он относится к позднеархаическому–раннеклассическому времени (Журавлев и др. 2005: 129, № 1). В целом, хронологические рамки СКЧП по чернолаковой керамике из комплекса определяются как вторая – третья четверти IV в. до н.э. (Ушаков, Струкова 2014: 283).

Наибольший интерес представляют археологические комплексы из *Северо-восточного района Херсонеса* (раскопки М.И. Золотарева, некоторые с участием С.В. Ушакова), которые содержали сероглиняную керамику, как наиболее представительные и хорошо документированные. Всего таких комплексов не менее 13 (Ушаков, Струкова: 2013). В результате краткого их анализа подтвердилась хронология находок, при этом самые ранние ее образцы были обнаружены в комплексе так называемой «архаической ямы» (III квартал) с уточнённой датировкой (по амфорному материалу): вторая четверть – середина V в. до н.э. (Монахов и др. 2017: 24–25, рис. 1). Кроме того, была расширена типология всей этой керамики. Она оказалась представленной сосудами одиннадцати типов, характерных для всей этой группы керамики.

Таким образом, по итогам предварительного изучения были выделены следующие **основные типы (формы) СКЧП из Херсонеса (по материалам Северо-восточного района, с дополнением)**: 1) кувшины с «гофрированным» или гладким горлом, округлым или вытянутым туловом с уплощёнными петлевидными и «двуствольными» ручками (рис. 3Б -1–6); 2) гуттусы (рис. 3Б -7); 3) небольшие чаши с утолщённой валикообразной закраиной, округлыми

стенками и днищем на кольцевом поддоне; 4) миски с отогнутым наружу-вверх краем; 5) солонки; 6) миски разных размеров с загнутым краем; 7) тарелки с валикообразными закраинами; 8) блюда с отогнутым краем; 9) рыбные блюда; 10) чаши с петлевидными горизонтально расположенными ручками; 11) килики с высокими бортиками (рис. 4). К этому перечню нужно добавить ещё светильники (Ушаков, Струкова, 2013) (рис. 3Б -8, 4 -32).

Недавние раскопки С.Г. Рыжова в *Северном районе* городища подтверждают эту типологию (ср.: Андреева, Рыжов 2021: 18–19, рис. 47–49; 59 -2, 4, 5, 10) (всего 598 фрагментов, в подвале квартала IX–А) (рис. 5). Как можно видеть, там присутствует тот же набор СКЧП (авторы именуют находки *столовой сероглиняной керамикой с чёрным лакообразным покрытием*, считая её импортом), в том числе и светильники (рис. 5 -19, 20). Оригинальным выглядит объёмистый гуттус с петлевидной ручкой, расположенной сбоку тулова (рис. 5 -14). Добавить к перечню типологии находок надо кубок с двумя вертикально расположенными ручками (рис. 5 -11), напоминающий хиосские канфары-кубки (см.: Белов, Стржелецкий 1953: 34, рис. 2а; Лесная 2021: рис. 3).

Типология кувшинов. Разные группы СКЧП изучены с разной степенью детализации. Так, рассмотрение «херсонесских» сероглиняных кувшинов из раскопок М.И. Золотарёва с использованием неопубликованных материалов С.Г. Рыжова⁶ (охарактеризованных в докладе на археологическом съезде в Барнауле-Белокурихе в 2017 г.: Струкова, Ушаков 2017) позволил заключить, что они представлены тремя основными морфологическими типами (рис. 6). Первый из них – двумя вариантами: **К–I.1** – относительно крупные сосуды с отогнутой закраиной, слегка раструбовидным «гофрированным» горлом, петлевидной двуствольной ручкой, прикреплённой у венчика и спускающаяся на яйцевидное тулово, слегка сужающимся книзу, на кольцевом поддоне. Второй вариант (**К–I.2**) – морфологически близкие кувшины, но небольшого размера и с уплощённой ручкой. Второй тип кувшинов (**К–II.1**) – с гладким горлом (на представленном экземпляре оно не сохранилось), также петлевидной двуствольной ручкой, шаровидным слегка приплюснутым книзу туловом на кольцевом поддоне; имеется и (**К–II.2**) своеобразная малая «фракция» этого типа. Третий тип (**К–III**) – сосуды среднего размера с раструбовидным «гофрированным» горлом, петлевидной уплощённой ручкой, шаровидным туловом на кольцевом поддоне.

Кроме того, единичными экземплярами представлены: миниатюрный кувшинчик без горла, напоминающий по форме кувшины **К–II.2**; нижняя часть фрагментированного сосуда «ромбовидной» формы (**К–IV**); небольшая столовая «амфора» с отогнутой закраиной, петлевидными слегка уплощёнными ручками, прикреплёнными под венчиком и спускающимися к месту наибольшего диаметра тулова, прямым горлом, шаровидным, слегка сплюснутым туловом на кольцевом поддоне (**К–V**). Оригинальными являются приземистые двуручные сосуды, образующие своеобразную небольшую серию: **К–VI**, **К–VII.1**, **К–VII.2**. Теперь, как можно видеть, эту типологию следует дополнить небольшим кувшином с «реповидным», слегка приплюснутым туловом (рис. 4 -3), обозначив его как **К–II.3**.

Здесь остаётся добавить только, что подобные кувшины СКЧП нужно отнести к типичным находкам в комплексах первой половины – середины IV в. до н.э. Это, к примеру, засыпь колодца у базилики «Крузе», датируемая временем, по всей видимости, не позже третьей четверти этого столетия (Монахов и др. 2017: 67), где найдены «археологически целые» сосуды типа **К–I.1** (рис. 7).

⁶ Благодарю автора раскопок за возможность обращения к полевым описям, рисункам и фотографиям. Всего СКЧП из раскопок С.Г. Рыжова довольно много. Так, без учёта самых последних полевых работ: краткий обзор отчётов о раскопках позволяет говорить, что их рисунки размещаются примерно на 40 листах А 4.

По результатам изучения кувшинов сделаны следующие выводы. Во-первых, наблюдается определенное своеобразие «херсонесских» кувшинов и их отличие от ольвийской продукции и тех, которые находят на Боспоре. Во-вторых, хронология сосудов из Херсонеса (и всего Западного Крыма) укладывается в промежуток времени от конца V до начала второй половины IV в. до н.э. В-третьих, собственное производство СКЧП в целом для Херсонеса этого времени неизвестно, и, таким образом, они являются импортной продукцией.

О «лощёных» сероглиняных сосудах. Как можно было убедиться, все представленные находки СКЧП не имеют лощения, их серое покрытие, как правило, – ровного тёмного тона, как на сосудах открытого, так и закрытого типов. Однако, во многих комплексах, прежде всего городища, в небольшом количестве как примесь присутствуют (обычно в небольших фрагментах) сосуды со следами лощения. У них несколько другое глиняное тесто, не всегда чисто серого цвета. В качестве примера можно привести опубликованную керамику из подвала квартала IX–А (Андреева, Рыжов 2021: 14–15, рис. 32). Авторами раскопок она названа *сероглиняной керамикой с лощёным орнаментом*⁷ и выделена в отдельную категорию сосудов, представленных фрагментами мисок, горшков и кувшинов (Андреева, Рыжов 2021: 14–15). Таким образом, условно сероглиняная керамика с лощением в Херсонесе всё-таки есть, но её как минимум на порядок меньше, чем СКЧП и морфологически она несколько иная. От СКЧП она, вероятней всего, отличается также хронологически и по происхождению.

Проблема хронологии. Несколько слов о проблеме датировки СКЧП. В результате проведённого ранее обзора комплексов можно утверждать о следующей закономерности: там, где речь идет о закрытых комплексах (см. табл. 1), можно говорить об относительно ранних их датах (преимущественно в пределах второй половины V – середины IV в. до н.э.). В тоже время, поздние датировки, предложенные, например, Т.В. Егоровой, сделаны, как правило, по сопутствующему материалу (контексту), конечно же, самому позднему, происходящему из слоёв разрушения на поселениях – то есть это не даты бытования вещей и даже не даты их выхода из обихода, а время превращения предметов в «мертвую» культуру. То же самое можно говорить о комплексах всей хоры Херсонеса и, в определенной степени, самого городища.

Заключение. В настоящее время процесс изучения СКЧП Херсонеса Таврического находится на начальном этапе (краткая историография: Ушаков, Струкова 2017), но, тем не менее, можно подвести некоторые *итоги*.

1. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием – особая категория (и довольно многочисленная⁸, хотя специально такая статистика не велась) находок в комплексах классического–раннеэллинистического времени, только лишь морфологически напоминающая чернолаковую посуду.

2. Выделены основные типы (формы) сосудов (лучше всего – кувшинов). Их до полутора десятков, при этом столовые «наборы» СКЧП повторяются на разных поселениях и в погребениях.

⁷ Они описывают их следующим образом: «Примесь песка, известняка придает глиняному тесту большую или меньшую зернистость, грубость. Отмечено небольшое количество слюды. Поверхность сосудов покрыта серой или тёмной обмазкой, по которой нанесено лощение в виде еще более тёмных и чёрных линий. Характер линий в одних случаях ритмичный, следует за формой сосуда, в других – хаотичный, беспорядочный. В любом случае получается своеобразный орнамент в виде пучков линий, полос, сетки, мазков» (Андреева, Рыжов 2021: 14).

⁸ Об этом можно говорить, во-первых, по результатам сплошного просмотра отчётов о раскопках в Северо-восточном и Северном районах Херсонесского городища (работы М.И. Золотарёва и С.Г. Рыжова) и на Гераклеиском п-ве (экспедиция Г.М. Николаенко), где счёт идёт на сотни экземпляров. Во-вторых, наблюдения в ходе многолетних полевых работ автора статьи с 1987 г. Материалов столь много, что задача их обработки может затянуться на многие годы.

3. Хронологические рамки их бытования находятся в пределах второй половины-конца V – первой половины/третьей четверти IV в. до н.э. Относительно поздние датировки сделаны по сопутствующему материалу (контексту).

4. При относительном разнообразии керамических находок, они несколько отличаются от более ранних на Березани и Боспоре и типологически других в Ольвии.

5. Следы производства СКЧП в Херсонесе не обнаружены. Она является импортной продукцией, о месте происхождения которой можно говорить только предположительно.

6. В небольшом числе присутствуют находки серого цвета с другим керамическим тестом и лощением.

Исходя из сказанного, можно определить *основные задачи изучения СКЧП из Херсонеса*. Они следующие.

1. Выделение и анализ археологических комплексов с сероглиняной керамикой. Уточнение их хронологии.

2. Составление каталога находок со стандартным формализованным описанием.

3. Уточнение, необходимая корректировка или даже пересмотр типологии этой группы археологических материалов.

4. Поиски аналогов на других античных памятниках.

Эта задача исключительно важна. В Афинах, по сообщениям коллег, её нет. На румынском побережье Западного Причерноморья (Истрия, Томы, Каллатис) в музейных собраниях (насколько можно судить по личным осмотрам) и публикациях они отсутствуют. Есть отдельные фрагменты в Тире. Повторюсь, в Ольвии эта керамика значительно отличается от «херсонесской» – там она, во-первых, действительно «серолощёная», а во-вторых, в целом типологически других форм (ср.: Буйских 2007: рис. 1, 2). На Европейском (Тиритака: Зинько 2014: рис. 91 - 3, 5, 149 -1-3, 182 -2, 255 -1) и Азиатском Боспоре (прежде всего, на Тамани) она достаточно разнообразная и в целом более ранняя, а та, что совпадает хронологически с керамикой из Херсонеса – близка ей и по типологии.

Важна проблема происхождения СКЧП. Она остается нерешенной. Автор статьи высказывал два основных предположения о месте её производства: 1) один из эгейских центров; 2) западная часть Малой Азии. Отрицать производство некоторой ее (малой части) в самом Херсонесе во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. было бы также преждевременным.

Нужна единая программа фиксации, описания и изучения, в том числе, и с применением естественнонаучных методов. При этом совершенно невозможно обойтись без личного осмотра имеющихся коллекций и отдельных находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева, Рыжов 2021 – Андреева О.А., Рыжов С.Г. 2021. Позднеклассический комплекс находок из IX-A квартала Херсонеса. *ХС* (22), 7–95.
- Белов 1938 – Белов Г.Д. 1938. *Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг.* Симферополь: Государственное изд-во Крым. АССР. – 350 с.
- Белов 1962 – Белов Г.Д. 1962. Эллинистический дом в Херсонесе. *Культура и искусство античного мира / Труды Государственного Эрмитажа* (7), 143–182.
- Белов 1981 – Белов Г.Д. 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА* (3), 163–180.
- Белов, Стржелецкий 1953 – Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. 1953. Кварталы XV и XVI. *МИА* (34), 32–108.
- Борисова 1958 – Борисова В.В. 1958. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.). *СА* (4), 144–153.
- Буйских 2006 – Буйских С.Б. 2006. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н.э. *БИ* (XI), 29–57.
- Буйских 2007 – Буйских С.Б. 2007. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI–I вв. до н.э. (Историографический аспект). *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Памяти Я.В. Доманского*. СПб., 28–44.

- Буйских 2008 – Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху / МАИЭТ (Suppl. 5).* – 424 с.
- Буйских 2011 – Буйских С.Б. 2011. К проблеме изучения античной сероглиняной керамики Северного Причерноморья *Музейний вісник* (11). Запоріжжя, 96–108.
- Буйских 2014 – Буйских А.В. 2014. Приложение 1. Амфоры и столовая посуда / Зинько В.Н. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. / БИ (XI)*. Киев: ТОВ «Оранта АРТ Бук», 340–342.
- Демьянчук, Нессель 2011 – Демьянчук С.Г., Нессель В.А. 2011. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова. *ХС* (16), 65–78.
- Журавлев и др. 2005 – Журавлев Д.В., Золотарев М.И., Кобзева А.А. 2005. Светильники из северо-восточного района Херсонеса: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время. *ХС* (14), 125–135.
- Егорова 2009 – Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.: изд-во МГУ. – 256 с.
- Зинько 2014 – Зинько В.Н. 2014. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. / БИ (XI)*. Киев: ТОВ «Оранта АРТ Бук». – 592 с.
- Золотарёв 1988 – Золотарёв М.И. 1988. *Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г.* НА ГИАМЗ «ХТ». Д. 2844. 57 л.
- Котенко 2011 – Котенко В.В. 2011. Серолощена керамика з поселения Маслини *Археологія* (1), 68–76.
- Крапивина 2007 – Крапивина В.В. 2007. Сероглиняная керамика Ольвии VI–V ст. до н.э. *Археологія* (1), 98–106.
- Кульская 1940 – Кульская О.А. 1940. Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий. *Ольвия* (I). Киев, 171–184.
- Лесная 2021 – Лесная Е.С. 2021. Хиосская керамика и её имитации из раскопок Херсонеса Таврического. *ПИФК* (4), 163–173.
- Мальмберг 1892 – Мальмберг В.К. 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 3–31. (Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией. Древности Южной России; № 7).
- Монахов и др. 2017 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2017. *Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Каталог*. Саратов: Новый проект. – 204 с.
- Монахов, Рогов 1990 – Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. 1990. Керамические комплексы некрополя Панское I. *АМА* (8), 122–151.
- Николаенко 2018 – Николаенко Г.М. 2018. *Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников*. Севастополь: Альбатрос. – 344 с.
- Струкова, Ушаков 2017 – Струкова Е.В., Ушаков С.В. 2017. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из Херсонеса. I. Кувшины. *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей: в 3-х тт. (II) / А.П. Деревянко, А.А. Тишкин (отв. ред.)*. Барнаул: изд-во алтайского ун-та. 88–92.
- Уженцев 2006 – Уженцев В.Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь: Сонат. – 242 с.
- Ушаков, Струкова 2009 – Ушаков С.В., Струкова Е.В. 2009. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического. *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время / В.В. Ключников, А.Н. Коваленко (ред.)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 125–138.
- Ушаков, Струкова 2013 – Ушаков С.В., Струкова Е.В. 2013. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из Северо-восточного района Херсонеса: основные формы и хронология. *Древнее Причерноморье* (X). Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 596–602.
- Ушаков, Струкова 2014 – Ушаков С.В., Струкова Е.В. 2014. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из раскопок О.И. Домбровского в Херсонесе (Античный театр). *История и археология Крыма*. Симферополь: Крымский филиал Института археологии; Бизнес-Информ, 281–288, 522.
- Ушаков, Струкова 2017 – Ушаков С.В., Струкова Е.В. 2017. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из Херсонеса: некоторые итоги и проблемы изучения *Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Международной научно-практической конференции: Сборник статей / С.Н. Некляса (сост.)*. Симферополь: «Наследие тысячелетий». 178–183.
- Ушаков, Ушакова 2012 – Ушаков С.В., Ушакова К.С. 2012. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса. *Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Материалы II Международной научно-практической конференции: Сб. статей / А.Р. Кемалова (сост.)*. Симферополь: Н. Орианда, 166–177.

- Handberg et al. 2009 – Handberg S., Stolba V., Ušakov S. 2009. Classical and Hellenistic Grey Ware from the Western Crimea Pontica. *Pontic Grey Wares. International Conference Bucarest-Constantza September 30th – October 3rd 2008. Pontica* (42. Supp. 1), 167–185.
- Hannestad et al. 2002 – Hannestad L., Stolba V.F., Hastrup H.B. 2002. Black-glazed, red-figure and grey ware pottery. *Panskoe 1. The Monumental Building U6, text*. Aarhus: University Press, 127–149.
- Pontic Grey Wares 2009 – *Pontic Grey Wares*. 2009. *International Conference Bucarest-Constantza September 30th – October 3rd 2008. Pontica* (42. Supp. 1). – 382 p.
- Ushakov, Strukova 2016 – Ushakov S., Strukova K. 2016. Grey Ware with Black Coating from Chersonesos: Research Problems and New Findings. *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceeding of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7–10th* / S. Japp and P. Kögler (ed.). Wien: Phoibos Verlag. 479–489.

Таблица 1. Сероглиняные сосуды из некрополя Панское (по: Монахов, Рогов 1990)

№№	Категория, тип	H	D	д _в	д _{под}	Центр производства	Дата по аналогии	Дата по комплексу	Комплекс
Кувшины сероглиняные									
134	Кувшины	18,0	14,8	10,2	7,4	?	500–300	400–375	М.034
135		~14,5	11,0	~6,0	5,8	?	400–250	400–350	М.026
136		-	11,0	~6,0	5,6	?	»	375–350	К.35 Тр.
137		-	18,8	-	11,4	?	400–350	360–330	К.42 М.1
Флаконы сероглиняные									
140	Лекифы	11,6	8,6	2,8	4,8	?	400–300	375–350	К.15 М.1
141		11,8	8,8	2,8	5,3	?	»	»	М.015
142		11,0	8,4	3,3	4,9	?	»	»	М.033
143		8,8	6,6	4,6	4,7	?	»	400–375	М.034
144	Кувшинчик	-	7,4	~3,6	4,2	?	»	360–325	К.34 М.2
Гуттусы сероглиняные									
145	Гуттусы	9,0	10,4	5,3	5,6	?	400–300	350–325	К.34 М.4
146		11,7	11,5	5,5	5,8	?	»	»	К.41 М.3

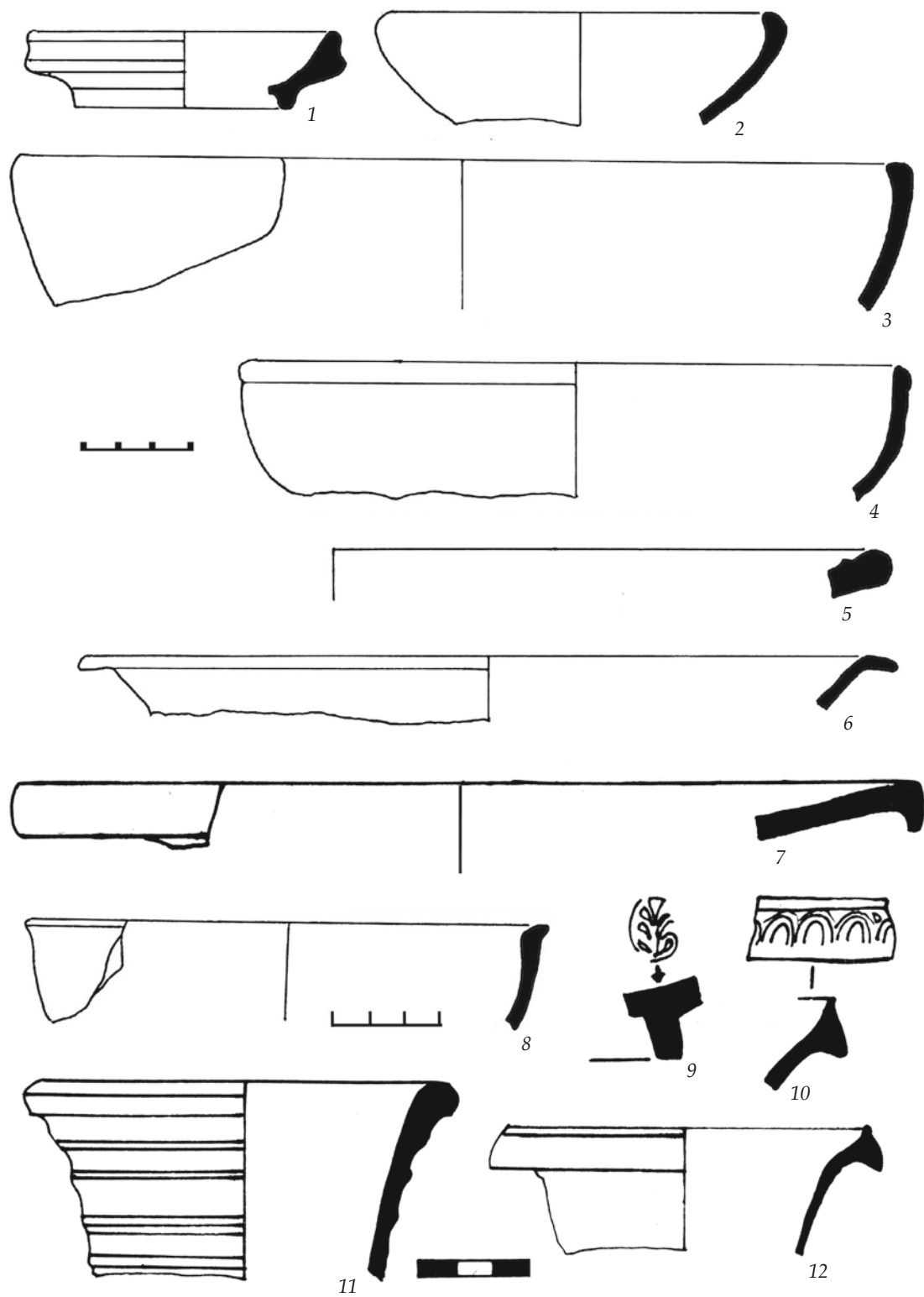

Рис. 1. Сероглиняная керамика с чёрным покрытием (СКЧП)
из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического (по: Ушаков, Струкова 2009)

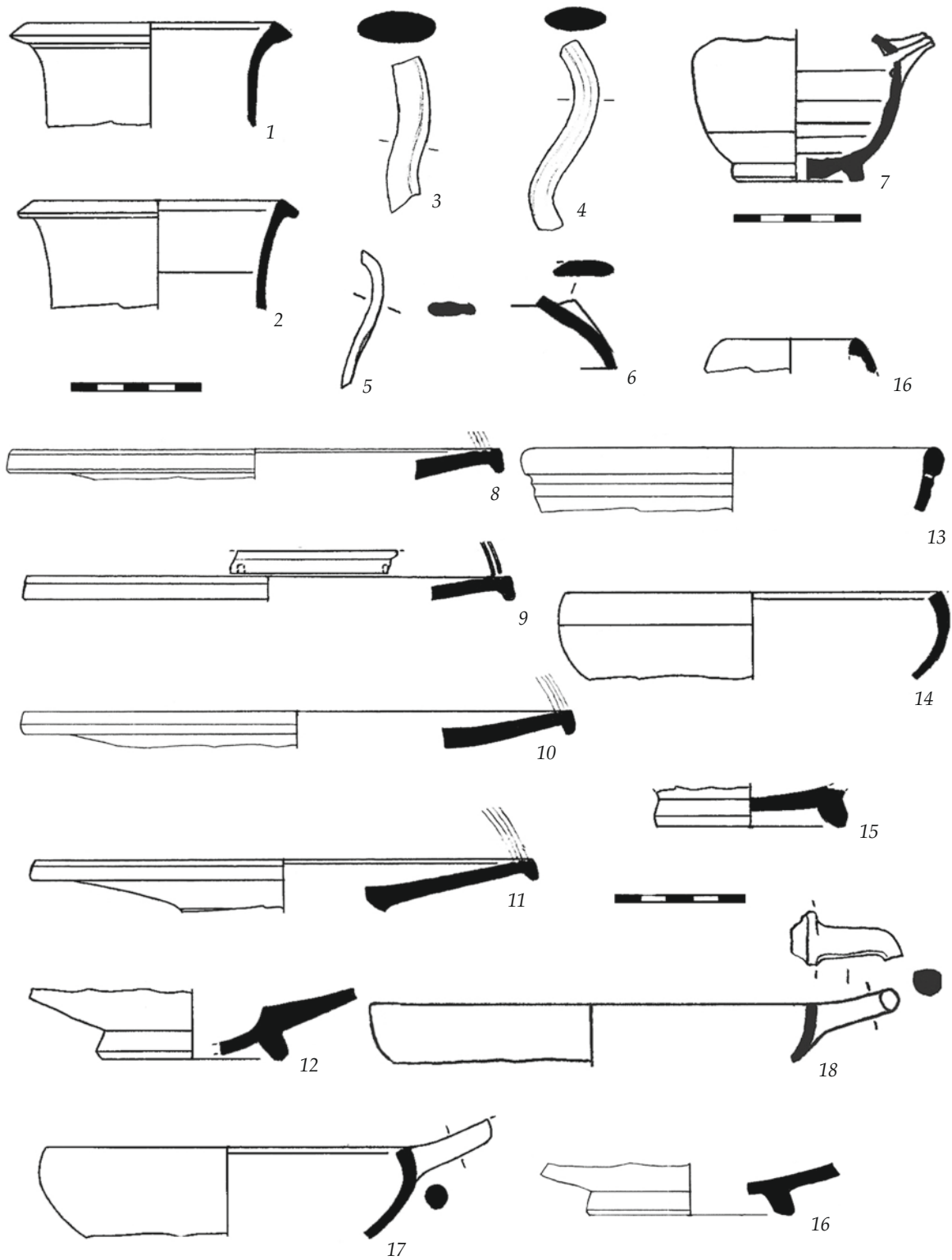

Рис. 2. СКЧП из раскопок на Маячном п-ве (по: Ушаков, Ушакова 2012)

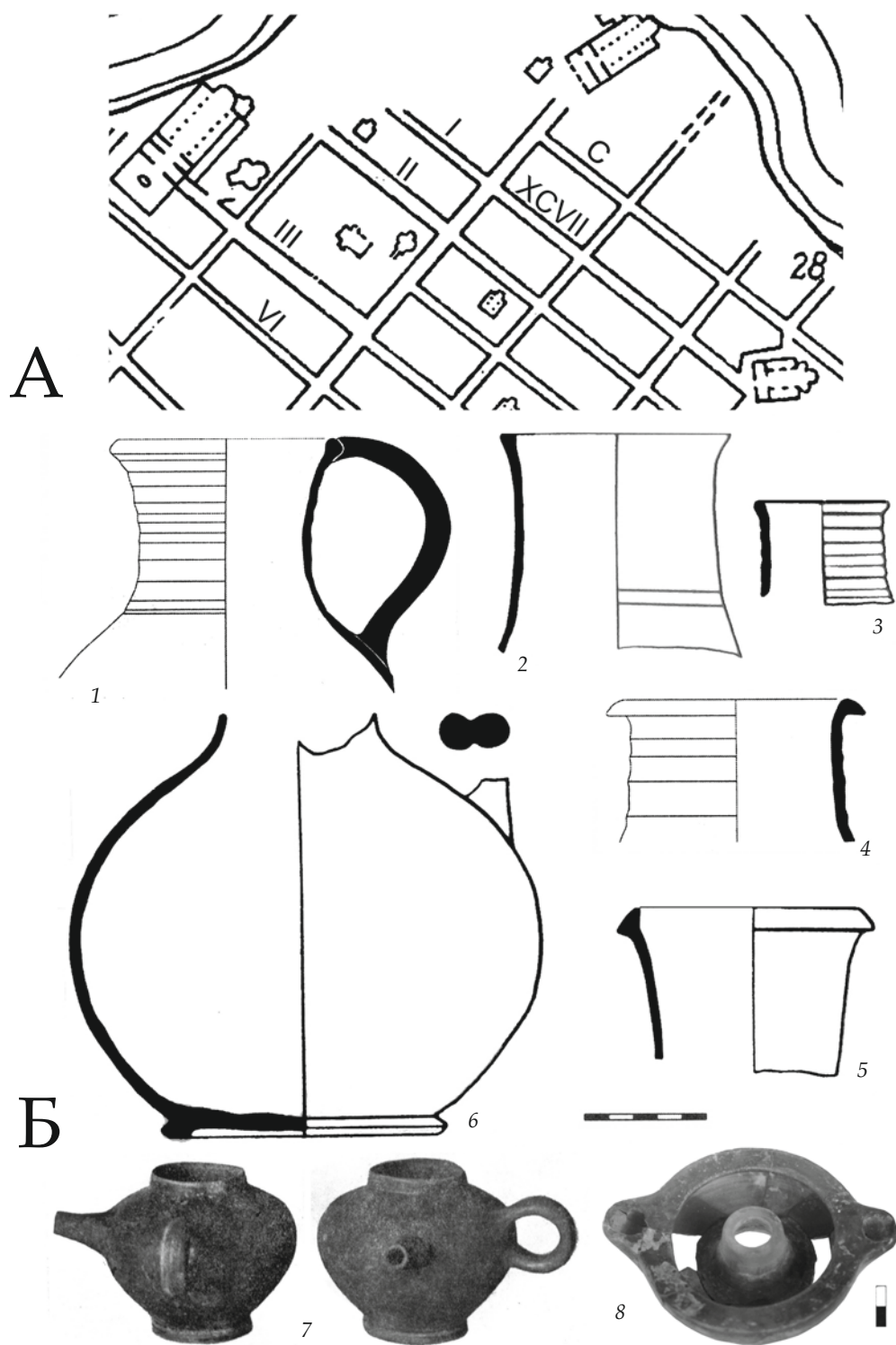

Рис. 3. А – схематический план части Северо-восточного района Херсонеса. Б – СКЧП из Северо-восточного района Херсонеса. Фрагменты кувшинов и светильник (по: Ушаков, Струкова 2013)

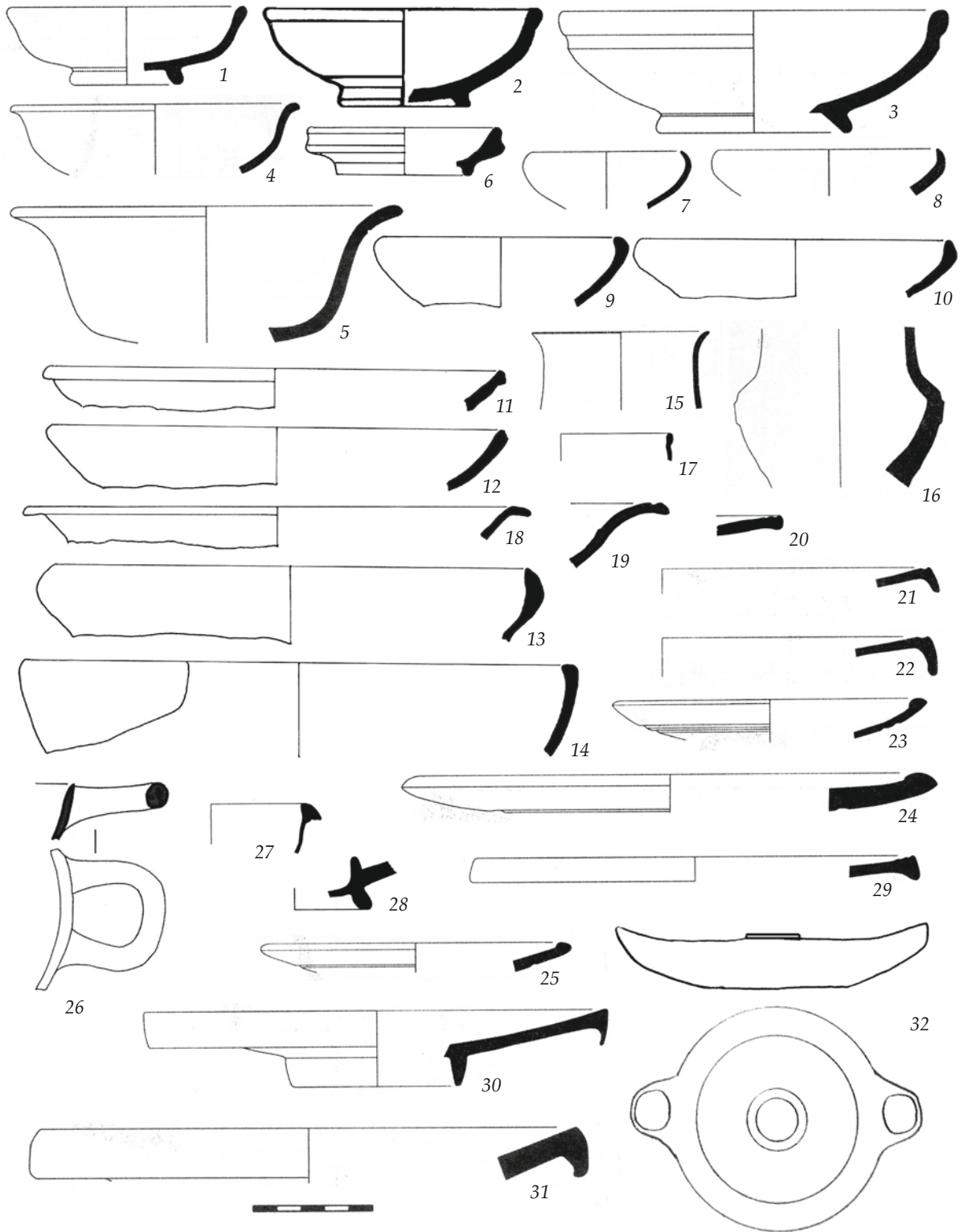

Рис. 4. СКЧП из Северо-восточного района Херсонеса. Фрагменты открытых сосудов (14, 17–31), канфаров (15, 16) и светильник (32) (по: Ушаков, Струкова 2013)

Рис. 5. СКЧП из раскопок Северного района Херсонеса (квартал IX–А, подвал)
(по: Андреева, Рыжов 2021)

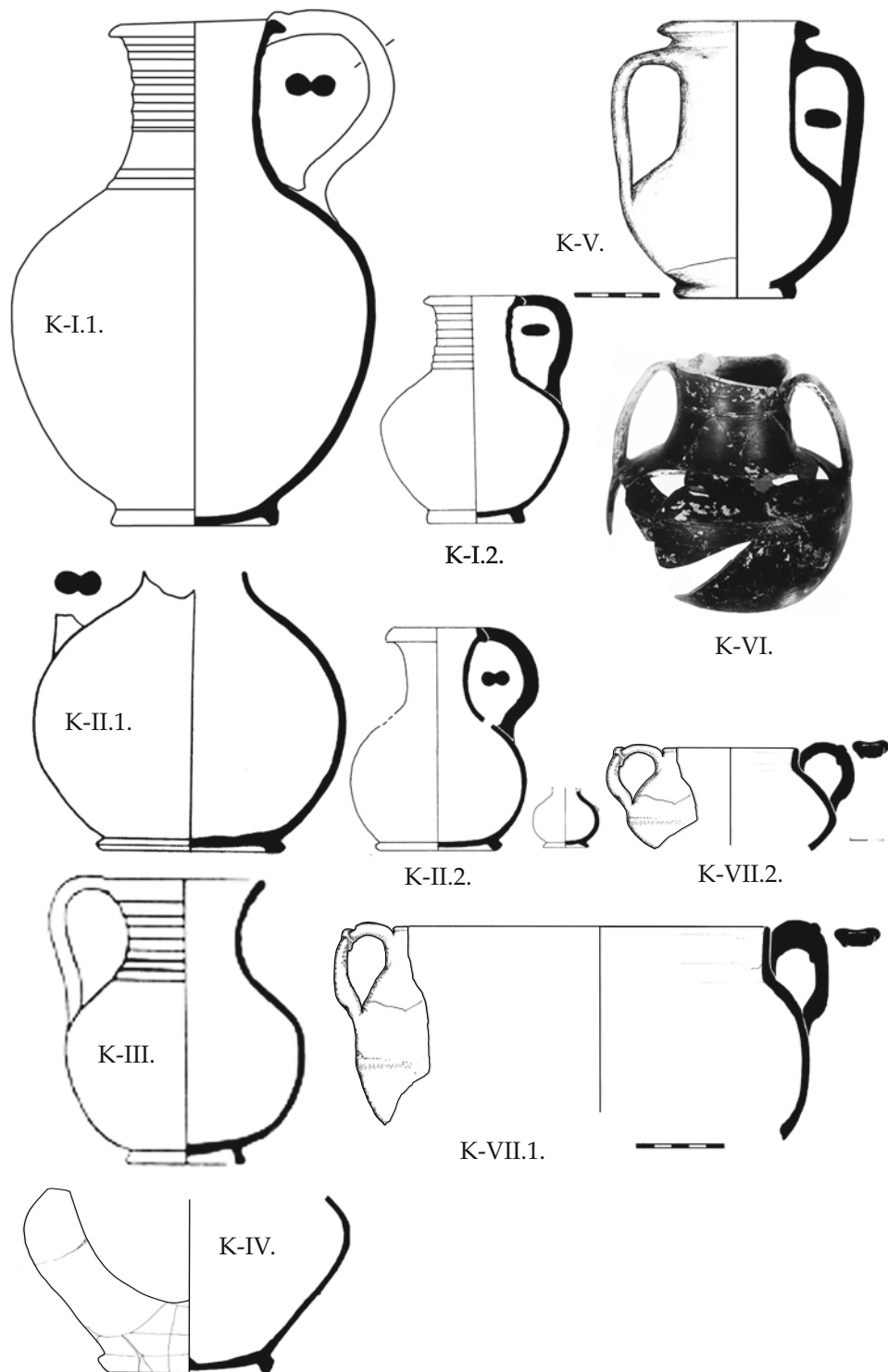

Рис. 6. Типология сероглиняных кувшинов из Херсонеса (по: Ушаков, Струкова 2017)

Рис. 7. Сероглиняные кувшины из колодца на продольной улице у базилики Крузе.
Рис. и фото Е.С. Лесной

**AMPHORAS AT THE PARTHENOS SANCTUARY (NEAPOLIS – KAVALA):
ECONOMY AND CULT THROUGH THE PRESENCE OF TRANSPORT CONTAINERS**

Abstract: the Sanctuary of Parthenos was dedicated to the poliadic deity of Neapolis, an important Thasian colony in the Northern Aegean with strong alliances to Athens. Excavated by Georgios Bakalakis in the 1930s, by Dimitrios Lazaridis in the 1960s, and then again on occasion by the local Ephorate, the sanctuary is known for the impressive remains of an early Archaic Ionic temple, a small number of inscriptions, dozens of figurines, and large quantities of local and imported pottery, primarily of the Archaic period. Despite the significant presence of East Greek, Corinthian, Laconian and other workshops discovered in pyres and deposits, it is Attic pottery, and particularly vases used for drinking, serving, and mixing, that constitutes the largest group of ceramic imports in the sanctuary. The excavations have produced a substantial number of transport amphoras. The Ionian and Attic amphoras (SOS and à la brosse) represent a fairly large percentage among all the other types of transport amphoras followed by the Thasian and others North Aegean products. This fact indicates that the supply of goods in the temenos initially relied to a significant extent on extra-regional imports. This paper offers an initial examination of transport amphoras, viewed as components of potentially the mechanism that mobilized the economy of the sanctuary. By exploring their chronological frame of appearance, function, and diffusion, our research attempts to shed some light on the local economy of the site.

Keywords: Neapolis, Parthenos sanctuary, transport amphoras, feasting and dining, local economy.

K. Filis¹

**АМФОРЫ В СВАТИЛИЩЕ ПАРФЕНОС (НЕАПОЛИС – КАВАЛА):
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАНСПОРТНЫХ АМФОР**

Аннотация: святилище Парфенос было посвящено полиадическому божеству Неаполя, важной фасосской колонии в северной части Эгейского моря, имевшей тесные связи с Афинами. Раскопанное Георгиосом Бакалакисом в 1930-х годах, Димитриосом Лазаридисом в 1960-х годах, а затем еще раз местным эфоратом, святилище известно впечатляющими остатками раннего архаичного ионического храма, небольшим количеством надписей, десятками статуэток и большим количеством местной и импортной керамики, в первую очередь архаического периода. Несмотря на значительное присутствие восточнореческих, коринфских, лаконских и других мастерских, обнаруженных в погребальных кострах и отложениях, именно аттическая керамика, и особенно вазы, используемые для питья, сервировки и смешивания, составляют самую большую группу керамического импорта в святилище. В ходе раскопок было обнаружено значительное количество транспортных амфор. Ионийские и аттические амфоры (SOS и à la brosse) составляют довольно большой процент среди всех других видов транспортных амфор.

Ключевые слова: Неаполь, святилище Парфенос, транспортные амфоры, пиршества и ужины, местная экономика.

Introduction

The modern city of Kavala lies on top of ancient Neapolis, an important Thasian colony in the Northern Aegean. Neapolis developed in a privileged position near the Strymon River, Mt. Pangaion and the valley of Philippi, at the crossroads between the Thracian hinterland and the *thasiake epiros* (Thasian continent). The existence of a natural port contributed to its development as a maritime and commercial center and consequently to its economic growth (Bakalakis 1936: 3, 42–43; Lazaridis 1969: 14–17; Koukouli-Chrysanthaki 1980: 309–325, esp. 309–314; Isaac 1986, 10–11, 65–69; Loukopoulou 2004: 856; Zannis 2014: 178–181 with a broader examination of the topography and history of the Strymon area, esp. 181–182 and 325–326, 330–331, 365–366, 553–558 for Neapolis. For an overview of the history of Kavala through the centuries, see Lazaridis 1971; Karagiannakidis, Lykourinos 2009: esp. 13–18, 80–84, 144 for ancient Neapolis) (fig. 1a).

¹ *Филис Костас*, эфорат древностей Ахаии, Министерство культуры и спорта, Al. Ypsilantou 197, 26225 Patras, Greece, kfilis1@yahoo.gr.

The sanctuary of Parthenos was first identified by Georgios Bakalakis in the 1930s at the western part of the Panagia peninsula, near the Ottoman Imaret (Bakalakis 1936; 1937; 1938a; 1938b) (fig. 1b). The patron goddess of Neapolis, Parthenos, was confirmed by inscribed sherds and marble inscriptions (Avramidou 2021), but her character and her relationship with Artemis, Vendida and local Thracian deities still remains under discussion (Koukouli-Chrysanthaki 1997; Tiverios 2008: 129; Prokova 2014: 48–50, 88–115; 2017. On Artemis' cult beyond Thasos, see Chalazonitis 2019. On the cult of Parthenos in the Black Sea, see Bilde 2009; Dana 2012). Many of Bakalakis' finds along with other antiquities were either lost, pillaged or destroyed during the Second World War and the Greek Civil War that followed (Lazaridis 1969: 75–77, citing the relevant passage from the 1946 publication of the Greek Ministry of Education *Ζημίαι των Αρχαιοτήτων εκ του πολέμου και των στρατευμάτων Κατοχής*, 37, 97.) Excavations resumed again in the 1950s and 1960s by Dimitris Lazaridis, while rescue excavations were since conducted on occasion by the local Ephorate of Antiquities (Lazaridis 1960; 1961/62; 1963; 1964; 1965; 1967; Malama 1998). The study of the finds from the sanctuary is currently undertaken by a team of specialists under the auspices of the Democritus University of Thrace. The publication of the pottery and other objects is in progress, aiming to a fresh and systematic examination of this important northern Aegean site (Amoiridou 2020; Avramidou 2022a; 2022b; forthcoming; Avramidou, Amoiridou forthcoming; Prokova forthcoming).

Finds from the sanctuary include architectural remains of an early fifth-century Ionian temple; sections of walls and a *peribolos*, now re-buried. Large quantities of fine and plain pottery, both local and imported, transport amphoras; and other artifacts, e.g., sculptures, figurines, loomweights, *astragaloi*, *pinakes*, lamps, coins and metal and glass objects. The majority of finds dates to the Archaic and Early Classical periods, while the Hellenistic era is also well-represented (Bakalakis 1936; 1937; 1938a–b; Lazaridis 1960–1965; 1967; 1969; Avramidou 2022b).

Amphora types

The transport amphoras found in the sanctuary are similar to others found at several sites on the N. Aegean region. Their origin covers two main geographical units, that of Ionia area and mainland Greece, while the representation of products from the metropolis of Thasos and the wider region of the North Aegean is also important. As regards their chronological time span, the majority of them seem to belong to the 6th century, followed by some samples from the 5th and 4th centuries and almost two-dozens of stamped handles dating to the 3rd and 2nd century BC. The amphoras' material, which probably comes from the deposits of the sanctuary, consists mainly of several small fragments from the body, while the larger one's diagnostic rims, handles and toes are not missing. Such sherds from amphoras are not often closely diagnostic (both as to their exact origin and as to their dating), however, by examining and counting them an attempt was made to attribute them to specific categories.

Attic SOS & à la brosse (fig. 3a)

In absolute number the counted sherds of Attic amphoras constitute the most numerous group among the relevant findings of the sanctuary (counting sherds 591). Only few small sized sherds seem to belong to SOS amphoras, probably of the second half of the 7th century. The type, as we know, is named for the painted decoration on the neck, which is composed of vertical zig-zag lines flanking a circle (Johnston, Jones 1978; For recent publications see Pratt 2014: 203–276; 2015). The rim fragments are tall echinoid with a plastic ring on the outside at its junction with the neck. Among the large quantities of non-diagnostic fragments some bearing the characteristic group of brownish-black thin horizontal bands on the shoulder should be associated with early SOS amphoras.

The à la brosse type is a development from the SOS type appearing in the early 6th century BC and according to the finds from Agora, continuing into the early 5th century (Lambrino 1938: esp. 134–136; Johnston & Jones 1978: 121–122; Lawall 1995: 34–47). It is also known as Agora 1502 variant

(Sparkes, Talcott 1970: nos. 1501, 1502). Although the type shows several morphological variations in the shape of the rim and toe, the body is also covered with a brownish-black glaze, as the earliest attic SOS examples but lesser thin and often showing brushstrokes from its application. This group includes several diagnostic large fragments from the rim to the neck and handles, as well as toes (fig. 3a). The fabric is similar to the earlier SOS example, pale pinkish tan 7.5YR 7/4–6/6–5/6 with fine grained brown core with sparse visible inclusions, gray glassy and rare white. The rim is rolled outward, often projecting quite far from the neck. The short neck has concave profile flaring upwards to the mouth and downwards into the shoulder. The body is globular and the toe is small, low ring-base, rounded on its outer edges. Our examples seem to belong to the second half or third quarter of the 6th century BC (*Vulci*: Rizzo 1990: 18, 100, figs. 13, 181–368; *Athens*: Roberts 1986: 67, no 418, fig. 42, pl. 18; *Corinth*: Campbell 1938: nos. 207, 209; *Olympia*: Gauer 1975: 128, pl. 20, no. 3; *Histria*: Dupont 1995/96: 87; *Akanthos*: Filis 2011: pl. 43–47).

Corinthian (fig. 3b)

In contrast to imports from Attica, those from the Corinth region seem to be quite limited. The diagnostic fragments belonging to Corinthian amphoras come mainly from rims together with the neck, handles and toe. The majority belong to second half of the 6th century amphora types which are characterized by a heavy flattened, outward-projecting rim over thick round in section handles, round body with plain cylindrical toe, hollow on the inside (Koehler 1978: 9–32; 1981: 449–458; Кёлер 1992: 265–279). The fabric is typical for the Corinthian production, quite hard with sharp-edged mudstone inclusions (Whitbread 1995: 255–346; 2003: 1–13; Desy, De Paepe 1990: 210, 214, 215; Stocker 2009: 352–356). One handle which is taller in section near the rim and bears a slight peak probably belongs to late 6th century (Кёлер 1992: 268). Also, two fragments belong to the Classical–Early Hellenistic (425–300 BC) examples of type A' (Koehler 1978: pl. 15–17). The largest fragment is from the upper part of the amphora. The rim is heavy overhanging with slanting outer face, lower edge rounded at the outside and horizontal underneath, the handle is round in section. The complete cap toe shaped like truncated cone with a broad groove above upper edge. It is from hard medium-coarse beige fabric (5YR 7/5, a little toward 7.5 YR 8/6, pink to reddish yellow) with few small and large angular gray and brown inclusions.

Chian (fig. 4a–b)

The quantities of imports from the island of Chios are significant, being the second most numerous group with 384 counted sherds or larger parts of amphoras. However, if we take into account the fact that among the Chian amphoras more diagnostic fragments from handles and rims are represented than, compared to, for example, Attic amphoras, the dynamics of their imports may be dominant. The earliest imports belong to the white slipped spindle-shaped specimens (Dupont 2003: 147, fig. 23.1f–g). There are small fragments from the rim with neck, part of the handles and body sherds with the outer surface covered by a thick yellowish-white coating and decoration with orange-brown bands. Their fabric is 7.5YR 5/4 brown, with many small black and brown impurities, a few white calcareous impurities and a moderate amount of mica (Whitbread 1995: 135–153; de Domingo, Johnston 2003: 30, 33–34, 41; Moschonisioti et al. 2005: 255, 263–264; Dupont 1982: 98; 1983: 24, 30–31, 41; Kotsonas et al. 2017: 9–19, esp. 11–13). Our examples date to the middle of the 6th century BC (Монахов 2003: pl. 2–4–5 – Variante I–B; Bîrzescu 2012: 50–60; Nedev, Gyuzelev 2011: fig. 7. From N. Aegean see: Filis 2012a: 266–268, fig. 2; 2012b: Kasseri 2015: 155, no. 44).

Quite significant quantities of amphoras belonging to the Lambrino A1 group, characterized by the tall funnel-shaped neck (Dupont 2003: 150, fig. 23.2a–c) (fig. 4a). These are several medium to large sized fragments mainly from the neck with the rim and handles usually with no white slip in the outer surface but with very thin horizontal and vertical red or brown bands. The fabric is 7.5YR 6/6 – 5YR 5/6 with yellowish brown red surface, quite hard, gritty, with small lime bits and micaceous. The rim

is narrow outward-rounded often painted dark red to brown. The almost round in section tall handles arch from an attachment just under the rim and bears a narrow vertical band descends along the outer surface. In some examples, around the middle of the neck there is a dark red brown dipinti circle with a dot in the center or impressed small circle at the base of the handles and less often simple graffiti (Dupont 1999a; Lawall 1995: 104–115; Filis 2011: 455–462, esp. 458–459 with bibliography). These amphoras appear around 560 BC and last until around 510 BC with the maximum production between 550–525 BC (Lambrino 1938: 110–112; Dupont 2003: 148–151; Моныхов 2003: pl. 3, no. 1–2; Моныхов и др. 2019: 73, Ch.5–6) Bîrzescu 2012: 60–69 (Type Chios II.1); Filis 2011: 58–61, pl. 21–24 (Type II with "funnel neck"); Filis 2012a: 266–268, fig. 3).

Equally important are the quantities of the Late Archaic Chian bulging neck amphora (Dupont 2003: 150, fig. 23.2d–e) (fig. 4b). Their fabric shows relative uniformity with the amphoras of the Lambri-no I group mentioned above (Whitbread 1995: 141–144 – Chian Fabric Class 2). These are several small to medium sized fragments mainly from the neck with the rim and handles and body sherds. The rim profile and the round-section handles are similar with the Lambrino I, while there are similarities in the type and arrangement of the horizontal and vertical strips. This type appears in the late 6th through early 5th century BC since we found them in contexts closed no later than 480 BC (Lawall 2011: 302, note 36–41).

Klazomenian and other North Ionian (fig. 5a–b)

The second group of Ionian amphoras with typical decoration consisting of broad painted bands corresponding to the Chian amphoras is represented by the products of the Klazomenai. As a result, the terms 'chian type amphoras' or 'amphoras with broad bands' are quite often used to refer to the products of different centers in region which adopt a *Koine* language for their amphoras production (Dupont 2003: 151; Sezgin 2004: 169, 171, σμ. 14 και 15; Lawall 2017: 289–311, esp. 297–302). The place of origin was identified through laboratory analyses which revealed the fabric composition was Klazomenian (Dupont 1983: 25–26, 31, fig. 18. For recent studies, see Dupont 2006: 20; Dupont, Skarlatidou 2005: 79; 2012: 253–264, esp. 253–256.).

These are 84 counted sherds, mostly from the body, rims and handles (fig. 5a). The fabric is usually intensely reddish-brown in most parts with gray core, quite hard with several white calcareous and dark brownish-black inclusions of small and medium size, and in rare cases quite large. Their outer surface is usually covered with a thin light-coloured slip which in some cases has a yellowish tinge. Most fragments bear broad bands usually reddish or even black in colour, arranged in pairs at the shoulder and single bands on the lower part of the body. Similar vertical bands run around the outer surface of the handles in a downward direction, where they intersect with those of the body. The majority, although they are non-diagnostic sherds, seem to belong to the Dupont type A of the last quarter of the 6th – early 5th century BC (Dupont 2003: 153, fig. 23.3d).

With North Ionian workshops and the wider area of the Klazomenai are also connected some of Zeest's 'Samian' amphora (Зеест 1960: 70, pl. I -3; Dupont 2001: 57–62; 2003: 178–186, esp. 182; 2007: 41–50; 2008: 123–125; 2010a: 3–11; 2010b: 39–43; Dupont, Kacharava 2002: 219–225. For the relevant finds from Klazomenae see Ersoy 1993: 416–420). Also, another area that has been proposed for the production of certain "Samian" and "Protohasian" amphoras is North Aegean and Thrace (Dupont 1998; 1999; 2007; 2010a; 2010b. S. Monakhov accepts Dupont's identification, Моныхов 2003: 38–42; Monachov 2003). This attribution initially proposed due to the depiction of similar amphoras on the coins of the city of Abdera (Peristeri-Otatzis 1986; Dupont 2003: 182), but similar rim profiles are not common attested in North Aegean products (as opposed to 'wedge-shaped rim', see Filis 2012b for an overview), while they are not particularly found in the Abdera itself (Tzochet et al. forthcoming).

The specimens from Northern Ionia that attested in the sanctuary are mainly small and medium-sized fragments of rims, handles, bodies and toes. The main feature of these is the thick round or beak shaped rim profile with a thin plastic ridge on the upper part of the neck at the attachment point of the

handles (fig. 5b). Their body is generally broadly spherical – pithoid and their base is broadly ring-shaped with angular profile. The fabric is reddish brown or reddish yellow (5YR 5/3-6/6), fine-grained with intense hardness with few medium sized white inclusions. In some amphoras we found red dipinti on the neck or tally marks on the handles. According to the finds from the Athenian Agora, they date mainly to the end of the 6th century BC (Roberts 1986: 72 no. 440–442, fig. 44, pl. 19).

Southeast Aegean with offset cuff at neck (fig. 6a)

From the end of the 6th and mainly in the 5th century BC a fairly widespread type of amphora with a thick round rim and a small flaring ring toe or thick knob toe. Its main feature is a horizontal groove where the handles attach to the neck and a low step which may be located at the bottom or approximately in the middle of the neck (Dupont 2003: 164–177; Grace 1971; Ruban 1991; Seifert 2004: 32–41; Filis 2011: 168–182; for similar feature at the lower part of the Fikellura amphoras, probably from Miletus area, see Cook, Dupont 2003: 77–91, esp. fig. 10.1, 10.3, 10.6, 10.8). However, apart from a distinctive feature, it is usually at the point where this elevation is placed that the part of the neck is joined to the shoulder, and is therefore related also to a constructional peculiarity of the potters. This type is usually attributed to Samos or Miletus, without often separating the two areas and is therefore referred to as Samian/Milesian type (Dupont 2003: 173, fig. 23.9; Lawall 1995: 176–195; Filis 2011: 168–182; 2012a: 274, fig. 11; 2019: 247, fig. 3; Vrachionidou 2019: 226–228, fig. 1–2). However, similar amphoras seem to be manufactured in other production centers covering a larger geographical area, from the region of Caria (or even Lycia) to the north in the region of Erythraia (Carlson, Lawall 2005/06: 32–39, esp. 34, fig. 3 type 1a “Tall rounded rim, tall cuffed neck, bobbin-shaped body”; Carlson 2004: 108–115; Monachov 2013; Greene et al. 2008: 685–711, esp. 688–692, fig. 4–5 ‘Halicarnassus type’).

The relevant finds from Parthenos Sanctuary are mainly small rim fragments, rarely ring-shaped toes, as well as a large fragment of the upper part of the amphora which bears in the middle of the neck a large graffito A. The fabric is smooth, finely gritty pale orange surface (5YR 5/6 – 5/8) with much mica, sparse small white hits, rare black and very rare gray glassy. The examples show a heavy, fully rounded rim which generally associated with Samos (Dupont 2003: 173, fig. 23.9a–c). According to well-dated amphoras of this class our examples date to the late 6th century BC (*Agora*: Lawall 2011: 304–306. *Aigina*: Johnston 1990: 47–49, nos 99, 100, 102, 105, Figs. 7, 9, 10. *Miletos*: Niemeier 1999. *Klazomenai*: Ersoy 1993; 2004, fig. 23d).

Southeast Aegean – Solocha type I (fig. 6b)

There are few diagnostic fragments with the characteristic mushroom rim which are usually attributed to Southeast Aegean. This type, usually referred to in Black Sea finds as Solocha I (Зеест 1960: 91–93; Брашинский 1984: 43), appears from the middle of the 5th century, with most of them dating to the 4th and mainly to the second half of the century (Lawall 1995: 218–233; For typological surveys see Lawall 2004: 451–453; Nørskov 2004: 285–291; Моныхов 2003: 102–110; Filis 2011: 245–253; for Erythraian production, see Carlson, Lawall 2005/06: 32–39, esp. 34–35, fig. 4; for mushroom rims from Kos workshop site, see Kantzia 1994; Georgopoulou 2001). Also noteworthy is their presence in N. Aegean from the end of the 5th and mainly in the 4th century BC (e.g. Karabournaki, Sindos, Akanthos, Stryme, Veroia, Pydna: Filis 2011: 245–253; 2019: 246–248, fig. 4; Vrachionidou 2019: 234–236, fig. 8).

Our examples have profile rim with a sharp upper turn down to a long sloping upper surface with a coarsely grooved concave lower surface, similar to the Agora type 1 (Lawall 2004: 451, pl. 197, no. 15–16) mainly from Knidian peninsula and dating to the last quarter of the 4th century BC (Nørskov 2004: 289; for similar profile from Gordion, see <https://classics.uc.edu/troy/grbpottery/html/amphoras-a2hell.html>, no. 16). The fabric color is reddish brown (5YR 6/6) or yellowish red (5YR 5/6) with grey brown core. The surface is brown, very smooth, very compact. As regards its composition, it contains moderate mixed red-brown and black bits and widely scattered mica.

Thasian and other North Aegean amphoras (fig. 7a–b)

The expected presence of the Thasian amphoras in the sanctuary starts from the late Archaic period. The early examples belong to two different groups: I) 'double-band' rim' type II) 'wedge-shaped' rims. The name of the first comes from the two characteristic horizontal bands on the upper part of the neck and on the rim (Johnston 1991; Lawall 1995: 133–135; Filis 2011: 223–226) (fig. 7a). The attribution of this type to Thasos is mainly based on the frequency of similar amphoras from the Silen Gate (Grandjean 1988: 168, no. 75/2081; 1992: fig. 1–5, 9, no. 2, 7, 10, 16–18, 26–28, 34, 61–63; Empeureur, Simossi 1990: 881, fig. 8; Blondé et al. 1991: 228, 240, fig. 5, 12, no. 35, 78–79). The fragments from the sanctuary are mainly medium sized rims with the neck or larger ones from the upper part and less often toes. Usually, the one at the top is more prominent, forming a kind of low step. The width of both bands is about the same. Variations are also observed in the shape of the low neck, from cylindrical to more flaring to the shoulder, the position of the handles and the shape of the base. Handles are flattened oval in section with fingerprint at the lower attachment. The fabric color varying from bright orange, reddish brown 2.5YR 4/4 to yellowish red 5YR 5/6 with much mica and small white inclusions. Also, the outer surface is covered with a reddish brown or light brown coating. The publication of the Silen Gate amphora fragments describes the type's fabric in terms that recall the pair of Thasian fabrics defined by Whitbread (1995: 165–197). Despite the strong possibility of their Thasian origin little progress has been made to be completely sure. Indeed, the small but obvious variations observed mainly in the way the bands are arranged and the fabric variations are probably related to their production by more workshops, either established on the island (although no relevant workshops complexes have been identified for the moment) and *peraia*.

There are also significant quantities of amphoras with the most characteristic 'wedge-shaped' rim with disk- or ring-shaped toe usually attributed to the Northern Aegean (Filis 2012b) and quite often referred to as 'Thasian circle' amphoras (Зеест 1960: 81–82, pl. VI–VII, no. 17a–b, 18a–b, 19; Онайко 1980: 124, no. 64–66, pl. IV, VIII, IX; Монахов 1999: 176–180, fig. 20–34) (fig. 7b). Their neck is usually short cylindrical and the oval in section handles have at the attachment point to the shoulder the characteristic fingerprint of varying depth. The fabric color is usually reddish 2.5YR 5/6–5/8 with few small sized white inclusions and sufficient amount of mica. Variations are observed in the hardness of the ceramic material as a result of different firing temperatures (for petrographic and chemical studies, Whitbread 1995: 165–209; Filis 2011: 487–489). Also, in some cases the outer surface is covered by a thin coating. The rims show little variation, which is probably related to their production by different workshops and not necessarily a chronological variation. Quite often on these amphoras we simply find simple graffiti or dipinti on the neck or handles. As far as their dating is concerned, most of them belong to the Late Archaic types (for closed context see, *Agora*: Lawall 2011: 309–312; *Aigina*: Johnston 1990: nos. 113, 115–119, 130, 135, 138, 147; *Fagris*: Nikolaidou-Patera 1987) produced in workshops scattered probably from the Strymon valley in the west, Thasos and its *peraia*, but also in the Eastern Macedonia and Thrace, adopting a kind of 'common' language – *koine* (Filis 2012b; 2012c).

Conclusions

The majority of amphoras forms part of the diverse group of imported types either from mainland Greece (esp. Attica and less Corinth) as well as Ionian banded wares from Chios or Klazomenai. This is followed by imports from neighbouring Thasos and the other North Aegean workshops. Some probably Laconian, Aiolian – Lesbian, Milesian ('standard type') fragments are poorly representative (by 2–3 small fragments) in the sanctuary, a fact that may be accidental, as we do not know the conditions and the criteria used for the collection of the material before the World War II. Their existence, however, is indicative of the dynamism and complexity of the trade networks, and therefore the economic dimension from Archaic times onwards.

The range of this amphora types shows the sanctuary as almost completely relying initially from extra regional distribution and supply of goods and from late 6th – early 5th century from local/regional supplies. Indicative is the absence of amphoras material or at least the limited presence of individual finds that can be dated to the Classical period, while on the contrary several samples of Thasian stamped handles appear in the Hellenistic period, along with a few stamps from Acanthus, Rhodes and Knidos². The other findings of the sanctuary lead us to a similar conclusion. The sanctuary seems to have flourished in the Archaic and early Classical periods, experienced a decline in the 5th century and seems to have recovered in the last decades of the 5th century and the beginning of the 4th century as well as in Hellenistic times (Avramidou 2022a; 2022b). The large quantities of Attic amphoras seem to arrive at the sanctuary at the same time as the corresponding imports of fine attic pottery and this distribution suggests a local Athenian advantage in oil or wine consumption (for historical overview see, Avramidou 2022a, 339–341). The presence of the Ionian amphoras seems to be in line with their established strong presence in the entire North Aegean at least, if not earlier than the middle of the 7th century (Filis 2012a). The amount of transport vessels underlines the high demand for groceries (wine, oil or other products), and hence gives evidence of an intense frequency of people engaged in ritual celebrations on the site, including feasting and dinning. Apart from being used for transport into the sanctuary, the amphoras might also have served for storage. Graffiti and dipinti appear quite often which indicates the involvement of traders – middle-sellers – consumers at various stages of amphoras' life-circle.

Acknowledgments

It is a great honour to be invited by my colleague Elena Kuznetsova, whom I thank, to participate in an honorary volume dedicated on the 70th birthday of Prof. S. Monachov, whose contribution to the study and publication of numerous amphoras material from the Black Sea has been and still is an important guide for all researchers dealing with these very important objects. I am also indebted to Ass. Prof. A. Avramidou head of the project Parthenos Sanctuary for trusting me the study of the amphoras' material and thankful to the Ephorate of Antiquities of Kavala and Thasos for the permit to study the material at the Museum.

REFERENCES

- Брашинский 1984 – Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.: АН СССР. – 246 с., илл.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА (83)*. – 179 с., илл.
- Кёлер 1992 – Кёлер К. 1992. *Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор. Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.)*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 265–283.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерид», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов 2013 – Монахов С.Ю. 2013. *Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. ВДИ (3)*, 28–51.
- Монахов и др. 2019 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит. – 352 с.
- Онайко 1980 – Онайко Н.А. 1990. *Архаический Торик, античный город на северо-востоке Понта*. М. – 179 с., илл.
- Рубан 1991 – Рубан В.В. 1991. *Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. СА (2)*, 182–195.

² The final publication of the amphoras' material, along with the rest of the findings of the sanctuary is in the final stage of publication.

- Amoiridou 2020 – Αμοιρίδου Κ. 2020. Η Θασιακή Κεραμική στο Ιερό της Παρθένου Αρχαίας Νεάπολης: Κύλικες και Λεκανίδες. 8^ο Συμπόσιο Θασιακών Μελετών. Η Θάσος δια μέσων των αιώνων: Ιστορία – Τέχνη – Πολιτισμός. 12–14 Οκτωβρίου 2019, Θάσος. Kavala, 49–59.
- Avramidou 2021 – Avramidou A. 2021. Inscribed Pottery from the Sanctuary of Parthenos at Ancient Neapolis (Kavala). *Studi Miscellanei di Ceramografia Greca, Volume Settimo* / E. Giudice, G. Giudice (eds.). Edizioni Scientifiche / Catania, 13–30.
- Avramidou 2022a – Avramidou A. 2022. Athens and Neapolis in the Fifth Century BC: The View from the Parthenos Sanctuary. *From Kallias to Kritias. Art in Athens in the Second Half of the Fifth Century B.C.* / J. Neils, O. Palagia (eds.). Walter de Gruyter GmbH, Berlin; Boston, 337–355.
- Avramidou 2022b – Avramidou A. 2022. Γραπτή αττική κεραμική από το Ιερό της Παρθένου στην αρχαία Νεάπολη (Καβάλα): πρώτες παρατηρήσεις. *Attic painted pottery in ancient Thrace (6th – 4th century BC). New approaches and digital tools* / D. Tsiadaki, A. Avramidou, N. Michailidou, Y. Mourthos, M. Karta (eds.), Xanthi, 192–205.
- Avramidou forthcoming – Avramidou A. Το Ιερό της Παρθένου στην αρχαία Νεάπολη (Καβάλα): Ευρήματα και λατρευτικές πρακτικές. *Ιερά και Λατρείες στο Αιγαίο από τους Πρωίμους Ιστορικούς Χρόνους έως και την Υστερη Αρχαιότητα, 11–15 September 2019, Varos Village, Lemnos* / P. Triantafyllidis (ed.), forthcoming.
- Avramidou, Amoiridou forthcoming – Avramidou A., Amoiridou K. Το Ιερό της Παρθένου στην αρχαία Νεάπολη (Καβάλα): Απολογισμός εργασιών. *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη* (33), forthcoming.
- Bakalakis 1936 – Bakalakis G. 1936. Νεάπολις–Χριστούπολις–Καβάλα. *Αρχαιολογική Εφημερίς*, 1–48.
- Bakalakis 1937 – Bakalakis G. 1937. Ανασκαφή εν Καβάλα και Καλαμίτσα. *Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας*, 56–67.
- Bakalakis 1938a – Bakalakis G. 1938. Έκ του ιεροῦ τῆς Παρθένου ἐν Νεαπόλει. *Αρχαιολογική Εφημερίς*, 106–154.
- Bakalakis 1938b – Bakalakis G. 1938. Ανασκαφή εν Καβάλα και τοις πέριξ. *Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας*, 75–102.
- Bilde 2009 – Bilde P.G. 2009. Quantifying Black Sea Artemis: Some Methodological Reflections. *From Artemis to Diana. The Goddess of Man and Beast* / T. Fischer-Hansen, B. Poulsen (eds.). Copenhagen, 303–332.
- Bîrzescu 2012 – Bîrzescu I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren / Histria* (XV). – 356 p.
- Blondé et al. 1991 – Blondé F., Muller A., Mulliez D. 1991. Le comblement d'un puits public à Thasos. Le matériel amphoriques. *BCH* (115), 213–242.
- Campbell 1938 – Campbell M.T. 1938. A well of the black-figured period at Corinth. *Hesperia* (7), 557–611.
- Carlson 2004 – Carlson D.N. 2004. *Cargo in Context: The morphology, stamping and origins of the amphoras from Fifth-century B.C. Ionian shipwreck* (diss. University of Texas at Austin). XVIII. – 257 p.
- Carlson, Lawall 2005/06 – Carlson D.N., Lawall M.L. 2005–2006. Towards a typology of Erythraian amphoras. *Skyllis* (7), 32–39.
- Chalazonitis 2019 – Chalazonitis I. 2019. Artemis beyond the polis of Thasos: the cult of the goddess in the Archaic northeastern Aegean. *Beyond the Polis. Collective Rituals and the Construction of Social Identities in Early and Archaic Greece (12th–6th centuries BC)* / A. Tsingarida, I. Lemos (eds). Brussels, 149–170.
- Cook, Dupont 2003 – Cook R.M., Dupont P. 2003. (eds.). *East Greek pottery*. L.; N.Y., 77–91.
- Dana 2012 – Dana M. 2012. Entre Crimée et Bosphore: d'une Parthenos à l'autre. *Sermens et paroles efficaces* [online]. Paris; Athens, 289–308.
- de Domingo, Johnston 2003 – De Domingo C.A., Johnston A.W. 2003. A petrographic and chemical study of East Greek and other Archaic transport amphorae. *Ευλιμένη* (4), 27–60.
- Desy De Paepe 1990 – Desy Ph., De Paepe P. 1990. Torre San Giovanni (Ugento): les amphores commerciales hellénistiques et républicaines. *Studi di antichità. Università di Lecce* (6), 187–234.
- Dupont 1982 – Dupont P. 1982. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est. *La parola del passato* (37), 193–209.
- Dupont 1983 – Dupont P. 1983. Classification et identification d'origine des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. *Dacia* (27), 19–43.
- Dupont 1995/96 – Dupont P. 1995–1996. Amphores archaïques de Grèce proper en Mer Noire. État de la question. *Il Mar Nero* (II), 85–98.
- Dupont 1999 – Dupont P. 1999. Marques signalétiques avant-cuisson sur les amphores ioniennes archaïques. Cercles et croix. *Pontica* (32), 9–18.
- Dupont 2001 – Dupont P. 2001. Amphores "Samiennes" archaïques: sources de confusion et questionnements. *Ceràmiques jònies d'època arcaica: centres de producció i comercialització al Mediterrani occidental. Actes de la*

- Taula Rodona celebrada a Empúries, els dies 26 al 28 de Maig de 1999* / P. Cabrera Bonet, M. Santos Retolaza (eds.). Barcelona, 57–62.
- Dupont 2003 – Dupont P. 2003. Archaic East Greek trade amphoras. *East Greek pottery* / R.M. Cook, P. Dupont (eds.). P., 142–191.
- Dupont 2006 – Dupont P. 2006. Archaic Greek transport amphoras: some recent advances. *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, 20–26.
- Dupont 2007 – Dupont P. 2007. Amphores “Samiennes” archaïques de Mer Noire (approche archéométrique). *Greeks and natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st centuries BC* / S.L. Solovyov (ed.). Oxf., 41–50.
- Dupont 2008 – Dupont P. 2008. Amphores grecques archaïques de Gourna. Note additionnelle. *Hommages à Jean-Claude Goyon. Offerts pour son 70e anniversaire* / L. Gabolde (ed.). P., 123–125.
- Dupont 2010a – Dupont P. 2010. Les amphores “Samiennes” et “Protothasiennes” de Zeest: La piste Nord-Ionienne? *Sunergia Pontica et Aegeo-Anatolica* / P. Dupont, V. Lungu (eds.). Galați, 3–11.
- Dupont 2010b – Dupont P. 2010. Les amphores “Samiennes” et “Protothasiennes” de Zeest: La piste Nord-Ionienne? *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (I), Actes de la table ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006* / D. Kassab Tezgor, N. Inaishvili (eds.). Istanbul, 39–43.
- Dupont, Kacharava 2002 – Dupont P., Kacharava D. 2002. Traces de poissage sur des amphores archaïques de Simagrè (Colchide). *Pont-Euxin et commerce. La genèse de la “route de la soie”*. *Actes du IXe symposium de Vani (Colchide) – 1999* / M. Faudot, A. Fraysse, E. Geny (eds.). P., 219–225.
- Dupont, Skarlatidou 2005 – Dupont P., Skarlatidou E. 2005. Les débuts de la colonisation grecque en mer Noire: éléments de chronologie amphorique. *Pont-Euxin et polis. Polis hellenis et polis barbaron. Actes du Xe symposium de Vani, 23–26 Septembre 2002* / D. Kacharava, M. Faudot, E. Geny (eds.). Besançon, 77–82.
- Dupont, Skarlatidou 2012 – Dupont P., Skarlatidou E. 2012. Archaic transport amphoras from the first necropolis of Clazomenian Abdera. *Η κεραμική της αρχαϊκής εποχής στο βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (700–480 π.Χ.)*, *Θεσσαλονίκη, 19–22 Μαΐου 2011* / M. Tiverios, B. Misailidou-Despotidou, E. Manakidou, A. Arvanitaki (eds.). Thessaloniki, 253–264.
- Empereur, Simossi 1990 – Empereur J.-Y., Simossi A. 1990. Travaux de l’Ecole Française en Grèce en 1989. Thasos, 1. Le port. *BCH* (114), 881–887.
- Ersoy 1993 – Ersoy Y.E. 1993. *Clazomenae: The Archaic settlement* (diss. Bryn Mawr College).
- Ersoy 2004 – Ersoy Y.E. 2004. Klazomenai: 900–500 BC. History and settlement evidence. *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, Abdera 20–21 October 2001* / A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy (eds.). Thessaloniki, 43–76.
- Filis 2011 – Filis K. 2011. *Εμπορικοί αμφορείς από την αρχαία Ακάνθο και το τοπικό εργαστήριο* (diss. University of Thessaloniki).
- Filis 2012a – Filis K. 2012. Ιωνικοί αμφορείς στο βόρειο Αιγαίο. *Η κεραμική της αρχαϊκής εποχής στο βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (700–480 π.Χ.)*, *Θεσσαλονίκη, 19–22 Μαΐου 2011* / M. Tiverios, B. Misailidou-Despotidou, E. Manakidou, A. Arvanitaki (eds.). Thessaloniki, 265–280.
- Filis 2012b – Filis K. 2012. Εμπορικοί αμφορείς από εργαστήρια του Βορείου Αιγαίου στο νεκροταφείο της Ακάνθου. *Διήγεσσα, Τιμητικός τόμος για την Κατερίνα Ρωμοπούλου* / P. Adam-Veleni, K. Zzanavari (eds.). Thessaloniki, 219–225.
- Filis 2012c – Filis K. 2012. Transport amphorae workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic times. *Topics on Hellenistic Pottery in Ancient Macedonia* / S. Drougou, I. Touratsoglou (eds.). Athens, 60–85.
- Filis 2019 – Filis K. 2019. Τα τοπικά εργαστήρια και οι εισαγωγές εμπορικών αμφορέων στο Βόρειο Αιγαίο στους κλασικούς χρόνους. Εμπορικά δίκτυα και αγορές καταναλωτικών αγαθών. *Η κεραμική της κλασικής εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (480–323/300 π.Χ.)* / E. Manakidou, A. Avramidou (eds.). Thessaloniki, 243–261.
- Gauer 1975 – Gauer W. 1975. Die Tongefässe aus dem Brunnen unterm Stadion-nordwall und in südost-Gebiet. *Olympische Forschungen* (8), 119–132.
- Georgopoulou 2001 – Georgopoulou B. 2001. Κωακοί αμφορείς από την Καρδάμαινα (αρχαία Αλάσαρνα) της Κω. *Ιστορία – Τέχνη – Αρχαιολογία της Κω. Α’ Διεθνές επιστημονικό συνέδριο, Κως, 2–4 Μαΐου 1997* / Γ. Kokkorou-Alevra, A.A. Lemos, E. Simantoni-Bourmia (eds.). Athens, 107–114.
- Grace 1971 – Grace V. 1971. Samian amphoras. *Hesperia* (40), 52–95.
- Grandjean 1988 – Grandjean Y. 1988. *Recherches sur l’habitat Thasien à l’époque grecque. Etudes Thasiennes* (XII). P. - XII. 353 p.
- Grandjean 1992 – Grandjean Y. 1992. Contribution à l’établissement d’une typologie des amphores thasiennes, le matériel amphorique du quartier de la porte du Silène. *BCH* (116), 541–584.

- Greene et al. 2008 – Greene E., Lawall M., Polzer M. 2008. Inconspicuous consumption. The sixth-century BCE shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey. *American Journal of Archaeology* (112), 685–711.
- Isaac 1986 – Isaac B. 1986. *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden. XVI. 304 p.
- Johnston 1990 – Johnston A.W. 1990. Aegina, Aphaia-tempel XIII. The storage amphorae. *AA* (1), 37–64.
- Johnston 1991 – Johnston A.W. 1991. An archaic amphora of Thasian type. *Hesperia* (60), 363–365
- Johnston, Jones 1978 – Johnston A., Jones R.E. 1978. The "SOS" amphora. *The Annual of the British School at Athens* (73), 103–141.
- Κάντζια 1994 – Κάντζια Χ. 1994. Ένα κεραμικό εργαστήριο αμφορέων του πρώτου μισού του 4^{ου} αι. π.Χ. στην Κω. Γ' Επιστημονική συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική, Θεσσαλονίκη 24–27 Σεπτεμβρίου 1991 / Athens, 323–354.
- Karagiannakidis, Lykourinos 2009 – Karagiannakidis N., Lykourinos K. 2009. *Νεάπολις-Χριστούπολις-Καβάλα, Οδοιπορικό στον χώρο και τον χρόνο της παλιάς Πόλης, Δήμος Καβάλας*. Kavala. -172 p.
- Kasseri 2015 – Kasseri A. 2015. *Archaic trade in the northern Aegean: the case of Methone in Pieria, Greece* (diss. Univ. of Oxford).
- Koehler 1978 – Koehler C.G. 1978. *Corinthian A and B Transport Amphoras* (diss. Princeton Univ.).
- Koehler 1981 – Koehler C.G. 1981. Corinthian developments in the study of trade in the 5th c. *Hesperia* (50), 449–458.
- Koukouli-Chrysanthaki 1980 – Koukouli-Chrysanthaki Ch. 1980. Οι αποικίες της Θάσου στο Β. Αιγαίο. Νεωτέρω ευρήματα. Α' Τοπικό Συνέδριο. Η Καβάλα και η περιοχή της, Καβάλα 18–20 Απριλίου 1977. Thessaloniki, 309–325.
- Koukouli-Chrysanthaki 1997 – Koukouli-Chrysanthaki Ch. 1997. "Parthenos". *LIMC* (VIII 1B Suppl). Zürich-Düsseldorf, 944–948.
- Kotsonas et al. 2017 – Kotsonas A., Kiriati E., Charalambidou X., Roumpou M., Suzanne Muller N., Bessios M. 2017. Transport Amphorae from Methone: An Interdisciplinary Study of Production and Trade ca. 700 BCE. *Panhellenes at Methone. Graphé in Late Geometric and Protoarchaic Methone, Macedonia (ca. 700 BCE)* / J. Strauss Clay, I. Malkin, Y.Z. Tzifopoulos (eds.). Berlin; Boston, 9–19.
- Lambrino 1938 – Lambrino M.F. 1938. *Les vases archaïques d'Histria*. Bucarest. - 375 p.
- Lawall 1995 – Lawall M. 1995. *Transport Amphoras and Trademarks: Imports to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B.C.* University of Michigan. – 435 p.
- Lawall 2004 – Lawall M.L. 2004. Amphoras without stamps: chronologies and typologies from the Athenian Agora. ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική, Βόλος 17–23 Απριλίου 2000 / Athens, 445–454.
- Lawall 2011 – Lawall M.L. 2011. Transport amphoras from well J 2:4. *The symposium in context. Pottery from a Late Archaic House near the Athenian Agora, Hesperia* (Suppl. 46) / K.M. Lynch (ed.). Princeton, 295–326.
- Lawall 2017 – Lawall M. 2017. Regional Styles of Transport Amphora Production in the Archaic Aegean. *Material Koinai in The Greek Early Iron Age and Archaic Period, Acts of an International Conference at the Danish Institute at Athens, 30 January – 1 February 2015* / S. Handberg, A. Gadolou (eds.). Athens, 289–311.
- Lazaridis 1960 – Lazaridis D. 1960. Νεάπολις (Καβάλα). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (16), Chron., 219.
- Lazaridis 1961/62 – Lazaridis D. 1961/62. Νεάπολις (Καβάλα). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (17), Chron. B2, 235–238.
- Lazaridis 1963 – Lazaridis D. 1961/62. Νεάπολις (Καβάλα), Θάσος, Αλυκή. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (18), Chron. B2, 257–258.
- Lazaridis 1964 – Lazaridis D. 1964. Νεάπολις (Καβάλα). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (19), Chron. B2, 370–372.
- Lazaridis 1965 – Lazaridis D. 1965. Νεάπολις (Καβάλα). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (20), Chron. B3, 446.
- Lazaridis 1967 – Lazaridis D. 1967. Νεάπολις (Καβάλα). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (21), Chron. B2, 417.
- Lazaridis 1969 – Lazaridis D. 1969. *Νεάπολις-Χριστούπολις-Καβάλα, Οδηγός Μουσείου Καβάλας*. Athens. - 138 σ. 49. πιν.
- Lazaridis 1971 – Lazaridis D. 1971. *Thasos and its Peraia. Ancient Cities* (5). Athens. – 207 p.
- Loukopoulou 2004 – Loukopoulou L. 2004. Thrace from Strymon to Nestos. *An inventory of Archaic and Classical Poleis* / M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.). N.Y., 854–869.
- Malama 1998 – Malama P. 1998. Παναγία – Οδός Θ. Πουλίδου (οικ. Νούλα – Τζελέπη). *Αρχαιολογικόν Δελτίον* (53), Chron. B2, 716.
- Monachov 2003 – Monachov S.J. 2003. Amphorae from unidentified centers in the Northern Aegean. *The cauldron of Ariantas, Studies Presented to A.N. Scaglov on the occasion of his 70th Birthday* / P. Guldager Bilde, J. Munk Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus University Press, 247–259.
- Moschonisioti et al. 2005 – Moschonisioti S., Pentedeka A., Kiriati E., Mexi M. 2005. Πετρογραφικές αναλύσεις γεωμετρικής και πρώιμης αρχαϊκής κεραμικής από το νεκροταφείο της αρχαίας Μένδης. Μερικές

- σκέψεις για την παραγωγή και διακίνηση κεραμικής στην κεντρική Μακεδονία. *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη* (19), 249–267.
- Nedev, Gyuzelev 2011 – Nedev D., Gyuzelev M. 2011. The 6th century BC Chian white-slipped amphorae from Apollonia (results of the most recent archaeological investigations). *PATABS* (II) / Ch. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozhkova (eds.). Sofia, 63–71.
- Niemeier 1999 – Niemeier W.-D. 1999. Die Zierde Ioniens. Ein archaischer Brunnen, die jüngere Athenatempel und Milet vor der Perserzerstörung. *AA*, 373–413.
- Nikolaidou-Patera 1987 – Nikolaidou-Patera M. 1987. Πρώτα μηνύματα από μια πόλη της Περιοχής κοιλάδας. *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη* (1), 343–352.
- Nørskov 2004 – Nørskov V. 2004. Amphorae from three wells at the Maussolleion of Halikarnassos: something to add to the typology of mushroom rims? *Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the international colloquium at the Danish Institute at Athens. September 26–29, 2002* / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 285–291.
- Peristeri-Otatzis 1986 – Peristeri-Otatzis C. 1986. Amphores et timbres amphoriques d'Abdère. *BCH* (Suppl. XIII), 491–496.
- Pratt 2014 – Pratt C.E. 2014. *Critical Commodities: Tracing Greek Trade in Oil and Wine from the Late Bronze Age to the Archaic Period* (diss. University of California L.A.).
- Pratt 2015 – Pratt C.E. 2015. The 'SOS' amphora: an update. *The Annual of the British School at Athens* (110), 1–33.
- Prokova 2014 – Prokova A. 2014. *Die figürliche Tonvotivie aus dem Heiligtum der Parthenos in der antiken Stadt Neapolis* (diss. Universität zu Köln).
- Prokova 2017 – Prokova A. 2017. Aspekte kollektiver Identität im antiken Neapolis – zwischen Abgrenzung und Zugehörigkeit. *Urbanitas – urbane Qualitäten: Die antike Stadt als kulturelle Selbstverwirklichung RGZM – Tagungen* (33) / A.W. Busch, J. Griesbach, J. Lipps (eds.). Heidelberg, 273–286.
- Prokova forthcoming – Prokova A. Η θεά Παρθένος της Νεάπολης. *Ιερά και Λατρείες στο Αιγαίο από τους Πρωίμους Ιστορικούς Χρόνους έως και την Υστερη Αρχαιότητα, 11–15 September 2019, Varos Village, Lemnos* / P. Triantafyllidis (ed.), forthcoming.
- Rizzo 1990 – Rizzo M.A. 1990. *Complessi tombali dall' Etruria meridionale, Le anfore da trasporto e il commercio Etrusco arcaico*. Roma.
- Roberts 1986 – Roberts S.R. 1986. The Stoa Gutter Well. A late archaic deposit in the Athenian Agora. *Hesperia* (55), 1–72.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora* (XII/I, II). Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Seifert 2004 – Seifert M. 2004. *Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet*, BAR International Series 1233. Oxf. – 124 p.
- Sezgin 2004 – Sezgin Y. 2004. Clazomenian transport amphorae of the seventh and sixth centuries. *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, Abdera 20–21 October 2001* / A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy (eds.). Thessaloniki, 169–183.
- Stocker 2009 – Stocker S.R. 2009. *Illyrian Apollonia: Towards a New Ktisis and Development History of the Colony* (diss. Univ. of Cincinnati).
- Tiverios 2008 – Tiverios M. 2008. Greek Colonisation of the Northern Aegean. *Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas* (2) / G.R. Tsetschladze (ed.). Leiden; Boston, 1–154.
- Tzochev et al. forthcoming – Tzochev Ch., Kallintzi C., Kefalidou E., Georgiadis M. The amphorae of ancient Abdera: new data for local production from APAX survey. *PATABS* (IV) / V. Lungu, N. Inaishvili, D. Kassab Tezgör (eds.) forthcoming.
- Vrachionidou 2019 – Vrachionidou S. 2019. Εμπορικοί αμφορείς της κλασικής περιόδου από τη βόρεια Πελοπόννησος. *Η κεραμική της κλασικής εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (480–323/300 π.Χ.)* / E. Manakidou, A. Avramidou (eds.). Thessaloniki, 225–241.
- Whitbread 1995 – Whitbread I.K. 1995. *Greek transport amphorae: a petrological and archaeological study*. Athens 1995.
- Whitbread 2003 – Whitbread I.K. 2003. Clays of Corinth. The study of a basic resource for ceramic production. *Corinth, the centenary 1896–1996* / C.K. Williams II, N. Bookidis (eds.). Princeton, 1–13.
- Zannis 2014 – Zannis A. 2014. *Le pays entre le Strymon et le Nestos: géographie et histoire (VIIe–IVe siècle avant J.-C.)*. Meletemata (71). Athens. – 638 p.

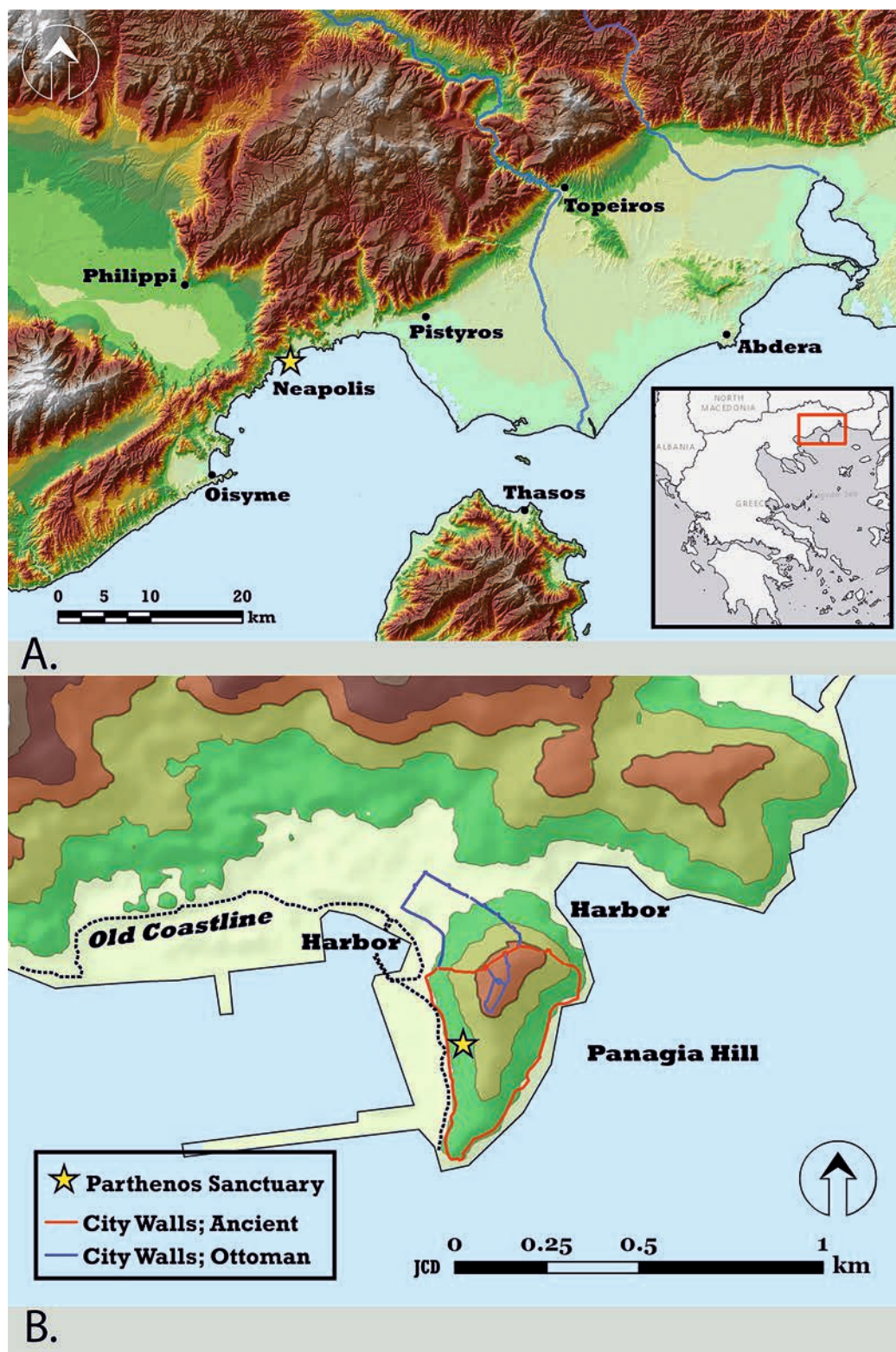

Fig. 1. Map of Thasos and its peraea (A), map of Neapolis and the location of Parthenos' sanctuary (B)

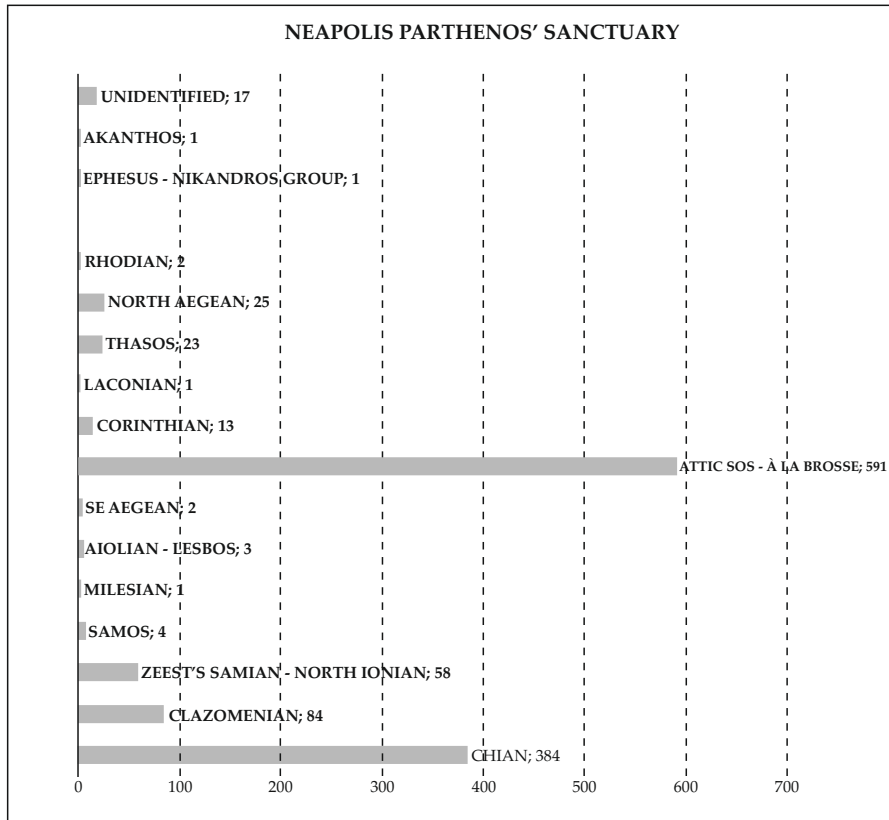

Fig. 2. Frequency of the amphoras from the sanctuary

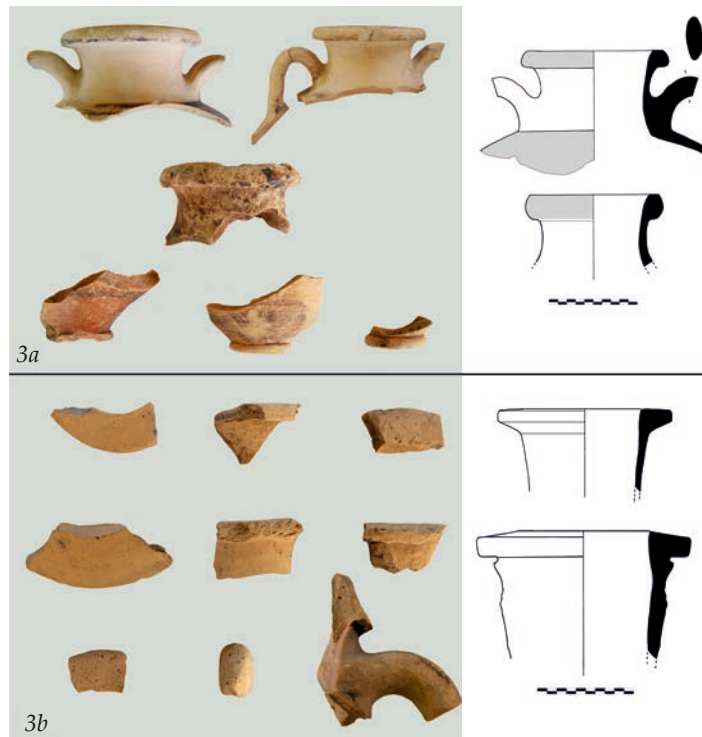

Fig. 3. Attic à la brosse (a), Corinthian type A (b)

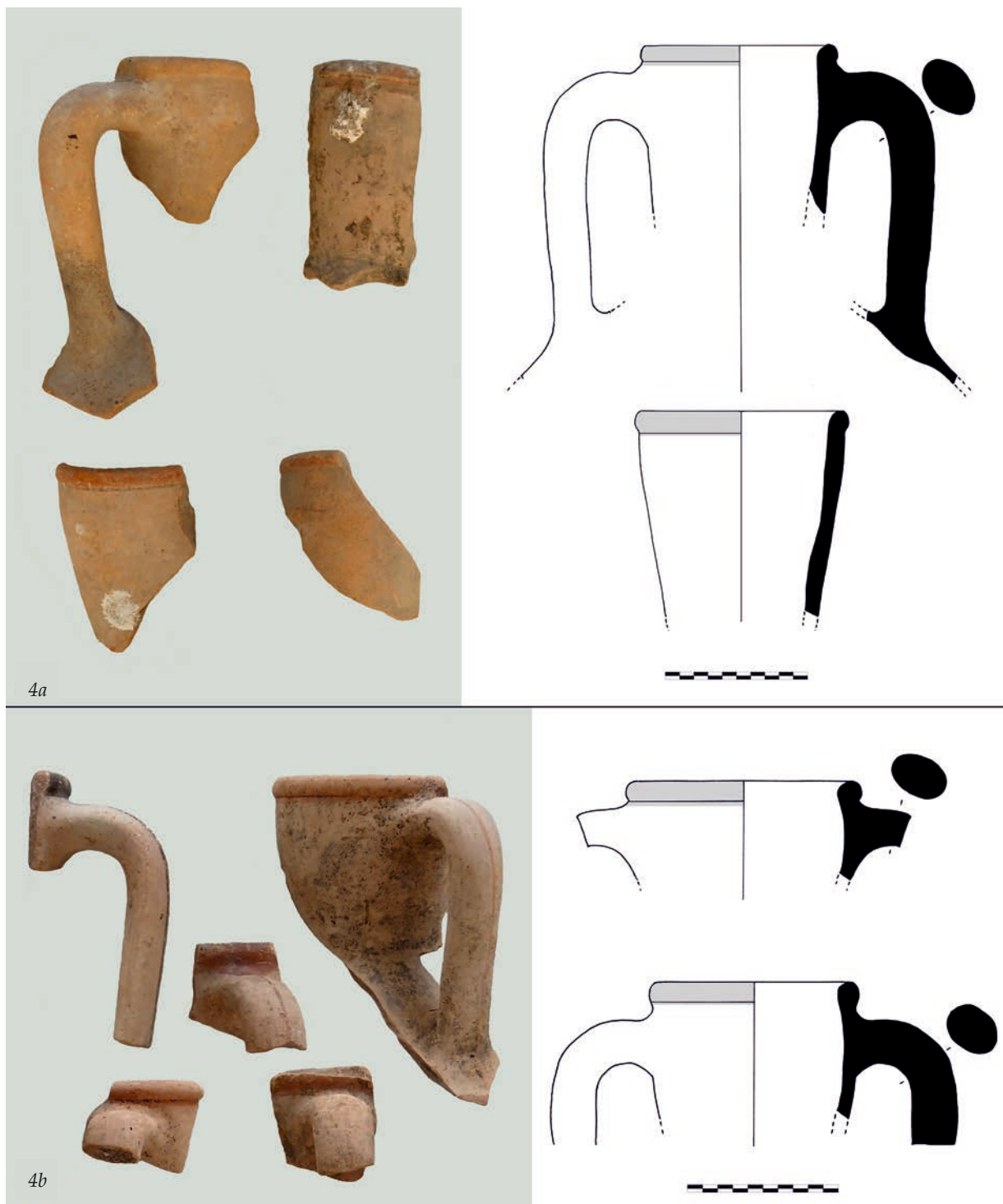

Fig. 4. Chian funnel neck (a) and bulging neck (b)

Fig. 5. Klazomenian (a) and other North Ionian (b)

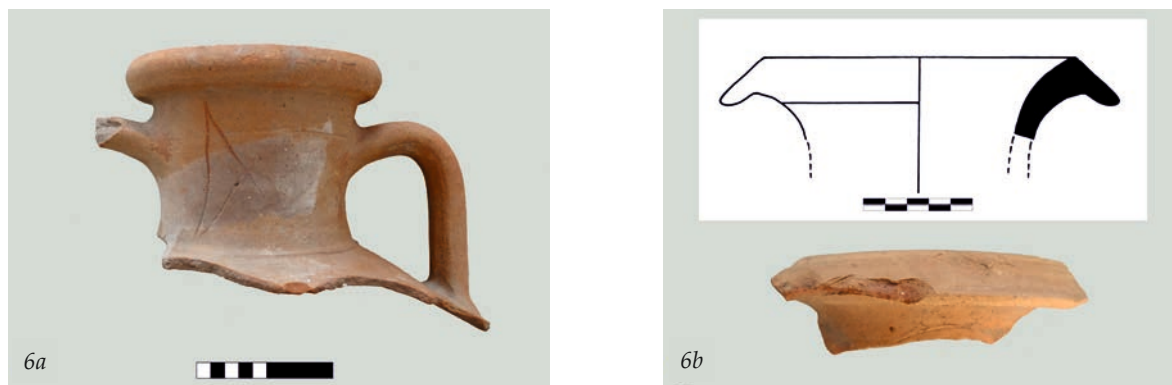

Fig. 6. Southeast Aegean, Samos/Miletos (a) and mushroom rim – Solocha I (b)

Fig. 7. North Aegean 'double-band' rims (a) and 'wedge-shaped' rims (b)

КЛЕЙМА НА «ПРОТОФАСОССКИХ» АМФОРАХ В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Аннотация: для хронологии Березанского поселения время поступления клейменных «протофасосских» амфор соответствует значительной части периода его существования как урбанизированного центра. Большая часть находок таких клейм происходит из позднеархаических слоев конца VI – первой половины V в. до н.э. Имеющиеся клейменные горла принадлежат амфорам III серии по С.Ю. Монахову. Поскольку практика такого клеймения существовала не менее половины столетия с середины VI в. до н.э., за выпуском значительной части амфор I–III серий должен стоять один и тот же североионийский центр, положивший начало производству керамической тары «протофасосского» типа, и затем длительное время поставлявший свою продукцию на причерноморские рынки.

Ключевые слова: «протофасосские» амфоры, амфорная тара, амфорные клейма, архаический период.

D.E. Chistov¹

STAMPS ON "PROTOTHASIAN" AMPHORAE IN THE LATE ARCHAIC CONTEXTS OF THE BEREZAN SETTLEMENT

Summary: chronology of the imports of stamped "protothasian" amphorae corresponds to a significant part of the period of existence of Berezan settlement as an urban center. Most of the finds of such stamps come from the late archaic layers of an urbanized settlement of the late 6th – first half of the 5th century BC. Stamped fragments, identified by the rim profiles, belong to amphorae of the III-rd series according to S.Yu. Monakhov typology. Since the practice of such stamping existed for at least half a century from the middle of the 6th century BC, the production of a significant part of amphorae of I–III series should belong the single North-Ionian center, which started the production of ceramic containers of the "proto-Thasian" type, and later proceeded to deliver its products to the Black Sea markets for many decades.

Keywords: "proto-Thasian" amphorae, transport amphorae, amphora stamps, archaic period.

Эта небольшая заметка посвящена группе клейм на так называемых «протофасосских» – «самосских» амфорах по И.Б. Зеест (Зеест 1960: 137–142, табл. I.3, V.15, VI.15) или амфорах неизвестного центра производства на сложнопрофилированной ножке (Монахов 2003: 38–42). Попытки атрибуции этих сосудов к какому-то определенному центру или региону имеют продолжительную и пока не вполне успешную историю. Хотя морфологическая связь их поздних серий с керамической тарой Фасоса, отразившаяся в прижившемся в отечественной литературе названии (Зеест 1960: 80) в наши дни уже никем не признается, их производство также связывали с каким-то неустановленным центром Северной Эгеиды (Dupont 1999: 153; Монахов 2003: 37; Монахов и др. 2016: 23). В качестве такового предлагались Абдеры, благодаря сходству с амфорами, изображенными на монетах этого центра второй четверти V в. до н.э. Амфорное производство в этом городе известно также благодаря клеймам с грифоном – эмблемой, встречающейся, в свою очередь, и на монетах (Peristeri-Otatzí 1986).

Однако к настоящему времени общепризнанным является факт, что для амфорной тары позднеархаического Фасоса и северозэгейского региона в целом характерна подтреугольная («клиновидная») профилировка венцов. Связь «протофасосских» амфор с Абдерами на основе монет и клейм – ошибка, поскольку последние нанесены на горла с характерным северозэгейским «клиновидным» венцом, не имеющим ничего общего с валикообразными венчиками амфор «протофасосского» типа (Lawall et al. 2010: 357). Куда более вероятно восточногреческое, точнее – североионийское происхождение этого типа керамической тары (Lawall et al. 2010:

¹ Чистов Дмитрий Ефимович, кандидат исторических наук, с.н.с. сектора Античной археологии Государственного Эрмитажа, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, d.chistov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6604-5792>.

Țirzescu 2012: 124; Sezgin 2012: 259–271, 325). Учитывая наличие клейм с буквой «Е», о которых речь пойдет ниже, эти амфоры можно было бы соотнести с продукцией полиса Эрифры. Проведенные П. Дюпоном рентгенофлуоресцентные анализы ранее не показали близости состава глин сосудов с такими клеймами с другим амфорным материалом Эрифр позднеклассического и эллинистического периодов (Dupont, Lungu 2009: 3–11). Однако этот же исследователь впоследствии предположил, что большая часть амфор «протофасосских» серий все же изготавливалась в Северной Ионии, на полуострове Чешме, большей частью на территории мыса Карабурун (Мимас) и сельской территории Эрифр. Кроме того, сосуды сформованные из темно-оранжевой глины, могут происходить из Эгейской Фракии, а некоторые имитации этой формы производились в V в. до н.э. на Хиосе² и даже в Милете (Dupont 2006; 2019a: 56–58).

Вместе с тем, и эти выводы нельзя считать окончательными: в ходе стратиграфических зондажей турецко-австрийской экспедиции 2011–2012 гг. в районе крепостной стены Теоса в слое VI–V вв. до н.э. были найдены фрагменты керамического брака, в том числе, венчик амфоры, схожей профилировки с «протофасосскими». По результатам нейтронно-активационного анализа он был отнесен к группе Теос В, т.е. продукции этого города (Kadioğlu et al. 2015: 349–350, Abb.2): тот же состав имеет глина архаических «чаш с птицами» местного производства.

Однако как выглядели амфоры Теоса? На этот вопрос также нет общепринятого ответа. Согласно гипотезе Ю. Сезгина (Sezgin 2017) таковыми для первой половины VI в. до н.э. являются амфоры Клазомен или «круга Клазомен» специфической «луковицеобразной» формы (Монахов 2003: 51, 52, табл. 32 -1; Țirzescu 2012: 98–100). Данное предположение очень хорошо согласуется с хронологией находок сосудов этих серий на Березанском поселении, где их даты не выходят за пределы 540-х гг. до н.э., т.е. времени захвата Теоса персами и переселения теосцев (по меньшей мере, их части) в Абдеры и Фанагорию (Чистов 2018: 24–25; Чистов и др. 2019: 12–14).

Морфология различных серий «протофасосских амфор» имеет мало общего с продукцией соседних с Теосом Клазомен; напротив, в них прослеживаются очевидные связи с южноионийской керамической традицией. Неудивительно, что украинский исследователь В.В. Рубан три десятка лет назад даже пытался выстроить их в один последовательный типологический ряд с керамической тарой Милета (Рубан 1991), а И.Б. Зеест определяла раннюю «протофасосскую» амфору третьей четверти VI в. до н.э. как «самосскую» (Зеест 1960: 137, рис. 1 -3).

В одной из статей (Lawall 2017) и недавно прочитанном докладе³ М. Лаваль пытается уравновесить перечисленные выше противоречия результатов анализов глин и стилистического анализа смелой гипотезой, в рамках которой Теос, как один из возможных центров производства амфор «протофасосских» серий, находился на северной границе распространения гончарного «койнэ», определенного регионального стиля юго-восточной Эгеиды, для амфорного производства которого был характерен массивный валикообразный или овальный в сечении венчик и ножка в форме кольцевого поддона. Эта форма амфорной тары могла попасть в Северную Эгеиду из Северной Ионии с гончарами в составе переселенцев, бежавших от персидского нашествия 546/47 гг. до н.э., и изготавливаться на новом месте параллельно с бытованием амфор местного регионального стиля до угасания этой традиции в V в. до н.э. Производство в позднеархаической Фракии «по-ионийски» выглядящих амфор могло, по мысли автора, облегчить их проникновение на рынки Северного Причерноморья, имевших к тому времени устоявшиеся экономические связи с ионийскими центрами.

Если с определением мест производства амфор со сложнопрофилированными ножками остается много неясного, их хронологию за последние десятилетия удалось значительно уточнить. Огромную роль в этом отношении сыграли работы нашего почитаемого юбиляра

² Помеченные колечками темной краски амфоры IV серии по С.Ю. Монахову (2003).

³ “Sorting the ‘Samians’ of the 6th and 5th centuries B.C.” PATABS IV, 2021.

С.Ю. Монахова: «протофасосские» амфоры были им разделены на пять основных серий (Монахов 2003: 38–43; Monachov 2003). Согласно этой схеме, их производство охватывает период от середины VI в. до н.э. до второй четверти или середины V в. до н.э.

В комплексах Березанского поселения I периода (т.е. времени до 540-х гг. до н.э.) этот тип тары практически отсутствует или встречается в качестве случайных примесей. Несколько целых сосудов или их крупных фрагментов самой ранней I-й серии найдено в полуземлянках и хозяйственных ямах конца этого периода, датирующихся около середины VI в. до н.э. (Чистов и др. 2019: 14, рис. 2 -5, 6, 9, 10). По-видимому, именно с указанного типа начинается ввоз «протофасосской» тары в Северное Причерноморье, вскоре приобретающий массовый характер: уже в третьей четверти VI в. на Березани они составляют около 12,5 % от общего числа ввозившихся амфор. На это время приходится значительные изменения в структуре импорта товаров в амфорах: помимо резкого появления заметной доли «протофасосской» тары, выявлен также рост лесбосского и хиосского импорта при одновременном сокращении ввоза товаров в амфорах Милета, Самоса и Клазомен (Чистов 2018: 22, рис. 2–3). Быстрый рост доли «протофасосских» амфор на рынках Северного Причерноморья в третьей четверти VI в. до н.э., пожалуй, свидетельствует против связи первого места их производства непосредственно с Теосом (см. выше), поскольку вступает в противоречие с персидским разгромом и оттоком населения из этого города в то же самое время.

Неустановленный центр, начавший производство амфор «протофасосских» серий, примечателен не только своим быстрым коммерческим успехом на рынке причерноморских колоний. По-видимому, он же стал первым ионийским экспортером, установившим практику клеймения своей тары. Эти клейма наносились штампами, состоявшими из одной рельефной буквы в рамке. Абсолютное большинство известных оттисков содержит букву «Е», но встречаются и иные литеры (Dupont 2019b: 36–38, note 15), полный перечень которых еще не составлен. Поскольку клеймо «Е» (рис. 1 -18) известно на целом сосуде самой ранней «пифоидной» I серии (Nicolau, Empereur 1986: 530–531, fig. 15a-b), можно утверждать, что спорадическое клеймение «протофасосских» амфор началось уже в середине VI в. до н.э. Однако эта практика не имела регулярного характера. Целые сосуды или крупные фрагменты амфор определяемого типа с такими оттисками относительно редки. Все целые опубликованные экземпляры, происходящие с памятников Северного Причерноморья относятся к III серии, датируемой, по схеме С. Ю. Монахова, концом VI – началом V в. до н.э. (Монахов 2003: 40). В опубликованных томах корпуса амфор из российских музеев для ряда поздних сосудов этой серии верхняя дата повышается до первых десятилетий V в. до н.э. (Монахов и др. 2016: 85; 2019: 115–117; 2020: 132–134) или даже второй четверти V в. до н.э. (Монахов и др. 2020: 135 NA.7).

В числе известных клейменных сосудов III серии – две амфоры с клеймами «Е» из раскопок некрополя Ольвии 1975 и 1988 гг. (Монахов 2003: 40, 254, табл. 24 -5–6), амфора с клеймом «Е» из Старой Богдановки (Монахов 2003: 40, 254, табл. 24 -7; Monachov 2003: 252, fig. 3 -1) и амфора того же типа из Гермонассы с клеймом «Σ» (Монахов 2003: 254, табл. 24 -8; Monachov 2003: 252, fig. 3 -2; Монахов и др. 2020: 33)⁴.

Реальную частоту клеймения «протофасосских» амфор оценить затруднительно, учитывая неизвестную его продолжительность и вероятность того, что в числе сосудов поздних серий находится значительное количество имитаций разных центров производства, клеймение не практиковавших. Исключительно в качестве иллюстрации можно привести следующие цифры. В ходе раскопок участка «О-Западный» Березанского поселения 2004–2018 г. экспедицией Эрмитажа в слоях различных стратиграфических периодов VI – первой половины V в. до н.э. уч-

⁴ См. также базу данных APE, каталог № APE.IV-NA.5, электронный ресурс: <https://ape.sgu.ru/Amphora/catalog#amphora=26870>.

тено 489 «протофасосских» амфорных ножек, т.е. условных сосудов (Чистов 2018: 32, рис. 1), при том, что за тот же период на том же участке найдено 11 клейм «Е» (см. ниже). Таким образом, в данном случае соотношение составляет примерно 1:44. В онлайн базе данных «Греческие амфоры с северных берегов Понта (APE)» к настоящему времени учтены 14 целых амфор III серии, из которых с клеймом – лишь одна (из раскопок Гермонассы, APE.IV-NA.5).

К настоящему времени не имеется сводных работ по находкам таких клейм и вариантам их штампов. Можно лишь сказать, что они известны на разных памятниках Северного Причерноморья, а их общее число исчисляется многими десятками, если не сотнями. Так, в IOSPE III (№ 187–214) учтены рельефные клейма «Е» из Ольвии, Пантикапея, Порфмия, Тиритаки, Мирмекия; в Ольвии такое клеймо есть в материалах агоры (Леви 1964: 136, рис. 3 -2); семнадцать «протофасосских» клейм с буквой «Е» имеется в коллекции из раскопок Фанагории (Кутинова 2005: 402, рис. 1 -8–9), пять таких клейм найдено в Горгии (Кац 2015: 19, кат. №№ 1–5). Известны они и в Средиземноморье, в том числе – на Кипре (Nicolaou, Empereur 1986: 530–531, fig. 15a, b, No 16), на Эгине (Johnston 1990: 21 fig. 10, No. 122), в карийском Иасосе и в материалах агоры Афин (Johnston 1990: 51–52, note 26; Carlson 2004: 188, fig. 76).

Датировка этих оттисков пока остается весьма условной. С.Ю. Монахов и В.И. Кац отмечали, что с учетом наличия клейма на «пифоидной» амфоре ранней I серии из музея Никосии их выпуск мог растянуться на несколько десятилетий (Монахов 2003: 39–40; Кац 2007: 163–164), хотя неясно, имел ли он непрерывный характер. Мы, по-видимому, не знаем таких клейм на амфорах II серии, выпускавшихся в третьей четверти VI в. до н.э.

Полезным инструментом для уточнения хронологии различных групп амфор, как и других категорий греческой привозной керамики архаического и раннеклассического периодов, может стать изучение интересующего нас материала в контекстах Березанского поселения. Этот памятник хорошо стратифицирован, а исследованные слои и комплексы в подавляющем большинстве случаев могут быть уверенно отнесены к периодам и фазам, имеющим продолжительность 20–50 лет⁵.

В нашем распоряжении есть сведения о двадцати «протофасосских» клеймах, найденных на Березани. Восемь из них (табл. 1 -№№ 12–19, рис. 1 -12–19) происходят из раскопок Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1960-х – 1980-х гг. (раскопы «С», «СЗ», «Г» в северной и северо-западной частях острова), и в настоящее время находятся в составе коллекции музея⁶, одиннадцать (табл. 1 -№№ 1–11, рис. 1 -1–11) были найдены в ходе раскопок эрмитажной экспедиции 2004–2018 гг. на раскопе «О-Западный» (северо-восточная часть Березанского поселения). Кроме того, одно клеймо «Е» из раскопок В.В. Лапина опубликовано А.В. Буйских в числе прочих амфорных находок соседнего участка «О-Восточный» 1960-х – 1970-х гг. (Буйских 2013: 93, рис. 8 -8).

Необходимо принимать в расчет, что все эти находки происходят из раскопок разного времени и различных исследователей, поэтому датировки их контекстов не всегда могут быть уточнены в рамках общей стратиграфической схемы. В составе коллекции из раскопок участка «О-западный» 2004–2018 гг. три клейма (табл. 1 -№№ 1, 3, 7) происходят из недатируемых слоев, два клейма (№№ 9, 11) происходят из напластований фазы II-A, т.е. каменно-сырцовых домов, построенных после 540-х гг. до н.э., одно клеймо (№ 8)⁷ найдено в хозяйственной яме короткого стра-

⁵ О хронологии стратиграфических периодов Борисфена – Березани и возможностях уточнения датировок амфорной тары в соответствии с этой хронологией подробнее см. (Чистов 2018; Чистов и др. 2019).

⁶ Некоторые из «протофасосских» клейм березанской коллекции Эрмитажа ранее были упомянуты П. Дюпоном (Dupont 2019a: fig. 3c, 4, 7–9, note 15), однако в текст этой публикации, к сожалению, воцарались несколько ошибочных инвентарных номеров и несоответствий номеров и изображений.

⁷ Ранее публиковалось автором (Чистов и др. 2020: 378, табл. 86 -2).

тиграфического этапа ПВ-1 (последняя четверть VI в. до н.э.). Кроме того, два клейма (№№ 5, 10) найдены на уровне двора и городской улицы следующего строительного этапа П-В2, соответствующего времени восстановления городской застройки после разрушений конца VI в. до н.э. и ее дальнейшего существования на протяжении первой половины или первой трети V в. до н.э.

Еще три таких клейма найдены в мусорных слоях III периода, перекрывающих руины этих построек (№№ 2, 4, 6). Опыт изучения этих слоев показывает, что, хотя в них присутствуют находки середины – третьей четверти V в. до н.э., основная масса керамики все же датируется более ранним временем, т.е. концом VI – первой половиной V в. до н.э. (фаза П-В2).

Найденные на раскопе «О-западный» клейма демонстрируют большое разнообразие штампов; одному штампу принадлежат оттиски №№ 4, 8 и 11 (первые два – контексты периодов ПВ-1 и III, последнее – фаза П-А, см. выше). Схожи также оттиски №№ 2, 7, 10 – вероятно, №№ 2 и 10 (периоды П-В2, III) принадлежат одному штампу. Большая часть «протофасосских» клейм отпечатана на обломках ручек, лишь одно (№ 9) оттиснуто на венчике, и одно (№ 1) – на нижней части тулова.

Из раскопок эрмитажной экспедиции северо-западных участков поселения происходят восемь клейм, которые можно соотнести с «протофасосскими» амфорами. Пять из них (№№ 12, 13, 15, 17, 19), к сожалению, не имеют привязки к хорошо датированным контекстам. В их числе – два клейма «Е», но есть и редкие оттиски – «Θ» (круг с поперечной линией, № 13); «К» (№ 17)⁸; «Δ (?)» (фрагментированное клеймо, № 19). Два первых – на фрагментах с частью горла и венчиком (рис. 2 -13, 17).

Клеймо № 14 найдено в яме № 52 участка «Г», заполнение которой содержало, в основном, мешаный материал V–IV вв. до н.э. (Горбунова 1969: 15). Клеймо № 16⁹ происходит из полудземлянки XXXI середины VI в. до н.э., находившейся на территории, позднее занятой домовладением № 2 квартала «В». По этой причине в заполнении землянки присутствовала примесь керамики времени возведения и существования этого дома (Доманский, Соловьев 1984: 7–8). Клеймо нанесено на ручку сохранившегося до плечиков горла, которое по своим морфологическим особенностям и остаткам характерного крупного знака красной краской на тулове, несомненно, относится к сосудам III серии. Характерные следы нагара внутри и снаружи указывают на то, что сколотая верхняя часть этой амфоры использовалась в доме в качестве печки: на Березанском поселении такое применение вкопанных перевернутыми горл было очень распространенной практикой.

Клеймо № 18 найдено в позднеархаическом слое соседнего дома № 4, построенного уже после разрушений последней четверти–конца VI в. до н.э. Помимо ручки сохранилась часть горла с венчиком вполне типичной для позднеархаических «протофасосских» амфор профилировки, однако глина этого сосуда не характерна – она грубая, светлокорицевого тона, с крупными белыми включениями и небольшим количеством слюды. Необычно и само клеймо – оно представляет собой плохо пропечатанный кружок в глубокой квадратной рамке. По-видимому, речь идет о продукции иного происхождения, не связанной с центром производства «протофасосских» амфор с клеймами «Е».

Хотя приведенное распределение оттисков по стратиграфическим фазам нельзя считать вполне репрезентативным, из него можно сделать определенные выводы. Большая часть находок происходит из позднеархаических слоев урбанизированного поселения конца VI – первой половины V в. до н.э., хотя два клейма (№№ 9, 11) можно связать с горизонтом жилых домов третьей четверти VI в. до н.э. Поскольку большая часть находок представлена обломками ручек без профилей горл, на представленном материале невозможно определить соотношение штам-

⁸ Ранее публиковалось П. Дюпоном (2019а: 38, fig. 7).

⁹ Ранее публиковалось П. Дюпоном (Dupont 2005: 56, No. 62; 2019а: 37, fig. 4).

пов и клеймившихся ими серий «протофасосских» амфор. В случаях, когда профили горла имеются (№№ 16, 18; Буйских 2013: 93, рис. 8-8), они принадлежат амфорам позднерхаической III серии по С.Ю. Монахову.

В целом можно заключить, что продолжительность спорадического клеймения «протофасосских» амфор штампами «Е» соответствует периоду изготовления их I–III серий по классификации С.Ю. Монахова. Для хронологии Березанского поселения время их поступления соответствует значительной части периода его существования как урбанизированного центра. Поскольку практика такого клеймения существовала не менее половины столетия, с середины VI до начала V в. до н.э., за выпуском значительной части амфор данных серий должен стоять один и тот же североионийский центр, положивший начало производству керамической тары «протофасосского» типа, и затем длительное время поставлявший свою продукцию на причерноморские рынки.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских 2013 – Буйских А.В. 2013. Амфоры конца VI – первой половины V в. до н.э. из Борисфена. *Археологія і давня історія України* (2/11), 91–103.
- Горбунова 1969 – Горбунова К.С. 1969. *Отчёт о работе экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 1969 году*. Научный архив ИА НАНУ №1969/16а.
- Доманский, Соловьев 1984 – Доманский Я.В., Соловьев С.Л. 1984. *Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1984 г.* Научный архив ИА НАНУ №1984/144.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА* (83). – 180 с.
- Кац 2007 – Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, ЦАИ БФ «Деметра». – 479 с.
- Кац 2015 – Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище*. Саратов: изд-во Саратовского университета. – 178 с.
- Кутинова 2005 – Кутинова Т.М. 2005. Керамические клейма VI–V вв. до н. э. из раскопок Фанагории. *Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников / М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский (ред.)*. СПб., 401–405.
- Леви 1964 – Леви И.Е. 1964. Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика). *Ольвия: теменос и агора / В.Ф. Гайдукевич (отв. ред.)*. М.; Л.: Наука, 131–174.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва; Саратов: изд-во «Киммериды», изд-во Саратовского университета. – 352 с.
- Монахов и др. 2016 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Саратов; Керчь: типография «Новый проект». – 222 с.
- Монахов и др. 2019 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит. – 352 с.
- Монахов и др. 2020 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Рубан 1991 – Рубан В.В. 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. *СА* (2), 182–195.
- Чистов 2018 – Чистов Д.Е. 2018. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.). *БИ* (XXXVI), 19–36.
- Чистов и др. 2019 – Чистов Д.Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2019. Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани. *ПИФК* (1), 8–24.

- Чистов и др. 2020 – Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Еремеева А.А., Щербакова О.Е. 2020. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов / Археология в Эрмитаже (1)*. – СПб.: Гос. Эрмитаж. – 436 с.
- Bîrzescu 2012 – Bîrzescu I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren / Histria (XV)*. București: Editura. Enciclopedică. – 356 p.
- Carlson 2004 – Carlson D. 2004. *Cargo in context: the morphology, stamping and origins of the amphoras from a fifth-century B.C. Ionian shipwreck. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy*. Austin: The University of Texas. – 258 p.
- Dupont 1999 – Dupont P. 1999. La circulation amphorique en mer Noire à l'époque archaïque. Specificités et problèmes. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Y. Garlan (ed.)*. Aix-en-Provence, 143–161.
- Dupont 2005 – Dupont P. 2005. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection. *Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа (1) / С.Л. Соловьев (ред.)*. СПб.: изд-во Государственного Эрмитажа, 41–69.
- Dupont 2006 – Dupont P. 2006. Amphores “samiennes” archaïques de mer Noire (approche archéométrique). *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th-1st centuries BC. Proceedings of the International Conference October 2000, Taman, Russia (BAR IntSer 1729) / S.L. Solovyov (ed.)*. Oxford: Archaeopress, 41–50.
- Dupont 2019a – Dupont P. 2019. Archaic East Greek Transport Amphorae: Secure Advances and Muddles. *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select papers from the third international conference ‘The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast’, 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun / G.R. Tsatskheladze, S. Atasoy (eds)*. Oxf.: Archaeopress, 52–68.
- Dupont 2019b – Dupont P. 2019. Timbres amphoriques de la Grèce archaïque et des débuts du classicisme. *Analyse et Exploitation des Timbres Amphoriques Grecs / N. Badoud, A. Marangou (eds.)*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 35–44.
- Dupont, Lungu 2009 – Dupont P., Lungu V. 2009. Erythraea: 1. Les amphores “samiennes” et “protothasiennes” de Zeest: la piste nord-ionienne? 2. Les amphores hellénistiques d'Érythées. *Synergia Pontica & Aegeo-Anatolica*. Galați: Pax Aura Mundi, 3–36.
- Johnston 1990 – Johnston A. 1990. Aegina, Aphaia-Tempel. XIII. Storage amphorae. *AA (1990)*, 37–64.
- Kadioğlu et al. 2015 – Kadioğlu M., Özbil C., Kerschner M., Mommsen H. 2014. Teos im Licht der neuen Forschungen. *Anatolien – Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums „Anatolien – Brücke der Kulturen“ in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014. Ü. Yalçın H.-D. Bienert (eds.)*. Bochum; Bonn, 345–367.
- Lawall 2017 – Lawall M. 2017. Regional Styles of Transport Amphora Production in The Archaic Aegean. *Material koinai In the Greek Early Iron Age and Archaic Period. Acts of an International Conference at the Danish Institute at Athens, 30 January – 1 February 2015 (Monographs of the Danish Institute at Athens, Volume 22) / S. Handberg, A. Gadolou (eds.)*. Aarhus, 289–314.
- Lawall et al. 2010 – Lawall M.L., Lejpunskaja N.A., Diatroptov P.D., Samojlova T.L. 2010. Transport amphoras. *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD / BSS (13/1)*. Aarhus: Aarhus University Press, 355–405.
- Monachov 2003 – Monachov S.Ju. 2003. Amphorae from Unidentified Centres in the North Aegean. *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Scegllov on the occasion of his 70th birthday / Black Sea Studies (1) / P.G. Bilde, J.M. Hejste, V.F. Stolba (eds.)*. Aarhus: Aarhus University Press, 247–260.
- Nicolaou, Empereur 1986 – Nicolaou I., Empereur J.-Y. 1986. Amphores rhodiennes du musée de Nicosie. *Recherches sur les amphores grecques / BCH (Suppl. 13) / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.)*, 513–533.
- Peristeri-Otatzis 1986 – Peristeri-Otatzis C. 1986. Amphores et timbres amphoriques d'Abdere. *Recherches sur les amphores grecques / BCH (Suppl. 13) / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.)*, 491–496.
- Sezgin 2012 – Sezgin Y. 2012. *Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul: Yayinlari. – 344 p.
- Sezgin 2017 – Sezgin Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia (43)*, 15–39.

Таблица 1. Перечень клейм на «протофасосских» амфорах из раскопок Березанского поселения

№ п/п (рис. 1–2)	Инв. №	Клеймо	Период	Археологический контекст
1	БЭ 2007 1/8	«Е», в нижней части тулова	-	Р. «О-западный». Случайная находка в отвале
2	БЭ 2007 4/18	«Е», на ручке	III	Р. «О-западный». Слой V в. до н.э., насыщенный раковинами мидий и кальцинированной керамикой
3	БЭ 2008 12/85	«Е», на ручке	-	Р. «О-западный», из слоя
4	БЭ 2009 10/91	«Е», на ручке	III	Р. «О-западный». Слой V в. до н.э., насыщенный раковинами мидий и кальцинированной керамикой
5	БЭ 2009 33/257	«Е», на ручке	II-B2	Р. «О-западный», квартал «Г». Двор перед общественным зданием G-1 (МК-1): горизонт построек конца VI – первой трети V в. до н.э.
6	БЭ 2011 4/59	«Е», на ручке	III	Р. «О-западный». Слой V в. до н.э., насыщенный раковинами мидий и кальцинированной керамикой
7	БЭ 2011 7/118	«Е», на ручке	-	Р. «О-западный». Находки из заполнения современного котлована (возможно шурфы С1, С2 и С3 Э.Р. фон Штерна)
8	БЭ 2012 22/124	«Е», на ручке	II-B1	Р. «О-западный», квартал «Н». Яма 177
9	БЭ 2013 64/373	«Е», на ручке	II-A	Р. «О-западный», дом G-2 (?). Двор/помещение с глинобитной печью в углу стен 85/87 и 96
10	БЭ 2015 6/24	«Е», на ручке	II-B2	Раскоп «О-западный». Улица У-7, поздний горизонт
11	БЭ 2017 33/85	«Е», на ручке	II-A	Р. «О-западный», квартал «I», дом I-3. Пространство помещения/двора (?) к северу от помещения 27 (ранний горизонт)
12	Б.65-196	«Е», на ручке	-	Р. «С»
13	Б.66-204	«Ө», на ручке	-	Р. «С»
14	Б.70-219	«Е», на ручке	III	Р. «Г», яма № 52
15	Б.70-220	«Е», на ручке	-	Р. «Г», юго-восточная часть, из слоя
16	Б.84-398	«Е», на ручке	II-A-B	Р. «Северо-Западный Б», полуземлянка XXXI
17	Б.87-140	«К» на ручке	-	Р. «Северо-Западный Б», из слоя
18	Б.87-147	«О» в квадратной рамке, на ручке	II-B2	Р. «Северо-Западный Б», квартал «В», дом В-4
19	Б.89-257	Фрагментированное, «Δ» (?) на ручке	-	Некрополь, современное углубление

Рис. 1. Клейма «протофасосских» амфор из раскопок Березанского поселения (номера соответствуют каталожным номерам в таблице № 1)

Рис. 2. Клейма на профильных фрагментах горл «протофасосских» амфор из раскопок Березанского поселения (номера соответствуют каталожным номерам в таблице № 1)

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСАХ ЮЖНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В VI–IV ВВ. ДО Н.Э.

Аннотация: в статье рассматриваются археологические и эпиграфические данные из греческих полисов Южного Причерноморья, которые проливают свет на малоизученную до сих пор тему: греко-варварские контакты на южном берегу Понта Эвксинского. В ходе археологических исследований на территории южнопонтских полисов было обнаружено некоторое количество негреческой керамики, которая имеет параллели во внутренних областях Анатолии. В эпиграфических памятниках из этих городов также встречаются малоазийские имена. В совокупности эти данные могут свидетельствовать об определенных контактах греков Южного Причерноморья с окружающими варварскими племенами, а также о присутствии (временном или постоянном) на территории греческих полисов местного населения.

Ключевые слова: Южное Причерноморье, греческие полисы, керамика, анатолийская керамика, эпиграфика, антропонимика, греко-варварские взаимодействия.

T.Yu. Shashlova¹

THE LOCAL POPULATION IN THE GREEK POLEIS OF THE SOUTHERN BLACK SEA REGION IN THE 6th – 4th CENTURIES BC

Abstract: the article deals with archaeological and epigraphic data from the Greek cities of the Southern Black Sea region, which shed light on a still little-studied topic: Greek-barbarian contacts on the southern coast of Pontus Euxeinus. In the course of archaeological research on the territory of the South Pontic poleis, a certain amount of non-Greek pottery was discovered, which has parallels in the interior regions of Anatolia. In epigraphic monuments from these cities, there are also Asia Minor names. Taken together, these data may indicate certain contacts of the Greeks of the Southern Black Sea region with the surrounding barbarian tribes, as well as the presence (temporary or permanent) of the local population on the territory of the Greek poleis.

Keywords: Southern Black Sea region, Greek poleis, pottery, Anatolian pottery, epigraphy, anthropology, Greek-barbarian interactions.

Тема греко-варварских контактов в Причерноморье является актуальной как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В немалой степени этому способствовали интенсивные археологические исследования берегов Понта, проводившиеся в причерноморских государствах в XX и XXI вв. Из всех понтийских регионов область Южного Причерноморья является наименее изученной. Причиной этому, безусловно, является скудость источниковой базы. Упоминания в нарративной традиции об этом регионе, как правило, носят отрывочный и эпизодический характер. Археологические исследования там в течение XX века практически не проводились².

Ситуация начала меняться только в конце XX – начале XXI вв. С 1990-х гг. проводятся археологические исследования на территории турецкого ила Синоп под руководством О. Дунэна, затрагивающие как сам древний город, так и другие районы этой турецкой провинции (Doonan 2004: 1–189; 2012: 175–187; 2016: 217–223; Doonan et al. 2021: 155–169 и др.). С 2006 г. были начаты раскопки и на территории античного городка Тия, расположенного в западной части Южного Причерноморья, в устье реки Фильос (древний Биллей) (Atasoy, Yıldırım 2015: 1–575; Atasoy 2016: 207–216). Территория этого античного городка свободна от современной застройки, а потому он представляет собой удобный объект для исследования. В 2009 г. были проведены спасательные раскопки недалеко от античного Амиса, в ходе которых было обнаружено святилище

¹ Шашлова Татьяна Юрьевна, заведующая Отделом систематизации фондов Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», 410012, Россия, г. Саратов, ул. Университетская, 42, tatyana.shashlova2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5555-9408>.

² Исключение составляют небольшие раскопки, проведенные в Синопе Э. Акургалом в 1951–1953 гг. (Akurgal, Budde 1956: 1–41).

Кибелы архаического времени (Şirin, Kolağasıoğlu 2016: 1–45; Şirin 2020: 513–551). Эпиграфические источники по южнопонтийским полисам составляют хорошо известные керамические клейма на амфорной таре, а также надписи государственного и частного содержания (происходящие как из самих полисов, так и из других регионов античного мира, в которых упоминаются жители южнопонтийских городов).

Заявленную тему мы попытаемся раскрыть на основании двух групп источников: археологических и эпиграфических.

В ходе археологических раскопок, проводившихся в XX–XXI вв. на территории античных городов Синопы, Амиса и Тия, в слоях, датируемых архаическим и классическим временем, наряду с греческой керамикой самых разных центров производства была также найдена и местная анатолийская керамика³.

В Синопе подобная керамика была найдена в ходе исследований 1951–1953 гг. под руководством Э. Акургала. Вскоре после обнаружения она была передана в Анкарский музей. В небольшой книге, посвященной результатам этих раскопок (Akurgal, Budde 1956: 1–41)⁴, авторы сообщают, что анатолийская керамика⁵ находилась в одном контексте с восточно-греческими и аттическими сосудами первой половины VI в. до н.э. В основном, эта керамика представляет собой кувшины с широким туловом и клювовидным носиком, которые были широко распространены на поселениях вдоль бассейна Галиса и на черноморском побережье Турции (Akurgal, Budde 1956: 7–8, taf. 3; Summerer 2007: 30; 2008: 265; Tsetschladze 2012b: 236). Э. Акургал и Л. Будде предполагают, что подобные находки могут свидетельствовать о присутствии в греческом полисе каких-либо групп местного населения, либо народов, испытавших сильное влияние фригийской культуры. Также они считают, что различные группы анатолийского населения могли компактно проживать в различных районах Пафлагонии, как это имело место и в других областях Анатолии (Akurgal, Budde 1956: 8).

Схожие находки были сделаны и на территории античного Амиса. В 1908 г. в окрестностях этого древнего города были проведены маломасштабные изыскания турецким археологом Т. Макриди. Материалы были переданы в Стамбульский археологический музей и на данный момент не опубликованы. По словам Л. Зуммерер, работавшей с ними в фондах музея, основная часть керамики, найденной на территории Амиса Т. Макриди, датируется эллинистическим временем (Summerer 2005a: 142). Однако среди них есть и находки, относящиеся к эпохе архаики, причем доля негреческой керамики среди них является сравнительно высокой (Summerer 2007: 30). Среди таких находок можно отметить кувшины с широким туловом и клювообразным носиком, аналогичные тем, что были найдены в Синопе (Summerer 2007: 30; 2008: 265; Manoledakis 2015a: 82 с лит.). Также там были найдены несколько фрагментов сосудов, выполненных в технике «black-on-red», распространенной в Анатолии, с геометрическими мотивами росписи. Эта посуда изготавливалась в разных гончарных центрах на территории древней Анатолии (Summerer 2005a: 144, anm. 8; Асташова 2019: 11–12). Ближайшие параллели сосуду из Амиса известны в Карапынаре (Центральная Турция), где они были обнаружены вместе с восточно-греческой керамикой второй половины VI в. до н.э. (Summerer 2005a: 144–145). Также в Амисе был найден фрагмент кувшина из светлой глины, украшенный красно-коричневыми параллельными полосами в верхней части сосуда и геометрической росписью в виде штриховки

³ В историографии, особенно ранней, часто употребляется термин «фригийская» керамика. Однако он является не совсем точным. В современных исследованиях чаще используется термин «анатолийская керамика железного века» (Summerer 2007: 30 с лит.; Dönmez 2012: 166).

⁴ Эта книга представляет собой скорее общий обзор проведенных работ, а не подробную публикацию материалов исследований.

⁵ Они называют ее фригийской.

между двумя крупными полосками на тулове. Керамика подобного типа известна в Пазарлы (Каппадокия) и Керкенес-Даге⁶, в контекстах VI в. до н.э. (Summerer 2005a: 145, anm. 90, abb. 9). Из Амиса происходят и три фрагмента диноса из светлой глины, декорированные росписью с лестничными мотивами. Такая форма сосуда, хотя и с другим декором, известна в Ак-Алане и Богазкёе (Summerer 2005a: 145, abb. 10). Тип росписи красно-коричневыми тонкими полосками на светлом фоне известен в Гордионе в контекстах первой половины VI в. до н.э. Лестничные мотивы в декоре керамики также встречаются и на о. Родос (Summerer 2005a: 145).

С точки зрения изучения ранней истории Амиса и контактов его жителей с местным населением интерес представляет такой археологический памятник как Ак-Алан – укрепленное поселение, расположенное в 18 км к юго-западу от Амиса. Это место также было поверхностно обследовано турецким археологом Т. Макриди в начале XX в. (Macridy 1907: 1–9). Материалы, полученные в ходе этих исследований, хранятся в Стамбульском археологическом музее и были опубликованы лишь частично (Macridy 1907: 1–9; Summer 1976: 31–39; Summerer 2005b: 125–139).

В 1906 г. при исследовании Ак-Алана было найдено большое количество кровельной черепицы, облицовочных плит с рельефными изображениями, а также плит боковых сим, предназначавшихся для стока дождевой воды. Облицовочные плиты из Ак-Алана украшены орнаментальным рисунком: тройной, расцвеченной пальметками плетенкой с шариками и каплями, меандровым орнаментом, а также простой плетенкой и розетками, фризом из лотоса и пальметок (Macridy 1907: 7; Максимова 1956: 57–58; Atasoy 1997: 38; Summerer 2005b: 131–132; 2008: 267). Облицовочные плиты с аналогичными украшениями происходят из самого Амиса, что не оставляет сомнений в том, что в Ак-Алан они попали через посредство этого греческого полиса (Summerer 2008: 267).

Плиты боковых сим из Ак-Алана по обеим сторонам от отверстия для водосточных труб имеют симметрично расположенные изображения двух львов с поднятой передней лапой и повернутой назад головой. На некоторых плитах изображены аналогичные фигуры льва и пантеры (Macridy 1907: 6–7; Максимова 1956: 57; Summerer 2005b: 130–131; 2007: 31; 2008: 269). Схожие изображения львов встречаются на симах из Милета и на керамике стиля «Фикеллтура», датируемой второй половиной VI в. до н.э. (Summerer 2008: 269).

Помимо указанных выше архитектурных элементов, в Ак-Алане также были найдены облицовочные плиты с греческими мифологическими сюжетами. Так, на одном из фигурных фризов изображена фигура молодого Геракла, опустившегося на колено и стреляющего из лука (Macridy 1907: 8; Максимова 1956: 58–59; Atasoy 1997: 38; Summerer 2005b: 133–134; 2007: 31; 2008: 269). На спине у него львиная шкура. На другом фрагменте фриза представлены бегущие кентавры. Это изображение приключения Геракла у царя кентавров Фола. Л. Зуммерер предпола-

⁶ Крупное укрепленное поселение VII–VI вв. до н.э. в Центральной Анатолии, примерно в 200 км к востоку от Анкары. Было высказано предположение, что оно может быть идентично упомянутой у Геродота Птерии – хорошо укрепленному форпосту мидийцев на западных границах страны, рядом с Лидией, которое было разрушено Крезом в ходе его вторжения в Каппадокию (Hdt. I.76). Археологическое изучение места показало, что это было сильно укрепленное поселение, которое, однако, просуществовало недолго, было разрушено в середине VI в. до н.э. и затем заброшено (Summers 1997: 81–94). Предположение об идентичности Птерии и Керкенес-Дага подвергалось критике (Rollinger 2003: 321–326). Так же Птерию предлагалось отождествлять с поселением Ак-Алан, расположенном неподалеку от Амиса (Macridy 1907: 8–9), и с упомянутой у Гекатея Милетского Тейрией (FGrHist. 1. F 201) – городом левкосирийцев (Dan 2012: 75). На наш взгляд, центральноанатолийская локализация Птерии является более вероятной (Шашлова 2016: 161–165).

⁷ М.И. Максимова считает, что ближайшие аналогии архитектурным терракотам из Амиса происходят из Ларисы, близ Фокеи в Эолии (Максимова 1956: 62).

гает, что данный фриз копирует изображения этого мифа о Геракле на керамических сосудах (Summerer 2008: 269–270).

Несмотря на сильное влияние греческих художественных традиций в архитектуре, в Ак-Алане доминирует местная анатолийская керамика (Максимова 1956: 63–64 с лит.; Summer 1976: 31; Atasoy 1997: 38; Summerer 2005: 129–130; 2007: 30). Известно всего два греческих сосуда из Ак-Алана: это милетские кувшины стиля «Wild Goat», датируемые концом VII в. до н.э. (Macridy 1907: pl. 10; Максимова 1956: 64; Summer 1976: 38; Atasoy 1997: 38; Summerer 2005b: 129; 2007: 30 с лит.; 2008: 266; Tsetskhladze 2007: 188–189; Manoledakis 2015a: 82; 2017a: 175). Поэтому мы согласны с мнением тех исследователей, которые считают, что Ак-Алан был местным (а не греческим) поселением, вероятно – резиденцией местного вождя (Хайнд 1964: 181; Tsetskhladze 2007: 191–192; 2012b: 238)⁸.

Сильное влияние греческих архитектурных традиций в Ак-Алане указывает на то, что жители, и, вероятно, правитель Ак-Алана, находились в тесных и дружеских отношениях с греческими колонистами из Амиса. Это место также могло представлять интерес и для греков, поскольку оно располагалось на возвышенности, недалеко от единственной в Восточной Анатолии сравнительно удобной сухопутной дороги, пересекающей Малую Азию с севера на юг и соединяющей южное побережье Черного моря с Восточным Средиземноморьем (Максимова 1956: 64).

Поселение в Ак-Алане датируется VI в. до н.э. (Macridy 1907: 8; Максимова 1956: 62–64; Atasoy 1997: 20, not. 25; Summerer 2005a: 146–147; 2005b: 130; 2008: 267). Следов более позднего заселения, а также пожаров и разрушений, там не было обнаружено (Macridy 1907: 5; Summerer 2005b: 129; 2007: 30). Поэтому было высказано предположение, что жители Ак-Алана могли добровольно его покинуть, и, по крайней мере, частично, войти в состав населения Амиса (Summerer 2007: 30). Это перекликается с сообщением Страбона о том, что Амис в какой-то момент своей истории (до прихода туда афинян в середине V в. до н.э.) находился под влиянием (или управлением) каппадокийского вождя (Strabo XII.3.14). В данном отрывке Страбона имеется лакуна, в части, касающейся конкретных действий в Амисе вождя каппадокийцев⁹. Этот пассаж интерпретируется либо как военный захват Амиса (Максимова 1956: 55), либо как некая форма синойкизма между каппадокийцами и амисенцами (Summerer 2007: 30), либо же, как своеобразное расширение каппадокийским вождем зоны своего влияния, временно включившей и греческий Амис (Manoledakis 2015a: 86; 2015b: 64; 2017a: 199, not. 108). Возможно, в какой-то момент времени отношения между жителями Амиса и каппадокийцами перестали быть мирными, и город был захвачен их вождем. Заметим, однако, что в сохранившемся тексте Страбона нет прямых указаний на военные действия, поэтому мы согласны с точкой зрения, что могла иметь место и относительно мирная форма синойкизма каппадокийцев с жителями греческого Амиса (Summerer 2007: 30; Manoledakis 2015a: 86; 2015b: 64; 2017a: 199, not. 108).

Определенный намек на каппадокийское влияние в Амисе содержится также и в «Комментариях к Илиаде» Евстафия Солунского (Ad II. II.852) (Максимова 1956: 55; Manoledakis 2013: 21; 2017a: 182–184). Комментируя пассаж об энетах¹⁰, он, со ссылкой на Страбона (XII.3.25), указывает, что Зенодот (комментатор Гомера) считает, что на Южном Понте был город с названием «Энета», и что этот город следует отождествить с Амисом, который, согласно Гекатею Милетскому, был в то время «левкосирийским городом» («Λευκοσιρύων οἶσαν») ¹¹. Данный фрагмент

⁸ Иной точки зрения придерживаются М.И. Максимова и С. Атасой (Максимова 1956: 64; Atasoy 1997: 39).

⁹ Было высказано предположение, что этого вождя звали Тимад (Lasserre 1978: 212–220).

¹⁰ Пафлагонское племя, которое, согласно мифологической традиции, участвовало в Троянской войне.

¹¹ Левкосирийцами греки называли каппадокийцев, живших к востоку от Галиса (Hdt. I.72; V.49; VII.72; Strabo XII.3.5, 9; XVI.1.2). Вопрос о возможном тождестве этих двух этнонимов в античной нарративной традиции, а также о реальной этнической принадлежности левкосирийцев и каппадокийцев неодно-

Евстафия является не совсем ясным, однако, если это сообщение верно, то мы имеем прямое указание современника (Гекатея Милетского) на сильное влияние в Амисе левкосирийцев, предположительно в конце VI – начале V в. до н.э.

Интересные находки были сделаны недалеко от Амиса при спасательных раскопках на холме Чакалджа-Карадоган. В 2009 г. при проведении работ по прокладке трамвайных рельсов там было обнаружено святилище Кибелы архаического времени (Şirin, Kolağasıoğlu 2016: 1–45; Şirin 2020: 513–551). Помимо греческой керамики повседневного использования, там также были найдены вотивные статуэтки Кибелы, сидящей на троне, аналогичные тем, что известны в Милете в VI в. до н.э., статуэтки Коры, граффити с посвящениями Кибеле на киликах (Şirin, Kolağasıoğlu 2016: 20–32), а также некоторое количество негреческой керамики (Summerer 2014: 203 с лит). На данный момент эта керамика подробно не опубликована. Было высказано предположение, что это святилище могло использоваться совместно греческим и местным населением близлежащих территорий (Summerer 2014: 203).

Интересные материалы были получены при исследовании небольшого античного городка Тия, расположенного в западной части Южного Причерноморья, в устье реки Биллей. Его территория не застроена современной застройкой, раскопки там начались в 2006 г.¹² В ходе этих исследований были выявлены: акрополь (в том числе – слои архаического времени), фрагменты крепостных стен и керамики, относящиеся к периоду раннего поселения (VII–VI вв. до н.э.), большая церковь X в. н.э., а также руины храма II–III в. н.э. В области, прилегающей к морю (так называемый «нижний город»), были вскрыты слои римского времени: две бани, мощеные дороги, акведук и остатки театра (Atasoy 2016: 207–216).

На акрополе, который на данный момент исследован частично, обнаружены жилища типа землянок, аналогичные тем, которые известны в Северном Причерноморье (Yıldırım 2021: 389–393, fig. 3–4), а также большое количество греческой керамики архаического времени разных центров производства. Первые её находки были сделаны в 2015 г. (Yıldırım 2021: 394). Это керамика ориентализирующего стиля, стиля «Wild Goat», аттическая чернофигурная и краснофигурная керамика, а также архаическая керамика Западной Анатолии (Atasoy, Erpehliyan 2015: 202–217; Yıldırım 2021: 394, fig. 8–11). На основании датировок керамики турецкие исследователи относят первое греческое поселение в Тие к довольно раннему времени – концу VII в. до н.э. (Yıldırım 2021: 386, 388).

Наряду с греческой керамикой, в жилищах архаического периода, а также за их пределами было найдено большое количество местной, т.н. «серой» керамики, которую авторы определяют как фригийскую керамику местного производства (Yıldırım 2021: 396–399, fig. 12). Она имеет серый цвет, украшения либо отсутствуют, либо представлены геометрическими мотивами: зигзагами, треугольниками, шахматными узорами. Встречаются сосуды как ручной работы, так и выполненные на гончарном круге (Yıldırım 2021: 396, fig. 12). Керамика подобного типа известна во внутренних районах Южного Причерноморья, а также в Центральной и Западной Анатолии. В частности, она была широко распространена в юго-западной Пафлагонии, найдены образцы ее в пещере Инёню, рядом с Гераклеей Понтийской, а также в Синопе, в ходе раскопок Э. Акургала (Yıldırım 2021: 397–398). Местная керамика, обнаруженная в ходе исследований на акрополе Тия, датируется издателями VII–VI вв. до н.э., так как она была найдена в одном слое с греческой керамикой архаического периода (Yıldırım 2021: 396–397). При этом количество греческой керамики превышает количество местной примерно в пять раз.

кратно обсуждался в историографии (Summerer 2005a: 131–135; Tssetskhladze 2007: 193; Dan 2012: 73–102; Manoledakis 2017b: 154–156).

¹² В 2015 г. вышла крупная обобщающая работа по результатам этих исследований (Atasoy, Yıldırım 2015: 1–575).

Помимо керамики, имеющей параллели в Анатолии, в Тие обнаружены фрагменты сосудов, аналогии которым известны в Северном и Западном Причерноморье. Дискуссии о происхождении этого типа керамики продолжаются до сих пор (Yıldırım 2021: 396, 399).

Интересная находка была сделана в Тие в 2019 г. При исследовании цистерны византийского времени произошло обрушение ее свода, и в осыпавшемся материале обнаружено большое количество восточно-греческой и «серой» керамики. На одном из сосудов «серой» керамики была найдена надпись, выполненная фригийским алфавитным письмом (Yıldırım 2021: 396–397). Подобные надписи в большом количестве известны в Гордионе в слоях VIII–VII вв. до н.э. (Yıldırım 2021: 397). На данный момент эта надпись отдельно не опубликована и упоминается в общих работах об археологических исследованиях Тия (Yıldırım 2021: 396–397).

Большинство исследователей, касавшихся в своих работах вопроса присутствия анатолийской керамики в южнопонтийских полисах, считают, что этот факт свидетельствует об определенной степени сосуществования в них греческого и местного населения (Akugral 1956: 9; Summerer 2007: 30; 2008: 266; Manoledakis 2015b: 63–64; Yıldırım 2021: 397). Также существует точка зрения, что греки могли сами изготавливать керамику анатолийского типа (Summerer 2008: 266; Manoledakis 2015b: 63–64). Мы считаем это менее вероятным, поскольку эллины имели собственные, чрезвычайно развитые и давние керамические традиции, и потому вряд ли могли заимствовать наработки других, более примитивных в этом отношении, культур. Г.Р. Цецхладзе в работах, посвященных Северному Причерноморью, высказывает предположение, что анатолийская керамика могла попадать в милетские колонии не только в результате контактов с анатолийцами, но и из самого города-метрополии, куда, в свою очередь, она проникала из Западной Анатолии (Tsetskhladze 2012a: 351–352 с лит.). Признавая справедливость этой гипотезы для Северного Причерноморья, укажем все же, что анатолийская керамика, найденная в греческих полисах на южном берегу Понта Эвксинского, имеет параллели преимущественно в местных поселениях Северной Анатолии и на поселениях вдоль бассейна Галиса. Поэтому мы считаем более вероятным, что она попала в греческие полисы Южного Причерноморья именно в результате контактов с обитавшим там местным населением¹³, а не через посредство Милета.

Другой группой источников, которая может проливать свет на присутствие местного населения в греческих полисах Южного Причерноморья, являются эпиграфические (антропонимические) данные. Известно несколько эпиграфических памятников V–IV вв. до н.э., происходящих из Синопы и Гераклеи Понтийской¹⁴, в которых упоминаются негреческие имена. Преимущественно это данные керамической и надгробной эпиграфики. Проблематике негреческих имен в Геракlee Понтийской посвящена статья А. Аврама (Avram 2013: 51–62)¹⁵. Эпиграфические памятники из Синопы опубликованы в работах Д. Френча (French 1990: 45–64; 1991: 141–156; 1992: 45–60; 2004). К сожалению, на данный момент эти его работы нам недоступны, поэтому мы пользовались электронной версией этих публикаций, представленными на сайте <https://epigraphy.packhum.org/> (да-

¹³ Черноморское побережье Турции было заселено различными группами местного населения задолго до прихода греков (Doonan 2009: 71; 2016: 217–219; Dönmez 2012: 153–174).

¹⁴ В других городах Южного Причерноморья сохранились преимущественно надписи римского и византийского времени (интернет-ресурс <https://epigraphy.packhum.org/> (дата обращения 20.03.2022 г.)).

¹⁵ Из самой Гераклеи Понтийской эпиграфических памятников известно немного. А. Аврам рассматривает, в том числе и надписи из других регионов, в которых, предположительно, упоминаются жители этого полиса, приводя в каждом конкретном случае аргументы в пользу того, почему упомянутых в надписях гераклеотов следует атрибутировать именно Геракlee на Понте. Аргументация приведена в указанной работе, поэтому мы не будем ее здесь дублировать.

та обращения 20.03.2022 г.)¹⁶, а также материалами сборников «Lexicon of Greek Personal Names» (LGNP 1987; 1994; 1997; 2000; 2005; 2010; 2018).

В общей сложности, в южнопонтийских полисах известно около 25 негреческих имен¹⁷, засвидетельствованных в памятниках V–IV вв. до н.э.¹⁸ Часть из них определенно малоазийские: Μάνης (Zgusta 1964: 287–290; LGPN 2010: 278–279)¹⁹, Θῦς (Zgusta 1964: 188; LGPN 2010: 221; Внуков, Ефремов 2017: 255–256)²⁰, Τίβειος (Zgusta 1964: 513; LGPN 2010: 429; Внуков, Ефремов 2017: 257–258)²¹, Βᾶς (Zgusta 1964: 112–113; LGPN 2010: 297)²², Βᾶ (LGPN 2010: 95)²³; Δάος (Zgusta 1964: 144, 480–481; Avram 2013: 58)²⁴, Βόα (LGPN 2010: 102)²⁵, Κόας (LGPN 2010: 251; Avram 2013: 56), Μῦς (Zgusta 1964: 341–342; Avram 2013: 59–60)²⁶.

Другие могут быть отнесены к «детским», «лепетным» именам, то есть именам, производным от детских лепетных слов: Ἄδα (Zgusta 1964: 46–47; LGPN 2010: 6)²⁷, Γάγας (Zgusta 1964: 132; LGPN 2010: 105), имена с основами на Ατ- (Αττας, Ἄττης (LGPN 2010: 89; Avram 2013: 56), Αττις (LGPN 2010: 90), Ατῶτης (LGPN 2010: 90)) и с основами на Ναν-, Νεν- (Νάνα, Νάννα, Νένα и др. (Zgusta 1964: 346–358; LGPN 2010: 328–329))²⁸. Есть имена персидского происхождения: Κύρος (LGPN 2010: 261)²⁹, Ασπαμιθάρης (LGPN 2010: 85). Имя Σάγαρις, зафиксированное на синопских

¹⁶ На сайте приводятся только сами тексты надписей, без комментариев издателя.

¹⁷ Некоторые из них встречаются по несколько раз.

¹⁸ В данной работе мы ограничиваемся именно этими хронологическими рамками. Хотя стоит отметить, что негреческие имена в керамической эпиграфике южнопонтийских полисов известны и в более позднее время.

¹⁹ Это имя анатолийского происхождения (Zgusta 1964: 287–290; Тохтасев 2007: 185–186, прим. 110–112; Avram 2013: 59), было чрезвычайно широко распространено в Малой Азии (Strabo XII.3.25). Во внутренних областях региона зафиксировано свыше 200 носителей этого имени (LGPN 2018: 260–262). Большинство памятников из внутренней Анатолии датируются римским временем, однако имя было распространено и раньше, а тот факт, что оно зафиксировано преимущественно в римскую эпоху, объясняется, вероятно, более широким (по сравнению с классическим периодом) распространением в регионе греко-римской культуры с соответствующей фиксацией имен на надгробных стелах.

²⁰ Такое имя носил пафлагонский вождь (Athen. 144f (IV.25); Nepos, Datames 2–3).

²¹ Согласно Страбону, это имя было распространено в Пафлагонии (Strabo VII.3.12). Оно зафиксировано в греческом городе Тие в классическую эпоху (LGPN 2010: 429).

²² Предположительно, это вифинское имя. Его носил вифинский вождь, современник Александра Македонского (Габелко 2005: 122, прим. 85).

²³ Имеет точные соответствия только в Малой Азии (Zgusta 1964: 112–113; LGPN 2018: 82), все известные примеры относятся к императорскому периоду. Возможно, это имя является однокоренным имени Βᾶς (Zgusta 1964: 112–113; Габелко 2005: 420, прим. 18).

²⁴ Вероятно, фригийского происхождения, было распространено в северо-западной Малой Азии. Несколько носителей этого имени известны в Геракле Понтийской (Avram 2013: 58).

²⁵ Так звали мать Филетера, основателя династии Атталидов, – пафлагонянку, проживавшую в Тие (Strabo XIII.4.1; Athen. 577b (XIII.38)).

²⁶ Может быть как карийским, так и греческим (Zgusta 1964: 341–342).

²⁷ Предположительно, это «лепетное» имя, которое было широко распространено в Карию. Его носили, как минимум, две представительницы карийского правящего дома: дочь Гекатомна (Strabo XIV.2.17; Arr., Anab. I.23.7–8) и дочь Пиксодача (Strabo XIV.2.17). На Южный Понт оно могло попасть либо напрямую из Карию, вместе с носителями, либо же через посредство Милета, в чей антропонимикон оно могло быть заимствовано из Карию (Avram 2013: 54).

²⁸ Такие имена считаются интернациональными и могут быть характерны для самых разных народов и культур, в том числе и для греческой. В целом они менее характерны для высокоразвитых культур, и чаще встречаются среди народов, стоящих на более низкой ступени цивилизационного развития (подробно об этом: Яйленко 2010: 121–131, 133–139). Имена с основами на Ατ-, Ναν-, Νεν- были широко распространены в Малой Азии (Zgusta 1964: 105–111, 346–358; LGPN 2010: 87–89, 328–329; 2018: 72–76, 308–310).

²⁹ Персидские царские имена «Кир» и «Дарий», в отличие от других царских имен («Артаксеркс» и «Ксеркс») были широко распространены в античном мире в течение длительного периода, не только в

керамических клеймах (LGPN 2010: 396), могло быть образовано от гидронима (известна река Сангарий в западной части Южного Причерноморья (Strabo XII.3.7)), либо же иметь иранскую или фригийскую этимологию (Тохтасьев 2007: 190; Яйленко 2010: 145–146).

Ряд имен, засвидетельствованных в южнопонтийских полисах, не вполне ясного происхождения и/или не имеют аналогов в других областях античного мира: Γέρβης (LGPN 2010: 108), Γόλας (LGPN 2005: 82; 2010: 113), Αταρβης (Avram 2013: 60), Ζογολαβίς (Avram 2013: 61), Ωγης (Avram 2013: 61), Ωρος (Avram 2013: 62). Имя Γόκων кроме Гераклеи Понтийской (LGPN 2010: 113; Avram 2013: 61) засвидетельствовано также на Боспоре, в Скифии и во Фракии в эллинистическое и римское время (LGPN 2005: 82).

Гончары, имена которых зафиксированы на керамических клеймах, могли быть метеками, вольноотпущенниками или рабами – доверенными лицами владельцев эргастериев (Каллистов и др. 1968: 133).

Что же касается негреческих имен на надгробиях, то тут необходимо отметить, что большинство из них имеют греческие патронимы, например: Νάνα Ἐκαταῖος (LGPN 2010: 328), Γάγας τῆς Ἀναξίμβροτο (LGPN 2010: 105), Βᾶς Καλλίας (LGPN 2010: 97), или же сами являются патронимиками при эллинском имени (Κτήρων Μάνου Ἡρακλεώτης (Avram 2013: 59); Εὐπορία Μάνου Σινώπιισα Παφλαγόνισσα (Zgusta 1964: 289; Тохтасьев 2007: 185, прим. 111)). При этом все эти люди, по-видимому, являлись гражданами полисов. На это указывает стандартная формула надгробия: указываются имя, отчество, иногда имя мужа, если речь идет о женском надгробии. Нет указания этникона или гражданства другого полиса³⁰. При этом, если надгробие синопейца или гераклеота происходит из другого региона античного мира, то в этом случае указывалось их гражданство (Zgusta 1964: 289; также многие имена из списка А. Аврама (Avram 2013: 54–55, 58–61)).

Присутствие негреческих имен в антропонимике южнопонтийских полисов, на наш взгляд, можно объяснить двумя способами. Греческие колонисты могли иметь дружественные связи с местным населением, возможно, основанные на торговых контактах, и потому могли давать некоторым из своих детей негреческие имена. Примеры подобных ксенических связей приводит в своем «Анабасисе» Ксенофонт: так, Тимеситий, гражданин Трапезунта, был прокшеном у племени моссинойков (V.4.2), а житель Синопы Гекатоним состоял в ксенических связях с пафлагонским вождем Корилой (V.6.11). Также возможно, что в Южном Причерноморье, как и на северном берегу Понта Эвксинского, могли иметь место смешанные браки греческих колонистов с местными женщинами, в результате которых дети (вероятно, не первенцы, а вторые и последующие дети обоего пола) могли получать имя в честь кого-либо из родственников по материнской линии.

Что же касается предполагаемого соотношения греческого и негреческого населения в южнопонтийских полисах в VI–IV вв. до н.э., то об этом пока судить трудно. Эпиграфических памятников из этих городов известно немного: около 65 надгробий происходит из Синопы (Doonan 2016: 221), в чуть более чем 10 надписях упоминаются, предположительно, жители Гераклеи Понтийской, антропонимические данные из других южнопонтийских полисов пока носят единичный характер. Материалы керамической эпиграфики также доступны только с IV в. до н.э.

классическую эпоху, но и в более позднее время (LGPN 1987: 279; 1994: 99, 277; 1997: 117, 263; 2000: 251; 2005: 87, 205; 2010: 118, 261; 2018: 107, 240).

³⁰ Исключение составляет надгробие с надписью «Μάνης ἐλαιωπώλης» (Хайнд 1964: 180, прим. 40; French 1990: 47, № 3; Тохтасьев 2007: 185, прим. 112), где нет отчества, но есть указание на род деятельности – «торговец оливковым маслом». Вероятно, он не был греком.

Несмотря на всю фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении данных, мы все же можем предположить, что, даже с учетом географической изолированности региона, на Южном Понте, как и в других областях греческого Причерноморья, имели место те или иные контакты греков с местным населением, а также, возможно, и некоторая степень их совместного проживания на территории эллинских полисов.

ЛИТЕРАТУРА

- Асташова 2019 – Асташова Н.С. 2019. Особенности анатолийской керамики: по материалам из раскопок Пантикапея. *Genesis: исторические исследования* (5), 8–15.
- Внуков, Ефремов 2017 – Внуков С.Ю., Ефремов Н.В. 2017. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы. *КСИА* (249), 250–263.
- Габелко 2005 – Габелко О.Л. 2005. *История Вифинского царства*. СПб.: Гуманитарная академия. – 571 с.
- Каллистов и др. 1968 – Каллистов Д.П., Нейхард А.А., Шифман И.Ш., Шишова И.А. 1968. *Рабство на периферии античного мира*. Л.: Наука, Ленинградское отделение. – 272 с.
- Максимова 1956 – Максимова М.И. 1956. *Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт*. М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 472 с.
- Тохтасьев 2007 – Тохтасьев С.Р. 2007. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н.э.). *ВДИ* (1/260), 170–208.
- Хайнд 1964 – Хайнд Дж. 1964. Памятники античных городов Южного Причерноморья. *СА* (3), 172–187.
- Шашлова 2016 – Шашлова Т.Ю. 2016. Город Птерия у Геродота и некоторые аспекты истории греческих полисов Южного Причерноморья. *Известия СГУ* (16/2), 161–165.
- Яйленко 2010 – Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.: Гриф и К. – 740 с.
- Akurgal, Budde 1956 – Akurgal E., Budde L. 1956. *Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi. – 41 p.
- Atasoy 1997 – Atasoy S. 1997. *Amisos: Karadeniz Kıyısında Antik Bir Kent*. Samsun. – 132 s.
- Atasoy 2016 – Atasoy S. 2016. Excavations at Tios: 2006 – 2015. *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches* / M. Manoledakis (ed). Oxf.: Archaeopress, 207–216.
- Atasoy, Erpehlivan 2015 – Atasoy S., Erpehlivan H. 2015. Tios'ta Erken Yerleşmeye Ait Keramikler. *Zonguldak'ta Bir Antik Kent: Tios (2006–2012 Arkeolojik Çalışmaları ve Genel Değerlendirme)* / S. Atasoy, Ş. Yıldırım (eds.). Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 202–217.
- Atasoy, Yıldırım 2015 – Atasoy S., Yıldırım Ş. (eds.). 2015. *Zonguldak'ta Bir Antik Kent: Tios (2006–2012 Arkeolojik Çalışmaları ve Genel Değerlendirme)*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı. – 575 s.
- Avram 2013 – Avram A. 2013. Indigenous Names in Heraclea Pontica. *Personal Names in Ancient Anatolia* / R. Parker (ed.). Oxf.: Oxford University Press, 51–62.
- Cummer 1976 – Cummer W. 1976. Iron-Age Pottery from Akalan. *IstMitt* (26), 31–39.
- Dan 2012 – Dan A. 2012. Les Leukosyriens: quelques notes d'ethnographie sinopéenne. *Sinope: the Results of Fifteen Years of Research* / D. Kassab Tezgör (ed.). Leiden; Boston: Brill, 73–102.
- Doonan 2004 – Doonan O. 2004. *Sinop Landscapes: Exploring Connection in the Hinterland of a Black Sea Port*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum Publications. – 189 p.
- Doonan 2009 – Doonan O. 2009. Sacred Landscapes and the Colonization of the Sinop Promontory. *Sacred Landscapes in Anatolia and Neighboring Regions* / Ch. Gates, J. Morin, Th. Zimmermann (eds.). Oxf.: Archaeopress, 69–78.
- Doonan 2012 – Doonan O. 2012. Sinop Landscapes: Towards an Archaeology of Community in the Hinterland of a Black Sea Port. *Sinope: the Results of Fifteen Years of Research* / D. Kassab Tezgör (ed.). Leiden; Boston: Brill, 175–187.
- Doonan 2016 – Doonan O. 2016. Sinope, New Understandings of the Early Colony Based on Recent Research at Sinop Kale. *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches* / M. Manoledakis (ed.). Oxf.: Archaeopress, 217–223.
- Doonan et al. 2021 – Doonan O, Goldman A, Bauer A et al. 2021. Sinop Kalesi Archaeological Excavations: The 2017 and 2019 Field Seasons. *Archaeology in Anatolia* (IV) / S. Steadman, G. McMahon (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Press, 155–169.

- Dönmez 2012 – Dönmez Ş. 2012. An Overview of the 2nd Millennium BC and Iron Age Cultures of the Province of Sinop in Light of New Research. *Sinope: the Results of Fifteen Years of Research* / D. Kassab Tezgör (ed.). Leiden; Boston: Brill, 153–174.
- French 1990 – French D.H. 1990. Sinopean Notes 1. *EA* (16), 45–64.
- French 1991 – French D.H. 1991. Sinopean Notes 2. *EA* (18), 141–156.
- French 1992 – French D.H. 1992. Sinopean Notes 3. *EA* (19), 45–60.
- French 2004 – French D.H. 2004. *The Inscriptions of Sinope I*. Bonn: R. Habelt. – 208 p.
- Lasserre 1978 – Lasserre F. 1978. Strabon 12,3,14: deux mots inédits sur l'histoire d'Amisos. *Museum Helveticum* (35), 212–220.
- LGPN 1987 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica* / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 1987. – 489 p.
- LGPN 1994 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. II: Attica* / M. Osborne, P.M. Fraser (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 1994. – 510 p.
- LGPN 1997 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IIIA: The Peloponnes, Western Greece, Sicily and Magna Graecia* / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 1997. – 519 p.
- LGPN 2000 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IIIB: Central Greece from the Megarid to Thessaly* / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 2000. – 478 p.
- LGPN 2005 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea* / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 2005. – 387 p.
- LGPN 2010 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. VA: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia* / T. Corsten (ed.). Oxf.: Clarendon Press, 2010. – 496 p.
- LGPN 2018 – *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.C: Inland Asia Minor* / J.-S. Balzat, R.W.V. Catling, E. Chiriacat, T. Corsten (eds.). Oxf.: Clarendon Press, 2018. – 560 p.
- Macridy 1907 – Macridy Th. 1907. Une citadelle archaïque du Pont. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft* (4), 1–9.
- Manoledakis 2013 – Manoledakis M. 2013. The Southern Black Sea in the Homeric Iliad: Some Geographical, Philological and Historical Remarks. *Exploring the Hospitable Sea* / M. Manoledakis (ed.). Oxf.: Archaeopress, 19–37.
- Manoledakis 2015a – Manoledakis M. 2015. Greek Colonies and the Southern Black Sea Hinterland: Looking Closer Into a Long, Complex and Multidimensional Relationship. *The Danubian Lands Between the Black, Aegean and Adriatic Seas* / G.R. Tsatskheladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.). Oxf.: Archaeopress, 81–89.
- Manoledakis 2015b – Manoledakis M. 2015. Greek Colonisation in the Southern Black Sea from the Viewpoint of the Local Populations. *Greek Colonisation: New Data, Current Approaches* / P. Adam-Veleni, D. Tsangari (eds.). Athens: Alpha Bank, 59–71.
- Manoledakis 2017a – Manoledakis M. 2017. The Early Greek Presence in the Southern Black Sea. *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral* / M. Manoledakis, G.R. Tsatskheladze, I. Xydopoulos (eds.). Leuven; Paris; Bristol, CT: Peeters, 173–241.
- Manoledakis 2017b – Manoledakis M. 2017. The Local Peoples of the Southern Black Sea Coast. *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral* / M. Manoledakis, G.R. Tsatskheladze, I. Xydopoulos (eds.). Leuven; Paris; Bristol, CT: Peeters, 147–171.
- Rollinger 2003 – Rollinger R. 2003. Kerkenes Dağ and the Median "empire". *Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia* / G.B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger (eds.). Padova: S.a.r.g.o.n. Editrice e Libreria, 321–326.
- Summerer 2005a – Summerer L. 2005. Amisos: eine Griechische Polis im Land der Leukosyrer. *Pont-Euxin et polis: polis hellenis et polis barbaron* / D. Kacarava, M. Faudot, É. Geny (eds.). Besançon: Presses Univ. Franc-Comtoises, 129–165.
- Summerer 2005b – Summerer L. 2005. Griechische Tondächer im Kappadokischen Kontext: Die Architekturterrakotten aus Akalan. *Bilder und Objekte als Träger kultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet* / F. Fless (ed.). Rahden, Westf.: Leidorf, 125–139.
- Summerer 2007 – Summerer L. 2007. Greeks and Natives on the Southern Black Sea Coast in Antiquity. *The Black Sea: Past, Present and Future* / G. Erkut, S. Mitchell (eds.). L.: British Institute at Ankara, 27–36.
- Summerer 2008 – Summerer L. 2008. Indigenous Responses to Greek Encounters in Northern Anatolia. Reception of the Architectural Terracottas in the Iron Age Settlements in the Halys-Basin. *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence* / P. Guldager Bilde (ed.). Aarhus: Aarhus University Press, 263–286.
- Summerer 2014 – Summerer L. 2014. Topographies of Worship in Northern Anatolia. *Space, Place and Identity in Northern Anatolia* / T. Bekker-Nielsen (ed.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 189–213.

- Summers 1997 – Summers G. 1997. The Identification of the Iron Age City on Kerkenes Dag in Central Anatolia. *JNES* (Vol. 56, Iss. 2). 81–94.
- Şirin 2020 – Şirin O.A. 2020. Çakalca – Karadoğan Höyüğü Kurtarma Kazısı: Amisos'ta Miletos Kolonizasyonuna Dair Buluntular. *Amisos* (Cilt 5, Sayı 9). 513–551.
- Şirin, Kolağasıoğlu 2016 – Şirin O.A., Kolağasıoğlu M. 2016. *Çakalca – Karadoğan Höyüğü: Arkaik Dönemde Amisos ve Kybele Kültü*. Samsun: Samsun ve Çevresi Turizm Alanı Altyapı Hizmet Birliği Yayınları. – 45 s.
- Tsetskhladze 2007 – Tsetskhladze G.R. 2007. Greeks and Locals in the Southern Black Sea Littoral: A Re-Examination. *Greeks between East and West* / G. Herman, I. Shatzman (eds.). Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 160–195.
- Tsetskhladze 2012a – Tsetskhladze G.R. 2012. Pots versus People: Further Considerations of the Earliest Examples of East Greek Pottery in Native Settlements of Northern Pontus. *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts* / A. Hermary, G.R. Tsetskhladze (eds.). Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeter, 315–374.
- Tsetskhladze 2012b – Tsetskhladze G.R. 2012. The Southern Black Sea Coast and Its Hinterland: An Ethno-Cultural Perspective. *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History* / G.R. Tsetskhladze (ed.). Oxf.: Archaeopress, 235–241.
- Yıldırım 2021 – Yıldırım Ş. 2021. Tievion Akropolisi. *Bulleten Türk Tarih Kurumu* (Cilt 85, Sayı 303). 383–422.
- Zgusta 1964 – Zgusta L. 1964. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.: Der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. – 701 c.

МРАМОРНАЯ ЧАША С НАДПИСЬЮ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Аннотация: в заметке публикуется фрагмент большой мраморной чаши, надпись на которой свидетельствует о том, что её должны были использовать для жертвенных животных.

Ключевые слова: чаша, надпись, жертвенное животное, Херсонес, храм.

F.V. Shelov-Kovedyaev¹

INSCRIBED MARBLE BOWL FROM CHERSONESOS TAURICA

Abstract: the paper publishes a piece of the big marble bowl. The inscription on this demonstrates that the object was utilized for the sacrificed beasts.

Keywords: bowl, inscription, beast for sacrifice, Chersonesos, temple.

Во время III конференции АРХОИТ в Херсонесе 21 сентября 2021 года мне довелось ознакомиться с любопытным памятником – фрагментом мраморной чаши (вероятно, большого лутерия, периррантерия?: рис. 1). По словам Е.Я. Туровского, случайная находка была сделана им в южном районе Херсонесского городища рядом со свалкой, материал которой накапливался с конца IV в. до Р.Х., летом 2015 года (№ хранения в ГИАМЗ ХТ – ГМЗХТ КП 210587). Так как надпись на артефакте плохо различима, в течение нескольких лет он использовался им в кабинете как простой камень в качестве пресс-папье.

Поскольку неожиданное открытие, к которому я перехожу, было сделано в момент участия в упомянутой конференции С.Ю. Монахова (то есть почти в его присутствии), полагаю, что самое место для настоящей заметки – в сборнике, посвящённом его славному 70-летию. Итак, предмет представляет собой обломок закраины большой (судя по сохранившейся части, её внешняя окружность составляла не менее 2,5 метров) чаши проконнесского мрамора.

Её внутренняя поверхность, на которой ныне имеются выбоины и сколы, была в древности тщательно заглажена; внешняя – оставлена нетронутой после обработки зубилом. Сегмент ($\approx 1/20$ изначальной величины) окружности по наружной стороне имеет кривизну 120 мм, внутренней – 98 мм. Ширина закраины – 35 мм. К ней примыкает кусок стенки неправильной треугольной формы размерами (по внутренней стороне) 98 (вверху) на 105 (слева) и 88 (справа) мм. Расстояние от края фрагмента до вершины перевернутого треугольника составляет 60 мм.

С отступом от закраины, на внутренней поверхности фрагмента на протяжении 77 мм читаются 8 букв (курсивом отмечены травмированные литеры): *ΤΟΥ ΙΕΡΙΟΥ*. Их ширина: *ипсилон* и *эпсилон* – по 10 мм, *ро* – 7 мм. Диаметр *омикрона* – 10 мм. Между первыми *ипсилоном* и *йотой* наблюдается небольшой *касат*. *Ро* вырезано с небольшим, не превышающим 15 градусов, наклоном назад. Высота букв: *ипсилон*, *йота* и *эпсилон* – 15 мм, *ро* (вследствие уклона) – 14 мм. *Омикрон* меньше остальных литер и чуть приподнят над строкой.

Впереди первого *омикрона* внизу прослеживается обрывок вертикали, а вверху – фрагмент горизонтали. На 5 мм ниже первой строки, возможно, была нанесена разметка точками для иного текста.

Стк. 1 разворачивается в *τὸ ἱερίον*: gen. sg. от *τὸ ἱερεῖον* («жертва, жертвенное животное, жертвенный скот» – LSJ s.v.). Формы букв (не слишком надёжный датирующий признак), в том числе уменьшенный *омикрон*, довольно широкий *ипсилон* на высокой ножке, компактное *ро* и *эпсилон* с, по-видимому, равными горизонталями (рис. 2–5)² подходят для разных эпох херсонесской графики.

¹ Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, shelkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6846-2856>.

² Сердечно благодарю К.В. Зыкову за отличные фотографии.

Намного показательнее данные фонетики, которая обнаруживает следы развитого *койнэ* (ἰερεῖον вместо дор. ἰᾱρεῖον: LSJ s.v.) и *итацизма* (ἰερίον вместо ἰερεῖον). Судя по ним, надпись может быть датирована, с учётом хронологии написания дифтонга εἰ через ι, в лапидарных надписях Херсонеса (см. IOSPE I²), не ранее, чем II в. от Р.Х.

Сосуд служил для сбора крови жертвенных животных. Об этом свидетельствуют буквы, заметные лишь в (ставшем мне доступном только при повторном изучении предмета в мае 2022 года) контрастном разнонаправленном освещении, расположенные впереди и после τοῦ ἰερίου: в 3 мм перед τοῦ видна (начертанная примерно с пятнадцатиградусным уклоном вправо) *сигма*, а перед нею слева направо – АТО, что даёт в совокупности завершение генитива (τοῦ: члена могло и не быть) αἵματος, «крови». Следом за ἰερίου просматриваются ΣΘΟ, затем идут неразличимый знак и ΣΥΟΣ. Всё вместе образует αἵματος τοῦ ἰερίου σὺς, «крови жертвенной свиньи». ΣΘΟ и неясная литера могут принадлежать либо защитной абракадабре, либо сокращению (с локальным (?) чередованием е/ο) от вполне подходящего к контексту прилагательного σθενός: в данном случае (LSJ s.v.), «физически сильный, крепкий» (т.е. без физических изъянов, что, согласно ритуалу, и требовалось, как известно, от/для жертвы).

Буквы до и после τοῦ ἰερίου заметно меньше: высота *таυ* тут – 4 мм; *сигмы*, *альфы*, *исилона*, *тетты* – 5 мм; соотношение вертикального и горизонтального «диаметров» *омикрона* – 3 на 5 мм. Всё словосочетание заметно ползёт вниз: на уровне *альфы* в *атос* расстояние до края чаши равно 5 мм, на уровне *сигмы* – уже 10 мм, начиная с эпсилона и до конца лексемы ἰερίου – 15 мм, в ΣΘΟ и далее – 17–18 мм, у конечной же *сигмы* – до 20 мм.

Лепясь сначала к краю и тоже сползая под конец вниз до 5 мм от него, не доходя до сколов с обеих сторон, прочитывается:

ΑΤΟΤΟΥ ΤΑΙΧ ΤΑΠΤΑΟΤΟΧΑΡΙΟΥΟΥΤΑΟΤΟΔΥΙΟΣ.

Возможно, перемежаемые абракадаброй имена дарителей сосуда – «от Атота, Хария, Диэя(?)».

Кроме того, по самой закраине и по внутренности чаши – вплотную к изломам и по всему полю – разбросаны магические значки, отдельные литеры и целые буквосочетания явно апотропеического характера. Впрочем, они станут предметом отдельного рассмотрения.

Рис. 1. Артефакт с надписью

Рис. 2. Ножка тау, омикрон

Рис. 3. Перекладина тау, омикрон 1, ипсилон 1, ро

Рис. 4. Йота, эpsilon, ро, ипсилон 2

Рис. 5. Общий вид

ЗАМЕТКИ К СВОДАМ ОЛЬВИЙСКИХ ГРАФФИТИ

Аннотация: статья включает заметки к сотне ольвийских граффити, изданных в сводах А.С. Русяевой «Граффити Ольвии Понтийской» (2010), И.И. Толстого «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья» (1953), ГЛБО I, II автора (1980).

Ключевые слова: Ольвия, изданные граффити, ревизия, текстология, датировки, интерпретация.

Yailenko V.P.¹

NOTES TO THE CORPORA OF OLBIA PONTICA

Abstract: this article includes the notes to hundred graffiti from Olbia have been published in the corpora by A.S. Rusyaeva «The graffiti of Olbia Pontica» (2010), by I.I. Tolstoy «The Greek graffiti from ancient cities of the North Pontic area» (1953), by the author «The graffiti of Leuka island, Berezan island and Olbia» (1980).

Key words: Olbia, published graffiti, revision, textual criticism, dating, interpretation.

*Amicus carus Sergius,
sit Fortuna semper tecum facie valeque!*

Уже столетие с четвертью появляются содержательные публикации ольвийских граффити, начиная со статей Э.Р. Штерна (1901: 18–27; Stern 1913). Почти полвека назад вышел свод эрмитажных граффити И.И. Толстого «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья», с ольвийским разделом из 74 надписей (1953: 7–52). В 1980 г. опубликован наш каталог – более 160 ольвийских граффити (ГЛБО II: 75–116, № 61–220). По количеству надписей – 777 – весьма представительен свод А.С. Русяевой «Граффити Ольвии Понтийской» (2010). Занимаясь полвека этим ольвийским материалом, в числе прочего мы дали несколько републикаций изданных граффити. Тут помещаем результаты нашей дальнейшей работы такого рода с надписями сводов А.С. Русяевой, И.И. Толстого и ГЛБО I, II.

I. Ревизия надписей свода А.С. Русяевой «Граффити Ольвии Понтийской»

Мы уже дали общую оценку этому своду; коротко говоря, он весьма полезен обширностью материала – 777 граффити, их археологическим контекстом, подробно пересказана литература с дискуссией по поводу той или иной значимой надписи (Яйленко 2019а: 635–636). Но в целом это подготовительные материалы для будущих исследований, поскольку автор археолог, не эпиграфист, без знания греческого языка, вследствие чего значительная часть надписей свода нуждается в исправлении текста и интерпретации. Лишь те граффити, по поводу которых писали специалисты, имеют в своде грамотные тексты. Тем не менее повторим, это важный свод материалов и эпиграфисты должны быть благодарны за него неутомимой труженице нашей науки А.С. Русяевой. Мы не пишем здесь стандартную рецензию с характеристикой книги, мы просто даём ревизию многих надписей свода (коли такая ревизия отдельных его надписей уже проведена в других наших работах, даём отсылки к ним). Тут уточняем тексты и орфографию надписей, если они ошибочны в своде, отмечаем их эпиграфические и языковые особенности².

¹ Яйленко Валерий Петрович, доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, valeryjailenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9844-6259>.

² Ряд поправок уже внес А. Аврам [Bull. ép. 2011, № 454 = REG. T. 124. P. 450–451], мы учитываем их. Все даты далее – до новой эры, кроме особо оговоренных случаев. Номер надписи и номер рисунка идентичны. Сокращения: пол. – половина, четв. – четверть (в датировках); род. – родительный (падеж); фр. – фрагмент, чл. – чернолаковый. Датирование = Яйленко В.П. Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем. Статья есть в Сети (пользуюсь случаем поблагодарить за это Евгения Сергеевича Данилова из университета г. Ярославля): https://vk.com/wall-89387668_1694?api_access_key=a188826bfbde1618f1; есть она и в Google:

В своей работе мы руководствуемся прорисьями надписей на таблицах книги А.С. Русяевой, некоторые воспроизводим. Сначала излагаем существо её мнения о надписи, затем даём свои греческие тексты и комментарии, они заключены в угловые или фигурные скобки³.

1–3. **ГОП: 37–39, № 34:** надпись Ксанфа VI в. на двух черепках. {(1). В ГОП дан лишь её сохранившийся текст – $\chi\sigma\acute{\alpha}\nu\theta\alpha\varsigma \xi\delta\delta\omicron\kappa\epsilon$ и $\tau\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$, подробно изложена литература. Важно, что А.С. Русяева обратила внимание на сосуд, на котором Ксанф сделал надпись: это чаша или мисочка серого лощения ольвийского производства, по С.Б. Буйских (2006: 31–32, 48), такие стали делать с третьей четв. VI в. Надпись издал Ю.Г. Виноградов с таким текстом: $\chi\sigma\acute{\alpha}\nu\theta\alpha\varsigma \xi\delta\delta\omicron\kappa\epsilon$ [οὐκ ἔχει δὲ ρύλικας] $\tau\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ «Ксанф подарил [ведь нет у него киликов] ценных» (Виноградов 1971: 232 сл.). По языку надписи издатель признал в нём родосца, по палеографии датировал граффито началом VI в. Мы подвергли критике все его положения (Яйленко 1996: 179–181 (= ОХБ, с. 296–298)). В греческом языке есть фразеологизм (устойчивое выражение) $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\nu\alpha\iota \tau\mu\acute{\iota}\eta\nu / \tau\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ «оказывать почести, знаки уважения», два его элемента и содержит надпись; наш текст: $\chi\sigma\acute{\alpha}\nu\theta\alpha\varsigma \xi\delta\delta\omicron\kappa\epsilon$ [$\tau\acute{\alpha}\varsigma$?] $\tau\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ «Ксанф оказал почести / знаки уважения». Три особенности графики и языка надписи (кси передано через $\chi\sigma$, долгое о через \omicron , флексия имени на $-\alpha\varsigma$) и прочие суждения позволили нам опознать в Ксанфе эгинета, палеографию надписи мы отнесли к последней четв. VI в. С удовольствием отмечаем, что новые данные подтвердили нашу датировку и отсылку к Эгине. Что до эгинского происхождения Ксанфа, то в своде А.С. Русяевой фигурируют две маркировочные надписи святилища Аполлона Эгинского первой пол. V в. (ГОП, с. 51–52, № 14, 15), которыми подтверждаются ранние связи Ольвии с Эгиной. (2–3). Наш текст: $\text{Απόλλωνος τσιγίνα[ίου]}$ «килик Аполлона, что на Эгине» (вторая такова же, но сохранилось лишь $-\lambda\omega\nu\omicron\varsigma \tau\omega\acute{\iota}$). Наличие омеги показывает, что надпись сделана ольвиополитом. Она найдена за оградой святилища Аполлона Иетра, возможно, для дарителя функции Аполлона Эгинского и ольвийского Иетра были близки. Формально надписи с именем божества в родительном падеже могут быть и вотивами и храмовой маркировкой. В данном случае нахождение обоих киликов в Ольвии, не на Эгине, да их ионийская графика означают их вотивный характер}.

4. **ГОП: 44, № 1:** на обломке симы VI в. [Α]πόλλωνι Ιητ(τ)ρω Βορυσθενε[ος μεδέοντι?] «Аполлону Иетросу, Владыке (?) Борисфена». <Наш текст (ОХБ: 16, № 12): [Α]πόλλωνι Ιηττρῶι Βορυσθενε «Аполлону Иетру Борисфену»; тут две эпиклеса Аполлона – Иетр и Борисфен (о второй см. ОХБ: 18); второе Т в Ιηττρῶι – эмфатическое удвоение согласной; ср. ниже в № 32 такой же эмфатический повтор гласной. Написание $\bar{\epsilon} = \epsilon\iota$ во флексии датива и в других позициях свойственно березанско-ольвийским надписям V–IV вв. (примеры: ОХБ: 106, 204, 210, 211, 287, 288, 298, 336, 632)>.

5. **ГОП: 47–48, № 10:** на обломке горла клазоменской амфоры $\text{Αναπέροης Αναχυροῦ Σκολότης Απ(ό)λλωνι Βορηι μέλι πατρ[ώιον (?) ἀνέθηκε]}$ «Анагерр, (сын) Анахирса, сколот (?), Аполлону Борею мёд (отеческий (?) посвятил)», чтение и перевод Ю.Г. Виноградова. <ОХБ: 17, № 17: Виноградов не понял смысла надписи, потому и наполнил её именами собственными. Наш текст: $\text{ἀναπέροην ἀχυρ(ό)σ(α)ς κλοτῆ Απ(ό)λλωνι Βορηι μέλι Πατρί}$ «собрал, смешав с мякиной в амфоре мёд, Аполлону Борею Отеческому». Сей текст показывает, что это надпись посвятивателя. Dat. эпиклеса Πατρί (от πατρίς, -ίδος) сокращенный, как, например, и Αρτέμι (вместо Αρτέμιδος). Дата надписи – около середины VI в.>.

<https://www.academia.edu/48906817>. При фамилиях часто упоминаемых авторов – И.И. Толстого, Э.Р. Штерна и др. – краткости ради иногда не ставим инициалы.

³ В историографическом предисловии А.С. Русяева привела литературу по нескольким значительным граффити Левки, Березани, Ольвии VI–V вв., отметим их: с. 17–18: мнения специалистов о надписях Главка с Левки, – см. ниже № 80; с. 18–21: мнения учёных о надписи на светильнике с Березани, об ольвийских граффити Актигая и «сладком для питья килике». См. и наш подробный обзор литературы о них: Яйленко 2020b: 461–465, 477–481.

6. ГОП: 49–51, № 13: на ободке дна фрагментированного чернолакового скифоса V в. посвящение Аполлону с 4 эпиклесами Ἀπόλλ(ωνι) Δηλφινί(ωι) (sic!) Ἰατρῶι (sic!) Θαρρηλί(ωι) Λυκεί(ωι) Ἀνδοκίδος (sic!) «Аполлону Дельфинию, Иетросу, Таргелию, Ликею (от) Андокида». {В ОХБ (30–46) мы выделили 5 оракулов: один березанский VI в. и четыре ольвийских V – первой пол. IV в. Упомянутая надпись в нашем понимании – оракул заезжему афинянину Ликию (ОХБ: 37–40): Ἀπόλλ(ωνι) Δηλφινί(ωι) Ἰατρῶι Θαρρηλί(ωνος?), Λύκει' Ἀνδοκίδος «Аполлону Дельфинию-Иетру в месяце Таргелионе (?), о Ликий, сын Андокида!». Иначе говоря, оракул велит Ликию сделать приношение Аполлону Дельфинию-Иетру в месяце Таргелионе. Необычное для ольвийской ионийской эпиграфики написание Ἰατρῶι (ион. Ἰητρῶι), вокатив Λύκει' (= Λύκειε), конечное ε элидировано перед начальной гласной патронимика), также ὀ = ου в Ἀνδοκίδος указывают на аттическое происхождение Ликия. При этих аттицизмах нестандартная форма Δηλφινί(ωι) не с эпсилоном, как обычно, а с буквой η, здесь не гиперенизм (как в № 34, см. ниже), но тоже аттицизм (это же и в нижеследующей надписи № 7). Как сказано, оракул Ликию написан на ободке дна скифоса, на самом же дне начертан список месяцев ольвийского календаря. Характер письма обоих граффити разный и мы заключили, что календарь записан жрецом ольвийского святилища, а полученный там оракул самим Ликием. Теперь добавим, что обе надписи разнятся и по времени: письмо списка месяцев соответствует времени скифоса – V в., тогда как в записи Ликия нет ни одной формы шрифта V в., это письмо IV в.: достаточно красноречива в этом отношении сигма патронимика, характерная для ольвийских надписей середины и второй пол. IV в. (IOSPE I² 23, 271, HO 14 и др.). Уж вовсе поздняя тета с горизонталью – она эллинистическая, встречается в граффити не ранее III в. (Емец 1995: 54), в лапидарных надписях со II в. (Болтунова, Книпович 1962: 9).

7. (Рис. 1 -7). ГОП: 52, № 19: на обломке дна чл. или чернофигурного килика последней четв. VI в. [ἀν]έθεκε τῷπόλλων[ι] «-- посвятил Аполлону»; форма теты с крестом архаичная, «в общем палеография не препятствует относительной датировке чаши в пределах последней четверти VI в., хотя отдельные буквы и относятся к более раннему времени». <Увы, это манифестация смутного представления о палеографии VI–V вв., но не станем пенять автору свода, ибо она археолог. Узус теты с внутренним крестом приходится и на VI, и на V в., преимущественно его первую половину⁴. Однако в данной надписи привлекает внимание совсем уж позднее N – с равными гасами и узкое, это по существу раннеэллинистическая форма. Она и даёт основание для датирования надписи второй половиной V в. На это косвенно может указывать также алфавит граффито – он не ионийский, по аналогии с предыдущим № 6 это скорее аттический алфавит. Влияние Афин в Ольвии проявляется во второй пол. V в., лучше сказать, в последней четверти (ОХБ: 341–342), это тоже показатель даты надписи. Текст ГОП нуждается в правке графики, дабы показать красис члена с начальной гласной теонима, также долгие гласные: [ἀν]έθεκε τῷπόλλων[ι] «*имярек* посвятил этому Аполлону», т.е. Иетру, на темене которого найдено граффито».

8. ГОП: 57, № 36. <Посвящение Матери богов. Выправим графику: Μητρί θεῶν μεθεῖσθι Ὑλαίης «Матери богов, владычице Гилеи». О почитании сей Матери богов в Гилее свидетельствуют Геродот и ольвийский гимн к Гилее (Яйленко 2019b: 181–183)>.

9–10. ГОП: 57–58, № 39: на фр. венчика чл. килика первой пол. V в. [Μ]ητρί Οκ[--] «Матери...»; вероятно, достоверное восстановление имени дедиканта проблематично, но в Ольвии есть имя, начинающееся буквами Οκ – это патронимик ΟΚΑΤΟΚΛΕΟΣ посвятителю надписи Тихона. {Отсылка к вотиву Тихона весьма уместна, ибо патронимик Ἐκατοκλέος в красисе с членом ὀ прямо вписывается в посвящение Матери. Говоря о вотиве Тихона, А.С. Русева (ГОП: 25–26, № 2) дала три возможных, по её мнению, варианта чтения: 1) Τύχων ο Κατοκλέος Ἀπό[λλωνι] «Тихон, сын Катокла, Аполлону (посвятил)», 2) Τύχων Οκατοκλέος (κτλ.) «Тихон,

⁴ См., напр., вторую надпись Главка с Левки раннего V в. (ГЛБО I: 84, № 26; 98, рис. 1).

сын Гокатокла», 3) Τύχων ο (Ε)κατοκλέος (κτλ.) «Тихон, сын Гекатокла». На деле никаких трёх вариантов нет, два первых чтения – продукция Е.И. Леви и А.С. Русяевой, сочинивших имена Катоклей и Гокатокл, единственно возможное чтение – Τύχων ὄκατοκλέος Από[λλωνι] (т.е. Τύχων ὁ Ἐκατοκλέους) «Тихон, сын Гекатокла, Аполлону». Мы постулировали его в 1979 г. (Яйленко 1979: 59, прим. 19), затем его дал филолог Л. Дюбуа (Dubois 1996: 62), так что вопроса о чтении надписи, вопреки домыслам автора, нет. Возвращаясь к вотиву Матери, теперь отметим его общность с вотивом Тихона по уникальному написанию патронимика в красисе с членом (ὄκατοκλέος), а хронологическая близость обеих надписей (конец VI – начало V в.) даёт основание предположительно приписать Тихону и это посвящение Матери: [? Τύχων ἀνέθηκε Μ]ητροὶ ὄκ[ατοκλέος] «(?) Тихон посвятил Матери, сын Гекатокла»⁵. К сожалению, в коротком сохранном тексте этого вотива Матери нет характерных букв для сличения с письмом вотива Аполлону, чтобы верифицировать принадлежность обеих надписей Тихону. Но можно отметить их одинаковый пошиб письма: все буквы равной высоты, расстояния между буквами стандартно одинаковы, вертикали некоторых букв наклонные, строка ровная и горизонтальная. Имя Ἐκατοκλ[ῆς] фигурирует еще в наговоре V в. (Dubois 1996: 101), на дне чл. чаши первой пол. IV в. (ГОП: 139, № 155).

11. ГОП: 63–68, № 79–123: посвящения Диоскурам на венчиках киликов, состоящие из теонима в род. падеже, последняя четв. VI – первая пол. V в., в основном первая пол. V в., всего их ок. 60. <Всюду А.С. Русяева даёт форму gen. pl. Διοσκορῶν вместо правильного Διοσκούρων (т.е. Διοσκούρων), не учтя, что тут ο = ὀ = ου. Обратим внимание на алфавит этих надписей. Он ионийский, о чем свидетельствует омега, но вторая основа пишется только через -κορ-, хотя по идее это аттическое написание (ионийское -κουρ-). Полагаем, это указывает на компактное по времени изготовление сей храмовой маркировки – жрецы делали её по графическому стандарту с ὀ = ου (поскольку все надписи однотипны – теоним в род. падеже, и сделаны на одном и том же месте чаш – на венчиках, это храмовая маркировка). Нам представляется важным наблюдение А.С. Русяевой, что в ботросах не найдены остальные части этих киликов. Вероятно, мы имеем дело с архаичным воззрением жрецов, что имя есть часть бога. Это первобытное воззрение, зафиксированное у многих Naturvölker, от древних египтян до нынешних сахалинских нивхов. Негодные к употреблению килики шли, как обычно, на выстилку дворов да улиц, но часть венчика с именем божеств аккуратно отламывалась (отсюда их внешний вид, как у остраконов) и захоранивалась в ботросах на территории святилища Иетра. Пример см. ниже, № 20>.

12. ГОП: 68–72, № 124–135: граффити святилища Гермеса и Афродиты. <Правильно понимая, что надписи εἰμι Ἐρμέω означают «я принадлежу Гермесу», автор свода и маркировку Ἐρμέω (род. падеж) всюду переводит дательным «Гермесу». Даже чуть больший текст её № 135 с двумя родительными падежами переведен таким же образом: -ων Ἐρμέω Ἀφροδίτη[ς] «Гермесу и Афродите!»> (увы, издатель не различает греческие падежи).

13. ГОП: 70–72, № 134: надпись Фарнабаза. <См. теперь о ней: ОХБ: 44–45, это оракул>.

14–15. ГОП: 76, № 146: на дне килика последней четв. VI в. «как будто читаются два слова АЛЕ и ЕТО», отдельно написаны Π и Θ. <ОХБ: 34–35, прим. 46: слева направо читается сокращение имени Аполлона Απ, а справа налево Λε<ε>τος (= Αητος), род. падеж имени Λετώ (= Αητώ) «Летó», в целом храмовая маркировка «килик Аполлона, Лето». Что до сокращения Απ, то яркий пример употребления сокращённого теонима в храмовых маркировках дают надписи Αφροδ | ἄβατ[α] и ἄβατα Αφροδίτ | (ГОП: 72–73, № 136, 137), причем черта |, как обычно в граффити, служит знаком сокращения. Поэтому вполне справедливо А.С. Русяева раскрывает надпись

⁵ Дополняемый текст или подразумеваемый даём в переводе курсивом.

№ 140 (ГОП: 75) ΕΡΝΑΘΝΠΡΟ как [i]ερη Αθη(ναίης) Προ(μάχῶ)⁶. В упомянутых надписях Αφροδ является сокращением род. падежа, т.е читаются они Αφροδ(ίτης) ἄβατ[α] и ἄβατα Αφροδί(της). Здесь nom. pl. neutr. ἄβατα не может быть существительным со значением «адитон» (место в храме, недоступное для посещения) и по причине мн. числа, и потому, что ольвийское святилище Афродиты было малого размера. Стало быть, это прилагательное среднего рода, относящееся к храмовым сосудам: ἄβατα (sc. ποτήρια) Αφροδί(της) «священные *сосуды храма* Афродиты», т.е. это храмовая маркировка».

16. ГОП: 77, № 147: на дне чл. чаши первой пол. V в. Βοσπορίχο Ἀχιλλεῖ «(От) Боспориха – Ахиллу» (?) <Надпись понята почти правильно, поэтому знак вопроса лишний. Точная графика и смысл надписи таковы: Βοσπορίχῶ Ἀχιλλεῖ «от Боспориха *чаша / дар* Ахиллу». Тут обычная для ольвийских надписей V–IV вв. передача εἰ через ε̄ (ОХБ: 106, 204, 210, 211, 287, 288, 298, 336, 632), т.е. Ἀχιλλεῖ = Ἀχιλλεῖς».

17. ГОП: 78, № 149: две надписи на чл. чаше второй пол. V в. На дне Κρηπάλο «Крепала», на стенке у дна [Κρ]ηπάλο εἰμέν «я собственность Крепала». «Сугубо гипотетически можно считать, что Крепал – уникальный эпитет бога, а не имя владельца сосуда. Если это так, то данная эпиклеза может относиться к творчеству ольвийских жрецов и, вероятно, связывалась с культом Аполлона или Гермеса, имеющих отношение к защите оград». {Изобретение эпиклеса Крепал, да функция защиты оград в цитированной фразе напрасно приписаны ольвийским жрецам, ибо это домыслы самой А.С. Русяевой. На дне чаши, как и положено, имя её собственника в род. падеже Κρηπάλῶ «*чаша* Крепала». Он дважды написал первую букву своего имени, такое же, к примеру, и в херсонесской владельческой надписи на дне (ГАХ: 1620): владелец сперва вырезал инициал своего имени Φ, затем дал его целиком – Φορμίῶν, буквы Φ одинаковой формы. Надпись на стенке [Κρ]ηπάλῶ ΕΙΜΕΝ трудна для понимания, хотя варианты есть. Теоретически в ΕΙΜΕΝ можно усмотреть формы от глагола εἶμι – ионийское 1 лицо мн. числа εἰμέν «мы есть» или дорический инфинитив εἶμεν «быть»: «мы есть Крепаловы» – о чашах, например, их 2–3 или более одинаковых у Крепала; род. падеж [Κρ]ηπάλῶ с εἶμεν грамматически тоже правильный – «быть у Крепала», доризм с большой натяжкой также может быть уместен: см. выше № 1 о граффито эгинета Ксанфа, написанном на ольвийской чаше; заодно он оправдывает неизвестное доселе имя Крепал. Но более приемлемым представляется чтение обычной формулы владельческих надписей – с именем и патронимиком: [Κρ]ηπάλῶ εἰμ' Εν[–] «я собственность Крепала, сына (Γ)εν[–]», имён на Εν- предостаточно (Pape, Bensele 1884: 357–361). На дне чаши уже есть владельческая надпись Κρηπάλῶ «*чаша* Крепала», и появление второй аналогичной надписи вполне объясняется вводом патронимика. Но вряд ли в Ольвии было столько Крепалов, что потребовалось уточнить, кто именно владелец. Скорее сей носитель туземного имени был в Ольвии V в. мелкой сошкой, но пыжился быть «как все», потому и добавил надпись со своим патронимиком (см. о туземном фракийском да иллирийском населении Нижнего Побужья: ОХБ: 19–23, 26, 28, 30, 165, 278–280, 506)}.

18. ГОП: 79, № 155: надпись Фанодика. <См. о ней: Датирование, № 28>.

19. ГОП: 79–80, № 156: на фр. дна чл. чаши V в. Πασίκλης Λ(Π)ασίκλ[ο vel –ου] «Пасикл, сын Ласикла» (?) или «Пасикла». Последняя ламбда с овальной верхушкой напоминает омегу. <Первая и последняя буквы патронимика переменны для прочтения, но лучше ориентиро-

⁶ Правда, красоты её графики и греческого языка впечатляют: [i]ερη Αθη[νάης] Πρό[μαχος] «священная (чаша) Афины Промахос», с вариантом: [i]ερη Αθη[νάης] Πρό[μαχοι] «посвящена Афине Промахос». По публикациям посвящений Афине других авторов А.С. Русяева догадывается, что Αθη[νάης] – родительный падеж, но подсоединяет к нему в первом случае номинатив ед. числа Πρό[μαχος], во втором случае номинатив мн. числа. Неужели трудно было ей догадаться, что необходим соавтор-филолог, либо следовало нанять его, чтоб вычитал книгу. А без этого положено пятно на нашу науку, дан повод зарубежным недругам язвить ее.

ваться на омонимичность имени-патронимика, как предложил А. Аврам [Bull. ép. 2011: 454, No. 156]: Πασικλῆς Πασικλ(έω)>.

Далее в своде публикуется ряд сделанных из стенок амфор и столовой посуды остраконов с рисунками и буквами.

20. (Рис. 1 -20). **ГОП: 81–82, № 171:** на фр. венчика чл. канфара IV в. ΑΓΟΓΩ (?), конец обломан; возможно, простонародное имя или ритуальное восклицание. <Действительно, вторая буква Γ, но все, что предложила издатель, неверно. Это недописанное Π, так что читается Απολω или Απολλ – теоним, либо теофорное имя; это вотивное граффито. Черепок производит впечатление остракона – он как бы обколот в прямоугольник, но это не совсем так: мы выяснили (см. выше № 11), что жрецы ольвийского Западного темена, блюдя имя божье, откалывали от негодных уже сосудов фрагменты с написанными теонимами и захоранивали в ботросах. Таков и этот черепок>.

21. (Рис. 1 -21). **ГОП: 83–84, № 180:** на остраконе горизонтальные и косые линии, сверху Δίκας, возможно, изделие имеет отношение к справедливому решению дел в суде, либо возмездию. Может быть, на другой части сосуда уже было обращение к богине Дике. <По характеру письма остракон IV в. Богиня Δίκη тут не может подразумеваться, так как Δίκας – дорийский род. падеж, малоуместный в ионийской Ольвии. И Δίκας / δίκας как винительный падеж мн. числа невозможен без контекста. Нет и такого личного имени. Поэтому вероятно предложение А. Аврама [Bull. ép. 2011, 454, № 180], что сей остракон имеет отношение к дикастерии и надо читать δικασ(ταί) или δικασ(τήριον). К этому добавим, что здание суда расположено рядом на агоре, видимо, оно как раз и изображено под надписью>.

22. (Рис. 1 -22). **ГОП: 84, № 183:** остракон в виде подвески, посередине изображена голова человека, перечеркнутая накрест двумя линиями, которые проходят через рот и глаза. У каждого плеча прямоугольнички, в левый вписаны одно или два Χ, в правый ΑΝ. Над головой буквы ΗΡΟΓ, вероятно, сокращённое или неоконченное имя, например, Ηρογένης. <Описание точное, но не сделан вытекающий из него вывод: перечеркнутые рот и глаза означают, что остракон принадлежит к черной магии – человек по имени Ηρογ(--) должен умолкнуть и не видеть. Кажется, автор амулета вообще желает ему смерти, так как у его левого плеча можно вычитать ἄϊδ(ης) «царство мертвых», «смерть». На это указывает и отсутствие волос на голове да обязательной у грека бороды, так что по существу автор амулета изобразил своего недруга в виде трупа, уже безволосого, умолкнувшего, незрячего. Чтение 2–3 букв у правого плеча изображённого человека неясно: первая Χ, затем Θ, возможно, это ΕΗ, в целом ΧΕΗ = χέη, к глаголу χεύω «лить, валить, провалиться», смысл которого может быть связан с ἄϊδ(ης) как пожелание недругу провалиться в Аид>.

23–24. (Рис. 1 -23, 23a). **ГОП: 90, № 222:** на мелком обломке чл. килика V в. надписи на обеих сторонах. На одной, возможно, [δ]ίκαιο «законного, справедливого», на другой сохранились по 3 буквы в 4 строках: ΗΓΗ / ΠΡΩ / ΜΟΙ (?) / ΙΣΠ. {Отметим, что слово δίκαιος «законный» связано с судопроизводством, в связи с которым в Ольвии составлен ряд наговоров (Белоусов 2020: № 11, 14, 15, 18, 19). При этом в наговорах непременно присутствуют личные имена. Поэтому видим в сей надписи из 4 строк имена. В другом остраконе (ГОП, с. 113, № 34) мы читаем имя Μολπόθ[εμ]ς и опознаем в надписи заклятие (Датирование: № 51). Посему в стк. 3–4 ΜΟΛ | ΙΣ данной надписи № 23 видим это же имя: Μολ[πόθεμ] | ις, а в целом читаем: Ηγη[–] | Πρω[–], | Μολ[πόθεμ] | ις Π[–]; тут имена 4 проклинаемых лиц, либо двух с патронимиками. По времени оба черепка и обе надписи относятся к V в., сходно также их письмо, в частности, одинаковы формы наиболее показательных в отношении эпиграфической хронологии букв Μ, Ω, Σ. Стало быть, автор обоих заклятий один, как один и тот же неудобный ему Мольпотемид. Причина проклятий по адресу Мольпотемиды и еще 1 или 3 персонажей, как сказано, судебные тяжбы

автора заклятий с ними. На черепке сохранились только буквы ΚΑΙΟ, хотя для другого текста место есть; следовательно, скорее всего он утрачен лишь слева. Употребленный им род. падеж [δ]ικαῖο «законного, справедливого» может быть частью выражения ἐκ τοῦ δικαίου = δικαίως «законно, справедливо» у Аристофана, Фукидида и др. (LSJ, s. v. δίκαιος B, I, 2), т. е. того же V в., что и эти ольвийские наговоры. Видимо, посредством своих наговоров автор рассчитывал на справедливый для себя (δικαίως) исход тяжбы).

25. (Рис. 1 -25). **ГОП: 90, № 223**: на мелком обломке стенки чл. чаши трёхстрочная надпись, обломанная с обеих сторон. В стк. 1 ΤΩΝ ΙΜΕ, в стк. 2 ΩΝΕΣ (?); если усматривать в ΙΜΕ слово ΙΜΕΡΟΣ или близкое ему по смыслу, а в стк. 2 видеть слово [ΑΓ]ΩΝΕΣ, то в надписи речь шла, видимо, о желании поединка или прекрасной борьбы и т.п. {Стк. 2 прочтена неточно: слева сохранилась верхняя часть Ε, круглая буква справа никак не может быть в надписи V в. сигмой, это Ο (либо Θ при условии, что была точка внутри). Сохранный текст таков: ΤΩΝ ΙΜΕ-- | --ΩΝΕΟ-- | --ΑΙ. Структура текста в стк. 1-2 понятно – тут gen. pl. τῶν и окончание -ων. Трёхстрочное граффито на чаше редко бывает пространным, поэтому желательно связать τῶν ἱμε- стк. 1 с окончанием -ων в стк. 2. Тут вполне дополняется прилагательное ἱμερόεσσα с ионийской флексией gen. pl.: τῶν ἱμε[ροεσ]ῶν «прекрасных», так что речь ведётся о чем-то прекрасном женского рода. Судя по Thesaurus linguae Graecae, в источниках с этим прилагательным сочетаются δόμος, ὄμη, но чаще πόλις (Σπάρτης), ἀοιδή, еще чаще названные по имени женщины – реальные и мифологические⁷. Дальнейший текст стк. 2-3 ΕΟ (или ΕΘ--) | -αι. В ΕΟ можно видеть в пандан к прилагательному ἱμε[ροεσ]ῶν начало какого-нибудь существительного (например, ἱμε[ροεσ]ῶν ἔθ[ειρῶν] «с прекрасными волосами»), но при скудости сохранившегося ΕΟ или ΕΘ лучше привлечь exempli gratia нейтральный gen. pl. part. fem. ἐο[υσῶν] «сущих». В трёхстрочной надписи востребован глагол, так что -αι стк. 3 можно счесть окончанием инфинитива, причем глагола, требующего род. падежа. Поскольку чаша с надписью пиршественная, скорее всего речь идет о гетерах – прекрасных женщинах, поэтому, примера ради, дополним глагол [ἔρασθ]αι «любить». Ср. у Геродота (I. 18): ὁ Κανδαύλης ἠγάσθη τῆς ἐωυτοῦ γυναικός «этот Кандавл любил свою жену», – тут и глагол ἐράσμαι, и требуемый им род. падеж, и артикль в указательном значении. Текст граффито в целом exempli gratia: τῶν ἱμε[ροεσ]ῶν ἐο[υσῶν] | ἔρασθ]αι «сих прекрасносущих женщин любить». Начиная надпись артикль τῶν определенно имеет указательное значение – «этих», т.е. присутствующих на пире женщин. У ионийцев домашние женщины на пиры не допускались, поэтому подразумеваемые «прекрасносущие», т.е. присутствующие на застолье, дамы – гетеры. Прилагательное ἱμερόεσσα поэтическое, и если его дополнение верно, текст стихотворный}.

26. **ГОП: 90, № 227**: мелкий обломок чернофигурной чаши последней четв. VI в., изнутри граффито Σ (?)ΨΑΥ, возможно, глагол ψαύ[ω] «прикасаюсь» или производное от него слово; сигма – окончание какого-то слова. «Если это так, в надписи могла идти речь о том, чтобы не прикасались к чаше». <Надпись обломана слева и справа. Глагол уловлен почти правильно, а вот повеление не прикасаться к чаше безосновательно, ибо как раз наоборот, коснуться устами чаши – поэтический троп всей мировой поэзии. Наш текст: [πρό]σψαυ[έ μου] «прикасайся ко мне!», – обращение чаши к участнику выпивки. Древние отмечали синонимичность глаголов προσψαύω и θιγγάνω – оба означают «(при)касаюсь» (например, схолии к Эсхилу), и другая ольвийская надпись на кувшине – θιγγὸ ψῦχος ἐρωμένο «коснись желаемой прохлады!» – по существу приглашает прикоснуться к кувшину, чтобы налить вина (Яйленко 2020b: 496). Самое интересное в надписи на чаше то, что она сделана на внутренней поверхности, причем идет

⁷ Hesiodi fr. 291: Φαίω θ' ἱμερόεσσα (Файо – одна из Гиад). Оракул Пифии (Paus. II. 26. 7): ἱμερόεσσα Κορωνίς «желанная Коронида» (мать Асклепия); «Желанная Киприда» у Каллимаха (Hymn. IV. 21); μήτηρ ἱμερόεσσα у позднего эпика Нонна (Dionys. V. 93); покойная Клео эпитафии (Anth. Graeca. VII. 91).

снизу вверх к венчику, так что надпись открывалась сперва частично, затем полностью при осушении чаши, и она призывала снова прикасаться к ней, т. е. не отставлять в стороне. Это забавная антиномия устойчивому застольному призыву ольвийских граффити на чашах пить ἀμυστίv «залпом» (Яйленко 2020b: 473, 474). По существу это призыв пить помалу, но много: у выпившего еще не обсохли губы, а *objet parlant*, чаша, снова требует к себе внимания. Ср. ниже, № 59: [kv]κλόσ[ε] | π[ίvειv ?] «пить вкруговую» тоже размещена на дне килика изнутри, и смысл её в том, что участник пира, осушив чашу, видел призыв передать её другому>.

27. (Рис. 1 -27). **ГОП: 91, № 229:** обломок дна чл. чаши V в., среди прочерков видны несколько букв – Ω, Φ, мелкая Σ, вероятно, ΛΥΚ. <Угольчатая омега появляется не ранее IV в., поэтому в первой букве следует видеть Μ, снизу прочеркнутую (на прориси слева внизу). Выше, над прочерками, следуют большая буква Ψ, справа от нее, видимо, Α-supinum, далее четкое ΣΛΥΚ. Предположительно вычитываем аористное причастие ψάσ(ας?) от глагола ψάω «тереть, стирать в порошок, в прах, исчезать» (с гаплографией: из двух слогов ασ написан один). Такое значение все ставит на свои места: это заклятие, отсюда и всяческие прочерки, свойственные надписям такого типа, а ΛΥΚ – начало имени человека, предаваемого проклятию: его-то и «стер в порошок» автор наговора. Текст: --Μ. Φ. ψάσ(ας) Λυκ[--] «-- стерев в прах Лик--». К примеру, как раз в IV в. в Ольвии был афинянин Ликий (см. выше № 6), он и мог быть жертвой автора заклятия>.

28. (Рис. 1 -28). **ГОП: 97, № 286:** вотив, грубо вырубленный из черепицы, видимо, с «утрированным изображением «шагающего» очень толстого человека, либо какого-то животного. По тулову проведены волнистые линии». <Изображение профильное, поэтому у «шагающего» толстяка ожидалось бы две ноги. Полагаем, это изображение роженицы в присущей родам позе – она лежит на боку с подобранными ногами; волнистыми линиями обозначена её рука, направленная к вульве, что тоже логично при родах>.

29. **ГОП: 97, № 287:** фр. калиптера последней четв. VI в. с небрежно процарапанными изображениями троих «скорченных» людей. С трудом различаются 2 надписи: ΝΟΥΣΟΣ ΛΕΩ-ΣΤΡΑΤΟ «болезненное состояние Леострата» (?), ΝΕΚΥΣ ΑΡΙΣΤ-- «умерший Арист-- (?)». «Все эти рисунки и надписи имели какое-то магическое значение, возможно, связанное с лечебной магией в святилище Аполлона Иетроса». <Это интересный памятник, и очень жаль, что не приложена хотя бы схематическая прорисовка основных линий рисунков и надписей. А.С. Русяевой не позволило сделать это плохое их состояние, но теперь современная фантастическая техника фотографии позволяет удовлетворительно воспроизвести их, так что комплекс должен стать объектом специального исследования. Может быть, рисунки и надписи связаны с лечебной магией, как сочла издатель. Однако обратим внимание на другое ольвийское граффито того же времени на овальной пластинке из кости (ГЛБО II: 84, № 83): μοῖ πίων vḱσΊ «у меня выпивая, болей!» (ионич. vḱσΊ = νοῦσΊι). В надписи на калиптере та же ионийская форма – νοῦσος «болезнь». С учетом весьма показательного выражения vΊκς Ἀριστ[-] «мертвец Арист--» или «труп Арист(--а)» это черная магия>.

30. (Рис. 1 -30). **ГОП: 97, № 288:** на фр. черепицы профильное изображение мужской головы влево, рядом неоконченное изображение в 3/4, возможно, также мужской головы. {Нет, второе изображение законченное, оно лишь чуть повреждено, это обычный для Ольвии бородатый мужской профиль влево (например, ГЛБО II: 86 + тб. VI, 7а). А другой профиль безбородый. Выше (см. № 22) на остраконе тоже показана безволосая голова, и мы выяснили, что автор этого наговора изобразил неуютного супостата в виде трупа. Здесь голова тоже безволосая, причем в левом повороте, обычно означающем семантику смерти (ОХБ: 28, 106), так что черепица с изображением двух мужских профилей в левом повороте может быть изделием черной магии. И все же существо этих рисунков представляется нам иным. Среди ольвийских граффити есть и

другие профильные изображения безбородых (ГОП: табл. 26 -1; 44 -1, 2, 3), на наш взгляд, они связаны с любовной магией и оракулами; исходя из контекста надписей, мы выяснили, что их левый поворот метафорически означает смерть «от любви» (Датирование: № 49). Исходя из этого, полагаем, что пара голов на рис. 30 – это обычный в греческой вазописи и литературе образ «влюбленных», типа Гармония и Аристокитона: один зрелый, бородат, другой юноша и потому безбород. Они любовники – зрелый брадатый муж и безволосый еще юноша, так сказать, Евфрон и Коландак ольвийской любовной надписи IV в. (Толстой 1953: 7). На эту тему написано и ольвийское дипинто III в.: *καλὸς Μενεὺς καὶ ψιλὸς [ὁ δεῖνα]* «красив Менеи и лыс / безбород *имярек*» (см. ГЛБО II: 89, № 90).

31. (Рис. 1 -31). ГОП: 98, № 290: вотив, грубо вырубленный из пластины мергеля, со схематическим изображением, вероятно, бабочки или насекомого. <Эта забавная вещица найдена в вымостке культовой площадки, отчего А.С. Русяева приняла её за вотив. Как скромной женщине, ей и положено видеть в рисунке бабочку, но любому мужчине понятно, что это *penis erectus cum testiculis*, извергающий семя. Ровно это изображено на магическом граффито из Херсонеса (ГАХ: 728 = ОХБ: 764), на солонке из Пантикапея, но без семени (Diehl 1923: 227 sq., photo; Яйленко 2018: 257–259, 271, рис. 16)>.

32. (Рис. 1 -32). ГОП: 98, № 291: на дне коринфского скифоса второй пол. VI в. двумя кругами идут буквы Σ, Μ, Ο, скорее всего граффито магическое. <Воистину так, ибо справа от сердцевины с лучистым солнцем нарисована свастика, слева она же, но небрежно прочерченная. Странно, что не отмечена идущая справа налево по кругу в сердцевине посвятельная надпись *Ἰαατρί* «Иеетру», тут то же эмфатическое удвоение буквы, что и в № 4, 54⁸>.

33. (Рис. 1 -33). ГОП: 104, № 2: на ободке дна чл. килика первой пол. V в. *Ἐάνθιππος* (sic) *Δήμητρι, Περσεφόνη, Ἰάκχωι* (ἐς) *Δημήτριον* «Ксантипп (посвятил) Деметре, Персефоне, Иакху в Деметрион», а на дне буквы *ΞΑΝ(?)ΔΑΝΘΙΕΘΔ*. {Очень уместно приложенная фотографическая раскадровка надписи (табл. 39) показывает, что она прочитана не полностью, отсюда не вполне адекватный текст. Между *Δημήτριον* и личным именем (Ксантипп издателя) читается неаккуратно начертанное название подарка – *ρύλιξ*, у коппы высокая ножка, головка приплюснута. Неаккуратность письма этого слова обусловлена тем, что для него осталось мало места между *Δημήτριον* да именем дарителя, с которого тот начал свою надпись, потому буквы и «заплясали»: он изменил их формат на вертикальный, не раз перечеркивал написанные буквы. Написание слова килик через коппу известно ионийской эпиграфике, к примеру, оно есть в березанской надписи VI в. (Chistov 2019: 103, 104, табл. с прорисью; Яйленко 2020b: 485). Поскольку кси принадлежит этому слову, имя дарителя не *Ἐάνθιππος*, но *Ἄνθιππος*, нормативная форма *Ἄνθιππος* (LGPN VA, p. 33), написание омеги вместо омикрона – гипернионизм, т.е. намеренная замена ионийцем краткого долгим; оно и в следующем граффито № 34 (см. о других гипернионизмах в Ольвии: ОХБ: 33, 42, 312, 317, 472). Предлог *ἐς* дополнен издателем напрасно, ибо на фото хорошо видны Ε (верхний и средний усы сближены) и Ν, правая гаста которого почти горизонтальна и ушла под дельту слова *Δημήτριον*, т. е. предлог *ἐν* (он был сначала пропущен, затем втиснут между *Ἰάκχωι* и *Δημήτριον*). Вообще предлог *ἐν* сочетается с дат. падежом, но в поэтическом языке и с винительным (LSJ, s. v. Β; Pind. Pyth. II, 86); трудно судить, насколько надпись Антиппа стихотворная, поскольку она состоит в основном из имён. Наш текст: *Ἄνθιππος Δήμητρι, Περσεφόνη, Ἰάκχωι ἐν Δημήτριον ρύλιξ* «Антипп *посвятил* Деметре, Персе-

⁸ В замечательном рассказе Всеволода Рождественского «Сизиф, сын Эола» (точнее было бы «Сизиф и солдат») к измученному бесмысленной и тяжелой работой Сизифу приходит солдат; от одиночества великан Сизиф рад пришельцу: «Слава богам, прохожий. Р-р-рад! Иди в хижину. Р-р-рад! Разведи огонь. Поставь бобы. И смешай вино. Р-р-рад!». Тут связь между удвоением буквы, да еще в повторяемом слове, и взволнованностью чувств наглядна.

фоне, Иакху в Деметрион килик». Эта надпись идет кругом по ободку, а внутри круга написан нелегкий для понимания текст, но кое-что разобрать можно. Обратим внимание, что в этом десятке букв присутствуют 3 дельты, что указывает на сокращения и / или цифры, среди которых дельта действительно одна из самых употребительных, означая δ(έκα) «десять», δ(ραχμή) «драхма».⁹ Предположительно читаем: (έ)ξά<δ(ραχμῶν?) Ἄνθ(ιππος) ἱε̄, α' δ(ραχμή), δ(έκα, sc. δραχμαί?) «(?) сумму в шесть драхм Антипп посылал, 1 драхму, десять драхм (?)». Присутствию трёх денежных сумм соответствует имперфект ἱε̄ (= ἱεῖ), указывающий на неоднократность его действий – он их «посылал». Опять-таки три суммы соответствуют трем богам, которых Антипп называет в надписи – Деметре, Персефоне, Иакху, т. е. каждая сумма посылалась конкретному божеству. Из двух последних дельт первая с прочерком в середине, это обычная альфа, вписанная в драхму, т.е. сумма в 1 драхму}.

34. **ГОП: 107, № 6:** на обломке дна чл. чаши V в. АРТΔΗΛΦΙ, посвящение Ἀρτ(έμι) Δελφι(νίη) «Артемиде Дельфинии». <Это чтение Ю.Г. Виноградова, А.С. Русяевой 1980 г., кратко изложим то, что мы уже писали о нём (ОХБ: 41, прим.). В граффито АРТΔΗΛΦΙ они усмотрели известную из словаря Поллукса эпиклесу Артемиды Дельфинии, но текст раскрыли курьезно: «Ἀρτ(έμι) Δελφι(νίω) (sic!)», т.е. Артемиде Дельфинию» (мужской род!). Разумеется, должно читать Ἀρτ(έμι) Δελφι(νίη) «Артемиде Дельфинии», так позднее исправила А.С. Русяева (ГОП: 107). Может и так, но эпиклеса Артемиды Дельфинии засвидетельствована, судя по их данным, лишь дважды и только литературными источниками (Pollux, VII, 119; Schol. in Dem. 23, 74), тогда как эпиграфических посвящений совместно Артемиде и Аполлону много. Поэтому предпочитаем видеть в сей ольвийской надписи именно такое посвящение: Ἀρτ(έμι), Δηλφι(νίω) «Артемиде, Дельфинию». Теперь отметим и гиперенионизм, на который упомянутые авторы не обратили внимание – Δηλφι вместо нормативного Δελφι, а Л. Дюбуа напрасно счёл ошибочным [Dubois: 162]: в надписях Ольвии есть несколько гиперенионизмов, в том числе написание η вместо ε (ОХБ: 33, 42, 312, 317, 472), также в нижеследующем граффито № 85>.

35. **ГОП: 115, № 44:** трёхстрочный текст ΙΑΝΣΒΑΤΩ | ΙΝΕΝΕΠΙ | ΔΑΤ, тут ΙΑΝΣ и ΒΑΤΩ могут быть остатками личных имён. <Это обценная стихотворная надпись: e.g.: [Βακ]ίδης Βάτω[να / β]ινῆν ἐπιβουλεύει / τε Μόσχ[ω]ι δατ[έεσθαι] «Бакид замыслил поймать в зад Батона и разделить с Мосхом» (Яйленко 2020b: 497)>.

36. **ГОП: 118–120, № 53:** семистрочная надпись с упоминанием Аристотеля, жреца Гермеса и пр. <Мы обосновываем мнение, что это оракул (Датирование: № 49; Яйленко 2021, надпись № 1–2)>.

37. **ГОП: 120, № 57:** остракон с надписью неясного содержания Ψ(?)ΩΡΗ или Χ(?)ΩΡΗ. <Читается ψορή «струпья, кожная болезнь», это амулет против кожной болезни. О струпьях ведется речь и в шутовском граффито с Березани (Яйленко 2020b: 470–471)>.

38. (Рис. 1 -38). **ГОП: 127–128, № 96:** имя в род. падеже Ἀγορέω и рисунок мужской головы, магия. <Это не магическая надпись, а владельческая (Датирование: № 50a)>.

39. (Рис. 1 -39). **ГОП: 138, № 151:** на обломке дна чл. чаши V в. имя в род. падеже Ηρῶ «Гера (чаша)», правда, такого имени нет, поэтому ΗΡΟ может быть сокращением имени, например, Ηροσών. Другая надпись: Ἐὸδωρο ἐπί «принадлежу Евдору». Видимо, сначала чаша принадлежала Геросу, затем другому собственнику. {Сохраняем красоты графики и греческого языка издателя. Геросонт, Евдор – излюбленные в олигархическом роду Протогеновых имена (ОХБ: 488),

⁹ В предпоследней букве А.С. Русяева увидела тету, но на фото хорошо видна разница между реальной тетой (она пятая с конца) и предпоследней буквой: у первой, как и положено, основание в половину высоты, у предпоследней буквы, наоборот, широкое основание и меньшая высота. Это дельта со скруглённой верхушкой, см. такие в других ольвийских граффито: Толстой 1953: 30; ГОП: табл. 44 -2; Dubois 1996: No. 107 (l. 5); Яйленко 2020a: 25, рис., правая колонка, стк. 9; 29, рис., стк. 3.

так что здесь сокращение НРО уверенно раскрывается в Ἦρο(σῶν / -όντος). Вторая владельческая надпись Εὐδῶρῶ ἐπί сделана чуть в стороне. Это действительно имена двух владельцев сосуда, ибо они и отделены друг от друга, и типологически разные – сокращение имени Ἦρο и полная владельческая надпись Εὐδῶρῶ ἐπί. По сей причине здесь два владельца, но кто раньше, кто позже, судить нельзя. Важно, что это первые представители рода Протогеновичей, особенно развернувшегося в III–II вв. Они ростовщики, и как раз соименный потомок этого Евдора V в. проклят в наговоре позднего III–II в., см. следующую надпись № 40}.

40. (Рис. 1 -40). **ГОП: 128, № 97:** дно канфара, на одной стороне профиль мужской головы, над ним имя ΕΥΔΩΡΟΣ, на одной стороне прочерки и буквы, в т.ч. НЮ НН; вероятно, черепок магического назначения, предположительная дата III в. <Это коническое основание канфара, употреблено вторично для наговора на Протогеновича по имени Εὐδωρος: написано его имя, под ним нарисован бюст мужчины, он пробит дырой. Поздний III–II в. (Датирование: № 52а)>.

41. (Рис. 1 -41). **ГОП: 140, № 160:** фр. дна чл. чаши IV в. с полностью сохранившимся словом ΤΙΚΟΥΝΗ «Тикуйе(?)», возможно, негреческое имя женщины, получившей в подарок чашу. <Это предположение ни на чем не основано, структурно вполне вычитывается мужское личное имя в род. падеже Τικου и сумма η| «8 оболов», либо просто цифра η´ «18». Имя Τικος не засвидетельствовано, туземное. По род. падежу возможны значения «от Тика» или «у Тика» с указанием денежной суммы или чего-то другого в цифрах. Возможно и чтение Τικου ἦι «да будет у Тика» – о чаше. Такое значение имеет ольвийское граффито того же IV в. Αναγόρης / Αναγόρη □ ἦι ποτε «кратер Анагоры; у Анагоры, о, пусть будет, наконец!», это надпись гетеры, которая получила в дар кратер, на котором она и запечатлела исполнение своего желания (Яйленко 2020b: 476)>.

42. **ГОП: 141, № 163:** на фр. венчика чл. чаши IV в. имя Κονναρίων, это не владельческая надпись, а посвятельная. <На первый взгляд, это так, но лаковая поверхность черепка указывает на сильную изношенность чаши, поэтому можно думать, что она представляла для Коннариона особую ценность, вследствие чего он сделал владельческую надпись не на дне, как положено по обыкновению, а на венчике: Κονναρίωνο[ς] «чаша Коннариона» (Датирование: № 29)>.

43. **ГОП: 138, № 152:** на фр. дна чл. чаши второй пол. IV в. неизвестное имя Βιαλάς, «шрифт в общем соответствует датировке сосуда». <Это владельческая надпись: Βιαλάς «Биалас», либо род. падеж женского имени: Βιαλάς «чаша Биалы» (Датирование: № 30). Обычно имя владельца на дне ставится в род. падеже, но нередок и номинатив – напр. Προταγόρης (ГОП: 140, № 161). Попытка А.С. Русяевой объяснить имя из βία (в Μητροβία) и -λας (в ΑΠΟΛΛΑΣ) неуместна (достаточно сказать, что в Απολλᾶς основа Απολλ- и флексия -ᾶς, так что в Βιαλάς основа Βιαλ- и суффикс -ας). Имя Βιαλάς из греческого не объяснимо и потому туземное. Ср. ольвийский наговор III–II в. с большим числом негреческих имён (Белоусов 2020: 99–103; Яйленко 2020а: 26–29)>.

44. **ГОП: 139, № 157:** обломок дна чл. сосуда второй пол. IV в. с именем Καλλίας. <Владельческая надпись на дне, как сказано (выше, № 43), может содержать имя и в номинативе>.

45. **ГОП: 140, № 162:** на фр. стенки амфоры, возможно гераклеийской, имя Αρίστω[νο]ς, граффито можно датировать второй пол. IV – первой пол. III в. <По форме омеги и прочим признакам надпись II в. (Датирование: № 32). Тип надписи неясен>.

46. (Рис. 1 -46). **ГОП: 158, № 297:** на фр. стенки чл. скифоса V в. ΔΥΜΝΗΜ (?), что может быть предположительно прочитано как Δυ Μνήμη[η] «он подчинился Мнеме», либо «меня осенила память» (μνήμη). <Что такое Δυ, откуда взялись «меня осенила», «он подчинился», издатель не пояснила, да это и невозможно, поскольку определённо вычитывается совсем иное: δ' ὑμνήν[ται --] «воспевают же --» (форма ὑμνήνται – LSJ, s.v. ὑμνέω). Поскольку тут частица δέ открывает текст, что ей не свойственно, это цитата, выписанная из какого-то контекста, скорее по-

этического, нежели прозы. Примеры постановки перед глаголом ὑμνέω сей частицы – ἀεὶ δ' ὑμνοῦμενα «вечно воспеваемые» – дают Софокл (Αἶαχ. 292), Евстафий в комм. к «Одиссее» (vol. I, p. 424; TLG); схолиаст к указанному стиху «Аякса» подробно разъясняет смысл частицы ἀεὶ в его контексте (Hypothesis-scholion. 292. l. 1; TLG). Ср. и граффито раннего IV в. с Березани: ὑμνῶ μέδε[σθαι --] «-- обдумывать стих» (Яйленко 2020b: 498)>.

47. **ГОП: 158, № 298:** на фр. стенки чл. канфара IV в. граффито из слов, видимо, разной направленности – справа налево читается ΚΗ, слева направо ΡΑ; так как оно размещено на видимой стороне сосуда, возможно сакральное содержание. <Написание стоящих рядом двух слов одной строки в разном направлении странно, однако встречаются примеры написания буквы одного слова в обратном направлении, особенно в магических текстах. Следующая сфера наиболее частого употребления ретроградного написания букв в слове или имени – эпитафии, в которых это тоже апотропеический прием (ОХБ: 629, 631, 773; ТБР: 552, 663). Поэтому можно предположить чтение тут вин. падежа имени богини смерти Керы (nom. Κήρη): -- Κήρα -- «-- Керу --». Если это так, канфар мог употребляться для возлияний в погребальном обряде>.

48. **ГОП: 160, № 305:** фр. дна чл. чаши с надписью IV в. ΙΟΥΣΑΜΜΕΚΛΕ | ΡΒΙΝΗΣ (?) <В этом ΡΒΙΝΗΣ Ю.Г. Виноградов усмотрел название праздника – (dat. pl.) [Α]ρβινησ[σιν], я «повелся» на его чтение и усмотрел тут название Березани (ОХБ: 215). Теперь же по прориси А.С. Русяевой вижу, что банальное βινῆι «поймет в зад» Виноградов превратил в название праздника. Это надпись из разряда угроз вора, намеревающимся унести с пира чашу: [ὄδε ἔσται τυφλὸς ἄμ με κλέψῃ, | ? ὁ ἰδόμενος τ' αὐτὸν γὰρ βινῆι «тот будет слеп, кто меня украдет, ибо увидевший поймет его в зад» (Яйленко 2020b: 497–498)>.

49. **ГОП: 160, № 306:** на фр. края красноглиняного блюда ΜΕΠΟΙΗΣΕΤΑ, часть бытовой или симпосийной дарственной надписи – предположительно μέ ποιήσε(ι) τά [δῶρον] «получи (-л) меня в (дар?)». <И чтение безосновательное, и оформлено в отношении языка да диакритик безобразно. Это обычная формула авторства гончара или художника «меня сделал имярек»: μ' ἐποίησε Τα-- «меня сделал Та-- (имя)». Но бытовые красноглиняные блюда – массовая продукция, поэтому тут скорее застольная шутка над участником пира по имени Та(--), который сотворил что-либо смешное на блюде или с блюдом. Издатель не дала даты, по характеру письма это граффито последней трети IV в. (Датирование: № 12)>.

50. **ГОП: 160, № 308:** две надписи, одна из которых ΚΑΤΑ(...)ΣΤ(?)ΟΜΑ. <Все не так – надпись одна, трёхстрочная, и текст иной, вполне читаемый: κατίσ<σ>χου | ἀριστομά[χου] | ξ[ίφος] «держи при себе лучший в бою меч»; это упражнение школяра (Яйленко 2020b: 492–493)>.

51. **ГОП: 175–178, № 44.** Надпись на позднеэллинистическом лагиносе, подробно изложены варианты её чтения и понимания. < См. наш подробный разбор литературы о надписи, чтение и интерпретацию содержания (Яйленко 2020b: 493–497). Наш текст: θιγγὸ ψῦχος ἐρωμένο κατὰ μάκτρα «коснись желаемой прохлады сообразно еде!» или «коснись желаемой прохлады пицци ради!»>.

II. Заметки к ольвийским граффити свода И.И. Толстого

Изданный почти 7 десятилетий назад, сей свод остаётся важным источником информации по самым разным вопросам истории, религии, археологии, экономики, повседневного быта населения Ольвии, Березани, Херсонеса, Нимфея, Пантикапея, Тамани VI–I вв. Словом, эрмитажное собрание памятников малой эпиграфики этого рода прекрасно по подбору. Всего в своде И.И. Толстого 255 надписей. Книга ценна чтением текстов многих надписей и комментариями И.И. Толстого, прорисями З.А. Билимович, керамическими датировками А.А. Передольской. Вместе с тем немалое число граффити неточно понято И.И. Толстым. Он был прекрасным знатоком древнегреческой литературы, но его кратковременное занятие эпиграфикой

Северного Причерноморья оказалось не очень продуктивным – он не работал с массовым материалом и потому не имел понятия о закономерностях его типологии. В важнейшем вопросе о понимании сокращений имён на доньях сосудов, а это самый многочисленный класс граффити, он оставался на ошибочной позиции Э.Р. Штерна, который считал сокращения теофорных имён посвящениями богам. Словом, как кабинетный филолог, Иван Иванович имел отдалённое представление и о лапидарной эпиграфике, и о малой. Отсюда множество ошибочных текстов и комментариев в его книге. «В целом примерно половина изданных И.И. Толстым граффити требует уточнения текста и типологической принадлежности», – писали мы (ГЛБО I: 74). Примерно такого смысла и отзывы рецензентов – П.О. Карышковского, Л. Робера, Б. Надэля, Д. Джордана: книга нужная, но многое нуждается в уточнении¹⁰. Ольвийских граффити в своде 74 (№ 1–74), часть их мы пересмотрели в ГЛБО II, здесь продолжаем ревизию¹¹.

52. (Рис. 1 -52, 52a). **Т 2:** на дне обломка чл. сосуда V в. ХОЕ, т.е. $\chi\omicron\epsilon(\acute{\upsilon}\varsigma)$ – мера жидкости в 12 котил. <Горизонтальные усы буквы Е характерны не для V, а IV в., так что обломок скорее вторичного использования. Для адекватного понимания надписи важно и то, что буквы написаны не в строку, как положено, а одна под другой. Одно это может указывать, что мы имеем дело не с обычным для доньев сокращением имени-отчества владельца, а с иной по типу надписью. На нашей прориси между средним и нижним усиками Е показана косая линия, образующая Δ , так что это денежная сумма: $\chi\omicron\epsilon\acute{\omicron}\delta$ «халк, обол, 6 драхм»>.

53. (Рис. 1 -53, 53a). **Т 3:** на фр. донца килика $\Delta\text{K} = \delta\acute{\omicron}\kappa(\acute{\upsilon}\lambda\iota\kappa\epsilon\varsigma)$ «10 киликов», пометка гончара или торговца. <Скорее это обычное для надписей на доньях имя-отчество владельца в инициалах: ΔK >.

54. (Рис. 2 -54, 54a). **Т 5:** на обломке круглого основания ножки килика VI в. $\chi\alpha\acute{\iota}\langle\iota\rangle\rho\acute{\epsilon}$ μοι «будь в радости у меня». <И.И. Толстой счёл, что вторая иота глагола обязана дигтографии. На нашей прориси, однако, и в μοι две иоты, так что это скорее эмфатическое удвоение – $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\acute{\epsilon}$ μοι, как, например, в ольвийском посвящении того же VI в. $\text{A}\rho\acute{\omicron}\lambda\lambda\omega\nu\iota$ $\text{I}\eta\tau\tau\omega\acute{\omicron}\iota$ (см. выше № 4, 32)>.

55. (Рис. 2 -55, 55-bis, 55a). **Т 7:** на стенке чл. килика IV в. владельческая надпись $\epsilon\acute{\upsilon}\phi\rho\nu\omicron\varsigma$ $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ «я принадлежу Евфрону»; затем килик подарен «прекрасному Коландаку, о чем свидетельствует надпись на крае – $\text{K}\omicron\lambda\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\kappa\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$. <На прориси Билимович показано $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$, первой иоты мы не увидели на подлиннике, так что читаем $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$. Это одно из ряда свидетельств о педерастии в Ольвии (Яйленко 2020b: 470, 488–489, 491, 498). Приведем сказанное Дионом Хрисостомом (Or. XXXVI. 51) по этому поводу: обычай мужской любви вынесен ольвиополитами из метрополии, они научили этому и некоторых варваров, конечно, не к добру, а как последние способны были перенять это – с варварской грубостью. С Евфроном и Коландаком как раз такой случай – имя пащенка негреческое, на наш взгляд, индоарийское: $\kappa\alpha\lambda\alpha$ «нежный» + nandaka «радующий», т.е. Kalandaka – «нежнорадующий» (с гаплографией) (Яйленко 2013: 99), что по смыслу точно соответствует отношениям Евфрона и Коландака>.

56. (Без прориси). **Т 9:** в середине донца чл. килика IV в. $\text{M}\epsilon\text{N}$ – $\mu\acute{\epsilon}\nu(\epsilon)$ «оставайся», обращение к сосуду с приглашением оставаться в доме, т.е. не теряться, либо начало имени. <Вычитывание императива И.И. Толстым навеяно соответствующим экзерсисом Э.Р. Штерна, который узрел в феодосийском граффито $\text{M}\epsilon\text{N}\epsilon$ на дне сосуда императив $\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon$ «оставайся». Штерн добавил объяснение не без фантазии: владелец, не раз пострадавший от битья посуды, начертал

¹⁰ См. подробности: Яйленко 2019a: 626–627.

¹¹ В 1970-х гг. мы обработали почти всю коллекцию эрмитажных граффити (при любезном содействии К.И. Зайцевой, которой весьма благодарны). Далее для наглядности прилагаем прориси надписей из свода И.И. Толстого, а при необходимости и свои прориси (при номере рисунка они с литерой а). Граффити И.И. Толстого обозначаем буквой Т с номером по своду (например, Т 7); сначала приводим его толкование надписи, затем даём свой комментарий, заключенный в угловые или фигурные скобки.

эту надпись на любимом килике (Штерн 1897: 184, № 56). Э.Б. Петрова справедливо зачислила граффито во владельческие – как сокращение имени Μενε (Петрова 2000: 153). И свои надписи № 103, 104, 152 из Нимфея и Пантикапея с двумя буквами ΜΕ, также № 99 с ΜΕΝ Толстой безосновательно объяснял как μένε «оставайся». Между тем все сии граффити сделаны на доньях столовой посуды, а на этом месте располагаются почти всегда имена и сокращения имён её владельцев (ГЛБО I: 76, 79–81), посему таковы и эти ΜΕ, Μεν¹².

57. (Рис. 2 -57a; даём свою прорись, так как она показывает положение надписи на венчике килика). **Т 12:** на обломке чл. килика V в. [δαίμονος] ἀγαθῶ «Доброго Гения». <Надпись ΑΓΑΘΟ можно бы понять разным образом, но она расположена на венчике, поэтому мнение Толстого о Добром гении справедливо (должно быть [δαίμονος]). Под № 14 у Толстого фигурирует на стенке килика посвящение Дионисия, сына Диодора, Ἀγαθῶι Δαίμονι, см. следующее граффито¹³.

58. (Без прориси). **Т 14:** посвящение Дионисия, сына Диодора, Ἀγαθῶι Δαίμονι. <(См. фото граффито – АГСП: 366). Небезынтересен вопрос о характере данного Агатодаймона, ибо были две его разновидности – один, так сказать, общественного значения, которому совершали последнее возлияние на пиру, другой был внутренним гением каждого человека. Иначе говоря, у каждого был индивидуальный гений, см., к примеру, завещание галикарнасца Посидония эллинистического времени (Syll. 1044, стк. 9): τιμᾶν καὶ ἰλάσκεσθαι Ἀγαθὸν Δαίμονα Ποσειδωνίου καὶ Γοργύδος «почитать и умилоствивлять Доброго гения Посидония и Горгиды». См. и указания магического папируса о молении к Агатодаймону (PGM I, S. 4).

59. (Рис. 2 -59, 59a). **Т 17:** на внутренней стороне дна чл. килика IV в. [κύκλος|ε] «кругом, вкруговую», автор надписи, очевидно, хотел, чтобы сосуд служил застойной круговой чашей. <Правильное ударение кукλόσε. Обратим внимание, что последняя сохранившаяся буква на прориси З.А. Билимович округлая, не соответствующая Ε. Однако мы удостоверяем своей прорисью, что это верхняя часть прямой буквы, причем не Ε, а Π, так что Толстой напрасно счёл её эпсилонем. В ГЛБО II: 207 мы дополнили на основании этой буквы глагол πίνειν: [κυ]κλόσ[ε] | π[ίνειν ?] «пить вкруговую». Толстого удивляло размещение надписи на дне килика изнутри, но в принципе это понятно: участник пира, осушив чашу, видел призыв передать её другому (ср. выше № 26, тоже размещённое на дне чаши [πρό]σψαυ[έ μου] «прикасайся ко мне!», – обращение чаши к участнику выпивки: он только осушил ее, а она снова приглашает его повторить)¹⁴. В ГЛБО II: 207, принимая толкование Толстого, мы предположили также возможность чтения личного имени, например, [Χαρ]ύκλος, [Περ]ύκλος и под. Хотя можно обосновать его ссылкой на другой ольвийский килик с двумя именами владельцев, тоже написанными внутри него (см. ниже № 97), это менее вероятно>.

¹² Да и Штерн (1897: 184) немало нафантазировал по поводу своих граффити № 57 с буквами ΤΙΜΕ да № 58–60 с буквами ΜΕ. В ΤΙΜΕ он усмотрел вопросительное τί με «к чему меня?» с подразумеваемым глаголом типа ποιείς и смыслом «Что ты со мною делаешь» или «К чему ты меня употребляешь». На этом основании и в ΜΕ своих № 58–60 он усмотрел με «меня!» Между тем все эти граффити сделаны на доньях сосудов и потому представляют собой сокращения имён их владельцев. Штерна извиняет лишь то, что его статья 1897 г. была первой попыткой осмысления граффити как массового материала.

¹³ Забавы ради упомянем граффито из Монлоре с Агатодаймоном, пострадавшее от издателя греческих граффити из Руссильона и Каталонии Ж. Жюли (Jully 1976: № 51). Надпись – ΟΔΑΙΜΟΝΟ(Σ) на дне сосуда V в. этот автор прочел как «... odimino(s)» (опечатка?). На самом деле это вотив: [Ἀγαθ]ῶ δαίμονο[ς] «Доброго Гения».

¹⁴ Примерно такую ситуацию описывает Элиан, говоря о стадности лещей: когда рыбак закидывает сеть, лещи собираются вокруг нее (куκλόσε) и подают друг другу знак (σύνθημα ἕκαστος ἑκάστῳ δίδόντες) не касаться сети (De nat. anim. I, 46).

60–61. (Без прориси). **Т 19, 20:** на доньях одного чл. килика АП, другого АР, посвящения Аполлону и Артемиде. <В ГЛБО (I: 79–81) мы подробно разъяснили, что подобные сокращения на доньях принадлежат теофорным именам владельцев посуды. Так и здесь: Аπ, Αρ>.

62. (Рис. 2 -62, 62a). **Т 21:** ΔΠ = Δί «Зевсу». < В ГЛБО (II: 111) мы отметили, что под дельтой есть прочерк, который указывает на цифровой характер надписи. Мы напрасно сомневались, что это обозначение драхмы и двух оболлов>.

63. (Рис. 2 -63, 63a). **Т 23:** на внутренней стороне обломка крышки чл. леканы [Δ]ήμη[ητρι] «Деметре». <Прорись З.А. Билимович вводит читателя в заблуждение тем, что обломы показаны такой же сплошной линией, как и надпись. На нашей прориси этот недостаток устранен. Для толкования Толстого оснований нет, можно лишь констатировать наличие эты и левой боковины Λ или Μ>.

64. (Без прориси). **Т 27:** на дне чл. килика Αθ(ηνᾶι) «Афине». <Это не посвящение, а сокращение имени владельца – Αθ (ср. № 60–61). См. и ниже № 67>.

65. (Без прориси). **Т 29:** на фр. дна чл. килика ΔΙ = Δι(ι) «Зевсу». <Это сокращение имени владельца Δι, см. выше № 60–61>.

66. (Рис. 2 -66a). **Т 30:** посвящение Диоскурида, сына Гефестиконта, Диоскурам. <Есть фото этой надписи (см. выше № 58), для полноты её воспроизведений прилагаем нашу прорись>.

67. (Рис. 2 -67, 67a). **Т 31:** на дне чл. килика Αθη(νᾶι) «Афине». <Это не посвящение, а сокращение имени владельца – Αθη (см. выше № 60–61). По керамической датировке А.А. Передольской, килик конца V – начала IV в. Для этого времени интересен вертикальный штришок внутри кружка теты: это промежуточная форма между полной вертикалью и точкой, которые употреблялись с VI в.>

68–71. (Без прорисей). **Т 32–35:** на доньях АП, ΔН, ΔΙΟ, ΗΡ – посвящения Аполлону, Деметре, Дионису, Гераклу / Гере. <Все это сокращения имён владельцев посуды: Απ, Δη, Διο, Ηρ (см. № 60–61)>.

72–73. (Без прорисей). 72 = **Т 44:** дно чл. килика V в. с граффито по кругу Ἑρμῆω Εὐρησιβῖο «Гермес, сына Евресибия», с пояснением: «подразумевается “посвятительный дар” (ἀνάθημα). Мужское имя Гермес засвидетельствовано боспорской большой эпиграфикой: IOSPE, указатели». {72. Л. Дюбуа, отметив, что личного имени Гермес в V в. еще не было, поставил посередине запятую и счёл надпись посвящением Гермесу да некоему герою Евресибию (Dubois 1996: № 12). Но мы отметили, что граффито написано на дне, где обычно размещаются владельческие надписи, ольвийские же посвящения Гермесу делались на венчиках столовых сосудов или на их внутренней поверхности (см. ГОП: 68–72); по этой причине интерпретация Толстого казалась нам точнее (ОХБ: 487). Дюбуа прав, что ссылка Толстого на лапидарную эпиграфику некорректна, ибо теоним Ἑρμῆς стал употребляться в качестве личного имени лишь в римское время (к примеру, в регионе LGPN IV: 124–125). По этой причине Ἑρμῆω надписи теоним, так что граффито сакральное. Это редкий тип вотивной формулы, включающей теоним и имя дарителя равным образом в род. падеже (обычная формула строится на дат. падеже теонима и род. падеже дарителя). Примером служит надпись III в. на целом канфаре из Керчи: Ἡρακλέους· Καλλονίκου «канфар Геракла; от Каллоника» (Яйленко 2006: 392–393, № 35). Эта параллель позволяет думать, что в ольвийском граффито между именами следует ставить колон: Ἑρμῆω· Εὐρησιβῖο «килик Гермеса, от Евресибия». С V в. в Ольвии известен правящий олигархический род Евресибиевых, и этот Евресибий – самый ранний его представитель (ОХБ: 486–487). № 73 = Толстой, № 50. Из Ольвии происходит и другое донце чл. чаши с остатком владельческого граффито – ΣΙΒΙΟΥ, которое Толстой понимал двояко – как [Εὐρη]σιβίου, «или, что более вероятно, [Σω]σιβίου». Обширность рода Евресибиадов, напротив, склоняет к первому чтению.

А.А. Передольская отнесла чашу к IV в.; судя по письму и окончанию род. падежа -ου, это вторая половина века (в первой пол. IV в. употреблялась графема -ō, см. ОХБ, с. 347, 362).

74. (Рис. 2 -74, 74a). **Т 49:** на фр. стенки чл. лекифа [Λάμ]πρου «Лампра». <По нашей прориси видно, что сохранилась правая половина буквы Π, так что чтение Толстого справедливо (на прориси Билимович тут показан уголок: Λ). По мысли Толстого, это владельческая надпись, однако личные имена на стенках и венчиках, как правило, принадлежат посвятителем, обычная формула включает дат. падеж теонима и род. падеж посвятителя¹⁵. По этой причине данное граффито посвятельное>.

75. (Рис. 2 -75, 75a). **Т 53:** на (дне) чл. килика Ἡγούτος, имя «Гегут». <Ладислав Згуста справедливо заметил, что тут Ἡγούτος – род. падеж имени Ἡγους (Zgusta 1954: 213–215)¹⁶. Согласно А.А. Передольской, дата IV в., однако точное написание омикрона указывает, что надпись не ранее III в.>

76. (Рис. 2 -76, 76a). **Т 59:** на обломке подставки чл. килика VI в. надписи снаружи и изнутри. Снаружи 6 непонятных знаков, далее ясно читаются начальные буквы алфавита ΑΒΓΔ; на внутренней стороне знаки, напоминающие буквы. {Д. Джордан правильно указал, что слева от альфы ретроградно следует продолжение алфавитного ряда: ΘΚΛΝΜ (Jordan 1978: 160, № 4). Однако вместо его капши невероятной формы (ΙϚ) надо читать следующую за тетой иоту, и далее стоящее не на своём месте вау: Ϛ (Ν и Μ тоже перепутаны местами). Итак, в целом ряд таков: ΑΒΓΔ ← ΘΙϚΛΝΜ. Под гаммой и дельтой второй строкой начертаны знаки двух драхм (Ϡ Ϡ) и косая линия; по идее, тут должны быть ΕϚΖΗ¹⁷, может быть, их ученик и имел в виду, но изобразил неловко. Д. Джордан усмотрел тут два Τ, но напрасно, так как они ничего не означают в данном контексте, кроме того, денежная сумма указана и в надписи на обороте с участием той же буквы/цифры вау: Χ Ι Ϛ, т.е. 16 халков. Далее на обороте читаем ἦρχε – перфект 3 л. к ἄρχω, из значений которого «вести, начинать, править», возможно, имеется в виду «начал» – об алфавитном ряде (о себе ученик пишет в 3 лице – он). Поскольку надписи сделаны на обеих сторонах донца, это вторичное употребление с упражнением в алфавите и счетом денег. Сие ученическое упражнение древнейшее в Северном Причерноморье}.

77.* (Без прориси). **Т 60:** изображение волшебного ромба, см. № 238 из Пантикапея. <По Джордану (l. c.), рисунок не имеет магического смысла. Полагаем, отсылка Толстого к своему № 238, рисунок которого он превосходно прокомментировал, правомерна (Датирование: № 50)>.

78.* (Рис. 2 -78, 78a). **Т 62:** обломок стенки чл. килика IV в., в стк. 1–3 ясно читается асс. ρΙ. ἀμύν|τορα|Ϛ «защитников». <Остальные добавления текста Толстым совершенно произвольны, поэтому не приводим их. Надпись трудна для понимания. Д. Джордан (l. c.) не удовлетворился интерпретацией Толстого, поскольку она не основана на какой-либо параллели. В нашей интерпретации надпись застольная и стихотворная: Ε / ἀμυ[σιν] / τὸν β σκ(ύφον) / ἀνήρ ἀ[νέρι?] / δια[πίνει] «залпом эту чашу муж напротив мужа (?) осушает» (Яйленко 2020b: 491–492)>.

79. **Т 74:** на дне фр. чл. скифоса IV в. изнутри числовой знак γχι «три тысячи десять». <Столь громадные цифры не свойственны граффити Северного Причерноморья. Первая буква не Γ, а Π, ибо гамма со свесом на крае полочки (как в русском Г) появляется в поздней античности (Gardthausen 1913: taf. 1, cf. 2). Поскольку надпись сделана на внутренней стороне, это вторичное употребление, и догадка Толстого о цифровой записи наиболее вероятна. Читаем: ΠΧΙ «пять халков, обол»>.

¹⁵ Без глагола. Если с глаголом ἀνέθηκε, имя посвятителя в номинативе.

¹⁶ См. и указание Л. Робера: Bull. ép. 1958, № 48.

¹⁷ Вау изображалось также в виде F.

III. Заметки и поправки к ГЛБО I, II

ГЛБО – это наша большая публикация 1980 г. «Граффити Левки, Березани и Ольвии», часть надписей мы обработали в нескольких музеях, другие позаимствовали из ряда архивных документов. За прошедшее время у меня собралось некоторое число заметок и поправок к ряду этих надписей. Прилагаем в основном свои прорисы, авторы иных названы.

80. **ГЛБО I: 3** – Левка, метрическая надпись № 3а на круглом основании ножки от чл. килика V в.: Γλαῦκος, ἔσπλιν αἶδεο «Главк, остерегайся вплывать». Это вполне соответствующее подлиннику (он в ОАМ) чтение Штерна. Мы перечислили и другие переводы, которые отличаются нюансами – И.И. Толстого, Э. Миннза, М.И. Ростовцева (см. изложение их также у А.С. Русяевой: ГОП: 17). Добавим, что С.Р. Тохтасьев предложил вместо ἔσπλιν чтение императива ἔκπιν' «выпивай» (Виноградов, Тохтасьев 1998: 28, прим.), но на подлиннике вторая буква сигма, ни в коей мере её нельзя счесть каппой, потому чтение его мертворождённое. Типологически надпись понималась различно. По Штерну, Главк при плавании на Левку подвергся какой-то опасности и за спасение принес в дар сосуд со своей надписью, т.е. счёл её посвятительной (Штерн 1897: 169). Толстой видел смысл надписи в том, что Главк страшился въезда на остров, у него она вообще без типологии. По нашему мнению (ГЛБО I: 85), это «оракул, полученный Главком от покровителя моряков – обретающегося на Левке Ахилла, который имел свойство возвещать свою волю мореплавателям (Philostr. Her. XIX. 17–18)». Идею об оракуле святилища Ахилла на сем острове развил Л. Дюбуа в специальной заметке о надписях Главка; он также соединил её с известиями Арриана и Филострата о птицах – служителях Ахилла, указав на архаический характер мифа (Dubois 1995: 149–160); о птицах на Левке писали С.Б. Охотников, А.С. Островерхов (1993: 83–84). По Дюбуа, надпись с оракулом метрическая – трохаический каталектический диметр. Это не исключено, однако трактовка надписи из 2–3 слов как стихотворной всегда рискованна; мы отмечали, что известное краткое граффито с Березани μηδῆς με κλέψει «никто меня не украдет» может быть метрическим, но в каталог стихотворных надписей Ольвии и Березани VI–V вв. не включили её (Яйленко 2020b: 469). А.С. Русяева (ГОП: 17) обратила внимание на заключение С.Б. Охотникова и А.С. Островерхова (1993: 57), что это круглое основание прилежит не лекифу, как счёл первый издатель надписей Н.Н. Мурзакевич, но аттическому чл. килику конца VI – начала V в. Отметим, что по характеру письма граффито никак не может быть отнесено к позднему VI в. – это типичное начертание первой пол. V в., скорее раннего V в., как мы датировали его в ГЛБО.

81. **ГЛБО I: 10** – надпись на обломке края мраморного лутерия [ὁ δεῖνα] Χῖος ἀ[νέθηκε] «*такой-то, хиосец, посвятил*». В ГЛБО II (76, прим. к № 10) мы назвали еще один вариант – прочтение одного из многочисленных имён на -χιος, но отметили, что чтение этника Χῖος для Левки с её широко почитавшимся храмом покровителя мореплавателей Ахилла более органично; оно и вполне вписывается в стандартную формулу вотивов: имя, патронимик посвятителя (утрачены), этникон, глагол. Добавим, что формула эта представлена в посвящении некоего митиленца в Ольвии (ГЛБО II: № 79): [ὁ δεῖνα --]αίου Μυτιλήναιος ἀ[νέθηκεν] «*имярек, сын --ея, митиленец, посвятил*».

82. (Рис. 3 -82 = Толстой: № 75; рис. 3 -82а наша прорись). **ГЛБО I: 19**: на тулове фрагментированного чл. аска второй пол. V в. Λήναιος Ἀθ[ηναῖ ?] (наше чтение). Штерн, не ручаясь за верность, вычитал имя Δημαχομένο(υ) (Штерн 1901: 26, № 25), Толстой (№ 75), упустив публикацию Э.Р. Штерна, дал более точное прочтение имени: Ληναῖος ἀσ[κός] «Ленейский аск», предположив, что данный сосуд служил наградой на винопитии в праздник Ленеи. Однако последняя сохранная буква была круглой (у скола левая половина кружка), поэтому не может быть сигмой (лунарная её форма появляется позднее, во второй пол. IV в., а входит в обычный узу с III в.). Что это тета, правильно указал в рецензии на книгу Толстого Б.И. Надэль, по его

чтению, Ленею был афинянин: Ληναῖος Αθ[ηναῖος], sc. ἀνέθηκεν «Ленею афинянин *посвятил*» (Надэль 1955: 193). По какой-то причине надпись несколько раз перечеркнута (см. рис.), что подвигло Тохтасьева на саркастическую реплику: «Судя по всему, резчик, несомненно, очень нетрезвый, оказался не в состоянии дописать начатое; может быть, он хотел обозначить своё (?) отчество, скорее всего, какое-то имя на Ἀδο-» (Виноградов, Тохтасьев 1998: 186). В свою очередь это вызвало нашу не менее саркастическую оценку (ТБР: 189), изложим её кратко. Видимо, само имя Ленея, пахнущее вином (ср. КБН 117: [Λ]ηναίου [π]νεύοντα «дышащего вином», дословно «дышащего Ленеем») побудило С.Р. Тохтасьева к обвинению резчика в пьянстве, иных причин нет. С таким же успехом можно обвинить в пьянстве и других носителей этого популярного имени (LGPN IV: 210). Далее, имя и патронимик владельца обычно писались на доньях сосудов (ГЛБО I: 76), а эта на тулове, так что усматривать в буквах ΑΟ патронимик особых оснований нет. Обычно зачеркнуты магические надписи (Яйленко 1982: 227), и если учесть, что этот фрагмент аска найден в могиле, в нём можно видеть черную магию – имя проклинаемого зачерчено и зарыто в могилу (см. рекомендации магического папируса по такому использованию черепка: PGM II: 169 *etc.*). По этой причине теперь снимаем наше прежнее мнение, изложенное в ГЛБО, что это посвящение Афине, и переводим надпись в разряд магии. Соответствующим становится и понимание сохранившихся букв αθ-: это какое-то слово на θ- с отрицательным префиксом, дурно характеризующее Ленея, например, ἄθαπτος «непогребенный, недостойный погребения», ἄθλιος «жалкий, плохой» и пр.

83. (Рис. 3 -83). ГЛБО: 21 – амулет из камня с Березани позднего VI в. с надписью λίθῶ εἰμί «я принадлежу камню» на одной стороне и χαῖρε «прощай» на другой.¹⁸ Штерн (архивный материал) прочел надпись не вполне точно: ΛΙΘΟΣ ΕΙΜΙ (т.е. λίθος εἰμί «я камень»), на основании этого А.С. Русяева оспорила мое чтение, апеллируя к авторитету Штерна как филолога (Русяева 2006: 58–68). Но одной ссылки на чтение Штерна недостаточно, ибо, по известному заключению В.В. Латышева, он был слабым эпиграфистом¹⁹. даём здесь то же фото, что и в ГЛБО I: № 21, но в увеличении. На нём за последней буквой слова λίθῶ видны несколько взбуханий поверхности камня, даже не черточек. На превосходной фотографии фотоархива ЛОИА/ИИМК, с которой мы сделали это электронное воспроизведение, обсуждаемое место видно лучше: это такие же неровности поверхности, как всюду на диске. Часть их Штерн и принял за сигму²⁰. Маловероятна она и в аспекте содержания, ибо надпись на амулете λίθος εἰμί «я камень» ни о чем по существу не говорит, это просто констатация факта, что амулет сделан из камня; при этом теряет смысл и надпись на обороте χαῖρε «прощай», ибо получаемое содержание – «камень, прощай»²¹! Напротив, с род. падежом существительного надпись λίθῶ εἰμί имеет соответствующее

¹⁸ В ГЛБО II (76, прим. к березанскому № 21) мы дали добавление к комментарию в связи со спортивным каменным диском VI в. из Истрии, и заключили, что березанский диск скорее амулет, нежели диск для метания.

¹⁹ Еще один аргумент А.С. Русяевой – эпитафия римского времени из Дакии, в её переводе: «земля держит тело, камень – имя, душу, что лучше всего, воздух...», но ссылка её («Inscriptiile Daciei Romane. <1984>. Vol. III/3, № 173») неточна, да и поблизости от этого номера ничего такого мы не нашли. Что до содержания сей эпитафии, то оно никак не может повлиять на прочтение nom. λίθος или gen. λίθῶ на березанском амулете. Существо приведённой дакийской эпитафии отчасти перекликается с представлениями позднеантичного сочинения о камнях «Литика», которое вобрало в себя самые разные верования и магию римского времени.

²⁰ Будь это так, его сигма стала бы самой мелкой буквой надписи, – и с чего бы это? Три первые буквы слова λίθῶ крупные, последнее его Ο и ΕΙΜ на треть меньше; вторая иота слова εἰμί мелкая, такой по размеру была бы и сигма Штерна, но иота это простой прочерк, потому и может быть разной высоты.

²¹ Констатация изготовления из камня свойственна надписям иного свойства, например, на базе статуи VI в. с Наксоса: [τ]ῷ αὐτῷ λίθῶ ἐμὶ ἀνδριᾶς καὶ τὸ σφέλας «из того же самого (т.е. одного) камня сделаны статуя и постамент» (Jeffery 1969: 412, № 10).

амулету предназначение, о котором мы писали в ГЛБО: «данный амулет по виду магии носит целительный характер: у древних существовало представление о возможности перевода болезни с человека на предметы внешнего мира, в том числе камни» (даны примеры и ссылки на литературу). Таким образом, надпись на лицевой стороне «я принадлежу камню» может означать магический перевод болезни, порчи, несчастья на камень, на акт удаления которых с больного указывает заклинание χαῖρε «прощай», вырезанное на оборотной стороне». В ГЛБО мы датировали березанскую надпись по аналогиям третьей четвертью VI в., теперь несколько расширим дату – вторая половина VI в.

84. ГЛБО: 66: на донце чл. килика IV в. вкруговую Ἀφ[ρ]οδίτης ἡ κύλις «килик Афродиты» (подправим перевод: «этот килик принадлежит Афродите»). Возможно также, что граффито не посвятельное, а дарственная запись гетере, которым в соответствии с профессией давали прозвища Афродита (Pape, Benseleer 1884: 182, § 3). Размещение вотивов Афродите на дне сосуда представлено также в граффити с Березани (ГЛБО I: 15) и Ольвии (Толстой 1953: 25). К этому граффито обратились А.С. Русяева, О.И. Костюк, приложив фото надписи (2010: 56–59). По керамическим аналогиям с афинской Агоры они отнесли килик к последней четв. V в., полагая, что и шрифт надписи того же времени. Станным образом, в конечном счете они пришли к датировке надписи двумя последними десятилетиями V – первой четвертью IV в. Не соответствует правильным начертаниям букв и их мнение, что граффито-де сделано поспешно, у его автора не хватило терпения написать все буквы одинаково. Что до шрифта, то отметим, что он классический, из характерных для датировки букв присутствует лишь сигма, а она весьма красноречива – обе сигмы с горизонтальным нижним усом. Такая форма не свойственна лапидарной эпиграфике V в., но изредка встречается в малой эпиграфике позднего V в. (Датирование: рис. 43), частый её узус начинается в IV в. (Датирование: № 2), и особенно с III в. Самый ранний в Северном Причерноморье пример употребления такой сигмы в числе граффити – надпись с мыса Зюк, отнесенный издателями к рубежу V–IV вв. (Блаватская, Розов 1985: 119–123), нами – к первой половине IV в. (Датирование: № 2а). Какой вывод следует отсюда? Тот, о котором мы уже не раз писали для любителей ориентироваться на уваж Б. Спаркеса, Л. Толкот: эти авторы сами предостерегали читателя во введении, что их данные нельзя генерализировать, поскольку их стратиграфические наблюдения могут иметь элемент погрешности. Ровно так и в данном ольвийском случае – формальное сходство с киликами последней четв. V в. Агоры указывает лишь на то, что ольвийский килик **около** этого времени. И если по упомянутой сигме надпись на нём первой половины IV в., то аналоги с Агоры подсказывают, что это полустолетие надо сократить до первой четверти²². Также А.С. Русяева, О.И. Костюк решительно отвели мое предположение, что килик мог быть подарочным – гетере по имени Афродита. Поэтому добавим для сравнения подарочное граффито V в. гетере из Ольвии: Ἀναγόρης / Ἀναγόρη □ ἦι ποτε «кратер Анагоры; у Анагоры, о, пусть будет, наконец!» (Яйленко 2020b: 476–477).

85. (Рис. 3 -85). ГЛБО: 67а – на фр. стенки красноглиняной чашки или кувшинчика мы под вопросом прочли [Δι]ωνύσω[ι] «Дионису» (?). Однако букву у правого скола нельзя принять за W-образную омегу, которая свойственна эллинистическому и римскому времени. По этой причине, может быть, лучше читать ген. личного имени: [Δι]ωνυσ[ία]ς (?), т.е. «Дионисия» или fem. «Дионисии» (?), возможно, с подразумеваемым словом *дар, приношение*. Первая омега – гипернионизм вместо [Δι]ον- (о других гипернионизмах в надписях Ольвии, в т.ч. написание омеги вместо омикрона, см. ОХБ: 33, 42, 312, 317, 472), см. и выше № 34. В ГЛБО мы отнесли надпись к V в., но по угольчатой омеге это скорее IV в.

²² Так как килики были в среднем недолгого употребления (редко более десятилетия), то обыкновенно время их и надписей идентично.

86. ГЛБО: 68 – на чернофигурном килике 490–470 гг. из Ольвии посвятельная надпись скифа Игдампая Гермесу: Ἰγδαμπάιης: Ἑρμῆι. Под фотографией килика (скифоса) на с. 78 ошибочная подпись – «Посвящение Эминака» вместо «Посвящение Игдампая». Нашу датировку килика 490–470 годами подтвердила датировка его К.С. Горбуновой: первая четверть V в.; она уточнила форму сосуда – это скифос (Горбунова 1983: 174–175). По мнению В.И. Абаева, имя означает «хранитель закона / обычая» – из αὔδα «закон, обычай» и ра- «хранить» (ГЛБО II: 77–79, № 69). Об ошибочной попытке С.Р. Тохтасьева дать свою этимологию имени см. ТБР: 181–182 (здесь же об этимологии Ю.В. Откупщикова). С.В. Кулланда и Д.С. Раевский отметили, что в Ἰγδαμπάιης закон скифского языка о переходе d>l не действует ввиду стечения согласных (Кулланда, Раевский 2004: с. 91).

87. ГЛБО II: 73 – посвящение Клеэнета на дне килика V в. Κλεαίνιτός μὶ ἀνέθηκεν «Клеэнет меня посвятил». Тут в мене ε на ι (Κλεαίνιτός μὶ вместо нормативного Κλεαίνετός με) мы усмотрели ранний итацизм: эта мена «изредка встречается в ионийско-аттических надписях VI–V в.», со ссылкой на руководства по диалектам (Thumb, Scherer 1959: 308; Buck 1968: 21–23). Все это не устроило С.Р. Тохтасьева (1999: 189): Яйленко «неудовлетворительно прокомментировал неясные формы Κλεαίνιτός μὶ: конечно, ни о каком «раннем итацизме» в ионийско-аттических (?) надписях» не может быть и речи, неточны и его ссылки на диалектологические компендии». Вопрос о «раннем итацизме» мы разъяснили (ОХБ: 209–210, прим. 241): когда в древнегреческой диалектологии XIX в. появился термин «итацизм» (имелась в виду замена υ, η, ει, οι на ι в памятниках эллинистического и последующего времени), не было примеров написания ι вместо υ, ε в доэллинистическое время. Теперь несколько образцов VI–V вв. в Ольвии есть – в письме Ахиллодора, письме Апатурия, дарственной надписи, причем в письме Апатурия позднего VI в. как раз мена ε на ι: σισύλημαι вместо σεσύλημαι (ОХБ: 209, 210, 235, 337, 338). А что до замечания Тохтасьева, что мои ссылки на диалектологические компендии неточны, то это обычная уловка его критики – мне достаточно привести примеры с тех же страниц книг Тумба-Шерера и Бака с меной ε на ι: аттич. ἐστία, ионич. ἰστία, аттич. φερόμεναι при обычном φερόμεναι (у Тумба – Шерера есть примеры и на S. 328)²³. У филолога Л. Дюбуа (он профессиональный филолог, Тохтасьев же учился на историческом факультете) в очерке грамматики ольвийских надписей есть параграф об итацизме с примерами от V до III вв.; под ним он понимал мену ει – ι (Dubois 1996: 186). Мену же ε – ι в надписи Клеэнета он объяснил затвором (fermeture), т.е. закрытостью звука (Dubois 1996: 185). На первый взгляд, это более вероятное объяснение, нежели наш итацизм, ибо у ε, ι одинаковая фонологическая природа – как узкие гласные они обе закрытые. Но мы обратим внимание на распределение ε в надписи Клеэнета: подударное ε в имени Κλεαίνιτός и ударное в ἀνέθηκεν сохраняются, а постударные ε в Κλεαίνιτός μὶ преобразованы в ι. Отсюда следует, что природа этого преобразования связана с ударением: в имени Κλεαίνετός ударный дифтонг αῖ своим í-компонентом окрасил ε, стоящее в слабой постударной позиции, и оно перешло в ι – Κλεαίνιτός. Это новое ι в свою очередь повлияло на тоже постударное (хотя и в меньшей степени) με, отсюда написание Κλεαίνιτός μὶ. Следовательно, здесь в мене ε – ι играет свою роль близость обеих гласных как узких-закрытых, как счёл Дюбуа, но регулирует процесс положение ε относительно ударного слога.

А в паре σισύλημαι – σεσύλημαι письма Апатурия мена ε на ι такому объяснению не поддается, более того, тут ε в подударном положении и по аналогии с первым ε в Κλεαίνετός должно сохраняться. Нет и контекстуальных условий (τὰ χρήματα σισύλημαι ὑπ' Ἡρακλείδew). Полагаем, тут надо обратиться к бесспорному итацизму близкого по времени письма Ахиллодора (рубеж VI–V вв.) – μολίβδιον вместо μολύβδιον (ОХБ: 209). Оно означает, что в реальном произношении ольвиополитов рубежа VI–V вв. υ порой становилось узким и сближалось с ι. А

²³ См. наши замечания также в: Яйленко 2008: 578.

в паре σισύλημαι – σεσύλημαι как раз и представлено υ, которое в произношении явно имело признаки сужения, если предшествующее ε перешло в ι. Таким образом, природа мены ε – ι в живом языке Ольвии двояка: в Κλεαίνιτός μι фонетическая близость обеих гласных как узких и закрытых, также постударное положение; в σισύλημαι еще большая узость и закрытость υ (фонетически υ подобно немецкому ü, франц. u, англ. u:).

88. ГЛБО II: 78 – на фр. венчика чернофигурного стиля с изображением лебеда и оленя сокращение имени посвятителю Στο. Мы датировали надпись поздним VI в., но это мелкофигурный килик, следовательно, дата – третья четверть VI в.

89. ГЛБО II: 82 – фр. амфорной ручки с любовной приворотной надписью. Д.В. Журавлёв справедливо счёл, что это изделие олисбос (Журавлёв 2004: 135).

90. ГЛБО II: 85, № 2 – магическая надпись на обломке дна и подставки чл. килика V в. ||BNΔ|K BAPEX и прочее, мы дали адекватное чтение тут имени фрако-иллирийской богини Бендиды и иллюрийского слова bapex «баран, овца» (ему соответствует и схематическое изображение протомы барана): || B[ε]νδι βάρεχ κ-- «Бендиде баран». По нашему мнению, само название Ольвии воспроизводит иллюрийское слово alb «поселок»; после основания полиса в Нижнее Побужье стали переселяться из хинтерланда иллюрийцы в поисках более высокого стандарта жизни, некоторые даже встраивались в полисную элиту, как магистрат V в. Арих²⁴.

91. ГЛБО II: 87 – свинцовая пластина с наговором, издал В.В. Шкорпил, он и последующие учёные относили надпись к V в. Мы же отметили такие черты письма, которые указывают, что она не древнее первой половины или даже середины IV в. (Датирование: № 1 с детальными фотографиями).

92. (Рис. 3 -92). ГЛБО II: 88 – амулет V–IV в. с центральным изображением свастики, под нею два знака, похожие на буквы Α и Φ; по одной букве Α мы нелогично предположили связь амулета с почитанием Ахилла. Вторая буква Φ или тета, так что амулет обращен к Афродите или Афине.

92–93. ГЛБО II: 89а, 90а – поэтические тексты, см. о них: Яйленко 2020b: 463, 472.

94. (Рис. 3 -94). ГЛБО II: 99 – А.С. Коцевалов в неизданной статье упомянул найденное в Ольвии в 1912 г. граффито Μνήσιον «памятный». Теперь полагаем, что это граффито хранится в ОАМ (прилагаем прорись), так что оно не боспорское, как мы полагали ранее (ТБР: 110, прим. 8), а ольвийское, и на самом деле там читается имя владелицы Μιλησία «Милетянка». По письму III в., отсюда и аттическое окончание имени -α вместо ионийского -η.

95. ГЛБО II: 101 – на черепке сосуда желтого цвета имя-отчество «Аристон, сын Каллиника», II–I в., это черепок для голосования (архивные данные А.С. Коцевалова). Отметим справедливость сей догадки, так как при раскопках ольвийского дикастери найдено около полутысячи псефов, сделанных из стенок амфор, на некоторых нацарапаны или написаны краской имена (Леви 1985: 94–95). Ср. и примерно две сотни глиняных жетонов для подтверждения участия в народном собрании из эллинистической Мантинеи (IG. V, 2, № 323), также небольшое количество таких жетонов из классического Херсонеса (ОХБ: 757, с дальнейшими параллелями).

96. (Рис. 3 -96 = Толстой, № 61, рис. 3 -96а – наша прорись). ГЛБО II: 106 – на слегка фрагментированном дне чл. открытого сосуда запись в 6 строк, включающая сокращения слов, имён и денежные суммы в статерах и оболлах: ύσσ(ωπίτου) ἀ(μφορεὺς e. g.) ΣΣΗ | ἐπὶ | ΔΣΣΣΣ |³ e. g. Εὐξ(ένω) ύ(σσωπίτης) Σ, | Διοτί(μω) ύσσ(ωπίτης) ΠΣ Τρ Ε-- |⁵ e. g. Κί(μωνι) ύσσ(ωπίτης) \ «пряного вина амфора (или первого сорта и т. д.) – 102 статера / по 14 статеров; /³ Евксену пряное вино – статер, / Диогиму пряное вино – 5 статеров трюблион -- /⁵ Кимону пряное вино – обол». По письму – последняя четв. IV в.²⁵ Содержание граффито не просто для понимания²⁶. Полагаем,

²⁴ Подробней обо всем этом см. ОХБ: 23, 165, 278–280.

²⁵ Подробней о дате см. Датирование: № 13.

ключ даёт стк. 5, в конце которой бесспорные цифровые обозначения: одно Π с вписанной сигмой, т.е. «пять статеров», в другое вписан омикрон, т.е. «пять обол» (в ГЛБО мы ошибочно видели тут Τρ Ε-- , но для Τ слишком коротка левая часть полки). Фигурирующее в стк. 1 ΥСС, стк. 6 ΥС и в стк. 4–5 Υ – сокращение существительного, мы связали его со словом ὑσσώπιτης «вино в смеси с иссопом», которое упоминают авторы I в. н.э. Диоскорид, Плиний (LSJ, s. v.) и в VI в. н.э. медик Аэций. Ничего другого, что подходило бы для этого торгового (присутствуют суммы!) граффито греческая лексика не даёт²⁷. Это основа для трактовки надписи в целом: после преамбулы стк. 1–3 идут еще три строки (4–6), каждая из которых включает сокращения личного имени, слова иссопит и денежную сумму. Знаком сокращения имён в стк. 4–5 служит точка (не проставлена после Κι в стк. 6). Что до преамбулы, то теперь мы видим ошибочность нашего прежнего понимания стк. 1–3 ΣΣΗ | ἐπι | ΔΣΣΣΣ как «102 статера по 14 статеров», ибо, во-первых, цифра 102 статера при мелочности остальных цифр неуместна, так что ΣΣΗ – это «2 статера с половиной» (η = ἡμισυ); во-вторых, неправильно понято и ἐπι | ΔΣΣΣΣ: это не «по 14 статеров», а иная цифра: как, например, цифра χίλιοι ἐπὶ μυρίοις означает «одиннадцать тысяч», так ΣΣΗ | ἐπι | ΔΣΣΣΣ означает «16 с половиной статеров» (дословно «2 статера с половиной к 14 статерам»). Теперь надо шире разъяснить и чтение стк. 1. Предварительно отметим, что денежную единицу στατήρ автор граффито обозначает только классической формой сигмы (ξ), тогда как в сокращении слова ὑσσώπιτης пишет курсивную сигму в стк. 1 и 6 (в стк. 4–5 только Υ). Поэтому в стк. 1 ΥССΣΗ ясно различаются ὑσσ как сокращение слова и ΣΣΗ как сумма «два с половиной статера». При этом автор граффито дополнил первое Σ подписанной снизу альфой (вряд ли угольчатой бетой), смысл которой понятен при том, что речь ведется о вине с иссопом – это мера объема ἄ(μφορεύς) = 39,39 литров. Итак, цена почти 40 литров иссопита «16 с половиной статеров», т.е. 33 драхмы. Это немало; для сравнения, в Аттике IV в. метрет (39,5 л) вина шел за 12 и 20 драхм, на Делосе начала III в. шел за 11 драхм, нижняя цена 8 драхм (Jarde 1919: 913). Дело в том, что иссопит – привозной товар, по Диоскороду, самый лучший происходит из Киликии (Materia med. V, 40, 1), отсюда и его немалая цена. Обратим внимание и на нечастый в надписях прием счета в стк. 1–3: ΣΣΗ | ἐπι | ΔΣΣΣΣ, как сказано, дословно означает «2 статера с половиной к 14 статерам»: видимо, цена амфора 14 статеров, а «2 статера с половиной» – какая-то наценка. Наш обновленный текст:

ὑσσ(ωπίτου) ἄ(μφορεύς) ΣΣΗ | ἐπι | ΔΣΣΣΣ, |³ e. g. Εὐξ(ένω) ὑ(σσωπίτης) Σ, | Διοτί(μω)
ὑ(σσωπίτης) ΠΣ Πο, |⁵ e. g. Κί(μωνι) ὑ(σσωπίτης) \

«а(мфорея?) иссопита *стоит* 16 с половиной статеров. Евкс(ену) иссопита на статер; Диоти(му) иссопита на пять статеров, пять обол; Ки(мона) иссопита на обол».

Наклонную линию в последней строке можно принять за знак сокращения существительного, но поскольку при именах Евксена и Диотима указаны денежные суммы, скорее в наклонной черте \ после имени Ки(мона) следует видеть обозначение обол, так что ему продано иссопита на обол, самая малость²⁸. Иссопит был сладкой добавкой к вину (теперь его употреб-

²⁶ Издавший надпись Толстой (1953: № 61) счёл её «магическим заклятием, смысл которого трудно установить». Поскольку в ней фигурируют денежные суммы, это не заклятие и не магия вообще.

²⁷ Для контекста надписи маловероятны ὑσσός «копье» и глосса Фотия да «Большого этимологика» ὑσσακος как эквивалент слова πάσσαλος «кольшек, гвоздь; затычка; pudenda muliebria». Об ὑσσωπος – растении иссоп, см. далее.

²⁸ Вероятно, речь может идти и об иссопе (ὑσσωπος) – лекарственной, кулинарной, парфюмерной пряности (Янулевич 1997: 37, 38, 43, 52, 59, 82–83). Конечное ΣΗ стк. 1 можно понять в качестве сокращения слова στή(κωμ) «вес, стандартная мера», что соотнобразится с раскрытием буквы Α стк. 1 как ἄ(μφορεύς) – мера жидкостей или сыпучих тел. Такое раскрытие соответствует пониманию ΥС в качестве сокращения именно вина иссопита, а не иссопа.

ляют при изготовлении ликера Шартрез), применялся и в качестве лечебного средства – в смеси с вином и полынью от кашля, также для очищения кисты (Aët. Iatrica. VIII. 73).

97. (Рис. 3 -97 – ГЛБО II: 182; рис. 3 -97a – фото А.С. Русяевой, О.И. Костюк; 97б – моя прорись на карточке). **ГЛБО II: 182** – изнутри на дне большого, сильно изношенного чл. килика из Исторического музея Украины в Киеве, две надписи, они разного времени. Первая ΜΟΙΡΩΝΟ, прочерчена грубо, толстым резцом, ретроградно. Мы предложили два варианта её понимания: женское имя Μοιρώ (LGPN VA: 320) + сокращение другого имени Νο; либо имя Мойр: Μοιρῶν ὄ, sc. ποτήριον «этот *сосуд* – Мойр». «Другая надпись, идущая слева направо, прочерчена тоньше и включает буквы тау, дельта (омикрон?), далее неясные знаки, в том числе, может быть, капшу (поверхность здесь выщерблена) и окончание -ου, по которому эта надпись датируется временем не ранее V в.». В связи с новой реставрацией килика суждения о его надписях дали А.С. Русяева и И.О. Костюк, отметившие, что килик склеен из 22 фрагментов, а не целый, как счёл я (Русяева, Костюк 2010: 51–61)²⁹. По их словам, от второй надписи, показанной на моей прориси (см. рис. 3 -97), видно лишь Ο (ни Υ после Ο, ни букв перед Ο теперь нет), а перед Μ ретроградного ΜΟΙΡΩΝΟ они усмотрели остатки Ρ и Τ (см. рис. 3 -97a). Считая и эту надпись ретроградной, соавторы предложили чтение слова ὀδυρτ[ός] «жалкий, внушающий сожаление». В целом, полагают они, на килике первоначально было начертано имя владельца Μοίρων, затем, вероятно, при его захоронении кто-то дописал слово ὀδυρτ[ός], для окончания которого не хватило места. Увы, их прочтение обеих надписей не только предположительное, а и невозможное. Читая имя владельца Μοίρων, они упустили конечное Ο (ΜΟΙΡΩΝΟ). Имя они взяли из LGPN IV (р. 238), но там оно предположительно воссоздано по надписи на вазе IV в. Μοιρῶν-υου³⁰ и по нашему ΜΟΙΡΩΝΟ. Мы обратим внимание на близость этих обоих род. падежей – Μοιρῶν<υ>ου и Μοιρῶνῶ: в первом, как и положено для IV в., с флексией -ου, во втором, как и должно быть во второй половине VI в., -ῶ³¹. Отсюда номинативная форма одного и другого *Μοίρωνος³². А ὀδυρτ[ός] соавторов (конечно, должно быть показано ὀ[δυ]ρτ[ός]) с предположением, что кто-то дописал на кубке покойного своё сожаление по поводу его смерти, не более, чем фантазия дилетанта, ибо надпись надо понимать типовым образом – как владельческую или посвященную, дарственную и пр. Да и без этого их чтение фальсификат, поскольку основано на ложных данных новой реставрации. На месте показанных на моей прориси буквы Κ (или Ϸ) и уголка (<) на их фото большая гипсовая замазка (дано и отдельное фото этого черепка). На моей рабочей карточке, сделанной в музее, обсуждаемая часть поверхности килика описана так: «в этом месте лак сбит, но на глине остались проризы», т.е. черточки, в том числе остатки букв. А реставратор И.О. Костюк, явно для улучшения внешнего вида чаши (она экспони-

²⁹ По их словам, прежняя реставрация была неудачной – фрагменты плохо склеены, догипсованы и густо затонированы черной тушью. Поэтому ясно: когда я держал его в руках, швы не были видны под тушью, потому и счёл его целым. Тогда килик был в экспозиции, сведения о нём я почерпнул, видимо (точно уже не помню), из инвентарной записи № 3043: поступил в музей из коллекции С.А. Новикова; согласно записи на ножке, найден в Ольвии до 1911 г. Есть и другой инв. № Б1–110, карточки я не видел, Русяева, Костюк пишут, что в ней указано: килик найден Б.В. Фармаковским в 1911 г., поступил в музей из коллекции И.К. Суручана, склеен из десятка фрагментов. Причина сих противоречивых данных в инвентарных записях неясна.

³⁰ Видимо, найдена в Корокондаме (Шкорпил 1914: 57, № 179).

³¹ Форма Μοιρῶνυου смысла не имеет, поэтому исправление обосновано: резчик сначала написал υ вместо ου, затем добавил должное ου. Отсюда и наша правка Μοιρῶν<υ>ου.

³² У имени поэтессы из Византии Μοιρώ есть дублет Μυρώ (Pape, Benseler 1884: 964), поэтому можно думать, что ΜΟΙΡΩΝΟ на килике – вариант род. падежа имени Μύρων, gen. Μύρωνος. Однако в таком случае придется предположить, что не дописана конечная сигма, и это препятствует такому варианту понимания имени (да и переход οι – υ эллинистического времени). То же и с именем II в. до н. э. из Египта Μόρων, gen. Μόρωνος (Pape, Benseler 1884: 945; Preisigke 1925: 219).

руется в витрине музея), замазала гипсом глиняную поверхность с проризиями. После сей вивисекции утверждение соавторов, что прежняя реставрация плоха, остаётся на их совести, поскольку как раз прежний реставратор правильно затушевал швы в экспозиционной чаше, но оставил для учёных открытой поверхность с содраным лаком и следами надписи. Таким образом, все соображения соавторов об этой части надписи ложны, о чем красноречиво говорит и их фантазийное ὄδυστ[ός]. Иначе говоря, все, что изложено в ГЛБО об остатках букв справа от ΜΟΙΡΩΝΟ остаётся в силе, за исключением последнего справа V, см. и мою прорисовку на карточке с остатками букв (рис. 97б). Еще раз акцентируем внимание на заметной разнице в масштабах этих букв и ΜΟΙΡΩΝΟ, так что это две разные надписи. Итак, читая слева направо от Μ, первая буква T или I, за нею Δ или O, далее утрачены 2–3 буквы, последняя справа O или Ō. Эти остатки можно читать слева направо, как в ГЛБО, или справа налево, как А.С. Русяева и И.О. Костюк. Ввиду неясности текста можно лишь предположительно читать тут имя второго владельца: e.g. Το[ύκ]ῶ «*чаша Тука*»³³. К двум именам на дне чаши весьма кстати стих моей любимицы Марины Цветаевой: «И прильнув устами к чаше, / пей до дна, / и на дне увидишь наши / имена»³⁴.

98. ГЛБО II: 191 – на обломке дна чл. открытого сосуда III–II в. сокращение имени владельца Πτο, с лигатурой Π и T. Подобные лигатуры нередки в эллинистическое время, см., к примеру, такую же на дне пергамского сосуда (Syria 1978), материалы раскопок Ибн Хани.

ЛИТЕРАТУРА

- АГСП – Античные города Северного Причерноморья. М.; Л. 1955. Т. 1.
Белоусов 2020 – Белоусов А.В. 2020. *Корпус заклятий Понтийской Ольвии*. М. - 194 с.
Блаватская, Розов 1985 – Блаватская Т.В., Розов В.В. 1985. Граффити зенонитов. *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 115–137.
Болтунова, Книпович 1962 – Болтунова А.И., Книпович Т.Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* (3), 3–31.
Буйских 2006 – Буйских С.Б. 2006. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н.э. *БИ* (XI), 29–57.
Виноградов 1971 – Виноградов Ю.Г. 1971. Из истории архаической Ольвии. *СА* (2), 232–238.
Виноградов, Тохтасьев 1998 – Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. 1998. Новые посвятельные граффити из Мирмекия. *Hyperboreus* (IV/1), 22–47.
ГОП – Русяева А.С. 2010. «Граффити Ольвии Понтийской». Симферополь. - 288 с.
Горбунова 1983 – Горбунова К.С. 1983. *Чернофигурные аттические вазы Эрмитажа*. Л. - 222 с.
Датирование = Яйленко В.П. Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем. https://vk.com/wall-89387668_1694?api_access_key=a188826bfbde1618f1; <https://www.academia.edu/48906817>.
Емец 1995 – Емец И.А. 1995. Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти. *Эпиграфический вестник* (2), 40–60.
Журавл`в 2004 – Журавл`в Д.В. 2004. Olisbos из Пантикапея, или Еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье. *ДБ* (7), 129–149.
Кулланда, Раевский 2004 – Кулланда С.В., Раевский Д.С. 2004. Эминак в ряду владык Скифии. *ВДИ* (1), 79–95.
Леви 1985 – Леви Е.И. 1985. *Ольвия*. Л. - 152 с.
Надэль 1955 – Надэль Б.И. 1955. (Рец.): Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка* (14/2), 190–194.

³³ В Македонии есть имя II–III в. н.э. Τοῦκος (LGPN IV: 334). Примеров написания на сосуде имён двух владельцев предостаточно. Пример того же времени, что и чаша Мойрона, – на скифосе из родосского Ялиса (Jeffery 1969: 68, № 23).

³⁴ Стихотворение 1913 г., обращено к сестре Анастасии (Асе), подразумевается их совместная жизнь в родительском доме.

- ОХБ – Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. VII в. н.э.* СПб. - 1020 с.
- Охотников, Островерхов 1993 – Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1993. *Святылище Ахилла на острове Левке (Змеином).* Киев. - 140 с.
- Петрова 2000 – Петрова Э.Б. 2000. *Античная Феодосия.* Симферополь. 2000. - 261 с.
- Русяева 2006 – Русяева А.С. 2006. История изучения одного каменного изделия с Борисфена. *БИ* (XI), 58–68.
- Русяева, Костюк 2010 – Русяева А.С., Костюк И.О. 2010. Граффити на античных чернолаковых кіліках з Ольвії. *Археологія* (2), 51–61.
- ТБР – Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н.э.* М. - 740 с.
- Толстой 1953 – Толстой И.И. 1953. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья.* Л. - 154 с.
- Тохтасъев 1999 – Тохтасев С.Р. 1999. (Рец.): Laurent Dubois. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (École pratique des hautes études. Sciences historiques et philologiques III / Hautes études du monde gréco-romain 22)* Genève 1996. 208 pp. *Hyperboreus* (V/1), 164–192.
- Шкорпил 1914 – Шкорпил В.В. 1914. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. *ИАК* (56), 1–74.
- Штерн 1897 – Штерн Э.Р. 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. *ЗООИД* (20), 163–199.
- Штерн 1901 – Штерн Э.Р. 1901. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. *ЗООИД* (23), 1–32.
- Яйленко 1979 – Яйленко В.П. 1979. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея). *КСИА* (159), 53–60.
- Яйленко 1982 – Яйленко В.П. 1982. *Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. в эпиграфических источниках.* М. - 312 с.
- Яйленко 1996 – Яйленко В.П. 1996. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья. *История и культура древнего мира.* М., 175–222.
- Яйленко 2006 – Яйленко В.П. 2006. Посвятительные граффити Пантикапея и округи. *ДБ* (9), 340–413.
- Яйленко 2008 – Яйленко В.П. 2008. Критические заметки по эпиграфике и «искусствознанию» Северного Причерноморья. *ДБ* (12/2), 541–592.
- Яйленко 2013 – Яйленко В.П. 2013. *Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э.* М. - 347 с.
- Яйленко 2018 – Яйленко В.П. 2018. Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея. *ДБ* (22), 243–274.
- Яйленко 2019а – Яйленко В.П. 2019. Итоги развития и перспективные задачи эпиграфики античного Северного Причерноморья. *ДБ* (24), 618–654.
- Яйленко 2019б – Яйленко В.П. 2019. Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE P 188 из ОАМ. *БИ* (XXXIX), 117–209.
- Яйленко 2020а – Яйленко В.П. 2020. Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии. *ПИФК* (4), 24–40.
- Яйленко 2020б – Яйленко В.П. 2020. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* (25), 443–511.
- Яйленко 2021 – Яйленко В.П. 2021. Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Юго-Западном Крыму. *АВ* (33), 41–50.
- Янулевич 1997 – Янулевич М. 1997. *Традиционный домашний травник.* Минск. - 144 с.
- Buck 1968 – Buck C.D. 1968. *The Greek Dialects.* Chicago. - 373 p.
- Bull. ép.–Bulletin épigraphique, dans *Revue des études grecques.*
- Chistov 2019 – Chistov D. 2019. Investigations on Berezan Island in 2014–2018. *Hyperboreus* (25), 97–106.
- Diehl 1923 – Diehl E. 1923. Defixionum ostraca duo. *Latvijas universitātes raksti* (6). Riga, 225–231.
- Dubois 1995 – Dubois L. 1995. Oiseaux de Nostoi. *Poésie et lyrique antiques.* Lille, 149–160.
- Dubois 1996 – Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont.* Genève. - 208 p.
- Jarde 1919 – Jardé A. 1919. Vinum. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines* (5). P., 912–924.
- Jeffery 1969 – Jeffery L.H. 1969. *The Local Scripts of Archaic Greece.* Oxf. – 416 p. 71 pl.
- Jordan 1978 – Jordan D.R. 1978. A Graffito from Panticapaeum. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* (30), 159–163.
- Jully 1976 – Jully J.J. 1976. *Graffites sur vases attiques en Languedoc méditerranéen, Roussillon et Catalogne. Dialogues d'histoire ancienne* (2). Besançon, Paris, 53–74.
- Gardthausen 1913 – Gardthausen V. 1913. *Griechische Palaeographie.* Leipzig. Bd. 2. - 590 s.
- Pape, Benseler 1884 – Pape W., Benseler G.E. 1884. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* Braunschweig. - 887 s
- Preisigke 1925 – Preisigke F. 1925. *Namenbuch enthaltend alle griechischen, lsteinischen ... Menschennamen.* Heid. - 280 S.

Stern 1913 – Stern von E. Graffiti. *Philologus* (72), 546–548.

Syria 1978 – *Syria*. 1978. Т. 55. - 183 p.

Thumb, Scherer 1959 – Thumb A., Scherer A. 1959. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heid. Bd. 2. - XV. 436 s.

Zgusta 1954 – Zgusta L. 1954. Ad inscriptionem Olbiopolitanam Tolstoj 53. *Listy filologické* (77/2), 213–215.

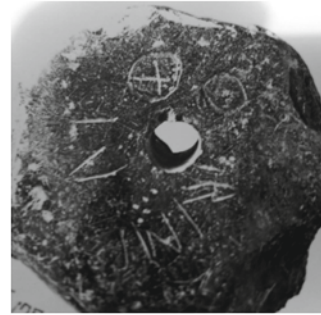

Рис. 2. Граффити Ольвии Понтийской (по: Толстой 1953)

ΚΙΛΑ(ΟΞΑΣ)
ΚΙΛΑ(ΟΞΑΣ)

82

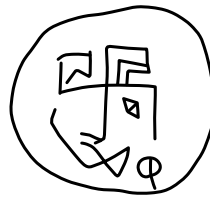
82a

83

ΚΙΛΙΝΣ

85

92

ΚΙΛΙΝΣ

94

ΥΣΑΞΗ
ΕΠΙ
ΔΣΣΣΣ
ΕΥΞΥ
ΔΙΟΤΙΥΔΤΡ
ΚΙΥΣ

96

97a

ΥΣΑΞΗ
ΕΠΙ
ΔΣΣΣΣ
ΕΥΞΥ
ΔΙΟΤΙΥΔΤΡ
ΚΙΥΣ

96a

ΟΥΩΔΙΟΜΤ ΦΒΖΧΥ

97

ΟΥΩΔΙΟΜΤ ΟΒΖΧΥ

97b

Рис. 3. Граффити Ольвии Понтийской (по: ГЛБО I, II)

Научное издание

«ОТ КАВКАЗА ДО ДУНАЯ»:
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ
Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова

ISBN 978-5-00207-045-9

Оформление обложки выполнено Н.Б. Чурековой
Оригинал-макет подготовлен Е.В. Кузнецовой,
М.Н. Растегаевой и Н.Б. Чурековой

Подписано в печать 26.08.2022. Формат 84×108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Candara, Palatino Linotype.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,08. Тираж 500 экз.
Заказа № 2798-22.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru